

КОЛИН МАККАЛОУ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ПО ВОЛЕ
СУДЬБЫ

Annotation

Их было двое. Два великих римлянина. Два выдающихся военачальника. Расширивший пределы государства, победивший во многих битвах Цезарь и Помпей Великий, очистивший Средиземное море от пиратов, отразивший угрозу Риму на Востоке.

Они были не только союзниками, но и родственниками. Но... жажда власти развела их по разные стороны и сделала врагами. Рим оказался на пороге новой Гражданской войны.

Силы противников равны. Все должно решиться по воле судьбы. Но прежде Цезарь должен будет перейти Рубикон.

- [Колин Маккалоу](#)
    - [СПИСОК КАРТ](#)
    - [БРИТАНИЯ](#)
    - [ДЛИННОВОЛОСАЯ ГАЛЛИЯ](#)
    - [РИМ](#)
    - [ИТАЛИЙСКАЯ ГАЛЛИЯ, ПРОВИНЦИЯ И ДЛИННОВОЛОСАЯ ГАЛЛИЯ](#)
    - [ДЛИННОВОЛОСАЯ ГАЛЛИЯ](#)
    - [РИМ](#)
    - [РУБИКОН](#)
      - [РИМ](#)
      - [РАВЕННА — АНКОНА](#)
      - [РИМ — КАМПАНИЯ](#)
      - [ЛАРИН — БРУНДИЗИЙ](#)
      - [БРУНДИЗИЙ — РИМ](#)
    - [ЗАПАД, ИТАЛИЯ И РИМ, ВОСТОК](#)
    - [ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА](#)
    - [СЛОВАРЬ-ГЛОССАРИЙ](#)
    - [СЛОВАРЬ ЛАТИНСКИХ ТЕРМИНОВ](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

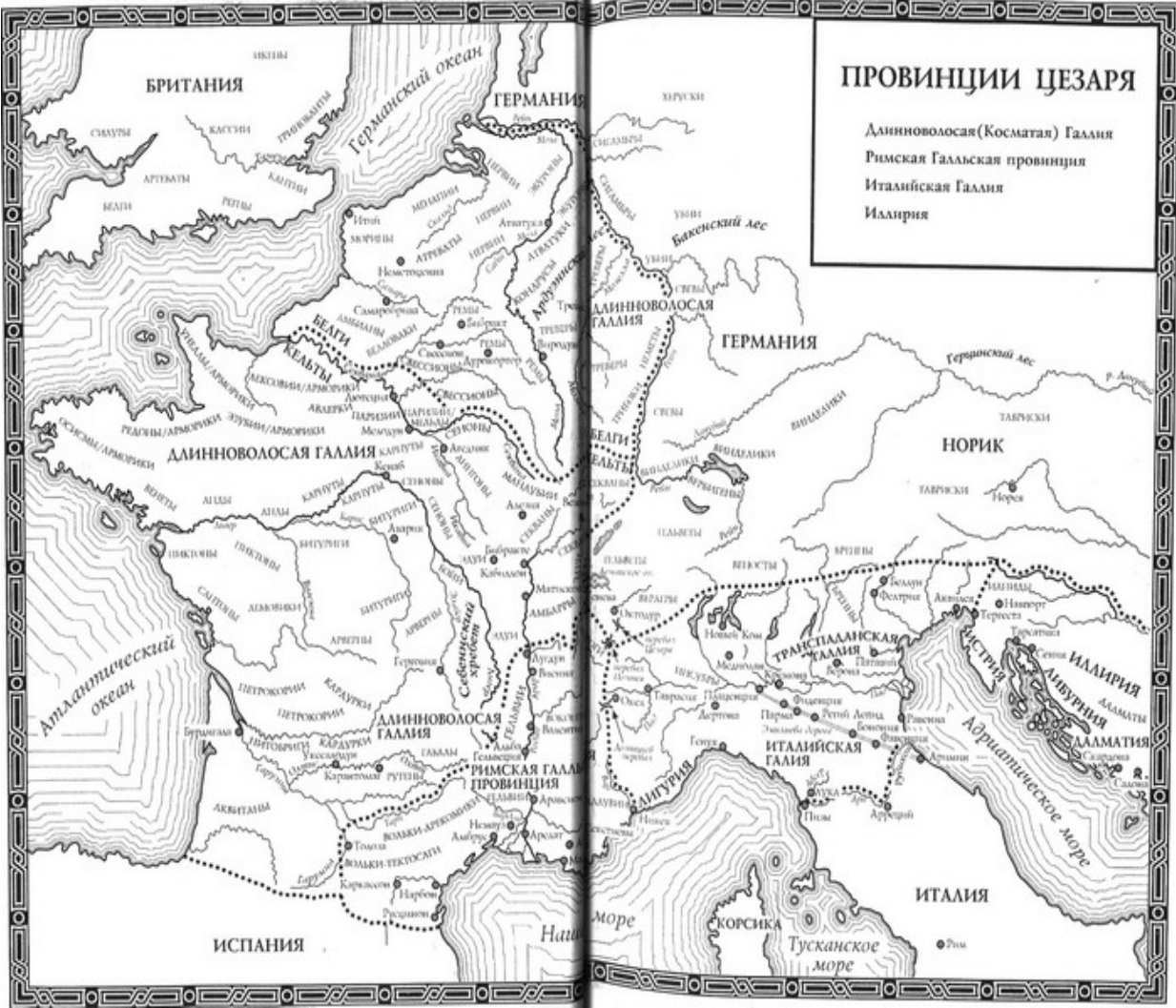
Приятного чтения!

Колин Маккалоу
«По воле судьбы»

*Посвящается
Джозефу Мерлино,
доброму, мудрому,
восприимчивому,
сердечному,
добродетельному,
истинно хорошему
человеку*

СПИСОК КАРТ

- Карта 1. Провинции Цезаря.
- Карта 2. Цезарь в Британии, 54 г. до н. э., и Галлии Белгике.
- Карта 3. Римский Форум.
- Карта 4. Красс на Востоке.
- Карта 5. Маршрут Цезаря и пятнадцатого легиона от Плаценции к Агединку с мартовских нон по апрельские иды.
- Карта 6. Цезарь и Верцингеториг, 52 г. до н. э.
- Карта 7. Аварик.
- Карта 8. Алезия.
- Карта 9. Изведанный Восток.
- Карта 10. Италия, 49 г. до н. э.
- Карта 11. Цезарь в Испании, 49 г. до н. э.
- Карта 12. Македония, Эпир, Греция, Эгнациева дорога, провинция Азия.
- Карта 13. Египет.

Карта 1. Провинции Цезаря.

БРИТАНИЯ

НОЯБРЬ 54 Г. ДО Р. Х

Гай Юлий Цезарь

Имелся приказ: пока Цезарь в Британии, никакой корреспонденции ему не пересылать, разве что в самых экстренных случаях. Даже директивам Сената следовало дожидаться в галльском порту Итий, когда генерал вернется из второго похода на самый западный в мире остров, столь же загадочный, как и находящаяся на востоке Серика.

Но это было письмо от Помпея Великого, зятя Цезаря и Первого Человека в Риме, поэтому Гай Требатий не стал класть маленький цилиндр из красной кожи с печатью Помпея в долгий ящик, а, вздохнув, тяжело поднялся на ноги. Двигаться резвее ему мешала полнота, свойственная тем, кто проводит все свое время за столом — письменным или обеденным. Открыв дверь, он вышел на улицу лагеря, построенного «на костях» прошлогоднего, но не ставшего от этого лучше. Ничуть! Те же прямые, хорошо утрамбованные улицы, те же бесконечные ряды деревянных строений. Есть даже пара лавчонок, а вот деревьев, например, вовсе нет.

«В Риме, — подумал он, ковыляя по *via principalis*, — я бы кликнул носильщиков». Но в лагерях Цезаря никаких носильщиков нет, и потому он, Гай Требатий, многообещающий молодой юрист, вынужден тащиться пешком, отдуваясь и проклиная систему, почему-то решившую, что для карьеры на каком-либо поприще много полезней солдатская бытность, чем привольная римская жизнь. Ему даже нельзя послать в порт кого-нибудь вместо себя. Цезарь считает, что человек

Должен сам выполнять свою работу, даже самую неблагодарную. Не дай бог, если перепоручение приведет к плохому результату.

О проклятье! Требатий уже хотел было повернуть назад, но потом сунул левую руку в складки тоги, принял важный вид и засеменил дальше. Впереди стоял Тит Лабиев. Прислонившись к стене своего дома и намотав на кулак конский повод, он разговаривал с каким-то крупным, увешанным золотом галлом. Это, похоже, был Литавик, новый командир эдуйских конников, назначенный на этот пост после попытки его предшественника сбежать в Британию. Кстати, предшественника убил именно Лабиев. Как там его звали? Думнориг. Думнориг? Кажется, это странное имя имеет отношение к скандалу, связанному с Цезарем и с некой женщиной? Требатий еще недостаточно долго пробыл в Галлии, чтобы во всем разбираться, вот в чем беда.

Это типично для Лабиева. Он любит якшаться с галлами. Ведь он и сам настоящий варвар! Не римлянин, нет! Густые курчавые черные волосы. Темная пористая кожа. Жесткий холодный взгляд черных глаз. А нос, как у семита, крючком, с ноздрями, словно специально расширенными ножом. Орел. Да, Лабиев, несомненно, орел. Но... не очень-то отвечающий римским стандартам.

— Решил скинуть жирок, а, Требатий? — спросил этот римлянин-варвар и улыбнулся, обнажая огромные зубы, точь-в-точь как у его кобылы.

— Иду в порт, — с достоинством ответил Требатий.

— Зачем?

«Не твоё дело», — хотелось ответить, но губы Требатия сложились в вымученную улыбку. В конце концов, в отсутствие главнокомандующего Лабиев его заменяет.

— Надеюсь еще застать баркас. И отправить письмо. Для Цезаря.

— От кого?

Галл Литавик внимательно слушал. Он знал латынь, что часто встречалось среди эдоев. Уже на протяжении нескольких поколений они были под властью Рима.

— От Гнея Помпея Магна.

— А-а!

Лабиев харкнул и сплюнул. Привычка, перенятая у варваров. Отвратительная привычка.

Услышав имя Помпея, Лабием сразу потерял интерес к разговору и повернулся к юристу спиной. Ну да, еще бы! Ведь у этого Лабиена была интрижка с Муцией Терцией, прежней супругой Помпея. Во всяком случае, так, хихикая, утверждал Цицерон. Но Муция после развода не вышла замуж за Лабиена: недостаточно хорош. Она вышла за молодого Скавра. По крайней мере, в то время он был еще молодым.

Тяжело дыша, Требатий продолжил путь, пока не вышел из ворот лагеря и не оказался в порту. Порт Итий. Претенциозное название для небольшого рыбацкого поселения. Кто знает, как его называют морины — галлы, на чьей территории он находится. Цезарь просто пришел сюда в солдатских сапогах, словно в конечный пункт путешествия — или исходный. Как хочешь, так и понимай.

Пот градом тек по спине, впитываясь в тонкую шерсть туники. Говорили, что в Галлии климат прохладный и мягкий. Но только не в этом году! Сейчас здесь очень жарко и очень влажно. Порт Итий пропах рыбой. И эти галлы. Требатий их ненавидел. Он ненавидел свою работу. И даже... нет, только не Цезаря. Цезаря ненавидеть нельзя. Но Цицерона возненавидеть готовность имелась. Ведь именно Цицерон, использовав все свое влияние, вытребовал эту должность для своего близкого друга, многообещающего молодого юриста Гая Требатия Тесты.

Этот порт ничуть не походил ни на одну из очаровательных маленьких деревушек, разбросанных по берегам Лигурийского моря, с их тенистыми виноградниками, множеством винных лавчонок и укладом жизни, который не менялся со времен царя Энея, тысячу лет назад сошедшего там со своего троянского корабля. Песни, смех, интимная атмосфера. А здесь только ветер с песком, колючие травы на дюнах да пронзительные вопли тысяч и тысяч чаек.

Баркас, хвала всем богам, еще не ушел. Его команда, состоящая сплошь из римлян, грузила на борт последние кеги гвоздей — единственный груз, который эта посудина должна была доставить, а точнее, единственный, который позволяли вместить ее размеры.

Ибо в Британии знаменитое везение Цезаря почему-то сошло на нет. Второй год подряд его суда терпели крушение в штормах, с какими бури Нашего моря не могли и сравниться. Правда, на этот раз Цезарь был уверен, что завел свои восемьсот кораблей в безопасное место. Но ветра и приливы подхватывали их и разбрасывали, как игрушки, круша

и ломая. Однако Цезарь есть Цезарь. Он не раздражался тирадами, не бесновался, не проклинал злокозненную стихию. Вместо этого он вновь и вновь собирал из обломков свой флот. Отсюда и гвозди. Миллионы гвоздей. Нет ни времени, ни опытных кораблестроителей, а армия до зимы должна вернуться в Галлию.

«Скрепляйте, что можно, гвоздями! — сказал Цезарь. — Все, что требуется от этих посудин, — проплыть тридцать с небольшим миль по Атлантическому океану. А потом пускай тонут. Мне наплевать!»

Потому-то баркас и курсировал между Италией и Британией, увозя гвозди и привозя корреспонденцию.

«Я тоже мог бы быть там», — сказал себе Требатий и вздрогнул, несмотря на одуряющую духоту. Нуждаясь в хорошем канцелярском работнике, Цезарь внес его в списки своей экспедиции. Но в последний момент вдруг вызвался поехать Авл Гиртий, да хранят его боги! После этого порт Итий стал местом заключения для Гая Требатия, но лучше уж так, чем как-то еще.

Сегодня баркас увозил вдобавок и пассажира. Требатий знал, кто таков этот галл (или, скорее, британ), поскольку сам вместе с Трогом организовал его отправку на остров — в безумной спешке, как и всегда. На носу утлого с виду весельного суденышка восседал Мандубракий, царь британских тринобантов, которого Цезарь возвращал этому племени в обмен на содействие. Голубой белг жуткого вида. Весь в чем-то мутно-голубом и болотно-зеленом, под стать разрисованной причудливыми узорами коже. Цезарь говорил, что таким образом бритты сливаются со своими лесами. Чтобы в чаще оставаться незримыми, а на поле сражения — внушать врагам страх.

Требатий передал маленький красный футлярчик с печатью старшему римлянину (капитану, или как его там?) и двинулся в обратный путь. Рот его тут же наполнился сладкой слюной. На обед сегодня жареный гусь. Мало что можно сказать хорошего о моринах, но гуси у них удивительно хороши. Возможно, даже лучшие в мире. Они не только кормят этих красавцев улитками с хлебом и поят вином, но также знают, когда резать птицу, чтобы мясо ее было нежнейшим и таяло во рту.

Гребцы баркаса, по восемь человек с каждого борта, гребли без усталости, слаженно, хотя никто не отбивал им ритм. Через каждый час они отдыхали, пили воду, потом опять сгибали спины, упираясь ногами

в выступы на дне лодки. Их капитан сидел на корме при рулевом весле и ведре для откачки воды, сноровисто уделяя внимание то тому, то другому.

По мере приближения высоких, поразительно белых утесов Британии царь Мандубракий, чопорно и гордо восседавший на носу судна, на глазах делался все спесивей. Он возвращался домой, отдаляясь от белгской крепости Самаробривы, главного города амбианов, где его держали с другими заложниками, пока Цезарь решал, как с ними быть.

Римская экспедиционная армия, посланная в Британию, занимала длинную прибрежную полосу, которая дальше переходила в болота кантиев. Поломанные корабли — как же их много! — стояли на границе песка и воды, подпертые стойками и окруженные римским полевым лагерем для надежной охраны. Рвы, стены, частоколы, брустверы, башни, редуты протянулись, казалось, на много миль.

Начальник лагеря Квинт Атрий ждал, чтобы получить царя Мандубракия, груз гвоздей и маленький красный цилиндр от Помпея. До захода солнца было еще несколько часов. В этой части света солнечная колесница двигалась намного медленнее, чем в Италии. На берегу ждали несколько тринобантов, бурно радуясь, что вскоре увидят своего повелителя. Когда тот сошел на песок, они принялись хлопать его по спине и, как это у них принято, целовать в губы. Квинт Атрий решил не мешкая отправить письмо Помпея адресату, ибо до Цезаря было дня три пути. Привели коней. Тринобанты и римский префект кавалерии поскакали к северным воротам, где их ждали пятьсот конных эдуров. Они поместили царя и его свиту в центр колонны, а префект пришпорил коня, чтобы возглавить колонну и заодно дать тринобантам поговорить без помех.

— У меня нет уверенности, что они не знают языков, близких нашему, — сказал Мандубракий, с наслаждением вдыхая горячий и влажный воздух, пахнувший родным домом. — Они могут понимать, о чем мы говорим.

— Цезарь и Трог понимают, другие — нет, — ответил его двоюродный брат Тринобеллун.

— Я не уверен, — повторил царь. — Они обретаются в Галлии около пяти лет, и в основном среди белгов. Пользуются их женщинами.

— Шлюхами!

— Женщины всегда женщины. Они без умолку болтают, а слова оседают в памяти.

Они въехали в большой лес, дубовый и буковый. Кроны деревьев сошлись над дорогой. Конники напряглись, вскинули копья, проверили сабли и передвинули на грудь круглые маленькие щиты. Через какое-то время колонна вышла на открытое место, расчищенное под пашню и покрытое пшеничной стерней. Обуглившиеся остовы двух-трех домов резко выделялись на рыжевато-коричневом фоне.

— Зерно собрали римляне? — спросил Мандубракий.

— На землях кантиев — да.

— А у Кассивелауна?

— Он сжег все, что не смог собрать. К северу от Тамезы римляне голодали.

— А мы как питались?

— Нам было достаточно. Римляне платили за все, что брали.

— Тогда нам надо узнать, какие запасы у Кассивелауна, есть ли у них еще пища.

Тринобеллун повернул голову. Голубые спирали на лице его и на торсе словно бы загорелись в закатных лучах.

— Мы обещали помочь Цезарю ради твоего возвращения, но он — наш враг, и чести в том нет. Мы согласились между собой, что решать должен ты, Мандубракий.

Царь тринобантов засмеялся.

— Конечно, мы поможем Цезарю! У кассиев много земли и скота. Все это будет нашим, когда Кассивелаун падет. Римляне думают, что используют нас, но это мы используем римлян.

Тут вернулся префект. Конь под ним нервно плясал и прядал ушами.

— Недалеко отсюда находится оставленный Цезарем лагерь, — сообщил он, старательно выговаривая слова на языке атребатов, кельтской народности в Галлии Бел гике.

Мандубракий, вскинув брови, посмотрел на сородича.

— Что я тебе говорил?

Он обратился к римлянину.

— Лагерь цел?

— Абсолютно цел, до самой Тамезы.

Тамеза — большая река, глубокая и широкая, с сильным течением. Однако имелось одно место, где ее можно было перейти вброд. На северном берегу начинались земли кассиев, но никто из них не защищал сейчас ни переправу, ни выжженные поля. Перейдя Тамезу на рассвете, колонна продолжила путь по неровной местности, где холмы поросли деревьями, а низины были распаханы или использовались как пастбища для скота. Потом конники свернули на северо-восток и миль через сорок вступили во владения тринобантов, где на межевой плоской возвышенности стоял лагерь Цезаря, последний бастион Рима на чужой стороне.

Мандубракий никогда прежде не видел великого человека, хотя был взят в заложники по его повелению. Когда его привезли в амбианскую Самаробриву, Цезарь уже убыл в Заальпийскую Галлию, а потом перебрался в порт Итий с намерением тут же отплыть. Лето обещало быть необычайно жарким — хороший знак для перехода через предательский пролив. Но все пошло наперекор плану. Треверы, племя в кельтской Галлии, делали попытки к примирению с германцами, жившими по ту сторону Рейна, и два их властителя, два вергобрета, пребывали в раздоре. Один, Цингеториг, считал, что выгоднее подчиниться диктату Рима, а другой, Индутиомар, полагал, что надо поднять мятеж при поддержке германцев. Тут появился Цезарь с четырьмя легионами, двигаясь, как всегда, быстрее, чем любой галл мог поверить. О мятеже пришлось позабыть. Вергобретов заставили пожать руки друг другу. Цезарь взял еще заложников, включая сына Индутиомара, потом вернулся в порт Итий, подгоняемый шквалистым северо-западным ветром, дувшим без перерыва уже двадцать пять дней. Думнориг, предводитель эдуев, попытался сбежать, но поплатился жизнью. Так что в результате великий человек отбыл в Британию на два месяца позже намеченного срока, чем был весьма раздражен.

Хорошо знавшие его легаты понимали, что он еще не успокоился, но, когда он пришел, чтобы приветствовать Мандубракия, никто из тех, кто ежедневно общался с ним, даже не заподозрил бы этого. Очень высокий для римлянина, Цезарь был одного роста с царем, но отличался от него сухощавостью и рельефностью мускулатуры, особенно на ногах (сильные ноги вообще были характерны для римлян, привычных к длительным переходам). Дополняла картину искусно изготовленная кожаная кираса и юбка из свисающих кожаных ремней.

Чресла великого человека опоясывал не меч или кинжал, а алый шарф — знак его высокого положения. А еще он был светловолосым, как галл! Его редкие бледно-золотистые волосы, зачесанные с затылка на лоб, чуть вились. Брови, тоже бледные, контрастировали с обветренной, цвета старого пергамента, кожей. Губы чувственные, капризные. Нос длинный, с горбинкой. Но больше всего говорили о нем глаза, бледно-голубые, с тонкими черными ободками. Взгляд их был пронизывающим, не столько холодным, сколько всеведущим. Царь подумал, что Цезарь отлично знает, почему выбрал именно тринобантов.

— Я не скажу тебе: добро пожаловать на твою собственную землю, Мандубракий, — произнес Цезарь на хорошем языке атребатов, — но надеюсь, что это скажешь мне ты.

— С радостью, Гай Юлий.

Великий человек засмеялся, демонстрируя хорошие зубы.

— Нет, просто Цезарь, — поправил он. — Все знают меня как Цезаря.

Вдруг возле него возник Коммий. Он широко улыбнулся Мандубракию, подошел к нему, обнял, похлопал. Но когда полез с поцелуями, Мандубракий слегка отстранился. Червь! Римская кукла! Собачка Цезаря. Царь атребатов, предавший Галлию! Рыщет всюду, выполняя приказы врага. Сдал, кстати, и его, Мандубракия. И неустанно хлопочет, сея разногласия среди британских царей и обеспечивая Цезарю необходимую поддержку.

Префект кавалерии, воспользовавшись заминкой, протянул Цезарю небольшой красный футляр, который капитан баркаса передал ему с таким почтением, словно это был подарок римских богов.

— От Гая Требатия, — сказал он, отсалютовал и отступил, не сводя преданных глаз с лица генерала.

«Клянусь Дагдой, они и впрямь любят его», — с удивлением подумал Мандубракий. Значит, правда все то, что болтали в Самаробриве. Они, как один, умрут за него. Он знает об этом и использует это. Потому он и улыбнулся префекту и назвал, как друга, по имени. Тот теперь никогда этого не забудет. И будет рассказывать своим внукам, если, конечно, доживет до их появления. Но Коммий не любит Цезаря. И не только потому, что ни один длинноволосый галл не может его любить. Единственный человек, которого любит Коммий, —

это он сам. Чего же тогда добивается Коммий? Стать главным царем в Галлии, как только Цезарь вернется в Рим?

— Позднее мы пообедаем вместе и поговорим, Мандубракий, — сказал Цезарь, вскинув в прощальном жесте руку с письмом, после чего повернулся и направился к кожаному шатру, стоящему на искусственном возвышении и увенчанному алым флагом.

Обстановка внутри шатра мало чем отличалась от обстановки в жилище самого младшего из военных трибунов: складные стулья, складные столы, разборный стеллаж с отделениями для свитков. За одним столом сидел личный секретарь генерала Гай Фаберий, склонившись над кодексом. Кодексы были нововведением Цезаря, которому надоело, что свитки постоянно сворачиваются и приходится держать их обеими руками или ставить на них грузы. Он стал пользоваться листами бумаги Фанния, которые велел сшивать по левому краю, чтобы законченную работу можно было перелистать. Получавшиеся прошитые стопки он называл кодексами, уверяя, что они гораздо удобней, чем свитки. Для легкости чтения он разбил площадь каждого листа на три столбца, вместо того чтобы тянуть строку чуть ли не до обреза бумаги. Он задумал это для своих посланий в Сенат, всегда казавшийся ему сборищем полуграмотных недоумков. Мало-помалу кодексы стали преобладать в канцелярии Цезаря. Однако у кодексов был серьезный недостаток, который сводил на нет их способность заменить свитки: при многократном использовании листы отрывались и легко терялись.

За другим столом работал самый преданный клиент Цезаря, Авл Гиртий. Человек простого происхождения, но очень способный, Гиртий накрепко связал свою судьбу со звездой Цезаря. Невысокий, подвижный, он сочетал в себе любовь к бумажной работе с такой же любовью к сражениям и превратностям военной жизни. Гиртий ведал перепиской Цезаря с Римом, стараясь, чтобы тот знал обо всем, что там происходит, даже находясь в сорока милях к северу от реки Тамезы, на самом западном конце света.

Когда вошел генерал, писцы подняли головы, но не позволили себе улыбнуться. Патрон обычно пребывал в дурном настроении. Однако сейчас он улыбнулся им сам, указывая на красный футляр.

— Письмо от Помпея, — пояснил Цезарь, направляясь к единственному по-настоящему красивому предмету мебели в палатке — курульному креслу из слоновой кости, свидетельствующему о высоком положении его владельца.

— Ты и без того уже знаешь все последние новости, — заметил Гиртий с ответной улыбкой.

— Верно, — откликнулся Цезарь, ломая печать, — но у Помпея свой стиль, мне нравятся его письма. Он теперь не такой нахальный и необузданный, каким был до женитьбы на моей дочери, однако свой стиль сохранил.

Он сунул два пальца в футляр и вытащил свиток.

— О боги, да оно длинное! — воскликнул он и наклонился, чтобы поднять с деревянного пола упавший рулон бумаги. — Нет, оказывается, здесь два письма. — Цезарь заглянул в конец каждого рулончика и усмехнулся. — Одно написано в секстилии, другое в сентябре.

Сентябрьское письмо легло на стол, но и более раннее Цезарь не спешил читать. Полог шатра был откинут, и Цезарь застыл, глядя в залитый дневным светом проем.

«Что я делаю здесь, оспаривая право на владение несколькими полями пшеницы и стадом косматых быков у раскрашенного голубой краской реликта из стихов Гомера? У того, кто все еще катит на битву в колеснице, окруженный лающими мастифами, с арфистом, восхваляющим его в своих песнях?

Да, собственно, я это знаю. Мое *dignitas* возвратило меня сюда, ибо в прошлом году невежественные обитатели этой глухомани решили, что навсегда изгнали Гая Юлия Цезаря со своих берегов. И ликовали, думая, что одержали победу над Цезарем. Я вернулся только затем, чтобы показать им, что Цезарь непобедим. Я покину этот остров, лишь полностью подчинив себе Кассивелауна, и никогда сюда более не вернусь. Но они запомнят меня. Я дам их арфисту новые темы для песнопений: приход Рима, исчезновение колесниц на легендарном западе друидов. И я останусь в Галлии до тех пор, пока каждый длинноволосый ее обитатель не признает меня, а значит, и Рим своим повелителем. Ибо я — это Рим.

А мой зятек, хотя он и старше меня на шесть лет, никогда им не будет. Зорче сторожи свои ворота, дорогой Помпей Магн. Недолго тебе

осталось быть Первым Человеком в Риме. Цезарь идет».

Он выпрямился, чуть выдвинул правую ногу вперед, а левую завел за ножку курульного кресла и открыл письмо Помпея, помеченное секстилием.

Мне жаль, Цезарь, но я должен сказать тебе, что никаких признаков курульных выборов у нас нет и в помине. О, Рим, конечно, будет существовать и даже иметь какое-то правительство, поскольку нам удалось-таки выбрать несколько плебейских трибунов. Но это был цирк! Катон, как всегда, в него влез. Сначала он использовал свое положение претора, чтобы заблокировать плебейские выборы, потом строго предупредил своим истошным голосом, что лично проверит каждую табличку выборщика, брошенную в корзину, и, обнаружив малейшую подтасовку, тут же предаст виновного в ней суду. До смерти запугал всех кандидатов!

Конечно, все это произошло из-за договора, который мой идиот Меммий заключил с Агенобарбом. За всю историю наших консульских выборов, отмеченных взятками, не было так много взяток и так много людей, участвующих в этом! Цицерон шутит, что суммы, переходящие из рук в руки, так велики, что если брать с них проценты — от четырех до восьми, то можно набить казну доверху. Он не так уж неправ, наш шутник. Я думаю, Агенобарб, наблюдавший за выборами как консул (Аппий Клавдий, будучи патрицием, не может этого делать), теперь полагает, что он стал всесильным. А у него есть идея — сделать моего Меммия и Домиция Кальвина консулами в следующем году. И вообще вся эта шайка — Агенобарб, Катон и Бибул — спит и видит, как бы лишит тебя воинских полномочий, а заодно и провинций. Рыщут повсюду, вынюхивают, как собаки дерьмо. А имея своих

консулов и нескольких активных плебейских трибунов, им будет проще тебя доставать.

Ладно, сначала все-таки о Катоне. По мере того как шло время, начало казаться, что у нас не будет ни консулов, ни преторов, и все вдруг вспомнили, что нам нужны хотя бы трибуны от плебса. Я имею в виду, что Рим может как-то обойтись без старших магистратов. Пока существует Сенат, чтобы контролировать римский кошелек, и плебейские трибуны, чтобы проводить необходимые законы, кому нужны консулы и преторы? Разве что когда консулы ты или я. Это само собой разумеется.

Короче, кандидаты от плебса всей толпой пошли к Катону и умоляли, чтобы он снял свой запрет. Честно говоря, Цезарь, как он может это сделать? Но они не ограничились лишь просьбой. Катону было сделано предложение принять от каждого кандидата по полмиллиона сестерциев на хранение и лично проследить за ходом выборов. Если обнаружится, что какой-то кандидат сплутовал, то его залог останется у Катона как штраф. Очень довольный собой, Катон согласился. Но он слишком умен, чтобы взять деньги. Он заставил каждого дать ему расписку, чтобы они не могли обвинить его в присвоении чужих денег. Хитро обстряпано, да?

Наконец настал день голосования. На три рыночных интервала позднее. Катон вился над Римом, как ястреб. Ты должен признать, что нос его точь-в-точь походит на клюв! Он таки клюнул им одного кандидата, сняв бедолагу с дистанции и заграбастав оговоренный штраф. Вероятно, он думал, что все римляне упадут в обморок от его неподкупности, но... просчитался. Ничего подобного не случилось. Наоборот, лидеры низов теперь злы на него. Они говорят, что это неконституционно и недопустимо, когда кто-то превышает свои

полномочия и ведет себя как никем не назначенный надзиратель за ходом избирательного процесса.

Всадников, этих деловых людей, приводит в ярость даже упоминание о Катоне, а народ Рима считает его бесноватым за полуголый вид и постоянное похмелье. А ведь он как-никак претор суда по делам о вымогательстве! И судит людей, занимающих положение, достаточное, чтобы править провинцией. Например, таких как Скавр, нынешний муж моей бывшей жены, патриций древнейшего рода! Но как поступает Катон? Тянет и тянет с разбирательством, всегда слишком пьяный, чтобы председательствовать на заседании, а когда трезвеет, то появляется на людях босой, в тоге на голое тело и с выпученными глазами. Я понимаю, что на заре Республики мужчины не носили ни обуви, ни туник, но думаю, что карьеры с похмелья не делались даже тогда.

Кстати, Публий Клодий, вернувшись в апреле из поездки в Галатию, где он занимался сбором долгов, купил у Скавра дом за пятнадцать с половиной миллионов! Нынешние цены на недвижимость для меня столь же загадочны, как для весталки совокупление. Сегодня можно выложить полмиллиона за захудалую будку с ночным горшком. Но Скавру эти денежки пригодятся. Он обеднел, после того как, будучи эдилом, устроил игры, а когда попытался пополнить свой кошелек с помощью своей провинции, то угодил под суд. И под судом и пребудет, пока срок Катона не кончится, поскольку дела в суде Катона идут очень медленно.

А Публий Клодий просто сорит деньгами. Конечно, ему необходим новый дом, ведь Цицерон, перестроив свое обиталище, сделал его таким высоким, что закрыл вид из окон дома Публия Клодия. Так сказать, отомстил. Кстати, дворец Цицерона — памятник плохому вкусу. И при этом,

подумать только, он имел наглость сравнить небольшой чудненький особнячок, построенный мной возле моего же театра, со шлюпкой, пришвартованной к красавице-яхте!

Похоже, Клодий содрал-таки денежки с принца Брогитара. Собирать долги лично — это лучше всего. А я в его отсутствие получил передышку. Хотя сейчас мне полегче, чем раньше. Я ведь почти не надеялся выжить после твоего отбытия в Галлию, когда банды Клодия стали охотиться на меня. Я боялся выйти из дома. Но теперь даже не знаю, правильно ли поступил, наняв Милона, чтобы его уличные громилы окоротили бандитов врага. Милон приосанился и стал строить грандиозные планы. О, я знаю, он Анний, по крайней мере в результате усыновления, но все же непроходимый осел, годный только на то, чтобы таскать наковальни и мешки с песком.

Знаешь, что он удумал? Пришел и попросил меня поддержать его, когда он начнет выдвигать себя в консулы!

«Дорогой Милон, — ответил я, — я не могу этого сделать! Это означало бы публично признать, что ты и твои уличные банды работаете на меня!» Он сказал, что это действительно так, ну и что же? Я ответил резкостью и был вынужден указать ему на дверь.

Кстати, я рад, что Цицерону удалось обелить твоего Ватиния — как ни злился Катон, председательствующий в суде! Этот Катон, мне кажется, готов сойти в Аид и схватиться там с Цербером, если это поможет ему как-нибудь тебе навредить. Но это ладно, а странность в том, что и сам Цицерон ненавидел Ватиния и взялся его защищать лишь потому, что сильно тебе задолжал! Но после процесса с ними что-то произошло, и они оба теперь ходят на двух школьниц. Обнимаются,

держатся за руки, всегда и всюду вдвоем. Странная пара, но, правда, приятная и постоянно хихикающая. Оба подначивают друг друга, ибо оба умны и остры на язык.

Здесь у нас очень жаркое лето, никто такого не помнит. И нет дождей. Селяне страдают. Каждый изворачивается, как может, а потому немудрено, что жители Интерамны, решая проблему, соединили каналом болотистое озеро Велин с рекой Нар. Но беда в том, что, как только озеро опустело, высохла, представь себе, и Розея. Богатейшие пастбища Италии гибнут! Старый Аксий из Реаты пришел ко мне и потребовал, чтобы Сенат повелел жителям Интерамны засыпать прорытый канал. Так что я собираюсь поставить этот вопрос на ближайшем собрании и, если потребуется, настоять на принятии закона, запрещающего подобное своеволие. Мы с тобой люди военные и понимаем стратегическую важность Розеи. Где еще можно выращивать такое количество превосходнейших мулов для нужд римской армии? Засуха — это одно, а Розея — другое. Риму нужны мулы. Но Интерамна полна ослов.

А теперь — нечто странное. Только что умер Катулл...

Цезарь издал приглушенный возглас. Гиртий и Фаберий подняли головы, но тут же их опустили, взглянув на его лицо. Когда туман перед глазами рассеялся, Цезарь вернулся к письму.

Отец его сам пожелал сообщить тебе это и ждет твоего возвращения в Галлию, но я подумал, что тебе нужно знать. Возможно, беднягу подкосил разрыв с Клодией. Как Цицерон однажды назвал ее? «Медея с Палатина». Недурно. Но мне больше нравится «Клитемнестра по договорной цене». Интересно, правда ли, что она убила Целера в ванне? Так все говорят.

Я знаю, ты очень сердился на его злобные памфлеты о тебе, после того как ты назначил Мамурру твоим новым снабженцем. Обидно, конечно. Весь Рим хохотал! Даже Юлия позволила себе пару раз хихикнуть, когда их читала, а у тебя нет преданнее сторонника, чем твоя дочь. Она сказала, Катулл не может простить тебе, что ты очень плохого поэта оценил выше его. А также то, что служба Катулла легатом у моего племянника Меммия сделала еще тоньше его и без того тощий кошелек. Мне нужно было сказать ему, что Меммий скупее ануса рыбы. А ты даже к младшим своим трибунам, говорят, очень щедр.

Ну да, ну да, ты справился с ситуацией. Когда ты не справлялся? Тем более что отец его — твой близкий друг. Он послал за Катуллом. Катулл приехал в Верону. Отец сказал: «Помиришься с моим другом Цезарем». Катулл извинился, и ты его совершенно очаровал. Не знаю, как ты это делаешь. Юлия говорит, что это врожденное. Во всяком случае, когда Катулл вернулся в Рим, больше никаких памфлетов о Цезаре не появлялось. Но он изменился. Причем очень сильно. Я сам это видел, ведь Юлия хороводится с литераторами и драматургами. Должен сказать, мне они нравятся. Что до Катулла, то в нем словно что-то перегорело. Он казался усталым, печальным, но он не покончил с собой. А просто угас, как лампа, в которой кончилось масло...

Как лампа, в которой кончилось масло... Слова на бумаге снова слились в одно сплошное пятно. Цезарь был вынужден выждать, пока не уйдут подступившие к глазам слезы.

«Мне не следовало с ним встречаться. Он был так уязвим. Но он был хорошим сыном. И подчинился отцовской воле. Я думал, что проливаю бальзам на его раны, демонстрируя знание его стихов. Обед прошел так хорошо. Я оценил по достоинству его утонченность и ум. И все же мне не стоило этого делать. Волей-неволей я подавил его, убил в

нем дух. Но у меня не было выбора. Над Цезарем потешаться нельзя. Никому. Даже самому замечательному поэту в истории Рима. Он унизил мое *dignitas*, мой личный вклад в славу Рима. Потому что о его памфлетах еще не скоро забудут. Лучше бы он никогда вообще не упоминал моего имени, чем выставлять меня всеобщим посмешищем. Он унизил меня, сделал всеобщим посмешищем, его вирши забудут не скоро. И все из-за такого ничтожества, как Мамурра. Вздорный поэт и плохой человек. Но у него все задатки прекраснейшего снабженца. Так говорит Вентидий, погонщик мулов, приглядывающий за ним».

Слезы ушли. Логика восторжествовала. Он опять мог читать.

Хотелось бы мне сказать, что Юлия чувствует себя хорошо, но это не так. Я говорил ей, что детей нам не надо. У меня два сына от Муции. И еще дочка. Та сейчас расцвела, выскочив за Фауста Суллу. Он только-только стал членом Сената. Хороший юноша. Ничем не напоминает Суллу. Наверное, это неплохо.

Но у женщин есть этот пунктик. В смысле детей. Поэтому Юлия уже на шестом месяце. Так толком и не оправившись после ужасного выкидыша. Она сама как дитя! Каким сокровищем ты одарил меня, Цезарь. Я никогда не устану благодарить тебя. Никогда. И конечно, только ее здоровье заставило меня поменяться с Крассом провинциями. В Сирию я должен был бы отправиться сам. А Испаниями можно управлять и из Рима, через легатов. Афраний с Петреем абсолютно надежны, они даже пукнуть не осмелятся, пока я не разрешу.

А с Крассом на этот раз мы поладили много лучше, чем в первый срок нашего совместного консульства. Он сейчас в Сирии. Интересно бы знать, как у него там дела. Говорят, он выжал две тысячи талантов золотом из главного храма в Иерусалиме. Что можно сделать с человеком, чей нос буквально чует золото? Я в свое время был в этом храме, который привел меня в ужас. Даже если

бы в нем были собраны все сокровища мира, я ничего бы оттуда не взял.

Евреи официально прокляли Красса. И плебейский трибун Атей Капитон проклял его посреди Капенских ворот, когда Красс уезжал в прошлые ноябрьские иды. Капитон сел у него на пути и отказался сдвинуться с места. Я вынужден был приказать моим ликторам его увести. Хочу отметить, что Красс с большой легкостью настраивает людей против себя, совершенно не думая о последствиях. Уверен, что он не имеет представления, сколько хлопот ему могут доставить парфяне. Он все еще думает, что парфянский катафракт не страшнее армянского. А я видел рисунок. Человек и конь — оба покрыты железом с головы до ног. Брр!

На днях виделся с твоей матушкой. Она приходила к нам отобедать. Какая чудесная женщина! И не только по складу характера и уму. Она все еще поразительно хороша, хотя и призналась, что ей за семьдесят. А выглядит на сорок пять и ни на день старше. Понятно, от кого Юлия унаследовала свою красоту. Аврелия тоже обеспокоена состоянием своей внучки, хотя, как ты знаешь, ничуть не похожа на курицу квохтушку...

Цезарь вдруг засмеялся. Гиртий с Фабрием испуганно дернулись. Так весело генерал не смеялся уже давно.

— Послушайте-ка! — воскликнул он, оторвавшись от свитка. — Никто вам больше такого не сообщит!

Он склонил голову и начал читать вслух, быстро и без запинок, что нисколько не удивило его слушателей. Цезарь был единственным известным им человеком, способным с первого взгляда разбирать каракули любой сложности.

— «А теперь, — произнес он дрожащим от сдерживаемого смеха голосом, — я расскажу тебе о Катоне и Гортензии. Гортензий уже не так молод, как раньше, и стал повадками походить на Лукулла. Слишком много экзотической пищи, неразбавленного вина и странных приправ,

таких как анатолийский мак и африканские грибы. Да, мы все еще терпим его в судах, но как адвокат он давно уже миновал пик своего таланта. Кем бы он мог стать сейчас, приближаясь к семидесяти? Я помню, что он поздно стал претором и консулом, всего несколько лет назад. Он так и не простил мне, что я отложил его консульство на год, когда стал консулом в тридцать шесть лет. Как бы то ни было, Гортензий решил, что действия Катона на выборах трибунов были самой большой победой *mos maiorum* с тех пор, как Луций Юний Брут (почему мы всегда забываем Валерия?) сумел заложить основы Республики. Поэтому он нашел Катона и попросил руки его дочери Порции. Он заявил, что уже и не думал жениться после того, как Лутация умерла, но сам Юпитер Наилучший Величайший явился ему во сне и повелел породниться с Марком Катоном через брак. Естественно, Катон не мог согласиться после того шума, какой он поднял, когда я женился на Юлии, которой было семнадцать лет. А Порции нет и семнадцати. Кроме того, Катон всегда мечтал соединить ее со своим племянником Брутом. Я имею в виду, что Гортензий, конечно, богат, но его капиталы не могут сравниться с состоянием Брута, не так ли? Поэтому Катон сказал: нет, Гортензий не может жениться на Порции. Тогда Гортензий спросил, не может ли он жениться на одной из Домиций. Сколько у Агенобарба и сестрицы Катона безобразных прыщавых девиц с волосами цвета пылающей пакли? Две? Три? Четыре? Не имеет значения, потому что Катон и в этом случае сказал „нет“».

Цезарь поднял голову. Глаза его смеялись.

— Не знаю, чем кончилась эта история, но я, безусловно, заинтригован, — сказал Гиртий, широко улыбаясь ему.

— Я тоже не знаю, — откликнулся Цезарь. — Продолжим. «Итак, поддерживаемый рабами, Гортензий ушел, совершенно разбитый. Но наутро вернулся с блестящей идеей. Раз он не может жениться ни на Порции, ни на одной из Домиций, нельзя ли ему взять в супруги жену Катона?»

Гиртий ахнул.

— Марцию? Дочь Филиппа?

— Именно, — торжественно подтвердил Цезарь.

— Кажется, твоя племянница Атия замужем за Филиппом?

— Да. Филипп был близким другом первого мужа Атии, Гая Октавия. И когда кончился срок траура, он женился на ней. Но поскольку он взял ее с падчерицей, сыном и дочкой, то, мне кажется, расставание с Марцией не было для него чрезвычайной утратой. Он даже заметил, что, отдав ее за Катона, будет одной ногой стоять в моем лагере, а другой — в лагере boni, — пояснил Цезарь, вытирая выступившие от смеха слезы.

— Читай дальше, — попросил Гиртий. — Ты нас заинтриговал.

Цезарь продолжил:

— «И Катон сказал „да“! Честно, Цезарь, он согласился! Он согласился развестись с Марцией и выдать ее за Гортензия при условии, что Филипп тоже будет не против. И оба пошли к Филиппу, чтобы спросить, согласен ли тот на развод Катона с его дочерью, дабы та могла выйти замуж за Квинта Гортензия и осчастливить старика на весь его век. Филипп почесал подбородок и сказал „да“! При условии, что Катон самолично передаст свою жену новоявленному жениху. Все было обстряпано в один миг. Катон развелся с Марцией и присутствовал на свадебной церемонии. Весь Рим был потрясен! Каждый день приносит что-нибудь странное, но комбинация Катон — Марция — Гортензий — Филипп уникальна, следует это признать. Все — включая меня! — считают, что Гортензий отдал Катону и Филиппу половину своего состояния, хотя и тот и другой это решительно отрицают».

Цезарь положил свиток на колени и покачал головой.

— Бедная Марция, — тихо произнес Фаберий.

Цезарь удивленно посмотрел на него.

— Я бы так не сказал.

— Она, наверное, мегера, — предположил Гиртий.

— Нет, почему же, — возразил Цезарь, хмурясь. — Я видел ее, правда в детстве, когда ей было лет тринадцать-четырнадцать. Очень смуглая, как и все в той семье, но очень симпатичная. Приятная малышка, как выразились бы Юлия и моя мать. Очарованная Катонем, как позже писал мне Филипп. Я тогда торчал в Луке с Помпеем и Марком Крассом, отбиваясь от попыток отобрать у меня звание командующего. Она была помолвлена с Корнелием Лентулом, но тот умер. А тут после аннексии Кипра вернулся Катон с двумя тысячами сундуков золота и серебра, и Филипп — он был консулом в тот год — пригласил его на обед. Марция и Катон с первого взгляда влюбились

друг в друга. Катон попросил ее руки, что вызвало в семье легкое замешательство. Атия пришла в ужас, но Филипп, подумав, решил оседлать забор. То есть, будучи женатым на моей племяннице, стать еще тестем моего злейшего врага. — Цезарь пожал плечами. — Филипп выиграл.

— Наверное, Катон и Марция разлюбили друг друга, — предположил Гиртий.

— Нет. Явно нет. Иначе Рим не был бы потрясен.

— Тогда почему? — спросил Фаберий.

Цезарь усмехнулся особенной, неприятной усмешкой.

— Насколько я знаю Катона, он считает свою страсть к Марции слабостью.

— Бедный Катон! — сказал Фаберий.

Цезарь лишь хмыкнул и обратился к письму:

— «И это все, Цезарь. На данный момент. С сожалением услышал, что Квинт Лаберий Дур был убит, как только высадился в Британии. Какие великолепные отчеты ты нам присылаешь!»

Он положил на стол тут же свернувшийся свиток и взял в руки меньший, помеченный сентябрем. Развернул его и нахмурился. Некоторые слова были смазаны, словно на них пролили воду, прежде чем чернила впитались в папирус.

Атмосфера в комнате ощутимо переменилась, словно позднее солнце, все еще ярко светившее, внезапно зашло. Гиртий поднял голову, у него мурашки побежали по коже. Фаберий задрожал.

Цезарь был прежним, но словно окаменел. Застыли даже его глаза, прямого взгляда которых не мог вынести ни один человек.

— Оставьте меня, — сказал он очень ровно.

Не говоря ни слова, Гиртий с Фаберием встали и выскользнули из палатки, бросив прямо на рукописях свои перья, с которых стекали чернила.

О, Цезарь, как мне это перенести? Юлия умерла. Моя чудесная, красивая, нежная девочка умерла. Умерла в двадцать два года. Я закрыл ей глаза и положил золотой денарий на губы, чтобы Харон дал ей лучшее место в своей скорбной ладье.

Она умерла, пытаясь родить мне сына. На седьмом месяце — и никаких признаков того, что

что-то должно случиться. Разве что она была слишком слаба. Она никогда не жаловалась, но я-то видел. И у нее начались роды. Она родила. Мальчик на два дня пережил свою мать. Она умерла от потери крови. Ничто не могло остановить эту кровь. Ужасная смерть! Она не теряла сознания до последнего, просто слабела, бледнела, хотя была беляночкой от рождения. Все разговаривала со мной и с Аврелией. Вспоминала, чего не сделала, брала с меня слово, что я обо всем позабочусь. О всякой всячине, например, о необходимости проветрить зимние вещи. И все повторяла, как любит меня. И как любила — с самого детства. И какой счастливой я ее сделал. Она уверяла, что у нее ничего не болит. Как она могла говорить это, Цезарь? Я же сам причинил ей эту боль. Я и тощее, словно ободранное существо. Но я рад, что этот ребенок умер. Мир никогда не принял бы человека, в котором течет твоя и моя кровь. Он раздавил бы его, как таракана.

Она не оставляет меня. Я плачу и плачу, а слезы все не кончаются. Последним, из чего ушла ее жизнь, были глаза, такие огромные и голубые, полные любви. О, Цезарь, как мне быть дальше? Мы прожили вместе шесть стремительных лет. Я думал, что уйду первым. Мне и в голову не приходило, что все так скоро кончится. Шесть лет — это слишком мало. Малостью были бы даже и двадцать шесть лет. О, Цезарь, как же мне больно! Лучше бы это был я. Но она взяла с меня клятву беречься. Я обречен жить. Но как? Как я смогу жить без нее? Я ведь все помню! Как она выглядела, как говорила, как пахла, что чувствовала, как ела. Она, словно лира, звенит во мне и звенит.

Это нехорошо. Слезы застилают глаза, я не вижу бумаги. А я должен рассказать тебе все. Я знаю, тебе перешлют это письмо в Британию. Тебе все надо знать. И я пишу, стараясь быть спокойным.

Первым делом я попросил среднего сына твоего родственника Котты, Марка — он претор в этом году, — войти в Сенат с предложением устроить моей девочке государственные похороны. Но этот *mentula*, этот *cupnus* Агенобарб и слушать не захотел. А Катон поддакивал ему с курульного возвышения. Женщинам не полагаются государственные похороны. Позволить так похоронить мою Юлию — значит осквернить римскую государственность. Им пришлось держать меня, иначе я убил бы этого *verra* Агенобарба голыми руками. У меня до сих пор при мысли о нем сводит руки. Обычно Палата никогда не идет против воли старшего консула, но тут все вышло иначе. Палата почти единогласно проголосовала за предложение Марка.

У нее было все самое лучшее. Цезарь. Служащие похоронных контор действовали с любовью. Она была такая красивая, но обескровленная, как мел. И потому ей чуть подкрасили кожу. А волосы уложили так, как она любила, и закрепили отделанным самоцветами гребнем. Тем самым, что я подарил ей на двадцать второй день рождения. Восседающая на черно-золотых похоронных подушках, она казалась богиней. Не имелось никакой надобности прятать ее в тайник под носилками и выставлять на обозрение куклу. Я распорядился, чтобы облачение на ней было ее любимого цвета, цвета голубой лаванды. Именно в таком платье я впервые увидел ее.

Парад ее предков был внушительнее, чем у любого из римлян. В головной колеснице помещалась актриса Коринна с маской Юлии на лице. У Венеры Победительницы над моим театром лицо моей Юлии. Коринна тоже была обряжена в золотое платье Венеры. Мы никого не забыли — от первого консула из рода Юлиев до Квинта Марция

Рекса и Цинны. Сорок колесниц предков, в каждую впряжены черные, как обсидиан, лошади.

Я был там, хотя и не должен был пересекать померий и входить в город. Я уведомил ликторов тридцати курий, что на этот день принимаю на себя обязанности уполномоченного по зерну. Это разрешало мне пересечь священную границу до принятия моих провинций. Думаю, Агенобарб был напуган. Иначе бы он попытался воспрепятствовать мне.

Что его напугало? Отвечу: огромные толпы на Форуме. Цезарь, я никогда ничего подобного не видал. Даже на похоронах Суллы. Ведь тогда все пришли просто из любопытства, посмотреть, как хоронят Суллу. А в этот раз люди пришли, чтобы плакать. Тысячи тысяч римлян, в основном простых горожан. Аврелия говорит, это потому, что Юлия росла в Субуре, среди них, и они обожали ее. Так много евреев! Я не знал, что в Риме их столько. Длинные пейсы, курчавые бороды. Их нельзя ни с кем спутать. Я знаю, ты тоже рос среди них и всегда был к ним добр. Однако Аврелия утверждает, что они пришли ради Юлии, а не в угоду тебе.

Я попросил Сервия Сульпиция Руфа сказать прощальное, слово с ростры. Не знаю, кого бы предпочел ты сам. Но я не мог заставить себя просить о том Цицерона. О, он бы, конечно, сказал! Ради меня, если не ради тебя. Но вряд ли говорил бы от сердца. Он не может не играть на публику. А Сервий — искренний человек, патриций и лучший оратор, чем Цицерон, когда речь не идет о политике и подлогах.

Но все это не имеет значения. Прощальное слово сказано не было. Правда, от нашего дома до Форума все шло в соответствии с ритуалом. Сорок колесниц с предками были встречены в благоговейном молчании, слышен был только плач

тысяч, женщин. Но когда Юлию понесли мимо Регии к Нижнему Форуму, все ахнули, вскинулись, потом пронзительно закричали! Я меньше испугался, впервые услышав улюлюканье дикарей. Толпа хлынула к носилкам. Со всех сторон, разом. Никто не мог это остановить. Агенобарб и некоторые плебейские трибуны пытались, но их оттолкнули. Затем в центре площади стали сооружать погребальный костер. Люди бросали туда свои вещи: обувь, одежду, свитки, пергамент, все, что может гореть. Поленья передавали с задних рядов поверх голов — даже не знаю, откуда их брали.

Они сожгли ее прямо на Римском Форуме. Агенобарба, стоящего на ступенях Сената, едва не хватил удар. А бедный Сервий, собиравшийся произнести прощальную речь, так и замер с открытым ртом прямо на ростре, куда сбежались актеры, испуганные, как жены варваров, завидевшие истребительный легион. По всему Риму мчались, закусив удила, черные лошади, таща за собой опустевшие колесницы, а главные плакальщицы смогли пройти только до храма Весты, где и остановились, не зная, как быть.

Но тем все не кончилось. В толпе были лидеры плебса. Они смело подступили к Агенобарбу и заявили, что прах Юлии должно похоронить на Марсовом поле. Рядом с Агенобарбом стоял Катон, и они оба возмутились. Женщина? Среди героев? Этому никогда не бывать! Только через их трупы! Толпа подходила все ближе и ближе, пока наконец Агенобарб и Катон не поняли, что они на самом деле превратятся в трупы, если не уступят. Они вынуждены были дать клятву.

Итак, моя девочка будет похоронена на Марсовом поле, где лежат все великие римляне. Я еще не совсем вменяем, но постараюсь устроить все быстро. Даю слово, это будет самая величественная

могила. Плохо лишь то, что Сенат запретил погребальные игры в ее честь. Никто не верит, что толпа сможет удержать себя в рамках.

Мой долг выполнен. Я обо всем рассказал. Твоя мать тяжело переживает утрату. В первом письме я говорил, что она выглядит на сорок пять. Теперь она превратилась в старуху. Весталки ухаживают за ней. И твоя маленькая жена Кальпурния. Она очень страдает. Они с Юлией были подругами. О, опять эти слезы! Из меня вытек, наверное, океан. Моя девочка ушла навсегда. Как мне вынести это?

«Как мне вынести это?»

Потрясение было столь велико, что глаза Цезаря оставались сухими.

«Как я смогу дальше жить? Мой цыпленок, моя маленькая жемчужинка. Мне скоро сорок шесть, а моя дочь умерла при родах. Так, пытаюсь родить мне сына, умерла и ее мать. Все повторяется! Бедная матушка! Как я смогу посмотреть ей в лицо? Как вынесу соблезнования? Они все захотят посочувствовать, все будут искренними. Но как же мне быть? Дать им увидеть свои глаза? Глаза человека, раненного в самую душу? Показать им свою боль? Я не могу этого допустить. Моя боль — это моя боль и больше ничья. Я уже пять лет не видел мою дочурку и теперь никогда не увижу. Я едва могу вспомнить, как она выглядела. Помню лишь, что она никогда меня не огорчала. Говорят, что только хорошие люди умирают молодыми. Только идеальных людей никогда не безобразит старость. О моя Юлия! Смогу ли я это перенести?»

Он поднялся с курульного кресла, хотя совсем не чувствовал ног. Письмо, написанное в секстилии, осталось лежать на столе. Сентябрьское он сжал в руке и покинул палатку, чтобы не оставаться на грани безумия, за которой кончается все. Взгляд его был взглядом Цезаря, лицо выражало спокойствие.

— Все в порядке, Цезарь? — спросил настороженно Гиртий.

Цезарь улыбнулся.

— Да, Гиртий. — Он поднял левую руку, козырьком приставил к глазам и посмотрел на заходящее солнце. — Время идет, надо чувствовать царя Мандубракия. Нельзя, чтобы бритты думали, что мы

скупердяи. Особенно когда мы их угощаем их же едой. Пожалуйста, проследи, чтобы все приготовили. Я скоро буду.

Он повернулся. Невдалеке от палатки юный легионер сгребал в кучу угля дымящегося костра. Заметив приближение генерала, паренек стал действовать энергичнее. Шутка ли? К нему шел сам Цезарь, которого он никогда не видел вблизи.

Подойдя, генерал улыбнулся.

— Не спеши гасить костер, парень. Мне нужен один живой уголек. — Цезарь посмотрел на мальчишку. — Чем же ты провинился, что вынужден выполнять эту работу в такую жару?

— Я не закрепил ремень шлема.

Цезарь наклонился и поднес тонкий свиток к слабо тлеющей головешке. Папирус загорелся. Цезарь выпрямился и держал маленький факел, пока пламя не добралось до пальцев. Только когда свиток стал разваливаться на легкие черные хлопья, он его отпустил.

— Всегда следи за своим снаряжением, солдат. Только оно отделяет тебя от пики кассия. — Он повернулся, чтобы уйти в палатку, но приостановился. — Нет, не только это, прости! Еще твое мужество и твой разум. Именно они побеждают. Но шлем, крепко сидящий на твоей голове, защищает мозги, где этот разум гнездится!

Забыв про костер, молодой легионер стоял и, открыв рот, смотрел вслед генералу.

«Какой человек! Он говорил со мной, как с приятелем! Просто, по-свойски. И на солдатском жаргоне. Откуда он его знает? Он ведь никогда не служил рядовым, это точно!»

Широко улыбнувшись, солдат стал затапывать пепел. Генерал знал не только солдатский жаргон, но и как зовут каждого центуриона в его легионах. Ибо это был Цезарь.

* * *

Для бритонов главная цитадель Кассивелауна была неприступна. Она стояла на крутом округлом холме, окруженная укрепленным бревнами валом. Сами римляне не сумели бы отыскать ее в непролазных лесах и сделали это только с помощью Мандубракия и Тринобеллуна.

Кассивелаун был умен. После первого проигранного им сражения, когда эдуйская кавалерия, пересилив страх, обнаружила, что справиться с колесницами здешних варваров гораздо легче, чем с германскими всадниками, царь перенял тактику Фабия. Он распустил пехоту и, выставив против римлян четыре тысячи колесниц, напал на них в лесах, а не на равнине. Колесницы вдруг появлялись среди деревьев и атаковали римских солдат, которые не могли побороть смятение перед столь архаичными средствами ведения боя.

Им было от чего прийти в ступор. Колесницы налетали на них, в каждой стояли возница и воин. У второго была под рукой куча копий. Полуголый, причудливо разрисованный, он метал их во врагов, а потом, выхватив меч, быстро, как турман, перелетал на дышло, прыгающее между парой низкорослых лошадок. Когда упряжка врезалась в гущу римских солдат, воин соскакивал с дышла и в бешеном ритме работал мечом, находясь под защитой конских копыт, от которых пятились изумленные легионеры.

К тому времени как Цезарь подступил к цитадели кассиев, его войска были сыты по горло и Британией, и колесницами, и недостатком питания. Не говоря уже об ужасной жаре. К жаре они привыкли, они могли пройти полторы тысячи миль по жаре, взяв себе не более одного дня на отдых, причем каждый нес на левом плече груз фунтов в тридцать, подвешенный на палку. Да еще тяжелая кольчуга до колен, которую они подвязывали на бедрах ремнем с мечом и кинжалом, чтобы снять с плеч дополнительный груз в двадцать фунтов. К чему они не привыкли, так это к высокой влажности. Она душила их, вынуждая снижать темп марша вдвое, то есть делать в день не более двадцати пяти миль.

Однако сейчас идти было легче. С тринобантами и небольшим отрядом пехоты, оставленным позади для защиты их полевого лагеря, его люди шли налегке, только шлемы на головах да *pila* в собственных руках, а не груженные на мула, приданного каждой восьмерке человек. Войдя в лес, они уже были готовы к атаке. Приказ Цезаря был конкретным: не отступать ни на шаг, от коней защищаться щитами, а копья метать в разрисованные груди возниц, чтобы потом без помех разделяться с воинами.

Чтобы поднять их боевой дух, Цезарь шел в середине колонны. Как правило, он предпочитал идти пешком, а на своего Двупалого

садился только для того, чтобы с большей высоты определить дистанцию. Обычно он шел в окружении своих легатов и трибунов. Но не сегодня. Сегодня он шел рядом с Асицием, младшим центурионом десятка, обмениваясь шутками с теми, кто шел впереди и позади, кто мог его слышать.

Кассии атаковали задние ряды четырехмильной колонны римлян в узком месте, где эдуйская кавалерия не могла развернуться. Но в этот раз легионеры смело ринулись прямо на колесницы. Защищаясь щитами от града копий и грозных копыт, они вышибли из двуколок возниц и принялись за их сотоварищей. Им надоела Британия, но не хотелось возвращаться и в Галлию, не изрубив в лапшу нескольких дикарей, а в ближнем бою варварский длинный меч был несравним с римским, коротким. Колесницы в беспорядке бросились в лесную гущу и больше не появлялись.

После этого взять цитадель было легко.

— Как отобрать у ребенка игрушку! — весело сказал Асиций своему генералу.

Цезарь начал атаку одновременно с противоположных сторон. Легионеры накатились на вал, а эдуйская кавалерия, улюлюкая, перескочила через него. Кассии разбежались, многие были убиты. Цезарь захватил крепость вместе с большими запасами продовольствия, достаточными, чтобы отплатить тринобантам за помощь и сытно кормить своих людей. Но самой ужасной потерей для варваров были их колесницы. Разгоряченные легионеры порубили их на куски и сожгли. А тринобанты, весьма довольные, скрылись с трофейными лошадьми. Другой добычей практически не разжились. Британия не была богата ни золотом, ни серебром, ни жемчугами. Тут ели с глиняной обожженной посуды, а пили из рогов.

Пора было возвращаться в Длинноволосую Галлию. Приближалось время штормов, а побитые корабли римлян вряд ли могли выдержать шквалистый ветер. С хорошим запасом продовольствия, оставив тринобантов, ставших хозяевами большей части этих земель, Цезарь разместил два легиона перед многомильным обозом, а два — позади и отправился к побережью.

— Что ты намерен делать с Кассивелауном? — спросил Гай Требоний, грузно вышагивая рядом с командующим: если тот шел пешком, даже старший легат не имел права сесть на коня.

— Он попытается отыгаться, — спокойно ответил Цезарь. — А потом, еще до отплытия, я заставлю его подчиниться и принять наши условия.

— Ты хочешь сказать, он опять ударит на марше?

— Сомневаюсь. Он потерял слишком много людей. Плюс еще колесницы.

— Тринобанты забрали всех захваченных лошадей. Они хорошо заработали.

— Это награда за риск. Сегодня проиграл, завтра выиграл.

С виду он кажется прежним, подумал Требоний. Но не совсем. Что было в письме, в том, которое он сжег? Все заметили, что с ним что-то не так. Потом Гиртий рассказал о письмах от Помпея. Никто из писцов не осмеливался читать корреспонденцию, которую Цезарь им не отдавал. И все же он сжег одно из тех писем. Словно сжигал корабли. Почему?

И это было еще не все. Цезарь перестал бриться. Человек, чей ужас перед нательными вшами был так велик, что он ежедневно выщипывал каждую волосинку под мышками, на груди, в паху. Человек, способный скоблить себя даже в критической обстановке. Его редкие волосы на голове шевелились при одном лишь упоминании о паразитах. Он сводил с ума слуг, требуя ежедневно стирать свои вещи. И никогда не спал на земле, потому что там жили блохи. За ним всюду возили секции деревянного пола для его полевого шатра. Как потешались над этим его недруги в Риме! Простые доски, даже не покрытые лаком, превратились в устах некоторых из них в мраморные мозаичные плиты. Зато он мог подхватить огромного паука и, улыбаясь, следить, как тот бежит по ладони. Самый заслуженный ветеран упал бы в обморок, свались на него такое чудовище. А Цезарь всем объяснял, что пауки — чистые существа, уважаемые хранители дома. С другой стороны, любой крошечный таракан мог загнать его на стол или на лавку. Цезарь никогда не давил их, боясь испачкать подошвы. «Это грязные существа», — вздрагивая от отвращения, говорил он.

Прошло одиннадцать дней с того момента, как ему доставили почту. И он с тех пор ни разу не брился. У него кто-то умер. Он явно был в трауре. По кому? Толки пошли еще до похода, но сам Цезарь молчал. И все в его присутствии тоже молчали. Кроме одного идиота. Требоний подумал, что надо бы отвести этого дурня Сабина в сторону и

пригрозить ему обрезанием, если он сунется к Цезарю еще раз. Тот однажды впрямую спросил Цезаря, почему он не бреется.

— Квинт Лаберий, — прозвучало в ответ.

Нет, это не Лаберий. Это, скорее всего, Юлия. Или Аврелия, его легендарная мать. Но если Аврелия, то при чем тут Помпей?

Квинт Цицерон, к всеобщему счастью гораздо менее чванливый, чем его знаменитый братец, тоже думал, что это Юлия.

— Как он теперь будет относиться к Помпею? — пробормотал он за обедом в общей палатке легатов, на который Цезарь не пришел.

Требоний, чьи предки были не столь знамениты даже в сравнении с предками Цицерона, входил в Сенат и потому был хорошо знаком с политическими союзами, включая союзы, скрепленные браками, так что он сразу уловил смысл вопроса Квинта Цицерона. Цезарь нуждался в Помпее Великом, который был Первым Человеком в Риме. На завершение войны в Галлии ему понадобится еще лет пять, а в Сенате засела стая волков, точивших на него зубы. Он постоянно ходил по проволоке, натянутой над огнем. Требонию, влюбленному в Цезаря, трудно было взять в толк, как можно питать ненависть к такому замечательному человеку. Однако этот мерзкий ханжа Катон сделал карьеру, пытаясь свалить Цезаря, не говоря уже о коллеге Цезаря по консульству Марке Кальпурнии Бибуле, и этом борове Луции Домиции Агенобарбе, и большом аристократе Метелле Сципионе, толстом, как деревянная балка храма.

Они облизываются и на шкуру Помпея, но не с той жуткой и одержимой страстью, которую только Цезарь способен разжечь в них. Почему? О, им бы побыть какое-то время с ним рядом. Тогда бы они наконец поняли, что это за человек! Под его началом нет тени сомнений в успехе любого затеянного им предприятия. Как бы ни развивались события, он всегда найдет способ склонить чашу весов в свою пользу. И обязательно победит.

Требоний сердито оттолкнул в сторону миску.

— Почему они так злы на него?

— Очень просто, — усмехнулся Гиртий. — Он — Александрийский маяк, а они рядом с ним — едва теплящиеся фитильки. Они нападают и на Помпея Магна, потому что он Первый Человек в Риме, а они считают, что такого не должно быть. Но Помпей из Пицена, и предок его — лесоруб. А Цезарь — римлянин, потомок

Венеры и Ромула. Все римляне почитают своих аристократов, но некоторые римляне предпочитают, чтобы они были похожи на Метелла Сципиона. Когда Катон, Бибул и все прочие смотрят на Цезаря, они видят того, кто превосходит их во всех отношениях. Своего рода Суллу. Цезарь всех выше — и по рождению, и по способностям, он при случае может их прихлопнуть, как мух. А они, в свою очередь, пытаются опередить и прихлопнуть его.

— Ему нужен Помпей, — задумчиво проговорил Требоний.

— Если он хочет сохранить за собой империй и провинции, — подхватил Квинт Цицерон, с тоской макая кусок хлеба в третьесортное масло. — О боги, как же мне хочется обсосать крылышко галльского жареного гуся!

Желанный жареный гусь казался уже почти достигаемым, когда колонна влилась в свои прибрежные укрепления, однако Кассивелаун не пожелал взять чаяния римлян в расчет. С уцелевшими кассиями он объехал кантиев и регнов и набрал новую армию, которую повел на штурм. Но атаковать римский лагерь — все равно что пытаться голый рукой пробить каменную стену. Широкие разрисованные торсы варваров являли собой отличные мишени для копий. К тому же у них не было опыта галлов, и они остались на месте, когда Цезарь вывел своих людей из лагеря для рукопашного боя. И Цезарь их разгромил. Они все еще придерживались старых традиций, согласно которым человек, покинувший живым проигранное сражение, становился изгоем. Эта традиция стоила белгам на материке пятидесяти тысяч напрасно убитых только в одном сражении. Теперь белги покидали поле битвы, как только понимали, что проигрывают, и оставались живыми, чтобы потом снова сражаться.

Кассивелаун запросил мира и подписал нужный Цезарю договор. Затем передал ему заложников. Это было в конце ноября.

Стали готовиться к отплытию, однако после осмотра каждого из семисот кораблей Цезарь решил, что надо переправляться двумя партиями.

— Лишь половина кораблей в сносном состоянии, — сообщил он Гиртию, Требонию, Сабину, Квинту Цицерону и Атрию. — На них мы разместим два легиона, кавалерию, всех вьючных животных, кроме

мулов центурий, и отправим их в путь. Потом корабли вернутся без груза и заберут три оставшихся легиона.

С собой он оставил Требония и Атрия, остальным велел отплывать.

— Я рад и польщен, что меня попросили остаться, — проворчал Требоний, следя за погрузкой трехсот пятидесяти кораблей.

Эти суда Цезарь велел специально построить на реке Лигер и затем вывести их в открытый океан, чтобы сразиться с двумястами двадцатью цельнодубовыми кораблями венетов, которые с усмешкой посматривали на спешащие к ним римские суда с тонкими веслами, низкой осадкой и хрупкими сосновыми корпусами. Игрушечные лодки для плавания в ванне, легкая добыча. Но все оказалось совсем не так.

Пока Цезарь и его солдаты посиживали на скалах, как на трибунах цирка, флотилия римлян оцетинилась приспособлениями, придуманными инженерами Децима Брута во время лихорадочной зимней работы на верфях. Кожаные паруса кораблей венетов были такими тяжелыми, что главными вантами мачт служили цепи, а не веревки: Зная это, Децим Брут снабдил каждое свое судно длинным бревном с зазубренными крюками и кошками на концах. Подплывая к неприятельскому кораблю, римляне выдвигали бревна, запутывали их в чужих вантах, потом, бешено работая веслами, отплывали. Паруса с мачтами падали, и неуклюжее судно венетов начинало беспомощно дрейфовать. Три римских капера окружали его, как терьеры оленя, брали на abordаж, убивали команду и поджигали борта. Через какое-то время море покрылось кострами. Только двадцать дубовых ковчегов спаслись.

Теперь низкая осадка каперов весьма пригодилась. На берег были сброшены пологие широкие сходни, и лошади, не успев испугаться, перебрались по ним на палубы кораблей. Будь уклон круче, эти норовистые животные доставили бы куда больше хлопот.

— Неплохо без пристани, — удовлетворенно заметил Цезарь. — Завтра они вернутся и заберут нас.

Но наутро подул северо-западный ветер, который не очень сильно встревожил море, но сделал обратный переход судов невозможным.

— О, Требоний, эта земля противится мне! — воскликнул Цезарь на пятый день шторма, яростно теребя щетинистый подбородок.

— Мы как греки на берегу Илиона, — высказался Требоний.

Это, казалось бы, невинное замечание заставило Цезаря принять решение. Он неприязненно взглянул на своего легата и процедил сквозь зубы:

— Но я не Агамемнон и не стану торчать здесь десять лет!

Он повернулся и крикнул:

— Атрий!

Тот сразу же явился.

— Да, Цезарь?

— Крепко ли сидят гвозди в оставшихся кораблях?

— Наверное, да, кроме тех сорока, что совсем развалились.

— Тогда труби сбор. Мы оседлаем попутные волны. Начинай грузить всех на пригодные корабли.

— Все не поместятся! — воскликнул пораженный начальник лагеря.

— Пусть стоят тесно, как сельди в бочке. И блюют друг на друга. В порту Итий у них будет возможность отмыться, прыгая за борт. Грузи все, до последней баллисты, и поплывем.

— Кое-что из артиллерии придется оставить, — тихо сказал Атрий.

Брови Цезаря приподнялись.

— Я не оставлю тут ни мою артиллерию, ни тараны, ни мои механизмы, ни одного солдата, ни одного нестроевого, ни одного раба. Если ты не способен наладить погрузку, Атрий, это сделаю я.

Это были не пустые слова, и Атрий знал это. Он также знал, что теперь его будущее зависит от эффективности, с какой ему удастся исполнить приказ. Он ушел, и вскоре раздался сигнал. Требоний засмеялся.

— Что тут смешного? — холодно спросил Цезарь.

Нет, не время шутить! Требоний мгновенно стал серьезным.

— Ничего, Цезарь. Совсем ничего.

Было решено отплыть через час после рассвета. Весь день рабы и солдаты трудились, нагружая самые крепкие корабли столь драгоценными для Цезаря баллистами, механизмами, повозками, мулами в ожидании прилива. Когда вода поднялась, они принялись толкать корабли, забираясь затем по веревочным лестницам на борт. Обычный груз судна составляли одна баллиста или несколько вспомогательных механизмов, четыре мула, одна повозка, сорок солдат

и двадцать гребцов. Но восемнадцать тысяч солдат и четыре тысячи рабов и матросов вкупе со всем остальным обеспечили каждому из плавсредств значительный перегруз.

— Разве это не поразительно? — воскликнул Требоний Атрия, когда солнце зашло.

— Что? — безучастно спросил начальник лагеря, чувствуя, как дрожат колени.

— Он счастлив. О, он по-прежнему носит в себе свое горе, но он счастлив. Он опять творит нечто немислимое для других.

— Надо было хотя бы отправлять корабли один за другим по мере погрузки!

— Это не для него! Он убыл с флотом и с флотом вернется. Галлы должны видеть, что прибывает командующий армадой. А что это за армада, размазанная по морю? Нет, на подобное он ни за что не пойдет! И он прав, Атрий. Мы должны показать этим галлам, что мы лучше их во всем. — Требоний взглянул на темное небо. — Сегодня луна в трех четвертях. Но он отплывет раньше намеченного, как только будет готов.

Верное предсказание. В полночь корабль Цезаря со свежим попутным ветром вышел в черноту моря. Лампы на корме и на мачте были сигнальными огнями для других кораблей, следующих за ним.

Цезарь облокотился на кормовой леер, глядя на пляску крохотных светлячков во мраке ночи. «Vale, Британия. Я не буду скучать по тебе. Но что лежит там, за горизонтом, куда еще никто не плавал? Ведь это не маленькое море, это могучий океан. Именно там живет великий Нептун, а не в чаше Нашего моря. Возможно, состарившись, я возьму тяжелый корабль венецов, подниму его кожаные паруса и поплыву на запад, за солнцем. Ромул заблудился в Козьем болоте на Марсовом поле, и, когда он не вернулся домой, все подумали, что его взяли боги. Но я уплыву во мглу вечности, и все будут думать, что я взят в царство богов. Моя Юлия там. Люди знают. Они сожгли ее на Форуме и погребли среди героев. Однако сначала я должен выполнить все, чего требуют от меня моя кровь и мой дух».

Ветер гнал облака, но луна все же светила достаточно, и корабли шли кучно под парусами, раздутыми, словно животы беременных женщин, так что весла в ход практически не пускали. Плавание заняло шесть часов. Корабль Цезаря вошел в порт Итий вместе с рассветом. За

ним в боевом строю и в полном составе следовал флот. Удача вернулась к Цезарю. Ни один человек, ни одно животное или орудие не были принесены в жертву Нептуну.

ДЛИННОВОЛОСАЯ ГАЛЛИЯ

ДЕКАБРЬ 54 Г. ДО Р. Х. — НОЯБРЬ 53

Г. ДО Р. Х

Квинт Туллий Цицерон

— Со всеми нашими восемью легионами зерно в порту Итий кончится еще до конца года, — сказал Тит Лабиев. — Сборщики не слишком-то преуспели в его заготовке. У нас очень много соленой и копченой свинины, масла, свекольного сиропа и сушеных фруктов, но очень мало пшеницы и нута.

— Нельзя ожидать, что солдаты будут сражаться без хлеба, — вздохнув, согласился Цезарь. — Самое страшное в засухе то, что она ударяет по всем. Ни в Испании, ни в Итальянской Галлии я не могу купить ни зерна, ни бобов. Там тоже голодают. — Он пожал плечами. — Что ж, нам остается одно: рассредоточить на зиму легионы и принести жертву богам в надежде на будущие урожаи.

— Очень жаль, что наш флот так потрепан, — бестактно заметил Квинт Титурий Сабин. — В Британии, несмотря на жару, урожай был обильным. С полным флотом мы бы могли переправить пшеницу сюда.

Присутствующие внутренне содрогнулись. Цезарь, лично следивший за состоянием флота, но не имевший влияния на ветра и приливы, мог воспринять сказанное как упрек. Но Сабину повезло, наверное потому, что Цезарь с первого дня их знакомства держал его за

пустослова и дурачка. Он только бросил презрительный взгляд и продолжил:

— По одному легиону в район.

— Кроме земель атребатов, — внес предложение Коммий. — Мы пострадали меньше других и вполне можем прокормить два легиона, если для будущего весеннего сева ты выделишь нам некоторое количество нестроевых солдат.

Сабин опять вмешался в разговор.

— Если бы вы, галлы, — заявил он ядовитым голосом, — со статусом чуть выше рабского, не считали ниже своего достоинства ходить за плугом, фермерство не казалось бы вам слишком трудным. Почему бы не привлечь к этому орды бесполезных друидов?

— Или уж сразу римлян первого класса, Сабин, — спокойно сказал генерал и улыбнулся Коммию. — Хорошо! Значит, Самаробрива вновь готова принять нас. Но Сабина я вам не дам. Думаю, ему будет лучше отправиться в земли эбуронов со своим тринадцатым легионом, прихватив с собой Котту в качестве равноправного заместителя. Они хорошо устроятся в Атватуке. Это место, конечно, не соответствует статусу Сабина, но, уверен, он приведет его в должный порядок.

Легаты наклонили головы, скрывая улыбки. Цезарь только что послал Сабина в самый худший из галльских районов, откомандировав вместе с ним человека, которого тот ненавидел, чтобы они на равных управляли ордой новобранцев, кое-как сбитых в легион, имевший к тому же не самый счастливый из номеров. Немного сурово по отношению к Котте (из рода Аврункулеев, а не Аврелиев), но кто-то ведь должен приглядывать за дурачком, и все, кроме бедного Котты, были довольны, что Цезарь не выбрал кого-то из них.

Карта 2. Цезарь в Британии, 54 г. до н. э., и Галлии Белгике.

Присутствие Коммия, конечно же, оскорбляло не только Сабина. Многие задавались вопросом, почему Цезарь вообще пригласил на совет галла, пусть даже самого преданного и достойного доверия и пусть даже речь идет всего лишь о провизии и о постое. Может, будь этот царек хоть немного симпатичней, к нему относились бы более терпимо, но Коммий, увы, не отличался ни привлекательностью, ни располагающим к себе поведением. Невысокий, с остренькими чертами лица, нагловатый. Его рыжеватые, жесткие, как щетка, волосы (по

обычаю галльских воинов он мыл их соком лимонника, разведенным водой) были собраны в блеклый пучок, контрастирующий с ярко-алым цветом его накидки. Легаты Цезаря видели в нем проныру и подлипалу, который всегда трется возле важных персон, и вовсе не склонны были считаться с тем фактом, что он — царь очень сильного и воинственного народа. Северо-западные белги еще не променяли своих царей на ежегодно избираемых вергобретов, и любой тамошний аристократ мог бросить вызов царю. Статус царя добывали силой, а не наследовали. А Коммий уже много лет был царем.

— Требоний, — сказал Цезарь, — ты на зиму пойдешь с десятым и двенадцатым легионами в Самаробриву и будешь отвечать за обоз. Марк Красс, ты встанешь лагерем как можно ближе к Самаробриве — не далее двадцати пяти миль от нее, на границе между белловаками и амбианами. Возьми восьмой легион. Фабий, ты останешься здесь, в порту Итий с седьмым легионом. Квинт Цицерон, ты с девятым отправишься к нервиям. Росций, ты вместе с пятым, «Жаворонком», сможешь вкушать мир и покой: я посылаю тебя к эзубиям. Пусть кельты знают, что я о них помню.

— Ты ждешь неприятностей от белгов? — хмурясь, спросил Лабиен. — Я согласен. Последнее время они что-то притихли. Пошлешь меня к треверам, как обычно?

— Не в самый Тревес. К треверам, но к тем, что соседствуют с ремами. Возьмешь одиннадцатый легион и кавалерию.

— Тогда я осяду на реке Мозе, неподалеку от Виродуна. Если снега будет немного, кони там смогут пастись.

Цезарь поднялся, давая понять, что совет завершен. Он созвал легатов, как только сошел на берег, желая немедленно распределить на зимний постой все восемь легионов, которые сейчас находились в порту Итий. Теперь уже все знали, что умерла именно Юлия. Но никто не осмеливался об этом заговорить.

— Ты будешь зимовать в хорошем месте, — сказал Лабиен Требонию, когда они вышли от Цезаря. Большие лошадиные зубы его обнажились в улыбке. — Глупость Сабина поражает меня! Если бы он держал рот закрытым, его еще можно было бы выносить. Вообрази: провести зиму в низовьях Мозы, продуваемых всеми ветрами и захлестываемых морскими приливами, среди скал, соленых болот и торфяников, когда германцы так и принохиваются к тебе!

— В море можно ловить рыбу, угрей, в скалах — собирать птичьи яйца, — сказал Требоний.

— Благодарю, но мне нравится пресноводная рыба, а мой слуги разводят кур.

— Цезарь определенно ждет неприятностей.

— Или придумывает оправдание, чтобы не возвращаться на зиму в Италийскую Галлию.

— Что?!

— Требоний, он просто не хочет видеться с соотечественниками! На него тут же посыплются соболезнования отовсюду — от Окела до Салоны, и он боится, что не вынесет всего этого.

Требоний остановился, удивленно глядя на спутника.

— Я не подозревал, что ты так хорошо понимаешь его, Лабиен.

— Я был с ним с тех пор, как он появился среди длинноволосых.

— Но ведь мужские слезы не считаются в Риме чем-то зазорным!

— Он тоже так полагал, когда был молодым. Но тогда он был не таков, каким мы его знаем.

— Что ты хочешь сказать?

— Теперь Цезарь уже не имя, а символ, — с редким терпением пояснил Лабиен.

— О-о! — Требоний двинулся дальше. — Мне не хватает Децима Брута! — вдруг вырвалось у него. — Как ни верти, а Сабин не может его заменить.

— Он вернется. Все тут скучают по Риму.

— Кроме тебя.

Старший легат Цезаря усмехнулся.

— Я тоже скучаю. Особенно когда разлука затягивается.

— А она, безусловно, затягивается. И все же... Самаробрива! Вообрази, Лабиен! Я опять буду жить в настоящем доме с теплыми полами и с ванной.

— Ты сибарит, — прозвучало в ответ.

Корреспонденции из Сената накопилось много, и ее надо было просмотреть в первую очередь. На это у Цезаря ушло три дня. За стенами его дома легионы готовились к маршам. Все шло спокойно, без суеты, так что ничто не мешало бумажной работе. Даже апатичный Гай Требатий был втянут в водоворот, ибо Цезарь имел привычку диктовать

письма сразу трем секретарям, переходя от одного к другому и никогда не путаясь в темах. Его поразительная работоспособность покорила Требатия. Человека, легко и непринужденно занимающегося несколькими делами одновременно, можно недолюбливать, но ненавидеть определенно нельзя.

Наконец подошел черед и письмам личного плана — их с каждым днем становилось все больше и больше. До Рима от порта Итий было восемьсот миль, пролегавших большей частью по галльским рекам, прежде чем доберешься до Домициевой и Эмилиевой дорог. Цезарь держал группу курьеров, непрестанно курсировавших верхом или на лодках по своим отрезкам пути к тому месту, где он находился, и покрывавших как минимум пятьдесят миль в день. Таким образом, он получал последние вести из Рима менее чем через два рыночных интервала, имея постоянную возможность увериться, что его отсутствие не сказывается отрицательно на его популярности, которая все росла и росла вместе с ростом его состояния. С Британии почти нечего было взять, но Длинноволосая Галлия с лихвой это возмещала.

Вольноотпущенник Цезаря, германец Бургунд достался ему, пятнадцатилетнему, по наследству от Гая Мария, когда тот умер. Счастливое наследство. С той поры, как в юности, так и в зрелости, раб неотлучно находился при господине, и лишь год назад его по возрасту отправили в Рим — приглядывать за землями Цезаря и за его матерью и женой. Этот Бургунд, урожденный кимбр, был еще мальчиком, когда Марий наголову разбил кимбров с тевтонами, но хорошо знал историю своего народа. По его словам, сокровища двух этих племен были оставлены на сохранение их родичам — атватукам, у которых они зимовали перед вторжением в пределы Италии. Из семисот пятидесяти тысяч ушедших в поход вернулись только шесть тысяч. В основном это были женщины и детишки. Они так и осели у родичей, став скорее атватуками, чем кимбрами или тевтонами. И там же остались сокровища этих племен.

На второй год пребывания в Галлии Цезарь направился в земли нервиев, ниже которых по течению Мозы располагались владения эбуронов, те самые, куда должны были сейчас повести тринадцатый легион несчастный Сабин и еще более несчастный Котта. Сражение было тяжелым. В конце концов все нервии полегли на поле боя, не желая жить побежденными. Но Цезарь отдал дань мужеству павших,

позволив их женщинам, детям и старикам вернуться в свои нетронутые дома.

Выше нервиев по течению Мозы проживали интересующие Цезаря атватуки, и он, несмотря на потери, повел армию к ним. Те укрылись в крепости Атватуке, стоявшей на горе, окруженной густым Ардуэнским лесом. Цезарь осадил Атватуку и взял ее. Но атватукам не так повезло, как нервиям. Раздраженный их лживостью и коварством, Цезарь согнал все племя на поле возле разрушенной крепости, кликнул работяг, тайком следовавших за римским обозом, и продал всех пленников разом тому, кто дал большую цену. Пятьдесят три тысячи атватуков ушли с молотка. Бесконечная вереница сбитых с толку, плачущих, обездоленных людей потекла через земли других племен на большой рынок рабов в Массилии, где их разделили, рассортировали и продали сызнова.

Это был умный ход. Другие воинственные племена не хотели верить, что нервии и атватуки, коих было множество тысяч, не сумели покончить с какими-то римлянами. Но вереница пленных говорила иное. И мятежные настроения улеглись. Длинноволосая Галлия, удивлялась, кто же были эти римляне с их крошечными армиями великолепно оснащенных солдат, действовавших как один человек. Они не бросались на противника беспорядочной, орущей массой, не доводили себя перед сражением до безумия, когда человеку все становится нипочем. Многие поколения галлов жили в страхе перед непобедимыми и упрямыми воинами из далекого Рима, но никто не видел их вживую. До появления Цезаря римляне были просто пугалом, каким стращали детей.

В крепости атватуков Цезарь нашел сокровища кимбров и тевтонов, которые они оставили здесь, покидая землю скифов, богатую золотом, изумрудами, сапфирами и всем прочим. Генерал имел право присвоить всю выручку от продажи рабов, но трофеи принадлежали казне и каждому человеку в армии, от командира до рядового. Даже при этом раскладе, когда все было пересчитано, переписано и длинный обоз повозок с драгоценной поклажей отправился в Рим, сопровождаемый надежной охраной, Цезарь знал, что с денежными затруднениями в его жизни покончено навсегда. Продажа племени атватуков в рабство дала ему две тысячи талантов, а доля в трофеях обещала составить еще

большую сумму. Его солдаты станут зажиточными людьми, а легаты смогут купить себе право на консульство.

И это было только начало. Галлы добывали серебро в рудниках, намывали золото в речных отложениях, стекавших с Севеннского хребта. Они были превосходными ремесленниками, умели обрабатывать сталь. Даже конфискованные груды окованных железом колес или добротные сделанные бочки представляли собой хорошие деньги. И каждый сестерций, посланный Цезарем в Рим, увеличивал его личную ценность в глазах римского люда, его *dignitas*.

Боль от потери Юлии никогда не утихнет, но он не был Крассом. Деньги для него являлись не самоцелью, а только средством упрочить себя. Годы подъема по социальным ступеням показали ему, что главное не богатство, а *dignitas* — достоинство, дух. Что бы ни возвышало его теперь, служило и возвышению умершей Юлии. Это несколько утешало. Его собственные старания и ее врожденная способность пробуждать в людях любовь были порукой тому, что римляне сохранят память о ней как о всеобщей любимице, а не как о дочери Цезаря и супруге Помпея. Он же, с триумфом вернувшись в Рим, непременно устроит в ее честь погребальные игры, хотя Сенат и запретил это. Но он настоит на своем, даже если, как однажды он пригрозил почтенным отцам в Сенате (правда, по другому поводу), ему придется собственным сапогом раздавить им яйца.

Писем личного плана хватало. Некоторые были в основном деловыми, как, например, отчеты его самого преданного сторонника Бальба, испанского финансиста из Гадеса, и Гая Оппия, римского банкира. Размер сегодняшнего состояния Цезаря завлек в его сети еще более прозорливого финансового чудодея, Гая Рабирия Постума, которого в благодарность за реорганизацию и упорядочение бухгалтерской системы в Египте царь Птолемей Авлет и его александрийские фавориты начисто обобрали и без гроша посадили на корабль, отправлявшийся в Рим. Именно Цезарь одолжил Рабирию денег, чтобы тот мог начать все сначала. И именно Цезарь поклялся, что соберет однажды с Египта все, что Египет задолжал Рабирию.

Были письма от Цицерона, который сильно переживал по поводу денежных затруднений своего младшего брата Квинта и с теплотой выражал соболезнования Цезарю в связи с постигшей его утратой.

Несмотря на тщеславие и высокое самомнение, Цицерон, несомненно, был добрый и искренний человек.

А вот и свиток от Брута! Ему вот-вот стукнет тридцать, он собирается избираться на младшую должность в Сенат. Еще из Британии Цезарь написал Бруту, предлагая должность квестора в своем штате. Старший сын Красса Публий прослужил у него квестором семь лет, а в этом году он взял к себе в том же качестве младшего брата Публия, Марка Красса. Замечательные ребята, однако основная обязанность квестора — следить за финансами. Цезарь предполагал, что сыновья Красса просто обязаны это уметь, но он просчитался. Потрясающие командиры не могли сложить два и два. В то время как Брут был по натуре истинным плутокротом и умел как делать деньги, так и пускать их в оборот. Сейчас этим занимается толстяк Требатий, но, строго говоря, такая работа не для него.

Брут... Прошло уже много времени, но Цезарь все еще испытывал чувство вины перед ним. Брут так любил Юлию, он терпеливо ждал десять лет, пока та подрастет. Но потом в руки Цезаря упал дар богов. Юлия безумно влюбилась в Помпея Великого, а тот — в нее. Это означало, что Цезарь мог крепко привязать к себе своего основного соперника самой нежной и мягкой веревкой. Он разорвал помолвку дочери с Брутом (который в те дни уже носил приемное имя Сервилий Цепион) и выдал ее за Помпея. Непростая ситуация, оказавшаяся не по силам потрясенному сердцу отвергнутого жениха. Мать Брута, Сервилия, много лет была любовницей Цезаря. Чтобы сохранить ее приязнь после нанесенного оскорбления, он подарил ей жемчужину стоимостью в шесть миллионов сестерциев.

Спасибо за предложение, Цезарь. С твоей стороны очень любезно думать обо мне и помнить, что я в этом году должен сделаться квестором. К сожалению, я еще не уверен, что получу это звание, поскольку выборы отложили. Возможно, до декабря, когда трибы будут избирать квесторов и военных трибунов. Но сомневаюсь, что дело дойдет до магистратов старшего ранга. Меммий спит и видит себя консулом, а мой дядя Катон поклялся, что, пока тот не снимет кандидатуру, курульным выборам не бывать. Кстати, не обращай внимания на

оскорбительные слухи о подоплеке его развода. Дядю купить нельзя.

Я между тем собираюсь в Киликию по личной просьбе ее нового губернатора Аппия Клавдия Пульхра. Теперь он мой тесть. Месяц назад я женился на его старшей дочери Клавдии. Очень милая девочка.

Еще раз благодарю тебя за предложение. Моя мать в порядке. Я полагаю, она тебе напишет сама.

Вот так! Прими это, Цезарь! Он отложил свиток, моргая от шока, а не от слез.

«Шесть долгих лет Брут не женился. Моя дочь умирает, и через неделю он женится. Кажется, он лелеял надежду. Ждал, уверенный, что она устанет от брака со стариком, который ничем не может похвалиться, кроме военной славы и денег. Ни рода, ни достойных упоминания предков. Интересно, как долго ждал бы Брут? Но она нашла в Помпее настоящего мужчину, да и тот никогда бы не устал от нее. Мне самому всегда не нравилось то, как я поступил с Брутом, хотя я и не понимал, как много значила для него Юлия, пока не разорвал их помолвку. И все же это надо было сделать, независимо от того, кому будет больно и какой сильной окажется боль. Госпожа Фортуна одарила меня дочерью, достаточно красивой и энергичной, чтобы очаровать именно того человека, который был мне отчаянно нужен. Но чем удержу я Помпея теперь?»

Сервилия, как и Брут, прислала единственное письмо, в отличие от Цицерона, размахнувшегося на четырнадцать эпических сочинений. Письмо тоже короткое. Прикосновение к нему вызвало весьма странное чувство, словно бумага была пропитана ядом, способным поражать через кончики пальцев. Цезарь закрыл глаза и попытался вспомнить Сервилию. Ее облик, ее манеры, ее разрушительную, агрессивную страсть. Что бы он ощутил, увидевшись сейчас с ней? Прошло почти пять лет. Сейчас ей пятьдесят, ему — сорок шесть. Но наверное, она все еще привлекательна. Она всегда следила за собой. За своей внешностью, за своими прекрасными волосами, черными, как безлунная ночь и как ее сердце. Он ничуть не виновен в том, сколько разочарований принес ей Брут, она сама во всем этом повинна.

Думаю, ты уже прочел письмо Брута и получил его отказ. Все должно идти заведенным порядком, и в первую очередь у мужчин, ты сам хорошо это знаешь. По крайней мере, у меня теперь есть невестка-патрицианка, хотя, признаюсь, нелегко делить свой дом с другой женщиной, не приученной к моим нравам. К счастью, Клавдия — мышка. Не могу представить Юлию мышкой, несмотря на всю ее хрупкость. Жаль, что в ней не было твоей стальной твердости. Поэтому, конечно, она и умерла.

Брут выбрал Клавдию в жены по одной причине. Пиценский выскочка Помпей Магн торговал эту девушку у Аппия Клавдия для своего сына Гнея, который, возможно, наполовину Муций Сцевола, хотя ни по его лицу, ни по характеру этого не видать. Это Помпей Магн, только неумный. Наверное, отрывает крылья у мух. Наверное, Брут захотел украсть невесту у отпрыска человека, который украл невесту у него самого. И он это сделал. Аппий Клавдий не Цезарь. Это дрянной консул и в будущем, несомненно, нечистый на руку губернатор. Он сравнил оборотливость моего сына и безупречность его происхождения с тем фактом, что младший Помпей вряд ли добьется чего-либо в жизни, и чаша Брута перетянула на этих весах. На что Помпей Магн незамедлительно разразился чередой гневных вспышек. И как только Юлия ладила с ним? Вопли неслись по всему Риму. Но Аппий поступил очень разумно. Он предложил Гнею в невесты другую свою дочку, Клавдиллу. Ей нет еще и семнадцати, но малолетки Помпеев никогда не смущали. Так что все закончилось к общему удовольствию. Аппий получил двух именитых зятьев, две ужасно бесцветные и уродливые девицы отхватили отличных мужей, а Брут выиграл свое маленькое сражение против Первого Человека в Риме.

Они с тестем надеются убраться в Киликию еще в этом году, хотя Сенат упорно не хочет давать разрешения Аппию Клавдию на ранний отъезд в свою провинцию. В ответ Аппий заявил почтенным отцам, что, если нужно, уедет и без их позволения. Окончательное решение еще не принято, хотя мой вздорный сводный братец Катон несет всякую чушь по поводу привилегий для знати. Ты оказал мне плохую услугу, Цезарь, когда отнял у Брута Юлию. С тех пор он и дядюшка неразлучны. Мне противно неприкрытое злорадство Катона. Он потешается надо мной, ибо мой сын теперь больше прислушивается к нему, чем ко мне.

Катон — ужасный лицемер. Вечно разглагольствует о Республике, о *mos maiorum* и о дегенерации правящего класса и постоянно находит оправдание своему собственному идиотскому поведению. Взять его развод с Марсией. Говорят, каждый человек имеет определенную цену. Я верю в это. Я также верю, что дряхлый старый Гортензий оплатил выставленные Катонем счета. Что до Филиппа... ну что ж, он эпикуреец, а бесконечные удовольствия стоят денег.

Кстати о Филиппе: несколько дней назад я обедала у него. Хорошо, что твоя племянница Атия не распутная женщина. Ее пасынок, юный Филипп (очень симпатичный и статный молодой человек!), пялился на нее в течение всего обеда, как бык на корову из-за забора. Она, конечно, заметила, но сделала вид, что не замечает этого. Молодой человек ничего от нее не добьется. Я только надеюсь, что Филипп-старший ничего не заметит, иначе уютное гнездо, которое Атия нашла для себя, будет гореть ярким пламенем. После обеда она с гордостью представила мне единственный объект своей любви — маленького Гая Октавия. Он, должно быть, твой внучатый племянник. Ему в этот день исполнилось

девять лет. Поразительный ребенок, должна признаться. О, если бы мой Брут выглядел так, Юлия никогда бы не выскочила за Помпея. У меня просто дух захватило. Вылитый ты! Если бы ты сказал, что он твой сын, все бы безоговорочно в это поверили. Нет, он не очень похож на тебя, просто в нем есть... я даже не знаю, как это выразить. В нем есть что-то твое. Не во внешности — в сути. Однако я с удовольствием отметила, что малыш Гай не совсем идеален. У него торчат уши. И я посоветовала Атии не слишком коротко его стричь.

Вот и все. Не буду выражать тебе свои соболезнования по поводу смерти Юлии. Нельзя рожать детей от человека ниже тебя по происхождению. Две безуспешные попытки, и вторая стоила ей жизни. Ты отдал ее мужику из Пицена, а не тому, кто ей равен. Так что вся вина лежит на тебе.

Должно быть, все те годы, когда он терпел ее язвительность, защитили его теперь. Цезарь отложил письмо в сторону и поднялся, чтобы смыть с рук незримую грязь.

«Думаю, я ненавижу эту дрянь еще больше, чем ее сводного братца Катона. Самая безжалостная, жестокая и ядовитая гадина из всех, кого я знал. И все же, если мы завтра увидимся, наша связь, скорее всего, возобновится. Юлия назвала ее змеей, я хорошо помню тот день. Весьма точный эпитет. А ее жалкий, бесхребетный мальчишка стал жалким, бесхребетным мужчиной. С лицом, изрытым гноящимися прыщами, и с одной огромной незаживающей язвой в душе. Он отклонил мое предложение не из принципа, не из-за Юлии или позиции своего дядюшки. Он слишком любит деньги, а мои легаты купаются в них. Нет, Брут просто не захотел ехать в провинцию, разрушенную войной. Тут он может в любой момент оказаться на поле сражения. А в Киликии мир. Там можно заниматься всякими плутнями, незаконно ссужая деньги провинциалам и не рискуя быть насаженным на копье или проткнутым стрелой».

Еще два письма, и на сегодня хватит. Он велит слугам упаковывать вещи. Пора отправляться в Самаробриву.

Покончи с этим, Цезарь! Прочитай письма от жены и от матери. Тебе станет еще больнее от их любящих слов.

Он снова сел, один в тишине пустой комнаты. Отложил письмо матери и развернул письмо от своей жены Кальпурнии. Той, кого едва знал — лишь несколько римских месяцев, еще незрелой, довольно застенчивой девочкой, которая так же обрадовалась подаренному ей рыжему котенку, как Сервилия обрадовалась жемчужине ценой в шесть миллионов сестерциев.

Цезарь, все говорят, что именно я должна сообщить тебе эту весть. О, как хотела бы я от этого отказаться! У меня нет ни мудрости, ни какого-то подходящего с возрастом опыта, так что прости меня, если по глупости я заставлю тебя еще больше страдать.

Когда Юлия умерла, сердце твоей матери не выдержало. Ведь для нее та была больше дочерью, чем внучкой. Аврелия вырастила ее. И так радовалась, глядя, как она счастлива в браке. Ей было отрадно, что у Юлии все идет хорошо.

Мы в Domus Publica ведем очень уединенное существование, как и подобает дому, в котором живут весталки. Хотя вокруг бурлит шумный Форум, всякие увеселения и события мало касаются нас. Мы с Аврелией предпочитали такой образ жизни — в мирном женском сообществе, без скандалов, упреков и подозрений. Но Юлия, часто нас посещавшая, вносила с собой дыхание внешнего мира — взрывы веселости, сплетни, шутки и смех.

Когда она умерла, сердце твоей матери разбилось. Я была там, возле постели Юлии, и видела, какой сильной была твоя мать ради Помпея, ради Юлии. Такая добрая! Такая здравая во всем, что говорила. Улыбалась, когда чувствовала, что так надо. Держала Юлию за руку, а Помпей — за другую. Это она удалила из комнаты всех врачей,

когда поняла, что никто и ничто уже не поможет Юлии. Это она внесла мир и покой в последние роковые часы и минуты. А после уступила место Помпею, оставив его в одиночестве возле усопшей. Выпроводила меня и увела обратно к весталкам.

До Domus Publica мы добирались в молчании. Аврелия не проронила ни слова. Но когда мы пришли, издала ужасный крик и завывала. Это был не плач, а жуткий вой. Она рухнула на колени, слезы текли ручьем, она била себя в грудь, рвала на себе волосы и царапала щеки. Взрослые весталки сбежались, стараясь поднять ее на ноги и успокоить, но сами не могли сдержать слез. Кончилось тем, что все мы повалились рядом с ней на пол, прижались друг к другу и так провели эту ночь. А Аврелия все рыдала.

Но утром все кончилось. Она привела себя в порядок и вернулась в дом Помпея, чтобы помочь ему в печальных приготовлениях. А потом умер бедный ребенок, но Помпей отказался взглянуть на него. Так что Аврелия сама занялась этими похоронами. Мальчика провожали только она, я и несколько взрослых весталок. У него не было даже имени, а потому мы, подумав, нарекли его Квинтом. Звучит хорошо. На могиле младенца будет написано: Квинт Помпей Магн. А пока его прах хранится у меня. Мой отец занимается погребальными хлопотами, потому что Помпей заботиться этим не стал.

Как хоронили Юлию, ты, наверное, знаешь. Помпей должен был тебе написать.

Мать же твоя не сумела оправиться от утраты и с каждым днем отдалялась от нас. О, это было ужасно! Кого бы она ни увидела — прачку, Евтиха, Бургунда, Кардиксу, весталку, — она останавливалась, смотрела на нас и спрашивала: «Почему она, а не я?» И что мы могли на это

ответить? Как могли удержать свои слезы? А она начинала выть и снова спрашивала: «Почему же не я?»»

Так продолжалось два месяца, но только в своем кругу. При посетителях, выражающих соболезнование, она брала себя в руки и держалась как полагается. Хотя ее внешний вид всех повергал в ужас.

А вечерами она запиралась в своей комнате, садилась на пол и, раскачиваясь, непрерывно мычала. Потом громко вскрикивала и вновь принималась мычать. Мы пытались помыть ее, переодеть, уложить в кровать, но она не давалась. И ничего не ела. Бургунд зажимал ей нос, а Кардикса вливала в рот разбавленное вино. На большее мы не решались. Мы все — Бургунд, Кардикса, Евтих, весталки и я — сочли, что ты бы не захотел, чтобы ее кормили насильно. Если мы ошибались, прости.

Сегодня утром она умерла. Смерть была легкой. Никакой агонии (Попиллия, старшая весталка, говорит, что это милость богов). Она много дней не произносила ни слова, но перед смертью заговорила логично и ясно. В основном речь шла о Юлии. Аврелия просила всех нас — взрослые весталки тоже присутствовали — принести за Юлию жертвы Великой Матери, Юноне Спасительнице и Вона Деа. Кажется, о Вона Деа она особенно беспокоилась. И настаивала, чтобы мы обещали помнить о ней. Я, например, поклялась, что в течение года каждый день буду давать змеям этой богини яйца и молоко. «Иначе, — сказала она, — с твоим мужем случится что-то ужасное». Она не называла тебя по имени до самой последней минуты, а тогда изрекла: «Передайте Цезарю, что все делается к его вящей славе». Потом закрыла глаза и перестала дышать.

Больше сказать нечего. Мой отец занимается похоронами. И он, конечно, напишет тебе. Но он

настоял, чтобы скорбную весть сообщила тебе именно я. Мне очень жаль. Я ее очень любила.

Пожалуйста, береги себя, Цезарь. Я знаю, каким это будет ударом для тебя, особенно после смерти Юлии. Хочу понять, почему так выходит, но не понимаю. Зато почему-то ее понимаю смысл последней фразы Аврелии. Боги посылают больше испытаний тем, кого любят. Все это — к твоей вящей славе.

Весть не вызвала слез.

«Наверное, я уже знал, что именно так все и кончится. Мать — и без Юлии? Невероятная вещь. О, почему женщины должны так страдать? Они не правят миром, они ни в чем не виноваты. Так почему, почему?»

Их жизнь замкнута, сосредоточена на домашних заботах. Сначала дети, потом дом, потом муж — в таком порядке. Такова их природа. И ничего для них нет более жуткого и жестокого, чем пережить своих детей. Эта часть моей жизни закрылась навсегда. Я больше никогда не открою туда дверь. У меня не было никого, кто бы любил меня крепче, чем мать и дочь. А моя бедная маленькая жена — незнакомка, которой кошки куда ближе, чем я. Да и почему должно быть иначе? Они всегда с ней, они ее любят. А меня никогда нет рядом. Я ничего не знаю о любви, кроме того, что она связывает человека. И хотя я совершенно опустошен, силы мои прибывают. Это меня не сломит. Это освобождает меня. Все, что мне суждено сделать, я сделаю. Больше нет никого, кто может мне что-либо запретить».

Он собрал три свитка — от Сервилии, от Кальпурнии, от Аврелии — и покинул дом.

Сборы легионов в дорогу всегда были сопряжены с большими хлопотами, и везде что-то жгли, чему Цезарь был рад: он искал раскаленные угли. В такую погоду костры разводили нечасто. Негаснувший огонь поддерживали всегда, но он принадлежал Весте, и, чтобы воспользоваться им для мирских целей, нужно было провести ритуал и прочесть молитвы. Великий понтифик не стал бы профанировать это таинство.

Но как и для свитка Помпея, он нашел поблизости подходящий костер. И бросил туда письмо Сервилии, глядя с сарказмом на

охватившее его пламя. Потом то же случилось с письмом Кальпурнии — на него он смотрел равнодушно. Последним было письмо Аврелии, нераспечатанное. Цезарь без колебания бросил его в огонь. Что бы она там ни написала, уже не имело значения. Окруженный танцующими в воздухе хлопьями пепла, Цезарь накрыл голову складками тоги с бордовой каймой и произнес слова очищения.

* * *

Марш в восемьдесят миль от порта Итий до Самаробривы был легким: в первый день — по изрезанной колеями дороге, через густые дубравы, во второй — через обширные вырубki, возделанные под посеvy или под пастбища для бесшерстных галльских овец, а также для более крупного скота. Требоний ушел с двенадцатым легионом намного раньше Цезаря, который снялся с места последним. Фабий, остававшийся с седьмым легионом в порту, разобрал частокol вокруг лагеря, слишком большого для одного легиона, и выгородил площадку, достаточную для размещения своих людей. Довольный, что опорный пункт хорошо укреплен, Цезарь с десятым легионом отправился в Самаробриву.

Десятый был его любимым легионом, с которым он любил работать сам. Несмотря на порядковый номер, это был первый легион Дальней Галлии. Когда Цезарь примчался из Рима в том марте почти пять лет назад, преодолев семьсот миль за восемь дней по козьей тропе через высокие Альпы, в Генаве он нашел десятый легион с Помптинием. К тому времени как прибыли пятый легион «Жаворонок» и седьмой под командованием Лабиена, Цезарь успел сойтись с этими молодцами. Просто по жизни, не в ходе сражения. Отсюда и пошла гулять по армии Цезаря шутка, что за каждый бой он заставляет солдата перелопачивать горы земли и камней. В Генаве десятый легион (с присоединившимися позднее «Жаворонком» и седьмым) возвел вал высотой в шестнадцать футов и длиной в девятнадцать миль, чтобы не пустить в Провинцию мигрировавших гельветов. В армии говорили, что сражения были наградами Цезаря за все это копанье, строительство, заготовку леса — за упорную работу. И никто не работал лучше и больше, чем десятый легион, который и сражался

храбрее и умнее других в очень редких сражениях, потому что без необходимости Цезарь в бой не лез.

И результат работы армии был очевиден, когда десятый, покинув порт Итий, ровной колонной и с песнями прошагал через земли моринов. Ибо изрезанная колеями дорога через дубовые рощи была практически безопасной. По обе ее стороны на расстоянии в сто шагов возвышались завалы из поваленных деревьев, а вырубку усеивали торчащие пни.

Два года назад Цезарь привел чуть больше трех легионов (на случай нападения моринов), чтобы замостить путь для экспедиции, которую он планировал в Британию. Ему нужен был порт на побережье, расположенном очень близко к таинственному острову. Хотя он послал герольдов с просьбой о договоре, морины послов не прислали.

Они напали в разгар строительства лагеря. И Цезарь оказался на грани поражения. Если бы у моринов был предводитель поразумнее, война в Длинноволосой Галлии закончилась бы там и тогда, а Цезарь и его войско были бы мертвы. Но почему-то, не нанеся последнего, сокрушительного удара, морины скрылись в своих дубовых лесах. Цезарь, охваченный яростью, собрал остатки армии и сжег убитых. Как обычно, это была холодная, ничем не выдаваемая ярость. Как проучить моринов, чтобы они поняли, что Цезарь все равно победит? Что за каждого павшего римлянина они заплатят ужасными страданиями?

Он решил не отступать. Нет, он пойдет только вперед, до самых соленых болот побережья. И не по узкой тропе среди древних дубов, являвшихся отличным укрытием для моринов. Нет, он поведет войско по широкой дороге, при ослепительно ярком солнечном свете.

— Парни, эти морины — друиды! — крикнул он своим молодцам. — Они верят, что у каждого дерева имеется душа, дух! А дух какого дерева священен для них? Дуба! В каких рощах они устраивают свои моления? В дубравах! На какое дерево взбирается при лунном свете их главный жрец, одетый в белое, прежде чем срезать омелу золотым серпом? На дуб! С ветвей какого дерева свешиваются, стуча костями на ветру, скелеты несчастных, принесенных в жертву Езусу, их богу войны? С дуба! Под каким деревом друид ставит алтарь с водруженным на него связанным человеком, чтобы разрубить тому позвоночник и предсказать по судорогам убитого будущее? Под дубом!

Подле какого дерева они плетут клетки, а потом набивают их пленниками и поджигают в честь Тараниса, своего бога грома? Это опять-таки дуб!

Он помолчал, сидя на верном Двупалом, с крупа которого ровными складками свешивался алый плащ, и ободряюще улыбнулся. Его измученные солдаты улыбнулись в ответ.

— Верим ли мы, римляне, что в деревьях есть дух? Верим?

— НЕТ! — взревели солдаты.

— Верим ли мы в мощь и магию дуба?

— НЕТ! — взлетело ввысь.

— Верим ли мы в человеческие жертвоприношения?

— НЕТ!

— По нраву ли нам эти люди?

— НЕТ! НЕТ! НЕТ!

— Тогда мы убьем их ум и их волю, доказав им, что Рим могущественнее, чем самые раскидистые и могущественные дубы! Что Рим вечен, а дерево — нет! Мы выпустим духов из их священных деревьев на волю и пошлем преследовать тех, кто поклоняется им!

— ДА! — в один голос вскричали солдаты.

— Тогда беритесь за топоры!

Миля за милей сквозь дубовый лес Цезарь и его люди гнали моринов обратно в их болота, валя дубы полосой в тысячу футов, складывая сырые гладкие стволы и ветки в большую стену по обе стороны дороги, ведя счет каждый раз, когда очередное могучее старое дерево со стоном валилось на землю. Сходившие с ума от ужаса и горя морины не могли сопротивляться. Они с причитаниями отступали, пока их не поглотили их собственные топи.

Небо тоже рыдало. По краю болот пошел дождь, он лил и лил, пока палатки римлян насквозь не промокли. Не имевших возможности просушиться солдат бил озноб. И все же сделано было достаточно. Удовлетворенный Цезарь увел своих людей в зимние лагеря. Но слухи успели распространиться повсюду. Потрясенные белги и кельты не понимали, как убийцы деревьев могут мирно спать ночью и смеяться днем.

Очевидно, их охраняли римские боги. Римские солдаты словно не чувствовали касаний черных магических крыльев. На обратном марше

они шагали, распевая песни среди поверженных, молчаливых гигантов, и это им ничуть не вредило.

А Цезарь шагал вместе с ними, смотрел на завалы и улыбался. Он постиг новый способ ведения войн. В нем вызревала идея одерживать победы не на поле брани, а в моральных баталиях. При таких поражениях галлам уже никогда не скинуть ярмо. Длинноволосая Галлия должна будет склониться, ибо сам Цезарь склоняться не умел и не мог.

Греки говаривали, что в мире ничего нет безобразнее, чем укрепления галлов. Увы, Самаробрива вполне тому отвечала. Крепость стояла на речке Самара, в центре долины, раньше покрытой буйной растительностью, а сейчас выжженной и сухой, но все же более плодородной, чем другие места. Это была главная крепость племени белгов и амбианов, тесно связанных с Коммием и атребатами, их северными родственниками и соседями. На юге и на востоке владения этих племен граничили с землями свирепых и воинственных белловаков, подчинившихся Риму лишь внешне.

Однако красота местности не входила в список приоритетов Цезаря, когда он проводил кампании. Самаробрива устраивала его. Хотя Галлия Белгика не имела гор, подходящих для разработок, а галлы и в лучшие времена не слыли искусными каменотесами, стены крепости были каменными. Римляне снабдили их башнями, расширившими поле обзора для караульных. Крепостные ворота обнесли дополнительным валом, а военный лагерь под стенами укрепления был взят в частокол.

Внутри крепости было просторно, но как-то уныло. В ней, собственно говоря, и не жили, а лишь хранили продукты и сокровища белгов и амбианов. Никаких улиц, только складские помещения без каких-либо окон и высокие зернохранилища, разбросанные как попало. Впрочем, имелся там и большой двухэтажный рубленый дом. В военное время его занимал главный вождь с приближенными, а в мирное время служил помещением для общих собраний. На верхнем этаже, где поселился Цезарь, было значительно меньше комфорта, чем ожидал Требоний (во время предыдущей зимовки Требоний построил для себя и своей любовницы-амбианки каменный дом над печкой, которую топили углем и которая обогревала пол и большую ванну).

В крепости не было ни одной нормальной уборной, расположенной над канавой с проточной водой, которая уносила бы прочь экскременты — в реку или в обводной ров. В этом отношении солдаты были устроены лучше. У Цезаря в каждом зимнем лагере имелись подобные нужники. Выгребные ямы он тоже разрешал отрывать, но — глубокие и с условием ежедневно посыпать их содержимое тонким слоем извести, ибо без этого даже в холодную пору такие ямы могли служить рассадниками болезней, загрязняя грунтовые воды, а солдат, настроенный на победу, не должен болеть. Но галлы таких тонкостей не понимали, ибо городов не имели и жили не скученно — в небольших поселениях или на хуторах. А войны их длились не более нескольких дней. Поэтому они брали в походы своих жен и невольниц, оставляя на рабов все хозяйство, а на друидов — леса.

Деревянная дощатая лестница, ведущая наверх, в зал собраний, была пристроена к дому снаружи и защищена стенками и навесом от ударов стихий. Под ней Цезарь выкопал такую глубокую яму, что она походила скорее на колодец. Он копал до тех пор, пока не дорылся до подземного стока, впадавшего в реку. Не совсем то, но лучше, чем ничего. Этим сооружением стал пользоваться и Требоний, дозволив своему командиру в обмен пользоваться его купальней. По мнению Цезаря, сделка была неплохой.

Крыша дома была прежде соломенной, подобно любой галльской крыше, но Цезарь, как и все римляне, очень боялся пожара, а еще пуще — крыс и птичьих вшей, не без причины считая, что солому изобрели специально для них. Поэтому ее сняли и заменили шиферной плиткой, привезенной с пиренейских предгорий. Но все равно жилью Цезаря было холодным, сырым и плохо проветривалось через маленькие подслеповатые окна, защищенные к тому же сплошными ставнями, а не резными, хорошо пропускавшими воздух, как в римских домах. Впрочем, он не стал ничего менять, потому что обычно не оставался в Длинноволосой Галлии на отпускные полгода, какие предоставляли его войску дожди и зима, а отправлялся в Италийскую Галлию и Иллирию и путешествовал по ее городкам, пользуясь своим положением и наслаждаясь всем тем, что оно давало ему.

Но эта зима отличалась от прочих. Он не поедет ни в Италийскую Галлию, ни в Иллирию. Самаробрива на эти полгода становится его

домом. Никакой череды соболезнований, особенно после смерти Аврелии. Дочь и мать умерли. Кто будет третьим? Хотя, если вдуматься, смерти всегда попарно врывались в его бытие. Гай Марий с отцом. Циннилла с тетушкой Юлией. Теперь дочь и мать. Да, только попарно. И что?

Его вольноотпущенник Гай Юлий Трасилл стоял, улыбаясь и кланяясь, наверху.

— Я пробуду здесь всю зиму, Трасилл. Что бы нам сделать, чтобы превратить это место в сносное жилище? — спросил он, поднимаясь по лестнице и стягивая свой алый плащ.

Двое слуг почтительно ждали, чтобы совлечь с него кожаную кирасу и юбку. Но сначала ему следовало снять алый пояс. Он, и только он, имел право дотрагиваться до этого символа высшей власти. Развязав пояс, Цезарь аккуратно сложил его и убрал в украшенный драгоценностями ларец, который Трасилл держал перед ним. Его нижнее платье из алого льна было подбито шерстью, достаточно толстой, чтобы впитывать пот. Многие римские генералы предпочитали на маршах тунику, даже посиживая в двуколках. Но солдаты маршировали в тяжелых кольчугах, поэтому Цезарь надевал кирасу. Слуги сняли с него походную обувь, надели ему домашние туфли из Лигурийского фетра и унесли военные доспехи на хранение.

— Надо выстроить новый дом, Цезарь. Настоящий, как у Гая Требония, — позволил себе усмехнуться Трасилл.

— Ты прав. Я завтра же займусь подбором участка.

Он улыбнулся и скрылся в большой комнате, обставленной в римском стиле.

Ее там не оказалось, но Цезарь услышал, как она в детской сюсюкает с малышом. Лучше подойти к ней сейчас, когда она занята. Тогда он уклонится от слишком бурных изъятий любви. Иногда ему это нравилось, но не сегодня. Настроение было не то.

Так и есть. Она склонилась над детской кроваткой, ее сказочно пышная грива заслоняет ребенка, видны лишь два шерстяных пурпурных носочка. Она всегда одевает мальчика в пурпур, несмотря на недовольство Цезаря. Она — дочь царя, и ее сын тоже будет царем. Отсюда и пурпур.

Она скорее почувствовала, чем услышала, как он вошел, и сразу выпрямилась. Глаза засияли, она широко улыбнулась, так велика была

ее радость. Но, увидев его бороду, нахмурилась.

— Папа! — пролепетал малыш, протягивая ручонки.

Он больше походил на тетушку Юлию, чем на самого Цезаря, и одного этого уже было более чем достаточно, чтобы растопить сердце отца. Те же большие серые глаза, та же форма лица и, к счастью, такая же смуглая кожа, а не галльская, бледно-розовая и веснушчатая. А волосы точно такие же, как у Суллы, ни рыжие, ни золотистые. Похоже, имя Цезарь — «пышноволосый» — ему бы весьма подошло. А то недруги все время хихикают, глядя на редеющие волосы Цезаря! Жаль, что этого мальчика никогда не назовут Цезарем. Она назвала его Оргеторигом, как своего отца, царя гельветов.

Она была главной женой Думнорига в те дни, когда того затенял его собственный ненавистный брат, главный вергобрет эдуев.

Когда все выжившие после попытки мигрировать гельветы были оттеснены на свое высокогорье и Цезарь справился с Ариовистом, царем свевов-германцев, он проехал по землям эдуев, чтобы поближе познакомиться с ними, ибо отводил им важную роль в своих планах. Это были кельты, но наиболее романизированные во всей Дальней Галлии. Они заслужили статус друга и союзника римского народа и поставляли римской армии кавалерию. Знать их употребляла в обиходе латынь.

Поначалу Цезарь, усмирив гельветов и германцев, постоянно вторгавшихся в Галлию из-за Рейна, намеревался начать завоевание реки Данубий по всему течению, от истоков до моря. Но в ходе кампании его планы переменились. Данубий может подождать. Сначала следует обеспечить безопасность Италии на западе, навести порядок во всей Дальней Галлии, превратив ее в мощный буфер между германцами и Нашим морем. Утвердила его в этом мнении воинственность Ариовиста. Если Рим не завоюет и полностью не романизирует все галльские племена, они достанутся германцам. А после настанет черед римских земель.

Думнориг замышлял заменить брата и стать самым влиятельным человеком среди эдуев, но после поражения своих союзников гельветов (союз этот был скреплен браком) он ретировался в собственное поместье близ города Матискон зализывать раны. Там Цезарь и нашел его, возвращаясь в Италийскую Галлию, чтобы хорошо все обдумать.

Управляющий проводил высокого гостя в отведенные для него апартаменты и удалился, сказав, что хозяин почтительно ожидает в приемной.

Он вошел в эту приемную в самый неподходящий момент, когда крупная статная женщина, изрыгая проклятия, размахнулась и мощной ручищей так двинула в челюсть хозяина дома, что Цезарь услышал, как клацнули его зубы. Думнориг рухнул на пол, а женщина, окутанная сказочным облаком рыжих волос, незамедлительно пустила в ход ноги. Шатаясь, поверженный поднялся, но его опять опрокинули, причем без всяких усилий. Тут в комнату вбежала еще одна женщина, такая же крупная, но моложе, однако ей тоже не повезло: рыжеволосая ударом снизу послала ее в нокаут.

Прислонившись к стене, Цезарь с большим удовольствием наблюдал эту сцену.

Думнориг увернулся от ужасных ножищ, привстал на колени и увидел посетителя.

— Не обращайтесь на меня внимания, продолжайте, — сказал Цезарь.

Это послужило сигналом к окончанию раунда, но не схватки. Рыжеволосая злобно пнула недвижимое тело своей второй жертвы и отошла в сторону, тяжело дыша. Ее пышная грудь бурно вздымалась, синие глаза злобно сверкали. Она в упор разглядывала незнакомца, очевидно высокопоставленного вельможу, в окаймленной пурпуром тоге.

— Я... не ожидал тебя... так скоро! — задыхаясь, проговорил Думнориг.

— Я это понял. Твоя дама дерется лучше атлетов на играх. Но если хочешь, я вернусь в свои покои, чтобы ты мог мирно разрешить свой домашний кризис. Если, конечно, слово «мирно» подходит.

— Нет, нет!

Думнориг одернул рубашку, поднял с пола накидку и увидел, что брошь с нее сорвана, а у рубашки оторван рукав. Он с гневом воззрился на рыжеволосую.

— Я убью тебя, женщина!

— Нельзя ли мне разрешить ваш спор? — спросил Цезарь, вставая между Думноригом и его ненавистницей.

— Благодарю тебя, Цезарь, но нет. Все уже сделано. Я только что развелся с этой волчицей.

— Волчицей? Волчица вскормила Ромула и Рема. Советую тебе послать ее на поле битвы. Она без труда распугает германцев.

Услышав имя гостя, женщина в изумлении вскинулась и подступила к нему вплотную.

— Я — плохая жена! — выкрикнула она. — Теперь мои люди ему не нужны, когда они потерпели поражение и возвратились в свои земли. Поэтому он и развелся со мной! Без всяких причин, просто он так решил! Я не блудница, не нищая, не рабыня! Он отверг меня без причины! Я, видите ли, плохая жена!

— Это соперница? — спросил Цезарь, указывая на лежащую девушку.

Рыжеволосая презрительно вздернула верхнюю губу, потом сплюнула.

— Тьфу!

— У тебя есть дети от этой женщины, Думнориг?

— Нет, она бесплодна! — быстро отреагировал Думнориг, хватаясь за эту идею как за оправдание своих действий.

— Я не бесплодна! Ты что, считаешь, что дети появляются ниоткуда у друидов на алтарях? Из-за шлюх и вина, Думнориг, ты уже не в состоянии обрюхатить ни одну из своих жен!

Она вскинула руку, но Думнориг отскочил.

— Только тронь меня, женщина, и я перережу тебе горло от уха до уха!

Он выхватил нож.

— Ну-ну, — неодобрительно промолвил Цезарь. — Убийство всегда убийство, а в особенности в присутствии проконсула Рима. Но если вы хотите продолжить сражение, я не прочь быть судьей. Но — с равным оружием, Думнориг. Может быть, женщина тоже выберет нож?

— Да! — прошипела она, но поединок не состоялся.

Лежащая на полу девушка застонала, и Думнориг бросился к ней. Рыжеволосая обернулась, глядя на них, а Цезарь смотрел на нее. Да, она ничего себе! Рослая, сильная, но это ее не портит. Узкая талия, мощные бедра, высокая грудь. И длинные ноги. Они прибавляют ей роста, подумал Цезарь. Но больше всего его поразили ее волосы. Пышные, яркие, словно пламя, они спускались ниже колен, как

генеральский плащ. Их было так много, что казалось, они существуют отдельно. У большинства галльских женщин были великолепные волосы, но не такие блестящие и густые.

— Ты из гельветов? — спросил он неожиданно.

Она резко повернулась к нему. И поглядела так, словно увидела нечто большее, чем пурпур на тоге.

— Ты — Цезарь?

— Да. Но ты не ответила на мой вопрос.

— Моим отцом был царь Оргеториг.

— Вот как? Он ведь покончил с собой.

— Его заставили это сделать.

— Значит ли это, что ты вернешься к своим?

— Я не могу.

— Почему?

— Я разведена. Никто не возьмет меня в жены.

— Да, это стоит нескольких тумачков.

— Он несправедлив ко мне! Я этого не заслужила!

Думноригу удалось поднять девушку с пола, и теперь он стоял, поддерживая ее.

— Убирайся прочь из моего дома!

— Не уберусь, пока ты не вернешь мое приданое!

— Я развелся с тобой и имею право оставить его себе!

— Да будет тебе, Думнориг, — спокойно вступил в разговор Цезарь. — Ты очень богат, зачем тебе ее приданое? Она говорит, что не может вернуться к сородичам. Значит, ей следует дать возможность жить в достатке где-то еще.

Он повернулся к рыжеволосой.

— Что он тебе должен?

— Двести коров, двух быков, пятьсот овец, кровать с постельным бельем, стол, кресло, мои драгоценности, лошадь, десяток рабов и тысячу золотых, — перечислила она без запинки.

— Верни ей все, Думнориг, — сказал Цезарь тоном, не допускающим возражений. — Я увезу ее из твоих земель и поселю где-нибудь ближе к Риму.

Думнориг смутился.

— Цезарь, я не могу утруждать тебя!

— Пустяки. Мне как раз по пути.

Дело решилось. Когда Цезарь покидал земли эдуев, за ним следовали двести коров, два быка, пятьсот овец, повозка, груженная мебелью и сундуками, небольшая кучка рабов и мрачная рыжеволосая, угрюмо восседавшая на итальяйском коне.

Что бы ни думали об этом цирке сопровождающие Цезаря, они держали это при себе, благодарные уже за то, что их больше не донимали поручениями и диктовкой всяческих писем. Их генерал неспешно ехал рядом с дикаркой и провел в разговорах с ней всю дорогу от Матискона до Аравсиона, где лично проследил за покупкой земельной собственности, достаточной, чтобы прокормить все стада и отары. Рыжеволосую и кучку рабов он поселил в просторном поместье.

— Но у меня нет ни мужа, ни покровителя, — заявила она.

— Ерунда! — возразил он, смеясь. — Это Провинция, она принадлежит Риму. Весь Аравсион знает, кто поселил тебя здесь. Я — губернатор. Никто не осмелится тебя тронуть. Наоборот, все будут лезть из кожи, выслуживаясь перед тобой.

— Значит, отныне ты — мой защитник?

— Конечно, именно так они и думают.

Во время путешествия она метала громы и молнии. Но теперь улыбнулась, обнажая великолепные зубы.

— А что думаешь ты?

— Что мне бы хотелось закутаться в твои волосы, словно в тогу.

— Я сейчас расчешу их.

— Нет, — возразил он, садясь в седло. — Лучше вымой. Для этого в твоём доме существует купальня. Мойся каждый день, Рианнон. Я приеду весной.

Она нахмурилась.

— Рианнон? Меня зовут не так, ты ведь знаешь.

— Твое настоящее имя нелегко выговаривать. Я буду называть тебя Рианнон.

— Что это значит?

— Плохая жена. Что-то в этом роде.

Он пришпорил коня и ускакал. Но весной, как и обещал, возвратился.

Никому не известно, что почувствовал Думнориг, увидав ее на своих землях в генеральском обозе, но эдуи посмеивались, почти не

таясь. Особенно после того, как плохая жена родила Цезарю сына. Причем это не отвратило ее от путешествий с обозом.

Где бы Цезарь ни размещал свою ставку, она с ребенком селилась там. И ухаживала за Цезарем. Такой порядок устраивал их обоих. Разлуки только подпитывали влечение Цезаря к ней, а она, усвоив урок, мылась сама и мыла сына. Так рьяно, что оба блестели.

Цезарь вынул ребенка из кровати, поцеловал его, прижал к своей шершавой щеке маленькое цветущее личико, потом перецеловал все пухлые, в ямочках, пальчики.

— Он узнал меня, несмотря на бороду.

— Думаю, он узнал бы тебя даже в ином обличье.

— Моя дочь и моя мать умерли.

— Да. Требоний сказал мне.

— Не будем о том говорить.

— Требоний сказал еще, что ты остаешься здесь на зиму.

— Ты хочешь вернуться в Провинцию? Я могу отослать тебя.

— Нет.

— Мы построим дом до того, как выпадет снег.

— Прекрасно.

Продолжая переговариваться, они расхаживали по детской. Цезарь с удовольствием разглядывал сына, глядя его золотисто-рыжие кудри и восхищаясь крошечными веерами ресниц на кремово-розовых щечках.

— Он заснул, Цезарь.

— Тогда уложим его.

Он опустил ребенка в кровать, накрыл мягким пурпурным шерстяным одеялом. Потом приобнял за плечи мать и вывел в гостиную.

— Уже поздно, но ужин готов, и если ты хочешь...

— Всегда, когда вижу тебя.

— Сначала поешь. Ты мало ешь, и мне надо как можно больше впихнуть в тебя. У меня есть жаркое из оленины, свинины. И хрустящий хлеб, только из печки, и овощи с огорода.

Замечательная хозяйка, совершенно не походящая на римских женщин. Царских кровей, но возится в огороде, сама делает сыр, перетряхивает матрасы...

В комнате тлели жаровни, их уголья светились по углам. Дощатые стены были завешаны медвежьими и волчьими шкурами, но в щели все

же сквозило. Впрочем, зима еще не вступила в свои права. Они ужинали, сидя рядом на одной из кушеток. Контакт был скорее дружеским, чем плотским. А потом она взяла свою арфу и заиграла.

Может быть, думал он, его так влечет к ней еще и по этой причине. Они умеют брать за душу, эти длинноволосые галлы, перебирая дрожащие струны. Итальянская музыка более мелодична, но в ней нет столь бурных импровизаций. Греческая музыка почти идеальна, но в ней нет этой мощи и слез. Она запела, и Цезарь, который любил музыку даже больше, чем литературу или живопись, слушал как замороженный.

Любовные игры, которыми они потом занялись, походили на продолжение музыки. Он был ветром, бушующим в небесах, он был мореплавателем в океане звезд, и в песне ее тела он находил исцеление.

* * *

Поначалу казалось, что волнения в Галлии начнутся по инициативе кельтов. Цезарь уже целый месяц наслаждался уютом нового каменного дома, когда ему сообщили, что старейшины племени карнутов, подстрекаемые друидами, убили своего царя Тасгетия. Обычно такие вещи никого не удивляли, но в данном случае это был тревожный симптом. Тасгетий стал царем благодаря влиянию Цезаря. Карнуты были особенно важны, к тому же многочисленны и богаты, ибо центр сети друидов на всей территории Длинноволосой Галлии располагался на землях карнутов, в месте, называемом Карнут. Это не было ни крепостью, ни городом, скорее заботливо охраняемым скоплением дубовых, рябиновых и ореховых рощ, среди которых располагались небольшие деревни, где жили друиды.

Друиды всегда находились в непримиримой оппозиции к Риму, ибо тот представлял собой весьма притягательный вариант вероотступничества для галльских племен. И дело тут было вовсе не в Цезаре, ибо к моменту его появления друиды уже двести лет неприязненно наблюдали за романизацией галльского юга. Греки находились в Провинции гораздо дольше, но они оставались в поселениях вокруг Массилии и относились к туземным традициям равнодушно. А вот римлянам никогда не сиделось спокойно. Они везде, где бы ни появлялись, ревностно принимались устанавливать римские

законы и стиль жизни, распространяя свое хваленое право гражданства на тех, кто сотрудничал с ними и хорошо им служил. Они вели решительную борьбу с нежелательными обычаями, такими, например, как отрезание голов — любимое развлечение саллувиев, обитавших между Массилией и Лигурией. И всегда возвращались, если не добивались чего-то с первого раза. Греки принесли в Галлию виноград и оливы, римляне — римский образ мышления, и теперь зажиточные южане больше не почитали друидов и посылали своих сыновей учиться в Рим, а не в Карнут.

Таким образом, прибытие Цезаря было скорее кульминацией, чем первопричиной конфликта. Поскольку он был великим понтификом, то есть главой римских священнослужителей, верховный друид попросил у него аудиенции во время его путешествия через владения карнутов. В тот год Рианнон впервые сопровождала его.

— Если ты говоришь на языке арвернов, то толмач нам не нужен, — сказал Цезарь.

— Я слышал, что ты говоришь на нескольких наших наречиях. Почему избран именно этот язык? — спросил верховный друид.

— У моей матери есть служанка из этого племени. Ее зовут Кардикса.

Друид помрачнел.

— Рабыня?

— Была ею, но недолго.

Цезарь внимательно оглядел визитера. Красивый, чисто выбритый, светловолосый. На вид ему где-то около пятидесяти. Одевается просто, без украшений: длинная белая льняная туника, и все.

— У тебя есть имя, верховный друид?

— Катбад.

— Я думал, что ты старше, Катбад.

— Я мог бы сказать то же о тебе, Цезарь. — Друид поднял глаза. — У тебя волосы галла. Это необычно для вас?

— Не так чтобы очень. На самом деле необычно быть слишком темным. Наше третье имя, как правило, сопряжено с обликом человека. Руф означает «рыжеволосый», у нас таких много. Флавий и Альбин — это блондины. А человек черноглазый и черноволосый прозывается Нигером.

— И ты верховный жрец Рима.

— Да.

— Ты унаследовал это звание?

— Нет. Я был избран. Но — пожизненно, как и все наши жрецы и авгуры. А все наши магистраты избираются только на год.

Друид некоторое время смотрел на него.

— Меня тоже избрали. Ты действительно проводишь какие-то важные ритуалы?

— Когда нахожусь в Риме.

— Мне это непонятно. Ты был главным магистратом своего народа, а сейчас возглавляешь армию. И при этом ты верховный жрец. Для нас это — противоречие.

— Для Сената и народа Рима здесь нет противоречия, — заметил Цезарь. — С другой стороны, я догадываюсь, что друиды занимают особое положение среди соплеменников. Вас можно назвать мудрецами.

— Мы жрецы, лекари, судьи и сказители, — сказал Катбад, стараясь быть приветливым.

— А-а, профессионалы! Каждый из вас углубленно занимается чем-то одним?

— Немногие, в основном те, кто любит лечить. Но все мы знаем законы, ритуалы, историю и песни наших племен. Иначе мы не были бы друидами. Чтобы стать друидом, надо учиться двадцать лет.

Они разговаривали в главном зале общественного дома в Кенабе, без переводчика, один на один. Цезарь выбрал для этой встречи одеяние великого понтифика — тунику и тогу с широкими алыми и пурпурными полосами.

— Так-так, — сказал Цезарь. — Значит, вы — носители знаний. Но не бессмертия, и потому, наверное, закрепляете то, что знаете, на бронзе, камне или бумаге! Ведь здесь знакомы с письмом.

— Друиды умеют писать. Но мы не записываем ничего из того, что относится к нашим знаниям. Это мы держим в памяти.

— Очень умно! — одобрительно заметил Цезарь.

Катбад нахмурился.

— Умно?

— Замечательный способ продлить себе жизнь. Никто не посмеет вас тронуть. Неудивительно, что друид может без боязни ступить на поле брани и остановить битву взмахом руки.

— Мы не страшимся вовсе не потому! — воскликнул Катбад.

— Я понимаю. Но все равно умно. — Цезарь решил сменить тему. — Друиды не платят налогов. Это действительно так?

— Так, — ответил, чуть напрягаясь, Катбад.

— И в армии вы не служите?

— Мы не воины.

— И не работаете?

— А ты не глуп, Цезарь. Твои слова ставят нас в положение виноватых. Мы отправляем службы и занимаемся другими вещами, получая за это вознаграждение. Я уже говорил, мы — жрецы, врачи, сказители, судьи.

— Вы женитесь?

— Да, мы женимся.

— Но вас и ваши семьи содержат другие?

Катбад едва сдержался.

— В ответ на услуги, которые неоценимы.

— Да, я понимаю. Очень умно!

— Я думал, Цезарь, ты будешь более деликатным. Почему ты нас оскорбляешь? Ведь издевка тебе несвойственна.

— Я вас не оскорбляю, Катбад. Я констатирую факты. Мы, римляне, очень мало знаем о жизни галльских племен, до сей поры не имевших с нами никакого контакта. Полибий немного писал о друидах, упоминали о вас и другие, менее видные историки. Однако Сенат ждет подробных отчетов, а вопросы — самый лучший способ о чем-то узнать, — сказал Цезарь, улыбаясь, но сухо. — Расскажи мне о женщинах.

— О женщинах?

— Да. Я заметил, что женщин, как и рабов, могут подвергать пыткам, а мужчин — нет. Я также слышал, что тут в ходу многоженство.

Катбад выпрямился.

— У нас десять степеней брака, Цезарь, — сказал он с достоинством. — Это дает мужчине свободу решать, сколько ему нужно жен. Галлы воинственны. Мужчины гибнут в боях. А потому женщин у нас всегда больше. Наши законы и обычаи — для нас, не для римлян.

— Да, конечно.

Катбад шумно вздохнул.

— У женщин свое место в жизни. Как и у мужчин, у них есть душа, они так же переходят из этого мира в другой. Есть среди них и жрицы.

— Друиды?

— Нет, не друиды.

— Несмотря на всю разницу, между нами есть сходство, — сказал с искренней улыбкой Цезарь. — Мы, как и вы, избираем жрецов — это сходство. Сходство и в том, что мы не позволяем нашим женщинам выполнять жреческие обязанности. Есть разница в статусе мужчин — военная служба, государственная служба, уплата налогов. — Улыбка исчезла. — Катбад, политика Рима не направлена на то, чтобы беспокоить ваших богов. Ни тебя, ни твоих людей не ущемят ни в чем. Кроме одного. Человеческие жертвоприношения должны прекратиться. Люди везде убивают друг друга. Но ни один народ по берегам Нашего моря не убивает мужчин или женщин, чтобы умилостивить богов. На алтари в храмах мы возлагаем животных. Боги не требуют человеческих жертв. Думать по-другому — ошибка.

— Люди, которых мы приносим в жертву, или пленники, или рабы, купленные специально для этого! — вспыхнул Катбад.

— Тем не менее Рим этого не приемлет.

— Ты лжешь, Цезарь! Ты и Рим — угроза нашему образу жизни! Ты и Рим — угроза для душ наших людей!

— Никаких человеческих жертв, — был ответ.

Так продолжалось еще несколько часов, собеседники изучали друг друга. И когда все закончилось, Катбад ушел от Цезаря в полной уверенности, что романизация вредна Длинноволосой Галлии. Если она будет продолжаться, все переменится, а друиды исчезнут. Поэтому Рим из Галлии надо изгнать.

В ответ Цезарь начал переговоры об избрании Тасгетия царем карнутов, благо трон в тот момент был пуст. Среди белгов этот вопрос решила бы битва, однако кельты, включая карнутов, подчинялись совету старейшин, а друиды развели бурную агитацию против ставленника чужаков. Тем не менее вердикт с небольшим преимуществом возвеличил Тасгетия, и Цезарь облегченно вздохнул. Он делал ставку на этого человека, ибо тот ребенком четыре года

прожил в Риме в качестве заложника и лучше других понимал, как опасно для его народа вступать в войну с могущественной империей.

Теперь все это осталось в прошлом. Тасгетий был мертв, а совет старейшин возглавил верховный друид.

— Ладно, — сказал Цезарь своему легату Луцию Мунацию Планку. — Мы прибегнем к тактике вооруженного выжидания. Карнуты — народ весьма непростой, и убийство Тасгетия, возможно, не направлено против Рима. Вполне вероятно, что причиной тому какая-то внутриплеменная вражда. Возьми двенадцатый легион и ступай к их главному городу Кенабу. Стань зимним лагерем у его стен и наблюдай. К счастью, там мало леса, так что внезапно напасть они не смогут. Но все равно будь готов к неприятностям.

Планк был еще одним протеже Цезаря, как Требоний и Гиртий.

— А как быть с друидами? — спросил он.

— Никак, Планк. Религиозный аспект в этой войне мне не нужен. Это ожесточит многих. Сам я друидов не выношу, но порождение еще большего антагонизма в мои планы не входит.

Планк увел двенадцатый легион, Цезарь остался с десятым. На миг у него возникла мысль пригласить на освободившиеся места Марка Красса с восьмым легионом, который находился лишь в двадцати пяти милях от Самаробривы, но потом он решил оставить все как есть. Нутром он чуял, что кашу заварят не кельты, а белги.

И чутье его не подвело. Покоряемые им народы имели свойство выдвигать людей, способных ему противостоять, и один такой человек появился. Его звали Амбиориг, он был соправителем белгских эбуронов, на чьих землях в крепости Атватука стоял зимний лагерь тринадцатого легиона, состоявшего из неопытных рекрутов, которыми командовали Сабин и Котта.

Длинноволосая Галлия не являлась единой страной, особенно в части согласия между северо-западными белгскими кельтами и южными чисто кельтскими племенами. Такое отсутствие единства было на руку Цезарю, ибо Амбиориг не искал союзников среди кельтов, а обратился к своим соплеменникам белгам. Это позволяло Цезарю воевать поочередно с каждым племенем, а не со всеми сразу.

Атватуков осталась горсть, там было не на кого опереться с тех пор, как Цезарь продал основную массу племени в рабство. Не мог Амбиориг надеяться и на сотрудничество с атребатами, ибо Коммий, их

царь, плясал под римскую дудку, замышляя сделаться верховным правителем Длинноволосой Галлии. Были еще нервии, потерявшие, правда, прежнее положение, однако еще способные выставить ужасающее количество воинов. Но к сожалению, пехотинцев, а Амбиориг был кавалеристом. Трудно представить нелепицу поразительнее, чем пешая армия, не поспевающая за всадником-вожаком. Амбиориг нуждался в треверах, отменных конниках и самым многочисленным и сильным племенем среди белгов.

Сам Амбиориг слыл личностью утонченной, что уже было редкостью в тех краях, и к тому же обладал броской внешностью чистокровного германца: рослый, с льняными волосами, распрямленными известью и торчавшими во все стороны, словно лучи, обрамлявшие голову бога солнца Гелиоса. Его светлые усы спускались почти до плеч, лицо с пронзительным взглядом голубых глаз было аристократически красиво. Он носил черные в обтяжку штаны и свободную длинную черную блузу под прямоугольной шафранно-желтой накидкой, на которой черно-алым пятном выделялся клетчатый знак эбуронов. Руки Амбиорига обвивали толстые, словно змеи, золотые браслеты, на запястьях сияли золотые манжеты, инкрустированные для пущей яркости янтарем. Золотыми же были нашейный обруч с замком в виде лошадиных голов, оправа янтарной броши, крепящей накидку, пояс и перевязь из золотых пластин, а также ножны меча и кинжала. Короче, он ослеплял.

Но чтобы убедить другие племена присоединиться к его эбуromам, Амбиоригу нужна была хоть одна победа. И зачем искать эту победу где-то, если прямо под боком у него сидели Сабин, Котта и тринадцатый легион, как подарок судьбы? Но их лагерь — это проблема. Горький опыт научил галлов, что внезапно напасть и захватить хорошо укрепленный лагерь римлян невозможно. Особенно когда он построен на месте грозной галльской крепости, которую римляне сделали неприступной. Длительная осада тоже не поможет, измором Атватуку не взять. Зимний лагерь римлян был снабжен хорошей питьевой водой и продовольствием в достаточном количестве, санитарные удобства гарантировали отсутствие болезней. Амбиоригу надо было как-то выманить римлян из Атватуки, но так, чтобы его эбуроны были вне опасности.

Он совсем не ожидал, что Сабин сам даст ему превосходную возможность, прислав делегацию с решительным требованием объяснить действия царя. Амбиориг поспешил лично ответить Сабину.

— Ты же не собираешься выйти из лагеря, чтобы говорить с этим варваром? — спросил Котта, наблюдая, как Сабин надевает доспехи.

— Разумеется, собираюсь. И тебя приглашаю.

— Ну нет!

Таким образом, Сабин пошел на встречу один, взяв с собой только переводчика и почетный эскорт. Переговоры проходили возле ворот Атватуки. У Амбиорига людей было меньше. Никакой опасности. Котта просто струсил.

— Почему ты набираешь войска? — сердито спросил римлянин через своего толмача.

Амбиориг виновато пожал плечами, изумленно расширив глаза.

— О благородный Сабин, я просто делаю то, что сейчас делает каждый царь и каждый вождь племени во всей Длинноволосой Галлии.

Сабин почувствовал дурноту.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, облизнув вмиг пересохшие губы.

— Длинноволосая Галлия восстала, благородный Сабин.

— При сидящем в Самаробриве Цезаре? Чушь!

Опять пожатие плеч, опять изумленный взгляд голубых глаз.

— Цезаря нет в Самаробриве, благородный Сабин. Ты разве не знал? Он не стал там зимовать и отправился в Италийскую Галлию еще месяц назад. Как только он благополучно скрылся за горизонтом, карнеты убили царя Тасгетия и вспыхнул мятеж. Самаробриву непрерывно штурмуют, она вот-вот падет. Марк Красс убит, Тит Лабиев в осаде, Квинт Цицерон разгромлен и тоже убит. Луций Фабий и Луций Росций ушли в Толозу. Ты остался один, благородный Сабин.

Побелев, Сабин судорожно закивал.

— Я понимаю. Благодарю за откровенность, царь Амбиориг.

Он повернулся и на дрожащих ногах засеменил к воротам, чтобы сообщить ужасную новость Котте. У того отвисла челюсть.

— Не верю ни единому слову!

— Напрасно, Котта. О боги, Красс и Цицерон убиты!

— Если бы Цезарь решил уйти в Италийскую Галлию, он дал бы нам знать!

— Возможно, он так и сделал. Но сообщение до нас не дошло.

— Поверь мне, Сабин, Цезарь в Самаробриве! Тебя обманули, чтобы вынудить нас отступить. Не слушай Амбиорига! Он — лиса, а ты — кролик.

— Мы должны уйти, пока он не вернулся. Сейчас же!

Единственным свидетелем этого разговора был первый центурион первой центурии, известный под прозвищем Горгона — его взгляд заставлял солдат окаменеть. Убеленный сединами ветеран, служивший еще при Помпее, когда тот воевал против Сертория в Испании, имел талант наставника и большой воинский опыт. Цезарь потому и отдал ему под присмотр легион новичков.

Котта умоляюще посмотрел на него.

— Горгона, а ты что мыслишь?

Фантастический шлем с большим косым гребнем наклонился.

— Луций Котта прав, Квинт Сабин, — сказал первый центурион. — Амбиориг лжет. Хочет, чтобы мы запаниковали и снялись с места. Внутри лагеря ему нас не достать. Но на марше — другое дело. Мы будем живы, если останемся тут. А если выйдем — умрем. Ребята у нас неплохие, но чересчур зелены. Им бы пару боев под началом хорошего генерала. И пару кампаний для лучшей закалки. Но если их бросить в битву одних, без других, более опытных легионов, они не выстоят. А я не хочу это видеть, Квинт Сабин. Я не хочу понапрасну губить таких хороших ребят.

— А я говорю, мы выходим! Немедленно! — крикнул Сабин.

Он стоял на своем и через час препирательств. Но и Котта с Горгоной не уступали. В конце концов проголодавшийся от волнения Сабин убежал к поварам. Котта и Горгона недоуменно уставились друг на друга.

— Вот идиот! — выругался Котта, игнорируя правило не судить действия старших по званию в присутствии нижних чинов. — Он всех нас погубит.

— Беда в том, — задумчиво сказал Горгона, — что он самостоятельно, без чьей-либо помощи выиграл одну битву и теперь считает, что постиг воинскую науку лучше, чем сам Рутилий Руф. Но венеллы не белги. Виридовиг тупица, а Амбиориг — нет. Он очень опасен.

Котта вздохнул.

— Тогда продолжим наш спор.

И они продолжили. Уже близилась ночь, но Сабин все упирался и злился.

— Да прекрати же, в конце концов! — гаркнул Горгона, теряя терпение. — Во имя Марса, взгляни правде в глаза! Покинув пределы лагеря, мы все погибнем! Все, Квинт Сабин! Не только я, но и ты! Возможно, ты и готов умереть, но мне это не по нраву! Цезарь сидит в Самаробриве, и да помогут тебе все боги, когда он узнает, что ты тут творишь!

Человек, едва выносивший присутствие царя Коммия на советах, конечно, не собирался терпеть поношения от какого-то центуриона, пусть даже и ветерана. Побагровев, Сабин размахнулся и ударил зарвавшегося подчиненного по лицу. Для Котты это было уже чересчур. Он встал и коротким тычком сбил Сабина с ног, а потом принялся награждать тумаками.

Пораженный Горгона едва разнял их.

— Уймитесь, прошу вас! — выкрикнул он. — Выдумаете, мои ребята глухи и слепы? Они понимают, что тут происходит! Что бы вы ни решили, решайте! И как можно скорей!

Чуть не плача, Котта смотрел на Сабина.

— Хорошо, Сабин, твоя взяла. Видно, сам Цезарь тебе не указ, если в твою дурью башку что-то втемяшится!

На сборы ушли целых два дня. Молодые, неопытные солдаты не слушали центурионов, убеждавших их не перегружать ранцы личным имуществом, а укладывать его на повозки. Вещицы, которые они берегли, не стоили и сестерция, но были дороги этим семнадцатилетним юнцам как память о родине.

Они двигались очень медленно, сильный ветер с Германского океана нес снег и дождь. Дорога раскисла, колеса по самые оси тонули в грязи, повозки то и дело приходилось вытаскивать, но они вновь застревали. Прошел день, Атватука исчезла в тумане. Сабин начал посмеиваться над Коттой, но тот молчал.

А Амбиориг и эбуроны уже поджидали их с удовлетворенностью хорошо знающих местность людей.

План Амбиорига сработал, и сработал отлично. Ему только осталось не позволить римлянам, бредущим вдоль реки Мозы,

соединиться с людьми Квинта Цицерона, ибо Квинт Цицерон был, естественно, жив. Как только Сабин ввел легион в узкое ущелье, Амбиориг послал пехоту преградить врагам путь, а за колонной римлян пристроились его всадники. Таким образом, тринадцатый легион оказался зажат в теснине, чего Амбиориг и добивался.

Когда оружие орды эбуранов с двух сторон накинута на маршевую колонну, первой реакцией новобранцев была дикая паника. Без своих ярко-желтых накидок атакующие казались тенями, вышедшими из подземного мира. Строй сломался, новички пытались бежать. Сабин чувствовал себя не многим лучше. От страха и отчаяния все, что он знал об отражении внезапной атаки, вылетело из его головы.

Но шок прошел, и легион понемногу оправился, спасенный от немедленного уничтожения узким пространством, в каком он оказался. Бежать было некуда, и когда Котта, Горгона и другие центурионы снова собрали рекрутов в подобие строя, те с радостью обнаружили, что врага можно бить. Безднадежность ситуации укрепила их дух, каждый решил прихватить в царство мертвых по галлу. И в то время как в голове и хвосте колонны шел бой, солдаты центра пытались взобраться на скалы, поддерживаемые обозниками и рабами.

К концу дня это все еще был тринадцатый легион, сильно поредевший, но непобежденный.

— Разве я не говорил, что они хорошие парни? — спросил у Котты Горгона, когда эбураны в очередной раз отхлынули, чтобы собраться для новой атаки.

— Будь проклят Сабин! — прошипел Котта. — Они действительно замечательные ребята! И все умрут, хотя могли бы жить и прославлять своим мужеством Рим!

— О Юпитер! — вдруг простонал ветеран.

Котта резко обернулся и ахнул. Неся палку, к которой был прикреплен белый носовой платок, Сабин пробирался между телами убитых к выходу из ущелья, где стояли Амбиориг и его свита.

Увидев Сабина, Амбиориг шагнул ему навстречу, держа длинный меч острием вниз.

— Перемирие, перемирие! — тяжело дыша, кричал Сабин.

— Я согласен, Квинт Сабин, если ты сложишь оружие, — сказал Амбиориг.

— Умоляю тебя, отпусти уцелевших! — сказал Сабин, отбрасывая меч и кинжал.

Блеснула галльская сталь. Голова Сабина взлетела в воздух, расставшись как со своим аттическим шлемом, так и с телом. Один из сопровождающих царя сумел поймать шлем, а Амбиориг пошел за катящейся по земле головой и наклонился, когда та замерла.

— Ох уж эта римская стрижка! — крикнул он, не сумев намотать на пальцы короткие волосы жертвы, а потом вонзил ногти в свой жуткий трофей и высоко поднял его, тыча мечом в сторону римлян. — В атаку! — прозвучал громкий приказ. — Возьмите их головы, возьмите их головы!

Вскоре после этого вопля был убит и обезглавлен Котта. Горгона видел это, а еще он видел, как умирающий знаменосец, собрав последние силы, отбросил назад, за линию римлян, штандарт легиона с навершием в виде серебряного орла.

С наступлением темноты эбуроны отступили. Горгона обошел своих юнцов, чтобы понять, сколько их уцелело. К сожалению, мало: из пяти тысяч — около двухсот человек.

— Хорошо, мальчики, — сказал он им, когда они собрались тесным кругом. — Теперь выньте мечи и убейте всех, кто еще дышит. А потом подойдите ко мне.

— А эбуроны вернутся? — спросил семнадцатилетний солдат.

— На рассвете, парень, но они не найдут здесь живых, чтобы сжечь их в своих клетках. Убейте раненых и возвращайтесь. Если найдете кого-нибудь из обозников и рабов, предложите им выбор: уйти и попытаться пробиться к ремам или остаться и умереть.

Солдаты ушли выполнять приказ, а Горгона поднял штандарт с орлом и огляделся. Глаза его привыкли к темноте. Ага, вот подходящее место! Он выдолбил мечом канавку в мягкой, пропитанной кровью земле и схоронил в ней орла, после чего стал наваливать на эту «могилу» трупы убитых римлян, пока она не скрылась под грудой мертвых тел. Потом сел на камень и стал ждать.

Приблизительно в полночь последние солдаты тринадцатого легиона убили себя, чтобы не быть сожженными заживо в плетеных клетках эбуронов.

Остались в живых только несколько нестроевых солдат и рабов. Они взяли мечи и щиты у мертвых легионеров, чтобы попробовать прорубиться сквозь стену врагов. Но эбуроны расступились перед ними с презрительным равнодушием, и потому Цезарь узнал о судьбе тринадцатого легиона уже к вечеру нового дня.

— Требоний, присмотри тут за всем, — сказал он, облачившись в простую стальную кольчугу и генеральский плащ.

— Цезарь, тебе нельзя ехать без должной охраны! — воскликнул Требоний. — Возьми весь легион, а я призову сюда Марка Красса с его восьмым для защиты Самаробривы.

— Амбиориг уже ушел, — уверенно возразил Цезарь. — Он знает, что мы захотим отомстить, и попусту рисковать не намерен. Я послал гонцов к Доригу, вождю ремов. У меня будет охрана!

Так и вышло. У реки Сабис его ждал Дориг и десять тысяч кавалеристов. С Цезарем был эскадрон эдуйских всадников и один из его новой «поросли» легатов, Публий Сульпиций Руф. Поднявшись на холм и увидев внизу многочисленную кавалерию ремов, он ахнул.

— Юпитер, какое зрелище!

Цезарь усмехнулся.

— Хорошо смотрятся, а?

На ремах были накидки в ярко-голубую и темно-малиновую клетку с вплетенной тонкой желтой нитью. Такого же цвета были и их штаны, а рубашки — темно-малиновые.

Конники восседали на рослых, укрытых голубыми попонами лошадях.

— Я и не знал, что у галлов такие красивые скакуны.

— Это не галльские лошади, — объяснил Цезарь. — Ремы уже давно занимаются разведением италийских и испанских лошадей. Вот почему они приветствуют нас с таким ликованием. Им приходится трудно, за их табунами охотятся все соседние племена, особенно треверы. Ремы, конечно, от них отбиваются, запирая породистых жеребцов в крепостях, но все равно приход Рима в Галлию стал для них подарком богов. Таким образом, мы имеем отличную кавалерию, а я в знак благодарности ремам послал к треверам Лабиена, чтобы тот нагнал на них страху.

Сульпиций Руф поежился. Он понимал подоплеку последнего замечания, ибо репутация Лабиена была известна в Риме.

— А что не так с галльскими лошадьми?

— Они низкорослые, вроде пони. Малопригодны для таких великанов, как белги.

Дориг, тепло приветствуя Цезаря, поднялся на холм на кругломордой, длинногривой кобыле.

— Где Амбиориг? — очень спокойно спросил Цезарь, ничем не выдавая своей скорби.

— Поблизости его нет. Я привел рабов, чтобы сжечь и похоронить павших.

— Молодец.

На ночь они стали лагерем, а утром продолжили путь.

Амбиориг забрал своих мертвецов. В ущелье лежали лишь тела римлян. Спешившись, Цезарь жестом велел ремам и своему эскадрону оставаться на месте, а сам с Сульпицием Руфом прошел вперед. По его лицу текли слезы.

Первым они увидели обезглавленное тело в доспехах легата. Оно явно принадлежало Сабину, ибо Котта был намного крупней.

— У Амбиорига теперь есть чем украсить дверь, — сказал Цезарь. Он, казалось, не замечал своих слез. — Нам тут, впрочем, радости мало.

Почти у всех убитых были отрезаны головы. Эбуроны, как и многие другие галльские племена, имели обыкновение вывешивать эти жуткие доказательства воинской доблести у входа в свои жилища.

— Торговцы хорошо заработают на кедровой смоле, — продолжил Цезарь.

— На кедровой смоле? — переспросил Руф, стараясь спокойно поддерживать разговор, хотя тоже плакал.

— Для обработки трофеев. Чем больше голов у двери галла, тем выше его воинский статус. Простые воины оставляют головы гнить до полного разложения плоти, но знать применяет смолу. Мы узнаем Сабина, когда увидим.

Вид мертвецов на поле брани не был в новинку для Сульпиция Руфа, но в своих первых сражениях он участвовал на востоке, где все выглядело по-иному. Цивилизованно, как он только что понял. Он прибыл в Галлию всего за два дня до этого путешествия в смерть.

— А ведь их не зарезали, как беспомощных женщин, — сказал Цезарь. — Они отчаянно сопротивлялись.

Внезапно он остановился.

Остановился у того места, где юные римляне закололи себя. Головорезы не тронули самоубийц, очевидно из суеверного страха. Умереть в бою — это одно. Но убить себя после боя, во мраке ночи, — это ужасно.

— Горгона! — воскликнул Цезарь и разрыдался.

Он стоял на коленях возле убитого ветерана, обнимал недвижимое тело, прижимался щекой к седым безжизненным волосам. Это не имело ничего общего со смертью его матери и дочери. Генерал оплакивал своих солдат.

Сульпиций Руф прошел дальше, пораженный молодостью поверженных храбрецов. Многие из них еще даже ни разу не брились. О, сколько скорби! Его взгляд перебегал с лица на лицо, надеясь отыскать хоть какой-нибудь признак жизни. И он нашелся в глазах пожилого центуриона, руки которого судорожно сжимали рукоять погруженного в его тело меча.

— Цезарь! — крикнул Руф. — Цезарь, здесь есть живой!

И центурион успел рассказать им, что приключилось с тринадцатым легионом, прежде чем отойти в иной мир.

Слезы все текли. Цезарь встал и огляделся.

— Нет серебряного орла, но он должен быть здесь. Знаменосец, умирая, отбросил его в гущу защищавшихся.

— Наверное, его подобрали эбуроны, — предположил Сульпиций Руф. — Они все здесь перевернули. И не тронули только тех, кто покончил с собой.

— Горгона знал, что их не тронут. Искать нужно здесь.

Раставив груды тел, они нашли штандарт тринадцатого легиона.

— За всю мою долгую военную бытность, Руф, я никогда не сталкивался со случаями уничтожения целого легиона, — сказал Цезарь, когда они возвращались к выходу из ущелья. — Я понимал, что Сабин — дурак, но не знал, что настолько. Он хорошо справился с Виридовигом и венеллами, и я счел, что могу на него положиться. А вот Котта, напротив, вел себя достойно.

— Ты не можешь учесть все, — осторожно сказал Сульпиций Руф, не совсем понимая, как правильно реагировать.

— Да, не могу. Я имею в виду не Сабина, а Амбиорига. Белги обрели сильного лидера, который должен был меня уязвить, чтобы

показать остальным племенам, что он способен возглавить их. Как раз сейчас он принимается к треверам.

— А не к нервиям?

— Они не воюют верхом, что необычно для белгов, а Амбиориг — прирожденный командир конницы. Нет, ему нужны треверы. Кстати, как ты держишься на коне?

Сульпиций Руф смутился.

— Не так хорошо, как ты, Цезарь, но сносно.

— Прекрасно. У меня будет к тебе поручение. Сам я сейчас должен остаться здесь, чтобы провести обряд погребения. У большинства мертвецов нет голов, и, значит, у них могут возникнуть проблемы с Хароном. К счастью, я — великий понтифик и у меня есть возможность, заручившись согласием Юпитера Наилучшего Величайшего и Плутона, заплатить Харону разом за всех.

Это было очевидно. Обезглавленный римлянин не только лишился звания римского гражданина, но и не мог оплатить перевозку через реку Стикс, ибо монетку, назначенную перевозчику, клали усопшему в рот. Нет головы — нет монетки, а это означало, что тень умершего (не душа, а бездушный след жизни) не достигнет подземного царства и будет неприкаянно бродить по земле, не находя пристанища и приюта. Незримый скиталец подобен живому умалишенному, которого кормят и одевают сердобольные люди, но никогда не приглашают погреться возле домашнего очага.

— Возьми мой эскадрон и поезжай к Лабиену, — сказал Цезарь. Он вынул из-под кирасы платок, вытер слезы и высморкался. — Он на Мозе, около Виродуна. Дориг даст тебе пару проводников. Расскажи Лабиену, что здесь произошло, пусть сделает выводы. А еще скажи, — Цезарь тяжело перевел дыхание, — скажи, чтобы никому не давал пощады.

Квинт Цицерон ничего не знал о судьбе Сабина, Котты и тринадцатого легиона. Крепости, подобной Атватуке, у нервиев не имелось, и потому младший брат знаменитого адвоката расположил свой девятый легион посередине плоского, покрытого мокрым снегом пастбища, на большом удалении как от леса, так и от реки Мозы.

Там было неплохо. Приток Мозы, протекающий через лагерь, снабжал римлян хорошей свежей водой и уносил прочь экскременты.

Пищи у них хватало, и гораздо более разнообразной, чем они ожидали, отправляясь в эту дыру. Дрова, правда, приходилось возить из лесу, но обозы туда отправлялись с вооруженной охраной и держали связь с лагерем через систему сигналов.

А самым большим удобством зимовки являлось наличие вблизи лагеря дружественно расположенных к римлянам поселений. Местный аристократ из нервиев, некий Вертикон, был полностью на стороне римской армии, ибо побаивался соседей-германцев, а потому разрешал местным женщинам посещать римских солдат. Разумеется, не задаром, но денежки у легионеров водились, а зарабатывать их было не только легко, но и приятно, так что число любительниц пожитья росло. Квинт Цицерон с улыбкой закрывал на это глаза, а в письмах к брату всерьез задавался вопросом, не следует ли ему брать свою долю с комиссионных за сводничество, которые, без сомнения, получал Вертикон.

Девятый легион состоял из ветеранов, которых набирали в Италийской Галлии во время последних пяти месяцев консульства Цезаря. Они с удовольствием вспоминали, как прошли с ним в сражениях от Родана до Атлантического океана и от аквитанской реки Гарумны до устья Мозы в Галлии Белгике. Несмотря на такие заслуги, каждому из них было на круг года по двадцать три. Эти стойкие парни ничего не боялись. Рослые, белокурые, светлоглазые, они были потомками галлов, вторгшихся в пределы Италии несколько столетий назад. Однако кровное родство не вызывало у них симпатии к тем, кого они теперь покоряли. Больше того, они ненавидели галлов — белгов, кельтов, не имело значения. Солдат может уважать противника, но не обязан любить и жалеть. Ненависть — лучшее из того, что может испытывать хороший солдат к неприятелю, и Квинт Цицерон целиком полагался на этих ребят. Настолько, что даже не давал себе труда разглядеть, что творится у него под носом. А творилось нечто не очень хорошее. Нервиев по пути к треверам деятельно обрабатывал Амбиориг.

Предводитель эбуронов внутренне возликовал, узнав, что женщины нервиев ходят подрабатывать к римлянам, и принялся очень настойчиво дергать за эту струну.

— Вы действительно довольствуетесь своими женами после каких-то римских солдат? — спрашивал он, удивленно раскрывая

глаза. — Ваши дети действительно ваши? Будут ли они говорить на своем языке, а не на латыни? Что они предпочтут, пиво или вино? Будут ли они чмокать губами при мысли о сливочном масле на своем хлебе или захотят обмакивать хлеб в оливковое масло? Будут ли они слушать песни друидов или одни лишь римские фарсы?

Несколько дней такой агитации — и нервы были у Амбиорига в кармане. Потом он захотел увидаться с Квинтом Цицероном, чтобы купить его так же, как Сабина. Но Квинт Цицерон был не Сабин. Он отказался принять посланцев Амбиорига, а когда те стали настаивать, по-солдатски послал их.

— Не очень тактично, — сказал, широко улыбаясь, первый центурион первой центурии девятого легиона Тит Пуллон.

— Тьфу! — плюнул Квинт Цицерон, опускаясь в курульное кресло. — Я здесь не для того, чтобы обнюхивать задницы заносчивых дикарей. Если они хотят иметь с нами дело, пусть идут к Цезарю. Вести с ними разговоры — его работа, а не моя!

— Интересный человек этот Квинт Цицерон, — сказал Пуллон своему сослуживцу Луцию Ворену. — Он может говорить такие вещи, а потом любезничает с Вертиконом и даже не сознает непоследовательности своего поведения.

— Нашему Цицерону просто нравится этот Вертикон, — рассудительно ответил Ворен. — А уж если ему кто-то по нраву, остальное не имеет значения.

Примерно то же самое писал Квинт Цицерон своему старшему брату в Рим. Они переписывались уже много лет. Так было заведено у образованных римлян. Даже рядовые солдаты регулярно писали домой, рассказывая своим семьям, как они живут, что поделывают, в каких сражениях принимают участие и с какими ребятами делят палатку и тяготы воинской службы. Многие были грамотными еще до поступления на службу, а неграмотных понуждали учиться чтению и письму. Особенно такие командиры, как Цезарь, который еще ребенком, сидя на коленях у Гая Мария, жадно впитывал его наставления. В том числе о пользе грамотности для легионеров. «Грамотность схожа с умением плавать, — говорил ему Марий, кривя перекошенный рот. — И то и другое может однажды спасти тебе жизнь».

«Странно, — думал Квинт Цицерон, корпя над бумагой, — но чем я дальше от брата, тем он становится вроде бы ближе. Не то что в Риме,

на Тускуланской улице, во время его внезапных визитов. Со своими советами он был как заноза в заднице. А Помпония одновременно кричала что-то в другое ухо, и ей вторил ее братец Аттик, а мне приходилось подлаживаться под них и умудряться оставаться при том хозяином в своем доме».

Брат и в письмах пытался наставлять Квинта, однако в Галлии его советами можно было лишь потеряться. И Квинт в конце концов научился распознавать, где начинается проповедь, а где она должна кончиться, и пропускал эту муть, отдавая внимание лишь новостям и римским сплетням. Кроме того, старший брат был великим ханжой и даже через четверть века после вступления в брак не смел помыслить о ком-либо, кроме своей грозной Теренции, так что и Квинту рядом с ним волей-неволей приходилось отдавать дань воздержанию. Но в земле нервиев за ним никто не приглядывал, и он оттягивался вовсю. Крупные женщины белгов могли бы прихлопнуть его как муху, но все они так и липли к милому маленькому командиру с приятными манерами и увесистым кошельком. В сравнении с Помпонией (которая одним ударом могла уложить любую из местных красавиц) они являли собой дивный дар Элисийских полей.

Но, не слишком ласково спровадив посланцев Амбиорига, Квинт Цицерон целый день ходил сам не свой. Что-то было не так, а что — неизвестно. Потом стало покалывать в большом пальце левой руки. Он послал за Пуллоном и Вореном и сказал им:

— Нас ждут неприятности, и не спрашивайте меня, откуда я это знаю, потому что это не ясно и мне самому. Давайте обойдем лагерь и посмотрим, что нужно сделать, чтобы его укрепить.

Пуллон посмотрел на Ворена. Потом оба с уважением воззрились на командира.

— Пошлите кого-нибудь за Вертиконом, я должен увидеться с ним.

Все трое с эскортом центурионов пошли осматривать лагерь.

— Башни, — сказал Пуллон. — У нас их шестьдесят, а надо бы вдвое больше.

— Согласен. И еще надо футов на десять надстроить стены.

— Набросать больше земли или использовать бревна? — спросил Ворен.

— Бревна. Земля сейчас мерзлая. С бревнами выйдет быстрее. Как можно скорей отправьте людей в лес. Если нас осадят, он станет

недосягаемым, так что заняться этим надо сейчас. Пусть валят деревья и тащат в лагерь. Мы обработаем их прямо тут.

Один из центурионов, отсалютовав, убежал.

— Надо вбить в ров больше кольев, раз мы не можем его углубить, — сказал Ворен.

— Конечно. Есть у нас уголь?

— Немного есть, но недостаточно, если обжигать на кострах больше двух тысяч кольев, — сказал Пуллон. — Впрочем, можно рассчитывать на ветки деревьев.

— И все же надо узнать, сколько угля может нам дать Вертикон. — Легат втянул нижнюю губу в рот, о чем-то задумавшись. — Нам нужны осадные копы.

— Дуб не годится, — сказал Ворен. — Надо брать ясьень, березу. У них прямые стволы.

— Камни для артиллерии, — напомнил Пуллон.

— Пошлите команду сборщиков к Мозе.

Еще несколько центурионов ушли.

— И последнее, — сказал Пуллон. — Как сообщить Цезарю?

Квинт Цицерон должен был сам подумать об этом. Однако у него было сложное отношение к генералу. Его старший брат ненавидел Цезаря с тех пор, как тот выступил с возражениями против казни сподвижников Катилины, а мнение брата Квинт все-таки уважал. Однако эмоции не помешали прославленному оратору просить Цезаря взять к себе Квинта легатом и Гая Требатия военным трибуном. И Цезарь, хорошо зная, как относится к нему проситель, не отказал. Профессиональная вежливость между консулярами была обязательна.

Семейная традиция ненавидеть Цезаря привела к тому, что Квинт Цицерон не знал генерала так хорошо, как большинство других легатов, и еще не решил, какую позицию занять по отношению к Цезарю. Он понятия не имел, как отреагирует Цезарь, если один из его старших легатов пошлет тревожное сообщение, не подтвержденное ничем другим, кроме покалывания в левом большом пальце и предчувствия, что готовится большая неприятность. Он поехал в Британию с Цезарем, получил интересный опыт, но не тот, который позволил бы ему понять, какую свободу Цезарь предоставляет своим легатам. Цезарь лично принимал решения с начала до конца экспедиции.

Очень многое зависело от того, как он поступит сейчас. Если ход будет неверным, ему не предложат остаться в Галлии еще на год или два, и его ждет участь Сервия Сульпиция Гальбы, провалившего кампанию в Альпах. Того отправили в Рим с самыми хвалебными отзывами, но никто им не верил. Все понимали, что Гальба проштрафился, и втихомолку посмеивались над ним.

— Не думаю, — ответил он наконец, — что Цезарю в чем-либо повредит такая депеша. Если что, всю вину я возьму на себя. Но, Пуллон, почему-то я знаю, что я прав! Да, я сейчас же напишу Цезарю.

Обстоятельства между тем складывались и удачно, и неудачно. Удачным было то, что нервии, понемногу раскачиваясь, еще не приглядывали за римлянами вплотную. Со стороны им казалось, что у тех все идет как всегда. Это дало возможность легионерам девятого натащить в лагерь деревьев и сделать внушительные запасы камней для баллист. А неудачным явилось то, что война для нервиев была уже делом решенным и они выставили на дороге к Самаробриве дозоры.

Поэтому довольно робкое и путаное письмо Квинта Цицерона было перехвачено по пути. Курьера убили, а сумку с корреспонденцией передали друидам, знавшим латынь. Но Квинт писал на греческом — еще одно последствие покаяния в пальце. И только гораздо позже он осознал, что, вероятно, у него в памяти застряло замечание Вертикона насчет того, что друиды северных белгов учат латынь, а не греческий. В других частях Галлии могли знать и греческий: язык учили в зависимости от пользы, какую он может принести.

Вертикон согласился с Квинтом Цицероном, что в воздухе пахнет бедой.

— Все знают, что я — сторонник Цезаря, и на советы меня теперь не зовут, — сказал встревоженный тан. — Но за последние два дня мои рабы несколько раз видели, как через мои земли шли воины в сопровождении оруженосцев и вьючных животных, словно собираясь на общий сбор. В это время года они не могут идти воевать на чужой территории. Я думаю, их цель — твой лагерь.

— Тогда, — оживился Квинт Цицерон, — я предлагаю тебе и твоим людям перейти на мою территорию. Будет, разумеется, тесновато, но мы как-нибудь переберемся. Иначе, возможно, тебя первого и убьют.

— О! — воскликнул Вертикон, чувствуя немалое облегчение. — Из-за нас вы не будете голодать. Я переправлю сюда всю нашу пшеницу, всю до последнего зернышка, всех кур и весь скот. И весь наш уголь.

— Отлично! — радостно воскликнул Квинт Цицерон. — Перебирайтесь. Не сомневайтесь, работы тут хватит на всех!

Пять дней спустя нервии зашевелились. Не получивший ответа из Самаробривы Квинт Цицерон послал второе письмо. Однако и этого курьера перехватили, но не убили, а стали пытаться. И узнали, что римляне спешно укрепляют свой лагерь.

Вооруженные нервии незамедлительно выступили в поход. Они двигались быстрой трусцой и всем скопом, ибо не признавали ни строя, ни марша. Каждого воина сопровождал оруженосец, который нес его щит, и личный слуга с вьючным пони, поклажу которого составляли дюжина копий, кольчуга, если таковая имелась, бочонок с пивом, запас еды, грязно-оранжевая с прозеленью накидка и одеяло из волчьих шкур. Самые легконогие первыми достигли цели, остальные по мере сил поспешали, а последнему повезло меньше всех. Его принесли в жертву Езусу, галльскому богу войны, и вздернули на суку в священной дубовой роще.

Целый день нервии стекались к лагерю, в котором стучали молотки и звенели пилы. Стена обзавелась новым бревенчатым бруствером, но дополнительные башни еще не были завершены, и многие тысячи кольев выдерживались на медленном огне для придания им большей прочности. Всюду, где было свободное место, пылали костры.

— Хорошо, у нас есть еще ночь для работы, — сказал довольно Квинт Цицерон. — Дикари будут до утра отдыхать.

Но нервии не отдыхали и часа. Солнце уже закатилось, когда тысячи их атаковали лагерь, забрасывая ров вязанками хвороста и используя причудливо оперенные копья как опору, чтобы взобраться на бревенчатые стены. Но девятый легион их уже ждал. Одни солдаты сталкивали дикарей с бруствера осадными копьями, другие, стоя в еще недостроенных башнях, использовали их дополнительную высоту, чтобы точнее метнуть свои *pila* в противника. И все это время баллисты швыряли двухсотфунтовые камни в самую гущу противника.

К середине ночи штурм прекратился, но нервии, удалившись на безопасное расстояние, все еще продолжали дико вопить и плясать, размахивая горящими факелами. Их зубы блестели, глаза сверкали, а разрисованные голые торсы производили жуткое впечатление.

— Страшно, ребята? — кричал Квинт Цицерон во время обхода лагеря, проверяя костры, артиллеристов, снявших свои кольчуги, вьючных животных, беспокойно всхрапывающих и бьющих копытами в стойлах при таком шуме. — Действительно, страшновато. Но зато нервии дают нам свет, чтобы мы могли достроить башни! Давайте, парни, работайте энергичней! Тут вам не гарем Сампсикерама!

И в этот момент у него заныла спина. Острая боль пронзила левую ногу, он захромал. О, только не сейчас! Только не это! Такие приступы вынуждали его с неделю отлеживаться, стелая от боли. Но от него сейчас столько зависит! Как он может лечь? Если командир не устоит на ногах, что будет с моральным духом войска? Квинт Цицерон стиснул зубы и продолжил обход, хромя и где-то находя силы улыбаться, шутить, подбадривать приунывших, говорить людям, какие они смелые и как хорошо, что нервии освещают им небо...

Нервии атаковали каждый день, пытаясь забраться на стены, и каждый день солдаты девятого их отбрасывали, а потом бревнами с длинными крючьями выкидывали тела и фашины изо рва.

Каждую ночь Квинт Цицерон писал Цезарю новое письмо на греческом, находил раба или галла, соглашавшегося отнести письмо за хорошее вознаграждение, и посылал человека в темноту.

И каждый день нервии приводили ночного курьера на видное место, размахивали письмом, прыгали и кричали, пока несчастного не начинали пытаться клещами, ножами, каленым железом. Тогда дикари замолкали, чтобы римляне слышали вопли товарища.

— Мы не сдадимся, — говорил своим солдатам Квинт Цицерон. — Мы не доставим удовольствия этим *mentulae*!

На что люди, к которым он обращался, ухмылялись, махали ему рукой, спрашивали, как спина, и называли нервиев такими словами, от которых упал бы в обморок его старший брат.

Пришел Тит Пуллон.

— Квинт Цицерон, у нас новая проблема, — мрачно сообщил он.

— Какая?

— Они отвели от нас воду. Поток иссяк.

— Ты знаешь, что делать. Начинайте копать колодцы. А подальше от них — выгребные и помойные ямы. — Квинт усмехнулся. — Я бы сам принял в этом участие, но у меня что-то нет настроения.

Лицо Пуллона смягчилось. Как это все-таки замечательно, что у них такой жизнерадостный и несгибаемый командир!

Прошло двадцать дней. Нервии продолжали атаковать. Храбрецов, согласных добраться до Самаробривы, больше не находилось. Ни одно донесение Цицерона не прошло через неприятельский фронт. Выбора не было, оставалось лишь драться. Отбивать атаки днем, а по ночам ликвидировать повреждения, делать запасы того, что может быть полезным на рассвете, и гадать, сколько еще времени пройдет, прежде чем начнутся болезни. Люди девятого легиона устали, но не были сломлены и рьяно работали в перерывах между боями.

Потом пришли понос, лихорадка, и появились иные проблемы. Нервии построили несколько осадных башен, неуклюжих и шатких по сравнению с римскими, но пригодных для прицельного копьеметания. А еще в лагерь полетели огромные камни.

— Откуда у них взялась артиллерия? — воскликнул легат, обращаясь к Ворену. — Если это не римские баллисты, тогда я не младший брат великого Цицерона!

Ворен нахмурился. Он тоже не знал, что артиллерию сюда привезли из лагеря перебитого тринадцатого легиона, и был объят страшными подозрениями. Что, если уже вся Галлия охвачена мятежом и остальные легионы разгромлены? Кто тогда выручит их? Он помрачнел еще больше и усилием воли выкинул эти мысли из головы.

Камни еще можно было вынести, но нервии проявили изобретательность. В ходе новой атаки они зарядили баллисты пучками горящих сухих палок и стали обстреливать ими лагерь. Даже раненые и недужные солдаты были на стенах и не могли бороться с огнем, охватившим бревенчатые строения внутрилагерного городка. Рабы, нестроевые солдаты и люди Вертикона делали все, чтобы сбить пламя, спасти провиант и успокоить животных, давая возможность солдатам девятого отражать натиск нервиев. И те дрались, слыша треск пламени, пожирающего среди прочего и их личные, дорогие им вещи, но ни один из них даже не повернул головы. В конце концов пожар был погашен, а нервии отступили, чтобы наутро вернуться опять.

В разгар одного из боев Пуллон и Ворен поспорили, кто из них отважней и сноровистей в воинском деле. Они потребовали, чтобы девятый стал в этом деле судьей. Одна из осадных башен нервиев так близко придвинулась к лагерю, что едва не касалась стены. Нервии собирались использовать ее как мост для прорыва внутрь осажденного укрепления. Но Пуллон взял в руки факел и, приподнявшись над бруствером, метнул его в сторону передвижной каланчи. Ворен тоже взял факел и точно послал его в цель, высунувшись из-за бруствера еще дальше. Так они кидали факелы до тех пор, пока осадная башня не запылала и нервии с горящими волосами не попрыгали с нее вниз. Тогда Пуллон схватил лук и колчан и принялся осыпать варваров стрелами с ловкостью, какую он перенял некогда у лучников Крита. Стрелял он поразительно точно, а Ворен также без промаха разил нервиев загодя заготовленными pila. Ни один из героев не получил ни царапины, и, когда атака захлебнулась, зрители покачали головами. Решение было — ничья.

— Наступил критический момент обороны. Мы сражаемся уже тридцатый день, — сказал Квинт Цицерон, когда наступила темнота и нервии в беспорядке отступили.

— Хочешь сказать, что мы победим? — удивленно спросил Пуллон.

— Я хочу сказать, что мы проиграем, Тит Пуллон. Они с каждым днем становятся все напористее, и у них наши орудия. — Тяжело вздохнув, Квинт Цицерон ударил себя кулаком по колену. — О боги, кто-то ведь должен пройти сквозь их ряды! — Он повернулся к Вертикону. — Я не могу снова и снова посылать людей на верную смерть. Здесь и сейчас мы должны найти способ, как сделать так, чтобы у человека, которого мы пошлем, ничего не смогли найти. Вертикон, ты — нервий, скажи.

— Я все обдумал, — ответил Вертикон на сносной латыни. — Прежде всего, это должен быть кто-то, кто может сойти за нервия-воина. Сейчас здесь присутствуют менапии и кондрусы, но необходимо достать накидку с нужным рисунком. Тогда наш человек мог бы сойти за одного из них. — Он помолчал, вздохнул. — Сколько продуктов уцелело после пожара?

— Хватит на семь-восемь дней, — ответил Ворен. — Впрочем, наши люди так ослабели, что едят очень мало. Может, протянем декаду.

Вертикон кивнул.

— Тогда так и поступим. Пошлем кого-нибудь, кто может прикинуться нервием. Я пошел бы сам, но меня сразу узнают. Зато у меня есть слуга. Очень умный парень, быстро соображает.

— Это здорово! — прогремел Пуллон. Лицо грязное, кольчуга разорвана от шеи до пояса. — В этом есть смысл. Но меня беспокоит другое. Последнее послание мы спрятали в прямой кишке нашего парня, но его отыскали и там. Юпитер! Может быть, твой человек, Вертикон, и хорош, но его могут заподозрить, а заподозрив, обыщут. И найдут записку, где бы она ни была.

— Смотрите, — сказал Вертикон, выдергивая из земли торчащее поблизости копьё нервиев.

Это было не римское оружие, но сделанное искусно. Длинное деревянное древко с большим металлическим наконечником в форме листа. Так как длинноволосые галлы любили цвет и украшения, оно не было «голым». В том месте, где метатель держал копьё, древко было покрыто вязаной сеткой цвета нервиев — зелень мха и грязно-оранжевый. А с сетки, прикрепленные петлями, свисали три гусиных пера, покрашенные в такие же цвета.

— Я понимаю, почему сообщение должно быть послано в письменном виде. Словам нервия Цезарь может и не поверить. Но напиши это письмо самыми мелкими буквами и на самой тонкой бумаге, Квинт Цицерон. А пока ты пишешь, мои женщины снимут с копья сетку. Потом мы обернем бумагу вокруг древка и вновь покроем его сеткой. — Вертикон пожал плечами. — Это лучшее, что я могу предложить. Они ищут везде, в каждой отверстии тела, в каждой складке одежды, в каждой пряди волос. Но если сетка в порядке, не думаю, что им придет в голову снять ее с древка.

Ворен и Пуллон согласно кивнули. Квинт Цицерон тоже кивнул и ушел в свой деревянный дом, по счастью не сгоревший. Там он сел и очень убористым почерком стал набрасывать сообщение на самом тонком листе бумаги, какой сумел найти.

Я пишу на греческом, Цезарь, потому что враги наши знают латынь. Уже тридцать дней нервии атакуют. Вода протухла, выгребные ямы заражены. Люди болеют. Не знаю, как нам удастся держаться. У нервиев римские орудия, стреляют зажигательными

снарядами. Продукты кончаются. Пошли нам помощь, иначе все мы погибнем.

Квинт Туллий Цицерон, легат.

Слуга Вертикона был мускулист и высок. Вылитый воин. Но слуги у нервиев практически приравнивались к рабам. Они занимались хозяйством, ходили за плугом, их разрешалось пытать. Несмотря на все это, малый стоял спокойно, не выказывая и тени испуга. «Да, — подумал Квинт Цицерон, — из него получился бы отменный воин. Дураки нервии, что не разрешают таким парням воевать. Но это хорошо для меня и для моего легиона. Этот пройдет».

— Замечательно, — сказал он. — Мы получили возможность доставить сообщение Цезарю. Но как получить ответ от него? Я должен знать, идет ли к нам помощь. И должен сказать это людям, иначе отчаяние поглотит остаток их мужества. Безусловно, Цезарю понадобится какое-то время, чтобы собрать нужные силы, но парни нуждаются в ободрении.

Вертикон улыбнулся.

— Получить ответ не труднее, чем отослать сообщение. Я велю слуге по возвращении снабдить свое копье дополнительным желтым пером.

— И оно будет торчать на виду, как собачьи яйца! — ахнул Пуллон.

— Что нам и нужно. Вряд ли кто-нибудь станет приглядываться к копью, летящему в лагерь. А мой человек пометит его лишь перед тем, как метнуть.

Цезарь получил копье через два дня после того, как слуга прошел через линию нервиев.

Поскольку лес к югу от лагеря был слишком густым, курьеру, чтобы не заблудиться, пришлось шагать в Самаробриву по дороге. Ее весьма тщательно охраняли, но первые три дозора ему удалось миновать. Четвертый дозор остановил его. Курьера раздели, полезли во все отверстия, прощупали волосы и одежду. Но сетка на копье была безупречна. Ее даже не тронули, а слуга Вертикона заранее разрезал себе лоб твердым куском коры, чтобы порез казался раной. Он шатался, что-то бормотал, закатывал глаза и все пытался поцеловать начальника

патруля. Решив, что у раненого сильное сотрясение мозга, начальник со смехом его отпустил.

К вечеру совершенно обессиленный гонец прибыл в Самаробриву. Там тут же развернулась бурная деятельность. Один курьер галопом поскакал к Марку Крассу, стоявшему в двадцати пяти милях от крепости. Ему было приказано спешно вести восьмой легион в Самаробриву, чтобы охранять ее в отсутствие генерала. Второй курьер поскакал в порт Итий к Гаю Фабию, которому надлежало с седьмым легионом двинуться во владения атребатов и ждать Цезаря у реки Скальд. Третий курьер поскакал в лагерь Лабиена на Мозе известить его о развитии событий. Но Цезарь не приказал своему заместителю присоединиться к спасательной экспедиции. Он предоставил Лабиену право самому решать, опасаясь, что тот может оказаться в положении Квинта Цицерона.

На рассвете Самаробрива увидела вдалеке легион Марка Красса, и Цезарь с десятым незамедлительно покинул ее.

Два легиона, каждый в неполном составе. Это было все, что он мог привести в помощь девятому. Девять тысяч солдат, ветеранов. Больше никаких глупых просчетов. Сколько там нервиев? Несколько лет назад на поле боя их полегло пятьдесят тысяч, а что же сейчас? Возможно, их столько же, может, чуть меньше. И всем им нужен девятый. Неплохой легион. Неужели теперь там одни мертвецы?

Фабий быстро дошел до реки Скальд. Там он встретился с Цезарем. Можно было подумать, что они выполняют маневры на Марсовом поле. Ни один не ждал другого ни минуты, но им предстояло покрыть еще семьдесят миль. Сколько там нервиев? Сколько бы ни было, паре легионов в открытом поле против них, безусловно, не устоять.

Цезарь заранее отослал к осажденному лагерю слугу Вертикона. В двуколке, поскольку тот не умел ездить верхом. К сожалению, он был лишь слуга, а не воин. Он сделал, что мог, и попытался перебросить копье с желтым пером через бруствер, но оно застряло в бревнах и проторчало там незамеченным долгих два дня.

Квинту Цицерону вручили его всего за несколько часов до того, как столб дыма над деревьями возвестил ему о прибытии Цезаря. Он был на грани отчаяния, потому что копья с желтым пером никто нигде

не мог обнаружить, хотя все высматривали его до рези в глазах и уже всюду видели одни желтые пятна.

Иду. Со мной два неполных легиона. Не могу напасть сразу. Вынужден искать место, где девять тысяч солдат могут разбить многие тысячи. Нечто подобное Аквам Секстиевым. Сколько их там? Напиши мне. Твой греческий очень хорош, поразительно образный.

Гай Юлий Цезарь.

Найдя наконец помеченное копые, измученный легион разразился радостными криками, а Квинт Цицерон заплакал. Вытерев невероятно грязное лицо столь же грязной рукой, он сел, забыв о больной спине и ноге, и стал писать ответ Цезарю, пока Вертикон готовил другого слугу и другое копые.

Думаю, их тысяч шестьдесят. Здесь собралось все племя. Не только нервии. Замечены также менапии и кондрусы. Мы пока держимся. Найди скорее свои Аквы Секстиевы. Галлы становятся все беззаботнее, считая, что уже получили нас, чтобы сжечь в своих клетках. Они много пьют. Твой греческий не хуже моего.

Квинт Туллий Цицерон, старший легат.

Цезарь получил это письмо в полночь. Нервии пытались атаковать его, но помешала темнота, и это была единственная ночь, когда они по забывчивости не выставили дозоры. Десятый с седьмым рвались в бой, но Цезарь сдерживал их пыл, пока не нашел подходящее поле и не построил лагерь, подобный тому, укрепившись в котором Гай Марий и тридцать семь тысяч римлян более полувека назад разгромили сто восемьдесят тысяч тевтонов.

На это ушло два дня, после чего десятый и седьмой легионы наголову разбили нервиев, никому не давая пощады. Квинт Цицерон

оказался прав: продолжительность осады разложила дух осаждающих. Они много пили, плохо закусывали и еще хуже дрались, но их два союзника, пришедшие позже, сражались лучше.

Лагерь девятого представлял собой обугленные руины. Большая часть домов сгорела дотла. Мулы и быки бродили голодные, дополняя своим ревом какофонию приветственных криков в честь спасителей. Среди солдат не насчитывалось ни единого человека без какого-либо ранения, и все они были больны.

Десятый и седьмой легионы решительно взялись за дело. Разрыли преграду, пустив поток по прежнему руслу. Разобрали бруствер на топливо, разожгли костры, нагрели воду в котлах и выстирали всю одежду девятого легиона. Разместили животных в уцелевших и наспех сколоченных стойлах и тщательно прочесали окрестность в поисках пищи. Затем подошел обоз с достаточными запасами провианта и фуража, а потом Цезарь строем провел солдат девятого перед своими легионерами. У него не было с собою наград, но он все равно зачитал приказы о награждении. Пуллон и Ворен, уже имевшие серебряные обручи и фалеры, теперь получили золотые.

— Если бы я имел право, Квинт Цицерон, я увенчал бы тебя венцом из трав за спасение легиона.

Квинт Цицерон кивнул, очень довольный.

— Ты не можешь, Цезарь, я знаю. Устав есть устав. Да и потом, девятый спас себя сам. Я только чуть поддержал его с краю. Замечательные парни, правда?

— Лучшие среди лучших.

На следующий день три легиона двинулись в путь. Десятый с девятым направились в Самаробриву на отдых, седьмой пошел в порт Итий. Даже если бы Цезарь захотел, оставить здесь гарнизон не представлялось возможным. Земля в округе была вытоптана и покрыта телами врагов.

— Весной я разберусь с нервиями, Вертикон, — сказал Цезарь своему стороннику. — Ты ничего не потеряешь от дружбы со мной, обещаю. Возьми все, что тут остается, себе.

Вертикон и его люди возвратились в свои деревни. Вертикон вернулся к жизни вождя нервиев, а слуга вернулся к плугу. Ибо у этих людей не было принято повышать статус человека даже в знак

благодарности за его заслуги. Обычай и традиции были слишком сильны. Да слуга и не ожидал никакой награды. Он выполнял свою обычную сезонную работу, как и раньше, подчинялся Вертикону, сидел у костра по ночам со своей женой и детьми и молчал. Свои чувства и мысли он держал при себе.

Цезарь с небольшим кавалерийским сопровождением поскакал к верховьям Мозы, предоставив своим легатам возможность самостоятельно довести легионы до места. Ему было необходимо увидеться с Лабиеном, приславшим сообщение, что треверы беспокойны. Они не позволили Лабиену прийти на помощь девятому легиону, но еще не собрались с духом атаковать. Лагерь Лабиена граничил с землями ремов, а это означало, что помощь у него была под рукой.

«Цингеториг теряет влияние среди них, — писал Лабиен, — а Амбиориг очень старается перетянуть чашу весов в пользу Индутиомара. Поголовное истребление тринадцатого легиона сильно возвысило Амбиорига в глазах дикарей».

— Эта расправа вызвала у кельтов иллюзию силы, — сказал Цезарь. — Я только что получил записку от Росция, где он сообщает, что арморики незамедлительно вознамерились напасть на него. К счастью, в восьми милях от лагеря до них дошла весть о поражении нервиев. — Он усмехнулся. — Лагерь Росция вмиг потерял для них всякую привлекательность, и они повернули домой. Но они вернуться.

Лабиен помрачнел.

— По весне мы окажемся в полном дерьме. К тому же без одного легиона.

Они стояли возле добротного деревянного дома легата, освещенные скудным зимним солнцем, неярко пылающим над ровными рядами крыш, расходившихся от них в трех направлениях. Дом командира всегда располагался в центре северной части римского лагеря, за ним теснились склады.

Римские зимние лагеря для пехоты обычно строились из расчета одна квадратная миля на один легион (для кратковременных лагерей эта норма была впятеро меньше). Людей помещали по десять человек в один дом — восемь строевых солдат и двое нестроевых. Каждая центурия, состоявшая из восьмидесяти строевых и двадцати

нестроевых солдат, занимала отдельную улочку с домом центуриона в ее начале и конюшней для десяти мулов и шести быков, которые влекли единственную повозку центурии, в конце улицы. Дома для легатов и военных трибунов стояли вдоль главной улицы лагеря — *via principalis* — по обеим сторонам от дома командира и дома квестора, причем второй дом был больше, потому что квестор ведал запасами легиона, счетами, банком и похоронной конторой. Позади них было свободное пространство, достаточное для прохода отрядов. Еще одно открытое пространство перед домом командира служило местом сбора легионов. Математически все было так выверено, что каждый человек в лагере точно знал свое место. Такой же точно порядок был и в ночных лагерях на дорогах или в полевых лагерях, когда бой был неминуем. Даже животные знали, куда они должны идти.

Но этот лагерь был вдвое больше и занимал две квадратные мили, ибо помимо одиннадцатого легиона Лабиена в нем размещались две тысячи эдуйских конников, в распоряжении каждого из которых имелись две лошади, грум и плюс к тому мул. Животные находились в удобных зимних конюшнях, а две тысячи их хозяев жили в просторных домах.

Лагеря Лабиена всегда были неряшливы, как, собственно, и он сам, предпочитавший воздействовать на людей с помощью устрашения, а не уставной логики. Его не заботило, что из конюшен нерегулярно убирают навоз и что на улицах валяется мусор. Он также разрешал своим подчиненным содержать женщин, и Цезарь не противился этому, хотя и задыхался от вони, исходящей от шести тысяч животных и десяти тысяч немытых человеческих тел. Рим, не имея собственной кавалерии, вынужден был полагаться на рекрутов, не являющихся римскими гражданами. У них были свои законы, и им разрешалось поступать по-своему. Что в свою очередь означало, что пехоте римских граждан тоже разрешали держать женщин. Иначе возмущенные граждане скандалили бы с негражданами, и зимовка превратилась бы в кошмар.

И Цезарь все это терпел. Грязь и страх царили вокруг Тита Лабиена, но он был блестящий полководец. Никто не командовал кавалерией лучше его, разве что сам Цезарь, чьи обязанности генерала не позволяли ему вести кавалерию. Да и с пехотой Лабием успешно справлялся. Очень ценный человек и отличный заместитель командира.

Жаль, что он не мог укротить в себе дикаря. Его наказания настолько прославились, что Цезарь никогда не давал ему дважды один и тот же легион для длительного пребывания в лагере. Парни из одиннадцатого застонали, услышав, что должны зимовать вместе с Лабиеном, и теперь жили одной надеждой на то, что следующую зиму проведут с Фабием или Требонием, командирами строгими, но не спускавшими с легионеров три шкуры.

— Первое, что я сделаю по возвращении в Самаробриву, — напишу Вентидию и Мамурре, — сказал Цезарь. — У меня осталось семь легионов, а «Жаворонок» сильно поредел, потому что за его счет я пополнял потери в других легионах. А мне нужны одиннадцать легионов и четыре тысячи лошадей. Год будет тяжелым.

Лабиен поморщился.

— Четыре легиона зеленых рекрутов? — спросил он, кривя рот. — Это же больше трети всей армии! Они будут скорее мешать, чем помогать.

— Меньше трети, — спокойно возразил Цезарь. — Один легион, который мне нужен, состоит из хороших солдат. Он расквартирован в Плаценции. Ребята, правда, в бою не бывали, но отменно натренированы и рвутся в драку. Безделье так им наскучило, что они могут обернуть мечи против нас.

— Ага! — кивнул Лабиен. — Я знаю, о ком ты. Это шестой легион, набранный Помпеем в Пицене около года назад. Его готовили для похода в Испанию, а похода все нет. Ты прав, Цезарь, парни застоялись. Но командует ими Помпей, а не ты.

— Я напишу Помпею и попрошу отдать их мне.

— И он согласится?

— Думаю, да. В обеих Испаниях сейчас спокойно. Афраний с Петреем без проблем управляют с ними. В Лузитании тихо, в Кантабрии тоже. Я предложу Помпею провести боевое крещение нового легиона вместо него. Ему это понравится.

— Понравится, безусловно. Есть две вещи, которые Помпей никогда не делает. Он никогда не ввязывается в бой, не имея численного превосходства, и никогда не использует необстрелянных ребят. Такой мошенник! — Лабиен помолчал. — Ты восстановишь тринадцатый или тринадцатого вообще не будет?

— Обязательно восстановлю. Я, как и все римляне, суеверен, но добьюсь, чтобы в этой цифре люди видели просто число. — Он пожал плечами. — Кроме того, если у нас появится четырнадцатый легион и не будет тринадцатого, то солдаты четырнадцатого будут все время думать, что на самом деле они из тринадцатого. Я возьму новый тринадцатый под свое начало. И обещаю, что через год все станут считать его номер счастливым. Веришь?

— Когда я не верил тебе?

— Думаешь, наши отношения с треверами испортятся окончательно? — спросил Цезарь, сворачивая на *via praetoria*.

— Непременно. Они всегда хотели войны, но до сих пор побаивались меня. Амбиориг меня не боится, к тому же он прирожденный оратор. В результате Индутиомар на глазах идет в гору. Я сомневаюсь, что Цингеториг сумеет сохранить свое положение. А нам с тобой и вовсе нельзя недооценивать эту пару.

Сверкнули лошадиные зубы.

— И потому, — продолжил Лабиен, шагая за Цезарем вниз по улице, — я хочу заставить их развязать войну прямо сейчас. Тогда они ее проиграют. И выиграют, если отложат до лета. Амбиориг регулярно наведывается за Рейн, пытаюсь заручиться там помощью. Если ему это удастся, к треверам присоединятся неметы, ибо решат, что германцы им более не страшны.

Цезарь вздохнул.

— Я полагал, что длинноволосые галлы умнее. Боги свидетели, я поначалу относился к ним хорошо. Заключал соглашения, думая, что они примут власть Рима. Тем более что у них есть пример. Южные галлы в Провинции сопротивлялись сто лет, но посмотри на них теперь. Они живут гораздо счастливее и богаче, чем тогда, когда грызлись между собой.

— Ты говоришь как Цицерон, — заметил Лабиен. — Они слишком тупы, чтобы понять, что для них лучше, а что хуже. И будут воевать с нами, пока хватит сил.

— Боюсь, ты прав. Поэтому нам нужна жесткость.

Они остановились, чтобы пропустить вереницу грумов, переводящих через улицу лошадей.

— И как же ты собираешься спровоцировать треверов? — спросил Цезарь.

— Мне нужна твоя помощь и помощь ремов.

— Проси — и получишь.

— Я хочу, чтобы все вокруг узнали, что ты собираешь ремов на их границе с белловаками. Скажи Доригу, пусть выглядит все так, словно он срочно посылает в том направлении всех солдат, каких может найти. На самом деле мне нужно, чтобы четыре тысячи ремов тайно собрались в моем лагере. Я буду проводить их ночами — по четыреста человек. Понадобится десять ночей. Но прежде я пущу слух через шпионов Индутиомара, что испуган уходом ремов и сам собираюсь уйти. Не беспокойся, я знаю, кто у нас тут шпионит. — Смуглое лицо его презрительно искривилось. — Все местные девки, их тут полным-полно. Но ни одной из них не удастся передать сообщение о прибытии ремов. На эти ночи ребята одиннадцатого их очень плотно займут.

Цезарь, удовлетворенный, отправился в Самаробриву.

— Никто не может тебя превзойти, — пробормотала довольная Рианнон.

Цезарь лег на бок, подпер рукой голову.

— Я тебе нравлюсь?

— О да. Ты — отец моего сына.

— Им мог бы быть и Думнориг.

Зубы ее блеснули во мраке.

— Нет, никогда!

— Неужели?

Она вытасила из-под себя волосы, и между ними словно бы пролегла огненная река.

— Ты убил Думнорига из-за меня?

— Нет. Он интриговал против Рима, намереваясь вызвать волнения, пока я буду в Британии, поэтому я приказал ему ехать со мной. А он подумал, что я собираюсь убить его вдали от тех, кто мог бы за него вступить, и убежал. Но я ему доказал, что в случае надобности могу убить его, где хочу, и Лабием с удовольствием выполнил это. Он не любил Думнорига.

— А я не люблю Лабиена, — вздрогнув, сказала она.

— Это неудивительно. Лабием из тех, кто считает, что галл хорош только мертвым, — сказал Цезарь. — К галльским женщинам он относится так же.

— Почему ты не возразил, когда я сказала, что Оргеториг станет царем гельветов? — строго спросила Рианнон. — У тебя ведь нет другого сына! Когда он родился, я еще не знала, как ты знаменит в своей стране. Теперь знаю. — Она села и положила руку ему на плечо. — Цезарь, признай его! Быть царем даже такого сильного племени, как гельветы, ужасно трудно и хлопотно, а быть царем Рима — самый счастливый удел на земле.

Цезарь отбросил ее руку, глаза его сверкнули.

— Рианнон, в Риме никогда не будет царя! Рим — это республика, которой уже пятьсот лет! А цари архаичны. Даже вы, галлы, понимаете это. Народ живет легче под властью сограждан, избранных его волей. В этом случае того, кто плохо справляется со своими обязанностями, всегда можно переизбрать. — Он криво улыбнулся. — Выбор возносит лучших и устраняет негодных.

— Но ты — самый лучший! Ты — самый непобедимый! Ты — Цезарь, ты рожден стать царем! — вскричала она. — Рим под тобой расцветет и завоюет все страны! Ты сделаешься повелителем мира!

— Я не хочу быть повелителем мира, — терпеливо ответил он. — Я просто хочу стать Первым Человеком в Риме. Первым среди равных, таких как Катон, Цицерон. Они не дадут мне закоснеть, добившись успеха. — Он наклонился и стал целовать ее груди. — Уймись, Рианнон.

— Разве тебе не хочется, чтобы твой сын был римлянином? — спросила она, изворачиваясь.

— Дело не в желании. Наш сын не римлянин.

— Ты мог бы сделать его римлянином.

— Наш сын не римлянин, Рианнон. Он — галл.

Теперь она наклонилась к нему, щекоча волосами его напрягшийся пенис.

— Но я — дочь царя, — пробормотала она. — Любая римлянка не дала бы ему лучшей крови.

Цезарь возлег на нее.

— Зато его кровь была бы полностью римской, а так она римская только наполовину, да и этого нельзя доказать. Его зовут Оргеториг, а не Цезарь. Когда придет время, пошли его к своему народу. Мне нравится идея, что мой сын будет царем. Но римлянином ему не бывать.

— А если бы я была великой царицей, такой великой, что даже Рим склонился бы предо мной?

— Даже если бы ты была повелительницей всего мира, этого было бы недостаточно. Ты не римлянка. И не жена мне.

Что она возразила бы, так и осталось неясным, ибо Цезарь закрыл ей рот поцелуем. Слишком чувственным, чтобы его прерывать. Но где-то в уголке сознания она сохранила весь этот разговор, намереваясь как следует все обдумать.

И всю зиму она думала, пока важные римские легаты сновали туда-сюда по их дому, сюсюкали с ее сыном и возлежали на пиршественных кушетках, ведя бесконечные обсуждения нудной армейской рутины.

«Я не понимаю, и он ничего мне не объяснил. Моя кровь намного лучше крови любой римлянки! Я — дочь царя! Я — мать царя! И мой сын должен стать царем Рима, а не гельветов. Загадочные ответы Цезаря не имеют смысла. Неужели он думает, что я что-нибудь пойму без объяснений? Может быть, лучше спросить совета у сведущей женщины? У какой-нибудь римлянки?»

Итак, пока Цезарь занимался приготовлениями к всегалльской конференции в Самаробриве, Рианнон кликнула писаря из эдуев и продиктовала ему письмо на латыни к одной знатной римской матроне, госпоже Сервилии. Выбор адресата доказывал, что римские сплетни просачиваются всюду.

Пишу тебе, госпожа Сервилия, так как знаю, что ты много лет была близким другом Цезаря и что, когда Цезарь возвратится в Рим, он возобновит свою дружбу. Так говорят здесь, в Самаробриве.

У меня сын от Цезаря, ему сейчас три года. В жилах моих течет царская кровь. Я — дочь Оргеторига, царя гельветов. Цезарь забрал меня от моего мужа Думнорига, вождя племени эдуев. Но когда мой сын родился, Цезарь сказал, что он будет воспитываться как галл в Длинноволосой Галлии, и настаивал, чтобы у него было галльское имя. Я назвала его Оргеторигом, но хотела бы, чтобы он звался Цезарем Оргеторигом.

Мы, галлы, считаем абсолютно необходимым, чтобы у мужчины был хотя бы один сын. По этой причине наши мужчины, особенно знатные, берут себе несколько жен, на случай если какая-то будет бесплодной. К чему мужчине заботиться о своем возвышении, если у него нет наследника? У Цезаря, кроме нашего сына, ни одного наследника нет. Но он почему-то не хочет, чтобы маленький Оргеториг стал его преемником в Риме. Я спросила его почему. Он ответил, что я не римлянка. То есть недостаточно хороша. Даже если бы я была царицей мира, римлянки для него все равно были бы выше меня. Я ничего в этом не понимаю и очень сержусь.

Госпожа Сервилия, можешь ли ты научить меня понимать Цезаря?

Писец-эдуи унес восковые таблички, чтобы перенести письмо на бумагу. Затем он снял с него копию, которую отдал Авлу Гиртию для предьявления Цезарю. Гиртий как раз шел к генералу с докладом о треверах и Лабиене.

— Он разбил их.

Цезарь с подозрением посмотрел на секретаря.

— И?

— И Индутиомар мертв.

— Невероятно! — Цезарь был поражен. — Я полагал, что белги и кельты научились ценить своих лидеров и удерживать их от прямого участия в драке.

— Э-э... так и было, — проямлил Гиртий. — Но Лабиен отдал приказ любой ценой представить ему Индутиомара. Э-э... не целиком, а лишь его голову.

— Юпитер, что же это за человек? — воскликнул разгневанно Цезарь. — В войне мало правил, но одно непреложно: нельзя лишать народ своих вождей, прибегая к убийству! Вот еще одна вещь, которую я должен буду облечь в пурпур для Сената! Хотел бы я разделить на столько легатов, сколько мне нужно, чтобы всю их работу выполнять самому! Разве уже не достаточно плохо то, что Рим выставляет головы римлян на римской ростре? Неужели теперь мы еще будем выставлять и головы наших противников-дикарей? Ведь он выставил ее, да?

— Да, на парапете своего лагеря.

— И солдаты провозгласили его императором?

— Да, на поле боя.

— Значит, он мог взять Индутиомара в плен и держать его для своего триумфального шествия по улицам Рима. Индутиомар все равно умер бы, но сначала стал бы почетным гостем Рима. В какой-то степени смерть во время триумфа почетна, но так — это нечестно, подло. Как мне представить все это в хорошем свете в своих донесениях Сенату, Гиртий?

— Мой совет — не делай этого. Расскажи, как все произошло на самом деле.

— Он мой заместитель.

— Да, заместитель.

— Что происходит с ним, а? Гиртий пожал плечами.

— Он — дикарь, желающий сделаться консулом, как Помпей Магн. Любой ценой, ни на что не оглядываясь.

— Еще один пиценец?

— Еще один, но полезный.

— Ты прав. — Цезарь устался в стену. — Он надеется пройти в консулы вместе со мной.

— Да.

— Рим захочет меня, а Лабиена не захочет.

— Да.

Цезарь забегал по комнате.

— Я должен подумать. Ступай.

Гиртий прокашлялся.

— Есть еще кое-что.

— Да?

— Рианнон.

— Рианнон?

— Она написала Сервилиии.

— Не умея писать, она, вероятно, воспользовалась услугами писца.

— А тот вручил мне копию письма. Тем не менее я не отдал оригинал курьеру, пока ты не разрешишь.

— Где эта копия?

— Вот.

Гиртий отдал бумагу.

Еще одно письмо превратилось в пепел, на этот раз в жаровне.

— Дура!

— Что делать с оригиналом? Отправить?

— Отправь. Но проследи, чтобы я прочел ответ прежде, чем Рианнон.

— Ясное дело.

Цезарь снял с вешалки свой алый плащ.

— Хочу пройтись, — сказал он, затягивая шнуровку. Взгляд его снова стал бесстрастным. — Присматривай за Рианнон.

— Есть и хорошая новость, Цезарь.

Генерал грустно улыбнулся.

— Она мне очень нужна. Какая?

— Амбиориг пока не сумел стовориться с германцами. Ты построил мост через Рейн, и с тех пор они нас боятся. Никакие уговоры и лесть не привели к тому, чтобы хоть один германский отряд пришел в Галлию.

Зима приближалась к концу, когда Цезарь повел четыре легиона в земли нервиев, чтобы покончить с этим сильным племенем. Ему сопутствовала удача: все племя собралось в одном месте, обсуждая вопрос, следует ли просить мира у римлян. Нервии были вооружены, но не готовы к сражению, и Цезарь не пощадил никого. Тех, кто выжил, забрали в плен вместе с огромным количеством другой добычи. В данном случае ни Цезарь, ни его легаты не получили никакой личной прибыли. Все трофеи пошли легионерам, включая выручку от продажи рабов. Затем на землях нервиев все сожгли, не тронули лишь владения Вертикона. Пленных вождей отправили морем в Рим, ждать триумфального дня в чести и комфорте — так было велено Гиртию. В день триумфа им свернут шеи в Туллианской тюрьме, но до того они в полной мере познают мощь и славу Рима.

Цезарь ежегодно созывал всегалльские совещания с тех пор, как прибыл в Длинноволосую Галлию. Поначалу они проходили в Бибракте, столице эдуев. В этом году впервые местом сбора стала Самаробрива, и каждому племени было сделано предложение прислать туда делегатов. Подобные встречи давали Цезарю возможность поговорить с лидерами племен. Все эти цари, вожди, старейшины или

законно выбранные вергобреты в конце концов должны были понять, что война с Римом может иметь для них лишь один исход.

В этот раз Цезарь надеялся на хорошие результаты. Все, кто воевал с ним за последние пять лет, были разгромлены, какой бы великой ни казалась их сила. Даже потеря тринадцатого легиона обратилась в преимущество. Теперь они будут знать, что их ждет.

И все же с приближением назначенного дня надежды Цезаря угасали. Треверы, сеноны и карнуты не сочли нужным прислать делегатов, а это были самые многочисленные племена. Неметы и трибоки никогда не являлись, но их отсутствие было понятно: они по Рейну граничили со свевами, самыми свирепыми и голодными из германцев, и им приходилось постоянно быть начеку.

Огромный, обвешанный медвежьими и волчьими шкурами зал, встрепенувшись, затих, когда Цезарь предстал перед ним в своей ослепительно белой, окаймленной пурпуром тоге. Собравшиеся смотрелись великолепно. Всюду пестрело разноцветье накидок: ярко-красных — у атребатов, оранжевых с зеленью — у кардурков, малиновых с синим — у ремов и алых с темно-сиреневым — у дружественных эдуев. Но желто-алых, ультрамариново-желтых и темно-крапивных со светлой зеленью клеток не было среди них.

— Я не намерен останавливаться на судьбе нервиев, — громко и звучно произнес Цезарь, — ибо все вы тут знаете, что с ними произошло. — Он огляделся и кивнул Вертикону. — Здесь сегодня присутствует лишь единственный разумный и здравомыслящий нервий, не пожелавший противиться неизбежному, чего бы я с удовольствием ожидал и от вас. Зачем бороться с неотвратимостью? Спросите себя, кто ваш реальный враг! Рим? Или все же германцы? Присутствие Рима в вашей стране в конечном счете пойдет вам на пользу. Оно станет порукой тому, что вы сохраните и свой уклад, и себя. Рим сдержит германцев, не пустит на эту сторону Рейна. В каждом из договоров, что мы с вами заключали, я, Гай Юлий Цезарь, обещал это вам! Ибо вы сами не сможете их сдержать. Если не верите мне, спросите секванов. — Он нашел взглядом малиново-розовое пятно и указал на него. — Царь свевов Ариовист убедил этих добрых людей отдать ему под заселение одну треть их земель. Желая мира, они дали согласие, и что же в итоге? Дело идет к тому, что их вскоре совсем вытеснят из собственных владений. Протяни германцам кончик пальца — они

завладеют рукой, а после возьмутся за остальное! Кардурки, граничащие с Аквитанией, возможно, считают, что их не постигнет подобный удел. Постигнет, не сомневайтесь! Без Рима у всех вас судьба будет точно такой же!

Делегаты арвернов занимали весь первый ряд, ибо являлись весьма воинственным и могущественным народом. Традиционные враги эдуев, они владели землями Северного хребта вокруг истоков рек Элавер, Карис и Вигемна. Вероятно, поэтому в их нарядах преобладали бледно-лимонные, блекло-голубые и темно-зеленые пятна, почти неприметные на фоне снега и скал.

Один из них, молодой и гладко выбритый, поднялся со своего места.

— Скажи мне, в чем разница между римлянами и германцами? — спросил он на карнутском наречии, которым пользовался и Цезарь, ибо язык друидов был понятен всем.

— Нет, скажи это сам, — с улыбкой ответил Цезарь.

— Я не вижу никакой разницы. Иноземцы всегда иноземцы.

— А между тем отличия очевидны! Взять хотя бы тот факт, что я, римлянин, говорю сейчас с вами на вашем же языке. К моменту моего первого появления в Длинноволосой Галлии я уже знал язык эдуев, арвернов, воконтиев. А с тех пор освоил язык друидов, атребатов и несколько иных наречий. Да, у меня есть способности к языкам, это правда. Но я выучил эти языки не из прихоти, а сознавая, что общение напрямую позволяет людям понять друг друга гораздо лучше, чем с помощью толмачей. Однако я никогда не требовал и не потребую, чтобы вы выучили латынь. А германцы заставят вас говорить на своих языках, которые в конце концов начнут вам казаться родными.

— Мягко стелешь, Цезарь, — возразил молодой арверн. — Именно в этом и таится опасность. Вы собираетесь господствовать скрытно. А германцы ничего не скрывают. Поэтому нам с ними проще, чем с вами.

— Вероятно, ты впервые присутствуешь на подобном собрании, ибо я не знаю тебя, — спокойно сказал Цезарь. — Назови свое имя.

— Верцингеториг!

Цезарь подошел к самому краю возвышения.

— Во-первых, Верцингеториг, вы, галлы, должны примириться с присутствием каких-либо иноземцев. Окружающий вас мир стремительно сокращается с тех самых пор, как греки и карфагеняне

рассеялись по всему периметру моря, которое мы, римляне, теперь называем Нашим. Но греки никогда не были единым целым. Греция всегда являла собой скопище маленьких городов-государств, которые, как и вы, постоянно дрались друг с другом, пока наконец не истощили страну. Рим тоже поначалу был городом-государством, но постепенно он подчинил себе всю Италию, превратив ее в монолит. И все же господство великого города отнюдь не господство диктатора-одиночки. Вся Италия голосует, избирая правителей Рима. Вся Италия живет жизнью Рима. Вся Италия поставляет Риму солдат. Ибо Италия и есть Рим, который растет и растет. И теперь вся Италийская Галлия к югу от реки Пад тоже является его частью и принимает участие в выборах магистратов. Вскоре этой чести удостоятся и все галлы, живущие севернее реки Над, потому что я поклялся добиться этого, ибо верю в единство. Я верю, что в единении сила. И я сделаю Длинноволосую Галлию единой страной. Это будет вам подарком от Рима. Германцы таких дорогих подарков не поднесут никому. Они могут лишь способствовать деградации подчиненных племен. У них нет системы правления, нет системы торговли, нет системы законов, дающих народу возможность свободно работать и жить.

Верцингеториг язвительно засмеялся.

— Вы насилуете, а не управляете! Что вы, что германцы — одно!

Цезарь мгновенно отреагировал.

— Чушь! У нас пропасть отличий. О некоторых я уже говорил. Ты просто не слушаешь меня, Верцингеториг, потому что не хочешь слушать. Ты взываешь к чувствам, а не к разуму. Это привлечет к тебе много сторонников, но столь же недальновидных, как ты. Задумайся, чего ты хочешь для своей родины? Вечных внутренних распрей при расширяющейся германской экспансии или спокойной привольной жизни под римской рукой? Я не хочу сражаться с вами, но это не значит, что я откажусь от борьбы. Ибо за мной стоит Рим, который объединяет народы, дает им законы, гражданство и мир. Всюду, куда входит Рим, воцаряется изобилие, развиваются ремесла, расширяются торговые связи. Например, вы, арверны, лучшие гончары в Длинноволосой Галлии. Разве вам не захочется продавать свои горшки не только полунищим соседям, но и везде, где властвует Рим? С римскими легионами, охраняющими ваши границы, вы обретете достаток и уверенность в завтрашнем дне.

— Это пустые слова! Что произошло с атватуками? С эбуронами? С моридами? С нервиями? Их ограбили! Истребили! Продали в рабство!

Цезарь вздохнул, отвел правую руку в сторону, левую спрятал в складках тоги.

— У всех этих племен был шанс, — возразил он спокойно. — Они нарушили наши договоренности и предпочли им войну. Хотя дешевле было бы подчиниться в обмен на гарантированную спокойную жизнь, на избавление от наскоков германцев, на сохранение своих традиций. Ваши боги и земли так и останутся вашими, но вы будете жить гораздо лучше, чем жили!

— Под чужой властью, — презрительно выдохнул Верцингеториг.

Цезарь наклонил голову.

— Такова цена, Верцингеториг. Цена того, что я сейчас перечислил. Или легкая рука римлян, или тяжелая германская длань. Иного выбора у вас нет. Суверенитета больше не будет. Длинноволосая Галлия слишком приблизилась к нам. Все вы должны это понять. Возврата не будет. Рим уже пришел к вам. Он уже здесь. И останется здесь. Потому что он тоже обеспокоен активностью племен за Рейном. Около полу века назад они уже подминали под себя вашу Галлию. Семьсот пятьдесят тысяч германцев вторглись к вам, и вы их терпели, пока Рим в лице Гая Мария вас не спас. Он и теперь спасет вас, в лице племянника Мария. Прошу об одном: не противьтесь. Если вы примете Рим, от вас ничего не убудет. Спросите у любого племени в нашей Провинции — у вольков, воконтиев, гельветов, аллоброгов. Подчинившись Риму, они не сделались меньше галлами. И теперь процветают.

— Ха! — фыркнул Верцингеториг. — Это опять одни слова! А на деле они только и ждут, чтобы кто-нибудь избавил их от ярма.

— Ты сам знаешь, что это не так, — парировал Цезарь. — Ступай к ним, поговори с ними — и сам лишний раз убедишься в моей правоте.

— Если я и приду к ним, то не для расспросов, — сказал Верцингеториг. — Я покажу им боевое копьё. — Он засмеялся и недоверчиво покачал головой. — Как вы надеетесь победить нас? Вас же только жалкая горстка! Рим — это гигантский блеф! Народы, с которыми вы до сих пор сталкивались, покорны, трусливы, глупы. В Длинноволосой Галлии больше воинов, чем у вас граждан! Четыре

миллиона кельтов и два миллиона белгов! Я знаком с результатами вашей последней переписи. Цезарь, вас только три миллиона. Всего!

— Цифры мало о чем говорят, — весело сказал Цезарь. — Рим обладает тремя вещами, каких у вас нет. Это организованность, техника и крепкий тыл. У всего этого — стопроцентная эффективность.

— О да, ваша хваленая техника! Ну и что? Помогли вам стены, которыми вы отгородились от океана, овладеть хоть одной крепостью венетов? Помогли? Нет! У нас тоже есть техника! Спроси своего легата Квинта Туллия Цицерона. Мы построили осадные башни, мы освоили ваши орудия. Мы не рабы, не глупцы и не трусы. С тех пор как ты пришел в нашу Галлию, мы постоянно учимся у тебя. И будем учиться, пока ты здесь! Но таковы не все ваши генералы. Рано или поздно ты вернешься в Рим, а к нам пришлют какого-нибудь дурака, вроде Кассия под Бурдигалой или Маллия под Аравсионом.

— Или вроде Агенобарба, наголову разбившего арвернов семьдесят пять лет назад.

— Сейчас арверны стали сильнее!

— Арверн Верцингеториг, послушай меня, — громовым голосом сказал Цезарь. — Я жду пополнения. Здесь вскоре появятся четыре боевых легиона. Это двадцать четыре тысячи готовых ко всему солдат. Они все будут одеты в кольчуги, на их поясах будут отличные кинжалы и мечи, на головах — шлемы, в руках — копья. Они знают назубок все приемы и правила боя, отменно управляются с артиллерией и покрывают на марше по тридцать миль в день. Ими командуют опытные центурионы. Они придут сюда без ненависти в сердцах, но, если вы вынудите их драться с вами, они вас возненавидят. — Он сдвинул брови. — Теперь защищать интересы Рима здесь будут пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый легионы. Всего пятьдесят четыре тысячи пехотинцев! И добавьте к ним еще четыре тысячи всадников из эдуев и ремов!

Верцингеториг радостно захихикал.

— А ты глупец, Цезарь! Ты только что рассказал нам, какая армия у тебя под рукой!

— Действительно, рассказал. Но не по глупости, а чтобы предостеречь вас. Я говорю тебе, возмись поскорее за ум. Ты не сумеешь нас победить. Зачем же пытаться? Зачем пускать цвет своего

племени на распыл? Зачем оставлять ваших жен без мужей, а земли без пахарей? Кончится тем, что я поселю там своих ветеранов, а ваши женщины будут рожать от них преданных Риму детей!

Остатки доброжелательства вдруг покинули инициатора совещания. Он выпрямился и чуть наклонился, нависая над всеми. Не понимая, в чем дело, Верцингеториг опасно отступил.

— Этот год будет годом полного истощения, если вы вынудите меня! — во весь голос крикнул Цезарь. — Встаньте против меня — и вас не будет! Меня нельзя победить! Рим нельзя победить! Мощь Италии столь велика, что я смогу восполнить любые потери и, если пожелаю, в мгновение ока удвою количество своих войск. Предупреждаю, не злите меня! И не надейтесь, что вместо Цезаря к вам пришлют кого-то другого, ибо к тому моменту вы будете уничтожены!

Он быстро сошел с возвышения и покинул зал, оставив в ошеломлении как галлов, так и своих офицеров.

— Ну и характер! — буркнул Требоний.

— Да, — сказал Гиртий. — Но тут иначе нельзя.

— Теперь моя очередь. — Требоний встал. — Как после этого мне с ними общаться?

— Дипломатично, — ухмыльнулся Квинт Цицерон.

— Неважно как, — сказал Секст. — Авторитет для них только Цезарь.

— Но этот Верцингеториг его, кажется, не очень-то уважает, — заметил Сульпиций Руф.

— Он молод, — возразил Гиртий. — И мало популярен среди своих. Они сидели, скрипя зубами. И, похоже, были готовы его пришибить. Его, а не Цезаря, заметьте.

Пока шло собрание, Рианнон позвала к себе писаря.

— Прочти письмо, — велела она.

Он сломал печать (уже один раз сломанную и скрепленную другой печаткой, о чем Рианнон, естественно, не подозревала), развернул небольшой свиток и принялся сосредоточенно его изучать.

— Читай! — прикрикнула Рианнон, нетерпеливо ерзая в кресле.

— Прочту, когда разберу, — был ответ.

— А Цезарь читает, не разбирая.

Писец поднял голову и вздохнул.

— Цезарь есть Цезарь. Кроме него, никто не читает с листа. И потому чем больше ты говоришь, тем дольше я буду молчать.

Рианнон утихла, теребя золотые нити, вплетенные в ее длинное малиново-бурое платье. Наконец секретарь поднял глаза.

— Я готов, — сказал он.

— Тогда начинай!

Ну, что ж, не могу сказать, что ожидала когда-нибудь получить письмо, написанное на странной латыни галльской любовницей Цезаря, но это забавно, должна признать. Значит, у тебя сын от Цезаря. Поразительно. А у меня дочь от него. Как и твой сын, она не носит его имя. Это потому, что я была в то время замужем за Марком Юнием Силаном. Кстати, его дальний родственник, тоже Марк Юний Силан, служит сейчас у твоего покровителя. Он легат. А дочь мою зовут Юния, и, поскольку она третья Юния, я называю ее Тертуллой.

Ты говоришь, что ты — дочь царя. Я знаю, у дикарей есть принцессы. Ты считаешь, что это что-нибудь значит, но ошибаешься. Для римлянина имеет значение только одна кровь — римская. Самый жалкий воришка в трущобах лучше тебя, потому что в нем течет римская кровь. Никакой ребенок, чья мать не римлянка, не может надеяться встать вровень с Цезарем, ибо Цезарь — самый родовитый из римлян. Его предки были царями, и в других обстоятельствах он мог бы быть римским царем. Но Рим не приемлет царей. И Цезарь никогда не допустит, чтобы Рим имел царя. Римляне ни перед кем не встанут на колени.

Мне нечему тебя научить, принцесса-дикарка. Но, пожалуй, ты должна знать, что римлянину вовсе не обязательно иметь кровного отпрыска для передачи ему своего достоинства и родовых регалий, ибо он всегда может кого-нибудь усыновить. Римляне со всей серьезностью относятся к этой традиции, и каждый, кто выбирает наследника,

тщательно проверяет чистоту крови того, кому суждено будет принять его имя. Кстати, мой сын был тоже усыновлен. Его, правда, и теперь зовут Марк Юний Брут, но по завещанию моего погибшего брата он стал также Квинтом Сервилием Цепионом, законным представителем знатного рода, к какому принадлежу и я. Но он из гордости предпочел вернуть себе имя Юниев, ибо предок его, Луций Юний Брут, свергнул последнего царя Рима и провозгласил Римскую Республику.

Если у Цезаря не будет чистокровных наследников, он усыновит кого-то из Юлиев, вот и все.

Не трудись отвечать. Мне не нравится, что ты считаешь себя женщиной Цезаря. Ты не женщина Цезаря. Ты для него лишь удобство.

Писарь умолк, и свиток в руках его снова свернулся.

— Нам, дикарям, опять указали наше место, — недовольно проворчал он.

Рианнон схватила письмо и порвала его в клочья.

— Уйди! — прорычала она.

Хлынули слезы. Она пошла в детскую, где находилась одна из служанок. Сын возил на веревочке модель Троянского коня, подаренную Цезарем. В боку коня имелась дверца, за которой прятались греки — пятьдесят искусно вырезанных и покрашенных деревянных фигурок. У каждой имелось имя. Рыжий и статный воин был, например, Менелай. Там обретался и Одиссей, тоже рыжий, но с короткими ножками, и красавец Неоптолем, сын Ахилла, и даже некий Эхион, у которого голова болталась на шее, сломанной за то, что он сдался. Цезарь пытался рассказывать сыну легенду, но на малыша история времен Гомера впечатления не произвела. А игрушка понравилась: она двигалась, в ней сидели маленькие человечки, их можно было вынимать из деревянного брюха и опять прятать туда. Она восхищала всех, кто видел ее.

— Мама! — радостно воскликнул ребенок, протягивая к матери ручки.

Слезы высохли. Рианнон села в кресло и подтянула Оргеторига к себе.

— Ты ничего не значишь, — сказала она, прижимаясь щекой к блестящим кудряшкам. — Ты не римлянин, ты — грубый галл. Но ты будешь царем гельветов! И ты все равно ему сын! — Зубы ее вдруг оскалились, из горла вырвался хрип. — Я ненавижу тебя, Сервилия, хотя ты римлянка и знатная госпожа! Цезарь никогда больше не вернется к тебе! Сегодня я пойду в башню черепов к жрице и куплю заклятие на долгие муки!

Наутро пришло известие от Лабiena. Амбиориг наконец договорился со свевами, живущими по ту сторону Рейна. Треверы опять подняли головы.

— Гиртий, я хочу, чтобы ты и Трог продолжили собрание, — сказал Цезарь, протягивая шкатулку с лентой, символом его полномочий, Трасиллу, который упаковывал его снаряжение. — Мои четыре легиона дошли до эдуев, и я послал гонца с приказом идти к сенонам. Эгих задир следует припугнуть. Я иду туда же, с двенадцатым и десятым.

— А что будет с Самаробригой?

— Требоний с восьмым останется в ней. Но собрание, пожалуй, разумнее куда-нибудь перенести, чтобы не искушать наших друзей карнутов. Переведи делегатов в Лютецию, к паризиям. Это остров, его легко защитить. Продолжай убеждать галлов в выгоде дружбы с нами. И возьми с собой пятый легион для охраны. С Силаном и Антистием во главе.

— Будет большая война?

— Надеюсь, что пока нет. Нам нужно время, чтобы вывести из новых легионов несколько неопытных когорт и ввести туда моих ветеранов. — Он усмехнулся. — Если припомнить слова Верцингеторига, можно сказать, что я начинаю блефовать по-крупному. Хотя сомневаюсь, что длинноволосые воспримут это именно так.

Время поджимало, а ему еще надо было проститься с Рианнон. Он нашел ее в гостиной, и не одну, а с Верцингеторигом, о котором только что вспоминал. О богиня Фортуна, ты, как всегда, благосклонна ко мне!

Незамеченный, он постоял на пороге, пользуясь возможностью как следует рассмотреть своего недавнего оппонента. О его высоком ранге

свидетельствовали многочисленные золотые обручи и браслеты, размер сапфира в застежке плаща, а также пояс и перевязь, усыпанная камнями помельче. Цезаря удивило, что арверн гладко выбрит, ибо кельты обычно не брились. Почти белые, смоченные известью волосы были уложены на манер львиной гривы и обрамляли костистое, мертвенно-бледное лицо. Черные брови, ресницы — да, он не походил на других! Худосочен — значит, живет на нервах. Атавизм. И очень опасный.

Лицо Рианнон просияло, но тут же померкло, когда она увидела кожаную кирасу.

— Цезарь, куда ты собрался?

— Встретить мои новые легионы, — ответил он, протягивая гостью руку.

Тот поднялся, продемонстрировав свой немалый рост, впрочем обычный для кельта. В синих глазах мелькнула опаска.

— Ну-ну! — добродушно воскликнул Цезарь. — Ты не умрешь, если дотронешься до меня!

Верцингеториг в ответ протянул длинную тонкую ладонь. Они обменялись рукопожатиями, крепкими, но благоразумно короткими.

Цезарь вопросительно взглянул на Рианнон.

— Вы знакомы?

— Верцингеториг — мой двоюродный брат, — сдерживая дыхание, пояснила она. — Наши матери — сестры. Арверны. Разве я тебе не говорила? Я хотела сказать. Их обеих взяли в жены цари. Мою мать — Оргеториг, а его — царь Кельтилл.

— Понятно, — вежливо кивнул Цезарь. — Я бы сказал, Кельтилл пытался стать царем, но у него это не получилось. Именно потому его и убили, не так ли, Верцингеториг?

— Да, Цезарь, убили. Ты хорошо говоришь на моем языке.

— Моя нянька Кардикса была из арвернов. А мой наставник, Марк Антоний Гнифон, был наполовину саллувий. А в инсуле, принадлежащей моей матери, наверху проживали эдуи. Можно сказать, я рос среди галлов, запоминая их речь.

— Значит, первые два года ты нас дурачил. Говорил через переводчика.

— Будь справедлив! Я не знаю германских наречий, а ведь большую часть моего первого года здесь я пытался договориться с Ариовистом. И потом, я не очень хорошо понимал секванов.

Потребовалось время, чтобы освоить языки белгов, хотя язык друидов мне дался легко.

— Ты не таков, каким кажешься, — сказал Верцингеториг, снова усаживаясь.

— А разве все люди открытые, как на ладони? — спросил Цезарь.

Он тоже решил сесть. Несколько минут беседы с этим строптивцем могли быть полезны.

— Возможно, и нет, Цезарь. Что ты думаешь обо мне?

— Молод, горяч, отважен, умен. Только не дипломатичен. Не было надобности смущать своих старейшин на таком важном собрании.

— Кто-то должен был высказать главное! Иначе все сидели бы и молчали, как ученики в школе друидов. Я многих задел, — удовлетворенно сказал Верцингеториг.

Цезарь медленно покачал головой.

— Да, действительно. Но с какими намерениями? Я, например, не хочу больше крови. Мне не доставляет удовольствия ее проливать. Подумай, за что ты ратуешь, Верцингеториг. Рим все равно победит, можешь не сомневаться. Так стоит ли вставать на дыбы? Ты же человек, а не лошадь! Ты способен собрать сторонников и повести их за собой. Так делай это разумно! Не заставляй меня принимать меры, которых я не хочу принимать.

— Ты предлагаешь мне вести мой народ к вечному рабству?

— Нет, я предлагаю тебе вести его к миру и процветанию.

Верцингеториг подался вперед, глаза его и сапфир на застегжке блеснули.

— И я поведу его, Цезарь! Но не к рабству. К свободе. К прежней жизни, к героям, к царям. Ибо вы не нужны нам! Верным в твоих вчерашних словах было только одно: мы, галлы, должны стать единым народом. Я могу этого добиться. И я добьюсь! Мы переживем тебя, Цезарь! Мы выгоним тебя и всех, кто попытается сунуться сюда после тебя. Я говорил правду, когда сказал, что Рим пришлет дурака вместо тебя. У демократов всегда так: они предлагают безмозглым идиотам выбор кандидатов, а потом удивляются, почему выбраны одни дураки. Народу нужен царь, а не люди, которые каждый раз меняются по чьему-то желанию. То одна группа выгадывает, то другая, но весь народ — никогда. Царь — вот единственный ответ.

— Цари для нас ушли в прошлое.

Верцингеториг вдруг хихикнул.

— И это мне говорит римский царь! Ты ведь царь, Цезарь! Это видно по тому, как ты ходишь, как говоришь, как смотришь, как относишься к людям. Ты — Александр Великий, ненароком поставленный дурнями над собой. После тебя все обратится в прах.

— Нет, — возразил Цезарь, позволив себе улыбнуться. — Я вовсе не Александр. Я лишь фигура, что-то значащая для Рима. Фигура крупная, возможно, крупнее всех, что были. Но все равно Рим больше меня. Когда Александр Великий умер, Македония пала. Его страна умерла вместе с ним. И не только страна. Он отрекся от своих греческих корней и создал империю, потому что мыслил как царь. Он делал, что хотел, и шел, куда хотел. Он действовал как царь, Верцингеториг! Он отождествлял себя с идеей величия сколоченного им государства. Но чтобы эта идея работала, ему надо было жить вечно. А я — слуга Рима, и только. И когда я умру, Рим породит мне замену. Я сделаю Рим богаче, сильнее, могущественнее, но кто-то непременно улучшит мои достижения. Почему? Потому что у нас на каждого дурака приходится по умному человеку. Это замечательная статистика. Гораздо лучше, чем у царских династий. Там на одного достойного правителя приходится дюжина полных ничтожеств.

Верцингеториг ничего не сказал. Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

— Ты не убедил меня, — наконец проговорил он.

Цезарь встал.

— Тогда будем надеяться, Верцингеториг, что нам никогда не придется выяснять отношения на поле боя. Ибо если мы встретимся там, от тебя ничего не останется. — Голос его неожиданно потеплел. — Будь со мной, а не против меня! Мы поладим.

— Нет, — ответил Верцингеториг, не открывая глаз.

Цезарь покинул гостиную и пошел к Авлу Гиртию.

— Рианнон подбрасывает мне сюрприз за сюрпризом. Молодой Верцингеториг, оказывается, ее двоюродный брат. В этом отношении галльская знать походит на римскую: все тут друг другу родня. Присматривай за ней, Гиртий.

— Значит ли это, что она тоже должна поехать в Лютецию?

— Конечно. Ей ведь приятно видеться с братом. Не препятствуй их встречам.

Маленькое некрасивое личико Гиртия сморщилось, карие глаза приняли умоляющее выражение.

— По правде говоря, Цезарь, я не думаю, что она способна тебя предать. Она души в тебе не чает.

— Я знаю. Но она женщина. Она много болтает, делает глупости у меня за спиной. Пишет Сервилию. Глупее поступка нельзя и придумать! Пока меня нет, не говори ей ничего лишнего, Гиртий!

Как и все посвященные в это дельце, Гиртий умирал от желания знать, что ответила рыжеволосой Сервилия, но Цезарь сам вскрыл письмо, а потом запечатал печаткой Квинта Цицерона, чтобы никто больше не мог прочитать.

* * *

Завидев Цезаря с шестью легионами, сеноны сдались без боя. Они выделили заложников и немедленно отправили делегатов в Лютецию, где галлы под не слишком бдительным присмотром Авла Гиртия ссорились, дрались, пили и веселились. Кроме того, эти несостоявшиеся мятежники послали отчаянное предостережение карнугам, ужасно напуганные грозным видом новых когорт — в блестящих доспехах и с баллистами самой последней модели. Эдуи просили Цезаря за сенонов, ремы — за карнутов.

— Ладно, — сказал он Котию и Доригу. — Я буду к ним снисходителен. Тем более что мечи еще не были обнажены. Я очень хотел бы поверить, что они говорят то, что думают. Но я им не верю.

— Цезарь, им нужно время, — не сдавался царь ремов Дориг. — Они как дети, которым раньше все дозволялось и от которых вдруг стали требовать послушания.

— Они и впрямь дети, — кивнул Цезарь с усмешкой.

— Это метафора, — с достоинством отозвался Дориг.

— Сейчас нам не до метафор. Однако я тебя понял. Но кем бы их ни считать, друзья мои, их будущее благополучие зависит от того, будут ли они соблюдать подписанные договоры. Это особенно относится к сенонам и карнугам. Треверов я считаю безнадежными. Их надо подчинять силой. Но кельты из центральной Длинноволосой Галлии достаточно умны, чтобы понять значение договоров и правила

поведения, которые они диктуют. Мне не хотелось бы казнить людей, таких как Аккон у сенонов или Гутруат у карнутов, — но если они предадут меня, я это сделаю. Не сомневайтесь, я это сделаю!

— Они не предадут тебя, Цезарь, — заверил эдуйский царь Котий. — Как ты сказал, они кельты, а не белги.

Цезарь вскинул руку, чтобы раздраженно взъерошить волосы, но передумал и лишь провел пальцами по щеке. Обладателям редких волос не стоит тревожить прическу без дела. Он вздохнул, сел и вновь глянул на галлов.

— Вы думаете, я не знаю, что каждое наказание рассматривается как тяжелая нога Рима, попирающая права галлов? Я выбиваюсь из сил, стараясь заключить с ними мир, а в ответ меня обманывают, предают, презирают. Метафора с детьми как раз к месту, Дориг. — Он глубоко вздохнул. — Предупреждаю вас обоих, потому что вы решились просить за другие племена. Если эти новые соглашения не будут соблюдены, я обрушу на клятвопреступников все свои силы. Это измена — нарушать торжественные обещания, скрепленные клятвой! И если римские граждане будут убиты, я казню виновных, как Рим казнит всех предателей-неграждан и убийц, — я выпорю их и обезглавлю. Речь идет не о простых людях. Я казню вождей племен, будь это предательство или убийство. Ясно?

Слова его звучали тихо, но в комнате вдруг повеяло холодом. Котий и Дориг переглянулись.

— Да, Цезарь.

— Тогда передайте мои слова всем. Особенно сенонам и карнугам.

Он встал и с улыбкой сказал:

— А теперь посмотрим, что можно сделать с Амбиоригом.

Еще не покинув ставки, Цезарь уже знал, что Аккон, вождь сенонов, нарушил договор, подписанный всего несколько дней назад. Что же поделать с подлостью галльской знати? Вождь, через заступников умолявший о милосердии, тут же переступил через собственные обещания, словно они ничего для него не значили. Имеют ли галлы представление о достоинстве, чести? И если имеют, каково же оно? Зачем эдуи гарантировали лояльность Аккона, хотя Котий знал, что он нечестный человек? А вождь карнутов Гутруат? Он тоже таков?

Но первое — белги. Цезарь с семью легионами и обозом вошел в Неметоценну, главное укрепление атребатов. Оттуда он послал обоз и два легиона на Мозу — поддержать Лабиена, а сам вкуче с Коммием и остальными пятью легионами пошел вдоль реки Скальд на север, в земли менапиев, которые без боя спрятались среди соленых болот на побережье Германского океана. Репрессии были косвенными, но ужасающими. На местах поселений — целые просеки вырубленных деревьев и пепелища. Посевы вытоптаны, крупный скот и более мелкая живность заколоты, курам, гусям и уткам свернули шеи. Легионы наелись досыта, менапиям ничего не осталось.

Они попросили мира, прислали заложников. В ответ Цезарь оставил в их владениях Коммия с кавалерией атребатов, якобы для поддержания порядка, но на деле это значило, что земли менапиев были подарены Коммию, и он с удовольствием присоединил их к своим.

У Лабиена были проблемы, но к прибытию Цезаря он успел сразиться с треверами и опять их разбил.

— Два твоих легиона прищлись очень кстати, без них я бы имел бледный вид, — сказал он, хорошо зная, что это признание не умалит его заслуг в глазах Цезаря. — Амбиориг уже готов был напасть, когда они появились. Поэтому он отступил и стал ждать германцев, которые собирались перейти Рейн.

— И они перешли?

— Если и перешли, то поджали хвосты и убралась восвояси. Я, естественно, не собирался их дожидаться.

— Естественно, — повторил Цезарь, чуть улыбнувшись.

— Я опять купил треверов. На ту же удочку, ты не поверишь. Я пустил слух, что испугался и ухожу, — он в недоумении покачал головой, — хотя на этот раз я действительно ушел. Они обрушились на мою колонну своими недисциплинированными ордами, и тогда мои люди развернулись и стали метать в них копья. Мы убили тысячи нападающих. Так много, что я сомневаюсь, чтобы они еще когда-нибудь причинили нам беспокойство. Оставшиеся в живых треверы будут очень заняты на севере, отражая германцев.

— А что же Амбиориг?

— Перемахнул через Рейн с какими-то родичами Индутиомара. Цингеториг опять стал здесь вождем.

Цезарь задумчиво хмыкнул.

— Что ж, Лабиен. Пока треверы зализывают раны, хорошо бы построить еще один мост через Рейн. Как тебе прогулка в Германию?

— После нескончаемых месяцев сидения в зловонном лагере, Цезарь, я буду рад пойти даже в Гадес!

— Твой лагерь и вправду зловонный, Тит, в этом ты прав. На твоей территории так много дерьма, что в течение десяти лет там можно будет собирать четырехкратные урожаи. Но радоваться этому изобилию будут отныне не треверы, а Дориг.

По-настоящему вдохновляющийся только во время титанических инженерных работ, Цезарь построил мост через Рейн немного выше по течению от того места, где он строил мост два года назад. Бревна все еще лежали на галльском берегу реки. Поскольку это был дуб, они только крепчали, а не гнили.

Если первый мост был большим, то второй обещал стать огромным, ибо Цезарь не намеревался разбирать его полностью после визита к германцам. В течение восьми дней легионеры неустанно трудились, вколачивая в вязкое дно Рейна сваи и защищая их длинными волнорезами от напора стремительного течения.

— Есть ли на свете что-то, чего он не может? — спросил Квинт Цицерон.

— Если и есть, то мне это не известно, — ответил ему Гай Требоний. — Он, если захочет, уведет у тебя и жену. Но инженерное дело Цезарю больше по душе. Одно из его величайших разочарований — что галлы еще не дали ему шанса превратить осаду Нуманции в веселую ночь в борделе. Если хочешь разговорить его, оброни слово о тактике Сципиона Эмилиана под Карфагеном. Он перечислит тебе все его промахи.

— И все это идет ему впрок, — усмехнулся Фабий.

— Думаете, он польстится на мою Помпонию, если ее как следует нарядить? — мечтательно спросил Квинт Цицерон.

Требоний и Фабий расхохотались.

Марк Юний Силан кисло посмотрел на них.

— А по-моему, все это напрасная трата времени. На тот берег можно переплыть и на лодках. Мост ничего не решает, он только для помпы.

Опытные вояки презрительно покосились на Силана, которого недолюбливали.

— Да-а, переплыть туда можно, — медленно проговорил Требоний. — А как тогда отступить? Что будет, если все эти свевы и убии — кстати, их миллионы — хлынут на нас из леса? Цезарь никогда не рискует по-глупому, Силан. Заруби это себе на носу. Видишь, как расставлены наши баллисты? В случае нашего поспешного отступления они вмиг разнесут этот мост на куски, чтобы ни один германец не прорвался за нами. Одно из правил Цезаря — скорость. Другое — готовность к всякого рода подвохам.

Лабием понюхал воздух. Ноздри его орлиного носа раздулись.

— Я чую этих *sinni*! — объявил он. — О, нет ничего лучше, чем заставить германца пожелать, чтобы его сожгли в плетеной клетке!

Прежде чем кто-либо нашелся с ответом, подошел Цезарь, довольно улыбаясь.

— Стройте когорты, ребята! — сказал он. — Время гнать свевов в леса.

— Что значит «гнать»? — ворчливо спросил Лабием.

Цезарь засмеялся.

— Если мне не изменяет чутье, Тит, так все и выйдет.

Легионы — по восемь солдат в шеренге — потекли через мост. Грохот шагов усиливался вибрацией досок и многократным эхом, отлетающим от воды. Этот грохот, казалось, разносился вокруг на многие мили. На германской земле римлян уже ожидали военачальники убиев. Одни, без охраны и войск.

— Это не мы! — крикнул их вождь, которого звали Герман. — Цезарь, клянемся! Это свевы снюхались с треверами, а не мы! Ни один воин убиев не пересек реку.

— Успокойся, Арминий, — сказал ему Цезарь через толмача, употребив латинскую версию имени встревоженного вождя. — Если это так, вам нечего бояться.

С вождями убиев стоял один аристократ, чья черная одежда говорила о том, что он принадлежит к херускам, могущественному племени, жившему между сигамбрами и рекой Альбис. Цезарь с изумлением смотрел на него. Белая кожа, золотисто-рыжие кудри — просто портрет Луция Корнелия Суллы. По слухам, тот шпионил для Гая Мария среди германцев. Он и Квинт Серторий. Сколько лет этому

человеку? У германцев трудно определить возраст. Лицо спокойное, кожа моложавая. Но ему могло быть лет шестьдесят. Да, вполне возможно.

— Как тебя зовут? — спросил он через переводчика.

— Корнель, — ответил херуск.

— Ты из близнецов?

Светлые глаза расширились, в них вспыхнуло уважение.

— Да. Но мой брат убит свевами.

— А кто твой отец?

— Мать говорила, он был большим человеком у кельтов.

— Как его звали?

— Корнель.

— А теперь ты — вождь херусков?

— Да.

— Ты намерен противиться Риму?

— Нет, никогда.

Цезарь улыбнулся и повернулся к Герману.

— Успокойся, Арминий! — повторил он. — Я верю тебе. Возвращайся в свои владения и ничего не предпринимай. Я не хочу войны, мне нужен Амбиориг.

— Мы это знаем. Новость шла по реке, пока строился мост. Но, Цезарь, Амбиорига здесь уже нет. Он ушел к своим, к эбурунам. Так утверждают все свевы.

— Предусмотрительно с его стороны, но я сам проверю, — сказал Цезарь, улыбаясь. — Однако, Арминий, пока ты здесь, у меня к тебе предложение. Говорят, что убии — лучшие в Германии кавалеристы, да и белгов намного превосходят. Или меня ввели в заблуждение?

— Нет, не ввели. Это правда.

— Но вам ведь трудно добывать хороших лошадок, не так ли?

— Это так, Цезарь. Некоторых мы покупаем у херсонесских кимбров, остальных отбиваем у белгских галлов. Мы ходим к ним за итальяйскими и испанскими лошадьми.

— Тогда, — дружелюбно сказал Цезарь, — я могу оказать тебе помощь.

— Мне?

— Да. Зимой пришли мне четыре сотни своих лучших всадников в Римскую Галльскую провинцию, в город Виенна. Не трудись посадить

всех в седло. Там их будут ожидать примерно две тысячи породистых лошадей, тысячу из которых я отправлю тебе в подарок. Среди них будут хорошие племенные жеребцы. Я выкуплю их у ремов. Согласен?

— Да! Да!

— Отлично! Мы еще об этом поговорим.

Цезарь повернулся к Корнелю.

— Еще одно, Корнель, — сказал он. — У тебя есть сыновья?

— Двадцать три от одиннадцати жен.

— И у них тоже есть сыновья?

— Да. У тех, кто уже вырос.

— О, Сулле бы это понравилось! — засмеялся Цезарь. — А что у тебя с дочерьми?

— Их шестеро. Рождалось больше, но я оставил только самых красивых. Сейчас я здесь, потому что выдаю одну из них замуж. За старшего сына Германа.

— Замечательно, — кивнул Цезарь. — Шесть дочерей — шесть выгодных браков. Это весьма дальновидно! — Он стал серьезным. — Корнель, дождись меня здесь. Возвращаясь в Галлию, я намерен заключить с убиями договор о мире и дружбе. Один великий римлянин, уже, правда, умерший, был бы весьма доволен, если бы такой договор согласились подписать и херуски.

— Но такой договор уже давно нами подписан, — спокойно сказал Корнель.

— Да? И когда же его заключили?

— Примерно в то время, когда я появился на свет. Он хранится у меня дома, в шкатулке.

— Вот как? Значит, я кое-что упустил. Скорее всего, римская версия этого документа висит в храме Юпитера Победоносного, где любил бывать Сулла. Если ее не уничтожил пожар.

Германский сын Суллы озадаченно заморгал, но Цезарь не стал ничего ему объяснять. Вместо этого он с деланным недоумением огляделся.

— Но я не вижу соседей херусков — сигамбров! Где они?

Ответ дал Герман.

— Когда ты вернешься, они будут здесь.

Свевы отступили к Бакенскому лесу — бескрайней протяженности буков, дубов, берез, — который в конце концов переходил в еще более густой Герцинский лес, простиравшийся на тысячу миль, доходя до Дакии и истоков известных всем рек, впадавших в Эвксинское море. Говорили, что человеку и за месяц плутания по этому лесу не дойти даже до его середины.

Где дубы и желуди, там всегда свиньи. В непроходимых чащобах водились огромные, клыкастые и бездумно свирепые кабаны. Волки шныряли везде, охотились стаями и ничего не боялись. В галльских лесах, особенно в Ардуэнском, тоже встречались вепри и волки, но дремучие леса Германии не шли с ними в сравнение и давали пищу несчетному числу легенд. Там жили удивительные и ужасные существа! Огромные лоси, на ночь цеплявшие рогами за ветви деревьев, чтобы их тяжесть не мешала им спать, слоноподобные зубры и колоссальных размеров медведи с когтями в палец взрослого человека и клыками, превосходящими клыки льва. Подле этих зверей, вставших на задние лапы, самые рослые люди казались пигмеями, но германцы охотились на лесных великанов, в основном из-за шкур: в холодные ночи они грели лучше самого теплого одеяла и потому всегда были в цене.

Неудивительно, что солдатам новонабранных подразделений очень не нравился этот Бакенский лес, и потому каждый из них мысленно обещал принести щедрые дары Индигету, богу солнца, и Теллус, богине земли, если те внушат Цезарю мысль, что в глубь чащи идти не надо. Конечно, они всюду готовы следовать за своим полководцем, но...

— Но поскольку германцы друидами не считаются, — объявил Цезарь легатам, — то нет смысла валить их деревья. Мы показали им свои когти и кончим на том. Я возвращаюсь в Длинноволосую Галлию.

Однако новый мост за собой он полностью не разрушил. Велел разобрать лишь двести футов настила с германского края, а в непосредственной близости от уцелевшей части возвел мощное укрепление с одной смотровой башней, достаточно высокой, чтобы обозревать германскую территорию на несколько миль, и оставил там пятый легион «Жаворонок» под командованием Гая Вулкация Тулла.

Был конец сентября, очень жаркий. Белгов поставили на колени, но кампанию требовалось довести до конца, и Цезарь пошел на запад — в

земли эбуронов, уже изрядно опустошенные им. Если Амбиориг там, его возьмут в плен. Эбуроны были его народом, но царь не может править, если его народа больше не существует. Поэтому эбуроны исчезнут из списка друидов. Царь атребатов Коммий был очень рад этому. Его земли быстро увеличивались, и он нуждался в людях для их заселения. Титул великого царя белгов стал еще ближе.

А вот Квинту Цицерону этот марш много радости не принес. Цезарь, ценя его командирские качества, отдал ему пятнадцатый легион, самый сырой из всего пополнения. Слухи об истреблении эбуронов дошли до сигамбров и подсказали им мысль оказать Цезарю неофициальное содействие. Они переплыли на лодках в Галлию Белгику и внесли свою лепту в несчастье белгов. К сожалению, вид неорганизованной, недисциплинированной римской колонны ввел их в соблазн. С радостными воплями сигамбры напали на римлян. Солдат охватила такая паника, что Квинту Цицерону и его офицерам не удалось с ней совладать.

Две когорты в сумятице были уничтожены, но тут прибыл Цезарь с десятым легионом. Сигамбры быстро ретировались, однако порядок в рассыпавшейся колонне наводили весь день.

— Я подвел тебя, — сказал Квинт Цицерон со слезами.

— Вовсе нет. Твои парни еще не бывали в бою, у них сдали нервы. Да и германские леса навели на них страху. Такие вещи случаются, Квинт. Если бы с ними был я, сомневаюсь, что вышло бы по-другому. Виновата плохая выучка, а не ты.

— Ты одним своим видом привел бы их в чувство, — убитым голосом произнес Квинт Цицерон.

Цезарь приобнял его за плечи, слегка встряхнул.

— Может быть, да, — сказал он, — а может, и нет. В любом случае это неважно. Возьми под начало десятый. А я разберусь с пятнадцатым. Отведу его осенью в Италийскую Галлию и буду без устали муштровать. Вот увидишь, они станут действовать четко и слаженно, как марионетки. Включая нерадивых центурионов.

— Значит ли это, что я должен паковать сундуки, как Силан? — спросил Квинт Цицерон.

— Не говори глупостей, Квинт! Ты будешь со мной, пока сам не захочешь уйти. — Цезарь чуть прижал к себе удрученного и расстроенного легата. — Видишь ли, Квинт, с некоторых пор ты стал

значить для меня гораздо больше, чем твой прославленный брат. Он хорош на Форуме, но не на поле боя. Каждому свое, разумеется. Но знай, что ты — тот Цицерон, которого я всегда предпочту любому другому.

Эти слова Квинт Цицерон запомнит на всю жизнь. Эти слова причинят ему много боли, сделают его желчным, станут причиной раскола в семье Туллия Цицерона. Ибо Квинт никогда не сможет заставить себя не любить человека, который их произнес. Родство обязывало, но сердце болело. Наверное, было бы лучше ему вообще не служить у Цезаря! Но тогда он не стал бы собой и так и продолжал бы плясать под дудку старшего брата.

Итак, полный борьбы год наконец-то заканчивался. Цезарь раньше обычного занялся распределением армии на зимний постой. Лабиена с двумя легионами он оставил у треверов, два других легиона разместил над рекой Секваной — в землях верных Риму лингонов, а остальными шестью окружил Агединк, главный город сенонов.

Он был готов отправиться в Италийскую Галлию, планируя сопровождать Рианнон и сына до ее виллы под Аравсионом, и еще он хотел найти педагога для мальчика. Что же не так с этим ребенком? Почему его не интересуют ни десятилетняя греческая война, ни соперничество между Ахиллом и Гектором, ни сумасшедший Аякс, ни предатель Терсит? Если бы он задал этот вопрос Рианнон, она бы ответила, что Оргеторигу нет еще и четырех лет. Но Цезарь не спрашивал и продолжал сравнивать сына с собой в свои детские годы, не понимая, что ребенок гения может оказаться обычным мальчиком.

Но все же в конце ноября он организовал еще один всегалльский сход, на этот раз в Дурокорторе, главном городе ремов. Целью собрания была не дискуссия. Обвинив Аккона, вождя сенонов, в заговоре против Рима, Цезарь решил провести заседание суда по римскому образцу — с обвинителями, адвокатами и перекрестным допросом свидетелей. Сам он главенствовал на этом процессе, усадив по правую руку от себя вождя эдуев Котия, некогда заступившегося за сенонов.

Пришли все кельты и несколько белгов, но ремов было больше всех (в жюри их оказалось шестеро из двадцати пяти галлов). Арвернов возглавляли Гобанницион и Критогнат, их вергобреты. Но первым

выступил, конечно же, Верцингеториг (Цезарь лишь вздохнул про себя), который сразу же подверг суд критике.

— Если это справедливый суд, — спросил он, — тогда почему в жюри римлян больше?

Цезарь посмотрел на него с удивлением.

— Число присяжных должно быть нечетным, чтобы при вынесении решения избежать ничейного результата, — спокойно объяснил он. — Состав жюри определялся по жребию, ты сам это видел. Кроме того, на данном процессе все члены его наделены правами римлян — все имеют равные голоса.

— Что это за равенство, когда римлян двадцать шесть, а галлов двадцать пять?

— Ты был бы удовлетворен, если бы я ввел в жюри еще одного галла? — терпеливо спросил Цезарь.

— Да! — выкрикнул Верцингеториг и покраснел, заметив в глазах римских легатов насмешку.

— Тогда я это сделаю. А теперь сядь, Верцингеториг.

Поднялся Гобанницион.

— Да? — спросил Цезарь, уверенный в этом арверне.

— Я хочу извиниться за поведение моего племянника, Цезарь.

— Извинения приняты, Гобанницион. Мы можем продолжить?

Выслушали обвинителей, свидетелей, выступили адвокаты. Цезарь с удовольствием отметил прекрасную речь Квинта Цицерона в защиту Аккона — пусть-ка Верцингеториг покритикует это! Затем вынесли приговор, на что ушла большая часть дня.

Тридцать три члена жюри заявили: «Виновен!» Остальные не нашли в действиях Аккона вины. За осуждение голосовали все римляне, шестеро ремов и один лингон. Но девятнадцать других галлов, включая троих эдуев, настаивали на оправдании.

— Приговор вынесен и обжалованию не подлежит, — ровным голосом объявил Цезарь. — Аккон будет подвергнут порке и обезглавлен. Незамедлительно. Желаящие могут присутствовать. Я искренне надеюсь, что этот урок запомнится многим. Наши договоренности не безделица, нарушать их нельзя.

Поскольку официальные заключения суда делались на латыни, Аккон понял, каков приговор, только когда римская охрана встала по обе стороны от него.

— Я свободный человек в свободной стране! — выкрикнул он, выпрямляясь.

Верцингеториг заплодировал было, но Гобанницион звонкой пощечиной остудил его пыл.

— Уймись, идиот! Тебе что, всего этого мало?

Верцингеториг вышел из зала и пошел прочь, подальше, чтобы ничего не видеть и не слышать.

— Говорят, то же самое произнес Думнориг, когда Лабием отсекал ему голову, — сказал последовавший за ним карнут Гутруат.

— Что? — спросил Верцингеториг, дрожа и покрываясь холодным потом. — Что?

— «Я свободный человек в свободной стране», — так он сказал. Его больше нет, а Цезарь живет с его женщиной. Мы не свободны.

— Мне не нужно этого говорить, Гутруат. Мой собственный дядя дал мне пощечину перед всеми! Почему? Потому что лишь Цезарь прав, а мы все перед ним виноваты?

— Потому что в этой стране свободен один только Цезарь.

— О, клянусь Дагдой, Таранисом и Езусом, я сам насажу его голову на дверной шест! — крикнул Верцингеториг. — Как он посмел учинить это судилище, больше похожее на расправу?

— Посмел, потому что он блестящий военачальник блестящей армии, — сквозь зубы проговорил Гутруат. — Он попирает нас целых пять лет, Верцингеториг, а мы где были, там и остаемся! Он практически покончил с белгами и не тронул нас, кельтов, лишь потому, что мы не рискнули с ним драться. Кроме бедных армориков — посмотри, что с ними случилось! Венеты проданы в рабство, эзубии стерты с лица земли.

Появились Литавик и Котий, лица их были угрюмы. Кардурк Луктерий и вергобрет лемовиков Седулий подошли следом.

— В том-то и дело! — воскликнул Верцингеториг, глядя на подошедших. — Цезарь уничтожал белгов последовательно, поочередно. Он никогда не нападал на несколько племен сразу. Одна кампания — эбуроны, другая — морины, затем нервии, затем белловаки, атватуки, менапии, треверы. Один народ за другим! Но где был бы Цезарь, если бы нервии, белловаки, эбуроны и треверы собрались в единый кулак и ударили по нему? Да, он выдающийся

командир! Да, у него блестящая армия! Но он не Дагда! Он был бы повержен и никогда больше не поднялся бы.

— Ты хочешь сказать, — медленно проговорил Луктерий, — что нам, кельтам, надо объединиться?

— Именно это я и говорю.

Котий бросил на него хмурый взгляд.

— И под чьим же началом? Ты думаешь, что эдуи захотят драться за тебя, за арверна?

— Если эдуи захотят стать частью нового государства, Котий, я надеюсь, что они станут драться за любого, кто будет выбран вождем. — Синие глаза на костистом лице грозно сверкнули. — Вполне возможно, что таким вождем буду я, хотя арверны с эдуями традиционно враждуют. Но также возможно, что вождем будет эдуй. В этом случае я поведу за ним всех арвернов. Котий, Котий, открой глаза! Разве ты сам не видишь? Это древнее деление между нами ставит нас всех на колени! Нас больше, чем римлян! Может, они храбрее нас? Нет! Они лучше организованы, вот в чем все дело. Они действуют, как одна боевая машина. Кругом! Заходи флангом! Бросай копье! Атакуй! Держи шаг! Да, этого в один миг не изменишь. У нас просто нет времени перенять их приемы. Но нас больше. И если мы объединимся, разбить нас будет попросту невозможно!

Луктерий тяжело вздохнул.

— Я с тобой, Верцингеториг! — вдруг сказал он.

— Я тоже, — сказал Гутруат. — И я знаю еще кое-кого, кто будет с тобой. Друид Катбад.

Верцингеториг пораженно уставился на него.

— Катбад? Тогда обязательно поговори с ним! Если Катбад подаст пример, за ним потянутся все друиды, а это уже половина победы.

Но Котий был сильно напуган, Литавик обеспокоен, Седулий насторожен.

— Понадобится нечто большее, чем друид, чтобы раскачать нас, эдуев, — сказал Котий. — Мы очень серьезно относимся к нашему статусу друзей и союзников Рима.

Верцингеториг ухмыльнулся.

— Ха! Тогда вы просто дурни! Не так уж много времени прошло, Котий, с тех пор, как хваленый твой Цезарь осыпал германца Ариовиста дорогими подарками, даровав ему тот же статус! При этом

он знал, что Ариовист грабит эдуев — тоже друзей и союзников Рима, крадет их скот, овец, их женщин, топчет их пашни! Есть в том забота Цезаря об эдуях? Нет, нет и нет! Рим в его лице блюдет лишь собственные интересы! — Он сжал кулаки и погрозил небесам. — Каждый раз, когда Цезарь торжественно обещает защищать нас от германцев, я говорю себе: это ложь. И если бы эдуи могли здраво рассуждать, они говорили бы так же.

Литавик со вздохом кивнул.

— Хорошо, я тоже с тобой, — сказал он. — Не знаю, что решит Котий, — он мой начальник, не говоря уже о том, что в будущем году его изберут вергобретом вместе с Конвиктолавом. Но на меня ты можешь рассчитывать, Верцингеториг.

— Я ничего не могу обещать, — сказал Котий, — но против тебя не пойду. И римлянам ничего не открою.

— А о большем сейчас я и не прошу тебя, Котий, — сказал Верцингеториг. — Просто держи это в голове. — Он улыбнулся. — Есть много способов вредить Цезарю, не вступая с ним в битву. Он полностью доверяет эдуям. И щелкает пальцами: дайте пшеницы, дайте еще кавалерии, дайте того, дайте сего! Я понимаю, ты слишком стар, чтобы взяться за меч. Но изворотливый ум — это такое же оружие, если ты хочешь свободы.

— Я тоже с тобой, — заявил наконец и Седулий.

Верцингеториг протянул вперед руку ладонью вверх. Гутруат положил на нее свою руку, то же самое сделал Литавик, затем Седулий с Луктерием, и последним был Котий.

— Я свободный человек в свободной стране, — произнес с нажимом Верцингеториг. — Каждый должен сказать это о себе. Вы согласны?

— Согласны!

Если бы Цезарь на день-другой задержался с отъездом, он бы непременно проведал об этом сговоре, хотя бы от Рианнон. Но Длинноволосая Галлия опостылела ему напрочь. На рассвете он убыл в Италийскую Галлию, за ним следовали злосчастный пятнадцатый легион и Рианнон на своей италийской кобыле. Ей не дали увидеться с Верцингеторигом, и вообще она не понимала, отчего Цезарь вдруг стал таким отчужденным и резким. Может быть, у него появилась другая?

Так порой бывало, но временные любовницы всегда мало что значили для него, и потом, ни одна из них не родила ему сына! А ее сын ехал с нянькой в повозке, крепко сжимая в ручонках подарок отца. Нет, его не интересовали ни Менелай, ни Одиссей, ни Ахилл, ни Аякс. Но сама лошадь была чудесной, и она всецело принадлежала ему.

Колонна еще не пробыла в дороге и дня, а Цезарь уже далеко от нее оторвался в своей двуколке, запряженной четырьмя мулами, бегущими легким галопом. На ходу он диктовал секретарям два письма. Одно — в Сенат, другое — «своему большому радетелю» Цицерону. И в том и в другом письме сообщалось о стычке Квинта Цицерона с сигамбрами, но обе версии сильно различались между собой. Пусть эти глупцы погадают, где правда.

Он продолжал диктовать, терпеливо ожидая, пока писцы справятся с дурнотой, перегибаясь через борта двуколки. Их растрясло и рвало. Он тоже был не в себе. В ушах стоял крик Аккона, повторившего слова Думнорига. Он не хотел делать Аккона жертвой, но как еще заставить их выучить правила и законы цивилизованных народов? Слова не помогали, пример не помог.

«Как иначе я мог бы заставить кельтов усвоить кровавый урок, преподанный мною белгам? Нельзя уехать, не выполнив задачи, напрасно потеряв годы. Я не могу возвратиться в Рим, не возвеличив мое *dignitas* полной победой. Теперь я большой герой, чем Помпей Магн на вершине славы, и весь Рим сейчас у моих ног. Я сделал то, что должен был сделать любой ценой. Ах, но воспоминания о жестокости — плохое утешение в старости!»

РИМ

ЯНВАРЬ — АПРЕЛЬ 52 Г. ДО Р. Х

*Квинт Цецилий Метелл Пий Сципион Назика
(Метелл Сципион)*

В первый день нового года ни один магистрат не вступил в должность. Рим жил, руководствуясь указаниями Сената и десяти плебейских трибунов. Катон сдержал слово и заблокировал прошлогодние выборы, требуя, чтобы племянник Помпея, Гай Меммий, снял свою кандидатуру на звание консула. Только в конце квинктилия было решено, что Гней Домиций Кальвин и авгур Мессала Руф останутся консулами еще на пять месяцев до конца года. Но они не стали проводить выборов на следующий год. Помешала уличная война, которую затеяли Публий Клодий и Тит Анний Милон. Первый метил в преторы, второй — в консулы. И ни один не мог допустить возвышения другого. Каждый кликнул сторонников, те вышли на улицы, и Рим очередной раз сделался ареной насилия. Это, впрочем, не означало, что повседневная жизнь в большей части великого города была как-то затруднена. Бои велись в основном возле Форума, в центре, но столь беспощадно, что Сенат перестал собираться в своем здании, курии Гостилия, а заседаний Трибутного и Плебейского собраний не проводилось вовсе.

Все это сильно не нравилось Марку Антонию, лучшему другу Клодия, ибо весьма затрудняло его продвижение по общественной лестнице. Ему уже исполнилось тридцать, пора бы стать квестором, что автоматически ввело бы его в Сенат и предоставило массу возможностей пополнить свой кошелек. Например, получить назначение в какую-нибудь из провинций и ведать там губернаторской

бухгалтерией. Почти бесконтрольное и очень прибыльное занятие. Продавать права на сбор налогов, на выгодные контракты, да мало ли еще на что. Можно также погреть руки и в Риме, если пролезть в тройку квесторов при римской казне и (за определенную мзду, разумеется) изменять записи в книгах, вымарывать из них чьи-то долги, а то и помочь кому-либо получить в обход закона дотацию. Но Марк Антоний не квестор и потому весь в долгах.

Ни один губернатор не назвал его имени, что очень не понравилось ему, когда он наконец удосужился подумать об этом. Цезарь и тот не назвал, несмотря на родство. Мог бы, кажется, порадовать родичу, но затребовал сыновей Марка Красса, хотя кто ему Красс? Только друг. А потом решил взять к себе сына Сервилии, Брута! Но тот отшил его, вот был скандал! Дядюшка Брута, Катон, скакал от радости и поносил Цезаря на весь Рим. А мать Брута, эта мегера и любовница Цезаря, наоборот, поносила своего сводного братца, всюду сплетничая, что тот продал свою супругу старому глупому Гортензию!

Даже Луций Цезарь, приглашенный в Галлию старшим легатом, отказался похлопотать за племянника, поэтому матушке самой пришлось написать именитому родственнику. Ответ Цезаря был холодным и кратким: «Марку Антонию будет полезней попытаться счастья по жребью. Нет, Юлия Антония, я не дам запрос на него».

— В конце концов, — с досадой сказал Антоний Клодию, — в Сирии я был хорош! И так классно командовал кавалерией, что Габиний брал меня всюду с собой.

— Лабиен, да и только, — усмехнулся Клодий.

«Клуб» его все еще процветал, несмотря на уход Марка Целия Руфа и двух знаменитых *fellatrices* — Семпронии Тудитани и Паллы. Суд и оправдание Целия, обвиненного в попытке отравить Клодию, любимую сестру Клодия, состарили эту парочку отвратительных сексуальных акробатов до такой степени, что они предпочитали сидеть дома и не смотреться в зеркало.

А «Клубу Клодия» хоть бы что! Члены его встречались, как и всегда, в новом доме на Палатине, купленном Клодием у обедневшего Скавра за четырнадцать с половиной миллионов сестерциев. Прелестный дом, просторный, изысканно и уютно обставленный. Стены столовой, где сейчас все возлежали на покрытых тирским пурпуром ложах, были отделаны поразительными трехмерными

панелями из черно-белых кубов, вставленными между нежными, подернутыми дымкой ландшафтами Аркадии. Ранняя осень позволяла держать большие двери на колоннаду перистиля распахнутыми, благодаря чему открывался вид на роскошный бассейн — с мраморными тритонами и дельфинами и с фонтаном в центре, увенчанным потрясающей скульптурой Амфитриона, стоящего в раковине и управляющего лошадьми с рыбьими хвостами.

Тут были: Курион-младший, Помпей Руф — родной брат безмерно глупой прежней жены Цезаря Помпеи Суллы, Децим Брут — сын Семпронии Тудитани, а также новый член клуба Планк Бурса. И разумеется, еще три женщины, все из семейства Публия Клодия: его сестры Клодия и Клодилла и его жена Фульвия, без которой он не делал ни шагу.

— Цезарь просил меня вернуться в Галлию, и я думаю ехать, — обронил Децим Брут, ничего, собственно, не имея в виду, но невольно посыпав раны Марка Антония солью.

Тот презрительно посмотрел на счастливого. Хотя на что там смотреть? Тощий, ростом не вышел, волосы блеклые, почти белые, за что его и прозвали Альбином. И все же Цезарь любит его, очень ценит и дает поручения столь же ответственные, что и старшим легатам. Почему же он так не любит своего родича, Марка Антония? Почему?

Ключевая фигура, вокруг которой вращались все эти люди, Публий Клодий тоже был худощавым и невысоким, но очень смуглым в отличие от светлого Децима Брута. Хищность натуры этого незаурядного представителя знатного клана Клавдиев Пульхров проступала даже в улыбке, а без улыбки лицо его и вовсе делалось злым. Он, как никто, умел насолить тем, кто с ним в чем-либо расходился, за что, собственно, непрерывно страдал. Сирийские арабы, например, разозленные его выходками, сделали ему обрезание, Цицерон предал его публичному осмеянию, а Цезарь устроил так, что патриция Публия Клодия усыновил плебей. Были еще и Помпей, заплативший Милону, чтобы тот вывел на улицы шайки бандитов, и весь аристократический Рим, с большим удовольствием поверивший в то, что он предается запретным уладам со своими сестрами Клодией и Клодиллой.

Его самым большим недостатком была ненасытная жажда мести. Стоило человеку оскорбить или уязвить его *dignitas*, и он вносил этого человека в список для отмщения и ждал удобного случая сравнять счеты. Цицерона, например, ему удалось на какое-то время отстранить от юридической практики, а кипрский Птолемей после аннексии Кипра вообще покончил с собой. Ушел в иной мир и Лукулл, его зять, чья блестящая воинская карьера в одночасье вдруг рухнула. Мать Цезаря, Аврелия, также получила свое. Она воздавала зимние почести *Vona Dea*, Благой богине, а Клодий, переодевшись в женское платье, пробрался на празднество и осквернил торжество. Хотя эта проделка с той поры не давала ему покоя. Святотатство есть святотатство. Его, правда, судили за него, но потом оправдали. Жена и другие женщины Клодия подкупили присяжных. Фульвия — из любви, другие — в уверенности, что *Vona Dea* накажет негодя сама. А наказание могло оказаться нешуточным, и это соображение постоянно точило его.

Его последняя месть была вызвана завистью. Больше двадцати лет назад, в возрасте восемнадцати лет, он обвинил красивую молодую весталку Фабию в безнравственности — преступлении, караемом смертью. Он проиграл. И имя Фабии немедленно появилось в его списке жертв. Потянулись долгие годы. Наконец все заступники Фабии, даже такие, как Катилина, были повержены в прах. В возрасте тридцати семи лет, оставаясь все еще привлекательной и красивой, Фабия (которая ко всему прочему была единоутробной сестрой жены Цицерона, Теренции) сложила с себя обязанности весталки, прослужив Весте положенные тридцать лет. Она выехала из *Domus Publica* в уютный маленький особнячок на верхнем Квиринале, где собиралась в покое и благочестии проводить свой дни. Ее отцом был патриций Фабий Максим (у Теренции и у нее была общая мать), и он дал ей очень приличное приданое, когда она стала весталкой в возрасте семи лет. Теренция, очень практичная в денежных делах, управляла приданым Фабии с той же эффективностью и проницательностью, с какой она управляла своим собственным большим состоянием (она никогда не позволяла Цицерону наложить лапу хоть на один ее сестерций). И Фабия покинула орден очень богатой женщиной.

Именно этот факт заронил зерно, которое стало прорасти на благодатной почве извращенного ума Клодия. Чем дольше он ждал, тем слаще становилась мысль о мщении. И после двадцати лет он вдруг

понял, как можно разделаться с Фабией. Хотя бывшим весталкам разрешено было выходить замуж, мало кто пользовался этим правом: считалось, что это не принесет счастья. С другой стороны, немногие из бывших весталок были так же красивы, как Фабия, или так же богаты. Следовало только найти ей в пару высокородного бедняка. Клодий стал искать и нашел молодого красавца Публия Корнелия Долабеллу, члена «Клуба Клодия». Столь же породистого и развращенного, как Марк Антоний, и столь же нищего.

Когда Клодий предложил ему приударить за Фабией, Долабелла с радостью ухватился за эту идею. Хотя он был патрицием чистой воды, каждый отец мало-мальски приглянувшейся ему девицы тут же прятал свое чадо за спину и говорил на претензию твердое «нет». Как и другой Корнелий — Сулла, Долабелла был вынужден завоевывать место под солнцем, полагаясь лишь на свой разум, ибо ничего не имел за душой. А бывшие весталки не подчинялись никому из мужчин. Они сами за себя отвечали, сами распорядились собой. Какой случай! Невеста с хорошей кровью, великолепным приданым, еще достаточно молодая, чтобы рожать, очень богатая — и никакого *pater familias*, чтобы отказать ему!

Да, Долабелла был редкостной тварью, как и Антоний, но с одной разницей. У Антония напрочь отсутствовало обаяние. Привлекательной в нем была лишь наружность, чем он и пользовался в амурных делах. А Долабелла обладал легким, веселым характером и умением вести разговор. Антоний ухаживал примитивно: «Я тебя люблю, ложись!» А Долабелла говорил женщине: «Позволь мне упиться красотой твоего милого, нежного личика!»

Результат — свадьба. Долабелла покорил не только Фабия, но и всю женскую половину семьи Цицерона. То, что дочь знаменитого оратора, Туллия (неудачно выскочившая за Фурия Крассипа), нашла его просто божественным, было еще полбеды. Но чтобы всегда угрюмая и некрасивая ворчунья Теренция тоже пришла от него в полный восторг — такое не снилось ни одному сплетнику Рима. Таким образом, Долабелла стал строить Фабии куры с благословения ее старшей сестры. Бедная Туллия была безутешна.

Клодий радовался, следя за развитием ситуации, ибо брак Фабии потерпел катастрофу с самого первого дня. Почти сорокалетняя девственница, проведшая тридцать лет в окружении женщин,

нуждалась кое в каких наставлениях, которых Долабелла дать ей не смог или просто не захотел. Хотя акт дефлорации в первую брачную ночь нельзя было назвать грубым насилием, но и восторга это деяние не принесло ни одной из сторон. Раздраженный и поскучевший, но согреваемый мыслью о перешедшем к нему капитале, Долабелла вернулся к женщинам, которые знали, как и что делается, и были согласны хотя бы имитировать экстаз. Фабия одиноко плакала дома, а Теренция тут же причислила ее к дурам, не понимающим, как управиться с мужиком. С другой стороны, Туллия воспрянула духом и стала даже подумывать о разводе с Крассипом.

Но организатор всей этой круговерти был уже занят другим. Мечь — развлечение, а политика — дело, которому Клодий отдавал себя всецело.

Он поставил себе цель стать Первым Человеком в Риме, но не собирался добиваться этого обычным путем — высшая политическая должность в союзе с военным мастерством. Главным образом потому, что таланты Клодия находились не в военной сфере. Он был силен в демагогии и вознамерился протиснуться к власти через Плебейское собрание, состоявшее сплошь из римских всадников-торгашей. Другие шли тем же путем, но в стратегии Клодию не было равных.

План его был грандиозен и прост. Он не обхаживал могущественных торгошай-плутократов. Он добивался своего, шантажируя их. Используя для этого ту часть римского общества, которую все остальные не брали в расчет, а именно *capite censi*, неимущих. Людей безденежных, не имевших никакого влияния, пригодных лишь на то, чтобы делать детей и поставлять Риму легионеров. Впрочем, даже последнее стало для них возможным не так уж давно, когда Гай Марий дозволил набирать легионы из неимущих. Легионерами они становились, но политически оставались ничем. Да им вся эта политика не была и нужна. Раз есть хлеб и есть зрелища, не все ли равно, кто там всем этим наверху заправляет?

Клодий тем более не хотел делать из них политиков. Ему было ни к чему пробуждать в этих людях сознание собственной силы. Просто-напросто они становились клиентами Клодия. Они видели в нем патрона, добивавшегося для них осязаемых выгод: права посещать свои клубы и школы и получать раз в месяц бесплатную меру зерна, а раз в год — какие-то деньги. С помощью Децима Брута и кое-кого еще

Клодий организовал тысячи тысяч неимущих, входивших в общины перекрестков, каких было множество в Риме. В любой день, когда он назначал шайкам появиться на Форуме и на близлежащих улицах, у него под рукой было не менее тысячи человек. Благодаря Дециму Бруту он располагал системой именных списков и учетных книг, дающих ему возможность равномерно распределять нагрузку и сумму в пятьсот сестерциев, выделяемых в уплату за каждую вылазку. Проходили месяцы, прежде чем того же самого человека призывали снова устроить беспорядки на Форуме и поугатать влиятельный плебс. Таким образом, лица членов его шайки оставались неузнаваемыми.

После того как Помпей Великий заплатил Милону за конкурирующие шайки, состоящие из бывших гладиаторов и головорезов, борьба осложнилась. Клодию теперь приходилось не только пугать плебс, но и соревноваться с Милоном и его профессиональными громилами. Затем Цезарь заключил договор с Помпеем и Марком Крассом в Луке, и Клодий вынужден был подчиниться. Его послали послом в Анатолию за государственный счет, что давало ему возможность заработать кучу денег за год отсутствия в Риме. Вернувшись, он вел себя тихо. До тех пор, пока Кальпурний и Мессала Руф не были выбраны консулами в конце прошлого квинктилия. И тогда война между Клодием и Милоном возобновилась.

Курион не отрывал глаз от Фульвии, но он столько лет пялился на нее, что никто не обращал на это внимания. Конечно, все заглядывались на эту красотку. Каштановые волосы, черные брови, огромные синие глаза, словно бы намекающие на что-то. Появление отпрысков только усилило ее привлекательность. Она стала обращать внимание на одежду и носила лишь то, что ей шло. Будучи внучкой аристократа и знаменитого демагога Гая Гракха, Фульвия так уверилась в прочности своего положения в свете, что то и дело появлялась на Форуме и, не смущаясь, самым неженственным образом поносила противников Клодия, которого обожала.

— Я слышал, — сказал Курион, с трудом опуская глаза, — что, сделавшись претором, ты намерен распределить всех вольноотпущенников Рима по тридцати пяти трибам. Это действительно так?

— Да, это правда, — самодовольно подтвердил Клодий.

Курион нахмурился, чем только усугубил свое сходство с капризным подростком, хотя ему было уже тридцать два. Отпрыск старинного плебейского рода Скрибониев обладал броской наружностью, ни в малейшей степени не являясь притом образчиком красоты. Острые глазки, прыщавая кожа, ярко-рыжие и, несмотря на старания парикмахера, торчащие во все стороны волосы и вдобавок отсутствие переднего зуба придавали ему разбитной и задиристый вид. Впрочем, за всей этой нагловатостью крылся весьма проникательный аналитический ум, что, однако, не убавляло в его владельце склонности к каверзам и всякого рода проделкам. В юности, например, он и Антоний изображали страстных любовников, немилосердно изводя Скрибония-старшего, а на самом деле успели наделать больше детей, чем любой другой за всю свою жизнь. Но сейчас Курион был серьезен и хмур.

— Клодий, если разместить вольноотпущенников по тридцати пяти трибам, это исказит всю систему трибутных выборов, — медленно сказал он. — Человека, кому принадлежат их голоса — а это в данном случае будешь ты, — невозможно остановить. Все, что ему нужно сделать, чтобы обеспечить выборы людей, которых он хочет, — это отложить выборы до того времени, когда в городе не будет сельских выборщиков. В настоящий момент вольноотпущенники могут голосовать только в двух городских трибах. Но ведь в Риме их полмиллиона! Стоит рассовать этих бывших рабов по остальным трибам, их голоса моментально забьют голоса коренных римлян, сенаторов, всадников. Римские неимущие причислены к четырем городским трибам и не голосуют в трех десятках других! Ты передашь контроль над процессом формирования городской власти в руки неримлян! Греков, галлов, сирийцев, бывших пиратов — все они смотрят на жизнь иначе, чем мы! Да, они стали свободными, получили гражданство. Но мне очень не хочется отдавать им на откуп весь Рим! — Он сердито мотнул головой. — Клодий, Клодий! Никто тебя в этом не поддержит! Никто! Даже я!

— Но мне никто из вас и не нужен, — парировал Клодий.

В разговор вступил мрачный молчун Планк Бурса, только недавно сделавшийся плебейским трибуном.

— Не играй с огнем, Клодий.

— Весь первый класс объединится против тебя, — веско добавил Помпей Руф, другой плебейский трибун.

— Он все равно сделает, что задумал, — хладнокровно заметил Децим Брут.

— Конечно, сделаю. Надо быть дураком, чтобы упустить такой случай.

— А мой младший братец отнюдь не дурак, — пробормотала Клодия и, похотливо посмотрев на Антония, многозначительно облизнула указательный палец.

Тот почесал в паху, потом словно бы ненароком передвинул нечто внушительное по размерам и послал Клодии воздушный поцелуй. Они были давними любовниками.

— Если ты в этом преуспеешь, каждый римский вольноотпущенник будет твоим, — сказал он задумчиво. — И проголосует за любого, на кого ты укажешь. Однако трибутные выборы консулов не пекут. Ты не сумеешь влиять на высшие сферы.

— Консулов? Кому нужны эти консулы? — высокомерно спросил Клодий. — Все, что мне требуется, это десяток плебейских трибунов. С такой поддержкой любой консул передо мной обратится в ничто. А преторы носа не высунут из судов, не имея законодательной власти. Сенат и первый класс думают, что они хозяева Рима. Но истина в том, что власть над Римом берет в руки тот, кто находит к ней правильный путь. Сулла был хозяином Рима. Им стану и я. С голосами вольноотпущенников в тридцати пяти римских трибах и с десятком ручных плебейских трибунов я буду непобедим. И никогда не устрою выборы при скоплении в Риме сельского сброда. Почему, думаете, Сулла назначал для выборов время игр? Ему нужны были сельские трибы, чтобы контролировать Плебейское собрание и получить одного-двух плебейских трибунов. Моим способом я получу всех десятерых.

Курион удивленно воззрился на Клодия, словно никогда его раньше не видел.

— Я всегда знал, что ты малость тронутый, Клодий, но тут ты превзошел самого себя. Эта затея изначально безумна! Даже не пробуй — вот тебе мой совет.

Мнение Куриона многое значило, и вся компания несколько напряглась. Красивое смуглое лицо Фульвии побледнело. Она резко сглотнула и с кривой усмешкой дерзко вскинула подбородок.

— Клодий знает, что делает! Он все продумал.

Курион пожал плечами.

— Тогда пусть у него и болит голова. Но предупреждаю: я выступлю против.

Клодий метнул в Куриона презрительный взгляд, фыркнул, соскочил с ложа и быстро вышел из столовой. Фульвия побежала за ним.

— Они забыли обуться, — меланхолически заметил Помпей Руф, чей интеллект был сродни интеллекту его сестры.

— Я догоню их, — сказал Планк Бурса, тоже срываясь с места.

— Обуйся, Бурса! — крикнул вслед ему Помпей Руф.

Курион, Антоний и Децим Брут переглянулись и расхохотались.

— Зачем вы злите Публия? — спросила Клодилла. — Теперь он будет дуться.

— Пусть подумает! — проворчал Децим Брут.

Клодия на правах старшей в компании укоризненно поцокала языком.

— Я знаю, вы его любите и тревожитесь за него. Однако стоит ли так волноваться? Он всегда перескакивает от одной бредовой идеи к другой и всегда умудряется извлечь из этого пользу.

— Но не сейчас, — вздохнул Курион.

— Он сумасшедший, — добавил Децим Брут.

Антонию все это надоело.

— Мне наплевать, сумасшедший он или нет, — проворчал он. — Мне нужно стать квестором, и как можно скорее! Я лезу из кожи, чтобы добыть лишней сестерций, но становлюсь лишь бедней.

— Не говори, что ты еще не добрался до денег Фабии, Марк, — обронила Клодилла.

— Фабия уже четыре года как умерла, — возмутился Антоний.

— Ерунда, Марк, — сказала Клодия, вновь облизав пальцы. — В Риме полно уродливых дочерей плутократов. Найдешь себе другую Фабию.

— Уже нашел. Это моя двоюродная сестра, Антония Гибрида.

Все встrepенулись, включая Помпея Руфа.

— Прорва деньжищ, — пробормотал Курион, склонив голову набок.

— Поэтому я к ней и подбираюсь. Дядюшка, правда, не выносит меня, но он скорее отдаст ее мне, чем кому-то другому. — Последовал вздох. — Говорят, она пытается рабов, но я из нее это выбью.

— Каков отец, такова и дочь, — усмехнулся Децим Брут.

— Есть еще Корнелия Метелла, она как раз овдовела, — внесла предложение Клодилла. — Старинный, очень старинный род. Много тысяч талантов.

— А что, если она похожа на доброго старого папашу Метелла Сципиона? — спросил Антоний, блеснув рыжевато-карими глазами. — С истязательницей рабов справиться нетрудно, но страсть к порнографии ничем не выбить.

Опять смех, хотя и неискренний. Каждый задавался вопросом: как защитить Публия Клодия от него же самого?

Хотя Юлия уже шестнадцать месяцев была мертва, и горе его дошло до той точки, когда стало возможным произносить ее имя без слез, Гней Помпей Магн и не думал жениться еще раз. Фактически ничто больше не мешало ему отправиться в Ближнюю и Дальнюю Испанию, которыми он управлял и должен был управлять еще три года, но он все сидел в своей вилле на Марсовом поле, кинув обе провинции на легатов Афрания и Петрея. Конечно, кураторство над снабжением Рима зерном вроде бы требовало его присутствия здесь, но, несмотря на старания Клодия увеличить объемы дотаций зерна бедноте и недавнюю засуху, Помпей сумел организовать дело так, что все отлично шло бы и без него, под приглядом какого-нибудь расторопного и более-менее честного человека.

Истина заключалась в том, что ситуация в Риме тревожила его и он не мог уехать, пока не определит приоритеты, пока не выяснит, чего же он хочет. А именно хочет ли он, чтобы его назначили диктатором. С тех пор как Цезарь уехал в Галлию, политическая ситуация на Римском Форуме становилась все более и более неуправляемой. Какое это имело отношение к Цезарю, он не знал. Определенно причина была не в Цезаре. Но иногда среди ночи он вдруг спрашивал себя: если бы Цезарь был в Риме, прекратились бы беспорядки? И это не давало ему покоя.

Женившись на Юлии, он если и задумывался о ее отце, то разве что как о чрезвычайно умном политике, который знал, как добиться своего. Мало ли Цезарей в Риме, аристократичных, амбициозных,

компетентных и ловких. Но этот Цезарь внезапно превзошел всех других. Словно по волшебству. Нет, в нем определенно есть что-то от чародея. Вот он перед тобой, а через миг — на другом конце колоннады. Переместился, а ты не успел и моргнуть. И возрождается, как птица-феникс, хотя враги каждый раз думают, что погубили его навсегда.

Взять хотя бы Луку, смешной маленький городишко на реке Авсер. Там Помпей, Цезарь и Красс заключили союз. Так сказать, поделили весь мир. Но зачем это было нужно? Зачем? О, в то время резоны казались огромными, словно горы! А сейчас они кажутся муравьиными кучами. Что выиграл он, Помпей Великий, от этого союза в Луке, которую мог бы взять и без чьей-либо помощи? И посмотрите теперь на Марка Красса, умершего в унижении и не имеющего могилы. А Цезарь становится все сильней и сильней. Как это ему удается? За все время их сотрудничества, которое началось еще до кампании Помпея против пиратов, всегда казалось, что Цезарь был его слугой. Никто не произносил лучших речей в его защиту, даже Цицерон, и были времена, когда голос Цезаря был единственным поданным в его поддержку. Но Помпей никогда не думал о Цезаре как о сопернике. Цезарь все делал правильно, всегда в должное время. Это не он в возрасте двадцати одного года вел легионы и добивался партнерства с величайшим человеком в Риме! Это не он принудил Сенат разрешить ему быть консулом еще до того, как он сможет стать членом этого августейшего органа! И это не он очистил Наше море от пиратов за одно лето! Не он завоевал Восток и удвоил дань Риму!

Так почему же Помпея пробирает озноб? Почему он постоянно чувствует на затылке холод чьего-то дыхания? Почему Цезаря обожают весь Рим? Ведь когда-то именно Цезарь почтительно поздравил Помпея с тем, что его бюстиками наводнен весь римский рынок. А ныне лоточники всю торговлю бюстами Цезаря. Цезарь — герой, Цезарь завоевывает новые земли. А все, что сделал Помпей, это вспахал на Востоке застарелую пашню и добавил к ней новую борозду. Конечно, столь стремительному взлету популярности этого человека немало способствуют его замечательные отчеты Сенату. А вот Помпею в свое время не пришлось в голову немного расцветить свои скудные и краткие хроники, о чем теперь можно лишь сожалеть. Цезарь тоже вроде бы лаконичен, он не ноет, не жалуется, но его послания полнятся

сообщениями о мужестве, стойкости и подвигах римских легионеров — центурионов, легатов, солдат. Это бодрит и сенаторов, и римский люд. Словно порыв свежего ветра! Все ему благодарны! В нем все восхищает! И скорость передвижения, и способность диктовать сразу нескольким бумажным крысам, и легкость, с какой он наводит мосты через широкие реки и спасает злополучных легатов из лап смерти. И все это — он, лично он!

Ну что ж, Помпей не собирается затевать новые войны только затем, чтобы прищемить Цезарю хвост. Он сделает это из Рима, и еще до того, как закончатся вторые пять лет губернаторства Цезаря в Галлиях и Иллирии. Он — Помпей Магн, Первый Человек в Риме. И останется таковым до конца своих дней. С Цезарем или без Цезаря. Он не отдаст ему Рим.

Вот уже несколько месяцев его уговаривают стать диктатором первого города мира. Насилие, беспорядки, анархия надоели всем. А все Публий Клодий! Это он опять мутит воду! Отвратительный, как бельевой паразит. И все же невообразимо заманчиво получить в руки огромную, почти беспредельную власть. Делать, что вздумается, попирая все законы, зная, что тебя не притянут к ответу даже потом, когда нужда в сильной руке отпадет.

В практическом смысле Помпей не сомневался, что сумел бы вылечить Рим. Правильная расстановка всех сил, разумные меры, небольшое давление. Нет, функциональный аспект диктаторства несколько его не пугал. Вопрос был в том, как такой поворот отразится на его героической репутации, что напишут впоследствии в исторических хрониках. Сулла стал диктатором, и его тут же возненавидели. И сейчас ненавидят! Но таким, как Сулла и как Цезарь (опять это имя!), на подобные вещи плевать с высоты своих родословных. Патриций Корнелий мог вытворять что угодно, его величие оттого не страдало. И кем остаться в истории, героем или чудовищем, Сулле было все равно.

Однако Помпей из Пицена, больше похожий на галла, чем на уроженца Италии, поневоле должен быть щепетильным. Не для него привилегии знатных родов вкупе с правом автоматически занимать первые строчки в избирательных списках. Все, чем он ныне владеет, он должен был добывать себе сам. Или вырывать из зубов у отца, который имел значительное влияние в Риме, но которого Рим все равно

презирал. Не совсем «новый человек», но определенно не Юлий и не Корнелий. Впрочем, в целом Помпей чувствовал себя защищенным. Все его жены были аристократками: Эмилия Скавра — патрицианка, Муция Сцевола — из древнего плебейского рода, ну а Юлия в знатности превосходила обеих. Антистию он не считал. Он женился на ней только потому, что ее отец был судьей и прикрыл для него одно скользкое дельце.

Но как Рим отнесется к тому, что он согласится принять чрезвычайные полномочия? Диктаторство издревле было способом разрешать административные неувязки, изначально предназначенным для того, чтобы позволить консулам года вести войну. В прошлом диктаторами становились одни лишь патриции. Официальный период диктаторства — шесть месяцев, продолжительность сезона кампаний. Однако Сулла властвовал два с лишним года, и выбирали его не консулы. Он принудил Сенат назначить его диктатором, а потом сам назначал угодных ему консулов.

Не было у сенаторов обычая назначать кого-либо диктатором для разрешения гражданских проблем. И потому, когда Гай Гракх попытался свергнуть правительство невоенным путем, Сенат изобрел *senatus consultum de re publica defendenda*. Цицерон назвал этот закон проще — *senatus consultum ultimum*. Таким образом власть диктатора ограничивалась хотя бы теоретически. Потому что практически он мог действовать, как ему вздумается, ибо закон освобождал его от ответственности за любые проступки, совершенные во время диктаторства, какими бы отвратительными они ни казались.

Говорят, многие хотят видеть его в этой роли. И сам он раздумывает о том уже с год. Правда, еще до того, как Кальвин и Мессала Руф прошли в консулы, он твердо отклонил сделанное ему предложение, но почему-то о нем не забыл. Теперь предложения возобновились, и часть его натуры бурно радовалась перспективе занять еще один чрезвычайный пост. Он и так уже накопил много всяческих званий, буквально вырывая каждое у оппозиции, так почему бы не получить еще одно, самое важное? Но он — Помпей из Пицена. И больше походит на галла, чем на гражданина великой страны.

Несгибаемые приверженцы *mos maiorum* были категорически против. Катон, Бибул, Луций Агенобарб, Метелл Сципион, старый Курион, Мессала Нигер, все Клавдии Марцеллы, все Лентулы.

Непреклонные. Очень влиятельные, хотя ни один из них не поднялся над Римом так высоко, как уроженец Пицена Помпей.

Должен ли он пойти на это? Что сулит выделка этой овчинки? Скорую катастрофу? Или блистательный взлет, достойно венчающий длинную цепь триумфальных побед?

Обуреваемый такими сомнениями, он метался по спальне, слишком большой для него одного и слишком пустой. Его порывистые движения повторяло огромное зеркало из полированного серебра, которое после смерти Юлии он велел перенести к себе в надежде, что в нем еще живы тени ее отражений. Надежды были напрасными, и он перестал обращать внимание на зеркало. Но сейчас вдруг обратил и увидел себя. Остановился, удивленно взгляделся, глаза его увлажнились. Для Юлии он старался держать себя в форме, оставаясь Помпеем ее девичьих грез — статным, подтянутым, мускулистым. Ничего этого больше не было и в помине.

Перед ним стоял пожилой грузный мужчина со вторым подбородком и отвисшим животом. На боках вместо талии складки жира. Знаменитые голубые глаза потускнели и заплыли, нос, сломанный при падении с лошади около полугода назад, стал совсем уж приплюснутым. Только волосы оставались по-прежнему блестящими и густыми, но что раньше было в них золотом, теперь сделалось серебром.

За спиной кашлянул камердинер.

— Да? — спросил Помпей, вытирая глаза.

— Гней Помпей, к тебе посетитель. Тит Мунаций Планк Бурса.

— Подай мою тогу!

Планк Бурса ожидал в кабинете.

— Добрый вечер! — громко приветствовал его Помпей. Он сел за письменный стол, не спеша сложил руки и вперил в визитера свой знаменитый буравящий взгляд.

— Ты припозднился. Как все прошло?

Планк Бурса громко прокашлялся. Он не отличался красноречием.

— После сессии пирушки не было. Без консулов никто о ней не подумал. Поэтому я обедал у Клодия.

— Да, да, но сначала о главном, Бурса! Что было в Сенате?

— Лоллий предложил назначить тебя диктатором, но, когда с ним стали соглашаться, выступил с возражениями Бибул. Он хорошо

говорил. После него выступил Лентул Спинтер, потом Луций Агенобарб. Заявил, что ты станешь диктатором только через их трупы. Потом поднялся Цицерон. Еще одна хорошая речь, но уже в твою пользу. Все стали склоняться к мнению Цицерона, однако Катон устроил обструкцию. Председательствовал Мессала Руф, и собрание было закрыто.

— Когда следующее заседание? — хмурясь, спросил Помпей.

— Завтра утром. Мессала Руф созывает его с намерением избрать интеррекса.

— Так-так. А что Клодий? Что ты узнал, обедая у него?

— Он собирается распределить вольноотпущенников по всем тридцати пяти римским трибам, как только его выберут претором, — сказал Бурса.

— Чтобы потом контролировать Рим через плебейских трибунов?

— Да.

— Кто еще был там? Как они реагировали?

— Курион возражал, причем очень резко. Марк Антоний говорил мало. И Децим Брут. И Помпей Руф.

— Ты хочешь сказать, что все, кроме Куриона, одобрили идею Клодия?

— О, вовсе нет. Все были за Куриона. Он просто высказался за всех. Назвал Клодия сумасшедшим.

— Подозревает ли Клодий, что ты работаешь на меня?

— Никто ни о чем не подозревает, Магн. Мне доверяют.

Помпей пожевал нижнюю губу.

— Хм... — Он глубоко вздохнул. — Тогда нам надо подумать, как повести дело так, чтобы тебя не раскусили и завтра. Ибо на завтрашней сессии ты не очень-то облегчишь Клодию жизнь.

Бурса остался невозмутимым.

— Что я должен сделать?

— Когда Мессала Руф начнет жеребьевку, ты наложишь вето на процедуру.

— Вето на назначение интеррекса? — тупо переспросил Бурса.

— Правильно. Вето на назначение интеррекса.

— Можно спросить почему?

Помпей усмехнулся.

— Можно. Но я не отвечу.

— Клодий придет в ярость. Ему нужны выборы.

— Даже если Милон выдвинет себя в консулы?

— Да, потому что он убежден, что Милона не изберут. Магн, он знает, что ты поддерживаешь Плавтия своим влиянием и деньгами. А Метелл Сципион, который мог бы поддержать Милона деньгами, потому что он так связан с Бибулом и Катонем, сам баллотируется и тратит свои деньги на собственную кандидатуру. Клодий уверен, что Плавтий пройдет в младшие консулы. А старшим консулом станет Метелл Сципион.

— Тогда после сессии скажи Клодию, будто точно узнал, что я поддерживаю не Плавтия, а Милона.

— О, умно! — с неожиданным оживлением воскликнул Бурса. Немного подумав, он кивнул. — Клодий в это поверит.

— Ну и отлично! — весело бросил Помпей.

В дверь постучали, и он встал. Планк Бурса тоже поднялся. Вошел секретарь.

— Гней Помпей, срочное письмо, — пояснил он, поклонившись.

Помпей взял письмо, прикрывая рукой печать, и вновь вернулся к столу.

Бурса осторожно прочистил горло.

— Да? — спросил Помпей, поднимая глаза.

— Я... гм... несколько поиздержался...

— После завтрашней сессии мы это уладим.

Удовлетворенный Планк Бурса выскользнул из кабинета, а Помпей, сломав печать, погрузился в чтение письма Цезаря. Оно было коротким.

Пишу из Аквилеи, решив проблемы в Иллирии и собираясь на запад. В Италийской Галлии задержусь. Накопилось много дел в местных судах. Неудивительно, ведь я зимовал по ту сторону Альп. Но хватит болтать. Я знаю, что ты очень занят.

Магн, мои информаторы в Риме уверяют, что наш старый друг Публий Клодий, став претором, намерен распределить вольноотпущенников по всем тридцати пяти римским трибам. Если это случится, Рим пребудет под Клодием до конца его дней. Ни ты, ни я и никто другой, от Катона до Цицерона, не

сможет противостоять ему. Да и ничто не сможет. Кроме, разве что, революции.

И она в этом случае действительно вспыхнет. Клодий будет побежден и казнен, а вольноотпущенникам укажут на место. Однако не думаю, что тебе и Риму нужна вся эта грызня. Намного проще не пускать Клодия в преторы вообще.

Не мне говорить тебе, что нужно делать. Но будь уверен, что я, как и все римляне, категорически не хочу видеть Клодия претором.

С наилучшими пожеланиями.

Весьма довольный Помпей отправился спать.

Следующее утро принесло новость, что Планк Бурса в точности выполнил то, что ему было приказано. Когда Мессала Руф попытался жребием определить, кому из префектов декурий надлежит сделаться первым из интеррекссов, он наложил на его действия вето. Вся Палата взревела от ярости. Клодий с Милоном просто взбесились, но Бурса был непоколебим.

Красный от гнева Катон кричал:

— Мы просто обязаны это сделать! Когда к новому году консулы еще не избраны, Палата должна на пять дней назначить одного из патрициев интеррекссом. Потом, на другие пять дней, его сменит второй интеррексс, задача которого — организовать выборы новых магистратов. К чему идет Рим, когда любой идиот, проскочивший в трибуны от плебса, может остановить такой важный процесс?

— Правильно, правильно! — крикнул под гром аплодисментов Бибул.

Но Планк Бурса стоял на своем и вето не отозвал.

— Почему? — после собрания строго спросил его Клодий.

Бурса напустил на себя таинственный вид, озираясь для пущей важности.

— Я только что узнал, что Помпей Магн поддерживает Милона, — прошептал он.

Это успокоило Публия Клодия, но Милон, хорошо знавший, кто его поддерживает, а кто нет, отправился на Марсово поле, где задал тот

же вопрос.

— Почему?

— Что «почему»? — с невинным видом переспросил Помпей.

— Магн, ты меня не обманешь! Я знаю, что Бурса — твой человек!

Сам он не мог придумать трюк с вето и явно действовал по приказу!

— Дорогой Милон, уверяю тебя, что этот приказ моим не был, — довольно резко ответил Помпей. — Советую тебе поискать среди тех, с кем Бурса связан.

— Ты имеешь в виду Клодия? — опешив, спросил Милон.

— Может, и Клодия.

Большой, смуглый, с лицом бывшего гладиатора, хотя никогда на арене не дрался, Милон напряг мускулы и приобрел грозный вид. Скорее по привычке, чем с какой-либо целью, ибо демонстрация агрессивности никогда на Помпея не действовала, и это было прекрасно известно Милону.

— Ерунда! — фыркнул он. — Клодий считает, что я в консулы не пройду, и потому стоит за курульные выборы.

— И я считаю, что ты не пройдешь. Но Клодий мог в этом засомневаться. Тебе удалось снискать расположение Бибула и Катона. Я слышал, что и Метелл Сципион ничего против тебя не имеет. Он уже шепнул об этом кое-кому. Всадники Аттик и Оппий его поддержали.

— Так это Клодий стоит за Бурсой?

— Возможно, — сказал осторожно Помпей. — Но определенно не я. Что я выигрываю от его действий?

Милон язвительно улыбнулся.

— Диктаторство? — предположил он.

— Я уже от него отказался. Не думаю, что я понравлюсь Риму в этом качестве. Ты в эти дни вроде бы спелся с Бибулом и Катонем. Спроси у них, так это или не так.

Милон прошелся по кабинету Помпея, слишком крупный для этой комнаты, уставленной дорогими реликвиями разных кампаний Помпея, среди которых были золотые венки, золотая виноградная лоза с золотыми виноградинами, золотые урны, со вкусом раскрашенные порфиновые чаши. Он остановился и посмотрел на Помпея, все еще спокойно сидевшего за столом из золота и слоновой кости.

— Говорят, Клодий собирается распределить вольноотпущенников по тридцати пяти трибам, — сказал визитер наконец.

- Да, до меня тоже дошел такой слух.
- Он же тогда сделается хозяином Рима.
- Правильно.
- А если он не примет участие в выборах?
- Определенно Риму будет только лучше.
- Да плевать мне на Рим! Я думаю о себе.

Помпей мило улыбнулся и встал.

- Ты тоже не будешь внакладе.

Он направился к двери. Милон пошел следом.

- Можно ли понимать это как обещание, Магн? — спросил он.

- Тебя порой посещают весьма дельные мысли, — ответил

Помпей и хлопнул в ладоши, подзывая секретаря.

Не успел Милон уйти, как ему доложили о приходе нового гостя.

— Ба! Да я становлюсь популярен! — воскликнул Помпей, тепло здороваясь за руку с Метеллом Сципионом и усаживая его в лучшее кресло.

На этот раз он не пошел к столу. Квинт Цецилий Метелл Пий Сципион Назика счел бы это прямым оскорблением. А потому Помпей выбрал для себя самое невзрачное кресло и сел только после того, как наполнил две чаши хиосским вином. Таким замечательным, что Гортензий заплакал, когда у него отбирали это вино.

К сожалению, сидящий перед ним человек никак не отреагировал на такое радушие, ибо явно не обладал интеллектом, сопоставимым со своей захватывающей дух родовитостью, хотя внешне вполне соответствовал ей. Урожденный патриций Корнелий Сципион, усыновленный могущественной плебейской семьей Цецилия Метелла. Надменный, невозмутимый, высокомерный. Некрасивый, как все Корнелии Сципионы. Его приемный отец Метелл Пий, великий понтифик, не имел сыновей, и у Метелла Сципиона тоже не было сына. У него была дочь, которую он три года назад выдал замуж за Публия, сына Красса. Цецилия Метелла, предпочитавшая, впрочем, зваться Корнелией. Помпей хорошо помнил ее, ибо присутствовал вместе с Юлией на свадебной церемонии. «Очень надменная», — сказал он Юлии, а та захихикала и призналась, что Корнелия Метелла всегда напоминала ей верблюда и что ей лучше было бы выйти за Брута, обладателя такого же педантичного, претенциозного ума.

Помпей никогда толком не знал, как надо держаться с такими людьми. Должен ли он напустить на себя ту же непроницаемость или, наоборот, сдобрить общение щедрой толикой панибратства? Нет уж, раз начал, он будет непринужденно-радушным.

— Неплохое вино, а? — спросил он, причмокнув.

Метелл Сципион чуть поморщился.

— Очень хорошее, — откликнулся он наконец.

— Что заставило тебя проделать с утра такой путь?

— Публий Клодий, — ответил Метелл Сципион.

Помпей кивнул.

— Плохо, если слухи правдивы.

— Они правдивы. Молодой Курион разговаривал с Клодием и передал содержание разговора отцу.

— Я слышал, старый Курион болен, — сказал Помпей.

— Рак, — коротко отозвался Метелл.

Помпей сочувственно пощелкал языком и умолк. Гость тоже молчал.

— Так почему ты пришел ко мне?

— Другие не захотели.

— Кто эти другие?

— Бибул, Катон, Агенобарб.

— Это потому, что они не знают, кто Первый Человек в Риме.

Аристократический нос чуть задрался.

— Я тоже не знаю, Помпей.

Помпей поморщился. Хоть бы один из них иногда назвал его Магном! Так приятно слышать, как тебя называют Великим те, кто выше по рождению! Цезарь называл его Магном. Но будут ли так называть его Катон, или Бибул, или Агенобарб, или этот твердолобый тупица? Нет! Всегда — только Помпей.

— И что же, Метелл? — спросил он, намеренно употребляя плебейское имя.

— У меня есть идея.

— Идея — это прекрасно, Метелл.

Метелл Сципион бросил на него подозрительный взгляд, но Помпей, потягивая вино, спокойно сидел в своем кресле.

— Мы оба — очень богатые люди, Помпей. Мы можем откупиться от Клодия.

Помпей кивнул.

— Да, я тоже думал об этом, — сказал он и печально вздохнул. — К сожалению, Клодий не нуждается в деньгах. Его жена баснословно богата и станет вдвое богаче, когда умрет ее мать. А он лично обобрал всю Галатию и теперь строит дорогущую виллу. Причем быстро, я это знаю, ибо порой наезжаю в собственное поместье на склоне Альбанской горы. Строится на стофутовых колоннах с фасада, выступает над краем стофутового утеса. Великолепный вид на озеро Неми и Латинскую равнину до самого моря. Он получил землю почти даром, потому что все думали, что участок непригоден, и поручил стройку Киру. И вот вилла почти готова. — Помпей энергично покачал головой. — Нет, Сципион, это не сработает.

— Тогда что же нам делать?

— Приносить жертвы и воздавать почести всем богам, каких можем вспомнить, — усмехнулся Помпей. — Кстати, я послал полмиллиона весталкам. *Vona Dea*. Этой богине Клодий тоже не нравится.

Метелл Сципион изумленно вытаращил глаза.

— Помпей, *Vona Dea* — богиня женщин! Мужчины не могут к ней обращаться.

— Мужчины не могут, — весело согласился Помпей. — Я послал свой дар от имени моей покойной тещи Аврелии.

Метелл Сципион осушил свою чашу и встал.

— Может быть, ты и прав, — сказал он. — Я мог бы сделать весталкам пожертвование от имени моей бедной дочери.

Понимая, что от него ждут сочувствия, Помпей незамедлительно его проявил.

— Как она? Ужасно, Сципион, просто ужасно! Овдоветь такой молодой!

— Хорошо хоть, что с ней пока все в порядке, — сказал Сципион, покидая кабинет. — Ты тоже недавно овдовел, — продолжил он, грузно шагая по мозаичному полу ведущего к выходу коридора. — Может, заглянешь к нам отобедать? Посидим по-семейному. Ты, я и она.

Помпей просиял. Он бывал у Метелла на официальных приемах, но приглашения отобедать семейно не получал от него никогда.

— С удовольствием, Сципион, — сказал он, самолично распахивая тяжелые двери. — Буду рад еще раз побывать в твоём доме.

Но Метелл Сципион домой не пошел. Он направился к небольшому серенькому особняку, в котором проживал Марк Порций Катон — ярый враг роскоши и всего показного. Там был и Бибул.

— Ну что же, я сделал это, — сказал Метелл Сципион, тяжело опускаясь в кресло.

Парочка переглянулась.

— Вы говорили о Клодии? — спросил Бибул.

— Да.

— А понял ли он истинную причину визита?

— Думаю, да.

подавив вздох, Бибул пристально посмотрел на пожилого сообщника, потом подался вперед и похлопал его по плечу.

— Ты молодец, Сципион, — похвалил он.

— Замечательно, — сказал Катон, одним глотком осушил свою чашу и вновь наполнил ее, подтянув к себе керамическую бутылку. — Хотя мы и не очень любим этого человека, нам следует привязать его к себе. И столь же крепко, как это некогда сделал Цезарь.

— Используя мою дочь? — спросил Метелл Сципион.

— Ну не мою же! — заржал Катон. — Помпею нравятся только патрицианки. С ними он чувствует себя очень важным. Чуть ли не Цезарем, а?

— Она не захочет, — убито сказал Метелл Сципион. — Публий Красс был очень знатным. Ей это нравилось. И еще ей нравился сам Публий Красс. Правда, они толком и не пожили. После свадьбы он убыл к Цезарю, а потом в Сирию вместе с отцом. — Он поежился. — Я даже не знаю, как ей намекнуть, что собираюсь выдать ее за Помпея Пиценского. За сына Страбона!

— Скажи ей правду, — посоветовал Бибул. — Скажи, что это нужно для дела.

— Но я, право, не все понимаю, Бибул.

— Тогда повторю специально для тебя, Сципион. Мы должны перетянуть Помпея на нашу сторону. Это тебе понятно?

— Думаю, да.

— Хорошо. Идем дальше. Обратимся к событиям четырехлетней давности. К тем, что происходили в Луке. Цезарь устроил там совещание с Помпеем и Марком Крассом. Поскольку Помпей был рабом дочери Цезаря, тот убедил своего зятя помочь узаконить для него

второй губернаторский срок. Если бы Помпей отказался, Цезарь был бы теперь вечным ссыльным, лишенным всего, чем владеет сейчас. А ты, Сципион, был бы великим понтификом, не забывай. Цезарь подкупил Помпея и Марка Красса, пообещав им второе консульство, но ему не удалось бы этого сделать, если бы не Юлия. Хотя что остановило бы Помпея выдвинуть свою кандидатуру на второе консульство?

— Юлия мертва, — заметил Метелл Сципион.

— Да, но Цезарь все еще держит Помпея! И пока он держит Помпея, есть шанс, что ему удастся продлить свое губернаторство в Галлии вплоть до своего второго выдвижения в консулы. Через четыре года ему это позволит закон.

— Но почему ты все время толкуешь о Цезаре? — выразил удивление Метелл Сципион. — Разве сейчас нам опасен не Клодий?

Катон так стукнул чашей о стол, что Метелл Сципион от неожиданности подпрыгнул.

— Клодий! — вскричал он презрительно. — Что бы ни затевал наш дружок Клодий, это Республике не повредит. Кто-нибудь его остановит. Но только мы, *boni*, можем остановить нашего подлинного врага.

Бибул вновь принялся объяснять:

— Сципион, если Цезаря не осудят до повторного консульства, мы уже никогда не осилим его! Он проведет через собрания законы, которые не позволят привлечь его ни к какому суду! Потому что теперь Цезарь — герой. Сказочно богатый герой! В первое консульство у него не было почти ничего, кроме имени. А по прошествии десятка лет ему будет дозволено делать все, что угодно, ибо весь Рим восхищается им. Рим считает его величайшим из римлян. Цезарь не ответит ни за один из проступков, — даже боги к нему повернутся, отвернувшись от всех остальных!

— Да, все это я знаю, Бибул, но также я помню, сколько раз мы пытались расправиться с ним, — упрямо сказал Метелл Сципион. — Каждый очередной заговор стоил нам массу денег, и каждый раз ты говорил одно: Цезарю пришел конец. Но каждый раз выходило иначе!

— Лишь потому, что у нас не имелось достаточного влияния, — кротко пояснил Бибул. — А почему? Да потому, что мы слишком презирали Помпея. Мы отворачивались от него, а Цезарь вступил с ним в союз. Он, безусловно, тоже его презирает, с такими-то предками! Но

он использует этого выскочку. Обладающего огромным политическим весом. Претендующего на звание Первого Человека в Риме. Как вам это нравится?! Ха! Цезарь отдал ему свою дочь, которая могла выйти замуж за любого патриция. У нее в родословной и Юлии, и Корнелии — все. Она была помолвлена с Брутом, аристократом, умницей и всегда при деньгах. Но Цезарь разорвал эту помолвку. Сервилия пришла в ярость, все родичи — в ужас, но Цезарю было на это плевать! Он поймал Помпея в свои сети и сделался неуязвимым. А если мы поймаем Помпея, он сделает неуязвимыми нас. Вот почему ты предложишь ему свою дочь.

Катон слушал, не сводя глаз с Бибула. Лучший, самый испытанный, самый преданный друг. Такой миниатюрный. Волосы, брови, ресницы такие белые, что почти не видны. Даже глаза белесые. Острое личико и острый ум. Вот за что Цезарю можно выразить благодарность. Этот ум оттачивался в дискуссиях с ним.

— Хорошо, — вздохнул, поднимаясь, Метелл Сципион. — Я сегодня же поговорю с ней. Ничего не могу обещать, но, если она согласится, я сведу их с Помпеем.

Проводив Сципиона, Катон вернулся.

— Вот и славненько, — сказал Бибул.

Катон поднял чашу, хлебнул вина. Бибул укоризненно покачал головой.

— Катон, ты не должен пить. Ты пьешь слишком много. Ты убьешь себя этим.

Действительно, в последние дни Катон выглядел плоховато, хотя былой осанки не потерял. Но лицо его, прежде живое и младенчески-гладкое, стало землистым, морщинистым, несмотря на то что он едва разменял свои сорок лет. Нос, выдающийся даже здесь, в городе большеносых, грузно обвис, серые светящиеся глаза потускнели, золотистые волосы пошли бурыми пятнами, утратив каштановый блеск.

Он пил и пил. Особенно с тех пор, как отдал Гортензию свою Марцию. Бибул знал, конечно, почему он так поступил, хотя Катон никогда не обсуждал это с ним. Любовь не то чувство, с которым Катон мог справиться, особенно с любовью столь пылкой и страстной, какую он чувствовал к Марции. Она мучила его, она грызла его. Каждый день он думал о ней. Каждый день он думал, сможет ли жить, если она

умрет, как умер его любимый брат Цепион. Поэтому когда вонючий Гортензий попросил, он увидел выход. Быть сильным, снова принадлежать себе! Отдать ее. Отделаться от нее.

Но это не помогло. Теперь он проводил свои ночи с парой философов-приживал — с Афенодором Кордилионом и Статиллом. Те охотно бражничали с ним, проливая над каждой его сентенцией горячие слезы, словно автором ее был сам Гомер. А под утро, когда все добрые люди вставали, они погружались в оцепенение, в сон.

Не будучи по натуре чувствительным, Бибул не понимал глубины терзающей друга боли, но он любил его, и главным образом как несгибаемого бойца. Катон противостоял всему и всем, от Цезаря до Марции. Никогда не сдавался, всегда шел до конца.

— Порции скоро исполнится восемнадцать, — сказал вдруг Катон.

— Я знаю, — несколько удивленно отозвался Бибул.

— А у меня нет для нее жениха.

— Ты, помню, прочил ей Брута...

— Он в Сицилии.

— Но вот-вот вернется. Аппий Клавдий ему больше не нужен. Поэтому с Клавдией он, скорее всего, разведется, если получит новое предложение.

Раздался смех, похожий на ржание.

— Только не от меня! У Брута был шанс. Он женился на Клавдии, и кончим на том.

— А как насчет отпрыска Агенобарба?

Катон наклонил бутылку. Тонкая темная струйка полилась в опустевшую чашу. Глаза в красных прожилках лукаво блеснули.

— А как насчет тебя, старина?

Бибул ахнул.

— Меня?

— Да, тебя. Домиция умерла, так почему бы...

— Я... я... я никогда не думал... о боги, Катон!

— Разве она тебе не подходит, Бибул? Я понимаю, у Порции нет приданого в сто талантов, но она далеко не бедна. С хорошим происхождением, прекрасным образованием. Верная, прямодушная. — Он повертел в руках чашу. — Жаль, что она девушка, а не юноша. Она стоит тысячи римских юнцов.

С глазами, полными слез, Бибул протянул другу руку.

— Марк, конечно, я возьму ее! Для меня это честь.
Но Катон не ответил на жест.
— Ладно, посмотрим, — проворчал он и допил вино.

* * *

В семнадцатый день января Публий Клодий оделся для верховой прогулки, прикрепил к поясу меч и пошел к жене. Фульвия с отсутствующим видом полулежала на мягкой кушетке. Ночная сорочка из тончайшего шелка облегла ее роскошные формы. Увидев, во что одет муж, она выпрямилась.

— Клодий, в чем дело?

Он сделал гримасу, сел на край ложа и поцеловал ее в лоб.

— Душенька моя, Кир умирает.

— О нет! — Фульвия уткнулась в плотную льняную рубашку супруга, потом удивленно вскинула голову. — Но ты едешь куда-то! Почему? Разве Кир умирает не в Риме?

— Да, он в Риме, — сказал Клодий с искренней горечью в голосе, ибо умирал не только лучший архитектор Италии, спроектировавший для него виллу, но и близкий ему человек. — Однако он вбил себе в голову, что в его расчеты вкралась ошибка. Я должен все проверить на месте. Завтра вернусь.

— Клодий, не оставляй меня!

— Придется, — сказал с грустью Клодий. — Тебе нездоровится, а мне надо спешить. Врачи говорят, что Кир долго не протянет. Мне хочется успокоить несчастного старика.

Он крепко поцеловал жену в губы, поднялся.

— Будь осторожен! — выдохнула она.

Клодий усмехнулся.

— Я всегда осторожен. Со мной едут Скола, Помпоний и вольноотпущенник Гай. А также тридцать вооруженных рабов.

Лошадей вывели из конюшен. На улице отъезжающих окружила толпа зевак. Впрочем, для столь бурных времен в подобном зрелище не было ничего необычного. Знать никуда не ездила без охраны, причем гораздо большей, чем три десятка людей. Но это была внезапная, незапланированная поездка, и Клодий надеялся вернуться раньше, чем

об его отсутствии станет известно. К тому же рабы-охранники умели обращаться с оружием, хотя в этот раз им не выдали кирас и шлемов.

— Куда направляешься, ветеран? — спросил человек из толпы, широко ухмыляясь.

Клодий остановился.

— Тигранокерта? Лукулл? — спросил он.

— Нисибис, Лукулл, — ответил мужчина.

— Славные деньки были, а?

— Почти двадцать лет прошло, друг! Но все наши помнят Публия Клодия, будь уверен.

— Он теперь постарел и присмирел.

— Куда направляешься? — опять спросил человек.

Клодий вскочил в седло, мигнул Сколе.

— К Альбанской горе, — сказал он. — Но только на ночь. Завтра я опять буду здесь.

Он повернул коня и поскакал по аллее в сторону Палатина. Его эскорт двинулся следом за ним.

— Альбанская гора, только на ночь, — задумчиво повторил Тит Анний Милон.

Он протянул через стол небольшой мешочек с серебряными денариями человеку, который окликнул Клодия из толпы.

— Благодарю, — сказал тот, поднимаясь на ноги.

— Фауста, — резко бросил через минуту Милон, врываясь в покои супруги. — Я знаю, тебе это придется не по нраву, но завтра с утра ты едешь со мной в Ланувий. Упакуй свои вещи и будь готова. Это не просьба, а приказ.

Для Милона женитьба на Фаусте явилась маленьким торжеством над самым своим ненавистным врагом. Она была дочерью Суллы, а ее брат-близнец, Фауст Сулла, входил в окружение Клодия, как и пользующийся дурной славой племянник Суллы, Публий Сулла. Сама Фауста не входила в эту компанию, но связей с ней не теряла. Прежде она была замужем за племянником Помпея Гаем Меммием, пока тот не застал женушку в недвусмысленной ситуации с очень молодым и очень мускулистым мужчиной. Фаусте нравились мускулистые мужчины. А Меммий, несмотря на смазливую внешность, был худосочным,

занудным и до противности преданным своей мамаше, сестрице Помпея, а теперь жене Публия Суллы.

Поскольку Милон был мускулист, хотя и не очень молод, ему не составило труда очаровать влюбчивую женщину. Поднялся крик. Пуще всех вопил Клодий, даже громче, чем Фауст или Публий Сулла! Признаться, Фауста так и не изжила в себе влечения к молодым и физически развитым ухажерам. Дошло до того, что однажды Милон взял в руки кнут и самолично выпорол некоего Гая Саллюстия Криспа. Рим был доволен, хотя и не знал, что Милон выпорол и Фаусту, обуздав ее нрав.

К сожалению, Фауста пошла не в отца, в юности записного красавца. Нет, она походила на своего двоюродного деда, знаменитого Метелла Нумидийского. Грузная, коренастая, сварливая. Но все женщины одинаковы в темноте, поэтому Милон получал от нее точно такое же удовольствие, как от красоток, с которыми развлекался.

Помня о порке, Фауста не пыталась возражать. Она с тоской посмотрела на мужа и, хлопнув в ладоши, позвала своих слуг и рабынь.

Милон ушел и закрылся в секретной комнате со своим вольноотпущенником Марком Фустеном, который не носил имя Тит Анний, потому что стал клиентом Милона после освобождения из школы гладиаторов. Фустен было его собственное имя, имя римлянина, приговоренного к гладиаторскому бою за убийство.

— Планы несколько изменились, — отрывисто заговорил Милон. — Мы едем в Ланувий по Аппиевой дороге. Какая удача! Все знают, что я уже второй месяц собираюсь в мой родной город, чтобы назвать нового фламина. Никто не сможет сказать, что у меня не имелось причины оказаться на Аппиевой дороге. Никто!

Фустен, почти столь же крупный, как и его патрон, промолчал, но кивнул.

— Фауста решила ехать со мной, поэтому нам нужна большая коляска.

Новый кивок.

— Найми еще несколько повозок для слуг и для багажа. Мы там задержимся на какое-то время. — Он помахал запечатанным свитком. — Отправь это Квинту Фуфию Калену. Поскольку я еду с женой, у меня есть повод прихватить компаньона. Кален нам подойдет.

Фустен кивнул еще раз.

— Нам также нужна полная охрана. — Милон кисло улыбнулся. — Фауста, несомненно, захочет взять все свои драгоценности, не говоря уже о столе из цитрусового дерева, который она обожает. Сто пятьдесят человек, Фустен. Все в кирасах, шлемах, с хорошим вооружением.

Фустен кивнул.

— И немедленно пришли ко мне Биррию и Эвдама.

Фустен кивнул и ушел.

Близился вечер, но Милон все еще хлопотал, отдавая распоряжения. Только когда совсем стемнело, он позволил себе удовлетворенно откинуться на подушки, чтобы насладиться запоздалым обедом. Все было сделано. Квинт Фуфий Кален пришел в восторг от предложения проветриться с другом, Марк Фустен подготовил лошадей для эскорта, а у повозок и просторной двуколки проверили каждую ось.

На рассвете явился Кален. Милон и Фауста неспешно дошли с ним до Капенских ворот. Там толпились конники и стояла двуколка.

— Чудесно! — промурлыкала Фауста, усаживаясь на мягкое сиденье спиной к мулам.

От этих животных можно ждать всякого, на что воспитанной женщине смотреть неприлично. Напротив нее сели Милон и Кален, с удовольствием обнаружив перед собой небольшой столик для игры в кости и для походной трапезы. На остальных местах возле Фаусты устроились ее горничная и слуга.

Как и все римские экипажи, двуколка не имела рессор, чтобы сгладить дорожную тряску, но дорога между Римом и Капуей была практически ровной, покрытой слоем хорошо утрамбованной цементной пыли, которую в знойную пору время от времени поливали. Неудобство езды по ней заключалось в непрерывной вибрации, а не в толчках. Естественно, челяди, разместившейся на менее комфортабельных транспортных средствах, приходилось хуже, чем господам, но все были счастливы сменить обстановку и в приподнятом настроении доехали до развилки, где свернули на Аппиеву дорогу, оставив Латинскую в стороне. Фауста взяла с собой всех своих служанок, парикмахеров, банщиц, косметологов, прачек, а также музыкантов и другую челядь. Милона сопровождали его личный слуга, виночерпий, камердинер, несколько поваров и три пекаря. У всех рабов, занимавших высокие должности, имелись собственные рабы. Всего,

включая охрану, к Ланувию двигалось около трехсот человек. Колонна перемещалась со скоростью пяти миль в час, всем было весело, и все нисколько не сомневались, что путешествие благополучно закончится где-то часов через семь.

Аппиева дорога являлась одной из самых древних римских дорог и принадлежала Клавдиям Пульхрам — роду, к которому относился и Клодий, — ибо она была построена Аппием Клавдием Слепым и обязанность содержать ее в порядке на отрезке между Римом и Капуей легла на его потомков. Вдоль этой дороги всех Клавдиев и хоронили. Не только их, разумеется, и не особенно кучно. Линия памятников была не сплошной и порой прерывалась.

Публий Клодий с удовлетворением убедился, что умирающий Кир беспокоился понапрасну. Все было в норме, и не имелось никаких причин сомневаться, что величественное строение будет непоколебимо стоять над отвесным обрывом. О, какое место для виллы! Ее горделивый и дерзостный вид еще заставит задохнуться от зависти Цицерона, этого интригана и сплетника, этого *cuppus*, осмелившегося воздвигнуть себе новый дом такой высоты, что тот заслонил в доме Клодия вид на Форум. О, он не раз проедет по Аппиевой дороге мимо лучшей в Италии виллы, делаясь в приступах безудержной злости зеленее лугов Лация!

Фактически проверка расчетов старого грека заняла мало времени, и Клодий мог уже к утру попасть в Рим. Однако ночь выдалась темной, безлунной, так зачем рисковать? Не лучше ли заночевать в собственном небольшом поместье невдалеке от Ланувия, а когда рассветет, отправиться в путь? Тамошняя челядь найдет, чем накормить хозяина и его свиту, а рабы, у которых всегда есть что-то в заглазнике, позаботятся о себе сами.

С восходом солнца он уже несся по Аппиевой дороге в сторону Рима. Его подстегивало стремление поскорее увидеться с Фульвией, без которой он очень редко куда-либо выезжал. Но она занедужила, и Клодий гнал скакуна, а эскорт опечаленно поспешал за ним следом. Нет, без Фульвии Клодий делался просто невыносимым! Все это знали, но приходилось терпеть.

Через пару часов Клодий легким галопом проскакал мимо Бовилл, не обращая внимания на отпрыгивавших к обочинам хуторян, равно как

и на их овец, лошадей, свиней, кур и мулов. День был базарным, но уже в миле от этого гудящего города не осталось никаких признаков обитания, хотя до Сервиевой стены Рима было всего тринадцать миль. Земля по обе стороны дороги принадлежала молодому всаднику Титу Сертию Галлу, у которого хватало денег, чтобы противостоять многочисленным предложениям о продаже этих роскошных пастбищ. В полях паслись красивые лошади его завода. Но великолепная вилла стояла так далеко от дороги, что ее не было видно. Единственной постройкой на дороге была небольшая таверна.

Впрочем, вдаль виднелось что-то еще.

— Кто-то едет, их много, — сказал давний друг Клодия Скола, настолько давний, что они уже и не помнили, где сошлись и когда.

— Хм, — буркнул Клодий, взмахом руки приказывая своим людям посторониться.

Те мигом подались на обочину. Когда на дороге встречались две кавалькады, меньшая обыкновенно уступала путь большей, а к ним сейчас приближался приличный обоз.

— Наверное, Сампсикерам везет свой гарем, — пошутил Гай Клодий.

— Нет, — возразил, щурясь, Помпоний. — О боги, это же маленькая армия! На них кирасы!

В тот же миг Клодий узнал переднего конника. Марк Фустен!

— Дерьмо! — воскликнул он. — Это Милон!

Скола, Помпоний и Гай Клодий вздрогнули, лица их побелели, но Клодий пришпорил коня.

— Скорее! Гоним во весь опор! — крикнул он.

Двуколка с Фаустой, Милоном и Фуфием Каленом двигалась в середине процессии. Клодий, проносясь мимо, зло покосился на них и успел краем глаза заметить, что Милон высунулся и с ненавистью глядит ему вслед.

Поезд был длинным, но Клодий почти его миновал. Неприятности начались, когда он поравнялся с арьергардом охраны. Вооруженные конники пропустили первую четверку всадников, но потом развернулись и перегородили дорогу рабам. У некоторых из них были копья. Они тут же пустили их в ход, подкалывая чужих лошадей. Те мигом вздыбились, и несколько рабов Клодия упали на землю. Остальные, изрыгая проклятия, выхватили мечи. Клодий и Милон

ненавидели друг друга, но эта ненависть была ничем в сравнении с взаимной ненавистью их слуг.

— Не останавливайся! — крикнул Скола, когда Клодий осадил скакуна. — Пусть будет что будет! Мы уже проскочили.

— Я не могу оставить своих людей! — разворачивая коня, крикнул Клодий.

Арьергард охраны Милона замыкали самые верные его прихвостни, бывшие гладиаторы Биррия и Эвдам. И как только Клодий привстал в стременах, чтобы скакать к своим людям, Биррия поднял копьё, прицелился и метнул.

Листовидный наконечник копья воткнулся в плечо Клодия с такой силой, что выбил его из седла. Он упал на дорогу и опрокинулся на спину, вцепившись обеими руками в тяжелое древко. Трое друзей, спрыгнув с коней, подбежали к нему.

Не теряя присутствия духа, Скола оторвал большой кусок от полы своего плаща и свернул его в плотный ком. Он кивнул Помпонию и, когда тот выдернул копьё, приложил тампон к ране. Гай Клодий с Помпонием, подхватив Клодия под руки, бегом потащили его к придорожной таверне.

Поезд Милона остановился. Милон выскочил из коляски и выхватил меч. С рабами Клодия было покончено. Одиннадцать из них лежали недвижно, столько же еще дергались в предсмертных судорогах, остальные бежали через поля. Подъехал Фустен.

— Они утащили его в ту лачугу, — сказал Милон.

Сзади него в двуколке было очень шумно: крики, визг, вопли. Милон сунул голову в окно и увидел, что Кален и его слуга возятся с Фаустой и ее служанкой. Отлично. Кален хорошо выполняет свою работу: он занят Фаустой и не увидит, что происходит.

— Оставайся здесь, — коротко бросил он компаньону, которому некогда было даже голову поднять. — Клодий затеял драку. Ее надо закончить. — Он отступил и кивнул Фустену, Биррии и Эвдаму. — Пошли.

Как только на дороге вспыхнула ссора, хозяин таверны велел жене, детям и троице рабам бежать через заднюю дверь. Завидев раненого, он затрясся, его глаза от испуга едва не выскочили из орбит.

— Постель, быстро! — крикнул Скола.

Трактирщик дрожащим пальцем указал на дверь боковой комнатухи. Клодия уложили на тощий соломенный тюфячок. Ткань тампона, прижатого к ране, сделалась ярко-алой, с нее уже капало. Скола посмотрел на трактирщика.

— Найди еще тряпок! — бросил он, вновь отрывая кусок от плаща, чтобы заменить намокшую ткань.

Глаза Клодия были открыты, он тяжело дышал.

— Все нормально, — сказал он, бодрясь. — Я выживу, Скола. Но шансов у меня будет больше, если вы поспешите в Бовиллы за помощью. Здесь со мной все будет в порядке.

— Клодий, нет! — прошептал Скола. — Поезд Милона остановился. Они найдут тебя и убьют!

— Они не посмеют! — воскликнул Клодий. — Ступайте, ступайте!

— Двое справятся. Я останусь с тобой.

— Уходите все трое! — приказал Клодий сквозь зубы. — Я настаиваю, Скола! Вперед!

— Хозяин, — обратился Скола к трактирщику, — смени меня. Прижми тампон к ране и держи так. Мы скоро вернемся.

Через минуту за стенами хижины послышался стук копыт. Голова кружилась. Клодий закрыл глаза, стараясь не думать о том, что с ним будет.

— Как зовут тебя, человек? — спросил он, не открывая глаз.

— Азиций.

— Что ж, Азиций, благодарю. Я — Публий Клодий.

— Публий Клодий? — с дрожью в голосе переспросил Азиций.

— Именно так. — Клодий поднял веки и усмехнулся. — У меня неприятности! Представляешь, я встретил Милона!

В дверях показались тени.

— Да, представляешь, он встретил Милона, — подтвердил с порога Милон.

Клодий с презрением посмотрел на него.

— Если ты убьешь меня, Милон, тебя осудят. Ты станешь изгнанником до конца своих дней.

— Я так не думаю, Клодий. Меня оправдает Помпей. — Милон пинком опрокинул Азиция на пол и наклонился к ране. — Ну, от этого ты не умрешь, — сказал он и кивнул Фустену: — Тащите его на улицу.

— А с этим что? — спросил Фустен, косясь на Азиция.

— Убей его.

Один стремительный взмах — и голова трактирщика развалилась надвое. Биррия и Эвдам сдернули Клодия с ложа, повлекли к выходу и бросили на Аппиеву дорогу.

— Разденьте его, — усмехнулся Милон. — Я хочу проверить, верны ли слухи.

Острым, как бритва, мечом Фустен распорол одеяние Клодия от паха до подбородка, потом рассек и набедренную повязку.

— Взгляните-ка! — расхохотался Мил он. — Он и вправду обрезан!

Концом меча он подбросил вверх пенис Клодия, блеснули капельки крови.

— Поднимите его!

Биррия и Эвдам послушно поставили Клодия на ноги, голова того вскинулась и упала на грудь. Он не видел ни Милона, ни его прихвостней. Он видел только груды камней на обочине. В венчающем ее красном камне было вырезано отверстие в форме женских половых органов. *Vona Dea*... Простой придорожный алтарь в тринадцати милях от Рима. У его основания лежали цветы. Рядом стояли блюдо с молоком и небольшая корзиночка с яйцами.

— *Vona Dea!* — прохрипел Клодий. — О *Vona Dea!*

Из широкой щели показалась головка змеи. Холодные черные немигающие глаза священного существа уставились на сквернавца, дерзнувшего своим присутствием нарушить ход тайного ритуала в день чествования Благой богини. Змея не двигалась, мерно поблескивал лишь ее черный раздвоенный язычок, то появляясь, то исчезая. Меч Фустена глубоко погрузился в живот раненого и, задев позвоночник, вышел наружу, но тот этого словно бы не ощутил. Ничего не почувствовал он и тогда, когда Биррия вновь пронзил копьем его грудь, а Эвдам вывалил его внутренности на пропитанную кровью дорогу. И до тех пор, пока жизнь еще теплилась в истерзанном теле Публия Клодия, он и змея неотрывно смотрели друг на друга.

— Дай мне твою лошадь, Биррия, — сказал Милон, вскакивая в седло.

Его поезд уже удалялся к Бовиллам. Фустен причмокнул, Биррия вскочил на широкую спину кобылы Эвдама, и все четверо устремились за кавалькадой.

Священная змея убрала голову и удовлетворенно свернулась в клубок в вульве *Vona Dea*.

Семья Азиция и рабы возвратились с полей. Обнаружив Азиция мертвым, они выглянули за дверь, увидели тело Публия Клодия и опять убежали.

В светлое время суток Аппиева дорога всегда полнилась путниками. Не был исключением и восемнадцатый день января. Одиннадцать рабов Клодия были мертвы, еще одиннадцать медленно умирали. Но никто не остановился, чтобы помочь им. Когда Скола, Помпоний и вольноотпущенник Гай Клодий вернулись к таверне в сопровождении наемной повозки и группы селян, они сгрудились вокруг тела товарища и зарыдали.

— Нас тоже убьют, — сказал Скола. — Как убили трактирщика. Милон не успокоится, пока не перебьет всех свидетелей.

— Тогда мне тут делать нечего! — сказал владелец телеги, развернулся и укатил.

После краткой неловкой заминки его примеру последовали и все остальные. Клодий продолжал лежать на дороге в луже крови, среди своих внутренностей. О *Vona Dea*! Его остекленевшие глаза были устремлены на алтарь.

К полудню движение по дороге усилилось. Путники с ужасом озирали последствия кровавой бойни и торопились уйти. Наконец к одинокой таверне медленно приблизился паланкин старого римского сенатора Секста Тидия. Недовольный тем, что носильщики остановились, он выглянул из-за занавесок и с трудом выбрался из паланкина, опираясь на прочный тяжелый костыль. У него не было одной ноги. Он потерял ее под началом Суллы в боях против царя Митридата.

— Положите беднягу в мой паланкин и отнесите в его римский дом, — распорядился Секст Тидий, потом поманил слугу. — Ксенофонт, помоги мне вернуться в Бовиллы. Там должны знать, что тут случилось! Теперь мне понятно, почему все эти идиоты так странно поглядывали на нас.

В результате примерно за час до заката запыхавшиеся рабы Секста Тидия пронесли тело Публия Клодия через Капенские ворота и

потасили паланкин к его новому дому с видом на Марсово поле, Большой цирк, Тибр и Яникул.

Прибежала Фульвия с развевающимися волосами, настолько потрясенная, что не могла ни кричать, ни плакать. Она молча раздвинула занавески, оглядывая останки супруга: его внутренности, запихнутые обратно в живот, его кожу, белую, как парийский мрамор, его оголенный поцарапанный пенис.

— Клодий, Клодий! — раздался наконец пронзительный крик, безутешный, отчаянный, непрерывный.

Убитого положили на самодельные похоронные дроги, установленные в саду перистиля, но ничем не прикрыли, чтобы члены «Клуба Клодия» видели, что с ним случилось. Вскоре в саду собрались почти все: Курион, Антоний, Планк Бурса, Помпей Руф, Децим Брут, Попликола и Секст Клелий.

— Милон, — прорычал Марк Антоний.

— Мы этого точно не знаем, — возразил Курион.

Он стоял возле Фульвии, неотрывно смотревшей на мужа.

— Мы знаем! — послышался новый голос.

Тит Помпоний Аттик прошел прямо к Фульвии и опустился рядом с ней на кушетку.

— Бедная девочка, — с нежностью сказал он. — Я послал за твоей матерью. Скоро она будет здесь.

— Как ты узнал? — спросил с подозрением Планк Бурса.

— От моего кузена Помпония, который сопровождал его в этой поездке, — ответил Аттик. — Их четверых охраняли тридцать рабов, но у Милона людей было впятеро больше. — Он показал на тело товарища. — И вот результат, хотя мой кузен и не видел, как это было. Он только видел, как Биррия метнул копье. Оно вошло в плечо Клодию, но рана была не смертельной. И Клодий настоял, чтобы Помпоний, Скола и Гай Клодий поскакали в Бовиллы за помощью, а сам остался в придорожной таверне. А когда они вернулись, все было кончено. Клодий лежал на дороге голый, с распоротым животом, трактирщик тоже был мертв. Нанятые селяне в испуге сбежали. Товарищи Клодия ударились в панику. Недостойно, конечно, однако их можно понять. Они сочли, что Милон непременно убьет их. Я не знаю, где двое других, но мой кузен прибежал ко мне.

— Неужели никто ничего не видел? — воскликнул сквозь слезы Антоний. — Мне и самому иной раз хотелось стереть Клодия в порошок, но я любил его, несмотря на всю его грубость!

— Кажется, никто, — сказал Аттик. — Это случилось на пустынном отрезке дороги, во владениях Сертия Галла. — Он взял холодную руку Фульвии и принялся осторожно ее растирать. — Дорогая, здесь зябко. Ступай в дом.

— Я должна быть тут, — прошептала она, мерно раскачиваясь и не сводя глаз с мужа. — Он мертв, Аттик! Разве это возможно? Он мертв! Как мне смотреть в глаза детям? Что мне им сказать?

Аттик нашел взглядом Куриона и кивнул ему.

— Твоя мать все скажет им, Фульвия. Ступай, отдохни.

Курион поднял ее, повел, и она подчинилась. Прежде строптивая, упрямая, непокорная, она сделалась неожиданно кроткой. На пороге ноги ее подкосились. Аттик подскочил к Куриону, и они вдвоем внесли Фульвию в дом.

Секст Клелий, руководивший бандами Клодия в эти дни, пройдя учебу у Децима Брута, не мог похвастать древностью рода и не входил в состав «Клуба Клодия», однако все знали его. И, пребывая в состоянии ступора, охотно позволили ему взять роль распорядителя на себя.

— Я предлагаю отнести тело Клодия на Форум, — непререкаемым тоном произнес он. — Весь Рим должен видеть, что сделал Милон с человеком, затмевавшим его, словно солнце луну.

— Но сейчас темно! — возразил невпопад Попликола.

— Не на Форуме. Слух уже пущен, факелы зажжены. Беднота собирается. Эти люди должны знать, что случилось с защитником их неотъемлемых прав!

Карта 3. Римский Форум.

— Да, — сказал вдруг Антоний и скинул тогу. — Давайте возьмитесь кто-нибудь за ручки со стороны ног, а я возьмусь с головы.

Децим Брут неутешно рыдал, поэтому к мертвецу поспешили Попликола и Помпей Руф.

— Что с тобой, Бурса? — сердито спросил Антоний, едва удерживая накренившиеся носилки. — Неужели не видишь, что Попликола короче Руфа? Встань за него!

Планк Бурса кашлянул.

— Вообще-то мне надо бы забежать ненадолго к жене. Она у меня прихворнула.

Антоний нахмурился, скаля мелкие зубы.

— Какая там жена, когда наш друг мертв? Ты что, Бурса, спятил? Живо смени Попликолу. Или узнаешь, каково было Клодию, когда я возьмусь за тебя!

Бурса подчинился.

Слухи действительно уже ширились. По улицам двигались толпы людей с факелами. Они расступались перед носилками, издавая возмущенные восклицания.

— Видите? — громко вскрикивал Клелий. — Видите, что с ним сделал Милон?

Рокот толпы все нарастал и усилился втрое, когда тело Клодия стали спускать с холма. Настоящий атлет, Марк Антоний повернулся, вскинул свой край носилок над головой и так, спиной, пошел по лестнице вниз, не оборачиваясь и ни разу не оступившись. Его рыжеватые кудри пылали в отблесках факелов. Форум притих. Женщины плакали, мужчины стонали.

Через всю площадь носилки пронесли к ростре и выставили на всеобщее обозрение. Клелий обнял за плечи маленького рыдающего старичка.

— Вы все знаете, кто это, так ведь? — громко спросил он. — Это Луций Декумий! Самый старинный и самый преданный сторонник Клодия, давний его помощник и друг! — Клелий взял Луция за подбородок и приподнял залитое слезами морщинистое лицо. — Видите, как он горюет? А теперь посмотрите на них!

Он повернулся и указал пальцем на курию Гостилия, дом Сената, на чьих ступенях собралась небольшая группа сенаторов: радостно улыбающийся Цицерон, печальные, но не убитые горем Катон, Бибул и Агенобарб, и выглядевшие встревоженными Манлий Торкват, Луций Цезарь и параличный Луций Котта.

— Видите их? — кричал Клелий. — Видите предателей Рима? Посмотрите на Марка Туллия Цицерона, он улыбается! Что ж, мы все знаем, что он-то ничего не потеряет от совершенного Милоном убийства!

Клелий, сморгнув, перевел дыхание, а когда вновь взглянул на дом Сената, то Цицерона там не обнаружил.

— О, он, наверное, подумал, что он — следующий! Ни один человек не заслуживает смерти больше, чем великий Цицерон, который казнил римских граждан без суда, пока его не остановил тот, кто лежит перед вами. Иссеченный, истерзанный своим злейшим врагом. Но Сенат тоже желал его смерти! Все, что предлагал Публий Клодий, Сенат отвергал! Кто же они, эти презренные себялюбивые мерзавцы?

Почему мы их терпим? Почему они ставят себя выше нас? Выше меня! Выше мудрого Луция Декумия! Выше даже Публия Клодия, который вас всех от них защищал!

По толпе пошли завихрения. С каждым словом Клелия шум возрастал.

— Он бесплатно раздавал вам зерно! — кричал Клелий. — Он возвратил вам право собираться в общины! Он обеспечивал неимущих работой, устраивал для вас игры! — Взгляд его неотрывно сверлил море гневных, пылающих праведным негодованием лиц. — Здесь много вольноотпущенников. Каким другом он был для вас всех! Он хотел наделить каждого римским гражданством с правом полновесного голоса в избирательных трибах!

Клелий умолк, всхлипнул, отер со лба пот.

— Но они, — крикнул он, не глядя ткнув рукой в дом Сената, — этого, разумеется, не хотели! Они знали, чем им это грозит! И они сговорились убить Публия Клодия! Ибо ничто, кроме смерти, сдержать его не могло! Они понимали это! Они все учли. И сплели сети подлой интриги. Нет, не только громила Милон — все сенаторы убивали его! Милон был всего лишь орудием в их грязных руках! И я утверждаю, что есть один только способ обращения с ними! Покажем им силу нашего горя! Покончим с ними, пока они не прикончили нас! — Он посмотрел на ступени курии и в притворном ужасе отшатнулся. — Видите? Они все сбежали! У них нет мужества ответить за свои преступления! Но остановит ли это нас? Остановит?

Толпа забурилась, факелы взметнулись к небу. В ответ громынуло единодушное:

— Нет!

Попликола придвинулся к оратору ближе. Марк Антоний, Планк Бурса, Помпей Руф и Децим Брут, наоборот, отступили, ощущая некоторую неловкость. Двое из них были плебейскими трибунами, один недавно прошел в Сенат, а еще один только об этом и мечтал. Обличения Клелия возымели на них то же действие, что и на сбежавших сенаторов, с той лишь разницей, что им некуда было бежать.

— Тогда проявим наше единство! — крикнул Клелий. — Положим Публия Клодия в курии и посмотрим, посмеет ли кто-то убрать его оттуда!

Передние ряды толпы бросились к ростре. Носилки Клодия, взметнувшись над головами, поплыли к массивным бронзовым, с виду несокрушимым дверям. В один миг их обрушили внутрь, сорвав с огромных петель. Тело Клодия исчезло в курии. Толпа последовала за ним, все круша и сметая.

Бурса каким-то образом смылся. Марк Антоний, Децим Брут и Помпей Руф оцепенело смотрели на весь этот кошмар.

Антоний пришел в себя первым и завертел головой. В глаза ему бросилось маленькое морщинистое и заплаканное лицо. Луций Декумий по-прежнему проливал горячие слезы. Марк Антоний не любил разводить сантименты, но знал старика еще по Субуре, а потому подошел к нему и крепко обнял.

— Где твои сыновья, Декумий? — спросил он.

— Не знаю и не интересуюсь.

— Такому старому человеку давно пора спать.

— Я не хочу спать. — Старик поднял заплаканные глаза и узнал того, кто говорил с ним. — О, Марк Антоний, они все уходят! — воскликнул он уныло. — Она разбила мне сердце и тоже ушла. Вслед за всеми!

— Кто разбил твое сердце, Декумий?

— Малышка Юлия. Я знал ее с малых лет. И Цезаря знал с малых лет, И Аврелию, когда ей было всего восемнадцать. Я устал от переживаний, Антоний! И больше ничего этого не хочу!

— Но Цезарь пока еще с нами, Декумий.

— Однако я никогда уже не увижу его. Цезарь велел мне позаботиться, чтобы до его возвращения с Клодием ничего не случилось. Но я не сумел за ним уследить. И никто не сумел бы, поверь мне, Антоний!

Вдруг толпа закричала. Антоний взглянул на курию Гостилия и весь напрягся. Здание было очень старое, без окон, но высоко под фресками, украшающими фасад, шли большие решетки для доступа воздуха. Сейчас они сияли красным пульсирующим светом и выпускали струйки дыма.

— Юпитер! — крикнул Антоний. — Они подожгли Сенат!

Луций Декумий извернулся, как угорь, и был таков. Пораженный Антоний смотрел, как древний старик с невероятным проворством пробивается через толпу погромщиков, текущую вниз по ступеням.

Теперь пламя вырывалось из дверного проема, но Луция Декумия это не остановило. Миг — и его маленькая фигурка исчезла в огне и дыму.

Удовлетворенная и уставшая толпа понемногу покинула Форум. Антоний и Децим Брут поднялись по лестнице Весталок наверх, где замерли, наблюдая за грандиозным пожаром, ставшим для Публия Клодия погребальным костром. За зданием курии Гостилия на Аргилете располагались конторы Сената, в которых находились драгоценные протоколы собраний, сенаторские декреты, фасции всех магистратов, которые когда-либо исполняли эти должности. С другой стороны от курии, на улице Банкиров, стояла Порциева базилика, штаб плебейских трибунов, где находились конторы банкиров, тоже хранившие множество невосполнимых записей. Базилику построил Катон Цензор. Это было первое подобное строение, украшавшее Форум. Хотя эту небольшую, неяркую базилику давно уже заслонили более красивые постройки, она была частью *mos maiorum*. Напротив курии Гостилия, на другом углу Аргилета, стояла изящная базилика Эмилия, которую все еще реставрировал Луций Эмилий Павел, стараясь довести ее до абсолютного великолепия. И все они горели.

— Я любил Клодия, но он уничтожил бы Рим, — сдавленно выдохнул Марк Антоний.

— Я тоже любил его, — откликнулся Децим Брут. — И искренне полагал, что он сможет улучшить работу Сената. Однако он потерял чувство меры. Затея с вольноотпущенниками погубила его.

— Я думаю, — задумчиво сказал Антоний, — что теперь все успокоятся и наконец выберут меня квестором.

— А я отправлюсь к Цезарю в Галлию. Увидимся там.

— Ха! — воскликнул Антоний. — Наверняка жеребьевка забросит меня на Сардинию.

— О нет, — усмехнулся Децим Брут. — Нас обоих ждет Галлия. Цезарь затребовал тебя, Антоний. Он сообщил мне об этом в письме.

Настроение Антония резко улучшилось, и он, окрыленный, отправился отдыхать.

В ту ужасную ночь произошло еще кое-что. Небольшая группа взволнованных горожан под водительством Планка Бурсы отправилась к храму Венеры Либитины, где хранились фасции высшей власти, которые некому было вручить, поскольку выборы не состоялись. С

этими фасциями инициативные римляне добрались до Марсова поля и встали у дома Помпея, требуя, чтобы тот принял их. Но в доме было темно, никто к ним не вышел. Узнав, что Помпей уехал в Этрурию, Бурса испугался и поспешил улизнуть. Группа, оставшаяся без вожака, не придумала ничего лучшего, как проследовать на Палатин, чтобы просить на диктаторство Метелла Сципиона, но и тот не открыл им дверей. На рассвете фасции были возвращены в храм.

Рим брошен, никто не хочет им править. Так думали все — и мужчины и женщины, пришедшие поглазеть на дымящиеся руины. По ним уже ползали работники похоронной конторы в специальной обуви, в масках, в перчатках. Они палками ворошили золу, надеясь найти прах Публия Клодия. Наконец что-то такое нашли и опустили в урну, отделанную золотом и драгоценностями. Ее заказала мать Фульвии, ибо у Клодия не было права на похороны за государственный счет. Сама Фульвия, разбитая горем, ни во что не мешалась, но панихиду на Форуме все-таки запретила, поэтому прах унесли.

Катон и Бибул пораженно оглядывали пожарище.

— О, Бибул, базилики Катона Цензора больше не существует, а у меня нет средств, чтобы возвести ее заново! — стенал Катон, озирая обвалившиеся почерневшие стены.

Колонна, так досаждавшая плебейским трибунам, торчала из балок провалившейся крыши, как остаток прогнившего зуба.

— Ты можешь использовать приданое Порции, — сказал Бибул. — Я без него обойдусь, да и Порция тоже. Кроме того, Брут в любой день может вернуться. Он тоже даст денег.

— Утрачены все протоколы Сената! — продолжал жаловаться Катон. — И речи великого Цензора обратились в ничто.

— Зато, по крайней мере, нам теперь не грозит засилье вольноотпущенников.

Для сенаторов Рима это было единственным утешением.

То же самое думал и Луций Домиций Агенобарб, взявший в жены сестру Катона и отдавший некогда за Бибула одну из своих сестер. Короткий, коренастый, без единого волоска на гладком лоснящемся черепе, он не обладал ни напористостью одного из поджидавших его друзей, ни острым умом второго, но был невероятно упрям и безгранично предан *boni* — «хорошим людям», ультраконсервативной фракции Сената.

— До меня только что дошел потрясающий слух! — сообщил он, задыхаясь.

— Какой? — равнодушно спросил Катон.

— Что Милон был в Риме во время пожара!

Оба друга уставились на Агенобарба.

— Не может быть, у него не хватило бы смелости, — промямлил Бибул.

— Но мой информатор клянется, что видел его на Капитолийском холме. И в доме его потом кто-то возился. Явно не слуги.

— Кто же подбил его на убийство? — спросил вдруг Катон.

— А была ли в том нужда? — удивился Агенобарб. — Он и Клодий всегда были врагами.

— Но до убийства не доходило, — сказал Бибул. — Кажется, я могу назвать подстрекателя.

— И кто он? — спросил, встрепенувшись, Агенобарб.

— Разумеется, Помпей. А за ним стоит Цезарь.

— Но это ведь сговор! — ахнул Агенобарб. — Помпей, конечно, дикарь, но дикарь осторожный. Цезарь сейчас в Галлии, а Помпей достигаем. Зачем бы ему себя так подставлять?

— Если нет доказательств, о чем ему беспокоиться? — бросил с презрительной миной Катон. — Он публично порвал с Милоном больше года назад. С этой стороны к нему не подъедешь.

— Вот-вот, — улыбнулся Бибул. — И приручить пиценского дикаря становится нашей первостепенной задачей. Если он так выкладывается для того, кто от него далеко, подумайте, что он может сделать для тех, кто с ним рядом! Где Метелл Сципион?

— Заперся в своем доме, после того как к нему пришли с фасциями.

— Тогда, — сказал Катон, — мы войдем к нему со двора.

После сорока лет крепкой дружбы Цицерон и Аттик поссорились. Цицерон, всегда побаивавшийся активности Публия Клодия, воспринял весть о его смерти с восторгом, а Аттик искренне горевал.

— Я не понимаю тебя, Тит! — кричал Цицерон. — Ты один из самых влиятельных всадников в Риме! Ты огребаешь проценты с каждого римского предприятия, Клодий бы уничтожил тебя! А ты

скорбишь по нему, как по близкому человеку! Я вот не скорблю! Наоборот, я рад!

— Никто не должен радоваться преждевременной потере Клавдия Пульхра, — твердо сказал Аттик. — Он был братом одного из моих самых дорогих друзей, Аппия Клавдия. Он был умен и достаточно образован. Мне очень нравилось бывать в его компании, и я буду скучать без него. И мне жаль его маленькую жену, которая очень любила его. — Костлявое лицо Аттिका стало задумчивым. — Страстная любовь редко встречается, Марк. Она не заслуживает, чтобы ее обрывали в самом расцвете.

— Фульвия? — взвизгнул в ярости Цицерон. — Эта вульгарная шлюшка? Имевшая наглость брюхатой являться на Форум и костерить противников своего муженька! Стыд, да и только! О, Тит, перестань! Она, возможно и внучка Гракха, но Семпронии и Фульвии вряд ли ею гордятся!

Атик вдруг сжал губы и встал.

— Иногда, Цицерон, ты ведешь себя как махровый ханжа! Ты должен быть осторожен: за твоими арпинскими ушами все еще торчит солома! Ты хуже грязной сплетницы с окраины Лация и даже не помнишь, что ни один Туллий не осмеливался сунуть нос в Рим, когда Гай Гракх держал в руках Форум!

И он покинул гостиную, оставив хозяина в совершеннейшем изумлении.

— Что с тобой? И где Аттик? — пролаяла с порога Теренция.

— Думаю, побежал к Фульвии, чтобы плясать перед ней.

— Но она ему всегда нравилась. Хотя бы за то, что с пониманием относилась к его пристрастию к молодым паренькам.

— Теренция! Аттик женат, у него есть ребенок!

— И какое это имеет отношение к ценам на рыбу? — строго спросила Теренция. — Право, Цицерон, ты стареешь.

Цицерон вздрогнул, поморщился, но ничего не сказал.

— У меня есть к тебе разговор.

Он показал на дверь своего кабинета.

— Пройдем туда? Там нас не услышат.

— Мне все равно.

— Тогда, может быть, останемся здесь, дорогая?

Она бросила на него подозрительный взгляд, но решила ссоры не затевать.

— Туллия хочет развестись с Крассипом.

— Ну что там опять случилось? — раздраженно поморщился Цицерон.

Некрасивое лицо Теренции сделалось совершенно непривлекательным.

— Бедная девочка совсем извелась, вот что случилось! Крассип относится к ней, как к собачьему дерьму, в которое нечаянно вляпался! И где те надежды, что он подавал? Он лентяй и дурак! Это же ясно. Хотя ты этого почему-то не понимаешь.

Цицерон нервно потер руками лицо.

— Теренция, я давно знаю, что он — полный ноль, но этот развод снова ввергнет меня в большие финансовые проблемы. Шутка ли, собрать Туллии очередное приданое? Крассип ведь не отдаст полученные от меня деньги. Сотни тысяч сестерциев пропадут, а девочке одиночество ни к чему. Разведенка в Риме — мишень для сплетен!

— А я и не говорю, что она хочет жить в одиночестве, — с загадочным видом проговорила Теренция.

Цицерон, думая о приданом, не вник в подоплеку этого замечания.

— Ах, она очень хорошая девочка и, к счастью, весьма привлекательная. Но кто к ней теперь посватается? После двух мужей в свои двадцать пять она так и не родила. Теренция, слушай, она у нас не бесплодна?

— В этом отношении у нее все в порядке, — уверенно заявила Теренция. — Пизон Фругий был так болен, что совсем обессилел, а Крассип сам не хочет детей. Туллия нуждается в настоящем мужчине. — Она неожиданно фыркнула. — Тогда наша девочка наплодит ребятишек больше, чем я.

Цицерон не услышал насмешки, он вдруг вспомнил одно имя. Почему — непонятно. Просто вспомнил. Стопроцентный патриций, богач. И уж наверняка горазд на все прочее.

Он просиял, забыв и об Аттике, и о Фульвии.

— Я знаю такого человека! Не нуждающегося в солидном приданом! Это Тиберий Клавдий Нерон!

Тонкогубый рот Теренции округлился.

— Нерон?

— Нерон. Он очень молод, но метит в консулы.

— Бред! — прорычала Теренция и ушла.

Цицерон пораженно мотнул головой. Да что с ним сегодня? Что стряслось с его золотым языком? Он никого не может ни в чем убедить. Это все Клодий.

— Это все Клодий! — сказал он вошедшему Марку Целию Руфу.

— Я знаю, — усмехнулся Целий, обнимая друга за плечи. — Почему ты не в кабинете? Или твое вино уже здесь, а не там?

— Нет, оно там, — облегченно вздыхая, сказал Цицерон.

В кабинете он наполнил волшебным напитком две чаши, добавил в них воды и спросил:

— Что привело тебя? Тот же Клодий?

— Отчасти, — ответил Целий, смакуя разбавленное вино.

Говоря языком Теренции, он тоже был настоящим мужчиной. Высоким, достаточно красивым и достаточно мужественным, чтобы привлечь к себе сестру Клодия Клодию и удерживать ее в течение нескольких лет. А потом — оттолкнуть, чего Клодия ему не простила. В результате был громкий суд, но Целий защищал Цицерон. Он столь красочно описал скандальное поведение потерпевшей, что жюри с удовольствием отмело все обвинения в адрес ответчика, отчего пришел в ярость уже Публий Клодий, но ничего с этим поделать не мог.

В этом году он был плебейским трибуном в коллегии, которая в большинстве своем выступала за Клодия и против Милона. Но Целий упорно стоял за Милона.

— Я видел Милона, — сообщил он, устроившись удобнее.

— Это правда, что он опять в городе?

— Да. Залег на дно и выжидает, в какую сторону подует ветер. И очень недоволен Помпеем, покинувшим Рим.

— Всех, с кем я говорил, удручает смерть Клодия.

— Меня — нет! — резко ответил гость.

— Хвала богам! — Цицерон покрутил в чаше вино, посмотрел на него, вытянул в трубочку губы. — И что Милон намеревается делать?

— Начать собирать голоса. Он хочет стать консулом. Мы долго беседовали и согласились, что лучше всего ему вести себя так, словно ничего необычного не произошло. Клодий встретил Милона на

Аппиевой дороге и напал на него. Он был жив, когда Милон счел за лучшее отступить. Вот как все было.

— Ну-ну!

— Как только запах гари на Форуме улетучится, я созову Плебейское собрание, — сказал Целий, протягивая свою чашу за очередной порцией разбавленного вина. — Пусть Милон сам разъяснит им подробности дела.

— Отлично!

Они помолчали. Потом Цицерон неуверенно произнес:

— Надеюсь, Милон дал вольную всем рабам, что там были.

Целий усмехнулся.

— О да! Иначе их бы пытали. А под пыткой можно сказать что угодно. Поэтому Милон их освободил.

— Надеюсь, до суда не дойдет, — сказал Цицерон. — Не должно бы дойти. Самозащита есть самозащита.

— Суда не будет, — уверенно сказал Целий. — К тому времени, как изберут преторов, чтобы разобрать это дело, все уже позабудут о нем. Одно хорошо в полной анархии: если какой-нибудь плебейский трибун, например Саллюстий Крисп, попытается организовать судилище прямо сейчас, я наложу вето. И скажу Саллюстию, что я думаю о людях, которые используют любой предлог, чтобы больнее ударить того, к кому благосклонны их жены!

Они улыбнулись.

— Хотел бы я точно знать, каково место Помпея во всем этом, — раздраженно сказал Цицерон. — Он сделался таким замкнутым, скрытным.

— Помпей Магн страдает от чрезмерно раздутого самомнения, — сказал Целий. — Я никогда не считал, что Юлия оказывала на него положительное влияние, но теперь, когда ее нет, пересмотрел свое мнение. При ней он был собран, активен и не лез ни в какие дразги.

— Я склонен поддержать его выдвижение на пост диктатора.

Целий пожал плечами.

— А я еще в нем не уверен. По справедливости, Магн должен встать за Милона. Если он это сделает, я его поддержу. — Он скривился. — А Помпей выжидает. Смотрит, какое мнение перевесит.

— Тогда постарайся, чтобы твоя речь в защиту Милона потрясла всех.

И речь действительно была потрясающей. Милон в ослепительно белой тоге кандидата в консулы с показным смирением слушал ее. Хорошая тактика — ударить первому, да и Целий повел дело так, что объяснения Милона по поводу столкновения на Аппиевой дороге были выслушаны молча, без оскорбительных реплик. Плебс задумался. Выходило, что Клодий сам напросился на хорошую трепку. Он был известным задирой, его шайки будоражили город задолго до появления противоборствующих им сил. Кроме того, этот смутьян одинаково презирал как патрициев, так и всадников.

Сам Милон с Форума направился к Марсову полю. Помпей определенно должен был быть уже у себя.

— Прощу прощения, Тит Анний, — сказал ему мажордом, — но Гней Помпей никого сегодня не принимает.

Взрыв смеха, донесшийся из дальних комнат, перекрыл звучный голос хозяина дома.

— О, Сципион, какой смешной анекдот!

Милон весь напрягся. Сципион? Что Метелл Сципион делает у Помпея? Обливаясь холодным потом, он поспешил вернуться в Рим.

Помпей всегда отделялся туманными фразами. Неужели он неправильно его понял? «Тебя порой посещают весьма дельные мысли!» — вот все, что сказал тогда этот хитрец. «Отделайся от Клодия, и я награжу тебя», — слышалось в этих словах. Но так ли было на деле? Милон облизал пересохшие губы, сглотнул слюну и сообразил, что его сердце колотится так бурно совсем не от быстрой ходьбы.

— Юпитер! — громко вскричал он. — Магн подставил меня! И заигрывает с boni. Я — просто инструмент в его хитрой игре. Да, я нравлюсь boni, но буду ли нравиться, если им больше понравится Магн?

Он шел к Помпею, чтобы сказать ему, что снимает свою кандидатуру на консула. Но теперь — нет. Нет!

Планк Бурса, Помпей Руф и Саллюстий Крисп снова созвали Плебейское собрание, чтобы ответить Целию и Милону, Лучшим оратором среди них был Саллюст.

— Абсолютная чушь! — кричал он в своей завершающей речи. — Назовите мне хоть один веский резон, по которому человек с тридцатью рабами, вооруженными лишь мечами, может решиться напасть на отряд, состоящий из ста пятидесяти головорезов в кирасах, шлемах и наголенниках! При мечях, при кинжалах и пиках. Бред! Ерунда! Публий Клодий был не дурак! Сам Цезарь в такой ситуации не пошел бы в атаку! Нет! Он, правда, способен и с горсткой людей творить чудеса, но только в условиях, обеспечивающих победу! Среди пустошей, на ровной, как доска, Аппиевой дороге невозможно ни сманеврировать, ни где-либо укрыться! И почему, даже если бы Клодий напал, должен был умереть скромный и беззащитный хозяин таверны? Нам говорят, его убили люди Клодия! Но зачем? Нет, это гнусное преступление совершено в интересах Милона, устранившего невольного свидетеля еще более гнусного преступления! Задумайтесь, зачем он освободил всех составлявших его охрану рабов? И так щедро вознаградил, что они разбежались, как тараканы? Их теперь нет возможности разыскать! И как умно с его стороны было прихватить с собой истеричку-супругу! Единственный человек, который мог бы нам все прояснить, Квинт Фуфий Кален был так занят внутри экипажа впавшей в панику женщиной, что ничего не видел, и я ему верю, ибо нрав этой женщины хорошо известен всем нам!

Вокруг захихикали.

— Так что пролить свет на обстоятельства гибели Публия Клодия может лишь его убийца — Милон!

Саллюст замолчал, усмехнулся, довольный намеком на связь Целия и Фаусты, затем, набрав в грудь воздуха, перешел к заключительной стадии обличения.

— Весь Рим знает, что Публий Клодий особыми добродетелями не блистал, но то же самое можно сказать и о Милоне. Они с Клодием очень не ладили между собой, но скажите, зачем убивать человека, мешающего твоему политическому продвижению? Разве нельзя справиться с ним по-иному? Достоинно, в дискуссиях, конституционным путем! Политическое убийство — это подрыв конституции Рима, а значит, и самого государства! Ведь если вдуматься, что может быть проще? Человек становится у тебя на дороге, и ты убиваешь его! Никаких хлопот. Врага больше нет, и дорога свободна. Клодия Милон убил первым. Но станет ли Клодий последним в этом ряду? Вот вопрос,

которым мы все должны задаться! Кто из нас может похвастать такой охраной, как у Милона, намного большей, чем те сто пятьдесят человек, которые были с ним на Аппиевой дороге? В кирасах, шлемах и наголенниках! С мечами, с кинжалами, с пиками! Эскорт Публия Клодия не шел ни в какое сравнение с этой армией! Зачем Милону подобное войско? Я утверждаю: чтобы захватить в Риме власть. Через размеренную программу убийств! Кто будет следующим? Плавтий? Метелл Сципион? Помпей Магн? Каждый из них в чем-то мешает Милону. Римляне, пока не поздно, остановите этого сумасшедшего! Да ограничится список его кровавых расправ лишь одной жертвой!

Не осталось больше ступеней Сената, на которых можно было стоять, но большинство сенаторов стояли в колодце комиций и слушали. Когда Саллюст замолчал, из колодца раздался голос Гая Клавдия Марцелла-старшего.

— Я немедленно созываю Сенат! — громко выкрикнул он. — В храме Беллоны на Марсовом поле!

— Процесс пошел, — шепнул Катону Бибул. — Встречу назначили там, где Помпею от нее не увернуться.

— Они вновь начнут просить его стать диктатором, — сказал Катон. — А я этого не хочу!

— Я тоже. Но, полагаю, речь пойдет не о том.

— Тогда о чем?

— О *senatus consultum ultimum*. Нам нужно ввести законы военного времени, и кто лучше Помпея обеспечит их исполнение? Но не в роли диктатора.

Бибул оказался прав. Если Помпей и был разочарован ходом собрания, то не подал виду. Он сидел в *toga praetexta* в первом ряду среди консуляров и внимательно слушал дебаты. Очень внимательно, словно они представляли для него интерес.

А когда Мессала Руф предложил сенаторам принять *senatus consultum ultimum*, дающий право Помпею созывать войско для защиты государства, но не в качестве диктатора, Помпей любезно согласился, не выказав сожаления или раздражения.

Мессала Руф с готовностью уступил ему председательское кресло. Как старший консул прошлого года он волей-неволей занимал этот пост, хотя, находясь в столь невыгодном положении, ничего не сумел сделать для Рима. Даже провалил попытку назначения интеррекссов.

А Помпей — не провалил. Тут же принесли большой кувшин с водой, в него побросали маленькие деревянные шарики с именами всех лидеров патрицианских декурий Сената. Кувшин накрыли крышкой, а потом раскрутили, в результате чего из носика выскочил первый жребий. На нем стояло: Марк Эмилий Лепид. Но жеребьевка не кончилась, пока все деревянные шарики не выскочили наружу. Это не значило, что ожидалась бесконечная карусель интеррекссов, просто таков был порядок. Все с большой долей уверенности полагали, что второй интеррекс Мессала Нигер успешно проведет выборы, чем ликвидирует безвластие в Риме.

— Было бы нелишним, — сказал Помпей, — если бы коллегия понтификов вставила дополнительные двадцать два дня в календарь этого года по завершению февраля. Intercalaris сделает срок правления будущих консулов почти полным. Это возможно? — спросил он у Нигера, ибо тот был понтификом.

— Безусловно, — ответил сияющий Нигер.

— Еще я предлагаю внести декрет по всей Италии и Италийской Галлии, что ни один римский гражданин мужского пола в возрасте от семнадцати до сорока лет не будет освобожден от военной службы.

Все в один голос крикнули:

— Да!

Удовлетворенный Помпей распустил собрание и вернулся на свою виллу, где вскоре появился и Планк Бурса, которому, уходя, Помпей кивнул, приглашая его к себе.

— Надо кое-что сделать, — сказал Помпей, с удовольствием растягиваясь на кушетке.

— Все, что тебе желательно, Магн.

— Лучше послушай, что мне не желательно. Это выборы. Ты, конечно, знаком с Секстом Клелием?

— Да. Когда горел Клодий, он неплохо справлялся с толпой. Не знатен, но очень полезен.

— Ну-ну. Кажется, он заправлял для Клодия шайками на перекрестках? Теперь я хочу, чтобы он поработал и для меня.

— И?

— Мне не нужны выборы, — повторил с нажимом Помпей. — Пусть Клелий посмотрит, что тут можно сделать. Милон все еще хочет стать консулом, и, если он добьется успеха, с ним будет не сладить. А

мы совсем не хотим, чтобы в Риме истребили всех Клавдиев, так ведь, Бурса?

Планк Бурса громко прокашлялся.

— Осмелюсь посоветовать, Магн. Тебе надо бы окружить себя очень сильной и до зубов вооруженной охраной. И пустить слух, что Милон тебе угрожал. Что якобы ты боишься сделаться очередной его жертвой.

— Отличная мысль! — воскликнул довольный Помпей.

— Рано или поздно Милона осудят, — продолжил Бурса.

— Определенно. Но... не сейчас. Подождем и посмотрим, что будет, когда вхолостую сработает второй интеррекс.

К концу января закончились полномочия второго интеррекса, их взял на себя третий патриций. Волнения в Риме приобрели столь грозный размах, что даже в четверти мили от Форума все конторы и лавки были закрыты. Служащие и приказчики боялись выходить на работу, что привело к увольнениям и подлило масла в огонь. А Помпей, вроде бы обязанный заботиться о государственной безопасности, лишь разводил руками, широко раскрывая некогда голубые глаза. Да, в Риме сейчас беспокойно, но ведь революции нет. И значит, вся власть должна быть сосредоточена в руках интеррекса.

— Он метит в диктаторы, — сказал Метелл Сципион. — Он об этом не говорит, но думает, это точно.

— Этого нельзя допустить, — отрезал Катон.

— Этого и не будет, — спокойно заверил его Бибул. — Мы успокоим Помпея. А потом займемся Цезарем. Нашим настоящим врагом.

Врагом, который вдруг грубо вторгся в безоблачный мир Помпея. В последний день января тот получил из Равенны письмо.

Я только что узнал о смерти Публия Клодия, Магн. Это ужасно. Это более чем ужасно. К чему идет Рим? Ты должен незамедлительно окружить себя верной охраной. Дело дошло до крайностей, под удар подпадает любой, а ты — в первую очередь и по многим причинам, которых мне нет надобности перечислять.

Мой дорогой Магн, у меня к тебе есть три дела. Первое: как сообщают мне мои осведомители, ты уже лично просил Цицерона повлиять на Целия, заставить его перестать причинять тебе неприятности и поддерживать Милона. Я был бы благодарен тебе, если бы ты попросил Цицерона приехать в Равенну. Здесь замечательный климат, он отдохнет, поймет, что нас двое, и заставит Целия замолчать.

Второе дело достаточно деликатного свойства. Мы с тобой дружим почти восемь лет. Шесть из них ты провел в обществе нашей любимицы Юлии, но вот уже семнадцать месяцев ее нет с нами. Срок достаточный, чтобы смириться с потерей и, как бы она ни была для нас тяжела, начать устраивать дальнейшую жизнь. Может быть, пришло время подумать об укреплении наших с тобой отношений через новые брачные узы. Это лучший способ показать Риму, что мы заодно. Я уже переговорил с Луцием Пизоном. Тот будет счастлив, если я разведусь с его дочерью, выделив ей приличное состояние. Бедняжка Кальпурния полностью замкнута в женском мирке *Domus Publica* и ни с кем не видится с тех пор, как моя мать умерла. Ей следует дать возможность найти хорошего мужа, пока она молода. С возрастом женщине все труднее найти себе подходящую пару. Фабия и Долабелла тому пример.

Я понимаю, что твоя дочь Помпея несчастлива с Фаустом Суллой, особенно с тех пор, как его сестра-близнец Фауста вышла замуж за Милона. После смерти Публия Клодия Помпея вынуждена общаться с людьми, которые ей сильно не по нраву. Я бы посоветовал ей развестись с Фаустом Суллой и выйти замуж за меня. Как ты мог убедиться, я благопристойный и разумный муж при условии, что

моя жена будет вне подозрений. В дорогой Помпее есть все, чего я желал бы найти в жене.

А теперь о тебе, вдовеющем уже около полутора лет. Я очень хотел бы иметь еще одну дочь, чтобы предложить ее тебе в жены! К сожалению, второй дочери у меня нет. Есть племянница, Атия, но, когда я снесся с Филиппом, пытаюсь выяснить, как он отнесется к предложению развестись с ней, ответ был отрицательным, ибо Атия, по его мнению, — драгоценнейший перл. Если бы существовала еще одна Атия, я бы забросил свою сеть и туда, но, увы, счет моим племянницам не идет далее единицы. У нее, правда, имеется дочь от покойного Гая Октавия, но Цезарю и тут не везет. Малышке Октавии всего тринадцать. Однако Гай Октавий оставил после себя еще одну дочь от Анхарии, своей прежней жены, и эта Октавия уже вошла в брачную пору. Она из почтенного рода Октавиев из южной части Лация, а в некоторых ветвях этой семьи имелись консулы и преторы, да ты и сам о том знаешь. И Филипп, и Атия будут рады отдать эту свою родственницу тебе.

Пожалуйста, обдумай мое предложение, Магн. Ты очень нравился мне как зять! Так почему бы и мне, в свою очередь, не побыть твоим зятем? Уверен, я тоже буду неплох в этой роли.

Третье дело попроще. Мое губернаторство в обеих Галлиях и Иллирии закончится месяца за четыре до консульских выборов, на которых я намерен выставить свою кандидатуру повторно. Поскольку мы оба с тобой не раз подвергались нападкам со стороны *boni*, я не хочу давать им возможности снова пустить свою злокозненность в ход и организовать судилище, какие мои полномочия сейчас не дают им затеять. Но, пересекши римский померий, чтобы лично зарегистрировать свою кандидатуру, я автоматически лишусь этих полномочий. Цицерон так устроил, что стать

кандидатом на консула *in absentia* невозможно, а мне надобно именно это. Став консулом, я быстро развею все ложные обвинения, которые *boni* выдвинут против меня.

Тем не менее в эти четыре месяца мои полномочия нужны мне, как воздух. Магн, я слышал, ты скоро станешь диктатором, и по праву. Никто не справится с этой ролью лучше, чем ты. Фактически ты вернешь этому званию, столь опозоренному Суллой, прежний блеск. При справедливом Помпее Магне Рим свободно вздохнет, не опасаясь насилия и проскрипций! И если ты найдешь способ провести закон, позволяющий кандидатам баллотироваться *in absentia*, я буду весьма благодарен тебе.

До меня дошла копия отчета Гая Кассия Лонгина Сенату о состоянии дел в Сирии. Замечательный документ. И составлен много лучше, чем можно было бы ожидать от кого-либо из Кассиев, кроме Кассия Равиллы, конечно. Финал похода бедного Марка Красса в Артаксату описан с душераздирающей прямоотой.

Будь здоров, дорогой Магн, поторопись с ответом. Знай, что я, как и прежде, твой самый преданный друг.

Цезарь.

Помпей отложил письмо в сторону и трясущимися руками закрыл лицо. Нет, как он смеет?! Кем он себя считает, предлагая ему, человеку, который имел трех жен самого высокого рождения в Риме, какое-то ничтожество, существо, перед которым Антистия просто верх благородства? О, Магн, у меня нет второй дочери, а Филипп — о боги, Филипп! — не разведется с моей племянницей ради тебя, но моя собака однажды помочилась в твоём дворе, так почему бы тебе не жениться на этой Октавии? В конце концов, она справляет нужду в той же уборной, что и женщины из рода Юлиев!

Он скрипнул зубами, нервно сжал кулаки. Потом разжал их и снова сжал, и через какое-то время до слуха его домочадцев донеслись звуки,

которые все безошибочно опознали. И пришли в ужас, ибо при Юлии никогда не слышали их. Знаменитый приступ гнева у Помпея. Все металлическое в его кабинете будет покорежено, смято. От сосудов останутся лишь черепки, от одежды — жалкие лоскуты. Будет кровь, будут клочья волос на полу. О боги! Что же произошло? Что написал ему Цезарь?

После того как вспышка угасла, Помпею сделалось легче. Он сел за стол, залитый чернилами, нашел перо, целый листок бумаги и набросал черновик ответа. «Извини, старина, я тоже тебя люблю, но в обозримом будущем жениться не собираюсь. Впрочем, если и соберусь, то у меня на примете другая невеста, а Помпея счастлива с Фаустом Суллой. Сочувствую твоей проблеме с Кальпурнией, но помочь ничем не могу, зато с удовольствием пошлю Цицерона в Равенну. К тебе он прислушается, куда ему деться? Ведь всем своим богатством он обязан тебе. А я в его счете — всего лишь Помпей из галльских гнездовий Пицена. Постараюсь помочь насчет маленького закона *in absentia*. Сделаю, как только представится возможность, будь уверен. Будет здорово, если смогу убедить всех десятерых плебейских трибунов, а?»

Кровь ручейком текла по лицу. Хлопнув в ладоши, Помпей вызвал слугу.

— Убери здесь! — приказал он, не глядя на потупившегося Дориска, которого никогда не называл по имени. — И кликни секретаря. Пусть снимет копию с этой бумаги.

* * *

В самом начале февраля Брут вернулся из Киликии в Рим и, конечно, прежде всего навестил свою мать Сервилию и свою жену Клавдию. Правда, сама Клавдия интересовала его очень мало. Он предпочитал общество ее отца, однако у Брута и Скаптия вдруг завернулись в Киликии такие дела, что он твердо решил отклонить предложение Аппия Клавдия остаться у него квестором еще на один срок. Поскольку гнусный подлец Авл Габиний провел закон, по которому римлянам стало весьма затруднительно давать деньги в рост провинциалам-негражданам, отныне место Брута в Риме. Теперь он — сенатор, и по крайней мере половину Палаты составляют его

родственники, так что ему не составит труда провести с их поддержкой декрет, выводящий фирму «Матиний и Скаптий» из-под удара. Фирма эта на бумаге являлась старой доброй компанией ростовщиков и финансистов, хотя более точным ее названием было бы «Брут и Брут». Сенаторам не разрешалось вести дела, не относящиеся к землевладению. Пустяк, который многие хитроумцы обходили с достаточной легкостью, и виртуозом в этой области слыл покойный Марк Лициний Красс. Но Рим просто ахнул бы, узнав, что молодой Марк Юний Брут мог бы дать ему фору. Благодаря усыновлению по завещанию Квинта Сервилия Цепиона молодой Марк Юний Брут был наследником золота Толозы. Впрочем, золота этого уже добрых полвека не было и в помине, оно полностью ушло на покупку коммерческой империи, ставшей наследством единственного кровного брата Сервилия. Он умер без наследника по мужской линии пятнадцать лет назад, и все досталось Бруту.

В отличие от злосчастного Красса Брут, как и Цезарь, любил не столько деньги, сколько то, что они могли ему дать. Власть, например. Все его помыслы были устремлены только к власти, что вполне извинительно для человека, чья блистательная родословная никак не делала его центром великолепия. Ибо Брут не был ни красивым, ни рослым, ни красноречивым и не обладал иными талантами, способными очаровать пресыщенный Рим. Вдобавок к этому ужасные прыщи, так уродовавшие его в юности, с возрастом не пропали. Бедная кожа его лица не выносила бритвы, и там, где все были тщательно выбриты, он скучнел и страдал. Брут пытался стричь бороду покороче, но тогда его внешность делалась совсем уж карикатурной. Скопище чирьев, угрей и — под тяжелыми веками — большие карие, всегда печальные глаза. Зная об этом и ненавидя все это, он старался избегать ситуаций, где его бы подстерегали насмешки, жалость или сарказм. В результате Сервилия, сострадая своему отпрыску, добилась для него освобождения от воинской службы. Правда, на Форуме он все-таки появлялся, чтобы быть в курсе событий. От этого он не мог отказаться. Все же он был Юнием Брутом, прослеживающим свою родословную до основателя Римской республики Луция Юния Брута, а через мать — до Гая Сервилия Ахалы, убившего Мелия, который пытался реставрировать монархию в Риме.

Первые тридцать лет его жизни были потрачены на ожидание. Сенат и консульство — вот что манило до дрожи в руках. В Сенате уютно, там не смотрят на внешность. Там в цене почтенные предки, семейные связи и капитал. Власть принесет то, чего ему не могут дать ни лицо, ни тело, ни интеллект, сравнимый по глубине с пенкой на овечьем молоке. Но он не глуп. Отнюдь не глуп, невзирая на свое имя. Основатель республики пережил тиранию последнего царя Рима, притворяясь глупцом. Это весьма важный нюанс. По крайней мере, для потомка прославленного тупицы. Он горд своим именем — Брут, то есть «тупой, бессмысленный, глупый».

К своей жене он не чувствовал ничего, даже отвращения. Клавдия была хорошей малышкой, очень нетребовательной и спокойной. Каким-то образом она отыскала свою нишу в доме, которым заправляла свекровь с хладнокровием и жестокостью полководца, беспощадного и к своим, и к чужим. К счастью, дом был довольно большим, и Клавдии выделили в нем собственную гостиную, где хорошо разместились ткацкий станок, прялка, горшочки с красками и дорогая ее сердцу коллекция кукол. Поскольку Клавдия обладала поистине золотыми руками, даже Сервилия не могла не признать этот факт и снисходительно позволяла невестке время от времени подносить ей образчики своего рукоделия, особенно ценя сотканное полотно для ее платьев. Но Клавдия также мастерски расписывала тарелки и отсылала их для глазировки на Велабр. Покрытые птицами, бабочками и цветами, эти подарочные наборы весьма выручали Клавдию Пульхру, у которой было так много тетушек, дядюшек, кузин, племянников и племянниц и совсем маленький кошелек.

К сожалению, она была очень застенчива, а из Киликии возвратился фактически незнакомый ей человек, ибо Брут уехал почти сразу после свадьбы, так что Клавдия сочла неправомерным отвлекать его от общения с матерью. Их, конечно, могли бы сблизить совместные ночи, но он к ней все не шел, отчего ее подушки под утро промокали от слез, а за столом Сервилия не давала ей шанса вставить в беседу хоть слово, даже если бы вдруг оно у нее и нашлось.

Вследствие всего этого мать бесцеремонно и безраздельно завладевала вниманием сына всякий раз, когда тот приходил в ее дом. Собственно, в свой дом, хотя он никогда таковым его не считал.

Сервилии уже стукнуло пятьдесят два, но ее роскошное тело оставалось по-девичьи стройным, и ее талия отнюдь не свидетельствовала о том, что она четырежды родила. Длинные пышные волосы были по-прежнему черны и густы, а на лице стали резкими только две линии, спускавшиеся от крыльев носа к уголкам маленького, надменного рта. Но лоб оставался гладким, а кожа под подбородком была туго натянута на зависть другим женщинам. Цезарь, пожалуй, не нашел бы в ней перемен.

Он все еще управлял ее жизнью, хотя она даже внутренне этого не признавала. Но иногда до боли хотела его, корчась в приступах неутолимой, иссушающей жажды. А иногда проклинала, обычно когда писала ему свои редкие письма. Или когда кто-то при ней упоминал его имя. А в последние дни это случалось все чаще. О Цезаре говорили. Цезарь был знаменит. Цезарь был героем и человеком, не стесненным общественными условностями, которые Сервилия, подобно Клодии и Клодилле, считала направленными на подавление личности, но преступить никогда не решалась. А они преступали. Легко, каждый день. И в то время как Клодия прогуливалась с притворной скромностью по берегу Тибра напротив Тригариума, где купались мужчины, в ожидании, когда посланная ею шлюпка отловит для нее очередного отзывчивого и нагого красавца, Сервилия одиноко сидела среди затхлых бухгалтерских книг, строила тайные планы, злилась и жаждала действий.

А единственный сын, возвратившись, лишь усугубил эту боль. О, невозможный! Он так и не похорошел, не окреп и не вышел из-под влияния ее сводного брата. Если на то пошло, Брут стал даже хуже. В тридцать лет у него появилась нервная суетливость, слишком болезненно напоминавшая Сервилиии дурно воспитанного выскочку из Арпина, Марка Туллия Цицерона. Кроме того, человек в тоге должен вышагивать медленно, с развернутыми плечами. А Брут ходил быстро, бочком, семенил. Плюгавый педант, недомерок. Сервилиии делалось стыдно за сына, и перед ее внутренним взором вдруг появлялся Гай Юлий Цезарь, такой высокий, осанистый, такой бесстыдно красивый, излучающий силу, что она раздражалась на Брута и прогоняла его искать утешения у этого страшного потомка раба, Катона.

Счастливым это семейство назвать было трудно, и через три-четыре дня Брут стал бывать дома все меньше и меньше.

Очень не хотелось платить такие деньги за охрану, но один взгляд на Форум и последующая беседа с Бибулом заставили его раскошелиться. Что делать, когда даже неустрашимый Катон, которому не раз ломали в стычках одну и ту же руку, теперь без телохранителей никуда не совался.

— Настало время бывших гладиаторов, — истошно вопил Катон. — Они вертят нами. В рыночный день хороший охранник стоит пятьсот сестерциев. А к тому же им нужно время на отдых. Я завишу от слабоумных, но мускулистых солдат, которые объедают меня и диктуют, когда мне идти на собрание!

— Я не понимаю, — сказал, морщась, Брут. — Если у нас действует военный закон, за исполнение которого отвечает Помпей, то почему волнения не прекратились? Что для этого делается?

— Совсем ничего.

— Почему?

— Потому что Помпей метит в диктаторы.

— Это меня не удивляет. Он стремится к абсолютной власти с тех пор, как без суда казнил моего отца. И бедного Карбона, которому перед казнью даже не разрешили уединиться, чтобы освободить кишечник. Помпей — дикарь.

Страшно изменившаяся внешность Катона ошеломила Брута. Ведь он был моложе Катона всего на одиннадцать лет. Катон никогда не казался ему дядей, скорее старшим братом, умным, храбрым и безоглядно уверенным в своих силах. Конечно, в детстве и юности Брута они не знали. Сервилия не разрешала им водить дружбу. Все изменилось с того дня, когда Цезарь пришел к ним в регалиях великого понтифика и спокойно объявил, что разрывает помолвку Юлии с Брутом, чтобы выдать дочь замуж за человека, убившего отца Брута. Потому что ему, Цезарю, нужен Помпей.

В тот день сердце Брута разбилось и больше уже не срослось. О, как он любил Юлию! Как терпеливо ждал, когда она подрастет! А потом вынужден был смотреть, как она идет к человеку, недостойному отирать с ее туфель пыль. Но со временем она должна была это понять. Брут опять приготовился ждать. А она умерла. Он месяцами не видел ее, а она ушла из жизни. Но ему верилось, что где-то в другом времени они опять встретятся и она все же полюбит его. После ее смерти он с головой ушел в Платона, самого духовного и самого

чуткого из всех философов. Пока Юлия не умерла, он этого не сознавал.

А теперь, с изумлением глядя на родича, Брут, как никто, ощущал, через что тот прошел. Он видел перед собой человека, чья любовь ушла к кому-то другому, человека, который не знал, как разлюбить. Жалость, охватившая Брута, заставила его склонить голову. «О, дядюшка, — хотел он крикнуть, — я понимаю тебя! Мы с тобой — потаенные близнецы, мы оба не можем найти вход в сад покоя. Интересно, будем ли мы и в момент смерти думать о них? Ты — о Марции, я — о Юлии. Уйдет ли когда-нибудь эта боль?»

Но ничего этого он не сказал, а только смотрел на складки тоги, пока не ушли слезы. Он сглотнул ком, подкатившийся к горлу, и еле слышно проговорил:

— Что же дальше будет?

— Одного не будет, Брут. Помпей никогда не станет диктатором. Я скорее проткну свое сердце мечом посреди Форума. Для таких, как Помпей... или Цезарь, неважно... места в Римской республике нет. Они хотят быть выше других, они хотят превратить нас в пигмеев, прячущихся в их тени, они хотят по могуществу встать вровень с Юпитером. Чтобы свободные римляне поклонялись им, как богам. Но только не я! Скорее я умру. И я не шучу, — сказал Катон.

Брут снова сглотнул.

— Я тебе верю. Но если мы не способны справиться с этой напастью, можем ли мы хотя бы понять, откуда она берется, эта беда? Ее ощущение сопровождает меня всю мою жизнь, а сейчас оно крепнет.

— Все началось с братьев Гракхов, особенно с Гая. Потом были Марий, Цинна с Карбоном, Сулла, а теперь вот — Помпей. Но я боюсь не Помпея, Брут. И никогда его не боялся. Я боюсь Цезаря. Да.

— Я не знал Суллу, но, по слухам, Цезарь очень похож на него, — медленно проговорил Брут.

— Вот именно, — сказал Катон. — Сулла. Нам страшен лишь тот, кто выше нас по рождению. Поэтому в свое время никто не боялся Мария, а сейчас никто не боится Помпея. Нас устрашают высокородные. Мы не можем искоренить этот страх. Разве что поступить так, как мой прадед Цензор справился со Сципионом Африканским и Сципионом Азиагеном. Сбить с них спесь!

— Но я слышал от Бибула, что *boni* обхаживают Помпея.

— О да. И я это одобряю. Если хочешь поймать царя воров, Брут, сделай приманкой их принца. А мы используем Помпея, чтобы свалить Цезаря.

— Я еще слышал, что Порция выходит замуж за Бибула.

— Да, это так.

— Мне можно увидаться с ней?

Катон кивнул, теряя интерес к разговору. Рука его потянулась к графину с вином, стоявшему на столе.

— Она в своей комнате.

Брут поднялся и покинул кабинет через дверь, выходящую в небольшой, строгого вида внутренний сад. Дорические колонны. Ни бассейна, ни фонтана. Стены без фресок и картин. По одной стороне перистилия шли комнаты Катона, Афенодора Кордилиона и Статилла, по другой — комнаты Порции и ее младшего брата Марка. Далее помещались ванная комната, отхожее место и кухня. В самом дальнем конце находились комнаты слуг.

Последний раз он виделся с Порцией до отъезда с Катоном на Кипр. Это было шесть лет назад. Отец не поощрял встреч дочери с теми, кто к нему ходит. Брут попытался представить себе тоненькую, долговязую девочку, но тут же махнул на это рукой. Зачем? Сейчас он снова ее увидит.

Комната была маленькая и поразительно неопрятная. Свитки, книги, бумаги везде, где только можно. Никакого намека на порядок. Кузина сидела, склонившись над книгой и бормоча что-то себе под нос.

— Порция?

Она подняла голову, ахнула, неуклюже вскочила. Листы полетели на пол. Упала чернильница. Четыре свитка, скатившись со стола, забились в какую-то щель. Это было убежище стоика — угнетающе простое, леденяще холодное, абсолютно не женское. Без ткацкого станка, рукоделий и безделушек.

Но и сама Порция не казалась особенно женственной, хотя в холодности ее нельзя было упрекнуть. Очень высокая! Ростом с Цезаря, подумал Брут, склоняя голову набок. Копна огненно-рыжих волос в мелких кудряшках, бледная, совершенно чистая кожа, ясные серые глаза и не уступающий отцовскому нос.

— Брут! Дорогой, дорогой Брут! — вскричала она, стискивая его в столь горячих объятиях, что он задохнулся и потерял контакт с

полом. — О, отец говорит, что любить тех, кто хорош и к тому же родственник, — весьма правильно, так что я могу выказать тебе свои чувства! Входи же, входи!

Снова ощутив под ногами пол, Брут смотрел, как его кузина с трудом пробирается по заваленной комнатенке, скидывает со старого кресла груды свитков и книг, потом ищет тряпку и обмахивает ею сиденье, чтобы на тоге гостя не осталось пыльных разводов. И постепенно в уголке его всегда скорбного рта стала появляться улыбка. Она же... ну просто вылитый слон! Хотя не толстая и даже не пышная. Узкие бедра, широкие плечи, плоская грудь. Одета во что-то отвратительное, что Сервилия назвала бы холщовой палаткой.

И все же, решил он к тому времени, как им обоим удалось устроиться в креслах, облик Порции его вовсе не удручал. Несмотря на мужскую фигуру, она не казалась мужеподобной. И была полна жизни, что придавало ей странную привлекательность, которую после первого потрясения оценят, конечно же, весьма многие из мужчин. Волосы фантастические... как и глаза. И рот очень славный, его так и хочется поцеловать.

Порция громко вздохнула, хлопнула себя по коленям (широко расставленным, что ничуть ее не смущало) и посмотрела на него, сияя от удовольствия.

— О, Брут! Ты несколько не изменился!

Выглядел он плоховато, но здесь это не имело значения. Для Порции Брут был тем, кем всегда был. Очень странно воспитанная, с шестилетнего возраста лишенная матери и с тех пор не знавшая женской руки (кроме двухлетнего сосуществования с Марцией, которая ее просто не замечала), эта девушка не имела затверженных представлений о красоте, равно как и об уродстве и о прочих абстрактных понятиях. Брут — ее горячо любимый двоюродный брат, поэтому он красив. Любой любитель греческой философии согласится с таким рассуждением.

— Ты выросла, — заметил он и вдруг осознал, как это звучит.

Брут, думай, что говоришь! Она ведь, как и ты сам, несуразная шутка природы!

Но конечно, она все моментально поняла. И издала то же ржание, что вырывалось из горла Катона в минуты веселья, так же, как он,

показывая большие, немного выдвинутые вперед зубы. И голос ее был похож на голос отца — резкий, громкий, ужасно немелодичный.

— Отец говорит, я скоро проткну потолок! Я даже чуть выше его, хотя он тоже дылда. Должна заметить, — сквозь ржание проговорила она, — мне очень нравится быть такой высокой. Это придает мне авторитета. Странно, что люди заискивают перед теми, кто их выше, не правда ли? Тем не менее это так.

В голове Брута стала вырисовываться фантастическая картина: маленький седоватый Бибул пытается покрыть этот огненный столб. Приходит ли ему в голову мысль об их полнейшей несопрягаемости?

— Твой отец сказал мне, что ты выходишь замуж за Бибула.

— О да, это замечательно, правда?

— Ты рада?

Красивые серые глаза сузились скорее от удивления, чем от гнева.

— А почему я должна быть не рада?

— Ну... он намного старше тебя.

— На тридцать два года, — уточнила она.

— Не слишком ли? — осторожно спросил Брут.

— Не имеет значения, — отрезала Порция.

— И... и тебя не смущает, что он на целый фут короче тебя?

— Тоже не имеет значения, — повторила она.

— Ты любишь его?

«А уж это-то не имеет значения гораздо больше, чем все остальное», — могла бы сказать она, но не сказала.

— Я люблю всех хороших людей, а Бибул из таких. Я с нетерпением жду нашей свадьбы. Правда-правда. Вообрази только, Брут! У меня будет комната гораздо просторней, чем эта!

«Боже, — подумал он, ошеломленный, — она так и не повзрослела! Она вообще не имеет понятия, что такое брак!»

— И тебе все равно, что у Бибула уже есть три сына? — спросил он.

Снова веселое ржание.

— Зато у него нет дочерей! — ответила она, отсмеявшись. — Я не умею ладить с девочками, они такие глупышки. Двое старших, Марк и Гней, замечательные ребята. А маленький Луций — о, он меня вообще покори! Мы чудесно проводим время. У него восхитительные игрушки!

Брут шел домой, тревожась за Порцию, но когда он попытался поговорить о ней с матерью, то получил короткую отповедь.

— Полная идиотка! — отрезала та. — А чего ты хотел? Ее воспитывал пьяница с выводком олухов-греков! Они начинили ее презрением к хорошему платью, хорошим манерам, хорошей еде и хорошей беседе. Она ходит в волосяной рубашке, голова ее забита Аристотелем. Мне жаль Бибула.

— Не трать зря свое сочувствие, мама, — сказал Брут, знавший теперь, как ей досадить. — Бибулу очень нравится Порция. Он получит неопределимую награду — девушку, которая абсолютно чиста и непорочна!

— Тьфу! — плюнула Сервилия. — Тьфу!

Волнения в Риме не утихали. Прошел февраль, короткий месяц, потом наступил мерседоний — те двадцать два дня, что были внесены в календарь коллегией понтификов по настоянию Помпея. Через каждые пять дней новый интеррекс вступал в должность и пытался организовать выборы, однако безуспешно. Все жаловались, но жалобы ни на что не влияли. Изредка Помпей демонстрировал всем, что, когда он хочет, чтобы что-то было сделано, это делается, как, например, с его законом десяти плебейских трибунов. Принятый в середине февраля, этот закон позволил Цезарю зарегистрировать свою кандидатуру на консула *in absentia*. Цезарь мог быть спокоен.

Милон продолжал собирать голоса в свою поддержку на консульских выборах, но в массах усиливалось брожение. Его нагнетали два младших Клавдия, требующих суда над Милоном за убийство их родственника Публия, которое, по их мнению, было доказано тем, что Милон освободил участвовавших в роковой стычке рабов и помог им бесследно исчезнуть. К сожалению, на Целия больше нельзя было опираться: Цицерон, вернувшийся из Равенны, заставил его замолчать, Нехороший знак для озабоченного Милона.

Помпей тоже был озабочен. Сенатская оппозиция против его назначения на пост диктатора набирала силу.

— Ты — один из самых выдающихся *boni*, — говорил Помпей Метеллу Сципиону, — и я знаю, что ты не против того, чтобы я стал диктатором. Учти, сам я этой должности не хочу! Но меня удивляет другое. Не могу понять, почему Катон и Бибул этого не хотят. Или

Луций Агенобарб. Или кто-то еще. Не лучше ли любой ценой добиться стабильности в Риме?

— Почти любой, — осторожно поправил Метелл Сципион.

Он выполнял миссию, произнося свою речь, которую часами репетировал с Катонем и Бибулом. Но намерения его самого не были такими чистыми, как полагали Катон и Бибул. Метелл Сципион был еще одним озабоченным человеком.

— Что значит «почти»? — сердито спросил Помпей.

— На этот вопрос есть ответ, и я послан, чтобы дать его тебе, Магн.

Чудо произошло! Метелл Сципион назвал его Магном! О радость! О сладость победы! Помпей поневоле заулыбался.

— Тогда ответь мне, Сципион.

Да, отныне лишь Сципион, не Метелл.

— Что, если Сенат согласится сделать тебя консулом без коллеги?

— Ты хочешь сказать, единственным консулом? Без младшего консула?

— Да. — Хмурясь в попытках вспомнить, что ему велено передать, Метелл Сципион продолжил: — Почему все стоят против диктатуры? Из-за неуязвимости диктатора, Магн. Его нельзя впоследствии привлечь к ответственности за все его действия. А после Суллы диктатуры не хочет никто. Возражают не только *boni*, но и всадники восемнадцати старших центурий, поверь. Они пострадали гораздо больше других. Сулла внес в проскрипции тысячу шестьсот всадников, и все погибли.

— Но я-то вовсе не собираюсь вносить кого-либо в проскрипции, — удивленно сказал Помпей.

— Для меня это очевидно. К сожалению, многие со мной не согласны.

— Почему? Я ведь не Сулла!

— Да, я это понимаю. Но существуют люди, убежденные, что не человек играет какую-то роль, а роль всецело им управляет. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— О да. Любой сделавшийся диктатором должен свихнуться от власти.

Метелл Сципион откинулся в кресле.

— Вот именно.

— Но я не такой человек, Сципион.

— Я знаю, я знаю! Не кори меня, Магн! Всадники всех центурий не хотят иметь над собой очередного диктатора в той же степени, что и Катон с Бибулом. При одном слове «проскрипция» люди белеют от страха.

— В то же время, — задумчиво проговорил Помпей, — единственный консул так или иначе ограничен в своих действиях системой законов. И потом его могут призвать к суду.

По инструкции следующий комментарий следовало высказать словно бы вскользь, как само собой разумеющийся пустяк, и Метелл Сципион отлично справился с этим.

— Для тебя, Магн, это не имеет значения. Ты ведь не сделаешь ничего, за что человека можно призвать к ответу.

— Это правда, — просиял Помпей.

— Кроме того, консульство без коллеги — очень неординарная вещь, случавшаяся весьма редко. Например, когда кто-то из консулов умирал, а знамения не благоприятствовали выборам нового консула ему на замену. Так было с Квинтом Марцием Рексом.

— И в год консульства Юлия с Цезарем! — засмеялся Помпей.

Поскольку коллегой Цезаря тогда избрали Бибула, а тот отказался служить вместе с тем, кто был ему неприятен, это замечание не понравилось Метеллу Сципиону. Но он стерпел, промолчал. Потом кашлянул и продолжил:

— Можно сказать, что единоличное консульство — это самое необычное из всех сделанных когда-либо тебе предложений.

— Ты и вправду так думаешь? — оживился Помпей.

— О да. Несомненно.

— Тогда почему бы и нет? — Помпей протянул правую руку. — Договорились, Сципион. Я согласен!

Рукопожатие, и Метелл Сципион быстро встал, испытывая огромное облегчение. Миссия выполнена, Бибул будет доволен. А теперь надо поскорее уйти, прежде чем Помпей задаст какой-нибудь новый вопрос, которого нет в затверженном списке.

— Что-то ты не выглядишь особенно радостным, Сципион, — сказал Помпей, двигаясь за ним к двери.

Что ответить на это? Попросту промолчать? Ведь возможен подвох. Может, отделаться незначашей фразой? Метелл Сципион

хмурился, напрягая мозги, но потом решил, что следует быть откровенным.

— Есть причины, — сознался он.

— В чем же дело?

— Планк Бурса всем говорит, что намерен привлечь меня к суду за взятки в период моего консульства.

— Неужели?

— Боюсь, это так.

— О боги! — воскликнул Помпей с преувеличенным беспокойством. — Нет, мы этого не допустим! Если я стану единственным консулом, Сципион, все уладится, и очень скоро.

— Это правда?

— С легкостью, уверяю тебя! У меня наберется немного грязи, которая его запачкает. Полагаю, ты знаешь, что я имею в виду.

Огромный груз упал с плеч Метелла Сципиона.

— Магн, я буду твоим другом навеки!

— Хорошо, — сказал довольный Помпей, открывая входную дверь. — Кстати, Сципион, может быть, ты придешь завтра ко мне отобедать?

— С удовольствием.

— А малышка Корнелия не захочет составить тебе компанию?

— Думаю, с радостью. Да.

Помпей закрыл дверь за посетителем и медленно прошел в кабинет. Как полезно иметь ручного плебейского трибуна, когда никто не подозревает, что он приручен! Планк Бурса стоит каждого сестерция, потраченного на него. Отличный человек! Просто отличный!

Перед его глазами возник образ Корнелии Метеллы. Он подавил вздох. Она не Юлия. И действительно схожа с верблюдом. Но это не значит, что она некрасива. Просто очень заносчива! И без умолку трещит. Если в устах ее не Зенон или Эпикур (философию которых она не одобряет), то обязательно Платон или Фукидид. Презренные мимы, фарсы, даже комедии Аристофана. Да... она подойдет. Не то чтобы он намерен просить ее руки. Метелл Сципион сам все устроит. Что хорошо для таких, как Юлий Цезарь, хорошо и для таких, как Метелл Сципион.

Цезарь. У него, видите ли, нет второй дочери или племянницы. О, этот умник мнит о себе слишком много! А консул без коллеги — как раз

тот человек, что может сбить с него спесь. Цезарь получил нужный ему закон десяти плебейских трибунов, но это не значит, что жизнь его будет гладкой. Закон можно аннулировать. Или заменить другим. Но на данный момент пусть Цезарь считает, что ему теперь ничто не грозит. Да. Пусть считает.

На восемнадцатый день мерцедония Бибул внес в Палате, собравшейся на Марсовом поле, предложение зарегистрировать Гнея Помпея Магна кандидатом на должность консула, но без коллеги. Интеррексом в тот раз был знаменитый юрист Сервий Сульпиций Руф. Он вслушивался в поднявшийся гомон с серьезностью и достоинством, подобающими такому выдающемуся человеку.

— Это абсолютно неконституционно! — закричал Целий, не потрудившись даже привстать. — Что значит консульство без коллеги? Где это видано? Тогда почему бы просто не сделать Помпея диктатором — и все дела!

— Любой вид законного правления предпочтительнее отсутствия правительства вообще, — возразил Катон. — Я одобряю внесенное предложение.

— Я призываю собравшихся разделиться, — сказал Сервий Руф. — Кто за то, чтобы разрешить Гнею Помпею Магну выставить свою кандидатуру на должность консула без коллеги, встаньте, пожалуйста, от меня по правую руку. Кто против, прошу занять место слева.

Среди немногих, кто встал слева от Руфа, был Брут, впервые присутствовавший на подобном собрании.

— Я не могу голосовать за человека, убившего моего отца, — громко заявил он и вскинул голову.

— Очень хорошо, — сказал Сервий Руф, оглядывая сенаторов. — Я начинаю созыв центурий для выборов.

— Стоит ли беспокоиться? — выкрикнул стоявший слева Милон. — Разве у нас есть еще кандидаты?

Сервий Руф поднял брови.

— Конечно, нет, Тит Анний.

— Тогда зачем тратить время, деньги, зачем тащиться куда-то голосовать? — с горьким сарказмом продолжил Милон. — Ведь результат нам известен.

— Я не приму назначения по решению одного лишь Сената, — возразил веско Помпей. — Пусть пройдут выборы.

— Но существует закон *lex Annalis*! — выкрикнул Целий. — Закон, гласящий, что человек не может баллотироваться в консулы, если со времени его последнего консульства не прошло десяти лет. Помпей вторично был консулом всего лишь два года назад.

— Правильно, — подхватил Сервий Руф. — Почтенные отцы, поступило предложение. Палата должна рекомендовать Трибутному собранию принять *lex Caelia*. Закон, позволяющий Гнею Помпею Магну баллотироваться в консулы. Прошу голосовать.

И Целий был побит его же оружием.

К началу марта Помпей Великий стал единолично правящим консулом, и все завертелось. В Капуе стоял легион, предназначенный для Сирии. Помпей отозвал его в Рим, чтобы прекратить уличные войны. Все решилось без лишних усилий. Как только центурии избрали Помпея, Секст Клелий придержал своих псов, требуя за то щедрого вознаграждения. Ему с удовольствием заплатили.

Были проведены и другие выборы. Марк Антоний сделался квестором Цезаря. Избрали и преторов, наконец-то открывших суды. Начались разбирательства дел, накопившихся за пять месяцев вынужденного безвременья. Так что таких людей, как экс-губернатор Сирии Авл Габиний, который был оправдан ранее по обвинению в измене, но не сумел снять с себя обвинения в вымогательстве, без проволочек потянули к ответу.

Габинию было поручено восстановить на троне Птолемея Авлета Египетского, свергнутого разгневанными александрийцами. Скорее, даже не поручено, а предложено, и он просто воспользовался удобным моментом. Поговаривали, что за десять тысяч талантов серебром. Может быть, ему что-то такое и обещали, но на деле он ничего не получил. Однако суд не принял это во внимание. После малоубедительного выступления Цицерона Габиния обвинили и назначили штраф в десять тысяч талантов. Не в состоянии заплатить и десятой доли такой огромной суммы, Габиний отправился в ссылку.

Но Гая Рабирию Постума, маленького банкира, реорганизовавшего при восстановленном Птолемеи финансовую систему Египта, Цицерон защитил успешно. Рабрию Постуму было поручено выжать деньги из

Птолемея Авлета, который был должен некоторым римским сенаторам за оказанные услуги (Габиний был одним из них) и римским ростовщикам за ощутимую поддержку во время ссылки. Возвратившись в Рим без единого сестерция, Рабирий Постум занял у Цезаря изрядную сумму и поправил свои дела. Его оправдали, поскольку защитительная речь Цицерона была столь же насыщена убедительными фактами, как и его же обвинительная речь против Гая Вереса несколько лет назад, и теперь Рабирий Постум мог целиком посвятить себя Цезарю и отстаиванию его интересов.

Размолвка между Цицероном и Аттиком, разумеется, длилась недолго. Они вновь сошлись, переписывались, когда Аттик уезжал по делам, и встречались всякий раз, когда им предоставлялась такая возможность. В Риме или в каких-то других городах.

— Целый шквал законов, — мрачно сказал Аттик, недолюбливавший Помпея.

— Некоторые из них никому не нравятся, — заметил Цицерон. — Даже бедный старый Гортензий сопротивлялся, как мог. Не удивляет, что против них ополчились и Бибул, и Катон. Удивительно то, что они-то и предложили сделать Магна единовластным консулом Рима.

— Возможно, — задумчиво произнес Аттик, — они опасались, что Помпей захватит власть незаконно. Как в свое время Сулла.

— Ну, во всяком случае, — просиял Цицерон, — мы вместе с Целием устроим все так, что главным виновникам этого фарса придется несладко. Как только Планк Бурса и Помпей Руф выйдут из состава плебейских трибунов, мы обвиним их в разжигании беспорядков. Поскольку Магн записал на таблицах новый закон о насилии, мы обернем его в нашу пользу.

— Я знаю одного человека, которому не понравится то, что сейчас у нас происходит, — сказал Аттик словно бы вскользь.

— Ты имеешь в виду Цезаря? — широко улыбнулся Цицерон. — О, это замечательный ход! За него я готов целовать Магну руки и ноги!

Но Аттик, мыслящий более трезво, покачал головой.

— И вовсе не замечательный, — возразил он сурово. — Все мы, возможно, однажды поплатимся за него. Если Помпей не хотел, чтобы Цезарю было дозволено баллотироваться *in absentia*, почему он тогда настроил десять плебейских трибунов провести разрешающий это

закон? А теперь он проводит новый закон, запрещающий регистрировать кандидатов без явки. Без какой-либо оглядки на Цезаря.

— Хм! Неудивительно, что сторонники Цезаря подняли жуткий крик.

Поскольку Аттик и сам кричал, он чуть было не ответил на замечание колкостью, но прикусил язык. Что толку? Ни один, даже самый красноречивый оратор не смог бы убедить Цицерона взглянуть на вещи с позиции Цезаря. Особенно после истории с Катилиной. Цицерон обладал твердолобостью селянина и если имел зуб на кого-то, то уже навсегда.

— Ну хорошо, — сказал со вздохом Аттик. — Кричат на Форуме все. Каждый лоббирует свои интересы. Но дать Цезарю привилегию, а потом о ней словно бы забыть, — это позорный поступок! Коварный удар, нанесенный исподтишка. Мне бы Магн понравился больше, если бы он пожал плечами и сказал: «Но Цезарь пусть баллотируется!» У него слишком раздутое самомнение при избыточной власти. И власть эту он использует неумно. Да умно он никогда и не поступал. Вспомни, это ведь он — в свои двадцать два! — вел три легиона по Фламиниевой дороге, поддерживая тирана Суллу. Помпей с тех пор не переменялся. Он просто стал старше, жирней и хитрей.

— Хитрость необходима, — упрямо сказал Цицерон, всегда стоявший за Помпея.

— При условии, что она приведет к результатам. Цицерон, я не верю, что Цезарь согласится на роль беззащитной мишени. У него в одном мизинце хитрости больше, чем у Помпея во всем теле, однако он очень рационально оперирует ею. Беда Цезаря в том, что он самый прямой человек из всех, кого я знаю, и никогда не хитрит без нужды. А Помпей плетет сеть всегда, и особенно когда хочет кого-нибудь облапошить. Да, он хорошо вяжет ниточки. Но все равно это сеть. А Цезарь плетет гобелен. Я еще не знаю, каким будет рисунок, но я его опасаясь. И не по тем же причинам, что ты.

— Чепуха! — выкрикнул Цицерон.

Аттик закрыл глаза, вздохнул.

— Похоже, Милон все-таки будут судить. Чью сторону ты возьмешь? — спросил он.

— Сторону невиновного.

— Но Магн вряд ли захочет, чтобы Милон был оправдан.

— Не думаю, что его это дело волнует.

— Цицерон, перестань! Конечно волнует! Ты должен понять, что Милоном манипулировал именно он!

— Я так не думаю.

— Ну, как хочешь. Ты будешь его защищать?

— Даже парфяне с армянами, вместе взятые, не остановят меня! — объявил Цицерон.

Суд над Милоном состоялся в самом конце зимы, что по календарю (с учетом вставленных двадцати двух дней) приходилось на начало апреля. В председательском кресле сидел консуляр Луций Домиций Агенобарб, обвинителями являлись два молодых Аппия Клавдия, им помогали два патриция из Валериев (Непот и Леон) и старый Геренний Бальб. Защита была внушительной: Гортензий, Марк Клавдий Марцелл (из Клавдиев-плебеев, а не из рода Клодия), Марк Калидий, Катон, Цицерон и Фауст Сулла, шурин Милона. Гай Луцилий Гирр, будучи двоюродным братом Помпея, заколебался и в этот состав не вошел. Брут предложил свою помощь в качестве консультанта.

Помпей очень тщательно продумал, как обставить этот важный процесс, проводимый в соответствии с новыми, утвержденными им законами о насилии (обвинять Милона в убийстве было нельзя, ибо самого убийства никто не видел). В рутину судебного разбирательства было введено несколько новых правил. Например, состав присяжных не будет определен до последнего дня работы суда — в этом случае на подкуп присяжных просто не будет времени, — а в последний день Помпей лично вытянет жребии. Из восьмидесяти одного кандидата в присяжные останется пятьдесят один. Слушания свидетелей по делу продолжатся в течение трех дней, а на четвертый день у них будут взяты письменные показания. Каждый свидетель будет подвергнут перекрестному допросу. К вечеру четвертого дня весь суд и восемьдесят один кандидат в присяжные будут наблюдать, как их имена напишут на маленьких деревянных шарах, которые потом запрут в подвалах под храмом Сатурна. А на рассвете пятого дня вынут пятьдесят один шар. Обвинению и защите будет дано право возразить против пятнадцати из вынутых имен.

Свидетелей-рабов почти не было, а со стороны Милона — и вовсе ни одного. В первый день главным образом слушали Помпония (кузена

Атика) и Гая Кавсиния Сколу — друзей убиенного Клодия, сопровождавших его в той поездке. Марк Марцелл со стороны защиты стал проводить перекрестный допрос. Делал он это очень напористо, но шайка Секста Клелия подняла дикий шум, и судьи почти не слышали, что отвечает Скола. Помпея на суде не было: он находился на дальнем конце Нижнего Форума, разбирая дела о финансовых нарушениях. Агенобарб послал ему сообщение, что не может работать в такой обстановке, после чего объявил перерыв.

— Позор! — сказал позже Цицерон своей жене Теренции. — Я искренне надеюсь, что Магн пресечет безобразия.

— Уверена, что пресечет, — рассеянно отозвалась Теренция, явно думавшая о чем-то другом. — Марк, Туллия наконец-то решилась. Она начинает бракоразводный процесс.

— О боги! Ну почему все должно валиться в одну кучу? Я даже и помыслить не могу о переговорах с Нероном, пока не закончится суд! А приступить к ним необходимо, и срочно. Я слышал, что он подумывает жениться на ком-то из выводка Клавдия Пульхра.

— Давай решать проблемы по очереди, — подозрительно миролюбиво сказала Теренция. — Вряд ли Туллию можно будет убедить выскочить замуж сразу же после развода. К тому же не думаю, что Нерон ей по нраву.

Цицерон рассвирепел.

— Она будет делать то, что ей скажут! — отрезал он.

— Она поступит так, как захочет! — прорычала Теренция, миг растеряв все свое миролюбие. — Ей уже двадцать пять, а не восемнадцать лет, Цицерон. Тебе не удастся толкнуть ее на новый брак без любви в угоду своим амбициям и дальнейшей карьере!

— Мне надо написать речь в защиту Милона! — заявил Цицерон и отправился в кабинет, так и не пообедав.

Вообще-то Цицерон, превосходный юрист-профессионал, обычно не тратил много времени на подготовку к очередному процессу. Но речь в защиту Милона требовала повышенного внимания. Даже в набросках она обещала стать в ряд лучших его речей. Да и как могло быть иначе, ведь остальные защитники подсудимого единодушно отказались от выступлений в пользу прославленного оратора. Поэтому вся ответственность за благополучный исход дела теперь целиком лежала на нем. Он должен был убедить жюри склониться к вердикту

ABSOLVO. И Цицерон с удовольствием корпел над бумагами до позднего вечера, торопливо хватая с принесенного слугами блюда оливки, яйца и фаршированные огурцы. После чего отправился спать, удовлетворенный хорошей работой.

На следующее утро, придя на Форум, он увидел, что Помпей весьма эффективно справился с ситуацией. Место слушания оцепили солдаты, вдоль оцепления прохаживались патрульные, а задир и буянов не было видно нигде. Замечательно! Цицерон ощутил немалое облегчение. Теперь заседание пойдет как по маслу. Посмотрим, как Марк Марцелл выбьет Сколу из колеи!

Если Марку Марцеллу это и не совсем удалось, то запутал он Сколу изрядно. Свидетелей слушали и рьяно допрашивали три дня кряду. На четвертый день они дали письменные показания, клятвенно подтвердив их правдивость. Затем началась процедура отбора восьмидесяти одного кандидата в присяжные из сенаторов, всадников и *tribuni aerarii*. Со стороны защиты в жеребьевку включен был и Марк Порций Катон.

Все эти дни Цицерона грела мысль о подготовленной им речи. Редко он выдавал что-либо лучшее. Да и коллеги нечасто уступали ему свое время. Каждому, несомненно, хотелось блеснуть перед публикой, и тем не менее говорить будет лишь он. Обвинение займет часа два, потом три часа уйдет на защиту. Целых три часа! На такое никто не способен! Цицерон предчувствовал свой триумф.

Путь домой для такого известного консуляра, как он, всегда был своего рода парадом. Цицерона сопровождали клиенты, поклонники и почитатели. Все гадали, что же он скажет завтра, гомонили, хихикали и заносили его замечания на восковые таблички, а сам Цицерон разглагольствовал, смеялся, острил. Ситуация, малоподходящая для передачи чего-либо личного. Но когда Цицерон, слегка задыхаясь, стал подниматься по лестнице Весталок, кто-то быстро прошел мимо него и сунул ему в руку записку. Как странно! Почему он не прочитал ее там же, на месте, он не мог бы сказать. Что его удержало? Предчувствие, не иначе.

Только оказавшись в своем кабинете, Цицерон внимательно ознакомился с сообщением и сел, наморщив лоб. Записка была от Помпея — тот предлагал этим же вечером явиться к нему на виллу на Марсовом поле. И без сопровождения, будь уж так добр. Вошел

управляющий, сообщил, что обед готов. Цицерон поел в одиночестве, ничуть не жалея, что Теренция не захотела составить ему компанию. Что за секретность? Чего хочет Помпей?

Утолив голод, Цицерон спешно и кратчайшим путем направился к Марсову полю. Он спустился к Бычьему форуму и прошел к цирку Фламиния, за которым находились театр Помпея с колоннадой в сотню колонн, помещение для заседаний Сената и, наконец, сама вилла, которую (Цицерон усмехнулся) он однажды сравнил с утлым яликом, притулившимся к яхте. И это действительно так. Не то чтобы вилла была такая уж крошечная, просто театр подавлял ее своими размерами.

Помпей был один, он радостно поздоровался с Цицероном и налил ему в чашу отличного белого вина, разбавив его кристально чистой родниковой водой.

— Ты готов к завтрашнему сражению? — спросил великий человек, повернувшись на ложе так, чтобы хорошо видеть гостя, сидевшего в отдалении.

— Как никогда прежде, Магн. Великолепная речь!

— Гарантируешь, что Милона оправдают?

— Я приложу все силы для этого.

— Понятно.

Некоторое время Помпей молчал, оглядывая через голову посетителя золотую гроздь винограда, подаренную ему евреем Аристокбулом. Потом пристально посмотрел Цицерону в глаза и сказал:

— Я не хочу, чтобы ты произносил эту речь.

У Цицерона отвисла челюсть.

— Что? — глупо спросил он.

— Я не хочу, чтобы ты произносил эту речь.

— Но... но... я обязан! Мне отвели на нее три часа!

Помпей встал, прошел к большой двустворчатой двери, ведущей в сад перистиля. Дверь из литой бронзы была обшита великолепными резными панелями со сценами, изображавшими битву между лапифами и кентаврами. Конечно, скопированными с Парфенона, с его мраморных барельефов.

Глядя на лапифов, Помпей объявил в третий раз:

— Я не хочу, чтобы ты произносил эту речь, Марк.

— Почему?

— Если она оправдает Милона, — сказал, глядя на кентавра, Помпей.

Щеки Цицерона стало покалывать, по спине потекли струйки пота. Он облизал губы.

— Я был бы благодарен за объяснения, Магн, — произнес он со всем достоинством, на какое только был способен в столь неприятный момент, и сжал кулаки, чтобы скрыть дрожь в руках.

— Я полагал, это очевидно, — небрежно сказал Помпей, обращаясь к окровавленному крупу кентавра. — Если Милона оправдают, для половины Рима он станет героем. Это значит, что в следующем году его выберут консулом. А я больше не нравлюсь Милону. И через три года, когда я сложу с себя губернаторские полномочия, он непременно обвинит меня в чем-нибудь, как уважаемый и обладающий большим влиянием консуляр. Я не хочу, подобно Цезарю, всю оставшуюся жизнь прятаться от злонамеренно сфабрикованных обвинений во всем подряд, от измены до вымогательства. С другой стороны, если Милона осудят, он уедет в ссылку без права возвращения. А я буду в безопасности. Вот почему.

— Но... но... Магн, я не могу! — выдохнул Цицерон.

— Сможешь, Цицерон. И более того, ты сделаешь это.

Сердце Цицерона повело себя странно. Перед глазами повисла мелкая сетка. Он сел прямо, зажмурился и несколько раз глубоко вдохнул. По натуре он, конечно, был пуглив, но не труслив и, сталкиваясь с несправедливостью, мог повести себя удивительно твердо. Эту твердость Цицерон ощутил в себе и сейчас, когда открыл глаза и посмотрел на спину хозяина дома, едва прикрытую тонкой туникой, ибо в комнате было тепло.

— Помпей, ты просишь меня проигнорировать интересы клиента, — сказал он. — Я понимаю, зачем тебе это нужно. Но я не могу с тобой согласиться. Это не гонки на колесницах, и, кроме того, Милон — мой друг. И я сделаю для него все, что могу, независимо от чьих-либо мнений.

Помпей перевел взгляд на другого кентавра, из груди которого торчало пущенное лапифом копьё.

— Тебе нравится твоя жизнь, Цицерон? — спросил он совсем мирно.

Дрожь усилилась. Цицерон вынужден был отереть взмокший лоб складками тоги.

— Да, нравится, — прошептал он.

— Я так и думал. В конце концов, и второе консульство у тебя впереди, и возможность получить место цензора.

Раненый кентавр явно был весьма занимательным. Помпей наклонился, чтобы лучше рассмотреть место, куда вошло острие.

— Тебе решать, Цицерон. Если завтра Милона оправдают, все эти перспективы исчезнут, а твой очередной сон станет вечным.

Положив руку на шарообразную ручку двери, Помпей толкнул створку и вышел. Цицерон сидел на ложе, тяжело дыша, закусив губу. Колени его тряслись. Время шло, но он не замечал его хода. Наконец он уперся обеими руками в край ложа и встал. Ноги держали. Он сделал шаг, потом еще. И пошел.

И только у подножия Палатина осознал, что случилось. Фактически Помпей признался ему, что Публий Клодий убит по его приказу. Что Милон был лишь инструментом. И что теперь этот инструмент затупился и больше не нужен хозяину. А если он, Марк Туллий Цицерон, не сделает того, что ему говорят, он будет так же мертв, как мертв сейчас Публий Клодий. Кто на этот раз постарается для Помпея? Секст Клелий? О, в мире много таких инструментов! Возможно, и сам Помпей из Пицены всего лишь чей-либо инструмент. И участвует ли во всем этом Цезарь? Да, несомненно. Клодию не позволили стать претором, убив его. Они так решили между собой.

В темноте своей спальни Цицерон заплакал. Теренция шевельнулась, что-то пробормотала, легла на бок. Цицерон завернулся в толстое одеяло и вышел в ледяной перистиль. И там выплакался, жалея как себя, так и Помпея. Давно уже не было того живого, до странности бесцеремонного семнадцатилетнего юноши, с каким Цицерон познакомился в Пицене во время войны. Помпей Страбон, отец этого юноши, воевал против италийцев. О, если бы несчастный молоденький Цицерон уже тогда мог знать, что сулит ему эта встреча! Он понял бы, почему Помпей всегда был с ним добр. Он понял бы, зачем тот спас ему жизнь в те далекие годы. Чтобы однажды, в будущем, ее отнять.

По утрам Рим всегда просыпался под шум и гул. Ночами тяжелые, запряженные волами телеги грохотали по узким улицам, доставляя товары на рынок и в лавки, а также материалы на фабрики и металлические болванки в литейные мастерские. Рим, позевывая, готовился к серьезной работе. Делать деньги всем нравилось. Это был римский стиль.

Но на рассвете пятого дня суда над Милоном великий город словно оцепенел. Помпей буквально перекрыл его важнейшие жизненные каналы. В пределах Сервиевой стены все замерло. Ни одна закусовая не открылась, ни одна таверна не распахнула ставни на окнах, ни одна пекарня не развела еще с ночи огонь. Ни один ларек не был вынесен на базарную площадь, а в углах ее не было видно ни важных философов, ни внимающих им школяров. Ни один банк не позванивал серебром, ни одна брокерская контора не щелкала счетами. И зазывать к себе посетителей не решался ни один книготорговец, ни один ювелир. Да и зазывать было, собственно, некого. Рабам в этот день не давали никаких поручений, а свободные римляне оставались в домах, предпочитая общество домочадцев сутолоке духовных общин, клубов и братств.

Тишина оглушала. Каждая улица, ведущая на Форум, была заблокирована мрачными, неразговорчивыми солдатами, а на самом Форуме над развевающимися плюмажами шлемов сирийского легиона грозно блестели наконечники пик. В это девятое по счету и очень морозное апрельское утро главную площадь города охраняли две тысячи легионеров, а еще три тысячи были рассредоточены по всему Риму. Чтобы придать действию видимость непредвзятости, к месту судилища согнали около сотни мужчин и нескольких женщин. Они дрожали от холода и со страхом оглядывались по сторонам.

Помпей уже установил свой трибунал у дверей Казначейства под сенью храма Сатурна и сидел там, отправляя фискальное правосудие. Агенобарб велел своим ликторам забрать из подвала святилища деревянные шарики с именами и принести кувшины для жеребьевки. Марк Антоний давал отвод кандидатам от обвинения, а Марк Марцелл — от защиты. Но когда вынули шар с именем Катона, оба согласно кивнули.

Два часа длился отбор присяжных. Обвинительная речь заняла еще два часа. Старший из двух Аппиев Клавдиев и Марк Антоний, специально оставшийся в Риме, говорили по полчаса, а Публий

Валерий Непот выступал целый час. Хорошие речи, но все ждали Цицерона.

Он вышел, и присяжные на складных стульях подались вперед. Цицерон держал в руке свиток, но всем было известно, что он никогда не заглядывает в свои записи. Этот оратор, казалось, складывал слова на ходу — плавно, ярко, волшебным образом. Так он обвинял Гая Вереса, так защищал Целия, Клуэнция, Росция из Америи. Рим помнил каждую из этих речей. Убийцы, подлецы, чудовища в человеческом образе — всех без разбору он был готов обвинять или защищать. Для его мельницы годилось любое зерно. Даже гнусный Антоний Гибрида в его устах явился идеальным сыном, о каком могла лишь мечтать каждая римская мать.

— Луций Агенобарб, члены жюри, вы видите меня здесь как представителя замечательного человека — Тита Аппия Милона.

Цицерон замолчал, посмотрел на приосанившегося Милона и нервно сглотнул.

— Как странно выступать перед аудиторией, почти сплошь состоящей из одних лишь солдат! Мне не хватает привычной городской шумихи, но... — Он запнулся, снова сглотнул. — Но нас защищают. Нам нечего бояться. И меньше всего должен чего-то бояться мой дорогой друг Милон. — Он умолк, помахал свитком. — Публий Клодий был сумасшедшим. Он жег и грабил. Жег. Посмотрите туда, где стояли курия Гостилия, Порциева базилика. — Он замолчал, нахмурился, потер ладонью лицо. — Порциева базилика... Порциева базилика...

Тишина стала такой, что стук чьего-то копья прозвучал словно грохот рухнувшего строения. Милон, открыв рот, недоуменно смотрел на Цицерона. А этот отвратительный таракан Марк Антоний ухмылялся, и лучи восходящего солнца, отскакивая от лоснящегося черепа Луция Агенобарба, слепили глаза. «О, что с моей головой? Почему я это замечаю?» Он вновь попытался заговорить.

— Неужели с нами постоянно должны происходить несчастья? Нет! Несчастья закончились, когда сгорел Публий Клодий! В тот день, когда Публий Клодий умер, Рим получил бесценный подарок! Патриот, которого мы здесь видим, просто защищался, боролся за свою жизнь. Он всегда был на стороне истинных патриотов, его гнев, направленный на грязные методы демагогов... — Он пошатнулся. — Публий Клодий

замышлял убить Милона. Сомнений в том нет и быть не может. Нет сомнений... нет. Сомнений в том нет.

Встревоженный Целий поспешил к Цицерону.

— Цицерон, с тобой все в порядке? Хочешь, я принесу немного вина? — взволнованно спросил он.

Карие глаза повернулись к нему с удивлением, столь неподдельным, что Целий даже засомневался, узнал ли его Цицерон.

— Спасибо. Все хорошо, — сказал Цицерон и снова заговорил: — Милон не отрицает, что на Аппиевой дороге произошла стычка, но он отрицает, что подстроил ее. Он не отрицает, что Клодий убит, но отрицает, что приложил к тому руку. Обвинения несущественны. Это все Клодий. Это был его умысел. Публий Клодий. Он. Не Милон. Нет, не Милон.

Целий опять подошел к нему.

— Цицерон, выпей вина!

— Нет, со мной все в порядке. Правда, все хорошо. Благодарю. Посмотрите, каковы размеры обоза Милона. Четырехколесный экипаж. Жена. Уважаемый Квинт Фуфий Кален. Много слуг, охранявших повозки с багажом. Разве это говорит нам о том, что он замышлял убить Клодия? А Клодий был без жены. Разве это не подозрительно? Клодий никогда и никуда без нее не ездил. И при нем, кстати, не было багажа. Двигаясь налегке... ничем не обремененный... он... он...

«Вот Помпей сидит в своем кресле, слушает очередного фискала. Делает вид, что ему все равно, чем кончится этот суд. Я не знал его! Он меня уничтожит! О Юпитер, он уничтожит меня!»

— Милон не безумец. Если бы все случилось так, как утверждается в обвинениях, тогда перед нами сидел бы несомненный безумец. Но наш Милон отнюдь не таков. Это Клодий безумец. Все знают, что Клодий был сумасшедшим! Все это знают! Весь Рим!

Он умолк, вытер пот, застилавший глаза. Увидел Фульвию, сидящую рядом с Семпронией. А кто это с ними? О, Курион. Они улыбаются, улыбаются, улыбаются. А Цицерон мертв, мертв, мертв.

— Мертв. Мертв. Клодий мертв. Никто этого не отрицает. Мы все когда-нибудь тоже умрем. Но никому не хочется умирать. А Клодий умер. По своей же вине. Милон не убивал его. Милон... Милон...

Со стороны Милона никто не выразил гнева или раздражения, даже Милон. Шок был слишком велик. Состояние Цицерона внушало

тревогу. Что с ним? Очередной приступ головных болей, рождающих искры в глазах? Это не сердце. Лицо не сереет. И не желудок. Что же с ним? Неужели удар?

Вперед вышел Марцелл.

— Луций Агенобарб, уже ясно, что Марк Туллий не может продолжить. И это трагедия, ибо мы все отдали ему свое время. Никто из нас не готовился к выступлению. Могу ли я просить суд и присяжных вспомнить, какие речи обычно произносил Цицерон? Сегодня он болен. Мы не услышали его новую речь. Но все мы помним о прежних. Услышьте сердцем, члены жюри, что он мог бы сказать, и примите решение, на ком лежит действительная вина в этом печальном деле. Защита закончена.

Агенобарб зашевелился в своем кресле.

— Члены жюри, голосуйте, — произнес он.

Присяжным надо было нанести на воск только букву: А означало ABSOLVO, С — CONDEMNO. Ликторы Агенобарба собрали таблички. Агенобарб произвел подсчеты, не таясь от свидетелей, заглядывающих через его плечо.

— CONDEMNO — тридцать восемь голосов против тринадцати, — спокойно объявил Агенобарб. — Тит Анний Милон, я назначаю комиссию, которая определит размер штрафа. Но CONDEMNO — это также и ссылка, согласно *lex Pompeia de vi*. Мой долг уведомить тебя, что ты лишаешься права на огонь и воду в пределах пятисот миль от Рима. Уведомляю, что против тебя выдвинуты еще три обвинения. Тебе придется ответить в суде Авла Манлия Торквата за взятки в ходе предвыборного процесса. Тебя будут судить в суде Марка Фавония за противозаконную связь с членами общин, запрещенных *lex Julia Marcia*. И кроме того, суд Луция Фабия выдвигает против тебя обвинение в насилии в соответствии с *lex Plautia de vi*. А настоящее дело закрыто.

Целий увел обессиленного Цицерона. Катон, голосовавший за оправдание, направился к Милону. Окружающие вели себя странно. Даже мегера Фульвия не вопила от радости. Люди, словно немые, молча брели восвояси.

— Мне жаль, что так получилось, Милон, — сказал Катон.

— Не больше, чем мне, поверь.

— Боюсь, и другие суды тебя обвинят.

— Конечно. Хотя я уже не смогу ничего им возразить, ибо сегодня же отбываю в Массилию.

Удивительно, но Катон принял сказанное спокойно.

— Тогда ты это переживешь. Надеюсь, ты заметил, что Луций Агенобарб не приказал опечатать твой дом или наложить арест на твои деньги.

— Я благодарен ему за это. И готов в путь.

— Я поражен. Что стряслось с Цицероном?

Милон улыбнулся и покачал головой.

— Бедный Цицерон! Я полагаю, он только что познакомился с некоторыми секретными методами Помпея. Пожалуйста, Катон, следи за Помпеем! Я знаю, что *boni* обхаживают его. И понимаю почему. Но тебе лучше быть союзником Цезаря. По крайней мере, Цезарь — римлянин.

Катон возмутился.

— Цезарь? Да я скорее умру! — выкрикнул он и зашагал прочь.

В конце апреля состоялась свадьба. Гней Помпей Магн женился на вдове Корнелии Метелле, дочери Метелла Сципиона, которой был двадцать один год. Обвинения, которые Планк Бурса грозился выдвинуть против Метелла Сципиона, так и не прозвучали.

— Не беспокойся, Сципион, — добродушно сказал жених на немногочисленном свадебном пиршестве. — Я намерен провести выборы вовремя, то есть в квинктилии. И обещаю, что на них тебя выберут моим младшим коллегой до конца этого года. А пока мне придется послужить одному.

Метелл Сципион не знал, то ли пнуть его, то ли расцеловать.

Пробыв дома несколько дней, Цицерон оправился, делая вид даже для себя самого, что ничего особенного с ним не случилось и что Помпей все тот же, что и всегда. Да, у него был приступ той ужасной головной боли, когда разум словно бы цепенеет и заставляет заплетаться язык. Так он объяснил все Целию. А остальным сказал, что на него подействовало присутствие войска и он просто не смог сосредоточиться в обстановке такой агрессивности. Многие знали, что Цицерона не смущали и вещи похуже, но держали язык за зубами. Цицерон постарел, вот и все.

Милон осел в Массилии, Фауста вернулась к своему брату в Рим.

Через какое-то время Милону доставили с курьером подарок — копию речи, не произнесенной Цицероном, с дополнениями о военном давлении и витиеватыми выпадами в сторону консула без коллеги.

«Благодарю, — написал в ответ Милон. — Если бы у тебя хватило смелости произнести эту речь, дорогой Цицерон, я бы сейчас не наслаждался массильской кефалью».

ИТАЛИЙСКАЯ ГАЛЛИЯ, ПРОВИНЦИЯ И ДЛИННОВОЛОСАЯ ГАЛЛИЯ ЯНВАРЬ — ДЕКАБРЬ 52 Г. ДО Р. Х

Верцингеториг

За несколько лет до описанных выше событий, после того как Гней Помпей Магн и Марк Лициний Красс побывали консулами вторично, им обоим очень захотелось занять губернаторские посты. Легат Цезаря Гай Требоний, ставший во времена их консульства плебейским трибуном, провел закон, по которому они получили завидные провинции сроком на целых пять лет. Не желая уступать Цезарю, чье эффективное управление Галлией не давало им спать, Помпей выбрал Сирию, а Красс обе Испании.

А потом здоровье Юлии, так и не оправившейся вполне после выкидыша, стало стремительно ухудшаться. Помпей не мог взять ее с собой в Сирию: традиции запрещали. Поэтому он, искренне любивший жену, пересмотрел свои планы. Он все еще выполнял обязанности куратора по запасам зерна для Рима, что являлось прекрасным поводом оставаться где-нибудь поблизости, если бы он управлял стабильной провинцией. Сирия была нестабильной. Новейшая из приобретенных Римом территорий, она граничила с Парфянским царством, могучей

империей царя Орода, которому очень не нравилось присутствие римлян под боком. Особенно если их возьмет под крыло сам Помпей Великий, знаменитый завоеватель. Ширился слух, что Рим подумывает о завоевании Парфянского царства. Царь Ород забеспокоился. Он был очень предусмотрительным человеком.

Озабоченный состоянием Юлии Помпей предложил Крассу поменяться провинциями: Помпей возьмет обе Испании, а Красс — Сирию. Красс согласился без проволочек. Так и сделали. Помпей получил возможность остаться с Юлией, послав управлять Ближней и Дальней Испаниями своих легатов — Афрания и Петрея. А Красс отбыл в Сирию с намерением покорить парфян.

Известие о его поражении и смерти вызвало в Риме шок. Оно пришло от единственного уцелевшего в этой кампании аристократа — квестора Красса, замечательного молодого человека по имени Гай Кассий Лонгин.

Послав официальное донесение в Сенат, Кассий также отправил более откровенное описание событий Сервилии, своей хорошей приятельнице и будущей теще. Зная, что подробности этой истории причинят Цезарю муки, Сервилия с удовольствием переслала его в Галлию. «Ха! Страдай, Цезарь! Я ведь страдаю».

Я прискакал в Антиохию как раз перед прибытием туда армянского царя Артавазда с официальным визитом к губернатору Марку Крассу. В Антиохии полным ходом велась подготовка к предстоящему походу против парфян... или, скорее, так думал Красс. Признаюсь, я не разделил его уверенности, когда увидел, что ему удалось собрать. Семь легионов, все неукomплектованные. По восемь когорт в каждом вместо положенных десяти. И разномастная кавалерия, неспособная на единомышленные действия. Публий Красс привел тысячу конных эдуев из Галлии — подарок Цезаря своему другу. Лучше бы Цезарь не делал этого. Они не ладили с конниками из Галатии и очень тосковали по дому.

А еще там был Абгар, царь арабов скенитов. Не знаю почему, но он не понравился мне с первого

взгляда. Однако Красс доверял ему и не хотел слышать других мнений о нем. Абгар, оказалось, являлся клиентом Артавазда, царя Армении. Его рекомендовали Крассу как проводника и советника вместе с четырьмя тысячами легковооруженных скенитов.

Красс имел намерение вторгнуться в Месопотамию и ударить по Селевкии-на-Тигре — зимней резиденции царя парфян. Поскольку выступить предполагалось в зимнее время, он надеялся, что Ород с семьей будет там и что удастся захватить его в плен вместе с его сыновьями, прежде чем те разбегутся, чтобы поднять парфян против Рима.

Но армянский царь Артавазд и царь арабов-скенитов Абгар не одобрили этот план. Никто, заявили они, не может побить армию парфянских катафрактов и конных лучников на ровной местности. Зато эти воины в кольчугах, сидящие на гигантских мидийских лошадях, тоже закованных в латы, не способны сражаться в горах. Равно как и конные лучники, которым, когда у них кончаются стрелы, надлежит поворачивать и галопом нестись за другими. Поэтому, сказали Артавазд и Абгар, Крассу лучше идти к мидийским горам, а не в Месопотамию. Если вместе со всей армянской армией Красс нападет на земли парфян ниже Каспийского моря и захватит летнюю резиденцию Орода, Экбатану, он не проиграет, утверждали Артавазд и Абгар.

Я нашел этот замысел дельным и сказал о том Крассу. Но Красс отказался рассмотреть такой вариант. Сражения на равнине его не пугали. Честно говоря, я решил, что Красс попросту не захотел делиться с Артаваздом трофеями, добытыми в результате победной кампании. Тебе ведь известен нрав Марка Красса, Сервилия. В целом мире не

хватило бы денег, чтобы утолить его жажду обогащения. Он был не против союза с Абгаром, не слишком сильным царем, не могущим претендовать на значительную часть трофеев. А царю Артавазду следовало бы отдать половину захваченного. По справедливости, какой славится Рим.

Как бы там ни было, Красс твердо сказал «нет». Ровная местность Месопотамии дает больше простора для маневрирования, твердил он. Ему вовсе не хочется, чтобы его люди взбунтовались, как люди Лукулла, завидев вдали гору Арарат и сообразив, что им придется карабкаться по крутым горным склонам. Кроме того, кампания в дальней Мидии могла начаться лишь летом. А его армия, сказал Красс, будет готова выступить в начале апреля. Если отложить поход до секстилия, энтузиазм легионов сойдет на нет. По моему мнению, надуманный аргумент. В солдатах Красса не замечалось ни капли энтузиазма.

Очень недовольный, царь Артавазд покинул Антиохию и отправился восвояси. Он надеялся с помощью Рима захватить Парфянское царство для себя. Но, будучи отвергнутым, решил соединиться с парфянами. И оставил Абгара при Крассе — шпионить. С того времени как Артавазд удалился, ему сообщалось обо всем, что делал Красс.

Затем в марте прибыли послы царя Орода. Их возглавлял старый человек по имени Вагис. Они выглядели очень странно, эти парфянские аристократы. Их шеи от подбородка до плеч были стиснуты спиралевидными золотыми воротниками. На головах — круглые шапки без полей, инкрустированные жемчугом и подобные опрокинутым кубкам. Их накладные фальшивые бороды крепились золотой проволокой к ушам, а усыпанные драгоценностями наряды нестерпимо сверкали. Я думаю, что Красс видел только золото,

драгоценности и жемчуга. И прикидывал, сколько же всего этого должно быть в Вавилонии!

Вагис попросил Красса соблюдать договора, которые Сулла и Помпей заключили с парфянами. Все земли к западу от Евфрата — территория Рима, все земли к востоку — территория парфян.

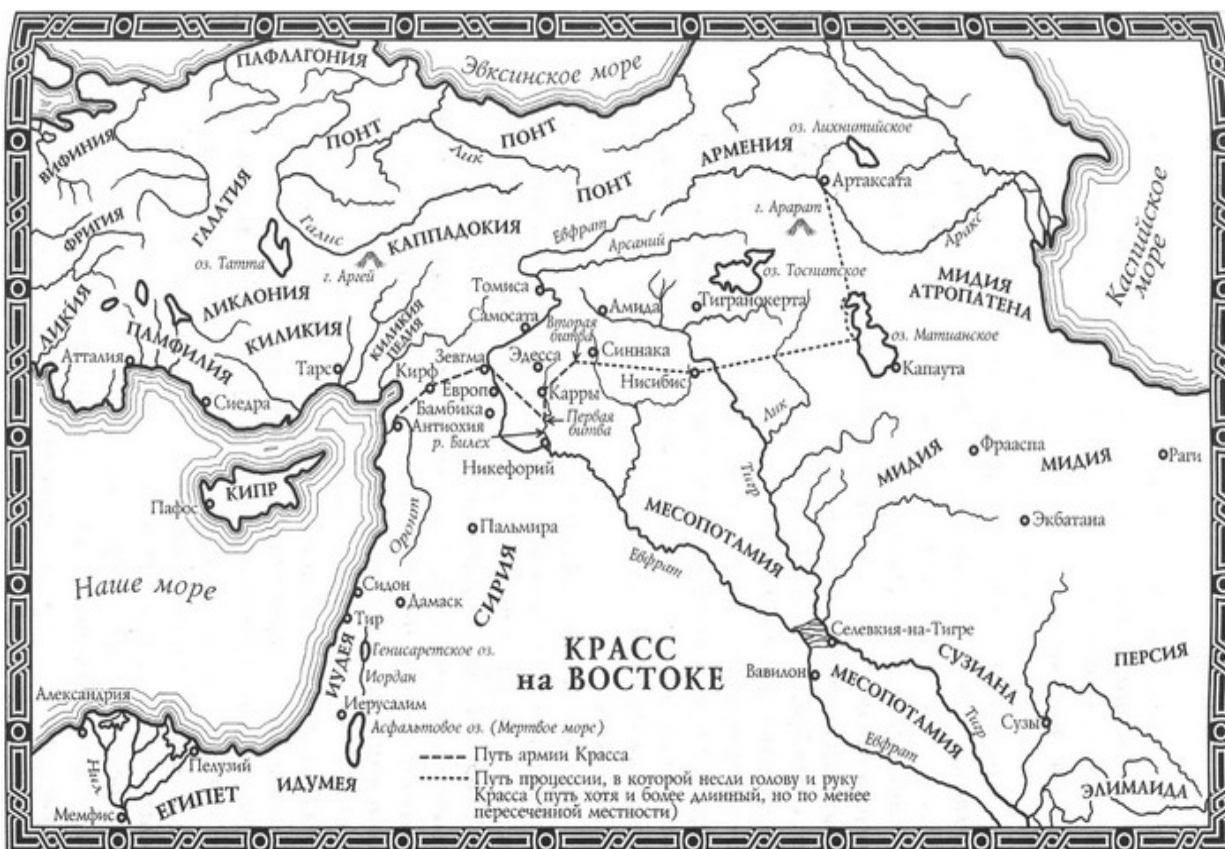
Красс рассмеялся ему в лицо!

— Дорогой Вагис, — заявил он между взрывами смеха, — скажи царю Ороду, что я действительно подумаю об этих договорах, но лишь после того, как завоюю Селевкию-на-Тигре и Вавилонию!

Вагис помолчал. Затем поднял правую руку и показал ладонь Крассу.

— Скорее здесь вырастут волосы, Марк Красс, чем ты вступишь в Селевкию-на-Тигре! — произнес он.

У меня мороз прошел по спине. Фраза звучала как предсказание. Ты пойми, никто из восточных правителей и вельмож не любил Марка Красса. Он игнорировал гипертрофированную обидчивость этих людей, казнивших каждого, кто осмеливался при них усмехнуться. Некоторые из нас пытались урезонить его, но все эти попытки незамедлительно пресекал Публий Красс, сын Марка Красса. Он обожал отца, считал, что тот во всем прав и не может ошибаться. Публий эхом вторил отцу, а отец прислушивался лишь к сыну, так что голос разума не мог пробиться.

Карта 4. Красс на Востоке.

В начале апреля мы тронулись в путь, избрав северо-восточное направление. Армия, угрюмая, мрачная, еле-еле тащилась. Эдуйские конники, не проявлявшие бодрости даже в плодородной долине реки Оронт, достигнув скудных окрестностей Киррха, совсем увяли, будто кто-то их опоил, да и галаты выглядели не лучше. Фактически наш поход более походил на похоронную процессию, чем на марш к вечной славе. Сам Красс ехал отдельно от армии — в паланкине, ибо на столь тряской дороге вмиг развалился бы любой экипаж. Честно говоря, я сомневаюсь, что с ним все было в порядке. Публий Красс неотлучно находился при нем. Нелегко проводить кампанию шестидесятитрехлетнему

человеку, особенно не участвовавшему в военных действиях почти двадцать лет.

Абгара с нами не было: он ушел вперед за месяц до общего выступления. С ним условились встретиться в городе Зевгма, на берегу Евфрата, к которому мы подошли в последних числах апреля (марш, как я уже говорил, был очень неторопливый). Зимой Евфрат обычно пребывает в спокойствии. Я никогда не видел такой широкой и величавой реки! Но мы надеялись легко перейти ее по понтонному мосту, который умело и быстро навели наши инженеры.

Однако нашим надеждам не суждено было сбыться, как многому прочему в этом обреченном походе. Вдруг налетели сильнейшие бури. Опасаясь, что река вздуется, Красс отказался отложить переправу. И солдаты на четвереньках ползли по понтонам, ежеминутно рискуя свалиться в бушующую пучину. Вокруг то и дело сверкали молнии толщиной с морские канаты. Гром пугал лошадей, они всхрапывали, брыкались. Воздух стал наполняться каким-то адским желтым свечением со сладковатым странным ароматом, похожим на запах моря. Все это было ужасно. А бури не утихали, сменяя одна другую в течение нескольких дней. Дождь лил так, что земля раскисла, а река поднималась все выше. Но форсирование продолжалось.

Я никогда не видел более дезорганизованной армии, чем наша, когда мы наконец переправились на другой берег. Все промокло, включая зерно. Артиллерийские веревки разбухли, древесный уголь для кузниц пришел в негодность, палатки защищали от ливня не лучше свадебной кисеи, а фортификационная древесина растрескалась. Вообрази, у тебя четыре тысячи лошадей (Красс не разрешил кавалеристам взять по две лошади), две

тысячи мулов и несколько тысяч волов — и все они обезумели. Понадобилось два рыночных интервала, чтобы их успокоить. Шестнадцать драгоценных дней. Потратив их на марш, мы бы уже подходили к Месопотамии. Легионеры были не в лучшем состоянии, чем животные. Поход, говорили они между собой, проклят. Да и сам Красс тоже проклят. И все, кто сейчас с ним, обречены на смерть.

Прибыл Абгар с четырьмя тысячами легковооруженной пехоты и кавалерией. У нас состоялся военный совет. Цензорин, Варгунтей, Мегабокх и Октавий, четверо из пятерых легатов Красса, предлагали все время двигаться вдоль Евфрата. Это безопаснее, и на пути много пастбищ, а также возможностей раздобыть провиант. Я вслух поддержал их точку зрения, а мне за мои старания было указано не советовать старшим.

Абгар возражал против такого маршрута. Евфрат ниже Зевгмы уклоняется к западу, а это крюк, удлиняющий путь. Зато от места впадения в него реки Билех он течет в нужном нам направлении, то есть на юго-восток.

Поэтому, сказал Абгар, мы можем выиграть четыре-пять дней марша, если пойдем через пустыню к реке Билех. Там, повернув резко на юг, мы очень скоро дойдем до Евфрата и окажемся в Никефории. Если проводником будет он, добавил, улыбаясь, Абгар, мы не заблудимся, а марш через пустыню достаточно короток, и армия очень легко его перенесет.

Марк Красс согласился с Абгаром, а Публий Красс согласился с отцом: мы сократим путь, если двинемся через пустыню. Снова и снова четыре легата пробовали убедить Красса не принимать такого решения, но тот стоял на своем. Он укрепил Карры и Синнаку, объявил Красс. Эти форты в случае чего послужат для легионов опорой, хотя

вряд ли им представится такой случай. Да, разумеется, кивнул Абгар, источая дружелюбие. Так далеко на север парфяне не заберутся.

Но конечно, парфяне оказались именно там. Заботами все того же Абгара. В Селевкии-на-Тигре знали о каждом нашем шаге, а царь Ород был намного лучшим стратегом, чем бедный Марк Красс, помешанный на деньгах.

Мне кажется, дорогая Сервилия, никогда не покидавшая Рима, что ты не очень хорошо представляешь себе Парфянское царство. Так знай же, что это обширный конгломерат областей. Сама Парфия помещается близ Каспийского моря, вот почему мы называем Орода не царем Парфии, а царем парфян. Под его властью находятся Мидия, Мидия Атропатена, Персия, Гедросия, Кармания, Бактрия, Маргиана, Согдиана, Сузиана, Элимаида и Месопотамия. Во всех римских провинциях, вместе взятых, меньше земли.

Каждой из этих областей управляет сатрап, носящий звание суренаса. Большинство из сатрапов — сыновья, племянники, кузены, братья или дядья царя. Царь никогда не живет в самой Парфии. Летом он правит из Экбатаны в мидийских горах, где климат мягче, весной или осенью посещает Сузы, а зиму обычно проводит в Месопотамии. Причиной того, что он неустанно контролирует самые западные районы своего огромного царства, является Рим. Ород не опасается народов Индии и Серики, хотя эти народы весьма многочисленны; его страшим мы. Еще он держит гарнизон в Бактрии, чтобы урезонивать массагетов, поскольку у них нет государственности, одни племена.

Вышло так, что кампанию против Красса доверили суренасу Месопотамии. Сам царь Ород пошел на север, чтобы встретиться с царем Армении Артаваздом, взяв с собой достаточно войска, чтобы в

столице Армении Артаксате его приняли хорошо. Его сын Пакор убыл с ним. А пахлави суренас (именно так его называют) остался в Месопотамии, чтобы отразить нападение римских агрессоров силами армии в десять тысяч конных лучников и две тысячи катафрактов без какой-либо пехоты.

Интересный человек, этот пахлави суренас. Ему едва минуло тридцать лет, Ороду он племянник. Очень красив — утонченной, женственной красотой. Женщинам предпочитает мальчиков в возрасте тринадцати-пятнадцати лет. Как только они подрастают, он зачисляет их в свою армию или назначает на высокие государственные посты. Так принято в Парфии.

Его беспокоило одно хорошо известное Крассу обстоятельство, которое, как уверял Абгар, обеспечит нам полный триумф. У парфянского конного лучника очень быстро кончаются стрелы, и его умение метко стрелять на полном скаку весьма скоро становится бесполезным.

Но пахлави суренас придумал, как это исправить. Он организовал огромный обоз из верблюдов, нагруженных корзинами с запасными стрелами, и обучил несколько тысяч рабов передавать их лучникам по цепочке. А потом с караваном и армией покинул Селевкию-на-Тигре, чтобы перехватить нас.

Слышу твой вопрос — как я об этом узнал? Не вдаваясь в подробности, скажу, что меня снабдил информацией очаровательный иудейский принц Антипатр, у которого всюду имеются осведомители и шпионы.

На реке Билех есть место, где караванный путь из Пальмиры через Никефорию сливается с караванными путями, идущими через Карры на Эдессу, Самосату и Амиду. Именно к этому перекрестку мы и направились, топча пустыню.

Тридцать пять тысяч римских легионеров, тысяча конных эдоев и три тысячи конных галатов совсем пали духом. Чтобы выяснить причину такой деградации, я ездил туда-сюда вдоль колонны и всюду слышал: Красс проклят, и мы все умрем. Мятежные настроения меня бы обрадовали, ибо мятежники как-никак энергичны. Но наши солдаты потеряли надежду и просто брели навстречу судьбе, как пленники на рынок рабов. С эдуюми было хуже всего. Никогда в жизни они не оказывались среди такого безводного, голого, мрачного, серовато-коричневого ландшафта и потому замкнулись и погрузились в себя.

Два дня спустя, приближаясь к Билеху, мы стали встречать небольшие группы парфян. Обычно лучников, но попадались и катафракты. Нас они не беспокоили, хотя подъезжали довольно близко. Теперь я знаю, что они держали связь с Абгаром и сообщали о нас пахлави суренасу, который стоял лагерем у стен Никефории, в месте слияния Билеха с Евфратом.

На четвертый день перед июньскими идами мы дошли до Билеха, где я посоветовал Марку Крассу разбить хорошо укрепленный лагерь и поместить туда войско на срок, достаточный для того, чтобы легаты и трибуны привели солдат в чувство. Но Красс и слышать ничего не хотел. Он был раздражен затянувшимся маршем и торопился дойти до каналов, связывающих Тигр и Евфрат. Легионерам и кавалеристам позволили быстро перекусить и в полдень снова погнали их к низовьям Билеха.

Вдруг я обнаружил, что царь Абгар с четырьмя тысячами приспешников просто исчез. Ушел! Несколько галатов-разведчиков прискакали, крича, что парфяне повсюду. Едва их крики затихли, как в нас полетели стрелы. Солдаты падали, как листья,

как камни. Я никогда не видел подобного ливня стрел.

Красс бездействовал, ничего не предпринимая.

— Через несколько минут все это прекратится, — кричал он из-за прикрывавших его щитов. — У них кончатся стрелы!

Но стрелы не кончались. Римские солдаты разбегались во все стороны, падали, умирали. Наконец Красс велел горнистам играть сигнал строить квадрат. Однако сигнал запоздал. Катафракты пошли в наступление с твердым намерением убивать. Огромные люди на огромных лошадях — темная масса в кольчугах и латах. Слишком большие и слишком тяжелые, чтобы скакать легким галопом, они двигались рысью и звенели, как миллионы монет в тысячах кошельков. Интересно, был ли этот звон музыкой для ушей Красса? Под копытами их лошадей содрогалась земля. Пыль поднималась огромным столбом. Они поворачивались и прятались в этом столбе, потом опять появлялись.

Публий Красс собрал эдуйскую кавалерию, которая, казалось, пришла в себя. Вероятно, сражение было единственным состоянием, доставлявшим им радость. Галаты последовали за ними, и четыре тысячи наших всадников атаковали катафрактов быстро, бешено, как быки, которым дали понюхать перца. Катафракты дрогнули и побежали. Публий Красс и его всадники бросились следом за ними — в пыль. Во время этой передышки Крассу удалось построить пехоту квадратом. Потом мы стали ожидать возвращения галатов и эдучей, молясь всем, известным нам богам. Но вернулись одни катафракты, неся на пике голову Публия Красса. Вместо того чтобы атаковать наш квадрат, они крутились вокруг него, размахивая своим страшным трофеем. Казалось, Публий Красс

смотрит на нас. Мы видели его сверкающие глаза и лицо, искаженное жуткой гримасой.

Описать горе отца у меня не хватает слов. Но казалось, оно придало ему что-то, чего я не видел в нем с начала кампании. Он ходил вдоль линий квадрата, воодушевляя людей, убеждая держаться. Мой сын, говорил он, заплатил жизнью, чтобы дать нам оправиться. Эта потеря огромна, но она только моя.

— Стойте! — кричал он снова и снова. — Стойте стеной!

И мы стояли. Нас становилось все меньше и меньше под непрекращающимся градом стрел, но мы стояли, пока не стемнело и парфяне не ушли. Кажется, ночью они не воюют.

Так как лагеря мы не построили, нас ничто не удерживало. Красс решил немедленно отступить в Карры. Путь неблизкий — около сорока миль на север. На рассвете мы подошли к городу, двигаясь уже не строем, а просто толпой.

От нас осталась, наверное, половина пехоты и горстка всадников. Все бесполезно! Мы зря сюда шли! Крепость в Каррах была очень маленькой, а вокруг не было ничего, где мы могли бы укрыться.

Карры стоят на соединении караванных путей уже две тысячи лет и, смею сказать, за весь этот период никогда не менялись. Жалкие хижины, схожие с ульями и сложенные из кирпичей, сделанных из навоза и глины. Грязные овцы, грязные козы, грязные женщины, грязные дети, грязная речка. Большие кучи сухого навоза — это единственное топливо, чтобы согреться в холодную пору, и единственное средство осветить ночное небо.

Гарнизон, едва насчитывающим когорту, командовал префект Копоний. Когда мы стали медленно заполнять городишко, он пришел в ужас. У нас не имелось еды, потому что парфяне захватили

наш обоз. Большинство людей и животных были ранены. Мы не могли оставаться в Каррах, это все понимали.

Красс созвал совет, и было решено с наступлением ночи отступить в Синнаку, к Амиде, которая намного лучше укреплена и имеет несколько зернохранилищ. Абсолютно не то направление! Мне хотелось кричать. Но Капоний привел на совет с собой человека из Карр по имени Андромах. Андромах клялся всеми клятвами, что парфяне ждут нас между Каррами и Эдессой, Каррами и Самосатой, Каррами и повсюду вдоль Евфрата. Потом он предложил провести нас в Синнаку, а оттуда в Амиду. Сломленный потерей Публия Красс принял предложение. О, он действительно был проклят! Какое бы решение он ни принимал, оно вело к провалу. Андромах был местным жителем и шпионом парфян.

Я чувствовал это, я знал, знал. К концу дня я уже был абсолютно уверен, что нас поведут в западню. Поэтому я созвал свой совет. Пригласил Красса. Он не пришел. Другие пришли: Цензорин, Мегабокх, Октавий, Варгунтей, Копоний, Эгнаций и еще группа жутко грязных, одетых в лохмотья местных предсказателей и магов. Они роились вокруг Копония, как мухи вокруг разлагающихся останков. Я сказал собравшимся, что каждый волен поступать, как ему будет угодно, но я лично направляюсь не к Синнаке, а к Сирии. Есть там парфяне или нет, мне все равно. Я никому больше не верю. Мне хватило проводников-скенитов!

Копоний возмутился, другие тоже. Не подобает легатам, трибунам и префектам покидать своего генерала. И квестору также не подобает. Префект Эгнаций единственный согласился со мной.

— Нет, — сказали все остальные, — мы пойдем с Марком Крассом.

Я не сдержался — у всех Кассиев есть такой недостаток.

— Тогда оставайтесь умирать! — выкрикнул я. — А тем, кто хочет жить, советую побыстрее найти лошадь. Потому что я еду в Сирию и ни во что не верю, кроме своей звезды!

Предсказатели громко закричали, замахали руками.

— Нет, Гай Кассий! — прохрипел самый древний из них, обвешанный амулетами, крысиными скелетами и наводящими ужас агатовыми глазами. — Иди, если надо, но не сейчас! Луна еще в Скорпионе! Подожди, пока она войдет в Стрельца!

Я посмотрел на него. Меня разобрал смех.

— Спасибо за совет, — сказал я, — но в пустыне я скорее доверюсь скорпиону, чем лучнику!

Около пятисот всадников ускакали со мной и провели ночь в седлах, двигаясь то шагом, то рысью, то легким галопом. Поутру мы подскакали к Европу, который местные жители именуют Кархемишем. Парфян нам не встретилось. И Евфрат был спокоен, по крайней мере настолько, чтобы позволить нам перебраться на тот берег на лодках и переправить своих лошадей. Мы не останавливались до самой Антиохии.

Позже я узнал, что пахлави суренас разгромил всех, кто пошел с генералом. На рассвете второго дня Красс с армией, ведомый Андрوماхом, все еще кружил по пустыне, ни на милю не приблизившись к Синнаке. Парфяне напали снова. Это была беда. Катастрофа. Легионеры то отходили, то пытались стоять — парфяне сломили их. И убили многих. В том числе и легатов, оставшихся с Крассом: Цензорина, Варгунтея, Мегабокха, Октавия, Копония.

У пахлави суренаса был приказ взять Марка Красса в плен, чтобы тот предстал перед царем

Ородом. Как это случилось, не признали даже лазутчики Антипатра, но вскоре после пленения Марк Красс был убит.

Семь серебряных орлов перешли в руки пахлави суренаса в Каррах. Мы их больше никогда не увидим. Они ушли к царю Ороду в Экбатану.

Таким образом, я оказался самым старшим по чину римлянином в Сирии, ответственным за охваченную страхом провинцию. Все были убеждены, что парфяне вот-вот нападут, а у нас не было армии, чтобы отбиться от них. Следующие два месяца я провел, укрепляя подступы к Антиохии. Я организовал систему дозорных постов и сигнальных огней, чтобы в случае нападения все население долины Оронта успело укрыться в крепостных стенах. Потом — поверишь ли? — стали постепенно прибывать и солдаты. Не все погибли возле Карр. Набралось около десяти тысяч — достаточно, чтобы сформировать два неплохих легиона. И по сведениям, дошедшим до моего неоценимого информатора Антипатра, после первого сражения в низовьях Билеха выжило еще десять тысяч римских солдат. Пахлави суренас собрал их и послал на границу Бактрии по ту сторону Каспийского моря, где их используют, чтобы удержать массагетов от набегов. Стрелы ранят, но мало кто умирает от них.

К ноябрю я почувствовал себя в состоянии объехать свою провинцию. Да, свою, ибо Сенат не считал нужным освободить меня от свалившихся на мои плечи забот. Так что в возрасте тридцати лет Гай Кассий Лонгин сделался губернатором Сирии. Ответственность величайшая, но я справлюсь, поверь.

Сначала я посетил Дамаск, потом Тир. Поскольку тирский пурпур очень красив, предполагалось, что и сам Тир ему не уступит. Но это настоящая дыра. И такая вонючая, что тебя

постоянно тошнит. Все время преследует запах гнилых моллюсков. Огромные горы их выпаренных останков наплзают на город, восходя выше крыш. Как тирийцы живут среди этого разложения, понять нельзя, однако доходы их баснословны. К тому же Фортуна мне улыбнулась. Я поселился на вилле главного этнарха Тира Деметрия, в роскошной резиденции на морском берегу, где свежий бриз гонит зловоние прочь.

Там я и познакомился с человеком, чье имя тебе уже, наверное, примелькалось. Это был, как ты догадываешься, Антипатр. Ему сорок восемь, он очень честолюбив и очень влиятелен среди иудеев, хотя сам является иудеем лишь по религии, а по рождению он идумей. По крайней мере, он так говорит. Антипатр оскорбил синод (еврейский религиозный орган правления), женившись на набатейской принцессе по имени Кипрос. Поскольку евреи определяют национальность по матери, это значило, что три сына и дочь Антипатра не евреи. А еще это значило, что Антипатр со своими нешуточными амбициями, женившись на чужеземке, утратил возможность стать еврейским царем. Но ничто не может заставить его расстаться с Кипрос, с которой он неразлучен. Преданная друг другу пара. Их три сына еще подростки, однако уже проявляют характер. Старший, Фазиль, производит хорошее впечатление, но второй мальчик, Ирод, весьма удивляет. Его можно назвать настоящим сплавом извращенной хитрости и свирепой жестокости. Хотел бы я править Сирией лет, скажем, десять, чтобы посмотреть, каким он сделается, когда вырастет.

Антипатр выложил мне подноготную действий парфян в роковой экспедиции бедного Марка Красса, а потом сообщил еще одну интересную новость. Сатрапа Месопотамии, так блестяще разбившего нас,

вызвали в Экбатану. Если ты подданный царя парфян, не смей быть лучше своего господина. Ород был очень рад поражению Красса, но ему совсем не понравилась разворотливость новоявленного полководца пахлави суренаса, его кровного родича. И Ород приказал казнить пахлави. В Риме, одержав победу, ты ожидаешь заслуженных почестей. В Экбатане лишаешься головы.

К тому моменту у меня под рукой уже было два легиона, но они еще не прошли боевого крещения. Очень скоро этот недостаток был ликвидирован. Когда угроза парфян миновала, зашевелились евреи. Хотя мятежный Аристокбул и его сын Антигон были доставлены Габинием в Рим, Александр (другой сын Аристокбула) решил, что настало время свергнуть с еврейского трона ставленника Габиния Гиркана, обретшего власть не без помощи Антипатра. Ну что ж, вся Сирия знала, что в губернаторах теперь простой квестор. Вот и подходящий момент. Два других высокородных еврея, Малих и Пейфолай, решили помочь Александру.

Итак, я пошел к Иеросолиме, или Иерусалиму, если так тебе больше нравится. На подходах к этому городу я столкнулся с тридцатитысячной еврейской армией. Сражение произошло там, где река Иордан вытекает из Генисаретского озера. Да, я был в значительном меньшинстве, но Пейфолай, командовавший мятежниками, вел за собой просто толпу необученных галилеян. Он собрал их в глубинке страны, надел им на головы горшки, дал в руки мечи и повелел разбить два римских обученных, дисциплинированных (и прошедших Карры) легиона. Я сурово поговорил со своими солдатами, и они снова обрели уверенность в себе. А после сражения провозгласили меня на поле боя императором, хотя я сомневаюсь, что Сенат позволит триумф простому квестору. Антипатр посоветовал

мне казнить Пейфолая, и я последовал его совету. Антипатр вовсе не предатель интересов своей нации, хотя, наверное, многие евреи со мной не согласятся. Они хотят править своим собственным уголком мира без Рима, а Антипатр реалист. Он знает, что Рим никуда и никогда не уйдет.

Немногие из галилеян уцелели. Я послал всех их на рынки рабов в Антиохии и таким образом получил свой первый личный доход в дополнение к славе. Тертулла выйдет замуж за человека, который стал намного богаче, чем был!

Антипатр замечательный человек. Здравомыслящий, проницательный и очень умный. Он знает, как угодить Риму и как удержать евреев от междоусобиц, чтобы те не поубивали друг друга. Кажется, этот народ постоянно будет страдать от внутренних свар, пока кто-нибудь не введет его в жесткие рамки. Например, римляне. Или (как ранее) египтяне.

Итак, Гиркан все еще пребывает на троне и остается верховным жрецом. Уцелевшие мятежники, Малих и Александр, безропотно подчинились.

А теперь я обращаюсь к последним страницам книги о необычной судьбе Марка Красса. После Карр он умер, да, но должен был совершить еще одно путешествие. Пахлави суренас отрубил ему голову и правую руку и в сопровождении диковинной процессии послал их в Артаксату, столицу Армении, далеко на север к снежным горам, где река Аракс впадает в Каспийское море. Там царь Ород и царь Артавазд побратались, закрепив акт братания браком. Пакор, сын Орода, женился на Лаодике, дочери Артавазда. У нас в Риме тоже так делают.

В Артаксате праздновали свадьбу, а жуткая процессия продолжала свой путь. Парфяне пленили и оставили в живых центуриона Гая Пакциана,

потому что он сильно напоминал Марка Красса. Столь же кряжистый и медлительный, как генерал, он брел по чужой земле в тоге Красса, а впереди прыгали клоуны, одетые ликторами, с пучками прутьев, обвязанных кишками римлян и увенчанных головами римских легатов. Следом за этим «Марком Крассом» двигались танцовщицы, проститутки и музыканты, распеваящие грязные песенки и размахивающие найденными в багаже трибуна Росция порнографическими листками. За ними несли голову и руку настоящего Красса. В последнем ряду тускло поблескивали семь наших серебряных орлов.

Похоже, армянский царь Артавазд был любителем греческой драмы. Ород тоже знал греческий, поэтому в программу торжеств был включен ряд греческих пьес. Вечером, когда процессия прибыла в Артаксату, публика наслаждалась «Вакханками» Еврипида. Ну, ты знаешь эту вещицу. Роль царицы Агавы исполнял актер Ясон из города Траллы, более известный своей ненавистью к римлянам, чем блестящей игрой.

В заключительной сцене Агава появляется, неся на блюде голову своего сына, царя Пенфея, которую в пьяном безумии сама же и отсекала.

Появилась царица Агава. На блюде она несла голову Марка Красса. Ясон поставил блюдо, снял с себя маску и вскинул вверх мертвую голову, что было легко сделать, ибо, как многие лысоватые люди, Красс отращивал на затылке длинные волосы, чтобы зачесывать их на лоб. Торжествуя ухмыляясь, актер стал размахивать головой.

— Будь благословенна эта добыча, только что отделенная от туловища! — прокричал он.

— Кто умертвил его? — пропел хор.

— Эта честь выпала мне! — громко выкрикнул Помоксартр, старший офицер армии пахлави

суренаса.

Говорят, сцена имела успех.

Голова и правая рука Красса были выставлены на зубчатых стенах Артаксаты. Они, насколько мне известно, и по сей день еще там. Тело его осталось лежать, где упало, и было съедено хищниками.

«О, Марк! Какой жуткий конец! Неужели ты не понимал, к чему все идет? Атей Капитон проклял тебя, потом прокляли и евреи. Твоя армия поверила в силу этих проклятий, а ты ничего не сделал, чтобы развенчать этот миф. И теперь пятнадцать тысяч хороших римских солдат мертвы, а десять тысяч принуждены охранять чужую границу. Моей эдуйской кавалерии больше нет, как нет и многих галатов, а Сирией управляет предприимчивый, невыносимо тщеславный молодой человек, чьи презрительные слова о тебе навеки тебя заклеямили. Парфяне убили твоё тело, Гай Кассий убил твою личность. Я знаю, какую судьбу я бы предпочел.

Твой старший сын убит. Он тоже сделался добычей хищников. В пустыне не обязательно сжигать или хоронить. Старый царь Митридат привязал Мания Аквиллия к ослу, а потом влил ему в горло расплавленное золото, чтобы насытить его алчность. Может быть, Ород и Артавазд хотели то же самое сделать с тобой? Но ты перехитрил их. Ты умер достойно, прежде чем они смогли над тобой надругаться. Бедный, несчастный центурион Пакциан, вероятно, принял за тебя эту муку. А твои незрячие глаза вперились в хребты гор, теряющихся в ледяной панораме Кавказа».

Цезарь долго сидел, вспоминая, как доволен был Красс, когда великий понтифик прицепил к его двери колокольчик, на который ему самому тратиться было жалко. Как уверенно и спокойно он разделался со Спартаксом, потратив на это лишь зиму. Как трудно было убедить его обняться на ростре с Помпеем по завершении их первого совместного консульства. С какой легкостью он издал приказ, спасший Цезаря от преследований ростовщиков и вечной ссылки. С каким удовольствием они проводили часы своих встреч. И как отчаянно хотел Красс принять участие в большой военной кампании, чтобы добиться триумфа. Перед глазами все время стояло крупное, ласковое лицо.

Ничего не осталось. Съеден хищниками. Не сожжен и не похоронен. Цезарь оцепенел. Думал ли кто-нибудь, что так все

кончится? Он придвинул к себе лист бумаги, макнул тростниковое перо в чернильницу и написал своему другу Мессале Руфу в Рим с просьбой от его имени купить для теней обезглавленных право переправиться в царство мертвых.

«Я становлюсь авторитетным среди тех, у кого отрублены головы», — подумал он, щуря глаза.

К счастью, Луций Корнелий Бальб-старший был с Цезарем, когда пришел ответ от Помпея на его письмо, в котором он предлагал Магну два брака и просил провести закон, разрешающий ему баллотироваться без личной явки.

— Я так одинок, — сказал Цезарь Бальбу, но без особой печали. Потом пожал плечами. — Ну что ж, это происходит, когда стареешь.

— Пока ты не уйдешь на покой, — тихо сказал Бальб, — у тебя не будет времени на друзей.

Проницательные глаза блеснули, большой рот дрогнул, обозначились ямочки.

— Какая ужасная перспектива! Покой — это не для меня.

— А ты не думаешь, что когда-нибудь все уже будет сделано?

— Кому-кому, а мне дела хватит. Когда Галлия отойдет на второй план, как и мое вторичное консульство, я приложу все силы, чтобы отомстить за смерть Марка Красса. Я все еще не могу отойти от шока, а тут еще это.

Он постучал по письму.

— А смерть Публия Клодия?

Блеск исчез из глаз, губы сжались.

— Смерть Публия Клодия была неминуема. Он заигрался. Молодой Курион сообщил мне, что Клодий собирался передать власть над Римом кучке неримлян.

Бальб, римский гражданин, но в то же время неримлянин, не повел и бровью.

— Говорят, молодой Курион очень стеснен в деньгах.

— Да? — Цезарь задумался. — А он нам нужен?

— В данный момент — нет. Но все может измениться.

— Что ты скажешь об ответе Помпея?

— А что скажешь ты сам?

— Я не уверен, что не сделал ошибки, пытаюсь соблазнить его новым браком. Он стал очень разборчивым в выборе жен. Дочь какого-то Октавия недостаточно хороша для него. Во всяком случае, я прочел это между строк. Наверное, мне надо было сказать прямо, но я вообразил, будто он поймет сам, что, как только младшая Октавия достигнет брачного возраста, я выдерну из-под него первую Октавию и заменю второй. Хотя и первая очень ему подошла бы. Не из Юлиев, но воспитана Юлиями. Это в ней видно, Бальб.

— Сомневаюсь, что аристократичность манер действует на Помпея так же эффективно, как родословная, — чуть улыбаясь, сказал Бальб.

— Интересно, на кого он нацелился.

— Потому-то я и приехал в Равенну, Цезарь. Птичка, севшая мне на плечо, прочирикала, что *boni* помахивают у него перед носом подолом вдовы Публия Красса.

Цезарь резко выпрямился.

— Дерьмо!

Через мгновение он успокоился и покачал головой.

— Метелл Сципион не допустит этого, Бальб. Кроме того, я знаю эту гордячку. Она не Юлия. Я сомневаюсь, что она разрешит Помпею даже дотронуться до края ее подола, не говоря уже о том, чтобы его задрать.

— Одна из проблем, связанных с твоим восхождением на римский Олимп, несмотря на все попытки *boni* тебе помешать, состоит в том, что их отчаяние достигло той степени, когда они готовы использовать Помпея точно так же, как используешь его ты. А каким образом они могут склонить его на свою сторону? Естественно, через брак, и такой звездный, что он исполнится благодарности к ним. Отдать ему Корнелию Метеллу — значит буквально пустить его в свои ряды. Помпей посчитает этот брак подтверждением от *boni*, что он действительно Первый Человек в Риме.

— То есть ты думаешь, что это возможно?

— О да. Корнелия рассудительна. Если она решит, что подобная жертва необходима, то пойдет на заклятие столь же охотно, как и авлидская Ифигения.

— Но не по той же причине.

— И да, и нет. Сомневаюсь, что какой-либо мужчина сумеет ответить запросам Корнелии в большей степени, чем ее отец, а Метелл

Сципион несколько смахивает на Агамемнона. Корнелия влюблена в свою собственную аристократичность настолько, что не поверит, что супружество с каким-то пиценским Помпеем сможет как-нибудь отозваться на ней.

— Тогда, — решительно сказал Цезарь, — в этом году я за Альпы не двинусь. Мне нужно понаблюдать за Римом. — Он стиснул зубы. — Куда девалась моя удача? Семья, знаменитая производством девиц, не может предоставить мне ни одной.

— Не это поддерживает тебя, Цезарь, — твердо сказал Бальб. — Ты выступишь.

— Я так понимаю, что Цицерон скоро будет в Равенне?

— Очень скоро.

— Прекрасно. Молодой и талантливый Целий не должен растрачиваться на таких, как Милон.

— Которому никогда не стать консулом.

— Ибо за ним стоят Катон и Бибул.

После ухода Бальба Цезарь выбросил Рим из головы. Мысли его обратились к Сирии, к потере семи римских орлов, без сомнения теперь украшающих залы дворца в Экбатане, теща спесь его обитателей. Необходимо было их отобрать, а это означало войну с Ородом. И может быть, с Артаваздом. Ознакомление с письмом Гая Кассия подсознательно сосредоточило его на восточных делах. Он постоянно держал их в уме, разрабатывая стратегию завоевания могущественной империи через победу над двумя сильными армиями. Лукулл в Тигранокерте показал, что это возможно. А потом проиграл. Вернее сказать, позволил Публию Клодию проиграть. По крайней мере, хоть с этим теперь все в порядке. Публий Клодий мертв. Его больше нет. «А в моей армии никогда не будет никаких Клодиев. В ней будут Децим Брут, Гай Требоний, Гай Фабий, Тит Секстий. Все они замечательные ребята. Они знают меня, понимают меня. Они способны и лидировать, и подчиняться. Не то что Тит Лабиен. Я не возьму его в парфянский поход. Он доиграет свою роль в Галлии, но после этого я с ним покончу».

Объединение Длинноволосой Галлии было весьма трудной работой, но Цезарь хорошо знал, как это делать. И неуклонно пытался установить добрые отношения с как можно большим числом галльских вождей. Он хотел, во-первых, чтобы галлы почувствовали, что они сами

будут определять свое будущее, а во-вторых, чтобы в них зародилась признательность Риму. Но он не делал ставки на таких, как Аккон или Верцингеториг. Нет, он надеялся на таких, как Коммий и Вертикон, убежденных, что лучший способ сохранить галльские обычаи и традиции — это спрятаться за римским щитом. Коммий, правда, мечтал сделаться единовластным правителем белгов — и пусть. Это не страшно, это можно позволить. Это в конце концов превратит белгов в единый народ, подчиняющийся преданному Риму царю. А у Рима прекрасные отношения с такими царями.

Но Тит Лабиен не был ни мыслителем, ни политиком. И ненавидел Коммия за то, что Коммий связан с Цезарем напрямую, а не через него.

Зная об этом, Цезарь старался не сводить Лабиена и царя атребатов. Но пока Гиртий спешно не прибыл к нему из Дальней Галлии, Цезарь не понимал, почему Лабиен попросил откомандировать к нему на зиму Гая Волусена Квадрата, военного трибуна достаточно высокого происхождения, чтобы занять место префекта.

— Волусен, как и Лабиен, ненавидит Коммия, — сказал Гиртий устало.

— Волусен ненавидит Коммия? Почему? — нахмурился Цезарь.

— После второго похода в Британию, полагаю. Обычное дело. Им обоим понравилась одна женщина.

— Она отвергла Волусена и предпочла ему Коммия?

— Именно. А почему бы и нет? Она уже находилась у Коммия под защитой. Я помню ее. Симпатичное создание.

— Иногда, — вздохнув, сказал Цезарь, — мне страстно хочется, чтобы мы, мужчины, сбежали от женщин куда-нибудь отдохнуть. Женщины только усложняют нам жизнь.

— Подозреваю, что женщины думают о нас то же самое, — с улыбкой откликнулся Гиртий.

— Да, но подобные философские сентенции не помогут нам выяснить, зачем Лабиену понадобился Волусен. Продолжай.

— Лабиен сообщил мне в письме, что Коммий подстрекает людей к мятежу.

— И это все? Без каких-либо подробностей?

— Он намекнул, что Коммий интригует с менапиями, нервиями и эбуронами.

— От этих племен почти ничего не осталось.

— И что он заигрывает с Амбиоригом.

— Это уже кое-что. Но я бы предположил, что Коммий просто прощупывает противника. Амбиориг скорее угроза его мечте стать великим царем белгов, чем опора и помощь.

— Согласен. Вот почему я и почуял запах гнилой рыбы. Длительное знакомство с Коммием убедило меня, что он очень хорошо знает, кто ему истинный друг. И это ты.

— Что еще?

— Если бы Лабием больше ничего не прибавил, я бы остался в Самаробриве, — сказал Гиртий. — Но свое по обыкновению очень коротенькое письмецо он завершил фразой, вызвавшей у меня желание ознакомиться с обстановкой на месте.

— Что же он написал?

— Что мне нечего волноваться, ибо он сам справится с Коммием.

— О! — Цезарь подался вперед, сжав коленями руки. — Значит, ты поскакал к Лабиему?

— Однако я опоздал. Дело было сделано. Лабием вызвал Коммия на переговоры, но отправил вместо себя Волусена с отрядом вооруженных и агрессивно настроенных центурионов. Коммий, не ожидавший подвоха, явился на встречу только со свитой, без какой-либо охраны. Думаю, он не испытал большой радости, обнаружив там Волусена, хотя я и не знаю этого наверняка. Все, что я знаю, мне рассказал Лабием, явно гордясь тем, как умно он все придумал, но сожалея, что замысел не удался.

— Ты хочешь сказать, — в недоумении спросил Цезарь, — что Лабием хотел убить Коммия?

— Да, — просто ответил Гиртий. — Он так и сказал. Лабием считает глупостью с твоей стороны доверять мятежнику, строящему коварные планы. Коммий плел заговор, и Лабием решил расправиться с ним.

— Без прямых доказательств его виновности?

— Разумеется. Когда я пустился в расспросы, никаких веских резонов он мне не привел. Только твердил, что он прав, а ты нет. Ты ведь знаешь этого человека.

— Что же там вышло?

— Волусен поручил одному из центурионов поразить Коммия, а другим вменялось разделаться с его свитой в тот момент, когда Волусен

протянет Коммию руку.

— Юпитер! Разве мы — последователи Митридата? Так поступают лишь на востоке! О-о-о... Но продолжай.

— Волусен протянул руку, Коммий протянул свою. Центурион выхватил из-за спины меч и сделал выпад. Однако он либо на миг ослеп, либо не был доволен порученной ему миссией. Лезвие лишь рассекло Коммию кожу на лбу. Волусен вытащил свой меч, но Коммия перед ним уже не было. Атребаты окружили его и благополучно ушли.

— Если бы я не услышал это от тебя, Гиртий, то никогда не поверил бы, — медленно проговорил Цезарь.

— Поверь, Цезарь, поверь!

— Выходит, Рим потерял очень ценного союзника.

— Я тоже так думаю. — Гиртий протянул Цезарю небольшой свиток. — Это пришло от Коммия, когда я вернулся в Самаробриву. Я не вскрывал его, ибо послание адресовано тебе.

Цезарь взял свиток, сломал печать, развернул.

Меня предали, и есть все основания думать, что это случилось с твоего ведома, Цезарь. Ты ведь не держишь в своей войске людей своевольных, не подчиняющихся твоим приказам. Я считал тебя честным человеком, поэтому пишу тебе с болью, равной той, что доставляет мне рана. Можешь взять себе титул великого царя белгов. Я останусь с моим народом, в котором нет предателей. Да, мы убиваем друг друга, но честно, открыто. А у тебя нет чести. И я поклялся, что ни один римлянин с этих пор мне не друг.

— Мне кажется, что мой мир — это бесконечная вереница отрубленных голов, — сказал Цезарь, стиснув зубы так, что рот его побелел. — Но истинно говорю тебе, Авл Гиртий, я с огромным удовольствием снял бы голову с плеч Лабиена. Не сразу, а постепенно, по чуть-чуть. Но сначала подверг бы его порке кнутом.

— А на деле что ты думаешь предпринять?

— Ничего.

Гиртий был удивлен.

— Ничего?

— Ничего.

— Но... но... ты должен хотя бы сообщить об этом Сенату! — воскликнул Гиртий. — Конечно, накажут Лабиена не так, как бы ты предпочел, но это определенно убьет все его надежды на дальнейшее продвижение.

Цезарь повернул голову, опустив подбородок.

— Я не могу этого сделать, Гиртий! Вспомни, какие неприятности доставил мне Катон из-за так называемых германских послов! Если хоть что-то из этой истории дойдет до него, вокруг моего имени поднимется вонь до небес. Вокруг моего имени, а не Лабиена. Псы будут охотиться не за ним. Они вонзят клыки в мою шкуру.

— Ты прав, конечно, — вздохнув, сказал Гиртий. — Значит, Лабиену все сойдет с рук?

— На данный момент, — спокойно уточнил Цезарь. — Его время придет. Как только истечет срок его пребывания в Галлии, я поступлю с ним хуже, чем Сулла поступил со своей бедной женой.

— А Коммий? При известном старании, Цезарь, я мог бы убедить его встретиться с тобой лично. Он быстро поймет, что ты тут ни при чем.

Цезарь покачал головой.

— Нет, Гиртий. Это ничему не поможет. Мои отношения с Коммием основывались на полном взаимном доверии, а его больше нет. Даже если мы помиримся, все равно будем косо смотреть друг на друга. И потом, он дал клятву с нами больше не знаться. А галлы относятся к клятвам так же серьезно, как мы.

Жить в Равенне было приятно, но Цезарь надолго задерживался в этом городе еще и потому, что держал там школу гладиаторов. Климат Равенны, где никто не болел малярией, считался весьма пригодным для интенсивной физической тренировки.

Это доходное дело так понравилось Цезарю, что вскоре после первого опыта он стал владельцем нескольких тысяч бойцов. Правда, большинство из них обреталось в школе близ Капуи. Равенна предназначалась для лучших. Тех, кого Цезарь планировал использовать и по истечении срока их пребывания на арене.

Его агенты покупали или приобретали через военные суды только наиболее перспективный материал. Главным образом дезертиров из

армии (у них был выбор — лишение гражданских прав или участие в подневольных боях), но также и настоящих убийц, причем некоторые из них предлагали свои услуги. Однако таких предложений Цезарь не принимал, говоря, что свободный римлянин с желанием убивать должен записываться в легионы. Пять-шесть лет эти люди проводили в показательных схватках. Под рукой Цезаря это были хорошие годы.

Его гладиаторы жили в приличных условиях, их хорошо кормили, работать много не заставляли, впрочем, как и в большинстве гладиаторских школ, которые вовсе не были тюрьмами. Люди пользовались относительной свободой передвижения, то есть могли ходить, куда им вздумается, если на очереди у них не было важных боев, требующих усиленных тренировок и многодневного воздержания от возлияний. Похмельный и плохо натренированный гладиатор рисковал быть покалеченным или убитым скорее других, а стоил он дорого, и, естественно, владельцы подобных школ старались свести риск к минимуму.

Гладиаторские бои были чрезвычайно популярны и проходили не только в цирках. Для них вполне годилась любая, даже совсем маленькая территория, например базарная площадь. Богатые семьи традиционно устраивали в память об умерших погребальные игры, а они без боев не обходились. Гладиаторов за баснословные деньги забирали из школы (обычно от четырех до сорока пар), они дрались и возвращались обратно. Так шла их жизнь, а по прошествии шести лет или после тридцати схваток им даровалась свобода. Причем гражданства они не теряли и успевали кое-что скопить. А особенно отличившиеся бойцы становились народными идолами. Вся Италия знала их имена.

Одной из причин, по которым Цезарь заинтересовался этим зрелищным и очень выгодным предприятием, была присущая ему рачительность. Он задумался, куда идут эти люди по истечении срока их наказания. В телохранители, в вышибалы? Цезарь считал, что это пустая трата приобретенного в бесконечных боях мастерства. Пусть идут в армию, но, разумеется, не рядовыми. Хороший гладиатор, умеющий защитить свою голову на арене, мог впоследствии стать отличным военным инструктором, а то и центурионом. И частенько случалось, что некоторые дезертиры возвращались уже офицерами в покинутый ими некогда легион.

Школа в Равенне воспитывала наиболее перспективных профессионалов. Конечно, школа близ Капуи тоже работала в полную силу, но эта школа не видела его с тех пор, как он стал губернатором, ибо губернатор провинции не мог появляться в самой Италии, пока он командовал армией.

Имелись и другие причины, по каким Цезарь предпочитал бывать в Равенне чаще, чем где-то еще. Равенна располагалась рядом с рекой Рубикон, отделявшей Италийскую Галлию от Италии. От нее до Рима было всего двести миль, причем по прекрасной дороге, обеспечивавшей скорое передвижение как личных курьеров Цезаря, так и людей, которым хотелось увидеться с ним.

После смерти Клодия он с интересом следил за римской жизнью, абсолютно уверенный, что диктаторство сделалось главной целью Помпея. По этой причине он и написал ему то письмо с матримониальными предложениями, о чем вскорости пожалел. Отказ оставил горький привкус во рту. Похоже, Помпей теперь так занесся, что не считает нужным угождать кому-либо, кроме себя. И все же, когда закон десяти плебейских трибунов дозволил Цезарю баллотироваться *in absentia*, он задумался, не являются ли его размышления о заносчивости Помпея просто фантазиями человека, вынужденного получать все новости из вторых рук. О, чего бы он не дал за возможность провести месяц в Риме! Но это ему, увы, было заказано. С одиннадцатью легионами под началом нечего даже и думать о переходе через Рубикон.

Удастся ли Помпею стать диктатором? Римские всадники и сенаторы, подогреваемые Катонем и Бибулом, отчаянно противились этому. Но даже до Равенны докатывались отголоски сотрясающих Рим конвульсий, и нетрудно было понять, кто их автор. Помпей, разумеется. Жаждающий получить абсолютную власть. Пытающийся пересилить Сенат.

Получив известие, что Помпей стал консулом без коллеги, Цезарь расхохотался. Блестящий ход, и, главное, неконституционный! *Voni* этим связали Магну руки, а тот не заметил ловушки. Принял, уже вторично, незаконно предложенную ему власть. То есть показал всему Риму — и особенно Цезарю, — что у него кишка тонка потерпеть и дожждаться, когда ему предложат вполне конституционный пост — стать диктатором.

Ты всегда будешь деревенщиной, Помпей Магн! Не умеешь ты жить в городах! Тебя обхитрили, а ты этого даже не понял. Посиживаешь на Марсовом поле и считаешь себя победителем, но это не так. Победили Бибул и Катон. Ты попался. Как бы громко смеялся Сулла!

* * *

Главным опорным пунктом сенонов был город Агединк на реке Икавне, и именно там Цезарь разместил на зиму шесть своих легионов. Он не был уверен в лояльности этого очень сильного племени, особенно после казни Аккона.

Гай Требоний в отсутствие Цезаря командовал всем войском, но у него не было права посылать его в бой, о чем знали все галлы.

В январе Требоний был поглощен самым неприятным для командующего занятием. Ему надлежало раздобыть провиант в количестве, достаточном для прокорма тридцати шести тысяч солдат. Поспевал урожай, причем столь богатый, что, будь у Требония легионов поменьше, его нужды вполне удовлетворил бы сбор с местных полей. А так приходилось вертеться, искать везде, где только можно.

Фактически закупкой зерна для Требония занимался человек невоенный. Это был римский всадник Гай Фуфий Кита. Давно уже живший в Галлии, он говорил на многих ее языках, и в центральных районах страны его знали. Он отправился в путь с возом денег, сопровождаемый тремя когортами хорошо вооруженной охраны. Следом катились высокобортные повозки, запряженные десятью волами попарно. По мере того как очередная из них наполнялась драгоценной пшеницей, ее гнали в Агединк, разгружали и отправляли обратно.

Объехав все территории к северу от Икавны и Секваны, Фуфий Кита подобрался к землям мандубиев, лингонов и все тех же сенонов. Вначале закупки шли бойко, потом у сенонов приток зерна вдруг сократился: сказывалась казнь Аккона. Фуфий Кита повернул к карнугам, на запад. Там зерном торговали всюю.

Обрадованный Фуфий Кита со своими подручными решил остановиться в столице карнутов Кенабе. Там деньгам его (количество каковых поуменьшилось) ничто не грозило, и стали ненужными три когорты охраны. Их без задержки отправили в Агединк. Ибо Кенаб для Фуфия Киты был вторым домом. Остановившись у друзей-римлян, он надеялся без хлопот завершить заготовки, наслаждаясь покоем и размеренной, почти цивилизованной жизнью.

Кенаб и впрямь являлся в Галлии чем-то вроде оазиса римской цивилизации. В стенах его проживало много зажиточных римлян и греков, а слободки вокруг этих стен разрослись и процветали, занятые обработкой металлов. Но Аварик был больше Кенаба, и Фуфий Кита подчас вздыхал по нему, впрочем, вполне удовлетворенный и своим теперешним положением.

Договор между Верцингеторигом, Луктерием, Литавиком, Котием, Гутруатом и Седулием, заключенный в момент эмоционального напряжения, вызванного казнью Аккона, не остался пустой болтовней. Каждый из этих вождей в своих землях повел разговоры о вероломстве и высокомерии римлян. Смерть Аккона была веским тому доказательством и всех волновала. Галлия все еще не оставила мысли скинуть ярмо.

Гутруат вел антиримскую пропаганду активней других. Он очень хорошо знал, что Цезарь считает его соучастником в деле Аккона. Он был следующим кандидатом на показательную экзекуцию, в результате чего мог лишиться головы. Но ему было все равно, что с ним станет, лишь бы жизнь Цезаря в Галлии сделалась невыносимой. Поэтому, возвратившись в земли карнутов, он, как и обещал Верцингеторигу, в первую очередь пошел к друидам, а точнее, прямо к Катбаду.

— Ты прав, — сказал ему Катбад. Он помолчал, потом добавил: — Как прав и Верцингеториг. Мы должны объединиться с другими народами, чтобы прогнать римлян. По-другому не выйдет. Я подниму всех друидов.

— А я, — оживился Гутруат, — буду ездить среди карнутов с боевым кличем!

— Боевой клич? Что еще за клич?

— Слова, которые Думнориг и Аккон выкрикнули перед смертью: «Я свободный человек в свободной стране!»

— Отличный девиз, — одобрил Катбад. — Но я предлагаю его улучшить: «Мы свободные люди в свободной стране!» Это основа для единения, Гутруат. Когда человек начинает думать не о себе, а о многих.

Карнуты сбивались в группы, готовились к мятежу. Все кузнецы, проживавшие возле Кенаба, изготавливали кольчуги. Но они действовали очень скрытно, и изменений в их поведении не замечали ни римляне, ни даже такой тертый калач, как Фуфий Кита.

К середине февраля урожай был полностью собран. Все силосные ямы и зернохранилища заполнили под завязку. Окорока закоптили, свинину и оленину пересыпали солью, яйца, свеклу и яблоки погрузили в подземные ямы. Кур, уток, гусей основательно огородили, скот и овец отогнали подальше от дорог.

— Время начинать, — сказал Гутруат своим сотоварищам. — Мы, карнуты, подадим всем пример. Поскольку идея восстания принадлежит нам, нам же принадлежит и право первого удара. И мы сделаем это, пока Цезарь находится по другую сторону Альп. Знамения говорят, что зима будет тяжелой, а Верцингеториг считает, что необходимо помешать Цезарю возвратиться к своим легионам. Без него они носу не высунут из лагерей. К весне вся Галлия будет с нами.

— Что ты собираешься делать? — спросил Катбад.

— Завтра на рассвете мы войдем в Кенаб и убьем там всех римлян и греков.

— Это война.

— О ней будет знать Галлия, но не римляне. Я не хочу, чтобы весть о случившемся дошла до Требония, ведь он тут же свяжется с Цезарем. Нет уж, пусть Цезарь сидит, где сидит, пока не восстанет вся Галлия.

— Стратегия хорошая, если сработает, — сказал Катбад. — Надеюсь, ты будешь более удачлив, чем нервии.

— Мы не белги, Катбад, мы — кельты. Кроме того, нервии целый месяц не давали Квинту Цицерону послать весточку Цезарю. Неужели же мы этого не сумеем? Месяц — достаточный срок. Через месяц наступит зима.

Таким образом, Гай Фуфий Кита, как и все негаллы в Кенабе, на себе ощутил правоту римской поговорки, утверждавшей, что все мятежи начинаются с истребления римлян. Под командованием

Гутруата отряд карнутов налетел на собственную столицу, занял ее и убил там всех иностранцев. Фуфия Киту постигла участь Аккона. Его публично высекли и обезглавили, хотя умер он уже от кнута. Допросив человека, который порол, карнуты ни к чему не могли придраться. Голову Фуфия Киты с ликованием доставили к могиле Езуса, и там Катбад принес ее в жертву.

Новости в Галлии разносятся очень быстро, хотя и претерпевают великие искажения. Не всегда можно правильно разобрать, что там кричат тебе через поле.

Утром пошла молва: «Все римляне в Кенабе убиты». А через полторы сотни миль это звучало уже так: «Карнуты восстали и перебили всех римлян на своей земле!» Именно в таком виде с наступлением сумерек новость дошла до главного опорного пункта арвернов, Герговии, и ее услышал Верцингеториг.

Наконец-то! Наконец-то свершилось! Мятеж вспыхнул в центре Галлии, а не во владениях белгов или западных кельтов! Эти люди умны, они знают цену кольчугам и шлемам и изучили военные хитрости римлян. Скоро и сеноны, и паризии, и свессионы, и битуриги, и все прочие племена Центральной Галлии тоже воспрянут. И он, Верцингеториг, примкнет к ним, чтобы возглавить единую армию галлов!

Разумеется, он тоже не сидел сложа руки, но действовал отнюдь не так успешно, как Гутруат. Трудность состояла в том, что арверны еще не забыли гибельную для них войну против Агенобарба. Их наголову разгромили, и рынки рабов впервые получили многие партии галльских женщин с детьми. А мужчин почти всех перебили.

— Верцингеториг, арвернам понадобилось семьдесят пять лет, чтобы снова подняться, — сказал Гобанницион на совете арвернов, стараясь быть терпеливым. — Когда-то мы были самым большим племенем во всей Галлии. Потом, обуреваемые гордыней, мы ополчились на Рим — и стали никем. Первенство взяли эдуи, карнуты, сеноны. И до сих пор его держат, несмотря на все наши старания. Так что против Рима мы теперь не пойдем.

— Дядя, послушай, времена изменились! — воскликнул Верцингеториг. — Да, нас разбили! Да, нас унизили, уничтожили, продали в рабство! Но мы были просто народом среди многих народов! И сегодня ты снова смотришь, какое племя сильнее. Прикидываешь,

сколько продержатся против римлян карнuty. Но с такими мыслями жить дальше нельзя! Нам надо взять за главное нечто иное! Мы должны стать единым народом! Братством свободных людей в свободной стране! Мы не арверны, не эдуи и не карнuty! Мы — галлы! Мы едины! Вот в чем наша сила! Объединившись, мы так ударим по римлянам, что они навсегда забудут дорогу сюда. Но будь уверен, мы о них не забудем. И однажды ворвемся в Италию. Придет день — и Галлия завоюет весь мир!

— Мечты, Верцингеториг, глупые мечты, — устало сказал Гобанницион. — Племенам Галлии никогда не договориться.

В результате этой дискуссии, а также многого другого совет арвернов запретил Верцингеторигу появляться в Герговии. Но на ее окрестности запрета не наложил. И Верцингеториг остался жить в своем доме близ крепости, деятельно убеждая тех, кто помоложе, поверить, что правда за ним. Ему помогали кузены Критогнат и Веркассивелаун, развившие невиданную активность.

Он не мечтал. Он планировал, полностью сознавая, что главные трудности впереди. Нужно убедить вождей других племен Галлии, что он, Верцингеториг, единственный, кто должен командовать большой армией всей Галлии.

И когда новость о событиях в Кенабе достигли Герговии, Верцингеториг воспринял ее как знак, которого он ждал. Он призвал всех к оружию, вошел в Герговию, возглавил совет и убил Гобаннициона.

— Я — ваш царь, — сказал он собравшимся в тесном помещении вождям. — И скоро сделаюсь царем новой Галлии! Теперь я иду в Карнут говорить с другими вождями, а по пути стану поднимать против римлян все племена.

Племена поднялись. Люди принялись доставать из тайных схронов оружие. Всю Центральную Галлию охватила волна возбуждения и покатила на север, к белгам, и на запад, к арморикам и кельтам приморских районов. И даже южнее — к Аквитании. Галлы собирались объединиться. А объединенные галлы собирались прогнать римлян прочь.

Но самую тяжелую битву Верцингеторигу нужно было выиграть в Карнute, в дубовой роще. Здесь он должен был мобилизовать всю силу

убеждения, чтобы его назначили вождем. Слишком еще рано настаивать на том, чтобы его звали царем, — это будет после того, как он продемонстрирует качества, необходимые для царя.

— Катбад прав, — сказал он вождям, намеренно не упоминая о Гутруате. — Мы должны отрезать Цезаря от легионов, пока не вооружим всю Галлию.

В дубовую рощу явились многие, даже те, кого он не ждал, включая Коммия, царя атребатов. Все, с кем он заключал договор, пришли тоже. Луктерий рвался быть первым. Но выступление Коммия решило вопрос.

— Я верил римлянам, — сказал он, оскалив зубы. — Не потому, что хотел предать свой народ, а по тем же причинам, о которых только что говорил Верцингеториг. Галлии нужно сплотиться. И я думал, что единственный способ добиться этого — использовать Рим. Разрешить Риму, такому централизованному, такому организованному, такому эффективному, сделать то, чего, как мне казалось, никогда не сможет ни один галл: объединить нас, заставить нас думать о себе как о едином народе. Но в этом арверне, Верцингеториге, я вижу человека нашей крови, обладающего требуемыми силой и волей. Я не кельт. Я — белг. Но прежде всего я галл! И я говорю вам, мои соотечественники, цари и вожди: я последую за Верцингеторигом! Я сделаю все, что он скажет. Я приведу своих атребатов к нему и скажу: вот ваш лидер, а я ему просто помощник!

Катбад провел голосование и объявил, что Верцингеториг избран командующим галльского объединенного войска. Его задача — изгнать римлян из галльских земель.

И Верцингеториг, худой как скелет, с лихорадочно горящими щеками, стал доказывать соотечественникам, что выбор был сделан не зря.

— Стоимость этой войны будет огромной, — сказал он, — и все наши народы должны пойти на определенные траты. Общее бремя укрепит в нас чувство единства. Все мужчины должны явиться на сбор вооруженными и в полной экипировке. Мне не нужны храбрые идиоты, сражающиеся нагишом, чтобы продемонстрировать свою доблесть. Всем надлежит купить или раздобыть кольчуги и шлемы, а также большие щиты, равно как и стрелы или пики. Каждому племени следует определить, сколько продуктов выделить своим людям. Воины

должны знать, что у них не будет возможности возвращаться домой за едой. И не надейтесь на большую добычу, наши трофеи не окупят затрат на войну. Мы также не станем просить помощи у германцев. Сделать это — значит пустить волков через заднюю дверь, пока от парадного входа отгоняют орду диких вепрей. Не станем мы ждать помощи и от галлов, решивших отсидеться в кустах. Мы просто сочтем их предателями всенародного дела! Ни ремы, ни лингоны не прислали своих представителей на совещание. Что ж, они сами выбрали свою судьбу! — Он тихо засмеялся. — Лошади ремов гораздо лучше германских!

— Битуригов тоже нет здесь, — сказал Седулий, вождь лемовиков. — Я слышал, они хотят взять сторону Рима.

— Я тоже слышал, — нахмурился Верцингеториг. — Но есть ли у кого-нибудь доказательства повесомее слухов?

Отсутствие битуригов было проблемой. На землях их располагались железные рудники. А железо, превращенное в сталь, — это много тысяч кольчуг, шлемов, мечей, наконечников копий.

— Я пойду в Аварик и узнаю причину, — сказал Катбад.

— А что должны делать эдуи? — спросил Литавик, эдуй, пришедший на собрание с Котием, тоже эдуй и вергобретом прошлого года. — Скажи нам, Верцингеториг.

— У эдуев самая важная задача, Литавик. Ваш народ должен притворяться другом и союзником Рима.

— А-а! — улыбнулся Литавик.

— Нам незачем раскрывать карты раньше времени. Пусть Цезарь считает, что эдуи верны его интересам. Пусть с царским видом требует от вас кавалерию, пехотинцев, зерно, мясо и все в таком роде. А вы кивайте и соглашайтесь, но ничего ему не давайте.

— С удрученным видом и обильными извинениями, — сказал Котий.

— О да, — усмехнулся Верцингеториг.

— Римская Провинция — вот опасность, о которой мы не должны забывать, — мрачно сказал вождь кардурков Луктерий. — Галлы Провинции многое переняли у римлян. Они умеют сражаться, как римляне, их склады забиты оружием и снаряжением, и у них имеется кавалерия. Боюсь, они выступят против нас.

— Это еще не факт! У нас есть какое-то время. Мы попробуем убедить их не оказывать Риму поддержки. Это твоя работа, Луктерий, поскольку твой народ с ними соседствует. Через два месяца мы соберемся с оружием здесь же, перед Карнутом. А дальше — война!

Седулий подхватил клич:

— Война! Война! Война!

Сидящий в Агединке Требоний чувствовал смутное беспокойство, но оно было слабым. Просто известия из Кенаба перестали приходить. О чем он думает, этот Фуфий Кита? Почему не шлет больше повозок? Впрочем, зернохранилища Агединка были почти полны, а заминка с поставками не превышала двух рыночных интервалов, когда по дороге в Бибракте к Требонию заглянул Литавик.

Литавика всегда поражало, что эти римляне в большинстве своем не походят на воинов и что у многих из них совсем мирный вид. Вот, например, Гай Требоний. Небольшого росточка, уже седоватый, с ярко выраженным, нервно вздрагивающим кадыком и большими печальными глазами. Смотреть вроде не на что, а Цезарь ему доверяет. К тому же он римский сенатор, а в свое время был блестящим плебейским трибуном. Человек Цезаря до последней капли крови.

— Ты что-нибудь видел или слышал? — спросил Требоний, глядя еще печальнее, чем обычно.

— Ничего, — с беспечным видом отозвался Литавик.

— Ты не был где-нибудь поблизости от Кенаба?

— Строго говоря, нет, — сказал Литавик, и это было истинной правдой. Нет нужды лгать, когда тебя могут изобличить. — Я был на свадьбе моего родича в Мелодуне и не переправлялся через Секвану. Но все спокойно. Никаких более-менее значительных слухов.

— Где-то запропалились повозки с зерном.

— Да, это странно, — задумчиво сказал Литавик. — Но ведь всем известно, что сеноны, как и карнuty, весьма недовольны казнью Аккона. Возможно, они придерживаются пшеницу. Тебе не хватает зерна?

— Нет, зерна достаточно. Но хотелось бы больше.

— Я сомневаюсь, что это получится, — оживился Литавик. — Вот-вот наступит зима.

— Если бы все галлы знали латынь так, как ты! — вздохнув, сказал Требоний.

— О, эдуи давно дружат с Римом. Я там даже учился. Два года. Есть ли вести о Цезаре?

— Да, он в Равенне.

— Равенна... Где это? Освежи мою память.

— На Адриатике, неподалеку от Аримина, если это о чем-нибудь тебе говорит.

— Еще как говорит, — усмехнулся лениво Литавик. Он встал. — Ну, мне пора, иначе я от тебя не уеду.

— Пообедай хотя бы.

— Нет. Я не взял с собой ни зимней накидки, ни теплых штанов.

— Ты — и штаны? Разве Рим тебя от них не отвадил?

— Воздух Италии, залетая под ваши юбки, Требоний, согревает там все и ласкает. А воздух Галлии в зимнюю пору может превратить это в булыжники для баллист.

В начале марта свыше ста тысяч галлов из многих племен собрались у Карнута. Верцингеториг быстро решил все организационные вопросы.

— Я не хочу, чтобы у вас кончились продукты, прежде чем я начну военные действия, — сказал Верцингеториг своим помощникам и советникам, собравшимся в теплом доме Катбада. — Цезарь все еще пребывает в Равенне, очевидно, больше интересуясь делами Рима, чем тем, что творится у нас. Высокогорные перевалы забиты снегом. Быстро он здесь не появится, как бы ни славился быстротой передвижения. А мы тут проследим, чтобы он не добрался до своих легионов.

Катбад, сидевший по правую руку от Верцингеторига, казался усталым и часто посматривал на жену, тихо перемещавшуюся на заднем плане и предлагавшую знатым гостям вино и пиво. Почему его вдруг охватило уныние? Почему вся эта затея теперь кажется ему пустым делом? Как жрец с большим стажем, он не верил ни в какие предчувствия и не обладал провидческим даром. Этот дар имеют изгои и чужестранцы, но им, как и Кассандре, никто не верит.

«Все вроде бы идет хорошо, да и жертвоприношения успешны. Может быть, то, что во мне сейчас происходит, это просто затмение?» — думал он, стараясь судить обо всем непредвзято. В чем-то Верцингеториг походит на Цезаря, это бесспорно. Но один — римлянин

с богатейшим военным опытом, почти достигший пятидесятилетнего возраста, а другой — тридцатилетний галл, никогда не командовавший войсками.

— Катбад, — прервал его размышления Верцингеториг. — Значит, битуриги не с нами?

— «Вы глупцы» — вот все, что они мне ответили, — отозвался Катбад. — Их друиды пытались содействовать мне, но племя было единодушно. Они с удовольствием будут поставлять нам за деньги железо, даже варить сталь, но воевать не пойдут.

— Тогда мы их завоюем, — решительно сказал Верцингеториг. — У них есть железо, а у нас — сталевары и кузнецы. — Он улыбнулся, глаза его засияли. — На деле это даже неплохо. Нам ни за что не нужно будет платить. Мы просто возьмем, что нам надо, а надо нам много. Конечно, ни одно племя из тех, чьи вожди присутствуют здесь, не страдает от нехватки металлов, но наши нужды растут. Завтра мы двинемся на битуригов.

— Завтра? — переспросил с удивлением Гутруат.

— Да, Гутруат. Скоро ударят морозы, и мы должны использовать зиму, чтобы наставить всех инакомыслящих на истинный путь. К лету Галлия должна сплотиться в единый кулак против Рима, и отщепенцев в ней быть не должно. Летом мы схватимся с Цезарем, хотя, если все пойдет, как задумано, ему своих легионов не видать.

— Я хотел бы знать больше, прежде чем сняться места, — хмуро сказал Седулий, вождь лемовиков.

— Для этого мы и собрались здесь, Седулий! — улыбнулся Верцингеториг. — Я тоже хочу знать, кто уже готов вступить в битву с Римом и кто еще решится примкнуть к нам. Кое-кого я отошлю домой до весны, но это не столь уж важно. Нам важно установить для каждого племени справедливый военный налог и организовать первую ковку оружия. Я должен быть уверен, что каждый наш воин сыт, одет и отменно вооружен. А потом нам предстоит решить, кто с Луктерием двинется на Провинцию. Есть и еще кое-какие вопросы, которые я хочу обсудить, прежде чем мы отправимся спать.

Верцингеториг менялся на глазах, полный огня, порывистый, и в то же время на удивление терпеливый. Если бы у присутствующих спросили, как должен выглядеть первый царь Галлии, все до единого описали бы его так: гигант с мускулистой грудью, едва прикрытой

накидкой цветов всех племен, волосы жесткие как щетина, усы до плеч — ни дать ни взять бог Дагда, сошедший на землю. Но этот костлявый, жилистый и совершенно еще молодой человек сумел полностью завладеть их вниманием. Великие вожди кельтской Галлии начинали, кажется, понимать, что внутренние устремления человека гораздо важнее, чем его внешний вид.

— Я должен возглавить войско? — изумился Луктерий.

— Это ведь ты говорил, что с Провинцией следует разобраться, и кто это может сделать лучше тебя? Тебе нужно пятьдесят тысяч воинов. Ты сам подберешь их, но лучше возьми, кого знаешь: твоих кардурков, потом петрокориев, сантонов, пиктавов, андекавов. — Верцингеториг ткнул пальцем в свитки, лежащие на столе. — В твоих перечнях есть рутены, Катбад?

— Нет, — ответил Катбад, обладавший прекрасной памятью. — Они предпочли Рим.

— Тогда твоим первым заданием будет покорить рутенов, Луктерий. А от рутенов рукой подать и до вольков. Потом мы подробнее поговорим о твоих действиях, но помни, что рано или поздно тебе придется разделить свои силы и направить войска по двум направлениям: к Нарбону и Толозе, а также к гельветам и Родану. Аквитаны только и ждут момента, чтобы воспрянуть, так что сторонников ты наберешь.

— Мне тоже надлежит выступить завтра?

— Да, завтра. Промедление губительно, когда твой враг — Цезарь. — Верцингеториг повернулся к единственному присутствующему эдую. — Литавик, поезжай-ка домой. Битуриги пошлют к эдую за помощью.

— Которую им долго придется ждать, — ухмыльнулся Литавик.

— Нет, действуй более тонко! Заговаривай зубы легатам Цезаря, проси их совета, даже выступи с армией! Я уверен, ты найдешь правдоподобное объяснение, почему твое войско так до них и не дошло. — Новый царь галлов, который пока называл себя так лишь в мыслях, бросил на собеседника испытующий взгляд. — Но кое-что нам надо обговорить. И прямо сейчас, чтобы потом избежать взаимных упреков.

— Ты о боях, — догадался Литавик.

— Именно. Шесть лет назад Цезарь отправил гельветов обратно, в пределы их прежних владений, но племена бойев позволил остаться у нас по просьбе эдуев, которым хотелось отгородиться от арвернов прослойкой. Они поселились на территории, которую мы, арверны, считаем своей. Но ты сказал Цезарю, что она ваша. А я полагаю, Литавик, — возвысил голос Верцингеториг, — что бои должны быть согнаны с нашей земли, которая вновь отойдет к нам. Эдуи и арверны теперь союзники, и в прослойке нет необходимости. Скажи, ваши вергобреты не будут возражать против этого?

— Не будут, — ответил Литавик. — Земли большого значения не имеют. После этой войны мы, эдуи, возьмем себе земли ремов. А арверны могут утвердиться во владениях предателей лингонов. Ты на это согласен?

— Согласен, — усмехнулся Верцингеториг.

Он опять обратился к угрюмо помалкивавшему Катбаду.

— Почему не явился царь Коммий?

— Он будет здесь не раньше чем летом, сплотив вокруг себя всех западных белгов, оставшихся в живых.

— Цезарь оказал нам услугу, коварно попытавшись убить его.

— Это не Цезарь, — презрительно возразил Катбад. — Я думаю, все спланировал Лабиен.

— Ты, кажется, симпатизируешь Цезарю?

— Совсем нет, Верцингеториг. Но слепота не достоинство. Если ты хочешь победить Цезаря, постарайся его понять. Он может осудить галла и даже казнить, как Аккона. Но он посчитает позором пойти на предательство. В случае с Коммием он ни при чем.

— Суд над Акконом был нечестным! — сердито крикнул Верцингеториг.

— Да, безусловно, — твердо сказал Катбад. — Но он был законным! Признай хотя бы это за римлянами! Они любят, чтобы все выглядело пристойно. Они живут в рамках правил. И Цезарь — прежде всего!

О разгорающемся конфликте Гай Требоний узнал от Литавика, галопом примчавшегося к нему из Бибракте.

— Война между племенами! — сообщил он Требонию.

— Но не против нас? — уточнил Требоний.

— Нет. Между арвернами и битуригами.

— И?

— Битуриги послали к эдуям за помощью. У нас с ними, видишь ли, есть договор.

— И что же эдуи?

— Они намерены их поддержать.

— Тогда почему ты пришел с этим ко мне?

Литавик округлил невинные голубые глаза.

— Ты хорошо знаешь почему, Гай Требоний! Эдуи — союзники Рима! Услышав, что я повел вооруженных эдуев на запад, как бы ты отнесся к этому, а? Конвиктолав и Котий послали меня к тебе за советом.

— Что ж, я им за это благодарен. — Требоний озабоченно покусал нижнюю губу. — Если это ваше внутреннее дело и не касается Рима, тогда соблюдай договор, Литавик. Пошли помощь битуригам.

— Ты чем-то встревожен?

— Скорее, удивлен. Что случилось с арвернами? Я думал, Гобанницион и его старейшины настроены мирно.

И тут Литавик совершил первую ошибку: он выглядел слишком беззаботным и говорил слишком беспечно.

— Гобаннициона уже нет! — бросил он. — Арвернами теперь правит Верцингеториг.

— Правит?

— Ну, может быть, это чересчур сильно сказано, — спохватился Литавик и перевел все в шутку. — Он у них — вергобрет без коллеги.

Требоний засмеялся. И продолжал смеяться, провожая Литавика. Но сразу стал серьезным, как только тот ускакал, и пригласил к себе Квинта Цицерона, Гая Фабия и Тита Секстия.

Квинт Цицерон и Секстий командовали двумя легионами из тех шести, что располагались вокруг Агединка, а лагерь двух легионов Фабия размещались на землях лингонов, в пятидесяти милях от владений эдуев. Фабий оказался в Агединке случайно. Он объяснил, что приехал развеять скуку.

— Считай, что развеял, — мрачно сказал Требоний. — Галлы что-то затеяли, а нам о том ничего не известно.

— Но это старые счеты, междоусобица, — отозвался Квинт Цицерон. — Вот они и воюют.

— Зимой? — Требоний забегал по комнате. — Меня заботит Верцингеториг. Ни с того ни с сего арверны утратили дальновидность и сделались по-юношески импульсивными. Я не понимаю, что это значит. Вы ведь помните Верцингеторига? Похоже ли на него ополчаться против своих?

— Еще как похоже, — сказал Секстий.

— Я думаю так же, но и ты прав, Требоний, — вмешался в разговор Фабий. — Зима для войны — неудобный сезон.

— Кому-нибудь что-нибудь доносили?

Трое легатов покачали головами.

— Это само по себе уже странно, если вдуматься, — сказал Требоний. — Обычно зимой от доносов и жалоб начинает звенеть в ушах. О скольких заговорах против Рима мы узнаем в эту пору?

— О десятках, — усмехнулся Фабий.

— А в этом году — тишина. Они что-то замышляют, клянусь. Жаль, что здесь нет Рианнон! И Гиртий нам тоже бы пригодился!

— Я думаю, — сказал Квинт Цицерон, — нам следует снестись с Цезарем. — Он улыбнулся. — Тайно. Возможно, не оборачивая депешу вокруг копыя, но определенно не открыто.

— И минуя эдуев, — сказал вдруг Требоний. — Что-то в Литавике мне не понравилось.

— Оскорблять эдуев не стоит, — возразил Секстий.

— А мы не будем их оскорблять, просто ничего им не скажем. Что тут оскорбительного?

— Тогда каким образом мы отправим письмо? — спросил Фабий.

— Кружным путем, — решительно сказал Требоний. — Через земли секванов, через Везонтион, Генаву, Виенну. Жаль, что Домициев перевал уже закрыт. Придется обойти его по побережью.

— Это семьсот миль, — мрачно уточнил Квинт Цицерон.

— Мы снабдим гонцов надежными подорожными, разрешающими им брать любых лошадей. Это сто миль в день. И лишь два посланца, без галлов. Кроме нас четверых и этой пары, никто ни о чем не должен знать. Есть у кого-нибудь молодые ребята, по выносливости сравнимые с Цезарем? — Требоний пытливо оглядел офицеров. — Какие будут соображения?

— А почему не послать центурионов? — спросил Квинт Цицерон.

Остальные переглянулись.

— Квинт, он же нас просто убьет! Центурионы должны быть возле солдат. Ими нельзя рисковать понапрасну. Ты сам знаешь, он скорее предпочтет потерять всех нас, чем одного-единственного младшего офицера!

— О да, конечно! — вздохнул Квинт Цицерон, вспомнив о своей стычке с сизамбрами.

— Оставьте это мне, — решил Фабий. — Составляй депешу, Требоний, а у меня под рукой сыщется пара толковых парней. Будет надежней, если гонцы отправятся не из Агединка. Меньше подозрений. Да и мне пора возвращаться.

— А мы пока попытаемся выяснить, что тут творится, — заключил Секстий. — Насколько сможем. Требоний, напиши Цезарю, что в Никее, на побережье, его будет ждать еще одно наше письмо.

* * *

Цезарь находился в Плаценции, так что сообщение он получил через шесть дней. С прибытием к нему Луция Цезаря и Децима Брута бездействие стало его раздражать. Обстановка в Риме, при консуле без коллеги, похоже, стабилизировалась, а потому торчать в Равенне не было смысла. Что случится с Милоном, он и так знал. Его будут судить и осудят. Поэтому его рассердила записка от Марка Антония. Тот сухо сообщал, что остается в Риме до завершения суда над Милоном как один из его обвинителей. Каков наглец!

— Но, Гай, ты же сам сделал запрос на него, — сказал, выгораживая племянника, Луций Цезарь. — А у меня он служить не станет.

— Я бы и пальцем не шевельнул для него, если бы не письмо от Авла Габиния. Тот очень доволен его службой в Сирии. Говорит, что твой Марк — прирожденный боец. Конечно, он отдает слишком много времени пьянству, шлюхам и прочему в этом же роде, а на военном совете может уснуть. Но на поле сражения он якобы лев, причем лев, способный думать. Так что увидим. Я, пожалуй, пошлю его к Лабиену. Это будет забавно! Лев и дворовый пес.

Луций Цезарь поморщился и больше ничего не сказал. Его отец и отец Цезаря были двоюродными братьями и стали первым за очень

долгий период времени поколением в этом древнем роду, в котором появились консулы. А все благодаря браку тетки Цезаря, Юлии, и Гая Мария, очень богатого «нового человека» из Арпина, который оказался величайшим полководцем в истории Рима. Этот брак вновь наполнил деньгами сундуки Юлиев Цезарей, а деньги были единственным, в чем нуждалась семья. Будучи на четыре года старше Цезаря, Луций Цезарь, к счастью, не был ревнивым человеком. Гай, из младшей ветви семьи, обещал стать еще более великим полководцем, чем Гай Марий. И Луций Цезарь попросился быть легатом у Цезаря из простого любопытства. Он хотел увидеть своего кузена в действии. Он так гордился Гаем, что чтение сенаторских донесений вдруг показалось делом скучным и второстепенным. Уважаемый консуляр, видный юрист, давний член коллегии авгуров, в возрасте пятидесяти двух лет Луций Цезарь решил вернуться к военной службе под началом своего кузена Гая.

Путешествие из Равенны в Плаценцию было спокойным. Цезарь то и дело останавливался в главных городах, расположенных вдоль Эмилиевой дороги, где устраивал сессии выездного суда. Бонония, Мутина, Регий Лепид, Парма, Фиденция... Ему хватало и дня на то, на что у другого ушла бы неделя. Затем он двигался дальше. Большинство дел касалось финансов, обычно гражданских, и редко возникала необходимость в созыве присяжных. Цезарь внимательно слушал, мысленно оценивал ситуацию, затем ударял по столу палочкой из слоновой кости и выносил приговор. Следующее дело, будьте любезны, и побыстрее! Никто не оспаривал его решений. Вероятно, потому, думал Луций Цезарь, внутренне улыбаясь, что всех обескураживала активность судьи. А справедливость — вещь относительная. Выигравшая сторона безусловно сочтет решение справедливым, проигравшая — никогда.

Но в Плаценции Цезарь собирался побыть подольше, потому что оставил там, в учебном лагере, злополучный пятнадцатый легион и хотел выяснить, каких тот добился успехов. Приказ был жестким: гонять солдат до упаду, а потом поднимать неустанной муштрой. Он вызвал из Капуи полсотни инструкторов-ветеранов, которым велел основательно подтянуть молодежь, а заодно и их командиров. Теперь пришло время проверки. Три месяца обучения — это все-таки срок.

Цезарь послал гонца в лагерь сказать, чтобы с утра легион приготовился к смотру.

— Если парни пройдут смотр, Децим, ты заберешь их с собой. В Дальнюю Галлию, по прибрежной дороге, — сказал он вечером за обедом.

Децим Брут, смакуя местное блюдо из овощей, щедро приправленных маслом, только кивнул.

— Они пройдут, — откликнулся он, споласкивая руки в чаше с водой. — Они теперь все умеют.

— Кто тебе это сказал? — спросил Цезарь, с безразличным видом ковыряя кусок свинины, поджаренной до золотистой хрустящей корочки в овечьем молоке.

— Собственно говоря, армейский поставщик провианта.

— Армейский поставщик? Что он знает?

— Да поболее, чем кто-то. Парни пятнадцатого трудились так, что сожрали в Плаценции все, что крикает, блеет, кудахчет, а местные пекари работают в две смены. Дорогой мой Цезарь, Плаценция любит тебя!

— Сдаюсь, Децим! — засмеялся Цезарь.

— Я думал, что Мамурра и Вентидий должны были встретить нас здесь, — сказал Луций Цезарь, лучший едок, чем его кузен, с удовольствием уплетая блюда северной кухни, не такие пряные, как в Риме, помешанном на перце.

— Они в Кремоне. Послезавтра придут.

Вошел Гиртий. По своей занятости он ел урывками, не тратя времени на застолья.

— Цезарь, это от Гая Требония. Срочно.

Цезарь мгновенно выпрямился, скинул ноги с кушетки и протянул руку за свитком. Сломал печать, развернул, быстро прочел.

— Планы меняются, — спокойно сказал он. — Как это случилось, Гиртий? Сколько времени шло письмо?

— Всего шесть дней. Фабий послал двух хороших наездников, снабдив их деньгами и чрезвычайными полномочиями. Они не мешкали.

— Действительно. Да.

Цезарь вмиг стал другим — перемена, отлично знакомая Гиртию и Дециму Бруту, но не Луцию. Куда подевался утонченный аристократ?

Кузен стал решительным, собранным, как Гай Марий.

— Мне нужно оставить здесь письма для Мамурры с Вентидием, так что я ухожу в канцелярию. Децим, позаботься, чтобы утром пятнадцатый легион был готов к выступлению. Гиртий, займись провиантом. Он будет нам нужен: в Лигурии мало еды. Запасись пищей на десять дней, хотя, надеюсь, путь до Никои не займет у нас столько времени, если пятнадцатый хотя бы наполовину так хорош, как десятый. — Цезарь повернулся к кузену. — Луций, я очень спешу. Ты можешь выехать позже, не торопясь, если предпочитаешь. В противном случае будь готов к утру.

— Буду, — сказал тот, обуваясь. — Я не хочу пропустить этот спектакль. А скажи-ка мне, Гай...

Но Цезаря уже не было рядом. Он вышел. Луций вопросительно посмотрел на Гиртия, потом перевел взгляд на Децима Брута.

— Он вам говорит когда-нибудь, что происходит?

— Он скажет, — ответил уже из дверей Децим Брут.

— Когда придет время, — добавил Гиртий, беря Луция Цезаря под руку и вежливо выводя из столовой. — Он не любит пустой болтовни и будет сегодня прямо-таки летать, чтобы успеть все просмотреть и оставить дела в идеальном порядке. Похоже, в Италийскую Галлию мы уже не вернемся.

— А как его ликторы справятся с маршем? Я видел, они совершенно измотаны дорогой сюда.

— Будь моя воля, я помещал бы этих неженков в учебные лагеря. Но наш генерал с ними мягок и, когда торопится, позволяет им плестись сзади, хотя это и не по правилам. Они изрядно отстанут, но после сумеют найти его штаб.

— А мулы? Где их взять в такой спешке?

Гиртий усмехнулся.

— У него всегда под рукой мулы Мария. — Он имел в виду, что солдаты Гая Мария обычно несли на спинах поклажу в тридцать фунтов. — А потом, это ведь армия Цезаря, Луций. Все четвероногие, которые нужны пятнадцатому легиону, будут к завтрашнему утру полностью экипированы, как и люди. Цезарь считает, что любой легион должен быть готов к выступлению в любой момент.

Пятнадцатый уже был построен, когда Цезарь, Луций Цезарь, Авл Гиртий и Децим Брут приехали в лагерь. Как бы ни трясло легион после сообщения о предстоящем марше, заметить это уже было нельзя. Первая когорта уверенно зашагала за генералом и его свитой, десятая, хвостовая, когорта маршировала под стать остальным.

Легионеры шагали по восемь в ряд, в соответствии с размещением по палаткам. Восходящее солнце посверкивало на кольчугах, отполированных для несостоявшегося парада. Шли с непокрытыми головами, все при мечах и кинжалах, в правой руке — метательное копьё, а на левом плече — Т- или Y-образная палка с повешенным на нее мешком и щитом, обтянутым шкурой. Над всем этим торчал шлем. В своем мешке каждый солдат нес пятидневный запас пшеницы, нут (или другие бобовые) и бекон. А еще бронзовую фляжку с маслом, бронзовую же миску и чашку. А еще бритву, запасную тунику, шейные платки и белье. Багаж рядового на марше, кроме того, составляли: гребень из крашеного конского волоса для шлема, короткий сагум из водонепроницаемой промасленной лигурийской шерсти, носки и меховые сапожные стельки для холодной поры. Шерстяные штаны и одеяло, плоская корзина для переноски земли. И еще что-нибудь жизненно важное — например, талисман или локон любимой. Некоторые общие вещи восьмерки были поделены. Кто-то нес кремень и огниво, кто-то соль, кто-то закваску для теста, или трут, или лампу, или баклажку с маслом для этой лампы, или пучок сухих прутьев. Небольшая кирка или лопата, а также пара колев для ограждения лагеря были привязаны к стержню рамы, поддерживающей вьюк на спине.

Рядом с восьмеркой семенил мул, обремененный маленькой мельничной для помола зерна, небольшой глиняной печью для выпечки хлеба, бронзовыми поварскими котлами, парой запасных копий, бурдюками с водой и сложенной кожаной палаткой при всех ее оттяжках и кольях. Каждого мула сопровождали двое нестроевых солдат из obsługi, в чьи обязанности входило бесперебойно снабжать восьмерку водой. Поскольку обозы на срочные марши не снаряжались, за каждой центурией следовала повозка, влекаемая шестью мулами. В ней находились различные инструменты, гвозди, некоторое количество обиходных вещей, бочки с водой, большой жернов, провиант и палатка

центуриона с его личным имуществом. Центурион был единственным человеком в центурии, который шел налегке.

В полном составе легион включал в себя четыре тысячи восьмьсот рядовых легионеров, шестьдесят центурионов, триста артиллеристов, сто инженеров с механиками и тысячу шестьсот нестроевых солдат. В центре колонны гроыхали тридцать единиц артиллерии: десять баллист и двадцать разнокалиберных катапулт. Рядом тряслись повозки с боеприпасами и запасными узлами для ремонта выходящих из строя машин. Артиллеристы любовно и непрестанно следили за своей техникой, проверяя ее состояние и смазывая трущиеся поверхности маслом. Они хорошо знали дело, и их боевые успехи зависели не от случая, а основывались на скрупулезных расчетах. Снаряды летели по строго рассчитанным траекториям. Камни баллист разбивали в щепы неприятельские тараны и осадные башни, а стрелы катапулт с удивительной точностью поражали людей.

«А они хорошо выглядят», — подумал Цезарь, придержав лошадь и пропуская колонну мимо себя.

— Дайте мне сорок миль в день — и вас ждет двухдневный отдых в Никее! — крикнул он, широко улыбаясь. — Будете делать по тридцать миль в день — и до конца этой войны будете чистить выгребные ямы! От Плаценции до Никее двести миль, а я должен быть там через пять дней! Еда, что вы пакуете, это все, что у вас будет! Парни на другой стороне Альп нуждаются в нас, и мы идем, чтобы быть там прежде, чем эти *cunni* галлы узнают, что мы ушли отсюда! Поэтому разомните ноги, парни, и покажите Цезарю, из чего вы сделаны!

Карта 5. Маршрут Цезаря и пятнадцатого легиона от Плаценции к Агединку с мартовских нон по апрельские иды.

И они показали. Никакие сигамбры теперь не могли их смутить. Дорога, проложенная Марком Эмилием Скавром между Дертоной и Генуей по берегу Тусканского моря, являлась настоящим шедевром среди инженерных сооружений подобного рода и текла между гор без заметных подъемов и спусков, пересекая ущелья по виадукам. Дорога от Генуи до Никеи была уже не так хороша, однако именно по ней без особых помех провел некогда тридцатитысячную армию Гай Марий. Когда ритм движения установился, Цезарь получил свои сорок миль в один переход, несмотря на короткие зимние дни. Подошвы солдат

давно огрубели от непрестанной муштры, а тяжелая ноша стала привычной. Кроме того, пятнадцатый легион сознавал, что его послужной список не блещет успехами, и, однажды осрамившись, теперь вознамерился сделать все, чтобы об этом больше не вспоминали.

В Никее оправдавшие надежды Цезаря парни получили обещанный приказ отдохнуть, а сам он приступил к чтению ожидавшего его там письма.

Цезарь, нам удалось получить следующую информацию от захваченного нами арвернского друида. Допрашивал его Лабиен. Почему от друида? Фабий, Секстий, Квинт Цицерон и я решили, что раб знает мало, а воин может предпочесть смерть предательству. А друиды хорошо информированы и так же хорошо работают языком. Будь наши плебейские трибуны схожи с ними хотя бы наполовину, Рим пребывал бы в спокойствии и ничего более не желал. Почему дознавателем сделали Лабиена, ты, я думаю, понимаешь и сам. Впрочем, пленник выболтал ему все задолго до того, как успело раскалиться железо.

Гай Фуфий Кита, его подручные, а также другие римляне, равно как и греческие торговцы были перебиты в Кенабе в начале февраля, но до нас не дошло об этом ни слова. Зато карнуты не преминули распространить эту весть среди галлов, и в тот же день высланный из Герговии Верцингеториг ворвался в нее со своими сторонниками и убил Гобаннициона, после чего провозгласил себя царем. И все горячие головы среди арвернов его поддержали.

Очевидно, он немедленно отправился в Карнут, где провел совещание с Гутруатом, вождем карнутов, и твоим давним другом, верховным друидом Катбадом. Наш осведомитель затруднился назвать остальных участников совещания. Он полагает, что там были еще вергобрет карнутов Луктерий и

Коммий! Собрание постановило призвать всех галлов к оружию.

Это не шутка, Цезарь. Это война. Галлы объединяются повсеместно, от устья Мозы до Аквитании и по всей стране с запада на восток. Верцингеториг намерен объединить Галлию под своим началом, убежденный, что возьмет нас числом.

В начале марта они собрались у стен Карнута для зимней кампании. Ты спросишь: против нас? Нет, против любых племен, которые откажутся к ним примкнуть.

Луктерий и пятьдесят тысяч кардурков, пиктавов, андекавов, петрокориюв и сантонов отправились воевать с рутенами и габалами. Как только те покорятся, он со своей армией двинется на Провинцию, в частности на Нарбон и Толозу, чтобы отрезать нас от обеих Испании, а заодно взбунтовать гельветов и вольков.

Сам Верцингеториг ведет около восьмидесяти тысяч сенонов, карнутов, арвернов, свессионов, паризиев и мандубиев на битуригов, которые не хотят объединения. Их земли богаты железной рудой, так что нетрудно понять, почему Верцингеториг развивает такую активность.

Я пишу это письмо, а он делает свое дело, поскольку весной собирается бросить все силы на нас. Его стратегический план: держать тебя в изоляции от зимующих здесь легионов. Он считает, что мы в этом случае не покинем своих лагерей, и галлы возьмут нас осадой.

Наверняка ты захочешь спросить: а с чего это нам вздумалось похищать друида арвернов? Почему мы не посиживаем в тепле и уюте, радуясь зимним спокойным денькам? Все началось с эдую Литавика, Цезарь. Он несколько раз наезжал ко мне в феврале, и каждый раз словно бы совершенно случайно. По

дороге со свадьбы родича, например. Я не придавал этому никакого значения до его мартовского визита, когда он вдруг обмолвился, что в Герговии правит Верцингеториг. Слово «правит» меня удивило, и Литавик вдруг заюлил. Попытался скрыть оплошность за шуткой: мол, Верцингеториг никакой не правитель, а всего-навсего вергобрет без коллеги. Я расхохотался, но, проводив его, сея писать тебе первое свое письмо.

Цезарь, у меня нет прямых доказательств, что эдуи ведут двойную игру, но будь с ними осторожен. Я нутром чую, что они прислоняются к Верцингеторигу. Или только молодежь, как Литавик, но это тоже опасно, даже если их вергобреты лояльны. Битуриги послали к эдуям за помощью. Те послали Литавика сообщить мне об этом и спросить, не буду ли я против того, чтобы они помогли битуригам. Я сказал, что если это их внутренние разборки, то пусть выступают в поход.

Эдуи выступили, но совершили странный маневр. Их многочисленное и хорошо вооруженное войско дошло лишь до берега реки Лигер и, выждав там несколько дней, вернулось домой. Литавик только что ускакал от меня. Он приезжал, чтобы объяснить, почему так получилось. По его словам, в дело вмешался Катбад. Он-де каким-то образом сообщил Литавику, что битуриги и арверны вошли в стовор, чтобы заманить армию эдуев в ловушку и с двух сторон наброситься на нее.

Решай, что нам делать, но лучше приезжай сам. Ибо я отказываюсь верить, что кучка галлов, с эдуями или без оных, сумеет тебя удержать. И знай, что мы здесь готовы к любому повороту событий. Под предлогом, что в лагере появилась зараза, Фабий со своими двумя легионами снялся с места и разбил новый лагерь у истоков Икавны, недалеко от Бибракте. Я полагаю, ты одобришь его. Эдуи,

кажется, приняли перемещение очень спокойно, но кто их знает? Я стал скептиком по отношению к ним.

Если ты пошлешь сообщение или войска либо сам отправишься в Агединк, мы все советуем тебе обойти земли эдуев. Ступай на Генаву, на Везонтион, а далее через земли лингонов. Именно по такому маршруту. Я очень рад, что с нами Квинт Цицерон. Он отражал наскоки нервиев, будучи в долгой осаде. Его опыт просто неоценим.

Лабием сообщает, что он со своими двумя легионами останется там, где стоит, пока не получит твоих распоряжений. Правда, он тоже передвинулся и расквартировался подле главного укрепления ремов. Кажется, нет сомнений, что главного удара надо ждать от кельтов Центральной Галлии, поэтому мы решили, что нам лучше оставаться на расстоянии, откуда будет легче ударить. Белги, с Коммием или без него, перестали быть силой, с которой надо считаться.

Цезарь умолк, и в комнате воцарилась мертвая тишина. В первом письме Требония был лишь намек, в этом — определенная и недвусмысленная информация.

— Первым делом мы разберемся с Провинцией, — объявил твердо Цезарь. — Пятнадцатый легион, разумеется, пусть отдохнет, как обещано, но потом ему надлежит без задержек двинуться к Нарбону. Я поспешу вперед — там уже паника, ее надо унять. От Никеи до Нарбона триста миль, но я хочу, чтобы пятнадцатый покрыл их за восемь дней, ты слышишь, Децим? Это твоя забота, ты назначаешься командиром, а ты, Гиртий, поедешь со мной. Проследи, чтобы нам хватило курьеров. Я должен постоянно сноситься с Мамуррой и Вентидием.

— Ты возьмешь Фаберия? — спросил Гиртий.

— Да. Трога тоже. Прокилл поедет с письмом для Требония в Агединк. Через Генаву и Везонтион, раз уж нам так рекомендовали. А по пути пусть навестит Рианнон. И скажет ей, что в этом году она останется дома.

Децим Брут напрягся.

— Значит, ты думаешь, что мы завяжем в этом деле на целый год? — спросил он.

— Если вся Галлия объединится, то — да.

— А что должен делать я? — спросил Луций Цезарь.

— Ты отправишься с Децимом и пятнадцатым, Луций. Я назначаю тебя легатом, командующим Провинцией. Твоя задача — не дать ее захватить. Размести свой штаб в Нарбоне. И держи постоянную связь с Афранием и Петреем в Испаниях, а также не своди глаз с аквитан. Племена вокруг Толозы опасности не представляют, но те, что дальше на запад и вокруг Бургидалы, должны тебя волновать. — Он улыбнулся родственнику своей самой теплой улыбкой. — Тебе достается столь ответственный пост, потому что у тебя есть опыт, статус консуляра и способность действовать самостоятельно, мой кузен. Покинув Нарбон, я хочу забыть о Провинции. Ведь я буду знать, что там находишься ты.

«Вот так он и делает дела, милый Луций, — подумал Гиртий. — Он заставляет тебя думать, что ты — единственный человек, способный выполнить данное поручение. После чего ты вывернешься наизнанку, чтобы ему угодить, а он сдержит слово: даже не вспомнит твоего имени там, куда отправится».

Цезарь тем временем отвернулся от Луция.

— Децим, утром собери центурионов пятнадцатого и вели им проследить, чтобы люди имели полное зимнее снаряжение в своих вещмешках. Если чего-то не хватит, пошли мне вдогонку курьера со списком. Я получу все в Нарбоне.

— Сомневаюсь, что это понадобится, — сказал Децим Брут. — Одно я могу сказать о Мамурре: он замечательный интендант. Денег он, правда, не экономит, но и не прогадывает ни на качестве, ни на количестве закупленного снаряжения.

— Пусть не прогадывает и впредь. Кстати, это напомнило мне, что я должен оставить ему распоряжение увеличить численность артиллерии в моих легионах. Мне думается, каждому легиону надо иметь как минимум пятьдесят единиц. Для обработки войск неприятеля перед сражением.

Луций Цезарь удивленно возразил:

— Но артиллерия применяется лишь при осаде!

— Не спорю. Но почему бы не применить ее и в открытом бою?

Утром в Никее Цезаря уже не было. Он трясся в своей дорожной коляске, запряженной четырьмя мулами. Он и во всем ему послушный Фаберий. Гиртий ехал в другой коляске вместе с Гнеем Помпеем Трогом, главным толмачом Цезаря и большим знатоком Галлии.

В каждом городе, большом или маленьком, Цезарь ненадолго останавливался, чтобы увидеться с этнархом, если там заправляли греки, или с дуумвирами, если там первенствовали римляне. В нескольких словах он обрисовывал ситуацию в Длинноволосой Галлии, потом приказывал собрать ополчение и разрешал взять оружие и доспехи из ближайших римских хранилищ. Приказы его принимались к спешному исполнению, и все с нетерпением ожидали приезда Луция Цезаря.

Домициева дорога к Испаниям всегда содержалась в идеальном порядке, так что обе коляски без каких-либо помех катились по ней. От Арелата до Немауза потянулись болота и поросшие травой топи дельты Родана. Их пересекали по дамбе, построенной Гаем Марием. Далее, от Немауза, остановки сделались более частыми и более длительными, ибо вокруг раскинулись земли вольков-арекомиков. До них уже дошел слух о войне между кардурками и рутенами, их северными соседями, однако Цезарь не сомневался в их лояльности к Риму.

В Амбрусе его ожидала делегация гельвиев с западной стороны Родана. Собственно, эти люди искали встречи с любым римлянином достаточно высокого ранга. Их возглавляли дуумвиры, отец и сын, которым Гай Валерий дал римское гражданство. Оба они носили с тех пор его имя, оставив за собой также и галльские имена — Кабур и Доннотавр.

— У нас уже побывали послы от Верцингеторига, — сказал с беспокойством Доннотавр, сын Кабура. — Он почему-то решил, что мы с радостью присоединимся к его странной федерации. А когда мы отказались, его люди сказали, что у нас еще есть время одуматься.

— После мы слышали, что Луктерий напал на рутенов и что сам Верцингеториг пошел против битуригов, — добавил Кабур. — И мы поняли, что пострадаем, если к нему не примкнем.

— Да, вы пострадаете, — сказал Цезарь. — Не имеет смысла отрицать это. Вы перемените свое решение, если на вас нападут?

— Нет, — в один голос ответили отец и сын.

— В таком случае ступайте домой и вооружайтесь. Будьте всегда начеку. Не сомневайтесь, я пришлю вам помощь, как только смогу. Однако может случиться так, что все имеющиеся у меня силы будут брошены на что-то другое. Тогда помощь задержится, но я приду обязательно. Будьте уверены в том и держитесь, — сказал Цезарь. — Много лет назад я вооружил жителей провинции Азия против Митридата и попросил их дать сражение без римской армии — у меня тогда никого не было. И азиаты побили легатов старого царя Митридата самостоятельно. Вы тоже сможете побить длинноволосых галлов.

— Мы будем держаться, — решительно заверил Кабур.

Вдруг Цезарь улыбнулся.

— Но какая-то помощь все равно будет! Вы служили в римских вспомогательных легионах, вы знаете, как сражается Рим. Все доспехи и вооружение вы получите, как только мой кузен Луций Цезарь появится здесь. Составьте список того, что вам нужно, и от моего имени вручите ему. Укрепите города и будьте готовы укрыть в них жителей деревень. И постарайтесь внушить людям веру в победу.

— Еще мы слышали, — сказал Доннотавр, — что Верцингеториг сговаривается с аллоброгами.

— А-а! — Цезарь нахмурился. — Этих можно соблазнить щедрыми обещаниями. Прошло не так много времени с тех пор, как они отчаянно бунтовали против нас.

— Я думаю, — сказал Кабур, — что аллоброги внимательно выслушают все предложения, уйдут и будут делать вид, что их обсуждают. И так — много лун. Чем больше будет торопить их Верцингеториг, тем дольше они будут тянуть. Можешь поверить, к Верцингеторигу они не примкнут.

— А почему?

— Из-за тебя, Цезарь, — объяснил Доннотавр, удивляясь вопросу. — После того как ты урезонил гельветов, выслав их в собственные владения, аллоброги почувствовали себя в безопасности. И заняли земли вокруг Генавы. Они знают, какая сторона победит.

Цезарь нашел Нарбон в панике, но быстро ее погасил. Он собрал местное ополчение, отправил надежных инструкторов в земли вольков-тектосагов к Толозе, чтобы и там организовать оборону, и показал городским дуумвирам, что и где следует укрепить. В стенах грозной

крепости Каркассон была сосредоточена большая часть арсенала западного региона Провинции. Люди почувствовали себя гораздо увереннее, когда их начали вооружать.

Между тем послы Цезаря поскакали в обе Испании: в Тарракон, где располагался штаб Луция Афрания, легата Помпея, и в Кордубу, где находился другой легат Помпея, Марк Петрей. Цезарь не сомневался, что эти убеленные сединами ветераны тут же примутся формировать армии, готовые в случае надобности поддержать Нарбон и Толозу. Никто лучше их не понимал, что Риму — и Помпею — не нужно независимое галльское государство по ту сторону Пиренеев.

Луций Цезарь, Децим Брут и пятнадцатый легион прибыли точно в намеченный день. Цезарь поблагодарил солдат и тут же ввел легатов в курс дела.

— Нарбонцы заметно успокоились, как только услышали, что я оставляю им консуляра твоего статуса, — вскинув бровь, сказал он кузену. — Проследи, чтобы у вольков-тектосагов, вольков-арекомиков и гельвиев было достаточно вооружения. Афраний с Петреем придвинут войска к границе и будут ждать твоего сигнала, так что за Нарбон будь спокоен. Чего я боюсь, так это вторжения дальних племен. — Цезарь повернулся к Дециму Бруту. — Децим, пятнадцатый полностью готов к зимней кампании?

— Да.

— А как у них с экипировкой?

— Я заставил всех выложить содержимое ранцев на землю. Идет проверка. Утром центурионы доложат мне обо всем.

— В прошлом году эти центурионы показали себя не с лучшей стороны. Стоит ли доверять их оценке? Может быть, тебе лучше взглянуть самому?

— Я так не думаю, — спокойно возразил Децим Брут, никогда не боявшийся говорить с Цезарем откровенно. — Мое недоверие ослабит пятнадцатый. Они со всем справятся сами.

— Ладно, пусть все идет как идет. Я реквизировал в округе все шкурки кроликов, ласок, хорьков. Там, куда я их поведу, обычные шерстяные носки не годятся. А еще я заставил всех женщин Нарбона и его окрестностей вязать теплые шарфы и рукавицы.

— О боги! — воскликнул Луций Цезарь. — Ты что, поведешь их к гипербореям?

— Там будет видно, — сказал ему Цезарь и вышел.

— Я знаю, — вздохнул Луций Цезарь, опечаленно глядя на Гиртия. — Мне скажут, когда будет нужно.

— Шпионы, — коротко бросил Гиртий, поспешая за генералом.

— Шпионы? В Нарбоне?

Децим Брут усмехнулся.

— Может быть, их и нет, но зачем рисковать? Недоброжелатели и обиженные существуют везде.

— Как долго он здесь пробудет?

— Уйдет к началу апреля.

— Через шесть дней?

— Нехватка шарфов и рукавиц — единственное, что может его задержать. Но вряд ли такое случится. Думаю, он не преувеличивал, говоря, что заставил работать всех женщин.

— Он скажет солдатам, куда поведет их?

— Нет. Он просто их поведет. Нет лучше способа распространять новости, чем кричать о них во весь голос. Пусть кричат галлы, им это свойственно. А он будет молчать.

И все же Цезарь дал объяснения своим легатам на застолье в последний день марта. Но лишь после того, как отпустили всех слуг и удвоили охрану в коридорах.

— Обычно я не столь скрытен, — сказал он, откидываясь на ложе, — но в одном отношении Верцингеториг прав. У Длинноволосой Галлии действительно достаточно сил, чтобы изгнать нас. Но только в том случае, если он успеет собрать их. Сейчас у него под рукой где-то от восьмидесяти до ста тысяч воинов. А к общему сбору, который им запланирован в секстилии, их число возрастет до четверти миллиона. До секстилия его нужно разбить.

Луций Цезарь вдохнул сквозь стиснутые зубы, издав тихий свист, но промолчал.

— Он не планировал каких-либо военных действий римлян до секстилия и середины весны, — продолжал Цезарь, — вот почему сейчас у него не так много людей. За зиму он намерен подчинить непокорные племена. Он думает, что я нахожусь по другую сторону Альп, и уверен, что, когда я приду, он сможет помешать мне соединиться с моим войском. Он уверен, что у него будет время возвратиться в Карнунт и присутствовать на общем сборе. Поэтому пока

Верцингеториг очень занят, я должен добраться до моих легионов. И не долее чем за шестнадцать дней. Но если я пойду вверх к истокам Родана, Верцингеториг узнает о том, прежде чем я дойду до Валентин. И запрет меня в Виенне или Лугдуне. С одним легионом я там не пробьюсь.

— Но ведь другого маршрута нет! — выпалил Гиртий.

— В том-то и дело, что есть. Завтра, Гиртий, я двинусь на север. Мои лазутчики сообщают, что Луктерий переместился на запад и осаждают крепость рутенов Карантомаг. А габалы решили — вполне разумно, учитывая их близость к арвернам, — присоединиться к Верцингеторигу. И сейчас усиленно тренируются, готовясь к походу на гельвийев.

Цезарь выдержал драматическую паузу, прежде чем открыть карты.

— Я намерен обойти Луктерия и габалов с востока и перевалить через Севеннский хребет.

Даже Децим Брут был поражен его заявлением.

— Зимой?!

— А почему бы и нет? Я ведь однажды перешел Альпы на высоте десяти тысяч футов, когда торопился из Рима в Генаву, чтобы унять распоясавшихся гельветов. Все говорили, что я не пройду, но я прошел. Правда, дело было осенью, но на высоте десяти тысяч футов всегда зима. Правда и то, что армия не смогла бы пройти по козьим тропам до Октодура, но Севенны не столь уж грозны. Перевалы там в три-четыре тысячи футов, и есть дороги. Галлы путешествуют с одной стороны хребта на другую довольно крупными группами, так почему же и я не смогу?

— Не нахожу причин для возражений, — нехотя признал Децим.

— Если снег будет глубоким, мы пророемся сквозь него.

— То есть ты намерен подойти к Севеннам в верховьях реки Олтис и перейти через Родан где-то около Альбы Гельвеции? — спросил Луций Цезарь, торопясь блеснуть нахватанными в последние дни географическими познаниями о регионе, которым ему было поручено управлять.

— Нет, думаю, я зайду дальше, — ответил Цезарь. — Хочу спуститься с хребта как можно ближе к Виенне. Чем дальше мы останемся невидимками, тем лучше для нас и хуже для

Верцингеторига. Я надеюсь появиться там раньше, чем он прознает о нас. И забрать с собой четыре сотни германских всадников. Если Арминий хозяин своему слову, они уже должны меня ждать.

— Значит, ты положил шестнадцать дней на то, чтобы перевалить через Севеннский хребет и соединиться с нашими силами в Агединке? — уточнил Луций Цезарь. — Это же более четырехсот миль, и местами по глубокому снегу.

— Да. Я намерен делать в среднем по двадцать пять миль в день. Быстрее мы сможем идти от Нарбона до реки Олтис и после того, как покинем Виенну. Этим мы компенсируем потерю скорости на перевалах. В Агединке будем вовремя, уверяю тебя. — Цезарь пристально посмотрел на кузена. — Я хочу все время опережать информаторов Верцингеторига. Я хочу, чтобы он был обескуражен. Где Цезарь? Кто-нибудь слышал, где находится Цезарь? Ага, вот он где! Сейчас мы захлопнем ловушку! А меня там уже три дня как нет.

— Ты делаешь ставку на то, что он не профессионал, — задумчиво заметил Децим Брут.

— Именно. Много амбиций и мало опыта. Я не говорю, что он боязлив и неспособен к решительным действиям. Но у меня есть преимущества, и я должен использовать их. Я умен, опытен, и мои амбиции превосходят самые дерзостные его чаяния. Для победы мне нужно всего лишь заставить Верцингеторига это понять.

— Надеюсь, ты не забудешь взять с собой свой сагум, — усмехнулся Луций.

— Я не расстанусь с ним ни за какие сокровища! Когда-то он принадлежал Гаю Марию. Бургунд принес его мне. Ему девяносто лет, вонь от него поднимается до небес, ее не могут отбить никакие душистые травы, и меня передергивает всякий раз, когда я его надеваю. Но говорю тебе, таких плащей уже больше не делают, даже в Лигурии. Дождь от него отскакивает, ветер не продувает, а алый цвет его столь же ярок, как в тот день, когда он был соткан.

Пятнадцатый легион оставил Нарбон без единой повозки. Палатки центурионов были погружены на мулов вместе с запасными пиками, инструментами и большими лопатами. Остальное, включая любимую артиллерию Цезаря, в обстановке строжайшей секретности пустилось в длинный кружной путь к долине Родана. Зато количество приданных

центуриям мулов увеличили вдвое. Теперь одни лишь четвероногие вдобавок к привычной поклаже волочили на себе весь провиант, а походные ранцы солдат полегчали до пятнадцати фунтов.

Знаменитая удача не покидала Цезаря, ибо северную дорогу подернул туман, не давая наблюдателям Луктерия или габалов видеть, что на ней происходит. Легион незамеченным подошел к горным кручам. Повалил крупный снег, поторапливая легионеров. К восхождению приступили немедленно. Цезарь хотел как можно скорее добраться до перевалов.

Снежный покров достигал местами глубины шести футов, но метель прекратилась. Каждая центурия поочередно выходила вперед, расчищая путь остальным. Чтобы уменьшить риск, людей перестроили, они шли по четверо в ряд, а мулов в опасных местах проводили поодиночке. Время от времени кто-нибудь оступался, срываясь в расщелину, или снежная толща обваливалась, увлекая кого-нибудь за собой. Но потери были редки, бедолаг обычно вытаскивали наверх невредимыми. От возможной гибели и переломов их спасал все тот же снежный покров.

Цезарь спешил и на протяжении всего перехода шел вместе со всеми, расчищая дорогу и подбадривая павших духом. Его присутствие всегда успокаивало солдат. В свои восемнадцать лет при явной физической развитости эти парни все еще тосковали по дому. Нет, безусловно, Цезарь не казался им отцом родным (иметь такого отца никто не осмеливался даже в самых диких фантазиях), но от него исходила такая колоссальная уверенность в себе, не запятнанная притом ни тенью кичливости, что рядом с ним они оживали и чувствовали себя под надежной рукой.

— А вы становитесь неплохим легионом, ребята, — говорил он им, широко улыбаясь. — Сомневаюсь, что десятый шел бы здесь намного быстрее, чем вы, хотя счет лет его службы подходит к десятку. Вы, конечно, еще сосунки, но подаете большие надежды!

Удача по-прежнему благоволила к нему. Наверху мело, но не столь сильно, чтобы замедлить продвижение легиона; ни один галл не попался навстречу, а легкая снежная дымка скрывала римлян от чужих глаз. Сначала Цезаря беспокоила мысль об арвернах, но время шло, а арверны не появлялись, и он понемногу стал верить, что Верцингеториг так ничего и не узнает о его хитром маневре.

Наконец пятнадцатый легион, очень довольный собой, спустился с Северного хребта и вошел в Виенну. Три легионера погибли, несколько человек поломали руки и ноги, четыре мула, запаниковав, сорвались со скалы, но ни один солдат не обморозился, и все были полны решимости идти дальше — на Агединк.

Четыреста германцев из племени убиев жили там уже почти четыре месяца. Лошади ремов пришлось им по нраву, и вождь на ломаной латыни заверил, что его люди сделают для Цезаря все.

— Децим, веди дальше пятнадцатый без меня, — сказал Цезарь, накинув вонючий старенький сагум. — Я поскачу к Фабию и с двумя его легионами встречу тебя в Агединке.

Девяносто тысяч галлов выступили из Карнута, направляясь к владениям битуригов. Шли они медленно, ибо Верцингеториг сознавал, что мало смыслит в осадной войне и вряд ли сумеет взять Аварик. Поэтому он просто хотел привести ослушников в ужас, сжигая их хутора и деревни. Это произвело должный эффект, но только после того, как армия эдуев возвратилась домой, так и не перейдя реку Лигер. Битуригам потребовалось еще несколько дней, чтобы понять, что помощи нечего ждать и от римлян, спокойно посидивающих за неприступными стенами своих лагерей. В середине апреля битуриги склонились перед Верцингеторигом.

— Мы теперь с тобой до самой смерти, — сказал ему царь Битургон. — И сделаем все, что ты хочешь. Мы честно пытались соблюсти заключенный с римлянами договор, однако поняли, что они сами не собираются его соблюдать. Они не стали нас защищать. Поэтому мы с тобой, а не с ними.

— Очень хорошо! — сказал Верцингеториг и, обогнув Аварик, пошел к Горгобине, к старой крепости арвернов, принадлежавшей теперь бойям, не дававшим гельветам покоя.

Литавик встретил его на подступах к Горгобине. Остановившись на высоком холме, он любовался великолепной картиной. Какая армия! Разве могут римляне победить? Объем римской армии никогда нельзя было определить, потому что она обычно шла колонной. Один легион простирался на милю, с обозом и артиллерией в середине колонны. В некотором смысле не так страшно и определенно не наводит такой ужас, как вид, развернувшийся перед пораженным взором Литавика:

сто тысяч одетых в кольчуги, вооруженных галлов, приближавшихся по всему фронту в пять миль, глубиной в сто человек, с обычным обозом позади. Кажется, тысяч двадцать были верхом, по десять тысяч с каждого фланга. А впереди ехали вожди, первым — Верцингеториг, за ним остальные: от сенонов — Драпп и Каварин, от карнутов — Гутруат, от мандубиев — Дадераг. И Катбад, легко узнаваемый в своем белоснежном одеянии на белоснежном коне. Значит, в этой войне принимают участие и друиды, давая всем понять, что тоже хотят видеть Галлию объединенной.

Верцингеториг мерно покачивался на породистом желтовато-коричневом жеребце, покрытом клетчатой плотной попоной. Светлые штаны подпоясаны темно-зеленым ремнем, поверх кольчуги — накидка той же расцветки. Хотя его людям и было велено не снимать в пути шлемов, сам он ехал простоволосым, сияя золотом с сапфирами. Царь, вылитый царь.

Битургона не удостоили места в свите Верцингеторига, но он держался неподалеку, возглавляя своих битуригов. Заметив Литавика, он выхватил меч.

— Предатель! — выкрикнул он. — Римский пес!

Верцингеториг и Драпп едва успели вмешаться.

— Меч в ножны, Битургон, — приказал Верцингеториг.

— Он — эдуй! Предатель! Эдуи нас предали!

— Эдуи не предавали тебя, Битургон. Ищи ложь среди римлян.

Почему, ты думаешь, эдуи вернулись домой? Не потому, что они хотели вернуться. Так повелел им Требоний.

Драпп увлек в сторону все еще ворчавшего Битургона, Литавик поехал рядом с Верцингеторигом. К ним присоединился Катбад.

— Есть новости, — сказал Литавик.

— Какие?

— Цезарь из ниоткуда появился в Виенне с пятнадцатым легионом и сразу ушел.

Желто-коричневый жеребец резко остановился. Верцингеториг изумленно посмотрел на Литавика.

— В Виенне? И там его уже нет? Почему я ничего об этом не знаю? Ты уверял, что у тебя всюду шпионы, от Аравсиона до ворот Матискона!

— Да, это так, — беспомощно подтвердил Литавик, — но он избрал другой путь.

— Другого пути нет!

— В Виенне говорят, что он с пятнадцатым перевалил через Севеннский хребет и где-то пересек реку Олтис.

— Зимой? — недоверчиво поинтересовался Катбад.

— Он хочет соединиться с Требонием, — уклонился от ответа Литавик.

— Где он сейчас?

— Не имею понятия, правда. Пятнадцатый с Децимом Брутом идет к Агединку, но Цезаря с ними нет. Поэтому я и здесь. Посоветуй, что делать? Хочешь, эдуи атакуют пятнадцатый, пока римляне на наших землях?

Верцингеториг помолчал, переживая провал своего генерального плана. Потом распрямил плечи.

— Нет, Литавик. Ты должен убедить Цезаря, что эдуи по-прежнему верны Риму. — Он посмотрел на угрюмое зимнее небо. — Что он замыслил? Где он сейчас?

— Нам следует повернуть к Агединку, — вмешался Катбад.

— Когда мы на расстоянии броска от Горгобины? До Агединка отсюда больше ста миль. Катбад, у меня очень много людей. С ними на это уйдет дней десять, не меньше. А Цезарь движется намного быстрее, ибо его люди привыкли действовать слаженно. Они изнашивают не одни сапоги на учебных плацах, прежде чем выйти на поле сражения. Наше преимущество в численности, а не в проворстве. Нет, мы пойдем на Горгобину, как и задумано. И вынудим Цезаря прийти к нам. — Он сделал глубокий вдох. — Клянусь Дагдой, я побью его! Но не там, где он планирует встретиться с нами.

— Значит, я должен рекомендовать Конвиктолаву и Костию делать вид, что эдуи готовы во всем помочь Риму? — спросил Литавик.

— Вот именно. Следи только, чтобы эта помощь до Цезаря никогда не дошла.

Литавик повернул коня и отъехал. Верцингеториг толкнул пятками своего жеребца. Катбад помрачнел, новости явно ему не понравились, но Верцингеториг этого не заметил. Он полностью погрузился в себя.

Где теперь Цезарь? Чего он хочет? Он был на землях эдуев, но Литавик его потерял! Образ врага замаячил перед ним. Как разобрать, в

чем загадка этих холодных, выбивающих из колеи глаз? Такой красавец, по внешности почти галл! Только нос и рот чужака. Элегантный. Холеный. В очень хорошей форме. Царской крови, более древней, чем история галлов. Мыслит как царь, хотя это и отрицает. И отдает приказы как царь, точно зная, что повеление тут же исполнят. Никогда не сворачивает с намеченного пути. Никогда не юлит и готов ко всему. Кто его остановит? Никто, разве что другой царь. «О Езус, дай мне силы разбить его! У меня мало знаний. Я слишком молод, неопытен. Но я веду великий народ, и если последние шесть лет чему-то нас научили, так это ненавидеть!»

Цезарь прибыл в Агединк с Фабием и его двумя легионами несколько раньше, чем Децим с пятнадцатым.

— Хвала всем богам! — воскликнул Требоний, ломая руки. — Я уже не чаял увидеть тебя.

— Где Верцингеториг?

— Собирается заблокировать Горгобину.

— Хорошо! Это его займет на какое-то время.

— А... мы?

Цезарь усмехнулся.

— У нас два варианта. Засесть в Агединке и вести сытную жизнь без потерь. Или, презрев комфорт, показать Верцингеторигу, что война с Римом не так проста, как война против собственного народа. Он ведь знает, что я уже здесь. Но не идет к Агединку, что свидетельствует о его военном таланте. Он хочет, чтобы мы вышли первыми и встретились с ним там, где ему это выгодно.

— И ты так и поступишь? — спросил Требоний, хорошо знавший, что Цезарь в любом случае не останется в Агединке.

— Не сейчас, нет. Пятнадцатый и четырнадцатый легионы останутся здесь. Остальные пойдут со мной на Веллавнодун. Мы обманем галлов, методично громя главные базы сенонов, карнутов, битуригов. Сначала Веллавнодун. Потом Кенаб. Потом Новиодун. А после этого — Аварик.

— Приближаясь к Верцингеторигу?

— Но уклоняясь к востоку, чтобы отсечь его от западных подкреплений и не дать созвать общий сбор.

— Какой у нас будет обоз? — спросил Квинт Цицерон.

— Небольшой, — ответил Цезарь. — Я рассчитываю на эдуев. Они, полагаю, снабдят нас зерном. Мы возьмем с собой лишь бобы и бекон. — Он посмотрел на Требония. — Если только нет мнений, что эдуи уже не с нами.

— Нет, Цезарь, — ответил Фабий. — Я следил за их передвижениями и не нашел никаких признаков того, что они помогают Верцингеторигу.

— Тогда будем полагаться на них, — сказал Цезарь.

От Агединка до Веллавнодуна дошли за день, а через три дня он пал. У сенонов забрали всех вьючных животных, все городские запасы продуктов и кое-кого из них взяли в заложники, после чего Цезарь пошел на Кенаб. Тот сдался сразу, но за убийство римлян был сожжен и разграблен. Трофеи достались солдатам. Пришел черед Новиодуна битуригов.

— Идеально для кавалерийской атаки! — торжествующе воскликнул Верцингеториг. — Гутруат, оставайся здесь, в Горгобине, с пехотой. Для общего наступления она слишком неповоротлива. Я ударю по Цезарю кавалерией. А у него — пехота.

Новиодун был готов уже сдаться, однако тут появился Верцингеториг, и битуриги передумали прямо в момент передачи заложников. Обе центурии, вошедшие в крепость, были окружены, но им удалось пробиться к своим, хотя битуриги жаждали крови. В самый пик напряжения Цезарь послал в поле тысячу конных ремов, возглавляемых четырьмя сотнями убиев. Стремительность наскока застала Верцингеторига врасплох. Его конники все еще выстраивались в боевой порядок, когда германцы, бешено улюлюкая, налетели на них. Такого вопля в этой области Галлии не слышали уже несколько поколений. Завязалась кровавая, смертоносная схватка, в которую, зараженные отвагой германцев, вступили и ремы. Верцингеторигу пришлось прервать бой и отступить, оставив несколько сот кавалеристов на поле сражения.

— С ним германцы, — сказал Верцингеториг. — Германцы! Я думал, он завязнет в городе и на сопротивление у него не останется сил. Но он нашел их. Германцы!

Он созвал военный совет, с болью признав свое поражение.

— За восемь дней оно уже третье, — проворчал Драпп, вождь сенонов. — Веллавнодун, Кенаб, а теперь Новиодун.

— В начале апреля он был в Нарбоне. А к концу движется на Аварик, — сказал Дадераг, вождь мандубиев. — Шестьсот миль в месяц! Нам за ним не поспеть.

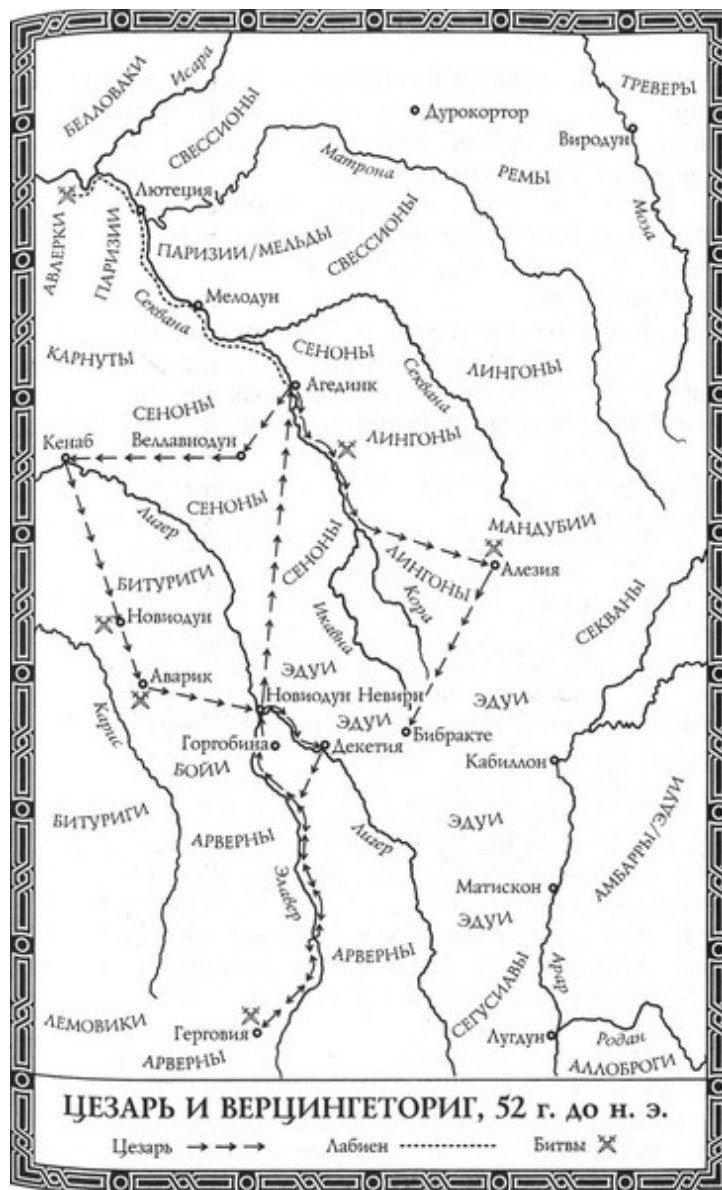
— Мы поменяем тактику, — решил Верцингеториг, которому полегчало после тягостного признания. — Он задал нам трепку, а теперь наш черед заставить его уважать нас. Отныне мы сделаем эту кампанию для него невозможной. Заставим отступить в Агединк и запрем его там.

— Как? — скептически поинтересовался Драпп.

— Через жертвы, Драпп. Через многие жертвы. Мы уморим его голодом. В это время года и следующие шесть месяцев с полей нечего взять. Весь урожай хранится в силосных ямах и амбарах. Мы сожжем свои собственные хранилища, ничего не оставим на пути Цезаря. Больше атаковать не будем. Голод сделает это за нас.

— Если он будет голодать, то и мы тоже, — сказал Гутруат.

— Но не в той же степени, Гутруат. Мы будем добывать провиант в удаленных от местонахождения римлян районах. Пошлем к Луктерию, пошлем к арморикам. И конечно, к эдуям, чтобы увериться, что они ничего не дадут Цезарю. Ничего!

Карта 6. Цезарь и Верцингеториг, 52 г. до н. э.

— А что станется с Авариком? — спросил Битургон. — Это же самый большой город в Галлии. В нем так много еды, что он вот-вот утонет в окружающих его топях. Мы тут болтаем, а Цезарь идет к нему.

— Мы последуем за ним на расстоянии, не позволяющем ему втянуть нас в сражение, — сказал Верцингеториг. Он нахмурился. — А Аварик мы сожжем.

Битургон ахнул.

— Нет! Нет! Я отказываюсь участвовать в этом! Мы, битуриги, клятвенно обещали подчиняться твоим приказам и, разумеется, будем стоять за тебя. Я готов жечь хутора, деревни, хранилища, даже рудники, но Аварик сжечь не дам!

— Тогда его возьмет Цезарь, и у него будет еда, — упрямо продолжил Верцингеториг. — Мы сожжем Аварик, Битургон. Это необходимо.

— И битуриги умрут от голода, — с горечью сказал Битургон. — Пойми же, Верцингеториг, Цезарь не сможет взять этот город! Никто не может захватить Аварик! Он замечательно укреплен — и людьми, и природой. Верно тебе говорю, этот орешек Цезарю не по зубам! Но если ты сожжешь его, Цезарь пойдет дальше. Возможно, к Герговии или... — Он в упор взглянул на вождя мандубиев Дадерага. — Или к Алезии. Скажи, Дадераг, сумеет он ее взять?

— Никогда, — решительно мотнул головой Дадераг.

— То же самое можно сказать и об Аварике. — Битургон перевел взгляд на Верцингеторига. — Пожалуйста, я прошу тебя! Жги любую крепость, или деревню, или рудник, жги, что хочешь, но только не Аварик! Аварик выстоит, Верцингеториг! Не делай непоправимого, умоляю! Лучше замани Цезаря к Аварику. Пусть попытается войти в него! Он не сумеет, он просидит там все лето, но не возьмет его! Он не сможет! Никто не сможет, пойми!

— Что скажешь, Катбад? — спросил Верцингеториг.

Главный друид, подумав, кивнул.

— Битургон прав. Аварик неприступен. Пусть Цезарь думает, что добьется успеха, пусть сидит там, обессиливая и себя, и солдат. А ты между тем созовешь общий сбор, и вся Галлия станет единой. Это хороший план — приковать римлян к одному месту. Если Цезарь увидит обугленные руины, он пойдет дальше, и мы потеряем его. С ним иметь дело — все равно что пытаться подцепить ножом ртуть. Пусть Аварик станет для него якорем.

— Ну хорошо. Мы посадим Цезаря на якорь у Аварика. Но сожжем все в пределах пятидесяти миль от него!

Римляне считали Аварик единственным красивым укреплением в Длинноволосой Галлии. Подобный Кенабу, только намного больше, он функционировал как город, а не только как место для хранения

продуктов и для собраний племени. Он стоял на небольшом возвышении, посреди заболоченных, но плодородных пастбищ. Благодаря высоким стенам и окружающему болоту Аварики считались неприступным. Округлый выступ поросшей лесом скальной породы шириной в триста тридцать футов вел к воротам Аварики. Но перед самыми воротами твердая почва вдруг проваливалась, и это было единственное место, откуда можно было атаковать возвышающиеся стены. В других местах они стояли на болоте, слишком предательском, чтобы выдержать вес осадных фортификаций и машин в случае войны.

Цезарь поместил свои семь легионов на краю этого выступа, как раз там, где дорога круто шла вниз, а через четверть мили поднималась опять — к городской стене и воротам. Стена, окружавшая город, была сделана в технике *murus Gallicus*, представляя собой чередующиеся слои камней и деревянных балок в сорок футов длиной. Камни придавали сооружению огнестойкость, а гигантские деревянные перекладины обеспечивали прочность при артиллерийском обстреле. «Ее не проломишь, — думал Цезарь, краем уха ловя шум строительства лагеря за спиной. — Даже если иметь таран, способный бить под таким углом, и обеспечить легионерам при нем достаточную защиту».

— Здесь будет потруднее, — заметил Тит Секстий.

— Надо строить настил над провалом, чтобы подобраться к воротам, — сказал Фабий, хмурясь.

— Нет, — возразил Цезарь, — только не настил. Это слишком хлипко. Нас с легкостью будут отбрасывать от стены. Нет, мы построим что-нибудь попрочнее. — По твердости голоса своего генерала легаты поняли, что он давно все решил. — И начнем прямо с того места, где сейчас стоим, ибо оно как раз на уровне крепостных парапетов. Ширина подступа к Аварику — триста тридцать футов, но мы не станем размахиваться настолько. Мы поведем по флангам подступа две стены, а перед городом соединим их друг с другом. Равномерно продвигаясь вперед, мы будем полностью контролировать ситуацию и спокойно пройдем две трети пути, а уж потом начнем беспокоиться о своей безопасности.

— Бревна! — воскликнул сияющий Квинт Цицерон. — Тысячи бревен! За топоры, так что ли, Цезарь?

— Да, Квинт, за топоры. Ты отвечаешь за доставку бревен. Пригодится твой опыт с нервьями, потому что я хочу быстро получить

эти бревна. Мы не можем оставаться здесь дольше месяца. К тому времени все должно быть закончено.

Цезарь повернулся к Титу Секстию.

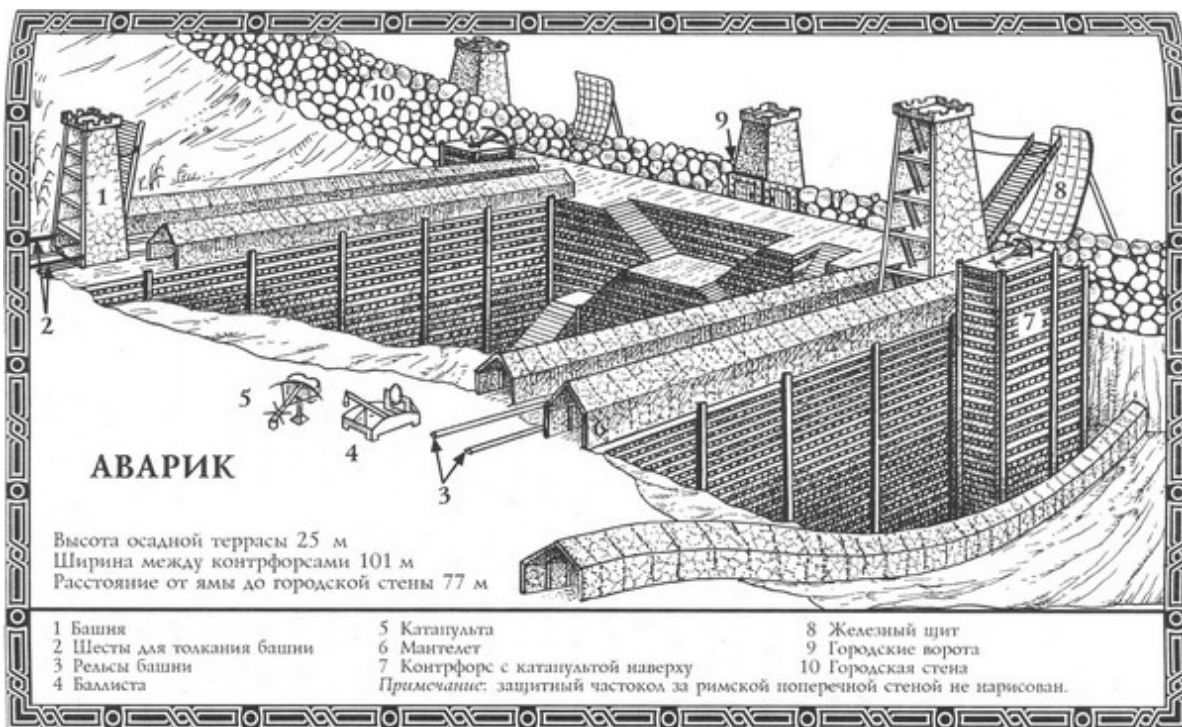
— Секстий, ищи камни, сколько сможешь. И землю. По мере строительства террасы земель можно заполнять пространство между стенами.

Настала очередь Фабия.

— Фабий, ты отвечаешь за лагерь и провиант. Эдуи еще не прислали зерна, и я хочу знать почему. И бойи нам ничего не прислали.

— Об эдуях мне ничего не известно, — сказал Фабий обеспокоенно. — А бойи говорят, что у них нет лишней еды, потому что Горгобина разграблена, и я склонен им верить. Племя маленькое, земля там скудна.

— Зато у эдуев она плодородна. Лучшая в Галлии, — жестко сказал Цезарь. — Похоже, пора подстегнуть Котия и Конвиктолава письмом.

Карта 7. Аварик.

Разведчики донесли, что Верцингеториг и его огромное воинство остановились в пятнадцати милях от Аварика, перекрыв римлянам незаболоченные пути для отхода. Все амбары и силосные ямы в округе сожгли. Цезарь освободил от работ девятый и десятый легионы на случай внезапной атаки и продолжил строительство стен.

Чтобы защитить своих людей, он разместил на конце выступа всю имевшуюся у него артиллерию, но тратить камни не разрешил. Ситуация была идеальна для катапульта, стрелявших трехфутовыми стрелами. Их делали из толстых веток, отсеченных от стволов лесорубами. Один конец заготовки заостряли, другой расщепляли. Поиском подходящих веток и их обработкой занимались нестроевые солдаты, пользуясь специально изготовленными шаблонами.

Две параллельные бревенчатые стены, увенчанные защитными навесами (мантелетами), неуклонно продвигались вперед. На тыльных их окончаниях росли две осадные башни. Двадцать пять тысяч солдат трудились от зари до зари: стволы деревьев ровняли, подтаскивали лебедками, катили, укладывали на место — и все это со скоростью несколько сотен бревен в день.

Через десять дней было пройдено более половины пути, но запасы провизии в лагере оскудели. Осталось немного масла и мизерное количество бекона. От эдучев шли несчетные извинения. У них-де была эпидемия, потом ливень утопил повозки в болотах, потом крысы уничтожили все зерно в ближайших к Аварику амбарах, теперь надо везти пшеницу из Кабиллона, а до него сто двадцать миль...

Не прекращая работ, Цезарь стал обходить солдат.

— Вам решать, как нам быть, ребята, — говорил он поочередно каждой группе занятых делом легионеров. — Я могу снять осаду, и мы отправимся в Агединк, где много еды. Взять этот город не так уж и важно. Мы, в конце концов, побьем галлов и так.

И все отвечали одинаково: чума на всех галлов, еще страшнее — на Аварик, и самая жуткая — на эдучев!

— Мы семь лет провели с тобой, Цезарь, — высказался за всех Марк Петроний, центурион из восьмого. — Ты хорошо к нам относился, зачем же мы станем позорить тебя? Бросить все и уйти нам как-то неловко. Нет, генерал, мы потуже затянем ремни. Мы здесь для того, чтобы отомстить за павших в Кенабе. И потому мы возьмем Аварик.

— Нам нужно достать продовольствие, Фабий, — сказал Цезарь своему помощнику. — Хотя бы мясо. Они сожгли все зерно. Забивай любой скот, какой тебе попадется. Никто не любит говядину, но говядина лучше, чем голод. И где же наши так называемые союзники эдуи?

— Продолжают слать извинения. — Фабий серьезно посмотрел на Цезаря. — А ты не думаешь, что мне лучше попытаться пробиться к Агединку с двумя легионами?

— Верцингеториг только того и ждет. Нет, Фабий, в этом городе мы найдем все, что нам нужно, не дожидаясь поставок от эдуев. — Цезарь усмехнулся. — Ты не находишь, что этот галл просто глуп? Он заставляет меня взять Аварик. А похоже, именно здесь сосредоточены все запасы пищи, какие могут дать эти захудалые земли. И потому Аварик непременно падет.

На пятнадцатый день, когда осадные стены едва не вплотную придвинулись к крепости, Верцингеториг переместил свое войско ближе к лагерю римлян и вознамерился окружить занимавшийся добычей продовольствия легион. Это был десятый легион Цезаря, и задачу захлопнуть ловушку возложили на галльскую кавалерию, но хитрый замысел ни к чему не привел: Цезарь в полночь привел к стоянке галлов девятый и стал угрожать лагерю Верцингеторига. Обе стороны разошлись, не тронув друг друга, что далось Цезарю с трудом, ибо его люди настроились драться.

Но было трудно и Верцингеторигу. На собравшемся срочно совете его обвинил в трусости и предательстве Гутруат, начинавший подумывать, что туфли царя подойдут ему лучше. Однако армия, прослышав об этом, встала за своего полководца, шумно приветствуя его ударами мечей о щиты. И та же армия поставила ему десять тысяч добровольцев, решивших влиться в ряды защитников Аварика. Они проникли в город довольно легко, ибо топи в некоторых местах выдерживали человеческий вес. Им удалось втайне от римлян подобраться к крепости с тыла и перелезть через стену.

На двадцатый день работа была близка к концу, так что подкрепление Аварика лишним не показалось. Бревенчатая стена, соединяющая две параллельные стены с осадными башнями, поднималась из частично выровненного углубления прямо напротив самого Аварика: Цезарь хотел штурмовать парапетные стены по

возможно более широкому фронту. Защитники все время пытались поджечь мантелеты, но напрасно, потому что Цезарь нашел железные щиты в крепости Новиодуна и использовал их, накрыв мантелеты с тех концов, что были ближе к городу. Тогда защитники переключились на бревенчатую стену, поднимавшуюся за стенами Аварика, попытались растащить ее крюками-кошками и лебедками, одновременно выливая смолу, горящее масло и горящие пучки хвороста на головы ничем не защищенных солдат.

Кроме того, защитники Аварика спешно сооружали новые брустверы и противоосадные башни вдоль всего крепостного вала. Шла работа и под землей: они прорыли туннель под защитной стеной, потом подкопались под бревна вражеской перемычки, пропитали их смолой с маслом и подожгли.

Но бревна были сырыми, а воздуха не хватало. Большие клубы дыма выдали замысел. Увидев это, защитники крепости решили помочь огню, предприняв вылазку со своего парапета на осадную римскую стену. Началась схватка, она становилась все яростнее. Девятый и десятый легионы покинули лагерь, чтобы присоединиться к своим. Загорелись мантелеты, загорелось плетеное покрытие левой осадной башни. Сражение длилось всю ночь и не стихло к утру.

Группа легионеров, взявшихся за топоры, принялась прорубать в основании перемычки отверстие, чтобы пустить воду, а солдаты девятого легиона стали рыть отводную канаву от ручья, снабжавшего лагерь водой. Их товарищи сооружали из шкур и палок лоток, чтобы вода пошла в прорубаемую дыру и погасила пожирающий нижние бревна огонь.

Подходящий момент для галлов, которые легко могли бы одержать верх, если бы бросили в бой свою армию. Но Гутруат оказал плохую услугу своим соотечественникам, обвинив Верцингеторига в излишнем пристрастии к кавалерии в ущерб пешим воинам. Вождь галлов, еще не провозглашенный царем, не посмел воспользоваться замечательным шансом. У него не было власти посылать куда-то людей без одобрения своих именитых советников. А созыв совета — дело достаточно канительное, чреватое чередой пустых пререканий. К тому времени, когда все придут к единому мнению, все будет кончено.

На рассвете Цезарь ввел в действие артиллерию. Один рьяный галл с большой точностью метал куски жира и смолы в огонь, пылающий у

основания левой башни, придвинутой к крепости. Стрела, пущенная из катапульты, вошла ему в бок. Другой галл заменил убитого, но его поразила вторая стрела, а третьего — третья. Так продолжалось по всему фронту до тех пор, пока наконец огонь не был потушен, а галлы не отступили. Фактически катапульты решили исход схватки.

— Прекрасно, — сказал Цезарь своим легатам. — Совершенно ясно, что мы недостаточно используем артиллерию. — Он поежился и плотнее закутался в плащ. — Будет затяжной дождь. По крайней мере, это предотвратит новые возгорания. Начинайте ремонт.

На двадцать пятый день строительство было закончено. Правую башню толчками придвинули к перемычке, она встала вровень с левой, а ледяной дождь все не стихал. Караульные битуригов, видя, что римляне копошатся в обычном режиме, ушли с парапета в укрытия, уверенные, что в такой ливень никто ничего не станет предпринимать. А в это время мантелеты и осадные башни заполнялись солдатами. Заскрипели лебедки, опустились широкие сходни, и римляне хлынули на парапет. Они лезли и с перемычки — по лестницам и по веревкам, снабженным крюками.

Сюрприз был полный. Галлов смели с собственных стен так быстро, что сопротивления почти не было. Придя в себя, защитники крепости клином построились на рыночной площади, решив дорого продать свои жизни.

Дождь продолжал лить как из ведра, становилось все холоднее. Ни один римлянин не спустился с крепостных валов Аварика. Легионеры просто смотрели на город. Началась паника. Вскоре галлы уже бежали в разные стороны — к малым воротам, к амбарам, к домам. И были истреблены. Из сорока тысяч мужчин, женщин и детей, находившихся в Аварике, только восемьсот человек пришли к Верцингеторигу. Остальные были убиты. После двадцатипятидневного голодания и напряженного труда у солдат Цезаря не было настроения кого-либо щадить.

— Ну, ребята, — кричал им Цезарь, — теперь у нас вдоволь хлеба, бобов и бекона! Гороховой сытной похлебки! Увижу кого с куском старой говядины — оштрафую! Благодарю и приветствую каждого! Каждый из вас дорог мне!

Сначала Верцингеториг решил, что падение Аварика и появление в стане галлов жалкой горстки спасшихся бегством нанесет больший урон его репутации, чем претензии Гутруата на лидерство. Что подумает армия? Но он взял себя в руки и, разделив уцелевших на группы, тайно отослал их подальше от войска, а на следующее утро созвал военный совет.

— Мне надо было прислушаться к моей интуиции, — сказал он, в упор глядя на Битургона. — Нам не стоило делать ставку на Аварик. Он оказался уязвимым, он пал, а мы его не сожгли, и у Цезаря теперь есть пища, несмотря на перебои с поставками от эдуев. Сорок тысяч наших соотечественников мертвы. Воины. Дети, которые могли стать воинами. Их матери, их отцы, их дядья и кузены. Аварик пал не по их вине. Просто у римлян есть опыт. Они понимают, как подобраться к тому, что нам кажется неуязвимым. Не потому, что мы слабы, а потому, что они сильнее нас. Мы потеряли четыре крепости, сдав три из них Цезарю за восемь дней, четвертую — после двадцати пяти дней таких невероятных усилий с его стороны, что у меня щемит сердце. Они пешие двигаются быстрее, чем мы на конях. Они строят осадные сооружения из окрестного леса. Они пронзают нас своими огромными стрелами — одного за другим. Они отличные воины. И у них есть Цезарь.

— А у нас есть ты, Верцингеториг. И нас очень много, — негромко сказал Катбад.

Он повернулся к притихшим вождям, сбросив с себя покров безразличного непротивления происходящему. Перед собравшимися стоял теперь верховный друид, носитель знаний, великий сказитель, связующее звено между Галлией и Туата — ее богами. Глава огромного братства, более сильного, чем любой другой клан жрецов.

— Когда человек берет на себя обязанности вождя в большом деле, он становится уязвимым для молний. Все в нем начинает подвергаться сомнению: его мудрость, его храбрость, его упорство. В прежние дни такой лидер объявлялся царем. Он предстал перед Туата как человек, готовый пожертвовать всем для процветания своего народа, как человек, который принимает близко к сердцу нужды и чаяния каждого мужчины и каждой женщины из тех, что вверились его защите. Но вы, вожди Галлии, не дали Верцингеторигу полной власти. Вы пожалели ее для него. И сами прочтите себя в цари, когда он потерпел неудачу.

Признайтесь, все вы тут тайно желали, чтобы он ее потерпел, ибо в душе не хотите объединения. Вы хотите поставить себя над всеми. Себя и свой собственный род.

Никто не промолвил ни слова. Гутруат постарался спрятаться в тень, Битургон закрыл глаза, Драпп дернул себя за ус.

— Может быть, в эту минуту многим действительно кажется, что Верцингеториг потерпел поражение, — продолжил Катбад звучным бархатным голосом. — Но это только начало. Он еще только учится побеждать. Вы должны понять, что именно Туата вознесли его из ничего и из ниоткуда. Кто знал Верцингеторига до Самаробривы? Никто. — Голос друида стал жестче. — Вожди Галлии, у нас только один шанс освободиться от Рима и от Цезаря. Этот шанс появился сейчас. Пришло время. Если мы потерпим поражение, пусть это выйдет не потому, что мы не сумели сплотиться. Может статься, что потом царь нам будет не нужен. Но сейчас он нам необходим. Верцингеторига избрали Туата, а вовсе не люди и даже не друиды. Вожди Галлии, если вы боитесь, любите и почитаете своих богов, склонитесь перед тем, кто избран их волей. И открыто признайте его единовластным галльским царем.

Один за другим знатные вожди племен вставали со своих мест и опускались на левое колено перед Верцингеторигом. Он стоял, простирая над ними правую длань и выставив вперед правую ногу. На запястьях, локтях и шее переливались драгоценные камни, сверкало золото, жесткие бесцветные волосы нимбом вставали вокруг головы, чисто выбритое лицо сияло.

Одна минута. Всего одна, но, когда она пробежала, все изменилось. Он стал царем и обратился к ним как царь.

— Пора, — сказал он. — Пора созывать общий сбор. Пусть он состоится в месяце, который римляне называют секстилием, когда весна почти закончится и начнется сезон, пригодный для решительных действий. Я тщательно отберу доверенных лиц, они будут обходить племена и объяснять, что в сплочении наш единственный шанс избавиться от гнета Рима. И кто знает? Может быть, мера нашей успешности превысит меру успешности наших врагов. Если же то, чего мы хотим, огромно не в меру, то Туата обрушат эту огромность на нас. Тогда мы потерпим поражение, но нам будет не стыдно. Мы всегда

сможем сказать, что наш противник был величайшим из всех, каких знал мир.

— Но этот противник — всего лишь человек, — громко сказал Катбад. — И он почитает ложных богов. А Туата — настоящие боги, превосходящие римских в величии. Наше дело — справедливое дело. Мы обязательно победим! И мы все станем зваться галлами!

В начале июня Гай Требоний и Тит Лабиен прибыли в Аварик и увидели, что лагерь Цезаря почти разобран. С полян на болотах согнали всех выючных животных, которых нашли, чтобы забрать с собой трофейное продовольствие.

— Верцингеториг перенял тактику Фабия. Сам он сражения не начнет, поэтому мы должны вынудить его сделать это. Я решил двинуться на Герговию. Это его город, и он будет вынужден его защищать. Если Герговия падет, арверны крепко задумаются.

— Есть трудности, — печально сказал Требоний.

— Трудности?

— Литавик сказал, что у эдуев разлад. Котий узурпировал права старшего вергобрета Конвиктолава и понуждает эдуев взять сторону Верцингеторига.

— Черт побери этих эдуев! — воскликнул Цезарь, сжав кулаки. — Мне не нужен мятеж за спиной, мне не нужна задержка. Но меня хотят задержать, это ясно. А-а-а! Требоний, доставь всю провизию в Новиодун Невирн. Что случилось с эдуями? Разве я не вернул им все их земли, когда-то отобранные сенонами?

Он повернулся к Авлу Гиртию.

— Гиртий, немедленно созови всех эдуев в Декетию на совещание. Я должен понять, что происходит, и усмирить их, прежде чем действовать дальше. И сделаю это лично, иначе эдуи восстанут.

Настал черед Лабиена, но о его выходке с Коммием следовало на время забыть. Это могло подождать. Дикарю Лабиену придется опять действовать самостоятельно, а дикарь должен быть кротким, послушным.

— Тит Лабиен, я собираюсь разделить армию. Ты возглавишь седьмой, девятый, двенадцатый и четырнадцатый легионы. И половину кавалерии, но не эдуйской. Возьми себе ремов. Я хочу, чтобы ты прошел по землям сенонов, свессионов, мельдов, паризиев и авлерков.

Сделай так, чтобы по всей Секване у них не было времени даже подумать о помощи Верцингеторигу. Сам решай, как будешь действовать. В качестве базы используй Агединк.

Он кивнул Требонию, и тот подошел с мрачным видом. Смеясь, Цезарь обнял его за плечи.

— Гай Требоний, улыбнись! Даю слово, до конца года у тебя будет уйма более интересной работы. Но сейчас твое дело — удерживать Агединк. Возьми пятнадцатый из Новиодуна Невирна.

— Я выступлю на рассвете, — сказал довольный Лабием. Потом озадаченно глянул на Цезаря. — Ты не сказал, что думаешь о моем столкновении с Коммием.

— Жаль, что ты дал ему уйти, — сказал Цезарь. — Он теперь будет для нас колючкой в лапе. Но давай надеяться, Лабием, что отыщется мышка, готовая ее вынуть.

Сбор эдуев в Декетии прошел столь сумбурно, что по окончании его Цезарь так и не понял, кто говорил ему правду, а кто лгал. Единственной пользой от всего этого было то, что он посмотрел на эдуев, а те, соответственно, на него. Цезарь выслушал их, они тоже послушали Цезаря. Котий был смещен, пост главного вергобрета вновь занял Конвиктолав, а младшим вергобретом стал молодой и энергичный Эпоредориг. Друиды стояли кучкой позади всех, кто клялся в верности Конвиктолаву, Эпоредоригу, Валетиаку, Виридомару, Кавариллу, а также Литавику, этому столпу верности Риму.

— Мне нужно от вас десять тысяч пехоты и все ваши всадники, — сказал Цезарь. — Они последуют за мной в Герговию. И привезут зерно. Это понятно?

— Я лично их поведу, — улыбнулся Литавик. — Ты можешь быть спокоен, Цезарь. Эдуи придут в Герговию.

Таким образом, была уже середина июня, когда Цезарь направился к реке Элавер и в Герговию. Наступила весна, реки так разлились от таявшего снега и дождей, что их надо было переходить по мосту. Брода не было.

Армия галлов раньше римлян переправилась на западный берег Элавера по мосту и разобрала его за собой. Цезарь вынужден был идти к Герговии по восточному берегу, а Верцингеториг, как тень, скользил

по другой стороне, чуть опережая его и разрушая все переправы, что было нетрудно, ведь галлы обычно предпочитали дерево камню, а деревянный мост разбирался легко. Река ревела, бурлила. Но все-таки Цезарь нашел, что искал, — мост на каменных столбах. Деревянный настил, правда, сняли, но опоры остались. Этого было достаточно. Четыре легиона, растянувшись в длину как шесть, продолжили путь, а Цезарь с двумя легионами засел в прибрежном лесу. Когда галлы прошли по другому берегу дальше, легионеры умело навели переправу, и вскоре все римляне перебравшись через Элавер.

Верцингеториг спешил к Герговии, но не вошел в эту крепость арвернов, которая стояла на небольшом плато среди возвышающихся скал. Выступ Севеннского хребта, простиравшийся в западном направлении, защищал город своими вершинами. Сто тысяч воинов, пришедших с царем Галлии, расположились лагерем на неровном возвышении позади и по бокам крепости и стали ждать прихода Цезаря.

Картина была удручающей. Каждая скала была прямо-таки усеяна галлами, и Цезарь с одного взгляда понял, что штурмом этот город не взять. Нужна блокада, а на нее уйдет много времени и продовольствия, которого очень мало. Однако эдуи вот-вот его подвезут, а до того надо бы что-нибудь предпринять. Например, взобраться на небольшую гору, своими отвесными стенами почти прижимавшуюся к плато.

— Поднявшись туда, мыотрежем их от основной водной артерии, — сказал Цезарь. — И от возможных поставщиков провианта.

Сказано — сделано. Действуя в темноте, Цезарь за время с полуночи до рассвета одолел гору, поместил на ней Фабия с двумя легионами в сильно укрепленном лагере и продолжил фортификационные работы, чтобы соединиться со своим основным лагерем с помощью широкой траншеи.

Полночь вообще оказалась критическим часом в действиях при Герговии. Через две ночи, тоже в полночь, к Цезарю прискакал Эпоредориг в сопровождении Виридомара, человека низкого происхождения, по протекции Цезаря введенного в правящий орган эдуев.

— Литавик переметнулся к Верцингеторигу, — сообщил, дрожа всем телом, Эпоредориг. — И вся его армия. Они идут к Герговии, как будто хотят присоединиться к тебе, но на деле намереваются

наброситься на тебя, когда войдут в твой лагерь. А Верцингеториг нападет снаружи.

— Тогда времени у меня почти нет, — сжав зубы, сказал Цезарь. — Фабий, ты остаешься с двумя легионами удерживать наши укрепления. Большого я тебе дать не могу. Я скоро вернусь, но день ты должен продержаться.

— Я продержусь, — ответил Фабий.

Вскоре после этого разговора четыре легиона, прихватив с собой всю кавалерию, почти бегом покинули лагерь и в двадцати пяти милях от него встретили приближавшуюся армию эдуев. Цезарь послал четыре сотни германцев немного их охладить, а после атаковал. Эдуи бежали, но удача покинула Цезаря. Литавику удалось пробиться к Герговии с большей частью своего войска и — что еще хуже — со всем продовольствием. Герговия будет сыта. А Цезарю грозил голод.

Пришли два солдата и сообщили, что галлы яростно пытаются захватить оба лагеря, однако Фабий пока отбивается.

— Ребята, надо пробежать весь путь! — крикнул генерал тем, кто мог его услышать, и сам подал пример.

Еле держась на ногах, римляне прибыли к своим укреплениям и убедились, что Фабий не сдался.

— Хуже всего стрелы, — сказал он, отирая кровь с уха. — Кажется, Верцингеториг теперь больше делает ставку на лучников, а они очень опасны. Я начинаю понимать, что чувствовал бедный Марк Красс.

— Не думаю, что у нас имеется другой выход, кроме отступления, — принял решение Цезарь. — Но есть проблема. Мы не можем повернуться и побежать. Они станут рвать нас, как волки. Нет, сначала мы вступим в бой, припугнем их как следует, а после уйдем.

Появление Виридомара, в очередной раз пришедшего с новостью, что эдуи открыто бунтуют, окончательно убедило Цезаря в правильности принятого решения.

— Они изгнали из Кабиллона трибуна Марка Аристия, отняв все, что принадлежало ему. Он собрал какое-то количество римских граждан, отступил в небольшую крепость и там держался, пока несколько моих людей не передумали и не пришли просить у него прощения. Но много твоих соотечественников погибло, Цезарь, и еды тебе не пришлют.

— Удача меня покинула, — сказал Цезарь, поднявшись к Фабию в малый лагерь. Он пожал плечами, посмотрел на цитадель и вдруг весь напрягся. — Ага!

Фабий мгновенно насторожился. Что значит это «ага»?

— Думаю, я нашел вариант для атаки.

Фабий посмотрел в ту же сторону и нахмурился. Поросшие лесом скалы, прежде усыпанные галлами, были пусты.

— Рискованно! — сказал он.

— А мы их обманем, — откликнулся Цезарь.

Кавалерия была слишком ценна, чтобы жертвовать ею. К тому же эдуи, большей частью ее составлявшие, могли решить, что своя шкура дороже. Досадно, однако у Цезаря под рукой имелись четыреста германцев, не знавших страха и любящих риск. Чтобы увеличить этот отряд, Цезарь придумал ему большую группу нестроевых солдат, одетых как всадники и восседающих на вьючных мулах. Все эти конники получили задание наделать как можно больше шума, не особенно приближаясь к позициям неприятеля.

Из Герговии оба лагеря римлян были, конечно, видны, но не слишком отчетливо. Галльские наблюдатели могли лишь отметить там некоторую активность. Кавалеристы скакали туда-сюда, легионы прилежно маршировали, перетекая из большого лагеря в малый.

Но успех предприятия, целью которого было взять штурмом цитадель, зависел, как всегда, от сигнала горна. Каждый вид маневра имел свой специальный короткий сигнал, и войска учились немедленно подчиняться такому звуку. Другую трудность представляли эдуи, которые толпами покидали Литавика и Верцингеторига и которых Цезарь вынужден был использовать вместе с эдуями, лояльными к нему с самого начала. Они должны были образовать правое крыло при атаке. Но на большинстве из них были галльские кольчуги вместо привычных кольчуг эдуев, оставлявших оголенным правое плечо. Одетые для боя и поэтому без своих отличительных красно-сине-полосатых накидок, без типичного открытого правого плеча, эти эдуи были неотличимы от людей Верцингеторига.

Впрочем, сначала все шло хорошо. Восьмой легион первым ринулся в бой. Цезарь возглавил десятый. Три лагеря Верцингеторига пали, и царь нитиобригов Тевтомар, спавший в своей палатке, вынужден был бежать по пояс голый и на раненой лошади.

— Достаточно, — сказал Цезарь стоявшему рядом Квинту Цицерону. — Горнист, труби отход.

Десятый четко услышал сигнал, а потому развернулся и в полном порядке отступил. Но Цезарь не принял во внимание одну вещь — неровный рельеф местности. Металлический звук горна, взмывший над шумом боя, ударил в стены утесов и отразился от них многократным эхом. Легионеры, находившиеся далеко впереди, не могли разобрать, что им сигналият. В результате восьмой легион не отступил, как другие, а продолжил сражение. И тысячи галлов, защищавших дальнюю сторону Герговии, поспешили скинуть со стен передние ряды восьмого легиона.

То, что было началом разгрома, разрослось в тот момент, когда эдучев-перебежчиков на правом фланге приняли за врагов из-за их кольчуг. Легаты, трибуны, сам Цезарь бросились туда с криками, силой растаскивая измученных, остервенелых бойцов. Тит Секстий вывел из малого лагеря когорты тринадцатого, служившего резервом, и постепенно хаос сошел на нет. Легионы ретировались, оставив поле сражения галлам.

Погибли сорок шесть центурионов (в большинстве своем из восьмого легиона) и около семисот рядовых. Цезарь заплакал. Среди погибших центурионов были его друзья Луций Фабий и Марк Петроний. Оба погибли, спасая своих людей.

— Хорошо, но недостаточно хорошо для вас, — сказал он легионерам. — Местность была непригодной для боя, и все вы знали о том. Вы — солдаты Цезаря, а это значит, что от вас требуется не только отвага. О, это замечательно — рваться вперед, не обращая внимания ни на высоту стен вражеской цитадели, ни на предательские изломы ландшафта. Но я посылаю вас в бой не затем, чтобы вы гибли, доказывая всему миру, что моя армия состоит из героев! Мертвые герои бесполезны. Мертвых героев сжигают. Им отдают почести и забывают о них. Доблесть и боевой пыл достойны похвалы, но в жизни солдата это не все. Осмотрительность и самоконтроль в армии Цезаря ценятся ничуть не ниже. Мои солдаты должны уметь думать. Мои солдаты должны иметь холодные головы, какие бы страсти ни гнали их на врага. Ибо ясность мышления выигрывает больше сражений, чем храбрость. Не заставляйте меня горевать! Не давайте Цезарю повода плакать!

Ряды молчали. Цезарь плакал.

Потом он вытер рукой глаза, покачал головой.

— Это была не ваша вина, ребята, и я на вас не сержусь. Просто я огорчен. Я люблю видеть одни и те же лица, когда прохожу мимо колонны, и я не хочу искать эти лица и не находить их. Вы мои ребята. Мне тяжело терять каждого из вас. Лучше проиграть бой. Но вчерашний бой не проигран, как и эта война. Вчера мы чего-то добились. Вчера и Верцингеториг чего-то добился. Мы разгромили его лагерь. Он скинул нас со стен Герговии. Вовсе не особая храбрость галлов внесла хаос в наши ряды. Это сделали горная местность и эхо. Но результат боя не был для меня неожиданным. И он ничего не меняет, кроме того, что многие ушли от нас навсегда. Так что, когда вы будете думать о вчерашнем дне, вините в случившемся эхо. А когда будете думать о завтрашнем дне, помните вчерашний урок.

После этого легионы покинули лагерь и в боевом порядке построились на равнине. Но Верцингеториг отказался спуститься со скал и принять бой. Верные германцы с улюлюканьем, вызывавшим у галлов мурашки, спровоцировали столкновение с вражеской конницей и заслужили похвалу.

— Он не решается драться с нами даже на земле своих предков, — сказал Цезарь. — Завтра мы вновь здесь построимся и уйдем. И чтобы показать, что мы уйдем единым целым, эдуи будут замыкать наши ряды.

Новиодун Невирн стоял на левом берегу реки Лигер, в непосредственной близости от места ее слияния с рекой Элавер. Через четыре дня после ухода от Герговии Цезарь прибыл туда и обнаружил, что мосты через Лигер разрушены и что сделали это бунтующие эдуи. Они вошли в главную крепость невиринов и сожгли ее, чтобы лишить Цезаря провианта, после чего побросали в воду все, что не спалил огонь. Римские граждане, жившие на землях эдуев, были убиты. Эдуев, симпатизировавших им, тоже убили.

Эпоредориг и Виридомар, нашедшие Цезаря, не улучшили ему настроения.

— Литавик держит все под контролем, Котий опять в фаворе, а Конвиктолав делает все, что ему велят, — с грустью сообщил Эпоредориг. — Нас с Виридомаром лишили имущества и изгнали.

Верцингеториг собирается организовать в Бибракте всегалльское совещание, после чего созовет общий сбор.

Цезарь внимательно слушал.

— Изгнали вас или нет, я хочу, чтобы вы вернулись к своему народу, — сказал он, когда Эпоредориг умолк. — Я хочу, чтобы вы напомнили соплеменникам, кто я и что я. Если они попытаются встать у меня на пути, я раздавлю их с той же невозмутимостью, с какой вол давит жука. Эдуи пока еще имеют статус друзей и союзников Рима. Но если безумие не окончится, они потеряют его. А теперь ступайте и делайте, что вам сказано.

— Я не понимаю! — вскричал Квинт Цицерон. — Эдуи уже сто лет с нами. Они помогали Агенобарбу в разгроме арвернов. Они настолько романизированы, что говорят на латыни! В чем же причина такой перемены?

— В Верцингеториге, — коротко объяснил Цезарь. — И не будем забывать о друидах, а также об амбициозном Литавике.

— И о реке Лигер, — сказал Фабий. — Эдуи уничтожили на ней все мосты. Мои разведчики проверили это на расстоянии в несколько миль. Все уверяют меня, что весной перейти Лигер вброд невозможно. — Он улыбнулся. — Но я нашел одно место.

— Молодец!

Последнее, что Цезарь потребовал от эдуйской конницы, — это войти в реку и встать против течения. Тысяча всадников образовала буфер между бурным потоком и легионерами, которые легко переправились на тот берег, хотя и брели к нему по пояс в воде.

— Теперь, — сказал, дрожа всем телом, Мутил, центурион тринадцатого легиона, — среди нас не осталось ни одного настоящего *mentula*!

— Ерунда, Мутил! — весело сказал Цезарь. — Вы все *mentula*! Разве это не правда, ребята? — спросил он у посиневших от холода легионеров.

— Правда, генерал!

— Хм! — хохотнул Цезарь и ускакал.

— Нам повезло, — сказал Секстий, выехавший его встретить. — Эдуи сожгли Новиодун Невирн, но у них не хватило духу сжечь свои собственные амбары. Сельская местность полна еды. Следующие несколько дней мы будем сыты.

— Хорошо, тогда организуй продовольственные отряды. И если встретишь эдуев, убей их.

— В присутствии твоей кавалерии? — удивился Секстий.

— О нет. С меня хватит эдуев, и к их коннице это тоже относится. Если пойдешь со мной, то увидишь, как я ее распущу.

— Но ты же не можешь обойтись без кавалерии!

— Без кавалерии, которая целится в спины моих солдат, я как-нибудь обойдусь! Но не беспокойся, кавалерия у нас будет. Я уже послал за ней к ремам и к убиям. Дориг и Арминий мне не откажут. Отныне я стану использовать галльскую конницу только в пределах необходимого. А германцам отдам самых лучших коней.

Ночью в лагере состоялся военный совет.

— С поддержкой эдуев Верцингеториг полностью уверится в своей скорой победе. Фабий, как ты считаешь, чего он ждет от меня?

— Что ты отступишь в Провинцию, — не задумываясь, ответил Фабий.

— Да, вероятно. — Цезарь пожал плечами. — В конце концов, это разумная альтернатива. Мы бежим — по крайней мере, он так считает. Мы вынуждены отступить, не взяв Герговии. Эдуям нельзя доверять. Как мы можем продолжать существовать в совершенно враждебной стране, где все против нас? И где мы постоянно без еды, что самое важное. Без продовольственной помощи эдуев мы не можем здесь находиться. Поэтому — Провинция.

— Где тоже раздор, — вдруг произнес кто-то.

Фабий, Квинт Цицерон и Секстий вздрогнули и повернулись к входу в палатку, который заполнила собой чья-то атлетическая фигура с непропорционально маленькой головой.

— Ну и ну! — весело воскликнул Цезарь. — Марк Антоний, наконец-то ты здесь! Когда закончился суд над Милоном? В начале апреля? А сейчас у нас что? Середина квинктилия? И как же ты ехал, Антоний? Через Сирию, а?

Антоний аккуратно закрыл вход пологом и сбросил сагум. Ироничное приветствие никак не подействовало на него. Идеальные мелкие белые зубы сверкнули в широкой улыбке. Он пригладил рукой курчавые рыжеватые волосы и без тени смущения посмотрел на кузена.

— Нет, не через Сирию, — ответил он и огляделся. — Я знаю, время обеда прошло, но нельзя ли чем-нибудь подкрепиться?

— А почему я должен тебя кормить, Антоний?

— Потому что меня распирает от новостей.

— Есть хлеб, оливки и сыр.

— Лучше бы жареный бык, но я буду рад и хлебу с оливками и сыром. — Антоний сел на свободный стул. — Привет, Фабий, Секстий! Как поживаете? О, да тут и сам Квинт Цицерон! У тебя странная компания, Цезарь!

Квинт Цицерон возмущенно всхрипнул, но колкость сопровождалась обезоруживающей улыбкой, и он принужденно улыбнулся в ответ.

Принесли еду, и Антоний принялся с аппетитом ее уминать. Он глотнул из бокала, который поставил перед ним слуга, сильно удивился и оскорбленно отставил бокал.

— Это вода! — воскликнул он. — Я хочу вина!

— Не сомневаюсь, — сказал Цезарь. — Но в моих лагерях ты его не получишь. Мы воюем на трезвую голову. И если мои легаты довольствуются водой, то почему бы скромному квестору не последовать их примеру? Кроме того, если ты начинаешь, тебе трудно остановиться. Явный признак нездорового пристрастия к вредному напитку. Так что служба при мне пойдет тебе только на пользу. Вскоре ты обнаружишь, что голова, которая не болит, способна здраво мыслить.

Антоний открыл рот, чтобы возразить, но Цезарь его опередил.

— И не вздумай плести чепуху о том, как ты жил при Габинии! Он не мог тебя контролировать. Я смогу.

Антоний закрыл рот, прищурился. Он походил на Этну, готовую извергнуть лаву, но внезапно рассмеялся.

— О, да ты ничуть не изменился с того дня, когда дал мне под зад. Я неделю потом не мог сесть! — сказал он, отсмеявшись. — Этот человек, — объявил он присутствующим, — бич всей нашей семьи. Он ужасен. Но когда он говорит, даже моя глупейшая мать перестает выть и визжать.

— Если ты сделался разговорчивым, Антоний, я бы предпочел услышать что-нибудь посущественнее, — серьезно сказал Цезарь. — Что происходит на юге?

— Я был в Нарбоне, виделся с дядюшкой Луцием. Нет, я не сам к нему завернул, просто в Арелате меня ожидало его приглашение. Он

передал мне письмо для тебя. Объемом в четыре фундаментальных трактата.

Антоний сунул руку в переметную суму, стоявшую у ног, и вынул из нее толстый свиток.

— Я могу вкратце пересказать его, если хочешь.

— Хочу. Начинай.

— Все завертелось в начале весны. Луктерий послал габалов, а вслед за ними и южных арвернов на гельвиев. Кончилось это плохо, — мрачно сказал Антоний. — Гельвии вдруг решили, что одолеют габалов числом. Но они не учли, что с габалами будут арверны, и жестоко поплатились. Доннотавр был убит. Но Кабур и его младшие сыновья уцелели. Потом ситуация улучшилась. Гельвии заперлись в своих городах и пока отбиваются от наскоков.

— Кабур потерял старшего сына? — переспросил Цезарь. — Это большой удар для него. Ты имеешь представление, о чем думают аллоброги?

— Во всяком случае, не о том, чтобы примкнуть к Верцингеторигу! Я пересек их земли и всюду видел бешеную активность. Везде укрепления, все селения охраняются. Они готовы к войне.

— А вольки-арекомики?

— Рутены, кардурки и часть петрокориев атаковали их по всей границе между реками Вардон и Тарн. Но дядюшка Луций вооружил и очень эффективно организовал пограничные племена, так что они успешно обороняются. Некоторые поселения, разумеется, пострадали.

— А что с Аквитанией?

— Немногим лучше. Нитиоброги присоединились к Верцингеторигу. Их царю Тевтомару удалось на вербовать конников среди аквитанов. Но он посчитал себя слишком важной персоной, чтобы идти под начало к Луктерию, и ускакал к Верцингеторигу. А к югу от Гарумны — мир и покой. — Антоний помолчал. — Все это есть в письме дядюшки.

— Твой дядюшка будет рад узнать, что случилось с заносчивым Тевтомаром в дальнейшем. Он был разбит и едва сумел ускользнуть от нас. Без рубашки, на раненом скакуне. Иначе ему довелось бы увидеть Рим и принять участие в моем триумфальном шествии, — сказал Цезарь.

Он кивнул родичу, причем так, что вдруг показался легатам величайшим из земных властелинов. Как странно! Аристократ Марк Антоний не изменил своей позы, но словно бы съежился перед ним до размеров червя.

— Благодарю, Антоний.

Генерал повернулся к легатам. Это опять был Цезарь. Обычный, такой, каким они видели его в тысячах других ситуаций. «Почудилось», — подумали Фабий и Секстий. «Он — царь, — подумал Квинт Цицерон. — Неудивительно, что мой брат с ним не ладит. Они оба — цари своего рода».

— Хорошо, обстановка в Провинции зыбкая, но стабильная. Нет сомнения, что Верцингеториг осведомлен о ней так же, как я. Он полагает, что я отступлю туда. И я, пожалуй, не обману его ожиданий.

— Цезарь! — ахнул Фабий, глаза его округлились. — Ты так не поступишь!

— Конечно, сначала я пойду в Агединк. В конце концов, нельзя же бросить Требония и обоз, не говоря уже о стойком пятнадцатом легионе. И еще о четырех легионах, которые возглавляет блестящий Тит Лабиен.

— Как у него дела? — спросил Антоний.

— Как всегда, хорошо. Не взяв Лютецию, он пошел вверх по течению реки к Мелодуну, расположенному на другом большом острове. Мелодун пал очень быстро — они не успели сжечь свои лодки. После этого Лабиен возвратился к Лютеции. Завидев его, паризии подожгли крепость и в панике разбежались. — Цезарь нахмурился и передвинулся в курульном кресле. — При этом они кричали всем и каждому, что под Герговией меня разгромили и что эдуи бунтуют.

— Как? — удивился Антоний, но под тяжелым взглядом умолк.

— Согласно письму, которое я получил от него, он решил не связываться в продолжительные бои севернее Секваны. Поразительно, как хорошо он знает меня! Он понял, что мне понадобится вся армия. — Нотка горечи вкралась в звучный непререкаемый голос. — Но прежде он решил показать паризиям, которых ведет один из авлерков, старик Камулоген, и их новым союзникам, что Тита Лабиена нельзя раздражать. В союз с паризиями вступили атребаты Коммия и некоторые белловаки. Лабиен обманом завлек их в ловушку. Обман всегда действует. Большинство паризиев теперь мертвы, включая

Камулогена и атребатов. А сейчас он идет к Агединку. — Цезарь поднялся. — Я ложусь спать. Утром выходим. Но не в Провинцию. В Агединк.

— Цезарь действительно потерпел поражение под Герговией? — спросил Антоний у Фабия, когда они вышли из генеральской палатки.

— Он? Потерпел поражение? Разумеется, нет. Это была боевая ничья.

— Ничья, которая могла бы стать победой, — добавил Квинт Цицерон, — если бы предательство эдуев не вынудило его отступить. Галлы — трудный противник, Антоний.

— Кажется, он не очень доволен Лабиеном, несмотря на щедрые похвалы в его адрес.

Легаты печально переглянулись.

— Лабиен — проблема для Цезаря. В нем нет ни капли того благородства, которое он так ценит в людях. Но это воин, и воин отменный. Мы думаем, Цезарю неприятно иметь с ним дело, но он вынужден его терпеть, — сказал Квинт Цицерон.

— Подробности можешь выпросить у Авла Гиртия, — добавил Секстий.

— Где я сегодня буду спать?

— В моей палатке, — сказал Фабий. — Велик ли твой эскорт? Как у сирийских властителей, разумеется. Танцовщицы, актеры, колесницы, запряженные львами.

— Кстати, — усмехнулся Антоний, — я был не прочь прихватить все это сюда. Но решил, что кузен Гай меня не одобрит. Поэтому я оставил танцовщиц с актерами в Риме.

— А что же со львами?

— Скачут по Африке, как и всегда.

— Не вижу причин, почему эдуи должны признать арверна царем, — заявил Литавик на собрании вождей в Вибракте.

— Если эдуи хотят войти в состав нового, независимого государства, каким станет объединенная Галлия, они должны подчиниться воле большинства, — сказал Катбад с возвышения, которое он делил с Верцингеторигом.

Эдуи неодобрительно заворчали. Ответ им не понравился, а они и так были раздражены. Что-то доказывать, стоя внизу и глядя вверх на

арверна, — это уже оскорбление! Слишком большое, чтобы молчать и терпеть!

— А кто решил, что большинству по нраву Верцингеториг? — недоуменно воскликнул Литавик. — Разве были выборы? Если и были, то без эдуев! Просто Катбад настоял, чтобы несколько вождей склонились перед Верцингеторигом как перед царем! Мы этого не делали! И не сделаем!

— Литавик, Литавик! — крикнул Катбад, вставая с места. — Если мы хотим победить, надо ударить по римлянам единым фронтом. Кто-то должен нас возглавлять, пока не закончится эта война! Потом, на досуге, мы соберем совет всех племен и определим, какая структура правления нам нужна. А сейчас Туата выбрали Верцингеторига, чтобы сплотить все наши племена.

— О, понимаю! Все созрело в Карноте, — язвительно усмехнулся Котий, вставая. — Друиды попросту сговорились возвысить одного из наших традиционных врагов!

— Не было никакого сговора, и сейчас его нет, — терпеливо продолжал Катбад. — Все присутствующие здесь должны помнить, что вовсе не эдуй замыслил объединить Галлию против римлян. Вовсе не эдуй собрал сильное войско, доставившее большие неприятности Цезарю. Вовсе не эдуй объезжал многие галльские племена, убеждая их поддержать общее дело. Это был арверн. Это был Верцингеториг!

— Без эдуев у вашей объединенной Галлии ничего не выйдет, — возразил Конвиктолав, становясь рядом с Котием и Литавиком. — Без эдуев Герговия бы уже пала.

— И без эдуев, — сказал, гордо выпрямляясь, Литавик, — ваша так называемая сплоченная Галлия будет внутри так же пуста, как сплетенное из прутьев чучело! Без эдуев вам не добиться успеха! Все, что нам нужно сделать, чтобы вы потерпели крах, это извиниться перед Цезарем и вновь начать сотрудничать с ним, поставляя ему еду, конников, пехотинцев, информируя его, в конце концов!

Верцингеториг встал и прошел к краю помоста, на который до сего дня восходили одни лишь эдуи. Или Цезарь (о чем эдуи предпочитали не помнить).

— Никто не отрицает важнейшей роли эдуев в нашей общей борьбе, — звонким голосом сказал он. — Никто тут не хочет их принизить, и меньше всего я. Но я — царь Галлии, и это уже

непреложно. Вам нечего и надеяться, что народы Галлии захотят променять меня на кого-то из вас. Ты очень умен и очень настойчив, Литавик. Твой личный вклад в наше дело огромен. Я — последний, кто стал бы это оспаривать. Но не твое лицо народы видят под короной. Ибо я буду носить корону, а не белую ленту, как те, кто правит на Востоке!

Катбад встал рядом с ним.

— Ответ прост, — сказал он. — Сегодня здесь представлены все племена свободной Галлии, кроме ремов, лингонов и треверов. Треверы прислали извинения и пожелали успеха. Они не могут покинуть свои земли, потому что германцы постоянно охотятся за их лошадьми. Что до лингонов с ремами, они — люди Рима. Мы разберемся с ними потом. Итак, предлагаю голосовать. Это не выборы! У нас только один кандидат. Теперь решайте, да или нет. Будет Верцингеториг царем Галлии или не будет.

Проголосовали практически единогласно. Против были только эдуи.

И тут же, на возвышении, Катбад выпростал из-под белой материи, украшенной белой омелой, крылатый золотой шлем, усыпанный драгоценными самоцветами. Верцингеториг встал на колени, и Катбад короновал его. Когда каждый вождь опустился перед ним на колени, эдуи сдались и сделали то же.

— Подождем, — шепнул Литавик Котию. — Он обречен на заклятие, как жертвенная овца! Пусть себе использует нас, а мы найдем способ использовать его в наших целях.

Верцингеториг, очень хорошо понимавший, о чем они шепчутся, решил не обращать на это внимания. Как только Галлия отделается от Рима и Цезаря, он сможет бросить все силы на защиту своего права носить корону.

— Каждое племя должно прислать в Герговию десять заложников, самых знатных, — повелел он.

Об этой мере они заранее переговорили с Катбадом. «Свидетельство недоверия», — сказал тот. «Свидетельство осторожности», — возразил Верцингеториг.

— В мои планы не входит увеличивать численность моей пехоты до общего сбора в Карноте, ибо генеральная битва с Цезарем состоится лишь после него. Но я требую от вас еще пятнадцать тысяч всадников,

и немедленно. Таков мой царский приказ. С ними и с уже имеющейся у меня кавалерией я вообще лишу римлян возможности изыскивать для себя провиант.

Голос его набирал силу.

— Также кому-то из вас придется пожертвовать многим. Повелеваю, чтобы каждое племя, оказавшееся на пути следования римских войск, без колебаний сжигало свои деревни, зернохранилища и погреба. Некоторые уже сделали это. Но теперь я приказываю это же эдуям, мандубиям, амбаррам, секванам и сегусиavam. Мои же прочие племена...

— Вы слышали? «Я приказываю»! «Мои прочие племена»! — проворчал Литавик.

— ...пусть укрывают и кормят тех, кто пострадал во имя того, чтобы пострадал Цезарь. Это единственный способ его измотать. Воинской доблести в этой войне недостаточно. Мы воюем не с трусами, не с мифическими скандинавскими воинами и не с глупцами. Наш противник силен, храбр и умен. Поэтому мы должны пользоваться любой возможностью его ослабить. Мы должны стать сильнее, храбрее и умнее. Мы выжжем наши священные земли, мы уничтожим весь собранный урожай, как и все, что может пойти на пользу нашим врагам. Цель наша стоит того. Эта цель — свобода, подлинная независимость, наше собственное единое государство! Мы свободные люди в свободной стране!

— Мы свободные люди в свободной стране! — подхватили клич вожди, топая сапогами по доскам настила.

Топот разросся и стал ритмичным, словно дробь тысячи барабанов. Верцингеториг стоял на помосте и смотрел на своих подданных. Корона его сияла.

— Литавик, повелеваю тебе послать десять тысяч пеших эдуев и восемьсот всадников в земли аллоброгов. Тесни их, пока они к нам не примкнут.

— Ты хочешь, чтобы я лично повел это войско?

Верцингеториг улыбнулся.

— Мой дорогой Литавик, ты слишком ценный человек, чтобы заниматься подобными мелочами, — сказал он тихо. — Пошли туда кого-нибудь из твоих братьев.

Царь Галлии повысил голос.

— Мне стало известно, — крикнул он, — что римляне покидают нашу страну, направляясь в Провинцию! Обстановка, начиная с нашей победы в Герговии, меняется в нашу пользу!

Армия Цезаря снова была в полном сборе, хотя пятнадцатого легиона больше не существовало. Его людей распределили по другим воинским подразделениям, чтобы их пополнить, и особенно восьмой легион, почти полностью истребленный. Ведомая Лабиеном, Требонием, Квинтом Цицероном, Фабием, Секстием, Гиртием, Децимом Брутом, Марком Антонием и остальными легатами армия Цезаря со всем имуществом направилась на восток — в земли преданных Риму лингонов.

— Какой жирной наживкой, однако, мы сейчас выйдем, — удовлетворенно сказал Цезарь Требонию. — Десять легионов, колоссальный обоз и шесть тысяч конников.

— Из которых две тысячи составляют германцы, — улыбнулся Требоний, глядя на Лабиена. — Что ты думаешь о нашей новой германской кавалерии, Тит?

— Она стоит каждого сестерция, потраченного на нее, — ответил Лабиен, обнажая в улыбке свои лошадиные зубы. — Хотя я думаю, Цезарь, военные наши трибуны сейчас не произносят твое имя с любовью!

Цезарь засмеялся, изогнув брови. Тысяча шестьсот германцев прибыли в Агединк, и Требоний приложил уйму усилий, чтобы обменять доставивших их пони на боевых скакунов. Трудность была не в том, что ремы не хотели меняться. За каждую сделку они получали такие хорошие деньги, что могли бы обогатиться навеки, но в их загонах ничего не осталось, кроме племенных жеребцов. Прибывший Цезарь разрешил вопрос с дефицитом, заставив всех военных трибунов пересечь со своих (даже личных, а не армейских) италийских красавцев на пони. Крики отчаяния разносились на многие мили, но Цезарь был неумолим.

— Вы можете выполнять свои обязанности и на этих коротконогих животных, — сказал он. — Необходимость диктует, так что молчите, глупцы!

Римская змея длиной в пятнадцать миль, блестя чешуей, ползла на восток.

— Почему они так растянуты? — спросил Тевтомар, разглядывая нескончаемую процессию. — Почему не маршируют более широким фронтом? Ведь они легко могли бы перестроиться в пять или шесть параллельных колонн.

— Потому что, — терпеливо объяснил Верцингеториг, — любая армия не столь велика, чтобы атаковать такую колонну по всему фронту. Сделать так — значит зря распылить свои силы. Римская змея действует очень умно. В каком бы месте на них ни накинудись, остальная часть строя кольцом охватит атакующих. И потом, их солдаты так вышколены, что легко могут выстроиться в квадрат, пока мы отдаем команды своим людям. Вот почему мне и нужны тысячи лучников. Прошел слух, что парфяне около года назад разгромили римлян на марше. Атаковали лишь лучники с кавалерией, без какой-либо пехоты.

— Значит, ты собираешься отпустить их? — удивился царь Тевтомар.

— Но не в целости, нет. У меня тридцать тысяч всадников против их шести тысяч. Хорошее соотношение, Тевтомар. О, наступит ли день, когда я обзаведусь конными лучниками?

Галльская конница тремя отдельными группами атаковала армию Цезаря неподалеку от северного берега реки Икавны. Стратегия галлов была продиктована нежеланием Цезаря позволить своему относительно немногочисленному конному контингенту идти отдельно от колонны пехотинцев.

Галлы так уверовали в свое превосходство, что принародно поклялись перед царем: ни один человек, который не проедет дважды сквозь колонну римской пехоты, никогда больше не испытает радости видеть свой дом, свою жену, своих детей.

Две группы галлов (по девять тысяч всадников в каждой) атаковали римские фланги, третья ударила в лоб. Но беда в том, что для конной атаки была избрана ровная местность, что позволило римлянам развернуться, образовав вокруг артиллерии и обоза квадрат. Далее Цезарь повел себя странно. Вопреки ожиданиям Верцингеторига он не приказал кавалерии защищать пехотинцев, а разделил ее на три равные части и послал навстречу врагам.

В этот день отличились германцы. Выскочив на холмы, где сосредоточились пешие галлы, они с ужасными криками врезались в их ряды. Галлы бросились наутек, их гнали до самой реки, где метался Верцингеториг, пытаясь справиться с паникой. Но ничто не могло остановить германцев в их бешеной скачке. Воины-уби, с замысловатыми узлами волос на гладко выбритых головах, гнали галлов вниз, охваченные безумной жаждой убийства. Менее безрассудные ремы почувствовали, что их гордость уязвлена, и сделали все от них зависящее, чтобы превзойти германцев.

Верцингеториг отступил, но германцы и ремы весь день не давали ему покоя.

По счастью, ночь выдалась темной. Кавалерия Цезаря поскакала обратно к колонне, позволив царю Галлии собрать своих людей во временном лагере.

— Так много германцев! — вздрагивая, произнес Гутруат.

— Да еще с ремами и на их лошадях, — с горечью добавил Верцингеториг. — Мы должны взять в оборот этих ремов!

— А наша главная беда в том, — заметил Седулий, — что мы много болтаем о сплоченности, несмотря на то что некоторые галльские племена отказались поддерживать нас, а кое-какие примкнули к нам нехотя. — Он пристально посмотрел на Литавика. — Например, эдуи!

— Эдуи доказали, чего они стоят, — процедил сквозь зубы Литавик. — Котий, Каварилл и Эпоредориг не вернулись. Они мертвы.

— Нет, Каварилл взят в плен, — возразил Драпп. — Я сам это видел. И еще видел, как двое других отступали, но не на юг, как мы, а на запад, очевидно намереваясь уйти.

— И что же нам теперь делать? — спросил Тевтомар.

— Я думаю, — медленно произнес Верцингеториг, — что теперь надо дожидаться общего сбора. Он уже не за горами. Я надеялся лично поехать в Карнунт, но — увы! — должен остаться с войсками. Гутруат, доверяю тебе провести общий сбор. Возьми с собой Седулия с лемовиками, Драппа с сенонами, Тевтомара с нитиобригами и Литавика с его людьми. Со мной останется часть кавалерии и восемьдесят тысяч бойцов: мандубии, битуриги и все арверны. Как далеко до Алезии, Дадераг?

Главный вождь мандубиев ответил не задумываясь:

— Около пятидесяти миль на восток, Верцингеториг.

— Тогда мы на несколько дней остановимся там. Только на несколько дней. Мне не нужен еще один Аварик.

— Алезия не Аварик, — возразил Дадераг. — Город слишком велик, слишком высоко расположен и хорошо защищен от штурма. Даже если римляне попытаются осуществить блокаду, как в Аварике, им это полностью не удастся. Мы всегда сможем уйти.

— Критогнат, сколько у нас продуктов? — спросил Верцингеториг.

— На десять дней, если Гутруат и те, кто идет с ним, поделятся с нами.

— А сколько еды в Алезии, Дадераг? При условии, что туда войдут восемьдесят тысяч пеших бойцов и десять тысяч конных?

— Хватит еще дней на десять. Но мы не останемся без еды. Римлянам не окружить нас наглухо. — Он хихикнул. — Силенок не хватит.

— Тогда разделимся так, как я сказал. В Карнут с Гутруатом отправится большая часть кавалерии с малым числом пехотинцев. Со мной в Алезию пойдут все остальные.

Земли мандубиев находились на высоте около восьмисот футов над уровнем моря, а их горы возвышались еще на шестьсот пятьдесят футов. Алезия, главная крепость мандубиев, стояла на плоской вершине ромбовидной горы, окруженной горами почти такой же высоты. С двух длинных сторон, с севера и юга, соседние горы приближались вплотную, на востоке конец горного хребта почти соединялся с ромбом. У крутого основания с двух длинных сторон протекали две реки. Словно для того, чтобы дополнить отличное природное расположение, подступы к Алезии с запада были абсолютно отвесными, а внизу имелся единственный клочок открытой ровной земли, небольшая долина длиной в три мили, где обе реки текли почти бок о бок. Окруженная грозными стенами кладки *murus gallicus*, крепость занимала более крутую, западную сторону горы. Восточная сторона постепенно спускалась вниз, и стены здесь не было. Несколько тысяч мандубиев — женщины, дети и старики, чьи воины-мужчины ушли на войну, — укрывались в городе.

— Да, я хорошо помню это место, — сухо сказал Цезарь, оглядывая отвесные скалы. — Требоний, что сообщают разведчики?

— Верцингеториг укрылся в городе вместе с восьмьюдесятью тысячами пехоты и десятью тысячами кавалерии. Вся кавалерия, кажется, обосновалась снаружи стен, на восточном конце плато. Подъезды туда достаточно безопасны, если захочешь взглянуть.

— Ты хочешь сказать, что я не поехал бы, если бы это было опасно?

Требоний растерялся.

— После всех этих лет? Разумеется, нет. Во всем виноват мой язык. Плетет какую-то чушь там, где довольно короткой фразы.

Вскочив на германского пони, Цезарь резко развернул его и несколько раз пнул под ребра.

— О-о-о! Откуда такая ранимость? — простонал Децим Брут.

— Он надеялся, что сейчас тут не так плохо, как в прошлом, — пояснил Фабий.

— А почему это так заботит его? — усмехнулся Антоний. — Он ведь не собирается брать этот город.

Лабием расхохотался.

— Плохо ты его знаешь, Антоний! Но все равно я рад, что ты здесь. С твоими плечами копать будет легко.

— Копать?

— Копать, копать и копать.

— Но не легатам же и не трибунам?

— Все зависит от объема работы и срочности. Если он возьмет в руки лопату, то сделаем это и мы.

— О боги, да он сумасшедший!

— Хотел бы я быть хоть наполовину таким сумасшедшим, — с легкой завистью пробормотал Квинт Цицерон.

Легаты цепочкой ехали за генералом вдоль реки, омывавшей Алезию с юга. Антоний молча отметил обширную площадь плато: добрая миля с запада на восток. Брр! Мрачное место! По бокам темные голые скалы. Нет, вскарабкаться на них вроде бы можно, но не во время атаки. Быстро выдохнешься и станешь мишенью для лучников.

— Они пришли раньше, — сказал Цезарь, указывая на основание восточного склона, где дорога начинала подъем.

Галлы построили шестифутовую стену от северной реки к южной, потом обнесли стену траншеей, полной воды. Две короткие стены возвышались с северной и южной сторон горы на некотором

расстоянии за главной стеной. Стоя на оборонительных позициях, некоторые галлы из кавалерии стали кричать и свистеть. В ответ Цезарь улыбался и помахивал рукой. Но с того места, где легаты сидели на своих германских лошадках, Цезарь совсем не выглядел веселым.

А легионеры его занимались строительством лагеря на небольшой плоской равнине.

— Только походное укрепление, Фабий, — отрывисто бросил Цезарь. — Делай, что требуется, но не больше. Если мы собираемся закончить эту войну здесь, не имеет смысла тратить энергию на то, что вскоре будет разобрано.

Легаты, собравшиеся вокруг него, не произнесли ни слова.

— Квинт, ты специалист по заготовке бревен. Начинай прямо с утра. И не отбрасывай пригодные ветви: нам понадобятся заостренные кольца. Секстий, возьми шестой легион и займись продовольствием. Доставляй сюда все, что сумеешь найти. Мне нужен древесный уголь, так что поищи и его. Не для обжига колев, это сделают на обычных кострах, а дляковки железа. Антистий, железо — твоя забота. Пусть кузнецы строят кузни. Сульпиций, ты отвечаешь за копку. Фабий, ты будешь строить брустверы, парапеты и башни. А ты, Антоний, у нас квартирмейстер, и твое дело — следить, чтобы моя армия ни в чем не нуждалась. Я лишу тебя гражданства, продам в рабство или даже распну за любой недосмотр. Лабиев, ты отвечаешь за оборону. Бери кавалерию: солдаты нужны для строительства. Требоний, ты как мой заместитель всегда будешь при мне. То же относится к Дециму и Гиртию. Нам требуется прорва всего и, в частности, провианта минимум суток на тридцать. Это понятно?

Никто ни о чем спросил, и тогда Антоний подал голос:

— Каков же наш план?

Цезарь посмотрел на своего заместителя.

— Какой у нас план, Требоний?

— Циркумвалляция, — ответил Требоний.

Антоний широко раскрыл рот.

— Циркум... что?

— Это очень сложное слово, Антоний, согласен, — вежливо сказал Цезарь. — Циркум-вал-ляция. Обнесение валом. Это значит, что мы потянем фортификационные линии вокруг Алезии, пока змея, так

сказать, не поглотит свой хвост. Верцингеториг не верит, что я смогу запереть его на плато. Но я могу и запрю.

— Это же добрый десяток миль! — изумленно воскликнул Антоний. — И по неровному рельефу!

— Мы пойдем от долины к скальным вершинам, Антоний, обходя их или включая в свой вал. С фронтальной траншеей шириной в пятнадцать футов, глубиной в восемь футов и с наклонными сторонами. Высота вала — двенадцать футов. Что ты думаешь обо всем этом, Антоний? — рявкнул вдруг Цезарь.

— То, что с внутренней, то есть с нашей, стороны высота стены составит двенадцать футов. Но с внешней, то есть с вражеской, стороны она взметнется вверх на двадцать футов — за счет восьми футов траншеи, — ответил Антоний.

— Слава богам, он попал в цель, — шепнул Децим Брут.

— Это естественно. Ведь они одной породы, — ответил Квинт Цицерон.

— Отлично, Антоний! — искренне похвалил Цезарь. — Ширина вала вверху — десять футов. Там будут брустверы для обзора и защитные парапеты. Ты понимаешь меня? Хорошо. Через каждые восемьдесят футов прогона поднимутся трехэтажные башни. Вопросы есть, Антоний?

— Да, генерал. Ты описываешь наши главные фортификации. Что еще у тебя на уме?

— Там, где земля ровная и пригодная для массивной атаки на нас, мы отроем еще один ров шириной в двадцать футов и глубиной в пятнадцать. В четырех сотнях шагов — это две тысячи футов, Антоний! — от нашей траншеи с водой. Это ясно?

— Да, генерал. А что ты намерен делать с четырьмя сотнями шагов — это две тысячи футов, генерал! — между рвом и траншеей с водой?

— Разобью там свой сад. Требоний, Гиртий, Децим, поехали. Я хочу измерить периметр.

— Думаешь, сколько там наберется? — улыбнулся Антоний.

— Миль десять-двенадцать.

— Он сумасшедший, — убежденно сказал Антоний Фабию.

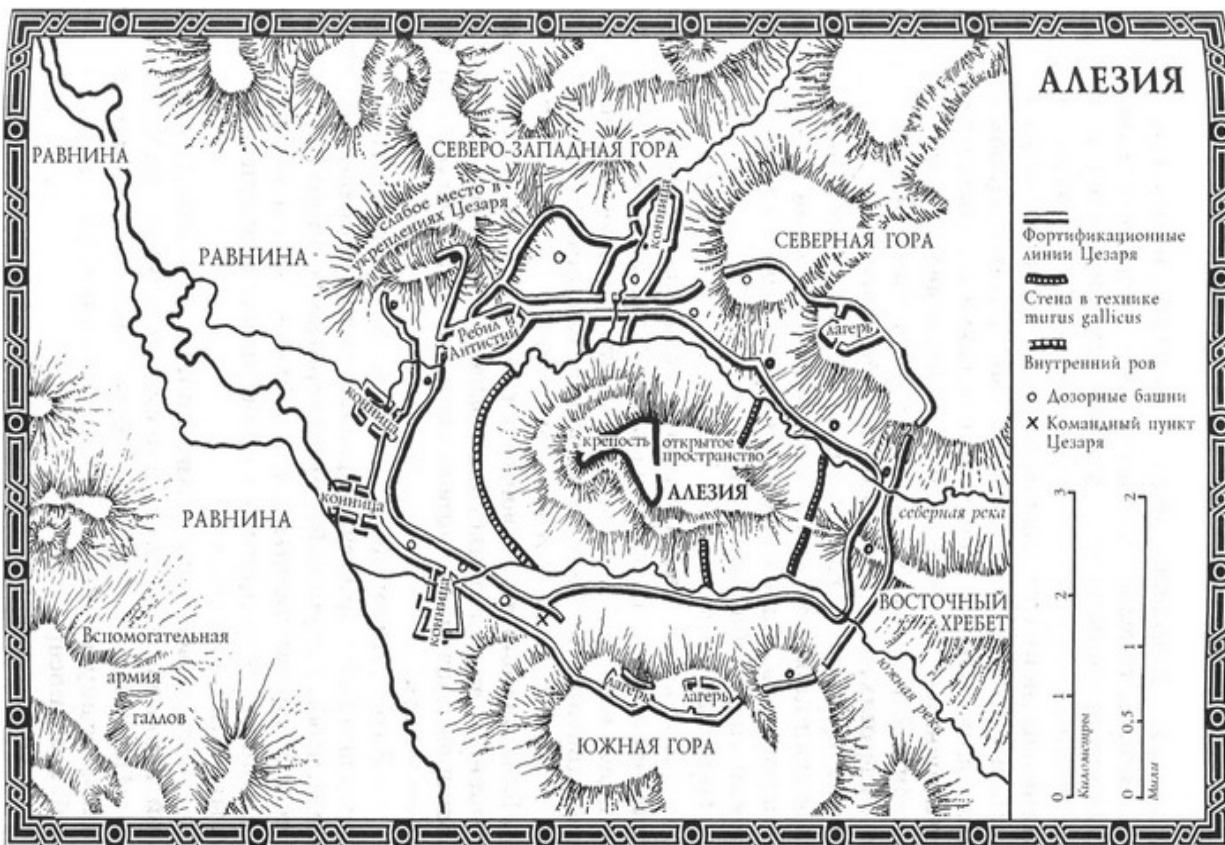
— Да, но какое красивое сумасшествие! — улыбнулся в ответ Фабий.

Наблюдатели в крепости видели, что римляне что-то начали делать, но поняли, что они делают, лишь когда вокруг основания Алезии стали появляться траншеи и стены. Верцингеториг дал приказ кавалерии выступить. Но галлы не сумели превозмочь страха перед германцами и были разбиты. Самая страшная резня произошла на восточной стороне горы, при отступлении галлов. Ворота в стене Верцингеторига были слишком узкие, чтобы позволить легко пройти всадникам, объятых паникой. Германцы, преследующие их по пятам, рубили галльских конников, валили на землю, ибо каждый из них считал делом чести добыть в сражении одну-две великолепные лошади.

В следующую ночь остатки кавалерии галлов ушли на восток через горы. Это сказало Цезарю, что Верцингеториг осознал свое положение. Он с восьмидесятитысячной армией оказался запертым на плато.

Заполненная водой траншея, V-образная канава, земляной вал, брустверы, парапеты и башни появились так быстро, что Антоний, мнивший себя докой во всем, что касается военного дела, раскрыл в изумлении рот. За тринадцать дней легионы Цезаря завершили строительство запирающего периметра длиной в одиннадцать миль, а на каждом мало-мальски ровном к нему подступе отрыли глубокие рвы.

А еще они разбили «сад Цезаря» на неиспользованной полосе земли шириной в четыреста шагов между траншеей с водой и канавой в тех местах, где она была. Правда, при всей ширине и глубине этой канавы мосток через нее перекинуть было все-таки можно, и такие мостки с регулярностью перекидывали галльские диверсионные группы, не давая покоя усердно работающим солдатам. Все это продолжалось до тех пор, пока в римском лагере не задымили первые кузницы и кузнецы не сковали шипастые маленькие стрекала. На многие тысячи этих стрекал ушло все железо, отобранное у битуригов.

Карта 8. Алезия.

«Сад Цезаря» представлял собой три полосы разнородных препятствий. Ближе к галлам солдаты врыли футовые колоды, в которые вбили железные стрекала, шипы которых выступали над землей, прикрытые сухой травой и опавшими листьями. Далее располагалась сеть прихотливо разбросанных ям глубиной в три фута. В их дно были вбиты заостренные колья, толстые, как мужское бедро. Ямы на две трети были заполнены хорошо утрамбованной землей и для маскировки засыпаны все той же листвой. Эти ловушки (солдаты называли их «лилиями», потому что откосы ям напоминали чашечки цветка), разбросанные в разных направлениях, сплетались в геометрически правильную систему. Ближе всего к траншее с водой находились пять отдельных узких канав глубиной пять футов, расположенных в произвольных направлениях, на склонах которых были закреплены рогатые ветви деревьев с острыми, закаленными в

огне сучьями, способными поразить лошадь в грудь, а пехотинца — в лицо. Эти рога (и вполне заслуженно) солдатские острословы нарекли «надгробными камнями». Налеты прекратились.

— Хорошо, — сказал Цезарь, обзревая периметр. — Теперь все это мы повторим с внешней от нас стороны. Четырнадцать миль и больше вершин, что, разумеется, увеличивает дистанцию. Тебе понятно это, Антоний?

— Да, Цезарь, — ответил Антоний.

Глаза его сияли, он радовался тому, что Цезарь к нему обращается, и с удовольствием разыгрывал из себя дурачка. Наконец прозвучал вопрос, которого Цезарь ждал от него.

— Зачем?

— Затем, Антоний, что именно в этот момент галлы подтягиваются к Карниту. Через какое-то время они придут сюда, чтобы выручить Верцингеторига. И поэтому нам нужны две фортификационные линии. Одна — чтобы не выпустить Верцингеторига, другая — чтобы никого к нему не впустить. А мы останемся здесь.

— Ага! — воскликнул Антоний, хлопнув себя по лбу огромной ладонью. — Это вроде дорожки для скачек на Марсовом поле! Мы сами на дорожке, а фортификации вместо ограды. Алезия с внутренней стороны, остальная Галлия — с внешней, а мы посередине.

— Очень хорошо, Антоний! Отличная метафора!

— И сколько у нас времени до прихода вражеских войск?

— Мои разведчики говорят, дней тринадцать. Может, и больше, но нам надо уложиться в тринадцать. Это приказ.

— Это же три лишние мили!

— У солдат теперь больше опыта, — пояснил стоявший рядом Требоний. — Стройка пойдет быстрее, чем вначале.

И это было действительно так. Через двадцать шесть дней после прибытия римлян Алезия опоясали два отдельных зеркально схожих фортификационных кольца. Между ними строители успели воздвигнуть двадцать три хорошо укрепленных форта и возвести серию очень высоких сторожевых башен. Легионы разместились на удобных возвышенностях внутри хитроумной циркумвалляции, а их кавалерия — снаружи, возле водных артерий.

— Это не новый прием, — сказал Цезарь, инспектируя качество сооружения. — Он использовался в войне против Ганнибала при Капуе.

Сципион Эмилиан применил его дважды: при Нуманции и при Карфагене. Идея заключается в том, чтобы держать осажденных в городе, предотвращая любую возможность сношений с ними извне. Правда, ни одна из внешних оборонительных линий в практике прошлого не подвергалась напору армии в четверть миллиона. В Капуе, как и в Карфагене, укрывалось больше людей, чем в Алезии, но по численности наружного неприятеля мы определенно поставим рекорд.

— Это стоило нам усилий, — хрипло заметил Требоний.

— Да. Но здесь, к сожалению, не Аквы Секстиевы. Галлы многому у нас научились и сделались очень опасными. Кроме того, я не намерен терять своих ребят.

Лицо его посветлело.

— Не правда ли, у нас отличные парни? — спросил он, понизив голос. — Таких нет нигде! — И строго взглянул на легатов. — Мы обязаны сделать все, чтобы сохранить каждому из них жизнь и по возможности уменьшить число ранений. Я не допущу, чтобы проделанная ими с таким рвением работа пропала впустую. Четвертьмиллионная армия галлов должна потерпеть поражение на оборонительных линиях. Все это было проделано, чтобы сохранить жизнь солдат и обеспечить победу. Так или иначе, война за Галлию закончится здесь. — Он улыбнулся. — И я ее не проиграю.

Внутренняя линия фортификаций шла в основном по относительно ровной местности, кроме восточной ее части, где она переваливала через горный отрог. Внешняя линия в западном своем секторе пересекала долину, в южном взбиралась на гору и, уходя на восток, спускалась к южной реке, потом шла через восточный отрог и вторую реку к вершине другой горы, расположенной севернее осажденной Алезии. Два из четырех лагерей римской пехоты были разбиты на плоских участках южной горы, третий, несмотря на неважный рельеф, поместили на склоне северного массива.

А дальше, за этим склоном, циркумвалляция римлян давала единственный сбой. Северо-западная гора была слишком большой, чтобы перечеркнуть ее солидным валом. Там нашлось место для небольшого лагеря кавалерии, связанного с основными фортификациями весьма длинной стеной, но четвертый пехотный лагерь располагался на крутом скалистом спуске с очень неважными

условиями для отражения вероятных атак. По этой причине чуть ниже разбили дополнительный лагерь с целью закрыть досадную брешь.

— Если их разведчики хорошенько поищут, они ее обнаружат, — сказал Лабиен. — Это плохо.

Его кожаная кираса скрипнула, когда он перегнулся назад, демонстрируя орлиный профиль. У него одного среди высших офицеров не реквизировали личного италийского коня.

— Да, — согласился Цезарь, — но было бы еще хуже, если бы мы сами не понимали, в чем наша слабость. Ладно, в случае надобности лагерь сдержит врага. — Он вскочил на коня, по привычке перекинув ногу через две передние луки седла, повернулся и ткнул рукой в юго-западном направлении. — Мое преимущество там, на южной горе. Они сконцентрируются под ней, у них слишком много конников, чтобы атаковать на севере или на юге. А Верцингеториг спустится с западного края Алезии, чтобы атаковать наши внутренние фортификации в том же месте.

— Теперь, — вздохнул Децим Брут, — нам остается только ждать.

Вероятно потому, что все эти дни Марк Антоний не прикасался к вину, он был деятелен, энергичен и проявлял ко всему огромный интерес, буквально впитывая каждое слово своего полководца и его офицеров. Находиться здесь в столь великий момент! Никто никогда еще не пытался взять город, подобный Алезии, что бы там Цезарь ни говорил о Сципионе Эмилиане. Меньше шестидесяти тысяч человек защищают двенадцатимильную скаковую дорожку от почти стотысячного войска, замкнутого внутри ее, и от почти трехсот тысяч галлов снаружи.

«Я здесь! Я — часть всего этого! О, Антоний, тебе улыбнулась удача. Тут все герои, и, значит, ты тоже! Вот почему они трудятся для него, вот почему они любят его почти так же, как он любит их. Он ведет их к вечной славе, он делит с ними победы. Без них он — ничто. И он знает это. Габиний не знал. И никто другой, у кого я служил. Он знает, как они думают. Он говорит на их языке. Наблюдать за ним среди них — все равно что следить за обожателем женщин в толпе красавиц. В воздухе сверкнула молния, но я поймал ее. Однажды они полюбят меня. Значит, все, что я должен делать, — это перенимать его приемы, а потом, когда он совсем состарится, пустить их в ход. Однажды люди Цезаря станут людьми Антония. Еще лет десять — и он сойдет с арены.

Еще лет десять — и придет мой черед. И я превзойду Гая Юлия Цезаря. Ибо его не будет рядом, чтобы меня затмить».

Верцингеториг и его вожди стояли на западной стене Алезии, там, где плато сужалось до клина, словно выросший из алмаза упрямый кристалл.

— Похоже, они только что закончили объезд своих линий, — сказал Битургон. — В алом плаще — Цезарь. А кто сидит на единственном хорошем коне?

— Лабиен, — ответил Верцингеториг. — Я так понимаю, что другие отдали своих коней германцам.

— Они довольно долго стоят в том месте, — заметил Дадераг.

— Они смотрят на брешь в своих укреплениях. Но когда прибудет наша армия, как я сообщу ей об этом изъяне? Ведь он виден только отсюда, — сказал Верцингеториг.

Он повернулся.

— Пошли в город. Пора нам поговорить.

Их было четверо: Верцингеториг, его кузен Критогнат, Битургон и Дадераг.

— Еда, — отрывисто бросил царь. Его собственная нужда придавала еще большую значимость поставленной перед сподвижниками проблеме. — Дадераг, сколько у нас осталось еды?

— Зерно закончилось, но у нас еще есть быки и овцы. Будут и яйца, если не передушили всех кур. Уже четвертый день каждому дают вдвое меньше еды. При такой экономии пять дней мы продержимся. А после начнем есть обувь.

Битургон так грохнул кулаком по столу, что остальные вскочили.

— Верцингеториг, перестань притворяться! — прогремел он. — Армия должна была прийти к нам на помощь четыре дня назад, и мы все это знаем! Ты чего-то не договариваешь, хотя, кажется, мог бы и не таиться. Я думаю, ты уже не надеешься на подмогу.

Наступило молчание. Верцингеториг, сидевший во главе стола, положил на столешницу руки и повернул голову к огромному окну за спиной. Ставни были распахнуты, впуская в комнату воздух теплого весеннего дня. Верцингеториг не брился с тех пор, как осознал, что Алезия заперта, и теперь стало ясно, почему его прежде никогда не

видели небритым: волосы у него на лице росли редко и были серебристо-белыми. Он снял корону и осторожно отложил ее в сторону.

— Если бы армия выступила из Карнута, она была бы уже здесь. — Он вздохнул. — Но надежды нет. Я считаю, что она не придет. Поэтому на первый план выходит вопрос о наших съестных запасах.

— Эдуи! — зло произнес Дадераг. — Эдуи предали нас!

— Ты хочешь сказать, что нам надо сдать? — прищурился Битургон.

— Я не сдамся. Но если кто-то из вас захочет разоружиться и вывести своих людей за ворота, я это пойму.

— Мы не можем сдать, — возразил Верцингеториг. — Если мы сдадимся, Галлия все потеряет.

— Тогда нужна вылазка, — сказал Битургон. — По крайней мере, мы проиграем, сражаясь.

Критогнат был старше Верцингеторига и совсем не походил на него. Крупный, рыжеволосый, тонкогубый, голубоглазый, он вскочил с кресла и заметался по комнате.

— Я не верю, — сказал он наконец, хлопнув кулаком по левой ладони. — Эдуи сожгли за собой мосты. Они не могут предать нас, они не посмеют. Литавик тут же отправится в обозе Цезаря в Рим, где после триумфального шествия его наверняка прикончат. Он один правит эдуями, и больше никто! Нет, я не верю. Литавику нужно, чтобы мы победили, потому что он хочет сделаться царем Галлии, а не каким-нибудь вергобретом или римской марионеткой. Он приложит все силы, чтобы помочь тебе победить, Верцингеториг, и лишь потом пойдет на измену! Лишь потом он сделает этот ход. — Он снова подошел к столу, умоляюще посмотрел на Верцингеторига. — Неужели ты не видишь, что я прав? Армия из Карнута придет! Я знаю точно, что она будет здесь, а почему опаздывает, не знаю. Через какое время она появится, я тоже не знаю. Но это произойдет! Произойдет непременно!

Верцингеториг улыбнулся, протянул руку.

— Да, Критогнат, непременно. Я тоже так думаю.

— Минуту назад ты говорил по-другому, — проворчал Битургон.

— Минуту назад я по-другому и думал. Но Критогнат меня убедил. Эдуи лишатся слишком многого, изменив нам. Нет, скорее всего, они нам верны, просто общий сбор затянулся. Гутруат ведь очень

нетороплив, пока что-нибудь не заденет его за живое. А что может быть вдохновляющего в организации общего сбора?

По мере того как Верцингеториг говорил, к нему возвращалась присущая ему бодрость. Он оживился и уже не выглядел таким изможденным.

— Тогда нам нужно еще раз вдвое уменьшить суточный рацион каждого человека, — вздохнув, сказал Дадераг.

— Есть кое-что еще, что нам надо бы сделать, — сказал Критогнат.

— Что? — скептически спросил Битургон.

— Солдаты должны жить, Битургон. Жить, чтобы сражаться, когда придет помощь. Ты можешь вообразить, каково будет тем, кто поразит Цезаря и, войдя в Алезию, найдет там одних мертвецов? Что будет с Галлией? Царь ее мертв, Битургон мертв, Дадераг мертв, Критогнат мертв, мертвы все воины и все женщины и дети мандубиев. А почему? Да потому, что им не хватило еды. Их пожрал голод.

Критогнат отступил на пару шагов и встал так, чтобы видеть всех.

— Я предлагаю сделать то, что мы сделали, когда кимбры и тевтоны напали на нас. Как мы тогда поступили? Заперлись в крепости и, когда закончился провиант, стали есть самых слабых и бесполезных. Тех, кто неспособен был драться. Страшное дело, но необходимое. Вот как выживали мы, галлы. А вспомните, кому мы противостояли тогда? Обыкновенным германцам! Непоседливому народу. Им надоело нас осаждать, и они отправились дальше, оставив нам все, чем мы владели. Нашу свободу, наши традиции, наши права. А теперь призадумайтесь, кто сейчас наш противник? Римляне! Они никуда не уйдут. Они захватят наши земли и наших женщин. Построят себе виллы с нагревательными печами, купальнями и садами! Втопчут нас в грязь, а наших рабов возвысят. Превратят наши крепости в свои поселения со всей присущей им дьявольской атрибутикой! А мы, галлы, сделаемся их рабами! И я говорю вам: я лучше буду есть человечину, чем стану римским рабом!

Верцингеторига едва не вытошнило.

— Это ужасно! — процедил он сквозь зубы, бледнея.

— Я считаю, мы должны поговорить с армией, — высказал свое мнение Битургон.

Дадераг уронил голову на сцепленные в замок руки.

— Мой народ, мой бедный народ, — пробормотал он. — Старики, женщины, дети. Невинные души.

Верцингеториг вздохнул.

— Я не смогу, — произнес он.

— А я смогу, — сказал Битургон. — Но пусть решает армия.

— Если должна решать армия, — сказал Критогнат, — тогда на что у нас царь?

Кресло скрипнуло, Верцингеториг резко встал.

— О нет, Критогнат, такие решения цари в одиночку не принимают! У царей есть советы, даже у величайших царей. И вопрос, терять или не терять человеческий облик, должен задать себе каждый из наших людей. Дадераг, собери всех для голосования.

— Как умно! — прошептал Дадераг, поднимаясь. — Ты знаешь, чем кончится это голосование, Верцингеториг! Но твое имя не будет покрыто позором. Люди сами решат, что пришла пора подкрепить себя человеческой плотью. Они голодны, а мясо есть мясо. Но у меня есть идея получше. Давайте поступим со слабыми и бесполезными так, как поступают с теми, кого уже не прокормить. Отдадим их Туата. Оставим их на склоне горы, словно нежеланных младенцев. Выступим в роли родителей, не способных прокормить своих отпрысков, но молящихся о том, чтобы кто-нибудь более состоятельный их подобрал и призрел. Пусть Туата определяют их участь. Может быть, римляне пожалеют их и пропустят через свои укрепления. А может, у них так много еды, что они кинут голодным какие-нибудь объедки. Может, придет наша армия. Может, они умрут там, где их оставят, покинутые всеми, включая и Туата. Это я приму. Но даже не думайте, что меня можно вынудить питаться моими же собственными детьми! На это я ни за что не пойду! Ни за что! Единственное, что я могу сделать, — это подарить их Туата. В этом случае несколько тысяч голодных ртов будут сняты с довольствия, и высвободившийся резерв продуктов поможет воинам продержаться дольше. — В его глазах с расширенными зрачками блеснули слезы. — И если армия не придет сюда к тому времени, как у нас кончится вся еда, вы можете съесть меня первым!

Последний скот, пасшийся на неогороженном стеной восточном краю плато, загнали в крепость. Женщин, детей и стариков вывели из нее. Среди них были жена Дадерага, его отец и его старая тетка.

Пока не стемнело, они стояли группами у ворот, плача, моля и призывая своих сородичей сжалиться. А потом сгрудились, улеглись и забылись беспокойным, голодным сном. Утром они опять плакали, просили, протестовали. Но никто им не ответил. Никто не пришел. В полдень несчастные стали спускаться к подножию горы, где останавливались на краю большой траншеи и простирали к римлянам руки. На них смотрели из-за брустверов и со всех башен, но никто им не ответил, никто их не позвал. Никто не выехал на совершенно ровную площадку, сплошь покрытую пожухлыми листьями, чтобы перекинуть через траншею подобие какого-нибудь мосточка. Никто не бросил им пищи. Римляне просто смотрели, пока это им не надоело, потом вернулись к своим делам.

Вечером мандубии, помогая друг другу, снова взобрались на гору и снова плакали, выкрикивая имена своих близких. Но никто не ответил. Никто не пришел. Ворота были закрыты.

— О Данн, мать всего мира, спаси моих людей! — бормотал Дадераг в темноте своей комнаты. — Сулис, Нуаду, Бодб, Маха, сжальтесь над ними! Пусть завтра сюда придет армия из Карнута! Умоляю, идите к Езусу и просите за них! О Данн, мать мира, спаси моих людей! Сулис, Нуаду, Бодб, Маха, сжальтесь над ними! Пришлите к нам армию! Ступайте к Езусу и просите его защитить их! О Данн, мать мира, спаси моих людей! Сулис, Нуаду, Бодб, Маха, сжальтесь над ними!..

Он повторял это снова и снова.

Молитвы Дадерага были услышаны. Утром прибыла армия. Она пришла с юго-запада и захватила в том секторе господствующие высоты. Зрелище не особенно впечатляло, ибо лес на горных склонах скрывал облепивших скалы людей. Но к полудню следующего дня трехмильная равнина между двумя реками словно бы закипела. Ее заполонили конники, море конников, столько тысяч, что невозможно и сосчитать.

Незабываемая картина.

— Их слишком много, — заметил Цезарь. — И маневрировать они не смогут. Им никак не взять в толк, что подавляющее превосходство в количестве не всегда оборачивается превосходством на деле. Вот одной восьмой своей частью они могли бы нас побить. В численном

отношении у них все равно оставался бы перевес, и вдобавок им было бы где развернуться. А так количество мало что значит.

— У них нет командира, — сказал Лабиен. — У них несколько командиров. И нет согласного мнения.

Любимый боевой конь Цезаря Двупалый пасся поблизости, его необычные копыта, словно бы разделенные на пальцы, скрывала трава. Римская воинская верхушка была в полном сборе: все легаты, Требоний и еще тридцать трибунов, готовых мчаться как ветер, куда им прикажут, на германских породистых рысаках.

— Сегодня твой день, Лабиен, — сказал Цезарь. — Не упусти же его. Я не буду вмешиваться в твои действия. Командуй конницей сам.

— Я выпущу на равнину кавалерию из трех лагерей, — решительно заявил Лабиен. — Лагерь на северной стороне остается в резерве для сражений на склонах. А в долине четырех тысяч конников будет более чем достаточно. Если передние ряды галлов дрогнут, они сомнут собственный тыл.

Кавалерийские лагеря римлян выступали из большого периметра, а не встраивались в его стены, как лагеря пехоты. Они не были сильно укреплены, в том смысле, что подступы к ним были более ровными, без острых камней и больших валунов. И потому римская конница проехала там без особых хлопот.

— А вот и Верцингеториг, — сказал Требоний.

Цезарь повернулся. Западные ворота крепости были открыты. Галлы ринулись вниз по крутому западному склону, вооруженные деревянными козлами, досками, веревками, кошками и щитами.

— По крайней мере, мы знаем, что они обессилены голодом, — сказал Квинт Цицерон.

— А они знают, что ждет их в нашем саду, — добавил Требоний. — Но им понадобятся часы, чтобы его пересечь. Пока они доберутся до основных фортификаций, в долине все будет кончено.

Цезарь подождал свистом Двупалого, вскочил без помощи груга в седло и расправил свой яркий алый плащ так, чтобы тот накрыл конский круп.

— Всем по коням! — скомандовал он. — Трибуны, смотрите мне в рот и запоминайте каждое слово. Я не намерен повторять приказы, а каждый приказ нужно в точности довести до людей.

Хотя у Цезаря каждый солдат знал, где его место и что он должен делать, в этот первый день Цезарь не ожидал атаки пехотинцев неприятеля. Кто бы ни командовал армией галлов, он явно считал, что огромная масса галльских конников одержит победу, чем ослабит боевой дух неприятельских легионов. Так зачем же сражаться тогда, когда этот дух силен? Кроме того, неизвестный Цезарю полководец был достаточно умен, чтобы поставить среди своей кавалерии отряд лучников и копьеметателей, и этот фактор поначалу сильно способствовал успеху галлов.

С полудня и почти до заката исход битвы был неизвестен, хотя галлы считали, что побеждают они. Потом германцам Цезаря, сражавшимся разрозненными отрядами, удалось собраться в кулак и ударить. Галлы отступили, сменяя своих бездействующих товарищей, и оголили ряды лучников и копьеносцев. Те в один миг превратились в добычу и были безжалостно перебиты. Волна наступавших отхлынула, повернулась и покатила назад, а германцы и римляне рьяно преследовали бегущих. Но Лабиен, триумфатор этого боя, приказал всем вернуться, пока безрассудная храбрость победителей не свела на нет такую хорошую работу.

Люди Верцингеторига, как и предсказывал Требоний, все еще возились в «саду», преодолевая препятствия и ловушки. Шум с равнины подсказал им, кто берет вверх. Они тут же собрали свои приспособления, с таким трудом спущенные ими с горы, и снова поднялись на плато, в свою тюрьму, так и не увидев толпу сырых мандубиев, дрожавших от страха и боявшихся подойти ближе к тому месту, где проходили военные действия.

Следующий день прошел мирно.

— Ночью они выйдут на равнину, — сказал Цезарь на военном совете, — но уже пешими. Требоний, возьми под контроль внешние укрепления между северной рекой и средним из трех лагерей Лабиена. Антоний, тебе выпала удача. Будешь руководить защитой внешних фортификаций от среднего лагеря кавалерии до моего поста на склоне южной горы. Фабий, ты отвечаешь за внутренние фортификации от северной до южной реки, если Верцингеториг преодолеет препятствия прежде, чем мы побьем тех, кто атакует снаружи. Они не знают, что их ждет, — с удовлетворением продолжал Цезарь, — но у них есть мостки и щиты, так что некоторым удастся пройти. Я хочу, чтобы на валу

всюду горели факелы, но не закрепленные на стенах, а в руках у солдат. Объявите, что любого, кто выронит факел, ждет порка. Я также хочу, чтобы все башенные скорпионы и катапульты были готовы к стрельбе, так же как и баллисты, мечущие фунтовые камни. Баллисты лучше пристрелять днем, чтобы эффективно использовать их в темноте, а те, кто обслуживает машины, мечущие картечь и стрелы, будут вынуждены довольствоваться светом факелов. Вряд ли по меткости мы превзойдем Аварик, но я все же думаю, что артиллерийская обработка внесет смятение в неприятельские ряды. Фабий, если Верцингеториг пройдет дальше, чем я ожидаю, немедленно проси подкрепления. Антистий и Ребил, держите ваши два легиона наготове и ловите любой знак того, что галлы обнаружили наше слабое место.

Атака снаружи началась в полночь. Многие тысячи глоток издали оглушительный крик, явившийся для осажденных галлов сигналом. Слабый звук барабанов Алезии отозвался на крик. Верцингеториг давал понять, что не намерен сидеть сложа руки.

Имея меньше шестидесяти тысяч солдат, было невозможно расставить их так, чтобы оборонять каждый фут двойных стен общей протяженностью в двадцать пять миль. Стратегия Цезаря строилась на предположении, что галлы сконцентрируются на более ровных участках, ибо бой пойдет в темноте. Однако поскольку Цезарь никогда не недооценивал возможностей неприятеля, он установил пристальное наблюдение за оголенными частями периметра со специально построенных башен. Основной обязанностью наблюдателей было немедленно извещать офицеров высшего ранга о приближении вражеских сил. И во все последующие безумные дни боев под Алезией у римлян главенствовали две вещи: тактическая изворотливость и скорость перемещения войск.

Наружные галлы доставили к крепости изрядное количество тяжелых артиллерийских машин. Какие-то они отобрали у Сабина и Котты, но большинство их было скопировано с оригинальных орудий. Пока атакующие старались преодолеть внешнюю траншею, другие галлы стреляли камнями по римским укреплениям, хорошо освещенным факелами по приказу Цезаря. Эти огромные камни наносили римлянам определенный урон, однако ответный град небольших фунтовых камней работал более эффективно, ибо был прицельным. Галльские артиллеристы целиться не умели, зато их

товарищи наконец перебросили через траншею мостки. Теперь нападавших и римские фортификации разделяли всего лишь две тысячи футов. Или четыре сотни шагов по земле, сплошь покрытой листвой и казавшейся ровной и гладкой.

Одних распороли острые колья, других пронзили шипы железных стрекал, но в большинстве галлов разили стрелы, пущенные из скорпионов. Артиллеристы в свете факелов хорошо видели неприятеля, но стреляли, почти не целясь — так велика была напиравшая на них масса. А галлов, наоборот, слепил яркий свет, и они не могли разобрать, какие ловушки устроены против них и по какой они расположены схеме. Тела павших заполняли канавы, и галлы перебежали по ним, стремясь пройти дальше, но натыкались на рогатые ветви. Те были воткнуты в землю так густо, что ни одному галлу не удалось продраться сквозь них, чтобы установить лестницу и попытаться взобраться на стену. Атакующие жутко вопили, но от воплей не было толку, и римские лучники и копьёметатели поражали их сотнями.

Всегда настороженные Требоний и Антоний немедленно посылали дополнительные отряды туда, где галлы, казалось, вот-вот полезут на вал. Многие из солдат были ранены, но почти все легко, а потеря среди них не было вообще.

На рассвете галлы отхлынули от фортификаций, оставив тысячи тел в «садах Цезаря», усыпанных «лилиями» и «надгробными камнями». Верцингеториг, все еще пытавшийся разобраться с препятствиями, не дававшими его людям вступить в прямой бой, услышал шум отступления и сообразил, что вся римская армия теперь повернется к нему. Он дал команду собирать снаряжение и поднялся в крепость все по тому же западному склону, слишком далеко расположенному от той части плато, где едва слышно стонали мандубии, позабытые всеми.

От пленников Цезарь узнал кое-что об армии галлов. Как и предполагал Лабиев, командиров у них было несколько: Коммий от атребатов, Котий, Эпоредориг и Виридомар от эдуев и кузен Верцингеторига Веркассивелаун.

— С Коммием все ясно, — поморщился он. — Но где Литавик? Интересно, куда он девался? Котий слишком стар для того, чтобы командовать большим войском. Эпоредориг и Виридомар в счет не

идут. Единственный, к кому следует присмотреться, это Веркассивелаун.

— А не Коммий? — удивился Квинт Цицерон.

— Он белг. Его номинально назначили командиром. Белги разбиты и деморализованы, Квинт. Не думаю, что они составляют хотя бы десятую часть этой армии. Восстание подняли кельты, и они — люди Верцингеторига, как бы это ни огорчало эдуев. Надо приглядывать за Веркассивелауном.

— Сколько же это будет продолжаться? — спросил Антоний, очень довольный собой, потому что он делал все не хуже Требония (по крайней мере, ему так казалось).

— Я думаю, следующая атака будет самой трудной и решающей, — медленно ответил Цезарь. — Мы не можем очистить поле сражения с внешней стороны равнины, а они используют тела как мостки. Очень многое зависит от того, найдут ли они наше слабое место. Антистий, Ребил, говорю вам еще раз: утройте бдительность, не сводите с них глаз. Требоний, Фабий, Секстий, Квинт, Децим, будьте готовы к молниеносным перемещениям. Лабиен, твое место в лагере на северной стороне, со всеми германцами. Как и всегда, действуй самостоятельно, но обо всем информируй меня.

Веркассивелаун совещался с Коммием, Котием, Эпоредоригом и Виридомаром. Присутствовали также Гутруат, Седулий и Драпп вместе с неким Олловиком, разведчиком.

— Оборона римлян на северо-западном склоне горы выглядит неприступной, — сказал Олловикон, который принадлежал к племени андекавов, но завоевал себе громкое имя как человек, умеющий лучше других исследовать местность. — Однако прошлой ночью, когда шло сражение, я подобрался к тому участку поближе. У подножия северо-западной горы, в соседстве с рекой, расположен большой лагерь пехоты, а за ним, в конце узкой лоцины, — лагерь кавалеристов. Фортификации между этим лагерем и главным римским периметром очень внушительные. Там у нас мало шансов. Но сам периметр у римлян неполный. Есть брешь на берегу северной реки позади лагеря пехоты. Отсюда или из долины ее не видно. Римляне умны, они построили там укрепления, которые выглядят так, словно идут прямо по кручам. Но это только кажется. Как я говорил, есть брешь, идущая

вниз, к реке, — «язык» земли, не обнесенный стеной. Впрочем, оттуда напасть на римлян практически невозможно. Зато можно атаковать линию римлян у лагеря пехоты снизу, с подножия, — фортификации идут поперек склона, выше они не поднимаются и через вершину не проложены. Земля с наружной стороны двойной канавы и стена у лагеря напичканы всякими сюрпризами. Проще попасть с внутренней стороны. Возьми этот лагерь — и ты проникнешь в расположение римлян.

— Ага! — улыбнулся Веркассивелаун.

— Очень хорошо, — спокойно сказал Котий.

— Нужно, чтобы Верцингеториг сообщил нам, как лучше это сделать, — предложил Драпп, дернув себя за ус.

— Веркассивелаун справится, — возразил Седулий. — Арверны — горный народ, им к скалам не привыкать.

— Мне понадобятся шестьдесят тысяч наших лучших бойцов, — сказал Веркассивелаун. — Я хочу отобрать из тех людей, что действуют без особой оглядки на обстоятельства.

— Тогда начни с белловаков, — тут же посоветовал Коммий.

— Мне нужна пехота, Коммий, а не кавалерия. Я возьму пять тысяч нервиев, пять тысяч моринов и пять тысяч менапиев. Седулий, я также возьму тебя и десять тысяч твоих лемовиков. И тебя, Драпп, и десять тысяч твоих сенонов. И тебя, Гутруат, тебя и десять тысяч твоих карнутов. От имени Битургона я возьму пять тысяч битуригов, а от имени моего родственника, царя Галлии, десять тысяч арвернов. Вы согласны?

— Конечно.

Все дружно кивнули, хотя эдуи — Котий, Эпоредориг и Виридомар — не выказали особенного довольства. Высокие посты в армии галлов достались им совершенно неожиданно, когда Литавик по непонятным причинам вдруг вскочил на коня и умчался куда-то, сопровождаемый своим родичем Суром. Минуту назад Литавик был единоличным лидером у эдуев, а через миг — исчез, растворился, пропал. Ускакал на восток вместе с Суром!

Таким образом, командование тридцатипяти тысячным войском эдуев передали Котию, очень усталому старому человеку, и двум его соплеменникам, которые все еще не были точно уверены, что Рим им

враг. Кроме того, они подозревали, что приглашение их на совет было чем-то вроде лицемерного одолжения.

— Коммий, ты будешь командовать кавалерийской атакой на северо-западный римский лагерь. Эпоредориг и Виридомар с остальной пехотой ударят с юга и попытаются пробиться к римскому оборонному валу. Котий, отвечаешь за тыл. Эй, эдуи, все ли вам ясно? — резко спросил Веркассивелаун.

Те показали кивками: да, все.

— Назначим атаку на полдень, когда солнце начнет клониться к западу. В этом случае оно будет бить римским легионерам в лицо. Я покину наше расположение уже ночью, с шестьюдесятью тысячами воинов и Олловиконом. Мы обойдем северо-западную гору, укроемся за ней в лесу и будем ждать сигнала к атаке, который дашь нам ты, Коммий.

— Я понял, — сказал Коммий, чей лоб рассекал уродливый шрам, памятка о предательстве римлян.

О, как бы он хотел отомстить этим коварным людям! Но все его мечты стать единовластным царем белгов развеялись, а Лабием уменьшил число атребатов настолько, что Коммий привел в Карнут всего четыре тысячи соплеменников, в основном стариков и подростков. Он надеялся взять под начало конницу соседствующих с его землями белловаков, но из десяти тысяч конников, затребованных Гутруатом и Катбадом, белловаки прислали только две тысячи, и то лишь по личному ходатайству Коммия. «Возьми их, если это сделает тебя счастливым, — сказал царь белловаков Коррей, его друг и родственник через брачные связи, — но больше я тебе не дам. Белловаки отличные воины, но предпочитают драться по своему разумению и за свои интересы. Верцингеториг — кельт, а кельты не знают ничего ни о медленном вымирании некогда весьма сильных племен, ни о полном уничтожении целых народов. Пожалуйста, иди, Коммий, и помни, что белловакам белги более по душе. Постарайся сохранить всех людей — и своих, и моих. Не умирай ради кельтов».

«Коррей прав, — думал Коммий, начиная все четче различать над Алезией тень римского орла. — Кельты ничего не знают ни о медленном вымирании прежде сильных, могущественных племен, ни о полном уничтожении целых народов. А белги знают! Коррей прав. Зачем умирать ради кельтов?»

С наступлением утра наблюдатели, находившиеся в Алезии, поняли, что армия галлов готовится к новому бою. Верцингеториг удовлетворенно заулыбался. Он видел блеск кольчуг и шлемов среди деревьев, выше уязвимого лагеря римской пехоты. Римляне не увидят, они расположены ниже, даже те, что на башнях южной горы, потому что солнце было позади Алезии. Какое-то время он боялся, что с башен на северной горе заметен предательский блеск, но лошади, привязанные у подножия башен в состоянии готовности, оставались привязанными и мирно подремывали, опустив головы. Солнце всходило над Алезией, как раз напротив. Да, Алезия определенно была единственным местом, откуда был виден блеск.

— На этот раз мы не отступим, — сказал он советникам. — Наши друзья двинутся, я думаю, в полдень. Значит, и мы двинемся в полдень. И сосредоточимся исключительно на подступах к брешу. Если нам удастся прорвать римскую оборону, все будет кончено. Римляне не сдержат атаки с обеих сторон.

— Нам намного труднее, — сказал Битургон. — Мы на виду, а друзья наши скрыты.

— Это тебя пугает? — строго спросил Верцингеториг.

— Нет. Я просто высказал свое мнение.

— У римлян наблюдается большое движение, — сказал Дадераг. — Цезарь знает, что будет атака.

— Мы никогда не считали его дураком, Дадераг. Но он не знает, откуда мы нападем.

В полдень армия галлов ударила с северо-запада конницей, а с юга — пехотой и напоролась все на те же стрекала, «лилии» и «надгробные камни». Факт, смутно осознанный Верцингеторигом, ибо он и его люди уже подбирались к римским фортификациям. На этот раз они спустили с плато тяжелые неуклюжие щиты на колесах, служившие им укрытиями от стрел и камней, а те воины, кто не мог укрыться под щитами, держали ручные щиты над головами наподобие черепак. К этому времени в «садах Цезаря» и с той и с другой стороны уже имелись «проторенные» дорожки — галлы шли по завалам из трупов, укладывая на них мостки. Верцингеториг дошел до рва с водой первым, но и шестьдесят тысяч воинов Веркассивелауна неустанно трудились, засыпая канавы-ловушки землей.

Высота склона, где завязалась главная схватка, позволяла Верцингеторигу видеть, что творится внизу. Кое-какие башни внешнего периметра римлян дымились, и галлы взбирались на вал. Но сказать, что победа близка, было пока нельзя, ибо то здесь, то там в местах вроде бы неминуемого прорыва всегда появлялась фигура в алом плаще, за которой следовали когорты резерва.

Раздался оглушительный радостный крик. Веркассивелаун и его люди преодолели сопротивление защитников вала. Сражение переместилось на территорию римлян. Ровные ряды римской пехоты стойко оборонялись, используя свои *pila* как осадные гарпуны. В то же время люди Верцингеторига со своей стороны перебрались через ров. Метнулись вверх кошки, всюду вскинулись лестницы. Ну все, победа близка! Римлянам не устоять в бою на два фронта. И тут среди скал замаячили конники: Лабием на пятнистом сером коне вел германцев, чтобы ударить атакующим в тыл.

Верцингеториг громко крикнул, пытаясь предупредить Веркассивелауна, но этот крик потонул в другом шуме. Башни справа и слева обрушились, его люди забрались на стену, но рев внизу все не смолкал. Смахнув пот, застилавший глаза, Верцингеториг повернулся и посмотрел вниз. Там по периметру легким галопом в ярком алом плаще, развевавшемся за спиной, скакал Цезарь со своей свитой, и тысячи пехотинцев бежали за ним. А по всему фронту сражения римские легионеры громко приветствовали своего генерала. И не как триумфатора — ведь битва еще не закончилась. Нет, они приветствовали его самого. А он словно бы слился со своим скакуном — счастливец Двупалым. Разве бывают лошади с пальцами, а?

Римляне, яростно отбивавшиеся от нападающих с двух сторон галлов, не видели, что делается за их спинами, но по крикам поняли, кто к ним идет. Они разом метнули *pila*, выхватили мечи и бросились в контратаку. Люди Верцингеторига дрогнули, падая гроздьями в ров. А в ушах царя новой Галлии стояло немолчное ржание лошадей, перекрывающее предсмертные вопли. Германцы рубили противника с тыла, солдаты Цезаря — с фронта. Все шестьдесят тысяч галлов были обречены.

Арверны, мандубии, битуриги упорно сражались, но Верцингеториг не хотел умирать. Кое-как собрав тех, кто был рядом с

ним, и приказав Битургону и Дадерагу (где же Критогнат?) сделать то же, он возвратился в Алезию.

Оказавшись в крепости, Верцингеториг не захотел ни с кем говорить. Весь остаток дня он провел на стене, глядя, как победители наводят порядок. Было видно, что они измотаны, а потому не очень старательно преследовали отступающих. Один только Лабиен, казалось, не устал. Он не давал отдыха кавалерии, стараясь уничтожить как можно больше спасающих свои жизни людей.

Глаза Верцингеторига неотступно следили за Цезарем. Тот все еще был в седле. Какой замечательный воин! Победа на его стороне, но бреши в периметре уже ремонтируют — на случай новой атаки. А легионеры, занятые тяжелым трудом, все же находят силы приветствовать полководца, словно и впрямь верят, что, пока он сидит на своем счастливом коне, удача их не покинет. Уж не считают ли они его богом? А почему бы и нет? Даже Туата любят его. Если бы Туата не любили его, победили бы галлы. Иноземец пришелся богам кельтов по нраву. Наверное, совершенство высоко ценится богами любого народа.

В своей комнате, освещенной лампами, Верцингеториг снял с золотой короны все еще пахнувший омелью покров. Сел перед ней и замер без движения. А часы шли, звуки и запахи пробирались в окно. Громкий смех из долины. Это римляне торжествуют победу. Слабое бормотание. Это Дадераг привел брошенных всеми мандубиев в крепость и кормит их бульоном, сваренным из последнего мяса. Бедный Дадераг! Запах бульона вызывал тошноту, как и вонь разлагающихся внизу трупов. И над всем этим — безмолвствующие Туата. Их безмолвие подобно беззвучному грому. Наступал безрадостный рассвет. С галлами все было кончено. И с ним, разумеется, тоже.

Утром он говорил с оставшимися в живых. Дадераг и Битургон стояли рядом. О Критогнате никто не слышал. Он был где-то внизу, мертвый, умирающий или плененный.

— Все кончено, — сказал Верцингеториг собравшимся. Голос его, сильный и ровный, был хорошо слышен всем. — Объединенная Галлия остается мечтой. Мы окончательно утратили независимость. Римляне станут хозяевами над нами, хотя я не думаю, что враг столь великодушный, как Цезарь, принудит нас пройти под ярмом! Я верю, что он хочет мира, а не истребления уцелевших. Сытый и здоровый галл больше полезен Риму, чем мертвый.

На его исхудавшем лице не дрогнул ни один мускул. Он спокойно продолжил:

— Туата любят павших на поле боя, никто не пользуется у них большей честью. Но друиды не приветствуют самоубийц. В других местах, я знаю, люди предпочитают смерть плену. Киликийцы убили себя, когда к ним пришел Александр Великий. И греки Азии. И италийцы. Но мы так не поступим. Эта жизнь — испытание, которое мы должны вынести, пока она не закончится естественным образом, независимо от того, какую форму примет этот конец.

Он помолчал.

— Я прошу вас — и прошу передать тем, кого здесь нет, — обратить ваш ум и энергию на то, чтобы сделать Галлию великой страной, заслуживающей уважения римлян. Вы должны снова разбогатеть и многократно умножить свое богатство. Ибо однажды — когда-нибудь! — Галлия снова поднимется! И это не пустая фантазия! Галлия снова поднимется! Галлия вынесет все, ибо она огромна! Сквозь годы рабства и низкопоклонства, через которые вам придется пройти, лелейте эту мечту! Я уйду, но запомните мои слова! Однажды Галлия, моя Галлия возродится! Придет день, и она будет свободной!

Все молчали. Верцингеториг повернулся и пошел в дом, за ним следовали Дадераг и Битургон. Галльские воины медленно разошлись, мысленно повторяя слова царя, чтобы потом передать их своим детям.

— Остальное предназначено только для ваших ушей, — сказал Верцингеториг в пустом помещении для совещаний.

— Сядь, — тихо произнес Битургон.

— Нет, нет. Битургон, вполне возможно, что Цезарь возьмет тебя в плен как вождя великого и многочисленного народа. А ты, Дадераг, думаю, будешь свободен. Я хочу, чтобы ты пошел к Катбаду и повторил ему все, что я сказал нашим людям. И еще скажи, что я начал эту кампанию не для того, чтобы прославиться. Я сделал это ради освобождения моей страны от иноземного ига. Все — для общего блага, и ничего — для себя.

— Я передам все в точности, — пообещал Дадераг.

— А теперь вы двое должны принять решение. Если вы потребуете моей смерти, я приму ее здесь, в Алезии, принародно. Или пошлю делегатов к Цезарю.

— Пошли делегатов, — сказал Битургон.

— Передайте Верцингеторигу, — сказал Цезарь, — что все осажденные воины должны сложить оружие и кольчуги. Это надо сделать прямо с утра. Пусть они бросят все мечи, пики, луки, стрелы, топоры, кинжалы и булавы в нашу траншею. А также кольчуги. Только тогда вашему царю, Битургону и Дадерагу разрешается спуститься вниз. Я буду ждать там. — Он показал на площадку под крепостью. — На рассвете.

Он велел построить небольшой помост высотой в два фута, а на него поставить курульное кресло. Рим принимает эту капитуляцию, поэтому проконсул не будет вооружен. Тога с пурпурной каймой, темно-бордовые туфли с консулярскими (в форме полумесяца) пряжками, на голове венок из дубовых листьев — *corona civica*, награда за личную храбрость на поле сражения (единственная награда, какую Помпей Великий так и не получил). Длина ничем не украшенного жезла из слоновой кости равняется длине предплечья. Один конец зажат в ладони, другой упирается в сгиб локтя. Рядом — лишь Гиртий.

Цезарь сидел в классической позе — правая нога выставлена вперед, левая подогнута, спина абсолютно прямая, плечи развернуты, подбородок приподнят. Справа от помоста стояли его маршалы: Лабиев в серебряной, местами золоченой кирасе с ярко-красной лентой, особому перекрученной и завязанной специальным узлом, а также Требоний, Фабий, Секстий, Квинт Цицерон, Сульпиций, Антистий и Ребил в парадных доспехах и с афинскими шлемами, взятыми под левую руку. Соратники помоложе расположились слева от возвышения: Децим Брут, Марк Антоний, Минуций Базил, Мунаций Планк, Вулкаций Тулл и Семпроний Рутил.

Все ближние стены и башни были забиты любопытствующими солдатами, службу несли лишь патрульные и конники, образовавшие живой коридор от траншеи до помоста. Канавы в том месте засыпали, стрекала убрали.

Остатки восьмидесятитысячного воинства Верцингеторига появились, как и было велено, первыми. Один за другим галлы бросали в траншею свое оружие и кольчуги, потом их отвели в сопровождении нескольких эскадронов кавалерии к тому месту, где им предстояло ждать решения своей участи.

Из цитадели выехал Верцингеториг, за ним следовали Битургон и Дадераг. Царь Галлии ехал на желтовато-коричневом безукоризненно ухоженном жеребце. Упряжь вычищена, шаг поставлен. Верцингеториг весь в золоте и сапфирах. Перевязь и пояс нестерпимо сверкают. На голове золотой крылатый шлем.

Царь галлов степенно проехал сквозь ряды всадников к возвышению, где сидел Цезарь. Он неторопливо спешил, снял перевязь, на которой висел меч, отстегнул кинжал, после чего шагнул вперед и положил оружие на край помоста. Затем отступил и сел на землю, скрестив ноги. Снял корону и склонил голову в знак подчинения.

Битургон и Дадераг, уже безоружные, последовали его примеру.

На лице Цезаря не дрогнул ни один мускул. Он, не мигая, смотрел на Верцингеторига. А когда крики окружающих стихли, кивнул Авлу Гиртию, также одетому в тогу. Тот со свитком в руке сошел с возвышения, к нему подскочил писарь с пером, чернильницей и деревянным столом высотой в один фут. Если бы Верцингеториг не сидел на земле, ему пришлось бы встать на колени, чтобы подписать акт о капитуляции. А так он просто протянул руку, обмакнул перо в чернила, стряхнул с кончика лишние капли в чернильницу, как получивший хорошее воспитание человек, и подписал документ. Писарь посыпал подпись песком и передал свиток Гиртию, который тут же вернулся на свое место.

Только после этого Цезарь поднялся. Он легко спрыгнул с помоста, подошел к Верцингеторигу и протянул руку, чтобы помочь ему встать. Верцингеториг принял помощь. Дадераг и Битургон встали самостоятельно.

— Честная борьба, завершившаяся хорошим сражением, — сказал Цезарь, подводя царя Галлии к краю периметра и указывая на то место, где развернулся решающий бой.

— Мой кузен Критогнат — пленник? — спросил Верцингеториг.

— Нет, он мертв. Мы нашли его на поле битвы.

— Кто еще мертв?

— Седул, вождь лемовиков.

— Кто взят в плен?

— Твой кузен Веркасивелаун, Эпоредориг и Котий. Большая часть армии ретировалась. Мои люди слишком вымотались, чтобы

преследовать отступавших — Гутруата, Виридомара, Драппа, Тевтомара и прочих.

— Как ты с ними поступишь?

— Тит Лабием сообщил мне, что все галлы направились к своим землям. Армия за горой разбилась на племена. Я не намерен наказывать тех, кто ушел домой, чтобы зажить мирной жизнью, — сказал Цезарь. — Конечно, Гутруат ответит за Кенаб, а Драпп — за сенонов. В плен я возьму Битургона.

Он посмотрел на двух других галлов, стоявших чуть в стороне.

— Дадераг, можешь вернуться в Алезию, прихватив с собой всех мандубиев. Прежде чем я уеду, мы с тобой подпишем договор. Если ты согласишься с каждой его буквой, никаких репрессий не будет. А сейчас с кем-нибудь из своих загляни в галльский лагерь. Поищи там провиант, чтобы накормить голодные рты. Я взял трофеи и столько провизии, сколько мне нужно, но там еще оставалась еда. Арверны и битуриги могут уйти в свои земли. Битургон, ты пленен.

Дадераг вышел вперед и опустил на левое колено перед Верцингеторигом. Потом встал, обнял Битургона, по галльскому обычаю поцеловал его в губы и отошел.

— Что будет с Битургоном и со мной? — спросил Верцингеториг.

— Завтра вас отправят в Италию, — ответил Цезарь. — Ждать моего триумфа.

— Во время которого мы все умрем?

— Нет, это не в наших обычаях. Ты действительно умрешь, Верцингеториг. Но Битургон не умрет. Не умрут Веркассивелаун и Эпоредориг. Котий умрет. Гутруат умрет. Они предательски убивали моих сограждан. Литавик умрет обязательно.

— Сначала их надо поймать, Гутруата и Литавика.

— Ты прав. Но я изловлю их. Умрешь ты, и умрут палачи. Остальных отошлют домой.

Верцингеториг улыбался. Лицо белое, глаза синие, огромные и очень печальные.

— Я надеюсь, ждать придется недолго. Сырость темниц моим костям не по нраву.

— Темниц? — Цезарь остановился и посмотрел на него. — В Риме нет темниц, Верцингеториг. Есть Лаутумы, развалившаяся старая тюрьма в покинутой каменоломне, где мы держим людей день-другой.

Но они могут выходить из нее и прогуливаться, если на них нет оков. А оковы у нас применяются весьма редко. — Он нахмурился. — Последний, кого мы приковали, был той же ночью убит.

— Веттий, информатор, во времена твоего консульства, — тут же блеснул осведомленностью плененный царь.

— Очень хорошо! Нет, тебя поместят с комфортом в каком-нибудь хорошо укрепленном небольшом городке, таком как Корфиний, Аскул Пиценский, Пренеста, Норба. Подобных мест у нас много. По одному пленнику на городок, без информации, где размещены остальные. Ты сможешь выходить в сад, совершать верховые прогулки. Правда, не в одиночку, а с эскортом.

— Значит, ты примешь меня как почетного гостя, а после задушишь?

— Идея триумфального шествия состоит в том, — пояснил Цезарь, — чтобы показать гражданам Рима, насколько сильна наша армия и ее полководцы. Ошибкой было бы водить по городу избитых, спотыкающихся узников, полуживых от голода, грязных и в кандалах! Нет, ты будешь идти во всем блеске, как царь и вождь великого народа, едва не одержавшего над нами верх. Твое хорошее самочувствие и твой внешний вид, Верцингеториг, имеют для нас большое значение. Твои драгоценности, включая корону, будут описаны казначеями и отобраны. Но перед парадом тебе их вернут. А когда процессия доберется до Форума, тебя отведут в Туллианскую тюрьму, единственное узилище Рима. Эта небольшая тюрьма построена Туллием не для содержания в ней заключенных, а для свершения казней. Я пошлю в Герговию за твоей одеждой и всем тем, что тебе захочется взять с собой.

— Включая мою жену?

— Конечно, если ты пожелаешь. Женщин будет достаточно, но, если ты хочешь, жена твоя присоединится к тебе.

— Да, жена. А также младший ребенок.

— Конечно. Это девочка или мальчик?

— Мальчик. Кельтилл.

— Ты понимаешь, что он получит римское воспитание?

— Да. — Верцингеториг облизнул пересохшие губы. — Я еду завтра? Не слишком ли спешно?

— Спешно, но так разумнее. Ни у кого не возникнет соблазна устроить тебе побег. А из Италии убежать ты не сможешь. Нет

необходимости сажать тебя в тюрьму, Верцингеториг. Внешность и незнание языка — лучшая твоя охрана.

— Я могу подучить латынь и убежать, переодевшись.

Цезарь засмеялся.

— Верю, что можешь. Но не очень на это рассчитывай. Мы сварим концы твоей изящной нашейной цепи. Это, конечно, не воротник узника, какие используют на Востоке, но он заклеит тебя лучше, чем любое тавро.

Требоний, Децим Брут и Марк Антоний шли сзади на некотором расстоянии. Кампания, несмотря на разницу в возрастах и характерах, сблизила их. Антоний и Децим Брут, знакомые еще по «Клубу Клодия», походили на шаловливых мальчишек и были глотком свежего воздуха для Требония, уже далеко не юнца, но все же уставшего от длительного общения с другими легатами Цезаря, казавшимися на их фоне занудливыми дедами.

— Какой день для Цезаря! — воскликнул Децим Брут.

— Памятный, — сухо отозвался Требоний. — Буквально. Он все запомнит, и в день триумфа актеры воспроизведут эту сцену на движущейся платформе.

— Нет, он все-таки уникален! — засмеялся Антоний. — Вы видели у кого-нибудь столь царственную осанку? Это у него в крови, я думаю. В сравнении с Юлиями египетские Птолемеи выглядят выскочками.

— Хотел бы я, — задумчиво произнес Децим Брут, — чтобы нечто подобное выпало на мою долю. Но этому не бывать, как вы понимаете. Ни со мной, ни с кем-либо из вас.

— А почему бы и нет? — возмутился Антоний.

Он жаждал славы и не жаловал рассуждений, приземляющих его мечты.

— Антоний, ты всегда поражаешь меня, ты просто чудо! Но ты — гладиатор, а не Октябрьский конь, — уронил Децим Брут. — Подумай, парень, подумай! Нет равного ему человека! Никогда не было и не будет.

— Я бы не стал с такой легкостью отметать Мария или Суллу.

— Марий был «новым человеком» без родословной. Сулла имел родословную, но он не соответствовал ей. Я имею в виду, во всех отношениях. Он пил, любил мальчиков, он должен был учиться командовать армией, поскольку не обладал врожденными качествами

военачальника. А Цезарь безупречен. У него нет ни одного уязвимого места, куда мог бы проникнуть самый узкий кинжал. Он не пьет вина, так что всегда ясно мыслит. Когда он говорит о чем-то невероятном, ты знаешь, что ему это доступно. Ты назвал его уникальным, Антоний, и ты не ошибся. Не отрицай, ты мечтаешь превзойти его, но без реальных шансов на то. И ни у кого из нас нет этих шансов. Так зачем понапрасну себя изнурять? Даже если отбросить его гениальность, останется нечто, чему нельзя найти объяснения. Это любовь между ним и солдатами. Пройдет хоть тысяча лет, нам подобного не достичь. Нет, и тебе тоже, Антоний, так что заткнись. Какая-то толика обаяния в тебе есть, но не на сто же процентов. А у него — на все сто, и сегодняшней день это лишь подтверждает! — воскликнул с горячностью Децим Брут и умолк.

— В Риме это кое-кому не понравится, — заметил Требоний. — Он сегодня затмил даже Магна. Вот увидите, что будет с нашим консулом без коллеги. Он закипит, как горшок на огне.

— Затмил Помпея? — переспросил Антоний. — Сегодня? Требоний, я не понимаю тебя. Галлия — это, конечно, здорово, но Помпей завоевал Восток. У него цари ходят в клиентах.

— Да, все это так. Но подумай, Антоний, подумай! По крайней мере половина Рима считает, что на Востоке всю тяжелую работу сделал Лукулл и что Помпей просто присвоил себе его лавры. О Цезаре в Галлии никто такого не скажет. Как полагаешь, во что более уверует Рим? В то, что Тигран пал ниц перед Помпеем, или в то, что Верцингеториг сел у ног Цезаря в пыль? Квинт Цицерон — очевидец события, и он уже сочиняет в уме письмо брату. А у Помпея все свидетельства высосаны из пальца. Были ли равные Верцингеторигу пленники на его триумфальном параде? Припомните, и вы скажете — нет!

— Ты прав, Требоний, — кивнул Децим Брут. — Сегодняшний день делает Цезаря Первым Человеком в Риме.

— *Voni* этого не допустят, — ревниво заметил Антоний.

— Надеюсь, у них хватит ума допустить, — сказал Требоний. Он посмотрел на Децима Брута. — Ты замечаешь, как он меняется, Децим? Нет, он еще не ведет себя как царь, но делается все более автократичным. Его *dignitas* для него важнее всего! Его значение и положение в обществе заботит его больше, чем кого-либо, о ком я читал. Больше, чем Сципиона Африканского или даже Сципиона

Эмилиана. Я не думаю, что есть какой-то предел, которого Цезарь не перейдет, чтобы осуществить свои планы. Мне страшно подумать, что будет, если *boni* попытаются ему воспрепятствовать! Этим самодовольным генералам больше нравится возлежать на кушетках, чем вести в битву войска. Они читают его донесения и презрительно фыркают, уверенные, что он приукрашивает события. Ну, в каком-то смысле он это делает, но лишь в мелочах и никогда в чем-то значительном. Мы с тобой прошли с ним через многое, Децим. *Boni* не знают того, что знаем мы. Если Цезарь закусил удила, ничто его не остановит. Воля этого человека невероятна. И если *boni* попробуют усомниться в его праве на первенство, он взгромоздит Пелион на Оссу, чтобы их остановить.

— А заодно растерзать, — хмуро добавил Децим Брут.

— Как ты думаешь, — вкрадчиво спросил Антоний, — сегодня вечером наш старичок разрешит нам пропустить по паре кружек вина?

Это Катбад был повинен в том, что Литавик столь спешно покинул Карнут. Он шел на общий сбор, убежденный в верности своей стратегии — помочь Верцингеторигу выкинуть римлян из Галлии, а потом сесть на трон. Когда это было, чтобы эдуй кланялся арверну? Деревенщине с гор, который не знает ни греческого, ни латыни, а претендует на образованность и ставит свои закорючки на документах, не умея читать! И по всем вопросам управления государством вынужден обращаться к друидам! Что же это за царь?

Тем не менее Литавик привел эдуюв на сбор и там встретил Котия, Эпоредорига и Виридомара, которые тоже кое-кого с собой привели. Племена прибывали, но весьма медленно. Даже когда прокричали, что Верцингеториг заперт в Алезии, никто особенно не спешил. Гутруат и Катбад очень старались, чтобы дело шло быстрее, но Коммий и белги не пришли, и этот не пришел, и тот не пришел... Сур с амбаррами появился.

Очень знатный эдуй (амбарры принадлежали к эдуям), Сур был единственным, кого Литавик счел нужным приветствовать, когда тот появился. Котий в это время был занят тем, что усиленно обрабатывал Эпоредорига и Виридомара, которые содрогались при мысли о возмездии римлян, если что-то пойдет не так.

— Послушай, Сур, почему такой человек, как Котий, должен уговаривать такое ничтожество, как Виридомар, ставленник Цезаря?

Они прогуливались между деревьями священной рощи, вдали от равнины, где встали лагерем галлы.

— Котий сделает все, лишь бы разозлить Конвиктолава.

— Который, я вижу, остался дома! — фыркнул Литавик.

— Конвиктолав оправдался тем, что должен охранять свои земли, и вдобавок он самый старый из нас, — пояснил Сур.

— Можно сказать, даже слишком старый. Да и Котий такой же.

— Перед отъездом из Кабиллона я слышал, что войско, которое мы послали на аллоброгов, ничего не добилось.

Литавик напрягся.

— Мой брат?

— Насколько мы знаем, Валетиак невредим, и его люди тоже. Аллоброги решили не драться в открытую. В подражание римлянам они встали на оборону своих границ. — Сур погладил пышные усы песочного цвета, прокашлялся. — Мне что-то невесело, Литавик, — наконец сказал он.

— Почему?

— Я согласен, что нам, эдуям, пора бы стать чем-то большим, чем подпевалами Рима, иначе меня бы здесь сейчас не было, как и тебя. Но можем ли мы надеяться объединиться именно так, как проповедует наш новый царь Верцингеториг? Мы ведь такие разные! Что? Разве кельт не плюет на белгов? И как могут кельты Аквитании, эти маленькие темнокожие олухи, равняться с эдуями? Я думаю, это очень правильная идея — объединить все галльские племена, но тут нужно учитывать очень многое. Да, мы все — галлы, но некоторые галлы лучше других. Разве лодочник паризий равен коннику эдую?

— Нет, не равен, — согласился Литавик. — Вот поэтому царем будет Литавик, а не Верцингеториг.

— О, я понимаю! — улыбнулся Сур. Но улыбка тут же исчезла. — Я полон скверных предчувствий. После всех разглагольствований Верцингеторига о том, что нам нельзя запирается в своих крепостях, он сам заперт в Алезии. Что же это за царь?

— Да, Сур, я понимаю, что ты хочешь сказать.

— Эдуи запятнаны. Назад пути нет. Цезарь знает, что мы перешли на сторону Верцингеторига. Трудно поверить в то, что он со своими

малыми силами сумеет побить нас, когда мы подступим к Алезии. И все-таки на душе у меня неспокойно! Что, если мы погубим и себя, и весь наш народ ни за что ни про что?

Литавик поежился.

— Мы не должны допустить этого, Сур! Я не ничтожество, я всюду известен. Для меня единственный выход из ситуации — после поражения Цезаря отнять трон у Верцингеторига. Мы пойдем к Алезии вместе со всеми. Либо Верцингеториг победит, либо его выдернут из Алезии с нетронутым царством. Это придется принять. И начать действовать без проволочек. Так что давай-ка лучше обдумаем, каким способом мы отберем власть у этого отвратительного, неграмотного арверна!

— Да, об этом стоит подумать, — согласился Сур.

Какое-то время они шли молча. Обутые в мягкие кожаные сапоги для верховой езды, они бесшумно ступали по толстому слою мха, покрывавшего камни дороги, ведущей к могиле Дагды. Среди стволов деревьев виднелись статуи длиннолицых богов, сидящих на корточках. Их висящие пенисы едва не касались земли.

Вдруг послышался голос, казалось исходящий из сердцевины гигантского дуба, такого старого и огромного, что дорога раздваивалась, обтекая его с обеих сторон. Это был голос Катбада.

— Верцингеториг станет неуправляемым после нашей победы над Римом.

— Я уже это понял, — ответил другой голос.

Это был Гутруат.

Литавик схватил Сура за руку. Оба эдуга замерли, вслушиваясь в разговор.

— Он молод, горяч и уже мнит себя самодержцем. Боюсь, он больше не захочет с нами считаться, а ведь лишь мы, друиды Карнута, способны управлять столь огромной страной. Мы обладаем знаниями и надежно храним их. Мы издаем законы, мы следим за их исполнением, мы вершим правосудие. Да, конечно, я сам заставил вождей признать его царем Галлии. Это правильно, с этого надо было начать. Однако этот царь должен властвовать номинально, а не единолично, что, боюсь, произойдет после Алезии, Гутруат.

— Он не карнут, Катбад.

— Он начнет с того, что введет в совет друидов-арвернов. И власть друидов-карнутов сойдет на нет.

— И мы, карнуты, во всем будем вынуждены подчиняться арвернам, — добавил Гутруат.

— Этого нельзя допустить.

— Согласен. Царь Галлии должен быть воином и карнутом.

— Литавик считает, что царем Галлии должен быть эдуй, — сухо заметил Катбад.

Гутруат фыркнул.

— Литавик, Литавик! Он как змея. Раздвинь траву — и найдешь его там. А у меня возникает желание раздвинуть своим мечом волосы на его голове.

— Все в свое время, Гутруат, все в свое время. Сначала главное, а главное — это поражение Рима. Потом — Верцингеториг, который после Алезии будет героем. Поэтому он должен умереть смертью героя, смертью, о которой ни один арверн или эдуй не сможет сказать, что она принята от руки галла. В данный момент мы находимся между Белтиной и Лугнасадом. Но Самхайн уже не за горами. Значит — Самхайн. Вероятно, тогда с царем Галлии что-то случится. В начале темных месяцев, когда урожай уже в закромах и люди собираются, чтобы очистить души и просить благословения у богов. Может быть, новый царь Галлии исчезнет в огненной дымке или его увидят плывущим по Лигеру на запад в большой странной лодке. Верцингеториг должен остаться героем, но сделаться мифом.

— Я с удовольствием этому помогу, — сказал Гутруат.

— Я был в тебе уверен, — сказал Катбад. — Благодарю, Гутруат.

— Ты будешь заглядывать в будущее?

— Дважды. Один раз для себя, прямо сейчас, потом — для общего сбора. Ты можешь присутствовать, — сказал Катбад.

Голос его затихал, ибо карнуты, видимо, удалялись.

Эдуи переглянулись. Какое-то время оба не двигались, затем Литавик кивнул, и они осторожно пошли вперед, но уже не по дороге, а между дубами, сдерживая дыхание, пока их взорам не открылась могила Дагды. Завораживающее место. На заднем плане — груда булыжников, поросших сочными мхами. Из нее выбивался родник, впадавший в глубокий пруд, все время подернутый рябью. Таранис, верховное божество, любит огонь. Езус любит воздух. Дагда любит

воду. Земля принадлежит Великой Матери, Данне. Огонь и воздух не могут смешиваться с землей, поэтому Данна вышла замуж за Дагду.

Голый раб-германец лежал лицом вниз на большом плоском камне. Он не был привязан. Катбад чистым голосом пропел над ним песнь, соответствующую обряду. Лежащий никак не отреагировал, он находился в наркотическом опьянении, не ощущая ни страха, ни боли. Гутруат отошел в сторону и встал на колени, а Катбад взял у прислужников длинный двуручный меч, такой тяжелый, что друиду пришлось расставить ноги, вознося его над головой. Меч вошел в спину жертвы ниже лопаток и так точно разрубил позвоночник, что клинок прошел насквозь.

Германец задергался в корчах. Катбад в белом одеянии наклонился над ним. Он пристально следил за агонией, за подергиваниями рук и ног, за пляской пальцев и судорожным сокращением ягодич. На это ушло много времени, но Катбад все стоял. Губы его беззвучно шевелились всякий раз, когда конвульсии затихали. Когда все закончилось, он вздохнул, сомкнул веки, потом устало посмотрел на Гутруата. Карнут неуклюже поднялся с колен, и два прислужника подошли к алтарю, чтобы снять с него тело и омыть камень.

— Ну? — нетерпеливо спросил Гутруат.

— Я видел мало. Движения были странными, в большинстве незнакомыми.

— И ты ничего не узнал?

— Почти ничего. Когда я спросил, умрет ли Верцингеториг, голова шесть раз одинаково дернулась. Я понял, что ему отпущено еще шесть лет. А когда я спросил, будет ли побежден Цезарь, он не шевельнулся. Не знаю, как это понимать. Я спросил, будет ли Литавик царем, и ответ был — нет. Очень ясный, понятный. Я спросил, будешь ли ты царем, ответ был — нет. Ноги его танцевали, значит, ты скоро умрешь. Больше я ничего не увидел. Ничего... Ничего...

Катбад привалился к побледневшему Гутруату. Обоих трясло.

Эдуи, переглянувшись, неслышно ушли. Литавик отер стекавший со лба пот. Казалось, мир вокруг него рухнул.

— Я не буду царем Галлии, — прошептал он.

Дрожащей рукой Сур провел по глазам.

— И Гутруат не будет. Он скоро умрет. Но Катбад не сказал, что ты тоже умрешь.

— Сур, я понял, что будет с Цезарем. Ни один мускул жертвы не дрогнул. Это значит, что он победит. Ничто в Галлии не изменится. Катбад тоже понял это, но сказать Гутруату не смог, чтобы не распускать большой сбор.

— Но почему тогда Верцингеториг проживет еще шесть лет?

— Я не знаю! — воскликнул Литавик. — Если Цезарь возьмет верх, Верцингеториг будет жить в неволе. И его придушат во время триумфального шествия. — Комок подступил к горлу, но Литавик справился с ним. — Я не хочу в это верить, но все же верю. Рим победит, а я никогда не стану правителем Галлии.

Они шли вдоль ручья, вытекавшего из пруда Дагды, пробираясь между деревянными статуями, установленными на его берегу. Лучи заходящего солнца пронизывали пространство между стволами старых деревьев, делая зелень ярче и превращая коричневое в золотое.

— Что ты будешь делать? — спросил Сур, когда они вышли из леса к лагерю, где всюду, куда ни падал взгляд, теснились люди и лошади.

— Уеду куда-нибудь, — сказал Литавик, вытирая слезы.

— Я поеду с тобой.

— Я не прошу этого, Сур. Спасайся сам и спасай, что можешь. Цезарю понадобятся эдуи, чтобы перевязывать раненых галлов. Мы не настолько перед ним виноваты, как белги или кельты-арморики.

— Нет, пусть этим занимается Конвиктолав! Думаю, я поеду к треверам.

— Что ж, это направление не хуже любого другого, если у тебя хороший попутчик.

Треверы поначалу приняли их за посланцев общего сбора.

— Этот Лабием перебил столько наших воинов, что нам некого послать на помощь Алезии, — сказал их вождь Цингеториг.

— Алезии спасти не удастся, — веско произнес Сур.

— Я и сам так думаю. Вся эта болтовня о единой Галлии — чушь! Словно мы все заодно. А мы вовсе не заодно. Кем Верцингеториг мнит себя? Он серьезно верит, что арверн может сделаться царем белгов и что мы, белги, будем считаться с мнением кельта? Мы, треверы, будем голосовать за Амбиорига.

— Не за Коммия?

— Он продался Риму. Его привели на нашу сторону личные счеты, а не положение белгов, — с презрением объяснил Цингеториг.

Если взять Тревес за показатель состояния этого племени, то следы деятельности Лабиена были хорошо там видны. Обычно сами галльские крепости для жилья не предназначались, но вокруг них всегда разрастались слободки. Такая слободка некогда окружала и Тревес. И процветала долгое время, но теперь в ней не осталось почти никого. Те силы, которые Цингеториг смог собрать, охраняли главное достояние треверов — лошадей, за которыми нагло охотились убии, приходящие из-за Рейна.

С тех пор как Цезарь стал пересаживать германцев на хороших коней, аппетиты убиев к таким грабегам возросли многократно. Арминий, вождь убиев, вдруг увидел новую перспективу для процветания своего народа. Когда Цезарь прогнал от себя эдуйскую кавалерию, Арминий не замедлил послать к нему тысячу шестьсот воинов, способных драться верхом, и намеревался и дальше посылать, сколько нужно. Скотоводам на скудных угодьях разбогатеть трудновато, но в конных битвах Арминий знал толк. Если все пойдет хорошо, то римские военачальники вскоре совсем отринут галльскую кавалерию. Им достаточно будет германцев.

Таким образом, серый массив Ардуэннского леса, пригодный разве что для пастбищ и выращивания злаков в долинах, нравился и треверам, и убиям, одинаково жаждавшим главенствовать там.

— Я ненавижу это место, — сказал Литавик спустя несколько дней.

— А я тут, похоже, прижился, — отвечивал Сур.

— Желаю удачи.

— И тебе тоже. Куда ты поедешь?

— В Галатию.

Сур ахнул.

— В Галатию? Да ведь это на другом конце света!

— Именно. Но галаты — галлы, и у них хорошие скакуны. Деиотару нужны компетентные командиры.

— Литавик, этот царь — клиент Рима.

— Да, но я уже не буду Литавиком. Я буду Кабахием из вольков-тектосагов. Я поеду в Галатию повидаться с родней и влюблюсь в те края.

— А где ты найдешь подходящую накидку?

— Сур, в Толозе уже очень давно не носят никаких накидок. Я оденусь как проживающий в Провинции галл.

Сначала он вознамерился посетить свои владения в окрестностях Матискона. Все галльские земли считались общей собственностью народов, на них обитавших, но фактически они были поделены между аристократами этих племен, а Литавик принадлежал к их числу.

Он ехал вдоль Мозеллы, притока Рейна, через земли секванов, ушедших в Карнут. Поскольку оставшиеся дома секваны подтянулись поближе к Рейну на случай, если свевские германцы вдруг решат похозяйничать на их территории, ему никто не препятствовал и не задавал дурацких вопросов, зачем, мол, одинокий эдуй проезжает по землям недавних врагов с единственной вьючной лошадью в поводу.

И все-таки новость дошла до него. Когда Литавик огибал крепость Везонтион, он услышал, как через поле кричали, что Цезарь возле Алезии победил и что Верцингеториг ему сдался.

«Если бы мне не посчастливилось подслушать Катбада и Гутруата, я был бы там и тоже попал бы в плен к римлянам. Меня тоже послали бы в Рим ждать триумфа Цезаря. Как тогда царь Галлии собирается прожить еще шесть лет? Он ведь наверняка умрет во время триумфального шествия, даже если кого-то другого пощадят. Означает ли это, что Цезарь будет губернатором Галлии третий пятилетний срок и таким образом не сможет отметить свой триумф еще шесть лет? Но третий срок необязателен. Он покончит с нами в будущем году. Те, кто ушли, погибнут. Никто не сможет помешать полной победе Цезаря. Тем не менее я верю, что Катбад истолковал знаки правильно. Еще шесть лет. Почему?!»

Поскольку его земли лежали к востоку и югу от Матискона, Литавик обогнул и эту крепость, хотя она принадлежала эдуям и, что еще важнее, там он оставил жену и детей на время войны. Лучше не видеть их. Они выживут. Главная забота сейчас — его собственная судьба.

Его большой и удобный двухэтажный дом с шиферной крышей был построен на римский манер — вокруг огромного перистилия. Рабы обрадовались, увидев хозяина, и поклялись никому не говорить о его приезде. Сначала он думал задержаться в поместье только на срок,

достаточный, чтобы опустошить секретный сундук, но лето на берегах спокойной, лениво текущей реки Арар стояло прекрасное, а Цезарь был далеко. Зачем же куда-то спешить? Что ему Цезарь? Арар течет медленно, словно бы вспять. И здесь его дом, а рабы ему преданы. Говорят, в Галатии тоже красивые земли, холмистые и просторные, очень пригодные для разведения лошадей. Но там он будет не дома. Галаты говорят на греческом, фракийском и диалекте галльского, на котором уже лет двести не говорят в Галлии. Из всего этого он, Литавик, говорит лишь на греческом, да и то не так гладко, как бы хотелось.

Затем, в начале осени, когда он уже подумывал двинуться дальше, а рабы собрали неплохой урожай, приехал Валетиак с сотней всадников.

Братья тепло встретились, не в силах оторвать глаз друг от друга.

— Я не могу остаться, — сказал Валетиак. — Удивительно, что ты оказался здесь! Я приехал, только чтобы убедиться, что твои люди собрали урожай.

— Какова судьба аллоброгов? — спросил Литавик, наливая вино.

— Не блестящая, — ответил Валетиак, сделав гримасу. — Они дрались, по словам Цезаря, старательно, но неэффективно.

— А где сам Цезарь?

— В Бибракте.

— Он знает, что я здесь?

— Никто не знает, где ты.

— Как Цезарь поступит с эдуюми?

— Мы, похоже, отделаемся довольно легко, как и арверны. Нам с ними надлежит стать ядром новой, исключительно проримской Галлии. Нас даже не лишат статуса друзей и союзников Рима. Конечно, при условии, что мы подпишем новый, очень пространный договор с Римом и введем в состав будущего правительства немало ставленников Цезаря. Виридомар прощен, но ты — нет. Фактически за твою голову назначили цену, из чего я заключаю, что тебе, если тебя схватят, уготована судьба Верцингеторига и Котия. Битургон и Эпоредориг тоже пройдут по Риму за Цезарем, но потом их отпустят домой.

— А что будет с тобой, Валетиак?

— Мне позволено сохранить за собой свои земли без права когда-либо возглавлять совет и сделаться вергобретом, — с горечью отозвался

Валетиак.

Братья переглянулись, оба рослые, красивые, золотоволосые, голубоглазые. Мускулы на голых смуглых предплечьях Литавика напряглись так, что золотые браслеты врезались в кожу.

— Клянусь Дагдой и Данн, я бы им отомстил, будь у меня хоть какая-нибудь возможность! — воскликнул он, скрипнув зубами.

— Кажется, возможность имеется, — чуть улыбнувшись, сказал Валетиак.

— Какая? Какая?!

— Неподалеку отсюда я встретил группу путников направлявшихся к Цезарю. Три повозки, комфортабельный экипаж, женщина на белом коне. В экипаже нянька с мальчиком, очень похожим на Цезаря. Тебе нужны другие подсказки?

Литавик медленно покачал головой.

— Нет, — сказал он, со свистом выдохнув воздух. — Это женщина Цезаря! Раньше она была женщиной Думнорига.

— Как он ее называет? — спросил Валетиак.

— Рианнон. Она рыжая.

— Правильно. Рыжая. Двоюродная сестра Верцингеторига. Рианнон, что значит «плохая жена». Сплошное вранье. Это Думнориг был плохим мужем.

— И что ты сделал, Валетиак?

— Я захватил ее. — Валетиак пожал плечами. — А почему бы и нет? Что мне терять? Я никогда больше не займу подходящего мне положения.

— Ты можешь потерять все, — решительно сказал Литавик. Он встал и обнял брата за плечи. — Я вынужден буду бежать. Меня ищут. Но ты должен остаться! Будь терпелив, затаись, возьми к себе моих близких. Цезарь уйдет, придут другие. Ты опять войдешь в совет племени. Уезжай, но оставь женщину Цезаря здесь.

— А ребенка?

Литавик сжал кулаки и весело потряс ими.

— Он будет жить. Найди на каком-нибудь дальнем хуторе верных людей и отдай им мальчишку. Пусть болтает, кто он и что он, кто ему поверит? Сын Цезаря будет расти как эдуй, обреченный на рабство.

Они прошли к двери, расцеловались. Во дворе жались друг к другу пленные с круглыми от испуга глазами. Всех трясло. Всех, кроме

рыжей. Той связали за спиной руки, но стояла она в гордой позе, на удивление прямо. Мальчик лет пяти, хлюпая носом, прятался за юбку няньки. Когда Валетиак сел в седло, Литавик подхватил малыша и передал брату, который посадил его на холку коня. Сбитый с толку ребенок слишком устал, чтобы протестовать. Голова его тут же откинулась на грудь всадника, он закрыл глаза и моментально уснул.

Рианнон рванулась к нему и упала.

— Оргеториг! Оргеториг! — закричала она.

Но эдуи уже ускакали, унося с собой ее сына. Литавик вынес из дома меч и зарубил всех пленников, включая няньку. А лежащая на земле Рианнон все звала своего сына.

Литавик подошел к ней, схватил за огненную гриву и рывком поднял на ноги.

— Пойдем, дорогая, — сказал он, улыбаясь. — У меня для тебя есть особое угощение.

Втащив Рианнон в столовую, он толкнул ее, и она опять упала. Он постоял немного, глядя на потолочные балки, потом кивнул и вышел из комнаты.

Вернулся Литавик в сопровождении двух рабов, которые были в ужасе от только что свершившейся кровавой расправы и беспрекословно ему подчинялись.

— Сделайте то, что вам велено, и я освобожу вас, — сказал им Литавик.

Он хлопнул в ладоши, и вошла рабыня, трясаясь от страха.

— Принеси мне гребень, женщина, — приказал он.

У одного раба был в руке крюк, на каких обычно подвешивают кабанов для разделки. Второй раб принялся сверлить отверстие в балке.

Принесли гребень.

— Сядь, моя дорогая, — сказал Литавик, поднимая Рианнон с пола и усаживая на стул.

Он собрал сзади рыжую гриву пленницы и стал расчесывать волосы, медленно и прилежно, но всякий раз сильно дергая гребень на спутанных прядках. Рианнон, казалось, не ощущала боли. Она не морщилась, не вздрагивала. Вся ее сила, так восхищавшая в ней Цезаря, куда-то девалась.

— Оргеториг, Оргеториг, — время от времени повторяла она.

— Какие чистые у тебя волосы, дорогая, Какие великолепные, — ласково приговаривал занятый своим делом Литавик. — Ты ведь хотела удивить Цезаря, прибыв в Бибракте без сопровождения римских солдат? Конечно, ты хотела сделать ему сюрприз! Но ему это не понравилось бы.

Он отложил в сторону гребень. Закончили свою работу и рабы. Крюк свисал с балки на высоте семи футов от пола.

— Помоги мне, женщина, — резко приказал он рабыне. — Я хочу заплести ей косу. Покажи, как это делается.

Та показала, но все равно ей пришлось помогать. Литавик переплетал пряди, рабыня поддерживала их. Наконец коса была заплетена. Толщиной в руку Литавика около своего основания, она постепенно делалась тоньше и заканчивалась крысиным хвостиком, валявшимся на полу.

— Вставай, — приказал Литавик, поднимая жертву со стула, и окликнул двух рабов: — Эй вы, подойдите!

Он поставил Рианнон под крюком, потом дважды обмотал косой ее шею.

— Еще много осталось! — воскликнул он, вставая на стул. — Поднимите ее.

Один из рабов обхватил Рианнон за бедра и приподнял над полом. Литавик перекинул косу через крюк, но не смог закрепить. Коса была не только тяжелой, но и шелковистой, она соскальзывала с металла. Рианнон опустили на пол, а один из рабов поднялся наверх. Наконец им удалось закрепить косу на крюке и прижать ее скобами к балке. Раб опять держал Рианнон на весу.

— Опускай ее, но осторожно, чтобы у нее не сломалась шея, — приказал Литавик. — Иначе все удовольствие будет испорчено!

Рианнон не сопротивлялась, хотя процедура была очень длительной. Невидящим взглядом она смотрела на дальнюю стену, а кожа лица ее постепенно меняла цвет, становясь из кремовой серой. Но язык оставался во рту, а слепые глаза не покидали орбит. Иногда ее губы двигались, беззвучно произнося имя сына.

Все из-за этих волос! Они стали растягиваться. Сначала пола коснулись пальцы повешенной, потом ступни. Жертву, еще живую, сбросили на пол, как мешок с песком, и принялись вешать вновь.

Когда лицо Рианнон стало иссиня-черным, Литавик сел к столу и велел принести себе канцелярские принадлежности. Написав письмо, он отдал его управляющему.

— Поезжай в Бибракте, — сказал он. — Говори людям Цезаря, что едешь с письмом от Литавика, и они не тронут тебя. Цезарь тоже тебя не убьет, ты понадобишься ему как проводник к моему дому. Ступай. Под моей кроватью лежит кiset с золотом. Возьми его. И скажи моим людям, чтобы собирались и уезжали к Валетиаку — он примет их. Но тела во дворе никто не должен трогать. Я хочу, чтобы все оставалось как есть. И она, — он указал на тело повешенной, — пусть висит. Я хочу, чтобы Цезарь нашел ее в таком виде.

Вскоре после отъезда управляющего уехал и сам Литавик. На своем лучшем коне, в своей лучшей одежде, правда без накидки, зато сопровождаемый тремя вьючными лошадьми, основной поклажей которых были золото, драгоценности и меховая рухлядь. Он направлялся к Юре — горной цепи, разделявшей земли секванов и гельветов. Гельветы, конечно же, будут рады ему. Он — враг Рима, а все дикари не любят Рим. Ему только стоит сказать, что Цезарь назначил цену за его голову, и от Галлии до Галатии все будут им восхищаться. Так все и было до Юры. Затем у истоков Данубия он повстречался с людьми, которые называли себя вербигенами. И те взяли его в плен. Вербигенам было наплевать и на Рим, и на Цезаря. Они отобрали у Литавика все имущество. А заодно и голову.

— Я рад, — сказал Цезарь Требонию, — что мне суждено видеть мертвой только ее. Свою дочь и мать мертвыми я не видел.

Требоний не знал, что сказать, как выразить свои чувства. Колоссальное возмущение, боль, горе, ярость переполняли его, когда он смотрел на бедняжку с почерневшим лицом, висевшую на собственных волосах, которые так растянулись, что она уже стояла на полу, чуть согнув колени. О, это несправедливо! Этот человек так одинок, так непохож на других. Он благороден, он выше всех, кто его окружает! С Рианнон ему было интересно общаться, она забавляла его, он обожал ее пение. Нет, он не любил ее, любовь была бы ярмом. Требоний знал Цезаря достаточно хорошо, чтобы понимать это. Что сказать? Как могут слова облегчить такое потрясение, вызванное величайшим

оскорблением, бессмысленной, сумасшедшей жестокостью? О, это несправедливо! Несправедливо!

С того момента, как Цезарь въехал во двор дома Литавика, на лице его не дрогнул ни один мускул. Потом они вошли в дом и увидели Рианнон.

— Помоги мне, — сказал он Требонию.

Они сняли повешенную с крюка. Ее одежда и драгоценности нетронутыми лежали в повозке. Рыжую одели для похорон, пока несколько германских солдат копали могилу. Кельтские галлы не признавали обряда сожжения, так что ее положили в землю вместе со всеми убитыми слугами у ее ног, ведь она была царской крови.

Гот, командир четырех сотен убиев, ждал снаружи.

— Мальчика здесь нет, — сказал он. — Мы обыскали каждую комнату в доме и все другие строения, каждый колодец, каждую конюшню — проверили все. Мальчика нигде нет.

— Спасибо, Гот, — улыбнулся Цезарь.

Требоний не сводил с него глаз. Как он держится! И какой же ценой ему даются эта вежливость и эта корректность?

Больше ничего не было сказано, пока не закончились похороны. Поскольку друидов в округе не отыскалось, Цезарь сам провел обряд.

— Когда ты хочешь начать поиски Оргеторига? — спросил Требоний, когда они отъехали от пустого дома.

— Никогда.

— Что?!

— Я не хочу его искать.

— Но почему?

— Тема исчерпана, — отрезал Цезарь.

Он посмотрел на Требонию, как всегда. Холодно и несколько отрешенно. Потом отвел взгляд.

— Мне будет не хватать ее песен, — сказал он и больше никогда не упоминал ни о Рианнон, ни о своем исчезнувшем сыне.

ДЛИННОВОЛОСАЯ ГАЛЛИЯ

ЯНВАРЬ — ДЕКАБРЬ 51 Г. ДО Р. Х

Тит Лабие

Когда новость о поражении и пленении Верцингеторига дошла до Рима, Сенат объявил двадцатидневный праздник. Но это не могло залатать бреши, которую Помпей и его новые союзники *boni* пробили в позициях Цезаря, отлично сознавая, что у того нет ни времени, ни сил противостоять им. Он был, правда, хорошо информирован о римских делах, но ему прежде всего следовало выиграть войну в Галлии. И хотя такие превосходные люди, как Бальб, Оппий и Рабирий Постум, рьяно пытались разогнать сгущавшиеся над головой Цезаря тучи, у них не было ни его политического чутья, ни его неопровержимого авторитета. Драгоценные дни проходили в бесплодном обмене письмами.

Вскоре после того, как Помпей стал консулом без коллеги, он женился на Корнелии Метелле и полностью перешел в лагерь *boni*. Первое свидетельство его новых идеологических обязательств появилось в конце марта, когда он возвел прошлогодний декрет Сената в ранг закона. Достаточно безобидного на первый взгляд, но Цезарь оценил его возможности, как только прочел письмо Бальба. Отныне консул или претор, отбывший свой срок, должен был ждать пять лет, прежде чем ему позволят управлять провинцией. Серьезная неприятность, потому что сразу появилась уйма потенциальных

губернаторов из числа тех, кто в свое время отказался взять провинцию после своего пребывания претором или консулом. Теперь каждый из них обязан был стать губернатором, если прикажет Сенат.

Еще хуже был закон, по которому все кандидаты на должности претора или консула обязаны были регистрироваться лично. Каждый член оппозиции яростно протестовал. А как же Цезарь? Как же закон десяти плебейских трибунов, позволяющий ему баллотироваться на второй консульский срок *in absentia*? «О! — воскликнул Помпей. — Извините, я совершенно об этом забыл!» И он тут же внес в свой проект дополнение, исключаящее Цезаря из его положений. Но дополнение почему-то не было приписано на бронзовой табличке, что автоматически лишило его законной силы.

Цезарь узнал, что он не может зарегистрироваться *in absentia*, когда осаждал Аварик. Потом была Герговия, потом измена эдуев, потом еще что-то. Колесо вертелось. Возле Декетии ему сообщили, что Сенат попал в сложное положение, обсуждая, кого посылать в провинции. Недавние преторы и консулы не годились, они теперь должны были ждать пять лет. Сенат чесал в затылке, спрашивая себя, где взять губернаторов, а консул без коллеги смеялся. «Это легко! — сказал Помпей. — Тот, кто ранее отказался от предлагаемой должности, пусть едет в провинцию. И совсем неважно, хочет он этого или нет». Поэтому Цицерону приказали ехать в Сицилию, Бибулу — в Сирию. Домоседы, естественно, пришли в ужас.

В самом разгаре строительства фортификационных колец у Алезии Цезарь получил письмо, в котором говорилось, что новый тесть Помпея Метелл Сципион избран коллегой своего зятя до конца года. И — более веселая весть! Катон проиграл выборы на должность консула. Несмотря на всю свою хваленую неподкупность, Катон не сумел привлечь выборщиков. Наверное, потому, что представителям первого класса, голосующим на Центуриатном собрании, нравилось думать о существовании такой возможности, что консулы (за ничтожно малую финансовую подпитку) окажут некоторые услуги, когда их хорошо попросят.

Итак, наступил новый год, а Цезарь все еще оставался в Длинноволосой Галлии. Целый ряд неотложных забот не давал ему перейти Альпы, чтобы следить за римскими событиями из Равенны.

Два враждебных Цезарю консула — Сервий Сульпиций Руф и Марк Клавдий Марцелл — вступили в должность, и это не сулило ничего хорошего. Впрочем, немного утешало то, что четверо из десяти новых плебейских трибунов пообещали отстаивать его интересы. По крайней мере, они взяли деньги. Зато Марк Марцелл, младший консул, уже поговаривал, что он намерен лишить Цезаря полномочий, провинций и армии, хотя согласно закону, который провел Гай Требоний и по которому Цезарь получил второй пятилетний срок губернаторства, до марта следующего года запрещалось даже обсуждать этот вопрос. То есть Цезарь в конституционном порядке имел пятнадцать месяцев форы. Но похоже, конституционность существовала лишь для мелкой рыбешки. *Voni* плевали на все, метя в такую мишень.

Методично разделяваясь с чередой неприятностей, омрачавших сейчас его жизнь, Цезарь не имел возможности сделать даже то, что должен был сделать. А именно пригласить в Бибракте надежных людей, таких, например, как Бальб или плебейский трибун Гай Вибий Панса, сесть с ними за стол и лично проинструктировать их. Способы выправить ситуацию у него имелись, но разговор о них мог идти только с глазу на глаз. Помпей, обласканный *voni* и получивший в жены очередную аристократку, ликует. Но он уже не у дел, а новый консул Сервий Сульпиций весьма осторожный *voni*, в отличие от несдержанного и вспыльчивого Марцелла.

Однако вместо того, чтобы вступать в политические интриги, Цезарь отправился покорять битуригов, ограничившись письмом в Сенат. В свете его ошеломляющих успехов в Галлиях, написал он почтенным отцам, ему кажется справедливым и правильным, если к нему отнесутся так же, как и к Помпею. Ведь выборы того в консулы без коллеги были проведены в обход всех принятых правил, ибо он в тот момент являлся губернатором обеих Испании. Но ему все же позволили сделаться консулом, невзирая на губернаторский пост, занимаемый им и по сей день. Поэтому не соблаговолят ли почтенные отцы, принимая во внимание этот случай, продлить срок губернаторства Цезаря в Галлиях и Иллирии, пока он не станет в свою очередь консулом? Что разрешено Помпею, должно быть разрешено и Цезарю. В письме не упоминалось, как, собственно, Цезарь собирается обойти закон Помпея относительно того, что кандидаты в консулы должны регистрировать свою кандидатуру в самом Риме. Молчание

Цезаря на этот счет непреложно свидетельствовало о его уверенности, что этот закон к нему неприменим.

Минимум три рыночных интервала должны были пройти с момента отправки послания до того времени, когда мог прийти ответ на него. И Цезарь заполнил паузу тем, что принялся деятельно вынуждать галлов просить у Рима пощады. Его кампания представляла собою серию форсированных маршей. Он жег, убивал, грабил, обращал в рабство, молниеносно перемещаясь от поселения к поселению. Сегодня он здесь, завтра — в полусотне миль от разоренной деревни, опережая предупредительный крик. Он уже хорошо понимал, что Длинноволосая Галлия отнюдь не сочла себя побежденной. Всюду предпринимались попытки с помощью череды мелких восстаний навязать Цезарю роль человека, вынужденного гасить десять пожаров в десяти разных местах. Но любое восстание против Рима предполагает убийства хоть каких-нибудь римлян, а тех — увы! — под рукой не имелось. Заготовкой продуктов для легионов занимались отныне сами же легионы на марше.

Цезарь поочередно подчинил себе несколько сильных племен, начав с битуригов, весьма недовольных отправкой их вождя в Рим для принудительного участия в триумфальном шествии. Он двинул на них всего два легиона: тринадцатый — за несчастливый номер, и пятнадцатый, состоящий из новобранцев. Этот легион с неких пор стал его кадровой базой. Рекрутов обучали, по возможности закаляли, а потом распределяли по другим легионам, когда появлялась нужда. Сегодняшний пятнадцатый был сформирован на основании прошлогоднего закона Помпея, согласно которому в армию в случае надобности мог рекрутироваться любой римский гражданин в возрасте от семнадцати до сорока лет. Закон оказался удобным для Цезаря, который теперь набирал добровольцев без оглядки на Сенат, недовольный ростом численности его войска.

На пятый день февраля Цезарь возвратился в Бибракте. Земли битуригов лежали в руинах, большинство мужчин племени были мертвы, а женщины и дети согнаны в резервации. В Бибракте его ожидала депеша Сената — ответ на посланное недавно письмо. Он, конечно, не очень надеялся на положительный отклик, но в душе все-таки верил, что разум восторжествует. Отказать ему было бы верхом безрассудства со стороны почтенных отцов.

Ответ был «нет». Сенат не готов отнестись к Цезарю, как к Помпею. Если он хочет баллотироваться через три года, ему придется, как и любому другому римскому губернатору, сложить свои полномочия, сдать провинции, армию и лично пройти регистрацию в Риме. После чего он, без сомнения, в скором времени сделается старшим консулом. Сенату эта уверенность недорого стоила. Все знали, что, если Цезаря допустят до выборов, дело решится именно так. Всегда, когда Цезарь принимал участие в выборах, он возглавлял список выбранных. И не за взятки. Он просто не мог их давать. Слишком много пристальных глаз следило за ним в надежде найти хоть какой-нибудь повод для обвинения.

Именно в этот момент, глядя на скупые холодные строки, Цезарь решил больше не допускать случайностей.

«Они не хотят позволить мне стать тем, кем я должен стать. Кем мне предназначено быть. Но их устраивает такой полуримлянин, как Помпей. Они кланяются Помпею, пресмыкаются перед ним, ежечасно, ежеминутно его прославляют, всемерно внушая этому олуху мысль о его значимости и в то же время посмеиваясь над ним. Что ж, это его удел. Однажды он узнает, что думают о нем в действительности. Придет время, и маски спадут. И Помпей лопнет, как мыльный пузырь. А сейчас он полон спеси. Как Цицерон, ополчившийся на Катилину. С ним, с презренным арпинским мужланом, boni тогда заключили союз, чтобы избавиться от подлинного аристократа. А теперь они заключили союз с Помпеем, чтобы избавиться от меня. Но я этого не допущу. Я им не Катилина! Они хотят снять с меня шкуру лишь потому, что мое превосходство подчеркивает степень их собственной несостоятельности. Они думают, что могут заставить меня пересечь померий, чтобы зарегистрировать свою кандидатуру, и, сделав это, лишиться империя, который защищает меня от привлечения к суду. Они все будут там, в помещении для голосования, готовые наброситься с дюжиной сфабрикованных обвинений за измену, за вымогательство, за подкуп, за казнокрадство и даже за убийство, если они найдут кого-нибудь, кто поклянется, что видел, как я пробрался в Лаутумию и задушил Веттия. Мне уготована участь Габиния и Милона. Обвиненный в таком множестве преступлений и не имеющий возможности оправдаться, я вынужден буду бежать, чтобы никогда

более не показываться в Италии. Меня лишат гражданства, описания моих деяний изымут из исторических книг, а люди вроде Агенобарба и Метелла Сципиона ринутся в мои провинции пожинать мои лавры, подобно Помпею, присвоившему то, что сделал Лукулл.

Этому не бывать. Я этого не допущу, чего бы мне это ни стоило. И буду делать все, чтобы мне разрешили зарегистрироваться *in absentia*. Я сохраню свой теперешний империй, пока не получу консульских полномочий. Я не хочу, чтобы меня считали человеком, поступающим неконституционно. Никогда в жизни я не поступал незаконно. Все делалось в соответствии с тем, что предписывают *mos maiorum*. Мое самое большое желание — получить второе консульство, не преступая закона. Став консулом, я смогу отмести все облыжные обвинения, опираясь на тот же закон. Они знают это, и это их страшит. Проигрыш для них подобен смерти, ибо тогда им придется признать, что я превосхожу их не только в знатности, но и в умственном отношении. Ибо я — один, а их много. Если они проиграют мне в конституционном порядке, им ничего не останется, кроме как броситься с ближайшей скалы.

Однако надо предвидеть и худшие варианты. И подготовиться к действиям, любой ценой обеспечивающим мой успех вне рамок закона. О глупцы! Они всегда недооценивали меня.

О Юпитер Наилучший Величайший, если ты предпочитаешь это имя! О Юпитер Наилучший Величайший, какого бы пола ты ни был! О Юпитер Наилучший Величайший, объединяющий в своей мощи силы всех римских богов! О Юпитер Наилучший Величайший, заключи со мной союз, помоги мне добиться победы! Если ты сделаешь это, клянусь, что принесу тебе такие жертвы, которые окажут тебе величайшую честь и принесут величайшее удовлетворение...»

Кампания по подавлению битуригов заняла сорок дней. Как только Цезарь вернулся в расположение своих войск под Бибракте, он построил тринадцатый и пятнадцатый легионы и каждому солдату подарил по рабыне. Затем преподнес каждому рядовому по двести сестерциев, а каждому центуриону по две тысячи. Из своего кармана.

— Это моя благодарность за вашу поддержку, — объявил он. — То, что Рим вам платит, это одно, но сейчас я, Гай Юлий Цезарь, премирую вас лично. В этом походе трофеев у нас было немного, как, собственно,

и сражений, но я оторвал вас от зимнего отдыха и заставил делать по пятьдесят миль каждые сутки. И все это — после ужасной зимы и напряженной войны с Верцингеторигом. Но ворчали ли вы, когда я послал вас на марш! Жаловались ли вы, когда я велел вам свершить то, что под силу лишь Геркулесу? Нет! Сбивались ли с шага, требовали ли еды, позволили ли мне хотя бы на миг в вас усомниться? Нет! Нет, нет и нет! Ибо вы — люди Цезаря, и Рим никогда не видел ничего похожего! Вы — мои парни! Пока я жив, вы — мои любимцы!

Они приветствовали его во всю силу своих легких. И за то, что назвал их своими парнями, и за деньги, и за рабынь, которые тоже были оплачены им, ибо выручка от продажи рабов принадлежала исключительно главнокомандующему.

— Я получил письмо от Куриона. Оно прибыло в том же мешке, что и письмо Цезарю от Сената, — тихо сказал Децим Брут. — Они не позволят ему баллотироваться без явки. Палата настроена лишить его полномочий, и как можно скорее. Они хотят его опозорить и навечно изгнать из Италии. Того же хочет и Магн.

Требоний презрительно фыркнул.

— Это меня не удивляет! Помпей не стоит шнурка из его ботинка.

— Да, как и все остальные.

— Разумеется.

Требоний повернулся и покинул плац. Децим шел рядом.

— Думаешь, он решится на это?

Децим Брут не стал вилять.

— Я думаю... я думаю, надо быть сумасшедшими, чтобы провоцировать его на это. Но если ему не оставят выбора, да, он пойдет на Рим.

— И что же будет, если пойдет?

Светлые брови вскинулись.

— А ты что думаешь?

— Он их раздавит.

— Я совершенно согласен.

— Тогда нам надо выбирать, Децим.

— Это тебе надо выбирать. Мне не надо. Я — его человек. И буду с ним и в горе, и в радости.

— Как и я. Но он не Сулла.

— За что мы должны быть ему благодарны.

Вероятно, из-за этого разговора Децим Брут и Гай Требоний были неразговорчивы за обедом. Они возлежали вдвоем на lectus summus, Цезарь один — на lectus medius, и Марк Антоний — на lectus imus, напротив них.

— Ты очень щедр, — сказал Антоний, с хрустом вонзая в яблоко зубы. — Ты оправдываешь свою репутацию, но... — Он сильно наморщил лоб, глаза его полузакрылись. — Но ты раздал сегодня около ста талантов. Я прав?

В глазах Цезаря блеснул огонек. Антоний весьма забавлял его.

— Клянусь всем, что дорого Меркурию, Антоний, твои математические способности феноменальны. Ты в уме сумел вычислить сумму. Думаю, настало для тебя время взять наконец на себя обязанности квестора, чтобы дать возможность бедному Гаю Требатию заняться делом, которое ему больше по душе. Вы не согласны? — обратился он к задумчивой парочке.

Гай Требоний и Децим Брут, усмехнувшись, кивнули.

— Да клал я на эти обязанности! — взревел Антоний, сделав жест, который заставил бы упасть в обморок большую часть женского общества в Риме, но оставил совершенно равнодушными присутствующих.

— Необходимо кое-что знать о деньгах, Антоний, — сказал Цезарь. — Я понимаю, в твоём представлении это достаточно жидкая вещь, что течет, как вода, я также знаю о твоих колоссальных долгах, но все же деньги весьма полезны как для будущих консулов, так и для полководцев.

— Не делай вид, что не понял меня, — резко бросил Антоний, смягчая дерзость обезоруживающей улыбкой. — Ты только что раздал сотню талантов людям двух из твоих одиннадцати легионов и каждому до последнего подарил по рабыне, а это еще тысяча сестерциев, если ее продать. Но очень немногие сделают это, поскольку ты постарался, чтобы они получили самых молоденьких, самых сочных. — Он повернулся на ложе и стал массировать свои толстые икры. — А девять легионов не получили ни обола. Возникает вопрос: намерен ли ты одарить чем-либо остальных?

— Это было бы неразумно, — серьезно ответил Цезарь. — Кампания обещает быть долгой. В следующий раз со мной отправятся два других легиона. Потом еще два других. И еще.

— Умно!

Антоний протянул руку, взял чашу и одним глотком осушил ее.

— Дорогой мой Антоний, — заметил Цезарь. — Не заставляй меня изымать из зимнего рациона вино. Сдерживайся, или я сдержу тебя сам. Советую тебе разбавлять вино водой.

— Одного я не понимаю, — сказал хмуро Антоний. — Откуда у тебя этот бзик по отношению к лучшему из даров, преподнесенных богами мужчинам. Вино — это панацея.

— Это не панацея. И не дар богов, — медленно ответил Цезарь. — Скорее, это проклятие, вылетевшее из шкатулки Пандоры. Даже при редком употреблении оно отупляет. А мысль отупевшего человека подобна мечу, неспособному разрубить волос.

Антоний захохотал.

— Вот и ответ, Цезарь! Ты — меч, разрубающий волос. И более ничего!

Через восемнадцать дней Цезарь снова был готов покинуть Бибракте, на этот раз чтобы урезонить карнутов. Требоний и Децим Брут ехали с ним. Антония, к его большому огорчению, оставляли присматривать за порядком. Квинт Цицерон привел из Кабиллона шестой легион, а Публий Сульпиций прислал четырнадцатый из Матискона. Но сам не пришел, так как Цезарю не требовались дополнительные легаты.

— Я пришел, потому что мой брат просит меня сопровождать его в апреле в Киликию, — сказал Квинт Цицерон.

— Похоже, тебя не очень радует такая перспектива, Квинт, — тихо заметил Цезарь. — Мне будет тебя не хватать.

— И мне тебя тоже. Три года в Галлии были лучшими в моей жизни.

— Рад слышать это, потому что легкими эти годы не назовешь.

— Согласен. Но может, именно тем они и хороши. Я... я ценю твое доверие, Цезарь. Были случаи, когда я заслуживал нагоняя, как в деле с сигамбрами, но ты никогда меня не ругал. Не вынуждал почувствовать себя неудачником.

— Дорогой Квинт. — Цезарь тепло улыбнулся. — Мне не в чем тебя упрекнуть. Ты замечательно со всем справлялся. И я хотел бы,

чтобы ты оставался со мной до конца. — Улыбка исчезла, взгляд вдруг стал отстраненным. — Каким бы этот конец ни был.

Озадаченный Квинт Цицерон вопросительно глянул на Цезаря, но его лицо опять стало невозмутимым. Естественно, большой брат Цицерон очень подробно описал младшему события в Риме, но Квинт не знал Цезаря так хорошо, как знали его Требоний или Децим Брут. И он не был в Бибракте, когда тот награждал солдат тринадцатого и пятнадцатого легионов.

Таким образом, Цезарь пошел к Кенабу, а Квинт Цицерон с тяжелым сердцем отправился в Рим. Будущее легатство не обещало стать для него ни выгодным, ни счастливым. Снова оказаться под каблуком старшего брата! Снова нотации, поучения, наставления. Нет, большая семья — это все-таки неудобство! О да...

Приближалась зима. Кенаб лежал в руинах, и там не было никого, кто мог бы оспорить намерение Цезаря использовать крепость в своих целях. Он устроил лагерь в крепостных стенах, разместил некоторых солдат в уцелевших домах, а остальных для максимального утепления заставил обложить дерном палатки и забросать их сверху соломой.

А потом поехал в Карнут — повидать главного друида.

Тот выглядел постаревшим. Лицо изможденное, светлые золотистые волосы прошила тусклая седина, голубые глаза потухли.

— Глупо было противостоять мне, Катбад, — сказал победитель.

О, это был истинный победитель! От макушки до пят! Неужели в мире нет ничего, что могло бы ослабить невероятную уверенность, исходящую от этого человека? Эта уверенность сияла над ним, как нимб, плотно окутывая мускулистое худощавое тело. Почему Туата допустили, чтобы в Галлию был послан именно он? Ведь в Риме так много бездарных лентяев!

— У меня не было выбора, — ответил Катбад, гордо вскидывая подбородок. — Я полагаю, ты пришел, чтобы взять меня в плен и повести за собой на своем триумфальном параде.

Цезарь улыбнулся.

— Катбад, Катбад! Ты принимаешь меня за глупца. Одно дело взять в плен противника на поле боя или арестовать взбунтовавшегося царя. Но делать своими жертвами жрецов мятежной страны — полное безумие. Надеюсь, ты заметил, что ни один друид не был схвачен и что

никому из них не запретили исцелять страждущих и давать нуждающимся советы.

— Почему Туата стоят за тебя?

— Я думаю, они заключили союз с Юпитером Наилучшим Величайшим. В мире богов, как и у нас, действуют свои законы. Очевидно, Туата почувствовали, что силы, соединяющие их с галлами, каким-то таинственным образом ослабевают. Не по причине оскудения религиозного рвения в галлах. Просто грядут перемены, Катбад! Земля вращается, люди меняются, времена приходят и уходят. Может быть, Туата устали от человеческих жертвоприношений. Боги тоже подвержены переменам, Катбад.

— Ты человек сугубо практический, ты политик. Как можешь ты рассуждать о религии?

— Я всем сердцем предан своим богам.

— А душой?

— Мы, римляне, не верим в души так, как вы, друиды. Все, что остается после тела, — лишь бездумная тень. Смерть — это сон, — сказал Цезарь.

— Тогда ты должен бояться ее больше, чем мы, верящие, что будем жить после смерти.

— Я думаю, мы меньше боимся ее. — Голубые глаза вдруг наполнились болью, горечью, гневом. — Да и зачем желать какого-то продолжения? Ведь жизнь — это долина слез, цепь нескончаемых испытаний. Каждая завоеванная пядь земли оплачена милями поражений. Право на жизнь завоеывается, Катбад. Но высокой ценой! Чрезвычайно высокой! Знай, никто и никогда не победит меня. Я никому этого не позволю. Я верю в себя, и я знаю, как проживу свою жизнь.

— Тогда где же долина слез? — спросил Катбад.

— В косности мышления. В людском упрямстве. В отсутствии проницательности. В неумении расчислить, как лучше и деликатнее поступить. Семь долгих лет я пытался заставить галлов понять, что победа останется не за ними, что для будущего благополучия своей земли им следует подчиниться. А как поступают они? Бросаются в пламя, как мотыльки. Заставляют меня убивать, обращать в рабство, разрушать хутора, деревни и города. Я хотел бы сделать свою политику

более мягкой и милосердной, но мне этого просто не дают! Как тут быть?

— Ответ прост, Цезарь. Они не уступят, значит, уступи ты. Это ведь ты внушил галлам мысль, что они должны когда-нибудь стать единым, могущественным и сильным народом. А раз уж они усвоили это, ничто не способно заставить их думать иначе. Мы, друиды, будем петь о Верцингеториге многие тысячи лет!

— Они уступят, Катбад! Должны уступить, ибо я им не уступлю. Вот почему я и пришел к тебе с просьбой. Уговори их не перечить мне больше. Иначе у меня не останется выбора и я поступлю со всей Галлией, как поступил с битуригами. Но сам я этого не хочу. В ней тогда никого не останется, кроме друидов. Что это за удел?

— Я не буду их уговаривать, — сказал Катбад.

— Тогда я начну с Карнута. Это единственное место, где до сих пор ничего не тронут. Ваши сокровища священны и неприкосновенны. Но бросьте мне вызов — и я разграблю Карнут. Сами друиды, их жены и дети останутся невредимыми. Но Карнут потеряет все, что в нем накоплено за столетия.

— Тогда начинай. Грабь Карнут.

Цезарь вздохнул.

— Воспоминания о жестокости — плохое утешение в старости, но я сделаю то, к чему меня принуждают.

Катбад засмеялся.

— О, все это чушь! Цезарь, ты ведь хорошо знаешь, что тебя любят все боги! Зачем же ты мучаешь себя напрасными мыслями? Ты не доживешь до старости, боги этого не допустят. Они заберут тебя в зените славы. Я это провижу.

У него перехватило дыхание: Цезарь тоже смеялся.

— Вот за это благодарю тебя! Карнут спасен! — Все еще продолжая смеяться, он пошел к выходу и бросил через плечо. — Но Галлия — нет!

Весь первый месяц этой тяжелой зимы Цезарь гонял карнутов с места на место. Многие из них погибли, замерзнув в своих полях, а не от рук седьмого и четырнадцатого легионов. Они потеряли кров и не находили пристанища, ибо галлы стали вести себя по-другому. Там, где еще год назад любой беженец мог рассчитывать на приют, все двери

демонстративно захлопывались, а хозяева делали вид, что к ним никто не взывает. Изнурение давало себя знать. Страх побеждал дух непокорства.

В середине апреля, в самом разгаре зимы, Цезарь оставил седьмой и четырнадцатый легионы в Кенабе на попечение Гая Требония, а сам отправился посмотреть, что происходит у ремов.

— Белловаки, — просто объяснил Дориг. — Коррей остался со своими людьми дома, вместо того чтобы идти на общий сбор в Карнут, а две тысячи, которые он послал с Коммием, и его четыре тысячи атребатов вернулись от Алезии невредимыми. Теперь Коррей и Коммий заключили союз с Амбиоригом, который возвратился с другого берега большой реки. Они рыскали по всем торфяникам Галлии Белгики в поисках людей — нервиев, эбуронов, менапиев, атватуков, кондрусов, а дальше к югу и на запад — авлерков, амбианов, моринов, веромандуев, кадетов, велиокассов. Некоторые из этих народов не пошли в Карнут, некоторые остались невредимыми, благодаря умению быстро бегать. По слухам, их собралось очень много.

— Вас атаковали? — спросил Цезарь.

— Еще нет, но я этого жду.

— Тогда первым выступлю я. Ты всегда соблюдал договоры с нами, Дориг. Теперь мой черед вступить в дело.

— Я должен предупредить тебя, Цезарь, что сигамбры весьма недовольны тем, как развиваются отношения между тобой и убиями. Убии жиреют, поставляя тебе кавалерию, а сигамбрам это не нравится. Рим, говорят они, должен оказывать внимание всем германцам.

— Означает ли это, что сигамбры готовы перейти Рейн, чтобы помочь Коррею и Коммию?

— Не исключено. Коммий и Амбиориг очень активны.

На этот раз Цезарь вызвал к себе одиннадцатый легион из Агединка и послал к Лабиему за восьмым и девятым. Гаю Фабию дали двенадцатый и шестой легионы с наказом охранять границы владений ремов по реке Матроне. Явились разведчики и сообщили, что Галлия Белгика просто кипит, так что римские легионы пришлось снова перераспределить. Седьмой от Требония пошел к Цезарю, тринадцатый передвинулся к битуригам под командованием Тита Секстия, а к Требонию двинулся пятый, «Жаворонок», в замену седьмому.

Но когда Цезарь и его четыре легиона вступили на земли белловаков, они увидели, что там почти безлюдно. В домах оставались слуги, женщины, дети, а воины ушли на большой сбор. А впереди, доложили разведчики, есть единственная сухая возвышенность, окруженная болотистыми лесами.

— Мы поступим так, — сказал Цезарь Дециму Бруту. — Вместо того чтобы идти друг за другом, мы поставим седьмой, восьмой и девятый легионы в колонны очень широким фронтом, то есть в походный квадрат. Таким образом, противник сразу увидит всю нашу силу и посчитает, что мы готовы немедленно перестроиться в полный боевой порядок. Обоз последует сзади, а за ним пойдет одиннадцатый. Его никто не увидит.

— Мы сделаем вид, что боимся и что у нас только три легиона. Замечательный план.

Вид врага привел римлян в оцепенение. Всю возвышенность занимали тысячи и тысячи галлов.

— Их больше, чем я полагал, — сказал Цезарь и послал за Требонием, с повелением забрать по пути Тита Секстия и тринадцатый легион.

Состоялась серия ложных выпадов, переходящих в мелкие стычки, пока Цезарь не укрыл своих людей в хорошо укрепленном лагере. Коррей, командир войска белгов, все не решался вступить в большой бой, несмотря на сильнейшее желание атаковать, пока у римлян всего лишь три легиона.

Кавалерия, за которой Цезарь послал к ремам и лингонам, прибыла до прихода Требония. Командовал ею Вертиск, дядя Дорига, доблестный старый воин, всегда рвущийся в бой. Поскольку белловаки не стали, подобно Верцингеторигу, сжигать все съестное на своих землях, у римлян имелась неплохая возможность запастись провиантом и фуражом. Этим Цезарь и занялся, ибо кампания могла затянуться. Хотя армия Коррея не покидала пределов возвышенности, постоянные вылазки галлов сильно затрудняли деятельность фуражиров до прихода ремов. Потом стало полегче. Но Вертиск был слишком горяч. Отразив очередной наскок на обоз с продовольствием, ремы кинулись преследовать неприятеля и угодили в ловушку. Вертиск, к большой радости белгов, погиб. И Коррей решил, что пришло время для генеральной атаки.

Именно в этот момент появился Требоний с «Жаворонком», четырнадцатым и тринадцатым легионами. Теперь у Цезаря было семь легионов и несколько тысяч конников, окруживших белгов кольцом, и участок, который казался таким идеальным для атаки или обороны, вдруг стал ловушкой. Цезарь замостил болото, разделявшее обе армии, потом занял хребет позади стана белгов, чтобы с большим эффектом использовать артиллерию.

— Коррей, ты упустил свой шанс! — крикнул по прибытии Коммий. — Какой толк теперь от пяти сотен сигамбров? И что я скажу Амбиоригу, который все еще набирает людей?

— Я не понимаю! — причитал Коррей, ломая руки. — Как все эти новые легионы так быстро здесь оказались? Меня никто не предупредил об их приближении!

— Невозможно предупредить, — сурово отрезал Коммий. — До сих пор ты держался в стороне, Коррей, в этом твоя беда. Ты не видел римлян в деле. Они передвигаются очень быстро — это называется у них форсированными бросками — и могут пройти более тридцати миль в день. А добравшись до места, разворачиваются и дерутся, как свора диких собак.

— Что же теперь делать? Как выйти из этого положения?

Коммий знал выход. Он заставил белгов собирать трутовик, солому, сухой хворост и сваливать все это в общий вал. В лагере царил хаос, все лихорадочно собирали вещи, готовясь к поспешному бегству. Женщины, волы и сотни телег раздражали Коммия, привыкшего к строгости римлян.

Коррей привел своих людей в боевой порядок и по традиции усадил их на землю. День проходил, но не видно было никакого движения, только продолжали расти кучи соломы, хвороста и трутовика. Потом, в сумерках, все это было подожжено. Белги воспользовались этой возможностью и бежали.

Но главный шанс был упущен. Пойманный при попытке устроить засаду, Коррей обрел твердость и храбрость, которых ему так не хватало, когда его положение было намного лучше. Он отказался сдаться и в результате погиб вместе с горсткой героев. Белги запросили мира, а Коммий ушел за Рейн, к сигамбрам и Амбиоригу.

Зима кончалась. Галлия постепенно утихла. Цезарь вернулся в Бибракте, поблагодарил свои легионы и одарил деньгами и женщинами весь личный состав. Солдаты, по их разумению очень разбогатевшие, ликовали. А Цезарь взялся читать письмо от Гая Скрибония Куриона.

Блестящая идея, Цезарь, выпустить твои «Записки о галльской войне» и сделать их доступными для всех римлян. Книгу буквально проглатывают, а boni — не говоря уже о сенаторах — злятся. Катон орет, что не дело проконсула рекламировать по всему городу себя и свои, несомненно, преувеличенные заслуги. Никто не обращает внимания на его крики. Копии так быстро расхватывают, что в книжных лавках составляются списки желающих их купить. Неудивительно. Твои «Записки» столь же захватывают, как «Илиада» Гомера, с тем преимуществом, что они актуальны и описывают реальность.

Ты, конечно, знаешь, что младший консул Марк Марцелл ведет себя одиозно. Почти все аплодировали, когда группа плебейских трибунов наложила вето на его предложение обсудить вопрос о твоих провинциях в мартовские календы. В этом году у тебя есть хорошие люди на скамье трибунов.

Но Марцелл поразил меня, когда пошел дальше, объявив, что люди образованной тобой колонии Новый Ком не могут считаться римскими гражданами. Он все твердит, что у тебя по закону нет прав давать кому-то гражданство, а вот у Помпея Магна имеются такие права! Для одного человека — один закон, для другого — другой. Верх искусства! Но для Палаты объявить, что люди, живущие на дальней стороне Пада, не римские граждане и никогда ими не станут, равносильно самоубийству. Несмотря на протест и вето трибунов, Марцелл записал сей декрет на бронзе и вывесил эту табличку на ростре.

Результат — огромная волна страха, покотившаяся от Альп. Люди взволнованы, Цезарь. Им, поставившим Риму тысячи великолепных солдат, Сенат говорит, что они недостаточно хороши. Те, кто живут к югу от Пада, боятся, что у них отберут гражданство, а живущие к северу от него боятся, что им его никогда не дадут. И так всюду, Цезарь. Сотни и сотни людей приходят к мнению, что Цезарь должен вернуться в Италию, что Цезарь — самый неутомимый защитник простого люда, какого Италия когда-либо знала, что он не потерпит несправедливости и сенаторского самоуправства. Подобные настроения ширятся, но могу ли я или кто-то другой вдолбить этим болванам *boni*, что они играют с огнем? Нет, нет и нет.

А тем временем этот самодовольный олух Помпей сидит, как жаба в отстойнике, не обращая ни на что внимания. Он, видишь ли, счастлив. Эта гарпия с замороженным лицом, Корнелия Метелла, так глубоко вонзила когти в его толстую шкуру, что он только дергается и тяжело сопит всякий раз, когда она подталкивает его. Говоря «подталкивает», я не имею в виду ничего такого. Я сомневаюсь, что они хоть раз разделили ложе. Или хоть раз предались любви у стены атрия.

Но почему же я пишу обо всем этом тебе, причем в дружеском тоне, хотя мы с тобой никогда не были друзьями? Причин тому несколько, и я честно назову тебе все. Во-первых, я сыт по горло этими *boni*. Я привык считать, что группа столь приверженных *mos maiorum* людей всегда должна быть непреложно права, даже в своих ошибках. Но в последнее время я стал думать иначе. Они — болтуны, они разглагольствуют о вещах, о которых понятия не имеют. Под маской всезнайства они прячут свою несостоятельность и полное неумение мыслить. Если бы Рим стал рушиться вокруг них,

они просто стояли бы и рассуждали, у кого есть право быть раздавленным колонной в лепешку, а у кого его нет.

Во-вторых, я не выношу Катона и Бибула. Наглецов, подобных этим двум лицемерным комнатным генералам, еще нигде не встречалось. Представь, они анализируют твои «Записки», словно эксперты, хотя даже обычная драка в борделе поставила бы их в тупик. И еще я не понимаю их слепой ненависти к тебе. Что ты им сделал? Раскрыл их никчемность? Но ведь они и впрямь таковы!

В-третьих, во времена своего консульства ты был добр с Публием Клодием. В своей гибели он сам виноват. Смею сказать, что неортодоксальность, свойственная всем Клавдиям, приобрела в нем форму безумия. Он не знал предела, не знал, когда надо остановиться. Уже больше года прошло, но я все еще скучаю по этому человеку, несмотря даже на то, что перед печальным событием мы с ним повздорили и были в ссоре.

Четвертая причина сугубо личная, хотя она связана с тремя предыдущими. Я по уши в долгах и не могу сам выпутаться из них. Я очень надеялся, что все разрешит смерть отца, но он ничего мне не оставил. Не знаю, куда ушли деньги, но их определенно нигде не было, когда его страдания кончились. Я унаследовал только дом, однако и он заложен. Ростовщики ходят за мной по пятам. Уважаемая финансовая организация, владеющая закладной на дом, грозитя лишить меня права на его выкуп.

К тому же я хочу жениться на Фульвии.

«Вот в чем дело!» — слышится мне твой комментарий. Да, вдова Публия Клодия чуть ли не самая богатейшая женщина в Риме и станет намного богаче, когда ее мать умрет, чего ждать уже недолго. Но я-то — бедняк. Я не могу подступиться к той,

кого любил многие годы, я не могу жениться на ней, пребывая в долгах. Впрочем, я ни на что особенно и не рассчитывал, но на днях с ее стороны мне был сделан намек, и весьма откровенный. Я был сражен. Я умираю от влечения к ней, но даже не смею взглянуть на нее. Меня связывают долги.

Итак, вот что я предлагаю. Учитывая сегодняшнюю политическую ситуацию, тебе понадобится самый способный и самый умный плебейский трибун, какой когда-либо имелся у Рима. Ибо у них просто слюнки текут в ожидании того дня, когда Палата, уже в соответствии с конституцией, поднимет вопрос о твоих провинциях. *Voni* тут же внесут предложение отобрать их у тебя и послать туда Агенобарба. Он, конечно, богат и ленив, но из желания тебе насолить дойдет до Плаценции на руках.

Цезарь, если ты погасишь мои долги, я даю слово Скрибония Куриона, что стану отстаивать твои интересы. Как минимум мне нужно пять миллионов.

Цезарь долго сидел, не шевелясь. Удача вновь была с ним, и какая удача! Курион — его плебейский трибун, а главное, трибун купленный! Это очень важный нюанс, ибо свой кодекс чести имеется и у тех, кто берет взятки. Строгий кодекс. Если человека купили, он остается верен тому, кто его купил. Ибо позор не в том, что его купили, а в том, что он не остался купленным, предал. Человек, который взял взятку, а потом предал, с того самого момента считается социальным изгоем. Удача заключалась в том, что ему предложили плебейского трибуна калибра Куриона. Дело не в том, будет ли он так эффективен, как думает. Если даже его эффективность будет наполовину ниже, он станет бесценной жемчужиной.

Цезарь выпрямился, сел за стол, взял перо, обмакнул в чернильницу и стал писать.

Мой дорогой Курион, я поражен. Ничто не доставит мне большего удовольствия, чем привилегия помочь тебе выбраться из финансовых

затруднений. Поверь, я не потребую от тебя никаких услуг в ответ на эту услугу. Выбор тут только твой.

Однако если тебе захочется что-нибудь для меня сделать, я готов это с тобой обсудить. *Voni* и впрямь обвилились вокруг моей шеи, как змеи Медузы. Не имею понятия, почему они выбрали меня своей жертвой, и это уже на протяжении многих лет, что я в Сенате. Впрочем, это неважно. Важен факт, что я — их мишень.

Но если нам удастся заблокировать их в дни следующих мартовских календ, наш маленький союз все равно должен оставаться секретным. И не советую тебе объявлять, что ты намерен баллотироваться в плебейские трибуны. Почему бы тебе не подыскать нуждающегося человека, который с удовольствием объявит себя кандидатом в трибуны, но столь же охотно в последний момент отзовет свое имя из списка? Конечно, за приличное вознаграждение. Кто это будет, решать тебе, а деньги даст Бальб. Когда этот человек снимет свою кандидатуру перед самым голосованием, ты предложишь себя, словно это твое мгновенное решение. В этом случае никто даже и не подумает, что ты можешь действовать в чьих-либо интересах.

Далее же, дорогой Курион, тебе следует проявить политическую активность. Если хочешь иметь список полезных нововведений, я с удовольствием тебе его предоставлю, хотя считаю, что ты и без моих указаний можешь продумать, что стоило бы провести. Действуй самостоятельно — и тогда в мартовские календы твое вето на постановку вопроса обо мне и о моих провинциях явится для *Voni* подлинным выстрелом из скорпиона.

Выработку стратегии поведения оставляю полностью за тобой. Можно ли полагаться на человека, у которого связаны руки? Но если появится что-то, что нужно обговорить, я к твоим услугам.

Хотя предупреждаю: boni не станут сидеть сложа руки. Оправившись от удара, они начнут деятельно искать способы повлиять на тебя. Одно из свойств хорошего политика — непреклонность. Но и осмотрительность тоже. Ты мне симпатичен, Курион, и я не хочу увидеть, как сверкают ножи, брошенные в твою сторону. Или как тебя сталкивают с Тарпейской скалы.

Сделают ли тебя десять миллионов свободным от всех обязательств? Если сделают, считай, что они у тебя есть. Я напишу сейчас и Бальбу, так что ты можешь явиться к нему в любое время по получении этого письма. Несмотря на кажущуюся склонность к болтливости, он очень расчетливый человек. То, что словно бы походя слетает с его языка, продумано до междометий.

Поздравляю тебя с твоим выбором. Фульвия — интересная женщина, а интересные женщины редки. Она очень религиозна и будет тебе верной спутницей. Впрочем, ты знаешь это лучше меня. Пожалуйста, передай ей мои лучшие пожелания и скажи, что я с удовольствием с ней повидаюсь, когда вернусь в Рим.

Вот. Десять миллионов потрачены с пользой. Но когда же он сможет возвратиться в Италийскую Галлию? Стоял июнь, а вероятность этого возвращения все еще была очень мала. С белгами вроде бы покончено, но Амбиориг и Коммий все еще на свободе. Поэтому белгов придется еще разок проучить. Зато с племенами Центральной Галлии все теперь будет в порядке. Арверны и эдуи, легко отделавшиеся, больше не станут слушать таких, как Верцингеториг или Литавик. Подумав о Литавике, Цезарь содрогнулся. Сто лет подчинения Риму не убили в нем галла. И возникает вопрос: не таковы ли все галлы? Опыт подсказывал, что страх и террор в конечном счете бесперспективны. Отношения, на них основывающиеся, не выгодны ни Риму, ни Галлии. Но как подвести галлов к тому, чтобы они сами поняли, в чем их судьба? Сейчас — страх, террор. А когда обстановка улучшится, будут ли они благодарны? Или всегда будут помнить о пережитом? Война для

людей, отличных от римлян, — это занятие, замешанное на страстях. Эти люди идут в битву, кипя праведным гневом, одержимые жаждой убить как можно больше врагов. Но подобный накал эмоций недолговечен. Когда все уляжется, воины возвращаются по домам. Они уже хотят мира. Хотят жить обычной жизнью, смотреть, как растут дети, сытно есть и не мерзнуть зимой. Только Рим превратил войну в бизнес. И потому он всегда побеждает. Римские солдаты тоже обучены ненавидеть противника, но дерутся с холодными головами. Тщательно вымуштрованные, абсолютно прагматичные, совершенно уверенные в себе. Они понимают разницу между проигранным боем и проигрышем в войне. Они также понимают, что победа куется задолго до того, как полетят первые копья. Сражения выигрываются на тренировочных плацах. В цене дисциплина, сдержанность, ясность мышления и отвага. А также профессиональная гордость. Ни у одного народа нет таких солдат. А таких солдат, как у Цезаря, нет ни в одной другой армии Рима.

В начале квинктилия пришли тревожные вести. Цезарь все еще был в Бибракте с Антонием и двенадцатым легионом, хотя он уже дал Лабиему приказ усмирить треверов, а сам собирался в земли Амбиорига, в Галлию Белгику. Эбуронам, атребатам и белловакам следовало дать последний и самый жестокий урок.

Марк Клавдий Марцелл, теперешний младший консул, публично выпорол гражданина колонии Цезаря в Новом Кома. Конечно, не своими белыми ручками. Все сделали по его приказу. Вред был нанесен непоправимый. Римского гражданина не дозволялось пороть. Его можно было лишь отстегать прутьями из фасций ликторов, да и то не по спине. Спина римлянина защищалась законом. Этим Марк Марцелл объявил всей Италийской Галлии и Италии, что многие из тех, кто считает себя римскими гражданами, никакие не граждане. Их можно пороть, и их будут пороть.

— Я этого не потерплю! — сказал Цезарь Антонию, Дециму Бруту и Требонию, белея от гнева. — Люди Нового Кома — римские граждане! Они мои клиенты, и я обязан их защитить.

— Дальше в лес, больше дров, — мрачно пробормотал Децим Брут. — Все Клавдии Марцеллы сделаны по одному образцу, а сейчас трое из них достигли возраста, когда можно стать консулом. Ходят

слухи, что они вознамерились избираться в консулы поочередно. Марк преуспел в этом году, его двоюродный брат Гай придет ему на смену, а после курульное кресло займет его родной брат, тоже Гай. *Voni* свирепствуют. Они так подмяли под себя избирателей, что нет никакой надежды провести в консулы кандидата, пользующегося народным расположением, пока, Цезарь, на сцену не явишься ты. Но даже тогда тебе могут подсунуть в коллеги кого-то вроде Бибула. Или — о боги! — его самого!

Злость помешала Цезарю засмеяться. Он растянул губы в тонкую линию и свирепо сузил глаза.

— Нет, никакой Бибул больше моим коллегой не станет. Я проведу в младшие консулы кого захочу. Но это сейчас ничего не меняет. Итальянская Галлия — моя провинция, Децим! Как смеет Марк Марцелл пороть моих людей?

— У тебя нет *imperium maius*, — пояснил кротко Требоний.

Цезарь фыркнул.

— О да, подобные полномочия предоставляются только Помпею!

— Что ты можешь сделать? — спросил Антоний.

— Очень многое, — ответил ему Цезарь. — Я уже послал к Лабиему с просьбой отдать мне пятнадцатый легион. И Публия Ватиния тоже. А Лабием заберет шестой легион.

Требоний выпрямился.

— Пятнадцатый, безусловно, прошел хорошую школу, — сказал он, — но его люди пробыли на войне только год. И насколько я помню, все они родом с той стороны Пада. А большинство — из Нового Кома.

— Вот именно, — был ответ.

— А Публий Ватиний предан тебе беззаветно, — задумчиво произнес Децим Брут.

Откуда-то появилась улыбка.

— Надеюсь, не больше, чем ты или Требоний.

— А как же я? — требовательно спросил Антоний.

— Ты родственник, — усмехнулся Требоний, — так что сбавь тон.

— Ты собираешься послать пятнадцатый и Ватиния охранять Итальянскую Галлию? — спросил Децим Брут.

— Да, собираюсь.

— Я не знаю силы, которая могла бы остановить тебя, Цезарь, — сказал Требоний, — но разве Марк Марцелл и Сенат не воспримут это

как объявление войны? Я не имею в виду подлинную войну, я говорю о войне умов.

— У меня есть веское основание, — сказал Цезарь. Обычное спокойствие вернулось к нему. — В прошлом году иапиды вторглись в Тергесту и угрожали прибрежной Иллирии. Тамошний гарнизон, как мне помнится, едва их отбил. Я пошлю Публия Ватиния и пятнадцатый легион в Италийскую Галлию, чтобы защитить от варваров римских граждан, проживающих на той стороне реки Пад.

— А единственный варвар на горизонте — это Марк Марцелл, — просиял Марк Антоний.

— Да, и, думаю, он это поймет.

— Какой приказ будет отдан Ватинию? — спросил Требоний.

— Действовать от моего имени. Препятствовать тому, чтобы римских граждан пороли. Проводить судебные разбирательства. Управлять Италийской Галлией за меня, — сказал Цезарь.

— А где же будет располагаться пятнадцатый? — спросил Децим Брут. — Ближе к Иллирии? Может быть, в Аквилее?

— О нет. В Плаценции.

— Это ведь возле Нового Кома!

— Да, это так.

— Мне хотелось бы знать, — вмешался Антоний, — как отнесся к этой порке Помпей? В конце концов, он тоже основал некоторые колонии с правом гражданства и в Италийской Галлии, и по ту сторону Пада. Марк Марцелл угрожает и им.

Цезарь презрительно оттопырил губу.

— Помпей не ударил пальцем о палец. Он в Таренте. Полагаю, по личным делам. Но обещался быть на заседании Сената вне померия, в конце месяца. Там будут обсуждать армейское жалованье.

— Это шутка? — воскликнул Децим. — Армии не прибавляли жалованья в буквальном смысле сто лет!

— Верно. Я об этом уже думал, — был ответ.

Трения продолжались. На земли белгов снова напали, их дома сожгли, всходы на полях выкопали или запахали, животных убили, женщины и дети остались без крова. В племенах вроде нервиев, которые могли выставить против Цезаря в первые годы его галльской кампании пятьдесят тысяч воинов, теперь с трудом набралась бы

тысяча полноценных мужчин. Здоровых детей и работоспособных женщин угоняли работорговцы. Галлия Белгика на глазах становилась страной стариков, друидов, калек и дурачков. В конце концов Цезарь уверился, что опоры для смуты там нет. Но Амбиориг, как и всегда, сумел раствориться бесследно. А Коммий ушел к треверам на восток, чтобы помочь им противостоять Лабиену, действовавшему с тем же тщанием, что и Цезарь.

Гай Фабий был послан с двумя легионами в подкрепление двум легионам Ребила. Те с трудом отбивали наскоки пиктавов и андекавов. Эти два племени под Алезией пострадали не сильно и вообще не являлись зачинщиками сопротивления Риму. Но создавалось впечатление, что народы Галлии один за другим решались на последнюю попытку, очевидно считая, что армия Цезаря истощена. Цезарь снова продемонстрировал, что это не так. Двенадцать тысяч андекавов пали в сражении на мосту через Лигер, и невесть сколько их погибло в мелких боях.

Довольно медленно, но неуклонно площадь мятежной Галлии уменьшалась. Военные действия уже разворачивались на подступах к Аквитании, где к Луктерию присоединился Драпп, вождь сенонов, после того как сородичи отказались его принять.

И серьезных лидеров у галлов оставалось все меньше. Гутруата карнугты выдали Цезарю сами, опасаясь репрессий за его сокрытие. Поскольку он истребил всех римлян в Кенабе, его судьбу решал не только Цезарь, но и представительный армейский совет. Цезарь настаивал на отправке мятежника в Рим, но армия была против. Гутруата выпороли и обезглавили.

Вскоре после этого Коммий во второй раз встретился с Гаем Волусеном Квадратом. Когда Цезарь ушел на юг с кавалерией, в Галлии Белгике остался командовать Марк Антоний. Он быстро разделался с белловаками, потом разбил лагерь в Неметоценне, на земле атребатов. Те были так напуганы, что отказались иметь что-либо общее с Коммием, своим царем. Коммий же, встретившись с группой единомышленников, германских сигамбров, стал искать утешения в кровавом разбое, особенно тесня нервиюв, уже не способных сопротивляться. Всегда лояльный к римлянам Вертикон воззвал о помощи, и Антоний послал к нему отряд конников, возглавляемый Волусеном.

Время ничуть не уменьшило ненависти Волусена к Коммию. Зная, кто верховодит среди разбойников, он расправлялся с ними с особой жестокостью и гнал врага и сиграмов, как пастух гонит стадо овец. Наконец они встретились. Произошла яростная дуэль. Противники с копьями наперевес бросились навстречу друг другу. Коммий победил. Волусен рухнул на землю с копьем Коммия в бедре. Бедро было раздроблено, мякоть разорвана, нервные окончания и кровеносные сосуды повреждены. Большинство людей Коммия были убиты, но Коммий ускакал на быстроногом коне, пока все внимание было обращено на тяжелораненого Волусена.

Его отвезли в Неметоценну. Армейские хирурги потрудились на славу. Ногу ампутировали выше раны, и Волусен остался жив.

А Коммий написал Марку Антонию.

Марк Антоний, сейчас я верю, что Цезарь не имел ничего общего с предательским вероломством этого зверя Волусена. Но я поклялся никогда более не видеть римлян. Туата были ко мне добры. Они свели меня с моим врагом, и я ранил его так тяжело, что он, даже если оправится, навсегда лишится ноги. Я удовлетворен.

Но я очень устал. Мой народ так боится Рима, что не дает мне ни пищи, ни воды, ни крыши над головой. Разбой — позорное занятие для царя. Я всего лишь хочу, чтобы меня оставили в покое. В качестве залога моего хорошего поведения предлагаю тебе моих детей, пятерых мальчиков и двух девочек. Не все от одной матери, но все — атребаты, и все достаточно молоды, чтобы воспринять римское воспитание.

Я хорошо служил Цезарю до того, как Волусен предал меня. По этой причине прошу послать меня куда-нибудь, где я мог бы доживать свою жизнь без необходимости снова брать оружие в руки. Куда-нибудь, где нет римлян.

Письмо понравилось Антонию, у которого были старые взгляды на храбрость, службу, истинный воинский дух. Он считал Коммия

Гектором, а Волусена Парисом. Какое удовольствие получит Рим или Цезарь, если Коммия протащить за колесницей, а после убить? Никакого. Антоний был уверен, что Цезарь думает так же, и послал Коммию с его же посланцем ответ.

Коммий, я принимаю твоих заложников, ибо считаю тебя честным человеком, с которым неправильно поступили. Твои дети будут представлены Цезарю. Я уверен, что он обойдется с ними как с отпрысками царской крови.

Я отсылаю тебя в Британию. Твое дело, как ты доберешься туда, но в письмо вложена подорожная, которую ты можешь использовать либо в Итии, либо в Гесориаке. Британию ты хорошо знаешь. Думаю, там у тебя больше друзей, чем врагов.

Рим так далеко простирает свое влияние, что для тебя у меня нет другого прибежища. Будь уверен, что римлян ты там не увидишь. Цезарь не любит Британию. Vale.

Последнее столкновение произошло в землях кардурков.

Гай Фабий пошел к сенонам, а Гай Каниний Ребил — на юг, к Аквитании, зная, что скоро прибудет подкрепление в дополнение к его двум легионам. Фабий должен был возвратиться, как только убедится, что сеноны полностью подавлены.

Хотя и Драпп, и Луктерий имели опыт боев под Алезией, они так и не усвоили, что по римским военным меркам осажденная крепость, как правило, обречена. Услышав о поражении андекавов, они заперлись в Укселлодуне, городе, расположенном на очень высокой горе, стоящей в излучине реки Олтис. К сожалению, там не было постоянного водоснабжения, но поблизости существовало два водозабора. Одним являлась непосредственно Олтис, другим — родник, бьющий из подошвы горы.

Имея только два легиона, Ребил не пытался повторить тактику Цезаря под Алезией. Олтис — река очень сильная, ее невозможно перегордить дамбой или пустить по новому руслу, и потому о строительстве кругового периметра следовало забыть. Чтобы изучить

обстановку, Ребил занял позицию на удобной высотке и принялся за строительство трех лагерей.

Кое-чему Алезия все-таки научила Луктерия с Драппом. Они теперь понимали, что им необходим огромный запас еды, чтобы выдержать осаду. Оба знали, что Укселлодун нельзя взять штурмом, каким бы гениальным ни был Цезарь, ибо скала, на которой стоял город, была окружена другими скалами, слишком сложными для подъема. Не поможет и осадная терраса наподобие той, что была построена у Аварика. Стены Укселлодуна были так высоки и так неприступны, что никакая ловкость внушающей ужас римской техники не могла преодолеть их. При необходимом запасе еды Укселлодун мог держаться до тех пор, пока не кончится срок губернаторства Цезаря.

Поэтому надо было заняться сбором провизии. И вот, пока Ребил строил свои лагеря, Луктерий и Драпп тайно вывели из крепости две тысячи человек. Эти кардурки отбирали у своих же сородичей зерно, солонину, бекон, бобы, нут, овощи, кур, уток, гусей, крупных животных, а также свиней и овец. Короче — все. Но к сожалению, основная посевная культура кардурков не годилась в пищу: ее секли под корень и отвозили в Египет, где египтяне делали из нее превосходную ткань. Пришлось фуражирам вторгнуться во владения петрокориев и других соседних племен, которым не очень нравилось отдавать чужакам последнее продовольствие. Чего не давали, то отбирали, и когда были реквизированы все мулы с телегами, Драпп и Луктерий отправились обратно.

Пока длилась эта экспедиция, воины, засевшие в крепости, очень затрудняли римлянам жизнь. Из ночи в ночь они делали вылазки, причем столь успешные, что Ребил уже не чаял довести строительство до конца.

Огромный продовольственный обоз остановился в двенадцати милях от Укселлодуна. Там он встал лагерем, и люди Драппа получили задание его охранять. Связные из крепости уверяли, что римлянам ни о чем не известно. Луктерий, хорошо знавший местность, взялся доставить провиант в город. «Теперь никаких телег, — сказал он. — Все переправим на мулах. Глубокой ночью и, по возможности, в обход римских лагерей».

К Укселлодуну через леса вело множество троп. Луктерий подвел мулов, нагруженных изрядной частью собранной пищи, почти к

крепости и велел погонщикам встать. Только в четыре часа пополуночи он решил тронуться с места, соблюдая величайшую осторожность. Копыта четвероногих были обмотаны тряпками, а чтобы животные не ревели, люди руками сжимали им морды. Луктерий был уверен, что отряд движется в абсолютной тишине. Он надеялся, что часовые на ближайшей римской башне (кстати, находившейся ближе, чем рассчитывал Луктерий) давно уже впали в дремоту.

Но римские часовые на башнях не спали. Их жестоко наказывали за сон на посту — забивали дубинками до смерти.

Если бы пошел дождь или поднялся ветер, Луктерию удалось бы пройти. Но ночь была такой спокойной, что караульные слышали отдаленный шум реки Олтис. А потом к нему примешались и другие странные звуки: глухие шлепки, скрипы, приглушенный шепот, шуршание.

— Разбуди генерала, — сказал дежурный центурион одному из солдат. — Только без шума.

Опасаясь внезапного нападения, Ребил выслал вперед разведчиков и быстро поднял своих людей. И перед самым рассветом напал на кардурков. Так тихо, что погонщики даже не поняли, что происходит. В панике они бросили мулов и устремились в Укселлодун. Почему Луктерий не побежал с ними, это загадка. Хотя ему удалось скрыться в лесу, он так и не попытался известить Драппа о случившемся.

Ребил допросил пленного и послал германцев к основному обозу. Убиев-всадников сопровождали убий-пехотинцы — смертоносная комбинация. Сражения как такового не было. Драпп и его люди были взяты в плен, а все продовольствие, с таким трудом собранное, перешло в руки римлян.

— И я очень этому рад! — на следующий день сказал Ребил, тепло приветствуя Фабия. — Твоих людей теперь есть чем кормить.

— Приступаем к блокаде, — ответил Фабий.

Когда до Цезаря дошла весть об успехе Ребила, он поспешил к нему с кавалерией, наказав Квинту Фуфию Калену привести следом два легиона обычным маршем.

— Потому что я не думаю, что Ребилу с Фабием что-либо угрожает, — сказал генерал. — Если на пути ты встретишь

сопротивление, Кален, позабудь про жалость. Настало время покорить Галлию раз и навсегда.

По прибытии к Укселлодуну он одобрил ведущееся там строительство, но его появление явилось в некотором роде сюрпризом. Ни Ребил, ни Фабий не ожидали, что Цезарь прискачет к ним лично, но были искренне рады ему.

— Мы с Ребилем не инженеры, и вообще среди нас нет никого, кого можно было бы так назвать, — сказал Фабий.

— Вы хотите отрезать их от воды? — спросил Цезарь.

— Думаю, Цезарь, это следует сделать. Иначе мы будем ждать, когда они вымрут от голода, а все указывает на то, что еды у них хватает, несмотря на попытку Луктерия доставить дополнительный провиант.

— Все верно, Фабий.

Они стояли на скальном выступе, откуда хорошо было видно, где защитники крепости берут воду. Одна тропа спускалась к реке, вторая шла к роднику. По отношению к первой уже были приняты меры. Ребил и Фабий поставили отряд лучников там, где они могли расстреливать водоносов, находясь при этом в недосягаемости для вражеских стрел, летящих со стен.

— Этого недостаточно, — сказал Цезарь. — Выставь баллисты и разбивай тропу камнями. А еще поставь скорпионы.

В результате Укселлодун стал утолять жажду только из родника, недоступного для римлян: он находился под самой высокой частью стен крепости, и к нему был подход только из ворот у основания стен. Штурм ничего бы не дал. Место слишком гористое, его не взять ни когорте, ни двум.

— Думаю, мы завязли, — вздохнул опечаленно Фабий.

Цезарь усмехнулся.

— Чепуха! Первое, что мы сделаем, это прямо отсюда начнем строить пандус из земли и камней, а закончим вон там, в пятидесяти шагах от родника. Надо пойти вверх по склону, что даст нам платформу футов на шестьдесят выше того места, где мы стоим. На ней мы возведем осадную башню в десять этажей высотой, что позволит скорпионам разить каждого, кто попытается подобраться к воде.

— Это днем, — мрачно возразил Ребил. — А они ходят к ручью по ночам. Кроме того, наши люди будут вести строительство на виду у

врага, что превратит их в мишени.

— Для этого, как тебе известно, существуют мантелеты. Важно работать так, чтобы все выглядело как можно внушительней, — небрежно добавил Цезарь. — Словно это наш единственный шанс взять Укселлодун. Так должны думать и наши солдаты. — Он помолчал, глядя на родник. Струя воды била под сильным давлением. — Но, — продолжил он, — все это лишь завеса. Я видел много подобных источников, особенно в Анатолии. Мы его высушим. Он образован добрым десятком подземных потоков. Мы начнем копать тоннель и будем каждый встретившийся поток отводить в Олтис. Сколько времени на это уйдет, я не знаю, но, когда последний поток отведут, родник иссякнет.

Фабий и Ребил в благоговейном ужасе уставились на него.

— Может быть, тогда обойтись без наземного фарса?

— И дать им понять, что происходит на самом деле? Ребил, эта часть Галлии славится горными разработками. Я думаю, в крепости есть люди, работавшие в рудниках. И не хочу повторения того, что случилось, когда мы блокировали атватуков: подкопы с разных сторон петляли и сталкивались, как ходы сумасшедших кротов. Здесь копать нужно тайно, посвящая в дело лишь тех, кто будет копать. Вот почему и пандус, и осадная башня должны выглядеть очень убедительно. Я не хочу терять людей — и мы постараемся никого не потерять, — но я хочу покончить с этим как можно скорее.

Пандус пошел вверх по склону, потом стала подниматься осадная башня. Пораженные обитатели Укселлодуна ответили градом стрел, пик, камней. Осознав, что это мало чему помогает, они вышли из ворот и атаковали. Сражение было яростным, ибо римляне искренне верили в необходимость возводимых фортификаций и отчаянно их защищали. Вскоре башня загорелась, а мантелеты начали дымиться. Поскольку фронт битвы был очень узким, большинство римских солдат не принимало участия в битве. Легионеры, собравшиеся на ближайших высотках, громкими криками поддерживали своих товарищей, а кардурки со стен цитадели — своих. В разгар сражения Цезарь велел своим людям обогнуть цитадель с двух сторон, поднимая как можно больше шума, словно вот-вот начнется масштабный штурм.

Хитрость удалась. Кардурки, напуганные новой угрозой, отступили, и это позволило римлянам погасить огонь. Десятиэтажную

башню подремонтировали, но использовать не успели. Подземные подкопы неуклонно продвигались вперед. Один за другим потоки, питающие родник, были отведены в Олтис. И источник, издревле бивший из подошвы горы, впервые иссяк.

Это было как гром с ясного неба, и что-то жизненно важное в защитниках крепости умерло. Ибо стало ясно: Туата, пораженные мощью Рима, покинули галлов. Они теперь улыбаются Цезарю. Что толку биться с тем, на чьей стороне Туата?

Укселлодун сдался.

На следующее утро Цезарь созвал совет, состоящий из легатов, префектов, военных трибунов и центурионов, включая Авла Гиртия, прибывшего с двумя легионами Квинта Фуфия Калена, после начала атаки на родник. — Я буду краток, — сказал Цезарь. В полном боевом облачении и с жезлом на правом предплечье он сидел в курульном кресле. Свет из большого открытого проема за спинами пяти сотен собравшихся в зале совещаний бил ему прямо в лицо. Цезарю не было и пятидесяти, но его длинная шея была испещрена глубокими морщинами, хотя с подбородка кожа еще не свисала. Морщины пересекали его лоб, веером расходились из внешних уголков глаз, прорыли борозды с обеих сторон носа, подчеркивая высоту резко очерченных скул, рассекая кожу под ними. В ходе кампании он обычно не прикрывал свои редкие волосы, но сегодня надел *corona civica* из дубовых листьев, потому что хотел произвести впечатление неопровержимого авторитета. Когда он входил в этом венке в Палату, все должны были вставать и аплодировать ему, даже Бибул и Катон. Благодаря этому венку он вошел в Сенат в возрасте двадцати лет. Благодаря ему каждый солдат, когда-либо служивший под его началом, знал, что Цезарь раньше сражался в первых рядах с мечом и щитом, но и люди его галльских легионов тоже много раз видели его в первых рядах, сражавшимся с ними вместе.

Он выглядел очень усталым, но не от истощения физических сил. Он всегда был физически очень крепок. Нет, это была эмоциональная, внутренняя усталость. Все понимали это. И удивлялись этому.

— Сейчас конец сентября. Лето, — сказал он отрывисто, совсем не стараясь ритмизировать свою речь. — Еще два-три года назад мы бы решили, что война в Галлии кончена. Но сейчас все сидящие здесь

знают, что это не так. Когда народы Длинноволосой Галлии признают свое поражение? Когда они успокоятся под легким римским ярмом, сообразив, что ничто им более не грозит, что они находятся под надежной защитой? Галлия — это буйвол, ослепленный укусами насекомых и раздираемый гневом. Он мечется в ярости туда-сюда, натываясь на стены, скалы, деревья, постепенно ослабевая, но не смиряясь, пока не умрет, разбившись обо что-нибудь сам.

В зале стояла мертвая тишина. Никто не шевелился, не кашлял. Все знали, что сейчас последует самое важное.

— Как нам успокоить этого буйвола? Как убедить позволить нам приложить к его ранам мазь?

Тон его сделался тверже, а взгляд — мрачнее.

— Каждый из вас, включая самого молодого центуриона, знает об ужасных трудностях, которые ждут меня в Риме. Сенат жаждет моей крови, моих костей, моей души... и моего *dignitas*, моей личной роли в обществе. Это и ваше *dignitas*, потому что вы — мои люди. Костяк моей любимой армии. Если я упаду, упадете и вы. Если я буду опозорен, не миновать позора и вам. Такова нависшая над нами угроза. Но не в том суть моего разговора с вами. Это к слову, не больше, чтобы заострить ваше внимание на том, что я собираюсь сказать.

Он глубоко вздохнул.

— Третий срок мне не разрешат. Через год, в мартовские календы, мое командование закончится. Может закончиться, хотя я приложу все силы, чтобы этому помешать. И потому оставшийся год мне нужен для административной, а не военной работы. Чтобы превратить Длинноволосую Галлию в подлинную провинцию Рима. Я хочу навсегда покончить с напрасной, бесцельной, опустошительной для галлов войной. Я не испытываю никакого удовольствия, глядя на поле сражения после очередной нашей победы. Ибо там лежат тела римлян. А также тела многих галлов, белгов и кельтов. Умерших без всякой причины, за одну лишь мечту, на воплощение которой у них не хватило бы ни ума, ни образования, ни всего прочего. Что, несомненно, обнаружил бы Верцингеториг, если бы победил.

Цезарь поднялся и остался стоять, заложив за спину руки и нахмурившись.

— Война должна кончиться в этом году. Не временно прекратиться, а замениться длительным миром. Миром, который

переживет и нас с вами, и наших детей, и детей их детей. Если этого не случится, германцы вторгнутся в Галлию и ее история будет другой. Как и история нашей Италии, ибо германцы не остановятся на достигнутом. Последний раз, когда они активизировались, Рим выставил против них Гая Мария. Я считаю, что теперь Рим полагается на меня. Длинноволосая Галлия — вот естественная граница между ними и нами, а вовсе не Альпы. Мы должны удерживать их на той стороне Рейна, чтобы наш мир, включая и Галлию, процветал.

Он прошелся по залу, остановился и обвел всех долгим, серьезным, внимательным взглядом из-под светлых бровей.

— Большинство из вас провели рядом со мной достаточно времени, чтобы знать, что я за человек. По природе я не жесток. Мне не доставляет удовольствия ни причинять кому-либо боль, ни отдавать карательные приказы. Но я пришел к выводу, что Длинноволосая Галлия нуждается в жестоком уроке. Таким ужасном, таком потрясающем, чтобы память о нем не изгладилась в поколениях и охлаждала любые горячие головы. По этой причине я и пригласил вас сегодня сюда. Чтобы сообщить вам о своем решении, а не для того, чтобы попросить у вас позволения. Я — главнокомандующий, и решения принимаю я один. Вы не в ответе за решение, которое я принял. Греки считают, что в преступлении виновен только тот человек, который совершил преступное деяние. Поэтому вина вся на мне. Ничья совесть не пострадает. Я часто говорил вам, что воспоминания о собственной жестокости — плохое утешение в старости, но после встречи с друидом Катбадом подобная перспектива меня уже не страшит.

Он возвратился к курульному креслу и сел, приняв официальную позу.

— Завтра я встречусь с защитниками Укселлодуна. Я думаю, что их около четырех тысяч. Да, их даже больше, но четырех тысяч достаточно. Тех, кто смотрит на нас с особой ненавистью. Я отрублю им обе руки.

Он сказал это очень спокойно. Эхом сказанному был слабый вздох. Как хорошо, что тут нет ни Гая Требония, ни Децима Брута! Зато есть Гиртий, и глаза его полны слез. Как вынести этот взгляд? Цезарь сглотнул подступивший к горлу ком и продолжил:

— Я не стану искать охотников среди римлян. Думаю, они сыщутся среди местных жителей. Добровольцы. Восемьдесят человек. Каждый отрубит сотню чужих рук, сохранив при этом свои. Механики сейчас трудятся над специальным инструментом, который я придумал. Это что-то вроде вертикально поставленного ножа шириной в полфута. Лезвие надо поставить поперек тыльной стороны запястья — и стукнуть по лезвию молотком. Запястье предварительно будет перевязано ремнем, чтобы остановить поток крови. Обрубок после ампутации окунут в смолу, чтобы остановить поток крови. Кто-то умрет, но большинство не умрут.

Теперь он говорил быстро, легко, ибо перешел к практической сути вопроса.

— Эти четыре тысячи безруких людей будут потом приговорены бродить и просить подаяние по всей обширной Галлии. И всякий, кто увидит безрукого нищего, подумает об Укселлодуне. Когда легионы отправятся на зимовку, каждый из них прихватит с собой часть калек. Таким образом безрукие попадут во все области все еще беспокойной страны. Ибо урок не пойдет впрок, если его свидетельство не увидят повсюду.

Цезарь на мгновение замолчал.

— А в заключение я поделюсь с вами информацией, собранной моими отважными, но не овеянными воинской славой помощниками. Восемь лет войны в Длинноволосой Галлии встали ей в миллион мертвых воинов. Еще миллион галлов проданы в рабство. Около полумиллиона галльских детей и женщин умерли, четверть миллиона лишились крова. Все население Италии имеет меньшую численность. Ужасный результат бычьей слепоты в гневе. Это нужно остановить! И сейчас же. Прямо здесь, в Укселлодуне. Когда я сложу свои полномочия, в Длинноволосой Галлии будет царить мир.

Кивком головы он распустил совет. Все расходились молча, пряча глаза. Гиртий остался.

— Не говори ничего! — отрывисто сказал Цезарь.

— Я и не думаю, — ответил тот.

* * *

После Укселлодуна Цезарь решил объехать все племена Аквитании — единственной области Длинноволосой Галлии, меньше других участвовавшей в войне и поэтому все еще способной выставить полный комплект воинов. С собой он взял несколько безруких калек, как живое свидетельство решимости Рима покончить с бунтарством.

Поездка прошла очень мирно. Вожди разных племен, косясь на безруких, лихорадочно приветствовали высокого гостя, подписывали любые договоры и приносили клятвы верности Риму. В целом Цезарь был удовлетворен. Ибо арверны выдали ему Луктерия, а это означало, что ни один народ Галлии больше не приютит сторонников Верцингеторига. Еще это означало, что в триумфе Цезаря Укселлодун все же будет представлен. Драпп, царь сенонов, отказался принимать пищу и умер, но Луктерий покончить с собой не спешил.

Луций Цезарь в конце октября приехал в Толозу. Его распирало от новостей.

— Месяц назад Сенат провел заседание, — сообщил он хмуро молчавшему Цезарю. — Признаюсь, меня разочаровал старший консул. Я думал, он более рационален, чем его сотоварищ.

— Сервий Сульпиций действительно более рационален, чем Марк Марцелл, но он не менее других хочет моего поражения, — сказал Цезарь. — Что там было?

— Палата решила, что в мартовские календы следующего года она непременно будет обсуждать вопрос о твоих провинциях. Марк Марцелл заявил, что война в Длинноволосой Галлии определенно закончилась и, значит, нет никаких причин продлевать срок твоих полномочий. Новый закон о пяти годах ожидания, сказал он, обеспечил целый список потенциальных губернаторов, способных немедленно тебя заменить. А проволоочки, затяжки и прочее лишь продемонстрируют слабость Сената. И в конце своей речи прибавил, что тебя следует проучить. Ты — слуга Сената, а не его господин. Тут все закричали, а Катон, я думаю, кричал громче всех.

— А он и должен кричать громче всех, поскольку Бибул в Сирии. Продолжай, Луций. По твоему лицу видно, что худшее впереди.

— Гораздо худшее! Палата издала указ, что любой плебейский трибун, который наложит вето на обсуждение твоих провинций в следующие мартовские календы, будет считаться предателем. Его арестуют и отдадут под суд.

— Это абсолютно неконституционно! — резко сказал Цезарь. — Никто не может препятствовать плебейскому трибуну выполнять его обязанности! Или отказывать ему в праве на вето, если в это время не действует *senatus consultum ultimum*. Значит, именно это Сенат намерен сделать в следующие мартовские календы? Действовать в соответствии с последним указом?

— Может быть, хотя этого сказано не было.

— Это все?

— Нет, — ответил Луций. — Палата приняла еще один указ. Она сохранит за собой право назначать дату, когда твои отслужившие свой срок ветераны будут демобилизованы.

— О, я понимаю! Все дело во мне, не так ли, Луций? До сих пор в истории Рима никто не имел права решать, когда демобилизовать ветеранов, кроме их командира. Надо полагать, к следующим мартовским календам Сенат намерен распустить всех моих стариков.

— Похоже на то, Гай.

Цезарь, по мнению Луция, повел себя странно. Он даже улыбнулся.

— Неужели они и впрямь думают раздавить меня такими мерами? Черта с два, Луций!

Он встал, протянул руку кузену.

— Благодарю за новости. Искренне благодарю. Но хватит об этом. Давай отрешимся от всей этой возни.

Однако Луций Цезарь не был готов завершить разговор. Послушно следуя за Цезарем, он поинтересовался:

— Что ты собираешься делать?

— Все, что необходимо, — прозвучало в ответ.

Распределение легионов на зиму было закончено. Гай Требоний, Публий Ватиний и Марк Антоний с четырьмя легионами отправились в Неметоценну приглядывать за атребатами. Два легиона ушли к эдуям в Бибракте. Два встали у туронов, к западу от карнутов, а еще два легиона обосновались рядом с арвернами в землях лемовиков. То есть римская армия взяла Галлию под контроль. Цезарь же, в сопровождении Луция объехав Провинцию, избрал местом зимовки Неметоценну.

В середине декабря его солдат ждал сюрприз. Цезарь увеличил жалованье рядовых с четырехсот восьмидесяти сестерциев в год до девятисот, а также сообщил, что трофейная доля каждого отныне становится больше.

— За чей счет? — спросил Гай Требоний у Публия Ватиния. — Казны? Конечно нет!

— Определенно нет, — согласился Ватиний. — Он всегда скрупулезно соблюдает закон. Нет, это из его кошелька, из его доли.

Требоний кивнул, а немного прихрамывающий Ватиний нахмурился. Его не было, когда Цезарь получил ответ Сената на свою просьбу, чтобы к нему относились так, как отнеслись к Помпею.

— Я знаю, он сказочно богат, но это громадные суммы. Он может себе позволить такую щедрость, Требоний?

— Думаю, да. Только продажа рабов принесла ему двадцать тысяч талантов.

— Двадцать тысяч? Юпитер! Красс считался первым богачом Рима, а оставил только семь тысяч талантов!

— Марк Красс хвастал своим богатством, но ты когда-нибудь слышал, чтобы Помпей Магн говорил, сколько денег у него? Почему, ты думаешь, банкиры выются вокруг Цезаря и преданно глядят ему в рот? Бальб первым примкнул к нему. Оппий — вторым. Это еще когда ты был юнцом. А такие воротилы, как Аттик, сделали выбор совсем недавно.

— Рабирий Постум обязан ему возможностью начать новую жизнь, — напомнил Ватиний.

— Да, но это стало возможным, лишь когда Цезарь стал стремительно богатеть. Германские сокровища, осевшие у атватуков, были воистину сказочными. Его доля в них тоже была баснословной. — Требоний усмехнулся. — А на случай нужды существуют тайные клады Карнута. Это — его резерв. Цезарь отнюдь не дурак. Он знает, что следующий губернатор Длинноволосой Галлии в первую очередь попытается наложить на них лапу. Но готов спорить, там уже ничего не останется.

— Из Рима пишут, что его вскоре намерены освободить. О боги, куда уходит время? Мартовские календы стремительно приближаются! До них три месяца. И что будет тогда? Как только он лишится своего

империя, его тут же привлекут к сотне судов. И с ним покончат, Требоний.

— Весьма вероятно, — спокойно отозвался Требоний.

Но Ватиний тоже был не дурак.

— Он ведь не допустит, чтобы это произошло?

— Нет, не допустит.

Наступило молчание. Ватиний внимательно всматривался в мрачное лицо собеседника, покусывая губу. Наконец их глаза встретились.

— Значит, я прав, — сказал Ватиний. — Он цементирует свою связь с армией.

— Весьма верное наблюдение.

— И пойдет на Рим.

— Только если его вынудят. По природе Цезарь не авантюрист. Он любит все делать *in suo anno* — в свое время, никаких специальных и чрезвычайных указов, десять лет между консульствами, все законно. Если он вынужден будет идти на Рим, Ватиний, это убьет в нем что-то. Он это знает, и его это не прельщает. Ты думаешь, он боится Сената? Или кого-то еще? Хваленого Помпея Магна, например? Нет! Они повалятся, как мишени на плацу от хороших бросков. Он знает и это. Но не хочет этого. Он хочет того, что ему полагается, но — на законном основании. Марш на Рим — это последняя капля в чашу его терпения, и он будет до последнего момента противиться этому. Его послужной список идеален. И он хочет, чтобы все так и оставалось.

— Он всегда был устремлен к идеальному, — печально промолвил Ватиний и содрогнулся. — Юпитер! Как он с ними поступит, если его вынудят себя замарать?

— Я даже думать о том не хочу.

— Не лучше ли нам принести жертву богам, чтобы те образумили *boni*?

— Я это делаю не первый месяц. Мне кажется, *boni* давно бы образумились, если бы не одно обстоятельство.

— Катон? — тут же воскликнул Ватиний.

Требоний отозвался эхом:

— Катон.

Опять помолчали. Ватиний вздохнул.

— Я — его человек. И в радости, и в беде, — сказал он.

— И я.

— А кто еще?

— Децим, Фабий, Секстий, Антоний, Ребил, Кален, Базил, Планк, Сульпиций, Луций Цезарь, — перечислил Требоний.

— А Лабиен?

Требоний покачал головой.

— Нет.

— Так решил Лабиен?

— Нет. Цезарь.

— Но он не говорит ничего плохого о Лабиене.

— Он и не скажет. Лабиен все еще надеется стать младшим коллегой Цезаря в будущем консульстве, хотя знает, что тот не одобряет его методов. Но в донесениях Сенату личное не проскальзывает, как надеется Лабиен. Однако после принятия окончательного решения все изменится. Если Цезарь пойдет на Рим, он преподнесет *boni* подарок — Тита Лабиена.

— Ох, Требоний, только бы не дошло до гражданской войны!

Цезарь тоже молился об этом, даже когда его мозг был занят тем, как справиться с *boni*, не выходя за рамки *mos maiorum* — неписаной конституции Рима. Консулами на следующий год были выбраны: старшим — Луций Эмилий Лепид Павел, младшим — Гай Клавдий Марцелл, двоюродный брат теперешнего младшего консула Марка Марцелла. Но он также был и двоюродным братом еще одного Гая Марцелла, которого прочили провести в консулы через год. Чтобы их различать, первого обычно называли Гай Марцелл-старший, а второго — Гай Марцелл-младший. На Гая Марцелла-старшего, непримиримого противника Цезаря, надежды не было. Павел был другим. Сосланный за участие в мятеже своего отца, Лепида, он, вернувшись в Рим, завоевал популярность, восстанавливая базилику Эмилия — одно из самых красивых на Римском Форуме зданий. Когда тело Публия Клодия исчезло в пылающих недрах Сената, почти законченная базилика Эмилия тоже сгорела. У Павла не было денег, чтобы начать строительство снова.

Павел был ненадежен, и Цезарь знал это. Но тем не менее он его купил. Стоило иметь своего старшего консула. В декабре Павел получил через Бальба от Цезаря тысячу шестьсот талантов. Базилику

Эмилия принялись восстанавливать в еще большем блеске. Более перспективным приобретением был Курион, хотя он и обошелся всего в пятьсот талантов. Он сделал все, что от него требовалось, и выставил свою кандидатуру на выборах в самый последний момент, что не помешало ему занять первую строку в списке избранных плебейских трибунов.

Делалось и еще кое-что. Все главные города Италийской Галлии, Провинции и Италии получили большие суммы денег на строительство общественных зданий или перестройку рыночных площадей. Этим Цезарь упрочил в них свою и без того немалую популярность. Он подумывал провести подобные акции в обеих Испаниях, в Греции и в Провинции Азия, но потом решил, что овчинка не стоит выделки. Помпей, имевший там намного больше влияния, все равно не разрешил бы своим клиентам его поддержать.

На все эти затраты Цезарь шел, вовсе не имея в виду перспективу гражданской войны. Наоборот, таким образом он надеялся свести эту угрозу на нет, полагая, что в решительный час симпатизирующие ему местные плутократы дадут знать *boni*, что им не понравится, если с Цезарем плохо обойдутся. Гражданская война была крайней альтернативой, и Цезарь искренне считал, что эта альтернатива до того отвратительная, даже для *boni*, что до нее дело не дойдет. Победить можно было, сделав для *boni* невозможным идти против желания большинства Рима, Италии, Италийской Галлии, Иллирии и римской Галльской Провинции.

Цезарь понимал весь идиотизм положения, но даже в самом пессимистическом состоянии духа не мог поверить, что небольшая группа римских почтенных отцов скорее предпочтет развязать братоубийственную войну, чем принять неизбежное и разрешить Цезарю то, что, в конце концов, ему полагается. Консул, законно выбранный на второй срок, свободный от преследований, Первый Человек в Риме и первое имя в исторических книгах. Все это он обязан дать своей семье, своему *dignitas*, своим потомкам. Он не оставит сына, но это не обязательно, если сын не сможет подняться выше отца. А подобного никогда не случалось с сыновьями великих людей. Все знают это. Сыновья великих людей никогда не становились великими. Тому подтверждение — Марий-младший и Фауст Сулла.

А между тем надо было подумать о новой римской провинции. О Длинноволосой Галлии. Осесть в каком-нибудь месте, просеять местных жителей в поисках лучших из них. И разумно решить некоторые проблемы. Например, избавиться от двух тысяч галлов, которые, по мнению Цезаря, будут верны Риму только до окончания его губернаторства. Одну тысячу составляли рабы, которых он не имел права продать из боязни вызвать кровавую бойню в тех местах, куда их продадут, а то и нешуточное восстание вроде восстания Спартака. Вторую — свободные галлы, в большинстве своем вожди, на которых не произвел впечатления даже вид безруких жертв Укселлодуна.

Дело кончилось тем, что он отвел их в Массилию и погрузил под охраной на корабли. Тысячу рабов послали в Галатию — к царю Деиотару, галлу, всегда нуждавшемуся в хороших кавалеристах (без сомнения, Деиотар даст им свободу с условием поступления в его конницу). Тысячу свободных галлов Цезарь направил каппадокийскому царю Ариобарзану. Оба отряда были подарками. И небольшим приношением на алтарь Фортуны. Удача, конечно, есть знак благоволения к тебе высших сил, но всегда приятно сознавать, что и сам ты не промах. Банально объяснять успех только счастливым стечением обстоятельств. Куда тогда деть океаны раздумий и кропотливого титанического труда? Но если войска гордятся его удачливостью, то пускай, он не возражает. Пока они думают, что их полководцу все на руку, страх не найдет в них прибежища. Он с ними, и, значит, им нечего опасаться. Как только солдаты решили, что удача покинула бедного Марка Красса, дни его были сочтены. Никто не свободен от предрассудков, но люди необразованные суеверны вдвойне. И Цезарь играл на этом, ничуть не смущаясь. Ибо если удача даруется богами, то и в отмеченном ею человеке многим начинает видаться нечто божественное. Нет никакого вреда в том, что солдаты считают своего генерала по статусу чуть ниже бога.

А в конце года пришла весточка от Квинта Цицерона, старшего легата в штате губернатора Киликии, доводящегося ему старшим братом.

Цезарь, не надо мне было столь спешно тебя покидать. Ибо я наказан за спешку. А заодно и за то, что привык к твоему проворству в перемещениях. Я полагал, что мой дорогой братец Марк помчится в

Киликию. Но ошибся. Он выехал из Рима в начале мая и за два месяца сумел добраться лишь до Афин. Почему он так лебезит перед Магном? Я знаю, что это как-то связано с его юностью, точнее, с обучением в армии Помпея Страбона, но думаю, что долг его перед сыном Страбона не может быть столь велик. Представь, что я вынес в Таренте, в доме Помпея Магна, где мы останавливались на два дня. Нет, при всем желании я не смогу полюбить этого человека.

В Афинах, где мы ждали Гая Помптика (знаешь, я мог бы командовать много лучше, чем он, но брат мне не доверяет), нас догнала весть, что Марк Марцелл выпорол жителя твоей колонии в Новом Коме. О, Цезарь, это позор! Мой брат тоже пришел в ярость, хотя больше был озабочен парфянской угрозой и потому до приезда Помптика отказывался от выезда из Афин.

Еще один месяц ушел на то, чтобы достичь границы Киликии возле Лаодикеи. Чудное место, с поразительными террасами, спускающимися с утесов! Теплые чистые озера на уступах местные жители превратили в шикарные маленькие мраморные бассейны, настоящий подарок для таких путников, как Марк и я, измученных жарой и пылью. Мы с наслаждением провели там несколько дней, отмокая в воде (кажется, она укрепляет кости) и резвясь, словно рыбки.

Но потом, продолжив путь, мы пришли в ужас от состояния, в какое привели некогда процветающую Киликию Лентул Спинтер, а за ним Аппий Клавдий. «Руины, опустошение!» — вскричал патетически брат. В том не было преувеличения. Провинцию ограбили, изнасиловали. Все и вся реквизировано под видом сбора налогов. В том числе и сыном твоей дорогой подруги Сервилии. Извини, что говорю тебе это, но Брут,

кажется, прекрасно спелся со своим тестем в части деяний, попирающих все понятия о законности. Хоть мой брат и не любит задевать важных людей, он в письме Аттику заявил, что считает поведение Аппия Клавдия недостойным. И что ему теперь ясно, почему тот его избегал.

Мы пробыли в Тарсе всего несколько дней. Марк очень стремился воспользоваться сезоном кампаний, как и Помптиний. Парфяне грабили вдоль Евфрата, а царь Каппадокии Ариобарзан не имел возможности их урезонить. В Киликии мы нашли тощую армию в два легиона. Почему тощую? Из-за отсутствия средств. Нетрудно понять, по чьей вине. Аппий Клавдий присвоил львиную долю армейского жалованья, поскольку платил легионам вполтину меньше того, что записано в книгах, не восполняя их личный состав. А у царя Ариобарзана теперь нет средств, чтобы содержать приличное войско, из-за того что молодой Брут, этот столп римской порядочности, одолжил ему денег под астрономические проценты. Мой брат вознегодовал.

Как бы там ни было, все следующие три месяца мы проводили кампанию в Каппадокии. И продолжаем ее проводить. Нудное занятие, доложу я тебе. Помптиний дурак! Он тратит многие дни, чтобы взять кое-как укрепленное поселение, которое ты бы взял, самое большее, часа за три. Но брат не знает, как ведутся войны, поэтому он удовлетворен.

Бибул, направляясь в Сирию, явно не торопился. Это значит, что мы все еще ожидаем, пока он приведет себя в порядок, чтобы развернуть совместные действия с обеих сторон горного хребта Аман. Прибыв в Антиохию в квинктилии, он очень холодно обошелся с Гаем Кассием, сразу же отослав его в Рим. Еще бы, ведь при нем два его сына: Марк Бибул, лет двадцати с небольшим, и Гней Бибул — ему девятнадцать. Вся эта тройка Бибулов разинула

рот, узнав, что Кассий очень искусно справлялся с парфянами. Например, его экскурс к низовьям реки Оронт заставил Пакора и его армию спешно вернуться домой.

Такие тактические ходы Бибулу, похоже, не по нутру. Его метод ведения войн в высшей степени оригинален. Чем разрабатывать и осуществлять какие-то никому не нужные операции, он нанял парфянина по имени Орнадапат, чтобы тот нашептывал царю Ороду, что его любимейший отпрыск Пакор спит и видит, как бы занять трон папаша. Умно, но не восхищает, не так ли?

Цезарь, я очень скучаю по Длинноволосой Галлии. По той войне, которую мы вели. Такой интенсивной, практичной, лишенной каких-либо махинаций. А здесь, мне кажется, я трачу больше времени на препирательства с дурнем Помптин, чем на что-нибудь более продуктивное. Пожалуйста, напиши мне. Я нуждаюсь в поднятии духа. Здесь одна скукота.

Бедный Квинт Цицерон! Прошло некоторое время, прежде чем Цезарь смог сесть и ответить на его печальное послание. Это так типично для Цицерона — предпочесть подлизу-ничтожество, каковым является Гай Помптин, своему собственному брату. Ибо Квинт Цицерон совершенно прав. Он намного более способный военачальник, чем Помптин.

РИМ

ЯНВАРЬ — ДЕКАБРЬ 50 Г. ДО Р. Х

Гай Скрибоний Курион

Когда Гай Кассий Лонгин возвратился домой, закончив свою экстраординарную карьеру тридцатилетнего губернатора, он, к своему удивлению, обнаружил, что все восхищаются им. Проявив дальновидность, он отказался просить у Сената триумф, хотя солдаты провозгласили его императором на поле боя — после разгрома армии галилеян у Генисаретского озера.

— Я думаю, народу это понравилось не меньше, чем все, что ты сделал в Сирии, — сказал ему Брут.

— Зачем привлекать к себе внимание способом, который выжившие из ума сенаторы посчитают предосудительным? — сказал Кассий, пожимая плечами. — Все равно я не получил бы триумфа. А теперь те же люди, что осудили бы мою дерзость, вынуждены восхвалять мою скромность.

— Тебе там понравилось, да?

— В Сирии? Да, понравилась. Но не с Марком Крассом, а после Карр.

— А что случилось с золотом и сокровищами, которые Красс забрал из сирийских храмов? Ведь в походе на Месопотамию все это было при нем?

Кассий удивился вопросу, но потом понял, что Брут, будучи лишь на четыре месяца младше его, хорошо разбирается в финансах, однако мало знает об управлении провинциями.

— Нет, все оставалось в Антиохии. А я, уезжая, забрал сокровища и деньги с собой. — Кассий кисло улыбнулся. — Вот почему Бибул теперь так зол на меня. Он требовал передать все ему, но я не поддался. Если бы я уступил, Риму досталась бы меньшая часть этих средств. Я видел, как подергиваются его липкие пальцы. Он уже мысленно погружал их в сундуки.

Брут крайне удивился.

— Кассий! Марк Бибул безупречен! Чтобы зять Катона решился на воровство у Рима и римлян? Такого себе и представить нельзя!

— Чушь, — презрительно усмехнулся Кассий. — Как ты наивен, Брут! На это способен любой, даже при меньших возможностях. Я не сделал этого лишь потому, что молод и моя карьера началась так великолепно. После того как я закончу свой срок в качестве консула, я опять получу губернаторство в Сирии, ибо уже слышу ее знатоком. Если бы я отрубил там простым квестором, кто бы об этом помнил? Никто. Но простой квестор стал губернатором — и Рим это запомнил. Простой квестор осадил парфян и навел там порядок. Рим запомнил и это. Так почему бы пресловутому квестору в довершение не вернуть Риму богатства Красса? Я сделал это. Легально. А Бибул оплошал. Он мог бы поторопиться, но добирался до Сирии с такой скоростью, что я успел все упаковать и погрузить на специально зафрахтованные корабли. Как он горевал, когда я отплывал! Желаю ему всего хорошего. Ему и его двум испорченным, ни на что не годным сынкам.

Брут помолчал. Ему не хотелось и далее говорить о Бибуле. Гай Кассий — хороший парень, военная косточка и все прочее, но не ему судить *boni*, которые не хотят опускаться до практики завоевательных войн. Он, разумеется, по рождению имеет право на консульство, но политик из него никудышный. В нем нет проницательности, нет такта. Фактически его внешность соответствует содержанию. Крепкий, коротко стриженный, энергичный, решительный, ни в малой степени не способный терпеливо плести сети интриг.

— Я, конечно, рад тебя видеть, — сказал Брут. — Но не пойму, почему ты решил навестить первым делом меня?

Уголки рта Кассия забавно приподнялись, его карие глаза прищурились так, что от них остались лишь щелочки. О бедный Брут! Он действительно очень наивен! Неужели нет никакого способа вылечить эту отвратительную угреватую кожу? И заодно умерить его жажду наживы?

— Я пришел сюда, чтобы поприветствовать главу уважаемой мною семьи.

— Мою мать? Почему же ты тогда не пошел прямо к ней?

Вздыхнув, Кассий покачал головой.

— Брут, это ты глава семьи, а не Сервилия. Я пришел к тебе.

— А! О да. Конечно, я глава семьи. Но вообще-то у нас мама всем заправляет. Думаю, я ей плохая замена.

— И будешь думать, пока не заменишь.

— Мне и без того хорошо. Так о чем идет речь?

— Я хочу жениться на Юнии Терции — на Тертулле. Мы с ней обручены уже несколько лет, и я не молодею. Пора мне подумать о браке. Теперь я сенатор и крепко стою на ногах.

— Но ей только шестнадцать, — нахмурился Брут.

— Я знаю это! — резко оборвал его Кассий. — И еще я знаю, чья она дочь в действительности. Как, собственно, и весь Рим. Но поскольку род Юлиев подревней рода Юниев, я ничего не теряю, а только выигрываю. Хотя я не испытываю особой любви к Цезарю, на данный момент он доказал, что кровь Юлиев еще не одряхла.

— Во мне течет кровь Юниев, — жестко сказал Брут.

— Но ветви Брутов, а не Силанов. Есть разница.

— А по материнской линии и Тертулла, и я из рода патрициев Сервилиев! — продолжил Брут, наливаясь краской.

— Хорошо-хорошо, — поспешно согласился Кассий. — Так могу я надеяться?

— Я должен спросить мою мать.

— О, Брут, когда ты научишься принимать решения сам?

— Какие решения? — спросила Сервилия, без стука входя в кабинет.

Взгляд больших темных глаз остановился на Кассии. На сына Сервилия предпочитала вообще не смотреть. Сияя, она подошла к гостю, взяла в ладони сильное загорелое мужское лицо.

— Как я рада, что ты опять в Риме! — сказала она, целуя Кассия в губы.

Ей всегда очень нравился Кассий, приятельствовавший с ее сыном с подростковых времен. Воин, деятель. Настоящий мужчина, способный самостоятельно сделать себе имя.

— Какие решения? — повторила она, садясь в кресло.

— Я хочу жениться на Тертулле, — ответил Кассий. — И как можно скорее.

— Тогда давай спросим, что она думает об этом сама, — спокойно сказала Сервилия, не поинтересовавшись мнением Брута.

Она хлопнула в ладоши, призывая управляющего.

— Попроси госпожу Тертуллу прийти в кабинет, — сказала она ему, затем опять обратилась к Кассию: — Почему так спешно?

— Сервилия, мне без малого тридцать три. Пора заводить семью. Я понимаю, что Тертулла еще совсем девочка, но мы ведь обручены, и она меня знает.

— Она уже вполне созрела, — последовало спокойное уточнение.

Тут в помещение вошла Тертулла, и Кассий не поверил глазам. Тринадцатилетняя девочка, какой он помнил ее все три года разлуки, превратилась в молодую красавицу. Очень походившую на покойную дочь Цезаря, Юлию, но без бледности и без хрупкости в теле. Статная, с большими серовато-желтыми, широко расставленными глазами. Густые, темного золота волосы, зовущий рот, безупречная золотистая кожа. Плюс к тому две изящные грудки. О Тертулла!

Увидев гостя, красавица радостно улыбнулась и протянула к нему руки.

— Гай Кассий, — чуть хрипловато, совсем как Юлия, сказала она.

Он, улыбаясь в ответ, пошел к ней, взял за руки.

— Тертулла. — И повернулся к Сервилии. — Могу я сказать?

— Конечно, — кивнула Сервилия, с удовольствием наблюдая, как они влюбляются друг в друга.

Кассий повернулся к красавице.

— Тертулла, я пришел сюда просить твоей руки. Твоя мать... — Он не добавил: «и твой брат». Зачем упоминать размазню? — Твоя мать говорит, что решение за тобой. Ты выйдешь за меня?

Улыбка ее изменилась, стала чарующей. Вдруг стало очевидно, что Сервилии в ней гораздо больше, чем Юлии или кого-то еще.

— С радостью, Гай Кассий!

— Хорошо! — с живостью проговорила Сервилия. — Кассий, уведи эту глупышку куда-нибудь, где ты сможешь поцеловать ее без того, чтобы все слуги и родичи на это глазели. Брут, ты возьмешь на себя заботы о свадьбе. Это время года благоприятно для браков, но тщательно выбери день.

Она нарочито хмуро посмотрела на счастливую пару.

— Пошли-пошли! Кыш!

Они вышли, держась за руки. Теперь ей ничего не оставалось, кроме как перевести взгляд на сына. Ох, ну и лицо! Прыщавое, как всегда небритое, губы вялые, нерешительные. И глаза, печальные, как у собаки.

— Я не знала, что у тебя Кассий.

— Он только что вошел, мама. Я собирался послать за тобой.

— А я пришла повидать тебя.

— По какому поводу? — спросил Брут, чувствуя некоторое неудобство.

— О тебе трезвонят по всему городу. Аттик весьма недоволен.

Лицо его вдруг исказилось, сделалось жестким, каким в присутствии матери еще никогда не бывало.

— Цицерон! — прошипел он.

— Вот именно. Самолично. Клеймит тебя как ростовщика, обобравшего его провинцию, Каппадокию и Галатию. Не говоря уже о Кипре.

— Он ничего не докажет. Деньги одалживали два моих клиента, Матиний и Скаптий. Я лишь старался отстаивать их интересы.

— Дорогой мой, ты забываешь, что вся эта кухня знакома мне с детских лет! Матиний и Скаптий — твои приказчики, и не больше. Мой отец основал эту фиктивную фирму наряду со многими ей подобными. Они хорошо законспирированы, это да. Но не для человека с мозгами и проницательностью Цицерона.

— Я справлюсь с Цицероном, — сказал Брут с таким видом, словно и впрямь мог справиться с ним.

— Надеюсь, лучше, чем твой уважаемый тесть справился со своими проблемами! — усмехнулась Сервилия. — В Киликии он оставил столько свидетельств своего казнокрадства, что они даже слепцам бросались в глаза. Результат — обвинение в вымогательстве.

Будет суд. А ты, Брут, был его сообщником. Ты думаешь, Рим не знает о ваших маленьких развлечениях? — Она сухо улыбнулась, обнажив мелкие, идеально белые зубы. — Сначала Аппий Клавдий угрожает расквартировать армию в каком-нибудь несчастном киликийском городишке, но тут выходишь на сцену ты и намекаешь, что сотня талантов, поднесенная губернатору, может позволить избежать этой участи, после чего фирма «Матиний и Скаптий» берется ссудить городку эту сумму. Аппий Клавдий сует деньги в карман, а ты получаешь даже больше его, собирая долги.

— Суд возможен, но Аппия Клавдия оправдают.

— Я в этом и не сомневаюсь, сынок. Однако дурные слухи ничего хорошего к твоей репутации не прибавят. Понтий Аквила считает, что это именно так.

Уродливое лицо исказилось. Черные глаза опасно блеснули.

— Понтий Аквила! — презрительно фыркнул Брут. — Цезаря я мог понять, мама, но не амбициозное ничтожество вроде Понтия Аквилы! Ты роняешь свое достоинство.

— Как ты смеешь! — прорычала она, вскакивая на ноги.

— Да, мама, я боюсь тебя, — твердо произнес Брут, когда она угрожающе нависла над ним. — Но мне уже далеко не двадцать, и есть вещи, очень и очень заботящие меня, потому что они плохо отражаются на нашем статусе, нашем положении в обществе, нашем достоинстве. Именно таков Понтий Аквила.

Сервилия повернулась и ровной походкой вышла из комнаты, нарочито спокойно закрыв за собой дверь. В саду перистилия она привалилась к колонне, дрожа от гнева и сжав кулаки. «Нет, как он посмел? Неужели он деревянный? Неужели он никогда не знал зова плоти, не выл беззвучно в ночи, не терзался своим одиночеством, не сгорал от желания? Да, никогда. Это же Брут. Анемичный, слабохарактерный, и к тому же импотент. Он думает, что я не знаю об этом. Его жена живет в моем доме. Жена, которую он ни разу не поимел. А на других пастбищах он не пасется. Огонь, гром, вулкан, землетрясение — все это не про него. Он может иногда что-то вякнуть, как в этот раз про Понтия Аквилу, но и только. Да как он смеет! Неужели он ничего не понимает?»

Когда Цезарь уехал в Галлию, она лежала одна и скрипела зубами, молотя кулаками по подушке. Призывая его, желая его, нуждаясь в

близости с ним. Слабая от истомы, мокрая и голодная. Их встречи всегда походили на поединки по неистовству, по накалу, по напряжению тел. О, она всегда старалась быть равной ему, но ее опрокидывали, укрощали, поработали. Со всей ее незаурядностью, со всем ее интеллектом. Он каждый раз побеждал и все-таки не уходил, оставался. А чего еще может желать женщина, как не мужчину, который во всем превосходит ее, но тем не менее остается? Не из-за денег, не еще по каким-то резонам, а исключительно под влиянием тяги ко всему женскому в ней. О Цезарь, Цезарь...

— У тебя агрессивный вид.

Она вздрогнула и повернулась. Это был Луций Понтий Аквила. Ее тридцатилетний любовник. Моложе, чем сын. Только что принят как квестор в Сенат. Не родовит, гораздо ниже ее по рождению. Но последнее теряло значение всякий раз, когда она его видела. Вот как сейчас. Что за красавец! Очень высок, идеально сложен. Короткие курчавые рыжеватые волосы, зеленые глаза, резкие скулы, сильный, чувственный рот. Короче, с Цезарем ни малейшего сходства.

— У меня агрессивные мысли, — сказала она, направляясь в свои покои.

— Они вызваны ненавистью или любовью?

— Ненавистью. Ненавистью, одной только ненавистью!

— Значит, ты думала не обо мне.

— Нет. Я думала о своем сыне.

— Что же он сделал, что так рассердил тебя?

— Сказал, что я роняю свое достоинство, встречаясь с тобой.

Понтий Аквила закрыл дверь, закрыл ставни на окнах. Лицо его озарилось улыбкой, от которой у нее ослабли колени.

— Брут дорожит своей родовитостью, — спокойно сказал он. — Я понимаю его.

— Он не знает тебя, — сказала Сервилия, снимая с него простую белую тогу и укладывая ее на стул. — Подними ногу. — Она расшнуровала его ботинок. Сенаторский, из темно-бордовой кожи. — Теперь другую. — Второй ботинок был снят. — Подними руки.

Она сняла с него белую тунику с широкой пурпурной полосой через правое плечо.

Он стоял голый. Сервилия отступила, чтобы видеть его целиком, услаждая свое зрение, свою чувственность, свою душу. Небольшое

пятно темно-рыжей растительности на сильной груди сужалось до узкой полоски, нырявшей в куст лобковых светло-рыжих волос, из которых торчал смуглый пенис. Уже растущий, он чуть подрагивал над восхитительно полной мошонкой. Совершенство, высокое, безупречное совершенство. Сильные бедра, икры большие, хорошей формы, живот плоский, грудь мускулистая. Широкие плечи, длинные мускулистые руки.

Сервилия медленно обошла вокруг него, восхищаясь и круглыми твердыми ягодицами, и узким тазом, и широкой спиной, и гордой посадкой его головы на атлетической шее. Что за мужчина! Как смеет она прикасаться к нему? Он принадлежит лишь Фидию и Праксителю, творцам бессмертных скульптур.

— Теперь твоя очередь, — сказал он, когда осмотр был закончен.

Тяжелые волосы каскадом хлынули на спину. Как всегда, идеально черные, с двумя ослепительно белыми прядками на висках. Прочь алоянтарное облачение. Пятидесятичетырехлетняя Сервилия стояла голая, не чувствуя себя ущербной в сравнении с ним. Спело-желтая кожа ее была тоже гладкой, полные груди ничуть не обвисли, разве что ягодицы отяжелели, и талия пополнела, но все равно — возраст тут ни при чем. Значение имело только то, что мерилось не годами, а степенью удовольствия, доставляемого партнеру.

Она легла на кровать, положила руки на покрытый черными волосами лобок и раздвинула пальцами губы вульвы. Чтобы он мог увидеть ее лоснящиеся, сочные контуры, ее сияние. Разве Цезарь не говорил, что это самый красивый цветок, который он когда-либо видел? Вот чем он был очарован, вот что поработило его.

О, но прикосновения молодого, привлекательного мужчины тоже чего-нибудь стоят! Как и его приятная тяжесть и возможность отдаться ему. Без ложной скромности, но с умной, расчетливой сдержанностью. Она сосала его язык, его соски, его пенис, а в миг экстаза заорала во всю силу легких. Слушай, мой сын! Надеюсь, ты слышишь. И жена твоя слышит. Я только что испытала невысказанное блаженство, которого вам не узнать никогда. С мужчиной, от которого мне ничего не надо, кроме этих конвульсий, сотрясающих все мое существо.

А потом они сидели, по-прежнему голые, пили вино и разговаривали с той легкой интимностью, которая порождается лишь физической близостью.

— Я слышала, что Курион внес предложение организовать комиссию по дорожному надзору и что человек, возглавляющий эту комиссию, должен иметь полномочия проконсула, — сказала Сервилия, пальцами правой ноги щекоча собеседнику пах.

— Да, это правда, но он никогда ничего не добьется этого в обход старшего Гая Марцелла, — сказал Понтий Аквила.

— Странное предложение.

— Все так считают.

— Как ты думаешь, это идея Цезаря?

— Сомневаюсь.

— И все-таки он — единственный человек, который выиграет от нового билля Куриона, — задумчиво пробормотала Сервилия. — Если он потеряет свои провинции и полномочия в мартовские календы, билль Куриона обеспечит ему другое проконсульство. Разве не так?

— Так.

— Значит, Курион — человек Цезаря.

— Я в том сомневаюсь.

— Он вдруг уплатил все свои долги.

Понтий Аквила засмеялся, откинув голову. Нет, он просто великолепен.

— Он еще женился на Фульвии. И своевременно, если верить молве. Для новобрачной ее талия чересчур округлилась.

— Бедная старая Семпрония! Дочь, переходящая от одного демагога к другому.

— Пока нет свидетельств, что Курион — демагог.

— Будут, — загадочно прозвучало в ответ.

Около двух лет Сенат был лишен своего исконного помещения для собраний. Курия Гостилия сгорела, и никто не выражал желания ее восстановить. Государственная казна едва справлялась с оплатой текущих счетов. По традиции, за это дело должен был взяться какой-нибудь большой человек, но ни один такой человек инициативы не проявлял. Включая Помпея Великого, которого, казалось, совершенно не волновало бедственное положение почтенных отцов. «Вы всегда можете воспользоваться курией Помпея», — сказал он.

— Как это типично для него! — взорвался Гай Марцелл-старший, ковыляя к Марсову полю и каменному театру Помпея в первый день

марта. — Он заставляет Сенат проводить все свои многолюдные заседания в здании, которое он возвел, когда никто в нем не нуждался. Очень типично!

— Еще одно принуждение в своем роде, — сказал Катон, мчавшийся вперед с такой скоростью, что Гай Марцелл-старший с трудом поспевал за ним.

— Куда мы так гонимся, Катон? В марте фасции у Павла, а он вечно опаздывает.

— Вот поэтому он такой размазня.

Комплекс, который Помпей построил на Марсовом поле неподалеку от цирка Фламиния, был более чем внушителен. Просторный каменный театр мог вместить пять тысяч зрителей и подавлял прихотливо разбросанные строения, существовавшие здесь намного дольше его. А храм Венеры Победоносной, возведенный над амфитеатром, говорил о предусмотрительности Помпея. Лицедейство, по мнению множества моралистов, дурно влияло на людей и их нравы, и потому еще пять лет назад все театральные представления проводились во временных деревянных сооружениях. Но храм Венеры превращал то, что считалось бы полупристойным, в нечто целиком отвечающее *mos maiorum*.

К театру примыкал большой перистиль, окруженный сотней колонн с каннелюрами и аляповатыми коринфскими капителями, которые приобрел в Греции еще Сулла. Синие, с густой позолотой колонны на фоне красных, сплошь покрытых фресками стен производили диковатое впечатление, как, впрочем, и сад, изобиловавший фонтанами, мраморными рыбами и всяческими чудищами. Денег во все это было вложено явно больше, чем вкуса.

Но Помпей на том не остановился. В дальнем конце перистилия он воздвиг курию и провел в ней необходимые обряды, чтобы там мог собираться Сенат. Курия была очень удобна и в плане напоминала сгоревшую. Та курия представляла собой прямоугольное помещение, обнесенное по трем сторонам ярусами, сбегавшими к возвышению, где восседали курульные магистраты. Верхний ярус занимали заднескамеечники, сенаторы второго разряда, недостаточно знатные, чтобы избираться на должности, и не имевшие права участвовать в прениях, ибо за ними не числилось ни воинских, ни каких-либо иных заслуг. Два средних яруса вмещали сенаторов, некогда занимавших не

очень высокие, но ответственные посты. Это были плебейские трибуны, квесторы, эдилы, отмеченные наградами храбрости. Два нижних яруса предназначались для бывших курульных эдилов, преторов, консулов, цензоров, имевших гораздо больше пространства, чтобы распушить перышки, чем их коллеги, сидевшие выше.

Старая курия Гостилия внутри была мрачной. Ярусы из необработанного туфа, стены, покрашенные грязно-коричневой краской, с грубыми красными завитушками и неровными полосами. Курульное возвышение устилал тот же туф. Центральное пространство между двумя скамьями ярусов покрыто мрамором в черно-белую клетку, таким старым, что он стал тусклым и совершенно потерял вид. В отличие от этой античной простоты курия Помпея была целиком выполнена из цветного мрамора. Стены пурпурные, между позолоченными пилястрами выложен причудливый узор из плиток розового мрамора. Верхний ярус облицован коричневым мрамором, средние — желтым, нижние — кремовым, а курульное возвышение — нумидийским, мерцающим голубым. Проходы вымощены мозаикой в виде алых и белых кругов. Все это залито светом, поступающим через высокие фонарные окна, каждое схвачено золоченой решеткой и опирается на широкий карниз.

Многие, входя в помещение, фыркали при виде этой безудержной показухи, но на самом деле людей оскорбляла не пышность. Оскорбляла статуя, стоявшая позади курульного возвышения. Высеченная в натуральную (чтобы не гневить богов) величину, она изображала Помпея в дни его первого консульства. Стройного, крепкого, тридцатилетнего, с копной золотистых волос и с ясными голубыми глазами на простом, круглом и явно не римском лице. Скульптор был выбран лучший, как и художник, искусно раскрасивший статую. Кожа, глаза, волосы имели естественный вид, настоящей казалась и темно-бордовая обувь с консульскими серповидными пряжками. Только тога и видимая часть туники были исполнены в новой манере. На них пошел отлично отполированный мрамор, в основном белый и частично пурпурный в необходимых местах. Поскольку статую водрузили на постамент высотой в четыре фута, Помпей Великий довлел над всеми. Самодовольный! Невыносимо высокомерный!

Почти все четыреста сенаторов, присутствующих в Риме, пришли в курию Помпея на это долгожданное заседание в мартовские календы. В некоторой степени Гай Марцелл-старший был прав, считая, что Помпей хотел заставить Сенат собраться в его курии, потому что Сенат игнорировал существование этой курии, пока его собственное любимое помещение не сгорело. Но Марцелл-старший не захотел пойти в своих рассуждениях немного дальше и признать тот факт, что в эти дни Сенату просто негде было бы собраться в полном составе, кроме как здесь, вне священных границ Рима. А это означало, что проводившиеся здесь заседания мог посещать и Помпей, не теряя своего губернаторства в обеих Испаниях. Этими провинциями управляли верные ему люди, а сам он, будучи также куратором по заготовке зерна, имел возможность жить возле Рима и свободно передвигаться по всей Италии, что обычно запрещалось губернаторам провинций.

Рассвет только-только начинал разгораться над Эсквилином, однако сенаторов в саду перистилия уже было полно. В ожидании появления собравшего Сенат магистрата Луция Эмилия Лепида Павла они собирались в небольшие группы, объединенные одинаковыми политическими взглядами, и оживленно переговаривались, несмотря на столь ранний час. Заседание обещало стать памятным, и потому на Марсово поле явились даже самые недисциплинированные из почтенных отцов. Всегда приятно полюбоваться на свержение идола, а в том, что сегодня Цезарь, народный идол, будет повержен, практически никто не сомневался.

Лидеры *boni* стояли у дверей курии: Катон, Агенобарб, Метелл Сципион, Марк Марцелл (младший консул прошлого года), Аппий Клавдий, Лентул Спинтер, Гай Марцелл-старший (младший консул этого года), Гай Марцелл-младший (предполагаемый консул на будущий год), Фауст Сулла, Брут и два плебейских трибуна.

— Великий, великий день! — пролаял по обыкновению хрипло Катон.

— Цезарю конец! — улыбнулся Луций Домиций Агенобарб.

— Его будут поддерживать, — неуверенно осмелился вставить Брут. — Я вижу Луция Пизона, Филиппа, Лепида, Ватию Исаврика, Мессалу Руфа и Рабирия Постума. У них уверенный вид.

— Лузга! Отребье! — презрительно изрек Марк Марцелл.

— Но кто знает, как заднескамеечники поведут себя, когда дело дойдет до голосования? — с некоторым напряжением произнес Аппий Клавдий.

Он находился под следствием за вымогательство, и ему было несколько не по себе.

— Большинство из них будет голосовать за нас, а не за Цезаря, — надменно процедил Метелл Сципион.

В этот момент появились ликторы, за ними шествовал старший консул Павел. Он вошел в курию, сенаторы устремились следом в сопровождении слуг, несших складные стулья, а также писцов, нанятых теми, кто пожелал иметь дословную запись хода этого исторического собрания.

Произнесли молитвы, принесли жертвы, знаки посчитали благоприятными. Сенаторы сели на свои стулья, курульные магистраты опустили в свои кресла из слоновой кости на бело-голубом мраморном возвышении под сенью статуи Помпея Великого.

Помпея, который сидел на нижнем ярусе слева от возвышения, одетый в тогу с пурпурной полосой, и со слабой улыбкой смотрел прямо в лицо своей статуе, наслаждаясь иронией происходящего. Какой это будет восхитительный день! О, его ждет замечательный, восхитительный день! Наконец-то из-под ног единственного человека, способного встать вровень с ним, будет выбита почва. И это при полном невмешательстве Помпея Магна. Никто не сможет ткнуть в него пальцем и обвинить в сговоре с целью расправиться с Цезарем. Все произойдет без него, ему ничего не придется делать, только молча присутствовать на заседании. Естественно, он будет голосовать за лишение Цезаря губернаторских полномочий, но точно так же проголосуют практически все. Выступить он не станет, даже если его попросят. *Voni* сами найдут что сказать.

Павел, у которого были фасции на весь март, сидел в своем курульном кресле чуть впереди Гая Марцелла. За ними устроились восемь преторов и два курульных эдила.

А внизу, прямо под курульным возвышением, стояла очень длинная, прочная, хорошо отполированная скамья. Там помещались десять плебейских трибунов, избранных простым римским людом для защиты своих интересов, а главное, для того, чтобы ставить аристократов на место. По крайней мере, так было на заре основания

Римской Республики. В те времена патриции целиком контролировали Сенат, а также суды, Центуриатное собрание и вообще все сферы общественной жизни. Но это продолжалось недолго. Рим не хотел новых царей. Плебс стал стремительно богатеть и потянулся к власти. Поединок умов длился сто лет. Патрициат боролся, но терял силы. И в результате плебеи получили право на один консульский пост, на половину мест в коллегии понтификов, на официальное причисление к знати плебейских экс-преторов и на организацию коллегии плебейских трибунов, дававших клятву защищать интересы своих избирателей даже ценой собственной жизни.

Прошли сотни лет, и роль плебейских трибунов переменилась. Постепенно Плебейское собрание, то есть группа римских граждан, узурпировало львиную долю законотворчества и перешло от ограничения власти патрициата к защите интересов всадников-коммерсантов, которые сформировали ядро Плебейского собрания и стали все жестче контролировать политику Сената.

Затем стал появляться особый вид плебейских трибунов, таких как братья Тиберий и Гай Семпронии Гракхи, которые использовали свое положение и Плебейское собрание для того, чтобы отнять часть власти у плебса и патрициата и наделить ею низшие слои римского общества. Оба поплатились за это, оба умерли страшной смертью, но память о них не умерла. Их эстафету подхватили другие, правда с другими целями и идеалами, — Гай Марий, Сатурнин, Марк Ливий Друз, Сульпиций, Авл Габиний, Тит Лабиев, Публий Ватиний, Публий Клодий и Гай Требоний. В Габинии, Лабиев, Ватинии и Требонии новые веяния проявились особенно четко. Каждый из них ориентировался на определенную политическую фигуру. Габиний и Лабиев — на Помпея, Ватиний и Требоний — на Цезаря.

Почти пять веков практики плебейского трибуната обрели кратковременное воплощение в десятке людей, не имевших права на ликторов и сидевших в простых белых тогах на длинной деревянной скамье. Восемь из них до избрания уже несколько лет терлись в Сенате, двое стали сенаторами только сейчас. И девять из десяти были никем — людьми, чьи имена и лица сотрутся в памяти римлян сразу по окончании срока их службы.

Но Гай Скрибоний Курион был отнюдь не таков. Он, как президент коллегии, занимал место в центре скамейки. Этот плебейский трибун с

мальчишечьим веснушчатым лицом и непокорной шевелюрой ярко-рыжих волос был полон огромной энергии и энтузиазма. Блестящий оратор, известный своими консервативными взглядами, Курион был одним из самых ярких противников Цезаря в год его консульства, хотя тогда был слишком молод для Сената.

Но казалось, микроб радикального экстремизма, свойственного всем плебейским трибунам, проник и в него. Некоторые из его законопроектов, мягко говоря, удивляли. Сначала он попытался провести закон о предоставлении полномочий проконсула новому куратору римских дорог. Многие подозрительные *boni* посчитали это намерением дать возможность Цезарю занять другую, если и не военную, то все же командную должность. Затем Курион как понтифик рьяно принялся убеждать коллегию понтификов вставить в год еще двадцать два дня в конце февраля, что отодвинуло бы наступление мартовских календ на весьма значительный для Цезаря срок. Неудачу с дорожным законом Курион воспринял спокойно, однако за мерседоний ревностно бился и, когда ему все-таки отказали, пришел в дикую ярость. Эта реакция подвигла Целия написать в Киликию своему приятелю Цицерону, что Курион, по его мнению, куплен. И куплен не кем иным, как Цезарем.

К счастью, эта догадка никого больше не осенила, по крайней мере настолько, чтобы отнестись к ней всерьез, так что в этот знаменательный день Курион посиживал на своем месте в позе, показывающей, что происходящее его мало интересует. Раз уж плебейским трибунам заткнули рты декретом, запрещающим им накладывать вето на ключевые вопросы повестки, то и ждать от них нечего, говорил его вид.

Павел объявил об открытии заседания и поручил вести его Гаю Клавдию Марцеллу-старшему.

— Уважаемые старший консул, цензоры, консуляры, преторы, эдилы, плебейские трибуны, квесторы и все почтенные отцы, — встав во весь рост, сказал тот. — Мы собрались, чтобы решить, как поступить с Гаем Юлием Цезарем, губернатором трех Галлий и Иллирии, о чем до настоящего дня говорить не имели права в свете закона, проведенного Гнеем Помпеем Магном и Марком Лицинием Крассом пять лет назад. Но сегодня Палата имеет право обсудить вопрос, оставлять Гаю Юлию Цезарю его полномочия или нет, поскольку срок его губернаторства

вышел. Собственно, этот срок можно было бы и продлить еще на год, согласно упомянутому закону, однако во время одиночного консульства Гнея Помпея Магна этот закон был изменен. Теперь дебаты следует повести по-другому. Среди сидящих здесь имеется небольшая группа людей, которые были преторами или консулами, но не пожелали управлять провинциями по истечении срока своих должностей. Совершенно законно данное собрание может решить использовать эти резервы и немедленно назначить нового губернатора или губернаторов Иллирии и трех Галлий. Консулы и преторы этого года не имеют права управлять провинциями в течение пяти лет, но мы, вероятно, не можем разрешить Гаю Цезарю продолжать губернаторскую службу еще пять лет, не так ли?

Гай Марцелл-старший помолчал, его смуглое привлекательное лицо светилось лукавством. Никто не сказал ни слова.

— Всем здесь присутствующим известно, что Гай Юлий Цезарь творит в своих провинциях чудеса. Восемь лет назад он начал с Иллирии, Италийской Галлии и Дальней Галлии, входящей в состав Римской Галльской Провинции. Восемь лет назад он начал с двух легионов, располагавшихся в Италийской Галлии и одного легиона в Провинции. Восемь лет назад приступил к управлению тремя мирными провинциями, и Сенат одобрил его действия, направленные на то, чтобы урезонить гельветов, пытавшихся вторгнуться в наши пределы. Но Сенат не давал ему полномочий входить в район, известный как Длинноволосая Галлия, чтобы воевать с неким царем германцев-свевов Ариовистом, имевшим статус друга и союзника Рима. Он не давал ему полномочий набирать новые легионы. Он не давал ему полномочий, подчинив царя Ариовиста, идти дальше, в Длинноволосую Галлию, и воевать с племенами, не имевшими с Римом договоров. Он не давал ему полномочий образовывать колонии так называемых римских граждан по ту сторону реки Пад в Италийской Галлии. Он не давал ему полномочий вербовать и пополнять свои легионы неримлянами. Он не давал ему полномочий дурно обращаться с послами некоторых влиятельных германских племен.

— Правильно, правильно! — выкрикнул Катон.

Смущенные сенаторы зашушукались, зашевелились. Курион сидел на скамье для трибунов, устремив взгляд в никуда. Помпей, щурясь,

рассматривал собственное лицо в глубине курульного возвышения, а лысый Луций Агенобарб ухмылялся.

— Правда, казна не возражала против того, что он творил, — продолжил оратор. — Не возражали в общем и целом и члены этого почтенного собрания. Ибо действия Гая Цезаря принесли в результате большую прибыль Риму, как, впрочем, и ему самому. Успешная война сделала его героем в глазах римских низов, ждущих подвигов от легионов, охраняющих наши дальние рубежи. А богатство позволило ему купить то, чего он не мог получить от людей по их доброй воле, — сторонников в Сенате и среди плебейских трибунов, голоса избирателей в трибах, голоса тысяч солдат. Это дало ему возможность преступить *mos maiorum*, согласно которому ни одному римскому губернатору не разрешалось вторгаться на территории, не подвластные Риму, с целью завоевать их к вящей своей славе. Что Рим получит от завоевания Длинноволосой Галлии и что потеряет? Он потеряет жизни своих лучших граждан, занятых как военным, так и мирным трудом. А получит ненависть народов, мало что о нас знающих и потому не желающих иметь с нами дела. Но эти люди даже и не пытались — я подчеркиваю, никогда не пытались! — посягнуть на римские земли и римскую собственность, пока Гай Цезарь не спровоцировал их. С огромной, незаконно набранной армией он вторгся во владения мирных племен, наводя на них ужас, сея вокруг себя разруху и смерть. И ради чего же? В первую голову ради личного обогащения. Выручка от продажи миллиона рабов была столь велика, что и армия получила подачки от щедрот своего генерала, присвоившего главный куш. Да, конечно, и Рим стал богаче, но Рим уже был богат. И львиную долю богатств ему принесли абсолютно законные войны, не завоевательные, а лишь укреплявшие незыблемость наших границ. Их вели очень достойные люди, в том числе и такие, как наш уважаемый консуляр Гней Помпей Магн, который сидит сейчас здесь скромно, ничем не кичась. Но не таков Гай Юлий Цезарь. Он ищет скандальной известности, он хочет стать народным героем, и степень его влияния на неграмотную, неуравновешенную толпу сейчас чересчур велика. Ведь это по его наущению чернь сожгла его дочь на Римском Форуме и заставила магистратов похоронить ее на Марсовом поле. Я говорю это без намерения оскорбить почтенного консуляра Гнея Помпея Магна, чьею женой она была. Но факт остается фактом, Гай Цезарь

манипулирует римским народом, как хочет, а тот делает все, чтобы ему угодить.

При этих словах Помпей царственно наклонил голову с выражением безмерного горя и смятения на лице.

Курион сидел и слушал с непроницаемым видом, но на сердце у него скребли кошки. Речь была очень продуманная и очень дельно составленная, она звучала так, словно во всем опиралась на конституцию. Она хорошо принималась и сенаторами среднего яруса, особенно теми, кто мало понимал, чью сторону взять, и теперь словно бы прозревал. Ибо в ней была одна неопровержимая вещь — своеволие Цезаря, о котором все знали. Как теперь убедить этих олухов, что Риму оно не во вред? Что Цезарь пошел на такое самоуправство лишь для того, чтобы урезонить германцев, готовящихся к походу на Рим? Он беззвучно вздохнул, втянул голову в плечи и вытянул ноги, прислонившись спиной к холодному бело-голубому мрамору курульного возвышения.

— Я говорю, — продолжал Гай Марцелл-старший, — что сейчас настал момент положить конец беззаконным действиям этого человека, чей род столь знатен, а связи столь крепки и обширны, что он вполне искренне считает себя вправе выходить за рамки законности и принципов *mos maiorum*. Он, собственно говоря, второй Луций Корнелий Сулла. Высокородный и хитроумный, способный на все ради удовлетворения своих лишь желаний. Мы все знаем, что произошло с Суллой дальше и что при Сулле случилось с Римом. Понадобилось больше двадцати лет, чтобы восполнить ущерб. Но жизни, которые он отнял у римлян, уже не вернуть, и ничем не смыть унижений, которым он подверг нас. Он был автократом, узурпировавшим власть, чтобы сеять жестокость.

Гай Марцелл глубоко вздохнул, покачал головой.

— Я не утверждаю, что Гай Цезарь намеревается сделаться вторым Суллой. Но все члены древних патрицианских семей одинаковы. Они считают себя чуть ниже богов и искренне верят, что все им разрешено и все им под силу.

Он глубоко вздохнул и в упор посмотрел на самого молодого дядю Цезаря, Луция Аврелия Котту, который во все годы проконсульства Цезаря сохранял невозмутимую беспристрастность.

— Вы все знаете, что Гай Цезарь намерен баллотироваться на вторичное консульство. Вы все также знаете, что Палата отказалась разрешить Гаю Цезарю зарегистрировать свою кандидатуру в отсутствие. Для регистрации он должен пересечь померий и войти в город, что тут же лишит его губернаторских полномочий. После чего многие из присутствующих, и я в том числе, незамедлительно обвинят его в массе неправомочных деяний. Деяний предательских, почтенные отцы! Таких, как незаконный набор легионов для вторжения в земли невоющих с нами племен. Таких, как образование колоний из людей, не имеющих права быть римскими гражданами. Таких, как убийство послов, пришедших к нему с доброй волей. Это измена! Цезаря будут судить, и на Форум придет больше народа, чем в день суда над Милоном. Он не избежит наказания. Оно будет справедливым. Но начать вершить эту справедливость мы можем прямо сейчас. Я вношу предложение лишить Гая Юлия Цезаря его проконсульских и губернаторских полномочий, как и права командовать армией, сегодня, в мартовские календы, в год консульства Луция Эмилия Лепида Павла и Гая Клавдия Марцелла.

Курион не двинулся, не выпрямился, не изменил положения ног. Он лишь сказал:

— Я налагаю вето на твое предложение, Гай Марцелл.

Коллективный вздох четырехсот пар легких был подобен порыву ветра, за которым последовали шорохи, бормотание, скрип стульев, несколько хлопков.

Помпей вытаращил глаза, у Агенобарба вырвался продолжительный стон, а Катон словно бы онемел. Первым опомнился Гай Марцелл-старший.

— Я предлагаю лишить Гая Юлия Цезаря его полномочий, его провинций и армии.

— Я налагаю вето на твое предложение, младший консул, — повторил Курион.

Наступила удивительная тишина, никто не шелохнулся, не сказал ни слова. Все глаза устремились на Куриона.

Катон вскочил.

— Предатель! — заорал он. — Предатель, предатель, предатель! Немедленно арестуйте его!

— О, чушь! — выкрикнул Курион. Он поднялся со скамьи и вышел на середину пурпурно-белой площадки, где и встал, широко расставив ноги и высоко вскинув голову. — Чушь, Катон, и ты это сам знаешь! Ты и твои лизоблюды провели декрет, не имеющий даже отдаленного отношения к конституции! Ни один декрет, принятый не в период военного положения, не может лишить законно избранного плебейского трибуна его права на вето! Я налагаю вето на предложение младшего консула! Это мое законное право! И не пытайся внушить мне, что меня ждет скорый суд за измену и падение с Тарпейской скалы! Плебс никогда этого не допустит! Кем ты себя возомнил, патрицианский подпевала? Для человека, вечно твердящего о высокомерии патрициев, Катон, ты сам ведешь себя как настоящий патриций! А потому сядь и заткнись. Я налагаю вето на предложение младшего консула!

— Замечательно, — послышалось от дверей. — Курион, я восхищаюсь тобой! Я преклоняюсь перед тобой! Замечательно! Превосходно!

В дверном проеме стояла Фульвия, освещенная солнцем. Живот ее под оранжевым шифоновым платьем заметно округлился, щеки пылали, глаза сияли.

Гай Марцелл-старший затрясся, теряя терпение.

— Ликторы, уберите эту женщину! — закричал он. — Выкиньте ее на улицу, там ей место!

— Не смейте трогать ее! — прорычал Курион. — Где это сказано, что римлянин любого пола не может полюбопытствовать, что творится в Сенате при открытых дверях? Только дотронься до внучки Гая Семпрония Гракха, и тебя разорвут на куски те люди, которых ты считаешь презренной, необразованной чернью, Марцелл!

Ликторы заколебались. Курион воспользовался моментом. Он прошел к двери, взял жену за плечи и пылко поцеловал.

— Ступай домой, Фульвия, ты молодец.

И Фульвия, чуть улыбаясь, ушла, а Курион вернулся в центр курии и насмешливо посмотрел на Марцелла.

— Ликторы, арестуйте этого человека! — дрожа от гнева, выкрикнул тот. Пена скопилась в уголках его рта. — Арестуйте его! Я обвиняю его в измене! Бросьте его в Лаутумию!

— Ликторы, стойте там, где стоите! — безапелляционно повелел Курион. — Я — плебейский трибун, которому препятствуют выполнять

мои прямые обязанности. Я воспользовался моим правом вето на законном собрании Сената, и на данный момент не существует закона, который бы мне это запрещал! Я приказываю вам арестовать младшего консула за попытку не дать избраннику плебса исполнить свой долг! Делайте же, что вам говорят! Арестуйте Гая Марцелла!

До сих пор сидевший в оцепенении Павел с трудом поднялся на ноги и жестом приказал старшему ликтору постучать фасциями по полу.

— Тихо! Тихо! — закричал он. — Я требую тишины! Успокойтесь!

— Это я собрал Сенат, а не ты! — завопил Марцелл-старший. — Павел, не суйся не в свое дело!

— Я — консул с фасциями! — прогремел обычно апатичный Павел. — А значит, я веду это собрание, младший консул! Сядь! Все сядьте! Я требую тишины, иначе прикажу ликторам всех разогнать! Катон, закрой рот! Агенобарб, даже не думай что-нибудь вякнуть! Я требую тишины! — Он сердито уставился на Куриона, похожего на строптивную и беспечную собачонку, ничуть не страшась волчьей стаи, готовой наброситься на нее. — Гай Скрибоний Курион, я уважаю твое право на вето, и я согласен, что препятствовать тебе неконституционно. Но я думаю, Палата должна знать, почему ты так поступил. Говори.

Курион кивнул, пригладил волосы, облизнул губы. Хорошо бы глоток воды! Попросить? Но это примут за слабость.

— Благодарю, старший консул. Не было нужды распространяться о том, какие меры многие из собравшихся планируют предпринять против проконсула Гая Юлия Цезаря. Со стороны младшего консула это было и неуместно, и неприлично. Ему стоило ограничиться лишь изложением причин, по каким он предлагает лишить Гая Цезаря проконсульства и провинций.

Курион пересек площадку и встал спиной к дверям, теперь закрытым. С этой точки он мог видеть лица всех, включая статую и тех, кто сидел перед ней.

— Младший консул заявил, что Гай Цезарь напал на мирную территорию, не принадлежавшую Риму, чтобы снискать себе еще большую славу. Однако на деле это не так. Царь свевов-германцев Ариовист заключил соглашение с кельтскими секванами, позволяющее его народу осесть на одной трети принадлежащих секванам земель. И

чтобы установить дружеские отношения с германцами, Гай Цезарь нарек царя Ариовиста другом и союзника Рима. Точнее, он дал ему этот статус, скрепив его договором. Но царь Ариовист нарушил договор, переправив через Рейн значительно большее количество свевов и тесня секванов. Те, в свою очередь, потеснили эдуев, давно находящихся с нами в союзе. Гай Цезарь выступил на защиту эдуев, ибо обязан был им помочь. Затем, лично оценив мощь германцев, Гай Цезарь решил заручиться поддержкой кельтов и белгов Длинноволосой Галлии и лишь потому пошел в их земли, а вовсе не с целью развязать несправедливую войну.

— Курион! — крикнул Марк Марцелл. — Вот уж не думал, что сын такого отца станет подлизывать чье-то дерьмо! Ерунда! Человек, желающий заключить договор, не берет с собой войско!

— Тихо! — громыкнул Павел.

Курион покачал головой, словно бы сожалея о глупости замечания.

— Он пошел туда с войском, потому что является осмотрительным человеком, Марк Марцелл, а не таким идиотом, как ты. Ни одно римское копье не было брошено с агрессивными целями, ни одно племя не было разорено. Цезарь заключил там множество договоров о дружбе. Законные и реальные, все они висят в храме Юпитера Победоносного. Пойди и взгляни на них, если не веришь! И только когда эти договоры были нарушены галлами, римские копья нашли свои цели, а мечи покинули ножны. Прочти «Записки» Гая Цезаря, ты можешь купить их в любой книжной лавке! А то мне сдается, что ты с ними не знаком. Ты что, клевал носом, когда его отчеты зачитывались в Сенате?

— Ты не достоин называть себя Скрибонием Курионом! — с горечью сказал Катон. — Изменник!

— Это спорный вопрос, Марк Катон! — заметил Курион, хмурясь. — По мне, так изменником являешься ты. А я использовал свое право вето исключительно потому, что мне стало ясно, что и младший консул и остальные *boni* намерены ущемить права человека, которого нет сейчас среди нас. Мне это не по нраву. Здесь не судилище, но и в судах обвиняемым дается возможность себя защитить. И я, как плебейский трибун, всего лишь ратую за справедливость. Я повторяю, Гай Цезарь не был агрессором в Длинноволосой Галлии. А на заявление, что он набирал легионы без соответствующих полномочий, я хотел бы ответить, что вы сами санкционировали подобное

рекрутирование и согласились платить дополнительно набранной армии, поскольку ситуация в Длинноволосой Галлии все ухудшалась.

— Это было уже после противоправного рекрутирования! — крикнул Агенобарб. — После! Принятие факта санкционированием назвать невозможно!

— Позволь мне не согласиться, Луций Домиций. Разве эта Палата не выносила благодарностей Цезарю? И разве казна когда-нибудь заявляла, что не имеет санкций принимать деньги, которые Цезарь сюда присылал? Власть всегда нуждается в деньгах, ибо сама их не зарабатывает. Она лишь горазда их тратить.

Курион резко обернулся, чтобы посмотреть на Брута, который на глазах сжался.

— Отчего-то *boni* не считают действия своих сторонников достойными порицания. А потому задаю вам вопрос. Какие действия большинство членов этой Палаты сочло бы более предпочтительными? Жесткие, неприкрашенные, но очень законные репрессалии Гая Цезаря в Галлии или тайные, жестокие и очень незаконные репрессалии Марка Брута, совершенные им по отношению к старейшинам кипрского города Саламин, когда они не смогли уплатить его миньонам сорок восемь процентов накрутки на их общий долг? Я слышал, что Гай Цезарь судил некоторых галльских вождей и казнил их. Я слышал, что Гай Цезарь убил много галльских вождей на поле сражения. Я слышал, что он отрубил руки четырем тысячам галлов, которые ополчились на Рим. Но нигде я не слышал, что Гай Цезарь одолжил кому-то деньги, а потом посадил своих должников под замок и держал их там, пока они не умерли с голоду! Именно это проделал Марк Брут, этот выдающийся представитель римской senatorской молодежи!

— Это подло, Гай Курион! — прошипел Брут сквозь зубы. — Старейшины Саламина умерли не по моей воле.

— Но ты ведь осведомлен об их участи, разве не так?

— Да, но лишь из письма Цицерона.

Курион критически хмыкнул и опять обратился к собравшимся.

— Что же до заявления, будто бы Цезарь незаконно предоставлял кому-то римское гражданство, то покажите мне, где он действовал не точно так же, как наш любимый, но пребывающий не в ладу с конституцией Гней Помпей Магн! Или, раньше, Гай Марий! Или любой губернатор провинций, образовывавший когда-либо колонии! Кого

набирают в них? В своей массе людей, не являющихся гражданами Рима, но проявляющих к Риму лояльность. Это давняя практика, почтенные отцы, и завел ее не Гай Цезарь. Это стало частью *mos maiorum* — предоставлять римское гражданство тем местным жителям, которые легально, преданно и героически служат нашему делу. И ни один легион Цезаря нельзя назвать вспомогательным! Костяк каждого составляют чистопородные римляне.

Гай Марцелл-старший презрительно фыркнул.

— Для человека, который заявил, что сейчас не время и не место устраивать судилище, Гай Курион, ты только и делаешь, что ведешь себя как адвокат, защищающий Цезаря на судебном процессе.

— Да, это практически так, — согласился с легкостью Курион. — Но я уже перехожу к сути вопроса. Речь пойдет о письме, которое Сенат послал Гаю Цезарю в начале прошлого года в ответ на просьбу Цезаря отнестись к нему точно так же, как к Гнею Помпею Магну, который недавно баллотировался на консульство *in absentia*, являясь одновременно куратором по заготовке зерна и губернатором обеих Испании. «Конечно, без проблем!» — вскричали тут многие и с неприличной поспешностью прогнали это неконституционное дельце через плохо посещаемое Трибунное собрание! Но Гаю Цезарю, во всех отношениях ни в чем не уступающему Помпею Магну, эта же Палата не постеснялась сказать: «Поешь-ка ты говна, Цезарь!»

Отважный маленький терьер показал зубы.

— Я скажу вам, почтенные отцы, что я намерен делать. Я буду продолжать налагать вето на вопрос о губернаторстве Цезаря до тех пор, пока Сенат Рима не согласится отнестись к Гаю Цезарю именно так, как он отнесся бы к Гнею Помпею Магну. Я отзову вето лишь при условии, что любая акция по отношению к Гаю Цезарю тут же будет применена и к Гнею Помпею! Если Палата лишит Гая Цезаря полномочий, провинций и армии, всего этого одновременно должен лишиться и Гней Помпей!

Все, как по команде, выпрямились. Помпей, потерявший всякое сходство со своей статуей, изумленно таращился на Куриона. Консуляры, лояльные к Цезарю, во весь рот улыбались.

— Молодец, Курион, так их, так их! — крикнул Луций Пизон.

— Заткнись! — заорал ему Аппий Клавдий.

— Я предлагаю, — вопил Гай Марцелл-старший, — тут же лишить Гая Цезаря полномочий, провинций и армии! Лишить!

— Я налагаю вето на это предложение, младший консул, если ты не добавишь к нему, что полномочий, провинций и армии лишается и Гней Помпей!

— Палата постановила считать наложение вето на вопрос о проконсульстве Гая Цезаря изменой! Ты изменник, Курион, и я сам прослежу, чтобы тебя предали смерти!

— Я и на это налагаю вето, Марцелл!

Павел поднялся с кресла.

— Собрание закончено! — прорычал он. — Закончено! Все — вон отсюда!

Пока сенаторы покидали курию, Помпей недвижно сидел на стуле, уже без особой радости разглядывая свою статую. Примечательно, что ни Катон, ни Агенобарб, ни Брут, ни кто-либо из других *boni* не подошел к нему, что могло бы быть истолковано как просьба прийти поговорить. Только Метелл Сципион присоединился к нему. Когда все вышли, они вместе покинули курию.

— Я поражен, — сказал Помпей.

— Не больше, чем я.

— Что я сделал Куриону?

— Ничего.

— Тогда почему он накинулся на меня?

— Не знаю.

— Он — человек Цезаря.

— Теперь мы уверены в этом.

— Впрочем, я никогда ему не нравился. Он клеймил меня и в год консульства Цезаря, и потом.

— Тогда он был человеком Публия Клодия, а Клодий всегда ненавидел тебя.

— Но все-таки, почему именно я?

— Ты — враг Цезаря, Магн.

Голубые глаза на отеком лице удивленно расширились.

— Я не враг Цезарю! — возразил надменно Помпей.

— Чушь. Разумеется, враг.

— Подумай, что ты несешь, Сципион? Хотя умом ты не блещешь.

— Это правда, — спокойно согласился Метелл Сципион. — Вот почему вначале я и ответил: не знаю. А потом понял. Я вспомнил, что говорили Катон и Бибул. Ты ревнуешь к способностям Цезаря. В самой глубине души ты боишься, что он тебя обойдет.

Они вышли из курии не через парадную дверь, а через боковую, выводящую в перистиль виллы, по меткому выражению Цицерона притулившейся к театру, как шлюпка к яхте.

Первый Человек в Риме кусал в гнев губы. Метелл Сципион всегда говорил то, что думал, ничуть не интересуясь, как к этому отнесутся. Тот, кто родился Корнелием Сципионом и в чьих жилах течет кровь Эмилия Павла, может позволить себе спокойно высказываться без оглядки на кого-либо. Даже на Первого Человека в Риме. А Метелл Сципион вдобавок к своей родословной имел и еще кое-что — огромное состояние, которое он унаследовал, будучи усыновлен богатым плебейским семейством Метеллов.

Да. Он попал в точку, хотя вслух Помпей этого признавать не хотел. Опасения зародились в ранние годы пребывания Цезаря в Длинноволосой Галлии, а его победа над Верцингеторигом облекла их в конкретную форму. Помпей уничтожил отчет, в котором подробно описывалась эта кампания, пришедшаяся на год его третьего консульства. Цезарь затмил его. Просто затмил. Ни одного неправильного решения. Высококвалифицированный подход к войне. Молниеносность перемещений. Несгибаемая стратегия при немыслимой гибкости в тактике. А его армия! Почитает его, словно бога. Действительно почитает, легионеры преклоняются перед ним. Он же ведет их сквозь шестифутовую снежную толщу. Он их выматывает, морит голодом, заставляет вершить титаническую работу. А они ему всецело преданы. Только идиоты могут твердить, что эта преданность куплена им! Тот, кто дерется за деньги, уваливает от смерти. А люди Цезаря готовы умереть за него тысячу раз.

«У меня никогда ничего подобного не было, хотя я думал, что было, когда собрал своих пиценских клиентов и отправился с ними под руку Суллы. Тогда я верил в себя, верил, что мои люди любят меня. Возможно, Испания и Серторий отняли у меня эту веру. И я вынужден был смотреть, как они умирают вследствие моих грубых ошибок. Ошибок, которых он не делает никогда. Испания и Серторий заставили меня прийти к выводу, что побеждают числом. С тех пор я никогда не

вступал в бой без осязательного численного перевеса. И в будущем никогда не вступлю. А он сражается с малыми силами, потому что верит в себя, потому что не сомневается в своих людях. И все-таки не теряет солдат понапрасну, не ищет сражений. Предпочитает решать споры мирно. А потом вдруг отрубает руки четырем тысячам галлов, считая это самым действенным способом обеспечить длительный мир. И пожалуй, он прав. Сколько людей он потерял под Герговией? Сотен семь? И он оплакивал их! В Испании я одним махом потерял вдесятеро больше, но не уронил ни слезинки. Может быть, больше всего я боюсь его ужасающей рациональности. Даже в порыве гнева он способен себя контролировать, чтобы изменить ситуацию в свою пользу. Да, Сципион прав. В глубине души я понимаю, что Цезарь лучше меня».

Корнелия встретила их в атриум, подставив мужу холодную щеку, потом широко улыбнулась отцу, этому монументальному дураку. О Юлия, где ты? Почему ты ушла? Почему эта не может быть такой, как ты? Почему эта так холодна?

— Я не думала, что заседание кончится до заката, — сказала Корнелия, распахивая дверь в столовую. — Но конечно, ужин нас уже ждет.

Нет, она все-таки симпатичная. В этом отношении ничего позорного в его выборе нет. Густые каштановые волосы свиты в прядки, заправлены за уши. Губы достаточно полные, чтобы вызвать желание, груди тоже большие, у Юлии были меньше. Серые глаза с чуть нависшими веками широко расставлены. Она с похвальной покорностью легла на брачное ложе. Не девственница, поскольку уже была замужем, но, как обнаружилось, малоопытная и недостаточно пылкая, чтобы приносить ему радость. Помпей гордился собой как любовником, но Корнелия не давала ему себя проявить. В целом она не выказывала неудовольствия, но шесть лет брака с восхитительно отзывчивой, легко возбуждавшейся Юлией развили в нем чувственность. Прежний Помпей считал бы все в порядке вещей, но нынешний находил особое удовольствие в легких покусываниях женских сосков. Корнелия Метелла считала это глупостью, но терпела. Однако когда он языком раздвинул ей губы вульвы, она отпрянула и с возмущением сказала:

— Это отвратительно! Не смей делать так! Никогда!

Возможно, подумалось вдруг Помпею, она отстранилась из опасения ощутить взрыв невольного наслаждения. Корнелия Метелла в любой ситуации хотела владеть собой.

Катон шел домой один, сожалея, что с ним нет Бибула. Без него решимость *boni* таяла, по крайней мере когда дело доходило до прямых действий. Трое Клавдиев Марцеллов были неплохими ребятами, а средний даже очень неплох, но многолетней, страстной ненависти к Цезарю у них не имелось. Той ненависти, какую питал и лелеял Бибул. И Бибул, и Катон хорошо понимали, как ущемит Цезаря закон о пятилетней отсрочке, но они совершенно не предполагали, что его первой жертвой падет сам Бибул, засунутый сейчас в Сирию, так же как этот напыщенный, самоуверенный осел Цицерон — в Киликию. Они теперь соседи и должны вести вместе войны. Смирных лошадок, прогулочную и вьючную, запрягли в колесницу Марса! О чем только думал Сенат? Пока Бибул разводил с парфянами дипломатию через парфянского аристократа Орнадапата, Цицерон вошел в Каппадокию и осадил Пинденисс. Он потратил пятьдесят семь суток на взятие этого ничего не значащего городка! В тот же год, когда Цезарь возвел двадцатипятимильную линию фортификаций и в тридцать дней заставил Алезию сдаться! Контраст был столь разителен, что отчет Цицерона вызвал в Сенате смешки. И шел он до Рима сорок пять дней, немногим менее, чем длилась осада.

Катон вошел в свой пустой дом. Расставшись с Марцией, он уменьшил штат слуг, а когда Порция вышла замуж, урезал его еще раз. Ни он, ни его философствующие нахлебники Афенодор Кордилион и Статилл гурманами не являлись. Есть надо только для того, чтобы жить, а значит, на кухне хватит и повара с поваренком. Управляющий — лишняя роскошь. Зачем Катону управляющий? У него есть человек, убирающий в доме, делающий закупки и отдающий в стирку белье. Катон скрупулезно проверял все хозяйственные расходы. Набегало до десяти тысяч сестерциев в год. Вино, правда, утраивало эту сумму. Второй отжим, кислятина, но это не имело значения. Катон и философы пили для поддержания тонуса и совершенно не интересовались вкусом поглощаемого напитка. Вкус — привилегия богачей, таких как Квинт Гортензий, который женился на Марции.

Мысль о Марции жгла, колола, не хотела развеиваться, усугубляя горечь. Марция, Марция... Он все еще помнил, как она первый раз взглянула на него, когда он пришел в дом Луция Марция Филиппа. Семь лет назад. Ну, почти семь. Без пары месяцев, что не очень-то важно. Тогда он радовался успешному завершению невероятно сложного поручения. Публий Клодий убедил всех, что аннексировать Кипр — задача, посильная лишь для Катона. И Катон аннексировал Кипр. И пожал плечами, когда ему сообщили, что египетский регент острова, Птолемей Кипрский, покончил с собой. А затем принялся очень выгодно распродавать все прибранные к рукам драгоценности и произведения искусства. И положил вырученные деньги — в общей сложности семь тысяч талантов — в две тысячи сундуков. Сделал два экземпляра финансового отчета. Один хранил у себя, другой вверил своему вольноотпущеннику Филаргиру. Чтобы не дать никому повода заподозрить себя в казнокрадстве! В любом случае какой-либо из документов обязательно должен был попасть в Рим.

Он погрузил все сундуки на корабли кипрской придворной флотилии. Зачем нанимать другие суда, если имеются эти? Потом придумал, как не потерять сундуки в случае кораблекрушения. К ручкам каждого сундука привязали веревку длиной в сто футов с куском пробки на свободном конце. Если какое-то судно затонет, эта пробка всплывет, а веревка позволит поднять утраченное со дна моря. В качестве дополнительной предосторожности Филаргиру с другим экземпляром отчета было велено сесть на отдельный корабль.

Кипрские корабли выглядели неплохо, но не предназначались для плавания в открытых водах Нашего моря, в таких местах, как мыс Тенар в самой южной точке Пелопоннеса. Это были беспалубные биремы с маленьким парусом, с низкой осадкой, по два гребца на весло. Отсутствие трюмов вселяло уверенность, что линии без помех размотаются и дадут пробкам выскочить на поверхность, если в том возникнет нужда. Погода стояла хорошая, но, когда флотилия огибала Пелопоннес, налетел шторм. Затонул, к счастью, один лишь корабль — с Филаргиром и со вторым экземпляром отчета. Увы, когда море успокоилось, ни один кусок пробки не всплыл. Катон просчитался: глубина моря в том месте превосходила длину веревок.

И все-таки потеря одного корабля большой бедой не была. Мореплаватели в преддверии нового шторма предусмотрительно

укрылись на Корсике. К сожалению, этот красивый остров не мог предоставить всем из них кров. Пришлось разбить палатки на рыночной площади приютившей их деревушки. Верный принципам стоицизма Катон не пошел на ночлег к местному богателю. Было холодно, моряки развели огромный костер, но шквалистый ветер вмиг разметал горящие головешки. Палатка Катона сгорела полностью — со всеми бумагами. Вместе с ними сгорел и основной экземпляр финансового отчета.

Катон понял, что ему уже никогда не отвести от себя подозрений в присвоении части кипрских денег. И может быть, поэтому не доверил битком набитые сундуки Аппиевой дороге. Вместо этого он повел флотилию вокруг итальянского «сапога» к Остии и, поскольку корабли были маломерными, поднялся по Тибру прямо к пристаням Рима.

Римляне высыпали на причал, удивляясь необычному зрелищу. Среди них был и младший консул того года Луций Марций Филипп. Гурман, гуляка, эпикуреец, он собрал в себе все презираемые Катонем черты. Но, проследив за перегрузкой без малого двух тысяч сундуков в подвалы храма Сатурна, Катон все же решил не отказываться от настойчивого приглашения отобедать.

— Сенат в восхищении, мой дражайший Катон, — сказал Филипп, встретив гостя в дверях. — Тебя готовы осыпать всеми видами почестей, включая право носить *toga praetexta* на публичных мероприятиях и публичное изъявление благодарностей.

— Нет! — резко возразил Катон. — Я не приму никаких почестей за исполнение своих обязанностей, так что не трудитесь обсуждать это, а тем более голосовать. Я только прошу, чтобы рабу Никию, который был управляющим у Птолемея Кипрского, дали вольную и римское гражданство. Без его помощи мне бы ничего не удалось сделать.

Филипп, красивый смуглый мужчина, весьма удивился, но спорить не стал. Он провел гостя в изящно оформленную столовую, усадил его на *locus consularis* — почетное место на своем собственном ложе, и представил своим сыновьям, возлежавшим на *lectus imus*. Луцию-младшему, такому же смуглому и красивому, как его отец, было двадцать шесть лет. Квинту исполнилось двадцать три года, он был светлее и не такой красивый.

На дальнем конце *lectus medius*, где возлежали Филипп и Катон, стояли два кресла, отделенные от ложа низким столиком с едой.

— Ты, наверное, не знаешь, — растягивая слова, проговорил Филипп, — что совсем недавно я снова женился.

— Женился? — переспросил Катон.

Он чувствовал себя очень неловко. Он ненавидел эти официальные трапезы, сталкивавшие его с людьми, не имевшими с ним ничего общего ни в философском, ни в политическом смысле.

— Да. На Атии, вдове Гая Октавия, моего покойного друга.

— Атия... Кто это?

Филипп рассмеялся. Его сыновья усмехнулись.

— Если женщина не Порция и не Домиция, Катон, то ты ее не замечаешь! Атия — дочь Марка Атия Бальба из Ариции и младшей из двух сестер Гая Цезаря.

Чувствуя, как ему сводит губы, Катон изобразил подобие заинтересованности.

— Племянница Цезаря?

— Да, это так.

Катон постарался быть вежливым до конца.

— А для кого поставлено другое кресло?

— Для моей единственной дочери Марции, моего цыпленочка.

— Видимо, она еще молода для замужества?

— Вообще-то ей уже восемнадцать. Она была обручена с молодым Публием Корнелием Лентулом, но он умер. Я еще не подыскал ей нового жениха.

— У Атии есть дети от Гая Октавия?

— Двое, девочка и мальчик. И есть еще падчерица, дочь Октавия от Анхарии, — ответил Филипп.

В этот момент в трапезную вошли две женщины. Обе красивые, но по-разному. Атия, золотоволосая и голубоглазая, отдаленно напоминала жену Гая Мария, движения ее были поразительно грациозны. Марция, черноволосая и черноглазая, очень походила на своего старшего брата, который, как мог заметить Катон, не отрывал глаз от новой супруги отца.

Но Катон ничего не заметил, потому что сам не мог оторвать глаз от Марции, скромно усевшейся в жесткое кресло, но не потупившей взора. Она тоже неотрывно смотрела на гостя.

Они мгновенно влюбились друг в друга. Ни он, ни она не ожидали ничего подобного. Марция понимала, что происходит, Катон — нет.

Она улыбнулась, показывая ослепительно белые зубы.

— Ты вернулся героем, Марк Катон.

Тут принесли первые блюда. Обычно Катон презирал такой рацион. Фаршированные каракатицы, перепелиные яйца, гигантские оливки, привезенные из Дальней Испании, копченые угри, устрицы, доставляемые в цистернах из Байи, крабы оттуда же, мелкие креветки в чесночном соусе на превосходном оливковом масле и хрустящий, еще пышущий печным жаром хлеб.

— Я ничего особенного не сделал, только выполнил свой долг, — сказал Катон так мягко и ласково, что сам себе удивился. — Рим отправил меня аннексировать Кипр, и я сделал это.

— Но очень честно и очень тщательно.

Дополнением к сказанному был обожающий взгляд. Катон залился краской, опустил голову и сосредоточился на поглощении устриц и крабов, которые, признаться, были очень вкусны.

— Попробуй креветок, — сказала Марция, взяв его руку и поднося ее к блюду.

Прикосновение вызвало в нем взрыв восторга. Благоразумие приказывало отнять руку, но он ему не подчинился. И продлил миг контакта, делая вид, что поглощен выбором.

«Какой же он привлекательный! — думала Марция. — Какой благородный нос! Какие красивые серые глаза, такие суровые, но озаренные внутренним светом. Какой твердый рот! И аккуратно подстриженные мягкие, вьющиеся рыжевато-золотистые волосы. Широкие плечи, длинная красивая шея, никакого лишнего жира, длинные мускулистые ноги. Спасибо всем богам, что в тоге слишком неудобно есть и мужчины одеты только в туники!»

Катон стиснул в пальцах пару креветок, сгорая желанием сунуть одну в великолепный восхитительный ротик. О, пусть продлится это мгновение!

И оно длилось и длилось. А остальные члены семейства удивленно переглядывались. Их удивление относилось не к Марции. В ее добродетели и покорности родительской воле не сомневался никто. Нет, удивлял всех один лишь Катон. Кто бы мог подумать, что он может говорить так тихо и мягко и так упиваться прикосновением женской руки? Из всех присутствующих только Филипп был достаточно стар, чтобы помнить, как незадолго до восстания Спартака двадцатилетний

Катон сходил с ума от любви к Эмилии Лепиде, дочери Мамерка, вышедшей замуж за Метелла Сципиона. Этот факт, решил Рим, что-то в нем убил. И в двадцать два года он женился на Аттилии, но относился к ней холодно, с нескрываемым безразличием. А когда та улеглась под Цезаря, развелся с ней, запретил видеться с дочкой и с сыном. В доме его с тех пор не было женщин.

— Разрешите мне омыть твои руки, — произнесла Марция между переменами блюд.

На столе появились жареный ягненок, жареный цыпленок, множество овощей, приготовленных с чесноком и тертым сыром, жареная свинина в перечном соусе и свиные колбаски, слегка поджаренные и обмазанные разбавленным водой медом.

Для Филиппа, знавшего, что гость ценит во всем простоту, это был весьма скудный стол. Для Катона — обильная, трудно перевариваемая пища. Но ради Марции он пробовал то одно, то другое.

— Я слышал, у тебя две сводные сестры и один сводный брат?

Лицо ее осветилось.

— Да. Правда, мне повезло?

— Значит, тебе они нравятся?

— Кому они могут не нравиться?

— А кто тебе нравится больше?

— О, это просто, — улыбнулась она. — Маленький Гай Октавий.

— Сколько ему?

— Шесть, но ведет он себя на все шестьдесят.

Катон засмеялся. Не привычно заржал, а тихо захохотал.

— Наверное, это очаровательно.

Она нахмурилась, обдумывая ответ.

— Нет, он совсем не очаровательный, Марк Катон. Я бы сказала, что он поразительный. По крайней мере, так говорит мой отец. Он невозмутимый, спокойный и всегда о чем-нибудь размышляет. Все у него разложено по полочкам, анализируется, взвешивается. — Она замолчала, потом добавила: — И он очень красив.

— Тогда это у него от его двоюродного деда Гая Цезаря, — сказал Катон, снова хрипло и поскуцнев.

Она заметила это.

— В некоторых отношениях — да. Интеллект потрясающий. Но одарен он отнюдь не во всех областях. Довольно ленив. Ненавидит

греческий и даже не учит.

— Ты хочешь сказать, что Гай Цезарь одарен всесторонне?

— По-моему, все так считают.

— Тогда чем же одарен маленький Гай Октавий?

— Он очень рационален. Ничего не боится. Уверен в себе. Готов рисковать.

— Значит, он действительно пошел в Гая Цезаря.

Марция хихикнула.

— Нет, — возразила она. — Он ни в кого не пошел. Он сам по себе.

Стол вновь очистили, и в Филиппе проснулся гурман.

— Марк Катон, — сказал он. — Ты имеешь возможность отведать совершенно новый десерт!

Он посмотрел на салаты, сдобные булочки, пирожные с медом и покачал головой.

— Эй! — прозвучал приказ. — Заносите.

И в столовую внесли нечто бледно-желтое, похожее с виду на сыр, но лежащее на тарелочке, погруженной в миску со снегом.

— Это делается в горах и только в эти дни года. Мед, яйца и сметана, снятая с молока двухлетних овец. Все взбито в бочонке, помещенном в еще больший бочонок, наполненный соленым снегом. А после галопом доставлено в Рим. Я называю этот десерт амброзией с горы Фисцелл.

Но видимо, обсуждение достоинств внучатого племянника Цезаря оставило во рту гостя горечь. Он не стал пробовать амброзию с горы Фисцелл. И даже Марция ничего не смогла с ним поделаться.

Вскоре обе женщины удалились. Все удовольствие, полученное Катонем от пребывания в притоне эпикурейцев, немедленно испарилось. Он почувствовал тошноту и был вынужден отправиться на поиски отхожего места. Там его вырвало. Как могут люди так жить? Боги, даже уборная у Филиппа обустроена более чем роскошно! Хотя, признаться, неплохо позволить себе помыть руки и прополоскать рот струей холодной воды.

Он возвращался в столовую по колоннаде.

— Марк Катон!

Он остановился, заглянул в открытую дверь и увидел ее.

— Зайди ко мне на минутку.

Это было запрещено всеми нормами поведения в Риме. Но Катон все же вошел.

— Я только хотела сказать тебе, что мне очень понравилось твое общество, — сказала Марция, разглядывая его губы.

«О, это нестерпимо! Несносно! Смотри мне в глаза, Марция, не смотри на мой рот! Или я не сдержусь. Не продлевай эту пытку!»

Через миг, непонятно каким образом, она оказалась в его объятиях, а их губы слились в поцелуе, более чувственном, чем те поцелуи, что он знал прежде. Но это ни о чем не свидетельствовало, разве что указывало на крайнюю степень его добровольного воздержания. Ранее Катон целовал только двух женщин — Эмилию Лепиду и Аттилию. Правда, Аттилию довольно редко и никогда — с удовольствием. А сейчас пара мягких, но сильных губ вызвала в нем дрожь томления. Марция прильнула к нему, застонала, овладела его языком, прижала его руку к своей груди.

Задышавшись, Катон оторвался от Марции и убежал.

Он шел в таком смятении, что долго не мог разобраться, какая дверь на узкой улочке Палатина ведет в его дом. Пустой желудок сводило, обжигающий поцелуй не выходил из ума, Думать о чем-то другом он не мог.

Афенодор Кордилион и Статилл ждали в атрии, сгорая от любопытства. Им поскорей хотелось узнать, как все устроено в доме Филиппа, какие яства там подают и о чем говорят.

— Уйдите! — крикнул Катон, пробегая в свой кабинет. Он ходил по скудно обставленной комнатке до утра, так и не прикоснувшись к вину. Он не хотел ни к кому испытывать тяги. Он не хотел любви. Любовь — это ловушка, пытка, ужасная катастрофа, бесконечно длящийся крах. Эмилию Лепиду он любил годы — и что получилось? Она предпочла ему Метелла Сципиона, гладкого и раскормленного индюка. Но чувство к Эмили Лепиде было ничем в сравнении с его чувством к брату. О Цепион, ты умер один, так меня и не дождавшись! Один, без дружеского участия, без поддержки, без крепкой руки, сжимающей твою руку. Страдания от потери Цепиона, страшная духовная мука, слезы, вечное одиночество... даже теперь, спустя одиннадцать лет. Всепоглощающая любовь — это предательство по отношению к интеллекту, самоконтролю, стойкости, бескорыстию.

Любовь — это горе, какого ему сейчас просто не вынести. Ведь ему уже тридцать семь, а не двадцать семь и не двадцать.

И все же, как только солнце поднялось достаточно высоко, Катон надел самую свежую тогу и возвратился в дом Луция Марция Филиппа, чтобы просить руки его дочери. Надеясь в душе, что Филипп скажет «нет».

Филипп сказал «да».

— Этим я убиваю двух зайцев, — без всякого стыда проговорил он, весело встряхивая руку Катона. — Я муж племянницы Цезаря и опекун его внучатого племянника, а теперь тесть Катона. Ну и дела! Это просто великолепно!

Свадьба была тоже великолепно, но радость события терзала Катона. Он ее не заслуживал и чувствовал, что поступает неправильно. Нехорошо погружаться в личное с головой. В первую брачную ночь он понял, что дочь Филиппа — девственница. Это его удивило и заставило призадуматься. Откуда тогда в ней эта сила и страсть, эта опытность? Ничего не зная о женщинах, он не имел понятия, сколько всего давали девушкам разговоры подруг, эротические фрески, статуи, звуки, доносящиеся из-за закрытых дверей, и рассказы старших братьев. Он был бессилен против ее ухищрений, сила его чувства к ней совершенно подавляла его. Марцией его одарила Венера, но сам он имел закалку железных когтей Дита, бога подземного царства.

И когда через два года после свадьбы к нему пришел дряхлый старик Гортензий с просьбой позволить ему жениться на дочке Катона или на одной из его племянниц, его не оскорбило и очередное предложение старца — отобрать у него ту, что доводила его до безумия. Это был единственный выход из положения. Он отдаст Марцию Квинту Гортензию, отвратительному старому сластолюбцу, который, вскарабкавшись на нее, будет пускать газы и слюни, натужно пытаясь достигнуть оргазма. Он будет совать ей в рот свой вялый пенис в надежде, что тот хоть на время окрепнет, но отсутствие зубов, волос и общая дряхлость вызовет у нее лишь отвращение. Его дорогая Марция, он даже подумать не мог, что кто-то ее обидит или сделает несчастной. Как он мог приговорить ее к такой судьбе? Но он должен это сделать, иначе он сойдет с ума.

И он сделал это. Действительно сделал. Сплетни, пошедшие по городу, были лишь наполовину верны. Катон не взял от Гортензия ни

сестерция, хотя, конечно, Филипп получил миллионы.

— Я развожусь с тобой, — сказал он ей своим громовым медным голосом, — и отдаю тебя замуж за Квинта Гортензия. Я хочу, чтобы ты была ему хорошей женой. Твой отец дал согласие.

Марция осталась стоять, как стояла, но широко расставленные глаза заблестели. Потом она протянула руку и прикоснулась к его щеке. Очень нежно, с бесконечной любовью.

— Я понимаю, Марк, — сказала она. — Я действительно понимаю. Я люблю тебя. И буду любить даже после смерти.

— Я не хочу этого! — взревел он, сжав кулаки. — Я хочу покоя, хочу быть самим собой и не хочу, чтобы кто-то любил меня после смерти! Ступай к Гортензию и обучись ненавидеть меня!

Но она только улыбнулась.

Это было почти четыре года назад, однако боль не покидала его. Никогда, ни на йоту. Он скучал по ней, он представлял, что с ней выделяет Гортензий. И все еще слышал ее обещание любить его и после смерти. Это одно уже говорило о том, насколько хорошо она его знала. До такой степени, что согласилась на унижение, какого совсем не заслуживала. Попросту не могла заслужить. Но он доказал себе, что может жить без нее. Без наслаждений, без счастья.

Почему же он думает о ней в этот пронизанный горечью день, хотя надо бы думать о Курионе и о Цезаре? Почему он так жаждет, чтобы она оказалась рядом, чтобы он мог уткнуться лицом ей в грудь и любить ее всю эту ночь, которая и так будет бессонной? Почему он избегает Афенодора Кордилиона и Статилла? Он налил себе вина и залпом выпил. Факт есть факт, без Марции он пил очень много, но алкоголь не действовал на него и боли не притуплял.

Кто-то постучал в дверь. Катон втянул голову в плечи и попытался проигнорировать стук. Пусть на него отреагирует Афенодор Кордилион, или Статилл, или кто-то из слуг. Но слуги, похоже, уже улеглись, а оба философа, очевидно, дулись на кормильца, пробежавшего мимо них в кабинет. Катон поставил чашу на стол, поднялся и побрел к двери.

— А, Брут, — сказал он хмуро. — Полагаю, ты хочешь войти?

— Иначе, дядюшка, зачем бы мне быть здесь?

— А мне бы хотелось, чтобы ты был в другом месте, племянник.

— Наверное, очень приятно иметь репутацию грубияна, — сказал Брут, входя в кабинет. — Я много бы дал, чтобы перенять у тебя это качество.

Катон кисло улыбнулся.

— Ты не сумеешь, с твоей-то мамашей. Она оторвет тебе яйца.

— Она уже сделала это много лет назад.

Брут налил себе вина, поискал глазами воду, потом пожал плечами и приложился к напитку. Лицо его исказилось гримасой.

— Ты мог бы потратиться на что-нибудь получше.

— Я пью вино не для того, чтобы его смаковать. Я пью, чтобы надраться.

— Оно очень кислое. И твой желудок, наверное, в дырках, как сыр.

— Мой желудок крепче твоего, дорогой. У меня не было прыщей в тридцать три. И в восемнадцать, кстати.

— Неудивительно, что ты проиграл на консульских выборах, — морщась, парировал Брут.

— Людям не нравится голая правда.

— Я понимаю.

— Кстати, что привело тебя сюда?

— Сегодняшний скандал на Марсовом поле.

Катон фыркнул.

— Ха! Курион проиграет!

— Не думаю.

— Почему?

— Потому что он обосновал свое вето.

— Тут одно обоснование: Куриона купили.

«О, — подумал Брут, — я понимаю, почему без Бибула нам не везет. Я пытаюсь действовать, как Бибул, и терплю неудачу. Как и в большинстве случаев, кроме делания денег, но откуда у меня этот талант, я не понимаю».

Он повторил попытку.

— Дядя, объяснять все тем, что Куриона купили, неумно и к делу совсем не относится. Важна причина, по которой наложено вето. Великолепная комбинация! Цезарь просил нас отнестись к нему так же, как к Помпею. Мы отказали и тем самым вооружили Куриона.

— Как мы могли согласиться на просьбу Цезаря? Я презираю Помпея, но Цезарь гораздо мельче его. Помпей был силой во времена

Суллы, он снискал много почестей, ведя очень выгодные для Рима войны. Он удвоил наши доходы.

— Это было давно. Десять лет назад. А с тех пор Цезарь затмил его в глазах плебса и прочих римлян. Сенат может заигрывать с иностранцами, раздавать посты, но все это чушь. Слово народа — вот что имеет значение. А народ любит Цезаря, нет, практически обожает.

— Тупость и глупость! — огрызнулся Катон.

— Я с этим согласен. Но факт есть факт. Предложив Сенату отнестись к Помпею, как к Цезарю, Курион победил. Мы, противники Цезаря, оказались не правы. Он упрекнул нас в мелочности, в сведении счетов. Он сделал так, что наши мотивы стали казаться простой ревностью.

— Это не так, Брут.

— Тогда что заставляет *boni* так поступать?

— Я уже четырнадцать лет в сенаторах, Брут. Я видел Цезаря в неприкрашенном виде, — спокойно ответил Катон. — Он — Сулла! Он хочет стать царем Рима. А я поклялся отдать все свои силы, чтобы помешать этому. Оставить при Цезаре армию равносильно самоубийству. Мы подарили ему три легиона с подачи Ватиния. И что сделал Цезарь? Он набрал еще несколько легионов. И содержал их, пока не сдался Сенат.

— Я слышал, — сказал Брут, — что он, будучи консулом, получил огромную взятку от Птолемея Авлета и провел декрет, подтверждающий право Авлета на египетский трон.

— Это так, — с горечью сказал Катон. — Я говорил с Птолемеем Авлетом, когда он посетил Родос после того, как александрийцы скинули его с престола. Ты, кстати, тогда прохладился в Памфилии. Поправлял здоровье, вместо того чтобы приносить мне пользу.

— Нет, дядя, в то время я был на Кипре, — возразил Брут. — Составлял черновую опись сокровищ Птолемея Кипрского. Ты же сам не дал мне долечиться, ты помнишь?

— Ну, как бы там ни было, — сказал Катон, игнорируя справедливое замечание, — Птолемей Авлет примчался ко мне в Линд. Я посоветовал ему вернуться с миром в Александрию, предупредил его, что в Риме он разорится на взятки. Но конечно, он не послушался. И поехал в Рим, где растратил все свои деньги. Заплатил Цезарю шесть тысяч талантов за два декрета. Цезарь взял себе четыре тысячи, а по

тысяче получили Марк Красс и Помпей. Много золота ушло к Бальбу, на остальное Цезарь вооружил незаконно набранные легионы.

— Куда ты гнешь? — грустно спросил Брут.

— Просто объясняю тебе, что к чему. Я поклялся тогда не допустить, чтобы Цезарь командовал мало-мальски значительным войском. Но с четырьмя тысячами талантов он проигнорировал депеши Сената. И в результате имеет одиннадцать легионов, контролируя все наши сухопутные рубежи: Иллирию, Италийскую Галлию, Провинцию и Длинноволосую Галлию. Он подомнет под себя Республику, если не остановить его, Брут!

— Очень хочется согласиться, но я так не думаю. Стоит Цезарю кашлянуть — и вы уже бьете тревогу. Кроме того, Курион нашел превосходный рычаг. Он отзовет вето на условиях, которые для всех римлян и даже для половины Сената звучат очень разумно: лишит Помпея всего вместе с Цезарем.

— Но мы не можем этого сделать! — взревел Катон. — Помпей — пиценский мужлан. Он хочет все подмять под себя, с чем я, конечно, не могу смириться, но его низкое происхождение никогда не позволит ему сделаться единоличным властителем Рима. И потому его легионы — наша единственная защита против армии, преданной Цезарю. Мы не можем согласиться с условиями Куриона и не можем позволить Сенату согласиться с ними.

— Это понятно. Однако в наших действиях все усмотрят мелочное упрямство и низость.

Лицо Катона исказилось в ухмылке.

— Но мы победим!

— А что, если Цезарь во всеуслышание подтвердит, что готов отказаться от полномочий, если на это же пойдет и Помпей?

— Думаю, именно так он и поступит. Но это ничего не значит. Потому что Помпей никогда не сдаст своих позиций.

Катон снова наполнил свою чашу и залпом ее осушил. Брут сидел хмурый, не прикасаясь к вину.

— Только посмей сказать, что я много пью! — рявкнул Катон.

— Я и не думаю, — возразил с достоинством Брут.

— Тогда почему ты так косо смотришь?

— Я... — Брут помолчал, потом решился сказать: — Гортензий очень болен.

Катон весь напрягся.

— А какое отношение это имеет ко мне?

— Он просит тебя прийти.

— Ну и пусть себе просит.

— Дядя, я думаю, ты должен увидеться с ним.

— Он не мой родич.

— Но четыре года назад ты сделал ему огромное одолжение.

— Отдав ему Марцию? Это не одолжение.

— Но он так считает. Я только что от него.

Катон поднялся.

— Ну хорошо, схожу. Ты со мной?

— Да, — устало выдохнул Брут. — Хотя мне надо бы двигаться к дому. Мать хочет знать, чем кончилось заседание.

Красные глаза под распухшими веками заблестели.

— Не говори ей ничего лишнего, она все равно поймет все не так.

И поделится своим мнением с Цезарем. Он ведь ее любовник.

Брут издал странный звук.

— Цезарь в отсутствии уже много лет.

Катон обернулся.

— Значит ли это то, что я думаю, Брут?

— Да. Она сошлась с Луцием Понтием Аквиллой.

— С кем?!

— Ты меня слышал.

— Но он же годится ей в сыновья!

— Определенно, — сухо подтвердил Брут. — Он на три года моложе меня. Но это их не остановило. Дело скандальное. Или станет скандальным, если о том проведает город.

— Будем надеяться, не проведает, — сказал Катон, открывая входную дверь. — Удалось же ей в течение многих лет держать в секрете связь с Цезарем.

Дом Квинта Гортензия Гортала был одним из самых больших и самых красивых на Палатине. Он стоял на немодной когда-то стороне с видом на долину Мурции и Большой цирк и дальше на Авентинский холм. Кроме большого сада перистилия на землях вокруг дома были роскошные мраморные пруды, в которых резвились дорогие сердцу хозяина рыбки.

После свадьбы Гортензия с Марцией Катон ни разу сюда не заглядывал. Постоянные приглашения отобедать и выпить вина отклонялись. Он не хотел видеть Марцию.

А теперь, вероятно, увидит. Гортензию, должно быть, уже за семьдесят. Многолетняя война между Суллой и Карбоном и последующее диктаторство первого помешали его карьере. Он очень поздно выбился в консулы, а до того вел разгульную жизнь, и теперь это привело к деградации его некогда мощного интеллекта.

Катон и Брут вошли в просторный атрий. Кроме слуг, там никого не было. Не было и признаков присутствия Марции, когда их проводили в комнату отдыха — так Гортензий называл помещение, более походившее на будуар, чем на кабинет или спальню. Удивительные фрески неэротического характера украшали ее стены, которые без этого выглядели бы аскетическими. Гортензий решил воспроизвести настенную роспись разрушенного дворца критского царя Миноса. Чернокудрые стройные мужчины и женщины в юбках заскакивали на тучных буйволов, висели, как акробаты, на их крученых рогах. Ни зеленых, ни красных красок, только синие, желтые и коричневые тона. Вкус Гортензия был безупречен во всем. Как же он, наверное, наслаждается Марцией!

В комнате стоял стойкий запах старости, экскрементов и еще чего-то неуловимого, предвещавшего приближение смерти. На большой кровати, покрытой синим и желтым лаком в египетском стиле, лежал Квинт Гортензий Гортал, когда-то отменный юрист.

Он усох так, что напоминал мумию, безволосую, иссохшую. Но ревматические глаза сразу узнали Катона. Тонкая, в темных пятнах рука с удивительной силой стиснула руку гостя.

— Я умираю, — жалобно всхлипнул Гортензий.

— Смерть приходит ко всем нам, — заявил этот мастер тактичности.

— Я боюсь ее!

— Почему? — спросил Катон с непроницаемым видом.

— Вдруг греки правы и меня ждет наказание?

— Ты имеешь в виду удел Сизифа и Иксиона?

Обнажились беззубые десны. Чувство юмора еще не покинуло умирающего.

— Я не очень хорошо себя чувствую, чтобы затаскивать на гору камни.

— Подумай сам. Сизиф и Иксион оскорбили богов. А ты, Гортензий, оскорблял лишь людей. За это не обрекают на муки.

— Да? А ты не думаешь, что богам угодно, чтобы люди относились друг к другу, как к ним?

— Люди не боги, поэтому — нет.

— Колесницы с душами умерших влекут две лошади, — успокоительно сказал Брут. — Черная и белая.

Гортензий хихикнул.

— В том-то и дело, Брут. Обе мои лошади черные. — Он повернул голову, посмотрел на Катона. — Я хотел видеть тебя, чтобы поблагодарить.

— Поблагодарить меня? За что?

— За Марцию. Она дала мне больше счастья, чем может заслуживать старый грешник. Самая замечательная и заботливая из жен. — Взгляд его блуждал по комнате. — Я был женат на Лутации, сестре Катула, ты знаешь. Она родила мне детей. Очень сильная, своевольная и очень черствая женщина. Она презирала моих рыбок. Никогда не смотрела на них. А Марция тоже любит смотреть на моих рыбок. Вчера она принесла мне Париса, моего любимца, в чаше из горного хрусталя....

Это было уже чересчур. Катон наклонился, чтобы, повинувшись традиции, поцеловать страшные, тонкие как ниточка губы.

— Я должен идти, Квинт Гортензий, — сказал он, выпрямляясь. — Не бойся смерти. Она милосердна. И иногда предпочтительнее, чем жизнь. Она несет облегчение, хотя способ ее прихода может быть сопряжен со страданиями. Мы терпеливо сносим их, а потом наступает покой. Пусть твой сын будет с тобой, чтобы держать тебя за руку в последний момент. Никто не должен умирать в одиночестве.

— Я лучше буду держать твою руку. Ты — величайший из римлян.

— Тогда я буду возле тебя, когда придет время, — сказал Катон.

Популярность Куриона на Форуме росла с той же скоростью, с какой он утрачивал ее в Сенате. Он все не отзывал свое вето и с особенным удовольствием озвучил в Палате письмо Цезаря, в котором тот заверял почтенных отцов, что будет счастлив сложить с себя

полномочия, сдать провинции и свою армию, если то же самое сделает и Помпей. Помпею ничего не оставалось, как заявить, что он не может опуститься до одолжения человеку, который игнорирует волю Сената и народа Рима.

Его заявление позволило Куриону утверждать, что заявитель имеет виды на государство. А Цезарь их не имеет. Он в этом случае ведет себя как преданный слуга Рима. И вообще, что это за виды? Какова, собственно, их подоплека?

— Цезарь намерен свергнуть республику и сделаться царем Рима! — крикнул Катон, не в силах больше молчать. — Он поднимет свои легионы и пойдет с ними на Рим!

— Ерунда! — с презрением возразил Курион. — Почему вас не беспокоит Помпей? Цезарь готов от всего отказаться, а Помпей — нет! Поэтому кто из них намерен поднять армию, чтобы устроить переворот? Конечно, последний!

И так — каждый раз. Март закончился. Апрель почти прошел, а Курион все не снимал свое вето. Его шумно приветствовали на улицах. Он становился героем. С другой стороны, Помпей в народном мнении все больше и больше начинал походиться на злодея, а boni — на кучку злобных фанатиков, мечтающих свалить Цезаря, чтобы поставить над всеми Помпея.

В ярости от подобного поворота общественного мнения Катон написал письмо Бибулу и получил в последний день апреля ответ.

Катон, мой дорогой тесть и еще более дорогой друг, здесь произошли такие события, от которых глаза мои не просыхают. Я потерял обоих моих сыновей, их убили в Александрии. Но я попытаюсь подумать, как решить твой вопрос.

Ты, конечно, знаешь, что Птолемей Авлет умер в мае прошлого года, задолго до того, как я прибыл в Сирию. Его старшая дочь, семнадцатилетняя Клеопатра, взошла на египетский трон. Но от нее как от женщины потребовали, чтобы она вышла замуж за близкого родственника — брата, двоюродного брата или дядю. Чтобы сохранить чистоту царской крови, хотя нет сомнений, что кровь самой Клеопатры нечистая. Ее мать была дочерью

понтийского царя Митридата,^[1] в то время как мать ее младшей сестры и двух младших братьев была родной сестрой Птолемея Авлета.

Я постараюсь не отвлекаться, но, наверное, мне нужно выговориться, а здесь нет никого, с кем я мог бы поговорить. А ты — отец моей любимой жены, мой друг, и кому же, как не тебе, мне позволительно излить мое горе?

Прибыв в Антиохию, я велел Гаю Кассию Лонгину паковать вещи. Очень надменный, очень самоуверенный молодой человек. Поверишь ли, он имел наглость сделать то же, что сделал Луций Пизон в конце своего губернаторства в Македонии! Он выплатил жалованье своей армии и распустил ее, прежде чем убежать со всеми награбленными сокровищами Марка Красса, включая золото Иерусалима и золотую же статую Атаргатис, вывезенную из храма в Бамбике.

При постоянной парфянской угрозе (Кассий победил Пакора, сына парфянского царя Орода, загнав его в ловушку, и парфяне ушли, но, конечно же, ненадолго) я остался с единственным приведенным с собой легионом. Как ты понимать, не густо. Цезарь набрал свое войско, пользуясь законом Помпея, требующим, чтобы все мужчины от семнадцати до сорока лет проходили военную службу. Но по причинам, которых мне не понять, люди к Бибулу не шли. Я вынужден был прибегнуть к насильственному рекрутированию. Войско какое-то у меня собралось, но оно не было настроено драться.

Я решил, что неплохо бы попытаться одолеть парфян изнутри, и купил парфянского аристократа Орнадапата, велел ему нашептывать Ороду, что его сын Пакор хочет свергнуть отца. Кстати, недавно это сработало. Ород казнил Пакора. Восточные цари очень страшатся семейных переворотов.

Но до того я нажил себе головную боль, раздумывая, как защитить провинцию, не имея приличного войска. И ухватился за предложение идумейского принца Антипатра, занимающего высокую должность при еврейском дворе. Он посоветовал мне отозвать из Египта легион Авла Габиния, застрявший там после возведения Птолемея Авлета на отнятый у него трон. Он сказал, что солдаты в нем сплошь ветераны. Они еще семнадцатилетними ушли на восток с Флакком и Фимбрией, чтобы прижать Митридата. А после сражались под командованием Суллы, Мурены, Лукулла, Помпея, Габиния. Тридцать четыре года суровой воинской службы. Каждому перевалило за пятьдесят. Это, конечно, возраст, но также и огромный боевой опыт. Они стояли под Александрией, но не были собственностью Египта. Являясь римлянами, они подчинялись лишь Риму.

Таким образом, в феврале сего года я наделил моих сыновей Марка и Гнея полномочиями пропреторов и послал их в Александрию к Клеопатре (ее супругу и брату, Птолемею XIII, только-только исполнилось девять). Они должны были убедить царицу отдать принадлежащий, собственно говоря, нам легион. Я полагал, что эта поездка многое даст моим сыновьям. С одной стороны, задание легкое, с другой — важный дипломатический ход. Рим ведь еще не вступил в официальные отношения с новой правительницей Египта. Моим сыновьям, таким образом, доставалась роль первых посланцев.

Они добрались до Египта сушей, ибо не переносили морской качки. Каждого сопровождали шесть ликторов и эскадрон галатийской кавалерии, которую Кассию не удалось расформировать. Антипатр встретил их возле Генисаретского озера, проводил через все еврейское царство и покинул их в

пограничной Газе. В начале марта они прибыли в Александрию.

Царица Клеопатра приняла их весьма благосклонно. Письмо от Марка дошло до меня уже после вести о том, что произошло. Это было кошмаром, Катон! Читать строки, начертанные твоим сыном, и знать, что тот уже мертв! На него огромное впечатление произвела девочка-царица, маленькое, хилое существо с лицом, которое только юность делала привлекательным, ибо нос у нее, по словам Марка, мог соперничать с твоим. Но что для мужчины достоинство, для женщины не лучшее украшение. Впрочем, она отлично владела классическим греческим и была одета как настоящий фараон. Огромная двойная корона, белая внутри красной, белое полупрозрачное платье в узкую плиссировку и широчайший, усеянный драгоценностями воротник. Плюс золотая фальшивая борода, плюс накладная голубая коса. В одной руке царица держала скипетр в виде пастушьего маленького стрекала, в другой — плетку с ручкой, усыпанной самоцветами. Плетки в Сирии и в Египте всегда в чести и в ходу.

Она охотно согласилась освободить римских солдат от обязанности охранять Александрию. Дни, когда это было необходимо, давно минули, сказала она. И мои сыновья поехали в римский лагерь, расположенный за восточными Канопскими воротами города. Лагерь оказался фактически маленьким городком. Все ветераны переженились на местных девушках и занялись мирным делом — стали кузнецами, плотниками, каменщиками. Военский устав был забыт.

Когда Марк сообщил им, что губернатор Сирии отзывает их к себе для дальнейшего прохождения службы, они отказались куда-либо ехать! Но выхода у них не было. В бухте Евност уже ожидали нанятые

для их перевозки суда. По римским законам они должны были незамедлительно собрать свои вещи и погрузиться на корабли. Старший центурион легиона, ужасный мужлан, вышел вперед и сказал, что они больше не воины. Авл Габиний после тридцати лет службы всех их демобилизовал и велел жить мирной жизнью, радуясь всему, что они обрели. То есть женам, своим занятиям, детям.

Марк разозлился. Гней тоже, Марк приказал своим ликторам арестовать старшего центуриона, но другие центурионы окружили товарища. Нет, сказали они, они больше не служат и никуда не поедут. Гней приказал своим ликторам поддержать ликторов Марка и арестовать всех бунтовщиков. Но центурионы выхватили мечи. А у ликторов в руках не было ничего, кроме фасций с топорами. Галатийские же конники, получив кратковременный отпуск, находились в Александрии. Произошла стычка. Ликторов и моих сыновей зарубили.

Царица Клеопатра отреагировала мгновенно. Она приказала своему главнокомандующему Ахиллу окружить римлян и надеть на центурионов оковы. Моим сыновьям устроили похороны за государственный счет, а их прах поместили в весьма дорогие и изящные урны. Эти урны были присланы в Антиохию вместе с мятежными центурионами и письмом, в котором властительница Египта брала на себя всю ответственность за трагедию и обещала покорно принять любое мое решение вплоть до ее собственного ареста. И приписала, что все солдаты Габиния уже погружены на отправляющиеся в Сирию корабли.

Центурионов я отослал обратно, пояснив, что ее суд над ними будет более справедливым, чем мой, поскольку она — менее заинтересованное в этом деле лицо. Думаю, она кого-то казнила, а кого-то прибрал к рукам генерал Ахилл, чтобы укрепить

свое войско. Рядовые, как и было обещано, прибыли в Антиохию, где я снова ввел их в строгие рамки римской воинской дисциплины. Царица же Клеопатра за свой счет наняла еще несколько кораблей и отослала в Сирию жен, детей и имущество этих легионеров. Подумав, я разрешил семьям воссоединиться. Сантименты мне чужды, но мои сыновья мертвы, а я далеко не Лукулл.

Что же касается Рима, Катон, мне кажется, вам следует прекратить борьбу с Курионом. Чем дольше она будет длиться, тем больше веса он обретет в глазах черни, а также в глазах римских всадников, чья поддержка нам очень нужна. Поэтому я думаю, что *boni* надо внести предложение отложить обсуждение статуса Цезаря до тех пор, пока римляне не забудут о героическом поведении Куриона. Например, до ноябрьских ид. Курион и тогда возьмется за старое, но через месяц срок его пребывания на скамье плебейских трибунов истечет. И Цезарь уже не отыщет среди новых трибунов сторонника, равного Гаю Скрибонию Куриону. В декабре мы лишим его полномочий и пошлем к нему Луция Агенобарба довершить остальное. Получится, что Курион лишь отложил неизбежное, вот и все. Что до меня, то я Цезаря не опасаюсь. Он в высшей степени законопослушен, не то что Сулла. Я знаю, ты не согласен со мной, но я видел Цезаря эдилом, претором, консулом. Он не играет вне правил.

Ну вот, мне, кажется, сделалось лучше. Сторонние размышления как-то утомили боль. Ты стоишь у меня перед глазами, и в мое сердце входит покой. Но в этом году я должен уехать отсюда! Я весь трепещу при мысли, что Сенат решит продлить мое губернаторство. Сирия не принесла мне удачи. Ничего хорошего меня здесь не ждет. Мои информаторы утверждают, что летом парфяне активизируются. К этому времени я должен уже

быть в дороге, не дожидаясь сменщика. Я должен уехать, пойми!

Не люблю Цицерона, но сейчас ему очень сочувствую. Он подвергается той же пытке, что и я. Трудно найти еще двух губернаторов, которые так ненавидят свой пост. Впрочем, война ему вроде бы понравилась. Он заработал дюжину миллионов на продаже рабов. А я в результате нашей совместной кампании в горах Аман получил шесть козлов, десять овец и ряд вспышек почти ослепляющей головной боли. Цицерон разрешил Помптинию вернуться домой и сам намерен уехать в квинктилии, сменят его или нет — все равно. Я, пожалуй, сделаю то же. Ибо хотя я и не думаю, что Цезарь метит в цари, мне хочется проследить самому, что его не допустят до выборов *in absentia*. Я собираюсь выдвинуть против него обвинение в измене, не заблуждайся на этот счет.

Как дядя Брута и брат Сервилии (сводный, сводный, я знаю!) ты, вероятно, должен быть информирован о некоей истории, которую Цицерон усердно смакует во всех своих письмах, адресованных Аттику, Целию и одни боги ведают кому еще. Ты, может, помнишь Публия Ведия, всадника столь же богатого, сколь и вульгарного. Цицерон встретил его по дороге в Киликию во главе странного шутовского парада: две колесницы, влекомые дикими ослами, в одной сидит бабуин с собачьей мордой, одетый в женское платье, — словом, настоящий позор для Рима. Как бы там ни было, вследствие событий, описанием которых я не стану тебя утруждать, багаж Ведия осмотрели. И нашли портреты пяти хорошо известных молодых римских аристократок, причем все они замужем за очень высокомерными парнями. В их числе жена Мания Лепида и одна из сестер нашего Брута. Я полагаю, что Цицерон имеет в виду Юнию Приму,

супругу Исаврика, поскольку Юния Секунда замужем за Марком Лепидом. Если, конечно, Ведий не наставляет рога всем Лепидам. Оставляю тебе решать, как тут быть, но предупреждаю, что скоро об этом заговорит весь Рим. Может, поговоришь с Брутом, а тот — с Сервилией? Лучше ей знать.

Мне и впрямь стало гораздо покойней. Фактически это моя первая пара часов без угрызений и слез. Прошу тебя, сообщи о смерти моих сыновей всем, кому должно. Их матери, моей первой жене. Для нее это будет ударом. Обеим Порциям — моей и Агенобарба. И разумеется, Бруту.

Береги себя, мой Катон. Не могу дождаться, когда увижу твое дорогое лицо.

Еще в процессе чтения Катон вдруг ощутил приступ странного страха. Уж не упоминание ли о Цезаре было тому причиной? Цезарь, Цезарь, всюду и вечно один только Цезарь! Человек, чья удачливость вошла в поговорку. Что там говорил Катул? Не ему, а кому-то еще, кого никак не вспомнить... Катул тогда сказал, что Цезарь — как Улисс, его жизненная энергия так сильна, что поражает всех, кого коснется. Сobleшь его с ног — а он тут же вскакивает снова, как зубы дракона, посеянные на поле смерти. Теперь вот и Бибул лишился двух своих сыновей. Он говорит, что Сирия несчастливая для него страна. А где он теперь будет счастлив? Нигде!

Катон свернул письмо, постарался прогнать дурное чувство и послал слугу за Брутом. Тот как-нибудь справится с ситуацией: с известием о неверности своей сестрицы, с гневом Сервилиии и с горем Порции, к которой сам Катон не пойдет. Он предоставит эту миссию Бруту. Бруту нравятся подобные поручения. Он присутствует на всех похоронах.

И вот теперь Брут медленно брел к дому Бибула, чувствуя себя очень худо в роли разносчика плохих новостей. Когда он сообщил матери, что Юния закрутила роман, та только пожала плечами. Юния уже достаточно взрослая, чтобы отвечать за себя. Но когда он назвал имя любовника, мать взвилась выше горы Арарат. Этот червяк Публий Ведий? Визг! Зубовный скрежет! Брань, какой не услышишь от

портового грузчика! Это был такой взрыв гнева, что Брут убежал, оставив Сервилию. А та побежала в дом Ватия Исаврика, благо он был за углом, и устроила дочери головомойку. Для Сервилии преступлением была не сама измена, а потеря *dignitas*. Молодые женщины, отцы которых происходят из рода Юниев, а матери — из рода патрициев Сервилиев, никогда не дарили низкорожденным поганкам собственность своих мужей.

Брут между тем уже стучал в дверь Бибула. Его впустил в дом управляющий, в снобизме значительно превосходивший хозяина. Когда Брут сказал, что хочет видеть госпожу Порцию, управляющий посмотрел на кончик своего длинного носа и молча ткнул рукой в сторону перистиля. И так же молча ушел. Демонстративно, словно бы не желая иметь ничего общего с этим странным визитом.

Брут не видел Порцию со дня ее свадьбы. Вот уже два года, хотя к Бибулу он зааживал, и много раз. Брак с двумя Домициями, которых Цезарь соблазнил просто потому, что ненавидел Бибула, заставил Бибула прийти к выводу, что молодой супруге его вовсе незачем выходить к бывающим у него мужчинам. Даже к ее родственникам с безупречнейшей репутацией, таким как Брут.

Направляясь к перистиллю, он услышал ее громкий смех, похожий на ржание, и более высокий, более легкий смех ребенка. Там шла игра в жмурки. Порция завязала себе глаза, а ее десятилетний пасынок то дергал мачеху за складки платья, то, не дыша, замирал. Порция, вытянув вперед руки и безудержно хохоча, пыталась его поймать. Иногда ей это почти удавалось. Тогда мальчик прыскал в ладошку и отбегал, но с осторожностью, не приближаясь к бассейну, чтобы Порция не упала туда.

Сердце Брута вдруг сжалось. Почему у него не было такой старшей сестры, с кем он мог бы играть, с кем ему было бы весело, с кем можно было бы поделиться всем-всем? Или матери? Правда, в Риме не очень-то много таких матерей. А молодому Луцию повезло. Он обрел мачеху, каких поискать. Милую прыгающую слониху.

— Есть тут кто? — крикнул он, огибая колонну.

Игроки замерли, обернулись. Порция, сдернув повязку с глаз, громогласно заржала и в сопровождении Луция-младшего понеслась к Бруту и крепко сжала его в объятиях, приподняв с терракотового пола.

— Брут, Брут! — воскликнула Порция, ставя родича на ноги. — Луций, это мой двоюродный брат. Ты его знаешь?

— Да, — кивнул Луций, явно не столь обрадованный, как она.

— Ave, Луций, — поздоровался Брут и улыбнулся, чтобы показать свои белые зубы. Улыбка его была обаятельнее, чем лицо. — Прости, что мешаю вам веселиться, но мне надо бы поговорить с Порцией наедине.

Луций окинул гостя ледяным взглядом отца, пожал плечами и пошел прочь, сердито пиная ногами траву.

— Не правда ли, он прелесть? — спросила Порция, провожая Брута в свои покои. — Не правда ли, здесь прелестно? — спросила она через миг, обводя жестом гостиную. — Здесь так просторно, Брут!

— Говорят, все растения и все существа ненавидят пустоту. Я теперь понимаю, Порция, что это именно так. Ты столько всего сюда натолкала!

— О, я знаю, знаю! Бибул все время твердит мне об аккуратности, о порядке. Но боюсь, этого мне не дано.

Она опустилась в одно кресло, он — в другое. По крайней мере, подумал Брут, с него стерта пыль. Слуг у нее теперь больше, чем в доме отца.

Однако одеваться эта слониха так и не научилась. Бесформенное холщовое платье цвета детской неожиданности лишь подчеркивало ширину ее плеч и придавало ей вид амазонки-воительницы. Но огненная копна волос разрослась, а большие серые глаза сияли, как прежде.

— Как же я рада видеть тебя, — сказала она, улыбаясь.

— И я рад тебя видеть, Порция.

— Почему ты раньше не заходил? Бибул почти год как уехал.

— Это не принято — навещать чужую жену в отсутствие мужа.

Она нахмурилась.

— Это смешно!

— Первые две жены ему изменяли.

— Ко мне это не относится, Брут. Если бы не Луций, мне было бы так одиноко.

— Но у тебя он все-таки есть.

— Я уволила его педагога, старого олуха. И теперь учу мальчугана сама. Он хорошо успевает. Нельзя вбивать в детей знания палкой.

— Я вижу, он любит тебя.

— И я люблю его, Брут.

Брута терзала необходимость свернуть разговор на причину его визита. Но ему так хотелось узнать побольше о Порции, вышедшей замуж, что он решил с этим повременить.

— Тебе нравится брачная жизнь?

— Очень-очень.

— А что тебе нравится в ней больше всего?

— Свобода, — она рассмеялась. — Ты не представляешь, как замечательно жить без Афенодора Кордилиона и Статилла! Я знаю, отец очень их ценит, но только не я. Они ревновали его ко мне! Врывались в комнаты, где мы находились, и портили все. Я ненавидела их! отвратительные греческие пиявки! Злобные, мелочные старики. Они пристрастили его к вину.

Не все сказанное было правдой. Брут считал, что Катон сам начал пить, чтобы заглушить в себе постоянно грызущую его злобу на недостойных *mos maiorum* людей. И чтобы забыть об истории с Марцией. На том перечень причин кончался. Брут просто не знал, чем был для Катона его брат Цепион.

— И тебе нравится быть супругой Бибула?

— Да, — прозвучал краткий ответ.

— Но имеются трудности?

Воспитанная без женской руки, она ответила как мужчина:

— Ты намекаешь на секс?

Он покраснел, но румянец скрыла щетина. И с такой же прямоотой выдохнул:

— Да.

Вздыхнув, она подалась вперед, уронив сплетенные руки на широко расставленные колени. От мужских ухваток Бибул ее явно не отучил.

— Ну, приходится с ним мириться. Греки считают, что и боги занимаются этим. Но ни в одном философском труде я не вычитала, что женщинам это должно тоже нравиться. Это мужское, и, если бы мужчины нас не добивались, секса не существовало бы вообще. Я могу только сказать, что он не вызывает у меня отвращения. — Она пожала плечами. — В конце концов, это длится недолго. Можно терпеть, когда свыкнешься с болью.

— Но, Порция, больно бывает лишь первый раз, — сказал Брут.

— Да? — безразлично спросила она. — У меня это не так. — И добавила, явно ничуть не смущаясь: — Бибул говорит, я сухая.

Брут покраснел до корней волос. Сердце его застучало.

— О, Порция! Может быть, все переменится. Ты скучаешь по мужу?

— Как полагается.

— Но ты ведь не любишь его.

— Я люблю отца. Люблю маленького Луция. И люблю тебя, Брут.

А Бибула я уважаю.

— Ты знала, что твой отец хотел выдать тебя за меня?

Глаза ее стали большими.

— Нет.

— Это так. Но я отказался.

Это явно ей не понравилось. Она резко спросила:

— Я так плоха?

— Ты тут ни при чем, Порция. Просто я тогда любил другую, но она не любила меня.

— Это Юлия?

— Да. — Лицо его исказилось. — А когда она умерла, я решил подыскать себе ничего для меня не значащую супругу. И женился на Клавдии.

— Бедный Брут!

Он прокашлялся.

— Ты не хочешь знать, почему я пришел к тебе, Порция?

— Я так обрадовалась, что чуть голову не потеряла. Ну, говори почему.

Он поерзал в кресле, потом посмотрел ей прямо в лицо.

— Меня попросили передать тебе печальную весть.

Она побледнела, облизнула внезапно пересохшие губы.

— Бибул умер?

— Нет, с ним все в порядке. А вот Марка и Гнея убили в Александрии.

Брызнули слезы, но без рыданий и подвываний. Брут подал ей свой платок, хорошо зная, что она использует свой платок в качестве швабры или промокашки. Он дал ей время поплакать, потом неуклюже поднялся с кресла.

— Я должен идти, Порция. Но хотел бы еще раз тебя навестить. Мне поговорить с маленьким Луцием?

— Нет, — проговорила она сквозь платок. — Я сама скажу ему, Брут. А ты приходи.

Брут ушел с тяжелым сердцем. Ему было жаль это бедное, полное жизни, чудесное существо. Милую необыкновенную женщину, которую ее муж характеризовал одним лишь ужасным словом «сухая»!

Катон все еще продолжал настаивать *boni* отложить обсуждение статуса Цезаря до ноябрьских ид, когда ему сообщили, что Квинт Гортензий просит его прийти.

Атрий был переполнен клиентами, но управляющий сразу провел его к умирающему. Тот лежал на своей красивой кровати, укутанный в одеяла. Левая часть его рта опустилась, из нее сочилась слюна, а правая рука судорожно комкала простыню. Но как и в первое посещение, Гортензий сразу узнал визитера. Молодой Квинт Гортензий, ровесник Брута, сенатор, с учтивостью, свойственной всем Гортензиям, уступил ему свое кресло.

— Теперь уже скоро, — хрипло проговорил Гортензий. — Утром у меня был удар. Отнялась левая сторона. Говорить еще могу, но язык плохо двигается. Какой удел, а?

Катон промолчал, но взял старца за руку. Тот с трогательным старанием попытался сжать его пальцы.

— Я кое-что тебе оставляю, Катон.

— Ты же знаешь, что денег я не принимаю, Гортензий.

— Это не деньги, хе-хе, — слабо хихикнул старик. — Всем известно, что денег ты не берешь. Но от этого отказаться не сможешь.

Он закрыл глаза и, казалось, уснул.

Не выпуская руки умирающего, Катон обернулся. Сделал он это нарочито размеренно, без какого-либо стеснения. Да, там стояла Марция и три другие женщины.

Старшую, Гортензию, он знал хорошо. Она была вдовой его брата и больше замуж не вышла. Ее дочь от Цепиона, Сервилия-младшая, прижалась к матери. Девочка явно приближалась к брачной поре. Катон подивился, как летят годы. Неужели Цепион умер так давно? Некрасивое существо. Похоже, таковы все Сервилии. Третья, Лутация, была женой Гортензия-младшего. Будучи дочкой Катула, она дважды

приходилась двоюродной сестрой своему мужу. Очень гордая. И очень красивая, но какой-то ледяной красотой.

Марция неотрывно глядела на самый дальний в комнате канделябр, поэтому Катон мог свободно ее рассмотреть, без опаски столкнуться с ней взглядами. Но он не стал этого делать, а властно заговорил. Так громко, что умирающий вздрогнул, открыл глаза и заулыбался.

— Дамы, Квинт Гортензий умирает, — сказал Катон. — Возьмите кресла и расположитесь так, чтобы он мог вас видеть. Марция и Сервилия, сядьте возле меня. Гортензия и Лутация, займите места по другую сторону ложа. Умирающий должен иметь последнее утешение, созерцая всех членов своей семьи.

Квинт Гортензий-младший взял левую, парализованную руку отца. В нем явно угадывалась военная выправка, что было странно для отпрыска сугубо штатского человека. Сын Цицерона тоже не походил на отца. Как, собственно говоря, и сын Катона. Не боец, не герой, не политик. А вот дочери у него и у Гортензия удались. Дочь некогда лучшего в Риме юриста великолепно разбиралась в законах, интересовалась науками. Ну а Порция, если бы это было возможно, могла бы занять не последнее место в Сенате.

Все покорно расселись, как им указали. Марцию Катон не видел. Но их разделяло только несколько пядей.

Бдение затянулось. Текли часы. Вошли слуги, зажгли лампы. Время от времени кто-нибудь отлучался в уборную. Все смотрели на умирающего, который с заходом солнца снова закрыл глаза. В полночь случился второй удар, убивший его так быстро и тихо, что никто ничего поначалу не понял. Только холод, проникший в пальцы, сказал Катону, что старик отошел. Он глубоко вздохнул, осторожно положил на грудь покойного его холодеющую правую руку и объявил:

— Квинт Гортензий умер.

Затем потянулся через кровать, взял у Гортензия-младшего левую руку усопшего и тоже пристроил ее на бездыханной груди.

— Квинт, вложи ему в рот монету.

— Он умер так тихо! — удивилась Гортензия.

— А зачем бы ему умирать шумно? — саркастически бросил Катон и вышел в сад, чтобы побыть в одиночестве.

Он долго кружил по холодному зимнему саду, пока не стал различать предметы в безлунной ночи. Он не хотел знать, что делают с умершим служащие похоронной конторы. Когда все закончится, он незаметно выскользнет в боковую калитку. Его больше не интересовал Квинт Гортензий Гортал. А Марция интересовала. И очень.

И она вдруг материализовалась перед ним. Так внезапно, что он раскрыл рот. И все остальное потеряло значение: прошедшие годы, старый муж, одиночество. Она прильнула к нему, взяла в руки его лицо, радостно улыбаясь.

— Моя ссылка закончилась.

Он поцеловал ее, терзаемый болью. Пылкая и безмерная любовь, крохи которой проливались на дочь, вдруг вырвалась на свободу. Такая же неистовая, такая же дивная, как и в те дни, когда был жив Цепион. Лицо ее было мокрым от слез, он слизывал их языком. А потом рванул с нее черное платье, и они рухнули на мерзлую землю. Никогда в те два года, что она провела с ним, он не брал ее так, как в этот раз — не сдерживаясь, не протиясь переполнявшему его чувству. Дамбу прорвало, он разлетался на части вместе со всеми этическими запретами, которыми он столь безжалостно себя ограждал. Он был с ней, в ней, вне ее... и опять в ней! И снова, и снова, и снова.

Только на рассвете они оторвались друг от друга, так и не перемолвившись ни единым словечком. Катон вышел через боковую калитку на улицу, уже наполнявшуюся людьми. Марция привела в порядок одежду и удалилась в свои покои. Все тело ее болело, но она ликовала. Вероятно, ее ссылка была единственным способом примирить Катона с его чувством к ней. Все еще улыбаясь, она побрела в ванную комнату.

В то же утро Филипп пришел к Катону и был весьма удивлен, найдя самого убежденного в Риме стойка радостным и полным жизни.

— Не предлагай мне мочи, которую ты называешь вином, — сказал гость, падая в кресло.

Катон молча присел к своему обшарпанному столу и застыл в ожидании.

— Я — душеприказчик Квинта Гортензия, — сообщил раздраженно Филипп.

— Да, он сказал, что оставил мне что-то.

— Что-то? Я скорее назвал бы это даром богов!

Светло-рыжие брови Катона приподнялись, глаза блеснули.

— Я весь внимание, Луций Марк.

— Что с тобой сегодня?

— Абсолютно ничего.

— Я бы этого не сказал. Ты какой-то странный.

— Да, но я и всегда был странным.

Филипп полной грудью вдохнул и изрек:

— Гортензий завещал тебе все содержимое своего винного погреба.

— Как это мило.

— Мило? Это все, что ты можешь сказать?

— Нет, Луций Марк. Я очень ему благодарен.

— А ты знаешь, что у него там хранится?

— Думаю, очень хорошие виноградные вина.

— В этом ты прав. Но знаешь ли ты, сколько там амфор?

— Нет, не знаю. Откуда мне знать?

— Десять тысяч! — рявкнул Филипп. — Десять тысяч амфор с самыми тонкими винами мира! И кому он все это оставляет? Тебе! Человеку без вкуса!

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, и понимаю твое возмущение.

Катон вдруг подался вперед и ухватил посетителя за колено — жест, столь ему несвойственный, что Филипп даже не отпрянул.

— А теперь послушай меня. Я хочу заключить с тобой сделку.

— Сделку?

— Да, сделку. Я вряд ли смогу разместить у себя столько амфор, а в Тускуле их разворуют. Поэтому я возьму себе пятьсот амфор вина, а тебе отдам остальное.

— Ты сбрендил, Катон! Арендуй крепкое складское помещение или продай их! Я куплю у тебя столько, сколько смогу. Но нельзя же отдать все задаром!

— А я и не говорил, что задаром. Сделка есть сделка. Я хочу сторговаться.

— Что же у меня есть, сравнимое с таким богатством?

— Твоя дочь.

Челюсть Филиппа упала.

— Что?

— Я меняю вино Квинта Гортензия на твою дочь.

— Но ты же развелся с ней!

— А теперь хочу взять ее снова.

— Ты и вправду сошел с ума! Зачем тебе это?

— Мое дело, — промурлыкал Катон и не спеша потянулся. — Свадьба должна состояться, как только прах Квинта Гортензия окажется в урне.

Челюсть со стуком встала на место. Губы задергались. Филипп застонал.

— Дорогой мой, но это же невозможно! После траура, через десять месяцев, куда ни шло! Если я соглашусь! — поспешил он добавить.

Взгляд Катона стал очень серьезным. Его рот отвердел.

— Через десять месяцев мир может рухнуть. Или Цезарь пойдет на Рим. Или меня сошлют на Эвксинское побережье. Десять месяцев — они же неопределимы. Поэтому я женюсь на Марции сразу после похорон.

— Нет! Я не соглашусь! Рим сойдет с ума!

— Рим и так ненормальный.

— Нет, я не дам согласия!

Катон вздохнул, повернулся на стуле и замер, мечтательно глядя в окно.

— Девять тысяч пятьсот амфор. Огромных, гигантских амфор тончайшего в мире вина. Сколько его в одной амфоре? Двадцать пять фляг? Умножаем девять тысяч пятьсот на двадцать пять — и получаем двести тридцать семь тысяч пятьсот фляг. Фалернского, хиосского, фуцинского, самосского...

Он так резко выпрямился, что Филипп вздрогнул.

— А ведь у Квинта Гортензия в коллекции имеются также вина из погребов царя Тиграна, царя Митридата и царя парфян!

Черные глаза дико вращались, лицо красавца перекопилось, Филипп сложил руки и умоляюще протянул их к мучителю.

— Я не могу! Разразится скандал почище того, что бушевал, когда ты отдал Марцию старому Квинту! Катон, я прошу! Пусть пройдет время траура!

— Оно пройдет, но вина больше не будет! Зато ты сможешь полюбоваться, как эти амфоры погрузят на повозки и отвезут к горе Тестацей, где я самолично расколочу их большим молотком.

Смуглая кожа стала белой.

— Ты не сделаешь этого!

— Сделаю. В конце концов, у меня нет вкуса, ты это верно сказал. Я могу пить любую мочу. А продавать эти вина не стану. Иначе получится, что Квинт Гортензий оставил мне деньги. А денег я не беру.

Катон опять сел в кресло, заложил руки за голову и с иронией посмотрел на Филиппа.

— Решайся! Выдай свою дочь-вдову замуж за ее бывшего мужа — и наслаждайся лучшей коллекцией лучшего в мире вина. Или смотри, как оно льется на землю. А на Марции я женюсь все равно. Ей двадцать четыре, и она уже шесть лет как вышла из-под твоей опеки. Она уже *sui iuris*. Ты нас не остановишь. Все, о чем я прошу, это придать нашему второму союзу некую толику респектабельности. Мне на это чихать, ты же знаешь, но я предпочел бы, чтобы Марция не испытывала неловкости, выходя из дому.

Хмурый Филипп смотрел на Катона, который тоже сверлил его взглядом. Нет, он действительно чокнутый. Сумасшедший. Уже много лет. Такая целеустремленность, такой фанатизм. Здравомыслием тут и не пахнет. Посмотрите, как он вцепился в Цезаря. И уже не отцепится... пока его не отцепят. А сегодняшний случай совсем уж за гранью.

Филипп вздохнул, пожал плечами.

— Ну хорошо. Пусть будет по-твоему. В конце концов, расхлебывать все это придется вам. Тебе и Марции. — Выражение его лица изменилось. — Ты знаешь, что Гортензий к ней не притронулся? Я думаю, знаешь, раз хочешь жениться опять.

— Я не знал. Думал, все наоборот.

— Он был слишком стар, слишком болен, слишком дряхл. Он просто поставил ее на метафорический пьедестал и поклонялся ей.

— Да, в этом есть смысл. Она никогда не переставала быть моей женой. Спасибо, Филипп. Если бы Марция сказала мне сама, я бы ей не поверил.

— Ты думаешь, что она способна на ложь?

— Я был женат на женщине, наставившей мне рога с Цезарем.

Филипп встал.

— Понимаю. Но женщины бывают разные, как и мужчины. — Он направился к двери, но приостановился. — Знаешь, Катон, до сегодняшнего дня я и не предполагал, что у тебя имеется чувство юмора.

Катон вскинул брови.

— У меня нет чувства юмора, — возразил он.

Вскоре после похорон Квинта Гортензия Гортала разразился чуть ли не самый восхитительный и громкий в истории Рима скандал. Марк Порций Катон снова женился на Марции, дочери Луция Марция Филиппа.

* * *

В середине мая Сенат проголосовал за то, чтобы отложить обсуждение статуса Цезаря до ноябрьских ид. Усилия Катона увенчались успехом, хотя ближайших сторонников убедить было тяжелее всего. Луций Домиций Агенобарб плакал, Марк Фавоний выл. Только письма Бибула заставили их согласиться.

— Замечательно! — радостно вскричал Курион после голосования. — Теперь я смогу отдохнуть. Но не думайте, что к ноябрьским идам что-нибудь переменится. Я опять наложу свое вето.

— Какое вето, Гай Курион? — крикнул Катон, скандальная повторная свадьба которого окружила его романтическим ореолом. — Вскоре после ноябрьских ид твои полномочия кончатся, и Цезарю крышка.

— Кто-нибудь займет мое место, — небрежно отбрил Курион.

— Но не такой же, как ты, — возразил Катон. — Цезарю никогда не найти тебе полноценной замены.

Может быть, Цезарь и не нашел бы, но предполагаемая замена уже торопилась из Галлии в Рим. Смерть Гортензия пробила брешь не только в рядах адвокатов. Он был еще и авгуром, а это означало, что одно место в коллегии авгуров стало вакантным. И занять его опять целился Агенобарб, мечтающий вернуть свою семью в самый привилегированный клуб в Риме — в коллегию жрецов. Жрец или авгур — все едино, хотя жреческий сан предпочтительнее для человека, чей дед был великим понтификом.

Однако его обошли. Только кандидаты в консулы или преторы должны были проходить регистрацию лично. А претендентам на все остальные посты разрешалось регистрироваться заочно. Таким образом, человек, спешащий из Галлии в Рим, послал вперед себя

заявку на свободное место авгура. Выборы состоялись, прежде чем он добрался до Рима. Стенания Агенобарба по этому поводу могли бы украсить любую эпическую поэму.

— Марк Антоний! — плакал Агенобарб и скрюченными пальцами мял кожу на своем голом блестящем черепе. Гнева в его плаче не было: гнев бесполезен, гнев ничем ему не помог в прошлый раз, когда Цицерон стал авгуром. — О, Марк Антоний! Я думал, что Цицерон — худший из всех, кого мне предпочли! Но почему Марк Антоний?! Этот невежда, болван, распутник, этот безмозглый бандит! Всюду плодящий ублюдков! Кретин, блюющий на людях! Его отец покончил с собой, чтобы не дать осудить себя за измену. Его дядя пытал свободных греков, женщин и детей. Его сестра была так некрасива, что только калека и согласился жениться на ней. Его мать, безусловно, глупейшая женщина, хотя и из рода Юлиев. А его два младших брата отличаются от Антония только тем, что они еще глупее!

Все это выговаривалось единственному слушателю, Марку Фавонию. Катон теперь каждый свободный момент проводил с Марцией, Метелл Сципион якшался с Помпеем, а *boni* помельче толпились вокруг Марцеллов.

— Да не падай ты духом, Луций Домиций, — успокаивал друга Фавоний. — Все знают, почему ты проиграл. Это Цезарь купил Антонию должность.

— Цезарь не потратил и половины того, что я потратил на взятки, — простонал, икая, Агенобарб. Его вдруг прорвало. — Я проиграл, потому что я лысый, Фавоний! Если бы у меня была хоть одна волосинка на голове, все прошло бы иначе. Но мне сорок семь, и уже в двадцать пять я был лысым, как зад бабуина! Дети дразнят меня, называют яйцеголовым, женщины брезгливо кривятся, а все мужчины в Риме считают, что я слишком немощен, чтобы куда-то меня избирать!

— Ну-ну, успокойся, — беспомощно пробормотал Фавоний. Он помолчал и изрек: — Цезарь тоже ведь лысый, но это ему не мешает.

— Он вовсе не лысый! — взвизгнул Агенобарб. — У него еще достаточно волос, чтобы зачесать их с затылка на лоб! — Он скрипнул зубами. — И потом, на людных сборищах ему полагается носить дубовый венок, а тот держит прическу.

Тут к ним вошла жена Агенобарба. Порция, старшая сестра Катона. Коротконогая, толстая, вся в веснушках. Они рано поженились,

и их брак оказался счастливым. Дети рождались с периодической регулярностью. Двое парней и четыре девчонки, но, к счастью, Луций Агенобарб был достаточно богат, чтобы обеспечить продвижение сыновей и дать приданое дочерям. Кроме того, у них был еще один сын, которого усыновил Аттилий Серран.

Порция посмотрела на мужа, что-то промурлыкала и кинула сочувственный взгляд на Фавония. Потом прижала несчастную голову Агенобарба к своему животу и похлопала его по спине.

— Дорогой, перестань горевать, — сказала она. — По какой-то причине Рим не хочет облечь тебя жреческим саном. Но это вовсе не из-за твоей лысины, иначе тебя не избрали бы консулом. Сосредоточься на том, чтобы наш Гней стал жрецом. Упокойся, веди себя как мужчина.

— Но Марк Антоний! — простонал Агенобарб.

— Марк Антоний — публичный идол, примерно такой же, как гладиатор. — Она пожала плечами, поглаживая мужа, как больного ребенка. — Конечно, он не такой способный, как Цезарь, но равен ему в умении очаровывать чернь. Людям нравится голосовать за него, вот и все.

— Порция права, Луций Домиций, — согласился Фавоний.

— Конечно, я права.

— Тогда скажите мне, зачем он приехал в Рим? Ведь ему удалось победить *in absentia*!

Агенобарб получил ответ на свой вопрос через несколько дней, когда Марк Антоний, новый авгур, объявил, что он баллотируется на должность трибуна от плебса.

— *Voni* даже не почесались, — усмехнулся Курион.

Для человека, который всегда выглядел великолепно, Антоний стал выглядеть еще лучше, подумал Курион. Жизнь с Цезарем пошла ему на пользу, включая и запрет Цезаря на вино. Редко Рим рождал подобного великана и силача, внушающего благоговение огромными гениталиями и неукротимым оптимизмом. Люди смотрели на него, и он нравился им совсем не так, как нравился Цезарь. Вероятно, цинично думал Курион, потому что он излучал мужественность, не будучи красивым. Обаяние Цезаря, как и Суллы, действовало и на мужчин, и на женщин. Если бы это было не так, старая утка о связи Цезаря с царем Никомедом не возникала бы так часто, хотя с тех пор никто не мог заметить чего-либо

подозрительного в его сексуальной активности. А ведь утка про царя Никомеда держалась только на показаниях двух людей, ненавидевших Цезаря, — уже умершего Лукулла и очень даже живого Бибула. Однако Антония, порой прилюдно посылавшего Куриону сладострастные поцелуи, никто и в мыслях не числил гомосексуалистом.

— Я и не ждал от них чего-то иного, — сказал Антоний, — но Цезарь верит в меня. И считает, что я вполне могу заменить тебя, хотя, возможно, ты с ним не согласен.

— Я согласен с Цезарем, — ответил Курион. — И нравится тебе это или нет, мой дорогой Антоний, ты на какое-то время станешь моим самым прилежным учеником. Я натаскаю тебя на boni, словно пса.

Фульвия, готовая вот-вот разродиться, все же сочла возможным присутствовать на пирушке и возлежала около Куриона. Антоний знал ее много лет и очень ценил. Энергичная, умная, она, несмотря на то что с юности любила Публия Клодия, легко перенесла свое чувство на Куриона, который с Публием был очень несхож. Однако в отличие от большинства женщин Фульвия смотрела на брак вовсе не как на возможность свить свое гнездышко. На любовь и верность ее мог рассчитывать только храбрый, умный и что-то значащий в политической жизни мужчина, каким был Клодий и каким сейчас являлся Курион. И то сказать, она ведь внучка Гая Гракха, жилы ее наполнял чистый огонь. Она была все еще очень красива, хотя ей перевалило за тридцать. И весьма плодовита: четыре ребенка от Клодия, а теперь на подходе — от Куриона. Кто это выдумал, что аристократки обречены на тяжелые роды? Фульвия метала детей, как чихала! Она развенчала множество теорий, ибо ее кровь была очень древней, а генеалогия — очень сложной: Сципион Африканский, Эмилий Павел, Семпроний Гракх, Фульвий Флакк. И несмотря на это, она была просто фабрикой по производству потомства.

— Когда ждете? — спросил Антоний.

— Скоро, — ответила Фульвия и, протянув руку, взъерошила волосы Куриона. Потом улыбнулась с притворной скромностью. — Мы... э-э... припозднились со свадьбой.

— Почему?

— Спроси Куриона, — зевая, сказала она.

— Я хотел разобраться с долгами, прежде чем сделать предложение столь обеспеченной даме.

Антония сказанное весьма удивило.

— Курион, я никогда тебя не понимал! Почему это должно было тебя беспокоить?

— Потому что, — слышался новый, радостный голос, — Курион не такой, как мы, бедняки.

— Долабелла! Входи же! — вскричал Курион. — Подвинься, Антоний.

Публий Корнелий Долабелла, нищий аристократ, возлег на ложе рядом с Антонием и взял в руки протянутую ему чашу с вином.

— Поздравляю, Антоний, — сказал он.

Курион подумал, что они очень схожи, по крайней мере физически. Оба высокие, широкоплечие, мускулистые, полные мужской силы. Но Долабелла, пожалуй, умнее, хотя бы потому, что у него нет тяги к вину. А в красоте он даже превосходит приятеля. Его родство с Фульвией сказывалось в чертах лица и в цвете кожи. Такие же светло-каштановые волосы, черные брови и ресницы, синие глаза.

Финансовое положение Долабеллы всегда было таким непрочным, что только выгодная женитьба позволила ему войти в Сенат. По совету Клодия он завоевал сердце Фабии, бывшей старшей весталки, сводной сестры Теренции, жены Цицерона. Брак, правда, длился недолго, но Долабелла в результате стал владельцем огромного приданого Фабии и, несмотря на развод, сохранил расположение жены Цицерона, считавшей, что Фабия сама расстроила брак.

— Верно ли, Долабелла, что ты уделяешь большое внимание дочери Цицерона? — спросила Фульвия, лениво жуя яблоко.

Долабелла вмиг погрузнел.

— Вижу, слухи, как и всегда, распространяются очень быстро.

— Значит, ты ухлестываешь за Туллией?

— Нет, не ухлестываю. Я ее люблю.

— Туллию?

— А что тут такого? — вмешался Антоний. — Все мы насмехаемся над Цицероном, но самый злейший его враг не откажет ему в уме. Туллию я заметил несколько лет назад, когда она была замужем... ммм... за Пизоном. Очень милая, очень живая. Наверняка с ней интересно.

— Да, интересно, — угрюмо подтвердил Долабелла.

— Только бы ее детки не пошли в ее матушку, — с деланной озабоченностью произнес Курион.

Все захохотали, но Долабелла не поддержал веселья.

— Сдери с них приданое пожирнее, — посоветовал напоследок Антоний. — Цицерон будет жаловаться на отсутствие наличных денег, но он владеет самой завидной в Италии собственностью. А кубышка Теренции всегда полна.

В начале июня Сенат собрался в курии Помпея, чтобы обсудить угрозу вторжения парфян в Сирию. В связи с этим возник вопрос о замене губернаторов в Киликии и Сирии. Сторонники Цицерона и Бибула рьяно обрабатывали Палату, убеждая почтенных отцов не продлевать этим губернаторам срок правления еще на год. Здесь возникали определенные трудности. Список потенциальных губернаторов был невелик (большинство брали провинции после окончания срока консула или претора — цицероны и бибулы были редки), и самые влиятельные лица в этом списке рвались заменить Цезаря, а не губернаторов беспокойных провинций. Кабинетные генералы до жути боялись войны с парфянами, а провинции Цезаря казались всем усмирёнными на много лет вперед.

Контролировали ситуацию два Помпея — высеченный из мрамора и настоящий, располагавшийся на нижнем ярусе с левой стороны. А посвежевший и словно бы окрыленный Катон сидел на среднем ярусе с правой стороны, рядом с Аппием Клавдием Пульхром, который вышел из суда оправданным и вскоре был выбран цензором. Правда, другим цензором наряду с ним стал Луций Кальпурний Пизон, тесть Цезаря и человек, с которым Аппию Клавдию трудно было сработаться. В данный момент они разговаривали друг с другом. Аппий Клавдий намеревался основательно почистить Сенат, но по закону, проведенному еще Публием Клодием, его собственным братом, один цензор не мог изгонять из Палаты сенаторов или менять статус всадников в трибах или центуриях. Это значило, что успех действий Аппия Клавдия зависел целиком и полностью от того, одобрит их Луций Пизон или нет.

Но Клавдии Марцеллы все еще оставались сильнейшим ядром оппозиции по отношению к Цезарю и другим популярным фигурам.

Гай Марцелл-старший, будучи вторым консулом, вел собрание — у него были фасции на июнь.

— Нам известно из писем Марка Бибула, что обстановка в Сирии стала критической, — начал он. — У него под рукой всего двадцать семь когорт, а это смешно. Кроме того, боевой дух армии невысок, даже у легиона Габиния, возвращенного из Египта. Самая возмутительная ситуация для человека — командовать солдатами, которые убили его сыновей. Сирии нужны новые легионы.

— А где мы их возьмем? — громко спросил Катон. — Благодаря активности Цезаря, сформировавшего в этом году еще двадцать две когорты из рекрутов, Италия и Италийская Галлия оголены.

— Я знаю об этом, Марк Катон, — жестко оборвал его Марцелл-старший. — Но факт остается фактом. Нам необходимо отправить в Сирию по меньшей мере два легиона.

Помпей вдруг подмигнул Метеллу Сципиону, с самодовольным видом восседавшему перед ним. Они хорошо ладили, и Помпей даже прощал своему тестю неодолимую приверженность к порнографии.

— Младший консул, могу я сказать?

— Пожалуйста, Гней Помпей.

Помпей поднялся, ухмыляясь.

— Я понимаю, что, если хоть кто-нибудь из присутствующих внесет предложение отобрать в приказном порядке эти легионы у Цезаря, наш уважаемый плебейский трибун Гай Курион немедленно наложит на это вето. Но я предлагаю действовать в рамках, которые определил сам Гай Курион.

Катон улыбался, Курион хмурился.

— Если мы сможем действовать в этих рамках, я буду рад, — сказал Марцелл.

— Сможем, — весело заверил Помпей. — Я отдам один легион, и Гай Цезарь отдаст один легион. Таким образом, равновесие не нарушится. Мы оба лишимся одинакового количества солдат. Это приемлемо, Гай Курион?

— Да, — коротко ответил Курион.

— Ты ведь не наложишь вето на подобное предложение?

— Нет, Гней Помпей.

Помпей просиял.

— Что ж, отлично! Тогда я извещаю Палату, что уступаю Сирии один из моих легионов.

— Который, Гней Помпей? — спросил Метелл Сципион, нетерпеливо ерзая в кресле.

— Мой шестой легион, Квинт Метелл Сципион, — был ответ.

Все замолчали, молчал и Курион. Ай да Помпей! Ай да пиценский боров! Он одним махом сократил армию Цезаря на два легиона, обезоружив при этом плебейского трибуна. Ибо шестой легион был с Цезарем уже несколько лет, но принадлежал он Помпею.

— Отличная идея! — сказал Марцелл-старший с ухмылкой. — Голосуем поднятием рук. Кто зато, чтобы Гней Помпей отдал Сирии свой шестой легион, прошу поднять руки.

Даже Курион поднял руку.

— А теперь кто за то, чтобы Гай Цезарь послал в Сирию один из своих легионов?

Курион опять поднял руку.

— Тогда я немедленно сообщу Гаю Цезарю о нашем решении, — сказал довольно Марцелл.

— А кто станет новым губернатором Сирии? — спросил Катон. — Я думаю, большинство почтенных отцов согласится с тем, что мы должны вернуть Марка Бибула домой.

— Я предлагаю, — тут же сказал Курион, — послать в Сирию Луция Домиция Агенобарба.

Агенобарб поднялся, печально покачивая головой.

— Я был бы рад, Гай Курион, но, к сожалению, не могу ехать в Сирию по здоровью. — Он уткнул подбородок в грудь, демонстрируя свой голый череп. — Солнце там слишком палит, почтенные отцы. Оно поджарит мне мозги.

— Носи шляпу, Луций Домиций, — весело посоветовал Курион. — Что было хорошо для Суллы, хорошо и для тебя.

— Но есть еще проблема, Гай Курион. Я не могу носить шляпу, как и воинский шлем. Едва лишь что-то касается моей макушки, у меня начинаются жуткие головные боли.

— Это у нас они начинаются от тебя! — не удержался Луций Пизон.

— А ты — инсумбрийский дикарь! — взвился Агенобарб.

— К порядку! К порядку! — выкрикнул Марцелл-старший.

Помпей снова встал.

— Можно мне предложить альтернативу, Гай Марцелл? — скромно спросил он.

— Говори, Гней Помпей.

— У нас есть список преторов, не побывавших в губернаторах, но, думаю, все согласятся, что беспокойную Сирию можно доверить лишь человеку, имевшему консульский статус. Поскольку Марк Бибул нужен нам в Сенате, могу ли я предложить на его место экс-консула, пятилетний срок отчуждения которого от подобных постов еще не прошел? Со временем все уляжется и таких проблем больше не будет, но сейчас мы должны мыслить здраво. Если Сенат согласится, мы можем принять специальный закон, позволяющий выдвинутому мной кандидату занять эту должность.

— Да хватит, Помпей! — вздохнул Курион. — Назови своего человека.

— Хорошо. Это Квинт Цецилий Метелл Пий Сципион Назика.

— Твой тесть, — уточнил Курион. — Разводим семейственность, да?

— Семейственность — это залог надежности! — крикнул Катон.

— Семейственность — это проклятие! — выкрикнул кто-то сзади.

— Тихо! Я требую тишины! — рявкнул Марцелл-старший. — Марк Антоний, ты заднескамеечник и не имеешь права на голос!

— Чушь! Ерунда! — взревел Антоний. — Мой отец — лучшее доказательство, что семейственность — это сущее наказание!

— Марк Антоний, заткнись, или я вышвырну тебя вон!

— Ты? А кто еще? — с презрением осведомился Антоний. Он встал в классическую боксерскую стойку. — Давай, налетай!

— Сядь, Антоний! — устало сказал Курион.

Антоний сел, усмехаясь.

— Метелл Сципион не может вырваться из цепких женских рук, — сказал Ватия Исаврик.

— Я предлагаю Публия Ватиния! Я предлагаю Гая Требония! Гая Фабия! Квинта Цицерона! Луция Цезаря! Тита Лабиена! — бушевал Марк Антоний.

Гай Марцелл-старший закрыл собрание.

— Ты будешь жутким демагогом, когда станешь плебейским трибуном, — сказал Курион Антонию, когда они шли к Палатину. — Но

сейчас не цепляйся к Гаю Марцеллу. Он очень вспыльчив и может тебе навредить.

— Ублюдки! Они отобрали у Цезаря два легиона.

— И очень ловко, признаться. Я сейчас же ему обо всем напишу.

К началу квинктилия все в Риме знали, что Цезарь со свойственной ему стремительностью перешел Альпы и вошел в Италийскую Галлию. При нем были три легиона и Тит Лабиен. Два легиона назначались для Сирии: шестой (Помпея) и пятнадцатый (его собственный), по обыкновению состоявший из рекрутов, уже прошедших школу Гая Требония, но еще не побывавших в боях. Третий легион, тринадцатый, состоял из ветеранов, очень гордившихся его порядковым номером, который ничуть не влиял на их эффективность в сражениях. Набранный из добровольцев с той стороны реки Пад, этот легион был всецело предан Цезарю.

По спинам римлян побежали мурашки. В Италийской Галлии не было никаких легионов — и вдруг появилось три сразу. Рим охватила тихая паника. Все недоумевали, зачем Сенату интриговать против лучшего военачальника со времен Гая Мария или вообще лучшего во все века. Цезарь — это Италия, это Рим. Но он был загадкой. Фактически никто не знал, чего от него можно ждать. Ведь его так давно не видели в Риме, а Марк Порций Катон повсюду кричал, что Цезарь хочет разрушить Республику. Катона знали, Катона слушали. Всеобщий страх основывался лишь на том, что сам губернатор, как и предполагали его обязанности, перебрался из одной части подвластной ему провинции в другую. Правда, обычно Цезарь не держал постоянно при себе легион солдат, даже когда переводил легион через Альпы. А на этот раз он не отпускал от себя тринадцатый. Но что такое один легион? Если бы не два других легиона, всем было бы спокойнее.

Затем стало известно, что один из многочисленных молодых Аппиев Клавдиев курирует продвижение эти двух легионов. Шестому и пятнадцатому предписано стать лагерем в Капуе и ждать погрузки на корабли. Все облегченно вздохнули. Все вдруг вспомнили, что эти два легиона Цезарю уже не принадлежат, что он по обязанности привел их в Италийскую Галлию! О, хвала богам! Настроение еще больше улучшилось, когда молодой Аппий Клавдий с шестым и пятнадцатым обогнул Рим и сообщил главе своего семейства как цензору, что

солдаты этих подразделений постоянно поносят Цезаря и что вообще, по их словам, вся армия Цезаря находится на грани бунта.

— Разве старик не умница? — спросил Антоний у Куриона.

— Умница? Я согласен, Антоний, если под стариком ты имеешь в виду Цезаря, который вовсе не стар — на днях ему исполнится лишь пятьдесят.

— Я имею в виду весь этот вздор, что его легионы недовольны. Легионы Цезаря недовольны? Такого никогда не было, Курион, никогда! Они лягут и позволят Цезарю класть на них. Они умрут за него, все до последнего, включая людей из легиона Помпея.

— Значит...

— Он всех разыгрывает, Курион. Он просто хитрая старая лиса. Чтобы никому, даже Марцеллам, не пришло в голову, что молодого Аппия Клавдия можно купить. Или что молодому Аппию Клавдию нравится сотрудничать просто из любви к интригам. Мне доподлинно известно, что, провожая шестой и пятнадцатый, Цезарь выступил перед ними и сказал, как ему жаль расставаться с ними. А потом выдал каждому премию по тысяче сестерциев, пообещал, что они получат свою долю в трофеях, и посочувствовал, что им придется вернуться к обычному воинскому жалованью.

— Действительно хитрая старая лиса! — кивнул Курион. Вдруг он вздрогнул и уставился на приятеля. — Антоний, а он не...

— Что «он не»?

— Не пойдет на Рим?

— Мы все думаем, что пойдет, если его вынудят, — осторожно ответил Антоний.

— Кто «мы все»?

— Его легаты. Требоний, Децим Брут, Фабий, Секстий, Сульпиций, Гиртий.

Куриона прошиб холодный пот. Дрожащей рукой он вытер лоб.

— Юпитер! О Юпитер! Антоний, перестань глазеть на женщин, идем ко мне!

— Зачем?

— Затем, чтобы мы наконец разработали стратегию твоих действий! Идем, и не вздумай противиться.

— Я и не думаю. Мы должны получить для него разрешение баллотироваться без явки. Иначе разразится что-то ужасное от Регия до

Аквилеи.

— Если бы Катон и Марцеллы заткнулись, у нас был бы шанс, — на бегу пропыхтел Курион.

— Они не заткнутся. Они — идиоты.

Когда в квинктилии завершился третий тур выборов, Марк Антоний возглавил список плебейских трибунов. Это ничуть не взволновало *boni*. Все последние годы Курион демонстрировал свою недюжинную одаренность, а Марк Антоний — только свой огромный пенис под плотно облегающей туникой. Если Цезарь надеялся заменить Куриона Антонием, тогда он рехнулся, решили *boni*. Эти выборы выявили еще один из наиболее любопытных аспектов политической жизни римлян. Гай Кассий Лонгин, все еще в ореоле славы после своих подвигов в Сирии, стал плебейским трибуном. Его младший брат, Квинт Кассий Лонгин, тоже стал плебейским трибуном. Но Гай Кассий был ярый сторонник *boni*, как и подобает мужу сестры Брута, а Квинт Кассий полностью принадлежал Цезарю. Консулами на следующий год были выбраны тоже оба из *boni*. Гай Клавдий Марцелл-младший станет старшим консулом, а Луций Корнелий Лентул Крус — младшим. Преторы большей частью поддерживали Цезаря, кроме ручной обезьяны Катона — Марка Фавония, занявшего последнюю строчку списка.

Несмотря на все усилия Куриона и Антония (последний как избранный плебейский трибун теперь имел право выступать), Метелл Сципион был послан заменить Бибула в Сирии, а экс-претор Публий Сестий — заменить в Киликии Цицерона. С собой Публий Сестий брал Марка Юния Брута, сделав его своим старшим легатом.

— Что ты творишь, покидая Рим в такое время? — строго спросил Брута недовольный Катон.

Брут, как всегда, выглядел отвратительно, но даже Катон стал наконец понимать, что, как бы ни выглядел Брут, он сделает то, что задумал.

— Я должен ехать, дядя, — почти извиняясь, сказал Брут.

— Почему?

— Потому что Цицерон, управляя Киликией, вмешался в мои финансовые интересы.

— Брут, Брут! У тебя больше денег, чем у Помпея и Цезаря, вместе взятых! Что значат несколько неполученных долгов по сравнению с судьбой Рима? — простонал раздраженный Катон. — Попомни мои слова, Цезарь хочет убить Республику! Чтобы ему противостоять, нам нужен каждый влиятельный человек. Твоя обязанность — оставаться в Риме, а не слоняться по Киликии, Кипру, Каппадокии, пополняя свои капиталы! В жадности ты превзошел Марка Красса!

— Извини, дядя, но пострадают мои клиенты Матиний и Скаптий. У человека есть долг перед своими клиентами.

— У человека прежде всего есть долг перед своей страной.

— Моей стране ничто не угрожает.

— Твоя страна на грани гражданской войны!

— Ты все время об этом твердишь, — вздохнул Брут, — но, честно говоря, я не верю тебе. Это твой пунктик, дядя Катон. Правда, пунктик.

Неприятная мысль вдруг кольнула Катона. Он с гневом посмотрел на племянника.

— Глупости! Дело тут не клиентах и не в долгах, Брут, не так ли? Ты убегаешь от возможной угрозы, как делал это всю жизнь!

— Это неправда! — воскликнул Брут, побледнев.

— А теперь моя очередь тебе не верить. Ты всегда куда-то деваешься, как только запахнет войной.

— Как ты смеешь так думать, дядя? Парфяне могут вторгнуться в наши восточные протектораты, прежде чем я там появлюсь!

— Парфяне вторгнутся в Сирию, а не в Киликию. Именно так они поступили прошлым летом, несмотря на все то, что Цицерон писал в своих пространственных корреспонденциях домой. До тех пор пока мы не потеряем Сирию — а я очень сильно сомневаюсь, что это возможно, — ты будешь сидеть в Тарсе в такой же безопасности, как если бы ты был в Риме. Если только Риму не будет угрожать Цезарь.

— И это тоже ерунда, дядя. Ты напоминаешь мне жену Скаптия, которая квохчет над своими детьми, превращая их в ипохондриков. Пятно на коже — зараза, головная боль — что-то страшное внутри черепа, спазмы в желудке — пищевое отравление или летняя лихорадка. Наконец эта заботливость довела до того, что один из ее отпрысков умер. Не от болезни, дядя, а от недосмотра. Она паялилась на рыночные прилавки, вместо того чтобы не спускать с него глаз. И мальчишка попал под колеса повозки.

— Ха! — презрительно усмехнулся Катон. — Интересная притча, племянник. Но ты уверен, что жена Скаптия не копия твоей собственной матери, которая сделала из тебя ипохондрика?

Печальные карие глаза опасно сверкнули. Брут резко повернулся и ушел. Но он пошел не домой. Он пошел к Порции.

Услышав рассказ о ссоре, та глубоко вздохнула и ударила кулаком по ладони.

— Брут, мой отец такой вспыльчивый. Пожалуйста, не обижайся! Он не хотел тебя оскорбить. Просто он сам такой... такой воинственный, что ли. Раз уж вонзил зубы, то ни за что не отпустит. Он одержим желанием стереть Цезаря в порошок.

— Я могу простить твоему отцу эту одержимость, Порция, но не его отвратительный догматизм! — возразил желчно Брут. — Боги свидетели, я не питаю к Цезарю ни уважения, ни любви, но все его теперешние действия — это попытка выжить. Безуспешная, надеюсь. Но чем он отличается от десятка других заносчивых себялюбцев? Никто из них не пошел на Рим. Возьми, к примеру, Луция Пизона, когда Сенат лишил его Македонии.

Порция изумленно посмотрела на родича.

— Брут, это же несравнимые вещи! Ты хорошо разбираешься в бизнесе, но в политике — непроходимый тупица.

Разозлившись, Брут встал.

— Если ты всерьез так думаешь, Порция, то я уйду! — огрызнулся он.

— О-о! — виновато простонала она, потом взяла его руку, приложила к своей щеке. Большие серые глаза увлажнились. — Прости меня! Не уходи! Останься!

Смягчившись, он отнял руку и сел.

— Ну хорошо. Но ты должна понять, Порция, что твои взгляды весьма однобоки. Ты и в голову не берешь, что твой отец может быть в чем-то неправ, хотя это с ним происходит частенько. Взять сегодняшнюю шумиху на Форуме. Все, что он делает, — это пугает людей, берет их за горло, и они ему верят! Между тем Цезарь ведет себя абсолютно нормально. Все затряслись, когда он перевел через Альпы три легиона. Но он перевел их по требованию Сената! И тут же отправил два из них в Капую. А твой отец всем говорит, что Цезарь

скорее умрет, чем отдаст эти два легиона. Он неправ, Порция! Катон неправ! Цезарь лоялен к приказам Сената.

— Да, я согласна, папа склонен к преувеличениям, но не ссорься с ним, Брут. — Слеза упала на его руку. — Я не хочу, чтобы ты уезжал.

— Я уезжаю не завтра, — тихо произнес он. — К тому времени Бибул уже будет дома.

— Да, конечно, — равнодушно сказала она, потом вдруг просияла и хлопнула себя по коленям. — Что я покажу тебе, Брут! Я тут просматривала Фабия Пиктора и обнаружила серьезное историческое несоответствие. В той главке, где он обсуждает уход плебса на Авентин.

А, это уже нечто получше! Брут с удовольствием погрузился в изучение текста, хотя его больше занимало оживленное лицо Порции, чем чье-то мнение об уходе плебса на Авентин.

Но слухи все ширились и росли. К счастью, весна этого года, совпавшая с календарным летом, была очень мягкой. Лили дожди, пригревало солнышко, и как-то не верилось, что в Итальянской Галлии притаился паук, готовый задушить Рим. Впрочем, простые граждане Рима так и не думали. Они обожали Цезаря, они считали, что в сложившейся ситуации повинен Сенат. И делали вывод, что все закончится хорошо, как всегда это бывает. Однако на влиятельных всадников восемнадцати старших центурий слухи действовали сильнее. Единственное, что их заботило, — это деньги, и малейший намек на гражданскую междоусобицу шевелил волосы на их загривках.

Группа банкиров — Бальб, Оппий, Рабирий Постум — неустанно трудилась, пытаясь заставить плутократов, подобных Титу Помпонию Атику, понять, что отнюдь не в интересах Цезаря замышлять войну с Римом. Что Катон и Марцеллы ведут себя безответственно, приписывая Цезарю столь дикие настроения. Что они сами приносят больше вреда римской коммерции, чем любые действия Цезаря, которые он мог предпринять, чтобы защитить свою будущую карьеру и свое *dignitas*. Он — законопослушный человек и всегда был таким. С чего бы вдруг ему вздумалось нарушать конституцию? Катон и Марцеллы неустанно твердят, что он — враг всех республиканских завоеваний, но на чем это основывается? Ни на чем. Все выглядит так, будто они используют Цезаря как способ сделать Помпея диктатором. Разве это не Помпей

позволил boni ставить под сомнение dignitas и репутацию Гая Юлия Цезаря? Разве не он стоял за всей этой заварушкой? Чьи мотивы более подозрительны — Цезаря или Помпея? Чье поведение в прошлом ясно демонстрировало стремление к власти — Цезаря или Помпея? Кто был реальной опасностью для Республики — Цезарь или Помпей? Ответ, говорила неутомимая маленькая группа, всегда напрашивается лишь один: Помпей.

А тот, отдыхая на своей неаполитанской вилле, неожиданно заболел. Причем, по слухам, серьезно. Мрачная Корнелия Метелла, встречавшая всадников и сенаторов, потекших к больному, твердо и ясно объясняла каждому, что положение мужа критическое, и давала всем поворот от ворот.

— Прошу прощения, Тит Помпоний, — сказала она Аттику, появившемуся едва ли не первым, — но доктора запретили визиты. Мой муж борется за жизнь и не может тратить силы на что-то еще.

— О-о, — округлил рот сильно обеспокоенный Аттик. — Нам очень нужен здоровый Гней Помпей, Корнелия!

На самом деле он не это хотел сказать. Его заботила вероятность того, что именно Помпей стоит во главе развязанной кампании с целью обвинить Цезаря в преступлении. Аттику, очень состоятельному и влиятельному человеку, нужно было объяснить Помпею, какой эффект на финансы произведет вся эта политическая клевета. К несчастью, Помпей ничего не смыслил в коммерции. У него был управляющий, которому он доверял. А тот вкладывал все деньги хозяина либо в банки, либо в земли. Обладая Помпей головой Брута, он уже давно бы унял этих boni, ибо их агитация отпугивала денежные поступления в Рим. А для Аттика как для крупного коммерсанта это был сущий кошмар. Денежки утекали, прятались в темноте, не высывались на свет, не выполняли работу. Кто-то должен втолковать boni, что они опасно влияют на истинный источник жизненной силы Рима — финансы.

Но все кончилось тем, что он уехал ни с чем. Впрочем, как и все остальные.

А в это время Помпей прятался в глубине своей виллы, недосыгаемый для чьих-либо глаз. Почему-то чем выше он поднимался, тем больше редели ряды его окружения. Сейчас, например, его единственным утешителем был Метелл Сципион. Он и одобрил решение зятя притвориться смертельно больным.

— Я должен знать, какое у народа мнение обо мне и как он ко мне относится, — сказал ему Помпей. — Нужен ли я им? Необходим ли я им? Любят ли они меня? Все ли еще я Первый Человек в Риме? Это высветит их настроения, Сципион. Я велел Корнелии составить список всех, кто придет справиться обо мне, и записать то, что они ей скажут. Это поможет мне узнать правду.

К сожалению, калибр мозгов Метелла Сципиона не расчислял тонкости и нюансы. Поэтому ему и в голову не пришло возразить, что посетители могут говорить одно, а думать другое и что по крайней мере половина из них в душе будет надеяться, что Помпей безнадежен.

Таким образом, они оба, смеясь, просматривали список Корнелии, играли в кости, в шашки и в домино, а потом расставались, чтобы заняться своими делами. Помпей уже в который раз перечитывал «Записки» Цезаря, но без всякого удовольствия. Этот ужасный человек был больше чем просто гений. Он еще обладал такой непоколебимой верой в себя, какой у Помпея никогда не бывало. Цезарь не расцарапывал себе лицо и грудь от отчаяния, прячась в палатке после проигранного сражения. Он невозмутимо продолжал начатое и добивался успеха. И почему у него такие талантливые легаты? Если бы Афраний и Петрей в Испаниях хотя бы наполовину обладали задатками Требония, Фабия или Децима Брута, их хозяину не о чем было бы беспокоиться.

Метелл Сципион в свое личное время сочинял чудесные маленькие пьески для актеров и актрис, не стеснявшихся выступить голышом, и сам их ставил.

Смертельная болезнь длилась месяц, после чего в середине секстилия Помпей влез в паланкин и направился к своей вилле на Марсовом поле. Не желая и в самом деле подцепить какую-нибудь лихорадку, он ехал по Латинской дороге. Известие о его критическом состоянии распространилось повсюду. Люди толпами приветствовали выздоравливающего, подносили цветы. А он высовывал голову из окна, с трудом улыбался и махал им якобы ослабевшей рукой. Чтобы сократить время пути, паланкин двигался и в темноте, но, к великой радости его пассажира, люди все равно сбегались к нему, аплодировали и освещали путь факелами.

— Это все правда! — с радостью сообщил он своему спутнику, делившему с ним паланкин, ибо Корнелия Метелла путешествовала

одна, чтобы не давать повода мужу для амурных заигрываний в дороге. — Сципион, они любят меня! Действительно любят!

— Ну и что тут такого? — позевывая, спросил Метелл Сципион.

— Значит, чтобы поднять солдат в Италии, мне стоит только выйти из паланкина и ступить на землю.

— Угу, — буркнул Метелл Сципион и уснул.

Но Помпею все не спалось. Он широко распахнул занавески и, откинувшись на подушки, продолжал махать всем рукой. Это правда, это чистая правда! Народ Италии любит Помпея. Зря он опасается Цезаря. У того нет никаких шансов, даже если он поглупеет настолько, чтобы пойти на Рим. Но он не пойдет. В глубине души Помпей очень хорошо понимал, что для Цезаря это не выход. Он скорее выберет бой на Форуме или в Сенате. Или... в суде. Нет, его надо свалить. В этом Помпей с *boni* не расходился. Цезарь как полководец далеко себя не исчерпал. Если его не стреножить, он превзойдет Помпея во всем. И даже в том, что ему не придется добавлять к своему имени эпитет Великий — народ сам наречет его так. Он знал, что военная карьера Цезаря далеко не закончена и что, если бы ему не мешали, он превзошел бы Помпея до такой степени, что стал бы Цезарем Великим и ему не надо было бы самому себе присваивать имя Магн.

Как он об этом узнал? Тит Лабиен стал писать Помпею, смиренно надеясь, что бывший патрон давно уже простил его за ту достойную сожаления ошибку с Муцией Терцией. Цезарь что-то имеет против него — ревнует, конечно. Цезарь не может симпатизировать человеку, способному на самостоятельные и потрясающе успешные действия. Таким образом, обещанного совместного консульства с Цезарем у него не получится. Когда они вместе переходили через Альпы в Италийскую Галлию, Цезарь сказал ему, что, как только галльская кампания кончится, он отбросит Лабиена, как пылающий уголек. Но, сообщал Лабиен, о марше на Рим Цезарь даже не помышляет. А кому о том еще знать, как не его правой руке? Ни словом, ни взглядом Цезарь никогда не делал намека на стремление совершить государственный переворот. И другие легаты, от Требония до Гиртия, ничего такого не говорят. Нет, единственное, чего хочет Цезарь, — это получить консульство, а потом начать войну с парфянами. Отомстить за своего друга Марка Лициния Красса.

Помпей обдумывал послание человека, наставившего ему рога, до самого конца своей самоизоляции.

«Verpa! Cunnus! Mentula!» — ругался про себя Помпей, в ярости скаля зубы. Как смеет Тит Лабием думать, что его могут простить? Ему нет прощения и не будет, как всем, кто похищает жен у достойных мужей! Но с другой стороны, он может быть очень полезен. Афраний с Петреем стареют, теряют хватку. Почему бы не заменить их Титом Лабиемом? Как и они, он никогда не будет иметь достаточного влияния, чтобы соперничать с Помпеем Великим. Никогда не сможет назвать себя Лабиемом Великим.

Кампания на Востоке против парфян... Значит, вот куда устремлены амбиции Цезаря! Умно, очень умно. Цезарь не пойдет на Рим, зачем ему эта морока? Он хочет войти в историю как величайший в мире военачальник. После завоевания Длинноволосой Галлии — совершенно новой территории — он завоюет парфян и добавит к провинциальной империи Рима обширнейшие земли. То есть опять утрет нос Помпею, который всего лишь прошел по территориям, давно находившимся под влиянием Рима, и сражался с традиционными врагами Рима, такими как Митридат и Тигран. Цезарь опять станет первопроходцем. Он всегда идет туда, где еще не бывал ни один римлянин. А с ним одиннадцать... нет, теперь девять фанатично преданных ему легионов. Поражений, как при Каррах, не будет. Цезарь выпотрошит парфян. Он двинется в Серику и далее в Индию! Пройдет по всем землям, увидит народы, о существовании которых не подозревал даже Александр. И приведет царя Орода в Рим, чтобы тот шел в триумфальном шествии Цезаря. И Рим будет поклоняться Цезарю, как божеству.

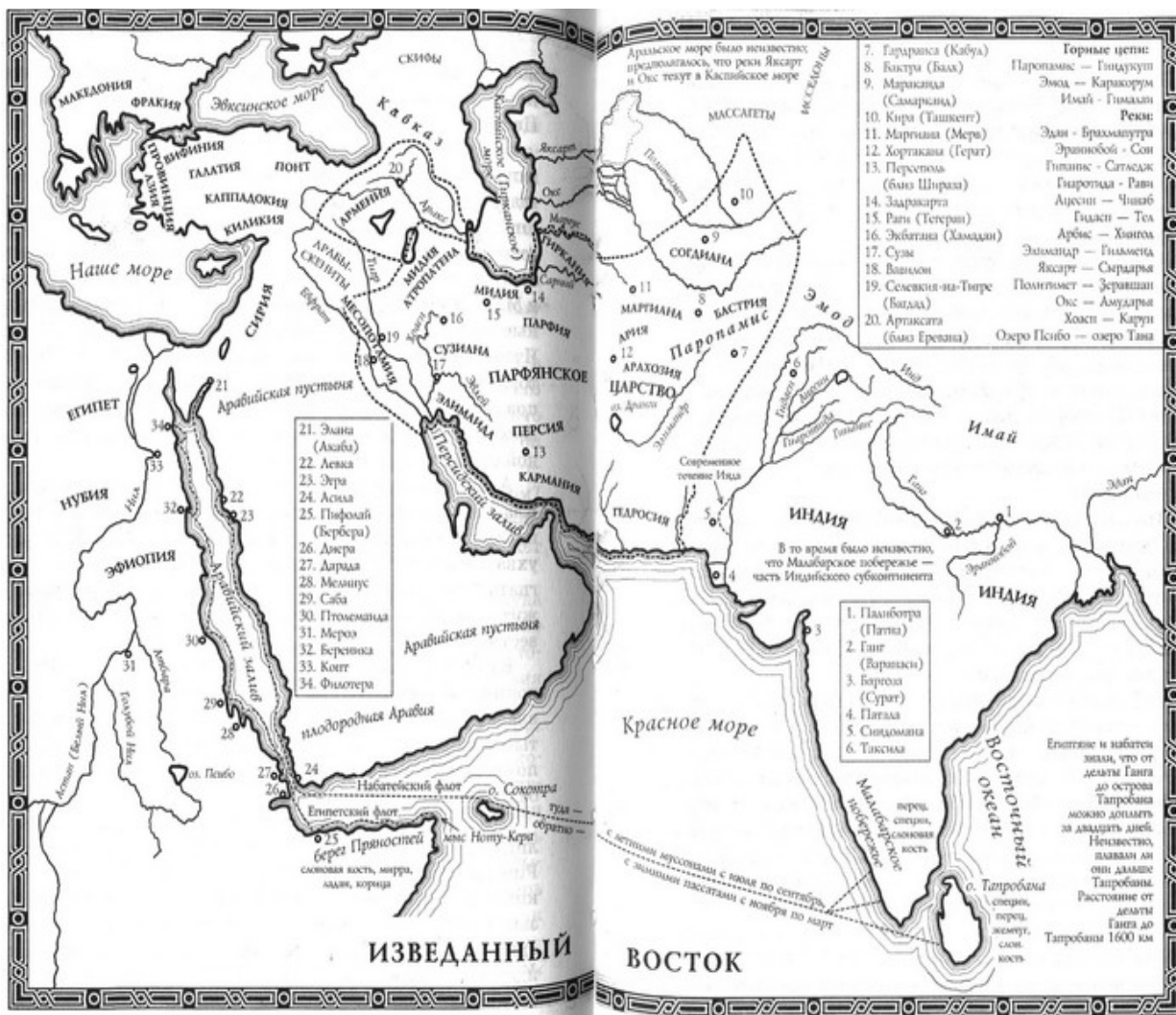
О да, Цезарь должен уйти. Цезаря нужно лишить и армии, и провинций! И столько раз обвинить в судах, чтобы он навсегда забыл дорогу в Италию! Лабием, девять лет с ним служивший, сказал, что Рим его не интересуется. Это мнение целиком совпадало с мнением Помпея, весьма ободренного приветствиями народа. Нет, он не станет сдерживать *boni* в лице Катона и Марцеллов. Он даже поможет им, распространяя тревожные слухи, чтобы поволновались и плутократия, и Сенат. Чтобы они впали в панику и возненавидели Цезаря! Чтобы тому везде и всегда отказывали во всем! Чтобы в конце концов этот надменный патриций-аристократ, чья генеалогия восходит к Венере,

собрал свой скарб и со всей своей родословной отправился в постоянную ссылку!

А для начала, думал Помпей, он повидает цензора Аппия Клавдия и намекнет ему, что можно вполне безопасно изгнать из Сената большинство сторонников Цезаря. Аппий Клавдий ухватится за это предложение и, вероятно, попытается изгнать Куриона. Луций Пизон, другой цензор, наверное, наложит вето. Хотя, может, и не наложит, ибо инертность его известна всем.

В начале октября пришло известие от Лабиена, что Цезарь покинул Италийскую Галлию и поспешил к Неметоценне, во владения белгских атребатов, где с пятым, девятым, десятым и одиннадцатым легионами оставался Требоний. Тот, по словам Лабиена, написал Цезарю срочное донесение, что белги замыслили бунт.

Отлично! Помпей потер руки. Пока его враг удален от Италии на тысячу миль, он велит своим ставленникам наводнить Рим всевозможными слухами, чем нелепее, тем лучше. Таким образом, Атик и другие коммерсанты узнали, что Цезарь с четырьмя легионами — пятым, девятым, десятым и одиннадцатым — перевалил через Альпы и к октябрьским идам окажется в Плаценции, откуда будет пугать Сенат, чтобы тот не решился лишить его полномочий в ноябрьские иды.

Карта 9. Изведанный Восток.

Ибо, говорил Аттик в срочном письме Цицерону, уже добравшему до Эфеса по пути домой из Киликии, весь Рим знает, что Цезарь наотрез откажется расстаться со своей армией.

В панике Цицерон кинулся через Эгейское море в Афины, куда он прибыл как раз в злополучные октябрьские иды. В письме Аттику он сказал, что лучше быть побитым вместе с Помпеем, чем победить с Цезарем.

Криво усмехаясь, Аттик в изумлении смотрел на письмо. Ну и как к этому относиться? Неужели Цицерон именно так и думает? Неужели он действительно считает, что, если разразится гражданская война,

Помпей и все лояльные римляне не сумеют победить в сражении против Цезаря? Аттик был уверен, что это мнение Цицерона обоснованно, ведь его брат Квинт Цицерон служил под началом Цезаря в Длинноволосой Галлии. Мнение Квинта Цицерона многое значит. Так не лучше ли не давать Цезарю повода думать, что Аттик к нему нелоялен?

Итак, Аттик провел несколько напряженных дней, проверяя свои финансы и инструктируя персонал. Затем он уехал в Кампанию — повидаться с Помпеем, вернувшимся на свою неаполитанскую виллу. Рим все еще гудел. Всех тревожило войско, расположившееся в Плаценции. А из Плаценции в Рим писали, что никакими легионами там и не пахнет. Но таких писем было не много.

Но Помпей не знал, что думать о Цезаре, да и не хотел о нем думать. Вздохнув, Аттик закрыл эту тему, молча поклявшись повиноваться далее здравому смыслу и не предпринимать ничего из того, что могло бы не понравиться Цезарю. Он заговорил о губернаторстве Цицерона в Киликии, превознося заслуги старого болтуна. Здесь не было особого перебора. Этот любящий вкусно поесть комнатный генерал действительно показал себя неплохим управленцем, проведя справедливую и рациональную реорганизацию финансовой системы Киликии и даже выиграв небольшую, но весьма выгодную войну. Помпей кивал и со всем соглашался. Его круглое мясистое лицо было спокойным. «Интересно, — подумал зло Аттик, — как бы ты взвился, узнав, что Цицерон предрекает твое поражение?» А вслух сказал, что надо предоставить Цицерону триумф за его победы при Каппадокии и на реке Аман. Помпей тепло отнесся к этому предложению, сказав, что будет голосовать за него.

Однако Помпей не поехал на заседание в ноябрьские иды. Он не ожидал, что Сенат победит, и не желал переживать новые унижения, наблюдая, как Курион методично колотит по одному и тому же гвоздю: то, что отнимается у Цезаря, должно быть отнято и у Помпея! Так все и получилось. Сенаторы ни к чему не пришли. Марк Антоний ревел, как бык, перекрывая тявканье Куриона.

А простой народ Рима занимался своими делами, очень мало всем этим интересуясь. Многолетний опыт показывал, что все социальные потрясения бьют главным образом по тем, кто вверху. Кроме того, в римских низах преобладали симпатии к Цезарю, а не к boni.

В рядах же всадников, особенно тех, что принадлежали к восемнадцати старшим центуриям, царил откровенный раздрай. Ведь гражданская война в первую очередь ударит по ним. Коммерция рухнет, долги заморозятся, кредиты утратят финансовую опору. А о каких-либо инвестициях и вовсе придется забыть. Всех мучила неопределенность: кто прав, кто не врет? Вошли ли четыре легиона в Италийскую Галлию? И если вошли, то почему им там нельзя быть? А если их там нет, то почему этот факт упорно замалчивают? И вообще, интересует ли таких, как Катон и Марцеллы, что-нибудь, кроме твердого намерения преподать Цезарю урок? И что это за урок? Что именно сделал Цезарь, чего не делали другие? Что будет с Римом, если Цезарю разрешат баллотироваться в консулы *in absentia* и он избежит обвинения в измене, которое так стремятся выдвинуть против него *boni*? Ответ на последний вопрос был ясен всем, кроме самих *boni*: ничего! Рим останется стоять, как стоял, а вот гражданская война будет для него катастрофой. Похоже, *boni* не уступают Цезарю только из принципа. Принцип? Что это такое? Для коммерсанта нет более чуждого понятия. Воевать ради принципа? Сумасшествие! И всадники принялись насаждать на сенаторов, склоняя их к компромиссу.

К сожалению, *boni* были противниками всяческих компромиссов, а мнение плутократов их не интересовало совсем. Катон и Марцеллы пуще всего боялись утратить свой политический вес, если Цезарь добьется того, чтобы его во всех отношениях приравнивали к Помпею. А почему, кстати, Помпей все еще отсиживается в Кампании? Какова его истинная позиция? Все указывало на его одобрительное отношение к *boni*, но, возможно, он пересмотрит свою точку зрения, если кто-нибудь ему что-нибудь шепнет?

В конце ноября новый губернатор Киликии Публий Сестий отбыл из Рима. С ним уехал и Брут. В жизни его двоюродной сестры Порции образовалась пустота, в отличие от жены Брута Клавдии, с которой он практически не виделся. И Сервилия не ощутила потери, поскольку ее зять Гай Кассий стал ей гораздо ближе, чем сын. Кассий подавал большие надежды как воин и политический деятель. К тому же при ней еще оставался и Луций Понтий Аквила.

— Я уверен, что по дороге увижусь с Бибулом, — сказал Брут Порции, когда зашел попрощаться. — Он в Эфесе и, наверное, там и останется, пока тут все не утрясется.

Порция знала, что плакать дурно, но слезы сами собой полились из больших серых глаз.

— О, Брут, как я буду жить без тебя, без наших бесед, без твоей постоянной поддержки? Ведь только ты один добр ко мне! Каждый раз, когда я вижу тетю Сервилию, она ворчит, что я не умею одеваться, не слежу за собой, а когда я вижу с папой, присутствует только его тело, а в уме у него вечно Цезарь, Цезарь, Цезарь. У тети Порции никогда нет времени, она слишком занята детьми и Луцием Домицием. А ты всегда был такой милый, такой заботливый. Я буду скучать по тебе!

— Но ведь Марция вернулась к твоему отцу, Порция. Теперь все должно пойти по-другому. Она не злой человек.

— Я знаю, знаю! — ответила Порция, плача и громко шмыгая носом, несмотря на поданный ей платок. — Но она полностью растворилась в отце. Я для нее не существую. Никто не существует для Марции, кроме Катона! Брут, я хочу значить что-нибудь для кого-то! — рыдала она. — А я не значу! Не значу!

— У тебя есть Луций, — сказал он, сглатывая подступивший к горлу комок.

Он, который тоже ни для кого ничего не значил, хорошо знал, что она чувствует. Чудаков и уродов чураются все. Даже те, кто обязан любить их по долгу.

— Луций растет, он отдаляется от меня, — возразила Порция, взяв платком Брута по своим мокрым щекам. — Я это понимаю и не осуждаю. Его взгляды меняются. Так и положено. Уже полгода ему интересней с моим отцом, чем со мной. Политика важнее детских игр.

— Скоро вернется Бибул.

— Да? Ты уверен, что он вернется? А мне кажется, что я больше никогда не увижу его. У меня такое чувство!

То же самое чувствовал и Брут, только не знал почему. Кроме того, Рим для него вдруг стал невыносимым местом. Что-то опасно нависало над ним. А народу на это было, похоже, плевать. Точно так же, как и Катону. Свалить Цезаря — вот все, что его занимало.

Он взял ее руку, поцеловал и — уехал.

В декабрьские календы Гай Скрибоний Курион собрал Сенат. Фасциями в тот месяц владел Гай Марцелл-старший. Курион понимал, что это ему не на руку, как и то, что Помпей теперь пребывал на

Марсовом поле и, разумеется, заседание проводилось в его курии. «Надеюсь, Цезарь выиграет свое сражение, — думал Курион, пока сенаторы усаживались и успокаивались. — По крайней мере, Цезарь хочет восстановить нашу собственную курию Гостилия».

— Я буду краток, — сказал он собравшимся. — Ибо я тоже устал от бесплодного, идиотского положения, в какое мы попали. Вы будете пытаться лишить Цезаря полномочий, не трогая при том Помпея, я буду продолжать накладывать на это вето. И так — до бесконечности. Поэтому я намерен сейчас поставить на голосование одно свое предложение, а вы уж решайте, принять его или нет. Я настаиваю на голосовании. И если Гай Марцелл попытается помешать мне, я воспользуюсь своими правами и добьюсь, чтобы его скинули с Тарпейской скалы. Я не шучу! Я отвечаю за каждое свое слово! Если понадобится, призову себе на помощь уже собравшийся возле курии плебс. Будьте уверены, почтенные отцы, я сделаю это. Младший консул, ты меня слышишь? Даже не думай мне возражать.

Сжав зубы, Марцелл-старший молчал. Курион знает законы. Он может требовать голосования, и оно будет проведено.

— Мое предложение таково, — продолжал Курион. — Гай Юлий Цезарь и Гней Помпей Магн одновременно должны утратить свои полномочия, лишившись провинций и армий. Кто за — встаньте справа. Кто против — слева.

Результат был ошеломляющий. Триста семьдесят сенаторов встали справа. Двадцать два — слева, и среди них сам Помпей, Метелл Сципион, трое Марцеллов, выбранный на будущий год консул Лентул Крус (сюрприз!), Агенобарб, Катон, Марк Фавоний, Варрон, Понтий Аквила (еще сюрприз: никто не знал, что он любовник Сервилии) и Гай Кассий.

— Декрет одобрен, — с довольным видом сказал Курион. — Теперь надо принять его к исполнению.

Гай Марцелл-старший поднялся и жестом подозвал ликторов.

— Собрание окончено, — коротко бросил он и вышел из курии.

Хороший ход. Все случилось так быстро, что Курион не успел позвать собравшийся в перистиле народ. Декрет был принят, но не оформлен официально.

И этого так и не произошло. Пока Курион распинался на Форуме перед возбужденной толпой, Гай Марцелл-старший созвал сенаторов в

храме Сатурна.

Он держал в руке свиток.

— Это письмо от дуумвиров Плаценции, почтенные отцы! — Голос младшего консула зазвенел. — В нем сообщается, что Гай Юлий Цезарь только что прибыл в Плаценцию с четырьмя легионами. Его надо остановить! Он собирается свергнуть Республику, дуумвиры сами слышали это. Он не сдаст армию, он двинет ее на Рим!

Палата взорвалась. Сенаторы вскочили с мест, опрокидывая стулья. Некоторые заднескамеечники торопливо двинулись к выходу, некоторые, возглавляемые Марком Антонием, кричали, что это неправда. Два старика потеряли сознание, а Катон все вопил, как безумный:

— Цезаря надо остановить, надо остановить, надо остановить!

Из этого хаоса вдруг вынырнул Курион, тяжело отдувающийся после быстрого бега.

— Это ложь! — крикнул он. — Сенаторы, остановитесь, задумайтесь на минуту! Цезарь сейчас в Дальней Галлии, а не в Плаценции! В Плаценции нет никаких легионов! Даже тринадцатого там нет! Тринадцатый легион в Иллирии, в Тергесте! — Он нашел взглядом Марцелла. — Ты, Гай Марцелл, бессовестный, возмутительный лжец! Ты — пена на римском пруду, ты — дерьмо в римских сточных канавах! Лжец, лжец, лжец!

— Собрание закончено! — во все горло гаркнул Марцелл-старший, затем оттолкнул Куриона и молча покинул храм Сатурна.

— Это ложь! — продолжал кричать Курион. — Младший консул солгал, чтобы спасти шкуру Помпея! Помпей не хочет терять свои провинции, свою армию! Откройте глаза! Пошевелите мозгами! Марцелл врет! Он соврал, чтобы выгородить Помпея! Цезаря нет в Плаценции! Нет никаких легионов в Плаценции! Все это ложь, ложь, ложь!

Но никто не слушал его. Сенат в ужасе разбежался.

— О, Антоний! — плакался Курион в пустом храме. — Я не думал, что Марцелл пойдет так далеко. Мне и в голову не приходило, что он начнет врать! Отныне ложь правит Римом!

— Но, Курион, ты же знаешь, откуда ветер дует, — проворчал Антоний. — С Марсова поля. Марцелл просто лгун. А Помпей — и лгун, и подлец. Он подлец по натуре.

— Но где же Цезарь? — пробормотал Курион. — Неужели все еще в Неметоценне?

— Если бы ты спозаранку не ускакал из дому, чтобы трепать на Форуме языком, ты нашел бы письмо от него, — спокойно заметил Антоний. — Письмо к нам обоим. Цезарь не в Неметоценне. Он был там, чтобы перебросить Требония с четырьмя легионами к Мозе, сделав его буфером между треверами и ремами, а потом ушел к Фабию, который теперь в Бибракте с другими четырьмя легионами. А сам Цезарь сейчас в Равенне.

Курион вытаращил глаза.

— В Равенне? Как он мог там оказаться?!

— Ха! — усмехнулся Антоний. — Он передвигается быстрее ветра.

— И что же нам делать? Что мы скажем ему?

— Правду, — невозмутимо ответил Антоний. — Мы его люди, и только, мой друг. А он принимает решения.

Гай Клавдий Марцелл-старший тоже принял решение. Распустив собрание, он направился к Марсову полю в сопровождении Катона, Агенобарба, Метелла Сципиона и двух будущих консулов — Гая Метелла-младшего и Лентула Круса. На полпути их догнал слуга Марцелла-старшего и вручил хозяину меч, обычный двухфутовый обоюдоострый римский гладий. От солдатских мечей его отличали лишь отделанные серебром и золотом ножны и рукоять слоновой кости с навершием в форме орла.

Помпей сам встретил гостей у порога и провел в кабинет, где слуга налил разбавленного водой вина для всех, кроме Катона, который с презрением отклонил воду. Помпей с нетерпением ждал, когда слуга раздаст вино и выйдет. Если бы члены депутации не выглядели так, словно умрут без глотка вина, он не предложил бы им выпить.

— Ну? — требовательно спросил он. — Что там было?

В ответ Марцелл-старший молча протянул ему меч. Удивленный Помпей машинально взял меч и уставился на него, словно видел подобную штуку впервые. Потом облизнул губы.

— Что это значит?

В его голосе проскочили нотки тайного страха.

— Гней Помпей Магн, — торжественно провозгласил Марцелл-старший. — Этим мечом я от имени Сената и народа Рима даю тебе право защищать Рим от посягающего на него Гая Юлия Цезаря и официально передаю в твое распоряжение два стоящих в Капуе легиона — шестой и пятнадцатый, а далее обязываю тебя начать вербовку солдат, поскольку подвластные тебе легионы пребывают сейчас в Испаниях и очень не скоро сюда придут. Надвигается гражданская война.

Ясные голубые глаза стали большими. Помпей опять посмотрел на меч и опять облизнул пересохшие губы.

— Гражданская война? — медленно проговорил он. — Я не думал, что дело дойдет до нее. Я действительно... — Он напрягся. — Где сейчас Цезарь? Сколько у него легионов? Идет ли он к Риму?

— У него один легион, и он пока никуда не идет, — сказал Катон.

— Он не на марше? Это какой легион?

— Тринадцатый. Он в Тергесте.

— Тогда... тогда... что случилось? К чему все это? С одним легионом Цезарь не пойдет на Рим.

— Мы тоже так думаем, — сказал Катон. — Мы здесь, чтобы не дать ему совершить этот шаг. Мы сообщим Цезарю, что меры приняты и что он ничего не добьется. Мы первые нападем на него.

— О, я понимаю, — сказал Помпей, возвращая младшему консулу меч. — Спасибо, я ценю значение этого жеста, но у меня есть свой меч, и я всегда готов обнажить его для защиты своей страны, если в том будет необходимость. Я с радостью возьму под свое командование эти два легиона, но действительно ли так нужно проводить дополнительное рекрутирование?

— Определенно, — твердо сказал Марцелл. — Цезарю надо дать понять, что мы очень серьезны.

Помпей сглотнул.

— А Сенат? — спросил он.

Вперед выдвинулся Агенобарб.

— Сенат сделает то, что ему скажут.

— Но ваш визит, разумеется, был одобрен?

Марцелл-старший снова соврал.

— Разумеется, — сказал он.

Это был второй день декабря.

В третий день декабря Курион узнал, что произошло на вилле Помпея, и разъяренный влетел в Палату. При поддержке Антония он обвинил Марцелла-старшего в измене и попросил почтенных отцов поддержать его, то есть признать, что Цезарь не совершил ничего незаконного, что в Итальянской Галлии только один тринадцатый легион и что весь кризис злонамеренно сфабрикован кучкой boni с Помпеем.

Но многие сенаторы уже попрятались по домам, а те, что пришли, были слишком потрясены, чтобы осмысленно реагировать на что-либо. Курион и Антоний ничего не добились. Марцелл-старший упорно стоял за право Помпея защитить государство. Но никаких попыток узаконить это право не делал.

На шестой день декабря в Рим прибыл Авл Гиртий, чтобы по поручению Цезаря оценить обстановку. Он впал в отчаяние, узнав, что Помпею был вручен меч. Бальб организовал ему встречу с Магном на следующее утро, но Гиртий к Магну не пошел. Какая в том польза, спросил он себя, если меч уже принят? И поторопился обратно в Равенну, чтобы лично сообщить Цезарю обо всем. Пусть тот решает, что делать, основываясь не на одних только письмах.

Помпей же, не дождавшись Гиртия, еще до полудня отправился в Капую для инспекции шестого и пятнадцатого легионов.

Последний день памятного трибуната Куриона приходился на девятое декабря. Безмерно усталый, он вновь обратился к Палате, но успеха не возымел. И в тот же вечер уехал в Равенну. Эстафетная палочка перешла к Марку Антонию, всеми презираемому лентяю.

Цицерон прибыл в Брундизий в конце ноября. Там его ожидала Теренция, что было неудивительно. Ей хотелось поскорее уладить одно скользкое дельце. Ибо при ее попустительстве Туллия вышла-таки замуж за Долабеллу, хотя Цицерон намеревался выдать дочь за Тиберия Клавдия Нерона, очень высокомерного молодого сенатора-патриция с ограниченным интеллектом и некрасивого.

Плохое настроение великого адвоката усугублялось беспокойством по поводу его любимого секретаря Тирона, который заболел в Патрах и вынужден был там остаться. А кроме того, Цицерон узнал, что Катон

выступил в Сенате с предложением устроить Бибулу триумф и голосовал против того, чтобы триумфатором сделали и Цицерона.

— Как смеет этот Катон так передергивать факты! — кипя от злости, говорил он жене. — Бибул не высовывал носа из Антиохии. Сражения вел один я.

— Да, дорогой, — машинально соглашалась Теренция, озабоченная совершенно другим. — Не согласишься ли ты встретиться с Долабеллой? Тогда ты поймешь, почему я не противилась его сближению с Туллией. — Ее некрасивое лицо осветилось. — Он замечательный, Марк, правда-правда! Остроумный, обаятельный и так влюблен в нашу дочь!

— Замолчи! — крикнул Цицерон. — Не лезь не в свое дело, Теренция! Я строго-настрого это тебе запрещаю!

— Послушай, муж, — прошипела она, грозно мотнув своим клювом. — Туллии уже двадцать семь! Она не нуждается в твоей опеке!

— Но это я обеспечиваю ее приданое, поэтому я должен выбрать ей мужа! — взревел Цицерон.

Он вел войну, он показал себя отличным правителем и несколько месяцев пользовался огромным авторитетом. Авторитет этот должен теперь распространиться и на домашних.

Теренция удивилась, но не сдалась.

— Слишком поздно! — закричала она еще громче. — Туллия вышла замуж за Долабеллу, и ты найдешь ей приданое, или я кастрирую тебя!

Вот так и получилось, что Цицерон путешествовал по Итальяскому полуострову из Брундизия в сопровождении жены, этой мегеры, которая никак не соглашалась предоставить ему неотъемлемое право *pater familias*. И он примирился с необходимостью встретиться с ненавистным Долабеллой. Встреча состоялась в Беневенте. К своему ужасу, он обнаружил, что тоже не может устоять против обаяния Долабеллы, как и Теренция. В довершение всего Туллия была беременна, чего не случилось с ее предыдущими двумя мужьями.

Долабелла сообщил своему тестю об ужасных событиях в римской политической жизни, похлопал его по спине и ускакал обратно в Рим, чтобы, как он выразился, успеть поучаствовать в драчке.

— Знай, что я — за Цезаря! — крикнул он, удалившись на безопасное расстояние. — Он замечательный человек!

Носилки тут же были отвергнуты. Цицерон нанял скоростной экипаж и понесся в западную Кампанию.

Помпея он обнаружил в Помпеях, в собственной резиденции, близ которой у Цицерона тоже имелась небольшая уютная вилла.

— Вчера в Требуле меня нашли два письма, — хмуро сказал он Помпею. — Одно от Бальба, другое от Цезаря. Очень дружеские, сердечные письма. Оба пишут, что считают за честь стать свидетелями моего заслуженного триумфа. И предлагают большие кредиты. Зачем бы предлагать их мне, если поход на Рим — решенное дело? Почему они так любезны со мной? Ведь они очень хорошо знают, что я Цезарю не сторонник!

— Ну, — смущенно сказал Помпей, — в действительности Гай Марцелл поспешил. Он сделал то, на что не получал никаких полномочий. Хотя в то время я не знал этого, Цицерон, клянусь, я не знал. Ты слышал, что он подал мне меч и что я его принял?

— Да, Долабелла сказал мне.

— Я тогда решил, что его направил ко мне Сенат. Но Сенат вовсе не посылал его. И теперь я оказался между Сциллой и Харибдой. Вроде бы мне поручено защищать государство, взяв под командование два направляемых в Сирию легиона и организовав дополнительную вербовку в солдаты по всей Кампании, Лукании, Апулии и Самнию. Но это не узаконено, Цицерон. Сенат не давал мне таких полномочий. Военное положение не объявлено. Однако гражданской войны нам не миновать.

У Цицерона упало сердце.

— Ты уверен в этом, Гней Помпей? Ты в самом деле уверен? Ты говорил с кем-либо еще, кроме этих бешеных кабанов — Марцеллов и Катона? С Аттиком, например, или с другими авторитетными всадниками? Ты удосужился зайти в Сенат?

— Мне было не до этого! — огрызнулся Помпей. — Я набираю войско! Впрочем, я виделся с Аттиком. Несколько дней назад, что ли? Да, всего несколько дней, а кажется, прошел век.

— Магн, ты точно уверен, что гражданская война неизбежна?

— Абсолютно, — заверил Помпей. — Гражданская война будет, это определено. Вот почему я на время удалился от Рима. Легче обдумывать, как дальше действовать. Мы не можем позволить Италии снова страдать, Цицерон. Эта война не должна идти на италийской

земле. Надо вести ее в Греции или Македонии. Во всяком случае, где-то восточнее. Весь Восток — мои клиенты. Я могу поднять людей везде, от Актия до Антиохии. И могу морем привести туда мои испанские легионы, не высаживая их на италийское побережье. У Цезаря девять легионов плюс около двадцати двух когорт рекрутов, набранных по ту сторону Пада. У меня семь легионов в Испаниях, два легиона в Капуе и еще будет столько когорт, сколько я сумею набрать. Также два легиона имеются в Македонии, три в Сирии, один в Киликии и один в провинции Азия. Еще я могу потребовать военной поддержки от галатийского Деиотара и каппадокийского Ариобарзана. Если надо будет, я затребую легион из Египта и вместе с ним — африканский. Как бы ты ни отнесся к этому, я должен иметь под рукой не менее шестнадцати римских легионов, десять тысяч иноземных вспомогательных войск и шесть или семь тысяч конников.

Цицерон сидел, глядя на Помпея большими глазами.

— Магн, ты не можешь вывести легионы из Сирии при такой угрозе со стороны Парфянского царства!

— Мои информаторы утверждают, что угрозы нет, Цицерон. У Орода неприятности. Он опрометчиво казнил пахлави суренаса, а следом — Пакора. Пакор как-никак его сын.

— Но... может быть, тебе для начала надо попробовать снестись с Цезарем? Из письма Бальба я знаю, что он хочет избежать столкновения.

— Тьфу! — плюнул Помпей и усмехнулся. — Ты ничего не знаешь, Цицерон! Твой Бальб пытался задержать мой отъезд в Кампанию, уверив меня, что Цезарь послал в Рим Авла Гиртия специально для встречи со мной. Я ждал его, ждал, а потом узнал, что Гиртий повернулся и уехал в Равенну, полностью игнорируя договоренность о встрече! Вот как Цезарю хочется мира! И твоему Бальбу тоже! Я тебе прямо скажу: Цезарь хочет гражданской войны. Ничто его не остановит. И я решился. Я не допущу гражданской войны на италийской земле. Я буду драться с ним в Македонии или в Греции.

Но, думал Цицерон, составляя послание Аттику в Рим, отнюдь не Цезарь затеял все это. Или, по крайней мере, не один только Цезарь. Это Магн заикнулся на гражданской войне. Он полагает, что все ему

сойдет с рук, если военные действия развернутся где-то на стороне. Ход неплохой, но это не выход из положения.

Разговор Цицерона с Помпеем состоялся в десятый день декабря. В этот же день в Риме Марк Антоний сделался полноправным плебейским трибуном. И продемонстрировал всем, что он отнюдь не худший оратор, чем его дед. Причем оратор горластый и остроумный. Он обвинял младшего консула в самоуправстве столь блестяще и столь напористо, что даже Катон наконец понял: его не перекричишь и не заставишь уйти.

— Более того, — гремел Антоний, — я уполномочен Гаем Юлием Цезарем объявить, что Гай Юлий Цезарь будет рад сдать тому, кто его сменил, обе Галлии по ту сторону Альп и шесть своих легионов, если Сенат позволит ему оставить за собой Италийскую Галлию, Иллирию и два легиона.

— Это в сумме лишь восемь легионов, Марк Антоний, — заметил Марцелл-старший. — А куда денется еще один легион и двадцать две недавно набранные когорты?

— Еще один легион, четырнадцатый, исчезнет, Гай Марцелл. Цезарь не передаст неполноценную армию, а в данный момент все его легионы недоукомплектованы. Поэтому четырнадцатый легион и двадцать две необученные когорты будут распределены по остальным восьми легионам.

Логичный ответ на совершенно бесполезный вопрос. Гай Марцелл-старший и два будущих консула даже и не подумали ставить предложение Марка Антония на голосование. Кроме того, в Палате едва набирался кворум. Некоторые сенаторы уже покинули Рим, другие отчаянно пытались наскрести денег на комфортную жизнь в отдалении от перипетий гражданской войны. Войны, которая казалась всем неминуемой, хотя все прекрасно знали, что в Италийской Галлии нет лишних воинских подразделений, что Цезарь спокойно сидит в Равенне, а его тринадцатый легион, радуясь отпуску, загорает на пляже.

Антоний, Квинт Кассий, консорциум банкиров и все самые влиятельные сторонники Цезаря в Риме храбро бились, чтобы Сенат рассмотрел предложение Цезаря. Они уверяли всех, от Сената до плутократов, что Цезарь будет рад передать шесть своих легионов и обе дальние Галлии при условии, что он сохранит за собой Италийскую Галлию, Иллирию и два легиона. Но на следующий день после

прибытия Куриона в Равенну Антоний и Бальб получили от Цезаря короткие письма. Он писал, что больше не может игнорировать опасность для его жизни и его *dignitas*, исходящую от Помпея и *boni*. Поэтому он тайно послал к Фабию в Бибракте, чтобы тот переправил к нему два из четырех легионов, стоявших там. Гонцы Цезаря отправились и к Требонию на Мозу, с приказом оставить на Мозе лишь один легион, а три под командованием Луция Цезаря быстрым маршем направить в Нарбон — на перехват испанским легионам Помпея.

— Он готовится, — с удовлетворением сказал Антоний.

Маленький Бальб в эти дни даже похудел. Он поднял на Антония большие карие печальные глаза и сложил в трубочку пухлые губы.

— Конечно, мы победим, Марк Антоний, — сказал он. — Мы должны победить!

— С Марцеллами в седле и с Катонем, орущим с передней скамьи, Бальб, нам ничего не светит. Сенат — по крайней мере та его часть, которая еще осмеливается ходить на собрания, — будет только твердить, что Цезарь — слуга Рима, а не хозяин.

— В таком случае кто же тогда у нас Помпей?

— Конечно, хозяин, — сказал Антоний. — Но как ты думаешь, кто кем управляет? Помпей *boni* или *boni* Помпеем?

— Каждый из них считает, что управляет другим, Марк Антоний.

Декабрь стремительно заканчивался. Посещаемость Сената еще более сократилась. Многие дома на Палатине и в Каринах были закрыты. Молоточки с дверей сняли и многие брокерские конторы и банки. Коммерсанты, наученные горьким опытом, приобретенным во время прежних гражданских войн, укрепляли свои фортификации, чтобы противостоять всему, что грядет. Ибо война неминуемо разразится. Помпей и *boni* делают все, чтобы это случилось, а Цезарь не станет плясать под их дудку.

Двадцать первого декабря Марк Антоний произнес очередную блестящую речь, составленную по всем канонам риторического искусства. В скрупулезной хронологической последовательности в ней были перечислены все нарушения *mos maiorum* Помпеем, начиная с момента, когда он в свои двадцать два незаконно собрал из клиентов отца три боевых легиона и отправился с ними на помощь Сулле в развязанной тем гражданской войне, и кончая консульством без

коллеги. Эпилог речи касался принятия незаконно предложенного меча. Резюме было посвящено очень остроумному анализу характеров двадцати двух волков, которым удалось запугать триста семьдесят сенаторских овец.

Копию этой речи Помпей просматривал вместе с Цицероном. Двадцать пятого декабря они встретились в Формиях, где у обоих имелись усадьбы, затем направились к Цицерону и провели у него добрых полдня.

— Я упрямый, — сказал Помпей, после того как Цицерон истощил запас аргументов в пользу каких-либо мирных переговоров. — Цезарю нельзя уступать абсолютно ни в чем. Этот человек не хочет мира, и мне все равно, что говорят все его прихвостни — Бальб, Оппий и остальные! Мне даже все равно, что говорит твой Аттик!

— Хотел бы я, чтобы Аттик был здесь, — сказал Цицерон, устало закрывая глаза.

— Тогда почему он не здесь? Я что, недостаточно хорош для него?

— У него приступ четырехдневной малярии, Магн.

— Ну конечно. Ну да.

Хотя горло уже начинало болеть и под веками отвратительно саднило, Цицерон решил продолжить борьбу. Разве старый Скавр в прошлом не урезонил в одиночку Сенат? А ведь Скавра никто не считал величайшим оратором в Риме. Этой чести был удостоен лишь Марк Цицерон. К сожалению, его сегодняшний оппонент после недавней тяжелой болезни сделался слишком самоуверенным. Все сообщали Цицерону об этом: кто в письмах, кто с глазу на глаз. Он сейчас светится тем же самодовольством, что и в дни юности, когда в свои семнадцать спешил на подмогу Сулле. Правда, позже Испания и Квинт Серторий сбили с него эту спесь. И ничто подобное в нем больше не проявлялось. До сих пор. А теперь столкновение с Цезарем, видимо, возродило в Помпее того юношу, что жаждал некогда стать величайшим в римской истории полководцем. Однако тому, кто побеждает числом, таковым не прослыть. Он не сунется в битву, не превосходя Цезаря армией хотя бы вдвое. Но зато его будут славить как спасителя своей страны, отказавшегося сражаться в ее пределах.

— Магн, что плохого в небольшой уступке Цезарю? Возможно, он согласится на один легион и Иллирию?

— Никаких уступок, — твердо сказал Помпей.

— Может быть, мы сами вызвали эту бурю? Разве все это началось не тогда, когда Цезарю отказали в праве баллотироваться на консула в отсутствие, чтобы он мог сохранить свой империй и избежать цепи судилищ? Может, разумнее вернуться к той точке? Взять у него все, кроме Иллирии, взять все легионы! Просто оставить ему империй и разрешить баллотироваться *in absentia*!

— Никаких уступок! — отрезал Помпей.

— В одном отношении сторонники Цезаря правы, Магн. Тебе делали много уступок. Почему не уступить и ему?

— Потому, глупец ты этакий, что даже если Цезарь будет низведен до положения частного лица — без провинций, без армии, без империя, без ничего! — он все равно будет иметь виды на государство! Он все равно свергнет его!

Игнорируя обидное словцо на свой счет, Цицерон опять попытался образумить безумца. Но ответ был всегда одинаков: Цезарь по доброй воле никогда не отступится от своего, а потому гражданская война неизбежна.

К вечеру эту тему оставили, сосредоточившись на речи Марка Антония.

— Сплетение полуправд, — был конечный вердикт. Помпей фыркнул и с презрением отбросил бумаги. — Как ты думаешь, что сделает Цезарь, если ему удастся свергнуть Республику, когда такой мишурный, безденежный его ставленник, как Антоний, смеет говорить такие вещи?

Цицерон, проводив своего гостя, облегченно вздохнул и решил напиться. Но тут в голове у него блеснула ужасная мысль. Юпитер, он ведь должен Цезарю миллионы! Миллионы, которые теперь надо срочно вернуть! Ибо ходить в должниках у своего политического противника — величайший позор!

РУБИКОН

1 ЯНВАРЯ — 5 АПРЕЛЯ 49 ГОДА ДО Р.

Х

РИМ

Луций Домиций Агенобарб

На рассвете первого дня нового года Гай Скрибоний Курион влетел в свой дом на Палатине.

— Я дома, женщина! — воскликнул он, сжав жену в объятиях так, что она чуть не задохнулась. — Где мой сын?

— Его как раз надо кормить, — сказала Фульвия.

Она взяла мужа за руку и потянула за собой в детскую. Там она вынула из кровати спящего маленького Куриона.

— Разве он не красавец? Я всегда хотела иметь рыжеволосого мальчугана! Он похож на тебя и будет таким же строптивым.

— Пока он выглядит очень мирно.

— Это потому, что сейчас он живет в ладу с этим миром.

Фульвия кивком отпустила няньку и спустила с плеч платье.

Какой-то момент она стояла, демонстрируя свои пышные груди. С сосков ее капало молоко. Курион ощутил себя на вершине восторга. В паху у него заломило, но он подошел к креслу и сел, в другое кресло села Фульвия. Малыш еще спал, но рефлекс сработал, его губы задвигались, и он принялся звучно сосать, крепко вцепившись крохотными ручонками смуглую материнскую кожу.

— Фульвия, — сказал хриплым голосом Курион, — я так счастлив, что готов умереть. Я любил тебя и тогда, когда ты была с Клодием, но я не знал, какая ты мать. А ты — настоящая мать.

Она удивилась.

— Что в этом особенного? Дети так восхитительны, Курион. Они — кульминация супружеских отношений. С одной стороны, им надо мало, с другой — очень много. Мне доставляет удовольствие отдавать им их долю. Я просто таю, когда кормлю их. Ведь это мое молоко, Курион! Я вырабатываю его! — Она озорно улыбнулась. — Но я с удовольствием позволяю нянькам менять пеленки, а прачкам — стирать их.

— Правильная политика, — снисходительно кивнул он.

— Сегодня нам четыре месяца, — сообщила Фульвия.

— Да, я не видел его целых три рыночных интервала.

— Как дела в Равенне?

Курион пожал плечами и сделал гримасу.

— Или мне надо было спросить, как там Цезарь?

— Честно говоря, я не знаю, Фульвия.

— Разве ты не виделся с ним?

— Часами. Изю дня в день.

— И все-таки ты не знаешь?

— На совещаниях он обсуждает каждый аспект ситуации, строго и беспристрастно, — хмуро сказал Курион и подался вперед, чтобы потрогать рыжий пушок на подрагивающей от глотков головенке. — Ничего общего с сентенциями греческих логиков. Все взвешено, все определено.

— Ну и?

— Ну и уходишь, поняв все, кроме главного.

— Он пойдет на Рим?

— Хотел бы я сказать «да» или «нет», душа моя. Но не могу. Не имею ни малейшего представления.

— А они думают, что не пойдет. Я имею в виду boni с Помпеем.

— Фульвия! — воскликнул Курион, выпрямляясь. — Если Катон и наивен, то Помпей просто не может быть таким наивным.

— Но я права, — сказала Фульвия, отнимая малыша от груди. Она посадила его на колени лицом к себе и осторожно стала наклонять вперед, пока он не срыгнул. Потом приложила сына к другой груди и заговорила опять: — Они напоминают мне маленьких безобидных животных, которые по сути не агрессивны, но имитируют агрессивность, потому что узнали, что такое притворство действует. Но однажды приходит слон и давит бедняг, просто потому, что он их не

видит. — Она вздохнула. — Напряжение в Риме огромное, Курион. Все паникуют. Но boni продолжают вести себя, как те ложно-агрессивные маленькие животные. Они позируют на Форуме, болтая всякую чушь, они вводят Сенат и восемнадцать центурий в страх. А Помпей говорит всякие ужасные вещи о неминуемой гражданской войне таким мышам, как бедный старый Цицерон. Но он сам не верит тому, что говорит, Курион. Он знает, что у Цезаря только один легион по эту сторону Альп, и у него нет никаких доказательств, что на подходе еще несколько легионов. Он знает, что, если бы должны были подойти еще легионы, сейчас они уже были бы в Итальянской Галлии. Boni тоже знают про это. Разве ты не видишь? Чем громче суматоха и чем сильнее она выводит из равновесия, тем грандиознее покажется им победа, когда Цезарь сдастся. Они хотят покрыть себя славой.

— А если Цезарь не сдастся?

— Он их раздавит. — Она пристально посмотрела на Куриона. — Гай, у тебя ведь есть интуиция. Что она тебе говорит?

— Что Цезарь до последнего будет пытаться решить свой вопрос в законном порядке.

— Он совершенно спокоен.

— О да!

— Потому что уже разложил все по полочкам у себя в голове.

— В этом ты, безусловно, права, жена.

— Ты здесь с какой-то целью или просто вернулся домой?

— Я должен ознакомить Сенат с письмом Цезаря. Сегодня же, на инаугурации новых консулов.

— Ты сам прочтешь его?

— Нет, Антоний. Я теперь лицо частное. Никто меня слушать не станет.

— Ты сможешь побыть со мной хотя бы несколько дней?

— Надеюсь, Фульвия, я вообще не уеду.

Вскоре Курион отправился в храм Юпитера Наилучшего Величайшего на Капитолии, где Сенат всегда проводил первые новогодние заседания. Вернулся он через несколько часов. С ним был Марк Антоний.

Подготовка к обеду заняла какое-то время. Нужно было произнести молитвы, умиротворить ларов с пенатами, снять тоги, снять обувь, потом омыть и вытереть ноги. Фульвия молча ждала, но потом

первой заняла место на ложе lectus imus, ибо была одной из скандально продвинутых женщин, считавших себя вправе, подобно мужчинам, принимать пищу лежа.

— Теперь рассказывайте, — потребовала она.

Антоний накинулся на еду. Курион усмехнулся.

— Наш приятель-обжора огласил письмо Цезаря так громогласно, что никто не сумел его перекричать.

— Что было в письме?

— Предложение. Или за Цезарем оставляют провинции с армией, или все прочие лица, облеченные аналогичными полномочиями, должны снять их с себя вместе с ним.

— Ага! — довольно воскликнула Фульвия. — Он пойдет на Рим.

— Почему ты так думаешь? — спросил Курион.

— Потому что он сделал абсурдное, неприемлемое предложение.

— Я это понимаю, но все же...

— Она права, — пробурчал пожирающий яйца Антоний. — Он пойдет на Рим.

— Продолжай, Курион. Что было дальше?

— Председательствовал Лентул Крус. Он отказался от обсуждения поступившего предложения. И вместо этого произнес речь об общем состоянии государства.

— Но первым консулом стал Марцелл-младший. У него фасции на январь! Почему он не председательствовал?

— После необходимых обрядов он нас оставил, — пояснил Антоний, энергично прожевывая пищу. — Головная боль или что-то еще.

— Если хочешь что-то сказать, Марк Антоний, сначала вынь из корыта рыло, — обрезала его Фульвия.

Антоний вздрогнул, судорожно глотнул и виновато заулыбался.

— Извини, Фульвия, — сказал он.

— Она строгая мать, — заметил Курион, глядя на жену с обожанием.

— Что было дальше? — спросила строгая мать.

— Дальше слово взял Метелл Сципион, — вздохнул ее муж. — О боги! Это редкий зануда! К счастью, он очень хотел как можно скорее приступить к заключительной части речи. В конце он сказал, что закон десяти трибунов недействителен, а значит, Цезарь не имеет права ни на

провинции, ни на армию. Он будет обязан появиться в Риме как частное лицо, чтобы участвовать в следующих выборах в консулы. Потом Сципион предложил, чтобы Цезарю приказали распустить армию к намеченной дате, иначе его объявят врагом народа.

— Отвратительно! — подвела итог Фульвия.

— Безусловно. Однако вся Палата была на его стороне. Предложение было бы принято практически единогласно, но...

— Но оно не прошло?

Антоний торопливо вытер губы, потом с похвальной четкостью произнес:

— Квинт Кассий и я наложили вето.

— Молодцы!

Но Помпей так не считал. И когда на второй день января в Палате возобновились дебаты, закончившиеся еще одним вето трибунов, терпение его лопнуло. Напряжение, царившее в объятom ужасом городе, сказывалось на нем сильнее, чем на ком-либо другом. Помпей рисковал потерять больше всех.

— Мы в тупике! — сердито крикнул он Метеллу Сципиону. — Я хочу, чтобы все это прекратилось! День за днем, месяц за месяцем тянется нескончаемая канитель. Близятся новые мартовские календы, а нам так и не удалось поставить Цезаря на место! У меня такое чувство, что Цезарь нарезает круги вокруг меня, и это чувство мне вовсе не нравится! Пора покончить с этой комедией! Пора наконец Сенату взяться за ум! Если Сенат не способен провести закон, лишаящий Цезаря полномочий, тогда он должен ввести *senatus consultum ultimum* и предоставить действовать мне!

Он трижды хлопнул в ладоши, и появился управляющий.

— Я хочу немедленно разослать послания каждому сенатору в Риме, — резко сказал Помпей. — С требованием через два часа явиться сюда.

Метелл Сципион всполошился.

— Помпей, а это разумно? — осмелился он спросить. — Я хочу сказать, разумно ли что-либо требовать от цензоров и консуляров?

— Да, именно требовать! Я сыт по горло этой возней, Сципион! Я хочу, чтобы с Цезарем было покончено! Чтобы вопрос о нем больше не будоражил Сенат.

Как человеку действия Помпею было трудно мириться с людской нерешительностью. И очень не нравилось ощущать себя игрушкой в руках кучки инертных, трусливых сенаторов, пугающихся всего и вся. Ситуация делалась абсолютно несносной!

Почему Цезарь не уступает? И раз он не уступает, почему до сих пор сидит в Равенне только с одним легионом? Почему не предпринимает никаких мало-мальски активных шагов? Нет, ясно, что он не намерен идти на Рим. Но если это действительно так, что тогда он собирается делать? Уступи, Цезарь! Уступи, отступи! Но он не уступает, не отступает. Не желает. Что он готовит? Как намеревается выйти из тупикового положения? Что у него в голове? Может, надеется, что сенаторский кризис продлится до нон квинктилия и консульских выборов? Но ему все равно не разрешат баллотироваться *in absentia*. Или он все же рассчитывает получить это разрешение, послав в Рим, якобы в отпуск, несколько тысяч своих самых верных солдат? Он уже так проделал однажды, чем обеспечил консульство для Помпея и Красса. А теперь сидит и бездействует. Кажется, даже не думает подтянуть к себе все свои легионы. Почему? Почему?!

Мучимый этими вопросами, Помпей метался по кабинету, пока управляющий смущенно не сообщил, что в атриум его ждут.

— Хватит! — крикнул он, входя в атриум. — С меня достаточно!

Собравшиеся там сенаторы изумленно переглянулись. Их было около полутора сотен. Пара гневных голубых глаз пробуравила всех — от цензора Аппия Пульхра до скромного городского квестора Гая Нерия. Бреши в рядах почтенных отцов были весьма солидными. Не пришли Луций Кальпурний Пизон, оба консула, многие консуляры, все сторонники Цезаря и некоторые другие сенаторы, посчитавшие требование куда-то явиться ущемлением своих прав. Но для начала хватит и тех, кто пришел.

— С меня достаточно! — повторил он, вскакивая на мраморную скамью. — Вы трусы! Вы олухи! Вы жалкие тряпки! Я — Первый Человек в Риме, а значит, и среди вас! Но мне оскорбительно подобное окружение! Посмотрите на себя! Уже десять месяцев длится фарс с Гаем Юлием Цезарем, а результатов не видно! Их попросту нет!

Он посмотрел на Катона, Фавония, Агенобарба, Метелла Сципиона и двух Марцеллов.

— Почтенные коллеги, я говорю не о вас. Боги свидетели, как долго и тяжело вы боретесь против врага всего римского в Риме. Но вас до сих пор никто не поддерживал, и я хочу это исправить!

Аппию Клавдию Пульхру, как и некоторым другим, услышанное совсем не понравилось, но Помпей и не подумал ввести себя в рамки.

— Я повторяю! Вы олухи! Трусы! Вы слабое, хныкающее сборище недоумков, ничтожеств! Я сыт всеми вами по горло! — Он с шумом вдохнул воздух. — Я пытался быть с вами вежливым. Я был терпелив. Я сдерживался. Я сносил все ваши штучки. И не стой здесь с таким оскорбленным видом, Варрон! Что заслужил, то и получай! Как ты, так и все остальные, забывшие, что сенаторы Рима должны задавать Риму тон, служить примером непоколебимости и политической стойкости. А вы разве таковы? Нет, нет и нет! Вы не Сенат, вы позорище государства! Все вы не можете справиться с одним-единственным человеком! Более того, вы позволяете ему срать на себя! Что он и делает. А вы мямлите, спорите, распускаете сопли и голосуете, голосуете, голосуете! О боги, Цезаря наверняка душит смех!

Все были слишком оглушены этим взрывом, чтобы выказывать возмущение. Мало кто из присутствующих знал Первого Человека в Риме с такой стороны. А теперь многие вдруг прозрели и поняли, почему он стал первым. Куда подевался мягкий, расслабленный, сибаритствующий Гней Помпей Магн? Перед собравшимися стоял истинный солдафон. Цезарь порой тоже выходил из себя так, что Сенат пробивало ознобом. А теперь ярость Помпея ввергала всех в дрожь. И заставляла задуматься, кто из этой парочки строже: Цезарь или этот свирепый и, похоже, не знающий ни в чем удержу человек?

— Вам нужен я! — кричал Помпей со скамьи. — Вам нужен я, вы должны об этом помнить! Вам нужен я! Только я стою теперь между вами и вашим врагом. Я — ваше единственное спасение, ибо лишь я могу одолеть Цезаря в битве. Так уж будьте добры, держитесь со мной любезнее. И постарайтесь меня не сердить. Разрешите эту проблему. Проведите закон, лишаящий Цезаря армии, провинций и полномочий! Я не могу сделать это за вас, ибо имею всего один голос, а у вас не хватает духу ввести военное положение и возложить всю ответственность за дальнейшее на меня!

Он оскалил зубы.

— Скажу вам прямо, вы очень не нравитесь мне! Кое-кого я, если бы мог, не колеблясь внес бы в проскрипционные списки! А еще кое-кого скинул бы вниз с Тарпейской скалы. Но я ничего такого не сделаю, если вы станете действовать дружно. Гай Цезарь игнорирует вас, игнорирует Рим. Его надо остановить. С ним невозможно договориться! И не ждите от меня милосердия, если я вдруг замечу, что кто-то пытается его поддержать. Этот человек попирает закон, он изгой, а у вас нет смелости объявить его таковым в официальном порядке! Предупреждаю: отныне каждого, кто проявит хотя бы малейшую слабость, я буду считать изменником и найду ему кару!

Он махнул рукой.

— Теперь идите! Поразмыслите над моими словами! А потом, клянусь Юпитером, сделайте что-нибудь! Избавьте Рим и меня от всего этого срама!

Сенаторы повернулись и молча ушли. Сияющий Помпей соскочил со скамьи.

— Ну, как я их? — спросил он у кучки оставшихся *boni*.

— Ты определенно воткнул им в задницы раскаленную кочергу, — сказал Катон голосом, впервые лишенным всякого выражения.

— Ха! Им это нужно, Катон. Один день у них — мы, другой — Цезарь. Хватит. Я хочу положить этому конец.

— Поэтому мы и здесь, — сухо сказал Марцелл-старший. — Помпей, политики так не действуют. Ты не можешь грозить Сенату кнутом, как своим необученным рекрутам.

— Кто-то должен был сделать это! — резко ответил Помпей.

— Я никогда не видел тебя таким, — сказал Марк Фавоний.

— И постарайся больше меня таким не увидеть. — Помпей помрачнел. — Где консулы? Ни один из них не явился.

— Они и не могли здесь появиться, Помпей, — сказал Марк Марцелл. — Они — консулы. Их статус выше, чем твой. Прийти сюда для них означало бы признать обратное.

— Но Сервий Сульпиций не консул.

— Не думаю, — сказал Гай Марцелл-старший уже в дверях, — что Сервию Сульпицию нравится подчиняться приказам.

Через минуту в атриум остался только Метелл Сципион. Он с упреком смотрел на зятя.

— Что? — вызывающе спросил Помпей.

— Ничего, ничего! Только я думаю, что ты повел себя неосмотрительно, Магн. — Сципион печально вздохнул. — Совсем неразумно.

Это мнение эхом откликнулось на другой день, пятьдесят седьмой день рождения Цицерона. В этот день он прибыл в окрестности Рима — на свою виллу на холме Пинций. Ему был обещан триумф, и до этого он не имел нрава пересекать священные границы города. Аттик, приехавший поздравить приятеля, коротко рассказал ему о вчерашнем повороте событий.

— Кто тебе все это рассказал? — спросил ужаснувшийся Цицерон.

— Твой друг, Рабирий Постум, который сенатор, а не банкир, — ответил Аттик.

— Старый Рабирий Постум?! Ты, наверное, говоришь о его сыне!

— Нет, о старике. Перперна болеет, и он подбодрился. Он хочет считаться старейшим.

— Давай подробности. Как вел себя Магн? — нетерпеливо перебил его Цицерон.

— Запугал всех явившихся к нему сенаторов. Был зол, язвителен, дерзок. Традиционные обличения, но в очень грубой манере. Сказал, что хочет положить конец нерешительности Сената. — Аттик нахмурился. — Угрожал проскрипциями. Обещал многих сбросить с Тарпейской скалы. Все пришли в ужас!

— Но Сенат ведь пытается сделать все, что в его силах! — неуверенно произнес Цицерон, совсем некстати вспомнив суд над Милоном. — Вето трибуна есть вето трибуна. Его не переступить. Чего же он хочет?

— Он хочет, чтобы Сенат ввел *senatus consultum ultimum*, объявил военное положение и поручил командование ему. На меньшее он не согласен. Помпей устал от постоянного напряжения и хочет, чтобы все скорее закончилось, а почти всегда его желания осуществляются. Он ужасно испорченный человек, он привык, что все будет так, как он хочет. Частично в этом виноват и сам Сенат, Цицерон! Десятилетиями они уступали ему. Они раз за разом специальным приказом назначали его командующим и прощали ему то, чего не простили бы, например, Цезарю. Человек, занимающий высокое положение по праву рождения, теперь требует, чтобы Сенат относился к нему, как к Помпею. И как ты думаешь, кто стоит за оппозицией?

— Катон. Бибул, хотя он не в Риме. Марцеллы. Агенобарб. Метелл Сципион. И еще некоторое количество твердолобых.

— Да, но они все политики, а Помпей — сила, — терпеливо произнес Аттик. — Без Помпея они Цезарю не помеха. А Помпей не терпит соперников, вот и все.

— О, если бы Юлия была жива! — вскричал вконец подавленный Цицерон.

— Где твоя логика, Марк? Ничего бы не изменилось. Просто тогда Цезарь еще не был для Помпея угрозой. Или, по крайней мере, Помпей так это понимал. Он не обладает проницательностью и не способен заглядывать в будущее. Он ощущает опасность, когда та подходит вплотную. А потому и при живой Юлии он вел бы себя точно так, как сейчас.

— Тогда я сегодня же должен увидеться с ним, — решительно заявил Цицерон.

— Зачем?

— Чтобы попытаться убедить его прийти к соглашению с Цезарем. Или уговорить его удалиться в Испанию и переждать там какое-то время. Интуиция мне подсказывает, что, несмотря на Катона и чокнутых boni, Сенат вполне может пойти с Цезарем на компромисс, если решит, что полагаться на Магна глупо. Сенаторы считают Магна своим солдатом, способным побить Цезаря.

— Похоже, — сказал раздумчиво Аттик, — ты точно уверен, что выиграет не Магн.

— Мой брат в этом уверен, а он знает, что говорит.

— Где сейчас Квинт?

— Он здесь, но отправился в город. Хочет выяснить, не улучшился ли характер у твоей сестры.

Аттик расхохотался до слез.

— У Помпонию? Не улучшился ли характер? Скорее Помпей помирится с Цезарем, чем это произойдет!

— И почему мы, Цицероны, не можем жить в ладу с женами? Почему они у нас такие мегеры?

Аттик, великий прагматик, счел нужным объяснить:

— Потому что, мой дорогой Марк, и ты и Квинт женились не на женщинах, а на деньгах. Претендовать на что-либо другое вы с ним не могли по рождению.

Поставленный таким манером на место Марк Цицерон спустился с Пинция к Марсову полю, где небольшой контингент его киликийских солдат разбил лагерь, надеясь хотя бы на скромное триумфальное шествие в честь своего командира.

Помпей с ходу отверг предложение удалиться в Испанию.

— Все поймут, что я отступаю! — гневно воскликнул он.

— Магн, это же чушь! Сделаешь вид, что соглашаешься с требованиями Цезаря — в конце концов, ты не консул, а просто один из проконсулов, — а потом останешься в Испании ждать. Глуп тот фермер, который пасет двух племенных баранов на одном и том же лужке. Как только ты удалишься, ваше соперничество обратится в ничто. Ты станешь вроде бы зрителем всего, что последует. Но скорее всего, не последует ничего. Ведь твоя армия будет с тобой! Цезарь дважды подумает, прежде чем что-либо предпринять. А пока ты здесь, его войска ближе к нему, чем твои к тебе. Пожалуйста, поезжай в Испанию, Магн!

— Я никогда не слышал ничего более глупого! — рявкнул Помпей. — Нет, нет и нет!

В шестой день января Цицерон послал вежливую записку Луцию Корнелию Бальбу с просьбой навестить его на Пинции.

— Ты, конечно же, хочешь выйти из ситуации мирно, — сказал визитеру хозяин. — Юпитер! Как ты похудел!

— Да, Марк Цицерон, я очень хочу, и я действительно похудел, — ответил маленький гадесский банкир.

— Три дня назад я виделся с Магном.

— Увы, он не хочет меня видеть, — вздохнул опечаленно Бальб. — С тех пор, как Авл Гиртий уехал из Рима, не сочтя нужным встретиться с ним. А я теперь виноват.

— Магн уперся, — вдруг сказал Цицерон.

— Значит, все бесполезно.

— Нет, — возразил великий оратор. — Я думал весь день и всю ночь. И похоже, нашел решение.

— Какое же? Я весь внимание!

— Скажи, ты не прочь чуть-чуть поработать? Равно как Оппий и все остальные?

— Посмотри на меня, Марк Цицерон! Я так работаю, что от меня почти ничего не осталось!

— Надо всего лишь составить срочное письмо Цезарю, Лучше, если его подпишут и Оппий, и Рабирий Постум.

— Эта работа от меня ничего не убавит. Что должно быть в письме?

— Как только ты уйдешь от меня, я опять пойду к Магну. И скажу ему, что Цезарь согласен от всего отказаться, если ему оставят Иллирию и один легион. Вы сможете убедить Цезаря согласиться на это?

— Да, я уверен, что сможем. Цезарь действительно хочет мира, даю тебе слово. Но ты должен понять, что он не сможет сдать все. Иначе его ждет гибель, суды и ссылка. Но Иллирии и одного легиона достаточно. Цезарь очень живуч, Марк Цицерон. Сохранив свои полномочия, он решит вопрос с выборами, когда придет время. Я не знаю другого человека с такими неисчерпаемыми ресурсами.

— Я тоже, — уныло откликнулся Цицерон.

Опять поход на виллу Помпея, но Цицерон не мог и подумать, что Помпей провел несколько плохих ночей. Эйфория после вспышки рассеялась, и наступила реакция. Первый Человек в Риме вдруг понял, что никто из *boni*, включая его тестя, не одобрил его выходки или его грубого тона. Он говорил с сенаторами заносчиво, как диктатор. И даже орал. А это уже перебор. Теперь Помпей жалел, что потерял контроль над собой. Вспыльчивость породила короткое упоение, а потом перешла в депрессию. Да, он, конечно, им нужен. Но и они ему тоже нужны. А он отпугнул их. Никто с тех пор к нему не пришел, все заседания проводятся теперь в Риме. Со всеми дебатами и язвительными подковырками, на какие горазды Антоний и Кассий. О, эта пара! Они хорошо знают, что делать. А он, Помпей, подгонял лошадей, не понимая, что хлещет мулов. О, как же выкрутиться из этих тисков? Сенат и так взвинчен. Зачем было говорить о проскрипциях, о Тарпейской скале? Ах, Магн, Магн! Каким бы трусливым тебе ни казался Сенат, критиковать и запугивать его все же не стоит. Не стоит!

Таким образом, Цицерон нашел Первого Человека в Риме более уступчивым и сомневающимся. Он понял это и сразу атаковал.

— Магн, я узнал из надежных источников, что Цезарь согласен оставить за собой только Иллирию и один легион. Пойдя на такой

компромисс, ты погасишь давний раздор и станешь героем, единолично избавив страну от огромной угрозы. Весь Рим возликует, прославляя тебя. Правда, Катон со своим окружением взвывает. Но что тебе до него? Мы оба знаем, что он поклялся отправить Цезаря в ссылку. Но это ведь не твоя цель, не так ли? Ты лишь возражаешь против того, чтобы тебя, как и Цезаря, лишили губернаторских и иных полномочий. Ты ничего не хочешь терять, и ты ничего не потеряешь. В своем последнем предложении Цезарь совсем не упоминает тебя.

Помпей просиял.

— Я и впрямь не питаю к Цезарю ненависти, Цицерон, и не обязан плясать под дудку Катона. Обрати внимание, я вовсе не говорю, что не стану препятствовать попыткам Цезаря баллотироваться *in absentia*. Но это отдельный разговор, и до него еще несколько месяцев. Ты прав, самое важное в данный момент — отвести угрозу гражданской войны. И... если Иллирия плюс один легион удовлетворят Цезаря, если он не затронет мои интересы, то почему нет? Да, Цицерон, почему нет? Я согласен. Цезарь может оставить себе Иллирию и один легион, если откажется от всего остального. С одним легионом он не опасен. Да! Я согласен!

Цицерон облегченно вздохнул и обмяк.

— Магн, ты знаешь, что я равнодушен к возлияниям. Но сейчас я бы с большим удовольствием выпил вина.

В этот момент в атрий вошли Катон и Лентул Крус, младший консул. О, Цицерон, зачем ты поторопился? Зачем не прошел за Помпеем в его кабинет, а стал излагать свои доводы сразу? Какая трагическая ошибка! Там, в кабинете, о посетителях бы доложили и ты убедил бы Помпея не принимать их. А теперь ничего поделать нельзя.

— Присоединяйтесь! — весело крикнул Помпей. — Мы как раз хотели выпить за мирное разрешение спора с Цезарем!

— Что-что? — спросил Катон и весь напрягся.

— Цезарь согласен сдать все, кроме Иллирии и одного легиона, и не требует ничего равнозначного от меня, кроме согласия на такой выход из положения. И я, подумав, решил сказать «да»! Угроза гражданской войны миновала. Цезарь теперь бессилен, — с огромным удовлетворением сказал Помпей. — И когда придет время, не допустить его до участия в выборах будет легко. Но гражданская война уже не разразится! И предотвратил ее я! Только я!

Катон то ли взвыл, то ли всхрипнул, схватился за голову и вырвал два клока волос.

— Кретин! — взвизгнул он. — Жирный, самодовольный, перехваленный переросток! Что ты предотвратил, идиот? Ты сдал Республику самому лютому ее ненавистнику!

Он скрипел зубами, царапал щеки, он потрясал клоками волос. Помпей отшатнулся, ничего не понимая.

— Ты взял на себя смелость решить спор с Цезарем? А есть ли у тебя право на это? Ты — слуга Сената, Помпей, и Риму ты не хозяин! От тебя ждут, что ты дашь Цезарю встрепку, а ты вместо этого хочешь сотрудничать с ним!

В гневе Помпей был ужасен. Но у него была фатальная слабость: стоило кому-нибудь резко смешать его карты (как это сделал Серторий в Испании), и он совершенно терялся, не зная, как быть. Катон вышиб из него наступательный дух, и он смутился, что не позволило ему тоже взвиться. В голове все путалось, ноги сделались ватными, Помпей попросту струсил. Неприкрытая ярость соратника ошеломила его.

Цицерон попытался переломить ситуацию.

— Катон, Катон, перестань! — крикнул он. — Действуй законно, приволоки Цезаря в суд! Гражданская война никому не нужна! Возьми себя в руки!

Крупный и вспыльчивый Лентул Крус ухватил его за плечо, повернул и погнал в дальний угол.

— Заткнись! Не суйся! Заткнись! Не суйся! — лаял он и с каждым словом тыкал Цицерона в грудь, так что тот едва удерживался на ногах.

— Ты не диктатор! — кричал Катон. — Ты не правишь Римом! У тебя нет полномочий вступать в сделки с предателем! Да еще за нашими спинами! Иллирия и один легион, да? И ты думаешь, это пустяк? Нет, глупец, нет! Это огромнейшая уступка! Роковая уступка! А Цезарю делать уступок нельзя! Нельзя давать ему завладеть даже кончиком пальца! И если ты, Помпей, нуждаешься в очередном и хорошем уроке, я, так и быть, тебе его преподам! Я вколочу в твою пустую башку, что ты ничто без нашей поддержки. Ты хочешь заключить союз с Цезарем? Прекрасно! А Цезарь — предатель! И ты тоже станешь предателем! И разделишь с ним его участь! Ибо, клянусь всеми богами, что я опущу тебя ниже, чем Цезаря! Я лишу тебя империя, провинций и армии одним махом вместе с Цезарем! Мне

достаточно сказать только слово! И Палата одобрит мое предложение. И вето никто не наложит. Кассий с Антонием будут рады тебе навредить! Единственные два легиона, находящиеся поблизости, преданы Цезарю! А твои собственные легионы — в Испаниях, в тысяче миль! Так что попробуй, останови меня, если сможешь? Но ты не сможешь! А я уничтожу тебя! И прославлюсь, уничтожив предателя! Это не мужской клуб, к которому ты решил присоединиться! *Voni* намерены свалить Цезаря. И с удовольствием свалят любого, кто осмелится присоединиться к нему! Даже тебя! Ну-ка, задумайся, кто тогда полетит с Тарпейской скалы? Ты, ибо *voni* угроз не прощают! Нет, не прощают! Мы урезоним любого, кто возымеет наглость шантажировать римский Сенат!

— Стоп! Стоп! — тяжело дыша, проговорил Помпей, протягивая обе руки к своему оппоненту. — Остановись, Катон, я прошу тебя! Ты прав! Ты прав! Признаю, я сплеховал! Это все Цицерон! Это он меня заморочил. Я поддался ему, я не знал, как мне быть! Три дня никто ко мне ни ногой! Что я должен был думать?

Но гнев Катона не остывал так легко, как бы хотелось Помпею. Он все продолжал что-то бормотать, потом закрыл рот и встал, весь дрожа.

— Сядь, Катон, — взмолился Помпей, суетясь вокруг него, как старушонка вокруг истеричной рассерженной собачонки. — Вот сюда! Сядь, пожалуйста!

Он осторожно вытащил пряди волос из трепещущих пальцев. Затем метнулся к столику, налил в чашу вина и бегом вернулся обратно.

— Успокойся, выпей, пожалуйста! Ты прав, а я нет. Я признаю! Это происки Цицерона. Это он подловил меня в минуту слабости. — Помпей умоляюще посмотрел на Лентула Круса. — Выпей вина, Лентул, выпей и ты! Давайте-ка сядем и спокойно во всем разберемся. Ведь нет ничего, в чем не разобрались бы друзья! Пожалуйста, Лентул, выпей!

— О-о-о! — простонал издали Цицерон, но никто его не услышал.

Тогда Цицерон повернулся и побрел восвояси. Его тоже трясло, как Катона.

Это конец. Это своеобразный водораздел. Возврата теперь быть не может. А победа была так близка! Так близка! О, почему эта безумная парочка не появилась днем позже?

— Что ж, — сказал он себе, садясь к письменному столу, чтобы черкнуть пару строк Бальбу. — Если гражданская война все-таки разразится, виноват в этом будет один лишь Катон.

На рассвете седьмого дня января Сенат собрался в храме Юпитера Статора, куда Помпей доступа не имел. Мертвенно-бледный Гай Марцелл-младший счел возможным присутствовать на заседании, но передал бразды правления Лентулу Крусу после традиционных молитв.

— Я не стану ораторствовать, — сразу же объявил Лентул Крус. Дышал он с трудом, на лице проступили красные пятна. — Время пустословий прошло, пора разрешить затянувшийся кризис. Я предлагаю в целях защиты Римской Республики ввести *senatus consultum ultimum* и тем самым предоставить консулам, преторам, плебейским трибунам, консулярам и промагистратам в окрестностях Рима право отвергать всевозможные вето.

Палата взорвалась. Сенаторы были удивлены странной формулировкой декрета и тем, что в нем ни словечком не был упомянут Помпей.

— Это абсурд! — взревел Марк Антоний, вскакивая со скамьи. — Ты предлагаешь нам, плебейским трибунам, защищать Рим от нас же самих? Это чудовищно! Нельзя превращать *senatus consultum ultimum* в силу, затыкающую рты плебейским избранникам! Плебейские трибуны — столпы государства и всегда таковыми пребудут! Твой декрет, младший консул, совершенно неконституционен! Чрезвычайное положение вводится для искоренения черной измены, а среди моих коллег изменников нет! Обещаю, я вынесу этот вопрос на суд плебса. И добьюсь, чтобы тебя столкнули с Тарпейской скалы! За попытку помешать мне и моим сотоварищам исполнять беспристрастно и честно наш долг!

— Ликторы, удалите этого человека! — приказал Лентул Крус.

— Вето, Лентул! Я налагаю вето на твой декрет!

— Ликторы уведите этого человека!

— Тогда пусть уведут заодно и меня! — крикнул Квинт Кассий.

— Ликторы, удалите обоих!

Но когда дюжина ликторов попыталась выполнить повеление младшего консула, завязалась нешуточная борьба. Понадобилась еще дюжина ликторов, чтобы потеснить к выходу пришедшего в ярость

Антония и не менее разъяренного Кассия. Наконец их вышвырнули на Верхний Форум — в синяках, в крови, в разорванных тогах.

— Ублюдки! — рыкнул Курион, тоже покинувший храм.

— Скоты, — добавил Марк Целий Руф. — И куда мы теперь?

— Вниз, в колодец комиций, — сказал Антоний. Он ухватил Квинта Кассия за руку. — Нет, Квинт! Не поправляй ничего в своем одеянии. Оставь все как есть! Мы останемся в таком состоянии, пока не приедем к Цезарю в Равенну. Пусть посмотрит своими глазами, что тут творит Лентул Крус.

Собрав очень большую толпу, что в дни всеобщего замешательства было нетрудно, Антоний предъявил римлянам свои раны, а также раны коллеги.

— Друзья, вы видите нас? Вы видите, что с нами сделали? Плебейских трибунов теперь избивают! Теперь им не дают исполнять свой долг! — кричал он. — А почему? Ответ ясен каждому. Чтобы защитить интересы кучки людей, которые хотят править Римом! Править по-своему — незаконно. Воля народа для них ничто! Осторожно, граждане! Осторожно, патриции, не входящие в ряды *boni*! Дни народных собраний сочтены! Катон помыкает Сенатом! В данный момент *boni* вооружают Помпея, чтобы лишить вас всех ваших прав! Чтобы сбить с ног Гая Цезаря, всегда мечтавшего избавить Рим от сенаторского засилья!

Он посмотрел поверх толпы на отряд ликторов, спешно марширующий по Форуму от храма Юпитера Статора.

— Все, дорогие сограждане. Больше я говорить не могу. Сюда направляются слуги Сената, чтобы препроводить нас в тюрьму, а я в тюрьму не хочу! Я еду к Гаю Цезарю вместе с моим храбрым другом Квинтом Кассием, а также с Гаем Курионом и Марком Целием, с этими широко известными и прославленными защитниками интересов народа. Я собираюсь показать Гаю Цезарю, чем стал Сенат! Там теперь царит очень злобное, очень коварное меньшинство, навязывающее почтенным отцам свою волю и не терпящее никаких других мнений! Они ненавидят Гая Цезаря, они порочат его! А сами уже превратили в пародию конституцию Рима! Не поддавайтесь им, граждане, и ждите Цезаря, который всех вас защитит!

Широко улыбнувшись и весело махнув рукой, Антоний сошел с ростры под приветственные крики собравшихся. К тому времени, как

ликторы пробились через толпу, он со своими товарищами был уже далеко.

В храме же Юпитера Статора все теперь шло как по маслу. Очень немногие из присутствующих голосовали против *senatus consultum ultimum*. Декрет о введении чрезвычайного положения был принят практически единогласно. Кое-кого, правда, несколько удивляло странное поведение старшего консула. Гай Марцелл-младший был хмур и молчалив, он с трудом присоединился к большинству, когда пришло время голосовать, потом усталое вернулся к своему курульному креслу. Нет, другие Марцеллы, теперешние экс-консулы, были гораздо внушительнее, чем их вялый родич.

Вернулись ликторы. С пустыми руками, но это никого не смутило. Голосование уже прошло, и новый декрет был официально записан.

— Прервемся до завтра, — сказал удовлетворенно Лентул Крус. — И вновь соберемся на Марсовом поле. Наш уважаемый консуляр и проконсул Гней Помпей Магн присоединится к нам.

— Мне кажется, — сказал Сервий Сульпиций Руф, бывший старшим консулом в год консульства Марка Марцелла, — все это означает, что мы объявили войну Гаю Цезарю. Но ведь он не идет на Рим.

— Мы уже объявили войну, — сказал Марцелл-старший, — когда вручили меч Гнею Помпею.

— Это Цезарь объявил нам войну! — громко крикнул Катон. — Отказавшись принять директивы Сената, он поставил себя вне закона.

— Но, — спокойно возразил Сервий Сульпиций, — врагом народа он еще не объявлен. Разве вы не должны это сделать?

— Да, должны, — промямлил Лентул Крус, чей цвет лица и затрудненное дыхание вновь стали свидетельствовать о его нездоровье, а Марцелл-младший и вовсе обмяк.

— Но вы не можете, — торжествующе сказал Луций Котта, родич Цезаря, голосовавший против декрета. — До сих пор Цезарь не сделал ни одного шага к гражданской войне. Пока он не сделает этого шага, он не враг народа и не может быть им объявлен.

— Важно ударить первыми, — сказал Катон.

— Вот-вот, Марк Катон, — облегченно вздохнул Лентул Крус. — Поэтому-то завтра мы и встречаемся на Марсовом поле. Чтобы наш военный эксперт посоветовал нам, как это сделать и где.

Но в восьмой день января, когда сенаторы собрались в курии Помпея, их военный эксперт четко объяснил, что он не думал ни о каком ударе, как и о том, где его нанести. Сейчас надо думать о наращивании сил, а не о тактических планах.

— Мы должны помнить, — сказал он Палате, — что все легионы Цезаря настроены против него. Если Цезарь велит им пойти на Рим, вряд ли они подчинятся. Что касается нашего войска, то у нас под рукой уже три легиона благодаря активному набору за последние несколько дней. Семь моих легионов в Испаниях, но люди за ними посланы. Жаль, что в этот сезон их нельзя переправить по морю. Но они пройдут сушей, а Цезарь, сидя в Равенне, вряд ли сумеет встать у них на пути. — Он весело улыбнулся. — Почтенные отцы, уверяю, никаких поводов для беспокойства у нас с вами нет.

Каждый день Сенат собирался, деятельно готовясь к любым неожиданностям. Когда Фауст Сулла предложил наделить нумидийского царя Юбу статусом друга и союзника Рима, Гай Марцелл-младший вынырнул из апатии и похвалил Фауста Суллу. Предложение прошло. И когда тот же Фауст Сулла предложил Сенату направить его послом в Мавританию для переговоров с царями Бокхом и Богудом, Марцелл-младший снова выказал одобрение. Но сын Филиппа, плебейский трибун, наложил вето на эту идею.

— Ты как твой папаша: и нашим, и вашим, — пробурчал недовольно Катон.

— Нет, Марк Катон, уверяю тебя. Если Цезарь предпримет что-то враждебное, Фауст Сулла будет нужен нам здесь, — твердо ответил Филипп.

Самым примечательным в этом маленьком эпизоде было то, чего никто не заметил. При действующем *senatus consultum ultimum*, защищавшем законотворчество от вето трибунов, вето Филиппа-младшего было принято на ура.

Но все это было мелочью в сравнении с радостным возбуждением, охватившим сенаторов после официального лишения Цезаря полномочий, провинций и армии! Луция Домиция Агенобарба тут же назначили новым губернатором дальних Галлий, а экс-претора Марка Консидия Нониана — новым губернатором Италийской Галлии и Иллирии. Теперь Цезарь стал частным лицом, ни от чего больше не

защищенным. Но и Катон пострадал: хотя он не хотел ехать в провинцию, его вдруг назначили губернатором Сицилии. Луция Элия Туберона направили в Африку. Он был лоялен к boni, но в кандидатах на губернаторские посты ощущался большой дефицит. Собственно, на нем и закончился имевшийся у сенаторов список. Это послужило Помпею отличным поводом предложить Аппия Клавдия Цензора в губернаторы Греции, хотя тот уже был губернатором Македонии. Сейчас в Македонии делать нечего, объяснил всем Помпей. Ее вполне можно оставить на попечение квестора Тита Антистия. Поскольку никто не знал о решении Магна сражаться с Цезарем не в Италии, а в тех краях, подоплека этого назначения ускользнула от большинства сенаторов, чьи мысли занимало лишь одно: пойдет Цезарь на Рим или не пойдет?

— И конечно же, — сказал Лентул Крус, — мы должны быть уверены, что сама Италия будет надежно защищена. А посему я предлагаю послать легатов с проконсульскими полномочиями во все ее концы. Их первостепенным долгом будет набирать солдат — у нас недостаточно войска, чтобы распределить по всей Италии.

— Я возьму часть этих забот на себя, — спешно откликнулся Агенобарб. — Сейчас нет особой нужды ехать в мои провинции. Оборона государства важнее. Дайте мне Адриатическое побережье ниже Пицена. Я поеду по Валериевой дороге и наберу множество добровольцев. Марсы и пелигны — мои клиенты.

— Охрану дороги Эмилия Скавра, Аврелиевой дороги и Клодиевой дороги — а это, собственно, север Этрурии — я предлагаю поручить Луцию Скрибонию Либону! — крикнул Помпей.

Это предложение вызвало у некоторых усмешку. Брак старшего сына Помпея, Гнея, и дочери Аппия Клавдия Цензора был неудачным и длился недолго. После развода молодой Гней Помпей женился на дочери Скрибония Либона. Отцу это не пришлось по вкусу, но сын настоял на своем. И Помпей просто подкидывал непыльную работенку весьма заурядному человеку. Кому интересна Этрурия? Уж только не Цезарю, да.

Квинту Минуцию Терму поручили Фламиниеву дорогу с наказом осесть в Игувии.

Семейственность проявилась еще раз, когда Помпей предложил послать своего двоюродного брата Гая Луция Гирра в Пицен, точнее, в

городок Камерин. Конечно, Пицен был вотчиной Магна, но Равенна очень недалеко от него отстояла, поэтому туда же послали консуляра Лентула Спинтера и экс-претора Публия Аттия Вара: первого — в Анкону, второго — в родной город Помпея Авксим.

А бедному обескураженному Цицерону, прилежно присутствовавшему на всех собраниях, проходивших вне померия, велели ехать в Кампанию и набирать там войска.

— Ну вот! — радостно воскликнул Лентул Крус, когда со всем было покончено. — Как только Цезарь поймет, что нами проделано, он дважды подумает, идти ли ему на Рим! Он не посмеет!

РАВЕННА — АНКОНА

Посыльный, которого Антоний и Курион отправили в Равенну раньше, чем выехали туда сами, прибыл на виллу Цезаря девятого января, через день после драчки в Сенате. Хотя он добрался до места в сонную предрассветную пору, Цезарь сразу принял его, поблагодарил, приказал накормить и проводить в одну из спален. Двести миль меньше чем за два дня — это чего-нибудь стоит. Письмо Антония было коротким.

Цезарь, Квинта Кассия и меня выгнали с заседания, когда мы пытались наложить вето на *senatus consultum ultimum*. Это странный декрет. Он не объявляет тебя изгоем, никак не затрагивает Помпея, но согласно ему все магистраты, консуляры и прочие облакаются правом отвергать любое вето трибунов. Как тебе это нравится, а? Единственная ссылка на Помпея — упоминание, что защищать римское государство от всяческих происков не возбраняется и прочим магистратам, пребывающим в окрестностях Рима. А это как раз Помпей да еще Цицерон. Но Цицерон ожидает триумфа, а Помпей теперь ждет неизвестно чего. Воображаю, как он разочарован. Есть у *boni* одно достойное качество: они очень не любят специальные назначения.

Мы спешим к тебе вчетвером. Курион с Целием тоже покинули Рим. Мы поедем по Фламиниевой дороге.

Не знаю, важно ли это для тебя, но я постарался, чтобы мы прибыли в таком же состоянии, в каком были, когда ликторы силой выгнали нас. А это значит, что по приезде от нас будет немного попахивать, так что пусть приготовят горячую ванну.

Самым доверенным человеком при Цезаре был в эти дни Авл Гиртий. Когда он вошел в кабинет, Цезарь сидел с письмом в руке, глядя на мозаичную стену, изображающую бегство царя Энея из

горящего Илиона с престарелым отцом на левом плече и Палладием (изображением Паллады) под мышкой.

— Лучшее, чем славится Равенна, — сказал Цезарь, не глядя на Гиртия, — это мозаика. Местным искусникам уступают даже сицилийские греки.

Гиртий сел так, чтобы видеть лицо Цезаря. Лицо было спокойным.

— Я слышал, прибыл гонец со срочным посланием.

— Да. Сенат издал чрезвычайный декрет.

Гиртий со свистом втянул в себя воздух.

— Тебя объявили врагом народа!

— Нет, — спокойно ответил Цезарь. — Настоящим врагом Рима оказалось право трибунов на вето. Как все-таки *boni* схожи с Суллой! Вечный поиск внутреннего врага, а не внешнего. Короче, плебейским трибунам заткнули рты.

— Что ты собираешься делать?

— Идти, — был ответ.

— Идти?

— Да, на юг, в Аримин. Антоний, Квинт Кассий, Курион и Целий сейчас тащатся по Фламиниевой дороге. И доберутся до Аримина, думаю, дня через два.

— Цезарь, пока что ты все еще обладаешь империем. Но если ты пойдешь в Аримин, тебе придется пересечь Рубикон.

— К тому времени, как это произойдет, Гиртий, я, видимо, уже стану частным лицом и буду иметь право идти туда, куда хочу. Под прикрытием своего чрезвычайного декрета Сенат в одно мгновение лишил меня всего.

— Значит, ты не возьмешь с собой тринадцатый легион? — спросил с легким напряжением Гиртий.

Цезарь сидел, как всегда, в чуть расслабленной позе. Спокойный, невозмутимый, не знающий ни сомнений, ни страхов, одним своим видом демонстрируя несокрушимое превосходство над всеми. Таких обычно не любят, но этого человека любили. Его легаты, его солдаты, его офицеры. А за что? А за то... за то... о, за что же?! Да, похоже, за то, что он был таким, каким каждый мужчина хотел бы видеть себя!

— Конечно, я возьму с собой тринадцатый, — ответил Цезарь и встал. — Подготовь парней к маршу. У тебя и у них два часа. Полный обоз, взять все. Артиллерию тоже.

— Ты скажешь им, куда их ведешь?

Светлые брови взметнулись.

— Не сразу. Потом. Собственно, многие из них с той стороны Пада. Что значит для них Рубикон?

Младшие легаты, такие как Гай Асиний Поллион, разлетелись повсюду, оповещая о выступлении военных трибунов и старших центурионов. За два часа тринадцатый свернул лагерь и развернулся в маршевую колонну. Легионеры хорошо отдохнули, несмотря на марш, который они совершили в Тергесте по приказу Цезаря под командованием Поллиона. Там они провели интенсивные маневры, потом вернулись в Равенну, где им предоставили отпуск, достаточно продолжительный, чтобы они достигли пика боевой готовности.

Марш шел нормально. Тринадцатый направлялся к хорошо укрепленному лагерю на северном берегу реки Рубикон — официальной границы между Италийской Галлией и Италией. Ничего не было сказано, но все, включая простых солдат, понимали, в чем дело. И были рады, что Цезарю надоело сносить бесконечные оскорбления, бросавшие тень и на каждого, кто служил у него, — от легатов до вспомогательных войск.

— Мы шагаем в историю, — сказал Поллион Квинту Валерию Орке, такому же младшему легату, как он.

Поллион любил почитать исторические труды.

— Это неудивительно, мы ведь с ним, — сказал Орка и засмеялся. — Каков он все-таки, а? Пуститься в путь с одним легионом! Как знать, что ждет нас в Пицене? Может быть, дюжина легионов и армия ополченцев?

— О нет, — с уверенностью сказал Поллион. — Там три легиона, от силы четыре. И мы их запросто разобьем.

— Особенно если два из них — шестой и пятнадцатый.

— Да.

К вечеру десятого января тринадцатый легион достиг Рубикона и, не останавливаясь, его пересек. Лагерь было приказано ставить на другом берегу.

Карта 10. Италия, 49 г. до н. э.

Цезарь с небольшой группой легатов остался на северном берегу, чтобы наскоро перекусить. В этот сезон реки, текущие с Апеннин, как

правило, не вздувались. Снег с гор давно сошел, дожди еще не начинались. Так что, несмотря на длинное и в низовьях широкое русло, Рубикон, берущий начало чуть ли не от истоков высокогорной, текущей на запад реки Арн, не представлял собой никакого препятствия ни для людей, ни для животных.

За едой говорили мало, Цезарь вел себя как обычно. Пища его тоже была обычной: немного хлеба, немного сыра, немного оливок. После трапезы он омыл руки в поднесенном ему слугой тазике, встал со своего курульного кресла, от которого, как все заметили, не отказался, и коротко бросил:

— По коням.

Но конь, которого к нему подвел грум, не был обычным холеным дорожным конем. Это был Двупалый. Как и два прежних Двупалых, на которых он сражался с тех пор, как Сулла подарил ему первого двупалого коня, этот Двупалый — ветеран лет, проведенных в Галлии, — был холеный гнедой с длинными гривой и хвостом и милой круглой мордой. Породистый конь, годный для любого генерала, хотя и не белый. Вот только копыта его были разделены не на два, а на три пальца, каждый из которых заканчивался маленьким копытцем с подушечкой.

Легаты следили за ним как зачарованные. Они все гадали, будет война или нет, и теперь точно знали, что будет. Цезарь садился на Двупалого только перед сражениями.

Он направил коня по пожелтевшей осенней траве в прогалину между деревьями — прямо к сверкающему потоку. Но на отмели, образованной мелководьем, остановился.

«Ну вот. Я еще могу все повернуть вспять. Я еще не нарушил закон, не проигнорировал конституцию. Но как только мой Двупалый пересечет эту тихую незаметную речку, я превращусь из защитника моей родины в завоевателя. Я это знаю. Уже два года. Я прошел через все. Ломал голову, планировал, интриговал, старался сделать, что можно. Я шел на невероятные, невысказанные уступки. Даже дал им согласие на Иллирию и один легион. Но они с этим не согласились. Они плюют на меня, хотят сунуть меня лицом в грязь и превратить Гая Юлия Цезаря в пустое место. Но Гай Юлий Цезарь отнюдь не таков. Он не желает быть пустым местом. Ты хотел смешать меня с пылью, Катон? Теперь ты увидишь, что из этого выйдет! Ты вынудил меня

выступить против отечества, попрасть закон. Помпей, ты тоже увидишь, что такое война с профессионалом. Как только Двупалый погрузит в поток свои пальцы, я превращусь в изменника своей родины. И чтобы смыть с себя это пятно, я буду вынужден биться с моими же соотечественниками. Но этого мало — я должен их победить.

Что ждет нас на том берегу? Сколько у них легионов? Насколько они подготовлены? Я основываю всю свою стратегию на предположении, что ими не сделано ничего. Что Помпей не знает, как затеять войну, и что *boni* не знают, как ее надо вести. Помпей никогда сам ничего не затевал, несмотря на все свои пышные титулы. Он — мастер по доделыванию чужой работы. А *boni* вообще ничего не умеют. Они объявили военное положение и полагают, что далее все пойдет как по маслу. Реалии ими никак не учитываются, они для них что-то вроде игры. Что ж, я тоже игрок. Но я в играх удачлив».

Внезапно он запрокинул голову и засмеялся. Строчка любимого поэта Менандра пришла ему на ум.

— Пусть решит жребий! — воскликнул он на греческом, легонько ударил Двупалого по ребрам и перешел Рубикон — в Италию, навстречу войне.

Аримин драться не захотел. Все население этого городка высыпало с цветами на главную улицу, приветствуя сбитых с толку солдат. Цезарь тоже был несколько обескуражен. Как-никак Аримин находился во владениях Магна и вполне мог ополчиться против Цезаря. В таком случае с кем же теперь воевать? Ему сообщили, что Терм стоит в Игувии, Луцилий Гирр — в Камерине, Лентул Спинтер — в Анконе, а Вар — в Авксиме. Лентулу Спинтеру удалось сколотить десять когорт, остальным — вполовину меньше. Тринадцатый все это не пугало. Раз Аримин драться не захотел, возможно, не захотят и другие. Цезарь не жаждал крови. Чем меньше ее прольется, тем лучше.

Антоний, Квинт Кассий, Курион и Целий прибыли в лагерь под Аримином ранним утром одиннадцатого января. У первых двоих тоги были разорваны, лица в ссадинах, в синяках, — короче, то, что надо. Цезарь тут же построил тринадцатый легион.

— Вот почему мы здесь! — сказал он солдатам. — Мы пришли в Италию, чтобы помешать творящемуся в ней произволу! Ни один римлянин, каким бы родовитым или влиятельным он ни был, не имеет

права так поступать с избранниками народа, призванными защищать простой народ, многочисленных представителей плебса — от неимущих до солдат Рима, от деловых людей до государственных служащих. Да, многие из сенаторов тоже плебеи. Но можем ли мы теперь считать их таковыми? Позволив Сенату столь жестоко расправиться с Марком Антонием и Квинтом Кассием, они отреклись от своего плебейского статуса и наследия! Плебейский трибун — лицо неприкосновенное. Он обладает неотъемлемым правом на вето. Неотъемлемым! Все, что сделали Антоний и Кассий, это наложили вето на незаконный декрет, попирающий их права, но в целом бьющий по мне. Я, видимо, сильно унижил Сенат, расширив пределы влияния Рима и добавив денег в его кошелек. А может быть, их очень злит, что я не с ними. Что ж, я действительно не из них. Сенатор — да. Магистрат — да. Консул — да. Но никак не член маленькой, жадной и злобной шайки так называемых «добрых людей» — *boni*! Главная цель их — отстранить римский народ от управления собственным государством. Они решили, что Сенат — это единственный правящий орган, оставшийся в Риме. Их Сенат, ребята, не мой Сенат! Мой Сенат — ваш слуга. Их Сенат хочет быть вашим хозяином. Он хочет единолично решать, сколько денег платить вам и давать ли вам по истечении срока службы надел земли. Он хочет определять размер ваших премий, вашу долю в трофеях, степень участия в триумфальных шествиях. Он даже хочет решать, давать ли вам гражданство, пороть ли ваши спины, согнувшиеся на службе Риму, колючими плетями. Он хочет, чтобы вы, солдаты Рима, признали его вашим хозяином. Он хочет, чтобы вы боялись всех, хныкали, как самые презренные нищие на сирийской улице! Гиртий довольно вздохнул.

— Закусил удила, — сказал он Куриону. — Это будет одна из его лучших речей.

Цезарь между тем продолжал:

— Эта злобная, шайка, эта жалкая кучка засевших в Сенате манипуляторов посягнула на мое *dignitas*, на мое право на общественное уважение благодаря моим личным заслугам. Они хотят уничтожить и ваше *dignitas*, называя все, что выделали, предательством. Вспомните, как это было, ребята! Вспомните мили изнурительных маршей, пустые желудки, свист вражеских стрел! Вспомните павших в боях, взгляните на свои шрамы! Задумайтесь, где мы были, что делали,

сколько работали и сколько вытерпели всего, чтобы прославить свою страну, свой народ! И что в результате? наших плебейских трибунов бьют и вышвыривают на Форум! наших достижений не замечают, больше того, на них просто плюют! И кто же? Штатская шушера, кабинетные генералы! Кто-нибудь слышал о Катоне-воителе? Или о победителе Агенобарбе?

Цезарь помолчал, усмехнулся, пожал плечами.

— Имя Катон вам, похоже, вообще незнакомо. Агенобарб — может быть, его прадед был воином. Но я назову сейчас имя, известное всем. Это Гней Помпей, сам себя нарекший Великим! Да, Гней Помпей, который должен бы быть сейчас в наших рядах! Но на старости лет он так заплыл жиром, что выбрал себе иную участь — держать наготове мочалку, чтобы подтирать задницы своим новым друзьям! Он с большой охотой поддерживает травлю Гая Юлия Цезаря. А почему? Почему? Я скажу почему! Потому что он превзойден в военном искусстве, оставлен далеко позади! Потому что он недостаточно широк натурой, чтобы признать, что чьи-то ребята дерутся намного лучше, чем все те, что были когда-либо у него под рукой! Кто может сравниться с вами? Никто! Никто в мире! Вы — лучшие из солдат, когда-либо бравших в руки мечи и щиты! Вот я, и вот — вы! Мы перешли эту реку, чтобы восстановить наше попранное достоинство, чтобы никто никогда не смел более на него посягать. Я не начал бы эту войну по меньшей причине. Я не пошел бы против кучки зарвавшихся олухов, я бы их терпел. Но они осмелились поднять руку на основу основ моей жизни. На то, что я свято блюду и всегда буду блюсти! Это мое *dignitas*. Оно же и ваше. Кем бы я ни был, вы такие же, как я! Мы шли вместе, плечом к плечу, чтобы отсечь у Цербера все три его головы! Мы пробивались сквозь льды и снега, мы пересекали моря, взбирались на горы, переплывали могучие реки! Мы поставили на колени самые храбрые народы мира! Мы подчинили их Риму! А что может сказать на это бедный старый поблекший Гней Помпей? Ничего, ребята, ни слова! Совсем ничего! Но что же он вознамерился сделать? Он решил отобрать у нас все. Нашу честь, нашу славу, наши воинские заслуги! Все, чем мы по праву гордимся и для чего мы живем!

Он замолчал и раскинул руки. Так широко, словно хотел взять в объятия весь легион.

— Я целиком ваш, ребята. Я твердо знаю: нет вас — нет и меня. И именно вы должны принять окончательное решение. Идем ли мы в Италию, чтобы отомстить за наших плебейских трибунов и вновь обрести наше *dignitas*? Или мы повернемся кругом и возвратимся в Равенну? Что вы решите? Идти дальше или вернуться?

Никто не двинулся. Не вздохнул, не кашлянул, не чихнул. Тишина была очень долгой. Потом вперед выступил старший центурион.

— Мы идем дальше! — крикнул он.

— Идем! Идем! Идем! — подхватили легионеры.

Цезарь сошел с возвышения и пошел вглубь рядов, улыбаясь, пожимая протянутые к нему руки, пока не скрылся среди тускло поблескивающих кольчуг.

— Что за человек! — поделился своим впечатлением Поллион с Оркой.

Вечером Цезарь ужинал со своими офицерами и четырьмя беглецами из Рима, умытыми и одетыми в кожаные доспехи.

— Гиртий, моя речь записана? — спросил он.

— Сейчас ее копируют, Цезарь.

— Я хочу, чтобы ее разослали по всем моим легионам.

— Они с нами? — спросил Целий. — Я имею в виду командиров оставшихся в Галлии войск.

— Все, кроме Лабиена.

— Это неудивительно, — пробормотал Курион.

— Почему он не с тобой? — опять спросил Целий. Меньше всех информированный, он задавал много вопросов, каких не стоило бы задавать.

Цезарь пожал плечами.

— Я так решил.

— Как твои легаты узнали о твоих планах?

— В октябре я был в Длинноволосой Галлии и, естественно, виделся с ними.

— Значит, ты уже тогда все спланировал?

— Дорогой мой Целий, — терпеливо пустился в объяснения Цезарь. — Рубикон всегда был одним из вариантов. Но — самым крайним из них. И, как тебе хорошо известно, я прилагал все силы, чтобы дело до него не дошло. Однако лишь дурак не рассматривает все

стратегические ходы. Скажем так, к октябрю я считал Рубикон скорее вероятностью, чем единственным выходом из положения.

Целий снова открыл рот, но тут же закрыл — после тычка Куриона.

— А что же теперь? — спросил Квинт Кассий.

— Думаю, что мои противники поработали плохо и что простому люду я нравлюсь больше, чем они и Помпей, — сказал Цезарь, отравляя в рот кусок хлеба, предварительно смоченный маслом. Он разжевал его, проглотил и снова заговорил. — Я намерен разделить наш тринадцатый. Антоний, ты возьмешь пять младших когорт и без проволочек пойдешь к Арретию, чтобы присматривать за Кассиевой дорогой. Курион, ты с тремя когортами останешься здесь, пока не получишь приказ идти к Игувию, чтобы выбить оттуда Терма. Я же возьму две старшие когорты и пойду дальше — в Пицен.

— Это всего лишь тысяча солдат, Цезарь! — хмуро заметил Поллион.

— Этого должно хватить. А если не хватит, я призову Куриона. Он остается здесь на какое-то время именно для того.

— Все правильно, — произнес раздумчиво Гиртий. — Имеет значение не количество войск, а качество тех, кто командует ими. Вероятно, Аттий Вар окажет какое-то сопротивление. Но Терм, Гирр и Лентул Спинтер? Они не способны вести за собой даже овцу на веревке.

— Твои слова непонятно почему напомнили мне, — сказал Цезарь, — что надо бы написать Авлу Габинию. Пора наконец вернуть из ссылки этого храбреца.

— А Милона? — попытался похлопотать за приятеля Целий.

— Милона — нет, — коротко бросил Цезарь, и на этом трапеза завершилась.

— Ты заметил, — сказал Целий чуть позже, обращаясь к Поллиону, — что он говорит так, словно возвращать из ссылок людей в его власти? Похоже, он уверен в победе.

— Он не уверен, — сказал в ответ Поллион. — Он точно знает, что победит.

— Но ведь на все воля богов, Поллион!

— А кто их любимец? — спросил Поллион, улыбаясь. — Помпей? Катон? Ерунда! Удача сопутствует тем, кто ее не упускает. Шансы на

благосклонность Фортуны имеются у любого. Но мы, слепцы, их не видим. А он видит все. И обращает все обстоятельства в свою пользу. Вот почему он любимец богов. Им нравятся умные люди.

Цезарь, оставив Аримин, не очень спешил и далеко не ушел. Вечером четырнадцатого января он велел своим двум когортам разбить временный лагерь. Он решил дать Сенату возможность с ним снестись, ибо проливать кровь соотечественников ему не хотелось. Посланцы Сената и впрямь вскоре прибыли. Очень усталые, на загнанных лошадях. Луций Цезарь-младший, сын родича Цезаря, находящегося в Нарбоне, и еще один молодой сенатор — Луций Росций. Оба принадлежали к партии *boni*, и Луций Цезарь-старший весьма сокрушался, что славное древо Юлиев портит столь странный побег — его сын.

— Нас послали спросить, на каких условиях ты удалишься в Италийскую Галлию, — сухо сказал Луций Цезарь-младший.

— Понимаю, — ответил Цезарь, задумчиво глядя на него. — А ты не думаешь, что сначала надо бы поинтересоваться, как дела у твоего отца?

Луций Цезарь-младший покраснел.

— Поскольку о нем нет известий, Гай Цезарь, я думаю, с ним все в порядке.

— Да, с ним все в порядке.

— И каковы же твои условия?

Глаза Цезаря изумленно расширились.

— Луций, Луций, немного терпения! Мне надобно несколько дней, чтобы сформулировать их. А тем временем ты и Росций отправитесь вместе со мной на юг.

— Это измена, родственник.

— Раз уж меня обвинили в ней прежде, чем я перешел Рубикон, то какая, собственно, разница, Луций?

— У меня письмо от Гнея Помпея, — прервал Росций их пикировку.

— Благодарю, — сказал Цезарь, принимая письмо. После паузы он поднял глаза. — Вы еще здесь? Ступайте. Гиртий вам все укажет.

Молодым сенаторам не понравилось, что изменник отечества отсылает их со столь царственным небрежением, но пришлось уйти.

Цезарь распечатал письмо.

Цезарь, какая достойная сожаления ситуация! Должен признаться, я никак не думал, что ты на это пойдешь. С единственным легионом! Ты проиграешь. Ты не можешь выиграть. Италия полна войск.

Собственно, я обращаюсь к тебе с просьбой поставить интересы Республики выше своих собственных интересов. Как сделал я. Честно говоря, мне было бы выгодней держать твою сторону, так ведь? Вместе мы бы правили миром. А порознь нам этого не добиться. Вспомни, ты сам мне о том говорил. В Луке, лет шесть назад. Или семь? Точно, семь. Как летит время! Семь лет мы не виделись. Целых семь лет!

Надеюсь, тебя не оскорбляет тот факт, что я в оппозиции к тебе. Здесь нет ничего личного, уверяю тебя. Я решил, что так будет лучше как для Республики, так и для Рима. Да ты и сам наверняка понимаешь, что вооруженным путем в нашем отечестве ничего добиться нельзя. Сулла тоже, правда, вторгся в Италию, но он не мятежник. Он просто предъявил свои права на то, что по закону принадлежало ему. Но мятежи у нас никогда не увенчиваются успехом. Посмотри на Лепида с Брутом. Вспомни о Катилине. Ты стремишься к тому же? К позорной смерти? Подумай, Цезарь, подумай. Я боюсь за тебя.

И очень прошу, отбрось свои амбиции, успокойся. Ради нашей любимой Республики! Если ты так поступишь, я абсолютно уверен, что Сенат найдет возможность прийти с тобой к соглашению. Обещаю, я сделаю для этого все. Я спокоен, я отринул амбиции. Ради Республики. Прежде всего и всегда думай о Риме, Цезарь! Твои враги — такая же часть его, как и ты! Пожалуйста, образумься. Пришли нам с молодым Луцием Цезарем и Луцием

Росцием достойный ответ. И вернись в Италийскую Галлию. Это будет разумно и патриотично.

Криво улыбнувшись, Цезарь скатал свиток в шарик и бросил его на угли жаровни.

— Какой же ты лицемер, Гней Помпей! — сказал он, глядя, как шарик превращается в пепел. — Значит, по-твоему, у меня лишь один легион? Интересно, как бы ты запел, если бы знал, что я иду на юг только с двумя когортами? Тысяча человек, Помпей! Если бы ты знал, ты бы стал преследовать меня. Но ты этого не сделаешь. Ибо твои шестой и пятнадцатый легионы совсем не твои, а мои. Они сражались со мной. Как думаешь, подняли бы они мечи на своего прежнего командира?

Тысячи человек оказалось достаточно. Приморский город Пизавр приветствовал их криками и цветами. Цезарь тут же послал гонца к Куриону с приказом изгнать Терма из Игувия. Потом был город Фан — еще громче приветствия, еще больше цветов. Шестнадцатого января на глазах у посланцев Сената Цезарь принял сдачу Анконы. Опять приветствия, опять цветы. И — ни капли крови. Никаких признаков Лентула Спинтера с десятком когорт. Лентул ушел за Аскул. А поведение завоевателя ничуть не разочаровало капитулировавшие города. Никаких репрессий. И за все, что было реквизировано, щедро платили.

РИМ — КАМПАНИЯ

Тринадцатого января, за день до получения Цезарем письма Помпея, всадник на хромающей лошади подъехал с севера к Риму и пересек Мульвиев мост. Охрана, поставленная там после введения *senatus consultum ultimum*, сообщила прибывшему, что Сенат заседает в курии Помпея на Марсовом поле, и дала ему свежую лошадь. Проскакав еще несколько миль, он въехал прямо в пышущий роскошью перистиль и, спешившись, кулаком ударил по бронзе. Удивленный ликтор приоткрыл одну створку тяжелых дверей, но распахнулись вдруг обе.

— Стой! В Сенат нельзя входить при закрытых дверях! — вскричал ликтор.

— Почтенные отцы, у меня важные новости! — громко крикнул вошедший.

Все головы повернулись. Марцелл-младший и Лентул Крус поднялись с кресел, открыв в изумлении рты, а вестник тем временем искал взглядом Помпея.

— Какие новости, Ноний? — спросил Магн, узнав его.

— Гай Цезарь перешел Рубикон и идет на Аримин с одним легионом!

Привставший Помпей на мгновение замер, потом как-то вяло опустился в свое курульное кресло. Казалось, все тело его онемело, и он затих, не в силах промолвить ни слова.

— Это гражданская война! — прошептал Гай Марцелл-младший.

Лентул Крус, намного более решительный человек, чем его старший коллега, пошатываясь, вышел вперед.

— Когда? — спросил он с посеревшим лицом.

— Почтенный консул, он пересек Рубикон на своем боевом коне с тремя пальцами вместо копыт три дня назад перед самым заходом солнца.

— Юпитер! — взвизгнул Метелл Сципион. — Он сделал это!

Его крик словно открыл незримые шлюзы. Сенаторы бросились к дверям, они дрались, царапались, чтобы протиснуться в них, и через перистиль бежали в панике в город.

Не прошло и минуты, как в курии осталась лишь горстка boni. Способность мыслить и чувствовать вернулась к Помпею, и он встал.

— Идемте, — коротко бросил он, направляясь к боковой двери.

Корнелия Метелла не успела толком понять, что происходит. Гости стремительно ринулись в атрий, и она решила не вмешиваться во весь этот бедлам. Поэтому Помпей вынужден был сам вызвать управляющего, чтобы велеть ему позаботиться о своем усталом клиенте.

— Благодарю, — сказал он, хлопнув Нония по плечу.

Очень довольный своим вкладом в историю, Ноний ушел.

Помпей провел соратников в кабинет. Все, кроме него, тут же сгрудились вокруг консольного столика. Кто-то трясущимися руками стал разливать по чашам вино. Помпей же сел за рабочий стол, нимало не беспокоясь, как отнесутся к этому проявлению неуважения почтенные консулы и консуляры.

— Один легион! — сказал он, когда гости уселись, глядя на него, словно утопающие на единственный пробковый плот, пляшущий в бурном море. — Один легион!

— Он, должно быть, сошел с ума, — пробормотал Гай Марцелл-младший, вытирая лицо пурпурным окаймлением своей тоги.

Эти взоры, полные боли, изумления, страха, подействовали на Помпея сильнее, чем подействовало бы вино. Он положил руки на стол, прочистил горло и сказал со строгостью в голосе:

— Проблема не в том, безумен ли Цезарь. Проблема в том, что он бросил нам вызов. Он бросил вызов Сенату и народу Рима. С одним легионом он перешел Рубикон, с одним легионом идет на Аримин, с одним легионом намеревается покорить всю Италию. — Помпей пожал плечами. — Ему это не удастся. Сам Марс не сумел бы.

— Из всего, что мне известно о Марсе, я могу сделать вывод, что Цезарь лучше его как военачальник, — сухо сказал Гай Марцелл-старший.

Не обратив внимания на эти слова, Помпей посмотрел на Катона, который помалкивал с тех самых пор, как Ноний ворвался в курию, хотя к чаше своей он прикладывался исправно.

— Марк Катон, — обратился к нему Гней Помпей, — что ты нам скажешь?

— Я считаю, — проскрежетал в ответ Катон, — что тот, кто заварил кашу, должен ее и расхлебывать.

— Иными словами, ты тут ни при чем, а я должен отдуваться?

— Я политик, а не воин.

Помпей глубоко вздохнул.

— Значит ли это, что я могу действовать? — спросил он у старшего консула. — Могу или нет?

— Да, конечно, — ответил за Гая Марцелла-младшего Лентул Крус, поскольку молчание затянулось.

— Тогда, — сказал Помпей, — первое, что мы должны сделать, это послать к Цезарю двух человек, сразу и галопом.

— Зачем? — поинтересовался Катон.

— Чтобы узнать, на каких условиях он вернется в Италийскую Галлию.

— Он не вернется.

— Посмотрим. — Помпей прошелся взглядом по лицам и выделил из них два. — Луций Цезарь и Луций Росций, поедете вы. По Фламиниевой дороге, меняя лошадей столь часто, насколько это возможно. Не останавливайтесь даже по малой нужде. Дуйте прямо с седел, но не против ветра. — Он подтянул к себе бумагу, взял в руки перо. — Вы — официальные посланцы Сената, включая его магистратов. Говорите с Цезарем с этих позиций и передайте письмо. — Он вымученно улыбнулся. — Я попытаюсь убедить его, что забота о благе Республики выше личных амбиций.

— Цезарь хочет монархии, — сказал Катон.

Помпей не отвечал, пока не написал письма и не посыпал его песком. Затем он свернул его свитком и запечатал воском.

— Мы не узнаем, чего хочет Цезарь, пока он не скажет нам. — Он прижал кольцо к воску, передал письмо Росцию. — Держи ты, Росций, как мой посланец. Луций Цезарь будет говорить от имени Сената. А теперь идите. Попросите у управляющего лошадей — они лучше, чем те, которых вы найдете в другом месте. Мы находимся в северной части города, так что, отправившись прямо отсюда, вы сэкономите время.

— Но мы не можем скакать верхом в тогах! — возразил Луций Цезарь.

— Управляющий подыщет вам надлежащее одеяние. Ничего страшного, если оно будет чуточку велико. Ну же, ступайте!

Посланцы ушли.

— Спинтер в Анконе, и у него столько же людей, сколько у Цезаря, — просиял вдруг Метелл Сципион. — Он справится с ним.

— Спинтер, — сказал, ощерясь, Помпей, — все еще думает, посылать ли войска в Египет, хотя Габиний давным-давно восстановил на троне Птолемея Авлета. Думаю, нам нечего ждать от него решительных действий. Я напишу Агенобарбу, чтобы он присоединился к нему. А также Аттию Вару. И будем ждать новостей.

Однако новости были неутешительными. Цезарь занял Армин, потом Пизавр, потом Фан. Его встречали криками и цветами. И это очень беспокоило. Никто не думал о людях сельской Италии и малых и больших городов. Особенно в Пицене, владениях Помпея. Узнать сейчас, что Цезарь продвигается без сопротивления — только с двумя когортами! — платя за еду и никого не трогая, было просто убийственно.

В довершение ко всему вечером семнадцатого января пришли две вести. Первая — что Лентул Спинтер и десять когорт новонабранных войск ушли из Анконы в Аскул. Вторая — что Анкона приняла Цезаря с бурным восторгом. Сенат немедленно собрался.

— Невероятно! — кричал обыкновенно невозмутимый Филипп. — С пятью тысячами солдат Спинтер не решился дать отпор тысяче! Что я делаю в Риме? Почему я сейчас не у ног Цезаря? Этот человек всех вас обошел! Правильно он вас называет: кабинетные генералы! И ты, Магн, видимо, точно такой же, как они.

— Я не отвечаю за действия Спинтера! — заорал Помпей. — Не я его назначал! Если ты помнишь, Филипп, это было решением всей Палаты! И ты голосовал за него!

— А если бы я проголосовал за то, чтобы Цезаря сделали царем Рима?

— Заткни свою гнусную пасть, провокатор! — взвизгнул Катон.

— А ты, лицемерный мешок с дерьмом, заткни свою! — крикнул в ответ Филипп.

— Тихо! — устало сказал Гай Марцелл-младший.

Это сработало лучше, чем окрик. Филипп и Катон сели, зло косясь друг на друга.

— Мы собрались, чтобы решить, что нам делать, — продолжил Марцелл, — а не для бессмысленной перебранки. Как вы думаете,

бранятся ли в штабе Цезаря? Думаю, там это просто недопустимо. Почему же мы, консулы Рима, должны это допускать?

— Потому что консулы Рима — слуги народа, а Цезарь ведет себя как его господин! — резко заявил Катон.

— Ох, Марк Катон, вечно ты пререкаешься, мутишь воду. Мне нужны ясные четкие предложения, мне не нужны не относящиеся к делу сентенции и идиотские заявления. В стране назрел кризис. Как нам с этим быть?

— Я предлагаю, — сказал Метелл Сципион, — назначить Гнея Помпея Магна командующим всеми войсками Рима. Фактически он таковым и является, но Палата должна это подтвердить.

— Поддерживаю, Квинт Сципион, — крикнул Катон. — Создавший кризис пусть его и ликвидирует. Пусть Гней Помпей займет этот пост.

— Ты! — огрызнулся Помпей, весьма уязвленный тем, что к его имени не добавили «Магн». — Ты уже нес на днях что-то подобное, и я возмущен! Я не автор этого кризиса! Это ты его создал, Катон! Ты и все твои boni! А теперь ты ждешь, что я вытащу Рим из навозной кучи! И тебя заодно! Что ж, я сделаю это. Но отнюдь не из-за меня мы барахтаемся в этом дерьме! Вيني лишь себя!

— К порядку! — вздохнул Марцелл-младший. — К порядку! Ставлю предложение на голосование, но не думаю, что нам надо делиться. Достаточно поднять руку и крикнуть «да».

Палата приняла предложение практически единогласно. Марк Марцелл встал.

— Почтенные отцы! — сказал он. — Марк Цицерон сообщает, что вербовка в Кампании идет очень медленно. Как ускорить этот процесс? Нам нужно много солдат.

— Ха! — фыркнул Фавоний, весьма недовольный тем, с какой резкостью пиценский мужлан отделал его драгоценнейшего Катона. — Кое-кто не так давно похвалялся, что ему достаточно выйти из паланкина, чтобы поднять всю Италию. Интересно, что он скажет теперь?

— У тебя, Фавоний, четыре ноги, усы и голый хвост! — отрезал Помпей. — Заткнись!

— Отвечай, Гней Помпей! — потребовал Гай Марцелл-младший.

— Очень хорошо. Я отвечу! Если с вербовкой что-то не получается, спрашивать надо с вербовщика, а не с кого-то еще. Марк Цицерон, вероятно, сейчас расшифровывает какую-нибудь заумную рукопись, вместо того чтобы заниматься порученным делом. Но теперь эта работа поручена мне! Риму нужны солдаты, и я получу их, если под моими ногами не будут путаться крысы, шмыгающие вдоль сточных канав!

— Это я, по-твоему, крыса? — пронзительно взвизгнул Фавоний.

— Сядь, тупица! Я назвал тебя крысой давным-давно! Займись делом, Марк Фавоний, и постарайся использовать то, что у тебя вместо мозгов!

— Тихо, тихо! — пробормотал Марцелл-младший.

— Отсюда, собственно, все наши беды, — гневно продолжил Помпей. — Каждый из вас горазд молотить языком! Всем вам кажется, что таким образом можно влиять на события — красноречиво, ни за что лично не отвечая, зато в подлинно демократическом стиле. Так вот что я вам скажу! Армиями нельзя управлять по принципу демократии, или они неминуемо потерпят крах. Есть главнокомандующий, и его слово — закон! Закон! Я теперь главнокомандующий, и я не позволю, чтобы мне докучали некомпетентные идиоты!

Он поднялся и вышел в центр площадки.

— Я объявляю *tumultus*! Чрезвычайное положение ввиду начавшейся гражданской войны! Я объявляю, а не вы! Вы исчерпали свои возможности, предоставив мне пост верховного полководца! И теперь будете делать, что я говорю!

— Смотри что, — растягивая слова, произнес Филипп и усмехнулся.

Помпей предпочел проигнорировать это высказывание.

— Я приказываю всем сенаторам немедленно покинуть Рим! Сенатор, к послезавтрашнему утру оставшийся в Риме, будет считаться сторонником Цезаря! Последствия не заставят себя ждать!

— О боги! — шумно вздохнув, сказал Филипп. — Зимой в Кампании весьма неуютно! Мой римский дом в эту пору мне намного милей.

— Пожалуйста, оставайся! — взорвался Помпей. — С тобой и так все ясно. Ведь ты женат на племяннице Цезаря!

— Не забывай, что я также тесть Катона, — промурлыкал Филипп.

Приказ Помпея только усугубил общий переполох, вызванный вестью, что Цезарь движется к Риму. Люди имущие, особенно всадники, на все лады повторяли ужасное слово, знакомое им еще со времен Суллы. Проскрипции! Списки врагов Рима, прикрепленные к ростре. Любого, кто в них занесен, разрешалось при встрече убить. Имущество и деньги убитых конфисковались. Умертвив две тысячи всадников и сенаторов, Сулла изрядно пополнил пустую казну.

Считалось само собой разумеющимся, что Цезарь последует примеру Суллы. Ведь все повторялось. Сулла высадился в Брундизии, и марш его также был триумфальным! Простые люди рукоплескали ему, бросали цветы. Он тоже, кстати, платил за еду для солдат. В конце концов, в чем разница между Корнелиями и Юлиями? И те и другие по знатности и положению вознесены так высоко, что какие-то коммерсанты для них не более чем пыль под ногами.

Только Бальб, Оппий, Рабирий Постум и Аттик пытались погасить панику, объясняя перепуганным римлянам, что Цезарь совсем не Сулла, что он лишь хочет защитить свое достоинство, свою честь, что ему равно претят как диктаторство, так и бессмысленные убийства. Цезарь просто намеревается урезонить маленькую клику сенаторов, тупо, жестоко и совершенно безосновательно пытавшихся его уничтожить, после чего все вновь пойдет своим чередом.

Но это не помогло. Никто не слушал увещаний, здравый смысл покинул людей. Надвигается катастрофа. С обязательными расправами, с безудержным грабежом. С проскрипциями? Помпей, кстати, тоже говорил о проскрипциях, о тысячах римлян, которых следует сбросить с Тарпейской скалы! Как теперь выжить, находясь между гарпией и сиреной? Кто бы ни выиграл, всадники обязательно пострадают!

Сенаторы же, лихорадочно пакующие сундуки, составлявшие новые завещания и пытавшиеся объяснить что-то женам, не имели ни малейшего представления, почему их гонят из Рима. Им приказали, и все! Оставшихся будут считать пособниками врага, равно как и их сыновей старше шестнадцати лет. Хорошо хоть, что дочерей это никак не касалось. Но дочери все равно дрожали от страха, а те, у кого был назначен день свадьбы, рыдали. Банкиры с клерками бегали от одного клиента к другому, судорожно извиняясь за временную нехватку наличных. И не пытайтесь продавать землю: она сейчас мало что стоит.

Неудивительно, что во всей этой суматохе самое важное от всех ускользнуло. Ни Помпей, ни Катон, ни трое Марцеллов, ни Лентул Крус, ни кто-либо еще даже и не подумали о римской казне.

Восемнадцатого января сотни нагруженных под завязку телег выкатывались из Капенских ворот, чтобы направиться к Неаполю, Формиям, Помпеям, Геркулануму, Капуе. Оба консула и почти все сенаторы уехали из Рима. Они оставили там государственную казну, доверху набитую золотом и деньгами, не говоря уже о неприкосновенных запасах золота, хранящихся в храмах Опы, Юноны Монеты, Геркулеса Оливкового и Меркурия, а также о тысячах других сундуков, заполнявших подвалы храмов Юноны Люцины, Ювента, Венеры Либитины и Венеры Эруцины. Единственным человеком, который требовал с казны какие-то деньги, был Агенобарб. Он запросил и получил шесть миллионов сестерциев, чтобы заплатить рекрутам, которых намеревался набрать среди пелигнов и марсов. Для государственных капиталов — мизерный, неощутимый урон.

Правда, не все сенаторы подчинились приказу. В числе тех, кто не покинул Рим, были Луций Аврелий Котта, Луций Пизон Цензор и Луций Марций Филипп. Девятнадцатого января, видимо чтобы поддержать друг друга, они собрались в доме Филиппа.

— Я недавно женился, жена моя только что разродилась, — сказал Пизон, демонстрируя скверные зубы. — Не могу же я вдруг помчаться куда-то, словно сардинский бандит за овцой!

— Ну а я, — сказал Котта, чуть улыбаясь, — остался потому, что не верю, что моему племяннику надерут зад. Я не знаю случая, когда он поступил бы необдуманно, несмотря на всю свою репутацию записного авантюриста.

— А я никуда не двинулся, потому что слишком ленив. Хм! — фыркнул Филипп. — Подумать только, тащиться в Кампанию, когда на носу холода! Виллы пусты, слуг не дозваться, а из еды — одна лишь капуста!

Это всем показалось смешным, и пиршество пошло веселее. Пизон, правда, не рискнул привести свою новую женушку, Котта был вдовец, но Атия, племянница Цезаря и супруга Филиппа, сочла возможным украсить собой мужскую компанию. С ней был и ее тринадцатилетний сын Гай Октавий.

— А что ты обо всем этом думаешь, молодой человек? — спросил Котта, его двоюродный прадед.

Мальчишка, которого он знал хорошо, ибо Атия регулярно его навещала, весьма ему нравился. Не так, конечно, как Цезарь в стародавние дни. Тот был безупречен, а у Гая Октавия несколько оттопырены уши. И — при всей родовой белокурости — у него слишком большие глаза. Ясные, серые, они не таили угрозы, но и не давали возможности в них что-то прочесть. Хмурясь, Котта искал точное слово и наконец нашел его. Защищенность. Да, верно. Взгляд мальчика, внешне такой открытый и искренний, что-то очень надежно в нем защищал.

— Я думаю, дядя Котта, что он победит.

— Мы тоже так думаем. Но обоснуй свое мнение.

— Просто он лучший. — Молодой Гай Октавий взял ярко-красное яблоко и вонзил в него ровные белые зубы. — В битвах ему нет равных. Помпей проигрывает в сравнении с ним. Оба — хорошие организаторы, но у первого нет блестящих сражений, а у Цезаря их не счесть.

— Ну, под Герговией он отнюдь не блеснул.

— Да, но его там все-таки не побили.

— Хорошо, — согласился Котта. — Это война. Что еще?

— Цезарь бьет Магна и как политик. Он никогда не берется за безнадежные предприятия и никогда не полагается на людей, которые могут его подвести. И как оратор он лучше, и как юрист, и как провидец.

Слушая все это, Луций Пизон ощутил в себе растущую неприязнь. Сопляк не должен поучать старших, как ментор! Кем себя мнит этот красавчик? Он и впрямь слишком красив. Через годок начнет подставлять свою задницу. Это чувствуется. Слишком неестественный мальчик.

Двадцать второго января Помпей, консулы и сенаторы достигли Теана Сидицинского на севере Кампании и там остановились, чтобы прийти в себя. Хвост кометы Помпея тут же стал таять. Многие разбежались по своим уже запертым на зиму виллам, другие нашли иные прибежища, не желая находиться там, где Помпей.

Тит Лабиен ждал. Помпей приветствовал его как брата, даже обнял и поцеловал.

— Откуда ты? — спросил он.

— Из Плаценции, — сказал Лабием, откидываясь на спинку кресла.

Катон, три Марцелла, Лентул Крус и Метелл Сципион тревожно переглянулись. Прежний плебейский трибун Лабием за десять лет своего отсутствия сильно переменился. Теперь это был выдавший виды солдат, жесткий, надменный, авторитарный. Некогда черные кудри подернулись серебром, тонкогубый темный рот напоминал свежий шрам, а большой крючковатый нос придавал ему сходство с орлом. В узких черных глаза светились высокомерие и тот интерес, с каким сорванцы глядят на мух, прикидывая, не оторвать ли им крылья.

— Когда ты уехал из Плаценции? — спросил Помпей.

— Через два дня после того, как Цезарь перешел Рубикон.

— Сколько легионов в Плаценции? Они, вероятно, уже спешат к нему на помощь?

Седеющая голова запрокинулась, темные губы раздвинулись, обнажая огромные желтые зубы. Лабием оглушительно расхохотался.

— О боги, ну вы и глупцы! В Плаценции нет легионов! И никогда не было. С Цезарем только тринадцатый легион, вымуштрованный в Тергесте. А пока проходили учения, он вообще сидел в Равенне без войск. Он считает, что ему достаточно одного легиона. И, судя по тому, что я вижу, похоже, он прав.

— Тогда, — медленно проговорил Помпей, начиная в уме пересматривать свой план перенести войну за пределы Италии, — я могу выступить и запереть его в Пицене. Если только Лентул Крус и Аттий Вар уже не сделали этого. Видишь ли, Цезарь разделил свой тринадцатый. Антоний с пятью когортами пошел к Арретию, а... — он поморщился, — а Курион с тремя когортами изгнал Терма из Игувия. Сейчас с Цезарем лишь две когорты.

— Тогда почему вы здесь? — сурово спросил Лабием. — Вы должны уже быть на полпути к Адриатическому побережью!

Помпей зло покосился на трех Марцеллов.

— Меня убедили, — сказал он с большим достоинством, — что у Цезаря не менее четырех легионов. И хотя мы слышали, что у него на марше только один легион, мы посчитали, что другие легионы идут за ним следом.

— А мне сдается, — возразил Лабиен, — что ты вообще не хочешь драться с Цезарем, Магн.

— Мне тоже, — тут же добавил Катон.

Неужели ему никогда не избавиться от язвительного критиканства? Разве не он здесь самый главный? Разве этим невеждам не было сказано, что демократия несовместима с армией? А теперь к их постоянному твяканью присоединился и Тит Лабиен!

Помпей, сидя, выпрямился и выпятил грудь. Кожаная кираса его затрещала.

— Послушайте все вы, — сказал он с похвальной сдержанностью. — Тут команду я! И я буду и впредь поступать так, как сочту нужным. Пока мои разведчики мне не доложат, что и где сейчас делает Цезарь, я буду выжидать. Если ты прав, Лабиен, тогда нет проблем. Мы пойдем в Пицен и покончим с Цезарем. Но самое важное сейчас — уберечь Италию от разрухи. Я поклялся не вести боевых действий на ее территории, если нынешняя война примет размеры прошлой. Страна оправлялась после нее на двадцать лет. Я ничего подобного больше не допущу! И буду ждать донесений. А потом приму решение, стоит ли попытаться сковать Цезаря здесь или отойти с моей армией на Восток. Прихватив с собой, разумеется, правительство Рима.

— Покинуть Италию? — взвизгнул Марк Марцелл.

— Да, как должен был бы сделать Карбон.

— Сулла разбил Карбона, — напомнил Катон.

— На италийской земле. В этом вся суть.

— Вся суть в том, — сказал Лабиен, — что ты сейчас мало чем отличаешься от Карбона. У тебя очень слабое войско, слишком сырое, чтобы иметь дело с армией ветеранов галльской войны.

— У меня в Капуе шестой и пятнадцатый, — сказал Помпей. — Подумай, Лабиен, можно ли их назвать слишком сырыми?

— Шестой и пятнадцатый служили у Цезаря.

— Но они очень им недовольны, — сказал Метелл Сципион. — Нам сообщил о том Аппий Клавдий.

«Они как дети, — удивленно подумал Лабиен. — Верят всем на слово, ничего не анализируют. Что случилось с Помпеем? Я служил с ним на Востоке, и он не был таким. Он кажется запуганным. Но кто его запугал? Цезарь или вот эта пестрая шайка?»

— Дорогой Сципион, — очень медленно и отчетливо произнес Лабиен. — Войска Цезаря просто не могут быть им не довольны! Мне наплевать, кто и что вам наговорил. Я с ним служил, я знаю. — Он повернулся к Помпею. — Магн, действуй не мешкая! Возьми пятнадцатый и шестой, возьми всех новобранцев. Ударь по Цезарю прямо сейчас! Если ты не решишься на это, к нему придет помощь. Я сказал, что в Итальянской Галлии нет никаких легионов, но долго так продолжаться не может. Легаты Цезаря всецело ему преданы. И если надо, умрут за него.

— А как же ты, Лабиен? — спросил Гай Марцелл-старший.

Темная жирная кожа стала пурпурной. Лабиен помолчал, потом сказал с металлическим холодком:

— Что бы ты там ни думал, Марцелл, я предан лишь Риму. Цезарь действует как предатель. Я не хочу быть предателем. Ты сомневаешься в этом?

Куда все это могло завести, осталось неясным. Вошли двое — Луций Цезарь-младший и Луций Росций.

— Когда вы выехали от Цезаря? — нетерпеливо спросил Помпей.

— Четыре дня назад, — ответил Луций Цезарь-младший.

— За четыре дня, — сказал Лабиен, — любой офицер Цезаря может покрыть четыреста миль. А вы покрыли не более полутора сотен.

— Кто ты такой, чтобы нас упрекать? — ледяным тоном спросил Луций Цезарь.

— Я — Тит Лабиен, юноша. — Лабиен смерил молодого Луция Цезаря презрительным взглядом. — Твое лицо говорит мне, кто ты. А еще оно говорит, что своему родителю ты не опора.

— Хватит! — рявкнул Помпей, теряя терпение. — Говорите о главном!

— Цезарь вошел в Авксим, который приветствовал его очень радушно. Аттий Вар и его пять когорт отступили, но Цезарь послал следом за ними одну из своих центурий. Аттий Вар потерпел поражение. Почти все его люди сдались. Некоторые разбежались.

Воцарилось молчание, через какое-то время нарушенное Катонем.

— Одна центурия, — медленно произнес он. — Восемьдесят человек. Против двух тысяч.

— Дело в том, — с готовностью пояснил Луций Росций, — что солдаты Вара победить не могли. Они тряслись при одной мысли о схватке. Но как только Цезарь согласился взять их под начало, боевой дух к ним мгновенно вернулся. Поразительно, да?

— Нет, — криво улыбаясь, сказал Лабиен. — Это нормально.

Помпей сдержался и тут.

— Цезарь выдвинул нам условия?

— Да, — ответил молодой Луций Цезарь. Он глубоко вдохнул и скороговоркой отбарабанил: — Вот условия Цезаря, Гней Помпей. Первое: ты и Цезарь должны распустить свои армии. Второе: ты должен немедленно отбыть в Испанию. Третье: набранные за это время войска должны быть распущены. Четвертое: господство террора должно прекратиться. Пятое: должны быть проведены свободные выборы и возврат к конституционному правлению как Сената, так и народа. Шестое: ты и Цезарь должны встретиться, обсудить ваши разногласия и прийти к соглашению, скрепив его клятвой. Седьмое: при достижении соглашения Цезарь сам передаст свои провинции сменщику. И восьмое: Цезарь должен получить право лично участвовать в консульских выборах.

— Бред! — воскликнул Катон. — Он же не думает, что мы это примем! Ничего более абсурдного я никогда не слышал!

— То же сказал и Цицерон, — кивнул молодой Луций Цезарь. — Совершенный абсурд.

— И где же это ты встретился с Цицероном? — с вкрадчивой мягкостью спросил Лабиен.

— На его вилле, недалеко от Минтурн.

— Минтурны? Станный, однако, ты выбрал маршрут!

— Нам нужно было помыться. Наше пребывание у Цезаря чересчур затянулось. От нас дурно пахло.

— И как это я сам не сообразил? — вяло спросил Лабиен. — От вас, значит, пахло. А от Цезаря пахло? Или от его офицеров?

— От Цезаря — нет. Но он моется ледяной водой!

— Правильно делает. Только так можно добиться, чтобы от тебя хорошо пахло в военную пору.

Помпей громко кашлянул.

— Прекратите. Ну что ж, теперь мы имеем его условия. Он предъявил их официально, какими бы абсурдными они ни были. Но я

согласен с Катонем. Он не относится к ним серьезно, а просто тянет время.

Он крикнул:

— Вибуллий! Сестий!

Вошли два префекта: Луций Вибуллий Руф, инженер, и Сестий, кавалерист.

— Вибуллий, поезжай в Пицен, найди там Лентула Спинтера и Аттия Вара. Убеди их как можно скорее выступить против Цезаря. У него только две когорты, поэтому они смогут его побить — если им удастся объяснить это своим солдатам! От моего имени заставь их сделать это.

Вибуллий Руф отсалютовал и ушел.

— Сестий, ты едешь к Цезарю. Скажешь ему, что его условия неприемлемы, пока он не освободит незаконно занятые города и не вернется в Италийскую Галлию. Эти шаги с его стороны я приму как знак доброй воли. Подчеркни, что никакие соглашения невозможны, пока он опять не пересечет Рубикон.

Публий Сестий, префект кавалерии, отсалютовал и ушел.

— Вот хорошо! — сказал довольно Катон.

— Что Цезарь подразумевает под словами «господство террора»? Какое еще господство террора? — спросил Метелл Сципион.

— Мы с Росцием думаем, — сказал Луций Цезарь-младший, — что имеется в виду паника в Риме.

— Ах, это! — фыркнул Метелл Сципион.

Помпей прочистил горло.

— Итак, уважаемые сенаторы, наши пути расходятся, — сказал он с большим удовлетворением, чем Катон и Метелл Сципион, вместе взятые. — Завтра мы с Лабиемом отбудем в Ларин. Шестой и пятнадцатый уже на марше. Консулы, вы поедете в Капую, чтобы ускорить вербовку. Если увидите Цицерона, скажите ему, чтобы взялся за ум. Чем он занят в Минтурнах? Уж конечно, не делом! Наверное, строчит письма Атику и боги ведают кому еще!

— А из Ларина, — поинтересовался Катон, — ты пойдешь на север к Пицену?

— Там посмотрим, — ответил Помпей.

— Я понимаю, консулы нужны в Капуре, — сказал Катон, оживляясь, — но мы, разумеется, едем с тобой.

— Нет, не едете! — Помпей выпятил подбородок. — Вы тоже отправитесь в Капую. У Цезаря там пять тысяч гладиаторов, их надо как-то рассеять. К сожалению, у нас нет тюрем, но вы, полагаю, все-таки разрешите эту проблему. В Ларин меня будет сопровождать только Тит Лабие.

Это правда, что Цицерон тянул время и никакой вербовкой не занимался, ни в Минтурнах, ни тем более в Мизене, куда успел уже перебраться со всей своей свитой, которую составляли Квинт Цицерон, Квинт Цицерон-младший и его собственный сын Марк. Плюс двенадцать ликторов с фасциями, перевитыми лавром, ибо Цицерон был триумфатором, еще не удостоившимся триумфа. Очень надоедает, когда твои родичи все время мельтешат где-то рядом, но постоянное присутствие сытого и разряженного эскорта усугубляет эту доuku втройне. Цицерон не имел права и шагу сделать без этих ребят. Малиновые туники, перехваченные широкими кожаными поясами, медные, начищенные до блеска эмблемы, топорики в фасциях из тридцати прутьев — импозантно, конечно. Но все это не для серьезных, обремененных раздумьями о судьбе государства людей.

В Мизене странствующего мыслителя посетил не кто иной, как многообещающий молодой адвокат Гай Требатий Теста, уже оставивший службу у Цезаря, но глубоко впитавший в себя дух, царивший в его окружении. Он пришел просить Цицерона вернуться в Рим, который очень нуждался в умных и проницательных консулярах.

— Я никуда не поеду по приказу изгой! — возмущенно ответил ему Цицерон.

— Марк Цицерон, Цезарь отнюдь не изгой, — возразил умоляющим тоном Требатий. — Он просто хочет восстановить свое попранное достоинство и не желает Италии зла. Наоборот, он полагает, что его присутствие в Риме обеспечит всем римлянам долгожданный покой.

— Пусть полагает, что хочет! — огрызнулся Цицерон. — Я — за республику, а не за тиранию. Цезарь твой метит в цари, да и Помпей, кстати, тоже. Ха! Царь Магн! Нелепее ничего и придумать нельзя.

После такой отповеди Требатию ничего не осталось, как удалиться.

А потом пришло письмо от самого Цезаря, судя по его лаконичности, весьма раздраженного.

Дорогой Цицерон! Ты один из немногих людей, втянутых в дурно пахнущую историю, но обладающих предвидением и смелостью выбрать промежуточную позицию. День и ночь я думаю о положении Рима, оставленного без руководства после достойного сожаления побега его правительства. Как еще можно назвать ситуацию, когда объявляют tumultus и покидают корабль? А ведь именно это и сделал Гней Помпей, подстрекаемый Марцеллами и Катонам. Несмотря на всю их риторику, им все равно, что станет с Римом. Обратных тому свидетельств, во всяком случае, нет.

Пожалуйста, вернись в Рим, ему это нужно. Тит Аттик, я знаю, хочет того же. Я очень рад, что он оправился после приступа малярии. Он плохо следит за своим здоровьем. Я помню, как мать Квинта Сертория, Рия выхаживала меня. Я тогда чуть не умер, но выжил. А она потом прислала мне письмо с указаниями, какие травы надо развешивать в своих покоях, какие бросать в жаровню, чтобы болезнь не вернулась. Это подействовало, Цицерон. С той поры малярия меня не треплет. Но хотя я и говорил Титу Аттику, что надо делать, он предпочел пустить все на самотек.

Пожалуйста, возвращайся домой. Не ради меня. Никто не сочтет тебя моим сторонником. Вернись ради Рима.

Но Цицерон не вернулся. Даже ради Рима. Поступив так, он сыграл бы на руку Цезарю. А этому, он поклялся, не бывать! Никогда!

Но кончился январь, начался февраль. Цицерон маялся, не знал, что делать. Любые вести не вызывали доверия. То его уверяли, что Помпей идет в Пицен, то говорили, что он сидит сиднем в Ларине, то утверждали, что его интенданты уже в Македонии и занимаются сборами фуража. Письмо Цезаря все кололо. В результате Цицерон и сам стал задумываться, почему Магна не заботит Рим? Почему он не защищает его? Почему?

К этому времени весь север Италии, от Аврелиевой дороги у Тусканского моря до Адриатического побережья, был открыт для Цезаря. Он контролировал все крупные дороги этого региона и знал, что никаких войск на них нет. Гирр убежал из Камерина, Лентул Спинтер убежал из Аскула. Цезарю принадлежал весь Пицен. А Помпей сидел в Ларине. Его посланец Вибуллий Руф встретил бегущего Лентула Спинтера и преградил ему путь с тем результатом, что сам принял под руку войско смятенного Лентула Спинтера и повел его в Корфиний к Агенобарбу.

Из всех легатов, которых Сенат разослал по Италии, как-то себя проявил только Агенобарб. Возле Фуцинского озера, в Альбе, он набрал два легиона марсов, а марсы были самым воинственным и горячим племенем в его клиентуре. Затем Агенобарб двинулся с ними к Корфинию на реке Атерн, решив защищать от Цезаря этот хорошо укрепленный город, а также располагавшуюся поблизости крепость Сульмон. Вибуллий привел к нему десять когорт Лентула Спинтера и пять когорт Гирра, бежавшего из Камерина. Таким образом, по мнению Цицерона, Агенобарб выглядел единственным серьезным препятствием на пути у Цезаря. Что до Помпея, то постепенно сделалось ясно, что от войны он уже поотвык.

Слухов о том, что Цезарь намеревается учинить, захватив Рим, было множество, и все они были ужасны. Он аннулирует все долги, он занесет всех всадников в проскрипционные списки, он разгонит действующий Сенат и составит новый из неимущих, которые годны лишь на то, чтобы делать детей. Поэтому письма Аттика, в которых тот утверждал, что ничего подобного не случится, словно бы проливали на все эти страхи бальзам.

«Не относись к Цезарю как к Сатурнину или Катилине, — писал Цицерону Аттик. — Он очень здравомыслящий человек. Не в его стиле доводить ситуацию до абсурда: отменять долговые обязательства и т. п. Он ведь хорошо понимает, что Рим стоит на коммерции. Поверь, Цицерон, Цезарь вовсе не радикал!»

О, как ему хотелось бы в это поверить! Но очень многие думали по-другому, да и сам он прекрасно помнил, как Цезарь разделался с ним в тот год, когда Катилина решил развалить государство, а Цицерон, будучи консулом, все это пресек. Цезарь тогда обвинил его в произволе,

заявив, что ни у кого нет права казнить римлян без следствия и суда. Результат — восемнадцать месяцев ссылки и ненависть Клодия.

— Ты законченный дурень! — сердито фыркнул Квинт Цицерон.

— Прошу прощения? — удивился великий мыслитель.

— Ты слышал меня! Ты дурак! Как ты можешь не видеть, что Цезарь очень честен, очень консервативен в политическом смысле и гениален как полководец? — Квинт Цицерон насмешливо фыркнул. — Он разобьет вас всех, Марк! Вон они обречены, сколько бы они ни болтали об их драгоценной Республике.

— Я повторяю то, что уже не раз говорил, — с большим достоинством сказал Цицерон. — Намного достойней проиграть вместе с Помпеем, чем выиграть с Цезарем!

— Ну, от меня того же не жди. Я служил у него. Он мне нравится. Клянусь всеми богами, я им восхищаюсь! И ни за что не стану сражаться против него. Даже и не проси меня, Марк!

— Я глава рода Туллийев Цицеронов! — вскричал Цицерон. — Ты обязан мне подчиняться!

— В семейных делах — безусловно. Но против Цезаря я никогда не пойду.

И с этой позиции его нельзя было сдвинуть.

Еще более жаркие споры разгорелись, когда в Формиях к мужской основе семейства Туллийев Цицеронов присоединилась его женская половина: жена Цицерона, дочь Цицерона, а также жена его младшего брата. Помпония, сестра Аттика, в сварливости превосходила Теренцию, на сей раз державшую (небывалая вещь!) сторону мужа. Помпония с Туллией стояли за Квинта. Вдобавок к этому сын последнего хотел вступить в легионы Цезаря, а сын главы раздираемого междоусобицей клана — в легионы Помпея.

— Папа, — сказала Туллия, не сводя с отца своих больших карих глаз, — я хочу, чтобы ты понял. Мой Долабелла считает, что Цезарь воплощает в себе все, чем могут гордиться римские аристократы.

— Он считает, а я это знаю, — не преминул добавить Квинт Цицерон.

— Да, отец, — тут же поддержал его Квинт Цицерон-младший.

— Мой брат говорит то же самое, — задиристо вставила Помпония.

— Вы все недоумки! — сделала вывод Теренция.

— Спешащие подлизаться к возможному победителю! — зло выкрикнул молодой Марк Цицерон.

— Замолчите! — рявкнул глава рода Туллийев Цицеронов. — Заткнитесь все! Уходите! Оставьте меня! Разве вам мало того, что вербовка идет из рук вон плохо? Разве мало того, что я вынужден терпеть эту дюжину ликторов? Разве мало того, что консулы в Капуе ничего не сделали, только разместили пять тысяч здоровяков-гладиаторов по лояльным к Республике семьям, чтобы те их объедали? Разве мало того, что Катон подумывает убраться в Сицилию? И что Бальб пишет мне дважды в день, умоляя меня найти способы примирить Цезаря и Помпея? И что последний уже переводит когорты в Брундизий и фрахтует идущие за море корабли? Уходите, заткнитесь, заткнитесь!

ЛАРИН — БРУНДИЗИЙ

Избавившись от сторожевых сенаторских псов, Помпей воспрянул духом. От Тита Лабиена он не слышал ничего, кроме здравых военных советов, лишенных риторики и политических вывертов. Ему даже стало казаться, что страшный крах удастся предотвратить. Похоже, правда, в Италии Цезаря не остановишь. Гораздо разумнее переплыть Адриатику, прихватив с собой правительство Рима. Тогда Цезарю некого будет запугивать, принуждая официально признать свою правоту. Он поймет, что войдет в историю как захватчик, и таким образом окажется в тупике. Так что отступление за море вовсе не отступление, а здравый тактический ход, передышка. Чтобы вымуштровать необученных рекрутов, дожидаться прибытия войск из Испании, набрать кавалерию у восточных царей.

— Не рассчитывай на свои испанские легионы, — предупредил Лабиен.

— Почему?

— Если ты покинешь Италию, Магн, не жди, что Цезарь последует за тобой. Он пойдет в Испанию и покончит там с твоей базой и армией.

— Но ведь я — его главная цель!

— Нет. Нейтрализация Испании — вот его основная задача. Именно поэтому он и не призывает все свои легионы к себе. Он знает, что они нужнее по ту сторону Альп. Я думаю, что Требоний с тремя легионами уже в Нарбоне, где старый Луций Цезарь привел все в порядок и держит в боеготовности несколько тысяч местных солдат. Они будут ждать Афрания и Петрея и не дадут им пройти. — Лабиен нахмурился, взглянул на Помпея. — Ведь твои легионы пока не идут сюда, так?

— Да, не идут. Я все еще думаю, как поступить. Переправиться через Адриатику или идти на Пицен?

— Ты слишком долго тянул с этим, Магн. Твой поход на Пицен перестал быть альтернативой неделю назад.

— Тогда, — решительно сказал Помпей, — я сегодня пошлю Квинта Фабия к Агенобарбу с приказом покинуть Корфиний и прибыть ко мне.

— Хорошая мысль. Корфиний он все равно не удержит, и его люди перейдут к Цезарю, а они нужны нам. У Агенобарба два полных легиона плюс еще пятнадцать когорт. — Он призадумался. — А как шестой и пятнадцатый?

— Превосходно. Благодаря тебе, полагаю, поскольку они узнали, что ты на моей стороне.

— Значит, и я пригодился на что-то.

Лабиен встал и прошел к окну, в которое задувал злой северный ветер. Да, окрестности Ларина так и не оправились после того, что с ними содеяли Гай Верес и Публий Цетег. Клевреты Суллы вырубали тут все деревья. В результате корневая система больше не сдерживала верхний слой почвы, и то, что было плодородной, покрытой зеленью землей, стало пылью, над которой летала саранча.

— Ты фрахтуешь в Брундизий корабли? — спросил Лабиен, не обращая внимания на струящийся от окна холод.

— Да, разумеется. Но мне нужны деньги. Многие капитаны отказываются отплыть без задатка. В другой ситуации они поверили бы распискам. Вот, кстати, в чем разница между обычной и гражданской войной.

— Возьми деньги в Капуе. Из казны.

— Придется, — рассеянно буркнул Помпей. И через миг вскинулся в кресле. — Юпитер!

Лабиен обернулся.

— Что?

— Лабиен, я не уверен, что казна сейчас в Капуе! Юпитер! Геркулес! Минерва! Юнона! Марс! Я не видел по дороге в Кампанию никаких повозок со специальной охраной! — Помпей с искаженным лицом вонзил ногти в виски, зажмурил глаза. — О боги, я не могу в это поверить! Неужели Марцелл и Крус бежали из Рима, не прихватив с собой содержимое наших хранилищ? Они ведь народные избранники, консулы! Они должны были позаботиться о деньгах!

У Лабиена посерело лицо, но он сдержался.

— Ты хочешь сказать, что мы пустились во всю эту авантюру без каких либо фондов?

— Я не виноват! — завопил Помпей, судорожно ероша свою шевелюру. — Неужели я обо всем должен думать? Неужели эти *mentulae* не могут взять хоть что-нибудь на себя? Они месяцами

кудахтали, спорили и вопили, они задурили мне голову, прокричали все уши. Критиковали, придирались, ехидничали! Сенат думает то, Сенат думает се!

— Тогда, — сказал Лабиен, понимая, что брань ничему не поможет, — нам следует срочно послать в Капую решительного человека с наказом для консулов немедленно выехать в Рим, чтобы вывезти из хранилищ все деньги. Иначе Цезарь оплатит свое предприятие из государственного кошелька.

— Да, да! — крикнул, вскакивая, Помпей. — Я немедленно сделаю это! Я знаю, кого послать. Гая Кассия! Плебейский трибун, отличившийся в Сирии, сумеет найти убедительные слова!

И он убежал, оставив Лабиена с тяжелым сердцем взирать на суровый ландшафт. «Да, Помпей изменился. Он — кукла, причем потерявшая половину набивки. Он стареет. Ему вот-вот стукнет пятьдесят семь. Но кое в чем он прав. Его окружение и впрямь достойно презрения. Одни политики-теоретики. Катон, Марцеллы, Лентул Крус, Метелл Сципион. В военном искусстве ничего не смыслят, не сумеют отличить свои задницы от мечей. Я сделал неверную ставку, если эти пиявки будут по-прежнему манипулировать Магном. Тогда Цезарь нас съест. Пицен уже пал. К тринадцатому присоединился двенадцатый. Теперь у Цезаря два боевых легиона. Плюс все наши рекруты, какие к нему перешли. О, они знают, кто лучший! Но не знают меня. Я сам переговорю с Квинтом Фабием. Я подскажу ему, как заставить Агенобарба покинуть Корфиний! А деньги... Что деньги? Деньги должны быть и где-нибудь здесь. Несмотря на старания Верреса и Цетега. Как-никак, прошло уже тридцать лет. Что-то осело в святилищах, что-то отложил старый Рабирий... Еще я поговорю с Гаем Кассием. Скажу ему, чтобы он по дороге из Капуи занимал всюду деньги. У храмов, у властей на местах. Нам вскоре будет дорог каждый сестерций!»

Мудрое решение Лабиена впоследствии даст возможность Помпею отплыть. А к тому времени, как Гай Кассий добрался до Капуи (принял его Лентул Крус, ибо старший консул по обыкновению прихворнул), армия Магна уже выступила из Ларина, но отправилась не на север, а на юг. И благополучно дошла до Луцерии. Довольный Метелл Сципион с важным видом отбыл в Брундизий с шестью когортами и с приказом

защищать порт до последнего вдоха. Он знал, что Цезарь все еще далеко.

Под пристальным взглядом Лабиена Помпей долго разбирал каракули Лентула Круса.

— Я не верю! — ахнул он, побелев от бессильного гнева. — Наш уважаемый младший консул оторвет свою холеную задницу от кресла и отправится за казной лишь при условии, что я заблокирую весь Пицен и не дам Цезарю двинуться к Риму! Иначе он останется в Капуе, поскольку консулы не должны рисковать! Гай Кассий же, в наказание за проявленную им дерзость, послан в Неаполь, чтобы собрать там флотилию из нескольких кораблей на случай, если консулы и остатки Сената будут вынуждены покинуть Кампанию. А в конце — ты только представь себе, Лабиен! — он заявляет, что я сглупил, не позволив ему сбить гладиаторов Цезаря в замечательный боевой легион! Он убежден, что они с большим рвением сражались бы за Республику и совершили бы множество подвигов, учитывая их всегдашнюю доблесть. Он весьма недоволен, что я велел их распустить.

Лабиен фыркнул.

— Комедианты! Их бы вывести на дорогу и провести всем скопом по захоластью. Селяне лопнули бы со смеху. Ручаюсь, ничего смешнее им видеть не доводилось. Особенно если Лентула нарядить старой шляхой и сунуть ему за пазуху пару арбузов!

«Но по крайней мере, — подумал он про себя, — молодой Гай Кассий прошерстит все храмы от Антия до Суррента. Сомневаюсь, что приказ спасти шкуры консулов и сенаторов его впечатлит».

Квинт Фабий, вернувшись из Корфиния, сообщил, что Агенобарб прибудет в Луцерию дня за четыре до февральских ид и что войско его все растет за счет беженцев, прибывающих из Пицена. Самым приятным была весть о шести миллионах сестерциев, находившихся на руках у Агенобарба. Он собирался заплатить своим людям, но не стал платить, поскольку Помпей больше его нуждался в деньгах.

Однако одиннадцатого февраля, за два дня до ид, Вибуллий прислал донесение, что Агенобарб решил остаться в Корфинии. Он проведал, что Цезарь ушел из Пицена и находится уже в Труэнте. Его надо остановить! И Агенобарб остановит его!

Помпей послал срочную депешу Агенобарбу, приказывая тому уйти из Корфиния, прежде чем Цезарь придет и осадит его. Разведчики полагали, что третий боевой легион Цезаря уже на подходе к Труэнту, и знали точно, что туда прибыли Антоний и Курион. С тремя закаленными в боях легионами и большим опытом осадных действий Цезарь легко возьмет и Сульмон, и Корфиний. «Уходи, уходи!» — говорилось в письме.

Агенобарб проигнорировал приказ и остался.

Еще не зная об этом, Помпей послал Децима Лелия в Капую с очень суровыми указаниями. Одному из двух консулов вменялось спешно отправиться на Сицилию, чтобы обеспечить там сбор урожая. Охрану собранного зерна осуществит Агенобарб. Он в Луцерии не задержится и тоже отбудет на этот остров вместе с двенадцатью когортами. Остальные сенаторы должны немедленно перебраться в Брундизий, после чего пересечь Адриатику и ждать в Диррахии. Корабли для них найдет Лелий, ибо Кассий занят другими делами. Какими, не уточнялось, но сам Помпей знал, что тот добывает, где возможно, деньги, выполняя распоряжение Лабиена.

Но все депеши, как и ответные донесения, шли крайне медленно, и адекватно на них реагировать не было никакой возможности. Какую-то несчастную сотню миль между Корфинием и Луцерией гонцы преодолевали дня в три, а то и в четыре, заглядывая по пути к своим старым тетушкам, в таверны или к доступным милашкам.

— Нет боевого настроения, — устало сказал Помпей. — Никто не верит, что мы воюем! А те, кто верит, не принимают это всерьез. Мне подсекли поджилки, как лошади, Лабиен.

— Посмотрим, что будет за Адриатикой, — был ответ.

Цезарь обложил Корфиний на другой день после ид, однако Помпей узнал о том лишь через три дня. За это время к Цезарю подошел восьмой легион. Сульмон тут же сдался, а Корфиний был осажден. В порыве гнева Помпей написал Агенобарбу, что с просьбой о помощи он запоздал, что он один виноват в создавшейся ситуации и должен выпутываться из нее сам.

Но когда это письмо Помпея дошло до Агенобарба через шесть дней после того, как он послал за помощью, командир Корфиния решил тайно уехать ночью, оставив свои войска и легатов. К сожалению, незадачливого полководца выдала излишняя суетливость, и Лентул

Спинтер взял его под арест. А потом послал к Цезарю — договориться об условиях сдачи. Двадцать первого февраля Агенобарб, его окружение и еще пять десятков сенаторов сдались Цезарю вместе с тридцатью одной когортой солдат. И с капиталом в шесть миллионов сестерциев. Цезарь был приятно ошеломлен и хорошо заплатил перешедшим на его сторону рекрутам. В конце концов, они вполне годились для охраны собранного в Сицилии урожая.

На этот раз посланец к Помпею поторопился. Помпей отреагировал на донесение устройством лагеря в Луцерии и маршем в Брундизий с пятьюдесятью когортами, которые у него к тому времени набрались. Цезарь тоже не дремал и через пять часов после сдачи Корфиния двинулся быстрым маршем на юг вслед за Помпеем, который прибыл в порт двадцать четвертого февраля и обнаружил, что кораблей там хватает только для перевозки тридцати когорт из имеющейся у него под рукой полусотни.

Самой пугающей новостью для Помпея было поразительное милосердие Цезаря в Корфинии. Вместо показательных массовых казней он всех прощал. Простил и Агенобарба, и Аттия Вара, и Луцилия Гирра, и Лентула Спинтера, и Вибуллия Руфа, и пять десятков других сенаторов. Их вежливо похвалили за доблесть и отпустили. Цезарь только взял с них слово, что они не станут больше выступать против него, ибо тогда все его милосердие улетучится в один миг.

Теперь Кампания, как и север, была открыта для Цезаря. В Капуе никого не осталось — ни войска, ни консулов, ни сенаторов. Все уехали в Брундизий, потому что Помпей отказался от идеи посылать войска на Сицилию. Все должны были плыть в Диррахий в западной Македонии, к северу от Эпира. Вся казна оставалась в Риме. Но жалел ли об этом Лентул Крус? Извинился ли он за свою глупость? Нет, совсем нет! Он продолжал злиться, что ему не позволили сколотить легион из гладиаторов Цезаря.

Главной целью Цезаря стал Брундизий, и это заставляло Помпея чувствовать себя очень неуютно. Помпей заваливал баррикадами все подступы к порту. Между вторым и четвертым марта ему удалось отослать в Македонию тридцать когорт, а также одного консула, многих сенаторов и магистратов. По крайней мере, он избавился от большинства докучливых идиотов. С ним остались лишь те, с кем можно поговорить.

Цезарь подошел к Брундизию, прежде чем посланная флотилия вернулась, и направил своего легата Каниния Ребила к тестю молодого Гнея Помпея — к Скрибонию Либону. Возможно, почтенный Скрибоний Либон не откажется помочь Ребилу увидеться с Магном. Тот раньше вроде бы соглашался на переговоры, а теперь вообще ни на что не соглашается.

— В отсутствие консулов, Ребил, — сказал Помпей, — у меня нет права вести какие-либо переговоры.

— Прошу прощения, Гней Помпей, — твердо возразил Ребил. — Это не так. Сейчас действует *senatus consultum ultimum*, а ты — главнокомандующий. У тебя есть право заключать соглашения в одиночку.

— Я отказываюсь даже думать о примирении с Цезарем! — прервал его Помпей. — Примириться с Цезарем — значит лечь у его ног.

— Ты не ошибаешься, Магн? — спросил Либон после того, как Ребил ушел. — Ребил прав, ты можешь заключать соглашения самостоятельно.

— Я не стану этого делать! — отрезал Помпей, на которого отсутствие сторожевых сенаторских псов повлияло более чем благотворно. — Пошли за Метеллом Сципионом, Гаем Кассием, моим сыном и Вибуллием Руфом.

Когда Либон ушел, Лабиен задумчиво посмотрел на Помпея.

— Ты быстро пришел в себя, Магн, — сказал он.

— Да, это мне свойственно, — процедил сквозь зубы Помпей. — Выкидывала ли Фортуна над Римом худшие шутки, чем консульство Лентула Круса в самый кризисный для Республики год? О Марцелле-младшем я не говорю, он — пустое место.

— Видимо, Гай Клавдий Марцелл-младший вовсе не разделяет ни взглядов *boni*, ни своих родичей, — проворчал Лабиен. — Став консулом, он постоянно болеет.

— Вот-вот. Именно потому он и уперся. Не захотел никуда плыть. Что, собственно, и подвигло меня отправить всех остальных сенаторов с первой партией войск. Услышав о милосердии Цезаря, они потеряли решимость.

— Цезарь не станет никого заносить в проскрипционные списки, — уверенно сказал Лабиен. — Это не в его интересах.

— Я тоже так думаю. Хотя он неправ, Лабиен, он неправ! Если я одержу победу... когда я ее одержу, проскрипционные списки появятся.

— Если я не попаду в них, Магн, тогда валяй.

Вошли те, кого вызвали, приготовились слушать.

— Сципион, — сказал Помпей тестю, — я решил послать тебя в твою провинцию, в Сирию. Выжми из нее все, что сможешь, и набери там двадцать когорт. Сформируешь их в два легиона и доставишь ко мне. В Македонию... или туда, где я буду.

— Да, Магн, — покорно ответил Метелл Сципион.

— Гней, сын мой, ты остаешься со мной, чтобы позднее фрахтовать для меня корабли всюду, где получится. Лучшая стратегия против Цезаря — это война на воде. На суше он очень опасен. Но если мы возьмем моря под контроль, ему придется несладко. Восток меня знает, а Цезаря — нет. Восток поставит мне корабли. Восток меня любит.

Помпей посмотрел на Кассия, который доставил ему тысячу талантов в монетах и еще тысячу в ювелирных изделиях и золотых слитках.

— Гай Кассий, ты тоже поедешь со мной.

— Да, Гней Помпей, — сказал Кассий, совсем не уверенный, что ему это понравилось.

— Вибуллий, ты отбудешь на запад, — распорядился главнокомандующий. — Найдешь в Испаниях Афрания и Петрея. Варрон уже послан туда, но морской путь короче. Скажи им, чтобы они не вели, я повторяю, чтобы они не вели ко мне мои легионы. Пусть ждут Цезаря, который наверняка попытается подмять мои провинции под себя, прежде чем отправиться за мной на Восток. Мои парни без труда побьют Цезаря. Это закаленные ветераны, а не тот жалкий сброд, что отправляется со мной в Диррахий.

«Хорошо, — подумал удовлетворенный Лабиен. — Он все же усвоил, что Цезарь пойдет сначала в Испанию. Теперь все, что мне нужно сделать, это обеспечить переброску Магна с двумя легионами на ту сторону Адриатики. По возможности без потерь».

Так и произошло. Семнадцатого марта флотилия отбыла из Брундизия и добралась до Македонии, потеряв всего два корабля.

Сенат и его лидеры вкуче с основными оборонительными войсками Республики оставили Италию Цезарю.

БРУНДИЗИЙ — РИМ

Разведка Цезаря работала с той же степенью эффективности, с какой бездействовала разведка Помпея. И курьеры его не тратили время на престарелых тетушек, кабаки или шлюх. Когда Помпей со своими двумя легионами покинул Брундизий, Цезарь перестал о нем думать. Сначала — Италия. Потом — Испания. И лишь в последнюю очередь — неутомимый защитник республиканских устоев Помпей.

С Цезарем теперь были тринадцатый, двенадцатый и восьмой — очень сильный — легионы. Плюс еще три легиона, составленные из перешедших на его сторону рекрутов, плюс триста конников, прискакавших к нему из Норика. Они явились приятным сюрпризом. Норик, расположенный севернее Иллирии и добывавший весьма пригодную для изготовления стали руду, римской провинцией не был, хотя его сильно романизированные племена тесно сотрудничали с Италийской Галлией. Добытую руду сплавляли по впадавшим в Адриатику рекам, на которых стояли промышленные городки, основанные еще дедом Брута. Там варили лучшую в мире сталь для клинков, а лучшим гарантом спокойствия в тех местах уже многие годы был Цезарь, за что в Норике его очень ценили. Он прекрасно управлял Италийской Галлией и Иллирией и всегда защищал права тех, кто жил по ту сторону реки Пад.

Триста всадников из Норика были приняты с радостью, поскольку триста хороших всадников хватило бы для любой кампании, которую Цезарь ожидал в Италии. И это означало, что ему не надо посылать в Дальнюю Галлию за германской кавалерией.

К тому времени как он пошел назад из Брундизия вверх по полуострову, он многое узнал. Узнал, что Агенобарб и Лентул Спинтер что-то опять против него затевают. И что известие о его милосердной политике, распространяясь по всей Италии быстрее пламени в сухом бору, полностью погасило панику в Риме. И что ни Катон, ни Цицерон не уехали из Италии, и что Гай Марцелл-младший тоже остался, хотя и скрытно. И что консуляр Маний Лепид и его старший сын, также прощенные в Корфинии, охотно займут свои места в римском Сенате, если Цезарь востребует их. И что Луций Вулкаций Тулл тоже хотел бы

войти в обновленный Сенат. И что консулы, убегая из Рима, не прихватили с собой государственную казну.

Но один человек не выходил у него из ума — Цицерон. Хотя Цезарь снова послал ему полное увещаний письмо, а затем то же самое сделали Бальб и Оппий, старый упрямец упорно стоял на своем. Нет, он ни за что не вернется в Рим! Нет, он не займет свое место в Сенате! Нет, он публично не станет расточать похвалы милосердной политике Цезаря, хотя приватно ее одобряет! Нет, ни Аттик, ни Бальб, ни Оппий ему теперь не указ!

И все же, вступив в конце марта в Кампанию, Цезарь совершил хитрый ход, не позволявший упрямцу уклониться от встречи. Он поселился у Филиппа в Формиях. На вилле, соседствующей с виллой Цицерона.

— Меня принуждают! — гневно вскрикивал тот, расхаживая по кабинету. — Слово у меня нет других дел. Тирон все болеет. Мой сын взрослеет, и я хочу отметить его совершеннолетие в Арпине. А еще эти несносные ликторы! И посмотрите на мои глаза! Моему человеку требуется полчаса каждое утро, чтобы промыть мои глаза, слипшиеся от гноя!

— Да, видок у тебя еще тот! — сказала Теренция, не желавшая потакать вечному нытью мужа. — Однако лучше со всем этим покончить. Думаю, после встречи тебя оставят в покое.

И Цицерон, облачившись в лучшую тогу, поплелся следом за ликторами к соседу. Подступы к великолепной вилле Филиппа напоминали сельскую ярмарку. Всюду палатки, толкотня, теснота. И в самом доме сновало не меньше народу. Интересно, где же при таком скопище мог обустроить своего гостя Филипп?

Но вот и Цезарь. О боги, он совсем не меняется! Сколько лет они не виделись? Около девяти? Однако, решив Цицерон, сядя в кресло и принимая чашу разбавленного фалернского, он все-таки изменился. От глаз его всегда веяло холодом, но теперь этот взор леденит. Он всегда подавлял, но никогда — в такой степени. «Передо мной властелин, — подумал в ужасе Цицерон. — Превосходящий Митридата с Тиграном в силе, величии, славе».

— Ты выглядишь усталым, — заметил Цезарь. — И сильно щуришься.

— Воспаление глаз. Обострение. Ты прав, я устал.

— Мне нужен твой совет, Марк Цицерон.

— Советы — неблагоприятная вещь, — сказал Цицерон, пытаюсь отделаться банальной фразой.

— Я согласен. И все же проблемы от этого никуда не уйдут. Я должен ступать очень мягко, как кот по яйцам. — Цезарь подался вперед и улыбнулся. Глаза его потеплели. — Разве ты не поможешь мне поставить нашу Республику на ноги?

— Нет. Поскольку ты сам сбил ее с ног!

Улыбка ушла из серых глаз, но на губах задержалась.

— Не я все это затеял, Цицерон, а мои противники. Мне не доставляло удовольствия переходить Рубикон. Я сделал это, чтобы сохранить свое *dignitas*, после того как мои противники сделали его предметом насмешек.

— Ты предатель, — твердо сказал Цицерон.

Губы превратились в жесткую прямую линию.

— Цицерон, я пригласил тебя сюда не для препирательств. Я нуждаюсь в твоей поддержке, ибо очень ценю твою проницательность. Давай пока опустим тему так называемого правительства в изгнании и обсудим Рим и Италию, которые перешли на мое попечение. Я поклялся, что буду обращаться и с Римом и с Италией — которые, по моему, одно и то же — с величайшей мягкостью. Ты знаешь, что я много лет отсутствовал. Ты должен осознавать, что я нуждаюсь в помощи.

— Я осознаю одно: ты — предатель!

Показались зубы.

— Марк, не будь же глупцом!

— Кто из нас глупец? — спросил Цицерон, расплескивая вино. — «Ты должен осознавать» — это язык царей, Цезарь. Ты пытаешься отместить очевидное. Все население полуострова «осознает», что тебя не было несколько лет!

Глаза закрылись, на щеках цвета слоновой кости зажглись два ярких пятна. Цицерон невольно поежился: Цезарь вот-вот потеряет терпение. Ну что ж, пусть теряет, корабли сожжены!

Но ничего не произошло. Глаза открылись.

— Марк Цицерон, я иду на Рим, где намерен собрать Сенат. Я хочу, чтобы ты присутствовал на первом его заседании. Хочу, чтобы ты помог мне успокоить народ и заставить Сенат снова работать.

— Ха! — фыркнул Цицерон. — Сенат! Твой Сенат! Если бы вышло по-твоему, знаешь, что бы я там сказал?

— Нет, но хочу узнать. Говори.

— Я предложил бы этому Сенату издать указ, запрещающий тебе приближаться к Испании. Все равно — с армией или без. Я предложил бы Сенату запретить тебе даже смотреть в сторону Греции или Македонии. А еще предложил бы заковать тебя в кандалы. До тех пор, пока в Риме не соберется настоящий Сенат, чтобы судить тебя как врага государства! — Цицерон ласково улыбнулся. — В конце концов, Цезарь, ты ведь законник! Тебе не понравится, если мы казним тебя без суда!

— Ты витаешь в облаках, Цицерон, — спокойно сказал Цезарь. — Так не получится. Твой настоящий Сенат убежал, его нет. А это значит, что единственным в Риме Сенатом будет тот, который составлю я.

— О! — воскликнул Цицерон, со стуком ставя чашу на стол. — Это говорит царь! О, что я здесь делаю? Мой бедный, несчастный Помпей! Выставленный из дома, из города, из страны! Он разорвет тебя на куски, когда придет время!

— Помпей — ничто, — медленно произнес Цезарь. — Но я искренне надеюсь, что меня не заставят это продемонстрировать.

— Ты действительно думаешь, что можешь побить его?

— Я это знаю. Но повторяю еще раз: надеюсь, до этого не дойдет. Отбрось фантазии, Цицерон, взгляни на вещи реально. Единственный настоящий солдат в вашей армии — Тит Лабиен, но он тоже ничто. Я не хочу открытой войны, разве это не было очевидно с самого начала? Люди не гибнут, Цицерон. Количество крови, которая пролилась, минимально. Но что мне делать с такими упрямыми, как Агенобарб и Лентул Спинтер? Я простил их, однако они вновь что-то против меня замышляют, вопреки данному слову!

— Ты их простил! А по какому праву? Чьей властью? Ты — царь, Цезарь, ты рассуждаешь как царь! Но у тебя нет никаких полномочий! Ты теперь обычный сенатор-консуляр. И то лишь потому, что настоящий Сенат не объявил тебя изгоем. Хотя, перейдя Рубикон, по нашей конституции ты стал предателем! И то, что ты кого-то прощаешь, не имеет значения. Никакого значения! Да!

— Я попытаюсь еще раз, Марк Цицерон, — сказал, глубоко вздохнув, Цезарь. — Ты поедешь в Рим? Ты займешь свое место в

Сенате? Ты окажешь мне помощь?

— Я не поеду в Рим. Я не займу места в твоём Сенате. Я не окажу тебе помощи, — ответил Цицерон с сильно бьющимся сердцем.

Цезарь помолчал. Потом снова вздохнул.

— Очень хорошо, я все понял. Я оставляю тебя, Цицерон. Тщательно обдумай мое предложение. Неразумно продолжать отвергать меня. Воистину неразумно. — Он встал. — Если ты не желаешь быть моим советником, я найду того, кто даст мне совет. — Ледяной взгляд. — И поступлю так, как мне подскажут.

Он повернулся и удалился, предоставив визитеру самому добираться до выхода. Цицерон брел по коридорам огромной виллы, прижимая обе руки к диафрагме, чтобы избавиться от подступившего к горлу удушающего комка.

— Ты был прав, — сказал Цезарь Филиппу, удобно располагаясь на ложе в комнате, которую ему каким-то чудом удалось придержать для себя.

— Он отказался?

— Уперся. — Сверкнула улыбка. Искренняя, веселая. — Бедный старый кролик! Я видел, как его сердце бьется о ребра под складками тоги. И восхищен его смелостью, ведь она вовсе не свойственна бедным старым кроликам. Очень хочу, чтобы он образумился. Знаешь, все-таки он мне нравится, несмотря на все его глупости.

— Что ж, — спокойно сказал Филипп, — мы с тобой всегда можем найти опору в величии наших предков, а у него их нет.

— Я думаю, именно поэтому он и не может отойти от Помпея. Он страшится неравенства между нами. В этом смысле Помпей больше подходит ему. Помпей демонстрирует всему Риму, что предки не обязательны. Однако я бы хотел, чтобы Цицерон уяснил, что древняя родословная может и помешать. Будь, например, я пиценским галлом, половина этих олухов не сбежала бы за Адриатику. Тогда, по их мнению, я не мог бы стать римским царем. А человек из рода Юлиев может. — Он вздохнул, сел на край ложа и посмотрел на Филиппа. — Луций, поверь, у меня нет никакого желания царствовать. Я просто хочу иметь то, что мне положено, вот и все. Ничего не произошло бы, если бы они согласились со мной.

— Я понимаю, — сказал Филипп, деликатно зевнув. — Я тебе верю. Кто в здравом уме захочет править сутягами, склочниками и

твердолобыми идиотами, заполнившими весь нынешний Рим?

В разгар их хохота вошел мальчик и терпеливо стал ждать у дверей. Удивившись его внезапному появлению, Цезарь нахмурился.

— Ба, да я тебя знаю! — сказал он через миг и похлопал по ложу, приглашая присесть. — Что ж, мой внучатый племянник, садись.

— Я бы хотел быть твоим сыном, Цезарь, — сказал Гай Октавий.

Он сел, повернулся к родичу и улыбнулся.

— Ты вырос, Гай, — сказал ему Цезарь. — Последний раз, когда я тебя видел, ты еще плохо стоял на ногах. А теперь, похоже, становишься настоящим мужчиной. Сколько тебе лет?

— Тринадцать.

— Значит, тебе хотелось бы стать моим сыном? А ты не подумал, что подобное заявление может быть оскорбительным для твоего отчима?

— Это так, Луций Марций?

— Спасибо, у меня есть еще сыновья. Двое. Я с удовольствием отдам тебя Цезарю.

— Который, если говорить честно, не имеет сейчас ни времени, ни желания обзаводиться сыном. Боюсь, Гай Октавий, ты все же останешься лишь моим внучатым племянником.

— Тогда не мог бы ты называть меня просто племянником?

— Почему бы и нет?

Мальчик поджал под себя ноги, кивнул.

— Я видел, как уходит Марк Цицерон. Вид у него был несчастный.

— Тому есть причины, — сурово сказал Цезарь. — Ты знаешь его?

— Только в лицо. Но я читал его речи.

— И что ты думаешь о них?

— Что он большой враль.

— Тебе это нравится?

— И да, и нет. Иногда ложь полезна, но глупо строить на ней всю свою жизнь. Во всяком случае, это не для меня.

— Так на чем же ты будешь строить свою жизнь, племянник?

— Я буду скрытным. Буду меньше болтать, больше думать, чтобы не повторять одни и те же ошибки. А Цицерон всецело во власти слов. Его всегда заносит. По-моему, это глупо.

— А ты не хочешь стать великим военачальником?

— Очень хочу, но не думаю, что у меня есть способности.

— Но ты не хочешь строить свою карьеру и на умении хорошо говорить. Сможешь ли ты, скрывая свои мысли, достичь каких-либо высот?

— Да. Ведь главное — это понять, как действуют окружающие, прежде чем браться за что-нибудь самому. Экстравагантность, — добавил глубокомысленно мальчик, — это недостаток. Она выделяет человека из общей массы, но она же собирает вокруг него врагов, как шерсть овцы собирает колючки.

В уголках глаз Цезаря залучились морщинки, но губы не дрогнули.

— Ты имеешь в виду экстравагантность или исключительность?

— Экстравагантность.

— У тебя хороший учитель. Ты ходишь в школу или учишься дома?

— Дома. Мой педагог — Афеодор Канонитес. Он из Тарса.

— А что ты думаешь об исключительности?

— Исключительность, — свойство весьма выдающихся, неординарных людей. Таких, как ты, дядя Цезарь, потому что... — Мальчик наморщил лоб. — Потому что ты — это ты. И все, что подходит тебе, не подходит другим.

— Включая тебя?

— О, определенно. — Большие серые глаза с обожанием посмотрели на Цезаря. — Я не ты, дядя Цезарь. И никогда таким не буду. Но у меня есть свой стиль.

— Филипп, — смеясь, сказал Цезарь, — я настаиваю, чтобы этого мальчика прислали ко мне в качестве контубернала, как только ему стукнет семнадцать.

В конце марта Цезарь остановился на Марсовом поле (на покинутой вилле Помпея), не желая пересекать римский померий. В его планы не входило вести себя так, словно он признает, что потерял свой империй. Через своих плебейских трибунов Марка Антония и Квинта Кассия он предложил Сенату собраться на апрельские календы в храме Аполлона, после чего пригласил к себе Бальба с его племянником Бальбом-младшим, Гая Оппия, Аттика и Гая Матия, своего давнего друга.

— Кто теперь где? — спросил он у них.

— Маний Лепид и его сын после того, как ты простил их в Корфинии, вернулись в Рим. Думаю, они явятся на собрание, — сказал Атик.

— Лентул Спинтер?

— Заперся на своей вилле вблизи Путеол. Это может кончиться тем, что он сбежит к Помпею, но в Италии тебе его нечего опасаться, — сказал Гай Матий. — Похоже, двух встреч с Агенобарбом ему хватило. Сначала Корфиний, потом Этрурия. Он предпочел затаиться.

— А Агенобарб?

Ответил Бальб-младший:

— После Корфиния он выбрал Валериеву дорогу, несколько дней отдувался в Тибуре, потом поехал в Этрурию. Там снова начал вербовку. Небезуспешную, надо сказать. Капитал на это у него есть, и немалый. Он вывез все свои деньги из Рима еще до того, как ты перешел Рубикон.

— Фактически, — спокойно сказал Цезарь, — невыдержанный Агенобарб действовал более разумно и логично, чем кто-либо другой. Если не брать в расчет Корфиний.

— Правильно, — подтвердил Бальб-младший.

— И что он намерен делать со своими новыми рекрутами?

— Он нанял две небольшие флотилии, одну — в гавани Коссы, другую — на острове Игилий. И кажется, хочет покинуть Италию. А поплывет, возможно, в Испанию. Я был в Этрурии, там ходят такие слухи.

— А что в Риме? — спросил Цезарь у Атика.

— Намного спокойнее после Корфиния, Цезарь. Все поняли, что ты идешь не убивать. Всех поражает, что эта война проходит без крови.

— Будем молиться, чтобы так шло и дальше.

— Беда в том, — сказал Гай Матий, — что твои враги необъективны. Вряд ли кого-нибудь из них — кроме, может быть, самого Помпея — заботит, сколько крови пролито. Им бы только уничтожить тебя.

— Оппий, расскажи о Катоне.

— Он уехал на Сицилию, Цезарь.

— Ну что ж, он ведь назначен ее губернатором, так?

— Так, но его не очень любят многие из тех сенаторов, кто остался в Риме после того, как ты перешел Рубикон. Поэтому они в обход

губернаторства Катона решили назначить специального человека, чтобы обезопасить запасы зерна. Выбрали Луция Постумия. Но Постумий не согласился под предлогом, что нельзя ущемлять интересы ранее избранного Катона. Уговоры продолжились. Наконец Постумий сказал, что поедет, но только в том случае, если с ним поедет Катон. Естественно, Катон отказался, он ведь большой домосед. Однако Постумий настаивал, и Катон сдался. А Фавоний вызвался сопровождать эту парочку. Сам. Никто его не просил.

Цезарь улыбнулся.

— Луций Постумий, а? О боги, у них просто дар выбирать не того, кого нужно! По-моему, он пустозвон и в придачу зануда.

— Да, — кивнул Аттик. — Ты прав. Он долго выпендривался, перед тем как уехать. Сначала сказал, что не шевельнется, пока молодой Луций Цезарь и Луций Росций не вернутся от тебя. Потом ждал возвращения Публия Сестия.

— Вот тебе на! И когда же он убыл?

— В середине февраля.

— С войском, наверное, ведь на Сицилии нет легиона?

— Без войска. Сначала считалось, что Помпей переправит туда двенадцать когорт Агенобарба, но тебе известно, куда они подевались. А все люди Помпея теперь в Диррахии.

— Не очень-то они думают об Италии, а?

Гай Матий пожал плечами.

— А им это надо? Они знают, что ты не позволишь стране голодать.

— По крайней мере, Сицилию я возьму без труда, — сказал Цезарь.

Подняв брови, он посмотрел на старшего Бальба.

— Неужели и правда никто не притронулся к государственным капиталам? Мне в это трудно поверить, но...

— Но, Цезарь, это абсолютная правда. Казна набита слитками доверху.

— Надеюсь, что и деньгами.

— Ты наложишь арест на казну? — спросил Гай Матий.

— Лишь при необходимости, мой старый друг. Войны стоят дорого, но потом окупаются, а гражданские войны не приносят трофеев.

— Однако, — нахмурился Бальб-младший, — как ты потащишь все это за собой? Столько повозок? С монетами, с золотом, с серебром?

— Ты полагаешь, я не осмелюсь оставить деньги в Риме? — спросил задумчиво Цезарь. — Но именно так я и поступлю. А что мне мешает? Помпей, добираясь до Рима, не перескочит через меня. Я возьму ровно столько, сколько мне нужно, — около тысячи талантов монетами. Впереди у меня три кампании: на Сицилии, в Африке и на Востоке. Но финансы Италии не должны пострадать. Казна останется под контролем законно организованного правительства, в которое войду я и те сенаторы, что сейчас в Риме.

— Думаешь, тебе это удастся? — спросил Атик.

— Очень на это надеюсь, — был ответ.

Но когда Сенат собрался первого апреля в храме Аполлона, людей было так мало, что кворума не набралось. Ужасный удар для Цезаря. Из консуляров пришли только Луций Вулкаций Тулл и Сервий Сульпиций Руф, причем последний был настроен враждебно. К тому же выяснилось еще одно непредвиденное обстоятельство: кроме Марка Антония и Квинта Кассия на скамье плебейских трибунов сидел Луций Цецилий Метелл — ярый *boni*, готовый заблокировать любое вынесенное на обсуждение предложение. И Цезарь теперь ничего не мог с этим поделать. Ведь именно для защиты прав народных избранников его тринадцатый легион пересек Рубикон.

Несмотря на отсутствие кворума, что не позволяло провести какой-нибудь закон, Цезарь наконец заговорил о вероломстве *boni* и о своем совершенно законном марше в Италию. Он подробно остановился на отсутствии кровопролития, а также на милосердии, оказанном в Корфинии.

— А теперь о том, что надо сделать немедленно, — сказал он в заключение. — Палата должна послать делегацию к Гнею Помпею в Эпир. Делегаты будут официально уполномочены вести переговоры о мире. Я не хочу гражданской войны, будь это в Италии или в другом месте.

Присутствующие — их набралось не более сотни — зашевелились. Вид у всех был разнесчастный.

— Очень хорошо, Цезарь, — сказал Сервий Сульпиций. — Если ты думаешь, что делегация чему-то поможет, мы ее, безусловно,

пошлем.

— Могу я узнать имена десяти желающих ехать?

Но все промолчали.

Сжав губы, Цезарь посмотрел на городского претора Марка Эмилия Лепида. Младший сын человека, покусившегося в свое время на римскую государственность и умершего то ли от сердечного приступа, то ли от пневмонии, патриций Лепид всемерно пытался восстановить в правах свой некогда очень влиятельный род. Этот видный мужчина с перерубленной мечом переносицей лишь недавно сообразил, что ему никогда не снискать доверия *boni* из-за своего брата — Марка Эмилия Лепида Павла. Приход Цезаря был настоящим спасением для него.

Он встал, готовый сделать то, о чем с ним чуть раньше privately поговорили.

— Почтенные отцы, проконсул Гай Цезарь просит, чтобы ему предоставили свободный доступ к фондам римской казны. Я предлагаю разрешить ему это. Естественно, не без выгоды для казны. Гай Цезарь хочет взять ссуду под десять обычных процентов.

— Я налагаю вето на твое предложение, Марк Лепид, — объявил Луций Метелл.

— Луций Метелл, это же выгодно Риму! — воскликнул Лепид.

— Ерунда! — презрительно фыркнул Луций Метелл. — Во-первых, твое предложение при отсутствии кворума так и так не пройдет. Во-вторых, что гораздо важнее, приняв его, мы фактически узаконим все действия Цезаря при существующих разногласиях между ним и настоящим правительством Рима. Если у Цезаря нет своих средств, пусть прекратит агрессию. Я налагаю вето.

Лепид, обладающий быстрым умом, возразил:

— Сейчас действует *senatus consultum ultimum*, во время которого вето не принимаются во внимание, Луций Метелл.

— Ах, — широко улыбнулся Луций Метелл, — но это положение ввел прежний Сенат! Цезарь пришел, чтобы защитить права и личности плебейских трибунов, и это его Сенат, его правительство. Следует полагать, что краеугольным камнем его правительства является право плебейских трибунов налагать вето.

— Благодарю за то, что освежил мою память, Луций Метелл, — сказал Цезарь.

Отпустив сенаторов, он созвал в цирке Фламиния Трибутное собрание. Там собралось больше народа, к тому же не испытывавшего любви к *boni*. Толпа внимательно выслушала речь Цезаря и выказала готовность во всем его поддержать. Особенно после того, как Цезарь пообещал продолжить бесплатную раздачу зерна, как это делал Клодий, и выдать каждому римлянину по триста сестерциев.

— Но, — сказал Цезарь, — я не хочу поступать как диктатор. И продолжу переговоры с Сенатом, пока не добьюсь положительных результатов. А потому прошу вас не принимать в настоящее время никаких радикальных решений.

Это оказалось ошибкой. Ситуация зашла в тупик. Сервий Сульпиций ратовал за мирное разрешение кризиса, но никто из сенаторов не изъявлял желания ехать к Помпею, а Луций Метелл налагал вето каждый раз, когда Цезарь требовал денег.

На рассвете четвертого апрельского дня Цезарь пересек римский померий и вошел в город в сопровождении двенадцати ликторов (одетых в малиновые туники, с топориками в фасциях — только диктатору разрешалось такое внутри священных границ города). С ним шли два плебейских трибуна и городской претор Лепид. Марк Антоний и Квинт Кассий были в полном боевом облачении и с мечами.

Цезарь шел прямо к храму Сатурна, в чьих подвалах хранилось основное финансовое достояние Рима.

— Начинайте, — прозвучал короткий приказ.

Лепид кулаком ударил по бронзе.

— Откройте городскому претору! — крикнул он. Правая створка дверей приотворилась, наружу высунулась голова.

— Да? — произнесла она с тихим ужасом.

— Впусти нас, *tribunus aerarius*.

Из ничего вдруг возник Луций Метелл, загородивший дверной проем.

— Гай Цезарь, ты пересек померий и лишился всех своих полномочий.

Собралась небольшая толпа, она все росла.

— Гай Цезарь, ты не имеешь права ни на единый сестерций из храма! — громко крикнул Луций Метелл. — Я наложил вето на твой доступ к государственной казне Рима и вновь его подтверждаю — здесь

и сейчас! Возвращайся на Марсово поле, или ступай в официальную резиденцию великих понтификов, или вообще иди, куда хочешь. Я не стану против этого возражать. Но я не дам тебе войти в это здание!

— Отойди, Метелл, — сказал Марк Антоний.

— Не отойду!

— Отойди, Метелл, — повторил Марк Антоний.

Но Метелл смотрел только на Цезаря.

— Твое присутствие здесь — прямое нарушение всех законов Рима, записанных на таблицах! Ты не диктатор! Ты даже не проконсул! В лучшем случае ты — частное лицо, а в худшем — враг Рима! Если ты не прислушаешься ко мне и войдешь в эти двери, все, кто это видит, будут знать, что на самом деле ты — враг народа Рима!

Цезарь слушал с равнодушным видом. Марк Антоний схватился за меч.

— Отойди, Метелл! — заорал он. — Я — законно избранный плебейский трибун, и ты должен повиноваться приказу!

— Ты — человек Цезаря, Антоний! Не нависай надо мной, как палач! Я не отойду!

— Хорошо, — сказал Антоний, сгребая Метелла в охапку. — Тогда я тебя переставлю. Помешаешь снова — и я действительно казню тебя.

— Квириты, будьте свидетелями! Против меня применили вооруженную силу! Мне не дали выполнить мой долг! Моей жизни угрожают! Запомните это хорошо! Придет день, и всех этих людей будут судить за измену!

Антоний поднял его и отставил в сторону. Сделав, что ему полагалось, Луций Метелл отошел в толпу, крича о своем поруганном статусе и призывая всех присутствующих в свидетели.

— Сначала ты, Антоний, — сказал Цезарь.

Антония, никогда не служившего в городских квесторах, обуял трепет. Вжав в плечи голову, хотя притолока ему не мешала, он переступил через высокий порог.

Квинт Кассий, Лепид и Цезарь последовали за ним. Ликторы остались на улице.

Узкий проход между стенами из туфовых блоков едва освещался скудными струйками света, с трудом проходящего через зарешеченные оконца. Коридор заканчивался обычной дверью, ведущей в «муравейник», где служащие Казначейства работали при свете ламп,

среди паутины и бумажных клещей. Но Марка Антония и Квинта Кассия эта дверь ничуть не интересовала. Их интересовали темные помещения по обеим сторонам коридора, закрытые дверьми из железных брусьев, за которыми что-то тускло мерцало в темноте: в одном помещении — золото, в другом — серебро. И так до самой двери «муравейника».

— То же самое и впереди, — сказал Цезарь. — Одно хранилище за другим. Таблицы с законами хранятся отдельно.

Он вошел в канцелярию и прошагал через тесно заставленное столами пространство к конторке, где работал старец почтенного вида.

— Твое имя? — спросил он.

Старший хранитель сокровищ сглотнул.

— Марк Куспий.

— Что в твоём ведении?

— Тридцать миллионов сестерциев монетами, тридцать тысяч талантов серебром в слитках достоинством в один талант, пятнадцать тысяч талантов золотом в слитках достоинством в один талант. Все опечатано казначейской печатью.

— Отлично! — мягко произнес Цезарь. — Больше тысячи талантов монетами. Сядь, Куспий, и составь документ. Городской претор и двое плебейских трибунов будут свидетелями. Запиши, что Гай Юлий Цезарь, проконсул, занял у римского казначейства тридцать миллионов сестерциев монетами для финансирования своей справедливой борьбы за дальнейшее процветание римского государства. Условия — на два года из десяти обычных процентов.

Пока Марк Куспий писал, он сидел на краю стола. Потом наклонился, подмахнул документ и кивнул свидетелям. Квинт Кассий озадаченно скреб подбородок.

— В чем дело, Кассий? — спросил Цезарь, протягивая Лепиду перо.

— О, Цезарь, ни в чем. Просто я никогда не думал, что золото и серебро имеют запах.

— Тебе этот запах нравится?

— Очень.

— Странно. По мне, так он удушлив.

Документ был подписан и засвидетельствован. Цезарь с улыбкой отдал его старику.

— Сохрани это, Марк Куспий.

Он встал со стола.

— А теперь слушай и хорошенько запомни. Содержимое этих подвалов отныне и навсегда переходит на мое попечение. Ни один сестерций не должен уйти отсюда без моего разрешения. И чтобы тебе было проще исполнить этот приказ, у дверей Казначейства будет дежурить охрана, которая никого не впустит сюда, кроме постоянных работников и моих доверенных лиц — Луция Корнелия Бальба и Гая Оппия. Отсутствующий сейчас в Риме Гай Рабирий Постум, банкир, не сенатор, также облачается правом бывать здесь. Это понятно?

— Да, благородный Цезарь, — ответил *tribunus aegrarius*, облизнув губы. — А городские квесторы?

— Никаких городских квесторов, Куспий. Только те люди, которых я назвал.

— Вот, значит, как это делается, — сказал Марк Антоний на подходе к Марсову полю.

— Нет, Антоний, так это не делается. Меня заставили так поступить. В глазах Луция Метелла я преступник, и он попытается убедить в этом весь Рим.

— Червяк! Я убил бы его!

— И сделал бы мучеником? Нет уж, благодарю! Если я правильно оценил его, он вскоре сам обесценит событие, денно и ночью болтая о том, что случилось. Болтать неразумно.

Цезарь вдруг вспомнил молодого Гая Октавия с его убежденностью в пользе молчаливости и улыбнулся. Этот мальчишка далеко пойдет.

— Людям он надоест, как надоел Марк Цицерон, неумолчно доказывая, что Катилина изменник.

— Все равно жаль. — Антоний сделал гримасу. — И почему это, Цезарь, в любое хорошее дело вечно суется какой-нибудь Луций Метелл?

— Если бы таких не было, Марк, этот мир функционировал бы гораздо лучше. Впрочем, если бы этот мир функционировал лучше, в нем не нашлось бы места таким, как я.

На вилле Цезарь собрал своих легатов в огромном кабинете Помпея.

— У нас есть деньги, — сказал он будничным тоном, присаживаясь к столу. — Это значит, что завтра, в апрельские ноны, я выступаю.

— В Испанию, — с удовольствием добавил Антоний. — Я жду не дождусь этого, Цезарь.

— Успокойся, Антоний. Ты останешься здесь.

Антоний нахмурился, свирепо сжал зубы.

— Это несправедливо! Я хочу на войну!

— В мире много несправедливостей, но, Антоний, у меня нет времени оберегать тебя от них. Ты мне нужен в Италии. Как мой, э-э-э, личный распорядитель. Все, что находится в миле от Рима и далее, будет подвластно тебе. Особенно обрати внимание на укрепление оставленных тебе войск. Займись дополнительным рекрутированием, но не как Цицерон! Я жду от тебя результатов, Антоний. Делай, что хочешь, распределяй по-своему силы, но в стране должен быть мир. Смотри, чтобы никто из сенаторов без твоего ведома не покинул страну. Ставь гарнизоны в каждом порту, проверяй все наемные корабли. И следи за поставкой зерна. Голод в Италии недопустим. Слушай Аттика. Слушай банкиров. Призываю тебя к здравомыслию. — Взгляд его стал ледяным. — Ты можешь кутить и бражничать, Антоний, но при условии, что я буду доволен тобой. Если нет, я лишу тебя гражданства и выкину из страны.

Антоний молча кивнул. Настал черед Лепида.

— Лепид, ты — городской претор, оставляю Рим на тебя. Тебе будет легче, чем мне, ведь Луций Метелл уже не сможет препятствовать твоим начинаниям. Его сопровождают в Брундизий, посадят на подходящий корабль и с наилучшими пожеланиями отправят к Помпею. Если возникнет необходимость, бери себе в помощь дежурящих у Казначейства солдат. Обычно городской претор имеет право покидать Рим на десять дней, но это не для тебя. Твоя задача — полные зернохранилища, бесперебойная выдача хлебных пособий и спокойные улицы. Ты убедишь Сенат дать разрешение отчеканить в монетах сто миллионов сестерциев, а утвержденную директиву передашь Гаю Оппию. Мои собственные программы развития города, разумеется, будут оплачены мной. Вернувшись, я ожидаю найти Рим процветающим, хорошо управляемым и всем довольным. Это понятно?

— Да, Цезарь, — ответил Лепид.

— Марк Красс, — уже не с той строгостью произнес Цезарь. Этого легата он ценил не только за преданность, ум и отвагу. Тот был последней живой ниточкой, тянувшейся к его погибшему другу. — Марк Красс! Передаю тебе Италийскую Галлию. Хорошо заботься о ней. Начни перепись всех ее жителей, еще не имеющих полных гражданских прав. В ближайшее время они их получают. А перепись сократит процедуру.

— Да, Цезарь, — сказал Марк Красс.

— Гай Антоний...

Тон Цезаря сделался равнодушным. Марка Антония он считал человеком, способным справиться с любой задачей, особенно если ему подробно все разжевать, а потом пригрозить. Однако этот Антоний, средний из троих братьев, ничем выдающимся не блистал. Крупный, чуть мельче Марка, но совершенно тупой. Первозданный невежда. И все же родня есть родня. Поэтому Гай Антоний получит работу с некоторой долей ответственности. А жаль. Что ему ни поручи, хорошего ждать нечего.

— Гай Антоний, ты возьмешь два набранных из рекрутов легиона и будешь приглядывать за Иллирией. Буквально приглядывать. Не вершить суд, не губернаторствовать. Это возьмет на себя все тот же Марк Красс. Ты же сиди в Салоне, но держи связь с Тергесте. И не дразни Помпея. Он будет в двух шагах от тебя. Понимаешь?

— Да, Цезарь.

— Орка, — обратился Цезарь к Квинту Валерию Орке, — тебе достается Сардиния и один легион новобранцев. Мне все равно, что станется с этим островом, даже если он погрузится на дно. Но зерно там родится отменное. Его надо сберечь.

— Да, Цезарь, я его сберегу.

Подошла очередь одного из наиболее удивительных сторонников Цезаря — сына Квинта Гортензия. После смерти отца он отправился в Галлию и за удивительно короткое время сумел показать себя с замечательной стороны. Квинт Гортензий нравился Цезарю, особенно дипломатичностью и умением найти общий язык с вождями строптивых племен. Правда, то, что он не колеблясь пересек Рубикон вслед за своим командиром, явилось сюрпризом. Но очень приятным.

— Квинт Гортензий, на тебе — Тусканское море. Набери флот и возьми под контроль все морские пути между Сицилией и западным

побережьем Италии от Регия до Остии.

— Да, Цезарь.

Осталось отдать последнее, самое важное распоряжение. Все взгляды сфокусировались на жизнерадостной веснушчатой физиономии Гая Скрибония Куриона.

— Курион, мне нужна твоя помощь. Ты надежный союзник, ты отважен и храбр. Возьми все когорты Агенобарба и набери в дополнение к ним людей, чтобы составить не менее четырех легионов. Набирай в Самнии и Пицене, но не в Кампании. Тебе надлежит прогнать с Сицилии Постумия, Катона и Фавония. Сицилия нам необходима как воздух. Как только справишься с этим, оставь на острове гарнизон и отправляйся в Африку — она нужна нам не меньше. В результате все зерно будет нашим. С тобой поедут Ребил в качестве помощника и не бывавший еще в боях Поллион.

— Да, Цезарь.

— Все получившие назначения наделяются полномочиями пропреторов.

У Куриона зачесался язык.

— Пропреторам полагаются шесть ликторов. Могу я увить их фасции лавром?

Впервые маска слетела.

— Почему бы и нет? Италия завоевана, — ответил Цезарь и добавил с горечью: — Завоевана. Да. Но ее почему-то никто не защищал. — Он резко кивнул. — Это все. Доброго дня.

Курион с гиканьем помчался домой, схватил в охапку Фульвию и принялся целовать. Цезарь дал ему на подготовку к походу целых пять дней.

— Фульвия, Фульвия, я теперь полководец! — радостно выкрикнул он.

— Что?!

— Мне поручено с четырьмя легионами — с четырьмя, ты только вообрази! — захватить Сицилию, а потом север Африки! Это моя война! Я — пропретор, Фульвия, я украшу мои фасции лавром! Я — командир! У меня шесть ликторов! Мой помощник — убеленный сединой ветеран Каниний Ребил! Я — его начальник! И еще мне придан Поллион! Разве это не замечательно?

Беззаветно преданная ему жена просияла, поцеловала дорогое веснушчатое лицо.

— Мой муж — пропретор! — Новые поцелуи. — Курион, я тобой горжусь!

Вдруг выражение ее лица изменилось.

— Но это значит, что ты должен ехать? Когда тебя облечат полномочиями в Сенате?

— Не знаю, состоится ли нечто подобное, — ничуть не смутившись, заявил Курион. — Цезарь сам присвоил нам статус пропреторов, но, строго говоря, он ведь не имеет на это права. Так что мы должны ждать решения курий.

Фульвия оцепенела.

— Он метит в диктаторы.

— Да. — Курион отрезвел, нахмурился. — Поразительное спокойствие. Я такого еще никогда не видел. Он сидел и невозмутимо, совсем не волнуясь, раздавал назначения. Решительность, немногословие, точные формулировки. Этот человек феноменален! Он точно знает, что у него нет никаких прав ни на что, и абсолютно игнорирует это! Я по наивности полагал, что автократа из него сделали десять лет единоличного управления Галлиями, но — о боги, Фульвия! — нет, нет и нет! Он рожден властвовать! Изначально! И теперь меня удивляет, как ему удавалось так долго это скрывать! О, я помню, как раздражала меня, когда он был консулом, непререкаемость его суждений! Но я тогда думал, что это Помпей дергает за ниточки. Теперь я знаю, что это попросту невозможно. Цезарь держит в руках все ниточки и дергает за них сам.

— Моего Клодия кто-то определенно задергал, хотя ему уже все равно, что я сейчас говорю.

— Он не терпит ни малейшего сопротивления, Фульвия. И при этом шагает к цели, не проливая римскую кровь. Сегодня я слышал диктатора, выскочившего во всеоружии из чела Зевса.

— Второй Сулла.

Курион энергично замотал головой.

— О нет. Только не Сулла. В нем нет его пороков.

— Но сможешь ли ты служить автократу?

— Думаю, да. По одной причине. Рим сейчас нуждается в Цезаре. В его твердой руке. Но сам Цезарь при том уникален. Впоследствии

никому не удастся его заменить.

— Тогда хвала богам, что у него нет сыновей.

— А также родичей, могущих претендовать на наследование его положения.

В самом влажном и темном углу Римского Форума располагалась резиденция великого понтифика, огромное холодное строение, лишенное каких-либо архитектурных красот. Приближалась зима, внутренние дворы уже выстыли, но в этом мрачном здании существовала просторная теплая гостиная, отапливаемая двумя большими жаровнями. Раньше она принадлежала Аврелии, и в те времена весь периметр ее занимали гигантские стеллажи, заваленные книгами, разнообразными документами и счетами. Однако все это ушло. Стены гостиной вновь отливали золотом, пурпуром и кармином под потолочным плафоном, словно бы набранным из пчелиных темно-фиолетовых сот с золочеными ободками. Кальпурния долго отнекивалась от переезда в апартаменты покойной свекрови. Сделать это уговорил ее Евтих, управляющий. Он намекнул новой хозяйке, что в свои семьдесят ему уже трудно взбираться по лестнице, да и остальным слугам тоже. И Кальпурния спустилась вниз. Правда, с тех пор пробежало пять лет, и любое воспоминание об Аврелии воспринималось теперь только как дополнительное тепло.

Она сидела с тремя котятками на коленях, двумя полосатыми и одним черно-белым, осторожно перебирая их шерстку. Котята спали.

— Мне нравится их безмятежность, — сказала она своим гостям и улыбнулась. — Мир может рухнуть, а они будут спать. Такие милые. Мы, люди, утратили дар беззаботного сна.

— Ты видела Цезаря? — спросила Марция.

Большие карие глаза погрузнели.

— Нет. Я думаю, он очень занят.

— Ты не пыталась увидеть его? — спросила Порция.

— Нет.

— А ты не думаешь, что стоило попытаться?

— Порция, он ведь знает, где я.

Это не было сказано резко или ворчливо. Это была констатация факта.

Странная троица, мог бы подумать кто-либо посторонний, глядя, как жена Цезаря развлекает беседой супругу Катона и его дочь. Но Кальпурния и Марция стали подругами еще в ту пору, когда Марцию отослали к Квинту Гортензию — в духовную и телесную ссылку. И все-таки не в такую, в какой пребывала бедная Кальпурния. Марции нравилось бывать у Кальпурнии, они с ней сошлись, две простые души без каких-либо интеллектуальных претензий и без какой-либо тяги к традиционным женским занятиям — прядению, вязанию, вышиванию, разрисовыванию тарелок, чаш и ваз. И сплетен, в отличие от прочих женщин, они собирать не любили. И обе еще не извели ни тягот, ни радостей материнства.

Началось все с визитов вежливости. Сначала — по смерти Юлии, потом — по смерти Аврелии. Вот, думала Марция, такое же одинокое существо, кто-то, кто не будет ее жалеть, кто не осудит ее за покорное принятие действий ее мужа. Далеко не все римлянки таковы, невзирая на статус. Хотя статус все же имел значение. Обе однажды признались друг другу, что втайне завидуют женщинам низших слоев. Те при желании имели возможность развивать свои природные склонности. Врачевание, прием родов, аптекарское искусство, резьба по дереву, ваяние, живопись — все это было доступно для них. Но не для аристократок, ограниченных кольцом запретов. Их удел — сидеть дома и делать лишь то, что приличествует госпожам.

Не великая любительница всяческой живности, Марция поначалу посчитала главное пристрастие Кальпурнии невыносимым, но спустя какое-то время нашла, что эти кошки — весьма занятные существа. Однако не в такой степени, чтобы принять от подруги котенка. Со свойственной ей пронизательностью она заключила, что, если бы Цезарь удосужился подарить жене комнатную собачонку, та была бы теперь вся в щенках.

Порция примкнула к ним совсем недавно. Дружба мачехи с женой Цезаря поначалу смутила ее. В адрес Марции было высказано много язвительных слов, что не произвело ни малейшего впечатления. Тогда Порция побежала с претензиями к отцу, но тот и не подумал разделить возмущение дочери.

— Мир женщин — это не мир мужчин, Порция! — гаркнул он в своей обычной манере. — Кальпурния — очень достойная женщина. Ее выдали замуж за Цезаря точно так же, как я выдал тебя за Бибула.

Но после отъезда Брута в Киликию Порция изменилась. Весь стоицизм ее куда-то девался, и она тайно плакала. Встревоженная Марция видела, что с ней происходит, но даже не пыталась об этом заговорить. Бедная девочка влюбилась в кого-то. Вероятно, в того, кто отказал ей, когда она предложила себя. Кто сейчас, вероятно, в отъезде. Кто ей не муж. А тут еще и маленький пасынок стал от нее отдаляться. Бедняжка нуждалась в участии, в понимании, чего ни история, ни философия ей дать не могли. Она саморазрушалась, таяла на глазах, ибо в ней никто не нуждался. Положение становилось отчаянным, его следовало исправить, и Марция незамедлительно взялась за это.

В итоге, дав торжественное обещание не говорить о политике, Порция стала наведываться к Кальпурнии. Поразительно, но ей начали нравиться эти визиты. Кальпурния была по натуре отзывчивой, Порция тоже. Доброта тянется к доброте. Кроме того, кошки Кальпурнии пришлись Порции по душе. Раньше она их так близко не видела. Только на улице, где они выли ночами, ловили мышей и отирались возле помоек. Но как только Кальпурния протянула ей очень упитанного, полного достоинства рыжего кота, сердце Порции омыло теплое чувство. Феликс так приятно мурлыкал, что она весь вечер продержала его на руках, а уходя, грустно вздохнула, зная, что ни муж ее, ни отец никакой живности в своих домах не потерпят.

И теперь, глядя в карие опечаленные глаза, Порция вдруг осознала, что одиночество и любовь без взаимности не только ее удел. И, позабыв о собственных горестях, от души пожалела бедняжку.

— Я все же думаю, что ты должна ему написать, — сказала она.

— Может быть, — согласилась Кальпурния, переворачивая котенка на спинку. — Однако, Порция, мне не хотелось бы отвлекать его от дел. Он очень занят. Я этого не понимаю и никогда не пойму. Только молю богов, чтобы с ним ничего не случилось.

Вошел старый Евтих с горячим сладким вином, от которого шел пар, и с тарелкой сладких закусок.

Котят вернули в коробку к матери, та открыла зеленые глаза и посмотрела на хозяйку с упреком.

— Ай, как нехорошо! Бедной мамочке так хотелось поспать, — пожалела кошку Порция, нюхая горячий напиток и с удивлением спрашивая себя, почему в эти холодные, туманные дни ей не подадут ничего подобного слуги Бибула.

Воцарилось молчание.

Кальпурния отщипнула кусочек от самого красивого медового пряника и положила его на алтарь — в дар пенатам и ларам.

— Боги домашнего очага, — произнесла она нараспев, — даруйте нам мир.

— Даруйте нам мир, — сказала Марция.

— Даруйте нам мир, — эхом откликнулась Порция.

ЗАПАД, ИТАЛИЯ И РИМ, ВОСТОК

6 АПРЕЛЯ 49 Г. ДО Р. Х. — 29

СЕНТЯБРЯ 48 Г. ДО Р. Х

Гней Помпей Магн

Поскольку Альпы были завалены снегом, Цезарь повел легионы в Провинцию по извилистой прибрежной дороге с привычной для него скоростью. Выйдя из Рима пятого апреля, он подошел к Массилии девятого апреля, покрыв расстояние почти в шестьсот миль.

Он рад был снова вырваться на свободу. Слишком много лет провел он вдали от великого города и, возвратившись, ничего хорошего в нем не нашел. С одной стороны, он видел, как отчаянно тот нуждается в сильной руке. Рим ветшал, им управляли небрежно. Хаос на улицах, хаос в торговле, храмы обшарпаны, мостовые в буграх, а в государственных зернохранилищах вдоль утесов у подножия Авентина наверняка полно крыс. Деньги тут только копились, но не тратились. Если бы не его собственные строительные проекты, рабочий люд Рима был бы нищим. С другой стороны, ему совсем не нравилось самому разгребать это все. Неблагодарная работенка, чреватая многими неприятностями и лишней возней. Вторжение в обязанности других магистратов. К тому же Рим-город был невеликой проблемой в сравнении с Римом-обществом, Римом-империей, Римом-страной.

Оставляя за собой мило за милей, Цезарь все отчетливей понимал, что по натуре он вовсе не горожанин. Марш во главе сильной, замечательной армии — вот настоящая, полнокровная жизнь. Как хорошо, что у Помпея в Испаниях есть легионы и что их необходимо как можно скорее сковать. Нет, душный, тесный город не про него! Его стихия — простор и дорога!

Единственным большим городом между Испаниями и Римом была Массилия, расположенная на морском берегу, в сорока милях от заболоченной дельты Родана. Основанная еще греками, она сумела сохранить свою независимость и культуру, выговорив у Рима право на содержание собственной армии, а также флота — разумеется, только для обороны самого города и близлежащих земель, достаточно плодородных, чтобы снабжать горожан овощами и фруктами. Но зерно Массилия покупала в Провинции, плотным полукольцом окружавшей ее. Жители Массилии ревностно оберегали свою независимость, но старались ладить с римлянами, столь грозно и неожиданно вмешавшимися в прежний мир греков и финикийцев.

К вечеру в лагерь Цезаря, разбитый на неиспользуемой земле, явились члены Совета пятнадцати, управлявшего городом, и попросили аудиенции у человека, который завоевал Длинноволосую Галлию и сделал себя хозяином Италии.

Цезарь принял их с большой церемонностью — в тоге проконсула, с согопа *сiвiса* на голове. Прежде он никогда не бывал в Массилии и никаких дел с ней не вел. Делегаты, их было пятнадцать, держались холодно и надменно.

— Ты здесь незаконно, — сказал Филодем, лидер совета. — У Массилии заключен договор с настоящим правительством Рима в лице Гнея Помпея Магна и тех людей, которых ты вынудил убежать из страны.

— Убежав, эти люди аннулировали свои права, Филодем, — спокойно возразил Цезарь. — Теперь истинное правительство Рима — я.

— Нет, не ты.

— Значит ли это, Филодем, что ты окажешь помощь врагам Рима в лице Гнея Помпея и его союзников?

— Массилия предпочитает не оказывать никому помощь, Цезарь. Хотя, — добавил Филодем, самодовольно улыбаясь, — мы послали

делегацию к Гнею Помпею в Эпир, подтверждая нашу лояльность.

— Это дерзко и неблагоприятно.

— Если даже и так, я не вижу, что ты можешь с этим поделать, — надменно сказал Филодем. — Массилия слишком хорошо укреплена, и ты не сумеешь принудить ее к повиновению.

— Не провоцируй меня! — улыбаясь, сказал Цезарь.

— Занимайся своим делом, Цезарь, и оставь нас в покое.

— Прежде я должен быть уверен, что Массилия останется нейтральной.

— Мы не станем никому помогать.

— Несмотря на ваше обращение к Гнею Помпею.

— Это идеология, не практика. На практике мы будем сохранять абсолютный нейтралитет.

— Так-то лучше, Филодем. Если я увижу обратное, вас ждет блокада.

— Ты не сможешь осадить город с населением в миллион человек, — уверенно сказал Филодем. — Мы не Укселлодун и не Алезия.

— Чем больше ртов надо кормить, Филодем, тем больше уверенности, что крепость падет. Ты, я думаю, слышал об одном римском генерале, некогда осадившем один испанский город. Горожане послали ему в дар еду, заявив, что у них десятилетний запас провианта. Генерал поблагодарил горожан и сказал, что на одиннадцатый год он возьмет город. И город сдался, зная, что так все и будет. Предупреждаю тебя, не заигрывай с моими врагами.

Однако два дня спустя Луций Домиций Агенобарб прибыл к Массилии с флотом и двумя этрусскими легионами. Горожане, завидев его, опустили на дно огромную цепь, не дававшую кораблям войти в гавань, и суда Агенобарба беспрепятственно пришвартовались к причалам.

— Укрепить город, — приказал совет.

Вздохнув, Цезарь отказался от осады Массилии. Эта задержка не была такой катастрофичной, как, видимо, считал городской совет. Зима делает Пиренеи трудными для перехода как войском Помпея, так и его собственным, а встречные ветры помешают им покинуть Испанию морем.

Лучшим во всем этом было прибытие Гая Требония и Децима Брута с девятым, десятым и одиннадцатым легионами.

— Я оставил пятый возле Икавны, — чуть смущенно сказал Требоний, с нескрываемым обожанием глядя на своего командира. — Эдуи и арверны в случае надобности помогут ему. Они дали слово. У них хорошее войско, почти с римской организацией. Впрочем, весть о твоих победах в Италии ошеломила все галльские племена. Присмирели даже мятежные белловаки. Думаю, этой зимой Длинноволосая Галлия будет вести себя тихо.

— Хорошо бы, ибо я не могу сейчас послать пятому подкрепление, — сказал Цезарь и повернулся к другому легату. — Децим, мне нужен флот. Ты знаком с морским делом, а, по словам моего родича Луция, Нарбон наладил работу верфей и умирает от желания продать нам несколько крепких трирем. Поезжай, посмотри, что там есть. И плати, не скупясь. — Он громко рассмеялся. — Ты не поверишь, но Помпей и римские консулы второпях забыли в Риме казну!

Легаты остолбенели.

— О боги! — воскликнул, придя в себя, Децим Брут. — Я и без того даже в мыслях не держал прибиться к твоим неприятелям, Цезарь, но эта новость заставляет меня еще больше радоваться тому, что я с тобой! Вот ослы!

— Ослы не ослы, но этот факт наглядно показывает в какое они пришли замешательство, столкнувшись с необходимостью вести войну. Они ходили надутые, важные, вставали в позы, грозили мне, оскорбляли меня, не считались со мной, но, как выяснилось, ни на миг не верили, что я пойду на Рим. Они не представляют, что делать, у них нет стратегии. И денег нет. Я велел Антонию не препятствовать продажам любого имущества Помпея и не мешать перекачке к нему вырученных средств.

— А не ошибка ли это? — спросил с беспокойством Требоний. — Ведь, отрезая Помпея от денег, мы могли бы надеяться на скорое завершение этой войны.

— Нет, это лишь затянуло бы ее, — возразил Цезарь. — Помпей все равно нашел бы деньги. Пусть уж лучше потратится лично. Все, что он продаст в Италии, к нему уже не вернется, как и к другим, вдохновленным его примером. Пусть истощат кошельки. Наш

пиценский друг входит в двойку-тройку самых богатых людей в государстве. Агенобарб в этом смысле шестой или седьмой. Я хочу их обанкротить. Безденежные персоны сохраняют влияние, но власти уже не имеют.

— Ага, — сказал Децим Брут, — я вижу теперь, что ты и впрямь не намерен карать кого-то из них. То есть казнить, подвергать гонениям, отправлять в ссылку.

— Именно, Децим. Никто не скажет, что я чудовище, второй Сулла. В этой войне нет врагов Рима ни с одной, ни с другой стороны. Мы просто по-разному смотрим на его будущее. Я хочу, чтобы все мои теперешние оппоненты восстановили свое положение в обществе и без боязни продолжали высказывать свою точку зрения. Сулла зашел в тупик. Любому, кто хоть что-нибудь делает, разумная критика только полезна. Я не могу и представить себя в окружении подхалимов. Человека должны выводить в ряды первых не славословия, а дела.

— А мы разве не подхалимы? — спросил Децим Брут.

Это вызвало смех.

— Нет! Подхалимы не водят в бой легионы. Они полеживают на кушетках, потягивают вино и прикидывают, куда дунет ветер. Мои легаты не боятся высказываться, когда считают, что я не прав.

— Это трудно далось тебе, Цезарь? — спросил вдруг Требоний.

— Сделать то, что я сделал? Перейти Рубикон?

— Да. Мы все беспокоились за тебя.

— И трудно, и нет. Я не хочу войти в историю как завоеватель собственного отечества, ибо я веду эту войну за него. Я стоял перед выбором: или Рим, или вечная ссылка. И если бы я выбрал последнее, Галлия всего за три года ушла бы из-под римской руки. А Рим потерял бы контроль над всеми своими провинциями. Он и так его теряет. Давно пора запретить всяким Клавдиям и Корнелиям грабить подвластные Риму народы. А также ростовщикам вроде Брута, прикрывающим свои махинации флером сенаторской респектабельности. Я хочу провести ряд радикальных, но необходимых реформ, после чего пойду на парфян. В Экбатане находятся семь римских серебряных орлов и останки великого, неправильно понятого на родине римлянина. Они взывают к отмщению. Кроме того, — добавил Цезарь, — мы должны оплатить эту войну. Я не знаю, сколько она продлится. Разум говорит, что несколько месяцев, но интуиция

шепчет, что дольше. Я ведь борюсь со скопищем рьяных, упертых и безмозглых глупцов. С ними будет не легче, чем с галлами, хотя, я надеюсь, все обойдется без большой крови.

— До сих пор ты был очень сдержан, — сказал Гай Требоний.

— Таковым я и намерен остаться, но позиций не сдам.

— У тебя вся казна, — сказал Децим Брут. — К чему беспокоиться об оплате кампании?

— Казна принадлежит народу Рима, а не Сенату. Мы воюем с сенаторской фракцией, а не с согражданами, которые не должны пострадать. Я занимаю деньги, а не беру. И буду продолжать делать займы. Грабеж соотечественников недопустим, а значит, трофеев у нас не будет. И следовательно, мне придется самому компенсировать долг, который растет и будет расти. Как это сделать? Держу пари, что Помпей сейчас выжимает из Востока все, что возможно, так что там я ничего не найду. Испания богата рудными залежами, а не деньгами, да и потом все доходы уходят к Помпею. А парфянское царство очень богато, и мы до сих пор ничего не могли с него получить. Но я получу. Обещаю.

— Я тебе помогу, — сказал Требоний.

— И я, — сказал Децим Брут.

— Но перед тем, — продолжил с улыбкой Цезарь, — мы должны решить вопрос с Массилией и с Испаниями.

— И с Помпеем, — добавил Требоний.

— Ну разумеется, — сказал Цезарь.

Очень хорошо укрепленная и обороноспособная, дополнительно вдохновленная прибытием Агенобарба, Массилия легко выдерживала сухопутную блокаду Цезаря. Зернохранилища осажденного города были полны, скоропортящиеся продукты доставлялись по морю, а другие греческие колонии вдоль побережья Провинции были так уверены в неспособности Цезаря победить, что поспешили снабдить Массилию всем необходимым.

— Интересно, почему все тут думают, что я не могу победить такого усталого старого человека, как Помпей? — спросил Цезарь Требония в конце мая.

— Греки никогда не умели верно оценивать качества полководцев, — ответил Требоний. — Тебя они не знают. А о Помпее,

усмирившем пиратов, тут ходят легенды. Все побережье рукоплескало ему.

— Но я завоевал Длинноволосую Галлию. Это отсюда не так далеко.

— Да, Цезарь, но они — греки! Греки никогда не сражались с варварами, предпочитая селиться на побережье, а не соваться в дикую глушь. Их островные колонии таковы же.

— Ну что ж, скоро они поймут, что поставили не на тех, — раздраженно сказал Цезарь. — Утром я отправляюсь в Нарбон. Децим уже возвращается с флотом. Он отвечает за море, но ты отвечаешь за все. Действуй жестко, без снисхождения. Массилия должна быть усмирена.

— Сколько со мной останется легионов?

— Двенадцатый и тринадцатый. Мамурра сообщил мне, что набран новый шестой в Италийской Галлии. Я велел ему прислать этих ребят сюда. Натаскай их, дай поучаствовать в битве. Лучше с греками, а не с римлянами. Хотя фактически это одно из моих преимуществ.

— Что именно? — недоуменно спросил Требоний.

— Все мои люди в основном италийские галлы и очень многие — с того берега Пада. Солдаты Помпея — сплошь италийцы, если не брать в расчет пятнадцатый легион. Италийцы свысока смотрят на италийских галлов, а италийские галлы платят им тем же. Никакой братской любви.

— Если вдуматься, это очень хорошо.

Луций Цезарь уже считал Нарбон своим домом. Когда кузен Гай прибыл к нему во главе четырех легионов, он увидел, что его родич устроился очень неплохо: три любовницы, несколько замечательных поваров и вдобавок любовь всего Нарбона.

Карта 11. Цезарь в Испании, 49 г. до н. э.

— Кавалерия прибыла? — спросил Цезарь, с видимым удовольствием пробуя разнообразную снедь. — О, я совсем позабыл, как нежна и вкусна тут кефаль!

— Это, — похвастался Луций Цезарь, — потому, что я велел жарить ее по-галльски. В сливочном, а не в растительном масле. Растительное сильно пахнет. А сливочное нам поставляют венеты.

— Ты стал сибаритом.

— Но сохранил форму.

— Это семейное. У нас толстых нет. Что с кавалерией?

— Все три тысячи здесь. Я разместил их на южных пастбищах. На твоём пути, так сказать.

— Фабий, наверное, сидит в Иллерде?

— С седьмым и четырнадцатым, да. Я послал с ним несколько тысяч местных гарнизонных солдат, но буду тебе благодарен, если ты мне их вернешь. Они неплохие ребята, но не сравнятся с твоими бойцами.

— Афраний и Петрей все еще стоят напротив него?

— По ту сторону реки Сикорис, с пятью легионами. А еще два их легиона отсиживаются в Дальней Испании с Варроном. — Луций Цезарь усмехнулся. — Варрон не так уверен, как прочие, что ты проиграешь, и особой активности не развивает. Он в Кордубе.

— Далековато от Иллерды.

— Вот именно. Попробуй устриц.

— Нет. Я предпочитаю кефаль. Твой повар заботливо вынул из нее кости.

— Из этой рыбки их легко вынимать. — Луций Цезарь посмотрел на Цезаря. — Ты, возможно, не знаешь, что Помпей сделал у своих испанских легионеров заем. Они отдали ему все, что имели, и согласились ждать денег, пока тебя не побьют.

— Ага! Помпей уже побирается.

— И поделом. Раз забыл про казну.

Плечи Цезаря затряслись от беззвучного смеха.

— Он теперь этого никогда не забудет.

— Я слышал, мой сын у него.

— Боюсь, что да.

— Он никогда не блистал умом.

— Кстати об уме. Наш род все-таки им не обижен. Один умник мне встретился в Формиях, — сказал Цезарь, переключая внимание на сыры. — Ему сейчас тринадцать лет.

— Кто же это?

— Сын Атии от Гая Октавия.

— Еще один подрастающий Гай Юлий Цезарь?

— Он это отрицает. Говорит, что у него нет военных талантов. Очень спокоен и очень неглуп.

— Стиль жизни Филиппа его не прельщает?

— По-моему, нет. Зато амбиций хоть отбавляй. И он их реализует.

— Но в этой ветви Октавиев никогда не было консулов.

— Они вскоре появятся, вот увидишь.

В конце июня Цезарь привел к Гаю Фабию подкрепление, доведя его силы до шести легионов. Гарнизон Нарбона поблагодарили и отпустили домой.

— Луций Цезарь сказал тебе, что Помпей вытряс из своих испанцев все их сбережения? — спросил Гай Фабий.

— Сказал. Значит, чтобы вернуть свои денежки, они должны нас разбить?

— Для них это единственный выход. Афраний с Петреем тоже обобраны.

— Что ж, доведем их до полного обнищания.

Но казалось, удача покинула Цезаря. Зима, уходя, разразилась ливнями, вызвавшими разливы рек. Своенравная и в засушливые сезоны Сикорис, разбушевавшись, снесла все мосты. А через них к Цезарю доставлялись припасы. Навести же новые переправы, даже когда вода несколько спала, не давали Афраний и Петрей. Дожди продолжались, лагерь Цезаря пришел в жалкое состояние, еда кончалась.

— Ладно, ребята, — сказал Цезарь к солдатам, — нам придется как следует потрудиться.

И два легиона по колено в грязи поднялись вверх по реке. Удалившись на двадцать миль, они втайне от неприятеля навели переправу.

— Вот на этом, — сказал Цезарь Фабию, — и зиждется наша удача. На тяжелом труде. Теперь мы можем спокойно сидеть и ждать хорошей погоды.

Но конечно, курьерам спокойно сидеть не пришлось. Связь с Римом, как и с Массилией, была практически непрерывной. Наконец и Марк Антоний, не великий любитель всяческой писанины, удосужился прислать весточку своему командиру.

В Риме слышно, что ты застрял в грязи, Цезарь. Все мосты через Сикорис разрушены, у тебя нет еды. Некоторые сенаторы устроили по этому поводу праздник возле дома Афрания на Авентине. Мы с Лепидом со стороны поглазели на них. (Нет-нет, померий я не пересекал!) Там были певцы, акробаты, танцоры, пара довольно страшных уродов и уйма креветок и устриц. Преждевременное веселье, подумали мы. Грязь и голод Цезарю не помеха. Наверняка ты уже разобрался со всеми этими неприятностями.

А с Сенатом у нас здесь неладно. После празднества все колеблющиеся — около сорока

человек — отбыли к Помпею, в восточную Македонию. По крайней мере, смерть на поле брани им там не грозит. Помпей поселился у губернатора в Фессалонике и живет себе, не дуя в ус.

Ни Лепид, ни я не мешали их бегству, надеюсь, ты это одобришь. Мы решили, что эти твари тебе в Италии не нужны, пусть допекают Помпея. Кстати, я позволил уехать и Цицерону. Он постоянно тебя поносил, а на меня так просто плевал. Наконец мне это надоело, я раздобыл огромную колесницу, запряг в нее четверку львов и демонстративно стал разъезжать под его окнами. Сказать по правде, это было непросто. Эти красавцы с роскошными черными гривами отказывались работать. Ленивцы! Сделают пару шагов, ложатся и спят. Я вынужден был заменить их на львиц, но те тоже плохо тянули. Говорят, Дионисий ездил на колеснице, запряженной леопардами, но теперь я не знаю, верить этому или нет.

Цицерон отбыл в Кайету в июньские ноны, но без младшего брата. Квинт тебя любит, сын его тоже, и они решили остаться. Но надолго ли, сказать не могу. Цицерон играет на родственных чувствах. Стенания были слышны аж до самого отъезда. Его глаза в очень плохом состоянии. Я знаю, ты не хотел его отпускать. И все же, думаю, так будет лучше. Он слишком некомпетентен, чтобы повысить шансы Помпея на выигрыш (по-моему, у того их просто нет!), а все, что ты делаешь, его раздражает. Пусть вопит в другом месте, подальше от нас. Кстати, с ним уехал и сын его Марк.

Туллия в мае родила семимесячного ребенка. Мальчика. Но через месяц он умер. И в тот же день умер Перперна. Вообрази! Самый старый сенатор, самый старый наш консуляр. Дотянул до девяноста восьми лет. Если бы мне это удалось, я был бы счастлив.

Это письмо и понравилось, и не понравилось Цезарю. Может ли что-нибудь образумить Антония? Надо же, львы! Но с сенаторами все верно. Они только мешали. А Цицерон — это другое. Зря его выпустили из страны.

Новости из Массилии были хорошие. Децим Брут не подкачал. Блокада гавани плохо сказалась на настроении осажденных. Агенобарб вывел флот в море, чтобы дать бой. И проиграл его, понеся большие потери. Блокада продолжилась. Массильским грекам пришлось подтянуть пояса. Они уже не испытывали к Агенобарбу приязни.

— Это неудивительно, — сказал Фабий.

— Массилия выбрала не ту сторону, — ответил Цезарь, сжав губы. — Не знаю, почему тут все думают, что я обречен. Я ведь еще не разу не проиграл.

— У Помпея длиннее список побед. А тебя мало знают.

— Ничего, скоро узнают.

К середине квинктилия Афраний с Петреем забеспокоились. Хотя больших столкновений между враждующими армиями не было, три тысячи всадников-галлов наносили ощутимый урон людям Помпея на дорогах, по которым к Цезарю текло продовольствие. Имея весьма слабую кавалерию, два седовласых вассала Помпея решили уйти за реку Ибер — в незнакомый Цезарю край. Население его, преданное Помпею, вряд ли станет снабжать провиантом неприятельские войска. Не то что люд из северных областей. Там крупные города пришли к выводу, что шансов у Цезаря больше, и во главе со старой столицей Сертория Оской встали на его сторону. В конце концов, Цезарь был родственником Гая Мария, а тот, в свою очередь, был родственником Сертория.

Южнее Ибера такого не будет. Самое время уйти. Марк Петрей пошел вперед с инженерами и рабочими, чтобы построить понтонный мост через реку, Афраний же продолжал мозолить врагу глаза. К сожалению для него, разведка Цезаря не дремала. Он точно знал, что происходит и где. И когда Афраний тайком снялся с места, Цезарь тайком повел свою армию вверх по течению.

Земля высохла, местность располагала к маршу. Цезарь шел по обыкновению быстро и к вечеру догнал Афрания, с ходу вклинившись в его арьергард. Далее ландшафт стал неровным, вдаль появилось

ущелье, к которому Афраний и поспешил. Но Цезарь наступал ему на пятки, и в пяти милях от цели Афраний был вынужден остановиться и возвести походный лагерь. Печалась, что Петрей нет рядом, он провел длинную бессонную ночь. Он бы тайком повел солдат дальше, но знал, что Цезарь любит атаковать в темноте. Что его очень заботило, так это настроение в войске. Люди роптали. Как их успокоить? В этих раздумьях он не сделал главного — не успокоил себя.

Прошло уже много лет с тех пор, как Афраний так напряженно проводил кампанию, если вообще проводил. На рассвете Цезарь быстро собрался и дошел до ущелья первым. У Афрания не было другого выбора, как построить лагерь напротив. Догнавший своего друга Петрей нашел его подавленным, не способным придумать, что делать. Афраний даже не позаботился о запасе воды. Разозленный Петрей приступил к строительству фортификационной линии, ведущей к реке.

Но пока Петрей с инженерами и рабочими вел эти работы, легионеры Помпея ничего не делали. Лагерь Цезаря был так близко, что его часовые с ними переговаривались.

— Вы не можете победить Цезаря, — говорили они. — Сдайтесь сейчас, пока вы все живы. Цезарь не хочет сражаться с согражданами. Но мы соскучились по хорошему бою! Лучше сложите оружие, или мы вас сомнем.

Делегация старших центурионов и военных трибунов Помпея направилась к Цезарю. Среди них был сын Афрания, который просил Цезаря проявить милосердие к его отцу. Пока длились переговоры, несколько солдат Цезаря пробрались в лагерь Помпея. Афраний с Петреем обнаружили их. Первый, узнав что в группе тайно ушедших к врагу делегатов находится и его сын, хотел отпустить пленников. Петрей воспротивился и приказал своим испанским охранникам зарубить их на месте. Ответ был типичен для нового, милосердного Цезаря. Он отослал делегатов обратно, заверив их в своей готовности взять к себе всех, кто захочет к нему перейти. Контраст между его поведением и поведением Петрея не прошел незамеченным. И пока седовласые легаты Помпея решали, переходить ли им Ибер или идти опять к Иллерде, в рядах их подчиненных росло недовольство.

Отступление к Иллерде было хаотичным. Кавалерия Цезаря методично изматывала вражеский арьергард. А когда люди Помпея

встали лагерем на ночь, Цезарь быстро возвел фортификации и отрезал их от воды. Афраний и Петрей запросили мира.

— Я согласен, — сказал Цезарь. — Если переговоры будут вестись в присутствии всех солдат.

Условия Цезаря были приемлемы и разумны. Он прощал всех, кто выступил против него. И предлагал всем желающим присягнуть ему в верности. Только желающим, без принуждения. Люди, взятые против воли, станут ядром недовольства. Все испанцы, сложив оружие, могут вернуться в свои дома. Солдат-римлян отведут к реке Вар и на границе между Провинцией и Лигурией распустят.

Война в Испании закончилась — и опять без крови. Квинта Кассия с двумя легионами послали на юг, где посиживал Марк Теренции Варрон, почти ничего не делая в оборонительных целях и рассчитывая в случае чего спрятаться в Гадесе. Но до этого не дошло. Оба его легиона пожелали перейти к Цезарю без борьбы. Варрон встретил Квинта Кассия в Кордубе и сдался.

В одном только Цезарь допустил ошибку — послал Квинта Кассия губернатором в Дальнюю Испанию. Эти чувствительные к золоту и серебру ноздри расширились, как у собаки, учуяв запах серебра и золота, которые дальняя провинция все еще в изобилии добывала. Квинт Кассий весело помахал рукой Цезарю и принялся немилосердно грабить свою новую подопечную.

Цезарь вернулся в Массилию к середине сентября, как раз к сдаче города. Отрезвленный и разочарованный Совет пятнадцати вынужден был признать поражение. Агенобарб от них уплыл, а Децим Брут усилил блокаду. Начался голод. Цезарь милосердно позволил Массилии сохранить независимость, но без армии и без флота, а также без пригородных земель. На этих землях осели два перевербованных легиона Помпея в качестве гарнизона. Приятная служба в приятном месте. Четырнадцатый легион, ведомый Децимом Брутом, пошел в Длинноволосую Галлию. Требоний, Фабий, Сульпиций и другие легаты отправились с Цезарем в Рим.

Рим совершенно успокоился. Когда Курион в конце июня прислал известие, что Сицилия у него под рукой, все облегченно вздохнули. Орка контролирует Сардинию, Сицилия завоевана, значит, в стране в

урожайные годы будет много зерна. А в неурожайные выручит Африка, если, конечно, Курион подчинит себе и ее.

Но Африка оставалась пока под контролем Помпея. Его способный легат Квинт Аттий Вар отнял полномочия у Элия Туберона, выгнал его из провинции и заключил союз с царем Нумидии Юбой. Единственный находящийся там легион был укреплен пехотинцами Юбы, а также за счет рекрутирования осевших в Африке ветеранов и их сыновей. Кроме того, ему были приданы знаменитые нумидийские конники, способные скакать без седла и дравшиеся лишь копьями, не подпуская врагов к себе.

Второй исход почтенных отцов из страны весьма облегчил жизнь Лепиду. Первым делом он уменьшил число составляющих кворум сенаторов. В Сенате, теперь состоявшем из людей Цезаря и нейтралов, это предложение прошло без каких-либо возражений, а Трибунное собрание тоже не видело причин его отвести. Отныне Сенат мог принимать любые решения при кворуме в шестьдесят человек.

Лепид больше ничего не предпринимал, только поддерживал постоянную связь с Марком Антонием, который обрел в Италии баснословную популярность. Нового ее губернатора окружали бесчисленные любовницы, карлики, танцоры, акробаты и музыканты, а чего стоили его знаменитые львы! Он нравился всем — и селянам, и горожанам. Всегда веселый, всегда приветливый, всегда доступный, всегда готовый осушить пару ковшей неразбавленного вина. Тем не менее ему также всегда удавалось неплохо справляться со своими обязанностями. Он не делал ошибок, не появлялся в разнузданном виде перед войсками. Жизнь его походила на сад с великолепными розами, источающими опьяняющий аромат. Безудержное веселье и власть. Антонийпил эту смесь, Антоний в ней просто купался.

Известия из Африки поступали хорошие. Курион без труда вошел в Утику и очень умело отразил наскоки Аттия Вара и Юбы.

Но в секстилии события в Иллирии и Африке стали принимать другой оборот. Средний брат Марка Антония, Гай, высадился с пятнадцатью когортами на остров Курикта, расположенный в верхней части Адриатического моря. Там его неожиданно атаковали адмиралы Помпея — Марк Октавий и Луций Либон. Несмотря на храбрость своих солдат, Гай Антоний понял, что попал в западню, и обратился за помощью к адмиралу Цезаря Долабелле. Долабелла прибыл к нему на

сорока тихоходных и плохо вооруженных судах. Их разметали по морю. Флот был потерян. Гая Антония вместе с войском пленили. Воодушевленный успехом Марк Октавий атаковал далматинское побережье. Но Салона закрыла ворота и непустила его. Он был вынужден возвратиться в Эпир с Гаем Антонием и пятнадцатью когортами пленников. Долабелла бежал.

Марк Антоний, проклиная глупость брата, стал прикидывать, как организовать его спасение. Но основные проклятия сыпались на голову Долабеллы. О чем тот только думал, позволяя топить свои корабли?! Антоний и слышать не хотел, что корабли Помпея были намного лучше лоханок, какими командовал Долабелла.

Фульвия привыкла к отсутствию Куриона. Жила невесело, но вполне сносно. Ее трое детей от Публия Клодия быстро выросли. Публию-младшему уже шестнадцать, и в декабре — в праздник Ювенты, богини юности, — его официально признают мужчиной. Клодий четырнадцать, и в голове у нее одни женихи. Младшей Клодилле восемь. Та с удовольствием возилась с маленьким Курионом. Годовалый малыш ходил и начинал что-то лепетать.

Она продолжала общаться с двумя сестрами Клодия — Клодией, вдовой Метелла Целера, и Клодиллой, разведенной вдовой Луция Лукулла. Обе не захотели вступить в новый брак, предпочитая наслаждаться свободой, ибо были богаты и не зависели от мужчин. Но интересы Фульвии несколько отличались от их интересов. Она любила своих детей, ей нравилось быть замужем. А романы ее не влекли.

И лучший друг ее не был женщиной.

— По крайней мере, в смысле анатомии, — усмехнулась она.

— Не знаю, Фульвия, почему я терплю твои шутки, — сказал Тит Помпоний Атик, улыбаясь в ответ. — Я счастлив в браке, у меня прелестная маленькая дочурка.

— Ты пытался сделать наследника, вот и все.

— Может быть, ты права. — Он вздохнул. — Эта война всему мешает! Я не могу свободно поехать в Эпир, не могу показать носа в Афинах, набитых надутыми приверженцами Помпея.

— Но ты поддерживаешь с ними хорошие отношения.

— Правильно. Однако, прекрасная госпожа, человеку со средствами разумнее иметь дело с Цезарем. Помпей жаден, он

выбивает кредиты из всех, кто его окружает. Откровенно говоря, я считаю, что Цезарь его победит. Поэтому одалживать деньги Помпею все равно что швырять их в море. Следовательно — никаких Афин.

— И никаких прелестных греческих мальчиков.

— Я могу обойтись и без них.

— Знаю. Просто мне жаль, что ты от них отдален.

— Им тоже, — сухо сказал Аттик. — Я щедрый любовник.

— Кстати о любовниках, — сказала она. — Я очень скучаю по Куриону.

— Странно.

— Что странно?

— Мужчины и женщины обычно стремятся к однотипным партнерам. А ты — нет. Публий Клодий и Курион очень разные, как внешне, так и по природе.

— Аттик, в том-то и весь интерес. После смерти Клодия мне было плохо одной. А Курион всегда терся рядом. Раньше я не воспринимала его как мужчину, но потом стала присматриваться. И меня к нему потянуло именно потому, что он совершенно другой. Веснушчатый, добрый. С огромной копной непослушных волос. И без переднего зуба. Большой рыжеволосый ребенок. Мне захотелось родить такого же.

— Внешность производителя не имеет значения, — задумчиво сказал Аттик. — Я пришел к выводу, что матери в своем чреве формируют таких детей, каких захотят.

— Ерунда! — фыркнула Фульвия.

— Нет, не ерунда. Если дети разочаровывают, значит, их матерям было все равно, какими они родятся. Когда моя Пилия забеременела, ей вдруг захотелось родить девочку с маленькими ушками. Больше ее ничего не интересовало, только пол и уши. В моей родне у всех большие уши. Но у Аттики ушки маленькие. И она — девочка.

Вот о таких вещах они и болтали. Фульвии это давало возможность сравнить женскую точку зрения на жизненные проблемы с мужской, Аттику — редкий шанс побыть самим собой. У них не было тайн друг от друга, ибо ни в скрытности, ни в рисовке не имелось нужды.

Но плавный ход доверительного разговора на этот раз был нарушен. В комнату вошел Марк Антоний, одно появление которого в

пределах города было чем-то из ряда вон выходящим. Фульвия побледнела и задрожала.

Он был очень серьезен и как-то рассеян. Не садился, молчал и на Фульвию не смотрел.

Она схватила Аттика за руку.

— Антоний, скажи!

— Курион! — выпалил он. — Фульвия, Курион мертв!

Голову словно набили ватой. Губы Фульвии изумленно раскрылись, взгляд синих глаз стал стеклянным. Она встала, но тут же рухнула на колени — сработал какой-то внешний рефлекс. А внутри она не могла понять, не могла поверить в это.

Антоний и Атик подняли ее, посадили в кресло, стали растирать онемевшие руки.

Сердце — куда оно так торопится? Скачет вприпрыжку, спотыкается, замирает. Еще не болит. Это придет потом. Нет слов, нет воздуха, нет сил бежать. Опять то же, как с Клодием.

Антоний и Атик переглянулись.

— Что случилось? — с дрожью в голосе спросил Атик.

— Юба и Вар заманили Куриона в ловушку. Он поначалу одерживал верх только потому, что ему позволяли. Он мало смыслил в войне. Его армию разбили наголову. Едва ли кто выжил. Курион пал на поле боя, с мечом в руке.

— Это большая потеря.

Антоний повернулся к Фульвии, откинул волосы с гладкого лба, взял за подбородок.

— Фульвия, ты слышишь меня?

— Я не хочу тебя слышать.

— Да, я понимаю, но ты должна.

— Марк, я любила его!

Она его любила. Ну а ты здесь при чем? Что ты здесь делаешь? Ответ был прост. Он не мог не явиться к ней, и померий тут ни при чем. Страшную весть ему и Лепиду принес гонец. Лепид тут же помчался к нему на Марсово поле. Там, на вилле Помпея, Антоний всегда останавливался, по примеру Цезаря, когда находился близ Рима. Он очень тяжело переживал смерть друга. Плакал, вспоминая прежние времена. Ах, Курион, в новом правительстве ты мог стать всем! Но тебя привлекли фасции, увитые лавром! Как это глупо!

Убран соперник, думал Лепид. Нет, амбиции не ослепляли его, но они управляли им. И смерть Куриона была для него в каком-то смысле подарком. К сожалению, у него не хватило ума скрыть это от Антония. Тот, завидев Лепида, встряхнулся и громогласно поклялся отомстить Атию Вару и Юбе. Лепид услышал в его тоне больше патетики, чем печали, и решился на откровенность.

— Знаешь, это даже неплохо, — заметил он как бы вскользь.

— Почему же? — спокойно спросил Антоний.

Лепид пожал плечами, сделал презрительную гримасу.

— Курион был куплен, поэтому ему нельзя было доверять.

— Твой брат Павел тоже был куплен.

— При других обстоятельствах, — заявил сварливо Лепид.

— Ты прав, при других. Но Курион многое сделал для Цезаря за его деньги. А Павел проглотил их, даже не поблагодарив, и ничем ему не помог.

— Я пришел к тебе не затевать ссору, Антоний.

— Мы в разных весовых категориях. Я тоже не хочу ссоры, Лепид.

— Я созову Сенат и сообщу ему.

— Пожалуйста, но вне померия. И сообщение сделаю я.

— Делай, раз хочешь. А мне, видно, придется сообщить о случившемся Фульвии, этой мегере. — Лепид улыбнулся. — Но я не против. Приобрету некий опыт. Это мне будет вовсе не тяжело.

Антоний встал.

— Фульвии сообщу я.

— Ты не можешь! Тебе нельзя входить в город!

— Я могу делать все, что мне угодно! — рявкнул Антоний, спуская с цепи льва. — Позволить такой ледышке, как ты, сообщать ей подобную новость? Да я скорее умру! Это великая женщина!

— Но, Антоний, твои полномочия?!

Антоний усмехнулся.

— Какие полномочия, олух? Цезарь облек меня ими, не имея на то никаких прав и лишь надеясь, что когда-нибудь сможет сделать это официально. И пока курия меня не утвердила, я могу бывать, где захочу!

Она всегда ему нравилась, она была последней ниточкой, связывающей его с миром Клодия. Он помнил, как спокойно стояла она возле статуи Гая Мария, когда вокруг нее все бурлило. И даже будучи

беременной, она все равно приходила на Форум, чтобы поддержать своего мужа. А дома старалась внести толику здравомыслия в его бредовые планы. После смерти Клодия она не просто перенесла свои чувства на Куриона. Она хотела снова жить и любить. Единственная, несравненная! Другой такой в Риме нет! А в ее восхитительном теле нет ни одной блудливой частички. Какая язва этот Лепид! Назвать ее мегерой! А сам женат на сучке из помета Сервилиии!

— Марк, я любила его! — повторила Фульвия.

— Да, я знаю. Ему повезло.

Потекли слезы. Фульвия стала раскачиваться из стороны в сторону. Раздираемый жалостью, Аттик прижал ее голову к своей груди. Взгляды его и Антония встретились. Антоний выпустил руку Фульвии и ушел.

За три года дважды вдова. Знатная, сильная внучка Гая Гракха вдруг обессилела, вновь утратив цель в жизни. Чувствовал ли то же самое Гай Гракх у могилы Луцины под Яникулом восемьдесят два года назад? Его программы никогда не осуществляются, его сторонники мертвы, враги жаждут его крови. Но они ее не получили. Он сам убил себя. Они были вынуждены довольствоваться тем, что отрубили ему голову и отказали родичам в праве на похороны.

— Помоги мне умереть, Аттик! — стонала она.

— И оставить твоих детей сиротами? Подумай о Клодии и о Курионе! А как же маленький Курион?

— Я хочу умереть, — рыдала она. — Помоги мне!

— Я не могу, Фульвия. Смерть — это конец всему. Ты должна жить ради детей.

Сенат, состоявший только из сторонников Цезаря (или осторожных нейтралов, таких как Филипп, Луций Пизон и Котта), уже не мог противиться его желаниям. А потому Лепид очень уверенно приступил к делу.

— Я не хочу вспоминать то, о чем лучше не помнить, — сказал он, обращаясь к малочисленному контингенту почтенных отцов. — Хочу только обратить ваше внимание на тот факт, что сражение у Квиринальских ворот совершенно обессилило Рим, породило в нем хаос. Луция Корнелия Суллу провозгласили диктатором по одной лишь причине: это было единственным шансом для города прийти в себя.

Предстояло свершить многое из того, что, несомненно, не удалось бы в атмосфере дебатов, при множестве разных мнений о том, что нужно делать и как. Время от времени в истории Республики возникала необходимость поручить одному человеку заботу о благополучии Рима и его владений. Диктатору. Сильному человеку, равнодушному к судьбе Рима. Жаль только, что последний наш опыт оказался печальным. Сулла отказался снять с себя чрезвычайные полномочия через положенные полгода. Он ни во что не ставил самых достойных и самых влиятельных из сограждан. Многих из них объявляли преступниками и казнили.

Сенаторы слушали с хмурым видом, удивляясь, как это Лепид мог надеяться ратифицировать свое предложение в Трибунном собрании, куда он наверняка собирался его передать. Им-то, как людям Цезаря, некуда было деваться. Но в Трибунном собрании преобладали всадники — сословие, больше всего пострадавшее от проскрипций Суллы.

— Цезарь не Сулла, — сказал Лепид, стараясь говорить как можно проникновеннее. — Его единственная цель — образовать действенное правительство и ликвидировать ущерб, нанесенный Риму позорным бегством Гнея Помпея и тех сенаторов, что глядят ему в рот. Деловая жизнь глохнет, экономика страны в упадке, страдают и кредиторы и должники. Задумайтесь о жизненном пути Гая Цезаря, и вы поймете, что он вовсе не глупый фанатик и не слепой приверженец вечной войны. Что необходимо сделать, он сделает. Единственно возможным способом — если его назначат диктатором. Есть, конечно, нечто беспрецедентное в том, что я, простой претор, прошу вас принять такой важный декрет. Но нам нужны выборы, нам нужна стабильность, нам нужна сильная рука. Не моя рука, почтенные отцы! Я не замахиваюсь на такой пост. Гай Юлий Цезарь — вот наша надежда. И он, без сомнения, оправдает ее.

Лепид без труда провел свой декрет и передал его в Трибунное собрание, где собрались и патриции, и плебеи. Возможно, ему следовало обратиться в Центуриатное собрание, но там преобладали всадники, а они больше всех будут возражать против назначения диктатора.

Время для утверждения чрезвычайного назначения было выбрано точно. Начало сентября, пора игр. Дни, когда Рим наводняли охочие до зрелищ селяне. К сожалению, оба курульных эдила, ответственных за

проведение грандиозного представления, убежали к Помпею. Но Лепид, ничуть не смутившись, назначил ответственными за проведение игр двух сенаторов и финансировал их из капиталов патрона. А везде и всюду не уставал повторять, что беглецы пренебрегли своими обязанностями почтить Юпитера Наилучшего Величайшего и что Цезарь принял эти обязанности на себя.

Когда Рим заполнял сельский люд, голоса прочих сословий в Трибутном собрании терялись, ибо сельские трибы разрастались неимоверно. А селяне, даже зажиточные, всегда голосовали за тех, кого они знали. Помпея они знали тоже, но он упал в их глазах, когда на всю Италию заявил о возможных проскрипциях. Цезарь же был милосердным и любил соотечественников. Сельским жителям нравился Цезарь. Они верили в Цезаря. И проголосовали за его назначение диктатором Рима.

— Не бойтесь, — успокаивал Аттик своих сотоварищей-плутократов. — Цезарь консерватор, а не радикал. Долги не аннулируют, проскрипций не будет. Подождите, и увидите сами.

* * *

В конце октября Цезарь прибыл в Плаценцию, зная, что теперь он — диктатор. Его встретил губернатор Итальянской Галлии, младший Марк Красс.

— Все хорошо, кроме поражения Гая Антония, — вздохнув, сказал он. — Хотел бы заверить, что это случайное невезение, но не могу. Не знаю, зачем он решил перебраться на остров, ведь местные жители его так поддерживали. Они обожают тебя. Поверишь ли, некоторые из них даже построили плот, чтобы помочь ему отогнать флот Октавия. У них не было ни пик, ни камней, ни катапульта, ни баллист. Но они держались день. А когда наступила ночь, убили себя.

Цезарь и его легаты слушали. Лица их были мрачны.

— Я хочу, — жестко сказал Цезарь, — ликвидировать родственность в Риме! Я ведь знал, что Гай Антоний провалит любое дело. Результат был бы тот же, куда бы я его ни послал. Ну ладно, эту утрату я перенесу, но Курион — это трагедия.

— Мы потеряли Африку, — заметил Требоний.

— И как-нибудь без нее обойдемся, пока Помпей не будет разбит.

— У него замечательный флот, — сказал раздумчиво Фабий.

— Да, — процедил сквозь зубы Цезарь. — Пора бы Риму признать, что лучшие корабли строят не на его верфях, а на Востоке. А мы все глядим на испанцев. Я взял у Массилии все корабли. Но они ни в чем не превосходят те суда, что строят в Нарбоне, Генуе или в Пизе. Или в Новом Карфагене.

— Либерийцы в Иллирии строят добротные небольшие галеры, — сказал Красс. — И очень быстро.

— Я знаю. В прошлом они строили их для пиратов. Но сейчас это дело заглохло. — Цезарь пожал плечами. — Ну, поглядим. По крайней мере, мы знаем, в чем наша слабость. — Он вопросительно посмотрел на Марка Красса. — Как обстоят дела с нашим планом дать всем италийским галлам гражданство?

— Хорошо, Цезарь. Спасибо, что послал мне Луция Рубрия. Он блестяще провел перепись.

— Я смогу узаконить ее, когда буду в Риме?

— Да, только дай нам еще месяц.

— Отлично, Красс. Это должно быть решено к концу года. Здесь ждали гражданства со времен Италийской войны. Прошло двадцать лет с тех пор, как я дал им слово. И теперь появилась возможность его сдержать.

Вокруг Плаценции расположились восемь легионов: новый шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый, двенадцатый и тринадцатый. Большая часть галльской армии Цезаря. Солдаты седьмого, восьмого, девятого и десятого сражались под римским орлом уже десять лет. Каждому из них было где-то под тридцать, каждый был скор на марше и грозен в бою. В одиннадцатом и двенадцатом служил люд помоложе, но легионеры тринадцатого, которым едва перевалило за двадцать, даже в сравнении с ними казались неоперившимися юнцами. Не говоря уже о шестом, набранном в этом году из совсем зеленых мальчишек, еще не бывавших в сражениях, но страстно рвущихся в бой. Все это были италийские галлы, многие — с той стороны реки Пад. Более сорока лет Рим не хотел признавать их прав на гражданство, но с приходом Цезаря ситуация обещала перемениться.

Вербовка рекрутов пошла быстрее, когда Италийская Галлия это поняла. Цезарь и так был в ней любим, но теперь стал настоящим кумиром. Если он хочет иметь двенадцать легионов, он их получит. Мамурра и Вентидий клятвенно заверили его, что полностью сформируют пятнадцатый, шестнадцатый, семнадцатый и восемнадцатый легионы к моменту погрузки армии на корабли.

Убедившись, что с этой стороны все в порядке, Цезарь приступил к отправлению неотложных губернаторских дел. И специально посетил свою колонию в Новом Коме, чтобы прилюдно и с извинениями выплатить денежную компенсацию человеку, выпоротому Марком Марцеллом два года назад. Потом он навестил колонию Мария в Эпоредии и заглянул в процветающую Кремону. У него родилась мысль проехаться вообще вдоль подножия Альп и самому сообщить тамошним жителям о предстоящей гражданской реформе. Ход, весьма перспективный для пополнения клиентуры. Но тут из Плаценции прибыл курьер. Гай Требоний требовал, чтобы Цезарь вернулся.

— Неприятности, — коротко сообщил он при встрече.

— Какие?

— Девятый легион недоволен.

Впервые за все годы совместной службы Требоний увидел Цезаря ошеломленным, не находящим слов от потрясения.

— Этого не может быть, — медленно проговорил он. — Только не мои мальчики.

— Боюсь, что может.

— Но... почему?

— Лучше ты сам выслушай их. К вечеру они пришлют делегатов.

Делегацию центурионов девятого возглавлял старший центурион шестой когорты, некий Квинт Карфулен. «Пиценец, в отличие от прочих. И наверное, клиент Помпея», — подумал Цезарь, но не повел и бровью.

Он принял прибывших в полном парадном облачении, сидя в курульном кресле с дубовым венком на голове — в напоминание о том, что он тоже не раз бился бок о бок с солдатами первых рядов. И как только мог позабыть об этом девятый?

— Ну, в чем дело? — спросил он.

— Нам надоело, — сказал Карфулен.

Цезарь смотрел не на него, а на pilus prior центуриона Луция Апония и primipilus центуриона Секстия Клоатия. Это были хорошие командиры и лихие рубаки, но сейчас они мялись, отводили глаза. Резкий контраст с нагловатостью сорокалетнего Карфулена. Странно, подумал Цезарь, впервые столкнувшись с такой ситуацией. С иерархией у них что-то неладно. Квинт Карфулен, несомненно, старше Клоатия и Апония, но только по возрасту, а не по рангу, однако, похоже, обладает гораздо большим влиянием в легионе. И куда только смотрит Сульпиций Руф?

Цезарь сидел в курульном кресле с неподвижным лицом и холодным взглядом, но внутри его кипела какая-то адская смесь горя, ярости и неверия. Нет, это невероятно, чудовищно, невозможно, чтобы кто-то из его славных парней вдруг разорвал все связи с ним и замыслил предательство. Это совсем не пустяк — обнаружить такое. В любой армии — пусть, но не в его. Это не просто маленькая неприятность, шероховатость — это обвал, падение в пропасть. У него вдруг возникло желание железной рукой повернуть процесс вспять. Снова сделать девятый своим легионом, а Карфулена и любого, кто с ним, стереть в порошок. В полном смысле. Уничтожить.

— Чем вы недовольны, Карфулен? — спросил он.

— Этой войной. Или лучше сказать, этой не-войной. Никаких сражений, приносящих хотя бы денарий. Я хочу сказать, что в этом заключается смысл солдатской службы. В сражениях. И в наградах, в трофеях. Но до сих пор мы только и делаем, что маршируем, выбиваясь из сил, а потом мерзнем в мокрых палатках и подтягиваем пояса.

— В Длинноволосой Галлии вы делали то же самое. И много лет.

— В том-то все и дело. Мы там хорошо потрудились. Но та война кончилась. Прошло почти два года. А где же триумф? Когда мы будем участвовать в вашем триумфе? Когда нас распустят с туго набитыми кошельками и в придачу выделят небольшой участок хорошей земли?

— Я дал вам слово, что все так и будет. Вы сомневаетесь в моем слове?

Карфулен глубоко вдохнул. Он говорил агрессивно, но держался настороже и был не совсем уверен в себе.

— Да, сомневаемся, генерал.

— По каким же причинам?

— Мы думаем, что ты хочешь обвести нас вокруг пальца. Мы думаем, что ты пытаешься увильнуть от выдачи нам нашей доли. Что ты собираешься увести нас на другой край света, чтобы там и оставить. Эта гражданская война — фарс. Мы не верим, что это настоящая война.

Цезарь вытянул ноги и с равнодушным видом оглядел ступни. Потом поднял голову и в упор посмотрел на Карфулена, тут же съежившегося под его взглядом, на Клоатия, явно мучившегося своей странной ролью, и на Апония, явно желавшего очутиться где-нибудь в другом месте, а затем так же медленно, пристально оглядел остальных.

— А как вы поступите, если я скажу, что через несколько дней вам предстоит марш в Брундизий?

— Очень просто, — сказал Карфулен, вновь обретая уверенность. — Мы никуда не пойдём. Девятый не тронется с места. Мы хотим, чтобы нас распустили. Прямо здесь, в Плаценции, заплатив нам, что положено, и наделив землей близ Вероны. Но сам я хочу, чтобы мне дали землю в Пицене.

— Благодарю, что уделили мне время, Карфулен, Клоатий, Апоний, Мунаций, Консидий, Апиций, Скаптий, Веттий, Минуций, Пусион, — сказал Цезарь, демонстрируя свою феноменальную память. Он не поднялся на ноги, а лишь кивнул: — Вы свободны.

Требоний и Сульпиций, свидетели этого необычного разговора, стояли, не зная, что сказать, и чувствуя приближение жуткого шторма, но даже не пробуя угадать, какую форму он примет. Полный самоконтроль и отсутствие каких-либо эмоций предвещало нечто совсем уж ужасное. Цезарь бывал сердитым, это правда. Но сейчас к его гневу добавилось потрясение. Переживание, какого он не испытывал никогда. Как он с этим справится? Что предпримет?

— Требоний, собери завтра утром девятый. На плацу. И призови туда по первой когорте от остальных легионов, — сказал ровным тоном Цезарь. — Руф, с этим легионом что-то творится, раз уж два его старших центуриона подпали под влияние человека низшего ранга. Возьми наиболее толковых трибунов и вместе с ними прикинь, кому в девятом можно препоручить обязанности *pilus prior* и *primipilus*. Клоатий и Апоний дискредитировали себя.

— Гай, — сказал Требоний, — легатам из других легионов тоже надо бы приглядеться к своим парням. Поискать подстрекателей,

особенно трущихся возле старших чинов. Я настаиваю на проверке всей армии.

На рассвете пять тысяч с лишним солдат девятого легиона были построены на плацу, к ним присоединились первые когорты семи других легионов, то есть еще четыре тысячи двести солдат. Четко довести свои мысли до каждого из десятитысячной массы людей было для Цезаря совсем нетрудно. Он разработал специальную схему еще в Дальней Испании лет тринадцать назад. Смышленных писарей с громкими голосами расставляли на некотором расстоянии друг от друга в солдатских рядах. Первые писари, стоявшие близко от Цезаря, повторяли за ним его фразы с отставанием всего слова в три. Следующие повторяли то, что слышали, и таким образом сказанное катилось через толпу. Мало какому оратору удалось бы не сбиться в таких обстоятельствах. Громкие повторения усиливались, сливались, не давали сосредоточиться, но Цезарь не испытывал затруднений.

Девятый легион был настрожен, но полон решимости. Цезарь, поднявшись на возвышение, всмотрелся в лица собравшихся и отвлеченно порадовался тому, что его взору доступно каждое из них, даже в задних рядах. Его глаза, слава богам, все еще были зорки. Неожиданно для себя он подумал: а как там со зрением у Помпея? Сулла постепенно стал видеть все хуже и хуже и очень переживал из-за этого. Зрение обычно портится уже в среднем возрасте, и пример тому — Цицерон.

Хотя нередко на таких сборах глаза его увлажнялись, сегодня никаких слез не будет. Он стоял, широко расставив ноги, опустив руки, с согопа *civica* на голове. Алый плащ закреплен на плечах красивой серебряной кирасы. Его легаты стояли по обе стороны от него на возвышении, военные трибуны — двумя группами по обе стороны у возвышения.

— Я здесь, чтобы исправить эту позорную ситуацию, — крикнул он высоким, далеко слышным голосом. — Один из моих легионов замыслил мятеж. Представители других легионов могут видеть его сейчас в полном составе. Это — девятый. Говорю для тех, кто стоит далеко.

Никто не проронил ни слова, никто не удивился. Все обо всем уже знали.

— Девятый легион! Ветеран войны в Длинноволосой Галлии, легион, чьи знамена едва выдерживают вес наград, чей орел бывал десятки раз обвит лавром. Состоящий из солдат, которых я всегда называл моими ребятами. Но они отреклись от меня. Я уже не могу считать их моими. Они — толпа, которую настроили против меня демагоги в масках центурионов. Центурионов! Как назвали бы Тит Пуллон и Луций Ворен, два великолепных центуриона, этих подлых людей, которые заменили их, став во главе девятого легиона? — Цезарь указал на двух стоявших рядом с ним ветеранов. — Видите их, солдаты девятого? Это ваши бывшие боевые товарищи! Косвенно ваш позор лег и на них! Видите их слезы? Они плачут о вас! Но я не могу плакать. Я слишком разгневан, я полон презрения. Мой послужной список непоправимо испорчен. Отныне я никому не смогу заявить, что моя армия идеальна и что никакой смуты в ней не было никогда.

Он не шевельнулся. Руки опущены, прижаты к бокам.

— Парни из других легионов, я позвал вас сюда, чтобы вы стали свидетелями моих действий. Эти бунтовщики объявили, что не двинутся из Плаценции, что они хотят, чтобы их распустили прямо здесь и сейчас. И чтобы им выплатили все, что положено, включая их долю в трофеях девятилетней войны. Что ж, хорошо. Их распустят. Но распустят не с честью! Их доля в трофеях будет поделена между всеми воевавшими в Галлиях легионами. Они не получают земли. Каждый будет лишен гражданства. Вы знаете, что сейчас я — диктатор и что мои полномочия превышают полномочия и консулов, и губернаторов. Но я не Сулла. Я не стану злоупотреблять своей властью, тем более здесь. Я поступлю лишь так, как позволительно поступить любому командующему, чьи войска вздумали бунтовать. Я могу стерпеть многое, даже если от кого-то из вас вдруг потянет духами. Мне плевать, если кто-то подставит кому-нибудь свою задницу, лишь бы тот и другой дрались, как боевые коты! Лишь бы они были мне абсолютно верны! Но солдаты девятого мне не верны. Они мне изменили. Они обвинили меня в намеренном утаивании от них того, что им полагается. Меня! Гая Юлия Цезаря! С которым плечом к плечу провели десять лет! Моего слова для девятого недостаточно! Девятый затеял мятеж!

Его голос окреп. Он закричал. Закричал во весь голос. Этого он никогда себе не позволял.

— Я не потерплю мятежа! Вы слышите? Не потерплю! Мятеж — это худшее преступление для солдата! Мятеж — это государственная измена! И я буду расценивать мятеж девятого легиона как государственную измену! Я лишу его солдат всех их прав, всех положенных им денег и гражданства. И каждого десятого из состава — казню!

Он ждал, пока клерки повторят сказанное. Никто не проронил ни звука, кроме Пуллона и Ворена, которые рыдали. Все смотрели на Цезаря.

— Как вы могли? — крикнул он, повернувшись к девятому. — Вы не представляете, как я благодарю всех римских богов за то, что Квинт Цицерон сейчас не с нами! Впрочем, это и не его легион. Эти люди не могут быть теми героями, которые целый месяц противостояли пятидесятитысячной армии нервиев. Раненые, больные, измотанные, они смотрели, как горят их вещи и провиант, но продолжали бороться с врагом! Нет, это люди другие! Алчные, жалкие, низкие! Я больше не назову их моими ребятами! Я их отвергаю!

Он поджал губы, сделал пренебрежительный жест.

— Не понимаю, как вы могли? Как вы решились поверить каким-то мерзавцам? Чем я это заслужил? Когда вы голодали, разве я ел что-то лучшее? Когда вы мерзли, разве я спал в тепле? Когда вы падали духом, разве я высмеивал вас? Когда вы нуждались во мне, разве я не приходил к вам? Когда я давал вам слово, разве я его нарушал? Что я вам сделал? Что я вам сделал? — Он сжал кулаки. — Кто эти люди, кому вы поверили больше, чем мне? Какими лаврами увиты их головы? Какой героизм они проявили и в каких войнах? Как велики их заслуги? Они вели вас, они пеклись о вас лучше, чем я? Или они платили вам больше? Нет, но, оказывается, вы еще не получили вашей доли от триумфальных трофеев. Их также не получил пока ни один другой легион! Но разве я не оделял вас премиями из моего собственного кошелька! Разве я не удвоил вам жалованье! Задолжал ли я вам в этом смысле хотя бы денарий? Нет! Вы сами знаете, нет! А в гражданской войне на трофеи рассчитывать не приходится. Но разве я не обещал компенсировать вам их отсутствие? Что я вам сделал?

Он рассек воздух рукой.

— Ответ таков. Я ничего не сделал, чтобы спровоцировать ваш мятеж, даже если в римской армии были бы узаконены подобные

проявления недовольства. Но нет, они не узаконены. И не будут! Мятеж — это государственная измена. Разве я самый скупой и самый жестокий главнокомандующий во всей истории Рима? Нет, но вы тем не менее плюнули мне в лицо. Я не отвечу вам плевком, не дождетесь. Я просто скажу вам: вы были моими ребятами, а теперь нет! Вы этого недостойны!

— Цезарь! — звонко выкрикнул Секстий Клоатий. Слезы катились по его красному обветренному лицу. — Цезарь! Не надо! — Он выступил из рядов, подбежал к возвышению. — Я согласен на роспуск, я согласен потерять деньги. Я согласен на казнь, если жребий падет на меня. Но я не вынесу, если не останусь твоим славным парнем!

И они вышли вперед, все остальные делегаты девятого. Плача, умоляя простить их, готовые умереть, только бы Цезарь вернул им свое расположение. Солдаты мятежного легиона рыдали. Искренне, от всего сердца.

«Какие они все-таки дети, — думал он, глядя на них. — Польстившиеся на красивые словеса, исторгнутые из грязных ртов. Одураченные шарлатанами. Дети, храбрые, жесткие, порой жестокие. Но не мужчины в настоящем понимании этого слова. Дети».

Он дал им поплакать.

— Ну хорошо. Я не распушу вас. Я не стану обвинять всех в измене. Но у меня есть условие. Мне нужны сто двадцать зачинщиков мятежа. Каждый десятый из них будет казнен. Остальных распустят и лишат гражданства.

Первые восемь десятков выданных целиком составляли центурию Карфулена, первую седьмой когорты. В число остальных вошли приятели Карфулена. И еще Клоатий с Апонием.

Никто из легионеров не знал, что жребии для выбора двенадцати смертников были заранее подтасованы. Сульпиций Руф провел предварительное расследование и выявил главных смутьянов. Одного из них не было среди тех, кого выдал девятый.

— Среди вас есть кто-нибудь невинный? — спросил Цезарь.

— Да! — выкрикнули из задних рядов. — На меня указал центурион Марк Пусион. А виновен он сам, а не я!

— Выйди вперед, солдат, — велел Цезарь.

Тот вышел вперед.

— Пусион, займи его место.

Центурионы Карфулен, Пусион, Апиций и Скаптий вытащили жребий на смерть. Другие смертники оказались солдатами, действительно принимавшими активное участие в подстрекательстве к мятежу. Приговор был приведен в исполнение тут же. Каждой декурии, на которые разделили заложников, выдали по девять дубинок и приказали бить ими приговоренных, пока те не превратятся в кровавое месиво.

— Хорошо, — сказал Цезарь, когда все закончилось, понимая, что для него во всем этом ничего хорошего нет. Он теперь никогда не сможет сказать, что в его армии никогда не было смуты. — Руф, у тебя готов список проверенных центурионов?

— Да, Цезарь, готов.

— Тогда переформируй свой легион в соответствии с твоим списком. Ты потерял более двух десятков центурионов. Восполни потери.

— Но мы все же не потеряли девятый, — сказал Гай Фабий. — Я рад. — И вздохнул. — Какой ужас!

— Все затеял один человек, — печально заметил Требоний. — Если бы не Карфулен, ничего не произошло бы.

— Может, и так, — сурово сказал Цезарь, — но это произошло. Девятому нет прощения.

— Цезарь, они же не все виновны! — смущенно возразил Фабий.

— Нет, они просто дети. И все же почему все думают, что детей надо прощать? Они не животные, они — люди. Они должны жить своим умом. Я никогда не прощу девятый. Они поймут это, когда гражданская война закончится и я их распущу. Они не получают земли ни в Италии, ни в Итальянской Галлии, только в колонии возле Нарбона.

Кивком головы он отпустил офицеров. Фабий и Требоний шли к себе вместе и поначалу молчали. Наконец Фабий не выдержал.

— Требоний, это мои досужие домыслы или Цезарь и впрямь меняется?

— Становится жестче, ты хочешь сказать?

— Я не уверен, что это точное слово. Может быть... он все сильнее сознает свою исключительность. Это возможно?

— Определенно.

— Но... почему?

— Таков ход событий, — ответил Требоний. — Более слабого человека они бы загнали в тупик. Но ему всегда помогало то, что он никогда в себе не сомневался. Однако мятеж девятого в нем что-то сломал. Он не думал, что такое может случиться. Во многих отношениях, я полагаю, это еще худший Рубикон для него, чем какая-то там речушка.

— Но он все еще верит в себя.

— Он и умирая будет верить в себя, — сказал Гай Требоний. — Просто сегодня поблекло его представление о себе. В идеальном образе появился изъян. А Цезарь изъянов не терпит.

— Он все чаще спрашивает, почему все не верят, что он победит, — хмуро сказал Фабий.

— Потому что его сердит глупость людей. Вообрази, Фабий, каково это — знать, что тебе нет равных! А Цезарь знает. Он может все! Он много раз доказывал это. И хочет, чтобы ему воздавали по заслугам. Но все идет не так. Его не признают, ему ставят барьеры. Подумай сам, ему уже пятьдесят, а он все еще бьется за то, что давно должен бы получить. Тут станешь легкоранимым.

В начале ноября восемь легионов, расположенных в Плаценции, выступили в Брундизий. Им предстояло покрыть сто пятьдесят миль за два месяца. Дойдя до Адриатического побережья, они должны были идти вдоль берега, не пересекая Апеннин, чтобы не приближаться к Риму. Скорость марша была установлена двадцать миль в день, и это означало, что каждый второй или третий день оставался для отдыха. Для легионов Цезаря — просто прогулка, а не марш, особенно в это цветущее осеннее время года.

От Аримина, который приветствовал его с тем же энтузиазмом, что и около года назад, Цезарь, оставив армию, повернул к Риму. Фламиниева дорога текла вверх-вниз по прелестным холмам сквозь небольшие укрепленные городки на их вершинах. Склоны холмов покрывали то пастбища, густо поросшие уже начинающей желтеть травой, то обширные заросли пихт, лиственниц, сосен, достаточные для строительных нужд на много веков при разумном расходе. Италийцы бережливы, они большие ценители ландшафтных красот, это у них в природе. Путешествие было целительным, вливало новые силы. Цезарь против обыкновения ехал неспешно, останавливаясь во всех

поселениях, здороваясь с местными жителями, расспрашивая, все ли делает для них Рим, и обещая исправить промашки. Он разговаривал с дуумвирами самых маленьких городков так, словно те по значению были равны Сенату Рима. Это ведь и впрямь так, считал он. Рим зависит от них. Он развивается и растет, высасывая из своих младших братьев все соки. Кукушонок в итальянском гнезде. Благодаря большому количеству городов Рим имел влияние, а его политики способствовали этому влиянию. И Рим благодаря этому затмевал все.

Это суждение подтвердилось, когда, приближаясь к городу с севера, Цезарь увидел вдали семь римских холмов с каскадами крыш, покрытых оранжевой черепицей, с бликами солнца на позолоченных фронтонах храмов, с высокими кипарисами и зонтичными соснами, с четкими дугами арочных акведуков, сильным течением синих вод Тибра и буйной зеленью Марсова и Ватиканского полей по обоим его берегам. Прежнее, апрельское, посещение было сущим кошмаром. Тогда он ничего этого не замечал.

Тысячи римлян высыпали ему навстречу, сияя от радости, бросая цветы под копыта коня. Двупалого, конечно! Разве мог он въехать в этот город на каком-то другом скакуне? Все приветствовали его, посылали воздушные поцелуи, протягивали детей, чтобы он им улыбнулся на счастье. А он, в своих лучших доспехах, с согопа *civica* на голове, медленно ехал позади двадцати четырех ликторов, одетых в малиновые туники. Топорики в их фасциях ярко сверкали. Цезарь улыбался, махал горожанам рукой, наконец-то признанный Римом. «Плачь, Помпей, плачь! Плачь, Катон! Плачь, Бибул! И все остальные недруги, тоже плачьте! Никому из вас за всю вашу жизнь никогда так не рукоплескали! В сравнении с этим что значит Сенат? Что значат восемнадцать старших центурий? Рим — это люди, а люди любят меня. Их больше, чем вас, вы в сравнении с ними, как редкие фонари на фоне звездного неба».

Цезарь въехал в город через Фонтинальские ворота, обогнул Капитолийский холм и спустился по кливусу Банкиров к почерневшим руинам Порциевой базилики, курии Гостилия и контор Сената. Он с удовлетворением отметил, что Павел использовал огромную взятку гораздо правильнее, чем провел свое консульство. Строительство базилики Эмилия было закончено. А на другой стороне Нижнего Форума, где прежде стояли базилики Опимия и Семпрония, строилась

его собственная базилика. Базилика Юлия. Она затмит базилику Эмилия, как затмит курия Юлия прежнее здание для заседаний Сената. Во всяком случае, судя по проектам, предъявленным ему архитекторами, и по началу работ. Да, он поставит фронтоны этого храма на Domus Publica, сделает его видимым со стороны Священной дороги и оденет его фасад в мрамор.

Прежде всего он отправился в Регию, небольшое святилище великих понтификов. Вошел один и с удовлетворением отметил, что там царит чистота. Нет паразитов, алтарь с тщанием вымыт, два лавровых деревца процветают. Прочитав краткую молитву, он вышел и направился в свою резиденцию — в Domus Publica. Прошел туда через собственный вход и закрыл дверь перед вздыхающей, что зрелище кончилось, но удовлетворенной толпой.

Как диктатор он имел право носить доспехи в пределах Рима, а его ликторы — топоры в фасциях. Когда их патрон исчез за дверью, эти парни добродушно кивнули толпе и побрели в свою коллегию на углу кливуса Орбия, чтобы там отдохнуть и, если выйдет, повеселиться.

Но для Цезаря формальности еще не кончились. В свой апрельский проезд он так и не удосужился побывать в Domus Publica. Как великому понтифику ему в этот раз было необходимо поприветствовать своих подопечных весталок, которые ждали его в большом храме, общем для обеих половин здания. О, куда ушло время? Встретившая его старшая весталка была почти ребенком, когда он отбывал в Галлию. Его мать, Аврелия, частенько поругивала ее за обжорство. А теперь Квинктилии двадцать два, и она — старшая весталка. Не похудела, все та же пышка, чье круглое простое лицо дышит добродушием и практичностью. Рядом — Юния, немного моложе и очень привлекательная. А вот и его черный дрозд, Корнелия Мерула... Как она выросла! Впрочем, чему тут удивляться, ведь ей восемнадцать. Позади всех — три малышки. Естественно, незнакомые. На взрослых весталках парадное облачение. Белые платья и белые вуали поверх семи обязательных скатанных из шерсти валиков, на груди — медальон. Булла. На девочках тоже белые платья, но вместо вуалей — венки из цветов.

— Добро пожаловать, Цезарь, — улыбаясь, приветствовала его Квинктилия.

— Как хорошо дома! — сказал он, ощутив желание крепко обнять ее, но понимая, что этого делать нельзя. — Юния и Корнелия, вы тоже

выросли!

Они улыбнулись, кивнули.

— А кто же эти малышки?

— Лициния Теренция, дочь Марка Варрона Лукулла.

Да, вся в отца. Длинное лицо, серые глаза, каштановый цвет волос.

— Клавдия, дочь старшего сына Цензора.

Смуглая, симпатичная, сразу видно — из Клавдиев.

— Цецилия Метелла, из Капрариев.

Вспыльчивая, горячая и, конечно, гордячка.

— Фабия, Аррунция и Попиллия, их уже нет здесь! — поразился он. — Слишком долго я был в отлучке.

— Но мы поддерживали огонь в очаге Весты, — сказала Квинктилия.

— И поэтому Рим в безопасности. Благодарю.

Улыбаясь, он отпустил их и направился на свою половину тяжелого и большого строения. Без Аврелии будет трудненько, но придется перетерпеть.

Это было действительно трудно. Вскрики, слезы, но как же без слез? Все собрались: Евтих, Кардикса, Бургунд. Такие старые! Сколько кому? Тому семьдесят? Этой восемьдесят? Или наоборот? Впрочем, неважно. Главное, они так рады ему! О, тут и отпрыски Кардиксы с Бургундом! Некоторые уже седые! Но Бургунд никому не позволил снять с Цезаря плащ. И кирасу. И юбку *pteryges*. Цезарь едва отстоял право самому снять с себя ленту — знак империя.

Наконец он освободился и пошел искать жену. Та не вышла к нему. Ожидание — в ее манере. Терпеливая, как Пенелопа, ткущая собственный саван. Он нашел ее в гостиной Аврелии, где уже ничто не говорило о прежней хозяйке. Будучи босым, он подошел к ней тихо, как кошка. Она не услышала. Посиживала себе в кресле с жирным рыжим Феликсом на коленях. Сознавал ли он когда-нибудь, насколько она привлекательная? Кажется, не сознавал. Темные волосы, длинная шея, тонкие скулы, высокая грудь.

— Кальпурния! — выдохнул он.

Она мгновенно обернулась. Глаза огромные, черные.

— Мой господин, — сказала она.

— Цезарь, не господин.

Он наклонился поцеловать ее. Идеальное приветствие для жены, которая пробыла таковой всего несколько месяцев и потом не видела мужа в течение нескольких лет, — поцелуй страстный, признательный, обещающий большее. Цезарь сел в свободное кресло напротив и, улыбаясь, отвел прядь волос с ее лба. Дремлющий кот открыл один желтый глаз и перевернулся на спину, вытянув вверх все четыре лапы.

— Ты ему нравишься, — удивилась она.

— Я и должен ему нравиться. Я спас его от смерти.

— Ты никогда мне этого не говорил.

— Не говорил? Какой-то бродяга хотел его бросить в Тибр.

— Тогда мы с ним оба благодарим тебя, Цезарь.

Потом, поздно вечером, уткнувшись лицом в ее грудь, он вздохнул и вытянулся на постели.

— Я очень рад, — сказал он, — что Помпей отказался выдать за меня свою дочь, эту бой-бабу. Мне уже пятьдесят один, я староват для рукопашных боев. Как в личной, так и в политической жизни. А ты мне подходишь.

Может быть, где-то в самых глубинах души что-то ее и кольнуло, но она смогла разглядеть в этом признании и потаенную приязнь, и отсутствие дурных умыслов. Брак в Риме был прежде всего бизнесом. Обстоятельства так сложились, что она осталась женой Цезаря, а то ее место могла бы занять скорая и тяжелая на руку Помпея Магна. Между сухим сообщением отца, что Цезарь хочет развода, и новостью, что Помпей Цезарю отказал, прошло всего несколько рыночных интервалов, но для нее они были полны тревоги и опасений. Все, что видел ее отец, Луций Кальпурний Пизон, — это огромная сумма отступных, которые Цезарь хотел дать Кальпурнии. Сама Кальпурния видела только другой брак, который ей, несомненно, организуют. Любовь любовью, однако Кальпурния в первую очередь не хотела ничего менять в своей жизни. Куда-то переезжать, расставаться с кошками, приспособливаться к кому-то. Монастырский, неспешный стиль жизни в *Domus Publica* очень ей подходил, ибо допускал и некоторую свободу. А уж приходы Цезаря вообще были сродни посещению бога. Он хорошо понимал, как доставить ей удовольствие, как сделать приятными интимные отношения. Ее муж был Первым Человеком в Риме.

Публий Сервилий Ватия Исаврик был человеком тихим, с врожденной лояльностью к крепкой руке. Его отец, большой плебейский аристократ, сохранял верность Сулле и являлся его самым преданным сторонником, пока этот трудный, противоречивый властитель не умер. Но благодаря своему тихому нраву он сумел приспособиться к жизни и без Суллы, не потеряв при этом влияния благодаря своей родовитости и богатству. Вероятно, разглядев в Цезаре второго Суллу, этот достойный человек перед своей кончиной полюбил и его. А его сын попросту унаследовал это чувство. Публий Сервилий Ватия Исаврик был претором в год консульства Аппия Клавдия Цензора и Агенобарба. Он успокоил подозрительность *boni*, казнив одного из легатов кумира. Это была не измена кумиру, а хитрость: Гай Мессий не имел какого-либо значения для Цезаря.

С тех пор Ватия Исаврик всегда держал сторону Цезаря во время голосования, и запугать его было нельзя. Неудивительно, что, когда Помпей и все прочие покинули Рим, Ватия Исаврик остался. Цезарь, разумеется, значил для него больше, чем его брак со старшей дочкой Сервилии. Однако когда Цицерон пустил по Риму слух, что в багаже одного низко-рожденного негодяя обнаружился и портрет Юнии, Ватий Исаврик с ней не развелся. Лояльный человек остается лояльным во всем.

На другой день после приезда Цезаря в Рим Марк Антоний послал гонца с сообщением, что он ждет его на Марсовом поле, а Марк Эмилий Лепид, обеспечивший ему диктаторство, дожидался аудиенции в *Domus Publica*. Но Ватия Исаврик был первым, с кем предпочел увидеться Цезарь.

— Увы, я здесь ненадолго, — сказал он посетителю.

— Я понимаю. Тебе нужно переправить армию через Адриатику до экваториальных штормов.

— Причем самому. Что ты думаешь о Квинте Фуфии Калене?

— Он был твоим легатом. Ты разве не помнишь?

— Я знаю, что он неплохой человек. Но кампания против Помпея вызывает необходимость переформировать состав старшего командования моей армии. Я не имею в виду Требония, Фабия, Децима Брута или Марка Красса. Но у меня прибавилось легионов. Может ли Кален справиться с более высокой должностью, чем должность легата?

— Если не вспоминать о его роли в печальном деле Милона и Клодия, думаю, да. Кроме того, если быть справедливым, он принял приглашение Милона, не зная о его планах. Выбор его Милоном — хорошая рекомендация. Вероятно, Кален безупречен.

— Ага! — Цезарь откинулся на спинку кресла и пристально посмотрел на Исаврика. — А ты не хотел бы управлять Римом в мое отсутствие? — спросил он.

Ватия Исаврик был весьма удивлен.

— Как начальник конюшен?

— Нет! Я в диктаторах не задержусь.

— Не удержишься? Тогда зачем старался Лепид?

— Чтобы передать мне всю власть на период, достаточный для того, чтобы навести тут порядок. А точнее, пока меня не изберут консулом с правом выбрать себе коллегу. И я хочу, чтобы моим коллегой стал ты.

Это явно была хорошая новость. Ватия Исаврик просиял.

— Цезарь, это большая честь! — Он вдруг нахмурился, о чем-то подумал. — Ты поступишь так, как Сулла? То есть назначишь лишь двух кандидатов?

— О нет, Ватия, нет! Мне все равно, сколько у нас будет соперников!

— Ну, Сенат, разумеется, тебя поддержит, но всадники! Они боятся тебя. Результаты выборов могут быть не такими, как ты ожидаешь.

Предположение вызвало смех.

— Уверяю тебя, Ватия, что всадники восемнадцати римских центурий будут вставать в очередь, чтобы отдать нам голоса. Еще до выборов я намерен внести в Трибутное собрание ряд предложений с целью урегулировать римскую экономику. Это успокоит все страхи. Коммерсанты поймут, что я вовсе не собираюсь аннулировать все долги или выкинуть что-то еще в этом роде. Что нужно Риму — это правильное законотворчество, чтобы восстановить в деловой жизни финансовую стабильность. К этому все стремятся: и кредиторы, и должники. Умеренность и здравомыслие — вот на что все мы должны сейчас опираться. И человек, на которого я оставлю Рим, тоже должен быть сдержанным и разумным. Вот почему я хочу, чтобы это был ты.

— Я не подведу тебя, Цезарь.

Затем пришел Лепид — совершенно другой человек.

— Через два года, Лепид, я думаю, ты будешь консулом, — сказал Цезарь, разглядывая холеного и чуть взволнованного красавца: высокомерен, не лишен слабостей, возможно, порочен.

Лепид был явно разочарован.

— Не ранее, чем через два?

— Согласно *lex Annalis* скорее никак нельзя. Я не хочу нарушать *mos maiorum* Рима больше, чем это необходимо. Хотя я иду по стопам Суллы, я не Сулла.

— Ты все время это подчеркиваешь, — с горечью заметил Лепид.

— У тебя очень древнее патрицианское имя и большие шансы вернуть ему былую славу, — холодно сказал Цезарь. — Ты выбрал сторону победителя, и ты преуспеешь, я обещаю тебе. Но терпение, дорогой мой Лепид, — это хорошее качество. Попробуй ввести его в практику.

— Я-то могу, но у моего тощего кошелька терпения нет.

— Откровенное заявление для будущего правителя, не сулящее ничего хорошего Риму. Однако я заключу с тобой сделку.

— Сделку? — переспросил осторожно Лепид.

— Информировать меня обо всем, что покажется тебе важным, и я велю Бальбу регулярно подкармливать твой кошелек.

— Какими суммами?

— Это будет зависеть от точности информации. Мне не нужны искаженные к твоей выгоде факты. Только голая правда. Учти, информаторов у меня много, и я не дурак.

Несколько помягчавший, но все-таки недовольный, Лепид ушел.

Остался Марк Антоний.

— Я буду начальником конюшен? — первое, что спросил он.

— Антоний, я не останусь диктатором на столь долгий срок.

— Какая жалость! Из меня вышел бы потрясающий заместитель!

— Не сомневаюсь, ибо Италия под тобой жила вполне сносно.

Правда, мне не очень нравились твои львы, паланкины, любовницы и фигляры. Ни дать ни взять второй Дионисий. К счастью, в ближайшем будущем это все прекратится.

Антоний надул губы, опустил голову.

— Почему?

— Потому, Антоний, что ты едешь со мной. В Италии останется претор по иностранным делам Марк Целий. А ты войдешь в мой

офицерский совет.

Глаза засияли.

— Так это намного лучше!

«Вот хоть один человек, которого удалось порадовать, — подумал Цезарь. — Жаль, что в этом мире Лепиды попадают гораздо чаще».

Закон Цезаря, призванный стабилизировать и активизировать деловую жизнь Рима, нашел горячую поддержку как у всадников восемнадцати старших центурий, так и у многих и многих тысяч коммерсантов помельче. Действие его распространялось на всю Италию, а не только на Рим. Имущественные и финансовые проблемы получили наконец долгожданное разрешение. Кредиторам, считавшим свои деньги пропавшими, предлагалось брать в качестве возмещения земли. Но оценку этих земель должны были проводить независимые арбитры под контролем городских преторов. Кредиторы были довольны, но облегченно вздохнули и должники. Двухлетний начет на основную заемную сумму был определен в двенадцать процентов, и в десять — на все новые займы. Разумеется, с серией оговорок, что очень устраивало и тех и других. Но с самым большим облегчением римляне восприняли пункт, предусматривавший строгое наказание для любого раба, вздумавшего донести на своего господина. Поскольку прежний диктатор, наоборот, поощрял рабов-доносчиков, всадники Рима наконец поняли, что Цезарь и впрямь не Сулла и что проскрипций не будет.

Коммерческий мир Рима ожил, стал выправляться. Отличный закон, уверяли и кредиторы и должники. Аттик, раньше всюду твердивший, что Цезаря нечего опасаться, очень гордился своей проницательностью. «Я же вам говорил!» — повторял он то и дело и принимал поздравления.

Поэтому вовсе не удивительно, что выборы магистратов всех рангов прошли для кандидатов Цезаря на ура. На консульские посты помимо Цезаря и Ватия рискнули баллотироваться еще несколько человек, но кто стал старшим консулом, а кто младшим? Цезарь и Ватия, разумеется. Этим восемнадцать старших центурий в один голос сказали: благодарим, благодарим, благодарим!

Вакансии в коллегиях жрецов тоже заполнились, а на горе Альбан провели Латинский фестиваль, давно обещанный римлянам. Каждый

день что-то происходило! Впрочем, припоминал Рим, так всегда было и в прошлом, когда Цезарь находился у власти, несмотря на то, что Бибул очень старался ему помешать.

Поскольку второе консульство Цезаря начиналось лишь с первого новогоднего дня, он продолжал оставаться диктатором, а потому сумел без помех наделить всех жителей Италийской Галлии полноправным гражданством. Давняя обида на несправедливость прошла.

Еще он восстановил в правах сыновей и внуков тех, кто пострадал от проскрипций Суллы, потом возвратил домой ссыльных. Но только тех, кого счел изгнанными незаконно. Так, Авл Габиний опять стал влиятельным римским гражданином, а Тит Анний Милон и Гай Верес — нет.

Каждому римлянину в знак благодарности за любовь и поддержку Цезарь выдал бесплатно лишнюю долю зерна, покрыв расходы золотом из кладовых храма Опы. Казна Рима на этот раз осталась нетронутой, но ему предстояло сделать там еще один большой заем для финансирования своей кампании в Македонии.

На десятый день своего пребывания в Риме он еще раз созвал Сенат, и так уже сбившийся с ног. «Вот оно, значит, что происходит, когда Цезарь спешит», — думали многие из почтенных отцов, тяжело отдуваясь.

— Завтра я покидаю Рим, — объявил он с курульного возвышения.

Его забавляло, что он стоит под статуей человека, который тут уже не хозяин. Настойчивые предложения убрать ее Цезарь отверг. Пусть Помпей Магн учится, как надо делать дела.

— Вы, конечно, заметили, что я не предпринимаю попыток лишить гражданства своих перебравшихся через Адриатику оппонентов. Я не усматриваю измены в их горячем желании обратить меня в пыль. Они просто неправы, они заблуждаются, они не видят, что хорошо, а что плохо для Рима. И я искренне надеюсь обойтись без кровопролития, как обходился без него до сих пор. Гораздо труднее мне простить им то, что они оставили вверенную их попечению Италию в хаосе, в состоянии, близком к упадку, к обвалу. Счастье, что я успел выправить положение. Поэтому они должны будут заплатить по счетам. Разумеется, Риму, не мне. Я присвоил статус врага Рима только одному человеку — царю Нумидии Юбе, за подлое убийство Гая Скрибония Куриона. А статусом друзей и союзников Рим наделил Бокха и Богуда,

мавританских царей. Как долго меня не будет, не знаю, но я уезжаю в уверенности, что Рим, Италия и наши западные провинции будут и далее процветать при вашем заботливом и разумном правлении. Я также намерен вернуть отечеству наши провинции на Востоке. Такова сейчас моя главная цель.

Он умолк и обвел собравшихся медленным взглядом.

В тот день присутствовали даже колеблющиеся: дядя Цезаря Луций Аврелий Котта, его тесть Луций Кальпурний Пизон и его племянник со стороны жены Луций Марций Филипп. Все имели очень суровый вид, считая себя выше таких вещей, как междоусобная борьба. Простительно для Котты, пережившего два удара. Может быть, простительно для Филиппа, по своему характеру неспособного ни в чем принять какую-либо сторону. Но Луций Пизон, высокий, смуглый, со свирепым оскалом (Цицерон как-то назвал его варваром), раздражал. Абсолютный эгоист. Его дочь слишком хороша и не заслужила такого отца.

Луций Пизон прочистил горло.

— Ты хочешь что-то сказать? — спросил Цезарь.

— Да.

— Тогда говори.

Пизон встал.

— Прежде чем ввязываться в войну, Гай Цезарь, не лучше ли снестись с Гнеем Помпеем и как-нибудь договориться о замирении?

Ватия Исаврик отреагировал незамедлительно, губами издав звук, выходящий за рамки приличий.

— Фу, Луций Пизон! — крикнул он. — А ты не думаешь, что для этого поздновато? Помпей в Фессалонике, он купается в роскоши. У него была масса времени, чтобы уладить все мирным путем. Он не хочет мира. А если бы и хотел, Катон с Бибулом воспротивились бы. Сядь и заткнись!

— А мне понравилось! — хихикал потом за обедом Филипп. — Сядь и заткнись! Как это деликатно!

— Что ж, — усмехнулся Цезарь. — По крайней мере, он хоть что-то сказал. А ты, распутник, плывешь по течению неколебимо, как баржа Птолемея Филопатора.

— Я люблю метафоры. Что это за баржа?

— Самое большое и самое раззолоченное судно на свете.

— По шестьдесят человек на весло?

— Чушь! — фыркнул Цезарь. — С таким количеством гребцов оно летело бы быстрее, чем снаряд баллисты.

Молодой Гай Октавий, широко открыв серые глаза, восторженно слушал.

— А ты что скажешь, Октавий-младший? — спросил Цезарь.

— Что страна, которая может построить такой большой корабль и покрыть его золотом, должна быть очень и очень богатой.

— Несомненно, — согласился Цезарь, пристально глядя на мальчугана.

Ему уже четырнадцать. В нем произошли некоторые изменения, связанные с половым созреванием. Но красота осталась. Он стал немного походить на Александра. Роскошные вьющиеся золотые волосы прикрывают его оттопыренные уши. Но Цезаря, весьма чувствительного к подобным вещам, больше обеспокоила не женоподобность подростка, а скорее отсутствие признаков возмужания. К своему удивлению, он обнаружил, что его тревожит будущее этого паренька. Он не хотел бы, чтобы тот ступил на путь, болезненно затрудняющий любую карьеру. Сейчас нет времени поговорить с ним, но когда-нибудь он это сделает. Когда выберет подходящий момент.

Последний визит его был к Сервилий. Та сидела одна.

— Белые ленточки в волосах тебе очень идут, — сказал Цезарь, удобно располагаясь в кресле после дружеского поцелуя.

— Я надеялась видеть тебя немного раньше.

— Время, Сервилия, мой враг. Но явно не твой. Ты ни на день не постарела.

— За мной хорошо ухаживают.

— Я слышал. Луций Понтий Аквила.

Она напряглась.

— Как ты узнал?

— У меня океан информаторов.

— Похоже, очень хороших.

— Теперь, когда он у Помпея, ты, должно быть, скучаешь.

— Всеми всегда есть замена.

— Возможно. Я слышал, что Брут тоже в Эпире.

Уголки маленького рта опустились.

— Фу! Этого я никогда не пойму. Он держит сторону убийцы своего отца.

— Это было давно. Вероятно, Катон значит для него больше, чем давнее прошлое.

— Это ты виноват! Если бы ты не разорвал его помолвку с Юлией, он был бы с тобой.

— Как двое из твоих трех зятьев. Лепид и Ватия Исаврик. Но Гай Кассий и Брут в другом лагере. Ты в любом случае не проиграешь, не так ли?

Сервилия пожала плечами. Ей не нравилась эта холодная пикировка. Цезарь явно не собирался возобновлять отношения. Его взгляд, его поза говорили о том. Но, увидев его после десятилетней разлуки, она вновь почувствовала его власть над собой. Да, власть. Это всегда ее возбуждало. После него все другие мужчины казались ей пресными. Даже Понтий Аквила — не более чем средство утолить зуд. Цезарь постарел, разумеется, но, с другой стороны, ни на один день не стал старше. Появились морщины, но они свидетельствуют лишь о лишениях и преодоленных препятствиях. В отличной форме, строен, работоспособен. Как, несомненно, и та часть его тела, которую ей не увидеть уже никогда.

— Что случилось с той галльской дурой, которая мне писала? — резко спросила она.

Лицо его окаменело.

— Она умерла.

— А ее сын?

— Он исчез.

— Не везет тебе с женщинами, да?

— Поскольку мне везет в других, более важных делах, Сервилия, меня это не удивляет. Фортуна очень ревнива.

— Однажды и она покинет тебя.

— О нет. Не надейся.

— У тебя есть враги. Тебя могут убить.

— Я умру, — сказал он, вставая, — только тогда, когда буду готов.

* * *

Пока Цезарь подбирал к рукам Запад, Помпей Великий прохладился в Эпире, влажной, неровной, гористой местности, поджимаемой западной Македонией с севера и западной Грецией с юга. И как вскоре обнаружилось, местности не очень пригодной для сбора войск и муштры. Впрочем, штаб его располагался на достаточно плоском участке земли близ Диррахия, процветающего портового городка. Там Помпей и осел, убежденный, что в ближайшее время он Цезаря не увидит. Цезарь сначала попытается нейтрализовать испанскую армию. Это будет титаническая борьба между одной армией ветеранов и другой — но борьба на земле Помпея, в стране Помпея. К тому же у Цезаря всего около девяти легионов. А ведь ему необходимо выделить из них войска для охраны Италии, Иллирии, Длинноволосой Галлии и наскрести достаточно подразделений, чтобы взять под контроль зерновые провинции. Даже с теми солдатами, которых он перевербовал под Корфинием, ему вряд ли удастся справиться с пятью легионами Афрания и Петрея.

Этот оптимизм не покидал Помпея несколько месяцев и подпитывался восторженными депешами со всего Востока. Никто, от галатийского царя Деиотара и каппадокийского царя Ариобарзана до греков, правящих в Азии, не мог даже вообразить, что великий Помпей может проиграть эту войну. Кто такой Цезарь? Как могут сравниться его несколько ничтожных побед над несчастными галлами со славными деяниями Помпея Магна, покорителя Митридата и Тиграна? Он свергал царей, он сажал на их троны других, он прирожденный властелин, повелитель. Все обещали помочь войсками и мало кто — деньгами.

Помпей прилагал геркулесовы усилия, чтобы корректно обращаться с Лентулом Крусом, оставившим Цезарю всю государственную казну. Что бы с ним было без двух тысяч талантов, добытых Гаем Кассием в Кампании, Апулии, Калабрии? Но все это быстро разошлось. Диррахий не оставался внакладе. Каждая охапка сена тут обходилась вдесятеро дороже, чем в Риме, не говоря уже о каждой мере ржи, бекона, гороха, бобов.

Карта 12. Македония, Эпир, Греция, Эгнациева дорога, провинция Азия.

Гай Кассий отправился посмотреть, что прячется в тайниках храмов, разбросанных по Эпиру, а Помпей созвал всех сенаторов подлинного правительства Римской Республики на совет.

— Кто-нибудь из вас сомневается, что мы победим? — вызывающе спросил он.

Послышался недовольный шепот: никому не понравился его тон. Наконец Лентул Крус издали крикнул:

— Конечно же, нет!

— Хорошо! Потому что, почтенные отцы, наша боевая колесница нуждается в смазке.

Гул удивления, неодобрительное ворчание по поводу неуместных метафор на серьезном собрании. Потом раздался голос Марка Марцелла:

— Что ты имеешь в виду, Помпей?

— Я имею в виду, почтенные отцы, что вам нужно послать своих представителей в Рим за всеми деньгами, какие смогут вам выделить ваши банкиры, а если этого окажется недостаточно, придется начать продавать свои земли.

Ужас на лицах. Потом гнев: что за наглость? Наконец слово взял тесть сына Помпея, Луций Скрибоний Либон.

— Я не могу продать мою землю! Тогда я потеряю сенаторский ценз!

— В настоящий момент, Либон, — процедил сквозь зубы Помпей, — твой сенаторский ценз не стоит и цыплячьего пука! Уважаемые, смиритесь! Пошуруйте пальцами в своих набитых финансами глотках и выблуйте для нашей кампании хоть что-нибудь!

Оскорбленное бормотание. Что это за вульгарность? И опять голос Лентула Круса:

— Чушь! Что мое — то мое!

Терпение Помпея лопнуло, и он в своих лучших традициях приступил к обличительной речи, состоявшей преимущественно из оскорблений.

— Это ты, — заорал он, — полностью отвечаешь за то, что у нас нет денег, Крус! Ты подлиза, ты пиявка, ты язва на челе Юпитера Наилучшего Величайшего! Ты обоссался от страха и вылетел из Рима, как стрела из катапульты, оставив казну, полную по самые завязки! А когда я велел тебе вернуться в Рим и исправить это грубейшее нарушение твоего консульского долга, ты имел наглость ответить, что сделаешь это, если я войду в Пицен и остановлю Цезаря, чтобы он не смог дотянуться до твоего жирного трусливого тела! Ты осмелился сказать мне, что я говорю ерунду? Ты отказываешься поступиться деньгами ради спасения Рима? Да я срал на твой член! Ссал на твою безобразную харю! Пердел в твои ноздри! И если ты не будешь очень стараться, Лентул, я разорву тебя от живота до глотки!

Ни шепота, ни бормотания. Все окаменели, в ушах стоял звон от брани, какой не услышишь и на плацу. Все как-то и где-то служили, но такого не слышали. Их защищали, оберегали. Сенаторы стояли с открытыми ртами, от страха чувствуя движение в кишечнике.

— Никто из вас, кроме Лабиена, и драться-то не умеет! Никто из вас понятия не имеет, что значит вести войну! Но, — Помпей сделал

глубокий вдох, — пришла пора вам это узнать. Главное для войны — это деньги. Вспомните, что говорил некогда Красс: «Человек, не имеющий средств, чтобы содержать легион, не смеет называть себя богатым!» После него осталось семь тысяч талантов, а еще семь тысяч талантов он зарыл там, где мы их никогда не найдем. Деньги! Нам нужны деньги! Я уже начал распродавать свое имущество в Лукании и в Пицене и жду того же от вас! Считайте это вложением в наше общее светлое будущее, — сказал он непринужденно, повеселев оттого, что загнал их туда, где любой приличный командир и должен их иметь, — под свой каблук. — Когда Цезарь будет разбит, мы тысячекратно возместим то, что вложим. Так что раскройте ваши кошельки и высыпьте их содержимое в общий фонд ради нашей победы. Это понятно?

Кивки согласия, шелесты тихих восклицаний: «Ну да, разумеется», «Как это сразу до нас не дошло!» Над всем этим — голос Лентула Спринтера:

— Гней Помпей прав, почтенные отцы. Когда Рим опять будет нашим, мы все с большой прибылью для себя возместим.

— Ну, я рад, что мы с этим разобрались, — весело сказал Помпей. — А теперь распределим обязанности. Метелл Сципион уже на пути в Сирию, где он соберет столько денег и столько войска, сколько сумеет. Гай Кассий, занятый сейчас инспектированием сокровищниц греческих храмов, последует за ним и там соберет флот. Гней, сын мой, ты во главе флотилии поедешь в Египет, на тебе — транспорт с зерном. Авла Плавтия в Вифинии надо поторопить. Это сделаешь ты, Пизон Фругий. Лентул Крус, ты отправишься в провинцию Азия добывать деньги, войско и флот. Можешь взять с собой Валерия Триария и Лелия, они разбираются в кораблях. Марк Октавий, проверь верфи в Либурнии — они славятся небольшими галерами. Мне нужны очень маневренные корабли с палубами, достаточными для размещения артиллерии, но не чудовищного размера. Преимущественно это должны быть триремы, биремы, квадриремы и квинкверемы, если они поворотливые и ходкие.

— Кто и чем будет командовать? — спросил Лентул Спринтер.

— Там поглядим. Сначала надо собрать стадо, а уж потом думать о пастухах. — Помпей кивнул. — Вы свободны.

Тит Лабиен задержался.

— Славно ты с ними разобрался, — заметил он с уважением.

— Ха! — презрительно фыркнул Помпей. — Более некомпетентного и бестолкового сброда я никогда еще не видел! Почему Лентул Спинтер думает, что он может командовать армией, если он плох даже как губернатор?

— Что поделаешь, если у нас нет таких командиров, как Требоний, Фабий или Децим Брут. — Лабиен прокашлялся. — Нам нужно уйти из Диррахия, пока зима не сделала Кандавию непроходимой, Магн. Остановимся где-нибудь близ Фессалоники, на равнинах.

— Согласен. Сейчас конец марта. Я пережду здесь и апрель, чтобы увериться, что Цезаря не пустили на запад. А потом — к солнцу, к здоровому климату, туда, где добрым людям не досаждают дожди. — Помпей помрачнел. — Кроме того, если я буду мешкать, тут могут появиться те, кого я вовсе не жду.

Лабиен вздернул верхнюю губу.

— Думаю, ты намекаешь на Цицерона, Фавония и Катона?

Помпей вздрогнул и закрыл глаза.

— Лабиен, ради всех богов, помолчи! Пусть Цицерон остается в Италии, а Катон с Фавонием — на Сицилии. Или в Африке. Или в землях гипербореев. Или вообще где-нибудь!

Эта мольба услышана не была. В середине апреля Катон с Фавонием, а следом и Луций Постумий прибыли в Диррахий и сообщили, что Курион прогнал их с Сицилии.

— А почему вы не поехали в Африку? — спросил Помпей.

— Мы сочли за лучшее быть сейчас возле тебя, — изрек Катон.

— Я в восторге, — съязвил Помпей, твердо зная, что ирония ни до кого из прибывших не дойдет.

Однако два дня спустя в ставку Магна прибыл гораздо более полезный соратник — Марк Кальпурний Бибул. По дороге из Сирии он задержался в Эфесе, чтобы, во-первых, как следует отдохнуть, а во-вторых, поглядеть, какой оборот примут события. И отнюдь не из трусости, просто ему хотелось понять, где он нужнее.

— Я так рад видеть тебя! — воскликнул Помпей, горячо встряхивая его руку. — Здесь никто, кроме нас с Лабиеном, не смыслит в войне.

— Да, — согласился спокойно Бибул. — Включая моего высокочтимого тестя Катона. Дай ему в руки меч — и он будет хорошо драться. Но командир из него никакой.

Он, кивая, выслушал Помпея, потом сказал:

— Да, безусловно, Лентула Круса допускать к войску нельзя. Но какова твоя стратегия?

— Приучить свою армию считать себя армией. А с этой целью провести зиму и весну, а может быть, и начало лета около Фессалоники. Кстати, и Малая Азия будет поближе, что сократит путь рекрутам, набранным там. К тому же Цезарь на меня не пойдет, пока не решит вопроса с моими испанскими легионами. А вот после поражения он перегруппируется и решится ударить. У него лишь два выхода: идти или сдаться, но он, разумеется, выберет первое. И будет биться до последнего человека. Мне обязательно надо держать под контролем моря. Все моря. Агенобарб решил обосноваться в лояльной к нам Массилии. Она подставит Цезарю ножку, заставит его еще более расчленить свои силы. Еще я хочу, чтобы он испытал старую, знакомую римлянам головную боль, связанную с нехваткой зерна. Мы должны господствовать в морях между Африкой, Сицилией, Сардинией и Итальянским побережьем. Я не пропущу Цезаря через Адриатику, когда бы он ни решил пойти на восток.

— Ну да, — промурлыкал Бибул. — Мы запрем его, в Риме начнется голод. Отлично, отлично!

— Я хочу, чтобы адмиралом всего моего флота был ты.

Внезапность сработала. Безмерно благодарный Бибул схватил собеседника за руку.

— О, Помпей, для меня это великая честь! Даю тебе слово, что не подведу. С морским делом я незнаком, зато схватываю все на лету. Я буду замечательным адмиралом.

— Думаю, ты справишься, — сказал Помпей, начиная верить, что принял правильное решение.

Но Катон в этом не был уверен.

— Мой зять, конечно, человек одаренный, — заявил он по обыкновению задиристо. — Но ведь он ничего не смыслит в лодках.

— В кораблях, — поправил Помпей.

— Ну да, в тех штуковинах, что плавают с помощью весел. По натуре он Фабий, а вовсе не Марий. Отстаивать свое мнение, ставить

палки в колеса — это пожалуйста. Но брать на себя какие-то обязательства — никогда. Тебе нужен более решительный адмирал.

— Как ты? — спросил Помпей с обманчивым спокойствием.

Катон даже отпрянул.

— Нет! Нет! На самом деле я думал о Фавонии и Постумии.

— Это хорошие люди, согласен. Однако они не консуляры, а адмирал должен быть консуляром. Согласен?

— Да, того требует *mos maiorum*, — озадаченно буркнул Катон.

— Ты предпочел бы, чтобы я назначил Лентула Спинтера, одного из Марцеллов или, может быть, кликнул того же Агенобарба?

— Нет-нет, — вздохнул Катон. — Хорошо. Пусть будет Бибул. Я повожусь с ним, втолкую ему, что надо быть более агрессивным. А заодно переговорю с Лентулом Спинтером и с Марцеллами. И с Лабием. Боги, как он грязен и груб!

— У меня есть идея получше, — сказал Помпей, сдерживая дыхание.

— Какая?

— Сенат даст тебе полномочия пропретора. Отправляйся в южную часть провинции Азия на поиски денег и флота. Думаю, Лентул Крус и Лелий с Триарием застрянут на севере. А ты поезжай на Родос, в Ликию, в Памфилию.

— Но... я не буду в центре событий, Помпей. А я как раз нужен именно в центре событий! Все такие неорганизованные! Я должен подстегивать, воодушевлять, вдохновлять!

— Да, но кто же заменит тебя на Родосе, например? Кто, как не мудрый, неподкупный и знаменитый Катон, убедит этих островитян оказать нам поддержку? — Помпей похлопал соратника по руке. — У меня мысль. Оставь мне Фавония, ладно? Дай ему точные указания. Пусть он делает то, что делал бы ты.

Катон просиял.

— Это выход.

— Конечно, выход! — вполне искренне сказал Помпей. — Поезжай! И чем скорее, тем лучше.

— Замечательно, что ты отделался от Катона, но все равно у тебя на шее будет сидеть этот пердун Фавоний, — недовольно сказал Лабием.

— Обезьяна не ровня хозяину. Я приставлю его к тем, кому нужен пинок под зад. То есть к тем, — Помпей широко улыбнулся, — кого я презираю.

Когда пришла весть, что Цезарь застрял под Массилией и, по мнению Агенобарба, дальше не пойдет, Помпей решил сняться с места и двинуться на восток. Приближалась зима, но его разведчики были уверены, что самые высокие перевалы через Кандавию еще проходимы.

И тут из Киликии прибыл Марк Юний Брут.

Почему вид вновь прибывшего, печальный и совсем не воинственный, заставил Помпея обнять его и пролить слезы на его длинные черные локоны, он позже не мог понять. Возможно, все дело было в том, что эта гражданская война с самого начала вылилась в серию идиотских ошибок и ненужных конфликтов. Но вот вошел Брут, такой мирный, уютный.

Брут не станет раздражать, придираться, пытаться отобрать власть.

— Киликия наша? — спросил Помпей, успокоившись, усадив Брута в лучшее кресло и плеснув ему в чашу вина.

— Боюсь, что нет, — печально ответил Брут. — Публий Сестий говорит, что не будет активно поддерживать Цезаря, но и не сделает ничего ему во вред. Из Тарса ты помощи не получишь.

— Юпитер! — Помпей сжал кулаки. — Мне нужен от них легион!

— И ты его получишь. У меня был легион в Каппадокии: царь Ариобарзан не хотел платить долги. Когда пришло известие, что ты покинул Италию, я не отослал его в Тарс. Я послал его к Геллеспонту через Галатию и Вифинию. Скоро он будет с тобой.

— Брут, ты самый лучший! — Уровень вина в чаше Помпея заметно понизился. Магн почмокал губами и удовлетворенно откинулся в кресле. — Кстати, теперь о других, более важных вещах. Ты чуть ли не самый богатый человек в Риме, а у меня недостаточно денег для ведения этой войны. Я продаю мои италийские земли и предприятия, а также имущество. То же самое делают и другие. О, я не жду от тебя, что ты продашь свой дом или все свои загородные поместья. Но мне нужен заем в четыре тысячи талантов. Как только мы победим, Рим и Италия будут поделены между нами. Ты ничего не потеряешь.

Глаза, так серьезно и по-доброму глядевшие на Помпея, расширились, увлажнились.

— Помпей, я не смею! — ахнул Брут.

— Не смеешь?

— Правда, не смею! Моя мать! Она меня убьет!

Открыв в изумлении рот, Помпей уставился на визитера.

— Брут, тебе уже тридцать четыре! Твое состояние принадлежит не Сервилию, а только тебе!

— Вот сам ей о том и скажи, — ответил Брут, вздрогнув.

— Но... но... Брут, к чему тут что-нибудь говорить? Просто возьми и сделай это!

— Я не могу, Помпей. Она меня убьет.

И переубедить его было невозможно. Он бросился вон из кабинета в слезах, столкнувшись в дверях с Лабием.

— Что с ним?

Помпей с трудом перевел дух от изумления.

— Нет, я не верю! Не могу в это поверить! Представь Лабием, этот бесхребетный червяк отказался одолжить нам хотя бы сестерций! Он! Богатейший в Италии человек! Но нет, он не смеет открыть свой кошелек, а не то мать убьет его!

Лабием расхохотался.

— Молодец, Брут! — сказал он, немного успокоившись и вытирая выступившие слезы. — Магн, тебе только что нанес поражение мастер! Какая идеальная отговорка! Ничто в мире не заставит Брута расстаться со своими деньгами!

К началу июня Помпей велел своей армии встать лагерем близ города Береи, а сам, проехав еще сорок миль до столицы Македонии Фессалоники, вместе со своими консулярами и сенаторами поселился у губернатора в большом и роскошном дворце.

Дела шли все лучше. К пяти легионам, прибывшим из Брундизия, прибавился легион живущих на Крите и в Македонии ветеранов, а также киликийский (не полностью укомплектованный) легион и два легиона, которые Лентулу Крису удалось набрать в провинции Азия. Галатийский царь Деиотар прислал несколько тысяч кавалеристов и немного пехоты. А каппадокийский царь Ариобарзан, задолжавший Помпею даже больше, чем Бруту, поставил легион пехотинцев и тысячу верховых. Даже совсем мелкие царства — Коммагена, Софена, Осроэна и Гордиена — наскребли у себя некоторое количество

легковооруженных бойцов. Авл Плавтий, губернатор Вифинии, тоже набрал тысячи три добровольцев. Прислали людей и разные другие тетрархии и конфедерации. Да и денег теперь появилось достаточно, чтобы прокормить армию, состоявшую из тридцати восьми тысяч римских легионеров, пятнадцати тысяч других пехотинцев, трех тысяч лучников, тысячи пращников и семи тысяч конников. А Метелл Сципион написал, что владеет двумя полными легионами отличных солдат, но поведет их сушей из-за нехватки кораблей.

В квинктилии пришла очень приятная весть. Адмиралы Марк Октавий и Скрибоний Либон захватили на острове Курикта пятнадцать когорт неприятеля вместе с Гаем Антонием, их командиром. А морское сражение, в котором они потопили сорок кораблей Долабеллы, стало первым успехом в череде многих побед быстро растущего флота Помпея, очень умело руководимого Бибулом, который столь неустанно осваивал морское дело, что проявил себя в нем как настоящий талант.

Бибул разделил флот Помпея на пять больших флотилий. Первая под командованием Лелия и Валерия Триария состояла из сотни полученных от провинции Азия кораблей. Гай Кассий вернулся из Сирии с семью десятками кораблей и, соответственно, сделался их командиром. Марк Октавий и Скрибоний Либон приняли под руку пятьдесят греческих и либурнийских судов, а Гай Марцелл-старший и Гай Копоний — двадцать великолепных трирем. Этих красавиц жители Родоса выделили вконец доставшему их Катону. «Все, что угодно, лишь бы отделаться от него!» — кричали островитяне.

Пятую флотилию планировалось составить из египетских кораблей, за каковыми отправился молодой Гней Помпей.

* * *

Исполненный сознанием собственной значимости, он отбыл в Александрию с твердым намерением отличиться. В этом году ему стукнуло двадцать девять, и на следующий год он вошел бы в Сенат квестором, если бы Цезарь не вмешался в ход событий. Впрочем, все так, конечно, и будет, когда отец раздавит этого самонадеянного жука из рода Юлиев.

К сожалению, во время восточных кампаний родителя Гней Помпей был слишком мал. А служить ему довелось в удручающе мирной Испании. Конечно, как и требовалось, он объехал Грецию и Провинцию Азия после окончания военной службы, но ни в Сирии, ни в Египте еще не бывал. Ему не нравился Метелл Сципион, но еще больше ему не нравилась его мачеха, Корнелия Метелла. Поэтому он решил плыть в Египет вдоль Африканского побережья, а не ехать по суше через Сирию, чтобы лишний раз не встречаться с родовитым заносчивым олухом, породившим подобную себе дочь. Правда, Секст как-то с ней ладит. Но он на целых тринадцать лет младше Гнея, поэтому, видимо, и уживается с новой мачехой, хотя прежнюю, разумеется, любил больше и тяжело переживал ее смерть. Юлия принесла в дом отца счастье. А Корнелия Метелла, похоже, даже и не пыталась скрасить жизнь отца.

Почему он думал обо всем этом, опершись на кормовой леер и глядя, как мимо проплывает мрачная пустыня Катабатмос, Гней Помпей не знал. Видимо, время тянется медленно, вот и лезет в голову всякая чушь. А в сердце его царит только Скрибония, он скучает по ней денно и ночью. Брак с Клодиллой был просто ужасным! Это, кстати, еще одно свидетельство внутренней неуверенности, постоянно грызущей отца. Вот он и норовит породниться с аристократами лучших кровей. И подсунил своему сыну Клодиллу! Скучное, глупое, и ленивое существо, к тому же по своему малолетству лишенное привлекательных качеств. А дочь Либона искренне взволновала его. Он тут же объявил, что расстается с Клодиллой и женится на изящной маленькой куропаточке с блестящими перьями и пухлыми формами, которые просто очаровали его. Помпей пришел в ярость, но это не помогло. Его старший сын доказал, что в упорстве равен отцу, и настоял-таки на своем. С тем результатом, что Аппия Клавдия Цензора пришлось назначить губернатором Греции, где тот, по слухам, стал еще более странным: проверяет геометрию пилонов и ворчит по поводу силовых полей, незримых сил и подобной чепухи.

Александрия произвела на молодого Гнея Помпея примерно такое же впечатление, какое произвела Афродита на весь земной мир. Со своими тремя миллионами горожан она затыкала за пояс не только Антиохию, но и Рим. Истинный дар Александра потомству. Его империя рухнула в одночасье, но Александрия просуществует века.

Очень плоская, с единственным насыпным холмом в двести футов — садом-мечтой Панеумом, она казалась удивленному Гнею Помпею городом-сказкой, возведенным скорее богами, чем неуклюжими, вечно суетсящими людьми. То ослепительно белая, то отливающая всеми возможными в мире цветами, с купами идеально идентичных деревьев, Александрия, расположенная на самом дальнем конце Нашего моря, была великолепна.

А Фарос, гигантский маяк на одноименном острове! Башня, парящая в вышине, недостижимой для любого другого строения. Трехъярусный шестиугольник, облицованный мерцающим белым мрамором. Чудо света! Море вокруг него было цвета аквамарина, с песчаным дном, кристально чистое, потому что городские сточные трубы имели выходы гораздо западнее, где морское течение, подхватывая нечистоты, гарантированно уносило их прочь. И этот воздух, целительный, ласкающий! А вот грандиозная дамба Гептастадион, соединяющая остров Фарос с материком, простирающаяся почти на милю, с двумя арочными проходами в центре. Под этими четкими ажурными дугами могли свободно проплывать суда любой высоты.

Прямо впереди виднелся большой дворцовый комплекс, соединенный сзади с выступающим из моря утесом, когда-то служившим крепостью, а теперь принявшим в своей впадине амфитеатр в форме раковины. Гней Помпей взгляделся и понял: вот настоящий дворец! Единственный в мире. Такой громадный, что перед ним бледнеет Пергам. На первый взгляд его многочисленные колонны выглядели строго дорическими, разве что они были массивнее в объёме, намного выше и ярко разрисованы рядами картин, каждый ряд высотой с цилиндрическую секцию колонны, однако с надлежащими фронтонами и метопами — всем, что должно иметь настоящее греческое здание. Разница была в том, что греки строили на земле, а александрийцы, подобно римлянам, подняли свой дворцовый комплекс на каменное основание высотой в тридцать ступеней. А какие пальмы! Грандиозные веерные, грубые и толстые, с листьями, как перья.

В состоянии восторженного транса Гней Помпей наблюдал, как его корабль пришвартовывается к причалу. Затем проверил, все ли в порядке с другими сопровождающими судами, и, завернувшись в тогу с пурпурной каймой, пошел за шестью положенными пропреторам

ликторами искать пристанища в великолепном дворце и аудиенции у седьмой царицы Клеопатры Египетской.

Той, в свои семнадцать взошедшей на трон, вскоре должно было исполниться двадцать. Два года ее правления были полны как триумфов, так и поражений. Первым делом она во всем величии отправилась в плавание по Нилу на огромной, сплошь вызолоченной барке с пурпурным, расшитым золотом парусом. Высыпавшие на берега египтяне-аборигены всячески демонстрировали новой властительнице свою покорность, а она неподвижно стояла на палубе рядом со своим девятилетним братом-мужем (но на ступень выше его). В Гермонте она «вернула домой» священного быка Бухиса, найденного по примете: его черная шерсть завивалась не в ту сторону. Затем царское судно отправилось дальше в окружении более мелких судов, заваленных цветами. Облаченная в наряд фараона, коронованная высокой белой короной Верхнего Египта, Клеопатра стремилась к Первому порогу, чтобы оказаться на острове Элефантина в тот самый день, когда уровень воды в главном из мерных колодцев Нила предскажет конечную степень будущего разлива реки.

Каждый год в начале лета Нил таинственным образом разливался, оставляя потом на своих берегах толстые слои черной, очень питательной для злаков грязи, что играло огромную роль в жизни этого странного государства протяженностью в семьсот миль и лишь в четыре-пять миль шириной, за исключением долины Таше, озера Мерида и Дельты Нила. Существовали три степени речного разлива: чрезмерный, обильный и губительный. Для промера подъема воды использовались градуированные колодцы. Подъем воды у Первого порога отзывался в низовьях Нила лишь через месяц, вот почему показания колодца на Элефантине были так важны. Они предупреждали остальных египтян, какого разлива следует ожидать в новое лето. К осени Нил входил в свое русло, но все прибрежные земли его обогащались и глубоко пропитывались водой.

В тот год главный нильский колодец предсказал обильную воду — весьма хороший знак для монарха, вступающего на египетский трон. Любой уровень выше тридцати трех римских футов считался чрезмерным и сулил бедственное наводнение. Уровни от тридцати двух до семнадцати футов относились к обильным, то есть предрекали

хорошие урожаи. Идеальнее промера в двадцать семь футов ничего нельзя было и желать, а все промеры ниже семнадцати футов означали, что Нил практически не разольется и этим обречет страну на голод.

В тот первый год настоящий Египет — Египет реки, а не Дельты — казалось, ожил при правлении новой царицы, которая к тому же была фараоном, то есть земным божеством, каковым ее родителем, Птолемей Авлет, никогда не являлся. Неимоверно могущественный клан жрецов-египтян управлял судьбой правителей Египта, потомков первого Птолемея, одного из военачальников Александра Великого. Только выполнив религиозные требования и заслужив одобрение жрецов, эти цари могли надеяться на коронацию в качестве фараона. Ибо титул «царь» пришел сюда из Македонии, а титул «фараон» принадлежал самому Египту, вечному и внушающему благоговение. Анк (символ вечной жизни) фараона являлся ключом не только к религиозным таинствам, но и к огромным подвалам под Мемфисом, поскольку те оставались в жреческом ведении и не имели никакого отношения к ориентированной на Македонию Александрии.

Но Клеопатра принадлежала к жреческой касте, поскольку целых три года провела в Мемфисе и получила звание жрицы, что позволило ей стать не только царицей, но и фараоном великой и древней страны. Она была первой представительницей династии Птолемеев, свободно владевшей как официальным, так и демотическим египетским языком. Быть фараоном значило обладать всеми божественными полномочиями в пределах Египта и иметь при необходимости доступ к подвалам с сокровищами, что, впрочем, мало влияло на экономику как Египта, так и неегипетской Александрии. Государственный годовой доход в двенадцать тысяч талантов не доставался ни коренным египтянам, ни жителям низовий Нила. Все шло монарху, а также жрецам.

Таким образом, Клеопатру больше привечали в Египте, чем в Александрии, находящейся в самой западной части дельты реки. Ее также приветствовали и в восточных низовьях Нила, именуемых землей Ониас. Земля Ониас стала пристанищем для евреев, бежавших из эллинизированной Иудеи. Сохранив верность иудаизму, они ревностно оберегали свою независимость, но исправно поставляли солдат в египетские войска и контролировали Пелузий, второй важный египетский порт на берегах Нашего моря. Клеопатру, бегло

изъяснявшуюся и на иврите, и на арамейском наречии, эти люди не могли не полюбить.

Убийство двух сыновей Бибула было первой неприятностью, с которой она успешно справилась. Но настоящая неприятность пришла потом. Второй в ее царствование разлив Нила не превысил губительной стадии. Река не вышла из берегов, не увлажнила поля, и молодые посевы не покрыли зеленью засохшую землю. Солнце, как и всегда, струило свой жар с небес, но вода, дающая жизнь, не противостояла ему. Она была даром Нила. А фараон являлся обожествленным воплощением этой реки.

Когда суда молодого Помпея вошли в царскую гавань Александрии, ее жители были охвачены сильным волнением. Потребовалось бы два-три неурожая подряд, чтобы лишить египтян, проживавших по берегам жизненной реки, всех съестных припасов. Но в Александрии ситуация складывалась иначе. Она была в основном городом чиновников, коммерсантов и банковских служащих, которые рьяно делали деньги. Правда, существовали в ней и ремесленники, производящие фантастические вещи, например, удивительное стекло, сплетенное из многоцветных тончайших нитей. Кроме того, Александрия славилась своими учеными и контролировала мировое производство бумаги. Но прокормить себя город не мог. Этим должны были заниматься Египет и, соответственно, река Нил.

Население Александрии было пестрым. Македонцы-аристократы, как правило, занимали все высшие бюрократические посты; купцы, промышленники и прочие коммерсанты являли собой гибридную смесь македонцев и египтян. На восточной окраине города существовало значительное еврейское гетто, его составляли по большей части ученые, квалифицированные ремесленники и искусные мастера. А писарями и клерками, заполнявшими нижние эшелоны бюрократической иерархии, были греки. Они же были и каменщиками, и скульпторами, и воспитателями, и учителями. Греки сидели на веслах военных и торговых судов. Отдельное место среди горожан занимало некоторое число римских всадников. Александрия говорила на греческом и имела собственное, а не египетское гражданство. Только триста тысяч македонцев-аристократов имели полное александрийское гражданство — источник жалоб и горькой обиды со стороны других

групп населения, кроме римлян, которые равнодушно относились к потере права голоса. Быть римлянином — значит быть лучше любого другого, включая александрийца.

Продовольствия требовалось много, но оно притекало. Молодая царица без устали покупала зерно везде, где можно: на Кипре, в Сирии, в Иудее. Причина волнений была в другом — в повышении цен. К сожалению, александрийцы любого общественного положения, не считая мирных и замкнутых иудеев, были заносчивы, агрессивны и ни в грош не ставили власть. Снова и снова они восставали, сбрасывая с трона одного Птолемея и заменяя его другим. После чего все повторялось опять, как только появлялся очередной повод для недовольства.

Именно это все Клеопатра и держала в своей голове, готовясь дать аудиенцию Гнею Помпею.

Сложность в дополнение к этим заботам представлял и тот факт, что ее брату-мужу было теперь почти двенадцать лет и его уже нельзя было не принимать во внимание как ребенка. Только-только подвергшийся первым физическим изменениям, связанным с половым созреванием, Птолемей Тринадцатый тем не менее становился все более и более неуправляемым, что провоцировалось нашептываниями его воспитателя Феодота и дворцового управляющего Потина.

Они уже ждали в зале для аудиенций, когда появилась царица. Она шла размеренным шагом, зная, что такая походка говорит об уверенности и авторитете и компенсирует ее внешнюю хрупкость. Малолетний царь сидел на небольшом троне, стоявшем на ступень ниже высокого эбонитового кресла. Там он останется, пока не докажет свою зрелость, обрюхатив супругу-сестру. В пурпурной тунике и македонском царском плаще он выглядел весьма мило. Симпатичный мальчик, истинный македонец. Голубоглазый, светловолосый, больше фракиец, чем грек. Его мать была единокровной сестрой его отца, дочерью принцессы аравийской Набатеи. В тринадцатом Птолемею черты семита не проявлялись вообще, а вот в Клеопатре, его единокровной сестре, явно проглядывала семитка, хотя ее мать, дочь наводящего ужас понтийского царя Митридата, была крупной, высокой женщиной с темно-желтыми волосами и такого же цвета глазами. В тринадцатом Птолемею гуляло больше семитской крови, чем в его сестре, но внешне все выглядело наоборот.

Пурпурная подушка, инкрустированная золотом и жемчугом, давала возможность царице Александрии и Египта сидеть на этом слишком высоком кресле и ставить ноги на что-то твердое. Иначе ее ноги не доставали бы до возвышения из пурпурного мрамора.

— Гней Помпей уже здесь?

— Да, госпожа, — ответил Потин.

Она никак не могла решить, кто из двоих ей не нравится больше: Потин или Феодот. Первый, правда, был более импозантен, всем своим видом опровергая суждение, что евнухи — это толстые женоподобные коротышки. Отец Потина, очень амбициозный македонский аристократ, несколько припозднился с кастрацией сына. Тому было уже четырнадцать лет. Может, и впрямь поздновато. Но должность главного дворцового управляющего, ведающего всей жизнью египетского двора, — слишком высокий пост, чтобы спасовать перед подобными пустяками. Две культуры, македонская и египетская, странным образом сомкнулись, и чистопородному македонцу в соответствии с древними египетскими традициями опустошили мошонку. Этот Потин ловок, жесток и чрезвычайно опасен. Кудри мышинового цвета, узкие серые глаза, привлекательное лицо. Конечно, мечтает скинуть нынешнюю владычицу с трона и посадить на него ее единокровную сестру Арсиною, родную сестру Птолемея Тринадцатого, — очевидно, полагает, что та с ним более схожа.

А Феодот, напротив, женоподобен, хотя его мошонка полна. Томный, бледный, всегда слегка сонный. Ни толковый ученый, ни выдающийся педагог, просто большой друг отца в свое время. Поймал редкий шанс, вот и все. То, чему он учит Птолемея Тринадцатого, не имеет ничего общего ни с историей, ни с географией, ни с риторикой, ни с математикой. Как это ни неприятно, но Клеопатре доподлинно стало известно, что ее брат-супруг уже втянут в сексуальную жизнь. Этим самым «воспитателем», большим любителем мальчиков. «Я буду вынуждена, — думала она, — довольствоваться тем, что останется после Феодота. Если я доживу до этого дня. Феодот тоже жаждет заменить меня Арсиной. Он и Потин полагают, что смогут манипулировать ею. Полные идиоты! Неужели не понимают, что Арсиноя строптивей, чем я? Да, началась война за главенство в Египте. Либо они убьют меня, либо я их. Если я, то клянусь, в тот же день умрет и мой брат. Маленький развратный гаденыш».

Зал для аудиенций не был собственно тронным залом. В этом огромном архитектурном комплексе имелись даже свои дворцы во дворцах, а уж тронный зал поразил бы и самого Марка Красса. Но молодого Гнея Помпея повергло в восторг и то помещение, где его приняли. Греческий стиль тут, конечно, преобладал, но и египетский внес немалую лепту, ибо во внутренней отделке строения большое участие принимали художники Мемфиса. А потому настенная роспись была непривычной римскому глазу. Очень плоские, неестественные двумерные люди, животные, лотосы, пальмы. Никакой мебели, никаких статуй. Только два трона на возвышении.

А по бокам этого возвышения стоят два гиганта. Гней Помпей только слышал о таких великанах, но сам их никогда не видал, даже в бродячих цирковых труппах. Правда, видел женщину, им подобную. Очень красивую, но все равно несравнимую с двумя этими молодцами в золотых сандалиях и коротких юбочках из леопардовых шкур. Пояса и ошейники нестерпимо сверкают. Каждый медленно машет огромным веером, длинное древко усыпано драгоценностями, а сам веер связан из разноцветных пушистых перьев, поразительных по размерам и красоте. Однако все это было ничем по сравнению с черной кожей гигантов. Не смуглой, не коричневой, а угольно-черной, лоснящейся и словно слегка припудренной, как у слив или у винограда. На римских рынках изредка мелькали подобные статуэтки. Их тут же расхватывали. Гортензий приобрел безделушку в виде черного мальчика, Лукулл — бюстик мужчины. Они хвастались этими жалкими неживыми подобиями живых и реальных людей. Высокие скулы, точеные носы, очень полные, резко очерченные губы, влажные черные, странно мерцающие глаза. Короткие черные волосы свиты в мелкие кольца, очень тугие, как на шкурках утробных бактрийских ягнят. Парфянские цари так ценят эти шкурки, что никому больше не позволяют шить из них что-нибудь для себя.

— Гней Помпей Магн! — бросился к нему человек в пурпурной тунике под пышной греческой хламидой с цепью на плечах — знаком его высокого положения. — Добро пожаловать, добро пожаловать!

— Я не Магн! — резко и недовольно перебил римлянин. — Я просто Гней Помпей. А ты кто? Наследный принц?

Женщина на более высоком троне заговорила сильным, мелодичным голосом.

— Это Потин, наш главный дворцовый распорядитель, — произнесла она. — Мы — Клеопатра, царица Александрии и Египта. От имени Александрии и Египта мы приветствуем тебя, Гней Помпей. Если хочешь остаться, Потин, отойди назад и не раскрывай рта, пока тебе не прикажут заговорить.

«Ого! — подумал Гней Помпей. — Она его явно недолюбливает. И похоже, у них это взаимно».

— Это честь для меня, великая царица, — сказал он. — А это, я думаю, царь Птолемей?

— Да, — коротко подтвердила она.

Вердикт Гнея Помпея был таков: она весит меньше, чем мокрое кухонное полотенце, а росточком не наберет и пяти римских футов. Тощие ручки, тощая шейка. Кожа, впрочем, приятная, смугло-оливковая, но не скрывающая голубизны тонких вен. Волосы светло-каштановые, разделенные на несколько прядей шириной в дюйм и собранные на затылке в пучок. У него в голове возникла ассоциация с полосатой кожей летнего арбуза. Белая лента — царская диадема — повязана не на лбу, а за линией волос. Одевание свободное, в греческом стиле, хотя и сшито из превосходного тирского пурпура. Ни одной драгоценности, кроме золоченых сандалий, очень маленьких и словно не предназначенных для ходьбы.

Свет, льющийся из отверстий под потолком, позволял видеть, насколько она некрасива. Правда, юность смягчала уродство. И большие глаза, золотисто-зеленые, а может быть, карие. И рот, хороший для поцелуев, но несколько жестковатый. А вот нос подгулял. Он вполне мог соперничать с клювом Катона. Огромный, с типично еврейской горбинкой. Никаких следов македонской крови. Чисто восточный тип.

— Для нас большая честь принимать тебя, Гней Помпей, — продолжила она звучно. Ее классический греческий был безупречен. — Просим извинить нас, что мы не можем изъясняться с тобой на латыни, но у нас не было возможности освоить ее. Чем мы можем быть тебе полезны?

— Я думаю, что даже здесь, в очень отдаленном от Рима краю, великая царица, известно, что вся Италия охвачена сейчас гражданской войной. Мой отец, Помпей Магн, был вынужден покинуть страну вместе с законным правительством Рима. В настоящий момент он

находится в Фессалонике, готовится встретить изменника Гая Юлия Цезаря.

— Мы знаем об этом, Гней Помпей. И очень сочувствуем вам.

— Неплохое начало, — заявил Гней Помпей, славящийся, как и его отец, полным отсутствием политеса, — но этого мало. Я прибыл не за сочувствием, мне нужны более реальные вещи.

— Да, конечно. Твоя поездка была слишком дальней, чтобы выслушивать лишь сочувственные слова. Мы уже догадались, что тебе нужно... э-э-э... нечто реальное. Что же?

— Мне нужен флот, состоящий хотя бы из десяти крепких и маневренных боевых кораблей и шестидесяти хороших транспортных судов, плюс моряки и гребцы. Каждый из транспортных кораблей должен быть под завязку нагружен пшеницей, а также другим провиантом, — монотонно перечислил пропретор.

Малолетний царь шевельнулся на своем троне, повернул голову, тоже охваченную диадемой, и посмотрел на Потина, а затем на томного женоподобного человека, которого Гнею никто не представил. Его сестра-супруга — какая все-таки нездоровая родственность у этих восточных монархий! — отреагировала на это точно так же, как многие римлянки отреагировали бы на глупую выходку родича-малыша, и скипетром из слоновой кости и золота ударила мужа по пальцам. Так сильно, что тот вскрикнул от боли, надулся и сел, опять глядя прямо перед собой. В голубых глазах царя стояли слезы.

— Мы рады, что ты обратился к нам, Гней Помпей. Ты получишь столько кораблей, сколько просишь. У нас есть десять отличных квинкверем. Они стоят в бухте, под навесами. Все могут нести на себе артиллерию, все снабжены дубовыми таранами, все обладают высокой маневренностью. Их команды прошли хорошую выучку. Мы также дадим тебе и шестьдесят больших, прочных грузовых кораблей.

Царица умолкла, нахмурилась, отчего лицо ее сделалось совсем некрасивым.

— Однако, Гней Помпей, мы не можем дать тебе ни зерна, ни других продуктов. Египет сейчас голодает. Нил не вышел из берегов. Все посева пропали. Мы сами теперь не знаем, чем кормить свой народ, особенно в Александрии.

Гней Помпей, стиснул зубы, втянул в себя воздух и покачал головой.

— Так не пойдет! — рявкнул он. — Мне нужно зерно и другая еда! И я не приму отрицательного ответа!

— У нас нет зерна, Гней Помпей. И другой еды тоже. Мы просто не в состоянии помочь тебе, мы это уже объясняли.

— Фактически, — небрежно сказал Гней Помпей, — у тебя нет выбора. Сожалею, если твой собственный народ голодает, но меня это не касается. Квинт Цецилий Метелл Пий Сципион Назика все еще в Сирии, и у него более чем достаточно войск, чтобы пойти на Египет. По годам твоим ты должна помнить, как в Египет вошел Авл Габиний и что из этого вышло. Мне достаточно послать гонца в Сирию — и Рим будет здесь. И не вздумай поступить со мной так, как ты поступила с сыновьями Бибула! Я — сын Помпея Великого! За один волос, слетевший с моей головы, вы все умрете мучительной смертью. Во многих отношениях аннексия привлекательнее и выгоднее для нас. Египет станет римской провинцией, и все, чем он владеет, отойдет тогда к Риму. Подумай об этом, царица. Я завтра вернусь.

Ликторы повернулись кругом и с каменными лицами пошли к выходу. Гней Помпей зашагал следом за ними.

— Какая заносчивость! — ахнул Феодот, всплескивая руками. — Не верю своим ушам!

— Попридержи язык, педагог! — резко оборвала его царица.

— Можно мне уйти? — жалобно спросил маленький царь.

— Да, иди, маленькая поганка! И прихвати с собой Феодота!

Они вышли, причем мужчина, как собственник, приобнимал трясущегося ребенка за плечи.

— Тебе придется выполнить все, что велел Гней Помпей, — промурлыкал Потин.

— Помолчи, самодовольный червяк. Я и без тебя это понимаю!

— Молись, земная Изиды, дочь Ра, чтобы Нил новым летом обильно разлился.

— Я-то буду. Однако не сомневаюсь, что и ты, и Феодот, и твой любимец Ахилл, мой главнокомандующий, станете усердно молиться Серапису об обратном — чтобы Нил оставался в своих берегах! Второй такой год высушит и протоки Таше, и озеро Мерида. Весь Египет останется без еды, а мой личный доход настолько уменьшится, что я не смогу закупать продовольствие, даже если сумею найти поставщиков.

Ведь засуха сейчас и в Македонии, и в Сирии, и у греков. Цены на все съестное взлетят, а александрийцы восстанут.

— Как фараон, о царица, — спокойно напомнил Потин, — ты имеешь доступ к подвалам Мемфиса.

Клеопатра бросила на него презрительный взгляд.

— Конечно, доброжелатель! Ты ведь очень хорошо знаешь, что жрецы не позволят мне тратить хранящиеся там сокровища на спасение Александрии. С чего бы им жалеть этот город? Ведь ни одному коренному египтянину не дозволено в нем проживать, даже и без надежд на гражданство. Но я и сама не хочу ничего тут менять, чтобы мои египтяне не подцепили заразу смуты.

— Тогда будущее не сулит тебе ничего хорошего, о царица.

— Ты считаешь меня слабой и глупой, Потин. Это большая ошибка. Тебе бы лучше видеть во мне весь Египет.

У Клеопатры было несколько сотен прислужниц. Но только две из них были ей дороги — Хармиона и Ирас. Этих дочерей македонских аристократов еще в детстве придали дочери Птолемея Авлета и Клеопатры Трифены, дочери понтийского царя Митридата и его жены. Ровесницы Клеопатры, обе они провели с будущей царицей Египта все трудные годы. Развод Птолемея Авлета с ее матерью... изгнание Птолемея Авлета... трехлетняя ссылка в Мемфис, пока старшая сестра ее Береника и мать правили обескураженным государством... смерть матери... возвращение Птолемея Авлета на трон и казнь Береники. Так много пережито! Так много!

Они были единственными наперсницами Клеопатры, поэтому содержание переговоров с Гнеем Помпеем она поведала именно им.

— Потин становится невыносимым, — сказала она.

— Это значит, — сказала Хармиона, смуглая и весьма приятная с виду, — что он надеется свергнуть тебя и что час этот, по его мнению, уже близок.

— Да, ты права. Мне надо бы поехать в Мемфис и посоветоваться с богами, — раздраженно откликнулась Клеопатра, — но я не смею. Покинуть Александрию сейчас было бы пагубной ошибкой.

— Может быть, лучше написать Антипатру, придворному царя Гиркана? Он хороший советчик.

— Это вообще бесполезно. Он держит сторону римлян.

— А как он выглядит, этот Гней Помпей? — спросила белокурая и очень смазливая Ирас, которую больше интересовали личности, чем политические интриги.

— Как Александр Великий.

— Он понравился тебе, да? — продолжала выпытывать Ирас.

Клеопатра сердито ответила:

— Сказать по правде, Ирас, мне очень не понравился этот человек. Почему ты задаешь такие глупые вопросы? Я — фараон. Моя девственность принадлежит равному мне по крови и божественности. Если тебе нравится Гней Помпей, иди и спи с ним. Ты молодая женщина, ты имеешь право выйти замуж. Но я — фараон, бог на земле. Когда у меня появится мужчина, я сделаю это для Египта, а не ради собственного удовольствия. — Она сделала гримасу. — Поверь мне, только ради Египта я соберусь с духом и отдам мое нетронутое тело этой маленькой гадюке!

* * *

В начале декабря Помпей Великий с чувством огромного облегчения отбыл в западном направлении и по Эгнациевой дороге пошел к Диррахию. Жизнь в Фессалонике с сенаторской сворой превратилась в конце концов в сущий кошмар. Ибо к нему возвратились все, от Катона до старшего сына. Тот привел из Александрии великолепную боевую флотилию и шестьдесят забитых доверху транспортов. Предполагалось — пшеницей, ячменем, бобами и нутом. Оказалось — в основном финиками, сладкими и очень приманчивыми для гурманов, но, разумеется, не для солдат.

— Эта тощая стерва, чудовище! — прорычал молодой Гней Помпей, обнаружив, что лишь десять транспортов честно загружены добротным зерном. В кувшинах всей остальной полусотни судов были одни только финики, хотя ему предъявляли пшеницу! — Она обманула меня!

Его отец в присутствии Катона и Цицерона предпочел увидеть смешную сторону в ситуации. Он хохотал до слез, ибо пролить их иначе не мог.

— Ничего, — успокоил он разъяренного сына. — После победы мы поспешим в Египет и оплатим всю нашу войну из казны Клеопатры.

— А я лично вышибу из нее дух!

— Ц-ц-ц! — зацыкал Помпей. — Любовнику так говорить не пристало! Ходят слухи, что ты ее все-таки поимел.

— Нет, но с удовольствием поиму. Единственным способом: набью финиками и поджарю!

Услышав такое, Помпей снова расхохотался.

Катон возвратился как раз перед этим событием, очень довольный результатом своей родосской миссии и жаждущий поведать о встрече с Сервиллилой, еще одной своей сводной сестрой, разведенной женой умершего Лукулла, и с ее сыном Марком Лицинием Лукуллом.

— Не понимаю женщин, — объявил он хмуро. — Я встретил Сервиллилу в Афинах. Кажется, она думала, что в Италии ее занесут в проскрипционные списки. Первым делом она поклялась никогда больше не расставаться со мной и поплыла со мной по Эгейскому морю на Родос. Перессорилась с моими философами. Но когда пришло время покинуть Родос, вдруг сказала, что останется там.

— Женщины — странные существа, мой Катон, — сказал Помпей. — Ну, ступай же.

— Я не уйду, пока ты не пообещаешь урезонить свою кавалерию, галатийцев и каппадокийцев. Они дурно ведут себя.

— Они здесь, чтобы помочь нам победить Цезаря, мой Катон, и мы не платим за их содержание. Пусть изнасилуют всех баб в Македонии, меня это не касается. Уходи!

Затем притащился Цицерон в сопровождении своего сына. Измученный, несчастный, обиженный на всех, от своего брата с племянником до Аттика, которым, видите ли, Цезарь сильно облегчил в Риме жизнь.

— Меня окружали изменники! — кричал он, страшно тараща свои бедные гноящиеся, красные и запекшиеся глаза. — Мне понадобились месяцы, чтобы организовать свой побег, и все-таки я убежал. К сожалению, без бедняги Тирона.

— Да, да, — устало соглашался Помпей. — Послушай, Цицерон, за Ларисскими воротами живет очень хорошая знахарка. Поезжай, покажи ей глаза. Немедленно. Будь добр, не мешкай!

В октябре прибыли Луций Афраний и Марк Петрей из Испании, с горестными вестями. Они привели с собой несколько жалких когорт, что не утешило ошеломленного их рассказом Помпея. Цезарь завоевал обе его провинции — и опять малой кровью! Это вызвало бешеную ярость Лентула Круса, возвратившегося из провинции Азия.

— Твои Афраний и Петрей изменники! — орал он в ухо Помпею. — Я требую, чтобы Сенат судил их и изгнал!

— Заткнись ты, Крус! — рыкнул Тит Лабиен. — По крайней мере, Афраний с Петреем видели тебя в деле. И могут кое-что о тебе рассказать.

— Магн, кто этот низкорожденный червяк? — вскипел Лентул Крус. — Почему мы должны терпеть его здесь? Почему меня, патриция из Корнелиев, оскорбляют людишки, недостойные чистить мои сапоги? Вели ему убираться!

— Сам убирайся, Лентул! — крикнул Помпей, готовый вот-вот расплакаться.

Эти слезы пролились-таки ночью, на подушку, после того как Луций Домиций Агенобарб явился к нему с новостью, что Массилия капитулировала и что Цезарь полностью контролирует все земли к западу от Италии.

— Однако, — сказал Агенобарб, — при мне остался мой маленький флот, и я намерен с толком пустить его в дело.

В конце декабря Бибул встретил Помпея на перевалах Кандавии.

— Разве ты должен быть здесь? — спросил нервно Помпей.

— Успокойся, Магн! В ближайшем будущем Цезарь не появится ни в Эпире, ни в Македонии. Во-первых, в Брундизий нет достаточно транспорта, чтобы перевезти войска Цезаря через Адриатику. Во-вторых, у меня есть флот твоего сына на Адриатике, а также мои собственные два флота под командованием Октавия, Либона и Агенобарба, патрулирующие Ионическое море.

— Но ты, наверное, не знаешь, что Цезарь назначен диктатором и что теперь вся Италия на его стороне? И что он против проскрипций?

— Знаю. Но выше нос, Магн, все не так плохо. Я послал Гая Кассия и семьдесят сирийских судов в Тусканское море с приказом блокировать вывоз сицилийского урожая. Этот флот также помешает Цезарю послать войска в Эпир с западного побережья.

— Вот это здорово! — воскликнул Помпей.

— Я тоже так думаю. — Бибул сдержанно улыбнулся. — Он будет заперт в Брундизий, и можешь себе представить, как заворочается Италия, вынужденная всю зиму кормить двенадцать легионов? После того как Гай Кассий заблокирует зерно, у Цезаря возникнет достаточно неприятностей, связанных с необходимостью кормить гражданское население. И не забывай, Африка в наших руках.

— Это правда. — Помпей вновь помрачнел. — Но, Бибул, меня все же волнует отсутствие двух легионов из Сирии. Мне они очень быгодились. Ведь основной костяк армии Цезаря составляют закаленные ветераны.

— Что помешало Метеллу Сципиону привести свое войско к тебе?

— Согласно последним полученным от него сведениям, он испытывает огромные трудности с переходом через горный хребет Аман. Скенитские арабы расположились на перевалах, и он вынужден с боями пробиваться вперед. Ты же знаешь Аман, ты проводил там кампанию.

Бибул нахмурился.

— В таком случае ему еще предстоит пересечь всю Анатолию, чтобы выбраться к Геллеспонту. Сомневаюсь, что ты увидишься с ним до весны.

— Будем надеяться, Бибул, что и Цезаря мы до весны не увидим.

Напрасная надежда. Помпей все еще находился в Кандавии, преодолевая высоты севернее Охридского озера, когда в самом начале января его разыскал Луций Вибуллий Руф.

— А ты что здесь делаешь? — удивился Помпей. — Мы думали, ты в Ближней Испании!

— Я живое свидетельство того, что случается с человеком, дважды выступившим против Цезаря. После Корфиния он простил меня, а после Иллерды взял в плен. И с тех пор держал при себе.

Помпей почувствовал, что бледнеет.

— Ты хочешь сказать...

— Что Цезарь с четырьмя легионами отплыл на обычных транспортах из Брундизия за день до нон. — Вибуллий невесело улыбнулся. — Он не встретил ни одного военного корабля и благополучно высадился в Палесте.

— В Палесте?

— Между Ориком и островом Коркира. Потом послал меня на Коркиру сказать Бибулу, что он упустил свой шанс, и спросить, где ты находишься. Так что в моем лице ты видишь посла твоего неприятеля.

— О боги! Что это за человек! С четырьмя легионами! Всего с четырьмя?

— Всего.

— Что он просил передать?

— Что уже достаточно пролито римской крови. Что теперь самое время прийти к какому-то соглашению. Обе стороны, по его мнению, равносильны, и сталкивать их ни к чему.

— Равносильны? — медленно переспросил Помпей. — При четырех его легионах?

— Это его слова, Магн.

— Его условия?

— Ты и он обратитесь к Сенату и народу Рима, чтобы они сами выработали приемлемый вариант. Обе армии до того должны быть распущены.

— Сенат и народ Рима. Его Сенат. Его народ, — процедил сквозь зубы Помпей. — Он прошел в старшие консулы, он уже не диктатор. Но Рим и Италия все равно рукоплещут ему. Как же, он ведь никакой не Сулла!

— Да, он правит не с позиции силы, а с помощью сладкоречия. О, он умен! Знает, чем вскружить головы дуракам как во всей Италии, так и в Риме.

— Ну что ж, Вибуллий, он теперь — герой дня. Десять лет назад им был я. Существуют моды и на народных героев. Десять лет назад — пиценское чудо. Сегодня — правитель патриций. — Помпей неожиданно посуровел. — Скажи, кого он оставил в Брундизии?

— Марка Антония и Квинта Фуфия Калена.

— Значит, в Эпире кавалерии у него нет?

— Очень мало. Два или три галльских эскадрона.

— Он пойдет к Диррахию?

— Без сомнения.

— Тогда я велю своим легатам вести наше войско бегом. Я должен спешить, или он захватит Диррахий.

Вибуллий понял, что беседа окончена.

— Что ему передать?

— Пусть ждет, — сказал Помпей. — Останешься здесь, ты мне будешь полезен.

Помпей примчался к Диррахию первым. Еле-еле успел.

Западный берег материка, на котором располагались Греция, Эпир и Македония, был лишь условно разграничен. Южной границей Эпира служил северный берег Коринфского залива, но это была также и греческая Акарнания, а где шла северная граница Эпира, каждый мог выбирать сам. Для римлян Эгнациева дорога длиной почти в семьсот миль, пролегающая от Геллеспонта через Фракию и Македонию к Адриатическому морю, определенно находилась в Македонии. На расстоянии около пятнадцати миль от западного берега она разветвлялась на север и юг. Северная ветвь заканчивалась у Диррахия, а южная ветвь — у Аполлонии. Поэтому большинство римских военачальников считали Диррахий и Аполлонию частью Македонии, а не Эпира.

Для Помпея, в спешке и беспорядке вторгнувшегося в Диррахий, было колоссальным потрясением узнать, что весь Эпир присягнул на верность его врагу. С этим решением согласилась и Аполлония, а потому теперь все, что располагалось южнее реки Апис, фактически принадлежало Цезарю, который выгнал Торквата из Орика, а Стаберия из Аполлонии. Без кровопролития, в привычной манере. Местное население приветствовало его, затем сдавались и гарнизоны. Высадившись в Палесте, он устремился к Диррахию по плохой местной дороге и, невзирая на это, едва не сел Помпею на хвост.

К большому разочарованию Помпея, Диррахий тоже решил поддержать Цезаря. Его местные рекруты и городские жители вообще отказались сотрудничать с римским правительством в изгнании и приступили к подрывным действиям. С семью тысячами лошадей и почти восемью тысячами мулов, которых надо было кормить, Помпей не мог позволить себе сидеть во враждебной стране.

— Позволь, я призову их к порядку, — сказал Тит Лабиен.

В глазах его что-то мелькнуло. Эту искорку разгорающейся тяги к расправе мгновенно распознали бы и Цезарь, и Требоний, и Фабий, и Децим Брут.

Не зная этой черты характера Лабиена, Помпей задал невинный вопрос:

— Как же ты их призовешь?

Большие желтые зубы сверкнули.

— Так же, как треверов.

— Ну хорошо, — сказал Помпей, пожав плечами. — Делай, как знаешь.

Несколько сотен изуродованных тел жителей Эпира — и Диррахий решил, что гораздо разумнее хранить верность Помпею. А тот, услышав рассказы, ходившие по всему его огромному лагерю, решил закрыть на все глаза и ничего не предпринимать.

Когда Цезарь подошел к южному берегу Апса, Помпей встал на северном берегу как раз напротив его, около брода. Обе армии принялись строить оборонительные укрепления.

Их разделял какой-то жалкий поток воды. «Это не расстояние, — думал Помпей. — У меня под рукой шесть римских легионов, семь тысяч всадников, тысяча вспомогательных пехотинцев, две тысячи лучников и тысяча пращников. А у Цезаря что? Седьмой, девятый, десятый, двенадцатый. У меня гораздо больше солдат! Более чем достаточно для победы! Такая огромная силища против четырех легионов пехоты! Я разобью его. Обязательно разобью!»

Но он все сидел на северном берегу Апса, так близко от фортификаций противника, что можно было, метнув через реку голыш, попасть им в шлем какого-нибудь галльского ветерана. Но он не двигался.

Мысленно он возвращался в Испанию, к Квинту Серторию, который мог вынырнуть ниоткуда, миновать всех разведчиков и нанести страшный урон его огромному войску, а потом вновь уйти в никуда. Он опять стоял под стенами Лаврона, смотрел на Оску, уходил, поджав хвост, через Ибер.

А Луций Афраний и Марк Петрей тоже думали о своем. О том, как легко полгода назад Цезарь разделался с ними. И Лабиена не было рядом, чтобы высмеять их, прогнать их страхи, пренебрежительно отозваться о Цезаре и укрепить пошатнувшуюся решимость Помпея. Лабиен остался в Диррахии — следить за лояльностью населения — вместе с занудными кабинетными генералами Катонем, Цицероном, Лентулом Крусом, Лентулом Спинтером и Марком Фавонием. Те тоже могли бы взять командующего в оборот. А без них Помпей все мрачнел, и никто в лагере не решался к нему подступить.

— Нет, — сказал он Афранию и Петрею после нескольких рыночных интервалов бездействия, — я буду ждать Сципиона. Придут сирийские легионы, тогда и начнем. А пока будем просто сдерживать Цезаря, вот и все.

— Хорошая стратегия, — с облегчением сказал Афраний. — Он страдает, Магн, очень страдает. Бибул почти задушил все морские поставки. Цезарь теперь может надеяться в продовольственном смысле только на Грецию и на юг Эпира.

— Хорошо. Зима основательно истощит их. В этом году она обещает быть ранней.

Но не все обещания выполняются. С Цезарем был Публий Ватиний. Близость двух лагерей привела к тому, что часовые стали переговариваться через узкую речку. Потом к ним присоединились другие легионеры с той и с другой стороны. Цезарь это не пресекал. Овеянным боевой славой ветеранам галльской войны люди Помпея задавали много вопросов. Наблюдая это подсознательное уважение, Цезарь решил на этом сыграть. Он послал Публия Ватиния на среднюю фортификационную башню с наказом как следует обработать неприятельскую аудиторию. Ребята, неужели вам хочется проливать римскую кровь? Зачем впустую мечтать о победе, когда всем известно, что Цезарь непобедим? Кстати, почему Помпей не предлагает сражения? Похоже, он просто боится. Тогда что вы вообще здесь делаете?

Когда Помпей узнал о происходящем, он тут же послал за Лабиеном и Цицероном: первый умел разрешать проблемы, второй мог запросто переплюнуть Ватиния в краснобайстве. В результате к нему прибыли все кабинетные генералы, включая Лентула Круса, которому в тот момент усердно предлагал деньги Бальб-младший. От Цезаря, разумеется. Но Лентул Крус потянулся за всеми, и Бальб-младший, молясь, чтобы в стане Помпея его не узнали, потащился за ним.

А у реки дело дошло до того, что к Цезарю собралась делегация с северной стороны, возглавляемая одним из Теренциев Варронов. Встреча так и не состоялась. Прибыл Лабиен, перекричал Ватиния и приказал метнуть в южан копьей. Запуганные Лабиеном северяне позорно ретировались — и собеседованиям пришел конец.

— Не будь дураком, Лабиен! — взывал Ватиний. — Переговоры нужны! Спасай, кого можешь! Спасай солдатские жизни!

— Пока я здесь, никаких сделок с изменниками не будет! — орал Лабиен. — Но принесите мне голову Цезаря, и мы попытаемся столкнуться!

— Ты не меняешься, Лабиен!

— И не изменюсь никогда!

Пока шла эта пикировка, Цицерон посиживал у Помпея, радуясь теплу и уюту и попивая вино.

— У тебя очень бодрый и уверенный вид, — уныло заметил Помпей.

— Тому есть повод, — провозгласил Цицерон, распираемый жгучим желанием похвастаться своей удачей. — Я только что получил довольно приличное наследство.

— Уже получил? — спросил, прищурясь, Помпей.

— Да, Магн, и очень вовремя, очень! — пел Цицерон, не замечая сгущавшихся над ним туч. — Туллия вышла замуж, ей нужно приданое. Первый взнос я уже сделал. Не полностью, правда. Пришел срок делать второй. Двести тысяч, как тебе это нравится! А я все еще должен Долабелле шестьдесят тысяч от первого взноса. Он ежедневно мне пишет. Напоминает. — Цицерон захихикал. — Я полагаю, у него хватает времени, чтобы марасть бумагу, поскольку он адмирал затонувшего флота.

— И сколько ты получил?

— Около миллиона.

— Именно такая сумма мне и нужна! — сказал Помпей. — Как мой соратник и друг, Цицерон, одолжи мне эти деньги. Я ума не приложу, чем платить армии, я занимаю у своих же солдат. Немыслимое положение для полководца! Мои войска — мои кредиторы. А тут еще Сципион застрял в Пергаме, наверняка до весны. Я надеялся выкрутиться, получив сирийские денежки, но... — Помпей пожал плечами. — Твой миллион очень выручил бы меня.

Во рту у Цицерона пересохло, горло перехватило. Он сидел, не в состоянии что-либо сказать, пока ясные голубые глаза Немезиды обшаривали его мозг.

— Я же посылаю тебя к знахарке в Фессалонике, да? Она ведь поправила тебе зрение?

Цицерон с трудом сглотнул и кивнул.

— Да, Магн, конечно. Я дам тебе денег.

Он поерзал в кресле, хлебнул немного вина, чтобы снять горловой спазм.

— Э-э, я полагаю, ты оставишь мне что-то, чтобы я мог уплатить Долабелле?

— Долабелла на стороне Цезаря! — с праведным гневом воскликнул Помпей. — Это бросает тень и на тебя, Цицерон.

— Ты получишь миллион, — дрожащим голосом произнес Цицерон. — О боги, что я скажу Теренции?

— Ничего из того, что ее бы обрадовало, — ухмыльнулся Помпей.

— А бедняжке Туллии?

— Скажи ей, что с Долабеллой расплатится Цезарь.

Обосновавшись на острове Коркира, Бибул принялся действовать. И гораздо решительнее, чем оробевший Помпей. Плохо, конечно, что Цезарь успешно прошел через выставленный на море заслон. Но еще хуже, что он сам сообщил Бибулу об этом, послав к нему легата Помпея, плененного им. Ха-ха-ха, получай, Бибул! Ничто не могло пришпорить Бибула сильнее, чем эта пренебрежительная насмешка. Он всегда до самозабвения отдавался работе, но после визита Вибуллия стал еще безжалостнее подгонять и себя, и других.

Каждый новый полученный им корабль шел патрулировать Адриатику. Цезарь сгниет, прежде чем увидит свои остальные войска. Первая кровь — пустяк, но все-таки это кровь! Выйдя сам в море, Бибул перехватил тридцать транспортов Цезаря и сжег их. Вот! Получите, Антоний и Кален! Этих судов у вас теперь нет!

Он поставил перед собой две задачи. Во-первых, не дать Антонию и Калену набрать флот, достаточный для переброски восьми легионов и тысячи германских конников в помощь Цезарю. Чтобы добиться такого эффекта, он послал Марка Октавия патрулировать италийскую часть Адриатики севернее Брундизия. Скрибонию Либону было велено следить непосредственно за Брундизием, а Гнея Помпея обязали перекрыть все подходы к нему с греческой стороны. Если Антоний и Кален попытаются получить корабли из портов северной части Адриатики, или из Греции, или из портов Италии с западной стороны, им это не удастся!

Его второй задачей было лишить Цезаря возможности получать морем съестные припасы, поэтому без внимания не остались ни

Коринфский залив, ни Пелопоннес.

Тут прошел слух, что Цезарь, обеспокоенный возрастающей изоляцией, попытался инкогнито, чтобы не встревожились его люди, вернуться в Брундизий на небольшом открытом полубаркасе. Но у острова Сасон разразился ужасный шторм. Когда капитан суденышка решил повернуть назад, переодетый Цезарь открылся ему, умоляя продолжить путь. «Я Цезарь, — сказал он, — удача сопутствует мне!» Была сделана вторая попытка, но в конце концов полубаркас вернулся в Эпир. Правда ли это, Бибул не знал. Зато он знал, что Цезарь способен на авантюры, и стал действовать еще энергичнее, принимая все меры, чтобы сорвать любой его план.

Когда экваториальные штормы обложили Брундизий, Бибул вполне мог бы расслабиться, но он себе этого не позволил и, поскольку возглавить патруль между Коркирой и Сасоном было больше некому, отрядил в море себя. В любую погоду он вел наблюдение, всегда продрогший, всегда промокший, всегда голодный, ибо ел он урывками, как, впрочем, и спал.

В марте он простудился, но отказывался вернуться на базу, пока не потерял способность что-либо решать. Голова в огне, руки-ноги как лед, дыхание сбилось. Он упал на палубу флагмана, и его заместитель, Лукреций Веспиллон, приказал флоту идти к Коркире.

Там Бибула уложили в постель, но состояние его не улучшилось, и Лукреций Веспиллон принял еще одно решение: послать за Катонем в Диррахий. Тот, боясь не увидеться с дорогим ему человеком, нанял для перехода самый быстрый полубаркас.

Войдя в комнату, Катон с облегчением понял, что Бибул еще здесь. Но уютный небольшой каменный домик словно бы содрогался от его прерывистого дыхания.

Какой он маленький! Меньше, чем был. Или это кровать такая большая? Седые волосы и седые брови почти сливаются с мертвенной чешуей, в которую превратил его лицо морской ветер. Только серебристо-серые глаза, огромные на этой усохшей маске, кажется, еще живы. Они повернулись, увидели, увлажнились. Маленькая рука шевельнулась.

Катон сел на край кровати, взял руку друга в свои. Наклонился, поцеловал Бибула в лоб. И чуть не отпрянул — так горяча была кожа. Ему казалось, что слезы, скопившиеся в уголках глаз умирающего, вот-

вот зашипят, пыхнув струйками пара. Он весь горит! Грудь вздымается с хрипом! С болью! Но в застланных слезами глазах светится истинная любовь. Любовь к Катону, которому вскоре опять суждено испытать горечь потери.

— Теперь, когда ты здесь, ничто не имеет значения.

— Я буду здесь, сколько ты захочешь, Бибул.

— Я слишком сильно старался. Нельзя дать Цезарю победить.

— Мы никогда не дадим Цезарю победить. Даже ценой наших жизней.

— Он разрушит Республику. Его надо остановить.

— Мы оба с тобой это знаем.

— Остальные мало стараются. Кроме Агенобарба.

— Я подгоню их.

— Помпей — сдутый пузырь.

— А Лабиев — чудовище. Я знаю. Не думай о них.

— Присмотри за Порцией. И за маленьким Луцием. Теперь он — мой единственный отпрыск.

— Я позабочусь о них. Но сначала разделаюсь с Цезарем.

— О да. Сначала возмись за него. У него сто жизней.

— Ты помнишь, Бибул, как в твое консульство ты заперся у себя в доме, чтобы следить за небом? Как он тогда возмутился? Но и мы испортили ему консульство. Заставили поступить неконституционно. И заложили основы для будущих обвинений. Когда все кончится, он ответит за все...

Его резкий от природы, каркающий голос звучал сейчас очень мягко, даже нежно. Он словно пел колыбельную, погружая товарища в вечный нескончаемый сон. Это подействовало: Бибул заулыбался, как ребенок, слушающий самую замечательную сказку на свете. И так, с улыбкой, не отрывая глаз от лица друга, он отошел в иной мир.

Последние слова его были:

— Мы его остановим.

Теперь все воспринималось не так, как в прошлом, когда умирал Цепион. Ни опустошающего взрыва горя, ни исступленного отрицания смерти. Когда затихли предсмертные хрипы, Катон встал с кровати, сложил руки Бибула на груди, закрыл ему глаза. Он знал, конечно, что произойдет, и потому в его поясе нашелся денарий. Катон опустил

монету в раскрытый рот, потом поджал холодеющий подбородок и чуть раздвинул мертвецу губы. И Бибул снова словно бы улыбнулся ему.

— Vale, Марк Кальпурний Бибул, — сказал он. — Я не знаю, сможем ли мы победить Цезаря, но он никогда нас не победит.

Луций Скрибоний Либон ждал за дверью с Веспиллоном, Торкватом и прочими.

— Бибул мертв, — громко объявил Катон.

Либон вздохнул.

— Это многое осложняет. — Он сделал вежливый жест. — Вина?

— Спасибо. Побольше. И неразбавленного.

Он выпил до дна, но от еды отказался.

— Возможно ли при таком шторме развести погребальный костер?

— Его уже готовят.

— Мне шепнули, Либон, что Бибул пытался переиграть Цезаря как дипломат и пригласил его в Орик на переговоры. И что тот будто бы даже явился туда.

— Да, это правда. Хотя на встречу Бибул не пошел из опасения взбелениться. Я сказал это Цезарю и попробовал разговорить его, чтобы понять, есть ли в его обороне лазейки, через которые мы могли бы протаскивать для себя провиант.

— Но замысел не удался, — сказал Катон, вновь наполняя бокал.

Либон поморщился, развел руками.

— Иногда, Катон, я думаю, что Цезарь не из смертных. Он засмеялся мне в лицо и ушел.

— Цезарь смертен, — сказал Катон. — Однажды он умрет.

Либон наклонил свой бокал, выплеснув часть вина на пол.

— Это богам. Чтобы я дожил до этого дня.

Катон улыбнулся, покачал головой.

— Нет, я свое вино выпью сам. Что-то мне говорит, что я умру раньше.

* * *

От Аполлонии до Брундизия по морю миль восемьдесят, не больше. Утром второго апреля Цезарь снарядил в путь полубаркас и передал капитану письмо. Он еще в Британии понял, что полубаркасы

быстры и надежны. Море успокаивалось, ветер с юга дул слабый, а горизонт был незапятнанно чист. Ни единого корабля, не говоря уже о флотилиях.

На закате того же дня Марк Антоний ознакомился с содержанием доставленного ему в Брундизий послания. Цезарь писал его сам, читать было легко. Почерк почти каллиграфический, хотя и очень характерный, а первая буква каждого нового слова помечена точкой над ней.

Антоний, экваториальные штормы прошли. Наступила зима. Согласно нашему типу погоды должно наступить обычное затишье. Мы можем надеяться на два спокойных рыночных интервала до наступления следующих штормов.

Я буду очень признателен, если ты поднимешь свою толстую задницу и переправишь ко мне еще хоть какие-то легионы. Немедленно. На всех имеющихся у тебя кораблях. В первую очередь отправляй ветеранов и кавалерию, потом новые легионы.

Сделай это, Антоний. Мне надоело ждать.

— Цезарь раздражен, — сказал Антоний Квинту Фуфию Калену. — Труби сбор! Через восемь дней отплываем.

— У нас достаточно транспортов для ветеранов и кавалерии. И для четырнадцатого, только что прибывшего. У него будет девять легионов. Это хороший кулак.

— Он и с меньшим количеством утирал всем носы, — сказал Антоний. — Шугануть бы Либона с моря, но где нам взять флот?

Сложнее всего было погрузить тысячу лошадей и четыре тысячи мулов. Семь дней и семь ночей не прерывался блестяще организованный, но весьма и весьма трудоемкий процесс. Большая гавань Брундизия с множеством бухточек позволяла отвалившим от пристани кораблям ожидать остальных, встав на якорь. Они и ждали — с животными, грумами, конюхами, а также с германскими кавалеристами, втиснутыми между лошадьми. Повозки и артиллерию погрузили скорее. А уж с пехотой разобрались и вовсе легко.

Отчалили в ночь на десятое. Дул юго-западный ветер. Это значило, что всю основную работу возьмут на себя паруса.

— Нас понесет так, что никакой Либон не догонит! — смеялся Антоний.

— Будем надеяться, что нас не растащит, — угрюмо откликнулся Кален.

Но везение Цезаря не подвело его бравых парней. Так, по крайней мере, считали шестой, восьмой, одиннадцатый, тринадцатый и четырнадцатый легионы. Ветер гнал корабли кучно, паруса раздувались. В обозримом пространстве — никакого Либона, над головами — никаких туч.

Но у острова Сасон ветер вдруг посвежел, изменил направление, откуда-то вывернулась непонятно кем возглавляемая, но явно вражеская флотилия и стала их нагонять.

— О боги! Нас сносит к Тергесте! — крикнул Антоний, когда маяк Диррахия пронесся мимо.

Но вдруг, словно по велению богов, ветер стих.

— Поворачивай к берегу, пока можно, — велел капитану Антоний.

Капитан кивнул двум рулевым. Те налегли на весла с таким напряжением, словно ворочали валуны.

— Это Копоний, — сказал Кален. — Он нас нагоняет.

— Пусть нагоняет. Мы успеем причалить.

В тридцати пяти милях севернее Диррахия был город Лисе, и здесь Антоний повернул свои корабли носом, чтобы встретить таранный удар боевых галер Колония, находящихся почти в миле от его отставших кораблей и быстро приближавшихся.

Вдруг ветер повернул, задул с севера. Вне себя от радости все на кораблях Антония смотрели, как корабли противника стали уменьшаться и скрылись за горизонтом.

Жители Лисса собрались, чтобы приветствовать армию Цезаря. К ним присоединились селяне и стали помогать выгружать тысячи животных на берег, где была почти такая же пристань, как в Брундизии.

Счастливый Антоний провел в Лиссе несколько часов, чтобы дать своим людям отдохнуть и перекусить, а потом, построив их в маршевую колонну, двинулся к югу. Чтобы встретиться с Цезарем.

— Или с Помпеем, — прибавил Кален.

Антоний раздраженно хлопнул себя по огромному бедру.

— Кален, не мели ерунды. Неужели ты и вправду считаешь, что этот слизняк развернется быстрее, чем Цезарь?

Глядя с вершины высокого холма на море, Цезарь заметил вдали свой флот и облегченно вздохнул. Но потом сжал в бессилии кулаки, увидев, как ветер уносит корабли на север.

— Сворачивай лагерь, мы выступаем.

— Помпей тоже снимается, — сказал Ватиний. — Он будет там первым.

— Помпей зауряден как командир. Он не пойдет прямо на север, ибо та местность ему неизвестна. Думаю, он пойдет к реке Генус и остановится у Аспарагия. Это немного южнее Диррахия, но — на Эгнациевой дороге. Помпей ненавидит плохие дороги. К тому же он должен помешать мне соединиться с Антонием. Так почему бы ему не залечь там, где, по его мнению, пойдет моя остальная армия?

— Ну а ты? — нетерпеливо спросил Ватиний.

— А я туда не пойду. Я перейду Генус вброд и в десяти милях от побережья двинусь по местным дорогам на север.

— А-а! — воскликнул Ватиний. — Но ведь тогда Антоний подойдет к Аспарагию раньше, чем ты!

— Антоний прошел галльскую выучку и передвигается быстро, как я. Но он не дурак, наш Антоний. Далеко не дурак.

Точная оценка. Антоний действительно двигался быстро, но не вслепую. Его разведка была дотошной и вскоре доложила, что Помпей стоит лагерем около Генуса. Антоний тут же остановился и далее не пошел.

Пятнадцатого июня армии Антония и Цезаря соединились — радостное событие для ветеранов.

Приплясывая от возбуждения, Антоний сказал Цезарю:

— У меня есть сюрприз!

— Надеюсь, приятный.

Как фокусник, коих он так любил включать в свою дикую свиту, Антоний сунул руку в толпу офицеров. Те расступились, и показался высокий красивый мужчина лет сорока пяти, рыжеватый и сероглазый.

— Гней Домиций Кальвин! — воскликнул Цезарь. — Вот это сюрприз!

Он шагнул вперед, схватил Кальвина за руку.

— Что ты делаешь в такой сомнительной компании? Я был уверен, что ты у Помпея.

— Только не я, — с жаром возразил Кальвин. — Да, я был верным приверженцем boni в течение многих лет. Фактически до марта прошлого года. — Взгляд его посуровел. — Но, Цезарь, не мог же я с этими жалкими негодьями в трудный момент бежать из страны. Помпей и его клика своим бегством разбили мне сердце. Теперь я твой, и уже до конца. Ты хорошо обошелся с Италией, с Римом. Разумные законы, разумный Сенат.

— Ну и оставался бы там с моими лучшими пожеланиями.

— Нет! Я — воин, а не законник. И не хочу в решающую минуту отсиживаться в кустах!

За скромным обедом (хлеб, масло, овощи, сыр) Цезарь рассказал о своих планах. Присутствовали Ватиний, Кальвин, Антоний, Кален, Луций Кассий (двоюродный брат Гая и Квинта), Луций Минуций Планк и Гай Кальвизий Сабин.

— У меня девять плотно укомплектованных легионов и тысяча конников, — сказал Цезарь, сосредоточенно жуя редиску. — Слишком много, чтобы Эпир мог прокормить их зимой. Помпей на такой местности драться не будет, тем более в такую погоду. Весной он пойдет на восток, в Македонию или в Фессалию. Сражение, если оно вообще состоится, будет именно там. Мне же пока надлежит склонить на мою сторону Грецию. Поддержка, снабжение и все такое для нас сейчас очень важны. Поэтому я разделю нашу армию. Луций Кассий и Сабин, вы возьмете седьмой легион и займетесь западной Грецией — Амфилохией, Акарнанией и Этолией. Ведите себя хорошо. Кален, ты с пятью старшими когортами четырнадцатого легиона и с половиной моей кавалерии убедишь Беотию принять правильное решение. Таким образом, центральная Греция будет нашей. Но в Афины не лезь. Не трать зря сил. Сосредоточься на Фивах.

— Цезарь, а что ты оставишь себе? — хмуро спросил Планк.

— Думаю, пары легионов мне будет достаточно, — спокойно ответил Цезарь. — Помпей ждет Метелла Сципиона и до тех пор активности не проявит.

— А вдруг проявит? — воскликнул Кален. — Если он ударит всей своей мощью, тебе конец.

— Я знаю. Но он не ударит.

— Надеюсь, ты прав.

— Кальвин, для тебя есть особое поручение, — сказал Цезарь.

— Все, что смогу, я сделаю.

— Хорошо. Возьми одиннадцатый и двенадцатый легионы и попробуй найти Метелла Сципиона, прежде чем он присоединится к Помпею.

— Ты хочешь, чтобы я был в Фессалии и Македонии.

— Именно. Возьми эскадрон галльской конницы. Они замечательные разведчики.

— С тобой останутся только эскадрон галлов и пятьсот германцев, — сказал Кальвин. — У Помпея тысячи конников.

— И их надо кормить. — Цезарь повернулся к Антонию. — Как ты распорядился тремя легионами, оставшимися в Брундизий?

— Отправил их в Италийскую Галлию, — ответил тот с полным ртом. — Я решил, что ты перво-наперво захочешь обезопасить Иллирию, поэтому пятнадцатый и шестнадцатый идут в Аквилею. Третий сейчас шагает в Плаценцию.

— Мой дорогой Антоний, ты — бесценный перл! Делаешь именно то, что нужно. Ватиний, Иллирия в тебе нуждается. Поедешь сушей, это быстрее. — Серые выцветшие глаза опять обратились к Антонию и потеплели. — Не беспокойся о брате, Антоний, я слышал, что с ним обходятся прилично.

— Хорошо, — угрюмо сказал Антоний. — Я знаю, он немножко дурак, но он мой брат.

— Жаль, что ты позволил большой группе своих галльских легатов остаться в Риме, — сказал Кальвин. — Они пригодились бы тебе здесь.

— Им надо делать карьеру, — спокойно ответил Цезарь. — Они отслужили свое. Никто не может стать консулом, не побывав в шкуре претора. — Он вздохнул. — Хотя я скучаю по Авлу Гиртию. Отменный канцелярист.

Обед закончился, и все поспешили откланяться, но Ватиний и Кальвин задержались. Цезарь хотел ознакомиться с последними римскими новостями.

— Что случилось с Целием? — спросил он Кальвина.

— Долги, — кратко ответил тот. — Он ставил на то, что ты аннулируешь все заемные векселя, и просчитался. А способностей ему было не занимать. Цицерон души в нем не чаял. И он хорошо показал

себя как эдил: прикрыл аферы с водой, ввел несколько очень нужных реформ.

— Хлопотная и неблагодарная должность, — сказал Цезарь. — Знаю это по опыту. Эдилы всегда много тратят на то, чтобы устроить замечательные игры. А потом никак не могут выпутаться из долгов.

— Ты выпутался, — улыбнулся Ватиний.

— Лишь потому, что я — это я. Продолжай, Кальвин. Мы тут мало что знаем. Море блокировано. Продолжай.

— Как претор по иностранным делам Целий, похоже, счел, что сможет сам все обстригать. И попытался провести закон об аннулировании долгов через Трибутное собрание.

— Я слышал, что Требоний пытался остановить его.

— Безуспешно. Собрание было бурным. Очень многим хотелось провести этот закон.

— И Требоний пошел к Ватии Исаврику, — сделал предположение Цезарь.

— Ты знаешь этих людей, поэтому твоя догадка верна. Ватия сразу ввел *senatus consultum ultimum*. Два плебейских трибуна пытались противиться, но чрезвычайное положение было уже введено. Он их обставил, причем очень чисто. Я был восхищен.

— А Целий бежал из Рима, чтобы попытаться набрать возле Капуи войско. Это последнее, что я слышал о нем.

— А мы слышали, — лукаво сказал Кальвин, — что ты очень обеспокоился и даже пытался прорваться на открытом полубаркасе в Брундизий!

— Ederol! Как быстро распространяются слухи! — ухмыльнулся Цезарь. — Но что случилось с Целием? Продолжай.

— Твой племянник Квинт Педий был претором, которому поручили привести четырнадцатый легион в Брундизий, и он находился в Кампании в тот момент, когда Целий встретил не кого иного, как Милона, тайком пробиравшегося из ссылки в Массилии.

— А-а! — протянул Цезарь. — Значит, Милон думает, что поднимет революцию? Полагаю, Сенат, руководимый Ватией и Требонием, не будет так глуп, чтобы разрешить ему вернуться домой.

— Нет, разумеется. Милон скрытно высадился в Сурренте. Они с Целием обнялись и согласились объединиться. Целию удалось

наскрести около трех когорт из ветеранов Помпея — авантюристов, гуляк, выпивох. Милон вызвался набрать еще столько же.

Кальвин вздохнул, поменял положение.

— Ватия и Требоний послали Квинту Педию депешу с приказом справиться с ситуацией в рамках *senatus consultum ultimum*.

— Другими словами, они дали моему племяннику полномочия начать войну.

— Да. Педий развернул свой легион и встретил их неподалеку от Нолы. Произошло что-то вроде сражения. Милон был убит. Целию удалось бежать, но Квинт Педий нагнал его и убил. Вот и все.

— Молодец, племянник. Не растерялся.

Тут вздохнул и Ватиний.

— Надеюсь, Цезарь, в этом году в Италии больше не будет неприятностей.

— Я и сам искренне надеюсь на то. Но, Кальвин, по крайней мере, ты знаешь теперь, почему я оставил в Риме так много моих самых верных легатов. Они — люди действия, а не скопище боязливых старух.

Помпей решил остановиться на реке Генус у Аспарагия, уверенный, что находится севернее главного лагеря Цезаря и что Диррахий в безопасности. Но Цезарь появился на южном берегу Генуса и стал ежедневно выстраивать войска в боевой порядок. Помпей был обескуражен. Он знал, что у Цезаря теперь вдвое меньше кавалеристов и что три легиона он отправил в Грецию за фуражом. Он также знал, что Кальвин переметнулся к противнику, но не знал, что тот уже подходит к Фессалии, чтобы перехватить там сирийские легионы.

— Как я могу принять бой? — брюзжал он. — Слишком мокро, слякотно, холодно. Я дождусь Сципиона.

— Тогда, — сказал Цезарь Антонию, — пусть немного погрееется.

Со свойственной ему поразительной быстротой он разобрал лагерь и исчез. Сначала Помпей решил, что нехватка еды погнала противника к югу. Потом разведчики доложили ему, что Цезарь перешел Генус в нескольких милях от лагеря и направляется через горные перевалы к Диррахию. Помпей взвыл. Он понял, что его вот-вот отрежут от огромных запасов провизии, и, не мешкая, тронулся в путь. По Эгнациевой дороге, а не по каким-то проселкам. Он придет первым и посрамит Цезаря!

Цезарь шагал вместе с солдатами, окруженный молодыми, но уже видавшими виды ветеранами десятого легиона.

— Да, это марш, Цезарь! — сказал ему кто-то, перелезая через огромный валун. — На этот раз то, что надо!

— Перед тобой еще тридцать пять миль такой радости, парень, — сказал Цезарь, широко улыбаясь, — и их нужно пройти до заката. Я хочу, чтобы наш веснушчатый друг, шагающий по Эгнациевой дороге, уткнулся своим курносым носом мне в зад. Он думает, что с ним идут лучшие римские легионеры. А я знаю, что это не так. Настоящие римские легионеры топают вместе со мной.

— Настоящих римских легионеров, — сказал Кассий Сцева, один из центурионов десятого, — воспитывают настоящие римские генералы, а более настоящего римского генерала, чем Цезарь, не сыщешь нигде.

— Это как посмотреть, Сцева, как посмотреть, но спасибо на добром слове. А теперь, парни, берегите дыхание. Оно вам еще пригодится.

К концу дня армия Цезаря заняла высоты восточнее Эгнациевой дороги, милях в двух от Диррахия. Поступил приказ окопаться, то есть построить большой лагерь с фортификациями.

— Почему ты не хочешь закрепиться там, где повыше? — спросил Антоний, указывая рукой на юг. — На том плато. На Петре, местному.

— Петру пусть занимает Помпей.

— Там ведь наверняка лучше с рельефом!

— Но слишком близко к морю, Антоний. Нас начнет доставать флот. Нет уж, благодарю, обойдемся без Петры.

На следующее утро марширующий по Эгнациевой дороге Помпей обнаружил Цезаря между собой и Диррахием и незамедлительно занял плато.

— Цезарю придется попотеть, чтобы выкурить нас отсюда, — сказал он Лабиену. — Здесь хороший рельеф и Диррахий доступен, потому что мы возле моря. — Он повернулся к своему зятю Фаусту Сулле. — Фауст, пошли сообщение моим адмиралам, что любые разгрузки отныне вести надо здесь. И пусть начнут перевозку того, что есть в Диррахий. — Он иронически вздернул губу. — Нельзя, чтобы Лентул Крус остался без перепелиного или рыбного соуса.

— Это тупик, — мрачно сказал Лабиев. — Цезарь нас тут обложит.

Удивительно точное предсказание. Несколько следующих дней старшие офицеры Помпея наблюдали за тем, как Цезарь укрепляет линию холмов на расстоянии полутора миль от Эгнатиевой дороги, начиная от стен своего лагеря и прямо на юг. Затем он соединил укрепленные узлы траншеями и земляными валами.

Лабиев с досады выругался:

— Cunnus! Он строит циркумвалляцию. Он собирается отгородить нас от моря и пастбищ.

Чуть ранее Цезарь собрал свою армию.

— Сейчас мы в тысяче миль от Длинноволосой Галлии, ребята! — весело крикнул он. — Прошедший год должен был показаться вам странным в сравнении с теми, что мы провели там. Пришлось больше шагать, чем копать! Не так много голодных дней! И по ночам вы не очень-то мерзли! Время от времени ерундовые стычки! А в солдатских кубышках денег все больше! Приятное, краткое путешествие по морю, чтобы проветрить ноздри! Все это хорошо, — продолжал он спокойнее, — но в таком режиме вы потеряете форму! Можем ли мы это допустить, а, ребята?

— НЕТ! — радостно взревели солдаты, от всей души веселясь.

— Я думаю то же. А еще думаю, что пришло время этим cunni в моих легионах заняться тем, что они делают лучше всего! А что вы делаете лучше всего, ребята?

— КОПАЕМ! — в один голос ответили солдаты и засмеялись.

— Ну так покажите свое мастерство! Будем копать! Похоже, Помпей все же решится дать нам сражение! А можем ли мы идти в бой, не перетащив для начала несколько миллионов корзин земли?

— НЕ МОЖЕМ! — закричали хохочущие солдаты.

— Вот-вот. Значит, займемся этим. Наверстаем упущенное! Будем копать, копать и копать! А потом покопаем еще. Я хочу, чтобы Алезия показалась вам праздником. А еще хочу отрезать Помпея от моря. Как, ребята? Вы согласны копать вместе с Цезарем, вместе со мной?

— ДА! — заревели они, размахивая шарфами.

— Циркумвалляционная линия, — задумчиво промолвил Антоний.

— Антоний! Ты не забыл это слово!

— Как можно забыть Алезия? Но, Цезарь, зачем?

— Чтобы Помпей нас зауважал, — сказал Цезарь таким тоном, что нельзя было понять, шутит он или нет. — Ему нужно прокормить больше семи тысяч лошадей и девяти тысяч мулов. Здесь это легко, поскольку зимой в этой местности идет дождь, а не снег. Трава не жухнет, продолжает расти. То есть если он сможет пасти животных. Но если я обнесу его лагерь стеной, у него возникнут проблемы и его конница перестанет быть силой. Когда нет места для маневра, конницы тоже словно бы нет.

— Ты меня убедил.

— Но это не все. Я хочу унижить Помпея в глазах его союзников и клиентов-царей. Я хочу, чтобы такие властители, как Деиотар и Ариобарзан, съели свои ногти, гадая, даст ли Помпей мне сражение. Его войско по численности и по мощи вдвое превосходит мое. Но он не решается атаковать. Если так пойдет и дальше, союзники могут в нем усомниться и отозвать своих рекрутов. В конце концов, они платят, а люди, которые платят, хотят видеть результат.

— Убедил, убедил! — крикнул Антоний и поднял руки, показывая, что сдается.

— Надо еще продемонстрировать Помпею, на что способна настоящая армия, — продолжил Цезарь, игнорируя его восклицание. — Он хорошо знает, что перед ним галльские ветераны и что в последний год они прошагали две тысячи миль. Но они будут копать, несмотря на усталость и на то, что у нас мало еды. Зная, что я связан и что еды мало, Помпей наверняка будет постоянно патрулировать море, а я не заметил, чтобы эффективность его флота упала с тех пор, как умер Бибул.

— Как ни странно, но это так.

— Бибул всегда делал больше, чем от него требовалось. И сейчас адмиралы используют его наработки, Антоний. — Цезарь вздохнул. — Говоря откровенно, мне горько, что его нет. Он был сильным противником, но он умер. Сенат без него будет уже не тот.

— Он будет намного лучше!

— В смысле простоты принятия решений — конечно. В смысле наличия крепкой и уверенной в своей правоте оппозиции — нет. Единственное, чего я опасаясь, Антоний, это того, что победа в войне окончательно лишит меня оппонентов.

— Иногда я тебя не понимаю, Цезарь, — проворчал Антоний, комично поджав губы к носу. — Скажи на милость, зачем тебе нужны какие-то оппоненты? Сейчас ты можешь выполнить все, что задумал. Все твои решения идут Риму на пользу. А кто не давал твоим планам пойти в ход намного раньше? Все те же самые Бибул и Катон. У них двойные стандарты: одни — для себя, другие — для прочих. Извини, но я думаю, что потеря Бибула весьма полезна для нашего дела. То же я скажу, если вдруг окочурится и твой доброжелатель Катон.

— Ах, Антоний, ты веришь в меня больше, чем я сам. Пойми, автократия очень коварна. Нет человека, который не уверует в собственную непогрешимость, если его будут со всех сторон восхвалять, — сдержанно сказал Цезарь. Он пожал плечами. — Во всяком случае, Бибула уже ничто не вернет.

— Есть еще сын Помпея со своими египетскими квинкверемами. Он ликвидировал твой опорный пункт Орик и сжег тридцать моих транспортов в Лиссе.

— Ха! — презрительно выдохнул Цезарь. — Все это ерунда. В Брундизий, Антоний, мы поплывем по чистому морю и на кораблях Помпея. Что мне Орик? Я замечательно проживу без него. А вот Помпею от меня не избавиться. Я буду донимать его всюду, куда бы он ни пошел.

В дни безжалостных майских дождей затеялось странное соревнование. Обе армии рьяно копали. Цезарь старался сжать территорию, контролируемую Помпеем, тот же, напротив, старался расширить ее. Люди Цезаря работали под постоянным градом стрел и камней. У Помпея трудности были другими. Его люди ненавидели копать, не понимали, зачем это нужно, и копали только из страха перед Лабиемом, который, казалось, один сознавал, насколько важен этот тяжелый и изнурительный труд. Рабочих рук у него было вдвое больше, и лишь это позволяло ему немного опережать землекопов противника, но не настолько, чтобы сделать прорыв.

Иногда случались стычки, но обычно не в пользу Помпея. Ему мешал страх спровоцировать настоящую битву. Не сразу он понял, что близость к морю хороша не во всем. Ручьи и речушки, питающие водой его армию и животных, стремились, естественно, к побережью, но с

территории, занятой Цезарем, а тот все активней пускал их в обход плато.

Самым большим утешением для Помпея было знать, что у Цезаря нет открытой линии снабжения. Все должно было поступать из западной Греции. Дороги раскисли от дождей, а более легкие прибрежные пути были отрезаны флотом Помпея.

Как-то Лабием принес Помпею несколько серых вязких и волокнистых брикетов.

— Что это? — спросил удивленно Помпей.

— Это основной паек Цезаря. Вот что ест он и его люди. Корни местных растений. Их крошат, смешивают с молоком и пекут. У них это называется хлебом.

Широко открыв глаза, Помпей взял один брикет и с трудом отломил кусочек серого вещества. Положил его в рот, чуть не подавился и выплюнул.

— Они не едят эту дрянь, Лабием! Это есть невозможно!

— Для них возможно. Они это едят.

— Убери это, убери! — взвизгнул Помпей, содрогнувшись. — Убери и сожги! И не смей говорить об этом моим людям! Если они узнают, чем готовы питаться люди Цезаря лишь для того, чтобы нас запереть, у них опустятся руки!

— Не беспокойся. Я сожгу это и никому ничего не скажу. Знаешь, откуда у меня этот хлеб? Цезарь прислал его мне с наилучшими пожеланиями. Что бы с ним ни было, он всегда дерзок.

К концу мая ситуация с выпасом мулов и лошадей стала для Помпея критической. Он собрал транспорты и переправил несколько тысяч животных к Диррахию. Этот маленький городок располагался на конце небольшого дугообразного полуострова, который почти касался материка в полумиле от порта и смыкался посредством моста с Эгнациевой дорогой. Жители Диррахия пришли в отчаяние. Драгоценные пастбища были нужны им самим. Только страх перед Лабиемом заставлял их придерживать языки.

Шел июнь, землекопное соревнование продолжалось, а оставшиеся в лагере лошади и мулы Помпея стали худеть, слабеть и болеть, что неизбежно на влажной и слякотной почве. К концу июня начался падеж. Помпей, продолжая копать, не счел возможным

возиться с уборкой гниющих и начинающих смердеть туш. Зловоние потекло по лагерю, проникая повсюду.

Первым не выдержал Лентул Крус.

— Помпей, ты ведь не думаешь, что мы способны существовать в этих миазмах!

— Ну да, меня так все время тошнит, — поддержал его Лентул Спинтер, поднося платок к носу.

Помпей улыбнулся самой ангельской из улыбок.

— Тогда я советую вам упаковать свои сундуки и вернуться в Рим, — сказал он.

К сожалению, жалобы не стихали, но беспокоило Помпея не это. Цезарь упорно перегораживал все речушки, лишая его воды.

Когда линии Помпея достигли пятнадцати миль, а линии Цезаря — семнадцати, плато было окружено. Положение Помпея стало отчаянным.

С помощью Лабиена он убедил группу жителей Диррахия пойти к Цезарю с предложением занять город. Весна не принесла хорошей погоды. Люди Цезаря слабели от «хлебной» диеты. Да, подумал Цезарь, овладеть съестным запасом Помпея было бы совсем неплохо.

На восьмой день квинктилия он атаковал Диррахий. Пользуясь этим, Помпей ударил сразу с трех направлений по центральным фортам вражеских фортификаций. Два форта приняли главный удар, их защищали четыре когорты десятого легиона под командой Луция Минуция Базила и Гая Вулкация Тулла. Защитные сооружения были так прочны, что они продержались против пяти легионов Помпея, пока Публий Сулла не привел к ним из главного лагеря помощь. Вступив в бой, Публий Сулла не дал легионам Помпея уйти восвояси. Загнанные на ничейную землю между двумя круговыми валами, они приняли на себя град копий и стрел. К тому времени как Помпей пришел им на выручку, потеряно было две тысячи человек.

Для Цезаря — рядовая и мало что значащая победа, но он был уязвлен тем, что его обманули. Он провел четыре когорты десятого в торжественном параде перед всей своей армией, лично прицепив к их штандартам дополнительные награды. А когда ему показали щит Кассия Сцевы, оцетинившийся ста двадцатью стрелами и подобный морскому ежу, Цезарь выдал Сцеве двести тысяч сестерциев и назначил его *primipilus*.

В Диррахии дела шли хуже. Занять его не удалось. Тогда Цезарь послал достаточно людей, чтобы отделить город от суши, потом загнал лошадей и мулов Помпея в образовавшийся коридор. Не имея выбора, Диррахий отослал животных Помпею, а потом вынужден был начать поедать его продовольственные запасы.

Тринадцатого квинктилия Цезарю исполнилось пятьдесят два года. Пятнадцатого квинктилия Помпей наконец осознал, что ему следует либо вырваться из ловушки, либо погибнуть от жажды и удушающего зловония. Конечно, первое было бы предпочтительней. Но как это сделать? Как? Сколько Помпей ни ломал голову, он не мог отыскать решения, не чреватого неминуемой большой битвой.

Ответ ему дали два перебежчика, два офицера из эскадрона эдуйской кавалерии, осуществлявшей у Цезаря связь между фортами. Эти офицеры присвоили деньги своего эскадрона. Эдуи переняли римский метод армейских расчетов и имели накопленный фонд жалованья и фонд на погребения. Разница состояла в том, что они ведали финансами сами, выбрав для этой цели двух офицеров. Римские легионы имели в этом смысле соответствующий штат служащих, которых регулярно и тщательно проверяли. Двое управляющих финансами эдуйского эскадрона присваивали деньги с тех пор, как покинули Галлию. Но они попались и были вынуждены спасаться бегством к Помпею.

Они рассказали Помпею, как Цезарь расположил свои силы, и указали на слабинку в его обороне.

Помпей атаковал на рассвете семнадцатого. Слабое место Цезаря находилось на дальнем южном конце фортификационных линий, где они поворачивали на запад и направлялись к морю. Здесь еще не закончилось строительство второй, наружной, стены. Эта внешняя стена была не защищена, и со стороны моря обе стены нельзя было считать надежными.

За этим участком приглядывал девятый легион Цезаря. На него накинута все шесть римских легионов Помпея, а пращники, лучники и часть легкой пехоты каппадокийцев тайком обошли вокруг незащищенной стеной и напали на девятый сзади. Тот небольшой отряд, который привел из ближайшего форта Лентул Марцеллин, ничего не решил. Девятый был смят.

Все изменилось, когда прибыли Цезарь и Антоний с хорошим подкреплением, но до тех пор Помпей прекрасно использовал время. Он поместил пять из шести своих легионов в лагерь поверженного девятого, а шестому велел занять пустующий лагерь поблизости. Цезарь послал тридцать три когорты, чтобы выбить оттуда наглецов, но те запутались в фортификационных ходах. Чувствуя близость победы, Помпей двинул на Цезаря всех своих конников. Всех, какие только сумели вскарабкаться на оставшихся у него лошадей. Но Цезарь ретировался с такой быстротой, что кавалерия захватила лишь воздух. Очень довольный собой, Помпей вернулся назад, вместо того чтобы приказать кавалерии преследовать исчезнувшего Цезаря.

— Какой же он все-таки идиот! — сказал Цезарь Антонию, когда благополучно привел всю свою армию в главный лагерь. — Послав кавалерию следом за нами, он выиграл бы войну. Но он этого не сделал, Антоний. Похоже, знаменитое везение Цезаря заключается в том, что он сражается с дураками.

— Мы останемся здесь? — спросил Антоний.

— О нет. Диррахий теперь нам не нужен. Мы свернем лагерь и ночью скрытно уйдем.

Помпей вел себя как слепец. Возвратившись с ликованием на Петру, он даже не удосужился посмотреть с высоты, что делает Цезарь.

Утром тишина на фортификационных линиях и отсутствие дыма сказали ему, что Цезарь ушел.

Помпей зашевелился, приказал части своей кавалерии скакать на юг, чтобы помешать Цезарю перейти Генус, но конники опоздали. Слишком уверенные в себе после вчерашней победы, они перешли реку и наткнулись на силы Цезаря, которых не встречали раньше, — на его германскую кавалерию. Та с помощью нескольких когорт пехоты погнала их прочь, и они понесли большие потери.

На Эгнациевой дороге сильно потрепанная конница Помпея столкнулась с самим Помпеем, который решил нагнать армию Цезаря. Ночь противники провели на противоположных берегах Генуса, а на другой день к полудню Цезарь ушел. Помпей тоже протрубил сигнал к общему построению, однако обнаружилось, что, не подозревая о желании своего генерала задать противнику новую трепку, некоторые солдаты вернулись на Петру, чтобы забрать оставленное там

имущество. Всегда ревностно относившийся к численности своей армии, Помпей решил их подождать. И так и не догнал Цезаря. Тот, как призрак из подземелья, все маячил перед ним и маячил, а в районе Аполлонии бесследно исчез.

К двадцать второму квинктилия Помпей и его армия возвратились на Петру, чтобы отпраздновать как подобает свое торжество и поскорее послать сообщение в Рим. Цезаря больше нет! Поверженный Цезарь отступает сломя голову! И если кто-то сомневался, можно ли считать поверженным полководца, совершающего маневр во главе своей армии, потерявшей лишь тысячу человек, то он держал свои сомнения при себе.

Впрочем, люди всегда рады праздникам, а счастливее всех в этот день был Тит Лабиен, который триумфально провел за собой несколько сотен солдат из девятого легиона, захваченных во время сражения в плен. Перед Помпеем, Катонем, Цицероном, Лентулом Спинтером и Лентулом Крусом, Фаустом Суллой, Марком Фавонием и всеми остальными Лабиен продемонстрировал свою сверхъестественную жестокость. Солдат девятого сначала осмеяли, потом выпороли, затем Лабиен взялся за раскаленные щипцы, хитрые ножички, пинцеты, колючие ремешки. Только после того как все пленники были ослеплены, изуродованы и оскоплены, Лабиен наконец повелел их обезглавить.

Потрясенный Помпей беспомощно смотрел на все это, испытывая неодолимую тошноту. Казалось, он не понимал, что в его власти остановить Лабиена. Он ничего не сделал и ничего не сказал ни во время пыток, ни после, когда брел в свой шатер.

— Он не человек, он чудовище! — сказал, догоняя его, Катон. — Почему ты разрешил ему такое, Помпей? Что с тобой? Мы же только что разбили Цезаря, а ты все отмалчиваешься, демонстрируя свою беспомощность, неспособность контролировать своих легатов!

— А-а! — воскликнул Помпей, чуть не плача. — Чего ты от меня хочешь, Катон? Чего ты от меня ожидаешь, Катон? Я не настоящий главнокомандующий, я — кукла, которую каждый считает себя вправе дергать туда-сюда! Как контролировать Лабиена? Я что-то не видел, чтобы ты вышел вперед и сам попытался его урезонить! Как контролировать землетрясение, Катон? Как контролировать

извержение? Как контролировать человека, перед которым трепещут германцы?

— Я не могу поддерживать армию, в которой творится такое! — сказал верный своим принципам критик. — Если ты не выгонишь Лабиена из наших рядов, наши пути разойдутся!

— И пожалуйста! Уходи! Я это как-нибудь переживу! — Помпей перевел дыхание, потом крикнул вдогонку Катону: — Ты кретин, Катон! Ты чистоплюй! Неужели ты не понимаешь? Никто из вас не умеет сражаться! Никто из вас не может командовать! А Лабиен может!

Он вернулся к себе, там его ждал Лентул Крус. О противный!

— Вонь, как на бойне! — презрительно воскликнул Лентул Крус, приносиваясь. — Мой дорогой Помпей, неужели ты должен держать при себе подобных животных? Неужели ты не можешь сделать хоть что-нибудь правильно? Зачем ты объявляешь о великой победе над Цезарем, когда тот вовсе не разгромлен? Он просто исчез! А ты его даже не ищешь!

— Хотел бы и я исчезнуть куда-нибудь, — процедил сквозь зубы Помпей. — Если ты не можешь предложить ничего конструктивного, Крус, не трати время. Ступай, пакуй свои золотые тарелки и рубиновые бокалы! Мы выступаем.

И в двадцать четвертый день квинктилия он действительно выступил, оставив в Диррахий пятнадцать когорт раненых под патронажем Катона.

— Если ты не возражаешь, Магн, я тоже останусь, — сказал, нервно вздрагивая, Цицерон. — Боюсь, на войне от меня мало пользы. Вот если бы мой брат Квинт был с тобой! У него большой воинский опыт.

— Да, оставайся, — устало согласился Помпей. — Ты будешь здесь в безопасности, Цицерон. Цезарь идет в Грецию.

— Откуда ты знаешь? А что, если он остановится в Орике и перекроет тебе путь в Италию?

— Только не он! Он просто пиявка. Репейник.

— Афраний хочет, чтобы ты отказался от идеи восточной кампании и поскорее вошел в Рим.

— Я знаю, знаю! Чтобы потом устремиться на запад и отбить обе Испании. Заманчивая фантазия, Цицерон. Но только фантазия, и ничего больше. Это самоубийство — оставить Цезаря за спиной, в Греции, в

Македонии. Я потерял бы всех восточных клиентов. — Помпей дружески похлопал соратника по плечу. — Не беспокойся обо мне, Цицерон. Я знаю, что делать. Осторожность велит мне продолжать ту же стратегию, что и раньше, то есть изматывать Цезаря, не давая сражений, хотя этим многие недовольны. И все же я им не уступлю. Цезарь устал, он уже на пределе. Он отстает от меня на несколько дней. У меня будет время заменить мулов и лошадей. Я купил других у даков и у дарданов. Они ждут в Гераклее. Их не так много, как бы хотелось, но все лучше, чем ничего. — Помпей улыбнулся. — Сципион, наверное, уже в Лариссе.

Цицерон промолчал. Он получил от Долабеллы очень доброжелательное письмо с просьбой скорей возвратиться в Италию, и ему очень хотелось уехать. По крайней мере, в Диррахии между ним и родиной будет лишь море.

— Завидую я тебе, Цицерон, — вздохнул Помпей. — Солнышко уже выглядывает, воздух здесь мягкий. Досаждать тебе будет только Катон, но это можно вынести. Он, кстати, оставляет при мне своего цербера Фавония, чтобы блюсти чистоту наших рядов. Это его слова, а не мои. И при мне остаются такие пиявки, как Лабиен, такие сластолюбцы, как Лентул Крус, критики вроде Лентула Спинтера, а еще жена и сын, о которых надо заботиться. С небольшой долей удачи Цезаря я мог бы выжить.

Цицерон остановился, оглянулся.

— Жена и сын?

— Да. Корнелия Метелла решила, что Рим слишком далеко от родителя и от меня. И еще Секст ее донял. Он очень хочет стать моим контуберналом. Короче, они уже в Фессалонике.

— В Фессалонике? Ты хочешь так далеко отступить?

— Нет. Я уже написал, чтобы они с Секстом ехали в Митилены. На Лесбосе все-таки безопасней, чем где-то. — Помпей патетически вытянул руки. — Попытайся понять меня, Цицерон! Я не могу идти на запад! Я не могу бросить здесь тестя с двумя легионами. Жена и сын тоже дороги мне.

Цицерон стоял, глядя, как он уходит. Пелена слез вдруг застлала ему глаза. Бедный Магн! Как он постарел! Как он жалок!

В Гераклее, на Эгнациевой дороге, — там, где она проходила по ровной земле в окрестностях Пеллы, города, где родился Александр Великий, — к Помпею прибыли еще двое: Брут, ездивший в Фессалонику по его поручению, и оставивший флот Луций Домиций Агенобарб.

Потом к нему пригнали несколько тысяч хороших лошадей и мулов. С ними были не только дакийские пастухи, но и сам царь Дакии Бурбист, прослышавший о поражении Цезаря под Диррахием. Ничто не могло его остановить. Он должен был лично заключить договор с величайшим военачальником в мире, победителем победителя галлов, а также царей Митридата и Тиграна и некоего необычного человека с далекого Запада по имени Квинт Серторий. Царь Бурбист еще очень надеялся выпить со знаменитым Помпеем Магном, чтобы потом было что рассказать.

Прибытие царя Бурбиста весьма подбодрило Помпея, как и новость, что полупризрачный Метелл Сципион стоит лагерем в Берее и готов по первому его знаку идти в Лариссу, на юг.

Чего Помпей не знал, так это того, что Гней Домиций Кальвин с двумя легионами ветеранов приближается к Гераклее. Кальвин встретил Метелла Сципиона с его сирийскими легионами на реке Галиакмон и сделал все, чтобы вызвать того на бой. Но Сципион всячески уклонялся, да и местность была не очень подходящей для битвы, поэтому Кальвин оставил его и пошел по Эгнациевой дороге, уверенный, что вскоре встретится с Цезарем, и не без причины. Весть о большой победе Помпея разнеслась повсюду в мгновение ока, и Кальвин решил, что Цезарь теперь отступает, теснимый гневным и беспощадным врагом. Горькая весть, но не способная убедить Кальвина перейти на сторону победителя. Да и легионеры не позволили бы ему сделать это. Они не верили в поражение своего генерала. Что с того, что Цезаря сейчас теснят? Такое бывало. Значит, ему нужны все галльские ветераны. Значит, надо ускорить шаг, а потом опрокинуть Помпея и покорить весь мир.

Глазами Кальвина в этом походе были эдуйские кавалеристы численностью в шестьдесят человек. Двигаясь с двумя офицерами во главе колонны, уверенный, что до Гераклеи не более четырех часов ходу, Кальвин с печалью в душе подыскивал для своего командира утешающие и ободряющие слова. Вдруг он увидел двух конников,

рысью спускавшихся с небольшого холма. Сопровождавшие его офицеры, разглядев красные и голубые полосы на их накидках, пришпорили коней и галопом понеслись к ним. А Кальвин дал возможность своему жеребцу попасть на весеннем лужке. Несколько минут оживленного разговора, и офицеры вернулись, а два конных эдуга продолжили путь.

— Далеко ли до Цезаря? — спросил Кальвин Карагда, хорошо знающего латынь.

— Цезаря нет в Македонии, — мрачно ответил Карагд. — Вообрази, командир! Эти два негодяя перебежали к Помпею со всей эскадронной казней! Их просто распирало от желания этим похвастать. Чтобы выведать у них еще что-нибудь, Вередориг и я сделали вид, что одобряем их низость.

— Пути богов неисповедимы, — медленно проговорил Кальвин. — Что вы узнали?

— Что у Диррахия было сражение и Помпей одержал верх. Но это не было большой победой. Цезарь сумел отойти, потеряв всего лишь тысячу человек. Большинство из них взяли в плен и после страшных пыток казнили. — Эдуг содрогнулся. — Цезарь ушел. Эти двое думают, что он идет к Гомфам. Где это, мы не знаем.

— Это юг Фессалии, — машинально уточнил Кальвин.

— В любом случае Помпей находится в Гераклее. С ним там еще дакский царь Бурбист. Нам надо бы убираться отсюда. Вередориг и я хотели зарубить этих предателей, но потом сочли за лучшее отпустить.

— Что вы сказали им о себе?

— Что охраняем фуражный отряд всего в две когорты, — ответил Карагд.

— Молодцы! — Кальвин дернул поводья. — Поворачиваем, ребята. Цезарь сейчас совсем в другой стороне.

Цезарь ушел в Фессалию через горный хребет, отсекавший Грецию от Македонии. Близ Аполлонии протекала река Аой, сбегавшая прямо с водораздела. Очень плохая дорога, шедшая вдоль нее, поднималась в Тимфанские горы и затем спускалась в Фессалию. Чем делать крюк в сто пятьдесят миль, Цезарь избрал этот путь, но шел с обычной для себя скоростью — тридцать миль в день. Укрепленных лагерей для ночлега не строили. Пастухи да овцы, встречавшиеся на пути,

опасности не представляли. Армия Цезаря вошла в Фессалию у городка Эгиний.

Как и в других регионах Греции, всеми городами этого края управлял единый совет — Фессалийская лига. Узнав о большой победе Помпея, глава лиги Андросфен Гомфский разослал во все города депеши с указанием всемерно поддерживать этого великого человека.

Пораженный скоростью, с какой продвигалась бодрая и деловитая армия, Эгиний стал лихорадочно рассылать во все города Фессалийской лиги сообщения о том, что Цезарь уже близко и что он совсем не выглядит побежденным. Трикка была следующим городом, который занял Цезарь. Оттуда он пошел к Гомфам, и Андросфен послал срочное сообщение Помпею, что Цезарь пришел значительно раньше, чем его ждали. Гомфы сдались.

Хотя по календарю уже начался секстилий, по сезону была еще весна. Всходы на нивах еще не поспели, и дождей восточнее хребта было мало. Создалась угроза голода. По этой причине Цезарь и подчинил себе западную Фессалию, чем обеспечил бесперебойный приток провианта. На сытый желудок ждать легче. Седьмой, одиннадцатый, двенадцатый и четырнадцатый легионы должны были подтянуться к нему.

Они подтянулись, и вместе с Луцием Кассием, Сабином, Каленом и Домицием Кальвином Цезарь пошел на восток по дорогам, ведущим к Лариссе через долину Темпе. Приятнее всего было идти вдоль реки Энипей, но близ городка Фарсал Цезарь остановился и стал строить лагерь. Ему сообщили, что Помпей на подходе, а местность возле Фарсала была весьма пригодна для боя. Впрочем, по своему обыкновению, выбирать для себя лучшую позицию он не стал. Всегда полезно казаться в менее выгодном положении. Заурядные генералы — а он считал Помпея именно таковым — предпочитали действовать в рамках, определенных великими теоретиками ведения войн. Помпею понравится у Фарсала. Цепь холмов с севера, небольшая, шириной в две мили, равнина, далее заболоченные берега реки Энипей. Да, Фарсал подойдет.

Помпей получил письмо Андросфена возле Береи. Он сразу повернул свое войско и направился к долине Темпе. Но на пути его встала гора Олимп, и пришлось огибать ее грузно расползшееся

подножие. Возле Лариссы он наконец соединился с Метеллом Сципионом и облегченно вздохнул по многим причинам, не самой последней из которых были два легиона надежных и закаленных в боях ветеранов.

После ухода из Гераклеи отношения между старшими офицерами еще больше ухудшились. Все решили, что пора поставить Помпея на место, а в Лариссе долго скрываемое недовольство вырвалось на поверхность.

Все началось, когда один из старших военных трибунов Помпея, некий Акуций Руф, собрал офицерский суд, на котором перед Помпеем и всеми легатами обвинил в измене Луция Афрания, якобы намеренно передавшего свое войско противнику у Иллерды. Главным обвинителем был Марк Фавоний, по поручению своего обожаемого Катона ревностно борющийся за чистоту армейских рядов.

Помпей не выдержал. Лицо его пошло красными пятнами.

— Акуций, распусти это незаконное сборище! — рявкнул он, сжав кулаки. — Распусти, не то я обвиню в измене тебя! А что касается тебя, Фавоний, я полагал, что твой опыт политика научил тебя избегать неконституционных пассажей! Уйди с моих глаз! Уходи!

Суд распустили, но Фавоний не успокоился. Он стал крутиться возле Помпея, при каждом удобном случае нашептывая ему, что Афраний — предатель. А Афраний, пораженный таким бесстыдством, стал в свой черед внушать Помпею, что Фавония надо прогнать. Петрей, естественно, принял сторону друга и тоже твердил, что Фавонию следует как можно скорее дать под зад.

Командование армией между тем фактически перешло к Лабиему, у которого наказанием за любое, даже самое малое нарушение была порка. Легионеры роптали, тряслись от страха, отводили в сторону хмурые взгляды и раздумывали, как посадить Лабиена на пики во время боя, который все считали неизбежным.

За ужином Агенобарб нанес первый удар.

— Приветствую тебя, Агамемнон, царь царей! — возопил он от дверей, опираясь на руку Фавония.

Открыв рот, Помпей уставился на него.

— Как ты назвал меня?

— Агамемнон, царь царей, — ухмыльнулся Агенобарб.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А то, что ты у нас на его положении. Титулованный глава армии в тысячу кораблей, титулованный глава целой группы царей, любой из которых имеет столько же прав называться царем царей, как и ты. Но прошло более тысячи лет с тех пор, как греки вторглись в страну Приама. Можно подумать, что что-то изменилось, да? Но ничего не изменилось. В современном Риме мы все еще терпим Агамемнона, царя царей.

— А сам ты в роли Ахилла, да, Агенобарб? Будешь посиживать у своих кораблей, пока мир рвется на части? — спросил Помпей, еле шевеля побелевшими от ярости губами.

— Ну, я не уверен, — ответил Агенобарб, удобно располагаясь между Фавонием и Лентулом Спинтером.

Он отщипнул ягоду от грозди парникового винограда, привезенного из Паллены.

— Фактически, — продолжал он, выплевывая косточки и протягивая руку за всей гроздью, — мне больше нравится роль Агамемнона, царя царей.

— Похвально, похвально! — пролаял Фавоний.

Он тщетно пытался сыскать себе снедь попроще и очень радовался, что с ним нет Катона. Тот, разумеется, не одобрил бы рациона старших офицеров Помпея на этой романизированной и изобильной земле. Парниковый виноград! Хиосское вино, протомившееся двадцать лет в амфорах! Морские ежи под рыбным соусом, спешно доставленные из Ризона! Перепелята, чей скорбный удел — сгинуть навек в пищеводе Лентула Круса!

— Хочешь вселиться в палатку командующего, Агенобарб?

— Я бы не отказался.

— И все же в чем суть твоей аналогии? — спросил Помпей, нервно ломая хлеб с сыром.

— Суть аналогии заключается в том, — объяснил Агенобарб, поправляя венок из цветов, обрамлявший его розовую макушку, — что Агамемнон, царь царей, никогда не рвался в бой.

— Разумное поведение, — сказал Помпей, стараясь держаться спокойно. — Тому подтверждение — пример Фабия. Изнуря противника, мы его ослабляем. Так зачем вступать в бой, рисковать? Мы снабжаемся хорошо. А в Греции засуха. Летом Цезарь начнет голодать. К осени он заберет у Греции все, что можно. А зимой

капитулирует. Мой сын Гней — на Коркире, он держит всю Адриатику, так что Цезарь ничего не получит с той ее стороны. Гай Кассий разбил в пух и прах Помпония возле Мессаны...

— Я слышал, — прервал его Лентул Спинтер, — что после этой блестящей победы он сражался с Сульпицием, легатом Цезаря. И что легиону Цезаря, наблюдавшему с берега, так надоело смотреть на этот бой, что он сел на лодки и взял корабли Кассия на абордаж. Сам же Кассий вынужден был спрыгнуть со своего флагмана и удрасть.

— Ну да, это правда, — признал Помпей.

— Пример Фабия, — протянул Лентул Крус между двумя сочными порциями кальмара. — Странно все это. Мы все знаем, что Цезарю нас не побить. Ты вечно жалуешься, на отсутствие денег. Так зачем же так цепляться за тактику Фабия?

— Стратегию, а не тактику, — поправил Помпей.

— Пусть, — беззаботно отмахнулся патриций. — Я говорю, что надо дать Цезарю бой и разом покончить со всем этим. А потом мы спокойно поедем в Италию, составим проскрипционные списки...

Брут с растущим ужасом прислушивался к разговору. Его собственное участие в том, что произошло под Диррахием, было минимальным. Хорошо, что Помпей послал его в Фессалонику. В любом случае он нашел бы повод уехать в Фессалонику, или в Афины, или еще куда-нибудь, только бы быть подальше от этой отвратительной выгребной ямы. Лишь в Гераклее он понял, в чем суть конфликта между Помпеем и его окружением. Лишь здесь он узнал о деяниях Лабiena. И стал сознавать, что с Помпеем покончат его собственные легаты.

Зачем, зачем он только покинул Тарс, Публия Сестия, зачем нарушил тщательно соблюдаемый нейтралитет? Как ему теперь собрать проценты с долгов Деиотара и Ариобарзана, если они финансируют эту войну? Что вообще он получит, если эти смачно чавкающие и упрямые кабаны заставят Помпея принять бой, которого он явно не хочет? Он прав, он прав! Тактика Фабия, то есть стратегия, — вот путь к победе. Самый здравый, бескровный. Боги, а вдруг в этой заварухе и ему сунут в руки оружие? Как он поступит тогда?

— С Цезарем будет покончено, — сказал Метелл Сципион. Он радостно вздохнул, улыбнулся. — И я стану великим понтификом.

Агенобарб резко выпрямился.

— Кем-кем?

— Великим понтификом.

— Только через мой труп! — взвизгнул Агенобарб. — Это прерогатива нашей семьи! Это моя прерогатива!

— Чепуха! — ухмыльнулся Лентул Спинтер. — Тебя даже не избирают жрецом. Ты — записной неудачник.

— А теперь изберут! Как моего деда! Сделают сразу и жрецом, и великим понтификом!

— Нет! Ибо в борьбу вступлю я!

— Ты? — ахнул Метелл Сципион. — У тебя вообще нет ни единого шанса!

Резкий стук ножа, брошенного на драгоценную золотую тарелку, заставил всех замолчать. Помпей поднялся с ложа и, не оглядываясь, пошел прочь.

Пятого секстилия армия Помпея добралась до Фарсала и наткнулась на Цезаря.

— Отлично! — сказал Помпей Фаусту Сулле, милому мальчику, единственному из легатов, с кем он мог еще разговаривать. Фауст никогда не критиковал своего папочку-тестя и всегда смотрел ему в рот. Правда, был еще Брут. Тоже неплохой, скромный малый. Только скользкий! Всегда в тени. Избегает участия в трапезах, не является на советы. — Если мы остановимся на этом склоне, то лишим Цезаря доступа в Македонию.

— Будет сражение? — спросил Фауст Сулла.

— Мне бы этого не хотелось, но боюсь, будет.

— Почему они так рвутся в бой?

— О-о, — вздохнул Помпей. — Потому что солдаты из них никудышные. Они мало что понимают. Смыслит в войне один Лабиен.

— Но Лабиен тоже хочет сражения.

— Это личное. Лабиен жаждет схватиться с Цезарем и доказать, что он лучше его.

— А это так?

Помпей пожал плечами.

— Если честно, Фауст, я понятия не имею. Хотя основания для этого есть. Лабиен долгие годы был правой рукой Цезаря в Длинноволосой Галлии. Поэтому я склонен сказать «да».

— Сражение будет завтра?

Помпей замотал головой и, казалось, стал меньше ростом.

— Нет, еще нет.

Назавтра Цезарь развернул в боевой порядок войска. Помпей не ответил на вызов. Прождав несколько часов, Цезарь вернул войска в лагерь, в тень. Солнце припекало по-летнему, воздух был горячим и душливо влажным. Наверное, от близости заболоченной поймы реки.

К вечеру того же дня Помпей созвал легатов.

— Я принял решение, — объявил он, стоя и никому не предлагая присесть. — Мы дадим сражение здесь, у Фарсала.

— Замечательно! — воскликнул Лабиен. — К утру я буду готов.

— Нет-нет, только не завтра! — в ужасе закричал Помпей.

Не получилось и послезавтра. Солдат вывели, но, похоже, лишь размять ноги. Ибо командующий выстроил их на высотке, а решиться атаковать после длительного пробега в гору мог только дурак. Поскольку Цезарь был не дурак, он и не атаковал.

Но восьмого секстилия, после захода солнца, Помпей опять созвал легатов, на этот раз в штабном отделении своего шатра, около карты, составленной из кусков искусно выделанной телячьей кожи.

— Завтра, — коротко сказал он и отступил. — Лабиен, объясни план.

— Это будет триумф кавалерии, — сказал Лабиен, подходя к карте и жестом приглашая придвинуться остальных. — Я имею в виду, что у нас в этом смысле огромное преимущество, а у Цезаря только тысяча конных германцев. Кстати, наши короткие стычки с ним показали, что часть его солдат овладела приемами, какими убии-пехотинцы отражают атаки вражеской конницы. Эти люди очень опасны, но их очень мало. Мы развернемся здесь. Горы и река — наши фланги. Даже с девятью римскими легионами мы превосходим Цезаря в силе, который из своих девяти легионов один непременно отправит в резерв. А в нашем резерве — пятнадцать тысяч воинов-иноземцев. Позиция тоже благоприятная. Мы находимся выше. И отойдем еще вверх, построив пехоту как можно компактней, чтобы дать место кавалеристам. Шесть тысяч всадников составят наш левый фланг возле гор, еще тысяча спрячется возле реки. Земля там слишком болотистая для эффективных маневров, поэтому лучники и пращники тоже сосредоточатся слева.

Лабиен помолчал, оглядывая присутствующих. Потом продолжил:

— Пехота будет построена тремя отдельными блоками, каждый в десять рядов. Все три блока ударят одновременно. У нас большой перевес. По моим сведениям, легионы у Цезаря далеко не полны, а наши укомплектованы полностью. Первую запыхавшуюся волну солдат Цезаря мы отбросим. Но вся прелесть замысла — в кавалерии. Пока лучники и пращники бомбардируют правый фланг неприятеля, мои конники неудержимой лавиной ринутся с гор, сомнут малочисленную кавалерию Цезаря, потом прорвут линию фронта и ударят противнику в тыл. — Лабием отошел от карты, широко улыбаясь. — Помпей, теперь ты.

— Я добавлю немного, — сказал Помпей, покрываясь испариной. — Лабием будет командовать кавалерией на левом фланге. Что до пехоты, то первый и третий легионы тоже встанут на наш левый фланг. Агенобарб, ты их возглавишь. Пять легионов, включая сирийские, сгруппируются в центре. Сципион, они — твои. Спинтер, возьмешь восемнадцать когорт и займешь правый фланг. Брут, ты пойдешь помощником к Спинтеру, Фауст отправится к Сципиону. Афраний с Петреем придаются Агенобарбу. Фавоний и Лентул Крус, вы отвечаете за иноземный резерв. Марк Цицерон-младший возьмет резерв кавалерии, Торкват — резерв лучников с пращниками. Лабием, назначь сам командира для тысячи всадников, спрятанных у реки. Остальные свободно распределяются по легионам. Все ли всем ясно?

Проникаясь торжественностью момента, все молча кивнули.

И уже позже Помпей отвел душу с Фаустом Суллой.

— Ну вот, — сказал он, — они получили то, что хотели. Я не мог больше тянуть.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Магн?

— Так хорошо, как никогда уже больше не будет, дружок. — Помпей потрепал зятя по плечу. Точно так же, как потрепал Цицерона, покидая Диррахий. — Не беспокойся обо мне, Фауст. Я пожил свое. Через пару месяцев мне стукнет пятьдесят восемь. Время неумолимо. Перед ним все впустую. Вся эта возня, борьба за власть. На мое место зарятся многие. — Он устало засмеялся. — Представь, они уже ссорятся между собой, кто будет великим понтификом, когда умрет Цезарь! Как будто это так важно, Фауст. Совсем неважно. Они тоже умрут.

— Магн, не говори так!

— А почему? Завтра все решится. Я не хотел этого, но я не жалею. В любом случае с плеч моих свалится обременяющий меня груз. — Он приобнял Фауста. — Пора, пойдём к армии. Надо подбодрить ребят.

К тому времени как Помпей закончил свою напутственную речь, должную укрепить дух солдат перед боем, совсем стемнело. Будучи авгуром, он взялся сам прочесть знаки. За отсутствием крупного скота решили закласть жертву помельче. Около дюжины белых овец, вымытых и причесанных, ожидали в загоне. Помпей указал на самую смирную из них, но, когда загон открыли, она вдруг взбрыкнула и вырвалась на свободу. Ее долго ловили, наконец поймали и, грязную, перепуганную, закололи. Недобрый знак. Армия зашевелилась, послышалось бормотание. Помпей спустился с возвышения и пошел по солдатским рядам. Ничего, все нормально, печень хорошая, беспокоиться не о чем.

А потом произошло нечто ошеломляющее. Огромный метеор пронёсся по темно-синему небу в белом пламени, как падающая комета. Вниз, вниз, вниз, рассыпая хвост искр. Но не для того, чтобы упасть в лагерь Цезаря, — это было бы добрым знаком. Метеор перелетел через него и исчез в темноте. Снова возникло беспокойство, и рассеять его уже не удалось.

Помпей лег спать мрачный, но почему-то уверенный, что для него самого завтра все кончится хорошо. Кто сказал, что метеор — плохой знак? Что мог бы предсказать по нему Нигидий Фигул, эта ходячая энциклопедия древних явлений этрусских авгуров? А может быть, этруски считали это хорошим знаком? Римляне читали в основном по печени и лишь иногда по внутренностям и птицам, в то время как этруски описывали все.

За несколько часов до рассвета его разбудил гром. Он резко сел на кровати. (Ему показалось — взлетел!) Поскольку сон был прерван внезапно, Помпей отчетливо помнил его. Там был храм Венеры Победительницы на крыше его каменного театра, где стояла статуя Венеры с лицом и тонкой, стройной фигурой Юлии. Он в храме, украшает его военными трофеями, а толпа в аудитории аплодирует в восторге. О, какой хороший день! Только трофеи довольно странные. Его лучшая серебряная кираса с чеканкой, изображающей битву богов и титанов, огромный рубиновый бокал Лентула Круса, локон золотисторыжих волос, который Фауст Сулла всюду носит с собой, утверждая,

что это волосы его деда. И шлем Метелла Сципиона с побитыми молью перьями белой цапли. Им владел некогда сам Сципион Африканский. И самый ужасный трофей — блестящая лысая голова Агенобарба на германском копье.

Дрожа от озноба и потя от духоты, Помпей снова лег. Сверкнула молния. Помпей прикрыл глаза, слушая, как удаляются раскаты грома. Когда по кожаному покрову шатра забарабанили крупные капли, он снова забылся и в мозгу его опять закрутились детали ужасного сна.

Рассвет принес густой туман и безветрие. Лагерь Цезаря пришел в движение. Нагружали повозки, впрягали в них мулов и лошадей, все готовились к маршу.

— Он опять не будет драться! — крикнул Цезарь в сердцах, входя в палатку своего заместителя. — После ливня река разлилась, земля раскисла, люди промокли, и так далее, и тому подобное. Тот же старый Помпей, те же старые отговорки. Мы дойдем до Скотуссы, прежде чем он что-либо предпримет. О боги, ну и слизняк!

По этой тираде сонный Антоний понял, что старик опять раздражен.

Туман не давал возможности видеть, что творится вверху, а сверху не видели, что делается в низине. Лагерь Цезаря продолжал сворачиваться, пока не прискакали эдуи-разведчики.

— Генерал, генерал! — задыхаясь, крикнул их офицер. — Гней Помпей вышел из лагеря и строится для боя! Очень похоже, что это всерьез!

— Дерьмо!

Это восклицание было единственной эмоциональной реакцией на сообщение. Далее команды полились непрерывным потоком.

— Кален, пусть нестроевые солдаты отведут всех животных за лагерь! Сабин, вели людям разобрать вал и засыпать траншею. Я хочу, чтобы все это исчезло быстрее, чем заполняются места в цирке! Антоний, готовь кавалерию. К бою, а не к прогулке. Ты, ты, ты и ты — развертывайте легионы. Драться будем, как решено!

Когда туман немного рассеялся, армия Цезаря ждала на равнине, словно в то утро никто и не думал никуда уходить.

Помпей построился фронтально к востоку. Восходящее солнце било его людям в глаза. Линии вытянулись на полторы мили между

линией холмов и рекой. Огромное скопление кавалерии на левом фланге и намного меньше на правом.

Цезарь, хотя и с меньшими силами, растянул фронт своей пехоты пошире, так что его пятый правофланговый стоял лицом к вражеским лучникам-пращникам. Левее от него в строгом порядке расположились десятый, седьмой, тринадцатый, одиннадцатый, двенадцатый, шестой, восьмой и девятый легионы. Четырнадцатый легион, в котором было не десять, а восемь когорт, Цезарь спрятал позади тысячи германских всадников, вооружив его не обычными метательными, а зазубренными осадными копьями. Его левый фланг не имел кавалерии, зато имел в командирах Марка Антония. Центром командовал Кальвин, правым флангом — Публий Сулла. Резерва Цезарь не оставил.

Расположив свой наблюдательный пункт на высотке позади восьми когорт четырнадцатого легиона, Цезарь сидел на своем Двупалом, по обыкновению, боком — обе ноги свешиваются с седла. Рискованно для любого наездника, но не для него, обладающего умением единым махом перенести через луку нужную ногу и послать Двупалого в галоп. Так он лучше видел свои войска, а войска знали: раз генерал сидит боком, значит, он спокоен и уверен в себе.

«О, Помпей, какой же ты олух! Зачем ты поручил Лабиему вести этот бой? Ты все поставил на три хрупких фактора: что твоя кавалерия сможет смять мой правый фланг и ударить мне в тыл, что мои парни на подъеме устанут и что твоя пехота сможет их опрокинуть. — Цезарь поискал взглядом Помпея. Тот красовался как раз напротив на огромном белом коне. — Жаль тебя, дурачок. Этот бой не твой, и он будет жарким».

Каждая деталь отрабатывалась три дня подряд. Когда ударила кавалерия Лабиена, пехота Помпея осталась на месте, а пехотинцы Цезаря побежали вверх. Но, не добежав до противника, они остановились, перевели дыхание, а затем огромным единым молотом ахнули по врагу. Тысяча германских конников на правом фланге рассыпались перед несущейся к ним лавиной. Лабием не стал их преследовать и пошел по дуге, чтобы ударить десятому в тыл. Но напоролся на осадные копья восьми когорт четырнадцатого легиона, неустанно практиковавшегося в обращении с ними. Тяжелые острые наконечники методично вонзались в лица галатийцев и каппадокийцев. «Это же сущая греческая фаланга!» — подумал в смятении Лабием. Его

кавалерия запаниковала, и германские всадники с жуткими воплями накиннулись на нее. Десятый посторонился, потом сделал бросок и изрубил в куски вражеских лучников и пращников, после чего развернулся и взялся за кавалерию Лабиена. Лошади ржут, бьются в агонии, всадники кричат, падают, всюду кровавая неразбериха.

В других местах картина была такой же. Фарсал походил больше на бойню, чем на сражение цивилизованных войск. Непосредственно бой длился едва ли час. Резервные вспомогательные войска Помпея разбежались, но большая часть регулярных его легионов дралась, включая сирийские, первый и третий. Однако восемнадцать правофланговых когорт сочли за лучшее взять ноги в руки, оставив Марка Антония полным хозяином территории, прилегающей к реке Энипей.

Помпей покинул поле боя, как только понял, что проиграл. «Будь проклят Лабиен, будь проклято его презрение к рекрутам Цезаря, набранным на той стороне реки Пад. Все подразделения Цезаря дрались, как единое целое. Умело, расчетливо, деловито! Я был прав, а мои критики — нет. Получи, Лабиен! Получи и умойся! Я был прав. Цезарь непобедим. Ни в бою, ни в любом другом деле. Лучшая стратегия, лучшая тактика. Со мной все кончено. Кто заменит меня? Лабиен?»

Он вернулся в лагерь, вошел в свой шатер и застыл, обхватив голову руками. Он не плакал. Время слез прошло.

В таком положении его и нашли Марк Фавоний, Лентул Крус и Лентул Спинтер.

— Помпей, вставай, — сказал Фавоний, кладя руку на серебряную кирасу.

Помпей не сказал ни слова, не шевельнулся.

— Помпей, вставай! — крикнул Лентул Спинтер. — Все закончилось, мы проиграли.

— Цезарь идет, ты должен бежать! — дрожа, прокричал Лентул Крус.

Помпей опустил руки, поднял голову.

— Бежать? Куда? — спросил он безразлично.

— Я не знаю! Куда-нибудь! Пожалуйста, Помпей, пойдём с нами, пойдём! — умолял Лентул Крус.

Взгляд Помпея наконец прояснился, и он увидел, что все трое облачены в греческие одеяния: хламиды, широкополые шляпы, ботинки, туго стянутые на лодыжках.

— Вы переоделись? — спросил он с удивлением.

— Так лучше, — сказал Фавоний, держа в руках комплект такой же одежды. — Пойдем, Помпей, вставай! Я помогу тебе снять доспехи.

Помпей встал и позволил превратить себя из римского полководца в греческого купца. Переодетый, он изумленно оглядел свой шатер, потом, казалось, пришел в себя. И, усмехнувшись, последовал за легатами.

Они выбрались из лагеря через ближайšie к дороге на Лариссу ворота и ускакали. Тридцать миль не дистанция, чтобы менять лошадей, и все же те были в мыле, когда пересекали городскую черту.

Однако весть о победе Цезаря при Фарсале опередила беглецов. Ларисса, преданная делу Помпея, заволновалась. Смущенные горожане бродили туда-сюда, вслух гадая, что ждет их, когда придет Цезарь.

— Он ничего вам не сделает, — сказал Помпей, спешиваясь на рыночной площади и снимая шляпу. — Спокойно занимайтесь своими делами. Цезарь не тронет вас.

Конечно, его узнали, но, хвала всем богам, не ругали, не упрекали. Помпей, окруженный плачущими и предлагающими помощь сторонниками, задумался. «Что я сказал однажды Сулле на дороге у Беневента, когда он напился? Что народ больше поклоняется восходящему, чем заходящему солнцу. Да, именно так я ему и сказал. Солнце Цезаря на восходе. А мое зашло навсегда».

Вокруг него собрался полуэскадрон в тридцать конников, предлагавших себя ему в провожатые при условии, что он двинется на восток. Все это были треверы, из тех, кого Цезарь некогда послал в дар Деиотару, вполне резонно рассчитывая, что из такой дальней дали эти бунтовщики уже не вернутся домой. С очень многими так и случилось. Они овладели греческим, обзавелись семьями. Деиотар взял всех на службу и обласкал.

Сев на свежих коней, Помпей, Фавоний и оба Лентула выехали из Лариссы через ворота на Фессалонику и затерялись среди многочисленных конных групп. На реке Пеней стояла баржа, везущая в Диум овощи, ее капитан согласился взять четырех пассажиров.

Поблагодарив галльских всадников, Помпей и его три товарища поднялись на баржу.

— Так разумнее, — сказал Лентул Спинтер, пришедший в себя быстрее остальных. — Цезарь не будет искать нас среди овощей.

В Диуме им опять повезло. Там только что разгрузило просо и нут прибывшее из Итальянской Галлии судно. Капитаном на нем был римлянин по имени Марк Петиций.

— Тебе нет нужды называть себя, — сказал он, крепко пожимая руку Помпею. — Куда ты хочешь плыть?

На этот раз Лентул Крус не дал маху. Прежде чем бежать из лагеря, он прихватил с собой все серебряные денарии и сестерции, какие только сумел найти в своих сундуках. Вероятно, во искупление той оплошки с казной.

— Назови свою цену, Марк Петиций, — с важным видом произнес он. — Помпей, куда поплывем?

— В Амфиполис, — сказал Помпей наобум.

— Хороший выбор! — радостно воскликнул Петиций. — Там я возьму груз ликерной рябины. В Аквилее ее не достать.

У Цезаря победа при Фарсале вызвала смешанные ощущения. Его собственные потери были минимальны. Но шесть тысяч убитых легионеров Помпея ввергли его в тихую меланхолию.

— Иначе было нельзя, — печально сказал он Антонию. — Они считали, что я — ничто. И они сделали бы меня ничем, если бы не мои парни.

— Они у тебя молодцы, — сказал Антоний.

— Все, как один. — Цезарь сжал губы. — Кроме девятого.

Большая часть армии Помпея скрылась. Цезарь не стал никого преследовать. Уже на закате он наконец нашел время осмотреть вражеский лагерь. И воскликнул:

— О боги! Неужели они ни на йоту не сомневались, что победят?

Все палатки были чисто прибраны и украшены, включая палатки простых солдат. Несомненно, готовился большой праздник. Груды овощей, тазы свежей рыбы, заботливо помещенные в тень, сотни тушек ягнят, несчетное число горшков и кувшинов с тушеным мясом, с моченым нутом, с кунжутом в масле и с маринованным чесноком. А еще кадки с оливками, медовые пряники, хлеб, колбасы и сыр.

— Поллион, — сказал Цезарь своему младшему легату Гаю Асинию Поллиону, — нет смысла перетаскивать все это в наш лагерь. Веди всех наших сюда. Пусть порадуются угощению, которое приготовил для них неприятель. — Он ухмыльнулся. — Праздник будет сегодня. К завтрашнему утру все испортится. Мне не нужны больные солдаты.

Содержимое офицерских шатров повергло всех еще в больший шок. По иронии судьбы Цезарь в последнюю очередь дошел до пристанища Лентула Круса.

— Тень гифейского дворца на море! — покачав головой, сказал он. (Никто не понял, что это значит.) — Неудивительно, что он не озаботился такой малостью, как казна! Если бы я не заглянул в нее, то подумал бы, что Крус ее просто ограбил.

Всюду золотая посуда, ложа покрыты тирским пурпуром, подушки расшиты жемчугом, а в спальном отделении обнаружилась ванна красного мрамора на металлических львиных лапах. В кухонном отделении теснились бочки со снегом, набитые доверху всяческими деликатесами: креветками, морскими ежами, устрицами, кефалью, разными видами дичи. Тесто для хлеба уже поднялось, горшки с соусами выстроились на полках, ожидая, когда их поставят на печь.

— Хм, — хмыкнул Цезарь. — Видимо, здесь будем праздновать мы. Ладно, Антоний. Сегодня ты можешь есть и пить, сколько твоя душа пожелает. Но, — он усмехнулся, — завтра вернешься к прежней диете. Я не могу жить во время кампаний, как Сампсикерам. Кстати, откуда у Круса снег? Уж не с горы ли Олимп?

В сопровождении Кальвина он вернулся в шатер Помпея, чтобы разобраться с его канцелярией.

— Бумаги неприятеля следует предавать сожжению перед войском. Помпей однажды сам проделал такое — в Оске, после гибели Квинта Сертория. Но дураком будет тот, кто их не просмотрит.

— Ты сожжешь их? — улыбаясь, спросил Кальвин.

— Непременно! И прилюдно, как это сделал Помпей. Однако сначала я их прочту. Мы сделаем так: я бегло просмотрю все и буду передавать тебе то, что стоит прочесть внимательней.

Среди многих десятков интересных бумаг было и завещание Птолемея Авлета.

— Ну-ну! — задумчиво промолвил Цезарь. — Пожалуй, этот документ я не сожгу. В будущем он очень может мне пригодиться.

На другой день все поднялись довольно поздно, в том числе и сам генерал. Он почти до рассвета читал бумаги Помпея, сундук за сундуком. Много полезнейшей информации.

Пока легионы занимались сожжением тел и всем прочим, Цезарь с легатами выехал на дорогу и неспешно поехал к Лариссе. Там его поджидала основная масса римских легионеров Помпея. Двадцать три тысячи человек стали просить у него прощения, и Цезарь простил их. А потом предложил всем желающим поступить в его войско.

— Зачем, Цезарь? — спросил удивленно Публий Сулла. — Мы же выиграли войну!

Светлые, бередящие душу глаза с холодной иронией остановились на племяннике прежнего диктатора Рима.

— Чушь, Публий! — сказал ровный голос. — Война не кончилась. Помпей все еще на свободе. И Лабиев, и Катон, и все адмиралы Помпея вместе с флотом! И десяток других весьма опасных людей. Эта война не закончится, пока я не подчиню их себе.

— Себе? — нахмурился Публий Сулла, потом улыбнулся. — А-а! Ты хочешь сказать — Риму.

— Я и есть Рим, Публий. И Фарсал это доказал.

Для Брута Фарсал стал кошмаром. Не ведая, учел ли его душевные муки Помпей, он все же был благодарен, что тот отправил его к Лентулу Спинтеру, к реке, где густели осока и камыши. Они внушали спокойствие, пускай эфемерное, ибо Бруту дали коня и сказали, что он отвечает за действия крайних когорт. Брут в стальных доспехах сидел на коне и смотрел на рукоять своего меча, безотрывно, замороженно, будто мелкий грызун на змею.

Он знал, что даже не попытается вытащить меч. Вдруг все задвигалось. «Геркулес Непобедимый!» — закричали вокруг. Со стороны противника тоже донеслись какие-то кличи. К своему ужасу, Брут обнаружил, что сражение — это не красивое фехтование множества пар, но общая сшибка кольчуг, кренящихся то в одну сторону, то в другую. Мечи куда-то вонзались, сверкая, щиты использовались как тараны и рычаги. Как они узнают, кто друг, а кто

враг? Неужели у них есть время разобрать цвета перьев на шлемах? Пораженный Брут просто сидел на коне и смотрел.

Весть о разгроме левого фланга и кавалерии вдруг пронизала весь фронт. Каким образом, он не понял, но сам уже точно все знал. Вокруг перестали кричать «Геркулес Непобедимый!», а желтые плюмажи приданных Бруту когорт заменились на голубые, чужие. Осознав это, Брут пнул свою кобылу под ребра и помчался к реке.

Весь день и почти всю ночь он прятался на болотистом берегу Энипея, ни на секунду не отпуская поводья. Наконец, когда крики, смех и костры наверху начали гаснуть, он вскарабкался на коня и поехал в Лариссу.

Там один симпатизирующий римлянам человек предложил ему кров и снабдил подходящей одеждой. Брут сел и принялся писать Цезарю.

Цезарь, это Марк Юний Брут, когда-то бывший твоим другом. Пожалуйста, прости меня за мою самонадеянность и решение связать себя с Гнеем Помпеем Магном. В течение многих месяцев я сожалел о том, что покинул Тарс и Публия Сестия, у которого был легатом. Я оставил свой пост, как глупый мальчишка, жаждущий приключений. Но такой род приключений меня сильно разочаровал. Я понял, что я до смешного робок и что война — совершенно не мое дело.

По городу ходят слухи, что ты предлагаешь простить всех помпеевцев, если они не были прощены раньше. Я также слышал, что ты простишь любого по второму разу, если один из твоих людей вступится за него. В моем случае это необязательно. Я прошу прощения как виноватый единожды. Прости же меня, если не ради меня, так ради моей матери и твоей покойной дочери Юлии.

Получив это письмо, Цезарь поехал в Лариссу.

— Найди мне Марка Юния Брута, — сказал он городскому этнарху. — Найди — и Ларисса не пострадает.

Пришел Брут, все еще в греческой одежде, жалкий, похудевший, пристыженный, боясь поднять голову и посмотреть в лицо призвавшему его к себе человеку.

— Брут, Брут, что я вижу? — услышал он низкий знакомый голос и почувствовал на своих плечах чьи-то руки.

Кто-то заключил его в крепкие, стальные объятия. Брут ощутил прикосновение губ. Он поднял голову. Цезарь. О, кто еще имеет такие глаза? Кто еще обладает силой, достаточной, чтобы подчинить себе его мать?

— Мой дорогой Брут, я так рад видеть тебя! — сказал Цезарь, отводя его в сторону от своих ухмыляющихся и еще не спешившихся легатов.

— Ты прощаешь меня? — прошептал Брут.

Вес и тепло руки, придерживающей его, были почти равны весу и теплу руки матери. Вспомнив о ней опять, он всполошился. О боги, его ведут, чтобы унижить, убить!

— Мне и в голову не могло прийти, что ты нуждаешься в прощении, мой мальчик! — сказал Цезарь. — Где твои люди? У тебя есть лошадь? Ты немедленно едешь со мной. Ты мне очень нужен. Мне очень не хватает человека, способного с твоей дотошностью разбираться в параграфах, цифрах и всяческих мелочах. И я обещаю, — продолжал теплый и дружеский голос, — что в ближайшие годы ты добьешься под моим покровительством большего, чем мог тебе дать Помпей.

* * *

— Как ты намерен поступить с беглецами? — спросил Антоний, вернувшись в Фарсал.

— Прежде всего пойду по следу Помпея. Есть какие-либо известия? Кто-нибудь видел его?

— Поговаривают о Диуме, — сказал Кален, — и об Амфиполисе. Цезарь был удивлен.

— Амфиполис? Тогда он движется на восток, а не на запад и не на юг. А что Лабиев, Фауст Сулла, Метелл Сципион, Афраний и Петрей?

— Помимо малыша Брута, мы имеем твердые сведения только об Агенобарбе.

— Да, Антоний. Он пал, сражаясь. Ушел второй мой заклятый враг. Хотя, признаюсь, по нему я не буду скучать. Кто-нибудь позаботился о его прахе?

— Уже отправили жене, — сказал везде успевающий Поллион.

— Хорошо.

— Выходим завтра? — спросил Кальвин.

— Да, завтра.

— Думаю, что к Брундизию скоро подкатится орда беглецов, — сказал Публий Сулла.

— Я уже написал Ватинию в Салону. Квинт Корнифиций подменит его. А Ватиний займется Брундизием и беглецами. — Цезарь улыбнулся Антонию. — Не нервничай, Марк. Я слышал, что Гней Помпей-младший отпустил твоего брата с Коркиры целым и невредимым.

— Я принесу Юпитеру жертву. Благодарю за хорошую весть.

Утром Фарсал снова стал сонной долиной. Армия Цезаря снялась с места, но сам Цезарь с ней не пошел. Он пошел в провинцию Азия, прихватив с собой только два новоизбранных легиона из прощенных солдат. А его ветераны отправились на заслуженный отдых. В италийской Кампании под патронажем Антония их должны были принять более чем хорошо. Еще Цезарь взял с собой Брута и Гнея Домиция Кальвина, нравящегося ему все больше и больше. В сложных условиях тот был просто незаменим.

Марш до Амфиполиса был по обыкновению молниеносным. Правда, люди Помпея изумленно покряхтывали, но не роптали. В армии Цезаря каждый вмиг начинал понимать, на что он способен и чего от него ждут.

Расположенный восточнее Фессалоники (еще восемьдесят миль по Эгнациевой дороге), в том месте, где широкая река Стримон, вытекавшая из озера Керкнитис, впадала в море, Амфиполис занимался строительством кораблей. Пригодный лес рос далеко, но река Стримон легко несла бревна, которые внизу распиливали и отправляли на верфь.

Марк Фавоний ждал, уверенный, что его подвергнут гонениям.

— Я прошу прощения, Цезарь, — сказал он.

Еще один человек, которого Фарсал изменил до неузнаваемости. Он больше не копировал Катона, не каркал, не посматривал на весь мир свысока.

— От всей души прощаю, Фавоний. Брут со мной, он хочет видеть тебя.

— Ах, ты простил и его.

— Конечно. Я не преследую порядочных людей за ошибочные устремления. Я лишь надеюсь однажды увидеть их в Риме работающими на благо страны. Скажи мне, чего ты хочешь? Я дам тебе письмо к Ватинию, и он в Брундизии сделает для тебя все.

— Я хочу, — сказал Фавоний со слезами, повисшими на ресницах, — чтобы больше такое не повторялось.

— Я тоже хочу этого, — искренне сказал Цезарь.

— Да, это можно понять. — Фавоний вздохнул. — Что касается меня, то позволь мне удалиться в Луканию и зажить тихой жизнью. Без войны, без политики, без борьбы, без грызни. Мира, Цезарь — вот все, чего я хочу. Покоя и мира.

— Ты знаешь, куда направились остальные?

— В Митилены, но я сомневаюсь, что они задержатся там. Оба Лентула не выказывали намерения расставаться с Помпеем, а тот как раз перед отъездом получил сообщение, что Лабиен, Афраний, Петрей, Метелл Сципион, Фауст Сулла и еще кое-кто направляются в Африку. Больше я ничего не знаю.

— А Катон? Цицерон? Что с ними?

— О них я не слышал. Но, я думаю, Катон поедет в Африку, когда узнает, что очень многие едут туда. В конце концов, там все лояльны к Помпею. Я сомневаюсь, что ты заполучишь Африку без борьбы.

— Я тоже. Благодарю тебя, Марк.

Обед в тот вечер обед прошел спокойно, присутствовал только Брут. Но на рассвете Цезарь уже был на пути к Геллеспонту. Брут блаженствовал: ему выделили двуколку и расторопного заботливого слугу.

Фавоний выехал за город, чтобы в последний (как он надеялся) раз посмотреть на серебристую ленту римских легионеров. Но видел он только Цезаря, с непринужденной грацией опытного наездника восседавшего на буре, приплясывающем под ним жеребце. Фавоний знал, что, едва колонна удалится от городских стен, Цезарь спешится и

пойдет вместе со всеми. Лошади были для боя, парада и разного рода спектаклей. С одной стороны — блеск, величие, мощь, с другой — аскетическая неприхотливость и подлинная, ненаигранная простота! Как эти вещи уживаются в одном человеке? Гай Юлий Цезарь. Ему дано все. Ветер играет редкими прядями золотистых волос, спина абсолютно прямая, сильные, мускулистые ноги. Эталон красоты. Нет, не слащавой, как у Меммия, и не томно-изысканной, как у Силия. Настоящей, мужской. Он — потомок Венеры и Ромула. И кто знает, может быть, и впрямь боги любят его больше всех. О, Катон, не противься тому, чему невозможно противиться! Будет он царем Рима или не будет — решать лишь ему.

Митилены тоже паниковали. Паника распространилась по всему Востоку как результат столь неожиданного, столь ужасного противостояния двух римских титанов. Ибо никто не знал этого Цезаря, разве что по слухам. Все его губернаторства были на Западе, и о тех далеких днях никто не ведал. Митилены знали только, что, когда Лукулл осадил их от имени Суллы, этот Гай Цезарь дрался в первых рядах и завоевал согопа *civica* за храбрость. Ходили также слухи о битве, которой он командовал против сил Митридата у стен города Траллы в провинции Азия, после чего жители Тралл поставили его статую в маленьком храме Победы рядом с местом сражения. Теперь они собрались в храме, чтобы прибраться там, посмотреть, в каком состоянии статуя. И к своему ужасу, обнаружили, что между флагами у основания статуи Цезаря проросла пальма. Это знак великой победы. Знак, что этот человек велик. И Траллы загудели.

Рим господствует уже так давно, что любые его содрогания расходятся трещинами по всем землям. Что теперь будет? Какие порядки? Станет ли Цезарь разумным властителем типа Суллы? Урезонит ли губернаторов-вымогателей, сборщиков налогов и грабителей-заимодавцев? Или, напротив, продолжит их поощрять, как Помпей? Как бы там ни было, но в провинции Азия, совершенно опустошенной Метеллом Сципионом, Лентулом Крусом и Титом Аппием Бальбом, жители каждого острова, каждого города или селения с наслаждением крушили статуи Помпея Великого и ставили вместо них статуи Гая Цезаря, скопированные со статуи в Траллах. А Эфес, объединившись с другими прибрежными городами, заказал знаменитой

студии в Афродисиаде большую скульптуру. Ее поставили в центре рыночной площади и на постаменте выбили надпись:

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ, СЫН ГАЯ, ВЕЛИКИЙ
ПОНТИФИК,
ПОБЕДИТЕЛЬ, ДВАЖДЫ КОНСУЛ,
ПОТОМОК АРЕСА
И АФРОДИТЫ, НОСИТЕЛЬ БОЖЕСТВЕННОЙ
СУТИ
И СПАСИТЕЛЬ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Совершенная чепуха. Особенно в части генеалогии. Но все это было простительно. Провинция Азия просто очень старалась хорошо подготовиться к приходу нового властелина.

В эту атмосферу всеобщей неуверенности и лихорадочных попыток учуять, куда подует ветер, и попал Помпей, когда с двумя Лентулами ступил на причал гавани Митилен. Некогда остров Лесбос присягнул ему и другой присяги пока не давал, однако принимать его, побитого, поджавшего хвост, было и затруднительно, и щекотливо. Впрочем, его прибытие означало, что он еще не согнан с арены и что со временем возможен новый Фарсал. Только сумеет ли он победить? Ведь Цезарь еще не проигрывал сражений. (В большую победу Помпея возле Диррахия теперь никто не верил.)

Однако Помпей достойно справился с ситуацией. Оставаясь в греческом платье, он сказал городским этнархам, что Цезарю свойственно милосердие.

— Только держитесь с ним повежливее, вот и все.

Корнелия Метелла и молодой Секст ожидали его. Печальное воссоединение. Секст бросился к отцу, обнял его и заплакал.

— Не плачь, не плачь, — бормотал Помпей, нежно поглаживая каштановые волосы сына.

Секст был единственным из его детей, унаследовавшим от Муции Терции смуглую кожу.

— Я должен был быть там — с тобой!

— И ты был бы, если бы события не развивались так быстро. Но и вдали от меня ты мне хорошо помогал, оберегая Корнелию.

— Ерунда!

— Нет, вовсе не ерунда, мой мальчик. Семья — это главное достояние каждого римлянина. А жена Помпея Магна — главное достояние Помпея Магна. Так же, как и его сыновья.

— Я больше никогда не оставлю тебя!

— Надеюсь, что так все и будет. Сделаем подношение ларам и пенатам, а также Весте за этот радостный день. — Помпей отпустил Секста, вручив ему свой платок, чтобы тот мог вытереть нос и осушить слезы. — А теперь ступай. Начни писать письмо Гнею. Я вскоре приду и закончу его.

Секст, сопя и комкая платок, вышел, и у Помпея появилась возможность взглянуть на жену.

Та не переменилась. Все такая же надменная, высокомерная, отдаленная. Но серые глаза покраснели, опухли и смотрели на него с искренней болью. Он подошел и поцеловал ей руку.

— Грустный денек, — сказал он.

— Мой отец?

— Полагаю, он в Африке. Со временем мы это уточним. Он не пострадал при Фарсале.

Как тяжело выговаривать эти слова!

— Корнелия, — сказал он, перебирая ее пальцы, — я разрешаю тебе развестись со мной. Если ты разведешься, твое приданое останется у тебя. По крайней мере, у меня хватило ума записать виллу в Альбанских горах на твое имя. Я не продал ее, когда продавал все, чтобы финансировать эту войну. И вилла на Марсовом поле сохранена. И дом на Каринах. Но это мое имущество. Цезарь может отнять его у тебя.

— Я думала, что проскрипций не будет.

— Не будет. Но имущество опальных лидеров конфискуют. Таковы традиции. Он не пойдет против них. Поэтому безопаснее и разумнее для тебя начать процедуру развода.

Она покачала головой, улыбнулась, что редко бывало.

— Нет, Магн, я твоя жена. И останусь ею.

— В таком случае пойдем в дом. — Он отпустил ее руку. — Я не знаю, что будет со мной! Я не знаю, что надо делать. Не знаю, куда мне идти, но и остаться здесь не могу. Жизнь со мной будет несладкой. Я человек заметный. Цезарь вынужден опасаться меня. Я для него — постоянный источник угрозы.

— Как и Секст, я тебя больше не оставлю. Но конечно, нам следует поскорей добраться до Африки. Мы должны немедленно отплыть в Утику, Магн.

— Должны?

Голубые глаза на одутловатом лице загорелись и снова потухли. Но она успела разглядеть в них и муку, и боль, и обиду, и вообще всю ту гамму горьких переживаний, с какими теперь он был вынужден втайне справляться.

— Корнелия, это было ужасно. Я не имею в виду действия Цезаря или поражение, какое он мне нанес. Я имею в виду поведение моих союзников. О, к твоему отцу это не относится! Он — воплощение мудрости, силы. Но большей частью его не было рядом. А они постоянно изводили меня пререканиями, недоброжелательностью, колкостями, нытьем, недовольством.

— Недовольством?

— Да. Это взвинчивало меня, не давало сосредоточиться. Возможно, я бы справился с Цезарем, если бы мне не мешали. Но меня вынуждали делать не то, чего мне бы хотелось. И армией тоже командовал не я. Командовал Лабиен. Это не человек, это зверь! Не понимаю, как Цезарь мог выносить его! Про него говорили, что он получает физическое удовлетворение только тогда, когда вырывает кому-то глаза. Но он творил еще худшие вещи! А этот Агенобарб! Конечно, он умер в бою, как герой, но он больше всех меня мучил. Он называл меня Агамемноном, ты только представь! Царем царей! И все они хохотали!..

Горести и неурядицы двух последних месяцев не прошли для Корнелии даром. Она стала отзывчивее, обрела прежде несвойственную ей проникательность и потому не совершила ошибки — не приняла излияния мужа за жалобы неудачника, ищущего себе оправданий. Помпей для нее все еще был скалой. Подточенной волнами, изъеденной бурями, но все же неколебимой громадой.

— Дорогой Магн, я думаю, беда заключается в том, что они восприняли эту войну как еще один вид сенаторских заседаний. Они так и не удосужились понять, что политика не имеет ничего общего с реалиями военной жизни. Ты не проиграл, ты был обречен. Подумай сам, мог ли ты справиться с ними? Они провели *senatus consultum*

ultimum только затем, чтобы Цезарь не мог встать выше их. Как же они могли допустить, чтобы ты встал над ними?

Он криво улыбнулся.

— Ты совершенно права. Вот почему Африка меня не манит. Туда отправился твой отец, это да. Но туда же отправились и Катон с Лабиеном. Так что же там изменится для меня? Они опять начнут меня мучить.

— Тогда мы должны искать прибежища у парфян, — решительно заявила Корнелия. — Ты послал к Ороду своего родича Гирра. Он не вернулся, но с ним все в порядке. В Экбатане тебя не достанут ни Цезарь, ни Лабиен.

— Но как это будет выглядеть, а? Я буду покорно смотреть на трофейные штандарты Рима. И жить с нависшей надо мной тенью убитого Красса.

— Тогда куда же?

— В Египет.

— Это недостаточно далеко.

— Да, но он послужит нам отправной точкой. Есть еще один мир, мир Индии и Серики. Думаю, там не откажутся хорошо заплатить, чтобы заполучить римского генерала. Я мог бы служить тому миру. Египтяне знают, как попасть на Тапробану. А на Тапробане кто-нибудь знает, как попасть в Индию или в Серику.

Корнелия широко улыбнулась.

— Магн, это замечательная идея! Да, мы поедem в Серику! Ты, я и Секст!

Он не собирался задерживаться в Митиленах, однако, услышав, что великий философ Кратипп находится там, захотел с ним увидаться.

— Для меня честь принимать тебя, Помпей, — сказал старик в простой белой одежде, поглаживая длинную белую бороду.

— Нет, это для меня честь, Кратипп.

Помпей стоял, глядя в ревматические глаза и удивляясь, что не находит в них ни малейших признаков мудрости. Разве философы не должны выглядеть мудрецами?

— Давай пройдемся, — сказал Кратипп, беря гостя под руку. — Этот сад очень красив. У него римский стиль. Мы, греки, не умеем сажать сады. Я всегда думал, что уважение к природе — врожденное

достоинство римлян. Мы, греки, выражаем нашу любовь к красоте через вещи, и только, а вы, римляне, имеете талант вставлять свои вещи в природу, причем так, словно они всегда там и были. Мосты, акведуки... Такие воздушные! Мы никогда не понимали красоты арки. Но природа нелинейна, Гней Помпей, — продолжал Кратипп. — Природа кругла, как земля, на которой мы живем.

— Я никогда не мог себе это представить.

— Разве Эратосфен не доказал своими промерами тени, что земля — это шар? Плоскость имеет края. А если есть края, почему тогда воды океана давным-давно не стекли с них? Нет, Гней Помпей, мир — это шар, замкнутый на себя, как кулак. И в этом, знаешь ли, есть своя бесконечность.

— Интересно, — сказал Помпей, подбирая слова, — мог бы ты рассказать мне что-нибудь о богах?

— Я многое могу рассказать тебе, но что именно ты хочешь знать?

— Ну, что-нибудь об их обличье, а также о сути. Что такое божественность, например.

— Я думаю, вы, римляне, ближе к ответу, чем греки. Мы воспринимаем наших богов как своего рода людей, со всеми их ошибками, страстями, амбициями и пороками. А римские боги — настоящие римские боги — не имеют лица, тела, формы. Вы говорите — *pumina*. Воздух, часть воздуха. Бесконечность.

— Но как они существуют, Кратипп?

Водянистые глаза, очень темные, но с особым кольцом вокруг радужной оболочки. *Arcus senilis*. Знак близкой смерти. Скоро он уйдет из этого мира. Соскользнет со своего шара.

— Они существуют сами в себе.

— Нет, на кого они похожи?

— На самих себя. Нам невозможно понять, как это выглядит, зрение тут бессильно. Мы, греки, придаем им человеческий облик, потому что ничего больше не можем придумать. И наделяем их сверхсилами, чтобы они отличались от нас. Но я считаю, — понизил голос Кратипп, — что все боги фактически являются частью одного великого Бога. И тут опять вы, римляне, подходите ближе всех к этой истине. Вы знаете, что все ваши боги — часть одного великого бога, Юпитера Наилучшего Величайшего.

— И этот великий Бог живет в воздухе?

— Он, я думаю, живет везде. Вверху, внизу, внутри, снаружи, вокруг, около. Я думаю, что и мы — его часть.

Помпей облизнул пересохшие губы и задал главный вопрос.

— Мы будем жить после смерти?

— А-а! Извечный вопрос. Попытка соотнесения с бесконечностью.

— По определению, боги бессмертны. А мы умираем. Но продолжаем ли потом жить?

— Бессмертие — это не бесконечность. У него много видов. Боги живут дольше нас, но бесконечны ли их жизни? Я думаю — нет. Я думаю, бог рождается, а потом возрождается несчетное число раз. А в бесконечности нет изменений. Она не имеет ни начала, ни конца. Что будет за смертной чертой, я не знаю. Но ты, Гней Помпей, без сомнения, продолжишь на этой земле. Твое имя и твоя слава будут жить тысячелетия после того, как ты исчезнешь. Разве это не утешительно? Разве в этом нет приближения к божественной сути?

Помпей ушел раздосадованный. Вот так всегда! Прижми грека, и ничего не получишь. Своего рода шар. Бесконечность.

Он отплыл из Митилен с Корнелией Метеллой, Секстом и двумя Лентулами, по пути изредка причаливая к островам восточной части Эгейского моря, но нигде не останавливаясь дольше чем на ночь. Никто из знакомых ему не встречался, пока корабль не обогнул Ликию и не причалил к Атталии. Там толклись около шестидесяти почтенных отцов из его бывшего окружения. Они ужасно смутились. Но Атталия не подкачала. Она уверила Помпея в вечной преданности и выделила ему двенадцать прочных трирем. Вместе с ними Помпей получил и письмо от Гнея Помпея-младшего, все еще находящегося на Коркире. Как, однако, быстро разносятся вести!

Отец, я разослал такие же письма во множество мест. Пожалуйста, очень прошу тебя, не сдавайся! Об ужасе, какой выпал на твою долю, я узнал от Цицерона. Тот был здесь, но сейчас уже убыл. О негодьях Лабиев!

Цицерон приехал с Катонем и тысячью солдат, оправившихся от ран. Катон заявил, что надо бы переправить это подразделение в Африку, но что сам он, как простой претор, не может взять его под

командование, поскольку в наличии имеется консуляр. То есть он недвусмысленно намекнул, что долг Цицерона — возглавить новую волну сопротивления Цезарю. Цицерон, как ты понимаешь, его тут же послал. Он больше не хотел иметь ничего общего ни с дальнейшим сопротивлением, ни с армией, ни с идиотом Катонем. Катон взвился и набросился на обидчика с кулаками. Я еле-еле их растащил. При первой же возможности Цицерон сбежал в Патры, потащив с собой своего брата Квинта, ну и племянника, разумеется. (Квент с сыном были тогда у меня.) Думаю, сейчас Патры кипят, от их ссор. Катон же посадил людей на мои транспорты и отчалил, намереваясь добраться до Африки. К сожалению, путного лоцмана я ему предоставить не мог. Но посоветовал держать корабли носом к югу, а ветер и волны с течением доделают остальное. Африка широка, он куда-нибудь да попадет.

Но его энтузиазм все же сказал мне, что война с Цезарем далеко не окончена. Сопротивление начинает кристаллизоваться. Видимо, в Африке, поскольку все беглецы устремились туда. Мы живы, бодры и все еще господствуем на море. Пожалуйста, отец, я прошу тебя, собери, какие получится, корабли и приезжай ко мне или в Африку.

Ответ Помпея был краток.

Дорогой сын, забудь обо мне. Я уже ничего не могу сделать для Республики. Мое время прошло. И, говоря откровенно, мне претит мысль опять затевать что-то вместе с Катонем и Лабиеном. Мои гонки закончились. Что ты будешь делать — это твой выбор. Но остерегайся Катона и Лабиена. Один — нестигаемый пустозвон, другой — дикарь.

Корнелия, Секст и я уезжаем. Очень далеко. Куда — не скажу: письмо могут перехватить. От

Лентулов, которые сопровождают меня, я надеюсь отделаться, прежде чем им станет известно, куда мы плывем.

Будь осторожен, Гней. Я тебя очень люблю.

В начале сентября Помпей покинул Аттилию скрытно от Лентулов и шестидесяти сенаторов. Он взял лишь три триремы, а девять велел перегнать на Коркиру.

Они ненадолго остановились в киликийской Сиедре, потом направились на Кипр, в Пафос. Префектом Кипра теперь был один из сыновей Аппия Клавдия Пульхра Цензора, и он вполне искренне сочувствовал гостю.

— Мне жаль, что твой отец так безвременно умер, — сказал Помпей.

— И мне, — ответил Гай Клавдий Пульхр, но не очень печально. — Хотя, ты знаешь, он в конце совсем спятил.

— Я слышал. По крайней мере, Фарсал его миновал.

Как трудно выговорить это слово: Фарсал!

— Да. Мы с ним всегда были на твоей стороне, но поручиться за других Клавдиев я не могу.

— Это понятно. Сейчас все роды разделились.

— К сожалению, тебе нельзя здесь остаться. Антиохия и Сирия присягнули в верности Цезарю, а Сестий в Тарсе всегда его одобрял. В любой день можно ждать, что он публично заявит об этом.

— Может, махнешь со мной в Египет?

Гай Клавдий напрягся.

— На твоём месте я бы туда не ездил, Магн.

— Почему?

— Там гражданская война.

* * *

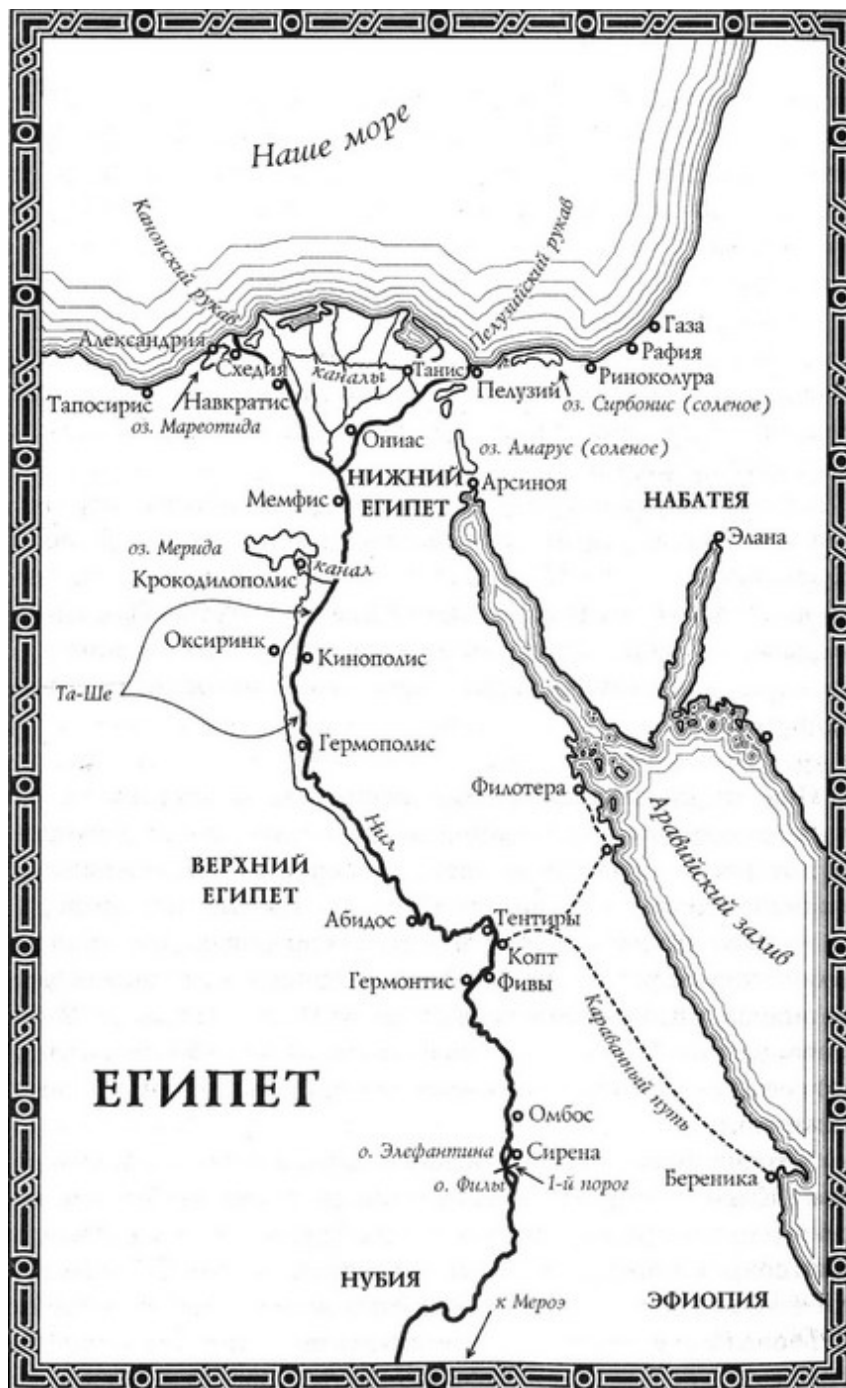
Третий разлив Нила при правлении Клеопатры обещал стать самым катастрофическим за две тысячи лет. Контрольный промер показал не просто губительный уровень — вода дошла всего лишь до отметки восемь футов, что стало новым минимумом.

Это значило, что в наступающем году урожая не будет даже в землях Таше и вокруг озера Мерида. Клеопатра делала все, чтобы предотвратить надвигающуюся беду. В феврале она совместно с малолетним царем издала указ, согласно которому все зерно, выращенное или хранимое в Среднем Египте, требовалось незамедлительно отправлять в Александрию. Среднему и Верхнему Египту предлагалось кормиться, самостоятельно орошая берега Нила от Первого порога до Фив. Поскольку вся пшеница и весь ячмень, выращиваемые в Египте, были собственностью Двойной Короны, она имела полное право так поступить. Наказанием за несанкционированную торговлю зерном или попустительство служащих была смерть с конфискацией всего имущества. Доносчикам, сообщавшим о нарушениях, платили наличными, а рабов-информаторов еще и освобождали.

Зерно потекло. Но узкой струйкой. В марте царица сочла необходимым издать второй указ. В нем подтверждались все положения первого, а также сообщалось, что всех людей, трудящихся на полях, освободят от налогов или от военного рекрутирования, если те займутся самым трудным способом взращивания злаков, а именно орошением без разлива.

Посыпались письма протеста. И еще просьбы прислать зерно и снизить поборы. Ни на то, ни на другое Двойная Корона пойти не могла.

Что еще хуже, Александрию охватили волнения. Цены на продукты росли и росли, бедняки продавали пожитки, а люд с достатком прятал деньги в кубышки или тратил их на продукты длительного хранения. Малолетний царь и его сестра Арсиноя ухмылялись. Потин и Феодот в сопровождении генерала Ахилла разъезжали по городу, сочувствуя всем и внушая, что нехватка еды — это происки Клеопатры, якобы намеревающейся таким способом искоренить бунтарство в Александрии, ибо голод заставит очень многих покинуть ее.

Карта 13. Египет.

В июне эта тройка выступила открыто. Александрия бурлила. Толпа двинулась с рыночной площади к громаде дворца. Потин и

Феодот широко распахнули ворота, и толпа, ободряемая Ахиллом, ринулась во дворец. Но Клеопатру там не нашли. Ну и ладно! Арсиною без тени смущения объявили новой царицей, а малолетний царь пообещал народу улучшить условия жизни. Толпа разошлась по домам. Потин, Феодот и Ахилл были довольны. Но они сами столкнулись с серьезными трудностями. Лишней еды нигде не имелось. Новая власть могла зашататься. И, почесав в затылке, Потин послал египетский флот пройтись по зернохранилищам Иудеи и Финикии, твердо зная, что война между Помпеем Великим и Гаем Цезарем занимает сейчас все внимание римлян. Даже если грабеж и будет замечен, то наказания не последует. Потин был хитер и умен.

Однако вторая трудность была посерьезней. Клеопатра исчезла и теперь пряталась неведомо где, представляя собой нешуточную угрозу. Ведь она ни за что не смирится с тем, что произошло. Но куда она делась? Все свергнутые Птолемеи уплывали за море. Однако не имелось ни прямых сообщений, ни каких-либо иных свидетельств, что Клеопатра куда-нибудь уплыла.

Она и не уплыла. В сопровождении Хармионы, Ирас и гигантского чернокожего евнуха по имени Аполлодор Клеопатра покинула царскую резиденцию верхом на осле в одежде зажиточной простолюдинки. Проехав через Канопские ворота всего за два часа до прорыва толпы во дворец, она села на небольшую барку в городке Сходя, где канал от озера Мерида впадал в Канопский рукав дельты Нила. Оттуда до Мемфиса, расположенного на самом Ниле, было не более восьмисот греческих стадиев, что равнялось приблизительно ста римским милям.

Мемфис опять сделался самым мощным религиозным центром в Египте. Возросший на культовом почитании бога-создателя Пта, он при первых и средних фараонах стал набивать свои сокровищницы золотом и драгоценностями. Там же сосредоточились и самые почитаемые жрецы. Но со времени фараона Сенусрета бога Пта почитать перестали, его заменили богом Амоном. Религиозная власть перешла из Мемфиса в Фивы. Туда же перетекли и сокровища. Однако все меняется, и в Египте тоже. После смерти последнего подлинного египетского фараона бога Амона тоже стали подзабывать. Пришел черед Птолемеев и Александрии. Мемфис начал понемножечку расцветать. Возможно, лишь потому, что был гораздо ближе к Александрии, чем Фивы, ибо первый Птолемей, задумавший привязать

Александрию к Египту, принудил верховного жреца Пта, некоего Манефона, создать гибридную религию из греческой и египетской во главе с божествами Зевсом-Осирисом-Аписом и Артемидой-Исидой.

Падение Фив произошло, когда город восстал против правления Птолемеев во времена девятого Птолемея, названного Сотер II в надписях и получившего в народе прозвище Латир, что на латыни означало «нут». Этот Нут собрал еврейскую армию и на галерах с низкой посадкой поплыл по Нилу, чтобы преподать урок Фивам. Он разграбил город и сровнял его с землей. Досталось, конечно же, и Амону.

Однако жреческой иерархии Египта, насчитывавшей три тысячи лет, к грабежам было не привыкать. Каждый фараон, погребенный в набитой несметными сокровищами усыпальнице, становился приманкой для толп изодранных грабителей, которые пускались на разные ухищрения, чтобы проникнуть в его гробницу. Пока Египет был в силе, эти попытки очень умело и действенно пресекали. Однако в пору иноземных вторжений никто за гробницами фараонов особенно не следил, и очень многие из них были разграблены. Кроме тех, чье местоположение хранилось в тайне. Они остались нетронутыми, как и жреческие сокровищницы.

Так что к тому времени, как Птолемей Нут прошелся по Фивам в поисках спрятанных там несчетных богатств, эти богатства уже опять перекочевали в Мемфис. А Нуту очень нужны были деньги. Ибо мать его (третья Клеопатра) была фараоном, но сделала все, чтобы сын фараоном не стал. Она ненавидела его, предпочитая ему младшего брата, Александра, которого ей наконец удалось посадить на трон вместо Нута. Губительная акция для Египта, ибо Александр убил мать и оба брата стали пытаться отвоевать трон друг у друга. Когда оба были мертвы, римский диктатор Сулла послал править Египтом сына покойного Александра. Тот был последним правителем по мужской линии, поскольку не мог иметь детей. Он завещал Египет Риму, и с тех пор Египет жил в страхе.

Клеопатра высадилась на западном берегу и подъехала на осле к западному пилону ограды. Огороженное пространство в полторы квадратных мили имело на своей территории храм Пта, здание, в котором бальзамировали быков-Аписов, комплекс строений разного

религиозного назначения, а также сеть многочисленных небольших святилищ, воздвигнутых в честь давно почивших египетских фараонов. Под комплексом располагались камеры и кладовые, соединенные переходами. Некоторые туннели, пробитые до полей с пирамидами, тянулись на нескольких миль. В этот лабиринт можно было попасть из здания, где хранились мумии всех египетских быков-Аписов вместе с мумиями кошек и ибисов. А к подвалам с сокровищами вел ход из секретной комнаты, находящейся в самом храме Пта.

Ее встретил верховный жрец в сопровождении жреца-чтеца, казначея и толпы жрецов разных рангов. Будучи ростом менее пяти римских футов и весом не более полутора талантов, Клеопатра стояла перед двумя сотнями бритоголовых мужчин, которые простерлись перед ней ниц, уткнув лбы в красный гранит плит, какими был вымощен двор.

— Земная богиня, дочь Ра, воплощенная Исида, царица цариц, — приветствовал ее верховный жрец Пта, поднимаясь и умело совершая серию сложных поклонов, постепенно сходящих на нет.

— Жрец бога Пта, — ответила Клеопатра. Присовокупив к этому обращению множество других пышных титулов, она улыбнулась. — Мой дорогой Хаэм, я рада видеть тебя!

Единственным предметом одежды, который отличал Хаэма от младших жрецов, был воротник-ожерелье. Хаэм брил голову и носил только юбку из толстой льняной материи, которая начиналась на уровне сосков и мягко спадала до середины икр. Воротник, знак должности верховного жреца Пта с времен первого фараона, представлял собой широкую золотую пластину от горла до края плеч и вниз до сосков, как нагрудное украшение. Его внешний край был украшен ляпис-лазурью, сердоликом, бериллом и ониксом, вправленными в более толстую витую золотую полосу в форме шакала с левой стороны и двух человеческих ног и львиной лапы с правой стороны. Две зигзагообразные полосы плетеного золота соединялись лазуритовыми застежками у горла. Поверх воротника Хаэм носил три аккуратно расположенных ожерелья из золотых нитей, которые оканчивались дисками, украшенными сердоликом. Поверх этих украшений на нем были еще шесть ожерелий из золотых нитей — три ниже, три выше, — заканчивающихся равносторонними крестами, украшенными драгоценностями.

— Ты переодета, — сказал Хаэм на древнеегипетском.

— Александрийцы свергли меня.

— Так.

Хаэм повел ее в свою резиденцию, небольшой блочный дом из известняка, украшенный картушами каждого верховного жреца, когда-либо служившего богу, создавшему Ра, который был также Амоном. Статуи мемфисской триады стояли у входа. Сам Пта, в шапочке наподобие тубетейки, по горло завернутый в белые одеяния, напоминающие бинты, Сехмет, его жена с головой львицы, и бог-лотос Нефертем — на голове корона из священных голубых лотосов с белыми страусовыми перьями.

Внутри — белая комната с яркой настенной росписью. Из мебели только кресла и столы из слоновой кости, золота, эбонита. На звук голосов вышла женщина. Египтянка, чья безупречная, неброская красота свидетельствовала о ее принадлежности к жреческой касте и уходила корнями в глубины веков. Черный парик, доходящий до плеч, льняное цилиндрическое нижнее платье и верхнее — полураспахнутое, прозрачное, из знаменитой египетской ткани, секретом производства которой владели очень немногие мастера.

Она тоже простерлась ниц.

— Таха, — сказала Клеопатра, обнимая ее. — Моя мать.

— Я была ею три года, это правда, — сказала жена Хаэма. — Ты голодна?

— У вас хватает еды?

— Хватает, дочь Ра, даже в эти тяжелые времена. Спасает ров, идущий от моих грядок к Нилу. Слуги выращивают там кое-что.

— Вы можете накормить моих людей? Их только трое, но бедный Аполлодор ест очень много.

— Ничего, всем достанется. Садись, садись!

За простой трапезой, состоявшей из пшеничных лепешек, жареной рыбы, фиников и ячменного пива, Клеопатра рассказала свою историю.

— Что ты намерена делать? — спросил Хаэм, прикрыв глаза.

— Приказать тебе дать мне достаточно денег, чтобы я могла купить армию в Иудее и Nabatee. А также в Финикии. Потин намерен разграбить зернохранилища этих стран, так что, я думаю, добровольцы найдутся. Метелл Сципион отбыл из Сирии, там теперь нет никого, кто мог бы мне помешать.

Таха кашлянула.

— Муж, тебе следует сообщить кое-что фараону, — сказала она ровным, свойственным всем женам тоном.

— Терпение, женщина, терпение! Закончим сначала с первым вопросом — с Александрией. Как нам с ней быть? Я понимаю, почему этот город построен, и я признаю, что хорошо иметь такой порт, менее уязвимый и более просторный, чем старый Пелузий. Но этот порт ведет себя как паразит! Он забирает все у Египта, а в ответ не дает ничего.

— Я знаю! Разве не ты говорил мне все это, когда я здесь жила? Если бы моя власть была прочной, я постаралась бы что-то исправить, но сначала мне нужно вернуть себе трон. А потом, тебе тоже прекрасно известно, Хаэм, что Египет не может отколоться от Александрии. Мы без нее практически беззащитны, пойми. Допустим, я покину ее, чтобы править Египтом из Мемфиса. Но что будет тогда? Александрия наймет огромные армии и раздавит нас. Египет — это Нил. Нам некуда бежать от реки. Разве Нут не продемонстрировал это? Ведь добраться до нас легче легкого. Ветры гонят галеры с воинами вверх по Нилу, а течение несет вниз набитые трофеями корабли. Египет будет поработен македонцами, а потом римлянами. Ибо римляне своего не упустят и непременно придут.

— Твои слова подводят меня, земная богиня, к весьма деликатной теме.

Желто-зеленые глаза сузились. Клеопатра нахмурилась.

— Гибельный уровень? — уточнила она.

— Два года подряд. Последний промер — восемь футов. Неслыханно! Народ Нила ропщет.

— Из-за голода? Естественно, ропщет.

— Нет, из-за фараона.

— Что ты имеешь в виду? Объясни.

Таха не удалилась. Она имела свои привилегии как жрица и как жена главного из жрецов.

— Дочь Ра, в предсказаниях говорится, что Нил не выйдет из берегов до тех пор, пока женщина-фараон не забеременеет и не родит мальчика. Долг женщины быть плодовитой. Тем самым она умиротворит Крокодила с Гиппопотамом, и те перестанут втягивать Нил в свои ноздри.

— Я это знаю так же, как и ты, Хаэм! — резко оборвала его Клеопатра. — Почему ты все время говоришь со мной как с несмышленной девчонкой? Я сама думаю об этом и день и ночь! Но что я могу тут поделать? Мой брат-муж еще мальчик и предпочитает мне свою родную сестру. Моя кровь загрязнена кровью Митридата. Как быть?

— Ты должна найти другого мужа, земная богиня.

— А где его взять? Поверь мне, Хаэм, я придушила бы эту маленькую гадюку своими руками! И его младшего брата! И Арсиною! Мы славимся тем, что убиваем друг друга! Но вся линия Птолемеев свелась сейчас только к нам — к двум девочкам и двум мальчикам. И нет других мужчин, равных мне! Просто нет! Во имя Египта я не могу подпустить к себе никого, кроме бога! — Она скрипнула зубами. — Моя сестра Береника попробовала! Но римлянин Авл Габиний ее обманул. Предпочел восстановить на троне моего отца. И тот убил Беренику. Если я оступлюсь, меня тоже убьют.

Длинный столб света шел вниз из отверстия под потолком, в нем танцевали пылинки. Хаэм ввел в него свои тонкие смуглые руки и растопырил пальцы, следя за тенями на черепичном полу. Потом положил одну ладонь на другую. Тень приняла форму солнца, испускающего лучи. Затем он отнял одну руку, а другой изобразил урею, священную змею.

— Знаки странные, необычные, — заговорил он словно во сне. — Снова и снова они говорят о боге, идущем с Запада... о боге, идущем с Запада. Подходящий муж для женщины-фараона.

Клеопатра напряглась, вздрогнула.

— С Запада? — изумленно переспросила она. — Из царства мертвых? Ты хочешь сказать, что это Осирис? Он умер, однако Исида понесла от него.

— И родила мальчика, — сказала Таха. — Гора.

— Но... как же это возможно?

— Он придет, чтобы уйти, — сказал Хаэм. Сначала он пал ниц, потом очень медленно встал. — А пока, о царица цариц, мы должны озаботиться наймом армии. Она должна быть хорошей.

Около двух месяцев Клеопатра моталась по Сирии. Поставка наемников всегда была хлебом этой страны, как в лучшие, так и в

худшие для нее времена. Очень сильными воинами считались иудеи и набатеи, однако в надежности они уступали евреям, и Клеопатра поспешила в Иерусалим. Там она наконец встретилась с Антипатром, и он понравился ей. При нем был Ирод, второй его сын. Он у нее симпатий не вызвал. Но симпатии симпатиями, а дело есть дело. Главное — заполучить солдат. Стороны поторговались и договорились.

— Понимаешь, — сказал Антипатр, заинтригованный тем, что тощая маленькая девчонка из вырождающегося семейства говорит с ним на безупречном арамейском наречии, — я очень сомневаюсь, что у Помпея Магна имеются шансы победить таинственного выходца с Запада.

— Выходца с Запада? — лениво переспросила Клеопатра, вонзая зубы в гранат.

— Да. Так мы с Иродом зовем Гая Юлия Цезаря, покорившего дальний Запад. Теперь посмотрим, как у него все сложится на Востоке.

— Гай Юлий Цезарь? Я знаю о нем очень мало. Мне только известно, что он когда-то наделил моего отца статусом друга и союзника Рима, чем подтвердил его право на трон. За немалую цену. Расскажи мне, каков он.

— Каков Цезарь? — Антипатр наклонился, чтобы ополоснуть руки в золотом тазу. — Он римлянин, но в любом другом месте его бы провозгласили царем. Отпрыск древнейшего и очень знатного рода, восходящего к Афродите и Аресу.

Желто-зеленые глаза дремлющей львицы расширились. И прикрылись ресницами.

— Тогда он — бог.

— Не для иудеев, конечно, но... да, пожалуй... на некоторую степень божественности, я думаю, он мог бы претендовать, — медленно проговорил Ирод, постукивая по чаше с орехами ногтями, покрытыми хной.

Какие они тщеславные, все эти сирийские маленькие народности! Ведут себя так, словно пуп земли находится здесь, в Иерусалиме! Или где-то поблизости. А это не так. Он даже не в Мемфисе. И не в Александрии. Ближе всего к нему, наверное, все-таки Рим.

С армией в двадцать тысяч человек царица Александрии и Египта прошла через Рафию и по прибрежной дороге между большим соленым

озером Сирбонис и морем дошла до Касиевой горы-дюны в десяти милях от Пелузия. Здесь и решится вопрос, кто будет сидеть на египетском троне, а кто нет. У Клеопатры был доступ к пресной воде и возможность неплохо снабжаться. Антипатр с Иродом скупали по всей Сирии продовольствие и отправляли к ней. За хорошие комиссионные, разумеется, на которые она не скупилась.

Ахилл со своей армией выступил ей навстречу. В середине сентября он прибыл к Касиевой горе и окопался. Осторожный солдат, он хотел измотать Клеопатру, прежде чем вступить в бой. К середине лета жара достигнет пика, и наемники станут больше думать о домашней прохладе, чем о сражении. Вот тогда-то он их и сокрушит.

К середине лета! К следующему разливу!

Клеопатра металась по тесной мазанке, ей не терпелось поскорее со всем покончить. Прежний мир рушился! Выходец с Запада победил Гнея Помпея Магна при Фарсале! Но как, сидя в пыли у какой-то горюшки, она может встретиться с ним? Вот будучи в силе и восседая на троне, она могла бы его пригласить. Римляне любят ездить в Египет, их манит в нем все: крокодилы, гиппопотамы, блеск древних сокровищ. Клеопатра вздохнула, и слезы сами собой потекли по ее исхудалому, измученному лицу. Она уже смирилась с тем, что Нил опять оставит Египет без пищи. Но Хаэм безупречен как предсказатель. Гай Юлий Цезарь, бог с Запада, обязательно посетит ее. Только прежде ей следует стереть своих врагов в порошок.

Помпей появился возле Пелузия за два дня до своего пятьдесят восьмого дня рождения и увидел, что старая, заброшенная гавань забита египетскими военными галерами и транспортными судами. Никакой надежды подойти к берегу. Он и Секст в изумлении смотрели на это столпотворение.

— Попахивает гражданской войной, — сказал Секст.

— Этот запах уже не по мне, — сказал, усмехнувшись, Помпей. — Надо послать кого-нибудь на разведку, а потом мы решим, как нам поступить.

— Не лучше ли сразу направиться в Александрию?

— Может и лучше, но мои капитаны говорят, что у нас кончается еда и вода. Так что надо пополнить запасы.

— Я сплаваю, — предложил Секст.

— Нет, поедет Филипп.

Секст обиделся. Отец слегка хлопнул его по плечу.

— Ты сам виноват Секст, так что не дуйся. Сколько раз я тебе повторял: изучай языки. Твой греческий смехотворен, а Филипп родом из Сирии. Он будет здесь, как рыба в воде.

Гней Помпей Филипп, рослый, светловолосый вольноотпущенник, внимательно выслушал господина, кивнул и, не задавая вопросов, полез через борт.

— На берегу неразбериха, Гней Помпей, — доложил он через пару часов. — Там собралось пол-Египта. Армию царицы и армию царя разделяет лишь Касиева гора. В Пелузии говорят, что они вот-вот накинута друг на друга.

— Интересно, откуда в Пелузии об этом известно? — спросил Помпей.

— Малолетний царь прибыл сюда, а цари просто так не болтаются по захолюстьям. Сам он слишком мал, чтобы вести войска в бой. Ими командует какой-то Ахилл. Но очевидно, в Египте сражение без царя не сражение. Поэтому все думают, что оно на носу.

Помпей сел и написал малолетнему царю Птолемею, что хотел бы увидеться с ним.

Остаток дня прошел, а ответа все не было, и Помпей помрачнел. Два года назад это письмо подействовало бы как удар пики в задницу. В любом месте, кроме, разумеется, вершины горы Олимп. А теперь даже ребенок задвигает его в дальний ящик.

— Интересно, сколько времени положил бы на ожидание Цезарь? — с горечью спросил он у жены.

Она похлопала его по руке.

— Магн, не стоит переживать. Это ведь египтяне, странные люди. У них свой этикет. А о Фарсале тут вряд ли кто знает.

— Не обманывай себя, Корнелия. О Фарсале сейчас, я думаю, уже знают и у парфян.

— Все равно ложись спать. Завтра все прояснится.

Письмо Помпея, отданное Филиппом самому младшему придворному клерку, ползло по ступеням бюрократической иерархии несколько долгих часов и лишь к закату доползло до канцелярии,

которой ведал Потин. Писец машинально проверил, цела ли печать, и застыл. Голова льва: ГН ПОМП МАГ вокруг гривы!

— Серапис! Серапис!

Он бросился к секретарю, который помчался к Потину.

— Господин! — крикнул он, протягивая тому свиток. — Письмо от Гнея Помпея Магна!

Одетый в льняное просторное домашнее платье Потин вскочил с ложа, схватил свиток и, не веря своим глазам, уставился на печать. Письмо от Магна! От самого Помпея Великого!

— Пошли за Феодотом и Ахиллом, — приказал он, надламывая красный воск.

Дрожащими руками он развернул свиток и попытался разобрать небрежно-размашистый почерк. Смысл греческих фраз плохо доходил до него.

Когда пришли Феодот и Ахилл, он сидел, глядя в окно с видом на гавань. На пристани еще толпился народ, но он неотрывно смотрел на три стоявшие в отдалении триремы.

— В чем дело? — спросил Ахилл.

Он был в равных долях македонцем и египтянином. От первых ему достался рост, от вторых — смуглая кожа. Гибкий и стройный в свои тридцать пять, он твердо знал, что должен разбить Клеопатру. Иначе крах, вечная ссылка, но скорее всего смерть.

— Видишь эти три корабля?

— С верфей Памфилии, судя по их обводам.

— Ты знаешь, кто на борту одного из них?

— Понятия не имею.

— Гней Помпей Магн.

Феодот вскрикнул и упал в кресло. Ахилл прижал мускулистые руки к груди, точнее, к коже кирасы.

— Серапис!

— Вот именно.

— Чего он хочет?

— Аудиенции у царя. Он плывет в Александрию.

— Царь должен быть здесь, — сказал Феодот, с трудом поднимаясь. — Я приведу его.

Ни Потин, ни Ахилл не протестовали. Царь все равно одобрит все, что бы они ни решили. Зато потом всегда можно будет сослаться на

высшее монаршее повеление.

Тринадцатый Птолемей переел сладкого и чувствовал себя плохо. Но когда ему доложили, кто находится на одной из трех трирем, он мгновенно ожил, глаза заблестели.

— О-о! Я увижу его, Феодот?

— Там поглядим, — ответил уклончиво воспитатель. — А теперь садись, слушай и не перебивай нас. Великий царь, — добавил он, чуть помедлив.

Потом сел в кресло и посмотрел на Ахилла.

— Сначала выскажись ты. Что нам теперь делать?

— Ну, в его письме ничего тревожного нет. Только просьба об аудиенции и о свободном проходе в Александрию. У него три военных корабля и, без сомнения, сколько-то там солдат. Но это совсем не повод для беспокойства. Я думаю, надо дать ему аудиенцию и позволить следовать дальше. Это ведь только формальность. Он так и так поплывет в Африку, к своим друзьям.

— А тем временем, — взволнованно сказал Феодот, — станет известно, что он искал у нас помощи и был принят царем. Он ведь не победил при Фарсале, он потерпел там поражение! Можем ли мы позволить себе оскорбить его победителя, Гая Юлия Цезаря?

Красивое лицо Потина было спокойным. Он с равным вниманием выслушал и того и другого, потом подвел итог:

— Пока доводы Феодота весомее. А что ты думаешь об этом, великий царь?

Двенадцатилетний царь Египта с торжественным видом нахмурился.

— Я согласен с тобой, Потин.

— Хорошо! Феодот, продолжай.

— Подумайте хорошенько! Помпей Магн разбит. Разгромлен в борьбе за власть в Риме, самом мощном и сильном из известных нам государств. По переданному Сулле завещанию покойного царя Птолемея Александра, Египет отошел к Риму, но Александрия опротестовала его. Марк Красс попытался нас урезонить, но мы ему не поддались, а потом кое-кому дали взятку, чтобы подтвердить права Авлета на трон. Вы помните, кому мы ее дали? — Его накрашенное лицо исказилось. — Гаю Юлию Цезарю. Тому самому человеку, который, можно сказать, теперь правит миром. Можем ли мы с ним не

считаться? Да он одним щелчком лишит нас независимости. Речь идет не только о нас, но и о Египте с его древней историей, с его образом жизни. Мы идем по лезвию бритвы! Нам нельзя не оглядываться на Рим.

— Ты прав, Феодот, — резко сказал Ахилл. Он провел по зубам костяшки пальцев, потом прикусил их. — У нас здесь своя война — семейная, тайная! Нам вовсе не следует привлекать к ней внимание Рима. Иначе Рим может решить, что мы не способны управиться с собственными делами. То завещание все еще существует. Оно все еще в Риме. Я предлагаю завтра на рассвете послать Гнею Помпею Магну ответ, что он может плыть по своим делам. Как частное лицо, без приемов и аудиенций.

— Что ты думаешь, великий царь? — спросил Потин.

— Ахилл прав! — вздохнул тринадцатый Птолемей, потом вздохнул еще тяжелее. — Но мне так хотелось увидеть его!

— Феодот, ты хочешь сказать еще что-то?

— Да, Потин.

Воспитатель встал с кресла и, обойдя стол, сел рядом с царем. Он стал перебирать густые, темного золота волосы Птолемея Тринадцатого, потом пальцы его скользнули к гладкой мальчишеской шее.

— Я не думаю, что предложение Ахилла разумно. Конечно, могущественный Цезарь не будет преследовать Помпея сам. У правителя Рима есть для этого флот, легионы и сотни легатов. Как мы знаем, в настоящий момент он в провинции Азия и ведет себя там как царь.

Глаза царя-ребенка закрылись. Он прислонился к педагогу и заснул.

— Почему бы, — вкрадчиво спросил Феодот, растягивая ярко-красные губы, — почему бы нам не послать могущественному Цезарю подарок от египетского царя? Голову его врага? — Он с деланным простодушием захлопал накрашенными ресницами. — Говорят, мертвые не кусаются, а?

Наступило молчание. Потин переплел руки и застыл, внимательно их разглядывая. Потом поднял голову.

— Да, Феодот. Мертвые не кусаются. Мы отправим Цезарю этот дар.

— Но как нам все это обстригать? — спросил Феодот, очень довольный, что столь замечательное предложение внес именно он.

— Предоставьте это мне, — быстро сказал Ахилл. — Потин, напиши письмо Помпею Магну от имени царя с согласием на аудиенцию. А я с его помощью выманю Помпея на берег.

— Он может и не поплыть с тобой без охраны, — так же быстро произнес Потин.

— Он поплывет. Видишь ли, я знаю одного давнего знакомого Помпея. Он римлянин. И Помпей поверит ему.

Наступил рассвет. Помпей, Секст и Корнелия без особого удовольствия позавтракали черствым хлебом и запили его чуть солоноватой водой.

— Будем надеяться, — сказала Корнелия, — что мы здесь хотя бы пополним запасы.

Появился сияющий вольноотпущенник.

— Гней Помпей, пришло письмо от царя! На дорогом папирусе!

Печать была сорвана. Да, папирус и впрямь не дешевый! Помпей впился в текст. Потом вскинул голову.

— Мне дадут аудиенцию. Через час пришлют судно. — Он вдруг испугался. — О боги! Мне надо побриться! И где моя парадная тога! Где мой камердинер? Филипп, разыщи его поскорее!

Он стоял, одетый так, как и полагается проконсулу Рима, в ожидании, когда от берега отчалит величественная позолоченная барка. Рядом стояли Корнелия Метелла и Секст.

— Секст, — вдруг сказал он.

— Да, отец?

— Ты не хотел бы чем-нибудь сейчас заняться?

— Например?

— Ну, сходи на корму, помочись через борт! Или поковыряй в носу! Займись чем-нибудь, что даст мне минутку побыть с Корнелией!

— О! — усмехнулся Секст. — Да, отец. Конечно, отец. Я исчезаю.

— Он хороший парень, — сказал Помпей, — только чуть туповатый.

Три месяца назад Корнелия Метелла отнеслась бы к подобной реплике с высокомерным пренебрежением, но сейчас она рассмеялась.

— Этой ночью ты сделала меня очень счастливым, Корнелия, — сказал Помпей, обнимая ее за талию.

— Это ты сделал меня очень счастливой женщиной, Магн.

— Может быть, любовь моя, нам следовало отправиться в морской вояж раньше? Просто не знаю, что бы я делал сейчас без тебя.

— И без Секста, — быстро добавила она. — Он замечательный.

— И больше подходит тебе по возрасту, чем я! Завтра мне исполнится пятьдесят восемь.

— Я очень его люблю, но Секст еще мальчик. Мне нравятся мужчины постарше. Я пришла к выводу, что ты мне идеально подходишь.

— В Серике мы с тобой все наверстаем!

— Я тоже так думаю.

Они прильнули друг к другу и так стояли, пока не вернулся нахмуренный Секст.

— Уже больше часа прошло, отец, но я не вижу никакой царской барки. Только какую-то шлюпку.

— Она направляется к нам, — сказала Корнелия Метелла.

— Значит, за мной, — сказал Помпей.

— За тобой? — переспросила она ледяным тоном. — Нет, никогда!

— Ты должна помнить, что я уже не Первый Человек в Риме. Просто усталый старый римский проконсул.

— Но не для меня! — сквозь зубы процедил Секст.

К этому времени гребная лодка немного больше шлюпки пристала к борту триремы. Человек в кирасе, стоящий на корме, поднял голову.

— Мне нужен Гней Помпей Магн! — крикнул он.

— Кому это — мне? — спросил с вызовом Секст.

— Я генерал Ахилл, главнокомандующий царя Птолемея Тринадцатого.

— Поднимайся на борт! — крикнул Помпей, указывая на веревочный трап.

Корнелия Метелла с силой ухватила за его правую руку. Он удивленно посмотрел на нее.

— В чем дело?

— Магн, мне это не нравится! Чего бы ни хотел этот человек, отошли его обратно! Пожалуйста, прикажи поднять якорь! Давай

уплывем! Я лучше буду есть черствый хлеб всю дорогу до Утики, чем останусь тут!

— Ну-ну, все хорошо, — осторожно высвобождаясь, сказал Помпей.

Ахилл легко перепрыгнул через леер. Помпей с улыбкой вышел вперед.

— Добро пожаловать, генерал Ахилл. Я — Гней Помпей Магн.

— Я вижу. Это лицо нельзя не узнать. Твои бюсты и статуи стоят повсюду! Даже в Экбатане, судя по слухам.

— Не долго им осталось стоять. Скоро их заменят статуями Цезаря, я полагаю.

— Только не в Египте, Гней Помпей. Ты — великий герой и кумир нашего малолетнего властелина. Он так обрадовался, что увидит тебя, и всю ночь не спал.

— А он не мог прислать что-нибудь получше этой скорлупки? — проворчал Секст.

— Ах, это все из-за хаоса в гавани, — добродушно ответил Ахилл. — Везде военные корабли. Один из них, увы, протаранил случайно барку Птолемея. Результат — эта шлюпка.

— А меня в ней не окатят водой? Я же не могу предстать перед царем Египта в мокрой тоге, — весело сказал Помпей.

— Ты будешь абсолютно сухим, — заверил Ахилл.

— Магн, пожалуйста, не ходи! — прошептала Корнелия.

— Я согласен, отец, это же оскорбительно! — поддержал мачеху Секст.

— Поверь, — сказал Ахилл, широко улыбаясь и демонстрируя отсутствие двух передних зубов, — лишь обстоятельства вынудили меня взять шлюпку, ничего больше. Я даже привез с собой твоего знакомца, чтобы рассеять все опасения, которые могут возникнуть. Видишь мужчину в форме центуриона?

Зрение Помпея было уже не таким острым, как в молодости, но он прищурился — и громко вскрикнул! Радостно, без стеснения, как истинный уроженец Пицена. (Цезарь сказал бы, как галл.)

— О-о! Я не верю глазам! — Он повернулся к Сексту и Корнелии, лицо его сияло. — Знаете, кто там? Луций Септилий! *Primus pilus* из легиона Фимбрии! Мы прошли с ним и Понт, и Армению! Я много раз

его награждал! А потом мы почти дошагали до Каспия! Но повернули, нам там не понравилось. Эй! Луций! Эй!

Такую радость гасить было неудобно, и потому Корнелия ограничилась обыкновенными напутственными словами вроде «будь осторожен и много не пей». А Секст в это время перебросился парой слов с двумя центурионами из первого легиона, которые настояли на своем праве сопровождать генерала.

— Не выпускайте его из виду, — шепнул он парням.

— Пошли, Филипп, пошли! — заторопился Помпей, размашисто перешагивая через леер и ничуть не заботясь о целостности проконсульской тоги.

Ахилл, спустившийся первым, провел Помпея в нос лодки.

— Самое сухое место, — пояснил он весело.

— Септилий, мошенник, садись рядом со мной! — крикнул Помпей, подвинувшись. — Как же я рад тебя видеть! Ну, говори, что ты делаешь в этой глуши?

Филипп и его личный раб заняли скамью в центре лодки — между двумя из шести гребцов. Два центуриона эскорта и генерал-египтянин устроились на корме.

— Осел здесь с людьми Авла Габиния, — сказал Септилий, совсем седой и слепой на один глаз ветеран. — И едва выжил после истории с сыновьями Бибула. Зачинщиков бунта казнили... ну, да ты знаешь. Рядовых послали служить в Антиохию, а нас — мелкую офицерскую сошку — генерал Ахилл взял к себе. Теперь я — *primus pilus* в набитом евреями легионе.

Помпей поболтал с ним еще, но шлюпка шла очень медленно, и он решил проштудировать свою речь. Ведь говорить придется с мальчишкой, к тому же на греческом языке. Дело ответственное. Он окликнул Филиппа.

— Передай-ка мне свиток!

Филипп молча полез за пазуху. Помпей углубился в детальное изучение того, что успел набросать еще вчера.

Совсем неожиданно приблизился берег. Помпей поднял глаза.

— Надеюсь, шлюпку вытащат из воды, чтобы я не замочил обувь, — засмеялся он, обращаясь к Септилию и готовясь к толчку.

Гребцы были отменные, шлюпка вылетела на грязный берег и замерла.

— Ап! — искренне веселясь, воскликнул Помпей.

Ночь с Корнелией была изумительной, и впереди еще много таких же ночей. В Серике, в новой жизни, где старый солдат сможет обучать восхищенных туземцев римским ухваткам. Говорят, там есть люди, у которых головы растут прямо из плеч. И двухголовые, и с одним глазом во лбу. Морских змеев он еще тоже не видел. Но увидит. О, чего он только там не увидит! В странах рассвета очень много чудес.

«Можешь взять себе Запад, Цезарь! Я уйду на Восток! Серика и свобода! Что знают жители Серики о Пицене, о Риме? Ничего или очень мало. Мужлан из Пицена в их глазах будет равен Корнелиям или Юлиям!»

Что-то хрустнуло, лопнуло, разорвалось. Помпей, уже стоя одной ногой на песке, повернул голову. Луций Септилий смотрел на него. Теплая жидкость полилась по ногам. На секунду ему показалось, что он обмочился, потом в ноздри ударил густой узнаваемый запах. Кровь? Его кровь? Но больно не было. Ноги Помпея вдруг ослабели, и он ничком повалился в сухую грязь. «Что это? Что со мной?» Кто-то рывком перевернул его на спину, блеснул меч.

«Я — римский аристократ. Никто не должен видеть мое лицо в момент смерти. А также то, что делает мужчину мужчиной. Я должен умереть, как подобает!» Одной рукой он постарался прикрыть того бедра, другой накрыл складкой тоги лицо. Острие меча вошло в его грудь. Помпей замер.

Ахилл нанес по удару в спину обоим центурионам. Но убить двоих одним махом трудно. Завязалась борьба. Задние гребцы поспешили на помощь. Оцепеневшие Филипп и раб вдруг поняли, что их вот-вот тоже убьют. Они вскочили, выпрыгнули из лодки и убежали.

— Я их догоню, — предложил Луций Септилий.

— Двух глупых греков? — усмехнулся Ахилл. — Что они смогут сделать? Зачем они нам?

Поблизости ожидала небольшая группа рабов. Большой глиняный кувшин стоял рядом с ними. Ахилл вскинул руку. Рабы взяли кувшин и поволокли по песку.

А тем временем Септилий стянул складку тоги с головы мертвеца и увидел, что выражение лица мирное, черты не искажены. Он приставил острие окровавленного меча к горловине туники и рассек ее до талии. Да, так и есть. Второй удар был верней. Точно в сердце.

— Будет трудненько отрезать голову при таком положении тела, — сказал он. — Эй, кто-нибудь, притащите кусок плавника!

Принесли бревнышко, облизанное волнами. Септилий подsunул его под шею Помпея, поднял меч и отрубил голову своему бывшему генералу, чисто и аккуратно. Голова откатилась. Тело сползло на песок.

— Никогда не думал, что мне придется убить его. Смех, да и только. Хорошие генералы должны умирать не так. Правда, каким генералом он уже не был. Ты хочешь положить голову в этот горшок?

Ахилл кивнул. На него все это подействовало сильнее, чем на римского центуриона. Когда Септилий потянул голову за волосы, Ахилл невольно всмотрелся в лицо мертвеца. Тот словно думал... о чем он мог думать? Ответа этот вопрос не имел.

Широкогорлый кувшин был наполнен окисью натрия — жидкостью, в которой бальзамировщики месяцами выдерживали выпотрошенные тела. Один из рабов поднял деревянную крышку. Септилий опустил в кувшин голову и отскочил, ибо через края полилось.

Ахилл кивнул. Рабы взяли кувшин за плетеные ручки и понесли. Гребцы столкнули свою лодку в море и погребли прочь от берега. Луций Септилий отер меч о сухую траву, сунул в ножны и пошел следом за египтянами.

Через несколько часов вольноотпущенник и раб прокрались к месту, где лежало обезглавленное тело их господина. Кровь засохла, тога приобрела бурый цвет, но сквозь нее все еще что-то сочилось.

— Мы застряли в Египте, — сказал раб.

Полуослепший от пролитых слез Филипп поднял голову.

— Застряли?

— Да, застряли. Они уплыли, наши триремы. Я видел.

— Тогда только мы можем его проводить. — Филипп огляделся, кивнул. — По крайней мере, здесь есть плавник. Место пустынное. Неудивительно, что его много.

Они трудились, пока не сложили погребальный костер высотой шесть футов. Нелегко было положить наверх тело. Но они справились.

— У нас нет огня, — сказал раб.

— Тогда сходи и попроси у кого-нибудь.

Уже стемнело, когда раб вернулся, неся дымящееся металлическое ведро.

— Мне не хотели давать это ведро, но я сказал, что нам нужно сжечь Гнея Помпея Магна, и они дали.

Филипп разбросал горящие угли. Посеребренные морем обломки разбитых судов понемногу затлели. Он еще раз осмотрел тело хозяина, заботливо подоткнул края тоги и отошел.

Огонь разгорелся не скоро, но, когда плавник занялся, жар его высушил новый поток слез Филиппа.

Уставшие, они улеглись на некотором расстоянии от костра и уснули. Им не было холодно. В безветренном воздухе жар расползлся далеко. А на рассвете, найдя на месте костра еще горячие черные головешки, они залили их морской водой, используя ведро, которое принес раб. Потом стали собирать прах Помпея.

— Я не могу отличить, где прах, а где пепел, — сказал раб.

— Есть разница, — терпеливо объяснил Филипп. — Дерево крошится. Кости — нет. Спроси меня, если усомнишься.

Что нашли, то сложили в ведро.

— А теперь что мы будем делать? — спросил бедняга-раб, умевший только мыть и скрести.

— Мы пойдем в Александрию.

— У нас нет денег, — сказал раб.

— Хозяин всегда доверял мне свой кошелек. Он и сейчас у меня. Голодными мы не будем.

Филипп поднял ведро, взял раба за руку, и они пошли по берегу. Прочь от Пелузия, позабывшего, что такое покой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Исследуя описываемый в книге период времени, очень хорошо задокументированный в древних источниках, я должна была действовать избирательно, не пересказывая подробно все события, чтобы сохранить объем произведения в рамках, приемлемых для моих издателей. «Записки» Цезаря о событиях в Длинноволосой Галлии и о его войне против Помпея Великого очень обогатили собранный мною фактологический материал.

Вряд ли есть сомнения насчет того, что «Записки о галльской войне» являются донесениями Цезаря в Сенат. Сейчас спор идет о том, опубликовал ли Цезарь эти донесения все сразу, в начале 51 года до Р. Х., или публиковал их порционно в течение нескольких лет. Я выбрала первый вариант, то есть сочла, что он опубликовал первые семь книг одним томом.

Количество деталей в «Записках о галльской войне» пугает, как и количество приводимых имен. Поэтому я решила опустить имена, встречающиеся в его труде один раз. Квинт Цицерон, например, в зимнем лагере на берегу реки Мозы имел в подчинении ряд военных трибунов, но я решила их не перечислять. То же можно сказать о Сабине и Котте. Цезарь всегда больше заботился о своих центурионах, чем о военных трибунах, и я последовала его примеру там, где избыток схожих имен может только запутать читателя.

Есть у меня и отклонения от «Записок», в некоторых местах довольно серьезные. Это относится к Квинту Цицерону, в конце 53 г. до Р. Х. пережившему тяжелое испытание, удивительно похожее на события в зимнем лагере в начале того же года. Снова он оказался в осаде, на этот раз в крепости Атватука, откуда убежали Сабин и Котта. В интересах краткости я поменяла этот инцидент на встречу с сиграмбрами на марше. Я также переименовала номер его легиона (с четырнадцатого на пятнадцатый), поскольку потом было бы трудно понять, какой легион Цезарь ведет с такой спешкой из Плаценции в Агединк. В переход Цезаря через зимний Севеннский хребет также (в интересах все той же краткости) были внесены изменения.

Другие, менее важные отступления имели место в результате неточностей, допущенных самим Цезарем. Его оценки расстояний, например, порой очень сомнительны, так же как и некоторые описания происходившего. Дуэль между центурионами Пуллоном и Вореном была мной упрощена.

Одной из больших загадок Галльской войны является небольшое количество атребатов, которых царь Коммий сумел привести к Алезии. Я не смогла найти никаких упоминаний о битве, в которой они бы в массе погибли. До провокации Лабиена Коммий и его атребаты были на стороне Цезаря. Возможно, они в большинстве своем пошли на помощь паризиям, авлеркам и белловакам — вот то единственное, что пришло мне на ум. Тит Лабиен истребил те мятежные племена, пока Цезарь занимался Герговией и Новиодуном Невирном. Вероятно, мы должны читать «атребаты» там, где начертано «белловаки», поскольку белловаки остались живы, причем в количестве вполне достаточном, чтобы опять причинять неприятности Риму.

Опять же в интересах простоты чтения я не очень старалась уточнять для читателя, какие именно племена входят в состав больших галльских конфедераций, таких как треверы (медиоматрики и т. д.), эдуи (амбарры, сегусиавы), арморики (много племен — от эзубиев до венетов и венеллов).

Несколько лет спустя после смерти Цезаря в Риме появился человек из Длинноволосой Галлии, который утверждал, что он его сын. Согласно источникам, физически он весьма походил на Цезаря, исходя из чего я сочинила историю о Рианнон, родившей Цезарю сына. Эта история служит двум целям. Первое — подкрепить мою точку зрения, что Цезарь мог иметь детей (просто он едва ли задерживался в чьей-либо постели на достаточный для зачатия срок). Второе — в какой-то мере описать жизнь и обычаи кельтских галлов. Аммиан чрезвычайно информативен, хотя это и более поздний источник.

Существует много статей, пытающихся найти ответ на вопрос, почему Тит Лабиен не пошел с Цезарем, а примкнул к Помпею Великому. Многие исходят из тех фактов, что Лабиен был клиентом Помпея, поскольку родился в Пицене, и что он являлся ручным плебейским трибуном Помпея в 63 году до Р. Х. Однако почему-то

отмечается то, что Лабиен работал на Цезаря гораздо дольше и эффективней, чем на Помпея, даже будучи плебейским трибуном. К тому же Лабиен больше выгадывал от союза с Цезарем, чем с Помпеем. Всюду считается, что это Лабиен сказал Цезарю «нет», но почему, интересно, не могло быть иначе? Почему Цезарь не мог сказать «нет» Лабиену? Последнему мнению, кстати, есть подтверждение в восьмой книге «Записок о галльской войне». Она написана не самим Цезарем, а фанатично ему преданным Авлом Гиртием. Гиртий, в частности, пеняет на то, что Цезарь в своей седьмой книге не упоминает о попытке Лабиена очернить и убить царя Коммия. Лабиен совершил подлый, бесчестный поступок, пишет Гиртий. Я думаю, что и Цезарь его не одобрил. Сам он в Укселлодуне тоже совершил нечто ужасное, но открыто, никого не обманывая, никому не пытаясь замазать глаза. А Лабиен подл и коварен. Все свидетельства говорят мне о том, что Цезарь лишь терпел Лабиена в Галлии, используя его военный талант, но не захотел видеть его в своем лагере, когда пошел на Помпея войной. Для Цезаря политический союз с Лабиеном чем-то походил на брак с коброй. Именно он сказал «нет»!

Также свидетельства говорят в пользу Плутарха, а не Светония относительно того, что именно сказал Цезарь, прежде чем перейти Рубикон. Поллион, который при этом присутствовал, утверждает, что Цезарь процитировал тогда строфу из греческого поэта и драматурга Менандра, причем на греческом, а не на латыни. Он сказал: «Пусть решит жребий!», а не: «Жребий брошен». Я считаю, этому можно верить. «Жребий брошен» — в этом есть что-то фатальное, мрачное. А «Пусть решит жребий!» — это пожимание плечами, допущение, что все может выйти и так, и этак. Цезарь не был фаталистом. Он шел на риск.

«Записки о гражданских войнах» не вызвали у меня желания что-либо переиначивать на свой лад. И только в одном случае я поменяла последовательность событий, заставив Афрания и Петрея возвратиться к Помпею раньше, чем они к нему прибыли на самом деле. Причина — чтобы читателю было удобнее следить за ходом событий.

Теперь о картах. В основном там все понятно. Только «Аварик» и «Алезия» нуждаются в некоторых пояснениях.

Наше представление об этих бессмертных событиях основано главным образом на картах XIX века и макетах, сделанных примерно в период, когда Наполеон III писал книгу «Жизнь Цезаря». Он велел полковнику Штоффелю «перерыть» всю Францию в поисках бывших лагерей Цезаря и мест сражений.

В некоторых деталях я отошла от этих карт и макетов.

Относительно Алезии, где раскопки доказали, что Цезарь ничуть не приврал, моя графическая версия отличается от версии Штоффеля в двух моментах, ничуть, кстати, не противоречащих записям Цезаря. Во-первых, это римские кавалерийские лагеря. У Штоффеля они показаны как обособленные и не привязанные к воде единицы, хотя совершенно понятно, что связь с фортификациями Цезаря у них должна была быть, а через территорию каждого лагеря должна была протекать какая-то речушка, причем такая, какую галлы не могли перекрыть. Руслы рек смещаются за столетия, поэтому мы не знаем, где именно возле Алезии две тысячи лет назад пробегала вода. К тому же аэросъемки показали, что римские фортификации были стандартными и все их ребра и линии стремились к прямой. Поэтому я придала лагерям прямоугольную форму, а не расплывчато-произвольную, как это делает Штоффель. Во-вторых, я все же думаю, что лагеря Ребила и Антистия замыкали кольцо римских фортификаций, а потому и нарисовала их именно там, где сочла правильным, несмотря на то что Штоффель изображает их далеко в стороне, создавая впечатление, что кольцо вообще не было замкнуто. Я не допускаю и мысли, что Цезарь мог так сплеховать. Заткнуть брешь лагерем (пусть уязвимым) там, где нельзя протащить сплошной вал, — это имеет смысл.

Что касается Аварика, то отклонений от общепринятого макета четыре. Во-первых, я не нашла причин не поднять перемычку между фланговыми осадными стенами на высоту этих стен, чтобы войска могли драться везде. Во-вторых, я решила, что осадные башни не должны лоб в лоб упираться в защитные. У битуригов, сидящих на рудных месторождениях, железа хватало, чтобы загородиться от римских башен броней. А защитные башни полезней в других местах. В-третьих, я в два раза уменьшила количество фланговых мантелетов: убрала вспомогательные, инженерного свойства, ничуть не облегчающие работу военных. В-четвертых, я не нарисовала ни одного

укрытия на штурмовой перемычке — не потому, что их там не было, а чтобы показать, какова она с виду сама.

Я провожу все исследования сама, но есть несколько человек, которых мне хочется поблагодарить за постоянную помощь. Прежде всего — моего постоянного издателя профессора Алану Ноббс из университета Макгуайра в Сиднее и всех ее коллег. А затем, но не с меньшей искренностью, маленький отряд преданных мне секретарей, домоправителей и мастеров на все руки: Джо Ноббса, Фрэнка Эспозито, Фреда Мейсона и моего мужа Рика Робинсона.

Следующая книга будет названа «Октябрьский конь».

СЛОВАРЬ-ГЛОССАРИЙ

Аварик — самая большая крепость битуригов и, говорят, самая красивая в Косматой Галлии. Теперь это город Бурж.

Авгуры — жрецы, ритуалы которых сначала были связаны с богами плодородия. Они улавливали поданные божеством знаки и толковали их. Для своих предсказаний (авгурий) жрецы пользовались атмосферными явлениями (громом, молнией, зарницей), эхом, наблюдением за поведением диких животных, полетом и голосами птиц, кормлением священных кур (лат. avis — птица, вещая птица, предзнаменование, знак). Особое значение имело гадание по полету птиц (ауспиция). Римские государственные деятели должны были прибегать к ауспиции перед выборами и битвами, чтобы определить, благосклонны ли боги к предстоящему событию. Авгуры образовывали так называемую «коллегию авгуров», состоявшую из шести патрициев и шести плебеев. До введения закона lex Domitia de sacerdotiis (104 г. до н. э.), новые авгуры избирались по решению этой коллегии; после принятия этого закона они избирались публично. Авгуры носили особую тогу — toga trabea и особый посох — lituus, изогнутую палку без единого сучка. Без посоха авгур не мог выполнять свои обязанности.

Авсер — река Серкьо.

Агединк — крепость сенонов. Современный Санс.

Агора (греч. рыночная площадь) — площадь для проведения собраний, центр городской общественной жизни.

Аквитания — земли между рекой Гарумной (Гаронна) и Пиренеями.

Аквы Секстиевы — город в Нарбонской Галлии, ныне Экс-ан-Прованс. Известен в связи с победой, одержанной здесь Гаем Марием над тевтонами в 102 г. до н. э.

Аксона — река Эна.

Алезия — крепость мандубиев. Современный Ализ-Сент-Рен.

Александр Великий — царь Македонии, а затем большей части мира. Родился в 356 г. до н. э., сын Филиппа II и Олимпиады. Его воспитателем был Аристотель. В возрасте двадцати лет после смерти отца он взошел на трон и решил завоевать Малую Азию. Сначала

сокрушил оппозицию в Македонии и Греции, потом в 334 г. до н. э. повел армию в сорок тысяч человек в Анатолию. Освободив там все греческие города-государства от засилья персов, он продолжил победоносный марш и через Сирию, подавляя всяческое сопротивление, прошел в Египет, где, говорят, имел встречу с оракулом бога Амона. В 331 г. до н. э. он двинулся в Месопотамию, чтобы помериться силами с царем Персии Дарием. Дарий потерпел поражение при Гавгамелах, и Александр продолжил завоевание персидской империи, собирая баснословные трофеи. От Каспийского моря он пошел на восток, чтобы завоевать Бактрию и Согдиану, и после трехлетней кампании, которая весьма дорого ему встала, дошел до Гиндукуша. Затем, чтобы упрочить свой успех, он женился на согдианской принцессе Роксане и отправился в Индию. Пенджаб сдался ему после поражения царя Пора на реке Гипас, и он пошел к морю по реке Инд. Грандиозные планы завоевателя нарушило его собственное войско, отказавшись идти далее на восток. Он снова повернул на запад, разделив свою армию. Половина пошла с ним по суше, другая поплыла морем с его маршалом Неархом. Флот потрепали муссоны, а продвижение Александра по Гедросии было плачевным. В конце концов все, что осталось от тех и других, соединилось в Месопотамии. Александр осел в Вавилоне. Там он подхватил лихорадку и умер в 323 г. до н. э. в возрасте тридцати двух лет, а его маршалы принялись раздирать новообразованную империю на куски. Сыну Роксаны, рожденному после смерти отца, ничего не досталось. Есть сведения, что Александру хотелось, чтобы его почитали как бога.

Альба Гельвиор — главный город гельвиев. Рядом с современным городом Ле-Тей.

Альбис — река Эльба.

Амбрус — город в провинции Римская Галлия на Домициевой дороге в Нарбон и Испанию. Это около Люнеля.

Анатолия — Малая Азия (грубо говоря, современная Турция). В этот регион входили древние области Вифиния, Мизия, Провинция Азия, Фригия, Писидия, Памфилия, Киликия, Пафлагония, Галатия, Понт, Каппадокия, Малая Армения.

Аой — река Вьоса в современной Албании.

Аполлония — город, южная граница Эгнациевой дороги, шедшей от Византии и Геллеспонта к Адриатическому морю. Аполлония

расположена у устья реки Аой.

Апс — река Семан в современной Албании. Во времена Цезаря она служила северной границей Эпира и Западной Македонии.

Аравсион — маленькая крепость, подвластная Риму, на восточном берегу реки Родан в Заальпийской Галлии. 6 октября 105 г. до н. э. германцы (кимбры, тевтоны и др.) дали под Аравсионом бой двум римским армиям под командованием Гнея Маллия Максима и Квинта Сервилия Цепиона, которые из-за своей разобщенности потерпели тяжелейшее за всю историю Республики поражение, потеряв 80 тысяч человек. Ныне это город Оранж.

Арар — река Сона.

Ардуэнский лес — Арденнский лес.

Арелат — ныне Арль.

Аримин — ныне Римини.

Арн — река Арно. Некогда обозначала границу между собственно Италией и Италийской Галлией на западной стороне Апеннинского водораздела.

Атрий — первоначально главное помещение в римском доме; главная приемная частного дома. В крыше атрия делалось прямоугольное отверстие, под которым располагался бассейн, использовавшийся как хранилище воды для домашних нужд. Во времена Цезаря он выполнял исключительно декоративную роль.

Бакенский лес — предположительно западная часть Тюрингского леса.

Баллиста — во времена Республики артиллерийский механизм, предназначенный для метания камней и булыжников. Снаряд помещался в своеобразный рычаг в форме ложки, туго оттянутый с помощью веревочной пружины. Когда пружину отпускали, рычаг взлетал вверх и ударялся в мощный упор, посылая снаряд на значительное расстояние в зависимости от размера снаряда и размера самой баллисты.

Белги — те племена галлов, которые произошли от смешения кельтов и германцев. Их религия — друидизм, но они зачастую предпочитали кремацию погребению. Некоторые из белгов, например треверы, продвинулись до стадии ежегодных выборов вергобретов, но большинство все еще подчинялись правлению царей. Титул этот не передавался по наследству, а завоевывался в поединке или других

испытаниях силы. Белги жили в той части Длинноволосой Галлии, которая называлась Белгикой. По-видимому, она начиналась к северу от Секваны и ограничивалась на востоке Рейном.

Бибракт — город ремов близ современного Лана.

Бибракте — главный город эдуев, ныне Отён во Франции.

Бирема — боевая галера с двумя рядами весел. Имела мачту и парус, обычно оставляемый на берегу, если предстояло сражение. Некоторые биремы имели палубу или часть палубы, но в большинстве своем были беспалубными. Вероятно, гребцы сидели в два ряда. В верхнем ряду гребцы пользовались выносными уключинами, а весла в нижнем ряду были просунуты в отверстия в бортах галеры. Построенной из ели или другой легкой древесины биремой можно было управлять только в хорошую погоду, и в сражении она могла участвовать только в штиль. Соотношение длины к ширине было 7:1. В среднем она была около 30 м в длину и требовала 100 гребцов. Укрепленный бронзой острый выступ на носу корабля, сделанный из дуба, выступал далеко вперед ниже ватерлинии и использовался для тарана и потопления вражеских судов. Бирема не предназначалась для перевозки морской пехоты или для абордажа. Во времена Греции, Римской Республики и Римской империи на всех кораблях были профессиональные гребцы. Гребцы-рабы появились только с введением христианства.

Боспор Киммерийский — Керченский пролив.

Брундизий — современный Бриндизи.

Бруствер — строится по верху фортификационной стены (выше человеческого роста). Укрытие для не принимающих участия в сражении.

Бурдигала — крепость аквитанских битуригов близ устья реки Гарумны. Современный Бордо.

Бычий форум — см. Форум.

Валенция — современная Валенсия.

Варвар — представитель нецивилизованных народов и наций. Это понятие, греческое в основе, не относилось к тем, кто жил в Малой Азии или около Средиземного моря. Варварами считались галлы, германцы, скифы, сарматы, массагеты и другие народы степей и лесов.

Везонтион — главный город секванов. Современный Безансон.

Великий понтифик — глава религиозной администрации Римского государства, верховный жрец. Его всегда избирали, однако есть сильное подозрение, что Квинт Цецилий Метелл Пий, бывший верховным понтификом до выборов Цезаря, не проходил процедуру выборов в трибах. В отрывке из трудов Плиния Старшего есть намек, что Квинт Цецилий Метелл Пий заикался — недопустимый недостаток для того, кто должен быть красноречив. Закон *lex Labiena* от 63 г. до н. э., вновь возвращавший выборность коллегий жрецов и авгуров, был очень выгоден для Цезаря, если верно мое мнение насчет того, что великий понтифик тоже должен был отныне выбираться. Цезарь выставил свою кандидатуру и победил сразу после того, как закон *lex Labiena* вошел в силу.

Великий понтифик занимал должность пожизненно. Этот пост могли занимать только патриции; впоследствии на него стали претендовать и выходцы из плебейских родов. Государство выделяло великому понтифику в качестве резиденции великолепный *Domus Publica* в центре Римского Форума. Во времена республики понтифик делил это здание пополам с коллегией весталок. Его официальная штаб-квартира находилась внутри Регии, но в этом небольшом древнем здании не было места для его помощников, поэтому он работал поблизости.

Веллаводун — крепость сенонов. Современный Тригер.

Венера Эруцина — этот аспект Венеры управлял актом любви, особенно в его самом вольном и наименее моральном виде. В праздник Венеры Эруцины проститутки приносили ей жертвоприношения, а преуспевающие проститутки обычно жертвовали деньги в храм Венеры Эруцины.

Венера Либитина — ипостась Венеры, распорядившаяся угасанием жизненных сил. Хтоническое (относящееся к подземному миру) божество, имевшее огромное значение в Риме. Ей был посвящен храм, расположенный за Сервиевой стеной, где-то в центре обширного Римского некрополя на Эсквилинском поле. На прилегающей к храму территории находилась роща, предположительно из кипарисов, ассоциировавшихся со смертью. Рядом располагались конторы распорядителей похорон и могильщиков. В храме хранились списки, в которых регистрировались даты смерти жителей города. Если в Риме по какой-либо причине не имелось избранных консулов, консульские

фасции отправлялись на специальных носилках в храм Венеры Либитины. Топоры, вставлявшиеся в фасции только вне стен Рима, также хранились в святилище.

Венок, венец — атрибут высшей воинской доблести. Вот типы таких венков, приведенные в порядке уменьшения значимости: *corona graminea* — венок из трав, вручался человеку, благодаря которому был спасен легион или, в редких случаях, целая армия; *corona civica* — гражданский венок из дубовых листьев, вручался воину, который спас жизнь товарища по оружию и не отступил до конца сражения; *corona aurea* — малая золотая корона, которая вручалась воину, убившему врага в единоборстве и не отступившему до конца сражения; *corona muralis* — крепостной венок, зубчатый золотой венец, вручавшийся воину, который первым поднялся на стены вражеской крепости во время штурма; *corona navalis* — морской венок, золотая корона, украшенная изображениями кораблей, — награда за заслуги в морской битве; *corona vallaris* — осадный венок, золотая корона тому, кто первым пересек вал вражеского лагеря.

Вергобрет — выборный вождь у галлов. Вергобретов выбирали по двое, сроком на один год. Эта форма правления была популярнее у кельтов, чем у белгов, хотя треверы (тоже племя белгов) ее не чурались.

Весталки. Веста — очень древняя и весьма почитаемая римская богиня, не имевшая ни мифологии, ни образа (изображения). Она была средоточием, центром семейной жизни, а семья являлась фундаментом римского общества. Официальный культ Весты отправлял великий понтифик, но она была настолько важна, что имела собственных священнослужителей — шесть девственных весталок. Весталки отбирались в возрасте от шести до восьми лет, давали обет девственности и служили богине тридцать лет, после чего возвращались в общество. Бывшие весталки могли выйти замуж, но делали это редко, поскольку такой брак, как считалось, не приносил счастья. Непорочность весталок считалась связанной с судьбой всего Рима. Потерявшая невинность весталка была судима особым судом; ее установленный любовник или любовники судились другим судом. Виновную опускали в специально выкопанную подземную камеру и замуровывали там. Осужденного любовника сначала бичевали, а затем распинали на кресте. Несмотря на все ужасы, связанные с потерей девственности, весталки не вели затворнической жизни. С разрешения

и одобрения главной весталки и (в некоторых случаях) великого понтифика они могли даже посещать частные застолья. Коллегия весталок имела равные права с мужскими жреческими коллегиями и посещала все религиозные пиршества. Во времена Республики весталки жили в одном доме с великим понтификом, хотя и отдельно от него и его семьи. Храм Весты на Форуме представлял собой очень древнее маленькое круглое здание. На алтаре Весты постоянно горел огонь, который нельзя было гасить ни при каких обстоятельствах.

Виенна — современная Вена.

Вигемна — река Вьенна.

Вилла — загородный дом зажиточного римлянина.

Виродун — крепость принадлежала клану треверов, известных как медиоматрики. Современный Верден.

Военный трибун — представитель командного состава, который не был избран солдатским трибуном и имел чин ниже легата. В армии служило очень много военных трибунов. Они могли командовать легионами, хотя обычно не командовали. Как правило, они были офицерами кавалерии или выполняли штабную работу при генерале.

Вольноотпущенники — рабы, отпущенные на волю актом освобождения. Если хозяин раба являлся римским гражданином, то освобождение превращало бывшего раба в римского гражданина. Однако гражданские права вольноотпущенников оставались ограниченными, во многих случаях они по-прежнему были обязаны служить своим патронам. Вольноотпущенник принимал имя своего господина, добавляя к нему свое. Чаще всего вольноотпущенники принадлежали к классу мелких производителей и были доверенными лицами своих патронов в деловых и политических предприятиях; многие становились врачами, учителями, банкирами.

Всадники. Во времена правления царей всадники составляли кавалерийские отряды в римской армии. Породистые лошади были тогда очень редки и дороги, поэтому первые восемнадцать центурий всадников получали лошадей от государства. С приходом и расцветом Республики важность кавалерии пошла на убыль. Однако число центурий всадников продолжало увеличиваться. Во II в. до н. э. Рим больше не использовал собственную конницу, предпочитая галльскую вспомогательную кавалерию, а всадники стали социально-экономической группой, имеющей мало общего с армией. Цензоры

теперь определяли этот класс только по имущественным признакам, хотя Сенат продолжал обеспечивать общественными лошадьми восемнадцать сотен наиболее заслуженных всадников. В первых восемнадцати центуриях продолжали служить по сто воинов, остальные центурии всадников (их число колебалось от 71 до 75) разрослись, и в них служило гораздо больше человек.

До 123 г. до н. э. все сенаторы были также всадниками, однако в этом году Гай Гракх определил Сенат как самостоятельный орган, в который входит только 300 человек. Это был во многом искусственный процесс: все не входящие в Сенат члены семьи сенатора по-прежнему считались всадниками, сами же сенаторы не были объединены в три центурии для голосования, а оставались в своих прежних центуриях. У сенаторов не отбирали общественных лошадей, если они входили в число Восемнадцати.

Экономически члены первого класса должны были обладать годовым доходом в 400 тысяч сестерциев. Всадники, обладавшие доходом от 300 до 400 тысяч сестерциев, назывались *tribuni aequarii*. Доход сенаторов должен был составлять 1 миллион сестерциев, хотя это было неофициальное требование, и некоторые цензоры смотрели на это сквозь пальцы.

Реальная разница между сенаторами и всадниками состояла в той деятельности, которой они могли заниматься, чтобы получить доход. Сенаторам было запрещено заниматься любыми видами коммерческой деятельности, не связанными с землевладением.

Гадес — современный Кадис.

Галлия — земля галлов, занимала территорию современной Франции и Бельгии. Существовало четыре Галлии: 1) Римская Галльская провинция (обычно называвшаяся просто Провинцией), которая охватывала побережье Средиземного моря между Никеей (Ниццей) и Пиренеями и включала территорию, вдававшуюся в глубь суши от Севеннского хребта к Альпам до Лугдуна (Лион); 2) земли белгов, лежавшие севернее реки Секваны (Сены) от Атлантики до Рейна; 3) земли кельтов, расположенные к югу от Секваны и к северу от Гарумны (Гаронны); 4) территории, называемые Аквитанией и находящиеся между Гарумной и Пиренеями. Последние три Галлии назывались Длинноволосой Галлией.

Галлия Италийская (Цизальпинская) — Галлия «по эту сторону Альп». Народы Италийской Галлии, расположенной севернее рек Арно и Рубикон между городами Окел на западе и Аквилея на востоке, вели происхождение от галльских племен, вторгшихся в Италию в 390 г. до н. э., и потому, на взгляд консервативно мыслящих римлян, не заслуживали полноценного римского гражданства. Это обстоятельство являлось причиной вечной обиды для италийских галлов, особенно тех, кто жил на северном берегу реки Пад (По). Отец Помпея Великого Помпей Страбон в 89 г. до н. э. даровал полное гражданство всем живущим к югу от Пада, в то время как северяне продолжали довольствоваться статусом неграждан или граждан второго сорта, обладавших латинскими правами. В конце 49 г. до н. э., сразу после получения полномочий диктатора, Цезарь пожаловал римское гражданство всем жителям Италийской Галлии, чем завоевал всеобщую любовь. Однако Италийская Галлия по-прежнему управлялась как провинция, а не как часть собственно Италии.

Гарумна — река Гаронна.

Генава — Женева.

Генус — река Шкумбини в современной Албании.

Гераклея — близ современной Битола в Македонии.

Герговия — главная крепость арвернов, могущественного галльского племени. Около современного Клермон-Феррана.

Германский океан — Северное и Балтийское моря.

Гесориак — порт и деревня на берегу Британского (Дуврского) пролива. Современная Булонь.

Гладиатор (лат. *gladius* — меч) — в эпоху Республики существовало только два вида гладиаторов: фракийцы и галлы. Это были стили борьбы, а не национальные признаки. Республиканские гладиаторы бились не до смерти, поскольку они были выгодным вложением денег. Обучение, питание и содержание гладиаторов стоило дорого. Среди владельцев бойцов были сенаторы и всадники; некоторые из них были настолько богаты, что могли содержать до тысячи и более гладиаторов. Наряду с рабами в боях участвовали дезертиры из римского войска, которым предоставлялся выбор: стать гладиатором или лишиться всех гражданских прав. Гладиатор должен был провести тридцать битв за шесть лет (по пять битв в год), после

чего волен был делать что угодно. Лучшие гладиаторы были настоящими народными героями.

Гладиум — римский короткий меч с обоюдоострым лезвием 60 см длиной и острым концом. Ручка из дерева делалась для рядового солдата. Офицеры, которые могли позволить это, предпочитали ручку из слоновой кости, высеченную в форме орла.

Горгобина — главная крепость боев. Современный Сент-Париз-ле-Шатель.

Дагда — главный бог друидов. Его стихия — вода. Муж великой богини Данн.

Данн — главная богиня друидов. Ее стихия — земля. Жена Дагды, но не ниже его по значению. Она возглавляла пантеон богинь, включающий Эпону, Сулис и Бодб.

Данубий — река Дунай. Римляне лучше знали верховья этой реки, лежащие в Альпах, чем ее низовья при впадении в Эвксинское море. Греки, напротив, лучше знали низовья и называли эту реку Истром.

Декетия — крепость эдуев на реке Лигер (Луара). Современный Десиз.

Декурия — любая группа из десяти человек, будь то сенаторы или простые солдаты.

Демагог — в переводе с греческого «вождь народа», термин, обозначающий политика, который в выступлениях апеллировал к толпе. Влияние демагогов на политическую жизнь общества основывалось не на богатстве или служебном положении, а лишь на ораторских способностях. Римские демагоги предпочитали выступления в Комиции, а не в Сенате. Этот термин использовался для обозначения более радикальных плебейских трибунов в устах консервативных членов Сената.

Денарий (от лат. *deni* — десять) — римская серебряная монета. Содержала около 3,5 г серебра и была очень маленького размера. 6250 денариев составляли талант.

Диадема — головная повязка, белая лента с вышитыми концами, которые часто завершались бахромой. Диадему повязывали вокруг головы, через лоб, располагая узел на затылке. Концы спускались на плечи. Сначала диадема являлась отличительным знаком принадлежности к персидскому царскому дому, позднее стала символом эллинистических правителей, начиная с Александра

Великого, который перенял традицию носить диадему после разгрома персов, отвергнув менее подходящие греческим представлениям тиару и венец.

Диррахий — современный Дуррес.

Друиды — служители друидической религии, которые руководили духовной (а зачастую и светской) жизнью галлов, будь то кельты или белги. Обучение друида занимало двадцать лет и включало различные аспекты их призвания: отправление ритуалов и правосудия, лечение больных и т. д. Письменных наставлений не существовало. Посвященный в друиды оставался друидом всю жизнь. Друидам разрешалось жениться. Являясь властителями дум, они были освобождены от поборов и налогов, от военной службы, а кров и пропитание им предоставляло племя.

Дурокоптор — главный город ремов. Современный Реймс.

Дуумвиры — два высших должностных лица в италийских городах; обладали полномочиями, аналогичными власти консулов в Риме.

Езус — бог войны у друидов. Его стихия — воздух.

«Жаворонок» — название легиона, сформированного Цезарем на свои деньги. Солдаты этого легиона носили на шлемах султаны из перьев.

Ибер — река Эбро.

Игры (лат. ludī) — неперенный атрибут и времяпрепровождение римлян. Обычно игры проводились в Большом цирке. Их устраивали на государственные деньги, за их проведение отвечали определенные магистраты. Игры включали в себя состязания колесниц, травлю зверей и представления, для которых возводились специальные театры. В эпоху Республики гладиаторские бои не считались обязательной частью игр: их приурочивали к погребальным церемониям и проводили не в цирке, а на Римском Форуме. Свободные римские граждане, мужчины и женщины, могли посещать любые виды игр, но вольноотпущенникам вход был запрещен: цирки были не способны вместить еще и их.

Иды — третий из трех дней месяца, имевших свое имя, которые представляли собой дни отсчета в месяце. Даты считали назад от каждого из этих дней — календы, ноны, иды. Иды попадали на пятнадцатый день длинных месяцев (март, май, июль, октябрь) и на тринадцатый день других месяцев.

Икавна — река Йонна.

Илион — римское название Трои.

Иллерда — современная Лерида в Испании.

Иллирия — дикая гористая местность, граничившая на востоке с Адриатикой. Племена, населявшие эту землю, сопротивлялись набегам на побережье сначала греков, а затем римлян. В эпоху Цезаря Иллирия была неофициальной провинцией и управлялась совместно с Итальянской Галлией. Цезарь, долгое время управлявший Иллирией, считался хорошим губернатором, и это подтверждается тем фактом, что иллирийцы остались верны ему в период гражданской войны. Первоначальное название средней части Адриатического побережья, распространившееся затем на весь северо-запад Балканского полуострова от побережья Адриатики до Моравии и от Эпира до среднего течения Дуная.

Император — главнокомандующий римской армии; этот титул присваивался также полководцу, который одержал великую победу. Для того чтобы Сенат дал разрешение на проведение триумфа, полководец должен был доказать, что войска после битвы провозгласили его императором.

Империй (от лат. *imperito* — приказывать, повелевать, требовать) — уровень власти, передаваемый курульным магистратам особым законом *lex curiata de imperia*, причем всего на один год. Консул мог получить только военный империй (право казнить или миловать подчиненных, распространявшееся только за пределами города), претор — только гражданский империй (право юрисдикции, наказания в виде штрафов, заключения в тюрьму и телесных наказаний в черте города). В виде исключения народное собрание могло наделить империем и лиц, не занимающих магистратских должностей. В зависимости от своего ранга магистрат был наделен правом иметь в своей свите определенное количество ликторов: чем больше ликторов, тем выше империй. Ликторы несли в руках фасции и шли впереди магистрата, охраняя его. *Imperium maius* — неограниченный империй, превосходящий империй консула этого года. Главным патроном *imperium maius* был Помпей Магн.

Интеррекс (лат. *interrex* — между царями). Если по каким-то причинам в первый день нового года Рим не имел избранных консулов, Сенат назначал сенатора-патриция, главу декурии, вступить в эту

должность в качестве интеррекса. Интеррекс правил Римом в течение пяти дней, после чего назначался второй интеррекс для проведения выборов. Иногда в результате народных волнений деятельность второго интеррекса оканчивалась ничем и назначался очередной интеррекс.

Италия — Итальянский полуостров. Границей между самой Италией и Итальянской Галлией служили две реки: Арн на западной стороне Апеннин и Рубикон на восточной стороне.

Итий — порт и деревня на берегу Британского (Дуврского) пролива в нескольких милях к северу от порта Гесориак. Обе эти деревни были расположены на территории моринов (племени белгов). До сих пор идет спор, порт Итий теперь Виссан или Кале.

Кабиллон — крепость эдуев на реке Арар. Современный Шалон-сюр-Сон.

Калабрия — плодородный полуостров на юго-востоке современной Италии. Важнейшие города — Брундизий и Тарент. В конце VII в. н. э., после того как германцы частично завладели античной Калабрией, это наименование было перенесено на античный Бруттий. Таким образом, современная Калабрия — это «носок сапога», а в древности она была «каблуком».

Календы — первый из трех дней месяца, имевших свое имя (календы, ноны, иды), которые представляли собой дни отсчета в месяце. Календы всегда падали на первый день месяца. Первоначально они были приурочены ко времени появления новой луны.

Кандавия — гористая область в Иллирии, через которую шла Эгнациева дорога.

Капенские ворота — одни из двух самых важных ворот в Сервиевой стене Рима. Находились за Большим цирком. Дорога, от них уходящая, в полумиле от города раздваивалась на Аппиеву и Латинскую дороги.

Карантомаг — близ современного Вильфранша.

Карины — один из самых богатых кварталов Рима, располагался на западной стороне холма Опий.

Карис — река Шер.

Каркассон — крепость в Римской Галльской провинции на реке Атак. Современный Каркасон.

Картуш — личные иероглифы каждого египетского фараона, заключенные в овал (или прямоугольник со скругленными углами).

Многовековая традиция, закончившаяся на самом последнем фараоне — Клеопатре VII.

Катапульта — во времена Республики артиллерийский механизм для стрельбы очень большими деревянными стрелами. Похожа на арбалет. В «Записках» Цезаря говорится, что катаapultы стреляли метко.

Катафракт — кавалерист, одетый в кольчугу с головы до ног. Его конь также в кольчуге. Катафракты характерны для Армении и Парфянского царства в тот период времени; они были предками средневековых рыцарей. Из-за веса снаряжения лошади использовались очень крупные, их разводили в Мидии.

Квестор — самый нижний чин среди римских магистратов. Возраст, начиная с которого римский гражданин мог претендовать на должность квестора, совпадал с возрастом возможного вхождения в Сенат — тридцать лет. Основные обязанности квестора относились к области финансов: он мог быть направлен в казначейство — Рима или какое-либо второстепенное, мог заниматься таможенными вопросами в портах, управлять финансами в провинции. Консул, который должен был управлять данной провинцией, мог лично просить кого-либо послужить ему в качестве квестора, — это было лестное предложение и верный способ получить данный пост. В обычных условиях срок деятельности квестора был равен одному году; однако если это был личный квестор, то он мог оставаться в провинции до тех пор, пока не закончится срок деятельности призвавшего его правителя. Первый день срока службы — пятый день декабря.

Квинкверема — очень популярная форма древней боевой галеры, также называемая «пятеркой». Как и бирема и трирема, она была намного больше в длину, чем в ширину. Она предназначалась только для ведения боевых действий на море. Бытовало мнение, что она имела пять рядов весел, но теперь почти все согласилось, что ни одна галера никогда не имела больше трех рядов весел и чаще всего имела лишь два ряда. «Пятерка», вероятно, называлась так, потому что на ней было по пять человек на весло или, если было два уровня, по три человека на весло в верхнем ряду и по два человека в нижнем ряду. Если было по пять человек на весло, тогда человек на одном конце весла должен быть очень умелым гребцом. Он направлял весло, и это действительно тяжелая работа. Однако пять человек на весле означало, что при взмахе

веслом гребцы должны были вставать, а когда они тянули весло на себя, они падали на скамьи. «Пятерка», на которой гребцы могли остаться сидеть, должна иметь три ряда весел, как на триреме, по два человека на каждом из двух верхних рядов и один человек на самом нижнем ряду. Видимо, использовались все три вида квинкверем, у каждого сообщества или государства были свои предпочтения. Квинкверема была с палубой, верхний ряд весел — в уключинах; предусматривались также мачта и парус, хотя обычно парус оставляли на берегу, если предстояло сражение. Гребцов было около 270, морской пехоты, вероятно, 30, и если адмирал верил в абордаж, а не в таран, галера могла вместить около 120 солдат вместе с боевыми башнями и катапультами. Как свои меньшие сестры-галеры, «пятерки» использовали профессиональных гребцов и никогда — рабов.

Квинктилий — см. Римский календарь.

Квириты — древнее название римских граждан, употреблявшееся на народных собраниях. Кроме того, словом «квириты» обозначались гражданские лица в противоположность военным.

Кег — мера веса гвоздей, равняется сорока пяти килограммам.

Кельты — группа племен, занимавших обширную территорию в Западной Европе, называемую Длинноволосой (Косматой) Галлией. Они селились к югу от реки Секваны и по численности вдвое превосходили белгов (четыре миллиона против двух). Их жрецами были друиды; при похоронах они предпочитали погребать, а не кремировать тело. Кельтские племена, занимавшие территорию современной Британии, были гораздо меньше ростом и смуглее остальных кельтов, как и многие аквитанские племена. Некоторыми кельтами правили цари, избиравшиеся на советах, но большая часть племен предпочитала избирать ежегодно двух вергобретов.

Кенаб — крепость карнутов на реке Лигер (Луара). Современный Орлеан.

Кимбры — большой союз германских племен, которые проживали в северных областях Кимбрийского полуострова (современная Дания), пока в 120 г. до н. э. не покинули эти места под влиянием изменившихся природных условий. Вместе со своими южными соседями, тевтонами, они отправились искать новую родину. В 113 г. до н. э. разбили римлян при Норее и Норике, в 105 г. до н. э. — при

Аравсионе. В 102 г. до н. э. потерпели поражение от Гая Мария при Аквах Секстиевых.

Кираса — две пластины, обычно из бронзы или стали, но иногда из уплотненной кожи, одна из которых защищает грудь и живот, а другая — плечи и спину. Пластины закреплялись завязками на плечах и по бокам. Некоторые кирасы специально подгонялись с помощью завязок под размер. Высшие армейские чины носили роскошные кирасы, отделанные серебром и золотом. Командующий и его легаты носили также пояса из тонкой красной ткани с металлическими застежками.

Классы. Все население, способное носить оружие, было разделено на пять классов — ценовых разрядов — в зависимости от величины имущества. Первый класс включал самых богатых, пятый — беднейших. Римские граждане, относящиеся к *capite censi*, или неимущим, не принадлежали ни к какому классу и не могли голосовать на Центуриатном собрании. Фактически если большинство представителей первого и второго классов поддерживали какое-либо решение, то третий класс даже не привлекался к голосованию.

Клиент-царь — иностранный монарх, признавший Римское государство как своего патрона. Положение такого монарха определял титул «друг и союзник римского народа». Иногда иностранный монарх находился под патронажем какого-либо влиятельного римлянина. В числе таких римлян были Лукулл и Помпей.

Кодекс — первоначально скорее книга, чем свиток. Свидетельства указывают, что кодекс времен Цезаря составлялся из деревянных пластин с дырками по левому краю, через которые кожаными ремнями их скрепляли вместе. Однако сама длина донесений Цезаря Сенату отрицает использование деревянных пластин. Я считаю, что кодекс Цезаря делался из листов бумаги, сшитых вместе с левого края.

Когорта (лат. группа людей, вереница) — тактическая единица римского легиона, состоящая из шести центурий. Обычно легион состоял из десяти когорт. Говоря о передвижениях войск, для генерала было привычнее оперировать словом «когорта», нежели «легион», что, вероятно, показывает, что по крайней мере до времен Цезаря генералы развертывали войско в боевой порядок именно когортами. Цезарь, судя по всему, предпочитал легионы когортам, однако Помпей в Фарсале имел 18 когорт, не организованных в легионы.

Коллегия (лат. товарищество) — 1) объединение отдельных профессиональных групп, 2) сообщество римских жрецов. В коллегии могли объединяться люди из разных слоев общества, включая даже рабов.

Комиций (лат. comitiatus — собрание). См. **Собрание**.

Консул — должностное лицо, избираемое в центуриатных комициях на один год и вступавшее в должность 1 января. Консулов было двое. Они пользовались военной и гражданской властью. Военная власть включала следующие права: ежегодный набор войска, назначение военных трибунов и центурионов, предводительство войсками в Италии — кроме города Рима. Консулам подчинялись все магистраты, кроме народных (плебейских) трибунов. Консул — высшая ступень в иерархии римского управленческого аппарата. Каждый консул имел при себе штат из двенадцати ликторов, которые носили на плечах фасции — знак консульской власти. Во времена Цезаря на должность консула могли быть избираемы как патриции, так и плебеи, причем два патриция одновременно править не могли. Возраст, с которого можно было претендовать на должность консула, составлял 42 года — после двенадцатилетней практики в Сенате, куда входили не младше тридцати. Империй консула практически не знал границ. Кроме того, консул мог брать на себя командование любой армией.

Консуляр — бывший консул, обладавший почетными правами в Сенате. Его могли в любое время послать управлять провинцией; ему давались важные поручения — обеспечение населения хлебом и проч.

Контубернал — член преторской свиты, обычно из молодых знатных римлян, которые для ознакомления с военным делом прикомандировывались к претору.

Кордуба — ныне Кордова (Испания).

Коркира — остров Керкира.

Курикта — остров Крк в Адриатическом море.

Курия Гостилия (Гостилиева курия) — здание Сената. Считалось, что оно построено третьим римским царем Туллом Гостилием.

Курульное кресло — кресло из слоновой кости, предназначенное исключительно для высших магистратов: консулов, преторов и курульных эдилов. Ножки этих складных кресел перекрещивались в виде буквы «X», подлокотники у них были низкие, спинка

отсутствовала. Римляне в тогах сидели очень прямо, чтобы не смять складки.

Лагерь. После каждого дневного марша римская армия разбивала укрепленный лагерь. Когда передовые рекогносцировочные отряды или центурионы находили удобное место для лагеря, то прежде всего определялись две его основные линии (длина и ширина), обычно одинаковой длины. Получался квадрат, одна часть которого назначалась для полководца, его штаба, а другая — для легионов и вспомогательных войск. Каждая сторона имела свои главные ворота: *porta praetoria* были обращены к врагу, против них были *porta decumana* (ворота десятичной жертвы); боковые ворота назывались *portae principalis dextra* и *sinistra* (правые и левые). От *porta praetoria* шла главная улица лагеря (*via praetoria*), которую пересекала *via principalis*. Главнейшим пунктом лагеря была ставка полководца. Перед ней имелось свободное пространство, на котором собирались солдаты, когда с ними говорил полководец.

При определении места для лагеря оно обводилось рвом, земля из которого употреблялась для устройства вала. Земляной вал был обычно в три с половиной метра высотой и шириной и укреплялся дерном и брустверами, состоявшими из плетеных щитов с зубцами, что прикрывало всего бойца. Для усиления лагеря устанавливались также деревянные башни в несколько этажей. Палатки солдат были кожаными; в зимних лагерях вместо них строили бараки с соломенной крышей. Каждые ворота охранялись одной когортой; ночью, если враг был близко, несли стражу и более крупные отряды.

Для полевого лагеря выбиралось такое место, поблизости от которого можно было добыть фураж, дрова и воду. Войско возвращалось в лагерь через *porta decumana*. При большой численности и опытности солдат укрепление обыкновенного лагеря шло очень быстро, равно как и выступление из лагеря утром: по первому сигналу свертывались палатки, по второму укладывался багаж, по третьему войско выступало.

Легат — назначаемый Сенатом посол, а также заместитель командующего армией, чин из высшего командного состава; чиновник канцелярии наместника. Чтобы добиться положения легата, следовало сначала войти в Сенат (часто — побывать на посту консула, поскольку эти государственные мужи время от времени испытывали желание

попробовать себя в военном искусстве). Легаты были подотчетны лишь верховным командующим.

Легион — самое маленькое воинское соединение в римской армии, способное вести военные действия за счет собственных резервов. Полностью укомплектовано, вооружено, оснащено для ведения войны. Армию составляли от двух до шести легионов. Случаи, когда в армии было более шести легионов, считались исключением. В общем случае легион включал в себя 4280 солдат, 60 центурионов, 1600 человек обслуги, около 300 артиллеристов и 100 оружейников. Легион состоял из десяти когорт по шесть центурий в каждой. Во времена Цезаря кавалерия представляла собой самостоятельную воинскую единицу, отделенную от пехоты. Каждый легион отвечал за тридцать артиллерийских установок, причем до Цезаря катапульта было больше, чем баллист; Цезарь использовал артиллерию во время сражений для подавления противника и довел количество артиллерийских единиц до пятидесяти. Легион возглавлялся легатом или (если принадлежал консулу этого года) выборным солдатским трибуном. Центурионы были офицерами легиона. Соединения, составлявшие легион, разбивали общий лагерь, внутри которого объединялись по восемь солдат и двое нестроевых, проживающих и питающихся в одной палатке. Организованность римской армии поразительна. Римские солдаты ели свежую пищу, потому что сами сеяли пшеницу, сами выпекали хлеб и готовили разные блюда из зерна. Их снабжали солониной или копченой свининой, в рацион входили сухофрукты. Санитарные нормы внутри лагеря были направлены против кишечных заболеваний и использования грязной воды. Армия на марше была не только накормлена, но и здорова. Не многие из римских генералов брались командовать более чем шестью легионами из-за трудностей со снабжением. Прочитавший «Записки о галльской войне» поймет, сколь большое значение Цезарь придавал снабжению, ведь под его командой было от девяти до одиннадцати легионов.

Лигер — река Луара.

Ликтор — особое должностное лицо при высших магистратах и некоторых жрецах. В зависимости от ранга каждому магистрату полагалось определенное количество ликторов (диктатору — 24, консулу — 12, претору — 6). Вооруженные фасциями, они шли впереди магистрата, расчищая путь. Среди их обязанностей — нести охрану во

время телесных наказаний или смертных казней. Ликторы были римскими гражданами (обычно из числа вольноотпущенников). Жалованье ликторов было минимальным; ликтор мог лишь полагаться на милость того, кого он сопровождал. В коллегии ликторы подразделялись на группы по десять человек (декурионы), каждая из которых возглавлялась префектом. Внутри Рима ликторы носили белые тоги; выходя из города, надевали малиновую тунику с широким черным поясом, орнаментированным латунию; при похоронах — черную тогу. Реальных свидетельств о местоположении коллегии ликторов не сохранилось.

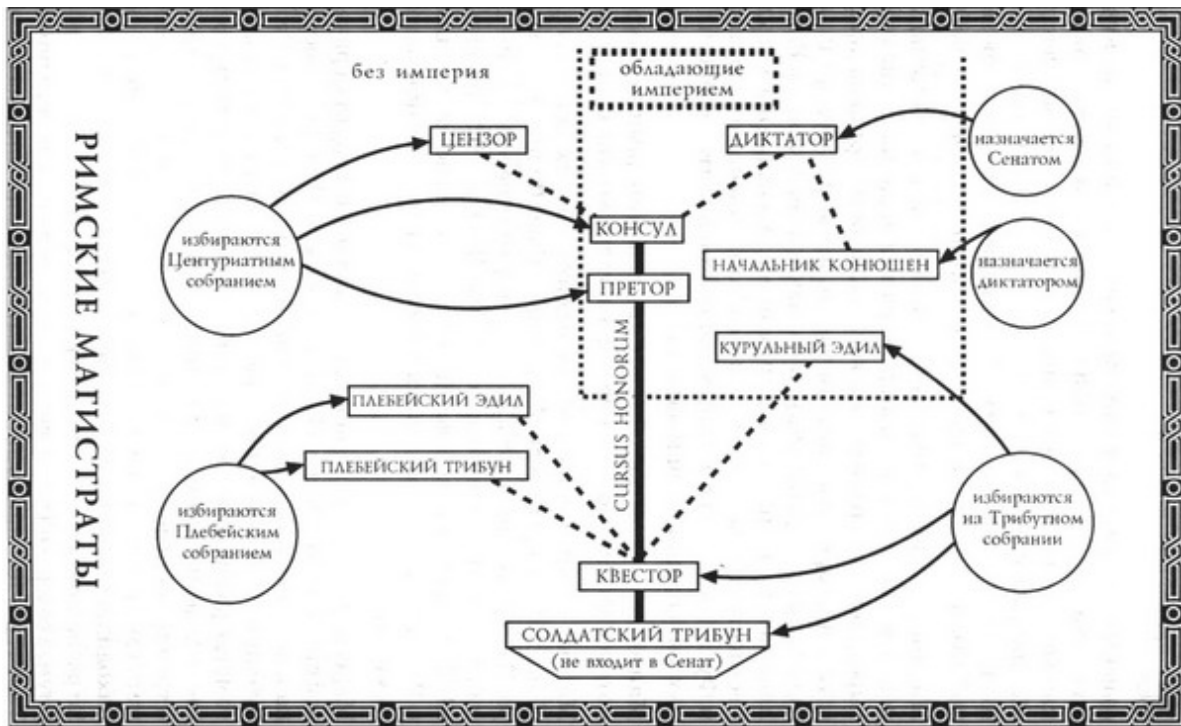
Лисс — современный Лежа в Албании.

Лугдун — современный Лион.

Лузитаны — народ западной и северо-западной Испании (Дальней Испании). Меньше подверженные влиянию греческой и римской культуры, чем кельтиберы, лузитаны были, вероятно, в меньшей степени кельтами, чем иберийцами, хотя в них смешались обе породы. Жили племенами, занимались сельским хозяйством, скотоводством, добывали железо.

Лютеция — остров на реке Секвана (Сена), служивший главной крепостью племени кельтов, называемых паризиями. Современный Париж.

Магистраты — выборные исполнительные органы и должностные лица Сената и народа Рима. Во времена Цезаря все они, за исключением солдатских трибунов, автоматически входили в Сенат. Таблица на с. 855 наглядно показывает природу каждого магистрата, его старшинство, кем он выбирался и обладал ли империем. Cursus honorum проходит прямой линией от квестора к консулу. Кроме цензора, все магистраты выбирались только на один год (диктатор — особый случай).

Малярия — заразная болезнь, весьма досаждавшая тогдашней Италии. Римляне делили ее на три вида: квартана (четырёхдневная перемежающаяся лихорадка), терциана (приступы повторяются каждый третий день) и более вредная форма, при которой приступы случаются нерегулярно. Римляне также знали, что малярия преобладает в болотистых местностях. Отсюда их страх перед Помптинскими болотами и Фуцинским озером. Они только не знали, что переносчиками инфекции были москиты.

Мантелет — укрытие, обычно с крышей и стенами из шкур, которое защищало римские войска от вражеских снарядов.

Марсы — один из наиболее важных италийских народов, населявший нагорья средней Италии в районе Фуцинского озера. Их территория простиралась до верхних перевалов Апеннин и граничила с землями пелигнов. До Итальянской войны 91–88 гг. до н. э. марсы всегда были лояльны по отношению к Риму. Марсы поклонялись змеям и считались заклинателями змей.

Марсово поле — обширное пространство к северу от Сервиевой стены, ограниченное Капитолием с юга, Пинцием с востока и заключенное в могучий изгиб реки Тибр. В эпоху Республики эта окраина города не была заселена, а служила местом, где разбивали

лагерь армии, дожидаящиеся триумфа, где молодежь проходила военную подготовку, где содержали и тренировали лошадей, предназначенных для гонок колесниц, где проходили центуриатные комиции (собрания), где находились огороды и публичные сады. В излучине реки были расположены публичные купальни, известные как Тригариум, а севернее Тригариума — горячие лечебные источники Тарентум. Длинная улица (Фламиниева дорога) пересекала Марсово поле по направлению к Мульвиеву мосту, а Задняя улица пересекала ее под прямым углом.

Массилия — современный Марсель.

Матискон — одна из крепостей, принадлежавших клану эдуев, известному как амбарры. Расположена на реке Апар (Сона). Современный Макон.

Мелодун — крепость клана паризиев, называемого мельды. Это остров на реке Секвана (Сена). Современный Мелен.

Мерцедоний — так назывались двадцать с лишним дней, вставляемых в римский календарь после февраля, чтобы привести в соответствие календарь и сезоны.

Миля — римская миля равнялась примерно 1500 м.

Моза — река Маас (в Бельгии), Мез (во Франции).

Мозелла — река Мозель.

Нарбон — современный Нарбонн.

Народ Рима — термин, формально относившийся ко всем римским гражданам, не входившим в Сенат, без различия между патрициями и плебеями.

Наше море — принятое у римлян название Внутреннего (Средиземного) моря.

Немауз — современный Ним во Франции.

Неметоценна — крепость атребатов племени белгов. Современный Аррас.

Нестроевые солдаты — обслуживающий персонал, приданный числом в тысячу шестьсот человек каждому легиону. Эти своеобразные слуги не были рабами и в большинстве своем имели гражданство. Можно предположить, что нестроевая служба была для них чем-то вроде освобождения от военной, хотя они должны были быть физически крепкими, чтобы на маршах не отставать от регулярных

солдат. Известны случаи, когда они брали в руки мечи и щиты и сражались. Их набирали, по всей вероятности, из селян.

Новиодун — крепость, принадлежавшая битуригам. Современный Неви.

Новиодун Невири — крепость, судя по всему принадлежавшая эдуям, хотя граничила с землями сенонов. Она находилась на слиянии рек Луары и Алье. Современный Невер.

Новый Ком — колония римских граждан, образованная Цезарем на западной окраине озера Ларий (сейчас озеро Комо). Были ли ее жители гражданами, спорный вопрос, поскольку такие магистраты, как старший Гай Клавдий Марцелл, могли выпороть гражданина Нового Кома. Современный Комо.

«Новый человек» — в среде римского нобилитета так презрительно именовали выходцев из сословия всадников, тех, кто первым в своей семье занял консульскую должность; позднее: «всякий», «выскочка».

Ноны — второй из трех дней месяца, имевших свое имя (календы, ноны, иды), которые представляли собой дни отсчета в месяце. Ноны падали на седьмой день длинных месяцев (март, май, июль, октябрь) и на пятый день других месяцев.

Норик — область кельтско-иллирийских племен, занимавшая приблизительно территорию современной Австрии; богата полезными ископаемыми. Римская провинция.

Обструкция — это современное слово для характеристики политической деятельности на самом деле старо, как Сенат Рима. И тогда, и теперь оно обозначает «затягивание прений».

Общественный дом — официальная резиденция великого понтифика и, во времена Республики, также место жительства шести весталок, находившихся в подчинении великого понтифика.

Октодур — современный Мартиньи-Виль в Швейцарии.

Октябрьский конь — жертвенное животное особого рода. В октябрьские иды (время окончания сезона военных кампаний) выбирали лучших боевых жеребцов года и впрягали парами в колесницы. Затем устраивались скачки, но не в цирке, а на Марсовом поле. Правый конь победившей пары становился Октябрьским конем. Его приносили в жертву Марсу прямо у скаковой дорожки на специально воздвигнутом алтаре. Животное ритуально убивали мечом,

после чего отрезали ему голову, хвост и гениталии. Голову набивали лепешками из жертвенной, крупно помолотой и смешанной с солью муки, а хвост и гениталии быстро относили на Форум, в Регию, чтобы окропить кровью алтарь. Затем хвост с гениталиями отдавали весталкам, которые проливали немного крови и на алтарь Весты, прежде чем мелко изрубить их и сжечь. Пепел хранили для других специальных обрядов.

Голову коня кидали в толпу, состоявшую из двух соревнующихся групп — жителей Субуры и Священной дороги. Обе группы боролись за голову. Если побеждали люди со Священной дороги, голову прибавали к стене Регию. Если люди Субуры — голову прибавали к башне Мамилия, самому высокому зданию Субуры.

Какова подоплека этого очень древнего ритуала, неизвестно, об этом не знали, наверное, даже сами римляне поздней Республики. Возможно, им просто знаменовалось окончание сезона кампаний. Мы также не знаем, являлись ли соревнующиеся кони государственными, но допустимо предположить, что это было именно так.

Олтис — река Лот.

Орик — современный Орику в Албании.

Пад — река По. В римское время Пад отделял Циспаданскую Галлию на юге от Транспаданской на севере.

Патриции — римская аристократия. Для римлян, почитавших предков и таинство рождения, крайне важна была принадлежность к классу патрициев. Старейшие среди патрицианских родов были аристократами еще до основания Рима. Молодые патрицианские роды (например, Клавдии) появились с началом республиканского правления. В эпоху Республики они сохраняли звание патрициев, а также тот уровень престижа, которого не мог достичь ни один плебей, как бы ни были благородны и царственны его предки. Однако в последнее столетие существования Республики патриции и плебеи не отличались почти ничем, кроме происхождения. Богатство и мощь великих плебейских родов неуклонно вели к уменьшению привилегий патрициев. Но даже в период поздней Республики важность того, что ты патриций по крови, трудно было переоценить. Именно потому представители старых родов, такие как Сулла и Цезарь, рассматривались как возможные цари Рима, в то время как Гай Марий и Помпей Великий не могли и помыслить себя царями. Кровь решала все.

В последнее столетие Республики нижеперечисленные патрицианские семьи продолжали поставлять сенаторов, преторов и консулов: Эмилии, Клавдии, Корнелии, Фабии (но только через усыновление), Юлии, Манлии, Пинарии, Постумии, Сергии, Сервилии, Сульпиции и Валерии.

Патрон — представитель патрицианского рода, защитник клиентов, искавших его покровительства. Патрон был связан с клиентами целым рядом взаимных обязательств. В эпоху Республики патрон — прежде всего представитель и защитник своих клиентов в суде.

Перистиль — в самых богатых римских домах — окруженный с четырех сторон крытой колоннадой прямоугольный двор, часто с бассейном и фонтаном.

Пинденисс — местоположение этого каппадокийского города установить не удалось. Цицерон говорит, что ему понадобилось 57 дней, чтобы взять город. Думаю, не потому, что Пинденисс был чрезвычайно хорошо укреплен. Иначе о нем бы знали.

Пицен — часть итальянского «сапога», соответствующая икре ноги. Западной границей Пицена являются склоны Апеннин, восточной границей — Адриатическое море. На севере лежит Умбрия, на юге — Самний. Исконные обитатели — италиоты или иллирийцы, однако по традиции считается, что сабины, мигрировавшие на восток с Апеннинских гор, осели в Пицене, принеся с собой их верховного бога Пицена — дятла, давшего название региону. Сеноны, галльское племя, также обосновались в этой области во время вторжения в Италию первого царя галлов Бренна в 390 г. до н. э. Политически Пицен был разделен на две части. Северный Пицен был тесно связан с югом Умбрии и находился под протекцией знаменитой семьи Помпеев. Южная часть Пицена находилась под самнитским влиянием.

Плаценция — современная Пьяченца.

Плебеи (лат. plebs — толпа) — все римские граждане, не относящиеся к патрицианским родам. В первый период Республики ни один плебей не мог быть назначен жрецом, войти в курульный магистрат или Сенат. Но вскоре один за другим институты, принадлежавшие ранее исключительно патрициям, начали переходить к плебейам, которые превосходили их числом и несколько раз угрожали неповиновением. Плебеи создали новую «плебейскую» аристократию,

что давало им возможность называть себя нобилиями, если в семье имелись преторы или консулы.

Плебейский трибун — эта магистратура появилась в первые годы существования Республики, когда плебеи находились в открытом конфликте с патрициями. Избираемый Плебейским собранием, плебейский трибун давал клятву защищать жизни и имущество плебеев, а также спасать их от лап патрицианского магистрата. В 450 г. до н. э. было избрано 10 плебейских трибунов. Закон *lex Atiniade tribunis plebis in senatum legendis*, принятый в 149 г. до н. э., давал право человеку, избранному плебейским трибуном, автоматически становиться сенатором. Так как эти люди не были выбраны всем народом Рима (то есть и плебеями, и патрициями), они не могли изменять неписаную конституцию города и не являлись полноправными магистратами (такими, как солдатские трибуны, квесторы, курульные эдилы, консулы и цензоры). Их магистратура распространялась только на плебеев, и их власть основывалась на клятве всех плебеев защищать неприкосновенность выбранных ими трибунов. Сила власти плебейского трибуна как магистрата коренилась в праве наложить вето на любое решение властей. Один плебейский трибун мог наложить вето на решение своих девяти коллег, а также любого или любых магистратов, включая консулов и цензоров. Он мог наложить вето на проведение выборов, принятие закона. Он мог подвергнуть вето декрет Сената, даже если тот касался ведения войны или международных отношений. Только действия диктатора (а возможно, и интеррекса) не могли быть подвергнуты вето. Внутри Плебейского собрания плебейский трибун мог даже вынести смертный приговор без суда человеку, подвергнутому сомнению его право на исполнение обязанностей.

Плебейский трибун не обладал империем, и его права распространялись не далее одной мили за пределы города Рима. По традиции человек мог служить плебейским трибуном лишь один срок, но Гай Гракх нарушил этот обычай, став трибуном дважды. Тем не менее подобные случаи были довольно редки. Срок службы начинался 10 декабря и завершался в девятый день декабря следующего года.

Так как реальная власть плебейского трибуна заключалась в запретительных действиях — праве вето (*intercessio*), вклад трибуна в действия власти был скорее деструктивный, чем конструктивный.

Консервативные элементы в Сенате ненавидели плебейских трибунов, если не могли подкупить их. Лишь немногие из плебейских трибунов оказали значительное влияние на социальную жизнь Рима. Тиберий и Гай Семпронии Гракхи, Гай Марий, Луций Апулей Сатурнин, Публий Сульпиций Руф, Авл Габиний, Тит Лабиен, Публий Клодий, Публий Ватиний, Гай Требоний, Гай Скрибоний Курион и Марк Антоний противостояли Сенату; некоторые из них погибли за это.

Плебейское собрание — см. Собрание.

Померий (лат. *pomerium* — граница, рубеж) — священная граница Рима, отгороженная камнями (*сирри*) и отделявшая городскую территорию от сельской местности. Эта священная граница была установлена при царе Сервии Туллии и оставалась таковой до правления диктатора Суллы. Померий не в точности проходил по Сервиевой стене. Весь древний Палатинский город Ромула находился в пределах этой границы, но Авентин и Капитолий туда не входили. Согласно традиции, померий может быть расширен, но только таким человеком, который значительно раздвинет границы Римской державы. В религиозной традиции истинный Рим существует лишь в пределах померия; все остальное — просто римская земля.

Понтифик. Лингвисты, занимающиеся этимологией латинского языка, считают, что в древние времена понтификами называли строителей мостов (*pons* по-латыни значит «мост»). Это ремесло считалось окутанным тайной, что сближало мостостроителей с богами. Оставим подобное предположение на совести лингвистов, но во времена римских царей понтифик был, несомненно, священнослужителем. Объединенные в особую коллегию понтифики давали советы магистратам и собраниям по всем религиозным вопросам. Понтифик мог быть выбран на любой официальный пост и стать магистратом. Первоначально все понтифики были патрициями, но закон *lex Ogulnia* от 300 г. до н. э. постановил, что половина членов коллегии понтификов должна быть плебеями. До 104 г. до н. э. новые священнослужители избирались членами коллегии текущего года, пока Гней Домиций Агенобарб не провел закон, обязующий избирать всех жрецов и авгуров на собрании семнадцати из тридцати пяти триб большинством голосов. Сулла попытался восстановить выборы жрецов самими священнослужителями, но в 63 г. до н. э. римляне вернулись к выборам понтификов на собрании триб. Священнослужители во время

кооптации или выборов могли не достигать возраста, необходимого для выборов в Сенат. Они выбирались пожизненно. См. также **Великий понтифик**.

Претор — второй по важности пост в римской *cursus honorum* магистратов (если исключить цензорство). В самом начале эпохи Республики два самых высших магистрата назывались преторами. Однако к концу IV в. до н. э. для описания этих магистратов стали использовать термин «консул». Много десятилетий в Риме существовал только один претор — вероятнее всего, городской (*praetor urbanus*). Во времена Гая Мария *praetor urbanus* отвечал исключительно за судебные процессы в границах Рима. Его власть считалась недействительной на расстоянии пяти миль от городской стены, и такой претор не имел права покидать Рим более чем на десять дней. Если оба консула отсутствовали в Риме, он считался старшим магистратом и мог созывать Сенат. Городской претор организовывал также защиту города в случае опасности.

В 242 г. до н. э. появился второй преторский пост — *praetor peregrinus* — для ведения дел между римскими гражданами и чужеземцами или между самими чужеземцами. Вскоре потребовалось еще два (227 г. до н. э.) — для управления появившимися в это время провинциями Рима, Сицилией и Сардинией. В 197 г. до н. э. число преторов увеличилось до шести — еще два претора управляли обеими Испаниями. Во времена Гая Мария преторов по-прежнему оставалось шесть. Сулла, став диктатором, увеличил число преторов до восьми.

Приап — изначально главный греческий бог плодородия. В Риме он, кажется, был символом удачи. Изображался безобразным и гротескным мужчиной, его эмблемой был пенис, всегда огромный и эрегированный до такой степени, что очень часто был больше самого Приапа. Множество дешевых маленьких глиняных ламп было изготовлено в форме Приапа, огонь выходил из пениса. Я бы объяснила отношение римлян к Приапу больше как любовь, чем как поклонение.

Проконсул, промагистрат, пропретор, проквестор. Приставка «про» обозначает, что человек, исполняющий обязанности магистрата, в действительности магистратом не является. Обычно промагистрата, уже находившегося на государственной службе, посылали с неким поручением в провинцию (чаще всего) от имени консула, претора или

квестора этого года. Промагистрат обладал тем же империем, как и тот, кого он представлял.

Проскрипции — римское название практики, не ограниченной римским периодом. Это включение человека в список лиц, не имеющих никаких прав, даже права на жизнь. Все происходило без суда. Занесенный в проскрипции человек не имел возможности доказать свою невиновность. Сулла первым сделал проскрипции орудием государственного обогащения, он внес в эти списки около сорока сенаторов и тысячу шестьсот старших всадников. Почти все они были убиты, а деньги, вырученные от продажи их имущества, пополнили пустующую казну. После Суллы само слово «проскрипция» повергало Рим в трепет.

Регия — небольшое сооружение на Римском Форуме, построенное еще при втором царе Рима, Нуме Помпилии. Необычной формы постройка, ориентированная на север, служила канцелярией великого понтифика и штаб-квартирой коллегии понтификов. Там же великий понтифик хранил официальные документы. Первоначально это был храм, в котором располагались святилища и алтари древних римских богов: Опы, богини плодородия, Весты и Марса, щитоносца и копьеносца.

Редут — часть фортификаций за главной оборонительной стеной, небольшой форт, обычно в форме квадрата, иногда многоугольника.

Республика (лат. *res publica* — общее дело) — нечто соединяющее весь народ в единое целое, то есть в государство. Мы используем слово «республика» в значении «выборное правительство», однако было бы странно, если бы римляне эпохи зарождения Республики вкладывали в этот термин то же значение.

Римские имена. Римляне имели три имени: *praenomen*, *nomen* и *cognomen*. *Praenomen* — личное имя (женщины *praenomen* не имели). Этих личных имен было очень немного, всего около двадцати: Авл, Аппий, Гай, Гней, Деций, Луций, Марк, Маний, Мамерк, Нумерий, Публий, Квинт, Секст, Сервий, Спурий, Тит, Тиберий. Половина из них употреблялись редко или принадлежали членам определенных родов, например, имя Мамерк принадлежало только Эмилиям Лепидам, а Аппий — исключительно Клавдиям Пульхрам. Каждый род (фамилия) предпочитал два-три определенных имени, и современный ученый по одному только *praenomen* может сказать, являлся ли человек истинным

членом рода. К примеру, Юлии предпочитали имена Секст, Гай и Луций, и, таким образом, человек по имени Марк Юлий почти наверняка являлся потомком освобожденных рабов этого рода. Лицинии предпочитали имена Публий, Марк и Луций; Корнелии — Публий, Луций и Гней; Сервилии из патрицианской ветви — Квинт и Гней.

Nomen — название рода, соответствующее нашей фамилии. Именем женщин была женская форма названия рода (*nomen*). Так, дочь Марка Туллия Цицерона называлась Туллия. Если были две дочери, то к этому имени прибавлялись слова Старшая, Младшая, если больше двух — Третья, Четвертая.

Cognomen — последнее из имен римлянина, выделяющее его из числа тех, кто носит одинаковые с ним *praenomen* и *nomen*. Римлянин мог взять собственный *cognomen*, как это сделал Помпей, назвав себя Магном (Великим), или мог носить *cognomen*, который был в их семье уже несколько поколений, например Цезарь (Пышноволосый) у одной ветви рода Юлиев. В некоторых семьях имелся не один *cognomen*. Характерным примером может служить Квинт Цецилий Метелл Пий Сципион Назика — Корнелий Сципион Назика, усыновленный Цецилиями Метеллами. Для краткости все называли его Метеллом Сципионом.

Cognomen зачастую указывал на какой-нибудь физический признак или недостаток: лопухость, плоскостопие, горб, кривые ноги. Иногда *cognomen* напоминал о каком-нибудь славном деянии; так, в роду Цецилиев Метеллов были *cognomen* Далматик, Балеарик, Македонский и Нумидийский — по названиям стран, завоеванных полководцем. Самые любопытные *cognomen* были довольно саркастичны (например, Лепид, то есть «хороший парень», прибавленное к имени откровенного негодяя) или весьма остроумны, как в случае с Гаем Юлием Цезарем Страбоном Вописком (Страбон означает «косоглазый», Вописк — «единственный выживший из двух близнецов»). У этого Гая Юлия был еще один *cognomen* Сесквикул, означающий, что он не просто «задница», а «полторы задницы».

Римский календарь. Первоначально у римлян был лунный год в 10 месяцев, начинавшийся мартом и заканчивавшийся декабром. Однако скоро (по преданию, при царе Нуме Помпилии или Тарквинии Древнем) римляне перешли к лунному году в 12 месяцев,

содержавшему 355 дней. Для приведения его в соответствие с солнечным годом стали прибавлять время от времени лишний месяц (*mensis intercalarius*). Но все-таки гражданский год совершенно не сходился с естественным годом (римляне говорили, что сезоны отстают от календаря). Окончательно календарь был приведен в порядок Юлием Цезарем в 46 г. до н. э.: он ввел солнечный год в 365 дней со вставкой одного дня в каждом четвертом году (юлианский календарь) и установил начало года с января. Год римляне определяли или именами консулов этого года, или порядковым числительным, считая от предполагаемой даты основания Рима — 753 г. до н. э. Этот год считался первым.

Месяцы обозначались теми же названиями, как и теперь, только июль и август назывались квинктилий (пятый) и секстилий (шестой) до времен императора Августа (названия «июль» и «август» они получили в честь Юлия Цезаря и Августа). В каждом из месяцев римляне считали столько же дней, сколько считается в настоящее время.

Отдельные дни месяца римляне обозначали не числами от 1 до 30 или 31, а по трем главным дням в каждом месяце, которые назывались календы (первый день каждого месяца), ноны (пятый) и иды (тринадцатый). В марте, мае, июле и октябре ноны были седьмым днем, а иды — пятнадцатым. К этим словам название месяца прибавлялось как прилагательное: в январские календы, в декабрьские ноны, в мартовские иды. Счет дней производился от этих дней назад: дни между календами и нонами обозначались: «такой-то день перед нонами»; дни между идами и календами следующего месяца обозначались: «такой-то день перед календами следующего месяца».

Римский орел — согласно одной из армейских реформ Гая Мария каждому легиону полагался серебряный орел на длинном шесте, заостренном на конце, чтобы можно было воткнуть его в землю. Орел был предназначен вдохновлять легионеров и считался самым чтимым штандартом.

Род — союз людей, происходящих от одного общего предка. Связь каждого человека с его родом выражалась в наследовании родовых имен.

Родан — река Рона.

Розея — плодородная область в Италии недалеко от Реате, древней столицы сабинян.

Ростра — нос корабля, бронзовый или из мореного дуба. Эта деталь выдавалась вперед и использовалась в качестве тарана. Когда консул Гай Мений, плебей по происхождению, в 338 г. до н. э. разбил флот вольсков в гавани Анции, он переправил носы побежденных кораблей на Форум, к ораторской платформе, где проводились народные собрания. Этим он хотел подчеркнуть блеск своей победы. После этого ораторская платформа стала называться рострой.

Рубикон — река, которую Сулла сделал восточной частью границы между Италией и Италийской Галлией. До сих пор идет спор, какая из рек, стекающих с Апеннин в Адриатическое море, является древним Рубиконом. Большинство авторитетов склоняется в сторону современного Рубикона, но это короткий и очень мелкий поток, не доходящий до истоков реки Арн, по которой шла западная часть границы. Главная проблема, мне кажется, в том, что мы не знаем, где протекали древние реки, и потому нам трудно утверждать что-то наверняка. После знакомства со Страбоном и другими древними источниками, описывающими эту область, я обратила внимание на современную реку Савио, которая берет начало с высоких Апеннин. Реки, служившие границами, были большими потоками. Река Ронко также могла бы быть претендентом, если бы не протекала так близко к Равенне. Главная проблема, мне кажется, в том, что мы не знаем, как выглядела древняя карта рек. В средние века проводились крупные дренажные работы вокруг Равенны, а это значит, что древние реки могли иметь другое русло.

Сабис — река Самбра.

Сагум — короткий военный плащ-накидка. Представлял собой широкий круг с отверстием в центре — для головы. Изготавливался из необработанной, очень сальной (и благодаря этому водонепроницаемой) лигурийской шерсти.

Саллюст — английская версия имени римского историка Гая Саллюстия Криспа. Он лично знал Цезаря и весьма одобрительно отзывался о нем в своих записках. Человеком он был, похоже, грубоватым и сластолюбивым. Во всяком случае, Милон отстегал его кнутом за флирт со своей супругой Фаустой. До нас дошли две работы Саллюста: о войне против Югурты Нумидийского и о заговоре Луция Сергия Катилины.

Салона — современный Сплит.

Самара — река Сомма.

Самаробрива — крепость, принадлежащая амбианам, племени белгов, близкому атребатам. Современный Альен.

Сампсикерам — типичный восточный правитель, если верить Цицерону, который, кажется, просто влюбился в звучание его имени. Будучи царем Эмесы в Сирии, Сампсикерам вряд ли имел большой вес. Но жил он, похоже, на широкую ногу и распоряжался имевшимся у него богатством самым экзотическим образом. Цицерон называл Помпея Сампсикерамом всякий раз, когда они ссорились.

Сатрап — титул, даваемый персидскими царями своим провинциальным правителям. Александр Великий также использовал этот термин. Регион, управляемый сатрапом, назывался сатрапией.

Свевы — германцы, жившие в диких лесистых районах Германии к югу от места слияния Рейна и Мозеля. Название означает «странники».

Свессион — крепость свессионов (племени белгов). Современный Суассон.

Секстилий — см. **Римский календарь**.

Сенат. Возник еще в эпоху царей Рима как совещательный орган, состоящий из ста патрициев. После образования Республики сенаторов стало триста за счет всадников и богатых плебеев. Так как Сенат существовал очень много лет, официально зафиксированных определений его прав, возможностей и обязанностей почти не существовало. Членство в Сенате было пожизненным (если только человек не изгонялся из него цензорами за недостойное поведение или обнищание), что и предопределило его олигархическую структуру. На протяжении всей истории существования Сената его члены активно боролись за сохранение главенствующей роли в управлении государством. Назначение сенаторов находилось в юрисдикции цензоров, пока Сулла не ввел правило, что в Сенат можно войти, только побывав в должности квестора. Закон *lex Atinia* дал возможность плебейским трибунам автоматически становиться сенаторами после избрания. Неофициально существовал имущественный ценз: сенатору необходимо было иметь годовой доход не менее миллиона сестерциев в год.

Сенаторы носили особую тунику с широкой пурпурной каймой (*latus clavus*) на правом плече, обувь из темно-бордовой кожи (в эпоху

империи — черно-белую обувь) и кольцо (в старину железное, позднее золотое). Те из них, кто был облечен властью курульных магистратов, носили тоги, отороченные пурпурной каймой (*toga praetexta*). Обычные сенаторы носили простые белые тоги.

Собрания Сената проводились в специально освященных местах. У Сената было собственное здание для проведения собраний — курия Гостилия. Но Сенат мог заседать и в другом месте по желанию человека, созвавшего его. Сенат имел право заседать лишь от восхода до заката солнца. Во время заседаний народных собраний Сенат не собирался, однако заседания Сената в дни, отведенные для комиций, были разрешены, если в эти дни народное собрание не проводилось.

Во все времена сенаторы-патриции выступали раньше сенаторов-плебеев равного с ними ранга. Не все члены Сената имели право голоса. Сенаторы *pedagii* (заднескамеечники) могли голосовать, но должны были молчать во время дебатов. Их место в зале находилось за спинами имевших право голоса. Временных ограничений на выступления не было, темы могли быть любыми, поэтому пустословие было делом обычным. Если предмет обсуждения считался не слишком важным или если все склонялись к единому решению, голосование производилось простым поднятием руки. В остальных случаях сенаторы покидали свои места и собирались по ту или другую сторону курульного возвышения в зависимости от того, хотели ли они сказать «да» или «нет», и их пересчитывали.

В функции Сената входило утверждение законов и результатов выборов, контроль деятельности магистратов, проблемы внешней политики, надзор за финансами и соблюдением священных ритуалов. Решение Сената называлось декретом и формально считалось рекомендацией, но постановления Сената имели силу закона — так же, как постановления центуриатных комиций и плебисциты.

Сенат и народ Рима — латинская формула «*Senatus populusque Romanus*», обозначающая римскую республиканскую государственность. Буквы S.P.Q.R. часто можно видеть на боевых значках, надписях, римских монетах, памятниках.

Серапис — смешанное главное божество для большинства эллинизированных районов Египта, особенно Александрии. Культ его введен во время правления первого Птолемея, экс-маршала Александра Великого. Серапис был своеобразной смесью Зевса, Осириса и

Осираписа — охраняющего божества быка Аписа. Статуи Сераписа делались в греческой манере и представляли собой бородатого мужчину с огромной короной в виде корзины.

Серика — таинственная для римлян страна, известная нам как Китай. В дни Цезаря Шелкового пути еще не было. «Шелком» была шелковая нить, получаемая от куколок бабочек, разводимых на острове Кос в Эгейском море.

Сестерций («половина трети») — мелкая римская серебряная монета достоинством в четверть денария.

Сикорис — река Сегре в Испании.

Скальд — река Шельда в Бельгии.

Скорпион — боевая метательная машина.

Собрание (комиций) — любое собрание народа Рима, созванное решать вопросы, связанные с правительством, законодательством, судом и выборами. Во времена Цезаря существовали три вида действующих собраний: центуриатное, трибутное (народное), плебейское.

Центуриатное собрание представляло граждан Рима, патрициев и плебеев, разделенных по классам, которые определялись по имущественному признаку. Так как изначально это были военные сборы вооруженных всадников, все классы собирались за священной границей города, на Марсовом поле, в месте, называемом Септой. Каждый класс подразделялся на центурии, а поскольку количество центурий решено было ограничить, то во времена Цезаря во всех центуриях, кроме восемнадцати главных, численный состав заметно превышал сто человек. Центуриатное собрание созывалось для выборов консулов, преторов и цензоров, а также для заслушивания обвинений в государственной измене (*perduellio*) и для одобрения законов (но это не было его основной задачей).

Трибутное (народное) собрание представляло 35 триб (округов), то есть весь народ Рима, патрициев и плебеев, без классового различия. Созванное консулом или претором, трибутное собрание обычно проводилось на Нижнем Форуме, в колодце комиций. Оно выбирало курульных эдилов, квесторов и военных трибунов, могло составлять и принимать законы, а также проводить судебные процессы, до тех пор пока Сулла не учредил постоянные суды. Во времена Цезаря трибутное

собрание собиралось, чтобы выработать и принимать законы, а также проводить выборы.

Плебейское собрание представляло 35 триб, но не допускало участие патрициев. Созывать его были уполномочены только плебейские трибуны. Плебейское собрание имело право принимать законы (плебисциты) и судить, хотя его судебные функции почти сошли на нет после судебной реформы Суллы. Участники собрания выбирали плебейских эдилов и плебейских трибунов. Обычным местом проведения плебейских собраний был колодец комиций. См. также **Трибы**.

Стадий — греческая мера длины, примерно 185 м.

Стоик — человек, придерживающийся системы философских воззрений, разработанных Зеноном Финикийским. Система Зенона довольно сложна, но кратко ее можно сформулировать так: добродетель — единственное истинное благо, а аморальность, или безнравственность, — единственное истинное зло. Зенон учил, что естественные страдания, такие как боль, нищета и даже смерть, не важны. Хороший человек нравствен, и он всегда должен быть счастлив. Названное в честь Стои Поикильской в Афинах — места, где преподавал Зенон, — философское учение со временем достигло Рима. Оно никогда не было особенно популярным среди прагматичных и здравомыслящих римлян, но все же имело своих последователей. Самым знаменитым среди них был Катон Утический, злейший враг Цезаря.

Субура — самый бедный и густонаселенный район Рима. Располагался к востоку от Форума, между Эсквилином и Виминалом. Очень длинная главная улица этого района называлась также Субурой. От нее отходили Малая Субура и спуск (vicus) Патрициев, который шел в направлении Виминала. Субура состояла из отдельных кварталов; здесь жили самые разные люди (в том числе много евреев), они говорили на множестве языков и отличались независимым нравом.

Сигамбры — германцы, населявшие земли, примыкающие к Рейну, от Липпы и почти до Мозеля. Они были многочисленны и занимались сельским хозяйством.

Сципион Эмилиан — Публий Корнелий Сципион Эмилиан родился в 185 г. до н. э. Он был сыном завоевателя Македонии Луция Эмилия Павла, который отдал его на усыновление старшему сыну

Сципиона Африканского. Мать Сципиона Эмилиана звали Папирия, а его женой стала Семпрония, его двоюродная сестра и дочь Корнелии — матери Гракхов.

После выдающейся военной карьеры во время Третьей Пунической войны (149 и 148 гг. до н. э.) Сципион Эмилиан был избран консулом (147 г. до н. э.), хотя еще не достиг нужного возраста, что вызвало бурю возмущения у его противников. После участия в военных действиях он выработал в себе непреклонность и безжалостность, которые наложили отпечаток на всю его дальнейшую деятельность. Он построил мол, чтобы закрыть Карфагену выход в море, и блокировал город. Карфаген пал в 146 г. до н. э., после чего был разрушен до основания. По преданию, Сципион засеял земли, на которых стоял Карфаген, солью, чтобы там ничего больше не выросло.

В 142 г. до н. э. Сципион Эмилиан стал цензором, но из-за противодействия коллегии справился с этой должностью очень неудачно. В 140-139 гг. до н. э. он отправился с двумя друзьями-греками — историком Полибием и философом Панецием — на восток. В 134 г. до н. э. он вторично был выбран консулом и отправлен в город Нуманция в Ближней Испании. Этот маленький городок успешно отражал нападения римлян в течение пятидесяти лет. Когда к стенам Нуманции подступил Сципион Эмилиан, она продержалась только девять месяцев. Затем город пал, был разрушен, а четыре тысячи его жителей подверглись наказаниям.

Вскоре из Рима пришла весть о том, что двоюродный брат Сципиона Тиберий Гракх нарушил все традиции и пытается провести свои аграрные законы. Сципион Эмилиан встал на сторону врагов Гракха. В 129 г. до н. э. Сципион Эмилиан в возрасте 45 лет внезапно скончался. Смерть его произошла при загадочных обстоятельствах. Предполагают, что его отравила жена — сестра братьев Гракхов, которая ненавидела мужа за измены.

Сципион Эмилиан был крайне любопытной фигурой. Интеллектуал, который любил и ценил греческих мыслителей, он создал свой кружок и всячески поддерживал и опекал своих друзей — Полибия, Панеция, драматурга Теренция. Он мог считаться идеалом друга и идеалом врага. Гениальный организатор, он мог также грубо ошибаться. Образованный и умный человек, обладавший отменным вкусом, он никогда не отступал от общепринятых норм этики и морали.

Талант — мера веса, обозначавшая груз, который один человек мог нести на себе (около 26 кг). В талантах подсчитывались крупные суммы денег или драгоценные металлы.

Тамеза — река Темза.

Тапробана — современный остров Шри-Ланка.

Таранис — бог грома и молнии у кельтов. Его стихия — огонь.

Тарпейская скала — местонахождение ее до сих пор не определено, но известно, что эту скалу можно было разглядеть с Нижнего Форума. Предположительно, это выступ на вершине Капитолийских скал. Так как высота Тарпейской скалы составляла не более 25 метров, она должна была располагаться прямо над какой-то каменистой иззубренной поверхностью — мы не располагаем свидетельствами, что кто-либо выжил после падения со скалы. Это был традиционный способ казни предателей и убийц: их сбрасывали со скалы или принуждали прыгнуть самим. Плебейские трибуны обычно угрожали строптивым сенаторам, что сбросят их с Тарпейской скалы. В романе эта скала располагается неподалеку от храма Опы.

Тевтоны — см. **Кимбры**.

Теллус — древнеиталийская богиня земли. После того как закладной камень из храма Великой Матери в Пессинунте был доставлен в Рим в 205 г. до н. э., почитание Теллус сошло на нет. Теллус был посвящен огромный храм в Каринах, сначала процветавший, но в последнее столетие до н. э. уже заброшенный.

Тергеста — современный Триест.

Тога — одежда, которую разрешалось носить только гражданам Рима, мужская верхняя накидка из белой шерсти. Тога представляла собой отрез ткани примерно два метра в длину и пять в ширину. Римляне носили тогу только в мирное время, поэтому в поэзии она стала синонимом покоя и мирной жизни. После полной драпировки тоги левая рука бездействовала, поскольку это могло сбить красивые складки; правая рука имела относительную свободу движений. Существовали разные виды тоги. *Toga praetexta* — тога с пурпурной каймой, предназначенная для должностных лиц или лиц, занимавших ранее выборную должность, и свободнорожденных детей обоего пола до достижения ими 16-летнего возраста.

Толоза — ныне Тулуза.

Тревес — современный Трир в Германии.

Триба. К началу республиканского правления трибы в Риме не были этническими группами людей, а являлись политическими объединениями. Всего насчитывалось тридцать пять триб. Тридцать одну из них составляло сельское население, четыре — городское. Шестнадцать наиболее древних триб носили имена патрицианских родов — это означало, что члены триб входили в данные патрицианские семьи или жили на принадлежащих им землях либо были включены в эти трибы цензорами после Италийской войны 91–98 гг. до н. э. Когда территория римских владений на Италийском полуострове стала расширяться, трибы сделались основой распространения римского гражданства. Колонии истинно римских граждан становились ядром новых триб. Четыре городские трибы были, по преданию, основаны царем Сервием Туллием, хотя, возможно, это произошло позднее. Последняя из триб возникла приблизительно в 240 г. до н. э. Каждый член трибы мог отдать свой голос на собрании своей трибы. Голоса подсчитывались на этих собраниях, а затем вся триба выступала как единый член конфедерации. В результате 4 городские трибы, несмотря на многочисленность, в целом уступали 31 сельской. Количество голосовавших внутри трибы не имело значения. Члены сельской трибы могли жить в Риме, но не могли принадлежать к городской трибе. Большинство сенаторов и всадников принадлежали именно к сельским трибам. Это считалось престижным.

Трибутное собрание — см. **Собрание.**

Триклиний — столовая. В обычной семье столовая представляла собой комнату с тремя ложами, расположенными буквой «П». Если смотреть со стороны входа, то левое от пустого центра ложе называлось *lectus summus*, центральное ложе в конце комнаты — *lectus medius*, а правое — *lectus imus*. Каждое ложе было довольно широким (свыше метра) и длинным (свыше двух с половиной метров). На одном из краев имелось изголовье. Перед каждым ложем стоял низенький столик во всю длину. Обедали лежа, облокотись на валик. Обедающие были без обуви, и перед трапезой им омывали ноги. Хозяин дома сидел в нижней части *lectus medius*; у изголовья располагался наиболее почетный гость дома, — это место называлось *locus consularis*. Во времена Гая Марция женщины редко возлежали за столом рядом с мужчинами, не считая дам сомнительной репутации. Женщины дома сидели в свободном

центре комнаты на прямых стульях, входя лишь тогда, когда вносили первое блюдо. Обычно они не пили вина.

Трирема — как и бирема, это простейшая и самая популярная из всех древних боевых галер. В триреме три ряда весел. С появлением триремы около 600 г. до н. э. пришло изобретение — выступающий ящик над планширом, названный выносными уключинами (позднее галеры, даже биремы, часто имели уключины). В триреме все весла были почти одинаковой длины — примерно 5 м, то есть относительно короткими. Только один человек сидел на весле. Средняя трирема была длиной около 133 футов, в ширину не шире 13 футов (без уключин). Поэтому соотношение было 10:1. Гребца самого нижнего ряда греки называли таламитом. Его весло входило в отверстие в корпусе близко к ватерлинии, поэтому оно было снабжено кожаной манжетой, чтобы не пропускать воду. С каждой стороны было по 27 гребцов — всего 54 весла. Гребец на среднем ряду назывался зигитом. Он работал веслом через отверстие ниже планшира. Зигитов было столько же, сколько таламитов. Гребцы, чьи весла были в уключинах, назывались франитами. Франит сидел над зигитом на специальной скамье рядом с уключиной. Его весло выходило на два фута за пределы борта. Всего было с каждого борта 31 франит, 27 таламитов и 27 зигитов. Поэтому на триреме было около 170 гребцов. Франитам, работавшим веслами в уключинах, было тяжелее всех из-за того, что их весла касались воды под более острым углом.

С изобретением триремы появилось судно, абсолютно подходящее для тарана, и тараны теперь стали двузубчатыми, больше, тяжелее и покрытые броней. К 100 г. до н. э. трирема стала военным кораблем, поскольку в ней соединились скорость, мощь, маневренность. Большинство трирем имели палубы и могли вместить примерно 50 пехотинцев. Трирема, в основном построенная из соснового дерева, была все же достаточно легкой. Ее можно было тащить на большие расстояния на катках. Чтобы предотвратить подтопление, что увеличило бы ее вес, трирему обычно по ночам вытаскивали на берег. Если за боевым кораблем хорошо следили, он мог быть в строю как минимум лет двадцать. Город или сообщество, например Родос, имевший постоянный флот, всегда предоставляли сухие доки для кораблей. Размеры этих доков, по свидетельству археологов,

подтвердили, что, сколько бы ни было весел, средняя военная галера никогда не была длиннее 180 футов и шире 20 футов.

Трофеи — знак победы, первоначально — столб, украшенный захваченным у врага оружием. Это было своего рода жертвой богам и демонстрировало уверенность воина в их помощи. Римляне в знак победы создавали на поле сражения монументы, а сами трофеи увозили в Рим, чтобы пронести их по городу во время триумфального шествия. Затем трофеи посвящались богам и навсегда оставались в храме.

Туата — собирательное название кельтских богов.

Туника — в античности основной вид одежды у населения всего Средиземноморского региона, включая греков и римлян. Римская туника — это свободное бесформенное одеяние без швов (греки делали на тунике швы, чтобы она была приталена), она закрывала все тело от плеч до колен и верхнюю часть рук. Рукава были, вероятно, втачными (древние знали, как кроить и шить одежду, чтобы она была удобной) и могли быть разной длины. Тунику подвязывали ремнем или шнуром. Впереди она была на 7–8 сантиметров длиннее, чем сзади. Состоятельные римляне из высших классов вне дома всегда носили тогу, но не вызывает сомнений, что мужчины низших классов надевали тогу только в специальных случаях, таких как игры, выборы или проведение ценза. Если погода стояла ветреная или холодная, предпочитали надевать не тогу, а сагум (см.). Обычно туники изготовлялись из шерсти, и их самым распространенным цветом был желтый, но очевидно, что римляне носили тоги любых расцветок (всех, кроме пурпурного, всегда бывшего мишенью законов против роскоши). В античности умели красить ткани в самые разные цвета.

Тусканское море — Тирренское море.

Убии — германцы, живущие рядом с рекой Рейн в районе слияния с Мозелем и вглубь материка на очень большое расстояние. Они были знаменитыми наездниками.

Укселлодун — главная крепость кардурков. Считается, что это современный Пюи-д'Иссолю.

Фалеры — круглые золотые или серебряные диски (75-100 мм в диаметре), украшенные гравировкой. Первоначально — сословные знаки всадников; со II в. до н. э. — военные награды. Их носили на ремне. Девять соединенных дисков (три ряда по три) надевались на

кожаный нагрудник, сплетенный из отдельных ремешков, который обычно покрывал кирасу.

Фанний — римлянин, живший приблизительно в 150–130 гг. до н. э. Он подвергал особой обработке папирус самого худшего качества и добивался тем самым значительного его улучшения. Братья Гракхи писали на «бумаге Фанния». Она была гораздо проще в изготовлении, чем обычный папирус, и значительно дешевле.

Фасции — пучки прутьев, связанных наискось красным кожаным ремешком. Изначально это была эмблема этрусских владык. Ее использовали в общественной жизни Рима эпохи Республики и империи. Ликторы носили фасции как знак империя, выступая перед магистратами, занимавшими высокое положение. Внутри священных границ города для таких пучков нарезали лишь прутья — чтобы показать, что курульный магистрат стремится лишь сдерживать и пресекать нарушения; вне границ померия в этот пучок вставляли также топор, дабы напомнить о праве курульного магистрата карать. Количество фасций свидетельствовало об уровне империя: у диктатора их было 24, у консула и проконсула — 12, у претора или пропретора — 6, у курульного эдила — 2.

Фисцелл, гора, — горный массив Гран-Сассо-д'Италия, высочайшая вершина Италии.

Фламин — жрец одного из старейших римских богов. Цезарь был *flamen Dialis*, специальным служителем Юпитера, главным из пятнадцати фламинов. Гай Марий ввел его в эту должность в тринадцать лет, а Сулла освободил от этой обязанности.

Форум — центр политической и культурной жизни римского города (площадь для народного собрания, для отправления правосудия, местонахождение наиболее значительного храма). Обычно форум был окружен храмами, общественными зданиями и аркадами, в которых размещались конторы и магазины. Бычий форум — мясной рынок, расположенный у стартового столба Большого цирка, у Гермала (северо-западного склона Палатинского холма). Там находятся большой алтарь Геркулеса и несколько разных храмов, посвященных ему.

Фунт — римский фунт равнялся примерно 330 г.

Фут — римский фут равнялся примерно 30 см; 5 футов составляли 1 двойной шаг; 1000 шагов составляли римскую милю.

Херсонес Кимбрский — полуостров Ютландия, современная Дания.

Херуски — германское племя на землях вокруг истоков германских рек, впадающих в Северное море.

Хламида — у греков верхняя мужская одежда типа плаща.

Цензор — самый почетный из римских магистратов, хотя он не обладал империей и как следствие не имел ликторов для сопровождения. Два цензора избирались центуриатным собранием на срок в пять лет. Однако их основная работа производилась в первые восемнадцать месяцев этого срока. Цензоров выбирали только из бывших консулов, причем лишь те из консулов, кто заслужил всеобщее уважение, рисковали баллотироваться на эту должность. Цензоры подбирали людей в Сенат и проверяли его работу, инспектировали всадников, проводили общий ценз римских граждан по всей территории Римской империи. Они имели право перевести гражданина из одной трибы в другую, а также из одного цензового класса в другой, проводя оценку имущества. Одобрение контрактов Сената на сбор налогов или общественные работы тоже входило в круг их обязанностей.

Центуриатное собрание — см. **Собрание**.

Центурион — профессиональный офицер римского легиона. Будет ошибкой приравнивать его к современному офицеру, получившему этот чин за выслугу лет. Центурионы занимали относительно привилегированное положение, не осложненное социальными различиями. Римский полководец больше горевал о потере центуриона, нежели военного трибуна. Центурион повышался по службе столь сложным образом, что современный военный историк не может даже вообразить эту табель о рангах. Обычно центурион командовал центурией, состоящей из восьмидесяти солдат и двадцати нестроевых. Каждая когорта в легионе состояла из шести центурий и шести центурионов, и старший из них, *pilus prior*, командовал не только первой центурией, но и всей когортой. Десять человек, командовавшие десятью когортами, составлявшими легион, были равны по званию главному центуриону легиона, *primus pilus* (эти два слова были объединены Цезарем в *primipilus*), подчинявшемуся только командиру легиона (бывшему одним из солдатских трибунов и легатом генерала). Во времена Республики центурионы обычно выслуживались из

рядовых солдат. Наряд центуриона был легко узнаваем. Единственный среди римских военных, он носил ножные латы, прикрывающие голени, и пластинчатую броню, а не кольчугу; жесткий гребень его шлема шел слева направо, а не спереди назад. В руках у него была деревянная булава, сделанная из виноградной лозы. Его грудь всегда украшало множество наград.

Центурия — любая группа из ста человек.

Цирк — увеселительные заведения, где нередко происходили важные события общественной жизни Рима. В цирках происходили состязания колесниц. Снаружи цирк окружали портики, внутри имелись ярусы сидений, полностью окружавшие беговые дорожки. Длинный узкий путь был разделен в центре барьером, точки поворота колесниц обозначались коническими камнями на его концах.

Самый древний цирк — Большой — был построен еще седьмым царем Рима Тарквинием Гордым. Он был самым крупным в Риме, имел общую длину 600 м и ширину 150 м и вмещал около 150 тысяч зрителей. Он занимал целый район между Палатинским и Авентинским холмами. Во времена Республики туда допускались только римские граждане; женщинам в цирке позволялось сидеть рядом с мужчинами.

Цирк Фламиния находился на Марсовом поле, недалеко от Тибра и овощного рынка. Построен в 221 г. до н. э. Иногда служил местом проведения комиций — в тех случаях, когда народное собрание должно было собираться вне священных границ города. В этом цирке было возведено несколько храмов, один из которых был посвящен Вулкану. Тут же находился храм Геркулеса и Девяти Муз.

Цитрусовое дерево — наиболее ценимая в Романском мире древесина для изготовления мебели. Вырезается из больших утолщений в корневой системе похожего на кипарис дерева, которое растет на возвышенностях Северной Африки от оазиса Амона в Египте до Атласских гор в Мавритании. Хотя его и называли цитрусовым, по ботаническим признакам оно не принадлежит ни к апельсиновым, ни к лимонным деревьям. Дошедшие до наших дней чаши, вырезанные из этой древесины, подтверждают, что цитрусовое дерево является самым высококачественным материалом в мире.

Эвксинское море — Черное море.

Эдил — один из четырех римских магистратов, границы деятельности которого ограничивались исключительно Римом;

действовали два плебейских и два курульных эдила. Судя по названию должности («эдис» по-латыни — храм), они были попечителями храмов и распоряжались государственной казной, находившейся в них. Должность плебейских эдилов была учреждена впервые в 493 г. до н. э., чтобы помогать народным (плебейским) трибунам в выполнении их обязанностей — защите прав плебса. Вскоре им было поручено наблюдение за городскими постройками и хранение архивов плебисцитов. Должность курульных эдилов была создана в 367 г. до н. э., чтобы дать патрициям возможность участвовать в работе по надзору за общественными зданиями и архивами. Однако на должность курульных эдилов могли избираться как патриции, так и плебеи.

Все четверо эдилов начиная с III в. до н. э. были ответственны за состояние римских улиц, водопровода, канализации, общественных сооружений, лавок, систему мер и весов, проведение общественных мероприятий, раздачу хлеба. Они имели право налагать штраф на горожан за нарушения по отношению к вверенным им объектам и обязанностям и использовать эти деньги для организации игр. Пост эдила не был одной из обязательных ступеней *cursus honorum*, но благодаря участию в организации игр и празднеств он служил прекрасной возможностью завоевать популярность народных масс.

Эдуи — могущественный союз кельтских племен, живших на территории центральной Заальпийской Галлии. После того как в 122–121 гг. до н. э. она была завоевана Гнеем Домицием Агенобарбом, этот союз стал менее воинственным. Эдуи отчасти романизировались и превратились в союзников Рима.

Элавер — река Алье.

Элисийские поля — особое загробное место для очень немногих людей. В то время как обычные тени, или души, считались лишенными разума, вечно дрожащими от холода, унылыми и грязными, перелетающими с места на место обитателями подземного мира, к теням некоторых людей относились по-другому. Тартар был той частью Гадеса (царства теней), где очень плохие люди, такие как Иксион и Сизиф, были обречены вечно трудиться над каким-нибудь невыполнимым заданием. Элисийские поля, или Элисий, — это часть Гадеса, которую можно приравнять к раю или нирване. Примечательно то, что в Элисий, равно как и в Тартар, могли попасть только смертные, каким-то образом связанные с богами. В Тартаре мучились оскорбители

небожителей, а не простых обитателей подлунного мира. А на Элисийские поля попадали одни лишь избранные: дети богов или те, кто вступил в брак с богами либо с человеческими детьми богов. Возможно, этим отчасти объясняется неодолимое желание многих властителей, чтобы им поклонялись как богам, пока они еще живы, или чтобы их сделали богами после смерти. Александр Великий хотел, чтобы его почитали как бога. Есть мнение, что того же хотел и Цезарь.

Эллинизм — греческая культура после эпохи Александра Македонского, распространившая свое влияние на весь известный древний мир (Ойкумену). В понятие эллинизма входил стиль жизни, одежды, правления, торговли, а также употребление греческого языка.

Эпикурец — последователь философской школы, основанной греком Эпикуром приблизительно в начале III в. до н. э. Эпикур проповедовал принципы одного из направлений гедонизма (наслаждения жизнью), настолько утонченного, что оно почти смыкалось с аскетизмом. Удовольствие, испытываемое человеком, должно было стать таким изощренным, длительным и экстравагантным, что неумеренность попросту разрушала его. В Риме это учение претерпело значительное видоизменение. Римский аристократ мог именовать себя эпикурейцем, занимаясь одновременно общественной карьерой. Во времена поздней Республики основным наслаждением эпикурейцев была еда и вино.

Эпир — часть запада Греции/Македонии, простирающаяся вдоль Адриатического моря от реки Апис на севере до Амбракийского залива на юге и вглубь материка до высоких гор. отождествлять Эпир с современной Албанией не вполне правильно.

Этнарх — греческое название городского магистрата.

Ярмо — верхняя часть плуга, закрепляемая на шеях пары волов при пахоте. Один из символов господства, подавления одного человека другим, знак смирения. С точки зрения военной истории это понятие имело большое значение. Возможно, еще этруски, а впоследствии и римляне сооружали из трех дровишек подобие ярма — воротца. Лишь низко пригнувшись, а то и ползком, мог пролезть человек под этим сооружением. «Прогоняли через ярмо» солдат побежденной армии в знак признания ими поражения. Варвары в некоторых случаях применяли это же наказание по отношению к самим римлянам. Тогда

Сенат, не в силах вытерпеть унижения, издал постановление: сражаться до последнего человека, но не проходить под ярмом.

СЛОВАРЬ ЛАТИНСКИХ ТЕРМИНОВ

Absolvo — невиновен.

Auctoritas — труднопереводимый латинский термин, включающий в себя такие понятия, как власть, положение в обществе, звание, влияние, значительность, авторитет, ручательство, надежность, достоверность. Прежде всего этим словом обозначается способность влиять на события при помощи личной репутации. Этим качеством обладали все магистраты, принцепс Сената, великий понтифик, консуляры, а иногда и наиболее важные частные лица. Например, плутократ Тит Помпоний Аттик никогда не был сенатором, но имел потрясающий *auctoritas*.

Ave — здравствуй.

Bona Dea — Благая богиня, древнеиталийское божество плодородия и изобилия. В честь ее римские матроны при участии весталок справляли ежегодные празднества в доме консула или претора (в начале мая и в начале декабря; второе празднество считалось более важным). Присутствие мужчин исключалось. *Bona Dea* изображалась с рогом изобилия и змеями.

Boni — буквально «хорошие люди», «добряки». Так называли ультраконсервативную фракцию в Сенате, враждебную Цезарю.

Cacat! — Дерьмо!

Capite censi — букв.: сосчитанные по головам (также известны как пролетарии). Низшие слои римлян, называемые так потому, что во время ценза цензорам нужно было лишь пересчитать их по головам, поскольку у них не было имущества. Слишком бедные, чтобы принадлежать к какому-либо классу, *capite censi* включались в одну из четырех городских триб, поэтому не обладали сколько-нибудь значащими голосами. Это делало их практически бесполезными в политическом смысле. Однако правящий класс был весьма предусмотрителен и обеспечивал их питанием и всевозможными развлечениями за счет казны. Любопытно, что за все столетия владычества над миром *capite censi* никогда не бунтовали против своих благодетелей. Сельские *capite censi*, хотя и обладали важными голосами в сельских трибах, редко позволяли себе появляться в Риме во время выборов. Автор намеренно избегает таких терминов, как «народные

массы» или «пролетариат», поскольку постмарксистские определения неприложимы к античному обществу.

Carpentum — четырехколесный закрытый экипаж, запряженный шестью-восемью мулами.

Condemno — виновен.

Contio — предварительная встреча членов народного собрания для того, чтобы обсудить обнародование выдвигаемого закона или другие дела, стоящие перед собранием. Все три вида народных собраний должны были заблаговременно обсуждать предпринимаемые ими шаги, хотя при этом не проводилось голосования.

Corona civica — см. **Венок**.

Cunnus, cunni — грубое латинское ругательство, обозначающее женские гениталии.

Cursus honorum — путь чести, карьера; очередность продвижения должностных лиц по службе, постепенно сложившаяся в Римской республике в рамках обычного права и закреплённая затем законами *lex Villia annalis* (180 г. до н. э.) и *lex Cornelia Sullas* (81 г. до н. э.).

Dignitas — достоинство, представительность, благородство. Специфическое римское понятие, которое включало в себя понятие о личной доле участия человека в общественной жизни, его моральных ценностях, репутации, уважении, которым он пользуется среди окружающих. Этим качеством римский аристократ чрезвычайно дорожил и всячески его поддерживал. Чтобы отстоять его, он был готов отправиться на войну или в изгнание, покончить с собой или подвергнуть каре жену или сына.

Domus publica — см. **Общественный дом**.

Edepol (*esse + deus + Pollux*) — «Клянусь Поллуксом!», самое сильное выражение эмоций, позволенное мужчинам в присутствии женщин правилами хорошего тона.

Fellatrix (мн. *fellatrices*) — женщина, которая сосет пенис мужчины.

Hostis — термин, используемый, когда Сенат и народ Рима объявлял человека изгоем, врагом народа.

Imperium maius — см. **Империй**.

In absentia — в отсутствие. Термин относится к кандидатуре на должность, одобренной Сенатом (и народом, если необходимо), выборы которой проводятся в отсутствие самого кандидата. Он мог ожидать

итогов голосования на Марсовом поле, поскольку его полномочия не разрешали ему пересечь померий, чтобы зарегистрироваться в качестве кандидата и лично бороться за электорат. Цицерон, будучи консулом 63 г. до н. э., ввел закон, запрещающий выборы *in absentia*. Помпей усилил действие этого закона как консул 52 г. до н. э.

In suo anno (лат. в свой год) — фраза использовалась в случае, если человек получал курульную должность именно в том возрасте, который предусмотрен законом и обычаем. Быть претором и консулом «в свой год» было большой честью, ибо это означало, что человек победил на выборах с первой попытки.

Intercalates — поскольку в римском году было только 355 дней, через каждые два года после февраля следовало вставлять лишних 20 дней. Очень часто этого не делали, и в результате календарь опережал сезоны. К тому времени как Цезарь выправил календарь в 46 г. до н. э., сезоны отставали от календаря на 100 дней, так редко вставляли эти 20 дней. Это была обязанность коллегий понтификов и авгуров. Пока Цезарь, великий понтифик с 63 г. до н. э., был в Риме, эти вставки делались, но когда он уехал в Галлию в 58 г. до н. э., эта практика прекратилась, с одним-двумя исключениями.

Latus clavus — широкая бордовая полоса, украшающая правое плечо туники сенатора. Только сенатор имел право носить ее. У всадника полоса была узкая (*angustus clavus*), а у людей ниже статуса всадника полосы вообще не было.

Lectus imus, lectus medius, locus consularis — см. **Триклиний**.

Lex — закон; слово использовалось также для обозначения плебисцита, принимаемого Народным собранием. Закон не считался действительным, пока его не выбивали на камне или не отливали в бронзе и не помещали в специальный склеп, находящийся за храмом Сатурна. Однако ясно, что время хранения таблицы в склепе было весьма невелико: там не могли бы поместиться списки всех законов, на которых покоилось римское право. Без сомнения, таблицы лишь вносили в священное помещение, а впоследствии держали в одном из специальных хранилищ.

Lex curiata — закон, наделяющий курульного магистрата или промагистрата его полномочиями. Он был принят тридцатью ликторами, которые представляли тридцать римских триб. Этот закон

был также необходим для того, чтобы патриций мог быть усыновлен плебеем.

Lex data — предлагаемый магистратом закон, который должен сопровождаться сенаторским декретом. Его нельзя изменять, в какое бы народное собрание магистрат ни представил его.

Lex Julia Marcia — принят консулами Луцием Юлием Цезарем и Гаем Марцием Фигулом в 64 г. до н. э. Этот закон ликвидировал почти все братства и общины, расплодившиеся во всех слоях римского общества. Его главной мишенью были общины перекрестков, считавшиеся потенциально опасными с политической точки зрения. Публий Клодий доказал справедливость этих опасений. Став плебейским трибуном, он восстановил в правах общины перекрестков в 58 г. до н. э.

Lex Plautia de vi — принят Плавтием в 70-х гг. до н. э., касался проявления насилия на народных собраниях.

Lex Pompeia de iure magistratum — печально известный закон Помпея, принятый, когда он был консулом без коллеги в 52 г. до н. э. Он обязывал всех кандидатов на курульные должности регистрировать свои кандидатуры лично, в священных границах Рима. Когда фракция Цезаря напомнила ему, что закон Десяти плебейских трибунов сделал возможным для Цезаря баллотироваться на консула второй раз *in absentia*, Помпей произнес «Ой!» и внес в закон дополнение, что Цезарь является исключением. Однако это дополнение не было приписано к тексту закона на бронзовой таблице и потому не имело законной силы.

Lex Pompeia de vi — принят, когда Помпей был консулом без коллеги в 52 г. до н. э., для усиления действия закона Плавтия.

Lex Villia annalis — проведен в 180 г. до н. э. плебейским трибуном Луцием Виллием. В этом законе определялся возраст, начиная с которого человек мог быть избран на должность курульного магистрата (30 лет — претор, 42 года — консул), и срок, который должен пройти между временем пребывания на посту претора и консульством, между двумя сроками на посту консула для одного лица и т. д.

Mentula — грубое латинское ругательство, обозначающее мужские гениталии.

Mos maiorum (лат. обычаи предков) — фактически неписаная конституция Рима, то есть свод общепринятых норм поведения,

жизненных правил, обычаев и традиций, определяющий порядок вещей.

Murus gallicus — галльский способ кладки крепостных стен. Такая стена состояла из очень длинных толстых деревянных бревен, вложенных между камнями, и была относительно недоступна для тарана, потому что камни придавали ей большую толщину, а бревна — прочность, которой стены из одного камня не обладали.

Pater familias — глава римской семьи, чье отеческое право предоставляло ему неограниченную власть над детьми, чуть более ограниченную — над женой и абсолютную — над рабами.

Pilum, pila — пика римского пехотинца, модифицированная Гаем Марием. Очень маленькое зазубренное железное острие насаживалось на прочное древко. Однако в месте соединения железа и дерева Марий ввел слабину, так что острие, воткнувшись в тело или в щит неприятеля, отламывалось и таким образом становилось бесполезным для неприятеля. После сражения сломанные копья собирали с поля боя. Их легко было починить.

Praefectus fabrum — «наблюдающий за обеспечением». Один из наиболее значительных постов в римской армии, который занимало гражданское лицо, выдвинутое на этот пост военачальником. Praefectus fabrum отвечал за снаряжение и обеспечение армии, заключал договоры о поставках.

Primipilus, primus pilus — старший центурион легиона, командир первой центурии первой манипулы легиона. Такого поста военный достигал после долгой череды повышений, часто выдвигаясь из рядовых.

Pteryges — нарукавники и юбка из кожаных полос. Носились высшими офицерами Римской армии.

Senatus consultum ultimum — собственно senatus consultum de re publica defendenda (декрет Сената по защите республики), изданный в 121 г. до н. э., когда Гай Гракх прибег к насилию, чтобы предотвратить отмену своих законов. Видя опасность гражданской войны, Сенат издал декрет. Этот ультимативный декрет провозглашал верховенство Сената и фактически объявлял военное положение. Собственно говоря, это был способ избежать назначения диктатора.

Sui iuris — термин, означающий, что лицо, к которому он применен, уже не находится под властью pater familias и

самостоятельно распоряжается своей жизнью.

Toga praetexta — см. **Тоба**.

Tribuni aerarii — представители сословия всадников, обладавшие ежегодным доходом от 300 до 400 тысяч сестерциев и потому не входившие в первый класс.

Tumultus — в данном контексте: состояние гражданской войны.

Vale — прощай.

Verba — грубое ругательство, обозначающее мужской половой орган в эрегированном состоянии; имеет гомосексуальный оттенок.

Via praetoria, via principalis — см. **Лагерь**.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

---

notes

Примечания

1

Это утверждение (как и основанные на нем рассуждения К. Маккалоу об особенностях внешности Клеопатры VII) противоречит другим источникам, согласно которым матерью Клеопатры была родная сестра Птолемея XII Авлета, Клеопатра V Трифена. (Примеч. ред.)

Table of Contents

Колин Маккалоу «По воле судьбы»

СПИСОК КАРТ

БРИТАНИЯ НОЯБРЬ 54 Г. ДО Р. Х

ДЛИННОВОЛОСАЯ ГАЛЛИЯ ДЕКАБРЬ 54 Г. ДО Р. Х. — НОЯБРЬ 53
Г. ДО Р. Х

РИМ ЯНВАРЬ — АПРЕЛЬ 52 Г. ДО Р. Х

ИТАЛИЙСКАЯ ГАЛЛИЯ, ПРОВИНЦИЯ И ДЛИННОВОЛОСАЯ
ГАЛЛИЯ ЯНВАРЬ — ДЕКАБРЬ 52 Г. ДО Р. Х

ДЛИННОВОЛОСАЯ ГАЛЛИЯ ЯНВАРЬ — ДЕКАБРЬ 51 Г. ДО Р. Х

РИМ ЯНВАРЬ — ДЕКАБРЬ 50 Г. ДО Р. Х

РУБИКОН 1 ЯНВАРЯ — 5 АПРЕЛЯ 49 ГОДА ДО Р. Х

РИМ

РАВЕННА — АНКОНА

РИМ — КАМПАНИЯ

ЛАРИН — БРУНДИЗИЙ

БРУНДИЗИЙ — РИМ

ЗАПАД, ИТАЛИЯ И РИМ, ВОСТОК 6 АПРЕЛЯ 49 Г. ДО Р. Х. — 29
СЕНТЯБРЯ 48 Г. ДО Р. Х

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

СЛОВАРЬ-ГЛОССАРИЙ

СЛОВАРЬ ЛАТИНСКИХ ТЕРМИНОВ

Примечания

1